L 72-4
4

JĀNIS
NDZELĪNS

DARBU
ZLASE

II

JĀNIS ENDZELĪNS

DARBU IZLASE

II

Jānis Endzelīns

74-69.312

JĀNIS ENDZELĪNS

• DARBU IZLASE •

LATVIJAS PSR ZINĀTŅU AKADĒMIJA

JĀNIS ENDZELĪNS

DARBU IZLASE

ČETROS SĒJUMOS

IZDEVNIECĪBA • ZINĀTNE •

L 72-4
4

A.UPĪŠA
VALODAS UN LITERATŪRAS INSTITŪTS

J
410

JĀNIS ENDZELĪNS

DARBU IZLASE

II

RĪGĀ 1974

АКАДЕМИЯ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЯНИС ЭНДЗЕЛИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • ЗИНАТНЕ •

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. А.УПИТА

ЯНИС ЭНДЗЕЛИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

II

РИГА 1974

AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
DER LETTISCHEN SSR

JĀNIS ENDZELĪNS

AUSGEWÄHLTE WERKE

IN VIER BÄNDEN

VERLAG • ZINĀTNE •

A. UPĪTS-
INSTITUT FÜR SPRACHE UND LITERATUR

JĀNIS ENDZELĪNS

AUSGEWÄHLTE WERKE

II

RIGA 1974

4L
En 275

Vija Lāča Latv. PSR
VALSTS BIBLIOTĒKA
74- 69.312
0305031674

Redakcijas kolēģija:

H. Bendiks, A. Bergmane, V. Dambe,
R. Grabis (atbildīgais redaktors),
T. Jakubaite, M. Rudzīte, E. Šmite, D. Zemzare.

Izdots saskaņā ar Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas
Redakciju un izdevumu padomes lēmumu.

© Izdevniecība «Zinātne», 1974, sastādīšana.

E 0-7-1-3-095
M811(11)-74

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛИТОВСКО-ЛАТЫШСКОГО *ie*

[1907 Изв. XII 1, 40—66 un atsevišķā novilkumā 1—27]

Вопрос о происхождении литовско-латышского *ie* может 40 (1)
считаться нерешенным: не установился consensus gentium ни относительно звуков, изменившихся в *ie*, ни относительно тех условий, при которых образовалось это *ie*.

Лескин говорит AfslPh. III 710 об этом вопросе: «lit. *ie* hat bekanntlich stets die Vorstufe *ei*». «Известным» могли считать в то время этот факт столь же мало, как и теперь, но мысль о происхождении *ie* из *ei* я считаю верною. Почему-то считая происхождение *ie* из *ei* «известным» фактом, Лескин в указанном месте ничем не обосновывает своего взгляда на происхождение *ie*, и поэтому впоследствии и не обращали никакого внимания на эту мысль Лескина. Совершенно противоположный взгляд высказал в том же (1879) году Mahlow (Die langen Vocale A E O in den europ. Sprachen): «das lit. *ie* ist nicht = *ei*; dieser Diphthong ist im Litauischen erhalten» (стр. 9); и «das Baltische scheidet... *ie* = europ. *oi* und *ai*, und *ei* = europ. *ei* sehr genau» (стр. 143). Как Малов смотрит на многочисленные литовско-латышские слова с двугласным *ai*, об этом он нам не говорит. Что же касается форм, по-видимому, противоречащих правилу о возникновении *ie* из *ai* (*oi*), то Малов// замечает (на стр. 143 сл.) следующее: 41 (2)
«slav. *zima* = lit. *žiema* ist auf **ziema* = lat. *hiem-* zurückzuführen; .. lit. *diena* = got. *sinteins* «täglich» geht auf den Stamm **dien-* zurück, der sich zu slav. *dĭn-* verhält, wie lat. *hiems* zu sächs. *hima*. Mit lit.-lett. *liepa* = slav. *lipa* ist ebenso wenig wie mit *ieva* = ahd. *iwa* etwas zu machen». В формах же (лит.) *liekmi, miegmi* Малов усматривает «präteritopraesentia» с первоначальным *oi*. Неудивительно, что этот взгляд Малова на происхождение *ie* вызвал только возражения. Osthoff указывает (MU IV 112[1]), что выводы Малова основаны на неполном материале, высказывая при этом надежду «in Bälde zeigen zu können, nach welchem

Gesetze lit. *ie* und *ei* abwechseln in der Vertretung von idg. *ei*». До сих пор, однако, насколько мне известно, Остгофф не указал этого закона. Против Малова обращается также Wiedemann (Prät. 14 сл.), приводя несколько (всего 11) литовско-латышских форм с *ie*, соответствующие которым формы родственных языков имеют *ei* или звук, восходящий к *ei*. Отдельные примеры, правда, не имеют доказательной силы сами по себе, так как в каждом отдельном случае можно думать о различии в степени вокализации (ср., напр., ла. *vaĩna* : *вина*). Если же имеется значительное число примеров, где литовско-латышскому *ie* соответствует в родственных языках *ei* или звук, образовавшийся из *ei*, то именно совокупность таких примеров делает весьма вероятным, что *ie* в них восходит к *ei*, тем более что некоторые из этих примеров представляют собою такие формы наст. времени, в которых a priori скорее ожидается иде. *ei*, нежели *oi*. Что *ie* может восходить к *ei*, в этом мы окончательно убедимся, если примем еще в соображение количественное соотношение литовско-латышских форм с двугласными *ei, ie, ai*. Так как у нас нет полного списка таких форм, то я ограничусь материалом (собранным с совершенно другою целью), который нам дает Лескин Abl. (на стр. 271—293). Там приведено всего приблизительно 68 слов с *ei*, 217 с *ie*, 371 с *ai*
42 (3) (исключены // мною при этом такие ла. слова, как *leju* «лью», *klajât* «скитаться» и др., которые Лескин, следуя Биленштейну и Ульману, неправильно пишет с *ei* и *ai* перед *j*, ср. мое указание BB XXV 260 Anm. 1[1]). Если бы мнение Малова о происхождении *ie* было верно, то в литовско-латышском оказался бы такой численный перевес *ai (oi)* над *ei* (приблизительно 588 : 68), какой резко противоречит всему тому, что мы знаем о распределении этих двугласных в родственных языках. Ввиду всего этого следует признать верным господствующее теперь мнение, по которому иде. *ei* в литовско-латышском то остается, то изменяется в *ie*. Если же это так, то ничто нам не мешает возводить к *ei* также *ie* в лит. *žiemà, dienà, liepa, liekmì, miegmì, ievà,* вместо того чтобы считать (как это делает Малов) их *ie* загадочным или же возникшим из *ie* или из *oi* (о формах *liekmì* и *miegmì* ср. Wiedemann Prät. 15).

Но указанное количественное соотношение литовско-латышских форм с *ie, ei, ai*, на мой взгляд, подтверждает

[1] [Šai izdevumā I 118⁴. — Red.]

также мнение Лескина, что *ie* всегда восходит к *ei* (если иметь в виду *ie* коренных слогов). Это же мнение высказывают также Видеман (Prät. 16 сл., 31, Handbuch 13 и 16, BB XXVIII 41) и Ягич (AfslPh. XX 369 сл.). Большинство же ученых (так, напр., Brugmann Grdr. I² 191, Hirt IF I 35 слл., Persson BB XIX 257, Berneker Pr. Spr. 144 и 256, Thomsen Beröringer 101, Gauthiot Lit. Mitt. V 266 слл., Явнис Поневежский уезд 125, Поржезинский К истор. 18), по-видимому, держится мнения, что *ie* восходит также к *ai (oi)*. Но в таком случае все еще в литовско-латышском оказался бы слишком большой численный перевес *ai (oi)* над *ei*. И формы, приводимые в пользу перехода *ai (oi)* в *ie*, допускают другое объяснение. Лит. *sniẽgas*, ла. *sniegs* (: пр. *snaygis*, слав. *снегъ*, гот. *snaiws*), правда, вряд ли заимствованы из славянского, как утверждают Видеман Prät. 17 и (менее решительно) Ягич l. c.; их *ie* восходит к иде. *ei* или же (что гораздо вероятнее) заменило собою// первоначальное *ai (oi)* под 43 (4)
влиянием формы наст. времени лит. *sniẽgt*, ла. *snìeg* (: гр. νείφει), подобно тому как в латинском рядом с основою *niv-* (: гр. acc. s. νίφ-α) под влиянием наст. времени *ninguit* (: лит. *sniñga*, ла. *sn°ig* в сецценском говоре из **sninga*) появилась основа *ningu-* (напр., acc. pl. *ningues* Lucret. VI 736). То же самое следует сказать о лит. *ãtliekas*, ла. *atlieks* (: лит. *ãtlaikas*, цркcл. *отълѣкъ*): также эти формы не заимствованы из славянского, как утверждает Видеман Prät. 17, но имеют (как и лит. *liekas*, ла. *lìeks* : гр. λοιπός) *ie* под влиянием наст. времени лит. *atliekù* (*liekù* : гр. λείπω, гот. *leiƕa*), ла. *atlieku (lìeku)*, как указывает Ягич l. c. Да и сам Видеман говорит впоследствии (Handb. 16): «wo *ie* einem idg. *oi* zu entsprechen scheint, z. b. *ãtliekas* «rest», *sniẽgas* «schnee» u. a., kann *ie* darin seinen grund haben, dass der ablaut *ie* : *ai* dem sprachbewusstsein nicht mehr lebendig und daher durch eindringen des *ie* an stelle von *ai* aufgegeben ist». Также лит. *miẽgas*, ла. *miegs* «сон» (: пр. acc. s. *maiggun*) и лит. *siẽtas* «Strick zum Anbinden eines Rindes» (: *saĩtas* в помпянском гов. у Явниса l. c., пр. *-saytan*, дврхн. *seid*) могут иметь *ie* под влиянием наст. времени лит. *miegù*, ла. *miegu* «сплю» (: пр. *meicte* «schlafen»), ла. *sìenu*[2] «связываю», если только тут перед нами не чередование гласных. В

---

[2] Под влиянием этого *sìenu*, может быть, ла. **sūris* (= лит. *súris*) «сыр» перешло в *siẽrs*: *siẽru sìet* «вязать (т. е. варить, изготовлять) сыр» — terminus technicus

формах же лит. *giẽdras* (: *gaidrùs*, гр. φαιδρός), лит. *kiẽmas*, ла. *cìems* (: лит. *káimas*, пр. *kāima-*, гот. *haims*), лит. *piemuõ* (: гр. ποιμήν), лит. *šiẽnas*, ла. *sìens* (: слав. *сѣно*), лит. *pieva* (: гр. ποία), лит. *bríedis*, ла. *briêdis* (: пр. *braydis*), лит. *sliekas*, ла. *slieka* (: пр. *slayx*), лит. *pliẽnas* (: пр. *playnis*), лит. *miẽžiai*, ла. *mìeži* (: пр. *moasis, mayse*, ла. *màize*), лит. *žýbs* «молния» (из **žiebas*) в хвейданском гов. у Явниса
44 (5) l. c. 125 (: лит. *žaĩbas*), ла. *sìeks* (: лит. *saĩkas*) ничто нас// не принуждает возводить их *ie* непременно к *ai (oi)*; мы можем тут иметь дело с таким же чередованием гласных, как, напр., в ла. *vaina* : слав. *вина*; ла. *saiva* : лит. *šeivà*; лит. *vařdas*, ла. *vàrds* : пр. *wirds*; гот. *waurd* : лат. *verbum*; ла. *graûds* : общевосточнола. **grūds*, лит. *grúdas;* лит. *lietus* (Даукша Кат. 3, 5), ла. *liêtus* : общевосточнола. **līt(u)s*, лит. *lytùs*; ла. *zệlts*[3] : цркcл. *злато* : гот. *gulþ*; скр. *svápna-s* : гр. ὕπνος, слав. *сънъ;* ла. *vệrgs*, лит. *vérgas* : цркcл. *врагъ;* ла. *mūsa* : слав. *муха;* ла. *bèigt* : лит. *baĩgti;* ла. *laîst* : лит. *léisti;* лит. *geĩtas* : цркcл. *жлътъ*; ла. *dzîvât* : ла. (диал.) *dzievāt*; лит. *raudóti*, ла. *raûdât* : слав. *рыдати*; лит. *spìrti* : ла. *speŕt;* лит. *rùdas* : ла. *raũds (ziŕgs)* в прекульнском гов., гот. *raubs*; лит. *výras*, ла. *vīrs* : лат. *vir*, гот. *wair;* лит. *sūnùs*, слав. *сынъ* : дрврхн. *sunu* и др. Возводя же *ie* в только что приведенных литовско-латышских формах к *ai (oi)*, мы лишаем себя, как ниже будет показано, всякой возможности объяснить происхождение *ie*. И если в финских заимствованиях из балтийских языков литовско-латышскому *ie* иногда соответствует *ai* (напр., ф. *paimen* : лит. *piemuõ*), то и это ничего не доказывает в пользу происхождения *ie* из *ai (oi)*, так как также такому *ie*, которому в родственных языках соответствует *ei* или звук, образовавшийся из *ei*, в финском соответствует *ai* (напр., ф. *laiha* : лит. *liesas*, ла. *liẽss*, слав. *лихъ*; ф. *taivas* : лит. *diẽvas*, ла. *dìevs*, пр. *deiws*, др.-лат. *deivos*). — Что же касается лит. *dieverìs*, ла. *dieveris* (напр., acc. s. *dieveri* Mag. VIII № 398) : слав. *дѣверь*, арм. *taigr*, гр. δαήρ, то это литовско-латышское слово скорее всего заимствовано из славянского, как полагают Ягич l. c. и Видеман Prät. 31 (причем последний считает также возможным возводить *diever-* к иде. *dēiver-*); ср. ла. заимствованное из немецкого языка *(Maid)* слово *meîta* «девушка, дочь». И утверждение Бругмана Grdr. I² 191, что *ie*
45 (6) в лит. *diena* «trächtig» восходит к иде. *əi* (т. е.// *ai*), ничем не доказано. О словах же с начальным *ie* будет речь ниже.

---

[3] Посредством *ẹ* я обозначаю открытое *e*.

Полагая, что *ie* восходит также к *ai (oi)*, мы, как уже выше сказано, лишаем себя всякой возможности объяснить происхождение *ie*. Бругман высказывает l. c. предположение, что *ei* и *ai* сохранились перед палатальным гласным следующего за ними слога, в остальных же случаях перешли в *ie*. В первом издании своего Grdr. Бругман к этому прибавил еще, что, вероятно, только циркумфлектованное (а не акутованное) *ei, ai* перешло в *ie*. Во втором же издании он более не говорит о влиянии интонации, очевидно, сам сознавая, что его догадка по этому поводу не подтверждается фактами, как указал уже Ульянов (Основы 114[1]). Но так же нельзя согласиться с Бругманом в том, что появление *ie* обусловлено вокализмом следующего за ним слога. Сам Бругман признается, что не может объяснить *ie* в таких глаголах, как лит. *liežiù* («лижу»), *liẽžti*. И число таких глаголов, как указали Ульянов l. c. и Гирт l. c., вовсе не меньше числа таких же глаголов с *ei*: в грамматике Куршата в §§ 1225—1229 приводится всего глаголов с основою наст. времени на *-jo-* 4 с *éi*, 11 с *eĩ*, 6 с *íe* (считая в том числе и глагол *griežiu, griežti*, который Куршат пишет с *ė*; ср. *griežti* у Межениса, *griežimas dątų* у Даукши Post. 101,$_{7}$, ла. *griezt*), 16 с *iẽ* (считая в том числе и глагол *liepiù, liẽpti*, который Куршат пишет с *ė*; ср. *liepti* у Межениса). Уже ввиду этих глагольных форм Бругману следовало бы отказаться от своей гипотезы. Но это не единственные противоречащие ей формы: как объяснит Бругман, напр., *ie* в лит. *kviečiaĩ*, ла. *kvìeši;* лит. *miežỹs*, ла. *mìezis*; лит. *briedis*, ла. *briêdis*; лит. *miẽlės*, ла. *mieles*; лит. *riekẽ*, ла. *riecenis*; лит. *kíelė*; *ei* в лит. *šeivà*; лит. *greĩtas, kreĩvas;* ла. *grèizs*; (*ai* в лит. *kraĩkas, laĩškas, saĩkas, vaĩdas, vaĩkas, žaĩbas, maĩštas, dáiktas, láidas, dainà, maità, láima, paĩkas, raĩbas, raĩnas, láibas*)? Ведь у основ на *-ā* и у прилагатель-//ных (до возникновения *ie*) в окончаниях нигде 46 (7)
не было палатального гласного; у основ же на *-o* встречается, правда, *-e* в окончании voc. и loc. s., но чтобы *ei (ai)*, правильно сохранившееся в loc. и voc. s. (причем voc. употребителен не от всех слов), затем вытеснило *ie*, правильно возникшее во всех остальных падежах, — это крайне невероятно. И в склонении основ на *-i̯o* и *-i̯e* вообще нет форм, в которых по теории Бругмана могло бы правильно возникнуть *ie*. Нельзя, наконец, также думать о влиянии родственных форм: большинство из приведенных мною примеров вовсе не имеет рядом с собою таких форм, под влиянием которых их *ie (ei)* могло бы быть заменено посредством *ei (ie)*. Итак, гипотезу

Бругмана о происхождении *ie* следует считать совершенно неудачною.

Остается думать о влиянии ударения на изменение ***ei*** в ***ie***. A priori такой переход представляется возможным как в ударяемых, так и в неударяемых слогах. По мнению Явниса (Поневежский уезд 104 и 125), «слабоударяемые» иде. дифтонги *ei, ai, oi* перешли в *ie*. Этого мнения, однако, Явнис ничем не обосновывает, да он и не мог этого сделать, так как данные языка решительно противоречат его догадке: ср., напр., лит. *pienas,* ла. *piẽns*; (лит. *láima,* ла. *laĩma*); лит. *líepa,* ла. *liẽpa,* срб. *лӣна.* Интонация и место ударения в этих словах показывают, что уже в литовско-латышском праязыке или даже в славяно-балтийскую эпоху ударение этих слов всегда было на первом слоге (и *pienas,* и *líepa* — вполне изолированные слова, так что нельзя также думать о влиянии родственных форм). Итак, следует признать верным мнение Гирта (IF I 37), что *ie* возникло под ударением. Не согласен я с ним только в том, что, по его мнению, также ударяемое *ai (oi)* перешло в *ie*. Гирт, конечно, сам заметил, что его гипотезе противоречат такие формы, как лит. *káilis, láima* (ла. *laĩma*), *báimė, páinė, žáidžiu, ráišiu, ráižau, táikau, tráiškau* и др., где ударение всегда на первом слоге. И по
47 (8) этому поводу он гово-//рит l. c. 39: «Es ist mir nicht wahrscheinlich, dass hier eine unerklärbare Abweichung vorliegt, weil das Fehlen des Wechsels des Akzentes, wie es im Litauischen bei den Worten mit gestossener Stammsilbe vorhanden, kaum ursprünglich ist. Die meisten Worte, die wir in solchen Klassen finden, zeigen in den verwandten Sprachen nicht Wurzelbetonung, so *víenas,* gr. οἶνός, *dúmas* «Rauch», gr. θῦμός, aind. *dhūmás, júosta* «Gürtel», gr. ζωστή, *gývas,* aind. *jīvás* ... Meine Vermutung ist, dass die Worte mit gestossener Stammsilbe ursprünglich im grossen und ganzen denselben Akzentwechsel hatten wie die mit schleifendem Ton, dass also das Paradigma mit starrem Akzent ganz aus dem Litauischen gestrichen werden kann». Что многие литовские слова с нисходящей интонацией не всегда имели ударение во всех формах на первом слоге, это не подлежит сомнению, как указано и мною BB XXV 269 сл.[4]; ср. лит. *bẽgu* : ла. *bẽgu,* р. *бегу́*. Но из этого еще не следует, что в эпоху возникновения *ie* в литовско-латышском вовсе не было слов

[4] [Sai izdevumā I 127 sk. — Red.]

с постоянным ударением на первом слоге. Формы гр. θῡμός и скр. *dhūmás*, может быть, показывают, что иде. **dhūmos* имело ударение на конце, но они нам ничего не говорят о месте ударения у лит.-ла. **dūmas* в эпоху возникновения *ie*. Славянские же формы срб. *дӥм*, р. *дым* (род. *ды́ма*) и длительная интона̀ция ла. *dūmi* говорят в пользу того, что это слово уже в славяно-балтийскую эпоху имело постоянное ударение на первом слоге (ср., напр., еще: лит. *bóba*, ла. *bãba*, срб. *бӑба*, р. *ба́ба*; лит. *glìnda*, ла. *gnīda*, р. *гни́да*; лит. *lìepa*, ла. *liẽpa*, срб. *лӥпа*, р. *ли́па*; лит. *várna*, ла. *vārna*, срб. *врӑна*, р. *воро́на*; лит. *sẽju*, ла. *sẽju*, р. *сéю*; но ла. *dzìlna* : р. *желна́*; (лит. *bẽgu*) ла. *bę̃gu*, р. *бегу́*; ла. *duôdìet* : р. *дади́те*; ла. *êdiet* : р. *еди́те*). Итак, позднейшего происхождения постоянное ударение на начальном слоге только у тех литовских слов, которым соответствуют латышские формы с прерывистою интонациею и славянские формы с ударением не на первом слоге. А те литовские формы, которым соответствуют // латышские формы с длительною интонациею и славянские формы с постоянным ударением на начальном слоге, вероятно, имели постоянное ударение на первом слоге уже в славяно-балтийскую эпоху. А поэтому мы не имеем никакого права полагать (как это делает Гирт), что такие формы, как лит. *láima*, ла. *laîma* (у Биленштейна LSpr. I 73) или *laîme*, в эпоху возникновения *ie* не всегда имели ударение на первом слоге. Прибавлю еще несколько латышских форм с *aī*: *glaîma* (Bielenstein l. c. 72), *svaînis* ibid. 73 (ср. лит. *svãinė*), *spaîlis* ibid., *laîks*, *vaîna*, *vaîrs*. Эти слова, значит, решительно противоречат гипотезе Гирта, что также *ai* под ударением перешло в *ie*. Кроме того, Гирт нам вовсе не объясняет, каким путем ударяемое *ai* могло перейти в *ie*. Гипотезе же, что ударяемое *ei* перешло в *ie*, данные языка не противоречат. Существительные на *-as*, приведенные у Куршата в § 541 (*diẽvas*, ла. *dìevs*; *driẽžas*; *iẽšmas*, ла. *ìesms*; *kiẽmas*, ла. *cìems*; *miẽgas*, ла. *mìegs*; *plìenas*; *sniẽgas*, ла. *snìegs*; *šiẽnas*, ла. *sìens*), имеют теперь ударение на начальном слоге только в им., род., дат., вин. пад. ед. ч., в остальных же падежах — на конечном слоге. Значит, у этих слов *ie*, возникшее в части падежей фонетическим путем, потом было обобщено. Что же касается употребительного только во множ. ч. слова *niežaī*, то оно или (как полагает Гирт IF I 38) имеет *ie* под влиянием глагола *niẽžti*, или же образовалось после перехода *ei* в *ie*. — Слова на *-as*, приведенные в § 542 (*liẽptas*; *niẽkas*; *skiẽtas*, ла. *šķiets*), имеют ударение на окон-

48 (9)

чании только в зват., твор., местн. пад. ед. ч. и в вин. пад. множ. ч.; их *ie*, значит, в большинстве падежей возникло фонетическим путем (слов же с *ei* в этих параграфах не приводится). — Существительные, склоняющиеся по образцу *kélmas* (*diegas* «Keim», ла. *diẽgs* «нитка»; *síetas*, ла. *siẽts* «сито»; *slíekas; šiekštas*, ла. *siẽksts; žiedas*, ла. *ziẽds; véidas*), имеют ударение во всем ед. ч., в вин. пад. множ. ч. и в им. и вин. пад. двойств. ч. на первом слоге, в остальных
49 (10) падежах — на окончании; большинство// из них обобщило *ie*, *véidas* же — *ei* (может быть, под влиянием глагола *veizdėti*). — Существительные на *-as* с устойчивым ударением на первом слоге (*pienas*, ла. *piẽns; rietas*; что же касается *sviestas*, то ла. *sviẽsts* показывает, если только прерывистая интонация не обусловлена влиянием глагола *sviẽst*, что прежде это слово не всегда имело ударение на первом слоге) все имеют только *ie*. — Существительное *kvietỹs*, gen. *kviẽčio*, ла. *kvìesis* (вместо **kvìetis*), gen. *kvìeša* обобщило *ie*, правильно возникшее в род., дат. и вин. п. ед. ч.[5] — Склоняющиеся по образцу *žõdis* существительные (*miẽžiai*, ла. *mìeži; peĩlis*) имеют ударение на конце только в твор. пад. ед. ч., вин. пад. множ. ч. и им., вин. пад. двойств. ч., и поэтому
47 (у них естественно обобщение *ie*; что же касается *peĩlis* «нож», то позволительно думать, что оно или прежде склонялось по образцу *kvietỹs*, или же заимствовано из наречия, имеющего *ei* вместо *ie*, или из прусского языка (*peilis* «нож»). — Лит. существительные *briedis, kiečiai, sieksnis* имеют устойчивое ударение на первом слоге; прерывистая же интонация ла. *briẽdis* показывает, что это слово прежде склонялось по образцу лит. *arklỹs* (с ударением на первом слоге в род., дат., вин., твор. пад. ед. ч., вин. пад. множ. ч. и им., вин. пад. двойств. ч.). — Существительные, склоняющиеся по образцу *mergà* (*dienà*, ла. *dìena; giedrà; ievà*, ла. *iẽva; liepsnà; piestà*, ла. *pìesta; rievà; skiedrà*, ла. *šķiẽdra*[6]*; šviesà; žiemà*, ла. *zìema; žiẽzdros; tiesà*, ла. *tìesa; šeivà*) и имеющие ударение в дат. и вин. пад. ед. ч. и им. пад. множ. ч. на первом слоге (ла. *iẽva*, однако, — древнее paroxytonon, ср. срб. *ȕва*, р. *ýва*), за исключением *šeivà*, обобщили *ie* (надо иметь в виду, что *giedrà, piestà, šviesà, žiemà, tiesà* употребляются главным образом в ед. числе и что некоторые из этих слов прежде,

---

[5] Впрочем, не исключена возможность, что *kvietỹs* прежде склонялось по образцу *žõdis*.

[6] Ср. об этом слове BB XXV 269 [šai izdevumā I 127. — Red.].

может быть, склонялись по образцу *vietà*).// Существительное 50 (11)
vietà (ла. *vìeta*) имеет ударение на конце только в им., зват. и твор. пад. ед. ч., в вин. пад. множ. ч. и в им., вин. пад. двойств. ч. — Существительные *liepa* (ла. *liẽpa*), *pieva, siena* (ла. *siẽna*) имеют ударение всегда на начальном слоге (прерывистая интонация ла. *siẽna* указывает, что это слово прежде склонялось по образцу лит. *galvà*, ср. BB XXV 268 сл.[7]). — Существительные, склоняющиеся по образцу *žolẽ* (*deivẽ, dieẽžẽ, eilẽ, miẽlės* (ла. *mieles*), *riekẽ, veislẽ, viešnẽ, žievẽ*), имеют ударение в дат., вин. пад. ед. ч. и в им. пад. множ. ч. на начальном слоге и обобщили то *ei*, то *ie* (формы с *ie* отчасти, может быть, прежде склонялись по образцу *skreĩstė*). — Существительное *skreĩstė* теперь имеет ударение на конце только в твор. пад. ед. ч., в вин. пад. множ. ч. и в им., вин. пад. двойств. ч., так что скорее ожидается форма с *ie*; можно думать, что это слово или возникло после возникновения *ie*, или же прежде склонялось по образцу *žolẽ* (в дат. и вин. пад. ед. ч. и в им. пад. множ. ч. все слова на *-ė* с восходящею интонациею коренного слога имеют ударение на первом слоге и в твор. пад. ед. ч. и в вин. пад. множ. ч. и в им., вин. пад. двойств. ч. — на конце, так что аналогические новообразования относительно ударения представляются возможными, ср. об этом BB XXIX 179 Anm. 1[8]). — Существительные *kielė, pleĩnė, séilė* теперь всегда имеют ударение на первом слоге; но можно думать, что *pleĩnė* прежде склонялось по образцу *žolẽ, séilė* (обыкн. множ. ч. *séilės*) — по образцу *giesmẽ* (gen. s. *giesmẽs*, dat. *giesmei*, acc. *giesmę*, instr. *giesme*, loc. *giesmėje*, nom. pl. *giesmės*, gen. *giesmių*, dat. *giesmėms*, acc. *giesmes*, instr. *giesmėmìs*, loc. *giesmėsė*, ср. Kurschat Gr. § 633). — Прилагательные, склоняющиеся по образцу *gẽras*, — *greĩtas, kreĩvas, sveĩkas* (ла. *sveĩks*, об интонации которого ср. BB XXV 263 и 271[9]; ср. также ла. *krèiss, grèizs*) — имеют в большинстве падежей ударение на конце и поэтому естественно обобщили *ei*. Прилагательные *kietas* (ла. *ciẽts*), *mielas* (ср. еще *liesas*, ла. *liẽss* или, по Биленштейну, *liêss*; ла. *liẽls*), имеющие ударение на начальном слоге // в им., род., вин., твор. пад. ед. ч., в вин. 51 (12)
пад. множ. ч., в им., вин. пад. двойств. ч. муж. р. и в дат., вин., твор. пад. ед. ч., в им., вин. пад. множ. и двойств. ч.

---

[7] [Sai izdevumā I 126 sk. — Red.]
[8] [Sai izdevumā I 290[2]. — Red.]
[9] [Sai izdevumā I 121 un 129. — Red.]

Viļa Lāča Latv. PSR
VALSTS BIBLIOTĒKA
74- 69.312

женск. рода, обобщили *ie*. Прилагательные, склоняющиеся по образцу *gražùs (giedrùs, meilùs, riebùs, šviesùs, tiesùs*[10], *veikùs)*, имеют ударение чаще на конце, чем на начальном слоге; надо думать, что распространению *ie* в *šviesùs* и *tiesùs* содействовали соответствующие глагольные формы *šviẽsti* и *tiẽsti*, и вообще не исключена возможность, что эти формы на *-ùs* во время возникновения *ie* чаще, чем теперь, имели ударение на начальном слоге. — Глаголы *díegti* (ла. *diêgt* у Биленштейна), *gríežti* (ла. *griêzt*), *kéikti, léisti* (ср. прерывистую интонацию ла. *laîst*), *líeti* (ла. *liêt*), *réikšti, réižti, skíesti* (ла. *šķiêst*), *tríekšti, tríesti* теперь все имеют устойчивое ударение на коренном слоге, но часть этих глаголов, как показывает прерывистая интонация соответствующих латышских форм (ср. BB XXV 270[11]), прежде имела ударение также на конце, так что понятно, что некоторые из приведенных глаголов обобщили *ei*. Глаголы *driekiù, geidžiù, giežiù, griejù, keičiù, kreikiù, kreipiù, liepiù, liežiù, peikiù, riečiù, riekiù, skriejù, smeigiù, spiečiù, šiepiù, šliejù* (ла. *slìenu*), *šveičiù, šviečiù, teikiù, tiesiù, veikiù* (ла. *vèicu*), *veisiù, žeidžiù, žiebiù, žviegiù, einù, liekù* (ла. *lìeku*), *sveikstù, kviečiù*, имеющие ударение в части форм на конце, в части — на начальном слоге, обобщили то *ie*, то *ei* (ср. еще ла. *kriet, sìet, skrìet, triept, vìept, kniêbt, riêbt, viesties, spiêst, sviêst, tèikt, bèigt, klìegt, stèigt, riêt, smiêt, diet, rèibt*). Итак, мы не нашли ни одной непроизводной литовско-латышской формы с *ei* (лит. *éi*, ла. *eī*) и устойчивым ударением на коренном слоге. Что же касается ла. форм (с длительною интонациею) *ķeīris* (ср. лит. acc. s. *kaīrį*) или *kreīlis* (ср. *krèiss*[12]), *veīkls* (ср. *vèikties*, лит. *veīkti*), *sveīlis* (у Биленштейна LSpr. I 73), *treīlis*
52 (13) (ibid.), то корень производ-//ных форм *ķeīris* или *kreīlis* и *veīkls*, очевидно, имеет циркумфлектованное *ei*; производными, кажется, следует считать также формы (не совсем ясные по происхождению) *sveīlis* и *treīlis*, так что нет также латышских форм, решительно противоречащих гипотезе о переходе ударяемого *ei* в *ie*.

Остается мне показать, каким путем перешло ударяемое *ei* в *ie*, которое произносится в верхнелитовском, по Куршату (Gr. § 58), как *i͡ėe, i͡ėa, ĭ͡a, ė͡a*, по Явнису (Поневежский уезд 104) — как *ie, ea* (с узким *e* в обоих случаях), в латыш-

---

[10] Есть и форма *teisùs*.

[11] [Šai izdevumā I 128. — Red.]

[12] Ср., напр., лит. *súras* : *sũris; kárštas* : *kar̃štis; ìlgas* : *ìlgis* и др.

ском — как *i͡a* или *i͡ę*. Звук *ie* образовался в литовско-латышском не только из *ei*. В части латышских говоров (ср., напр., указания Бецценбергера Lett. Di.-St. 152 слл. и Spr. d. pr. L. 114 слл.) *ie* возникло из *i* перед *r*, стоящим перед согласным (напр., *zir̂gs* «лошадь» > *zīrgs* > *zi^{e}rgs* > *zìergs* > *ziergs* > *zi͡ergs*). Между тем как в говорах западной Курляндии переходу в *ier* подвергается всякое *ir* перед согласными, в части верхнелатышских говоров в *ier* переходит только *ir* с нисходящею интонациею (с нисходящею же интонациею там произносятся также слоги, имеющие в нижнелатышском длительную интонацию; слоги же, имеющие в нижнелатышском прерывистую интонацию, в части верхнела. говоров произносятся также с прерывистою интонациею, в другой же части — с длительно-восходящею интонациею, которую я обозначаю тем же извилистым циркумфлексом, как и длительную интонацию). Примеры: *pìerksts* «палец», *dzìernavas* «мельница», *zyr̂gs*[13] «лошадь» (Дубена); *pìers*[*t*]*s* «палец» (nom. pl. *pìersti*); ср. еще *krys*[*t*]*s* «крест», *augs*[*t*]*s* «высокий», *riks*[*t*]*s* «орех», *eiks*[*t*]*s* «большой палец», instr. pl. *dzìernavām, sir̂ds* «сердце» (Лассен); *pìers*[*t*]*s* (nom. pl. *pìersti*), *sìermi* «седые», *zyr̂gs* «лошадь» (Ликсна); *pìerksts, zìerṇi* «горох», *sir̂ds* (Пикстерн); *pìersts,* nom. pl. *ìerbys* «рябчики», // *zyr̂gs* (Воркова); *pìerksts, sir̂ds* (Гросс-Бушгоф); *pìerksts*, acc. s. *sìermu* «седого», *zir̂gs* (Экенграф); *pìerksts,* acc. pl. *zìerṇ's, zir̂gs* (с долговатым *i*; Сецпен); *pìersts, nùmìerš'* «я умру», *zyr̂gs* (Прейли). Надо полагать, что и в этих говорах *ir* при нисходящей интонации перешло сперва в *ir,* откуда далее (через *ier*) в *ier*. Ср. с этим мою статью BB XXIX 277 слл.[14] (в инфлянтских текстах с польским правописанием *i* перед *er*, может быть, обозначает не смягчение предшествующего согласного, как обыкновенно, но первую часть двугласного *ie*; в издании же Latwju dainas встречаются, как указано мною l. c., формы с *er* из *ir,* напр. *derva* 4506, 2). 53 (14)

Чаще, чем из *i* (не только перед *r*), *ie* образуется из (узкого и широкого) *ē*. Так, в литовском в части северных говоров *ė* перешло в *ie*. В латышском же *ie* получилось не только из *ei,* но также из тавтосиллабического *en,* перешедшего, вероятно, (через *ę*) в *ē* (ср. ла. *ī* из *in, ū* из *un*). При

---

[13] Посредством *y* обозначаю звук, похожий на р. *ы*, возникший из *i* перед широким гласным следующего слога (от *zyrgs* из **zirgas* — nom. pl. *zirgi* в том же говоре; ср. там же nom. s. *sirds* «сердце» из *sirdis*).

[14] [Sai izdevumā I 285 skk. — Red.]

этом, по мнению Поржезинского (Сборн. Форт. 616), *e* в сочетании *en* еще в литовско-латышскую эпоху перешло в закрытое *e* (у Поржезинского e^i); и ввиду литовских (диалектических) e^in, *in* из прабалтийского *en* и латышского *uo* из прабалтийского *ȁn* (через *on* > *ǫ* > *ō*; ср. литовско-латышское *uo* из прабалтийского *ō*) это мнение Поржезинского кажется довольно вероятным. Так как литовско-латышское *ē*, бывшее (как можно судить на основании показаний литовского и прусского языков) закрытым гласным, в общелатышском не перешло в *ie*, то надо полагать, что закрытое *ē*, возникшее на латышской почве из e^in, по качеству отличалось от литовско-латышского *ē*. — Далее, в части восточнолатышских говоров *ie* возникло из общелатышского (закрытого) *ē*[15],
54 (15) сохранившегося в этих говорах в виде *ę̄* // только перед *ę* и *ę̄* и таким *a*, которое заменило собою прежнее *ę* и *ę̄* (между тем как в других восточнолатышских говорах из всякого общелатышского *ē* получилось *ę̄*). Примеры (записанные мною в Прейлях): *v́ìejs* «ветер», *v́iêzs* «рак», nom. pl. *v́iêži, kt̓ìets*[16] «клеть», *ḿieŕeit'* «мерить», *śv́ìet'eit'* «святить», *v́iet'eit'* «веять», *tu ḿieďīs* «ты пересмеиваешь», *ieďīnc* «кушанье», *ieš* (из *ēžu*) «я ел», *dźieŕīnc* «питье», *dźier* «я пил», instr. pl. *b'ieďeńom* (deminutivum от *bę̀da* «беда»), *ećieža* «борона», *ŕedźiej* «я видел», *v́ierūs* «я смотрел», *v́ieŕīs* «ты смотрел», *v́ieršūs* «буду смотреть», *v́ierśīs* «будешь смотреть», *tu v́iert'iḿīs* «ты смотрел бы», но *v́ę̄ŕę̄s* «он смотрел», *v́ę̄ŕęḿīs* «мы смотрели», *v́ę̄ŕęt'īs* «вы смотрели», *ę̄ďam* «мы ели», *ę̄ďęt'* «вы ели», *dźę̄ŕam* «мы пили», *dźę̄ŕęt'* «вы пили», *ďv́ę̄śęt̓ę* «душа», *v́ę̄dźęt̓ę* «налим», *čę̄v́ę* «кобыла», *ḿę̄t̓ę* «язык», *śḿę̄ďę* «кузница» (и, с перенесением *ę̄* из тех падежей, где в окончании стоит *ę̄*, также nom. pl. *dŕę̄b'is* «платья», *ďę̄t̓is* «пиявки»). Насколько можно судить по loc. s. *ęt̓ńę̄* «в аду», *uṕę̄* «в реке» и окончаниям *-ḿę̄s* и *-t'ę̄s* для I и II pers. plur. fut. и cond. и *-ę̄s* для III pers. praet. возвр. залога, *ę̄* сохраняется также в конечном слоге. В лассенском говоре, где также встречается *ie* из *ę̄* (или *ē*), ср., напр., *viẽži* «раки», *kat̓ieš* «кузнец», я встречал в суффиксальных слогах *ie* также вместо нижнелатышского *ī* (перешедшего здесь в

---

[15] Возникло ли это *ie* непосредственно из *ē* или же из *ę̄*, трудно сказать, но более вероятным я считаю последнее (ввиду *ę̄* других восточнола. говоров).

[16] Смягчение *t̓*, возникшего в этом наречии из *l* перед гласными переднего ряда, менее сильно, чем у общелатышского *ļ* (из *lj*); и смягчение *d'*, *t'* здесь менее сильно, чем у русского *дь, ть*.

коренных слогах в *ei*, напр. *tu dzeini, treini, meini* «ты гнал, точил, топтал»): *sirdiegs* или *dusmiegs* «сердитый», *labieba* «зерновой хлеб», acc. s. *mōciebu* «учение», *mōcietōš* «пастор», *upietę* «ручей», *puisiets* «малютка», *rakstiet* «писать», *skaitiet* «считать». Я могу себе объяснить это только так, что *ei* (из *ī*) перешло здесь в *ē* (примеры для такого перехода в восточно-латышском дает Бецценбергер Lett. Di.-St. 130) и через *ē* далее в *ie*. —//Наконец *ie* в литовских и латышских заимствованных формах передает славянское *ѣ* и нижненемецкое *ē*. Ср. также дрврхн. *ea* > *ia* > *ie* из германского узкого *ē* (напр., *fēra* > *feara* > *fiara; mēta* > *meata* > *miata* > *mieta* и др. Streitberg Urgerm. Gr. § 79). 55 (16)

Итак, весьма вероятно, что литовско-латышское *ie* (из *ei*) восходит прежде всего к *ē* (> *ēa* > *ea* > *ia* >*ie*). Спрашивается, каким путем перешло ударяемое *ei* в *ē* (так как прабалтийское *ei,* насколько можно судить на основании показаний литовского языка, имело широкое *e*, то и *ē*, возникшее из этого *ei*, вероятно, произносилось широко и вследствие этого не совпадало с прабалтийским узким *ē*)? Бругман полагает Grdr. I² 191, что *i* в *ei* перешло в *e*, но такой переход не является зависимым от ударения и поэтому представлялся бы вероятным только тогда, если бы действительно (как думает Бругман) *ie* возникло перед широкими гласными следующего слога. В балтийских языках мы и теперь еще встречаем *ē* из *ei*. Как известно, в литовском *e* в дифтонге *ei* удлиняется при нисходящей интонации и в части говоров затем *i* выпадает (напр., *kékti* из *kéikti*). В жемайтском же *e* удлиняется в *ei* не только при нисходящей, но также при восходящей интонации (напр., *kéikti* и *pēikti*) и в части говоров (ср. IFA XIII 88 и Опис. Росс. у. 24) затем *i* выпадает (*kékti* и *pēkti*). И также в латышских говорах северо-западной Курляндии удлиняется (при всякой[17] интонации) *e* в *ei* и вместо *ēi* уже часто слышится *ē*: nom. pl. *mēiť s* «дочери», *rê* (из *reį*) «лает» (Зурс), nom. s. *mêt* «дочь», *têkt*[18] «сказать» (Газау), *mêtans* «девочка»,

---

[17] Мюленбах BB XXIX 72³ приписывает (удлинение первой части и) выпадение второй части только дифтонгам (*ei, ai, ou* из *au*) с прерывистою интонациею. Но это неточно, как показывают примеры: *vāirak* «больше» (Зирген), *rōgas* «смотрит» (Зурс), *sōulit* «солнышко», *jōtadam* «спрашивая», loc. pl. *lōkas* «на полях» (Газау), *lōks* «поле» (Таргельн), *sōlit* «солнышко» (Угален). Примеров для *e* из *eī* (звука весьма редкого в латышском) я случайно не имею в своих записях.

[18] Нисходящая интонация в этих говорах совпала с прерывистою.

56 (17) *rê* «лает» (Таргельн), *mēʲtʹs* «до-//чери» (Попен), *mēʲt* «дочь», *têkš*[18] «я скажу» (Пуссен), *tēʲks* или *têks* «скажет» (Угален). — Итак, можно думать, что *ę̄* (перешедшее в литовско-латышское *ie*) восходит прежде всего к *ę̄i*. Что касается циркумфлектованного *ę̃i*, произноєившегося (как следует полагать на основании показаний латышского, прусского и славянского языков) в прабалтийскую и, может быть, еще в литовско-латышскую эпоху с нисходящею интонациею, то оно возникло (может быть, еще в прабалтийскую эпоху) под ударением из *ę̄i*, как это мы наблюдаем в литовских говорах и в прусском (ср., напр., пр. *prēi* : лит. *priẽ*, ла. *prìe-*). Что же касается акутованного *ę̃i*, то оно или также возникло под ударением из *ę̄i* (возможность такого перехода доказывается приведенными мною жемайтскими и латышскими формами), или же восходит непосредственно к иде. *ēi* (если в прабалтийскую эпоху еще существовали иде. дифтонги с долгою слоговою частью).

Иначе представляет себе возникновение *ie* Gauthiot Lit. Mitt. V 266 слл. Ссылаясь на статью Мелье в (недоступном здесь для меня) журнале La Parole (II 197 сл.), Готио возводит *ie* через *iei*[19] к *ei* (и *ai*) и считает это *iei* «общелитовскою» формою, «welche ganz einfach aus *ei* oder *ai* dadurch entstand, dass der Grundlaut des zweiten Komponenten in beiden Diphthongen den ersten Vokal sozusagen durchdrang und vom Sprechenden im voraus artikuliert wurde». Допустим, что переход *ei* в *iei* действительно можно считать «совершенно простым», но Готио нам не объясняет, почему *ei* только в части случаев подверглось такому переходу (ударение вряд ли могло иметь влияние на этот переход). В пользу этой гипотезы Готио приводит финское заимствованное, по мнению Томсена, из литовского *(stiebas)* слово *seiväs,*
57 (18) будто бы указываю-//щее на пралитовское **stieįbas,* так как только-де перед *i*, по мнению Сетэлэ, *t* в финском правильно перешло в *s*. Но в таком случае спрашивается, почему же прабалтийское **deivas* дало в финском не форму с начальным *s-*, но *taivas*? Да и вообще форма одного финского слова в данном вопросе не имеет доказательной силы, но могла бы, пожалуй, служить только подтверждением гипотезы, доказанной уже данными самих балтийских языков. Готио, правда, полагает, что литовские диалектические формы *ie, ij*

---

[19] Точнее, *ieį*; начальному же *i* Готио здесь приписывает характер гласного звука (а не сонанта *į*).

(по Куршату и Явнису *y*, т. е. *ī*), *ei* (с узким *e*), заменившие собою прабалтийское *ei*, могли возникнуть только из общелитовского *ieį*. По-моему, все эти звуки столь же легко могли образоваться из общелитовского *ie*: из *ie* через *ię* путем ассимиляции могло возникнуть *iį* или *ij*, откуда в части говоров *ī* (ср., напр., нем. *wir, mīte* из дрврхн. *wier, mieta*), в других же говорах *iį* путем диссимиляции перешло в *eį*[20] (дифтонг *eį* часто возникает также из *ī*, но здесь он, кажется, возник именно из *iį*, так как пралитовское *ī* в этих говорах остается неизменным; менее вероятным я считаю возникновение этого *eį* из узкого *ē*, являющегося вместо *ie* в части литовских говоров). Подобно этому также в верхнелатышском перешло *ie* в *ī*, как показывает, например, верхнела. форма *pìci* «пять», возникшая именно через *pìeci* из **penki* (если бы в верхнелатышском *e* перед тавтосиллабическим *n*, как в части литовских говоров, перешло в *i*, то из такого **penki* через *pīci* получилось бы **peici*, ср., напр., верхнела. *meiksts* «мягкий» = лит. *mìnkštas*). И то обстоятельство, что все нижнелатышские говоры имеют такое же *ie* из прабалтийского *ei*, как и большинство литов-//ских говоров[21], делает 58 (19)
весьма вероятным, что еще в литовско-латышскую эпоху возникло это *ie* из *ei*, так как в противном случае мы признали бы, что различия между верхнелатышским и нижнелатышским наречиями древнее различий между литовским и латышским языками.

Здесь мы должны коснуться вопроса, является ли *ie* только литовско-латышским звуком или имел также прусский язык этот звук? Большинство ученых (ср., напр., Brugmann Grdr. I² 190, Berneker Pr. Spr. 132, Фортунатов BB XXII 172[1], Явнис Поневежский уезд 104), по-видимому, полагают, что

---

[20] Возводя *ei* (из *ie*) к *iį*, легче объяснить также предложную форму *pry* в таких лит. говорах, которые вместо *ie* вообще имеют *ei* (ср. мои Латышские предлоги I 182 [šai izdevumā I 482 sk. — Red.]); это *pry*, вероятно, возникло в проклитическом положении еще из **priį* (подобно объясняется предложная форма *nū* в лит. говорах с *ou* из *uo*, ср. l. c. I 129[1] [šai izdevumā I 431[245]. — Red.]), и гласный *y* в *pry* не подвергся переходу в *ei*, получившееся только из *iį*.

[21] Как видно из вышеприведенных примеров, *ie*, в общем, является в латышском в тех же формах, как и в литовском; исключение составляет (с различием также в интонации) лит. *eĩti* : ла. *iêt* или (в части говоров) *iẽt* «идти» (в парадигме этого столь употребительного глагола, очевидно, в литовско-латышскую эпоху еще чередовались акутованное и циркумфлектованное *ei* и *ie*, и обобщение того или другого звука произошло только в эпоху отдельной жизни литовских и латышских говоров).

прусский язык не знал звука *ie*. Другого мнения держится Бецценбергер (BB XXIII 299). Как, собственно, он себе представляет дело, не совсем ясно для меня[22], и поэтому я выпишу здесь его слова целиком: «ich kann mich doch des verdachtes nicht erwehren, dass bereits im Urbaltischen *ei* und *ai* innerhalb gewisser grenzen monophthongisch gesprochen wurden und dass diese monophthonge im Preussischen im allgemeinen ähnlich behandelt sind, wie *ie* im Žemaitischen (wo *ē*^{i} für *ie* ... gesprochen wird). Was mich hierzu veranlasst, ist folgendes.

a) Die äussere übereinstimmung von lit. *sniẽgas* ... und slav. *sněgъ*; lit. *tiems* ... und asl. *těmъ*; lit. *te-sukiẽ* und asl. *nesěmъ nesěte* ...

b) Die wörter *gewinna* «sie arbeiten», *gewineis* «knecht», *kylo* «bachstelze», *lipe* «linde», *siduko* «siebtopf», *sixdo* «sand», *semo* «winter», *seamis* «winterkorn» ... Am nächsten liegt die verbindung dieses wortes (т. е. *gewinna*) mit lett. *dzievuot* «arbeiten» und damit die annahme, dass sein *e* = *ē* = *ie* sei.
59 (20) Mit// voller sicherheit lässt sich letzteres aber nicht behaupten wegen des altlit. *gewenti*, das achtmal belegt ist. Bei *semo* und *seamis* dagegen ist die annahme eines *ē* = *ie* kaum zu umgehen, und *kylo* (nebst *lipe, siduko* und *sixdo*) scheint mir ebenso *ē* = *ie* (> *ī*) vorauszusetzen, wie nordlit. *kýle*. — (И также Миккола[23] говорит AfslPh. XX 150: «Ich glaube, dass der Schreiber des Vocabulars mit diesem *i* (в словах: *kylo, lipe, sixdo*) den Diphthong *ie* (*ë*[24]) hat ausdrücken wollen. Noch deutlicher geht dies aus den Schreibungen *semo, seamis* hervor; derselbe Diphthong ist wohl auch mit der Schreibung *pralieiton, palletan, praliten* gemeint. In Anbetracht dessen kann ich nicht der Behauptung des Verfassers (т. е. Бернекера) «in keiner unserer Quellen zeigt sich eine Spur von *ie*» zustimmen».)

c) Das verhältnis von pr. *braydis* «elen» zu lit. *briedis* und lett. *briêdis*» (последнюю форму Бецценбергер возводит к **brendis* и считает лит. и пр. формы заимствованными из ла. языка).

---

[22] Ср. корректурное добавление в конце статьи [šai izdevumā II 30. — Red.].

[23] Что же касается происхождения *ie*, то Миккола IF XVI 101 высказал намерение показать, что *ie* образовалось из иде. *əi* (подобно тому как он лит. *iau* выводит из иде. *əu*). Прежде, однако, проф. Миккола должен был бы указать несомненные следы иде. *əi* и *əu* в других иде. языках.

[24] [*ë*=*ie*. — Red.]

Тут прежде всего неясно для меня, какой звук (*ē*, или *ē*^{l}, или *ie*), по мнению Бецценбергера, получился в прусском из прабалтийского *ei*. Затем я решительно не понимаю, что доказывает отношение пр. *braydis* к лит.-ла. *briedis* в пользу каких-либо изменений в прусском прабалт. *ei* (или *ai*). И какова эта «äussere übereinstimmung» лит. *sniẽgas* и слав. *sněgъ* (но пр. *snaygis!*) и др.? Ведь слав. *ѣ* образовалось из всякого *oi* и *ai* (и никогда из *ei*), и произносилось ли это *ѣ* подобно лит.-ла. *ie*, этого мы не знаем. Остаются, значит, только немногие прусские формы с *e (ea)* и *i*, соответствующие лит.-латышским формам с *ie*. В большинстве же случаев во всех памятниках прусского языка прабалтийскому *ei* соответствует *ei* (при нисходящей интонации — *ēi*), и я думаю, что это *ei* непосредственно // восходит к прабалт. *ei*, а не через *ie*, как 60 (21)
ei в части жемайтских говоров: в литовско-латышском параллельно с *ie* из *ę̄* (из *ę̄i*) образовалось *uo* из *ō* (и жемайтские говоры, имеющие *ei* из *ie*, имеют *ou* из *uo*), между тем как в прусском *ō* совпало с *ā* в один звук, вероятно, в *ā̃* (ср. мои Латышские предлоги I 8 сл.[25]), а с другой стороны, прусский язык нередко имеет *ai* в таких формах, где в литовско-латышском является *ie*. Все это, по-моему, указывает на то, что *ie* возникло не в прабалтийскую, но в литовско-латышскую эпоху. И если прусское *ei (ēi)* в большинстве форм восходит непосредственно к прабалт. *ei*, то и редкие *e (ea)* и *i* (на месте ожидаемого *ei* в тех же памятниках, которые обыкновенно представляют *ei*), на мой взгляд, не доказывают существования *ie* в прусском, но требуют другого объяснения. Что касается форм с *e* вместо *ei*, то этимология форм *gewinna* и *gewineis* сомнительна, так что не знаем, к какому прабалтийскому звуку восходит их *e*. То же самое следует сказать про *prewerīngiskan* Enchir. 14 и 87 или *prewerīsnan* Enchir. 23 «Notdurft», где Бернекер (Pr. Spr. 133) усматривает префикс *prei-*, полагая, что *e* тут поставлено вместо *ei:* это я считаю невероятным ввиду того, что во всех трех местах, где встречается это слово, оно пишется без *i*, между тем как весьма часто встречающийся предлог и префикс *prei* в громадном большинстве случаев сохраняет свое *i*. Только три раза эта форма является без *i*: *pre-mayien* Кат. II (там же: *prey mayian*), *prē-mien* Enchir. 79, *preartue* Voc. 249; в последней форме *į*, находясь между гласными, вероятно, исчезло и в произношении, между тем как первые

[25] [Sai izdevumā I 317 sk. — Red.]

две формы — скорее всего простые опечатки вместо *prei-m.* и *prēi-m.* Опечатка, по-моему, также *dereis* Enchir. 73 (вместо *deireis* или *direis*) рядом с формами *endeirā* Enchir. 73, *endeirīt* 24, *endyrītwei* 86, *endirīs* 34, *endirisna* 62; Бернекер l. c. приписывает этому корню *ei*, полагая, что *i* и *e* передают неударяемое *ei*, но так как и неударяемое *ei* обыкновенно
61 (22) со-//храняется, а в этом слове *i* встречается чаще, чем *ei*, то я полагаю, что гласный этого корня восходит к прабалтийскому *ī*, которое в прусских текстах иногда является в виде *ei* (ср. Бернекер l. c. 120). Что же касается формы *palletan* Кат. I (рядом с *pralieiton* Enchir. 41, *prolieiton* 42, 44, *proleiton* 43, *praliten* Кат. II, *isliuns* Enchir. 30), то *e* там — или опечатка вместо *ei*, или же передает *ē*, вытеснившее дифтонг *ei* (из *ēi*) под влиянием тех форм, где *ēi̯* в положении перед гласными перешло в *ēj* (подобно тому как в литовском, как заметил Видеман Prät. 81, под влиянием инфинитива *lieti* возникло новообразование *liejau* вместо **lējau* = ла. *lêju*). Что в прусском существовала форма прош. времени, точно соответствующая ла. *lêju*, это показывает форма part. praet. act. *isliuns* Enchir. 30, где *i* правильно передает прабалтийское *ē* (ср. Бернекер l. c. 136 сл.), так что *isliuns* соответствует ла. *izlējis* (относительно утраты *j* между гласными ср. формы *biātwei, bia, crixtia* и др. Бернекер l. c. 164 сл.). В Кат. I, где встречается *palletan, ē* сохраняется (ср. *turrettwey, lesuns, edeitte*); а в Кат. II, где встречается *praliten, ē* перешло в *ī* (ср. *lysons, ydieyti*), так что и в *praliten ī* (если оно не опечатка вместо *ei*) могло образоваться из *e*, вытеснившего путем аналогии первоначальное *ei*. Если это так, то форма *palletan* или *praliten* представляет собою морфологическое новообразование по отношению к *proleiton* Enchir. 43 (в формах же *pralieiton* и *prolieiton* *i* после *l* обозначает смягчение предшествующего согласного, ср. Бернекер l. c. 164). Форма *semo* Voc. 14, наконец, — или описка вместо **seimo*, или же (как, может быть, и некоторые другие из вышеприведенных форм с *e* вместо *ei*) имеет *e*[26] //
62 (23) из *ēi* (из *ei* при нисходящей интонации), подобно тому как

---

[26] Ср. также *devus* у Симона Грунау рядом с частым *deiw-*. Если *e* в *semo* действительно передает *e* (из *ei*), то надо полагать, что оно первоначально возникло в тех падежах, которые имели ударение на коренном слоге. С *seamis* ср. *roaban* Voc. 467 (: лит. *raibas* [= *raĩbas* J. Endzelīns Senprūšu valoda 240. — Red.], ла. *ràibs*), *moasis* Voc. 261 и 516, где *oa* (= *å̄*) из *å̄i* (ср. *spoayno* Voc. 387) из *åi* (из *ai*) при нисходящей интонации (ср. Фортунатов BB XXII 171 сл. и Бернекер Pr. Spr. 257).

в (ла.) угаленском говоре, как выше указано, говорят *têks* рядом с *tê^{i}ks*. И как *zę̄mis* (из **zę̄imis*), по-моему, следует читать также *seamis* Voc. 257: *ea* здесь так же передает открытое *e*, как в *teansis* Voc. 254, *greanste* 305, *geasnis* 753, *peadey* 482, *mealde* 52 и в старолитовских текстах (ср. Bezzenberger BGLS 23 сл. и Вольтер Лит. катех. Даукши LXXI слл.). — Что же касается форм с *i* вместо ожидаемого *ei*, то формы *dineniskas* Enchir. 23 (рядом с частым *dein-*) и *diwūtiskan* Enchir. 26 (рядом с частым *deiw-*) — по всей вероятности, простые опечатки вместо *deineniskas* и *deiwūtiskan* (между тем как Бернекер l. c. 133 полагает, что *i* тут передает неударяемое *ei*, которое, однако, обыкновенно сохраняется). В формах же *kylo* Voc. 771, *lipe* 601, *sixdo* 26 *i*, по мнению Бернекера l. c. 256, передает весьма закрытое *ei*, но обыкновенно этот двугласный передается посредством *ei* или *ey*, и не имеем мы также никакого права считать пр. *ei* закрытым: простой гласный *e* в прусском, несомненно, произносился открыто (как и в литовском), и поэтому естественнее думать, что также в *ei* (как и в литовском *ei*) *e* произносилось открыто (ср. *taykowuns* Кат. I рядом с частым *teik-*, *pray* 2 раза в Кат. I рядом с частым *prei, san-day* у Симона Грунау, ср. Фортунатов BB XXII 172[1], рядом с частым *deiw-*). Столь же невероятно для меня мнение Микколы, что *i* в этих словах передает *ie*: звук *ie* передается в старолитовских текстах посредством *ie* или *e*, в старолатышских текстах — посредством *e* или *eh*. И, признавая мнение Микколы, мы лишаем себя всякой возможности выяснить судьбу прабалтийского *ei* в прусском. Если *i (y)* в этих словах не описка вместо *ei (ey)*, то оно в *kylo*[27] и *sixdo* обозначает долгое или краткое *i*, чередующееся с *ie* в лит. *kielė* и *žiẽgzdros*. Формы же *lipe*[27] и *siduko* Voc. 353// представляют собою скорее всего 63 (24)
заимствования из славянского (как относительно *siduko* полагает также Миккола Baltisches und Slavisches 16). — Итак, приходим к заключению, что прабалт. *ei* в прусском сохранилось, переходя при нисходящей интонации в *ēi* (откуда изредка *ē*).

Остается нам говорить еще об *ie* в начальных и суффиксальных слогах. Видеман, вообще не признающий возникновения *ie* из *ai (oi)*, допускает переход *ai (oi)* в *ie* в начале слова и полагает, что в конечных слогах даже всякое *ai (oi)* перешло в *ie* (Prät. 16 сл., 31, 201, Handb. 13, BB XXVIII 41).

---

[27] Подобное мнение высказал уже Фортунатов BB XXII 170.

Для *ie* из начального *ai- (oi-)* приводятся лит. *iẽšmas*, лa. *ìesms* : пр. *aysmis* Voc. 363, гр. αἰχμή и лит. *v-ienas*, лa. *v-iêns* : пр. *ains*, гот. *ains*, др.-ирл. *oen*, др.-лат. acc. s. *oino*[*m*], гр. οἰνή. Возможность, конечно, не исключена, что начальное *ai (oi)* подверглось таким изменениям, которые не касались неначального *ai (oi)*. Есть, однако, слова с начальным *ai-* (лит. *áidyti, áiškus, aitrùs, áitvaras, aižýti* и др., лa. *ailis, aiza, aîcinât* и др.), и, возводя *ie* в *iẽšmas* и *v-ienas* к *ai (oi)*, мы допускаем полный произвол в фонетических изменениях звуков, так как нельзя объяснить, почему *ai- (oi-)* то сохраняется, то изменяется в *ie*. И соответствующие формы родственных языков нас вовсе не принуждают возводить *ie* в *iẽšmas* и *v-ienas* непременно к *ai (oi)*, так как мы и здесь можем иметь дело с чередованием гласных. Что касается пр. *aysmis* (слова, встречающегося всего один раз), то не исключена возможность[28], что его *ay* восходит к прабалтийскому *ei*, так как в Voc. вместо открытого *e* весьма часто, особенно в начале слова, пишется *a*; гр. же αἰχμή также по своему окончанию не вполне соответствует балтийским формам. Формы же лит. *vienas*, лa. *viêns* теперь, правда, имеют *v* в начале, но не подлежит сомнению, что это *v* —
64 (25) сравнительно // позднего происхождения, причем я теперь считаю наиболее вероятным, что такое *v* (подобно *j* в других случаях) первоначально вставлялось во избежание зияния после слов, оканчивающихся на гласный. Явление это мы наблюдаем как в славянских (ср., напр., Pedersen KZ XXXVIII 311 сл., Brugmann Grdr. I² 943 и KVG 280), так и в балтийских языках (ср., напр., Brugmann Grdr. I² 940, Wiedemann Handb. §§ 56 и 67 и мои Латышские предлоги I 44[29]). Но приняло ли *vienas* свое *v* только после возникновения *ie*, этого мы не знаем. И ничто нам не мешает возводить *ie* и здесь к *ei*, хотя и прусский язык здесь указывает на иде. форму с *oi-* (*einan* Enchir. 73 рядом с частым *ain-* — скорее всего опечатка вместо *ainan*). На чередование гласных в этом корне указывают также слав. *ед-ьнъ*, лит. *inas* «bloss», «lauter» (Geitler Beitr. 45 сл.), *in* «она» (LChr. 337,18; если из **inà*), лa. *viņš* «он» (ср. Prellwitz Etym. Wrtb.² 325; *v-* в *viņš*, может быть, такого же происхождения, как и в *vienas*, и относительно значения ср. скр. *ēna* «он», ср.

---

[28] Эту возможность следует иметь в виду также в некоторых других случаях, как напр. в пр. *braydis*, лит. *briedis*, лa. *briêdis*.

[29] [Šai izdevumā I 351. — Red.]

Brugmann KVG § 441, 1). Ввиду всего этого я полагаю, что также в *iẽšmas* и *vienas ie* возникло из *ei*.

Переходя, наконец, к *ie* в суффиксальных слогах, остановимся сперва на *ie* в конечных слогах. При этом я, имея в виду посвятить в недалеком будущем особую статью латышскому вокализму конечных слогов, здесь не стану говорить о происхождении каждого окончания с *ie* в отдельности. Теперь будет достаточно установить, что в конечных слогах *ie* восходит, по всей вероятности, не только к *ei*, но также к иде. *ai* и *oi* (по господствующему мнению, это не подлежит никакому сомнению). Самым убедительным примером для конечного *ie* из *ai* я считаю окончание nom., acc. du. основ на *-ā*: лит. *gerie-ji, tiẽ-dvi* (: слав. *тѣ, ржцѣ*), где в иде. праязыке окончанием, по всей вероятности, было *-ai*. В других же случаях, где часть родственных языков указывает на иде. *oi* в окон-//чании, не исключена возможность, 65 (26)
что с этим *oi* чередовалось *ei*. Так это, по всей вероятности, было в nom. pl. основ на *-o* местоименной (и в части иде. языков впоследствии также именной) флексии. На это указывают, как заметили Бругман Grdr. II 790 и Бернекер Pr. Spr. 202, пр. nom. pl. *tennei* (встречается 6 раз) рядом с *stai, schai, quai* и др., лит. *dievaĩ*; gen. pl. *stẽi-son, schiẽi-son, tennẽi-son* (: слав. *тѣ-хъ*); dat. pl. *stẽi-mans, tennẽi-mans*, лит. *tiems, geriems*, ла. *tiẽm* (: слав. *тѣ-мъ*; *ie* в первоначально двусложных формах лит. *tiems*, ла. *tiẽm* с ударением на начальном слоге непременно восходит к *ei* ввиду всего того, что выше сказано о происхождении *ie*). Конечное *ie* из *ai (oi)*, вероятно, получилось таким путем, что *ai*[30] в положении после ударения (в односложных формах в энклитическом положении) перешло в *ei* и затем вместе с первоначальным *ei* через *ẽ* — в *ie*. Переход *ai* в положении после ударения в *ei* мы наблюдаем и в современных ла. говорах; ср. зельзауские формы *ādumeis* (= *ę̨damais*), dat. s. *vacei* (из *vę̨cai*), *lopei* (из *lapai* BB XVI 335); nom. s. *balteis* из *baltais* в части северо-западных ла. говоров (Мюленбах же IF XVII 426, по-моему, неправильно[31], приписывает возникновение окончания *-eis* влиянию прилагательных на *-eis* из *-ẽjs*); dat. s. *cūkei* из *cūkai* (Строкен, Рудден, Вормен, Цирау) и далее

[30] Конечное *ai* из *āi* не изменилось в *ei*, как показывает, напр., лит. dat. s. *tai, rañkai*.

[31] Как легко и незаметно переходит *ai* в положении после ударения в *ei*, показывает то обстоятельство, что иногда нам трудно было расслышать, говорится ли *ai* или же *ei*.

cūkē из *cūkei* (Апприкен, Шнепельн, Гриккен, Кабиллен, Маткульн и др.). Первоначальное же конечное *ei*, вероятно, перешло в *ie* (через *ē*) как под ударением (как в коренных слогах), так и в положении после ударения (в окончании dat. s. основ на *-i̯ē*, напр. лит. *žēmei*, *-ei* из *ēi* держалось или было восстановлено под влиянием окончания *-ai* основ на *-ā*), //
66 (27) между тем как (коренное) *ei* в положении перед ударением, как выше изложено, сохранилось (так объясняется и сохранение *ei* в лит. *beĩ* «и», *neĩ* «ни», являющихся обыкновенно в проклитическом положении: *neĩ jõks* «никакой», но: *niẽkas* «никто, ничто», *niẽkur* «нигде», *niẽkaip* «никак», и под влиянием этих форм также *niekadà* «никогда»). — В суффиксальных же (неконечных) слогах *ie*, кажется, восходит исключительно к *ei* (рядом с *ie* в таких слогах встречается *ai*, но никогда *ei*). Это суффиксальное *ie* является или под ударением, или же в положении после ударения, так что о возникновении его следует сказать то же самое, что и о конечном *ie*. Примеры: лит. *Ragainienas* «ein Ragniter», fem. *Ragainienė*, *karalienė* «королева», *viẽšpatienė* «госпожа», ла. *ķēniņiene* «королева» и др.; лит. *paũtienė* «яичница», *vakariẽnė* «ужин» и др.; лит. *mẽnesiena* «лунный свет», *jautienà* «говядина», *rugienà* «поле, засеянное рожью» (слова на *-ienà* не во всех падежах имеют ударение на конце, ср. Kurschat Gr. § 623), ла. *egliene* или *egliens* «ельник», *rāvienis* «болотина», *tâliene* «даль» и др.; ла. *sitiens* «удар», *lēciens* «прыжок» и др. (Лескин Nom. 412 сравнивает слав. *звѣро-ядина*); лит. *vókietis*, ла. *vācietis* «немец», ла. *siẽviete* «женщина» и др.

КОРРЕКТУРНОЕ ДОБАВЛЕНИЕ К СТР. 58[32]

После того как эта статья была передана редакции, вышла статья Бецценбергера KZ XLI 65 слл., посвященная вопросам прусского языка, где на стр. 123 говорится, что «das Preussische in einer früheren Zeit das litauisch-lettische *ie (i)* besessen ... und ... zu *ei* verwandelt hat ... Weshalb *ie* nicht immer durch *ei*, sondern auch durch *ai* vertreten ... ist, wird Sache einer eigenen Untersuchung sein müssen». Ввиду всего вышеизложенного я и теперь, к сожалению, не могу согласиться с проф. Бецценбергером.

---

[32] [Sai izdevumā II 24 sk. — Red.]

ATBILDE P. ŠMIDTA[1] ATBILDEI LATVIJAS 19. NOV. NUMURĀ

[1908 Latvija Nr. 293]

Biju savā laikā Latvijā[2] ievietojis pārspriedumu par beidzamā[3] Zin. kom. Rakstu krājumā iespiestiem P. Šmidta rakstiem, arī par tādiem (kâ par tautasdziesmu vecumu), ar kuŗu priekšmetu pats biju maz nodarbojies, jo domāju ir autoram, ir pašai lietai pakalpot, iepazīstinādams arī plašāku publiku ar Šmidta pārrunātiem jautājumiem. Kad atzītu lietpratēju trūkst, tad mazpratēja kritika, man šķiet, taču labāka kâ nekāda (vismaz šai gadījumā), un, cik zinu, cits bez manis līdz šim arī nav šos rakstus apspriedis. Bet Šmidts savā atbildē mani tâ kâ norāj par to formu, kādā sarakstīts mans apspriedums: kritiskām piezīmēm vajagot būt dibinātām uz faktiem. Lasītājam jānodomā, ka manā recenzijā nekādi fakti no manis nav minēti, lai gan dažus iepriekš atzīst pats Šmidts. Un jautājumos par kultūras vēsturi, tautasdziesmu vecumu un pantmēru man savos spriedumos vajadzējis būt «uzmanīgākam un atturīgākam». Kāda tad nu bija tā mana neuzmanība un neatturība? Biju teicis, ka «neuzskatu vēl par pierādītām» Šmidta domas, ka mūsu tautasdziesmu vairums radies jau katoļu laikmetā. Te man nāk prātā kāds nesenējs notikums Tērbatā. Pie profesora M. atnāk H. kungs, kas grib sarakstīt maģistra disertāciju, un prasa atļauju rakstīt to latīniski. Kad nu profesors ieminas par savu nespēju latīniski debatēt, H. kungs to apmierina, teikdams, ka profesora kungs jau iztikšot visur ar vārdiņu *concedo*. Tâtad laikam arī man šai gadījumā, kad pats nespēju pretējo pierādīt, bija jāaprobežojas ar *concedo* jeb latviešu žurnālistu valodā jārunā: «Mūsu cienījamais tautietis profesors Mag. P. Šmidta kgs spīdoši pierādījis mūsu tautasdziesmu sirmo vecumu.» Vai tāda atsauksme P. Šmidtam tiešām būtu labāk patikusi (nevis: patikuse!)? 3₁

[1] [Vēlāk *P. Šmidts* savu uzvārdu rakstīja bez *-d-*. — Red.]
[2] [1908. g. 186. numurā — šai izdevumā II 607—613. — Red.]
[3] [t. i., XIV. — Red.]

Manas šaubas (par aplamām nebiju Šmidta domas dēvējis) ir bijušas derīgākas: tās ir pamudinājušas Šmidtu vēlreiz šo jautājumu pārrunāt plašākas publikas priekšā, ar ko lietai būs tikai pakalpots. Bet kas uz pašu jautājumu attiecas, tad ir vēl tagad domāju, ka tikai daļa (bet ne vairums) tautasdziesmu formas un satura dēļ nevar būt jaunāka par katoļu laikiem (ir taču daudz dziesmas, un Latvju dainās tikai no
32 vienas vietas iesūtītas, // par kuŗu vecumu neliecina ne to saturs, ne forma) un ka arī vergu (ne: vērgu!) laikos ne vien dziedāja, bet arī sacerēja dziesmas vajadzības un patikas gadījumā (piem., apdziedoties, kur taču palaikam improvizēja). Pats Šmidts atzīst, ka Inflantijā dziesmu sacerēšana uzglabājusies līdz mūsu dienām; bet vai pārējā Latvijā ap 1800. g. kultūra bija augstāka kâ tagad Inflantijā? — Par pierādījumu savām domām, ka jau XVIII gadsimtenī latvieši piemirsuši veco dziesmu ritumu, Šmidts piemin jaunāko dziesmu sabojāto ritumu. Bet te jāievēro, ka par kļūdām atbildīgi blakus neveiklām teicējām arī uzrakstītāji un izdevēji. Tâ Barons min Latvju dainās 1948 piemērus, kâ Bütners bojājis ritumu, un kas attiecas uz Šmidta minēto pantu *kurin' ugun', silda gaisu,* tad Latvju dainas šo pantu šādā formā pazīst tikai no Cimzes Dziesmu rotas un Ārona Matīsa izdevuma (kas to laikam smēlis no Cimzes). Turpretim Latvju dainas (pielikumā pie Nr. 133) sniedz šo pašu pantu pareizā formā: *kur uguni, silda gaisu.* Jādomā, ka Cimze kâ še, tâ citur, gribēdams saskaņot metrisko akcentu ar prozas akcentu, patvarīgi grozījis tekstu līdzīgi Bütneram; un jaunajā Dziesmu rotas izdevumā, cik man zināms, šīs Cimzes nodarītās kļūdas diemžēl nav izlabotas. Tāda dziesma kâ «Nu ardievu, Vidzemīte» ar savu kļūdaino ritumu gan laikam nav vecāka par XIX gadsimteni un nevar derēt par pierādījumu Šmidta domām, ka latvieši jau XVIII gadsimtenī piemirsuši veco ritumu. Ar šīm manām piezīmēm viss jautājums, zināms, nav nodarīts, bet dienas avīzē par to vairāk ne varu, ne gribu rakstīt. — Šmidta pārējā polemika gandrīz tikai uz pārpratumiem dibināta, un atbildēšu (īsumā) tik uz svarīgākiem jautājumiem. Pētījumus par tautasdziesmu pantmēru pazīstu un atzīstu (un nebūt negribu tos «apgāzt ar pāra teikumiem»); bet Šmidts pats arī atzīst valodnieku spriedumus, ka latviešu gala zilbju patskaņi, kas tagad īsi, senāk bijuši gaŗi. Piem., jau minētais pants *kuŗ uguni, silda gaisu* senāk ir skanējis: *kuŗ(a) uguni, sildā gaisu*[4] (vai

[4] [-*u* laikam nodrukāts *û* = *uo* vietā. — Red.]

tolaik bija cits ritums, tā mēs nezinām). Un vienīgi uz šo skaņu likumu es gribēju norādīt, sacīdams, ka nav jādomā, ka tautasdziesmu 4. un 8. zilbē no laika gala nav bijis gaŗš patskanis. Senie gaŗie gala zilbju patskaņi saīsināti un senie īsie gala zilbju patskaņi atkrituši, pēc manām domām, jau priekš mūsu rakstnie-//cības sākuma (un tā domāju arī savā recenzijā), bet aizstāvēt šīs domas man nāksies citā reizē, citā vietā. Te tikai pieminēšu, ka Šmidts te veltīgi piemin tādas formas kâ *(tu) sit(i), velc(i), labāk(i)* u. c.; te atmestais *i* jau nav īss no laika gala, bet saīsināts no senāk gaŗa patskaņa vai divskaņa un tāpēc nepierāda Šmidta domas, ka īso gala zilbju atmešana vēl tagad neesot galīgi beigusies. — Beigās vēl tagad pieminēšu, ka par *zaļa vaŗa* nozīmi Šmidtam pilnīgi taisnība, kâ rāda sevišķi leišu tautasdziesmās bieži minētais *žalias* (ne *žalas*) *varias* (piem., Juškeviča Svotbinės dainos 17^9; 77^2; 81^2), kas man toreiz nebija prātā. 3₃

ARĪ DRUSKU PAR ORTOGRAFIJU

[1908 Latvija Nr. 296]

5₁ **Par burta ŗ lietošanu.** Pēc tam kad Latvijā viesmīlīgi — neraugoties uz cepuri — uzņemti visādi ortografi, iedrošinājos arī es ierasties. Nesen jau Mūlenbachs te rakstīja pret ŗ burta skaudējiem, un šo rakstu te gribu drusku papildināt. Tie, kas uzstājas pret ŗ (lietpratēju to starpā, zināms, nav), atsaucas uz šīs skaņas izzušanu daudz izloksnēs un uz «gŗūtumu» iemācīties viņas lietošanu. Jau Mūlenbachs bija teicis, ka tad būšot jāraksta arī *slapš, slapums, es vērpu* — tagadnē (un daži nemākuļi tâ jau arī raksta), jo daudz izloksnēs tâ runā. Piebildīšu vēl, ka tad varētu rakstīt arī, piem., *celš, zalš* (līdzšinēja *ceļš, zaļš* vietā), jo ir izloksnes, kur tâ runā. Un tad, lai gan pati (ne *patel*) ŗ skaņa daudz vietās zudusi, viņas p ē d a s manāmas vēl visās izloksnēs, tâ ka latviešu gramatika nekādi nevar bez tās iztikt. Tās vidus izloksnes, kur ŗ zudis, tomēr vēl mīkstina *s* pēc senāka ŗ: kamēr no ģenitīva *gara* «духа, des Geistes» nominātīvs tur skan *gars,* no ģenitīva *gara* «длинного», kas cēlies no senāka *gaŗa*, nominātīvs skan *garš* (senāk *gaŗš*), kâ no *zaļa — zaļš.* Un augšzemnieku izloksnēs, kur *a* citu skaņu priekšā pārvēršas par krievu vai vācu *o* līdzīgu skani, *a* senākā ŗ priekšā vai nu paliek nepārvērsts par *o*, vai arī (dažās izloksnēs) pārvēršas par *ä* (= platu *e*). Tâ, piem., Vietalvā no *darīt* tagadne skan *doru* (*o* gan nav tik skaidrs kâ vācu valodā), bet no *bārt* tagadne — *bäru* (no senāka *baŗu*), no *art* — *äru* (no senāka *aŗu*), un no *durt* tagadne tur — *duiru* (no senāka *duŗu*).Tâtad arī augšzemniekiem viņu izloksnes skaidri rāda, kur rakstāms ŗ. Un tāpēc gŗūtums to iemācīties nebūt nav tik liels, kâ to daži grib iestāstīt. «Pagasta skolās to nevarot iemācīties.» — Pagasta skolās arī daudz ko citu nevar iemācīties, un būtu bēdu lieta, ja ļaudis ar pagasta skolas izglītību tūliņ uzmestos par rakstniekiem. Bez tam domāju arī, ka labākie skolnieki arī pagasta skolā to var iemācīties. Kâ mūsu gramatikas[1] 26. § rādīts, lieta ļoti vienkārša.

[1] [Latviešu gramatika. J. Endzelīna un K. Mūlenbacha sarakstīta. Rīgā 1907. — Red.]

Jāraksta ŗ: 1) vārdos ar š (piem., *gaŗš*) un viņu locījumos un atvasinājumos; 2) lietuvārdos ar galotni *-is* un (daudzsk. ģenitīvā) ar galotni *-e* (kâ, piem., no *pūlis* ģenitīvs *pūļa*, tâ no *stūris* ģenitīvs *stūŗa*, un kâ no *pūles* ģenitīvs *pūļu*, tâ no *bēres* ģenitīvs *bēŗu*); 3) vienzilbes darbības vārdu (ar galotni *-rt*) tagadnē, izņemot viensk. otru personu (kâ, piem., no *celt* tagadne: *ceļu, cel(i), ceļ, ceļam, ceļat, ce-//ļams, ceļot,* 5₂
tâ no *dzert — dzeŗu, dzer(i), dzeŗ, dzeŗam, dzeŗat, dzeŗams, dzeŗot*); 4) vārdos: *ŗaukt, gŗaut, gŗūt, gŗava, kŗaut, kŗaupa, jūŗa, baŗot*[2]. Un ja blakus beidzamam vārdam stāv *barība* (ar nemīkstinātu *r*), tad tā nav valodnieku vaina, bet valodas likums. Vēl saka, ka tikpat jau nevarot to ŗ izrunāt. Bet tagad katram jāpiesavinās ŗ izruna, kas grib krievu sabiedrībā uzstāties, jo tas pats ŗ ir arī krievu valodā (*рь*). Un tāpēc latviešiem ne vien jārunā, bet arī jāraksta pareizi, piem., *Chaŗkova* (= *Харьков*). — Tiem, kas nekur neraksta ŗ, nevar noliegt zināmu konsekvenci, bet pavisam nepareizi rīkojas dažas avīzes un arī Konversācijas vārdnīca[3], kas raksta gan *kuŗš, gaŗš, jūŗa, kaŗš* (un nepareizi arī pat *Kaŗalauči*, lai gan šai vārdā nav ŗ) ar ŗ, turpretim citur visur nepareizi ar *r* (piem., *dzeru*, ģenit. *stūra* u. c.). Tāda nejēdzīga ortografija ir iespējama tikai pie mums, latviešiem; kāpēc tad īsti raksta blakus ģenitīvam *kaŗa* ģenitīvu *stūra*, kad abus izrunā vienādi ar ŗ? Kad šā burta pretiniekiem vairs nav cits ko teikt, tad tie saka, ka tas (un *ie*) «valodnieku kabinetos» izgudrots, cerēdami ar to sacelt lielāku pretestību. No valodnieku kabinetiem gan nu ortografiskas aplamības nevar rasties, bet šai lietā tiem nav ne nopelnu, ne vainas; jo visa nolemtā ortografijas reforma ir vairākās atklātās sapulcēs (uz kuŗām bija lūgti visi, kas gribēja) pārrunāta un nolemta, un ka sapulču dalībnieki akli nesekoja valodnieku domām, bet rīkojās patstāvīgi, to liecina tas, ka dažas lietas nospriestas arī pret valodnieku gribu. Bet tâ jau pie mums mēdz būt: kas baidās uzstāties lietpratēju sapulcē, kur tā domas tūliņ varētu atspēkot, tas pēc sapulcēm mēdz (pa lielākai daļai anonimi un «plašākas publikas» vārdā) uzstāties avīzēs pret sapulču lēmumiem. Lietu ar to, zināms, neveicina, bet vienošanos pēc iespējas kavē un jauc.

---

[2] [Vēlāk autors vairs neuzskatīja par nepieciešamu lietot rakstu valodā ŗ šādos atsevišķos vārdos, bet rakstīja to tikai tur, kur to prasa gramatiskā sistēma. — Red.]

[3] [Domāts Rīgas Latviešu biedrības 1903. un sekojošo gadu izdevums. — Red.]

VĒLREIZ PAR ŪSIŅU

[1908 RKr. XIV 134—138]

134 Manam rakstam «Kas bija Ūsiņš»[1] ir vismaz viens panākums bijis: tas ir paskubinājis mācītāju Auniņa[2] kgu pasniegt[3] jaunus materiālus par šo dieviņu. Auniņš neatzīst par pareizām manas minētā rakstā izteiktās domas, ka latviešu Ūsiņš ir radies no senvācu mājasgara *husing*. Un šai ziņā viņam gan laikam būs taisnība: *husing* senvācu literātūrā tiek tikai īsi pieminēts, kas rāda, ka tas bijis maz pazīstams vai arī agri izzudis, un latviešu Ūsiņu gan nevarēs šķirt no krievu *Усень* jeb *Овсень*, ko savest sakarā ar senvācu *husing* būtu visai grūti. Bet, ka Ūsiņa vārds nav atvasināms no saknes *aus-*, kuŗu atrodam vārdā *austra, austrums*, bet ir patapinājums, pie tām domām es arī tagad turos. Volters[4] un Auniņš domā, ka vārdi *Ūsiņš* un *Усень* cēlušies no tās pašas saknes, pie kam Volters tikai piemin, ka krievu formu atvasina no saknes *aus-*, bet Auniņš pilnīgi pārliecināts, ka latviešu un krievu forma cēlusies no minētās saknes. Krievu *Усень* atvasināja no šīs saknes Afanasjevs[5], Potebņa[6], Famincyns[7]. Bet viņi pie tam nav ievērojuši, ka slavu valodās pirmatnējais *s* pēc *u* pārvēršas par *ch*, kas tālāk izvēršas par *š*, ja seko *e, i*; sal., piem., *sauss* : *сухъ, sausinât* : *сушить, auss* : *ухо, ausis* : *уши* (ģenit. *ушей*). Tâtad no saknes *aus-* varēja celties tikai *Ушень*, bet ne *Усень*. Minētie piemēri rāda arī, ka pirmatnējais *au* slavu valodās

---

[1] Apskats I 25—27 [šai izdevumā I 268—272. — Red.].

[2] [Pirmpublicējumā *Aunings* korektoru patvaļīgi labots par *Auniņš*. Skat. J. Endzelīna recenziju par RLB XIV Rakstu krājumu laikraksta «Latvija» 1908. g. 186. numurā — šai izdevumā II 607—613. — Red.]

[3] Mag. XX 3, 1—30.

[4] Вольтер. Мат. 22.

[5] Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу III 748.

[6] Потебня. РФВ XI 35—45.

[7] Фаминцын. Божества древних славян 252. Krievu *ы* es rakstu latviski (un arī citiem ieteiktu to darīt) ar *y*, kâ vienmēr dara zinātniskos rakstos ar latīņu burtiem; arī latviešu austrumu izloksnēm ir pazīstams patskanis *y*.

pārvērties par *u* (pirmatnējais *ū* turpretim par *ы*, piem., *dūmi* : *дымъ*). Tâtad arī saknes patskanis vārdos *Ūsiņš* un *Усень* nav vienāds: krievu *у* vietā vajadzētu būt pa latviski *au*, un latviešu *ū* vietā vajadzētu būt pa krieviski *ы*. Tāpēc Potebņa domā, ka latviešu vārds varbūt patapināts, un Mar-//kovs[8] 135
par to pilnīgi pārliecināts. Lai varētum spriest, vai tas tiešām tâ var būt, mums vismaz īsumā jāiepazīstas ar latv. *Ūsiņa* un kr. *Усеня* jeb *Овсеня* vārdu un dabu. Latviešiem parastākā forma ir *Ūsiņš*; austrumu izloksnēs, kur *ū* pārvēršas par *ou* vai par *eu* un kur lieto pamazināmo vārdu galotnes *-ins, -eņš*, tai vietā, zināms, lieto formas *Ousins* vai *Jeuseņš* (tâpat kâ, piem., *jeureņa*[9] = *jūriņa, jeudins* = *ūdens*), un tāpēc Auniņš par velti atsaucas uz formu *Jeuseņš* kâ uz pierādījumu pret *Ūsiņa* atvasināšanu no senvācu *husing*. Blakus *Ūsiņam* sastopamais *Ūzsiņš* laikam ir radies, vedot *Ūsiņu* sakarā ar *ūzām*. Beidzot Auniņa krājumā vēl sastopama pamazināmā forma *Ūsenīts*, kas var būt radusies tik no *Ūsenis*. Tâtad *Ūsiņš* un *Ūsenis* ir pamata formas pie latviešiem. Uz Ūsiņa dabu attiecoties, Lautenbachs[10] un Auniņš domā, ka tas sākumā bijis gaismas dievs (arī pavasara saule pēc Auniņa domām). Un arī es savā rakstā teicu, ka dažās dziesmās Ūsiņš parādās kâ 23. aprīļa (jauna saimniecības gada sākuma) un līdz ar to kâ pavasaras personificējums. Bez tam Ūsiņu godina kâ zirgu un bišu dieviņu. Par zirgu dieviņu tas varbūt kļuvis no tam, ka Ūsiņa dienā (23. aprīlī) sāka zirgus pieguļā laist; kâ tas arī par bišu dieviņu tapis, to arī Auniņš neizskaidro. — Krievu valodā blakus sastopamas dažādas formas: *овсень, усень, таусень, авсень, говсень, баусень, таусинь, баусимь, тусень, титусень* u. c.; pirmās trīs sastopamas jau XVII gadsimteņa rakstos. Šīs formas lieto kâ refrēnu pantiņu beigās (kâ pie mums *līguo*)[11], kuŗus dzied 31. decembrī. Iet pa mājām un prasa pie loga: «Vai mājā saimnieks ar saimnieci? Atvēliet Ūseni *saukt* (кликать)!» Saimnieki atsaka: «Lūdzam, lūdzam; ar prieku apsveicam Ūseni, gaidīto viesi»; un vēlāk pacienā dziedātājus ar bliņiem, siveņu un teļu kājām. Parauga dēļ pasniegsim te pēc Famincyna un Markova dažas Ūseņa dziesmas:

---

[8] Этнографическое обозрение LXIII 50—65.

[9] [Pirmpublicējumā: *jeuriņa*. — Red.]

[10] Mag. XX 2, 174.

[11] No tām arī darbības vārdi *усенькать, таусенить*, kâ pie mums *līguot, jāņuot*.

Ой Овсень, ой Овсень!
Походи, погуляй
По святым вечерам,
По веселым теремам.
Ой Овсень! ой Овсень! //
136 Посмотри, погляди,
Ты взойди, посети
К Филимону на дворе...

...Бояре
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Мосточки мостили,
Сукном устилали,
Гвоздьми убивали.
Ой Овсень! ой Овсень!
Кому ж, кому ехать
По тому мосточку?
Ехать там Овсеню
Да новому году.
Бласлови-ко Бог, завтра Новый год!
Таусень, Таусенько! Дома ли хозяйка?
Таусень, Таусень!
Ея дома нету: на базар уехала,
Таусень, Таусень! (katras rindas beigās)
Торги торговати, товар закупати:
А мужу-то шубка, а себе-то юбка,
Сыновьям по шляпе, дочерям по ленте utt.

No dažādajām vārda formām pētnieki ir uzskatījuši par vecākām un raudzījuši izskaidrot formas *Овсень* un *Усень*. Atsaukdamies uz parašu staigāt ap Jaunu gadu pa mājām un apbārstīt ļaudis ar labības graudiem (vidus guberņās auzas pieder pie svarīgākām labības sugām), kuŗus rūpīgi salasa un vēlāk piemaisa pie sēklas, Sņegiŗevs[12] u. c. atvasina *Овсень* no *овесъ* «auzas», Veselovskijs[13] turpretim *Усень* no *сѣять* («sēt»; tâ ka būtu jāraksta īsteni *Усѣнь*). Pret to iebilst Potebņa, ka lielkrievu guberņās, kur pazīst *Ovseni* jeb *Useni,* nav parasta apbārstīšana ar graudiem; to sastopot tikai pie baltkrieviem un mazkrieviem, kas nepazīstot ne *Ovseņa,* ne *Useņa.* Bet varētu jau būt, ka minētā paraša senāk bijusi sastopama arī pie liel-

[12] Русские простонародные праздники II 103—113.
[13] Разыскания в области русского духовного стиха VI—X 107—110.

krieviem[14]. Ovseņa // vārdam (no *овесъ*), kâ piezīmē Famincyns, 137
tad būtu liela līdzība ar baltkrievu lauku gara vārdu *Житень* (no *жито* «labība»). Ja *Овсень* būtu vārda vecākā forma, tad *Авсень* būtu cēlies no *Овсень* tanīs izloksnēs, kur neuzsvērts *о* pārvēršas par *а*, *Усень* varētu būt radies no *Овсень*, savienojumam *ов* ātrā izrunā pārvēršoties par *оu* un vēlāk par *ū*; formu *Таусень* jeb *Тусень* Potebņa izskaidro no partikulas *та* savienojuma ar *Усень*, *Говсень* — no *гой Усень*. Ja *Усень* vecāks par *Овсень*, kâ domā Potebņa, tad *Овсень* varētu būt cēlies no *ой* (jeb *о*) *Усень*. Formu *Усень* uzskata par vecāku arī Aņičkovs[15] un Markovs, pie tam atsaukdamies uz kādu XI gadsimteņa piemineklī atrodamo formu *усинь* («ахатис акы усинь есть» — ahats ir tâ kâ *Усинь*). Aņičkovs domā, ka *Ūsiņš* ir svētā Jurģa epitets[16] (= pavārds; Ūsiņa diena sakrīt ar Jurģa dienu) un ka senkrievu *усинь* nozīmē «gaišs, spožs» (svēto Jurģi saucot arī par *светло храбрый*). Markovs piezīmē, ka Ovseņa dziesmu saturs bieži rādot, ka senāk tās dziedātas pavasarī un ka dažas no tām saturā līdzīgas dziesmām, kuŗas dzied Jurģos, sējumus apstaigājot (sal. latv. «Tas (Ūsiņš) atnesa kokiem lapas, zemei zaļu mēteliņu»; «Ūsiņam gaili kavu, lai aug rudzi, lai aug mieži»). Senkrievu *усинь* Markovs izskaidro kâ satiksmes vārda *у* (nozīmē *ie-*, sal. *iedzeltāns*, *iesarkans*) savienojumu ar īpašības vārdu *синь*; *усинь* tâtad — «синеватый», bet vārdam *синий* senāk bija arī nozīme «темно-красный», «светлый», tâ ka *усинь* var būt — «красный, свет-

[14] Ka tas tiešām tâ, to apstiprina Dobrovo|skija nupat pasniegtie materiāli (Изв. XI 4, 109—128) no Ŗazaņas gub. Sal. šādas vietas: Обсыпание составляет непременную принадлежность овсеня: где кличут овсеня, там обсыпают овсом... Обсыпают обыкновенно под Рождество пастухи, // а 137
в некоторых местностях и кликальщики овсеня, и делается это последними под новый год (123. lpp.). В одной деревне Ряжского уезда кликальщики овсеня изображают из себя мороз, обращаясь к хозяину дома со словами: Подай-ка чарочку, а не поднесешь чарочку, я предподнесу тебе палочку: я морoз и помолочу твой овес (112. lpp.).

Авсень-коляда,
Где ты была?
У бабушки была,
Овес воровала... (119. lpp.)

Beidzamās vietas rāda, ka vismaz tagad *Овсень* valodas apziņā kopojas ar *овес*. Kâ lauku gars parādās Ovsenis dziesmā:

Овсень мой, Овсень,
Уродись, Овсень,
На новое жито, пшеницу... (113. lpp.)

[15] Сборн. LXXIV 2, 312—316.

[16] Ūsiņš, līdzīgi sv. Jurģim, parādās dziesmās arī kâ jātnieks.

леющий». Aizrādīdams, ka slavi senāk saukuši decembri vai janvāri (kad dienas paliek gaŗākas un gaišākas) par *просиньць* (no tā paša *синь*; piem., slovēņu *prosinec* jeb *prosenec*, maz-
138 krievu *просинець*), Markovs domā, ka krievi senāk // kādu no pavasaras mēnešiem saukuši par *усинь* («светлеющий»), no kam vēlākās formas *Усень, Овсень, Таусинь* u. c. Ūseņa diena tad esot vēlāk pārcelta no pavasaŗa uz 31. decembri (*просинець*), kad sākas jauns kalendāra gads. No krieviem tad latvieši esot patapinājuši Ūsiņa vārdu un kultu, pie tam šo kultu pastāvīgi tālāk izkopdami. Lai nu kâ izskaidro krievu *Усень* jeb *Овсень*, par to laikam nav jāšaubās, ka latvieši savu Ūsiņu patapinājuši no krieviem. Par to liecina arī tas apstāklis, ka Ūsiņu, cik zināms, pazīst tikai austrumu daļā[17].

Tai pašā pretrakstā Auniņš mēģina pret mani aizstāvēt arī *pūķa* un *spuoka* latvietību, pie tam brīnīdamies, ka (ne tikai tas Endzelīns) arī «der durch seine philologische Akribie ausgezeichnete lettische Sprachforscher Herr Oberlehrer Mühlenbach» uzskatot latv. *pūķi* patapinātu no vāciešiem. Bet tad nu arī Auniņa kungam vajadzēja ar filologa akribiju rādīt, ka *pūķis* un *spuoks* nav patapinājumi. Tai vietā Auniņš saka, ka *pūķis* ir atvasināts no *pūt* un ir rada ģermāņu «pukam». Bet ja latv. vārds sākas ar *p-*, tad radu vārdiem ģermāņu valodās jāsākas ar *f-* (sal. *pūt* = vācu *faulen*). Tâtad *p-* abu valodu vārdā rāda, ka viena tauta šo vārdu patapinājusi, un, ka patapinātāji bijuši latvieši, par to gan nebūs ko šaubīties. Tas pats sakāms arī par latviešu *spuoku* un vācu *Spuk*; arī te *k* abu valodu vārdos liecina, ka viena valoda tapinājusi, jo citādi latviešu un ģermāņu valodu radniecīgos vārdos neatrodam abās pusēs *k*: kur ģermāņu valodā *k*, tur latviešu valodā *g* vai *c*.

---

[17] [Domāta Latvijas austrumu daļa. — Red.]

О РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЛАТЫШСКИХ ГОВОРОВ К ЛИТОВСКИМ

[1908 Изв. XIII 4, 176—194 un atsevišķā novilkumā 1909 1—19]

Уже проф. Бецценбергер заметил некоторое особое 176 (1)
сходство восточнолатышского наречия с литовским языком. Не ограничиваясь, однако, установлением этого факта, он в своих «Lettische Dialekt-Studien» (стр. 67—79) ставит вопрос, не является ли указанное наречие «переходным» диалектом от литовского языка к латышскому, и, как следовало ожидать, дает в конце концов ответ отрицательный на этот вопрос: в самом деле, если «переходным» называем такой диалект, относительно которого возможно колебаться, к которому из двух соседних с ним языков он принадлежит, то не подлежит никакому сомнению, что вышеупомянутое наречие, безусловно, входит в состав латышского (а не литовского) языка и что вообще нет переходных говоров между латышским и литовским языками. Что же касается особого сходства восточнолатышского наречия с литовским языком, то Бецценбергер в нем усматривает только литовскую окраску, возникшую в этом наречии отчасти случайно, отчасти благодаря заимствованиям. С такою формулировкою данного вопроса я, однако, не могу согласиться и полагаю, что восточнолатышское наречие действительно из всех латышских говоров является самым близким к литовскому языку, причем из литовских говоров жемайтское наречие стоит// ближе всего как к латышскому языку вообще, так — 177 (2)
в особенности — к восточнолатышскому наречию. Обосновывать этот свой взгляд я теперь и начну.

1. Сходство восточнолатышского наречия с литовским языком вообще

А) В области фонетики.

α) Уже Бецценбергером указано l. c. 67 и 79 слл., что в восточнолатышском наречии[1] гласный $\bar{a}$, как и в литовском, переходит в $\bar{o}$ ($\bar{\tilde{a}}$). Но, по его мнению, это совпадение не имеет никакого значения, так как-де рядом с этим в восточнолатышском наречии встречается также — чуждый[2] литовскому языку — переход краткого *a* в *o*. Сам Бецценбергер, однако, признает, что переход $\bar{a}$ в $\bar{o}$ в общем не подлежит никакому ограничению, между тем как переход *a* в *o* является в зависимости от известных условий. А если это так, то не исключена возможность, что $\bar{a}$ переходило в $\bar{o}$ не одновременно с переходом краткого *a* в *o* и что восточнолатышский переход $\bar{a}$ в $\bar{o}$ стоит в генетической связи с тем же переходом на литовской почве.

β) Бецценбергер далее указывает, что в восточнолатышском наречии часто удлиняются краткие ударяемые гласные, как и в литовском языке, но не признает за этим совпадением никакой доказательной силы, так как-де в восточнолатышском наречии (в противоположность литовскому языку) удлиняются также ударяемые *i* и *u*, само же удлинение кратких гласных не происходит так правильно, как
178 (3) в// литовском языке, и, кроме того, встречается также в нижнелатышских говорах. Но теперь, благодаря указаниям Барановского и Явниса, мы знаем, что также в восточноверхнелитовском и северо-западном жемайтском поднаречиях делаются долговатыми под ударением не только *a* и *e*, но также *i* и *u*. Что же касается кажущейся неправильности удлинения кратких ударяемых гласных в восточнолатышском наречии, то это явление еще нуждается в точном исследовании. Как у Бецценбергера, так и в записях по этому наречию, принадлежащих г. Мюленбаху и мне самому, действительно,

---

[1] В нижнелатышском наречии этот переход знают, насколько мне известно, лишь очень немногие говоры: Баденгоф, Ново-Залис (в Лифляндии), Ливенберзен (в Курляндии). Ср. также единичные примеры у Бецценбергера l. c. 90 сл.

[2] Только в части восточнолитовских говоров, по указанию Барановского, долговатое (ударяемое) *a* переходит в (долговатое) *o*, причем этот переход, как показывают тексты этих говоров (Литовская хрестоматия стр. 212 слл., 350 слл., 475 слл.), не зависит от вокализма следующего слога.

далеко не все ударяемые краткие гласные являются удлиненными; в моих материалах эти гласные в устах одного и того же лица являются то краткими, то долговатыми или даже долгими. Но надо иметь в виду, что, собирая эти материалы, одновременно обращали внимание на все диалектические особенности, так что не исключена возможность, что иногда неправильно записывались (привычные для исследователя) краткие гласные вместо долговатых, особенно там, где долговатые гласные незначительно дольше кратких. Затем играет роль в этом вопросе, вероятно, и то обстоятельство, что в предложении часто целое слово является слабоударяемым. Итак, желательны более тонкие наблюдения специально над этим явлением. Если же Бецценбергер далее заявляет, что удлинение кратких ударяемых гласных встречается также в нижнелатышских говорах, приводя несколько примеров из Смильтена, Трикатена, Залисбурга, Циравы, Кабиллена, Замитена, Вальдегалена и Дондангена, то мне достоверно известно, что в первых семи говорах краткие гласные обыкновенно не удлиняются; приведенные Бецценбергером формы представляют собою лишь единичные примеры случайного удлинения. Дондангенский же говор принадлежит к северо-западнолатышскому наречию, где (в Курляндии и в Лифляндии) правильно удлиняются краткие гласные перед звонкими согласными в случае исчезновения следовавшего за ними // гласного (несколько примеров у Бецценбергера 179 (4)
l. c. 150 слл.). Удлинение кратких гласных помимо только что указанного условия я встречал (в некоторых случаях) только в Мало-Грамздене, Пормсатене и Прекульне, но в этих нижнелатышских говорах вообще заметны следы литовского влияния. Форма же *kūkuot* «куковать», на которую также ссылается Бецценбергер, имеет (также в нижнелатышском наречии) постоянное (уже пралатышское) *ū*.

γ) Во всех восточнолатышских говорах, насколько мне теперь известно, длительные (в нижнелатышском наречии) долготы произносятся, как и в литовском языке, с нисходящею интонациею.

δ) Лит. *pīršlas* «палец» = восточнола. *pirsts* или (с диалектическим переходом *ir* в *ier*) *pìersts* (: нижнела. *pìrksts* или диал. *pierksts*); лит. *žirklės* = восточнола. *zirkles* «ножницы для стрижки овец», напр. в Соннаксте по Бецценбергеру l. c. 77, в Ново-Шваненбурге и Фестене (: нижнела. *dzirkles*); лит. *sudābras* (или *sidābras*)

«серебро» = восточнола. *sudobr(i)s,* напр. в Суббате, Тавнагах и Звирдзене (по Бецценбергеру l. c. 77), в Ликсне и Гросс-Бушгофе (: нижнела. *sudrabs* или *sidrabs*). Бецценбергер, правда, указывает, что в исторических памятниках упоминается местность *Sidobre* в южной Курляндии; но, с одной стороны, достоверно не знаем, на каком наречии говорили жители этой местности, а с другой стороны, если и допустить, что прежде и нижнелатышское наречие знало форму **sudabrs* или **sidabrs*, при наличности общих новообразований некоторое значение имеют также общие архаизмы. Что же касается формы *pìrsts*, то она, правда, по указанию Бецценбергера l. c. 78, известна также в нижнелатышском говоре Трикатена и также (прибавлю от себя) в Смильтене, Зербигале, Мергофе, Роннебурге, Зербене и Дростенгофе; но все эти нижнелатышские говоры граничат с восточнолатышским наречием, между тем как из остальных
180 (5) нижнелатышских говоров мне известна лишь форма // *pìrksts* (или *pierksts*). В восточнолатышском же наречии я встречаю эту форму со вставным *k* только в Эрлаа, Нейгуте, Гросс-Бушгофе, Экенграфе, Пикстерне, Сеццене и Дубена, между тем как огромное большинство известных мне восточнолатышских говоров не знает этого *k*.

B) В области морфологии.

α) Общие явления в словообразовании. Лит. *šáuti* «стрелять» = восточнола. *saut,* напр. в Ново-Шваненбурге, Кавнате, Smelters[3] 6, BW[4] 13250, 8, в грамматике Регегузена (бывшего пастором в Кокенгузене и Ашерадене) Mag.[5] XX 2, 38 (: нижнела. *šaũt*).

Лит. *grúdas* «зерно» = правосточнола. **grūds,* откуда, напр., *grouds* в Сеццене, Дубена, Пикстерне, Экенграфе, ср. также у Бецценбергера l. c. 76 (: нижнела. *graûds*).

Лит. *mielas* «милый» = восточнола. *mīls* (с *ī* из *ie*), напр. BW 13646, 20, Zb.[6] XVIII 411 и в Кавнате (: нижнела. *mīļš* = лит. *mylùs*).

Лит. *geležìs* «железо» = восточнола. *dzelezs* Smelters 19

[3] Smelters = Tautas dzísmu, posoku, meiklu un parunu woceleite, Sakrojis P. Smelters, Riga 1899.

[4] BW = Barons und Wissendorffs, Latwju dainas.

[5] Mag. = Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literärischen Gesellschaft.

[6] Zb. = Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. W Krakowie.

и у Бецценбергера l. c. 76 (: нижнела. *dzèlzs* = лит. *gelžìs*). Бецценбергер, правда, l. c. 78 замечает, что второе *e* формы *dzelezs* может быть вставным, но, по-моему, это невозможно, так как возникновение вставного *e* между *l* и согласными вообще чуждо восточнолатышскому наречию.

Лит. *júrios* «море» = правосточнола. **jūŗas*, ср. местн. пад. *jiurōs* Zb. XVIII 379 «в море», род. п. *jiuru* в Прейлях «моря» (: нижнела. *jūŗa*). Так как в большинстве латышских говоров *ŗ* перешло в *r*, то не исключена, впрочем, возможность, что уже в пралатышском рядом с *jūŗa(s)* встречалось также *jūra(s)*, ср. лит. *júra* в словаре Юшкевича.//

Лит. *kálvis* «кузнец» = восточнола. *kalv(i)s*, напр. в Савензе, Воркове, Zb. XVIII 276 слл. (: нижнела. *kalèjs*). 181 (6)

Лит. *obelis* «яблоня» = правосточнола. **ābels*, ср. *ābels* в Леттине, Ново-Шваненбурге BW 5590 var., 5591 var., *ā^{e}bę̄ls* в Пебальге, Эрлаа (: нижнела. *âbele*; по указанию П. Шмидта MWM[7] 1903 г., стр. 652, форма *ābels* встречается, рядом с более обычным *âbele*, также в нижнелатышском говоре Роннебурга, недалекого от области восточнолатышского наречия).

Лит. *vilnìs* (основа на *-i*) «волна» = правосточнола. **vilns*, ср. вин. п. множ. ч. *vil'ńis* в Краславе Mag. XIV 2, 179 (: нижнела. *vilnis*, род. п. *viļņa*).

β) Лит. *jìs* «он» = восточнола. *jis*, ср. указания Бецценбергера l. c. 76 (: нижнела. *viņš*). Если даже согласиться с Бецценбергером в том, что *jis* когда-то раньше было общелатышским местоимением, то тем не менее и это совпадение в связи с другими не лишено некоторого значения.

γ) Лит. *sniñga* «снег идет» = восточнола. *snèig* в Сеццене (: нижнела. *snìeg*, ср. лит. *sniẽgt*). Лит. *lýja* «дождь идет» = правосточнола. **līj* (или **lij*?). Ср. *lij* в Савензе, Фестене, Берзоне, Эрлаа, *lej* в Гросс-Бушгофе, Гольмгофе, Сеццене, *ŧej* в Прейлях, Кавнате (: нижнела. *lîst*). Лит. *sutinkù* «лажу с» = восточнола. *satìku* в Старо-Пебальге, Ново-Шваненбурге, *sat'eiku* в Кавнате, Zb. XVIII 242, Smelters 15 (: нижнела. *satìeku*).

δ) Как в разных литовских говорах (ср. указания Бецценбергера l. c. 73 и Поржезинского К истории форм спряжения в балтийских языках, стр. 62), так и в восточнолатышском наречии встречаются окончания *-tumet* для I л. множ. ч. желательного (или условного) наклонения и

[7] MWM = Mahjas Weesa Mehneschraksts.

-tumet для II л. множ. ч. того же наклонения. Вдобавок
182 (7) к восточнола-//тышским формам, приведенным Бецценбергером l. c. 72, укажу, что я это окончание встречал также в восточнолатышских говорах Гросс-Бушгофа, Ворковы, Прейлей. Если даже признать правильным ничем не обоснованное мнение Поржезинского l. c. 66, по которому это восточнолатышское окончание заимствовано из литовского языка, то и возможность заимствования указывает на более тесную связь восточнолатышского наречия с литовским языком.

ε) В восточнолатышском наречии далеко распространены окончания *-mēs* (= лит. *-mės*) для I л. множ. ч. возвратного залога и *-tēs* (= лит. *-tės*) для II л. множ. ч. того же залога, между тем как нижнелатышское наречие, насколько мне известно, знает только окончания *-mies* и *-ties* (известные также в части восточнолатышских говоров).

Если и согласимся с Бецценбергером (указавшим l. c. 73 на это явление), что когда-то прежде и нижнелатышское наречие знало древние окончания *-mēs* и *-tēs*, то и в таком случае это совпадение не лишено некоторого значения.

=

C) В области семасиологии и лексикона.

Восточнолатышский предлог *ap*, как и лит. *apiẽ*, употребляется и в переносном значении русского *о(б)* (ср. мои Латышские предлоги I 27 сл.[8]), между тем как в нижнелатышском наречии *ap* обыкновенно сохраняет свое местное значение («вокруг»), а в значении русского *о(б)* употребляется предлог *par*. Только из восточнолатышских текстов я знаю также форму *aplīk* или *apļeik* «вокруг» = лит. *apliñk* (ср. мои Латышские предлоги I 31 сл.[9]).

Как в литовском (ср. Lit. Mitt. II 35), так и в восточнолатышском слово *kur* («где») употребляется в значении относительного местоимения (всех чисел, падежей и родов), напр. у Бецценбергера l. c. 18, BW 20295, 2, 5, Zb. XVIII 419, 446, 447, 486, 489.

Лит. *ateĩti* «приходить» = восточнола. *atiet* в грамматике//
183 (8) Регегузена Mag. XX 2, 39 или *atīt* Zb. XVIII 238, 239 (: нижнела. *(at)nākt*).

Как лит. *vidui*, так и местн. пад. ед. ч. восточнолатыш-

---

[8] [Šai izdevumā I 334 sk. — Red.]

[9] [Šai izdevumā I 339. — Red.]

ского *vid(u)s* (напр., *vidū* в Сеццене, *vydā* в Дубена, Zb. XVIII 239) употребляется в значении «внутри, внутрь» (= нижнела. *ìekšā*), между тем как нижнела. *vidū* употребляется в значении «среди».

Лит. *šáltas* «холодный» = восточнола. *solts*, напр. Zb. XVIII 243 (: нижнела. *aũksts*).

Лит. *dirvà* «нива» = правосточнола. **dirva*, ср. BB XXIX 279[10] (: нижнела. *druva*).

Лит. *tèpti* «мазать» = восточнола. **tept*, ср. им. п. множ. ч. причастия *apzalapušis* «обмазавшиеся» Zb. XVIII 491 (*tępu* BB XXVIII 275 — вероятно, литуанизм).

Лит. **kairas* «левый» (ср. *kairẽ* «левица», *kairỹs* «левша») = восточнола. *kairs*, ср. род. пад. ед. ч. женск. р. *kairōs* Zb. XVIII 482.

Лит. *visadà* «всегда» = восточнола. *vysod* Zb. XVIII 416.

Лит. *vaĩdas* или (у Межениса) *vaidai* «раздор, ссора» = восточнола. *vaidi* «война» Zb. XVIII 367.

Лит. *àtkaitas* (у Юшкевича) «замена, перемена» (: *keĩsti* «менять») : восточнола. *otkait* «опять» Zb. XVIII 382, 394.

Лит. *šiẽptis* «die Zähne fletschen» : восточнола. **sīpt* (из **siepti*), ср. III л. прош. вр. *atsīpę (zùbus)* «оскалила (зубы)» BW 19402.

Что же касается прочих восточнолатышских форм и оборотов, приведенных Бецценбергером, то они — или сравнительно поздние заимствования из литовского языка, или же встречаются также в нижнелатышском наречии. Так, например, *nãsis* «ноздри» — слово, встречающееся, может быть, во всех нижнелатышских говорах. И, как показывает BW 2825 с вариантами, форма *kļavs* «клен» встречается также в нижнелатышском наречии. То же самое следует сказать про *šte* «здесь» и *šitas* «этот».//

2. Сходство восточнолатышского наречия с жемайтским наречием

184 (9)

A) В области фонетики.

α) В жемайтском наречии, как известно, звуки *ė* и *o* (долгое) перешли в *ie* и *uo*, и также в восточных говорах восточнолатышского наречия, как указано Бецценбергером l. c. 68 и 84 сл., произошел подобный переход звуков, только что переход (закрытого) *ē* в *ie* в восточнолатышском зависит от известных условий, чуждых жемайтскому наречию.

[10] [Sai izdevumā I 286. — Red.]

β) В восточных говорах восточнолатышского наречия, как известно, звуки *uo* и *ie* перешли в *ū* и *ī*, как и в юго-восточных говорах жемайтского наречия. В северо-западной части этого наречия из *uo* и *ie* получились *ou* (с закрытым *o*) и *ei* (с закрытым *e*), но эти двугласные, как указано мною в статье о происхождении *ie*[11], вероятно, получились из *uu̯* и *iu̯* (ведь в северо-западных говорах жемайтского наречия краткие *u* и *i* переходят в закрытые *o* и *e*), а к *uu̯* (из *uǫ*) и *iu̯* (из *ię*), вероятно, восходят также *ū* и *ī* (на месте *uo* и *ie*) юго-восточных говоров жемайтского наречия[12] и восточных говоров восточнолатышского наречия.

В) В области морфологии.

α) Общие явления в словообразовании. Жем.[13] (но также верхнелит.) *lytus* «дождь» = восточнола. *līts* в Эрлаа, Савензе, *leits* в Гросс-Бушгофе, Зельбурге, Экенграфе, Сеццене и др., ср. также указания Бецценбергера l. c. 77 (: нижнела. *liêtus* = восточнолит. *lietus*, напр. у Даукши).

Жем. (по Юшкевичу, но также верхнелит.) *ẽlksnis* «ольха» = восточнола. *eĺksnis*, напр. в Зельбурге, Старо-Пебальге, Эрлаа, Фестене, Кавнате, ср. также BW 2823, 1 и в особен-// 185 (10) ности 9778 с вариантами, по которым *èlksnis* встречается также в части соседних нижнелатышских говоров (: нижнела. *àlksnis* = лит. *alksnis*).

Жем. *vokytis* (где *y* не из *ie*) «немец» у Лескина Nom. 572 (из Довконта) и Яблонского в послесловии к словарю Юшкевича IV = восточнола. *võćeits* (ср. nom. pl. *võćeiši* Zb. XVIII 283, *tatvéits* «латыш» 282, женск. р. *tatvéiťa* 367, gen. s. *tauťeiša* «земляка» Mag. XIV 2, 174), между тем как нижнела. *vãcietis* = верхнелит. *vókietis*.

Жем. acc. s. *undinį* «воду» LChr.[14] 193, 36 или *vąndini* LChr. 323, 21 = восточнола. *jiuďińi* Zb. XVIII 491 с nom. s. *jiuďińc* и gen. s. *jiuďińa* ibid. 462 (: нижнела. *ûdeni*[15] =

---

[11] [Sai izdevumā II 23. — Red.]

[12] Готио так и пишет *ij* вместо *i*.

183 [13] Ср., напр., указания Яблонского в послесловии ко II выпуску I тома словаря Юшкевича, стр. IV и XXVII.

[14] LChr. = Литовская хрестоматия Вольтера.

[15] Только в прусских говорах нижнелатышского наречия [= Kuršu kāpu latviešu izloksnes. — Red.], вообще подвергающихся сильному влиянию литовского языка, отмечены формы *ûdini*, *rudini* и др., ср. Bezzenberger Über die Sprache der preussischen Letten 63 и Becker BB XXVIII 269, и можно думать, что прусские латыши переняли эти формы из соседних

верхнелит. *vándenį*), жем. acc. s. *rudinį* «осень» LChr. 196, 26 = восточнола. *ruďińi*, ср. gen. s. *ruďiņa* Zb. XVIII 468 (: нижнела. *rudeni*[15] = верхнелит. *rùdenį*).

β) Основы на *-u* в жемайтском (и также в соседнем с ним северном пруссколитовском) наречии, по указаниям Бецценбергера и Явниса, оканчиваются в loc. s. на **-uo*, как и в восточнолатышских говорах, напр. в Ново-Шваненбурге, Голговски, Эрлаа, Старо-Пебальге, Лизоне, Одензе, Зесвегене, Линдене, Грундзале, Адзель-Шварцгофе, Фестене и (по указанию Каулиня) в Сауссене и Зельзау. В других же восточнолатышских говорах это окончание не сохранилось, потому что там основы на *-u* перешли в основы на *-o*.

γ) Жемайтское *mùna* (несклоняемое притяжат. местоимение I лица ед. ч.), напр. LChr. 170, 18 и 180, 37 и в Litauische Stu-//dien Гейтлера 22, = восточнола. *muna* (gen. s. к *munc* «мой» с полным склонением), напр. в Зельзау BB XVI 335, Оппекальне Mag. XIII 1, 22, Краславе Mag. XIV 2, 163, Ново-Шваненбурге, Лубане, Кроппенгофе, Тирзене, Леттине, Савензе, Лезерне, Старо-Кальценаве, Одензе, Штокмансгофе, Линдене, Эрлаа, Фестене, Друвенене, Гольмгофе, Лассене, Гросс-Бушгофе, Пикстерне, Дубена, Сеццене, Зельбурге, Иллуксте, Ликсне, Воркове, Прейлях Zb. XVIII 439; жем. dat. s. *mun* LChr. 169, 37, Kurschat Gr. § 856 и 858, или *mùny* LChr. 318, 17, или *mùnei* LChr. 324, 23 (также по Яблонскому в послесловии к словарю Юшкевича, стр. LIII) «мне» = восточнола. *mun*, напр. в Сауссене BB XVI 335, Шваненбурге, Буцковски, Тирзене, Ремерсгофе, Лаздоне, Лизоне, Старо-Кальценаве, Сеццене, Одензе, Штокмансгофе, Линдене, Эрлаа, Фестене, Друвенене, Лезерне; жем. acc. s. *mùni* «меня» LChr. 314, 40, Kurschat Gr. § 856 и 856[a] = восточнола. *muni*, напр. BW 6773 var., или *mu[i]ni*, напр. в Линдене и Эрлаа; жем. gen. s. *munês* «меня» LChr. 180, 44, или *munęs* Kurschat Gr. § 855, Lit. Mitt. V 18, или *munės* Kurschat Gr. § 856, или *munis* Kurschat Gr. § 856[a] : восточнола. *mu[i]nis*, напр. в Сауссене BB XV 297, или *mu[i]nc*, напр. в Эрлаа. Надо указать, что формы личного местоимения с *mun-* в восточнолатышских говорах гораздо менее распространены, чем притяжательное местоимение *munc*; так, 186 (11)

с жемайтским наречием северных пруссколитовских говоров [= agrākās Austrumprūsijas zieme|u da|as, t. i., Klaipēdas novada, izloksnes. — Red.], ср. acc. s. *vándin'* в Прейсиш-Кроттингене (Lit. Mitt. II 31) и gen. s. *vandinio* у Бреткуна (Bezzenberger BGLS 130).

напр., в инфлянтских сказках, помещенных в Zb. XVIII, рядом с *munc* «мой» встречаются только формы dat. s. *mań* «мне», acc. s. *mańi* «меня», gen. s. *mańis* или *mańa* «меня» (а не *mun, muni, munis*).

δ) Жем.[16] окончание *-muos* (из *-*mās*) для I л. множ. ч. //
187 (12) возвратного залога = тому же окончанию *-mās* зельзауского говора восточнола. наречия, указанному BB XVI 337, ср. также BB XIV 122[1].

ε) Верхнелит. формам наст. времени типа *ráuju* «рву» в жемайтском наречии, по указанию Явниса, соответствуют формы (новообразования) типа *ráunu* (также в восточнолит. говорах, напр. в янишском гов. по LChr. 330, 26 и в Оникштах, ср. Schleicher Donal. 336). И такие же формы на *-nu* свойственны также восточнолатышским говорам, между тем как нижнелатышское наречие вообще сохраняет древние формы на *-ju*. Только в примыкающей к восточнола. наречию части нижнела. говоров употребляются формы на *-nu* (напр., в Бальдоне, Миссгофе, Каугерсгофе, Роннебурге, Зербене, Дростенгофе). Кроме того, я встречал формы на *-nu* в нижнела. говорах, недалеких от жемайтской территории: *kr̨aunu* «складываю в кучу» в Крутене (рядом с *rauju* «рву»), *pl̨aunu* «кошу» в Прекульне, *raunu* «рву» в Лигуттене. А в говорах этих местностей вообще заметно некоторое влияние соседнего литовского языка. Также пруссколатышские формы на *-nu*, приведенные BB XXVIII 276, вероятно, следует считать литуанизмами. — Из восточнола. говоров Кроппенгофа, Кортенгофа, Дубена известна мне также форма *reinu* (с *ei* из *ī*) «жру, глотаю» = жем. *rynù* (по Куршату, также около Мемеля).

ζ) Верхнелит. глаголу *imù, ėmiaũ, iḿti* «брать» соответствует (по Явнису) жем. *jamù* (II л. *jemì*; в подлиннике: *ямý, jэмú*), *jiemiáu, imti* (в словаре же Юшкевича даются без указания местности формы *jemù, (j)ėmiaũ, (j)iḿti*) = восточнола. *jämu, jiemu* (III л. *jämä*), *jimt'* в Кавнате (ср. еще III л. наст. вр. *jam* Zb. XVIII 240, 241 или *jęm* 241, III л. прош. вр. *jęḿa* 466, неопр. накл. *jimt'* 454, II л. ед. ч. буд. вр.
18 *jimśi* 467), между тем как в нижнела. наречии употребляется *jęmu, jēmu, jemt.*

---

[16] По указанию Явниса Описание Россиенского уезда 44. Бецценбергер же (Spr. d. pr. L. 88) говорит о «севернолит.» *-mâs* вообще и в своих BGLS приводит окончание *-mos(i)* также из старых пруссколитовских текстов, но там встречается это окончание рядом с обычным *-mės(i)*, тогда как в жем. наречии известно, по-видимому, только окончание *-muos*.

η) Жемайтское (по Явнису) *myžù* «mingo» (вероятно, из **myžiù*) = восточнола. *mižu* в Кальценаве (по Биленштейну // LSpr. I 352), между тем как из нижнела. говоров мне, рядом с обычным *mìeznu*, известно и *mìezu* из Вольмарсгофа (= верхнелит. *mẽžù*). 188 (13)

C) В области семасиологии и лексикона.

Жем. *kar(a)s* «войско» в значении совпадает с восточнола. *kars* (из **kaṛas*) «войско» Zb. XVIII 390, 439, между тем как верхнелит. *kãras*, нижнела. *kaṛš* значат теперь «война». Только из сасмакенского говора нижнела. наречия мне по BW 16217 известно *kaṛš* «войско». Ср. также лит. *kãrias* «войско» у Даукши, напр. Post. 7, 36.

Жем. **krìpti* «кривиться» (ср. жем. *iškrìpti* «искривиться» у Юшкевича; в верхнелит. наречии *krỹpti*) = восточнола. **kript*, ср. III л. прош. вр. *(peršťi jam) atkrypa* «(palce mu) skoiczały» Zb. XVIII 489.

Жем. *dvokti* «stinken» Geitler Lit. St. 82 (*dvokti* и *dvokas* или *dvãkas* «вонь» также у Юшкевича) : восточнола. *dvaka* «вонь» (напр., в Мезелау).

Теперь, правда, жемайтская территория не граничит с восточнолатышской территорией, но не исключена возможность, что они когда-то прежде действительно граничили друг с другом, и указанные мною соответствия, кажется, предполагают это.

3. Сходство жемайтского наречия с латышским языком вообще

A) В области фонетики.

α) В жемайтском наречии акутованные долготы произносятся с нисходящею интонациею, как и в верхнелитовском, но, по указанию Явниса, интервал между первою частью долгого звука, произносимою высоким и напряженным голосом, и второю, произносимою низким и слабым голосом, менее значителен в жемайтском, чем в верхнелитовском наречии. Таким образом, жемайтское произношение акутованных долгот стоит ближе верхнелитовского // к латышскому произношению этих долгот: в восточнолатышском наречии они произносятся с нисходящею интонациею 189 (14)

(с интервалом не очень значительным), в нижнелатышском же с длительною интонациею. Также в произношении циркумфлектованных долгот жемайтское наречие (с восходяще-нисходящею интонациею) занимает середину между верхнелитовским наречием (с восходящею интонациею) и латышским языком (с нисходящею интонациею).

β) В северо-западных говорах жемайтского наречия и также в прочих северных говорах литовского языка (по Явнису и Барановскому) преобладает ударение вторичное (т. е. перенесенное с окончания на коренной слог), свойственное всем латышским говорам, причем долгота с таким вторичным ударением произносится с равномерно-восходящею интонациею, как и акутованные долготы с вторичным ударением в части восточнолатышских говоров.

γ) В жемайтском наречии и также в прочих северных говорах литовского языка (по Явнису и Барановскому) слабоударяемые конечные долгие гласные литовского праязыка переходят в краткие, пралитовские же краткие гласные подвергаются исчезновению, и подобное явление хорошо известно нам из латышского языка.

δ) В северной части жемайтского наречия (по Явнису) прабалтийское тавтосиллабическое *an* перешло в *ǫn* (т. е. в сочетание носового *o* с *n*), и к такому же *ǫn*, по-видимому, восходит также латышское *uo* из прабалтийского *an*. Следует еще упомянуть, что, по указаниям Барановского, и в части северо-восточных лит. говоров Ковенской губернии, примыкающих к жемайтской территории, *an* перешло в *on* (но не в *ǫn*).

В) В области морфологии.

α) Общие явления в словообразовании. Верхнелитовскому *vanduõ* «вода» соответствует в жемайтском наречии (по крайней мере, в части его) форма с начальным
190 (15) *und-*, ср., напр., acc. s. *undinį* LChr. 193, 36 (рядом // с *vąndini* 323, 21 из андреевского жем. говора), и к *und-* восходит
18 также *ūd-* в общелатышском *ûdens*.

По указанию Барановского, верхнелитовскому уменьшительному суффиксу *-ėlys* соответствует жемайтское *-elys* (с кратким *e*), как и в латышском *(-elis)*. И, по его же указанию, в жемайтском наречии, как и в латышском языке, гораздо меньше уменьшительных суффиксов, чем в верхнелитовском наречии.

β) Основы на *-u* (существительные) в жемайтском наречии (по указанию Явниса), как и в латышском языке, во множественном числе заменены основами на *-o*.

γ) В жемайтском наречии (по указанию Явниса), как и в латышском языке, уцелели только незначительные осколки от нетематического спряжения.

δ) Верхнелитовскому *ẽsąs* «сущий» (по указанию Явниса) соответствует жем. *ẽsus* = ла. *esus* (с кратким *e*).

ε) Жемайтское (по Явнису, но отчасти и пруссколитовское) *deviau* «я да(ва)л» (: верхнелит. *daviaũ*) = ла. *devu*.

ζ) Жемайтское (по указанию Явниса) *baráu, kaláu, maláu, tapáu* (: верхнелит. *bariaũ, kaliaũ, maliaũ, tapiaũ*) = ла. *baru* «я бранил» (BB XIV 133[1]), *kalu* «ковал», *malu* «молол», *tapu* «(с)делался».

η) Жемайтские формы *siuvù* «шью», *šlejù* «наклоняю», *lejù* «лью», *šálstu* (или *šalù*) «мерзну», *svilstu* или *svelù* «палюсь», *dilstu* или *delù* «убываю (от трения), изношусь», *birstu* «сыплюсь» (по Явнису), *šilstu* «согреваюсь» в послесловии Яблонского к словарю Юшкевича, стр. VIII (: верхнелит. *siūvù, šliejù, lieju, šąlù, svįlù, dįlù, bįrù, šįlù*) = ла. *šu(v)u*, напр. в Валльгофе, Экау, Старо-Пебальге, Зербене, Дростенгофе, Роннебурге, Каугерсгофе, Вольмарсгофе, Нидер-Бартау, Каллетене, *sleju, leju, salstu* (употребительное в части восточнола. говоров *saļu*, может быть, из **salu* под влия-// нием *kaļu* «кую», *maļu* «мелю»), *svilstu* или *svęlu*[17] у Регегузена Mag. XX 2, 36, *dilstu* или *dęlu, birstu, silstu*. 191 (16)

ϑ) В Тельшевском уезде (по указанию Яблонского в послесловии к словарю Юшкевича, стр. XIII) в значении верхнелит. инфинитива на *-te* употребляется и форма с окончанием *-tinai* = ла. форме с окончанием *-tin* (ср. Latweeschu gramatika § 126, 264).

C) В области семасиологии и лексикона.

В жемайтских, но также в других северных говорах Ковенской губернии (ср. мои Латышские предлоги I 153 сл.[18]) верхнелитовским *per, pér-* соответствуют *par, pàr-* = ла. *pàr, pār-*.

---

[17] Причастие (*svęluots* или *svęlaošs*) от этой основы *svęla-* еще теперь употребляется в некоторых говорах в значении прилагательного, ср., напр., Etn. I 59 (с диалектическим *a* из *ę*) и 89 сл.

[18] [Sai izdevumā I 454 sk. — Red.]

В жемайтских, но также в других северолитовских говорах употребляется предлог *lýg* или *lìg(i)* «до» = ла. *līdz* или *li(dz)* (ср. мои Латышские предлоги I 76 сл.[19]).

В части жемайтских, но также других северолитовских говоров глагольные префиксы *nuo-* и *prie-*, как и в латышском языке (где *prie-* заменено формою *pìe-*), не подвергаются сокращению в *nu-* и *pri-* (ср. мои Латышские предлоги I 127 слл. и 181 слл.[20]).

Жем. *apikarta* «Umgebung» Geitler Lit. St. 77 : ла. *apkàrt* «вокруг».

Жем. *atkalei* «entgegen, umgekehrt» Geitler l. c. 78 (но также у Межениса; ср. также *àtkatas* «обратный» у Юшкевича) = ла. *atkal* «опять».

Жем. *barioti* «mästen» Geitler l. c. 79 : ла. *baŗuot* «кормить».

Жем. (по Барановскому) *balę̃ndys* «голубь» (но также у Юшкевича и Куршата: *balañdis*) = ла. *baluôdis*.

Жем. (по Барановскому) *cy̆rulys* «жаворонок» (но также у Юшкевича и Куршата: *cyrulỹs* = ла. *cīrulis*. //

192 (17) Жем. *daba* «природа, свойство, нрав» Geitler l. c. 80 (но также у Юшкевича) = ла. *daba*.

Жем. *ertas* «geräumig» Geitler l. c. 82 (но также у Юшкевича) = ла. *ę̃rts* (напр., в средней Курляндии).

Жем. *geraŋkštis* «Backenzahn» Geitler l. c. 83 : ла. *dzęŗuokslis*.

Жем. *gožti* «(ver)gießen» Geitler l. c. 84 (но также у Юшкевича и Межениса) = ла. *gâzt* «опрокидывать».

Жем. *globti* «beschützen» Geitler Beitr. 43 (но также у Юшкевича и Межениса) = ла. *glâbt* «спасти».

Жем. *it* «совершенно, весьма» Geitler Lit. St. 88 (также у Юшкевича и Межениса) = ла. *it*.

Жем. *jaukti* «vermischen» Geitler Beitr. 47 (но также у Межениса) = ла. *jàukt*.

Жем. *jautoti* «forschen, nachfragen» Geitler Lit. St. 88 (возвратный залог также у Юшкевича и Межениса) = ла. *jautât*.

Жем. *kiemaris* «zwei zusammengewachsene Nüsse» Geitler l. c. 91 (у Межениса *kemerė*) : ла. *cęmuors* «Traube».

Жем. *kiltis* «Geschlecht» Geitler l. c. 91 (но также у Межениса) = ла. *cilts*.

---

[19] [Sai izdevumā I 380 sk. — Red.]

[20] [Sai izdevumā I 429 skk. un 481 skk. — Red.]

Жем. *kliebis* «Armvoll» Geitler l. c. 92 (но также у Межениса) : ла. *klèpis* «Schoß».

Жем. *kropti* «betrügen» Geitler l. c. 93 (но также у Межениса и *iškrópti* у Юшкевича) = ла. *krâpt.*

Жем. *kuplas* «dichtgewachsen» Geitler Beitr. 50[21] = ла. *kupls.*

Жем. *laupyti* «rauben» Geitler Lit. St. 94 (но также у Межениса и *aptaupýti* у Юшкевича) = ла. *làupît.*

Жем. *lielas* «groß» Geitler l. c. 94 = ла. *liẽls.*

Жем. *lugoti* (или *lūgoti*?) «просить» Geitler l. c. 95 : ла. *lùgt* «просить».//

Жем. *mižoti* Geitler Beitr. 52 = ла. *mizât* «die Rinde abschälen». 193 (18)

Жем. *mukti* Geitler l. c. 52 (но также у Межениса и *išmùkti* у Юшкевича) «entfliehen» = ла. *mukt.*

Жем. *olavs* «ledig, unverheiratet» Geitler l. c. 54 : ла. *ālava* «яловица».

Жем. *ploustas* Geitler l. c. 26 (у Межениса *pluoštas*) = ла. *pluôsts* «плот».

Жем. *pasijti* «anbinden» Geitler Lit. St. 102 : ла. *sìet* «связывать».

Жем. *patrakuoti* «toll sein» Geitler l. c. 103 = ла. *(pa)trakuot.*

Жем. (по Барановскому) *pýly* «утка» (*pýlė* по Куршату также в мемельском говоре) = ла. *pîle.*

Жем. *ropoti* «kriechen» Geitler l. c. 106 (у Межениса *ropuoti*) : ла. *rāpuot* или *rāpâties.*

Жем. *skobas* «sauer» Geitler l. c. 109 = ла. *skâbs.*

Жем. *speltis* «Seitenloch am Ofen» Geitler l. c. 110 = ла. *spelts.*

Жем. *spiekas* «сила» Geitler l. c. 110 = ла. *spę̣ks.*

Жем. *veiklus* «gewandt» Geitler l. c. 120 = ла. *veīkls.*

Жем. *večas* «ветхий» Geitler l. c. 120 = ла. *vẹcs* (Лескин Nom. 449 без достаточного основания считает эту жемайтскую форму заимствованною из латышского языка).

Также другие литовские говоры представляют отдельные черты особого сходства с латышским языком. Так, напр., мемельское наречие имеет много общего с латышским языком в области лексикона, но мемельское наречие близко стоит к жемайтскому наречию, и как жемайтское, так и

[21] Ср. также лит. *kuplus* «dicht» Lit. Mitt. I 389.

мемельское наречие, может быть, позаимствовало несколько слов из соседнего латышского языка. В восточнолитовском же наречии часть говоров (по указанию Барановского) отличается напоминающею латышский язык особенностью в про-
194 (19) изношении // гласных *e* и *ė*, которые перед «твердым» слогом произносятся (под латышским влиянием?) как *a* (*ā*). Но наиболее сходно с латышским языком, по-видимому, все-таки жемайтское наречие. Дальнейшие исследования в области литовского и латышского языков, конечно, изменят мои сопоставления в деталях, так как в настоящее время географическое распространение отдельных форм и слов в балтийских языках исследовано довольно недостаточно.

К ВОПРОСУ О ВИДОВОМ ЗНАЧЕНИИ ЛАТЫШСКИХ СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛОВ

[1908 Изв. XIII 4, 194—201 un atsevišķā novilkumā 1909 19—26]

Ульянов в своих «Значениях глаг. основ в лит.-слав. яз.» II 29 слл. выставил положение, что следует различать два рода литовских и латышских основ, сложенных с приставками: «1) основы, сложенные с приставками, не отличающиеся по видовым значениям от соответствующих простых основ; 2) основы, сложенные с приставками, отличающиеся по видовым значениям от соответствующих простых». Основы 1-го рода, по словам автора, получаются из простых основ посредством сочетания с такими приставками, которые изменяют каким-нибудь образом реальные значения простых основ; а именно, приставки в основах этого рода выражают те различия в глагольных признаках, которые обусловливаются различными отношениями их к объектам или субъектам. Основы же 2-го рода получаются из простых основ посредством сочетания с такими приставками, которые, не изменяя реальных значений простых основ, изменяют их видовое значение. Что касается основ 1-го рода, то они, по мнению Ульянова (l. c. 53 слл.), как и часть простых основ (l. c. 62 слл.), представляют различие двух видовых значений — длительности и недлительности, причем данное различие в значениях не обозначается в них особыми формами. Фортунатов же (в критическом // разборе труда Ульянова) считает этот взгляд Ульянова на два рода сложных основ верным в основании, но формулирует его иначе: «В сложных основах 1-го рода приставки, имеющие здесь «предложное» значение, т. е. обозначающие отношения субъектов или объектов признака, не изменяют при этом значении времени признака в значении глагольной основы, а в сложных основах 2-го рода приставки, не обозначающие здесь отношений субъектов или объектов признака, т. е. не имеющие

194 (19)

195 (20)

«предложного» значения, изменяют известным образом именно значение времени признака в значении глагольной основы, причем в связи с таким значением могут обозначать и другие различия в самом признаке, и потому в этом случае получаются такие сложные глагольные основы, которые по видовому значению отличаются от соответственных простых глагольных основ». С мнением Ульянова относительно присутствия видовых значений длительности и недлительности в сложных основах 1-го рода и в части простых основ Фортунатов не соглашается, вовсе не признавая за ними видового значения. После этого я во 2-й части своих «Латышских предлогов»[1] высказался следующим образом: «Относительно же видового значения сложных основ я не могу вполне согласиться ни с Ульяновым, ни с Фортунатовым. Что следует различать два рода сложных основ, с этим и я согласен. Но, на мой взгляд, значение совершенного вида в общем имеют в латышском как сложные основы 2-го рода, так и сложные основы 1-го рода; разница между ними та, что сложные основы 2-го рода по своему видовому значению находятся в прямом отношении к соответствующим простым основам, сложные же основы 1-го рода — к сочетаниям соответствующих простых основ с наречием... Так, например, *padarît* «сделать» по видовому значению находится в прямом отношении к *darît* «делать»; а, напр., *nuokâpt* «сойти, слезть, спуститься» по видовому значению находится в прямом отношении не к *kâpt* «подыматься, 196 (21) идти», но к *zemè kâpt* «сходить, // слезать, спускаться», где *zemè*... имеет значение наречия («вниз»)». И в пользу этого своего положения я там привел много примеров. В своей рецензии (помещенной в 4-й книжке XI тома этих же Известий, стр. 430 слл.) Ульянов возражает, прежде всего, что не может согласиться с тем положением, что сложные основы 1-го рода по своему видовому значению находятся в прямом отношении к сочетаниям соответствующих простых основ с наречием, так как-де «сочетания глаголов с наречиями различий во времени признака совсем не 1 касаются». И продолжает: «Таким образом, мы думаем, что если признавать значение совершенного вида в основах 1-го рода, то надо признавать, что и эти основы, подобно основам 2-го рода, по своему видовому значению находятся в прямом отношении также к соответствующим простым

[1] [Skat. šai izdevumā I 624. — Red.]

основам. Кроме того, и самое употребление наречий в сочетании с глаголами в том виде, как оно существует в латышском, вызывает вопрос, насколько это явление чисто латышское». Так как эта рецензия написана не человеком несведущим, но ученым, пользующимся почетною известностью, то я и должен считаться с его возражениями. И тут прежде всего странною мне кажется ссылка в данной связи на то, что указанное употребление наречий в сочетании с глаголами — может быть, явление не чисто латышское. Ведь эта ссылка имела бы некоторое значение, если бы я, например, возводил указанное явление к литовско-латышскому праязыку; но если действительно известные сложные основы по своему видовому значению находятся в прямом отношении к сочетаниям соответствующих простых основ с наречием, то факт этот остается фактом и тогда, если допустить, что такое употребление наречий в сочетании с глаголами — явление не чисто латышское. Мой рецензент, правда, не признает никакого особого видового значения за сочетаниями глаголов с наречиями. Но дело в том, что известные формы (указанные мною l. c.), заменяющие в известных случаях в сочетании с простыми глаголами соответствующие сложные // глаголы, имеют в таких случаях не только местное 197 (22)
значение наречий, но и то значение формального элемента, которое имеет, например, в русском языке слог *-ва-* в *убивать* (по отношению к *убить*). Это явствует не только из того, что сочетания этих форм с простыми глаголами заменяют собою соответствующие сложные глаголы в таких случаях, где требуется форма несовершенного вида. Так, например, действительное настоящее время от вышеупомянутого *nuokâpt* «слезть» — не *nuokâpju* (что употребляется как praes. historicum и в значении формы, не обозначающей субъективного времени) или *kâpju* (что значит «подымаюсь»), но *kâpju zemè*; а если это так, то я не могу согласиться с мнением Ульянова, «что если признавать значение совершенного вида в основах 1-го рода, то надо признавать, что и эти основы... по своему видовому значению находятся в прямом отношении также к соответствующим простым основам». Отношению р. *слезть* : *слезать* соответствует именно ла. *nuokâpt* : *zemè kâpt*; форма *zemè* соединяет в себе местное значение приставки *nùo-* и то значение, которое вносит гласный *a* в р. *слезать* (по отношению к *слезть*). Что это действительно так, это подтверждается такими приведенными мною l. c. сочетаниями, как *vytkās*

žeṁā «раздевалась» (: *nuovilkās* «разделась»), *nakaun žaṁā* «не убивает», *ṁerstūt'a žaṁā* «умирая», *jūdz zemè* «отпрягает», *plūkst ârà* «расцветает» (praesens к *izplūkt* «расцвести»), *kurini (krâsni) ciêti* «(печь) затопляй» (к *aizkurinât* «затопить»), *sit kuopà* «разбивает» (к *sasist* «разбить»), *saļ kūpā* «замерзает» (к *sasalt* «замерзнуть»), *neplēs kuõpà* «не разрывай» (к *saplêst* «разорвать»). Только что приведенные сочетания, где формы *zemè, ârà, ciêti, kuõpà* никакого местного значения более не имеют (причем простые глаголы *kaût, miŕt, plûkt*[2] имеют и одни то же самое значение «убивать», «умирать», «расцветать», как и сочетания *zemè kaût, zemè miŕt*[3], *ârà plûkt*, так что в сочетании с этими гла-//голами формы *zemè* и *ârà* являются лишними), очевидно, возникли (рядом с *nuovilkties, nuokaût, nuomirt, nuojûgt, izplūkt, aizkurinât, sasist* и т. д.) по аналогии с такими сочетаниями, как *zemè kâpt* «слезать», *ârà nākt* «выходить», *ciêti taisît* «затворять», *kuõpà nākt* «сходиться» и др. (рядом с *nuokâpt* «слезть», *iznākt* «выйти», *aiztaisît* «затворять», *sanākt* «сойтись» и др.). А это, по-моему, было возможно только благодаря тому, что и в таких сочетаниях, как *zemè kâpt, ârà nākt, kuõpà nākt* и др., формы *zemè, ârà, kuõpà* и др. имели не только местное значение наречий, но также вышеупомянутое значение формального элемента. Что же касается видового значения сложных основ 1-го рода, то мой рецензент, ссылаясь на указанные мною примеры употребления личных форм действительного настоящего времени и причастий и инфинитива того же времени от этих сложных основ и случаи, где (в повелительном наклонении и по отношению к повторяющимся действиям) употребляются, по-видимому, безразлично перфективные и имперфективные основы, приходит к заключению, будто бы я многими примерами подтвердил мнение (Ульянова и) Фортунатова, «что в латышском есть два рода сложных глагольных основ: одни из них имеют значение совершенного вида, другие не имеют этого значения». С этим выводом рецензента, впрочем, не вполне согласуется его же заключение: «Остается... еще далее исследовать, какие именно латышские сложные глагольные основы имеют значение совершенного вида, какие не имеют его». Ведь по мнению (Ульянова и) Фортунатова, подтвержденному будто бы мною многими примерами, значение совершенного

198 (23)

---

[2] [Tâ — ar *-û-* — ME III 362. — Red.]

[3] Оборот редкий, вместо обычного *miŕt*.

вида имеют те сложные основы, в которых приставки не сохраняют своих реальных или «предложных» значений, сложные же основы, в которых приставки сохраняют свои реальные или «предложные» значения, не имеют значения совершенного вида. А если это действительно так, то дальнейшие исследования по этому вопросу, казалось бы, являются уже лишними. Но при всем том уважении, с которым я отношусь // к научным трудам только что упомянутых ученых, 199 (24)
мне все-таки не хотелось бы думать, что я в данном случае только подтвердил их мнение. Если бы, по мнению рецензента, приведенные мною примеры форм настоящего времени (от сложных основ) с длительным значением действительно доказали, что эти сложные основы не имеют значения совершенного вида, то значения совершенного вида не имели бы также сложные основы 2-го рода, которым, однако, и Ульянов сам, и Фортунатов приписывают это значение. Ведь я привел формы настоящего времени с длительным значением также от сложных основ 2-го рода (что и подчеркнуто мною l. c. 115 и 120[4])! Предполагая, что мой рецензент не заметил их, я позволю себе здесь выписать несколько примеров: *vai jūs nekà nesauožiet?* «вы ничего не чуете?» (l. c. 115[5]); *izzaguļ* «высыпается» (l. c. 116[5]); *sapęl naûda, sarūs zuobentiņš* «деньги плесневеют, меч ржавеет» (l. c. 116[5]); *kàdēļ nesasildies?* «почему ты не греешься?» (l. c. 116[5]); *es šķituos izaûgdama* «подрастая, я думала» (l. c. 120[6]); *uzaûgdama kùnguos gāju* «подрастая, я ходила на барщину» (l. c. 120[6]); *sak' māmiņa nuomirdama* «говорит матушка, умирая» (l. c. 120[6]); *pastaigâdamâs ierauga màisu* «прохаживаясь, увидела мешок» (l. c. 121[6]); *sâk sastâstît briesmu lietas* «начинает рассказывать страшные вещи» (l. c. 127[7]); *vęlns padarìjis luopus slimus* «черт насылал болезни на скот» (l. c. 128[8]); *kad iziešu, pavadîsi; kad pārnākšu, sagaidîsi* «когда я буду выходить, ты меня будешь провожать; когда я буду возвращаться, ты будешь ожидать меня» (l. c. 128[8]). Итак, если такие примеры не мешают Ульянову признавать значение совершенного вида за сложными основами 2-го рода, то приведенные мною l. c. примеры форм настоящего времени с длительным значением от сложных

[4] [Sai izdevumā I 632 sk. un 637 sk. — Red.]
[5] [Sai izdevumā I 633. — Red.]
[6] [Sai izdevumā I 638. — Red.]
[7] [Sai izdevumā I 644. — Red.]
[8] [Sai izdevumā I 645. — Red.]

основ 1-го рода также не доказывают, что эти сложные основы не имеют значения совершенного вида. Если все-таки вообще еще встречаются формы сложных основ (и 1-го, и 2-го рода) с длительным значением, то это только показывает, //
200 (25) что в латышском языке переход сочетаний простых основ, не имеющих значения совершенного вида, с приставками в формы со значением совершенного вида — переход, совершающийся, конечно, не сразу, но требующий продолжительного времени, — или в настоящее время еще не совсем закончился, или закончился весьма недавно и что употребление сложных основ в латышском языке не вполне совпадает с их употреблением в русском языке. К тому же я l. c. указал, что примеры употребления сложных основ в длительном значении (за исключением указанных мною сложных основ, принявших характер простой основы) можно считать немногочисленными и что часть этих примеров взята из народных песен, вообще представляющих (отчасти благодаря требованиям размера) немало архаизмов. На это мой рецензент возражает, что, во-первых, «немногочисленность» — вещь относительная. Это, конечно, так, но, имея дело не с текстами мертвого языка, но с литературою и разговорным языком процветающего доныне народа, я, разумеется, и не мог дать абсолютных чисел; а что указанные мною примеры относительно немногочисленны, в этом убедился бы и мой рецензент, читая с этой целью латышские тексты (для личных форм прошедшего и будущего времен сложных основ с длительным значением я даже ни одного примера не мог привести). Если мне далее возражают, будто бы я во многих случаях формы настоящего времени от сложных основ без достаточных объективных оснований считал формами не действительного настоящего времени, а, напр., формами praes. historici, то, к сожалению, рецензентом не указаны примеры, так что вместо объективного обоснования своего взгляда я могу только предложить рецензенту относительно значения спорных примеров справиться у грамматически образованных латышей. Далее мне возражают, что действительных архаизмов в языке народных песен мною приведено l. c. II 19[9] не настолько много, чтобы они давали основание заключать, что
201 (26) в народных песнях // также в сложных глаголах иногда еще отчетливо сознается адвербиальное значение префиксов. Почему бы, однако, считать это невозможным, если в народ-

[9] [Šai izdevumā I 540 sk. — Red.]

ных песнях иногда префикс отделяется от своего глагола другими словами? К тому же l. c. указаны мною только архаизмы в употреблении префиксов, но далеко не все архаизмы языка народных песен вообще! А если язык народных песен вообще отличается архаизмами, то позволительно думать, что народные песни отчасти представляют язык той эпохи, когда сложение глагольных основ со всякими префиксами еще не (или не всегда) получало значения совершенного вида.

Ввиду сказанного надо признать, что рецензентом не опровергнуты мои выводы относительно видового значения латышских сложных глаголов, а именно, что значение совершенного вида имеют не только сложные основы 2-го рода, но и сложные основы 1-го рода. Мюленбах же, который в синтаксисе латышской грамматики (изданной им и мною сообща)[10] в общем присоединяется к моему мнению в этом вопросе, в § 201—204 еще указывает на определенные случаи употребления форм действительного настоящего времени сложных основ 2-го рода (!), не замеченные мною.

---

[10] [Latviešu gramatika. J. Endzelīna un K. Mūlenbacha sarakstīta. Rīga 1907. — Red.]

ЕЩЕ О ЛАТЫШСКОМ ДЕБИТИВЕ

[1908 Изв. XIII 4, 201—207 un atsevišķā novilkumā 1909 26—32]

201 (26) Подобно Прельвицу и мне, теперь и Мюленбах (в 3-й книжке XII тома этих Известий, стр. 313—333) форму *jā- (ja-)* или *ju-* в латышском дебитиве считает падежною формою относительного местоимения **jos* «который». Что же касается вопроса, какие это падежи, то BB XXIX 321[1] я высказал мнение, что *jà-* (с тою же нисходящею интонациею, как и gen. s. *tà, kà* = лит. *tõ* «того», *kõ* «кого») — родит. п. ед. ч., употреблявшийся первоначально в значении gen. 202 (27) partitivi, после отри-//цания и — прибавлю теперь после указаний Прельвица BB XXIX 322 — в значении совпавшего с ним аблатива. Мюленбах же, считавший до ознакомления с моим мнением *jā-* за acc. plur. neutr. gen., теперь относительно формы с нисходящею интонациею не оспаривает моего мнения. Из курляндских же говоров известно также *jā-* с прерывистою и с длительною интонациею. Что касается формы *jâ-*, то Мюленбах, ссылаясь на то обстоятельство, что в говорах с *jâ-* gen. *tā* «того», *šā* «этого» имеет длительную интонацию, считает это *jâ-* за loc. sing. (ср. *kâ* «как», *tâ* «так») и приводит один пример, где *jā-* имеет значение местного падежа. Но, наверно, Мюленбах сам согласится, что в значении местн. падежа *jā-* встречается менее часто, чем в значении других падежей. Затем, если и теперь безразлично для обоих родов употребляются формы, например, *tai* или *tā* (= лит. loc. s. fem. gen. *tojė*) и *tamī*[2] (: лит. loc. s. masc. gen. *tamė*), вряд ли это было так уже в ту эпоху, когда образо-

20

[1] [Sai izdevumā I 288 sk. — Red.]

[2] Это *tamī* встречается не только, как говорит Биленштейн, в старой грамматике Адольфи, но и теперь еще в части говоров, напр. в Бальдоне, Экау, Роннебурге, Вольмаре (здесь также *kamī* «в чем»), Буртнеке; из *tamī* получилось или *tamā* (не только в восточнолатышском наречии, как говорит Биленштейн, но также, напр., в Залисбурге, Гохрозене, Зербигале), или *tanī* и путем контаминации форм *tanī* и *tai* — также *tainī*.

вался дебитив, а если нет, то странным является выбор именно формы женского рода *jā* для образования дебитива; да и вряд ли уже в ту эпоху из двусложной формы, соответствовавшей литовскому *jojė̀*, уже образовалось односложное *jā*. Ввиду этих затруднений попытаемся возвести к родительному падежу также *jā-* с прерывистой интонацией (которая в говорах с *jâ-* может быть возведена к нисходящей интонации; из говоров, различающих нисходящую и прерывистую интонации, *jâ-* мне неизвестно).

Формы gen. s. *tã, šã* в части говоров (также у Биленштейна, у которого и *jâ-*) по интонации различаются от литов-//ских форм *tõ, šiõ* = ла. *tà, šà* в части говоров (напр., в Вольмаре), между тем как gen. s. *kâ* (из *kà*) «кого» у Биленштейна сходится с лит. *kõ*, ла. *kà* в Вольмаре. И подобно этому расходятся, с одной стороны, acc. s., gen. pl. *tuõ, šuõ* и gen. s. fem. gen. *tãs, šãs* у Биленштейна и, с другой стороны, лит. *tą̃, šią̃* (fem.), *tũ, šiũ, tõs, šiõs* = ла. *tùo, šùo, tàs, šàs* в Вольмаре, между тем как acc. s. *kuô* (из *kùo*) у Биленштейна (дающего кроме того и *kuõ*) = лит. *ką̃*, ла. *kùo* в Вольмаре. Совпадение литовских и вольмарских форм говорит в пользу того, что их циркумфлекс древнее длительной интонации форм Биленштейна, тем более что формы местоимения *kas* также у Биленштейна указывают на циркумфлекс. Чтобы понять возникновение длительной интонации в указанных формах местоимений *tas* и *šis* у Биленштейна, вспомним, что, по указаниям Явниса, в литовском языке нисходящая интонация перед главным ударением слова переходит в восходящую. И так как формы местоимений *tas* и *šis* часто являются в проклитическом положении, то я считаю возможным, что в то время, когда еще все латышские говоры отличали нисходящую интонацию от прерывистой, формы gen. s. *tà, šà, tàs, šàs* и acc. s. и gen. pl. *tùo, šùo* в проклитическом положении перешли в формы *tã, šã, tãs, šãs, tuõ, šuõ*, которые потом в части говоров были обобщены. Вопросительное же местоимение *kas* всегда имеет на себе ударение, так что сохранение форм *kà* и *kùo* понятно. Значит, также в gen. s. **jā* нисходящая интонация могла быть заменена длительною интонациею, а в дебитиве это *jā-*, имея на себе ударение, могло сохранить свою нисходящую интонацию, которая в части говоров впоследствии совпадает с прерывистою интонациею. — Что же касается формы *jã-*, то Мюленбах считает возможным считать ее или за acc. pl. neutr. gen., или за тот же gen. s. Я предпочитаю последнее: ввиду

203 (28)

прусск. *kai*, лит. *taĩ* также в латышском ожидается в значении nom.-acc. pl. neutr. gen. скорее **jai*, чем **jā*; что же касается лит. *jog* (рядом с *juog*) «что» и ла. (диал.) *jà* «если» (в //
204 (29) которых Мюленбах усматривает именно nom.-acc. pl. neutr. gen.), то лит. *jog* образовалось, может быть, из *juog* (в проклитическом положении, как *nõ* из *nuo*, ср. мои Латышские предлоги I 127[3]), а ла. *jà* «если» получилось, может быть, из *ja* «если» под влиянием формы *jà* «да», на что указывает и нисходящая интонация (длительная интонация достоверно не засвидетельствована). Во всяком случае, эти формы не доказывают, что во время возникновения дебитива в качестве nom.-acc. pl. neutr. gen. употреблялось не **jai* (: лит. *taĩ*, прусск. *kai*), но **jā*. Возникшее же в проклитическом положении (из gen. s. *jà*) *jã* могло затем проникнуть также в дебитив. Рядом с *jã*-большинства говоров встречается также *jă*-, но только в немногих говорах, ср. BB XXIX 321[4]; это *ja*-, по моему мнению, скорее сокращено в проклитическом положении из того же *jā*- (в то время, когда ударение было еще на глагольной форме), чем древняя форма acc. s. neutr. gen. В таком случае все говоры первоначально имели бы в первой части дебитива ту же форму gen. s. — Относительно диалектической формы *ju*- я BB XXIX 321[4] высказал предположение, что это *ju*- — сокращенная в проклитическом положении форма acc. s. **juo*, Прельвиц же считает *ju*- за instrum. s.; вероятно, прав Мюленбах, усматривающий в этом *ju*- одновременно и acc., и instrum. s. и подтверждающий это примерами[5].

Что же касается происхождения глагольной формы в дебитиве, то я в своей статье BB XXVI 66 слл.[6] пришел к заключению, что глагольная форма в дебитиве первоначально всегда была инфинитив, ссылаясь особенно на формы *jàbût* //
205 (30) «должно быть». И Прельвиц соглашается с этим. Мюленбах же считает эту глагольную форму (также в *jàbût*) третьим лицом наст. времени. Что также *-bût* в *jàbût* может быть

---

[3] [Sai izdevumā I 429 sk. — Red.]

[4] [Skat. 1. piezīmi. — Red.]

[5] Мюленбах дает l. c. 321 также несколько примеров сокращения форм в проклитическом положении; форма *vinpadsmit* «одиннадцать» (также там приведенная), однако, вряд ли когда-либо оказывается без
2(ударения; стало быть, ее *ie* (в первом слоге) или *ī* (в Бушгофе), образовавшись из *ie*, перешло в *i* не благодаря отсутствию ударения, но благодаря следующему за ним тавтосиллабическому носовому звуку. В форме же *dimžę̀l* «к сожалению» (тоже указанной l. c.) переходу *ie* в *i*, вероятно, содействовало также ударение на *žę̀l*.

[6] [Sai izdevumā I 143 skk. — Red.]

III л. наст. времени, это Мюленбах пытается доказать ссылкою на лат. *fit*, лит. *bìti* и приведенное Биленштейном (Lettische Sprache II 168) «причастие наст. времени» *bûtuots*. За первыми двумя формами, однако, я тут никакой доказательной силы признать не могу, а что касается формы *bûtuots*, то Биленштейн ее приводит вне всякой связи, так что ничто нам не мешает думать, что Биленштейн выдает ее за причастие наст. времени только по недоразумению, и считать ее за причастие (употребляемое в косвенной речи), произведенное от основы условного (или желательного) наклонения (другие такого рода формы приводит сам Мюленбах в синтаксисе нашей грамматики[7] § 219); и что это в самом деле так, согласится, надеюсь, и мой уважаемый коллега сам. Итак, что в эпоху возникновения дебитива в ла. языке существовало III л. наст. времени **būt(i)* «есть», это не только не доказано[8], но даже представляется крайне невероятным ввиду того, что во всех славяно-балтийских языках настоящее время вспомогательного глагола образуется не от корня *bhū-*, но от корня *es-*, и уже в литовско-латышскую эпоху рядом с древним **esti* в значении III лица употреблялось новообразование **īra*. Неужели рядом употреблялась еще третья форма **b(h)ūti*, не засвидетельствованная в значении III л. наст. времени ни в одном индоевр. языке? Итак, *jàbût* явно указывает на употребление // инфинитива в формах дебитива. Если же 206 (31)
Мюленбах говорит l. c. 315, что именит. падеж при дебитиве мешает нам думать об инфинитиве в образовании дебитива, так как-де в латышском языке при инфинитиве дополнение всегда ставится в винительном, а не в именительном падеже, то это несколько странно. Ведь если в славянском и литовском языках встречается дополнение в именительном падеже при инфинитиве (на что мною было указано[9] по Дельбрюку),

---

[7] [Latviešu gramatika. J. Endzelīna un K. Mīlenbacha sarakstīta. Rīgā 1907. — Red.]

[8] Этого не доказывают также соображения Бецценбергера KZ XLI 111 и 114 относительно прусск. *boūlai*, и лит. III л. желательного наклонения *bút* (у Куршата *bùt*) рядом с *bútų* : *bút* (или *bùt*), по-моему, возникло в проклитическом положении (в котором часто оказываются формы вспомогательного глагола) из *bútų*, подобно тому как в латышском языке рядом с *bija* «был» употребляется сокращенное из него *bi* (между тем как формы *lija* «шел дождь», *rija* «жрал», *mija* «менял» и др. никогда не подвергаются такому сокращению); прусское же *boūlai* могло возникнуть рядом с *boūt* по образцу *ēilai* : *ēit*.

[9] [Sai izdevumā I 148. — Red.]

то подобные сочетания могли встречаться и в латышском языке во время возникновения дебитива. И если *juę̄d* в обороте *man ir màize juę̄d* «mihi est panis ad edendum» действительно восходит к **juo êst* (вместо чего теперь говорят в большинстве говоров: *kuo êst*), то ведь именит. падеж *màize* тут объясняется так же просто, как в однозначащем обороте *man ir màize kuo êst,* т. е. так же, как его объясняет сам Мюленбах l. c. 330. И Мюленбах сам l. c. 325 указывает, что вместо дебитива часто употребляется один инфинитив или инфинитив с *kùo* (= **jùo*). Если же Мюленбах думает, что глагольная форма в дебитиве искони везде была III л. наст. времени, т. е. что, напр., оборот *man ir màize juę̄d* значил первоначально *mihi est panis, quem edunt* или в современном латышском языке — *man ir màize, kuo ę̄d,* то оборот этот формально, правда, правилен, но вряд ли где-нибудь встречается в латышских текстах или в народной речи, так как вместо этого принято говорить: *man ir màize kuo êst,* и что также *-bût* в *jàbût* может быть III л. настоящего времени, это Мюленбахом не доказано. Итак, значение дебитива указывает именно на инфинитив, а не на III л. наст. времени. Но чтобы только под влиянием тех немногочисленных нетематических основ наст. времени, III л. которых совпадает с инфинитивом, также у всех тематических основ инфинитив был заменен III лицом наст. времени, это предположение, правда, не совсем удобно. И поэтому, и также ввиду таких литовских
207 (32) оборотов, как *nę̄r (šaukštų̄) kuõm válgā* // LChr. 378, 24 и *jám nebebùs kàs ẽda* 369, 30 (где, однако, странным образом *kàs* вместо ожидаемого винит. падежа), я считаю возможным, что в части случаев (где в части говоров ставится *ju-*) уже с самого начала рядом с инфинитивом ставилось III л. наст. времени (для выражения же долженствования первоначально, вероятно, ставился только инфинитив) и что потом, после смешения обеих конструкций, уже указанным путем инфинитив в дебитиве (кроме *jàbût*) был вытеснен III лицом наст. времени.

Укажу еще на некоторые подробности в употреблении дебитива. Mag. X 3, 77 приводится (из Сакенгаузена) оборот
2 *nu jau jābûs iet* «теперь уже придется пойти» (вместо обычного *nu jau bûs jàiẽt*); если это вообще правильно написано, то и тогда крайне сомнительно, всегда ли так говорят в Сакенгаузене. Скорее всего, это ошибочный единичный оборот.

Также в евангелиях 1587 г. *jā-* иногда имеет значение диа-

лектического *ju-*, например: *jir jums šeit kas jāẽd* (= *kuo ėst*)? *tiems nebij jāẽd* (= *kuo ėst*).

Если дополнением дебитива является личное местоимение, то оно иногда ставится в винит. падеже даже в таких говорах, в которых дополнение дебитива обыкновенно ставится в именит. падеже, напр. *vài man tevi jàaîcina*? (в Цемпене, где обыкновенно ставится именит. пад. при дебитиве) «разве я должен тебя приглашать?». Пример с именит. падежом: *tâpat tu pats ar bij jàglabà* (Вольмар) «также и за тобою приходилось ухаживать».

НЕСКОЛЬКО ЭТИМОЛОГИЙ

[1908 Изв. XIII 4, 207—211 un atsevišķā novilkumā 1909 32—36]

Ла. *pìere* «лоб»

207 (32) 208 (33) Предполагая диссимиляцию (ср., напр., ла. *ķeiris* «левша» из **kreiris* BB XXIX 190[1]), я возвожу *pìere* к // **priere* и сближаю его с ла. *prìekša* «передок, лицевая сторона» (от **prie* «перед», ср. мои Латышские предлоги I 185[2]). Относительно значения ср. отношение между лат. *ante* «перед» и лат. *antiae* «capilli demissi in frontem», древнеирландск. *étan,* древневерхненем. *andi* или *endi* «лоб». Что до окончания, то ср. ла. *paure* «череп», *dùre* «кулак».

Скр. *gāhatē* «taucht ein, vertieft sich»

Этот санскритский глагол я ввиду причастия *gāḍha-* сопоставляю не с древнеирландск. *bāidim* «tauche unter, ertränke», как это делают некоторые ученые, но с ла. *gâzt* «низвергать, опрокидывать», лит. *góžti* «валить» (у Юшкевича), «vergiessen» (из Довконта в Litauische Studien Гейтлера). Что до значения греч. βῆσσα (дор. βᾶσσα) «ущелье, долина», также сопоставляемого с скр. *gāhatē,* то ср. ла. *pagâza* «Abhang eines Hügels».

Лит. *aukauti*

К указанным уже (ср. мои Латышские предлоги I 60[3]) следам префикса *au-* в литовском и латышском языках можно
2 прибавить еще лит. глагол *aukauti* из *au-kauti* «уби(ва)ть» (ср. ла. *nuokaût* «убить»). Теперь, правда, этот глагол пере-

[1] [Sai izdevumā I 301. — Red.]
[2] [Sai izdevumā I 485 sk. — Red.]
[3] [Sai izdevumā I 366. — Red.]

водят «жертвовать» (так Гейтлер[4] в Lit. St. и Лескин в Nom. 229) и производят от *auka* «жертва» (там же у Гейтлера и Лескина и также у Межениса). Но если взять примеры употребления// его у Довконта: *tuo tau ... aukauiem* (LChr.192, 44); *mesa aukautuiu giwolû* (ibid. 193, 5, ср. еще 196, 38 и 45), то тут *aukauti* могло бы иметь еще значение «закалывать (жертвенное животное)». После того как префикс *au-* вышел из употребления в литовском языке да и простой глагол *kauti* стал мало употребляться (Куршат приводит его только в скобках и без знака ударения) и изменять свое значение (ср. *apkáuti* «оковать» у Юшкевича), неудивительно, что *aukauti* стали считать производным глаголом на *-auti*, тем более что спряжение *aukáuti* (если ударение таково) ничем не отличалось от спряжения, напр., *karáuti* «воевать», если и в литовском языке (как еще теперь в части латышских говоров) основа praeteriti глагола *káuti* прежде оканчивалась на *-o* (= ла. *-ā*) с кратким гласным в корне. И так как рядом со многими глаголами на *-auti* стоят существительные (от которых произведены эти глаголы), то рядом с *aukauti* (когда происхождение и первоначальное значение его было забыто) могло возникнуть существительное *auka* «жертва». Если последнее слово встречается впервые у Довконта, то оно, вероятно, новообразование самого Довконта, ср. LChr. 192, 39, где он, употребив слово *auka*, сам поясняет его словом *apierà*. От *auka* произведены формы *aukuras* (у Довконта; может быть, его новообразование: употребив его, он поясняет его словом *altorius*. Окончание, может быть, обусловлено глаголом *kùrti*) или (у Межениса) *aukaras* «алтарь» (под влиянием этого русского слова, вероятно, тут изменено окончание литовской формы) и *aukininkas* (у Гейтлера) «жертвователь». 209 (34)

Скр. *garjati*

К скр. *garjati* «brüllt, brummt, braust» ближе всего в формальном отношении стоит лит. *gargĕti* «булькать» и *gargúoti*

[4] При этом Гейтлер приводит (из недоступного мне рукописного сочинения Довконта) не *aukauti*, но *aukuoti*; но так как Гейтлер от глаголов вообще приводит форму инфинитива и основа praeteriti от *-auti* и *-uoti* одинаково оканчивается на *-avo-*, то позволительно думать, что Гейтлер в данном месте Довконта, читая именно форму, произведенную от этой основы praeteriti, по недоразумению образовал к ней инфинитив *aukuoti*. В тексте приведены мною формы из Довконта, несомненно, произведенные от *aukauti*.

«хрипеть» (у Юшкевича), ла. *gàrgt* (наст. вр. *gàrdzu*) «хрипеть».//

210 (35) Ла. *priẽde* «сосна»

Г. Мейер (Etym. Wrtb. 45 сл.), рассуждая о происхождении алб. *breθ-ði* (основа: *breð-*) «Tanne», указывает между прочим также на ла. *priẽde*. Но ла. *p-* не соответствует алб. *b-* (если тут не допускаем чередования между tenuis и media). Может быть, *priẽde* получилось (путем перестановки *r*) из **piedre* (ср. ла. диал. *brede* из *bedre* «яма», диал. *striebs* из *stiebrs* «Binse» = лит. *stembras* «Stengel»); если это так и если *ie* из *en,* то *priede* можно сопоставлять с лат. *pinus,* гр. πίτυς, скр. *pītu-dāru-*.

Ла. *lišķis* «льстец»

Как *kumšķis* из **kumstis* «горсть», *îkšķis* из *îkstis* «большой палец» (ср. мои Латышские предлоги I 34[5]), так и *lišķis* могло образоваться из **listis* и в таком случае, очевидно, родственно с гот. *lists*, цркcл. *льсть*.

Ла. *kukt*

Словарь Ульмана дает *kukt* с примером *vista stāv sakukusi* «das Huhn läßt die Flügel hängen». Другой пример: *apkuka iz gotda i nùmyra* Zb. XVIII 385 «oparł się (перевод, вероятно, не совсем точный) na stole i umarł». Это *kukt,* очевидно, родственно с ла. *kukņuot* «hocken», польск. *kuczeć* «hocken», скр. *kucati* или *kuñcatē* «zieht sich zusammen, krümmt sich» и др.; ср. также лит. форму *sukùkę* у Буги Aist. St. I 25.

Ла. *sudmalas* «мельница»

2 Ввиду форм *sādmales* из **sętmales* «eine Art von Zaun» (Bezzenberger Lettische Dialekt-Studien 175) и *padmalis* из **patmalis* «mola» (в словаре Эльгера 637) я возвожу *sudmalas* к **sutmalas* и произвожу *sut-* от *suta* «пар».//

[5] [Šai izdevumā I 342. — Red.]

Это слово, очевидно, родственно с скр. *dhvanati* «tönt», *dhuniš* «rauschend, brausend», древнесакс. *dunjan* и др.

Ав. *naēza-*

Ав. *naēza-* «Spitze (spez. der Nadel)», может быть, родственно с скр. *nikšati* (из **niǵhseti*) «durchbohrt», *nēkšaṇam* «spitzer Stab, Spieß», цркcл. *ньзж* «infigo», *низати* «transfigere», лит. *niežėti,* ла. *niēzêt* «зудеть, чесаться», лит. *niežai* «чесотка», ср. v. Fierlinger KZ XXVII 436, Johansson IF II 51[2]. От того же корня, вероятно, происходит и ав. *naēza-* «Name einer Krankheit»; чесотка, правда, в Авесте называется *garənu-*, но ср., напр., ла. *dūrējs* «колотье» (в животе или в боку) от *dūrt* «колоть».

Ла. *nasks* «hurtig»

Это слово, может быть, восходит к **na(g)skus* от *nags* «ноготь»; ср. (относительно значения) ла. *nadzîgs* «hurtig» (от *nags*), (относительно суффикса) лит. *ėskus* «gefrässig» от **ėd-skus* (напр., в Lit. St. Гейтлера) и (относительно перехода *-gsk-* в *-sk-*) мои Латышские предлоги I 35[6]. Однозначащее с *nasks* слово *knašs* из **knasus* — может быть, путем перестановки из **naskùs*.

Ла. *birde* «Webergestell»

Это слово, очевидно, родственно с праслав. *бьрдо*, откуда русск. *бёрдо* и др., на что не указано в словаре Бернекера.

---

[6] [Sai izdevumā I 342. — Red.]

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ИХ ПРИЧИНЫ[1]

[1909 Записки имп. Харьковского университета IV 1—9]

1 Всякий, кто обращает хоть сколько-нибудь внимания на явления языка, часто наблюдает случаи изменения звуков, или, вернее сказать, изменения слов. При этом в одних словах старый звук заменяется новым звуком, как, например, в русском слове *рука*, где *у* заменило собою праславянское *о* носовое, сохранившееся еще в церковнославянском *рѫка́*; в других случаях старый звук исчезает, не заменяясь новым звуком, как, например, в русском *молить*, где перед *л* отпало *д*, как показывает, например, польское *modlić*. Иногда, наконец, возникает новый звук, присоединяющийся к старому составу звуков, как, например, в украинском *ірвати, іржати,* где старые формы *рвати, ржати* получили в начале еще гласный звук *і*. Итак, мы видим, что изменяются с л о в а, з в у к и же заменяются, исчезают или прибавляются. Эти звуковые изменения слов происходят во всех языках, но не с одинаковою быстротою: между тем как в балтийских языках звуки индоевропейского праязыка сохранились сравнительно хорошо, в родственных им германских и романских языках те же формы праязыка изменились до неузнаваемости. Сравните, например, между собою французское *cher* (из латинского *cārus*) и латышское *kārs* «жадный»: и то, и другое восходит к праязыковому **kāros*; или немецкое *hohn* и латышское *kàuns* «срам»: и то, и другое слово получилось из праязыкового **kaunós,* сохранившегося еще в древнегреческом καυνός «дурной». Еще в другом отношении мы наблюдаем замечательную неравномерность, и притом в пределах одного и того же языка. Некоторые звуки, как показывает
2 история языков, сохра-//няются целые тысячи лет, другие же заменяются новыми звуками или совсем опускаются, как, например, индоевропейское *p* в кельтских языках. И все эти

[1] В этом популярном изложении известных языковедам фактов и гипотез я счел излишними ссылки на источники (специалисты их и так знают), ср. главным образом Wechssler Gibt es Laut-Gesetze.

изменения совершаются с известной закономерностью; так, например, праславянское *о* носовое заменилось в русском языке гласным *у* не только в только что упомянутом *рука*, но во в с е х формах, где оно встречалось. Если бы не было этой закономерности, то мы были бы лишены возможности исследовать историю языка. Эти звуковые изменения слов довольно загадочны. Изменения звукового состава ведь не согласуются с сущностью и назначением языка; если язык должен служить средством сообщения, то каждый индивид должен говорить точно так же, как говорят те лица, с которыми он имеет сношения. Если бы не было стремления к фонетической равномерности, то никакой язык не мог бы ни возникнуть, ни сохраниться. Существование такого стремления легко подтверждается наблюдениями. Не смеяться над уклонениями от местного произношения и всякого рода грамматическими ошибками считается, как известно, уже признаком известной образованности. Обыкновенно же клеймят индивидуальные уклонения туземцев как погрешности против языка и осмеивают наравне с телесными недостатками. Еще больше издеваются в деревне над лицами, которые говорят на чужом говоре, и их до известной степени даже заставляют усвоить себе произношение своей новой родины. Тонкость же слуха у безграмотных столь велика, что даже языковеду может быть завидно. А если все это так, то мы должны прийти к заключению, что звуковые изменения слов совершаются незаметно и бессознательно, так как в противном случае они исправлялись бы. А кроме того, мы можем заключить, что причины изменения звукового состава кроются не в некоторых лишь индивидах, но во всем обществе, так как иначе такие изменения считались бы погрешностями против языка. Тут я, правда, должен оговориться, что эти только что сделанные заключения не относятся к литературному языку. В литературном, или культурном, языке, наоборот, играют большую роль индивидуальный произвол и сознательное подражание авторитету. Так, например, доказано, что так называемое картавое *r*, которое теперь произносится в больших городах и даже целых местностях Германии, первоначально представляло собою подражание французскому произношению. Всему французскому ведь давалось преимущество перед всем туземным. Подобно этому русские грамотеи XVIII столетия, избегая простонародного произношения, говорили *h* вместо *г*, чтобы не впасть в «подлость», т. е. держались церковного (и малорусского) произношения, напр.

в словах: *hрусть, hрад* вместо *грусть, град*. Ссылаясь на //
3 такие явления в культурных языках, некоторые ученые высказывали мысль, что вообще все фонетические изменения представляют собою новшества отдельных индивидов, распространившиеся впоследствии путем подражания среди целого племени или даже народа. С этим, однако, не согласуется повсюду господствующее стремление к фонетической равномерности, о котором только что была речь. Спрашивается, каковы же причины фонетических изменений. Этим вопросом занимались уже древние греки и индусы. В греческой грамматике рассматривались звуки и фонетические изменения слов с эстетической точки зрения; рассуждали о том, какие звуки самые красивые, причем находили, что самый красивый гласный — *a*, а самый красивый согласный — *l*. Фонетические изменения происходили, по их мнению, ради благозвучия. И это учение о благозвучии держалось недавно еще в науке, а в школьных грамматиках оно господствует и теперь еще. А между тем стремление к благозвучию никак не может считаться причиною фонетических изменений. Не все ведь имеют о благозвучии совершенно одинаковые понятия; затем, признавая в языке тенденцию к благозвучию и объясняя ею изменения звукового состава, мы вместе с тем должны были бы признать, что говорящими сознательно изменяются факты языка, между тем как наблюдения противоречат этому. Индийские же грамматики полагали, что звуковые изменения, по крайней мере отчасти, совершаются с целью видоизменения значения слов. Они еще не знали, что форма слова сама по себе еще не имеет ничего общего с его значением. В некоторых случаях фонетических изменений можно думать о стремлении к облегчению работы органов речи. Сюда относятся, например, слияние гласных (δηλόων в δηλῶν) и выпадение и ассимиляция согласных. В таких случаях один звук заменяется другим, который в данном случае легче произносится. Но и эта гипотеза о стремлении к облегчению произношения в действительности объясняет меньше фактов, чем могло бы казаться с первого взгляда. Во многих случаях ведь трудно решить, какой звук удобнее для произношения, и затем еще остается дальнейший вопрос, почему вдруг оказывается неудобным тот или другой звук, который раньше без запинки произносился многими поколениями? Кроме того, даже при поверхностном знакомстве с относящимися сюда фактами легко убедиться, что далеко не всегда действительно легче произ-

носить тот звук, который является заместителем другого звука; если, например, в древневерхненемецком прагерманское *ō* переходит в дифтонг *uo* или если в русском *рдѣть* одно *р* заменило собою праславянское *ръ*, то тут фонетические изменения не влекут за собою облегчения произ-//ношения. 4
Ссылались также на природу местности и на климат как на причины звуковых изменений. Часто объясняли мнимую суровость дорийского наречия влиянием горной природы Лаконии и мнимую мягкость ионийского наречия влиянием умеренного климата малоазийского побережья, забывая при этом, что Лакония — не родина дорийского племени и что на малоазийском побережье находились не только ионийские, но и эолийские и дорийские колонии. Подобно этому объясняли характерное для швейцарцев суровое *ch* влиянием сурового воздуха гор, совершенно упуская из виду, что и голландцы произносят такое же суровое *ch*. Одинаковые фонетические явления встречаются в совершенно разнородных местностях, и, с другой стороны, при совершенно одинаковых физических условиях наблюдаются совершенно разнородные фонетические явления. Нельзя, конечно, отрицать влияния природы и климата на образование различных рас. Но так как с тех пор отдельные народы часто меняли свое местопребывание, то это влияние ускользает от нашего познания. Во всяком случае, нет никакого основания думать, что индоевропейские народы в случаях переселения всякий раз фонетически приспособлялись к окружающей их природе. Гипотеза о влиянии природы на звуковой состав языка пополняется другою гипотезою, по которой изменения органов речи, обусловленные природою и климатом, являются причиной фонетических изменений. Правда, конечно, что органы речи не у всех рас одинаковы. И имеются ли у говорящего толстые или же тонкие губы, не может быть безразлично для произношения губных звуков. Также форма языка и носа не везде одинакова. Но для нашей проблемы такие различия в построении органов речи, какие наблюдаются у различных рас, не имеют непосредственного значения. Ведь в данном случае мы не пытаемся объяснить дифференциацию всех языков мира, но ограничиваемся вопросом о причинах фонетических изменений, происшедших в одном языке. Различия в построении органов речи могут играть важную роль лишь тогда, когда происходит смешение народов. Но и тут надо иметь в виду, что одинаковое слуховое ощущение может получаться и при неодинаковой артикуляции. Другие же объясняют мену

звуков колебанием в произношении. Не подлежит, правда, сомнению, что в произношении отдельных индивидов наблюдаются известные колебания, которые, однако, настолько ничтожны, что обыкновенно ускользают от внимания других; а если эти минимальные уклонения от нормального произношения постоянно направляются в одну и ту же сторону, то с течением времени, конечно, может возникать новый звук. Однако так, пожалуй, объясняется только вопрос, каким образом про-//исходят фонетические изменения, но не выясняется причина, почему такие уклонения направлены все в одну и ту же сторону. Такие случаи фонетических изменений, когда мена звуков происходит сразу, а не постепенно, приверженцы этой теории считают повторными ошибками произношения; и некоторые случаи диссимиляции в самом деле так объясняются удовлетворительно. Но опять-таки возникает вопрос, почему именно говорящими допускались такие, а не другого рода ошибки, и притом иногда не во всех словах, представлявших одинаковые фонетические условия. Сторонники этой теории, далее, последовательно считают главными виновниками фонетических изменений — детей. Ни одна генерация не усваивает себе даже произношения вполне в том виде, в каком оно было свойственно предшествующему поколению. И уклонения детей в произношении звуков естественно могут быть значительнее, чем уклонения взрослых. Некоторые языковеды поэтому называют фонетические изменения неисправленными ошибками детей. Но опять-таки остается невыясненным вопрос, почему дети, недостаточно усваивая себе звуки отцовского языка, подвергают их именно данным, а не иным изменениям и почему уклонения всех детей одного поколения направлены в одну и ту же сторону, а не в разные стороны? Если бы уклонения в произношении детей действительно играли столь значительную роль, то ведь в результате мы имели бы дикий хаос, прямо вавилонское смешение языков. Всякий говорил бы совершенно так, как он учился говорить. И как объясняется в таком случае неодинаковая быстрота фонетических изменений? Иногда ведь в течение немногих столетий происходит совершенный перелом в составе звуков (вспомним, например, о так называемом передвижении согласных в германских языках), тогда как потом за долгое время не наблюдается никаких фонетических изменений. Так, например, установлено, что в швабском наречии немецкого языка начиная с XIV столетия не было никаких изменений звукового состава. А нет основания

думать, что дети во время германского переселения народов менее тщательно учились говорить, чем впоследствии. Итак, должно быть, имеются еще особые причины, благодаря которым уклонения детей в произношении направлены все в одну сторону и, переставая быть уклонениями, становятся нормою. Еще другую гипотезу предложил немецкий ученый Misteli. Он указывает на то, что народ, который отличается сильным развитием культуры и переживает много столкновений со своими соседями, менее сохраняет старинные формы своего языка (так, например, англичане и французы), между тем как племена, спокойно и в первобытной обстановке постоянно пребывающие // в своей стране, являются замечательно консервативными также в грамматическом отношении. 6
Указывают тут и на литовцев, остававшихся язычниками вплоть до исхода средних веков и сохраняющих в своем языке черты индоевропейского праязыка в большем объеме, чем все прочие современные индоевропейские языки, и на финские языки, о консервативном характере которых можно судить, например, по тому, что слова, заимствованные финнами из германских языков, иногда дошли до нас в такой старинной форме, какой в историческое время уже германские языки сами не знали. Так, например, заимствованное финское слово *rengas* «кольцо», соответствующее немецкому *Ring*, сохранило и гласный *e* перед носовым согласным, и окончание *-as*, которых в историческое время уже не знает ни один из германских языков: *e* там перешло в *i*, и *a* в окончании и потом и конечное *s* отпали. Ввиду таких примеров говорит Misteli: «Легко понять, что язык народа тем лучше сохраняет свои старинные формы, чем дальше он отстоит от преобразований исторического развития и чем упорнее он держится своих старых воззрений и привычек; и что тем более изменяется форма языка, чем живее и энергичнее народ участвует в ходе исторических событий». Но если есть примеры, говорящие в пользу этой теории, то нет недостатка и в таких примерах, которые ей противоречат. Звуковой состав латинского языка в португальском языке изменился сильнее, чем в испанском; так разве португальцы больше подвизались в истории, чем испанцы? И разве представителями тосканского наречия, едва ли не самого консервативного романского наречия, в культурном отношении меньше создано и пережито, чем ретороманцами в Альпах, которые гораздо больше тосканцев изменили звуки и формы латинского языка? Остается нам, наконец, рассмотреть теорию, которую сначала выставили

романисты и которую из индоевропеистов отстаивает особенно немецкий языковед Гирт. Исследователей романских языков, конечно, невольно занимает вопрос, почему латинский язык в Римской империи распался на такое множество самостоятельных наречий и впоследствии языков? И так как столь обширное распространение латинского языка объясняется не естественным ростом римского народа, но романизациею различных инородных племен, то невольно пришли к мысли, что недостаточное усвоение целым рядом инородных племен латинского языка было причиною разветвления этого языка. Известно ведь, что вполне безукоризненно усваивают себе чужой язык только в детском возрасте. А это объясняется тем, что взрослые, обращая внимание не только на звуковую форму, но и на значение слов, усваивают
7 себе чужой язык, сохраняя // артикуляционный базис, т. е. нормальное расположение органов речи, своего родного языка; артикуляционный же базис не одинаков у всех народов. И вследствие этого взрослые не совсем точно усваивают себе произношение чужого языка. Так, по мнению немецкого фонетика Бремера, в Германии наблюдается столько же оттенков в произношении французских звуков, сколько немецких говоров, и, наоборот, немец легко узнает по иностранному выговору француза или славянина. Дети же сначала повторяют слышанные ими слова, не зная еще их значения, и при этом больше взрослых стараются точно воспроизводить слышанные звуки. В случае же смешения двух народов новый язык обыкновенно сначала усваивается взрослыми, а не детьми, так как с детьми их мать или няня говорит на своем родном языке. И даже дети того пришлого народа, язык которого становится господствующим, часто сначала усваивают себе вымирающий язык туземцев, так как прислуга и няня часто принадлежат к бедному классу туземцев. И в Римской империи римские колонисты, вероятно, часто женились на туземках. Для проверки этих соображений о влиянии туземного элемента на возникновение романских языков было необходимо установить, совпадают ли древние племенные границы с теперешними диалектическими границами романских языков. Этому, однако, сильно мешает то обстоятельство, что мы слишком мало знаем о языках романизованных народов и об этническом[2] составе Римской империи. Полнее всего еще наши сведения относительно

[2] [Pirmpublicējumā: этнографическом. — Red.]

кельтов, и, кроме того, до нас дошли близко родственные с галльским языком британские языки. Поэтому с кельтов и начались исследования романистов в данном случае. Итальянец Ascoli указал, что переход латинского *ū* в *ü* встречается только в галлороманских языках, т. е. на первоначально галльской территории, т. е. в северной Италии, во Франции и в ладинских говорах Альп, и что аналогичный переход *ū* в *ü* имел место также в собственном языке кельтов. А именно, вместо общекельтского *ū*, сохранившегося в ирландском языке, британская ветвь кельтских языков, т. е. близко родственные с галльским языком языки кимрский, корнский и бретонский, имеет теперь *i*, которое, конечно, получилось через переходную ступень *ü*. Так, например, ирландскому *dūn* «крепость» соответствует кимрское *din*. И подобно этому также в некоторых галлороманских наречиях *ü* далее перешло в *i*. Так, например, из латинского *dūrus* получилось французское *dur* с *ü*, а в некоторых ладинских говорах — *dir* с *i*. Наконец, Ascoli еще указывает, что также в германском языке голландцев древнее *ū* перешло в *ü*, напр. *duur* (= *dūr*) «Dauer (про-//должение)»; голландцы 8
же занимают территорию кельтского племени бельгов. Другой факт, на который указывает Ascoli, это — переход начального *f-* в *h-* в гасконском и испанском, т. е. в стране древних иберийцев или басков; напр., из латинского *ferrum* «железо» получилось испанское *(h)ierro*. Но тут дело, по-моему, более сомнительно: *h-* вместо *f-* появляется в испанском только начиная с XVI столетия, между тем как в древнеиспанских текстах пишется еще *f-*, что Ascoli сам объясняет влиянием традиционного латинского правописания. Но *f-* переходит в *h-* также в тех испанских словах, которые заимствованы из германского и арабского языков. Так неужели язык продолжал изменяться еще так долго после смешения иберийцев с римскими колонистами?

Приводятся еще другие примеры в пользу теории о влиянии туземцев на язык, который ими усваивается. Так, указано, что некоторые немецкие говоры на первоначально славянской территории утратили *h*, т. е. звук, чуждый славянским языкам. В Америке все европейские языки — английский, испанский, португальский и французский — получили сильно носовой тембр, и указывают ввиду этого, что языки американских индейцев отличаются особенного рода носовою артикуляциею. И на Кавказе наблюдается почти одна и та же система гласных и согласных не только у индо-

европейских армян и иранцев, но также у неродственных с ними грузин[3] и других; и объясняют это общей примесью каких-то вымерших автохтонов.

Фонетик Ленц заметил, что испанский язык в Чили своими звуковыми особенностями сильно отличается от настоящего испанского выговора, и, дольше занимаясь этим явлением, он пришел к заключению, что чилийская звуковая система в сущности вполне совпадает с звуковой системой араукан-цев[4], т. е. коренных жителей Чили. А то обстоятельство, что испанский язык получил арауканскую[4] окраску только в Чили, а ни в Перу, ни в Боливии, Ленц объясняет тем, что только в Чили произошло действительное смешение испанцев с туземцами, тогда как в других южноамериканских странах с меньшим количеством испанских поселенцев испанский язык оставался только культурным языком образованного класса. А если язык пришлого элемента не усваивается туземцами, то он становится культурным языком и в общем сохраняет свои старинные черты. Подобно этому в больших городах, как напр. в Париже, где культурный язык делается общим достоянием всех слоев населения, он в фонетическом отношении изменяется сильнее, чем там, где он употребляется
9 только образованным классом. Итак, не подлежит со-//мнению, что подчинение одного народа другим может отражаться и на языке завоевателей. Но если некоторые языковеды, как напр. Гирт и некоторые романисты, высказывают склонность чуть ли не в с е фонетические изменения объяснять смешением народов, то с этим нельзя согласиться. С одной стороны, есть случаи смешения народов, не оставившие, по-видимому, никаких следов в звуковой системе. В русском народе мы находим примесь татарских и финских племен, а между тем следы татарского и финского влияния мне известны почти только в лексике, а не в фонетике русского языка. А с другой стороны, есть народы, о которых мы не знаем, что они смешались с другими; так разве их языки не подвергаются никаким фонетическим изменениям? И почему звуковая система подвергается изменениям также после окончания процесса смешения? Из всего сказанного ясно, что о б щ и х причин всех фонетических изменений не имеется, но что в каждом конкретном случае приходится искать причины изменений. Во многих случаях нам пока и не удастся их

---

[3] [Pirmpublicējumā: reоргийцев. — Red.]

[4] [Pirmpublicējumā: аравканцев resp. аравканскую. — Red.]

найти. Но это не должно нас обескураживать. Точные и систематические наблюдения над процессом фонетических изменений в современных говорах начались лишь недавно и пока только кое-где. После целого ряда таких тщательных и продолжительных наблюдений, какие производились французом Rousselot, процесс и причины фонетических изменений для нас несомненно станут гораздо яснее.

Итак, милостивые государи, вы видели, как много еще приходится работать над одним лишь отделом широкой области языковедения; для нас, языковедов, это должно быть поощрением к дальнейшей работе; скажем и мы, что обладать истиной менее привлекательно, чем искать ее; и в этих поисках да сопутствует нам светлый образ учившего в этих аудиториях Александра Афанасьевича Потебни.

LETTISCHE MISZELLEN

[1909 KZ XLII 3/4, 375—379 un atsevišķā novilkumā]

375

1. ZUR WIRKUNG DER PROKLITISCHEN STELLUNG

Zu den Beispielen für proklitische Kürzung, die ich in meinen Латышские предлоги I[1] und BB XXIX 320 f.[2] gegeben habe, seien hier noch einige hinzugefügt: (*ā* wird zu *a*) *ka·pēc* «weshalb» (Wolmar) aus und neben *kàpêc, ar·puś* (Anzen) «äußere Seite» aus *ârpuse,* vgl. čech. Beispiele IFA XIX 62; (*ē* wird zu *e*) le. (dial.) *vel* aus *vêl* «noch» (hier kann auch das folgende *l* die Kürzung begünstigt haben), lit. *vėl* (Lit. Mitt. II 31) oder *vèt* (Lesk.—Brugm. 280) «wieder»; (*ī* wird zu *i*) *ir* «ist» aus **īr* (= lit. *yrà*; hier kann auch das folgende *r* die Kürzung begünstigt haben), vgl. Zubatý IFA XVI 54; (*ai* wird zu *ei*) infl. *kei* BW 8491, 5 aus *kai* «wie» Zb. 273, dial. (z. B. in Baldohn, vgl. auch Bezzenberger Lett. Di.-St. 87) *lei* aus *laî* «möge»[3]; (*au* wird zu *u*) *ju* «schon» (Dondangen LP VII 1, 109) wohl aus *jàu* (und nicht mit ursprünglichem *u*); (*ie* wird zu *i, e,* lit. auch *ė*) *tik* (in den ältesten Drucken auch *tikt*, z. B.

---

[1] [Skat. šai izdevumā I 311—500. — Red.]

[2] [Šai izdevumā I 288 sk. — Red.]

[3] Daß in *lei ei* aus *ai* entstanden ist, dafür spricht auch der Umstand, daß ein Verbum **leist* (= lit. *léisti*) im Lettischen nicht belegt ist. Daß aber dieses *laî* wirklich von *laîst* «lassen» stammt und das in ältern Drucken dafür gebrauchte *laid* nicht (wie Bezzenberger o. XLI 112[1] meint) volksetymologisch ist, wird durch schlagende Parallelen aus andern Sprachen erwiesen, vgl. russ. *пусть* (von *пустить* «lassen») *плачет* «laß er weinen» (wie man in den russ. Ostseeprovinzen spricht); auch estnisch *laskma* «lassen» wird ebenso gebraucht. Daß also Brugmanns Auffassung (IF XV 340) dieser Partikel «mehr für sich hat» als die übliche Herleitung von *laîst,* bedarf wenigstens für uns Letten dennoch einer näheren Ausführung. Einen andern Ursprung vielleicht hat dagegen *laî* (dial. auch *lei(t)* BB XIV 119 und *lain* in Siuxt) in der Bedeutung «auch», «wohl»: *viņš lain atnācis* (Siuxt) «auch er ist gekommen», *mēs laî iêsim* (Wolmar) «auch wir werden gehen» (die Angabe Bezzenbergers l. c. *mēs iêsim laî* «wir wollen gehen» für Wolmar beruht wohl auf einem Irrtum, da ich in Wolmar, meiner Heimat, einen solchen Ausdruck nie gehört habe), *nez kad laî viņu bedîs* (Wolmar) «wann wird man wohl ihn beerdigen».

tickt doudtce «so viel» Ev.) «so viel», «nur» aus (jetzt veraltetem) *tiek* «so viel» (= lit. *tiek*), lit. *tìk(t)* oder *tiktaĩ(s)* «nur» aus altlit. *tiektai* (Bechtel LLD III Einl. XVIII), le. *cik* «wie viel» aus (jetzt veraltetem) *ciek* (= lit. *kiek*), *ce·māte* «gnädige Frau» (Bielenstein LSpr. § 146) aus *cie(n)māte*, lit. *nẽ — nẽ* «weder — noch» (Jurksch. 7, geschrieben *nẽ'*) aus **nie* (erhalten z. B. in *niẽ-kas* «niemand», *niẽkaip* «in keinerlei Weise»; vgl. ebenda *prẽ* «bei» aus *priẽ*; ob auch *bẽ//* «und» ebenda 21 u. a. aus **biẽ* entstanden ist?); (*uo* wird auch 376
zu *a*) lett. *pra·jam* «fort» (Wolmar) aus und neben *pruôjàm*, lit. *dakšé* «gib her» (Jurksch. 134) aus *duok šén*.

2. ZUR VOKALDEHNUNG VOR *r*

Während gewöhnlich *a* und *e* vor einem *r*, das erst spät nach Ausfall eines Vokals tautosyllabisch geworden ist, kurz bleiben (wie auch in Lehnwörtern jüngern Datums, vgl. BB XXV 273[4]), tritt in einigen Mundarten (wenigstens in der Nominalflexion) auch hier Dehnung ein (in diesen Mundarten ist der fallende Ton mit dem Stoßton zusammengefallen und *ar, er* werden bei beiden Intonationen gedehnt); nom. s. *zārs* «Ast» für gewöhnliches *zàrs* (Rutzau, Nogallen, Sahrzen, Lipsthusen), *gâŗš* «lang» für gew. *gaŗš* (Nigranden, Anzen), *gârs* «Geist» für gew. *gàrs* (Nurmhusen, Waldegalen, Stenden). In den übrigen Kasus, wo *r* heterosyllabisch ist, bleibt die Kürze auch in diesen Mundarten gewahrt.

3. ZUR SPONTANEN KONSONANTENERWEICHUNG

G. Schütte hat IF XV 279 darauf hingewiesen, daß die dänische Sprache bei verächtlichen Ausdrücken ein *j* einschiebt, z. B. *pjalt* aus *palt* «Lumpen». Denselben Beweggrund hat wohl die Erweichung auch in mehreren Fällen im Lettischen: *šņipis* (neben *snīpis*) BB XVII 276 «Schnabel» (in Scherz oder Spott für «Nase» gebraucht), *šmaulis* (neben *smaulis*) «Schmutzfink», *kņēvelis* (neben *knēvelis*) BW 9324 «Bube», *ļipa* (neben *lipa*) «Schwänzchen», *ņirga* (neben *nirga*) «Grieflacher»[5], *ņikt* (Трейланд Материалы, пословицы 249) neben *nikt* «quienen, zu nichte gehen», *gņęga* «einer, der mit langen Zähnen ißt», *kņadêt* «schwatzen», *ļempis* «Lümmel», *ļuŕba* «Maulaffe», *pļęka*

[4] [Sai izdevumā I 131 sk. — Red.]
[5] [*ņiŕga, nirga* «der Hohnlacher, Grinser, Spötter» ME II 903. — Red.]

«Kuhfladen»; hierher gehören wohl auch einige der BB XXIX 194[6] angeführten Fälle von *č, dž* für und neben *c, dz*. Nun haben auch die Deminutiva auf *-elis*, die gewöhnlich einen deteriorierenden Sinn haben, häufig einen erweichten Stammkonsonanten, vgl. Bielenstein LSpr. § 237, Lautenbach BB XVII 275. Leskien (Nom. 481) sieht in Beispielen wie *šunelis* (neben *sunelis* in Grösen), *lauķelis, ruoķele, vēršelis, âželis, maišelis* Lituanismen. Aber diese Formen werden nicht bloß an der litauischen Grenze gebraucht, und Formen wie *čaurumelis* «kleines Loch», *mučele* Mag. XIV 1, 162 (von *muca* «Tonne») lassen sich überhaupt nicht aus dem Litauischen erklären.
377 Dazu // kommt, daß auch die litauischen Bildungen auf *-ùkas*, die zuweilen einen verkleinernden oder deteriorierenden Sinn haben, gleichfalls zuweilen Erweichung im Stamme aufweisen: *bildžiùkas* «Poltergeist», *bėdniùkas* «Armer», *durniùkė* «Böse» (vgl. noch *tilčiùkas, varniùkas, berniùkas, mergiùkė, viščiùkas, mažiùkas* u. a., vgl. Leskien l. c. 517 f.); desgleichen im Lettischen die Bildungen auf *-uks*, die nach Kauliņ (BB XII 230, in Saussen) «Kleinheit» ausdrücken: *Jāņuks, Brenčuks, Pičuks, dęļuks* «Söhnlein» (auch in Setzen Mag. XIV 1, 165), *vęršuks* «kleiner Stier» (auch BW 20334 aus dem Infläntischen).

Vor *u* kann die Erweichung, wie schon Uĭjanov (Основы 38) bemerkt, aus Formen mit *au* (aus *eu*) übertragen sein.

In Lehnwörtern aus dem Deutschen mit anlautendem *š-* werden *l* und *n* nach *š-* öfters erweicht, da die Verbindungen *šn, šl* im Lettischen ungewohnt sind (in echt lettischen Wörtern folgen auf *š* nur *ņ, ļ*): *šļaka* (neben *šlaka*) «Schlag», *šņabis* «Schnaps», *šņepis* «Schnepfe», *šņuore* «Schnur».

In mehreren Fällen dürfte die Erweichung durch Kontamination entstanden sein: *švainis* BW 10792 (für gew. *svainis*) «Schwager» unter dem Einfluß des Lehnworts *švāģeris; žuôds* (für *zuods* = lit. *žándas*) «Kinn, Kinnbacken» vielleicht unter dem Einfluß von *žuôkls* «Kinnlade»; *gŗāvis* «Graben» etwa nach *gŗava* «Schlucht, Grube» (zu *gŗaut* «stürzen»); *čętuorts* (für gew. *cętùrts*) «als vierter» BW 14517, 7 nach (dem wohl entlehnten) *četri* «vier».

In einigen Fällen darf man vielleicht auch an Assimilation denken: *ma·žitiš* «ganz klein» (Angermünde), wo *ž* für *z* vielleicht unter dem Einfluß des folgenden *š* steht; *kāž'čiš* BB XXIX 194[6] (*č* für *c* vor *š*?).

Nachdem auf diese Weise öfters Parallelformen mit und

[6] [Sai izdevumā I 305. — Red.]

ohne Erweichung entstanden waren, konnte infolge des Schwankens in diesen Fällen die Erweichung vielleicht auch in einigen anderen Fällen aufkommen, vgl. z. B. *ņiedre* (für *niêdre*) «Rohr» BW 11059, 2 var., *ņātre* (für *nâtre*) «Nessel» BW 12076 var. Ein großer Teil der Erweichungen entfällt endlich auf onomatopoetische und etymologisch dunkle Bildungen.

4. LEXIKALISCH-ETYMOLOGISCHE BEITRÄGE

māteres

māteres «Leonurus cardiaca» stammt wohl von *māter-*// «Mutter» (vgl. *mãtes zâle* «Gentiana centaureum», lit. *moterynas* oder *móteržolės* «Mutterkraut»). Auch den alten Stamm *bhrātor-* finden wir im voc. s. *brātarīti* «lieber Bruder» BW 3563, 2 var. 378

iz-tilt

Zb. 370 lesen wir *navar izťitť* «nie można wytrzymać» : got. *þulan*, alat. *tulere*, gr. τλῆναι u. a.

zvildzu

BW 10033, 2 var. findet man die III p. praes. *zvildz* «glänzt, funkelt» (Infinitiv *zvildzêt*?) : lit. *žvilgėti* «glänzen».

pęlvas

BB XXV[7] habe ich irrtümlich die Existenz von *pęlvas* «Spreu» im Lettischen in Abrede gestellt: man findet die Form in Saussen (BB XII 230; hier auch *dzirnuvas, raguvas*), BW 16764, 2 var., in Wallhof u. a.

**miels*

Im Hochlettischen (z. B. BW 13646, 20) findet man das dem lit. *mielas* entsprechende *mils* «lieb» aus **mielas*, woher auch *mielasts* «Gastmahl» (: slav. *milostь*), *miēluôt* «bewirten».

---

[7] [Šai izdevumā I 114. — Red.]

krievs

In Elgers Dictionarium 643 findet man *krews* (zu lesen *krievs*, wofern nicht Druckfehler für **kreivs*) «intortus, tortuosus» : lit. *kreĩvas*.

sirna

Bei Rehehusen (Mag. XX 2, 38) findet man den acc. pl. *ssirnos* «Rehe» (zu lesen *sirnas*, vgl. ebenda die acc. pl. *zuhckoss, zaunoss, lapssos* und S. 13 im Paradigma *szehwos* = *sievas*) : russ. *серна*. Ebenda findet sich auch der acc. pl. *ssabälloss* «Zobeln» (zu lesen wohl *sabeļus* vom nom. s. **sabelis*) : russ. *соболь*.

greṁtiês

In Wolmar findet sich ein Verbum *greṁtiês* (praes. *gremuôs* aus **gremjuos*, praet. *grẽmuôs*) «im Affekt eine Absicht äußern, drohen» (z. B. *tẽs grẽmâs tevi kuĩt* «der Vater drohte dich zu prügeln»); wahrscheinlich zu lit. *gruṁsti* «drohen», got. *gramjan* «erzürnen, aufreizen» u. a.

kauss

Heute hat dies Wort die Bedeutung «Schale»; in den Texten des XVI. und XVII. Jahrh. (z. B. Ev., MP II 109, Phraseologia//
379 cap. XXXII, Elger 368) hat es auch die Bedeutung «Groschen, Pfennig».

nuogs

Bei Ulmann heißt es: *«nohks, -a* nackend, Manzel»; und Zubatý bemerkt dazu BB XVIII 251, es scheine nicht gehörig beglaubigt und sei vielleicht ein litauisches Lehnwort. Ulmanns *nohks* ist bloß eine falsche Transkription des Manzelschen *nohx* (so im Lettus) für *nuogs* (vgl. den acc. s. *nogo* = *nuogu* in den Ev., neben dem nom. s. *nôx* = *nuogs*). Darin ein Lehnwort zu suchen, liegt kein Grund vor; in Ostlivland ist *nuôgs* dial. noch jetzt gebräuchlich.

uose

Ulmann bietet nach Kronwald, der aber in solchen Dingen kein ganz zuverlässiger Gewährsmann ist, *uosa* «Schwägerin»[8]; in Manzels Phraseologia cap. XLVIII lesen wir *uose* «Schwieger» (: lit. *úošvė*).

seime, saims

seime «ein Riese» (Ulmann); *saims* (in Neugut) «Riese» (Etn. I 32; daselbst noch andere Notizen über die «saimi»), *varęns* (oder *varęns*? die Quantität des *e* ist unbezeichnet) *saims* (Wiedergabe des deutschen «Kraft-Held» in den «Psalmen und geistlichen Liedern» v. J. 1615, S. 43[b]); vielleicht sind diese Formen zu altruss. *simъ* «Art göttliches Wesen der Russen» zu stellen.

smirds

In Elgers Dictionarium findet man S. 340 agricola — *smirdu vīrs* und S. 385 subjectus — (poln.) poddany — *zemnieks, smirds, smirdu vīrs;* gleich altruss. *smerdъ* «Bauer». Man findet aber auch in den eben erwähnten «Psalmen» v. J. 1615 folgende Stellen: Keiſers unde ſmirds (S. 82[b]; in der 4. Strophe einer Übersetzung des Liedes «O Herre Gott, dein göttliches Wort»; das Original liegt mir nicht vor); wen ioune ſmirde man patteſe, kas manno wardu war ſlawet (S. 69[b]; in der 6. Strophe einer Übersetzung des Liedes «Hilf, Gott, wie geht das immer zu»; das Original liegt mir nicht vor); kattram ſmirde gir us ſouwe kammes (S. 43) = «dessen Herrschaft auf seinen Schultern ist». Welche Bedeutung ſmirds und ſmirde an den zwei ersten Stellen haben und wie sich ſmirde «Herrschaft» zu *smirds* «Bauer, Untertan» verhält, ist mir unklar.

---

[8] Leskien (Nom. 233) macht daraus «Schwätzerin» und meint, es sei vielleicht zu lit. *ōšti* «sausen» zu stellen!

ZUM LETTISCHEN PRÄTERITUM

[1909[1] KZ XLIII 1—41]

1 ### I. ZU DEN PERSONALENDUNGEN

Während für den Sprachforscher in Formen wie z. B. *dzęnam* «wir treiben», *dzinàm* «wir trieben», *dzęnat* «ihr treibt», *dzinàt* «ihr triebt» nur das *-m, -t* als Personalendung gilt, muß im Hinblick aufs ganze Paradigma in seiner gegenwärtigen Form (Präsens: *dzęnu, dzeni, dzęn, dzęnam, dzęnat* oder *dzenìet*; Präteritum: *dzinu, dzini, dzina, dzinàm, dzinàt*) ein sprachwissenschaftlich nicht geschulter Lette jetzt in den angeführten Formen als Personalendungen für die I p. pl. praes. *-am*, für die II p. pl. praes. *-at* oder *-iet*, für die I p. pl. praet. *-àm* und für die II p. pl. praet. *-àt* ansehen.

Da nun bei vielen Verba das Präsens auch im Wurzelvokalismus vom Präteritum abweicht, so lag es nahe, in beiden Tempora für die I. und II. Person auch im Plural dieselben Personalendungen einzuführen, zumal da sie im Singular schon phonetisch zusammengefallen waren. Und in der Tat, wie im Präsens die *ā*-Stämme durch die *o*-Stämme verdrängt werden, so sind auch im Präteritum dialektisch die «Endungen» *-am, -at* oder *-iet* der präsentischen *o*-Stämme eingeführt worden. Es folgen Beispiele für *-am*: (aus West-Kurland) *braucam* «wir fuhren» (Matkuln, Wahnen, Weinschenken, Amt-Goldingen, Kukschen), (aus Mittel-Kurland) *likam* «wir legten» (Baldohn, Birsgaln, Bauske, Ekau, Schlampen), (aus West-Livland) *nācam* «wir kamen» (Olai, Segewold). In allen diesen Mundarten bewahren die nominalen *ā*-Stämme im dat. plur. vor dem *-m* die Länge in ihrem Stammesauslaut, so daß phonetische Kürzung des präteritalen *-ām* hier ausgeschlossen ist. Weiter finden wir aber kurzes *-am* im Präteritum in Mundarten, die auch sonst suffixale Längen verloren haben. Und zwar haben die nordwestlettischen Mundarten alle oder beinahe alle suffixalen Längen eingebüßt (vgl. z. B. RKr. XIII 73 ff.[1a]),

[1] [Uz vāka: 1909, titullapā: 1910. — Red.]

[1a] [Sai izdevumā I 161 skk. — Red.]

so daß hier das kurze *a* im präteritalen Stammesauslaut sowohl durch phonetische Kürzung als auch durch Analogiebildung nach dem Präsens entstanden sein kann. Dagegen haben folgende Mundarten, die sonst suffixale Längen vollständig oder wenigstens teilweise bewahren, kurzes *a* vor *-m* sowohl im dat. plur. der //-*ā*-Stämme als auch im Präteritum: (aus West- 2
Kurland) *nesam* «wir trugen» (Dubenalken, Wirginahlen, Zirau, Appricken, Alschwangen, Groß-Iwanden, Firckshof, Rönnen, Ohseln, Puhren und, nach Lautenbach BB XVII 273, 278, 280, im «Dialekt der mittleren Abau»; vgl. auch die von Bezzenberger Spr. d. pr. L. 91 f. und 127 aus der Kurischen Nehrung und aus Südwest-Kurland angeführten Formen auf *-am*), (aus West-Livland) *gājam* «wir gingen» (Kaugerzeem, Treiden), *sòucam* «wir riefen» (Adsel in Ost-Livland). In diesen Mundarten ist das *ā* vor *-m* entweder phonetisch gekürzt (lange Vokale vor tautosyllabischem *m* werden im Lettischen sonst nicht geduldet, vgl. BB XXV 272 f.[2])[3] // oder durch Analogie- 3
bildung zu *a* geworden. Dabei wäre *ā* im dat. pl. der nominalen *ā*-Stämme nach Analogie der femininen *i*- und *u*-Stämme zu *a* gekürzt (*-am* zu *-im, -um,* wie nom. und acc. pl. *-as* : *-is, -us*), wie denn umgekehrt im Schriftlettischen im dat. plur. *-īm, -ūm* aus *-im, -um* nach *-ām* entstanden ist. Nicht undenkbar wäre es jedoch auch, daß das vorauszusetzende anfängliche (durch

[2] [Šai izdevumā I 130 skk. — Red.]

[3] Ähnlich wäre die Kürzung des *ā* und *ē* in den von *ā*- und *ē*-Stämmen gebildeten Lokativformen auf *-an, -en,* die schon Zubatý (Böhm. Sitzungsber. 1897 XVII 12) angenommen und durch den Einfluß des tautosyllabischen *-n* erklärt hat. Ob schon die Autoren des XVI. Jahrhunderts hier kurzen Vokal gehört haben, ist freilich ungewiß, da sie die Länge, zumal in unbetonter Stellung, nur mangelhaft bezeichnen (aus ihren Texten kenne ich jedenfalls nur die Schreibung *-an, -en*); wenn dagegen Manzelius neben nicht seltenem *-ahm* (= *-ām*) und *-ehm* (= *-ēm,* in der Nominal- und Verbalflexion) jene Lokativendung m. W. immer *-an, -en* schreibt, so ist der Vokal vor *-n* in seinem Dialekt wahrscheinlich wohl immer kurz gewesen. In den lebenden Mundarten habe ich nur adverbial (nicht mehr kasuell) gebrauchte Formen auf *-an, -en* getroffen (die Kürze des *a* könnte hier auch von den *o*-Stämmen stammen): *klâtan* «zugegen» (Bauske), *augšan* «oben» und *zęmen* «herunter» (Bezzenberger Lett. Di.-St. 18; auch in den ostlettischen Evangelienproben vom J. 1753 in Wolters Литовская хрестоматия I 145 ff. wird für niederlett. *iekšan* «drinnen, in» immer *ikszan,* wohl = *īkšan,* geschrieben, während für die niederlett. Endung *-ām* dort immer *-om* erscheint, wo die Quantität des *o* ungewiß ist).

Daneben aber kommen in Texten vereinzelte Formen mit langem Vokal vor: *starpahn* (= *starpān*) «dazwischen» (in Rehehusens Manuductio vom J. 1644, Mag. XX 2, 38), *aukszon-* (= *augšōn-* oder *augšon-,* wo das *o* wohl nur aus *ā* entstanden sein kann; vgl. daneben *-om* aus *-ām*) «auf-» (aus einem infläntischen Text bei Bezzenberger l. c.). Vorausgesetzt, daß

das Präsens hervorgerufene) Schwanken zwischen *-ām* und *-am* im Präteritum dann auch im dat. pl. *-am* neben *-ām* hervorgerufen hat, wobei schließlich das *-am* zur Alleinherrschaft gelangt ist.

In einigen Mundarten steht neben aktivem *-ām* reflexives *-amies*: *satikām* «wir begegneten» neben *satikamies* «wir begegneten uns» (Lahnen, Behnen), *ģērbamies* «wir kleideten uns» neben *orām* «wir pflügten» (Druweenen), *cẹ̄lamẹ̄s* (das *ẹ̄* in der Schlußsilbe wurde hier sehr breit nach *a* zu gesprochen) «wir hoben uns» neben *cẹ̄lām* «wir hoben» (Pixtern). Die Kürzung //
4 des *a* in *-amies* (*-amẹ̄s*) scheint mir dadurch veranlaßt zu sein, daß in solchen Formen (wenigstens mundartlich) der Nebenton auf der Reflexivendung ruht (das vorhergehende *ā*

---

hier keine Fehler vorliegen, zeigen diese Formen, daß die Kürzung der Länge vor *-n* nicht in allen Mundarten gleichzeitig stattgefunden hat. Allerdings könnte man auch in diesen Formen Kontaminationsprodukte erblicken: *starpān* z. B. könnte durch Kontamination aus den gleichbedeutenden *starpan* und *starpā* entstanden sein. — Die Kürzung einer Länge vor tautosyllabischer Nasalis oder Liquida zeigen auch folgende Beispiele: *Murmuiža* aus *Mūrmuiža* (Name eines Gutes bei Wolmar), *jurmala* aus *jūrmala* «Meeresufer» (Sarkau), *Mīlgrāvis* [pirmpublicējumā *l* vietā *t*: *Mitgrāvis*; līdzīgi arī citos piemēros: *katt, matt* 21, lei. *švitpti, švitpė* 9 u. c. Bet *l* vēlārums ir apzīmēts gan ar punktu zem *l* (raksta sākuma pusē), piem., *lyļs* 3, gan ar burta pārsvītrojumu, piem., *nū-stysa* 11, *gutu* 14. — Red.] aus *Mīlgrāvis* (aus d. *Mühlgraben*, Name eines Rigaer Vorortes), *tīrmauš* aus *tirumà uš* (Zuruf an die Schweine, auf den Acker zu gehen), *almanis* BB XVII 284 aus *ālmanis* «der sich unruhig gebärdet» (zu *ālêties*), *maltīte* «Mahlzeit» aus **māltīte* (vgl. den acc. s. *mahltit* bei Rehehusen Mag. XX 2, 30). — Hierher gehören offenbar auch die in Nord-
3 west-Kurland vorkommenden und von Mühlen-//bach BB XXIX 74[2] angeführten Formen *dẹļs* aus *dẹļs* «Sohn», *jẹļs* aus *jẹļs* «roh», *vẹļs* aus *vẹļs* «spät», *mẹms* aus *mẹms* «stumm», *bẹns* aus *bẹ̦[r]ns* «Kind», *lẹns* aus *lẹ̦ns* «milde», *plans* aus *plâns* «dünn», *sens* aus *siens* «Heu», *vens* aus *viêns* «ein» (vgl. dazu lit. dial. *vẽns* aus *vienas* Bezzenberger BB X 204, GGA 1885, 934 und Lit. Forsch. 36). Mühlenbach, der diese Kürzungen mit derjenigen in ostlettischen Formen wie *miksts* aus *miksts* «weich» vergleicht, scheint sie freilich dem Einfluß des Stoßtones zuzuschreiben. Daß jedoch nicht der Stoßton, sondern die tautosyllabische Verbindung mit *l, n, m* die Ursache der Kürzung ist, ersieht man daraus, daß in jeden nordwestkurischen Formen die Länge vor heterosyllabischen *l, n, m* erhalten ist (z. B. zu *dẹļs* der dat. s. *dẹļam*) und daß im Ostlettischen (wo der Dehnton zum fallenden Ton wird) auch nichtgestoßene Längen in ähnlicher Stellung zuweilen gekürzt werden: (für schriftlett. *liẽls* «groß») *tẹ̦ts* (Zb. XVIII 244 und 258 und bei Bezzenberger Lett. Di.-St. 127) oder *tẹ̦ts* (Bezzenberger l. c.; das anlautende *t* wohl für *t* durch Assimilation ans folgende *t*) oder *lils* (Mühlenbach BB XXIX 76; ebenda auch *vin* aus *viên* «allein») oder *tits* (Bezzenberger l. c.) oder *tyts* (Bezzenberger l. c., Zb. XVIII 253) oder *lyls* (Selsau BB XVI 333, hier auch *vyn* aus *vien*). Hier ist nun die Kürzung aus dem nom. s. und aus den sehr gebräuchlichen Composita (schriftlett. *liẽlkungs*,

also schwachtonig ist), während im Aktivum der Nebenton auf *-ām* ruht (vgl. übrigens auch RKr. XIII 76 f.[3a]). — Wahrscheinlich gleichfalls aus dem Präsens herübergenommen ist das *-um*: *atbraucum* «wir sind hergefahren» (Wirben); vgl. ebenda die I p. pl. praes. *pļaujum* «wir mähen», *darum* «wir tun» (daneben der dat. s. der *o*-Stämme auf *-am* und *-um*, der dat. pl. der *ā*-Stämme auf *-ām* oder *-am*). Während nun in Selburg, wo die I p. pl. praes. gleichfalls auf *-um* endet (z. B. *pļaunum* «wir mähen», *kuļum* «wir dreschen»), *-um* für *-am* offenbar durch Beeinflussung von seiten des part. praes. pass. auf *-ums* (für *-ams*, vgl. Mühlenbach IF XVII 416 ff.) entstanden ist, wird die Entstehung des *-um* in Wirben von Mühlenbach l. c. 420 f. dem Vorbild der I p. pl. condit. auf *-tum* oder dem Nebeneinander von *-am* und *-um* im dat. s. der *o*-Stämme zur Last gelegt; die zuletzt angeführte Form aber verdanke ihr *-um* dem dat. s. der *u*-Stämme. Aber erstens ist es uns nicht bekannt, ob in Wirben die I p. pl. condit. auf *-tum* oder auf *-t(u)* ausgeht, und, die Existenz des *-tum* in Wirben zugegeben, läßt sich eher die Beeinflussung des weniger gebrauchten Conditionalis durch das Präsens erwarten (und tatsächlich läßt sie sich auch feststellen) als das Umgekehrte. Auch eine Beeinflussung der *o*-Stämme durch die recht seltenen *u*-Stämme ist nicht sehr wahrscheinlich. Offenbar hat sich Herr Mühlenbach zu dieser Erklärung veranlaßt gesehen, weil er der Meinung war, daß in Wirben das part. praes. pass. nur auf *-ams* auslaute. Aber wie ich sehe, hat er dabei in seinen eigenen Aufzeichnungen die Form *slaucum* (für schriftlett. *slàucama*) *guov* «Melkkuh» übersehen. Also verdankt auch in Wirben die I p. pl. praes. ihr *-um* ohne Zweifel dem *-ums* des part. praes. pass. Was aber den dat. s. der *o*-Stämme auf *-um* anbelangt, so waren die *u*-Stämme allein, wie gesagt, kaum imstande, jene Endung bei den *o*-Stämmen hervorzurufen; in Betracht kommt,

---

liēlmāte, liēlceļš, liēldienas, liēlmanis u. a.) auch in andere Kasus vor heterosyllabischem *l* verschleppt (wie die von Bezzenberger l. c. angeführten Beispiele zeigen; das dem schriftlett. *liēlītiês* «prahlen» entsprechende Verbum dagegen hat meist regelrecht aus *ie* entstandenes *i* in der Wurzelsilbe).

Zum *i* aus *ie* vgl. *-i* aus *-ie* und *pi* (neben *pe*) aus *pie* «bei» (Verfasser, Латышские предлоги I 167 [šai izdevumā I 468. — Red.]); in den Mundarten, wo *ie* zu *i* wird, könnte *lils* auch aus *lils* gekürzt sein, wofür auch der Umstand spricht, daß in derjenigen Mundart, von der wir im Zb. XVIII 236 ff. Texte haben, *tyts* neben *tęts* (wie oben gezeigt ist) vorkommt (ursprünglich wohl nom. s. *tęts* aus *liels*, gen. s. *tīta* usw., worauf auch im nom. s. *ī* sich einstellte und dann gekürzt wurde).

[3a] [Šai izdevumā I 164 sk. — Red.]

daß nach solchen Adverbia wie *vìrsum* «drauf» (vgl. Mühlenbach l. c.) *-um* für älteres (teilweise aus *-ām* verkürztes) *-am* auch andere Adverbia (z. B. *pruojum* «fort») und adverbial gebrauchte Dative oder dativische Verbindungen (z. B. *pa vęcum* aus *pa vęcam* «nach althergebrachter Weise») angenommen haben. Endlich konnte daneben auch das vorauszusetzende anfängliche Schwanken zwischen *-am* und *-um* in der I p. pl. praes. den Dativauslaut be-//einflussen. — Wie *-um*, scheint auch das von mir in Turlau gehörte *-im* zunächst aus dem Präsens zu stammen: *atbraucim* «wir sind hergefahren», *atnācim* «wir sind hergekommen»; vgl. daneben (den *i*-Stamm) *gulim* «wir liegen» und *saucim* «wir rufen» (aus *sàucam* nach Analogie der *i*-Stämme). Diese Beeinflussung durch das Präsens fand wahrscheinlich erst dann statt, als im Präteritum *-ām* (unter dem Einfluß des Präsens) zu *-am* geworden war. Die daneben vorkommenden Formen (*atbraucat* «ihr seid hergefahren», *gulat* «ihr liegt», *lasam* «wir lesen», *peŗamies* «wir baden uns») scheinen darauf hinzuweisen, daß noch jetzt in Turlau die I p. pl. praet. auch auf *-am* auslautet.

Beispiele für *-at*: *sòucat* «ihr rieft» (Adsel), *gājat* «ihr gingt» (Treiden, Magnushof, Nurmis unter Segewold, Dubenalken, Wirginahlen, Appricken, Turlau, Matkuln, Wahnen, Samiten, Weinschenken, Schlampen), *aûgat* «ihr wuchst» nach BB XVII 280 im «Dialekt der mittleren Abau» (vgl. auch *sacījat* «ihr sagtet» aus Nidden bei Bezzenberger Spr. d. pr. L. 92).

In einigen Mundarten wird das *a* auch tonlos gesprochen und fällt dann auch aus: *gulēj't* «ihr schlieft» (Alschwangen), *atbrauc't* «ihr seid hergefahren» (Kukschen). Da in allen diesen Mundarten die suffixale Länge sonst im allgemeinen bewahrt wird, so wird wohl auch in der II p. pl. praet. *-at* für *-āt* unter dem Einfluß des Präsens aufgekommen sein. — Wie aktives *-ām* neben reflexivem *-amies* steht, so findet man auch aktives *-āt* neben reflexivem *-aties*: *ģērbaties* «ihr kleidetet euch an» neben *orāt* «ihr pflügtet» (Druweenen).

Beispiele für *-iet*: *sitiet* «ihr schlugt» (Baldohn, Birsgaln, Neugut), *sâkiet* (mit Bewahrung des *k* vor *ie*!) «ihr fingt an» (Ekau), *cęlietęs* «ihr erhobt euch» (Ekengraf; aber im Aktiv: *teicęt* «ihr sagtet», *vedęt* «ihr führtet»; ähnlich in Pixtern). Die Endung *-iet* für die II p. pl. praet. führt bereits Stender in seiner lettischen Grammatik (S. 35 und 40) an.

Auch im Ostlettischen (Hochlettischen), wo im Präteritum *ā* (das in diesem Dialekt zu *ō* und weiterhin auch zu *uo* wird)

und *ē* im Stammesauslaut noch geschieden werden, findet man vor den Personalendungen kurzen Vokal. In Vorkova: *ševom* «wir nähten», *vędęm* «wir führten», *vędęt* «ihr führtet». Da wir hier daneben im Präsens Formen finden wie *aram* «wir pflügen», *skàitom* (vom Stamme *skaitā-*) «wir zählen», *skàitot* «ihr zählt» (vgl. daneben den Infin. *dadzynōt* «brennen») und auch im dat. pl. der Feminina der Stammauslaut gekürzt ist (z. B. *rùkom* «den // Händen», *drębęm* «den Kleidern»), so 6
haben wir es hier wohl mit einer phonetischen Kürzung des *ō* und *ę* vor tautosyllabischem *-m* zu tun. Daraufhin ist unter dem Einfluß der I p. pl. auch in der II p. pl. der Vokal gekürzt (*vędęt* zu *vędęm* etwa wie *vęsit* «ihr werdet führen» zu *vęsim* «wir werden führen»). Dazu stimmt der Umstand, daß in Kaunata (unter Rositten) in der II p. pl. der *ā*-Stämme noch *-uoť* (aus *-ōť* aus *-āť*) neben gekürztem *oť* vorkommt, während in der I p. pl. ich dort ausschließlich *-om* fand. — In einigen Mundarten (Ekengraf, Holmhof) findet man auch reflexives *-ęmęs* (z. B. *cęlęmęs* «wir erhoben uns») neben aktivem *-ęm*. — In einigen Mundarten dieses Dialektes wird das *e* sehr breit und mitunter gar als helles *a* gesprochen; so finde ich in meinen Notizen z. B. folgende Formen: (aus Preili) *ęďęm* «wir aßen» (das *ę* sehr breit nach *a* zu ausgesprochen), *pļuovam* «wir mähten» (vgl. daneben *tykom* «wir legten», *skaitom* «wir zählen», dat. pl. *kuozom* «der Hochzeit»), *ęďęť* «ihr aßt» (vgl. daneben *tykot* «ihr legtet», *skaitot* «ihr zählt», inf. *dźeivuoť* «leben» mit *uo* aus ursprünglichem *ā*, *gutāť* «schlafen» mit *ā* aus *ē*). Diese Erscheinung findet sich schon in der Dispositio Imperfecti vom Jahre 1732 (hier zitiert nach Bezzenbergers Ausgabe in den Königsberger Studien, I. Heft), wo z. B. von *êst* «essen» das Präteritum also konjugiert wird (S. 207; hier schreibe ich *ä* für die Ligatur von *a* und *e* des Originals): *äžu, ädi, ädia, ädiam, ädiat* (auszusprechen wohl: *ęžu, ęďi, ęďa, ęďam, ęďat*). In einigen Mundarten also (Belegstellen werden noch weiter unten gegeben) unterscheiden sich die *ē*-Stämme von den *ā*-Stämmen in der III p. nur durch die Erweichung des Konsonanten vor *-a* (aus *-e*).

II. ZUR VERTEILUNG DES *ā* UND *ē* IM STAMMESAUSLAUT

Im Schriftlettischen und in den Mundarten, auf welchen dieses beruht, enden bekanntlich jetzt alle Präteritalstämme auf *-ā*, und nur in den Verba mit *c* oder *dz* vor dem Stammesauslaut oder mit wurzelhaftem *ĕ* weist die Affricata oder die

Geschlossenheit des *ĕ* (im ganzen indic. praeter.) noch jetzt auf ehemaliges *-ē* im Stammesauslaut; allerdings ist, wie wir später sehen werden, nicht jeder schriftlettische Präteritalstamm mit geschlossenem *ĕ* in der Wurzelsilbe ein ehemaliger *ē*-Stamm. Daß jedoch in den mittellettischen Denkmälern des XVI. und XVII. Jahrhunderts und in einigen Mundarten noch
7 heutzutage neben // *ā*-Stämmen *ē*-Stämme unterschieden werden, ist in der Fachliteratur zwar bemerkt, jedoch nicht genauer untersucht worden. Dieser Untersuchung will ich mich nun hier unterziehen, um festzustellen, ob das Lettische in dieser Hinsicht mit dem Litauischen übereinstimmt, um so mehr als auch die litauischen Dialekte auch hierin teilweise voneinander abweichen. Benutzt habe ich dabei außer meinen eigenen Notizen hauptsächlich folgende Quellen:

Evangelia und Episteln aus dem Deutschen in undeutsche Sprache gebracht... Königsberg 1587 (zitiert mit Ev.). Da in den Texten des XVI. Jahrhunderts für gemeinlettisches *-a* sehr häufig *-e* geschrieben ist, so kamen die hier auf *-e* auslautenden Formen ihrer Zweideutigkeit wegen für mich nicht in Betracht. Was die Zuverlässigkeit dieser Texte anbelangt, so kommen da sonst bekanntlich recht viele Fehler vor, aber die Richtigkeit ihrer Präteritalformen wird durchweg durch andere (lettische oder litauische) Quellen bestätigt. Da, durch den Inhalt bedingt, hier vorzugsweise die III p. vorkommt und alle III p. auf *-e* als zweideutig wegfielen, so war die Ausbeute leider recht klein. Die Seitenzahlen konnten bei den Zitaten leider nicht angeführt werden, da ich sie beim Lesen (vor mehreren Jahren) mir nicht notiert hatte und der unfruchtbaren Arbeit, die Texte noch einmal nur der Seitenzahlen wegen zu lesen, mich nicht unterziehen wollte.

Die «Postill» des Mancelius (den ich mit M. zitiere) vom Jahre 1653 (das Titelblatt fehlt in meinem Exemplar; zit. mit MP). Von Mancelius stammt auch die Phraseologia Lettica v. J. 1638, erschienen als 2. Teil seines «Lettus», und wohl auch die «Historia von der Zerstörung der Stadt Jerusalem» im lettischen «Vade mecum» v. J. 1644 (abgedruckt in Wolters Литовская хрестоматия, die ich mit LChr. zitiere). Mancelius hält in der Regel die *ē*- und *ā*-Stämme richtig auseinander, aber gelegentlich findet sich bei ihm *e* auch nach Gutturalen (z. B. *pirke* neben *pirka* «kauften» MP III 75) und nach *j*. Formen auf *e* können bei ihm demnach nur dann berücksichtigt werden, wenn sie öfters und ausschließlich auftreten und durch andere Quellen bestätigt werden.

Die Dispositio Imperfecti ad Optimum v. J. 1732 (zit. mit Disp. nach der Ausgabe Bezzenbergers in den Königsberger Studien I).//

Eine infläntische Märchensammlung im Zbiór wiadomości 8
do antropologii krajowej, tom XVIII, w Krakowie 1895 (zit. mit Zb. XVIII). Meist werden hier die *ē*- und *ā*-Stämme richtig auseinander gehalten, wobei in der III p. (vgl. oben S. 6) die *ē*-Stämme nur noch an der Erweichung des Konsonanten vor *-a* kenntlich sind. Da nun die im Lettischen vorhandene Tendenz, die Erweichung des *r* aufzugeben, sich auch hier geltend macht, so kann nicht jede Form auf *-ra* als alter *ā*-Stamm angesehen werden. Auch sonst bemerkt man gelegentlich ein Schwanken zwischen *ē*- und *ā*-Stämmen, worin man zum Teil wohl Druckfehler zu sehen hat, die da auch sonst nicht selten sind.

Infläntische Volkslieder aus Kraslaw im Magazin der Lettisch-Literärischen Gesellschaft XIV 2 (das ich hier mit Mag. zitiere).

Tautas dziśmu, posoku, meiķļu un parunu woceleite. Sakrojis P. Smelters, 1899 (infläntische Texte; zit. mit Sml.).

Ein infläntisches Gebetbuch etwa aus der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts (das Titelblatt fehlt in meinem Exemplar; zit. mit Infl.).

Dzismies swatas uz guda Diwa Kunga, Wilna 1836 (infl. geistliche Lieder; zit. mit Dz.).

Die von Baron und Wissendorff herausgegebenen Latwju dainas (zit. mit BW). Natürlich konnten aus dieser Sammlung nur Lieder aus solchen Mundarten berücksichtigt werden, die noch den Unterschied zwischen *ē*- und *ā*-Stämmen kennen.

Aus der lettischen Märchensammlung von Lerchis-Puškaitis (zit. mit LP) Märchen in der Mundart von Ekengraf VI 539 ff. und 874 ff. und von Sauken VI 699 ff. und 784 ff. Allerdings können diese Texte nur mit der größten Vorsicht und nur neben andern Quellen benutzt werden, da sie entweder schlecht aufgezeichnet sind oder von einem schlechten Repräsentanten der betreffenden Mundart stammen (man vergleiche *jēme* neben *jēma* «nahm» VI 539 oder gar *like* VI 541 neben *lika* «legte» 544).

Kaulińs Artikel über die Mundart von Saussen und Fehteln BB XIV 127 ff. Zu diesem Artikel, der beinahe nur die *ē*-Stämme angibt, hat auf meine Bitte hin der Autor mir freundlichst briefliche Ergänzungen über die *ā*-Stämme gegeben (zit. mit Kl.).

Гуковский Описание Россиенского уезда (mit einer dia-

lektologischen Abhandlung von Jaunis; zit. mit Pocc. y.). Jušk. bedeutet das litauische Wörterbuch von Juškevič, und K. — Kurschat.//

9 Nach Möglichkeit führe ich alle Formen in einer einheitlichen Transkription an (wobei *ę* das offene *e* und *y* im Lettischen einen dem russischen *ы* ähnlichen Laut bezeichnet), und statt der Composita der Quellen gebe ich hier, wo es mir nur auf den Stammesauslaut ankommt, die entsprechenden Simplicia, und zwar geordnet nach dem Wurzelvokal (*i, u, ī, ū, e, a, ē, ā, ei* oder *ie, ai, au, uo*), wobei unter den einzelnen Vokalen die Verba nach dem vor dem Stammesauslaut stehenden Konsonanten geordnet sind (*p, b, t, d, k, g, s, z, r, l, n, m, v*; die Verba mit *j* werden später gesondert besprochen).

i

-kript[4]: *-krypa* Zb. XVIII 489 = lit. (žem.) *-krìpa* bei Jušk. unter *iš-krỹpti*.

lipt, lit. *lìpti* «kleben»: *lipa* MP III 174, *typa* Infl. 319, 324, BW 8457, 5, 6, 8, 9, 10 = lit. *lìpo*; I p. s. *typu* Kaunata (im Rosittenschen Kreis).

cìrpt, lit. *kir̃pti* «scheren»: *ćierpa* Kaunata = lit. *kir̃po*.

svilpt (vgl. z. B. BW 250; auch *svil̃pt* oder *švil̃pt*), lit. *švìlpti* «pfeifen»: *švil̃pa* Zb. XVIII 300, 301, 451 (2×), 452, 453, 457, 459, *švil̃pa* Saussen Kl.; lit. dagegen *švìlpė*.

krist, lit. *krìsti* «fallen»: *krytu* Dubena, Kaunata = lit. *kritaũ;* III p. *krita* Ev., MP I 107, Sml. 6, Zb. XVIII 250, 256, Ekengraf LP VI 539, Sauken ibid. 785, *kryta* BW 19002, 1, 2, Mag. XIV 2, 190, 198, Infl. 335, Dz. 26. Demgegenüber kann *krite* MP II 97 und LChr. 117, 34 als Entgleisung bezeichnet werden.

sist «schlagen»: *situ* Saussen Kl., *sytu* Zb. XVIII 255, Kaunata, *sita* MP I 167, LChr. 125, 17, Infl. 335, Sml. 4, Ekengraf LP VI 542 (3×), 543, Sauken ibid. 701 (4×), 784, 785 (2×), *syta* Zb. XVIII 238, 242, 255, Dz. 27, *sytõt* Mag. XIV 2, 195. Demgegenüber muß *-site* Ober-Bartau (Bezzenberger Lett. Di.-St. 62, Z. 43) als Entgleisung gelten.

šķist «meinen»: *šķitu* Saussen Kl., *šķita* MP I 125, LChr. 119, 39, Dz. 64, *šķitâs* MP I 200; *šķite* dagegen MP I 173 wird wohl fehlerhaft sein.//

---

[4] *pierśťi jam atkrypa* «palce mu skołczały» Zb. XVIII 489, *sakripś* «skrzywiony» 290; dazu das Präsens *-kreip* (aus **-krīp*) in Kaunata; zu lit. *kreĩpti* «wenden», *krỹpti* «sich wenden».

krìmst, lit. *krimsti* «nagen»: *krimta* MP I 19, III 147 = lit. *krimto.* 10

cìrst, lit. *kirsti*: *ćiertu* Kaunata BW 18341, 8 = lit. *kirtaũ*; *cirta* MP I 2, II 150, *cierta* Sauken LP VI 787, *ćierta* Infl. 335, 336, 337, Sml. 8, Zb. XVIII 248, 438; Entgleisungen (oder Fehler) sind wohl *cirte* BW 4993, 1, *ćierťa* Zb. XVIII 404, *cierte* Ekengraf LP VI 876 (2×).

brist, lit. *brìsti* «waten»: *bridu* Odensee, Pebalg, *brydu* Kaunata, Vorkova = lit. *bridaũ; brida* Sml. 16, *bryda* BW 18803, 5, 6, 7; als Entgleisung darf wohl *brìž* aus *brižu* Setzen (auch BW 9385 var., 10495, 7 var., 18794, 1 var., 9 var.) angesehen werden.

-dzirst, lit. *-girsti* «-hören»: *-dźierda* Zb. XVIII 251 = lit. *-girdo.*

grìzties, lit. *grįžti* «zurückkehren»: *grizēs* Undeudsche Psalmen 34, wohl ein Mischprodukt von **grìza* (= lit. *grįžo*) und *griezēs.*

grìst, lit. *grįsti* «(den Fußboden mit Brettern) belegen»: *greidu* BW 9023, 2 = lit. *grindaũ* Jušk. (neben *grindžiaũ*).

lìst, lit. *lìsti* «kriechen»: *lida* Saussen BB XVI 324, *leida* Ekengraf LP VI 540 (5×), 543 (2×), *teida* Zb. XVIII 240, 247, 472, 478, BW 20440, 1, Kaunata = lit. *liñdo; līde* Ober-Bartau (Bezzenberger Lett. Di.-St. 62), *lidę* Selsau BB XVI 324 und *teiďa* Zb. XVIII 472 daneben sind wohl spätere Entgleisungen oder gar Fehler.

pirst «crepitum ventris edere»: *pyŕda* Zb. XVIII 242.

-sirsties «-zürnen»: *(aiza)syrda* Zb. XVIII 280 «zgniewać się».

likt «legen», lit. *lìkti* «lassen»: gemeinlett. *liku* = lit. *likaũ.*

(ap)nikt «überdrüssig sein», lit. *nìkti* «heftig beginnen»: gemeinl. *-niku* = lit. *nikaũ.*

plikt, lit. *plìkti* «kahl werden»: gemeinl. *pliku* = lit. *plikaũ.*

sikt «versiegen»: gemeinl. (z. B. MP III 70) *siku.*

slikt «ertrinken»: III p. *slika* MP II 79, *slik* aus *slika* Idsel (die III p. praes. lautet hier wie auch sonst *slikst,* während die meisten Mundarten im Präter. *sliku,* im Infin. *slìkt*[5] haben.

---

[5] Da das *ī* in *slìkt* wahrscheinlich aus tiefstufigem *in* entstanden ist (vgl. Leskien Abl. 343), so ist *sliku, slikt* wahrscheinlich eine Neubildung zu *slikstu* (etwa nach *siku, sikt* zu *sikstu*); somit hat man es auch wohl bei *sliku, slikt* in Neu-Schwanenburg (Mühlenbach BB XXIX 75) nicht mit einer phonetischen Kürzung zu tun (wie das Mühlenbach vermutet), sondern mit einer analogischen Neubildung.

Daneben kommen auch Formen mit *g* statt *k* vor: *apśteiga* aus *apslīga* «ertrank» Zb. XVIII 390).//

11 *tikt* «gefallen», lit. *tìkti* «passen»: gemeinl. *tiku* = lit. *tikaũ*.

lìkt, lit. *liñkti* «sich biegen»: gemeinl. *lìku* = lit. *linkaũ; lìca* BW 18043, 12 var., 13 var. dürfte eine spätere Entgleisung sein (veranlaßt durch *lìecu* von *lìekt*).

mìrkt, lit. *miřkti* «weichen»: gemeinl. *mìrku* = lit. *mirkaũ*.

pìrkt, lit. *piřkti* «kaufen»: gemeinl. *pìrku* = lit. *pirkaũ*.

trinkt «jagen»: III p. *trinka* BW 13151 var.

tvìkt «Schwüle fühlen, schwül werden» (wohl = lit. *tviñkti* «anschwellen»): gemeinl. *tvìku* (= lit. *tvinkaũ*).

vìlkt, lit. *vilkti* «schleppen»: gemeinl. *vìlku* = lit. *vilkaũ*.

migt, lit. *-mìgti* «schlafen»: gemeinl. *migu* = lit. *migaũ*.

snigt, lit. *snìgti* «schneien»: gemeinl. *sniga* = lit. *snìgo; snidze* Mag. VIII 2391 ist eine spätere Entgleisung.

stigt «einsinken», lit. *stìgti* «ruhig werden»: gemeinl. *stigu* = lit. *stigaũ*.

strigt «einsinken», lit. *strìgti* «hangen bleiben»: gemeinl. *strigu* = lit. *strigaũ*.

ilgt «lange dauern», lit. *-ìlgti* «lang werden»: gemeinl. *ilga* = lit. *ìlgo; ildzu* «ich verlängerte» bei Stender dürfte fehlerhaft sein.

îgt (wenn wirklich aus **ingti*) «mürrisch sein»: *îgu* (z. B. in Wolmar, Ronneburg, Neuenburg); *îdzu* bei Ulmann und Bielenstein dürfte auf Stender zurückgehen, der sich versehen haben kann oder es von Adolphi hat (dieser aber hat S. 143 gar *didzu* von *dîgstu* «keime»).

mirgt (Bielenstein) «verschwimmen»: *mirgu*.

sirgt, lit. *siřgti* «krank sein»: gemeinl. *sirgu* = lit. *sirgaũ*.

smilgt (Bielenstein) «winseln»: *smilgu*.

spiřgt «erstarken»: gemeinl. *spiřgu*.

stiñgt «erstarren», lit. *stìngti* «gerinnen»: gemeinl. *stiñgu* = lit. *stìngau*.

stringt (Bielenstein) «stramm werden»: *stringu*.

dzist «auslöschen» (intrans.): *dzisa* MP I 516, *dzysa* Kaunata, Zb. XVIII 265.

-slist: nū-stysa «przycichł» Zb. XVIII 431 (vgl. *lietus apslīsa* «der Regen hörte auf» Etn. IV 33).

dìrst «cacare»: *ďiersu* Zb. XVIII 289, *ďiersa* Zb. XVIII 261.

-mìrst, lit. *miřšti* «vergessen»: *-myrsu* Disp. 207, *-ḿiersu* Infl. 289 = lit. *miršaũ; -mirsa* Sawensee, *-ḿiersa* Zb. XVIII 240, 289, Dz. 24, 29, *-miersa* Dubena.//

mizt «stumpf werden» (von den Zähnen gesagt): *myza* 12
Kaunata (praes. *myzst*).

bir̃zt «zerbröckeln» (intrans.): *birzu* Saussen Kl., *byrza* Dz. 65.

mìzt, lit. *mĩžti* «mingere»: III p. *mīza* Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 19), *meiza* Zb. XVIII 254 = lit. *mĩžo*.

bir̃t, lit. *bìrti* «rieseln, streuen» (intrans., aber Zb. XVIII 456 und 483 trans. = *bẽrt*): *bira* Groß-Buschhof, Ekengraf, Saussen BB XVI 324, *byra* Zb. XVIII 433, 456, Selsau BB XVI 324, Sml. 15, BW 18272, 2, 12; 18352; 19363, 2; 20336 = lit. *bìro* Jušk. (bei K. dagegen *bìrė*).

mir̃t, lit. *mir̃ti* «sterben»: *myru* Kaunata, *mira* MP I 3, 180, LChr. 128, 39, Ekengraf LP VI 544, Illuxt, *myra* Mag. XIV 2, 194, Zb. XVIII 236, 265, Infl. 3, 149, 156, Dz. 42, Selsau BB XVI 333; lit. dagegen *miriaũ*.

vir̃t, lit. *vìrti* «kochen»: *vyru* Kaunata; lit. dagegen *viriaũ*.

dzìt, lit. *giñti* «treiben» (bei Wolmar auch *dzīt*, das vielleicht lit. *gìnti* «wehren» entspricht): *dzinu* Kalleten, *dzynu* Zb. XVIII 263, BW 3659, Kaunata (lit. dagegen *giniaũ*), *dzina* Sml. 4, MP I 290, Saussen BB XVI 331, *dzyna* Mag. XIV 2, 202, Zb. XVIII 252, Dz. 24, 41, Selsau BB XVI 331, *dzinōs* Ekengraf LP VI 542 (*dzine* daneben ibid. 541 dürfte fehlerhaft sein). Daneben *dźeiņu* BW 3659, 1; 7384, 1; 11165 (III p. *dźeiņa* 13151, 2; 18455), das vielleicht lit. *gýniau* entspricht; *dzeinu* BW 9914, 1 var. und Wolter Мат. 85 wäre dann ein Kontaminationsprodukt von *dzinu* und *dzeiņu*.

mīt, lit. *mìnti* «treten»: *mynu* Kaunata, *mina* Kalleten, Saussen BB XVI 323, *myna* BW 9065, 8, Zb. XVIII 485, Selsau BB XVI 323; lit. dagegen *mýniau*, dem *meiņu* BW 9023, 2 entspricht.

pît, lit. *pìnti* «flechten»: *pinu* Neu-Pebalg, *pynu* Kaunata (dagegen lit. *pýniau*), *pina* Ekengraf, *pyna* Infl. 153, 241, Dz. 26, *pinām* Alt-Pebalg, Ekengraf, *pinam* Setzen, *pynām* Dubena, *pynom* Vorkova.

šķīt, lit. *skìnti* «pflücken»: *škinu* Kaunata; dagegen lit. *skýniau*.

tît «wickeln»: *tynu* Groß-Buschhof, Kaunata, *tina* MP III 184, Ekengraf LP VI 539, *tyna* Zb. XVIII 276, Dz. 24, 26.

trīt, lit. *trìnti* «reiben»: *tryna* Kaunata; dagegen lit. *trýnė* (wozu hinsichtlich der Länge lett. II p. s. *treini* in Lassen stimmt).//

13 *-zīt*[6], lit. *-žìnti* «kennen»: *-zinu* Saussen BB XVI 326, *-zynu* Zb. XVIII 238, BW 20972, 1, Infl. 91, Vorkova, Kaunata, Selsau BB XVI 326 (= lit. *-žinaũ*), *-zina* Ev., MP I 405, Sml. 4, Sauken LP VI 786, 788, *-zyna* Zb. XVIII 253, Infl. 295. Daneben mit langem Wurzelvokal: *-zeinu* BW 9816, 2.

dzìmt, lit. *gimti* «geboren werden»: *dzima* MP I 52, Sml. 4, Saussen Kl., *dzyma* Zb. XVIII 336, Infl. 133, 268; dagegen lit. *gimė*.

grimt «einsinken»: *grima* MP I 296, II 97, LChr. 117, 33, Saussen BB XVI 323, Kalleten, *gryma* Vorkova, Mag. XIV 2, 179, Dz. 26, 30, Selsau BB XVI 323.

rimt, lit. *rìmti* «ruhig werden»: *ryma* Dz. 26 (= lit. *rìmo*), *rimās* Zb. XVIII 461.

(sa)timt «dunkel werden»: *-tyma* BW 9157.

u

klupt, lit. *klùpti* «stolpern»: *klupa* MP I 181 = lit. *klùpo*.

tupt(ies), lit. *tùpti(s)* «sich niederhocken»: *tupa* Zb. XVIII 251, 373, *tupās* Saussen Kl. (das Präsens dazu Zb. XVIII 251 *tupstu*, bei Bielenstein dagegen *tupju*); lit. dagegen *tùpė* Jušk. (unter *atsitùpti*), wozu *tupa* Zb. XVIII 374 stimmen würde, wenn es nicht wahrscheinlich ein Druckfehler wäre.

ùrbt «bohren», lit. *urbti* «(aus)höhlen» Jušk. (unter *išurbti*): *vùrba* Kaunata, aber *urbe* Saussen BB XIV 141 = lit. *urbė*.

just, lit. *jùsti* «fühlen»: *juta* MP II 396, LChr. 122, 20 = lit. *jùto*.

zust «verloren gehen»: *zuda* MP I 406.

brukt «schichtweise abgehen»: gemeinl. *bruku*.

jukt «verwirrt werden»: gemeinl. *juku*.

kukt[7]: *apkuka* «oparł się» Zb. XVIII 385.

mukt, lit. *mùkti* Jušk. (unter *išmùkti*) «sich abstreifen, fliehen»: gemeinl. *muku* = lit. *mukaũ*.

plukt, lit. *plùkti* «die Farbe verlieren»: gemeinl. *pluku* = lit. *plukaũ*.

ŗukt (das *ŗ* ist wohl aus *ŗaukt* übernommen), lit. *rùkti* «faltig werden»: gemeinl. *ŗuku* = lit. *rukaũ*.//

---

[6] Die von mir BB XXIX 184 [šai izdevumā I 295 sk. — Red.] angeführten Formen mit *dz* (für *z*) haben diesen Laut offenbar aus dem Compositum *atzīt* (gesprochen: *adzīt*), vgl. die Schreibung *atdzinuse* LP VI 740.

[7] Vgl. dazu das Part. *uzkucis* «eifrig, versessen» Mag. XIII 2, 61.

sprukt, lit. *sprùkti* Jušk. (unter *išsprùkti*) «entspringen»: gemeinl. *spruku* = lit. *sprukaũ.* 14

sukties, lit. *sùktis* «sich drehen»: *sukuos* = lit. *sukaũs.*

šl̨ukt «glitschen»: gemeinl. *šl̨uku.*

-trukt (Bielenstein) «erschrecken» (intrans.): *-truku.*

tukt (Bielenstein), lit. *tùkti* «fett werden»: *tuku* = lit. *tukaũ.*

jūkt, lit. *jùnkti* «gewohnt werden»: *jūku* = lit. *jùnkau.*

kulkt (Bielenstein) «kakeln»: *kulcu.*

kùrkt, lit. *kur̃kti* «quarren»: *kùrcu* = lit. *kurkiaũ.*

kurkt (Bielenstein) «hohl werden»: *kurcu.*

sùkt, lit. *suñkti* «absickern lassen»: gemeinl. *sùcu* = lit. *sunkiaũ.*

-šn̨urkt «niedergeschlagen sein»: *-šn̨urku.*

jûgt, lit. *jùngti* «spannen»: gemeinl. *jûdzu* = lit. *jùngiau.*

šn̨urgt (Bielenstein) «am Schnupfen leiden»: *šn̨urgu.*

kust «schmelzen, ermüden» (intrans.): *kusu* BW 10368, 2, 3, *kusa* Sml. 22, Zb. XVIII 481.

-gult(ies)[8], lit. *gulti* «sich hinlegen»: *gutu* Zb. XVIII 327 (zu lit. *gutaũ* bei Jušk. cf. Jablonski XLVI; bei K. nur *guliaũ*), *gula* Ekengraf LP VI 543, *guta* Zb. XVIII 278, Dz. 28, *gulās* Saussen Kl.

pult, lit. *pùlti* «fallen»: *pula* MP II 91 (mit Übertragung des *u* aus dem Infinitiv) = lit. *púolå* (nach mündlicher Mitteilung des Herrn Jokantas in Kupiški; sonst *púolė*). Allerdings könnte lett. *pult* nach Kürzung des *uo* sich im Präteritum nach *gult* gerichtet haben.

bût, lit. *búti: buva* Disp. 207 = lit. *bùvo.*

gũt «haschen»: *giva* Sml. 4, Zb. XVIII 247, Kaunata, *gyva* Dz. 31, *gyuva* Infl. 90, 313. Diese Formen, namentlich *gyuva,* können, wie später gezeigt wird, allerdings auch auf *gūva* zurückgeführt werden (und das beachte man auch bei den folgenden Verba auf *-ūt*), doch schien es ratsamer, diese Formen hier (und nicht unter *ū*) anzuführen.

kl̨ũt «werden, gelangen», lit. *kliúti* «hängen bleiben»: *kl̨uva* MP I 73, 111 (= lit. *kliùvo*), *kl̨iva* Infl. 88, 90.

pũt, lit. *púti* «faulen»: *puva* MP I 107, Saussen Kl. (= lit. *pùvo*), *pyva* Infl. 319, *pyuva* Infl. 284.

šũt, lit. *siúti* «nähen»: *šuva* Saussen Kl. (= lit. *siùvo*), *šiva* Sml. 4, *šyva* Mag. XIV 2, 172, Kaunata, Zb. XVIII 335, *šovām* Groß-Buschhof, Ekengraf, *šovam* Setzen, *ševåm* Vorkova, *šivom, šivot* // Preili. *šuvu* Disp. 206 ist wohl fehlerhaft. 15

[8] Das Präsens dazu *-gulstuos* (neben *-gul̨uos*).

obgleich dazu lit. *siuviau* (Universitas linguarum Lituaniae 31, nach der Ausgabe Rozwadowskis, und als Nebenform auch bei Jušk. unter *išsiúti*) stimmen würde.

ī[9]

ģìbt «ohnmächtig werden»: *ģība* Saussen Kl., *ģeiba* Infl. 326. Möglicherweise ist das ostlett. *ģeibt* (auch im Niederlettischen kommt ein mit *ģìbt* gleichbedeutendes *ģeibt* vor) eine Entlehnung aus dem Litauischen (*geĩbti, -bstù, -baũ* «zdychać, padać z osłabienia» Jušk.), worauf man im Niederlettischen, indem man ostlett. *ei* als aus *ī* entstanden auffaßte, daraus *ģìbt* machte.

**bīsties* (?) «sich fürchten»: *nasabeidu* BW 6015 (*nuobīduos* in Stalgen Mag. XIV 1, 155), *nūsab'eida* BW 18737, 6 (hier auch der Imperativ *nasab'eist!*), Zb. XVIII 256, *nasab'eidōs* Dz. 88. Den zugehörigen Infinitiv kenne ich nicht; vielleicht ist *bīduos* für gemeinl. *bijuos* (von *bîties*) zu *bîstuôs* (etwa nach der Analogie von *klîdu* : *klîstu*) neugebildet worden.

klîst «sich verstreuen», lit. *klýsti* «sich verirren»: *klīda* MP I 170 = lit. *klýdo*.

lîst «roden»: *līde* Saussen BB XIV 139; allerdings ist *ī* hier vielleicht aus *in* entstanden (vgl. z. B. russ. *лядина* «Rodeland»); lit. *lydimas* «durch Vertilgung des Waldes frischgewonnener Acker» wäre dann eine Lituanisierung des lett. *līdums* «Rodung».

nîst «hassen»: *nīda* Saussen Kl. neben (fehlerhaftem?) *nide* MP I 242, II 91.

-slīst, lit. *slýsti* «gleiten»: *-slīda* MP I 458 = lit. *slýdo*.

svîst «schwitzen»: *svīda* MP I 208, II 65, *śvéida* Zb. XVIII 482, Infl. 151, Kaunata.

vīst, lit. *výsti* «welken»: *véida* Kaunata (*d* für gemeinl. *t* durch Analogiebildung etwa nach *svīda* : *svîst*) = lit. *výto*.

kvĩkt (Bielenstein), lit. *kvỹkti* «quieken»: *kvīcu* = lit. *kvykiaũ*.

līkt «handelseins werden»: gemeinl. *līku*.

nīkt, lit. *nỹkti* «vergehen»: gemeinl. *nīku* = lit. *nykaũ*.

pīkt, lit. *pỹkti* «zornig werden»: gemeinl. *pīku* = lit. *pykaũ*.

sīkt «zischen, summen»: gemeinl. *sīcu*.

---

[9] Unter *ī* und *ū* gebe ich auch Verba, deren *i* oder *ū* nicht sicher auf *in* oder *un* zurückgeführt werden kann.

vìkt (Bielenstein) «gedeihen», lit. *-vỹkti* «anlangen» (vgl. *įvỹkti* «eintreffen; erstarken» Jušk.): *vìku* = lit. *-vykaũ*. //

dîgt, lit. *dýgti* «keimen»: gemeinl. *dîgu* = lit. *dýgau*. 16

līgt «übereinkommen», lit. *lýgti* «gleich werden»: gemeinl. *līgu* = lit. *lýgau*.

plìst, lit. *plýšti* «platzen»: *plìsa* MP I 180, 253, LChr. 117, 28, *pleisa* Zb. XVIII 306, Infl. 245 = lit. *plýšo*; *pleise* Sauken LP VI 701 wird wohl fehlerhaft sein.

dzìrties «willens sein», lit. *gìrtis* «sich rühmen»: *dzìrēs* MP I 44, 189, 387, BW 10771 var., 16965, 1 var. = lit. *gýrės*.

šķìrt, lit. *skìrti* «trennen»: *šķìre* MP I 4, Saussen BB XIV 135, *škeire* BW 17447, 1 (= lit. *skýrė*), *šķìrēs* Ev. (geschr. *skyrees*), MP I 343, *škeiŕāš* Dz. 88.

vìlt, lit. *vìlti* Jušk. (unter *išvìlti*) «betrügen»: *vìle* MP I 117, Saussen BB XIV 137 = lit. *výlė*.

ū

pùst, lit. *pūsti* «blasen» : *pyušu* Kaunata (= lit. *pūčiaũ*), *pūte* MP I 190, 357, Saussen BB XVI 326, *pūtę* Selsau BB XVI 326, *pyuťa* Zb. XVIII 402, Mag. XIV 2, 197, BW 19297, *pūtēs* Ev., MP II 202, *puotės* Ekengraf LP VI 539.

grûst, lit. *grústi* «stampfen»: *gryužu* Kaunata, Zb. XVIII 327 (lit. dagegen *grúdau*), *grūde* MP I 184, III 123, *grūdę* Selsau BB XVI 329, *gryuďe* Dz. 30, *gryuďa* Kaunata, Zb. XVIII 287.

plûst, lit. *plústi* «überfließen»: *plūda* MP I 18, *ptyuda* Mag. XIV 2, 162 = lit. *plúdo*.

tūkšt «schwellen»: *tyukša* «pucht» Zb. XVIII 421.

dùkt «brausen» : gemeinl. *dùcu*.

plùkt «pflücken» : gemeinl. *plùcu*.

ŗùkt «brüllen» : gemeinl. *ŗùcu*.

šļūkt (Bielenstein) «spinnen» : *šļūcu*.

šņūkt «schnauben» : *šņūcu*.

trũkt, lit. *trúkti* «reißen» (intrans.) : gemeinl. *trũku* = lit. *trúkau*. *triućāš* Zb. XVIII 271 «fuhr empor» (neben = *triuka* ibid. 283) ist wohl eine Neuerung, vielleicht durch das wurzel- und sinnverwandte *traukties* (praet. *traucuos*) veranlaßt.

tûkt «schwellen» : gemeinl. *tûku*.

rûgt, lit. *rúgti* «gähren» : gemeinl. *rûgu* = lit. *rúgau*.

lùgt «bitten» : gemeinl. *lùdzu*.

lûzt, lit. *lúžti* «brechen»: *lūza* Ober-Bartau (Bezzenberger

Lett. Di.-St. 64), *tyuza* Zb. XVIII 277, 390, BW 18341, 8, Kaunata = lit. *lúžo*. //

17 *burt,* lit. *bùrti* «Wahrsagerei treiben» : *būre* Saussen BB XIV 135 = lit. *būrė*; *byura* Zb. XVIII 330 hat wohl die Erweichung des *r* verloren (vgl. oben S. 8).

durt, lit. *dùrti* «stechen» : *dūru* Nieder-Bartau (= lit. *dúriau*), *dūre* Saussen BB XIV 135, MP II 397, *dūrēs* MP I 163, 296, II 299, *dyurę* Infl. 342, 343, 156, 244 (u. ö.), Dz. 6, *doure* Sauken LP VI 699, *deurę* BW 17187, 3; 19857, 6; 20126; *dyura* BW 19857, 1, Zb. XVIII 289, 421, Infl. 109, Dz. 67 hat wohl die Erweichung des *r* verloren.

kurt, lit. *kùrti* «heizen» : *kūre* MP II 79, Saussen BB XIV 135 (= lit. *kūrė*); *kiura* Zb. XVIII 282 hat wohl die Erweichung des *r* verloren.

kult, lit. *kùlti* «dreschen» : *kūlu* Neu-Pebalg, *kyulu* Kaunata (= lit. *kúliau*), *kūle* MP II 215, Saussen BB XIV 137, *keulę* BW 19551, 1, *kūlēm* Alt-Pebalg, *kiultam* Preili.

jumt «Dach decken» : *jūme* Saussen Kl.; daneben kenne ich auch Präteritalformen mit kurzem *u*, doch leider nicht aus Quellen, die im Präteritum die *ē*-Stämme noch nicht verloren haben.

stumt, lit. *stùmti* «schiebend stoßen» : *stūme* Saussen Kl. (= lit. *stúmė*); *styuma* in Kaunata wird wohl eine spätere Entgleisung sein.

e

cept, lit. *kèpti* «braten» : *ćepu* (= lit. *kepiaũ*), III p. *ćapa* Kaunata.

tept, lit. *tèpti* «schmieren» : *(apsa)ťepu* Kraslaw Mag. XIV 2, 166 = lit. *tepiaũ*.

stiept, lit. *teñpti* «durch Ziehen spannen» : *stiepe* MP I 154, Saussen BB XIV 141, *šťīpę* Dz. 41, *šťīpa* Zb. XVIII 287, 408, 452 (= lit. *teñpė*), *stiepēs* MP III 149, *šťīpjās* Sml. 5.

tērpt «kleiden, schmücken» : *tęrpe* Saussen BB XIV 141.

vèrpt, lit. *veřpti* «spinnen» : *vērpe* Ekengraf LP VI 874, *vęrpe* Saussen BB XIV 141 = lit. *veřpė*.

ģèrbt «kleiden», lit. *geřbti* «chędożyć, ubierać» Jušk. : *ģęrbe* Saussen BB XIV 141, *ģęrbʹę* Infl. 161 (= lit. *geřbė*), II p. pl. *ģęrbętęs* Neu-Pebalg.

šķiebt «schief neigen» : *šķibʹās* Zb. XVIII 291, *šķibʹa* Kaunata.

Neben *šķuôbît* «neigen» (für **skuobit* nach *šķiebt*, vgl. BB XXIX 188 und 190[10]) geht *šķiebt* wohl auf **skenbti* zurück. Leskien, der (Abl. 282) das *ie* hier offenbar auf *ei* zurückführt, zitiert // (Bildung der Nomina 254) aus Geitlers Litauischen 18
Studien die Adverbia *įskybei, paskybei* «quer» (in Memel) vom Adjektiv **skybus*, das aber aus dem Lettischen entlehnt sein kann (lett. *šķìbs* «schief» aber kann, wenn es nicht aus dem Deutschen entlehnt ist, bekanntlich auf **skinbas* zurückgehen).

mest, lit. *mèsti* «werfen» : *mešu* Disp. 207, Kalleten, *meśu* Kaunata (= lit. *mečiaũ*), *mete* Serben, Saussen BB XIV 137, *męťa* Mag. XIV, 2, 177, Disp. 207, *maťa* Kaunata.

ciest, lit. *kę̃sti* «leiden» : *čīšu* Kaunata (= lit. *kenčiaũ*), *ciete* MP I 4, 32, 41, 183, LChr. 120, 38, *cite* bei Bezzenberger Lett. Di.-St. 71, Infl. 221, *čīťa* Kaunata, Zb. XVIII 355, Infl. 120, 240, Dz. 21, *cietēm* BW 8689 var.

vèrst, lit. *veřsti* «wenden» : *vę̃rte* Saussen BB XIV 139 = lit. *veřtė*.

vest, lit. *vèsti* «führen» : *vežu* Disp. 205, Odensee, Setzen, Selburg, Alt-Pebalg, Groß-Buschhof, Ekengraf, Holmhof, Vorkova, *vežu* Liksna, Kaunata, *veš* Preili (= lit. *vedžiaũ*), *vede* MP I 2, Saussen BB XIV 137, Sauken LP VI 700 (das zweimalige *vada* ibid. ist wohl fehlerhaft), 784, Serben, *vedēm* Nieder-Bartau, Drostenhof, *vedę̃m* Ramkau, Lösern.

briêst «quellen», lit. *brę́sti* «reifen» : *brieda* Saussen Kl. = lit. *bréndo*; abweichend *briedēs* MP I 197.

spriest «strecken, spannen», lit. *spręsti* «eine Spanne messen» : *spriede* Saussen BB XIV 139, Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 17) = lit. *spréndė*.

šķèrst «aufschneiden», lit. *skeřsti* «stechend schlachten» : *šķę̃rde* Saussen BB XIV 139 = lit. *skeřdė*.

sekt, lit. *sèkti* «folgen» : gemeinl. *secu* = lit. *sekiaũ*.

tekt (= aksl. *tešti*, wenn nicht eine Neubildung zu *tęku*, etwa nach *dę̨gu* : *degt*) «fließen» : *taka* (aus **teka*) Kaunata (z. B. *vysa buca iztaka* «die ganze Tonne floß aus»; mir nur aus Kaunata bekannt).

knerkt (Bielenstein) «knarren», lit. *knerkti* «quarren» : *knercu* = lit. *knerkiaũ*.

lìekt, lit. *leñkti* «biegen» : gemeinl. *lìecu* = lit. *lenkiaũ*.

mèrkt, lit. *meřkti* «einweichen» : gemeinl. *mèrcu* = lit. *merkiaũ*.

trìekt, lit. *treñkti* «stoßen» : gemeinl. *trìecu* = lit. *trenkiaũ*.

---

[10] [Šai izdevumā I 299 un 301. — Red.]

degt, lit. *dègti* «brennen» (trans. und intrans.) : *dedzu* (in vielen Mundarten, z. B. Wolmarshof, Neuenburg, Autz) = lit. *degiaũ,* neben *dęgu* Ekau, *dagu* Kaunata (= lit. *degau*
19 Univ. 67; III p. *sùdego* «verbrannte» intrans. LChr. 214, // 3 und 215, 38), *dęga* Kurische Nehrung, Friedrichshof, Alt-Pebalg, *daga* Zb. XVIII 238, 265, Mag. XIV 2, 162, Druweenen, Dubena, Ekengraf, II p. s. *dagy* Mag. XIV 2, 166.

Daß in der Univ. 67 *dêginu* «palę» neben *degù* (praet. *degau*) «gorę» und intrans. *daga* Zb. XVIII 238, 265 neben trans. *ďadźa* Zb. XVIII 370 steht, scheint darauf hinzuweisen, daß ursprünglich intrans. *degā-* neben trans. *degē-* stand. Gewöhnlich aber ist jetzt dieser Unterschied verwischt: *dedzu* ist z. B. in Wolmarshof intransitiv, *dęgu* z. B. in Ekau auch transitiv. Durch Kontamination von *dęgu* und *dedzu* ist wahrscheinlich das nicht seltene (z. B. in Kaugershof, Baldohn) *degu* (mit geschlossenem *e*) entstanden.

segt «decken», lit. *sègti* «heften» : gemeinl. *sedzu* = lit. *segiaũ. sęgu* BW 16967, 3 var. (aus Hofzumberge) ist wahrscheinlich nicht präterital, sondern präsentisch (für das gemeinl. *sędzu*) und stimmt dann zu lit. *segù*; Präs. *sęgu* auch in Neuenburg.

smelgt (Ştender) «schmerzen» : *smeldzu.*

spìegt[11] «pfeifen, piepen», lit. *speñgti* «klingen» : *spiedze* Saussen BB XIV 130 = lit. *speñgė.*

nuo-zìegtiés «sich vergehen», lit. *žeñgti* «schreiten» : gemeinl. *-zìedzuôs* = lit. *žengiaũ(s).*

nest, lit. *nèšti* «tragen» : *nešu* MP II 279, Disp. 205, Kalleten, Neu-Pebalg, *ńešu* Infl. 119, Kaunata (= lit. *nešiaũ*)[12], *nese* Saussen BB XIV 137, Ekengraf LP VI 874, Serben, *ńeśa* Mag. XIV 2, 194, *nesēt* Ober-Bartau.

beŕzt «reiben, scheuern» : *beŕze* Serben.

grìezt, lit. *grę̃žti* «wenden» : *griežu* Disp. 206, *grìžu* Vorkova (= lit. *grę̃žiaũ*), *grieze* M. LChr. 122, 36, *griźę* BW 17586, 1; 19664, 1; 20687; 20232, 4, Infl. 318, *griźa* Mag. XIV 2, 175, Zb. XVIII 482, *griezēs* Ev., MP I 61, 73, 148, Ober-Bartau (Bezzenberger Lett. Di.-St. 62), *grìzēs* Ekengraf LP VI 542 (3×), 543, 874 (das zweimalige *griza* 543 daneben ist offenbar fehlerhaft), Sauken LP VI 791, *grìžāś* Zb. XVIII 277, Infl. 335.

duôt, lit. *dúoti* «geben» : *ďevu* Disp. 205, *ďevu* Kaunata,

---

[11] Vgl. daneben *bę̀rnc spę̀ndz* (Zempenhof).

[12] Lit. *nešau* in der Wolfenbütteler Postillenhandschrift v. J. 1573 (Lit. Mitt. V 232) ist wohl fehlerhaft.

deve Saussen BB XIV 142, Serben, *ďeve̍* Infl. 334, *deva̍* Sml. 4, *ďava̍* Preili, Kaunata (= lit. dial. *dẽvė*, z. B. LLD I 6, Bezzenberger Lit. Forsch. 17 u. a.), *dęvę̄s* Neu-Pebalg, Sauken LP VI 701. //

a 20

tapt, lit. *tàpti* «werden» : *tapu* Ev. (= lit. *tapaũ*[13] Jušk. unter *attàpti*, Univ. 78, Pocc. y. 45, III p. *tãpo* An. 341, *tapa* Lit. Mitt. V 232 aus der Wolfenbütteler Postillenhandschr.), *tapa* MP I 3, 150, 180, LChr. 118, 41; 119, 2, 4, 5 u. ö., *topa* Bezzenberger Lett. Di.-St. 71, Infl. 82, 341, *-tapās* Ober-Bartau (Bezzenberger l. c. 62).

kàmpt «fassen» : *kampe* Saussen BB XIV 141, MP II 125.

prast, lit. *pràsti* «verstehen» : *pratu* Disp. 207, *protu* Illuxt (= lit. *prataũ*), *prata* Ev., MP I 126, II 151. In infläntischen Mundarten auch mit Übertragung des *ū* (aus *uo*) aus dem Präsens: *prūta* Zb. XVIII 426, Kaunata.

kàlst «verdorren» : *kottu* Kaunata, *kalta* Ev., MP I 244, *kotta* Infl. 289; *kalte* MP I 106, III 172 daneben ist wohl eine spätere Entgleisung.

atskàrst «einsehen» : *atskārtu* Saussen Kl.

rast, lit. *ràsti* «finden» : *rådu* Odensee, *rodu* Zb. XVIII 406, Kaunata (= lit. *radaũ*), *rada* MP I 109, *roda* Sml. 5, Mag. XIV 2, 166, Zb. XVIII 277, Infl. 80, Ekengraf LP VI 542, 543 (2×), 874, 875 (3×), Sauken ibid. 701, 785, 786 (2×), 788, *radās* Ev., Ober-Bartau, *rodās* Sauken LP VI 787; *rade* MP III 3, Ober-Bartau (Bezzenberger Lett. Di.-St. 63) ist wohl fehlerhaft.

kuôst, lit. *kąsti* «beißen» : *kūžu* Zb. XVIII 445, Kaunata, *kuode* MP II 122, Saussen BB XIV 139, *kūďa* Zb. XVIII 481; lit. abweichend *kándau* (wie auch im Präsens *kándu* neben lett. *kuôžu*).

muôst(iês) «erwachen» : *muodu* Rutzau, *muoda* MP I 170, *muodās* Saussen Kl., *mūdās* Zb. XVIII 352; *mūdēs* Sauken LP VI 786 daneben wird wohl eine spätere Entgleisung sein.

lakt, lit. *làkti* «leckend fressen» : gemeinl. *laku* = lit. *takau* Univ. 72 (neben *lakiaũ* K.).

plakt «flach werden» : gemeinl. *plaku*.

---

[13] Bei K. dagegen *tapiaũ*.

rakt «graben», lit. *ràkti* «durch Stochern öffnen» : gemeinl. *raku*[14] = lit. *rakaũ*.

smakt «heiser werden, ersticken» : gemeinl. *smaku*.

(s)alkt, lit. *álkti* «hungern» : *alka* Ev. = lit. *álko*.

kārkt (woraus auch *ķèrkt*, etwa durch *knerkt* beeinflußt), lit. *karkti* «quarren» : gemeinl. *kārcu* (*ķèrcu*) = lit. *karkiaũ*. //

21 *sarkt* «rot werden» : gemeinl. *sarku*.

šalkt «rauschen» : gemeinl. *šalcu*.

zagt «stehlen» : gemeinl. *zagu*; dagegen lit. *žàgti* «unrein machen», praes. *žagiù* (: lett. *zuogu*), praet. *žagiaũ*.

vārgt, lit. *vargti* «im Elende sein» : gemeinl. *vārgu* = lit. *vargaũ*.

kast «harken, scharren», lit. *kàsti* «graben» : *kosa* Ekengraf LP VI 539, Kaunata = lit. *kãso* Univ. 70 (bei K. dagegen: *kãsė*).

kàrst «Wolle tocken», lit. *karšti* «kämmeln» : *kuoršu* Kaunata = lit. *karšiaũ*.

art, lit. *árti* «pflügen» : *oru* Kaunata, *ara* Saussen BB XIV 142, *ora* Zb. XVIII 282, Dz. 107, *orām* Druweenen; lit. dagegen *ariaũ*.

bārt, lit. *bárti* «schelten» : *bara* Saussen BB XIV 133[1] = lit. *bãra* Pocc. y. 45 (sonst *bãrė*); sonst ist im Lettischen die Länge aus dem Infinitiv auch ins Präteritum eingedrungen: *bāęre* Saussen BB XIV 133, *bārēs* MP I 198, II 296, *bōŕāś* Zb. XVIII 272; *bo͡ara* Selsau BB XVI 337 ist vielleicht ein Kontaminationsprodukt von **bora* (= *bara* in Saussen) und **bo͡ęrę* (= *bāre*).

kalt, lit. *kálti* «schmieden» : *kolu* Druweenen, Sawensee, Ekengraf, Kaunata, *kōl* (aus *kolu*) Setzen (= lit. *kalau* Pocc. y. 45, Jušk. unter *iškálti*, III p. *kãla* LChr. 319, 28; sonst *kaliaũ*), *kola* BW 20232, 4, Mag. XIV 2, 180, Zb. XVIII 460, Infl. 109, 241, Dz. 28, 101, Ekengraf LP VI 539 (3×), *kolām* Dubena.

malt, lit. *málti* «mahlen» : *motu* Kaunata, Vorkova (= lit. *malau* Pocc. y. 45, Jušk. unter *išmálti*, III p. *māla* LChr. 317, 41 und 318, 6; sonst *maliaũ*), *mala* Nieder-Bartau, *mota* Mag. XIV 2, 195, *molām* Sawensee.

salt, lit. *šálti* «frieren» : *sotu* Kaunata[15] (= lit. *šalaũ*), *sota* Zb. XVIII 279.

---

[14] Infläntisch auch mit Übernahme von *ū* (aus *uo*) aus dem Präsens: *rūka* Zb. XVIII 289.

[15] Das Präsens lautet hier und in Kreuzburg (abweichend vom gemeinl. *salstu*): *saļu* (etwa nach *kaļu* : *kalt*).

àut, lit. *aũti* «Fußbekleidung anziehen» : *ava* Saussen BB XIV 132, Mag. XIV 2, 193, *ova* Zb. XVIII 463, neben *āęve* Saussen BB XIV 132, *uovà* Kaunata; lit. dagegen *ãvė.*

kaût «schlagen», lit. *káutis* «kämpfen» : *kovu* Kaunata, Druweenen (= lit. *kavaũ* Jušk. unter *atsikáuti* «odbić się od czego, ocknąć się —, znaleźć się u celu»), *kava* Ekengraf LP VI 540, 541 (*kave* ibid. 875 ist wohl fehlerhaft), Sauken LP VI 787, MP II 332, Infl. 369, Saussen BB XIV 131, *kova* Sml. 4, Zb. XVIII 264, 286, // Dz. 24, *kovās* Zb. XVIII 291, 396, 22
kovōs Sml. 4; neben *kāve* MP I 38, 104, II 340, *kāęve* Saussen BB XIV 131 (= lit. *kóvė*), *kāvēs* M. LChr. 122, 14.

Im Hinblick auf lit. *apsikáuti* Jušk. (praeter. *-kóviau* neben der III p. *apsikãva* ibid.) «zakochać się» (eig. wohl : «sich an den Hals werfen»; vgl. d. «sich zu jemand schlagen», «umschlagen»; lat. *amplecti* «umarmen, schätzen, lieben»), *apkáuti* Jušk. «okuwać» ziehe ich hierher auch *skaût* «umarmen» (praeter. *-skova* Zb. XVIII 303 neben *-skāve* MP II 252), entstanden wohl aus dem Compositum *apskaût,* indem das Reflexivpronomen *-s-* zur Wurzel gezogen wurde (wie in *s-aĩkt, s-kàistiês*).

ē

slèpt[16], lit. *slẽpti* «verbergen» : *śtẽpu* Infl. 313 (2×) = lit. *slėpiaũ.*

strèbt, lit. *srẽbti* «schlürfen» : *strębe* Saussen BB XIV 141, Ekengraf LP VI 541 = lit. *srẽbė.*

êst, lit. *ẽsti* «(fr)essen» : *ēžu* Disp. 205, Infl. 289, *ęžu* Dubena, *ęž* Setzen, *iežu* Kaunata, *ieš* Preili (= lit. *ėdžiau*), *ēde* MP I 19, Saussen BB XIV 137, Sauken LP VI 786, Serben, *ędęm* Neu-Pebalg, *ędęm* Vorkova.

sêst(iês), lit. *sẽsti* «sich setzen» : *sāda*[17] BW 20124, I, Sml. 7, Zb. XVIII 280, 300, Selsau BB XVI 326 (= lit. *sėdo*), *sēdās*

---

[16] Hier sei bemerkt, daß Adolphi noch (wie im Litauischen) als Praesentia zu den Praeterita *slēpu, strēbu, dzēsu, tēsu, krētu, plētu, lēcu* die Formen *slepju* (auch noch in Eckendorf und Bixten), *strebju, dzešu, tešu, krešu, plešu, lęcu* bietet; auch in Neuenburg *strebju, tešu, lęcu* (Präs.) zu *strēbu, tēsu, lēcu* (Prät.).

[17] Das Präsens dazu lautet im Ostlettischen *«sāstūs»* (aus *sēstuos.* entstanden auf Grund der unthematischen III p. *sēst(as),* vgl. *adzasāst* Zb. XVIII 271, *atsasāst* Sml. 8 «er setzt sich», lit. *sėdmi*; wie lit. *eitù* auf Grund der III p. *eĩt*); ein weiterer, bisher übersehener Rest der unthematischen Konjugation ist die II p. s. *duosi* (geschrieben *dhos*) «du gibst» im Katechismus v. J. 1586 (LLD II 21, 18).

Ev., *sādōs* Infl. 340, Sauken LP VI 785 (2×), 787 (3×). *sēde* Rutzau, *sēdēs* Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 22, neben *sēdās* ibid. 15, 20, 21), M. LChr. 126, 24, *sędęs* Lösern daneben sind wohl spätere Entgleisungen, hervorgerufen durch den Umstand, daß die übrigen Verba mit *ĕ* in der Wurzelsilbe fast alle im Präteritum *ē*-Stämme bilden.

brèkt «schreien» : gemeinl. *brècu*. //

23 *lèkt* (oder *lekt*) «springen», lit. *lėkti* «fliegen» : gemeinl. *lècu* (oder *lecu*) = lit. *lėkiaũ*.

**sēkt* «hörbar die Luft einwärts ziehen» : *sęce* Saussen BB XIV 139.

bêgt, lit. *bėgti* «fliehen» : *bęgu* Ekau, Friedrichshof, *bāgu* Mag. XIV 2, 166, Dubena, Ekengraf, Kaunata (= lit. *bėgau*), II p. s. *bêgi* Mißhof, III p. *bęga* Serben, Drostenhof, *bāga* BW 16039, 1, Zb. XVIII 251, Infl. 89, Ekengraf LP VI 542, Sauken ibid. 700, Druweenen. Spätere, nach dem vorhergehenden leicht verständliche Neubildungen sind daneben: *bêgu* (mit geschlossenem *ē*!) z. B. in Kaugershof, Baldohn oder *bēdzu* z. B. Disp. 205.

jēgt «verstehen», lit. *jėgti* «vermögen» : gemeinl. *jēdzu* = lit. *jėgiaũ*.

slêgt «schließen», lit. *slėgti* «pressen» : gemeinl. *slêdzu* = lit. *slėgiau*.

dzèst (oder *dzest*) «löschen» : *dźiešu* (aus *dzēšu*) Kaunata, *dzęse* Saussen BB XIV 139, *dzēsēm* Drostenhof (mit kurzem *e* z. B. II p. pl. praet. *dzesiet* Baldohn); das intransitive lit. *gèsti* «erlöschen» dagegen ist im Präteritum ein *ā*-Stamm (*gesaũ*).

plêst, lit. *plėšti* «reißen» : *plęse* Saussen BB XIV 138 = lit. *plėšė*.

tèst (oder *test*) «behauen» : *t'iešu* (aus *tēšu*) Kaunata, *tęse* Saussen BB XIV 139 (mit kurzem *e* z. B. II p. s. praet. *tesi* Baldohn).

mêzt «fegen, ausmisten», lit. *mėžti* «den Dünger bearbeiten» : *męze* Saussen BB XIV 139 = lit. *mėžė*.

bērt, lit. *beřti* «streuen» : *bęru* Ober-Bartau (= lit. *bėriaũ*), *bęre* Saussen BB XIV 133, *b'ēra* (mit Verlust der Erweichung des *r*) Zb. XVIII 258, 291.

dzeřt, lit. *gėrti* «trinken» : *dzēre* Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 19), Nieder-Bartau, Ekengraf LP VI 540, Sauken ibid. 786 (2×; *dzāra* ibid. 700 ist wohl fehlerhaft), *dźēra* (mit Verlust der Erweichung) Mag. XIV 2, 167, *dźāŕa* Kaunata (= lit. *gėrė*).

pèrt, lit. *peřti* «(mit dem Badequast) schlagen» : *pēre* Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 19), *pę̄re* Saussen BB XIV 134 = lit. *pėrė.*

sērt «die Riege mit Getreide volladen» : *sę̄re* Saussen BB XIV 134.

speřt «ausschlagen» : *spę̄re* Saussen l. c. 135. //

svèrt, lit. *sveřti* «wägen» : *śvieru* (aus *svēru,* mit Verlust der Erweichung des *r*) Kaunata (= lit. *svėriaũ*), *svēre* Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 17), *svę̄re* Saussen l. c. 134, *śvā́ŕa* Zb. XVIII 291. 24

tveřt, lit. *tvérti* «fassen» : *tvę̄re* Saussen l. c. 135, *t'vā́ŕa* Kaunata = lit. *tvėrė.*

vērt, lit. *vérti* «einfädeln, aufmachen» : *vę̄re* Saussen l. c. 134 = lit. *vėrė.*

vērties «schauen» : *vę̄rę̄s* Saussen l. c. 134, *-vę̄ŕę* BW 20937.

celt, lit. *kélti* «heben» : *cę̄ļu* Ober-Bartau, Druweenen, *ćieļu* Kaunata (= lit. *kėliau*), *cēle* BW 17745, 1 var., Nieder-Bartau, Kalleten, Ekengraf LP VI 539, Sauken ibid. 700, *cę̄le* Saussen l. c. 137, *cę̄lę̄s* Holmhof, *cę̄lę̄m* Groß-Buschhof, *cę̄lę̄tę̄s* Erlaa.

dzelt, lit. *gélti* «stechen» : *dzę̄le* Saussen l. c. 137 = lit. *gėlė.*

pelt «schmähen» : *pę̄le* Saussen l. c. 137.

smelt «schöpfen» : *śmieļu* Kaunata, *smę̄le* Saussen l. c. 137.

šķelt, lit. *skélti* «spalten» : *škā̃ta* Mag. XIV 2, 191 = lit. *skėlė.*

velt «wälzen», lit. *vélti* «walken» : *vę̄le* Saussen l. c. 137 = lit. *vėlė.*

zelt, lit. *žélti* «grünend wachsen» : *zę̄le* Saussen l. c. 137 = lit. *žėlė.*

jemt «nehmen» : *jēmu* Disp. 205, 207, *jiemu* (mit Verlust der Erweichung) Kaunata (praes. hier *jamu* aus *jęmu,* infin. *jimt'*[18] für gemeinl. *jemt*), *jēme* Ober-Bartau, *jēme* Infl. 334, *jēma* Sml. 4, Mag. XIV 2, 167, Zb. XVIII 274.

leṁt, lit. *lémti* «bestimmen» : *lę̄me* Saussen l. c. 141 = lit. *lėmė.*

ņeṁt (durch Mischung von dial. noch erhaltenem *nemt* und *jemt*) «nehmen» : *ņę̄me* Saussen l. c. 140, *ņę̄mę* Neu-Pebalg.

veṁt, lit. *vémti* «erbrechen» : *vę̄me* Saussen l. c. 141 = lit. *vėmė.*

---

[18] Nach dem Infinitiv *jimt'* ist die Präteritalform *jimu* BW 4684, 1 gebildet worden (etwa nach dem Verhältnis von *veṁt* zu *vēmu*).

kâpt, lit. *kópti* «steigen» : *kāpu* Disp. 205, 207 (= lit. *kópiau*), *kāpe* MP I 40, 181, LChr. 117, 12, *kōpę* BW 19480, 1, Infl. 3, 82, 136, *kōpa* Sml. 5 (daneben *kōpa* 23 ist wohl fehlerhaft), Mag. XIV 2, 185, Zb. XVIII 237, *kuopa* Kaunata, *kāępe* Saussen l. c. 140, *kāpēs* MP I 287.

knàpt «picken» : *knuopa* Kaunata. //

krâpt, lit. *krópti* Jušk. (unter *iškrópti*) : *krāępe* Saussen l. c. 141 = lit. *krópė.*

ràpt(iês) «kriechen» : *rāępēs* Saussen l. c. 142.

slâpt «dürsten, sticken, zusammenfallen», lit. *slópti* «ersticken» (Bezzenberger Lit. Forsch. 172) : *slāpa* Saussen Kl., *stōpa* Infl. 316, 324 (= lit. *slópa*? vgl. Leskien Abl. 377).

glâbt «retten», lit. *glóbti* «umarmen» : *glāb'u* Disp. 204 (= lit. *glóbiau*), *glābe* MP I 41, II 74, *glāębe* Saussen l. c. 141, *glōbēt* Ekengraf LP VI 543.

grâbt, lit. *gróbti* Jušk. «greifen» : *grābe* MP I 19, II 78, 332, Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 18), *grāębe* Saussen l. c. 141, *gruob'a* Kaunata = lit. *gróbė.*

bāst, lit. *bósti* Jušk. «langweilen, überdrüssig werden» : *pabōda*[19] «nadokuczała» Zb. XVIII 287 = lit. *bódo.*

kṛàkt «schnarren», lit. *kriõkti* «grunzen» : gemeinl. *kṛàcu* = lit. *kriokiaũ.*

màkt «drängen» : gemeinl. *màcu.*

mākt, lit. *mókti* «erlernen» : *izmōku* Illuxt = lit. *mókau.*

nākt «kommen», lit. *nókti* «reif werden»[20] : *nāku* Karkelbeck, Rutzau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 90, 126), Rehehusen Mag. XX 2, 32 (zu *ienākt* «reif werden»; daneben zu *nākt* «kommen» — *nācu* 36, neben *nāku* auch als präsentisch angeführt; auch Adolphi bietet das Präsens *nāču* neben *nāku*) = lit. *nókau.* Sonst ist mir nur das Präteritum *nācu* bekannt.

sâkt «beginnen», lit. *šókti* «springen» (vgl.[21] meine Латышские предлоги II 43 Anm. 2[22]) : gemeinl. *sâku* (vgl. z. B. III p. *sāka* Ev.) = lit. *šókau.* Spätere Entgleisungen sind: *sācu* Rehehusen Mag. XX 2, 36, *sāce* MP III 2, *sōće* Infl. 296, Dz. 88.

šṭàkt «spritzen» : gemeinl. *šṭācu.*

šṇàkt «schnauben» : gemeinl. *šṇàcu.*

---

[19] Vgl. *pabāduši* «zuwider geworden» BW 10320 var., 11009.

[20] Zum Bedeutungswandel vgl. lit. *preiti* (aus *prieīti*) «reif werden» (Lit. Mitt. I 370).

[21] Zum Bedeutungswandel vgl. auch noch lit. *skàsti* «springen» : *įekàsti* Jušk. «wziąć się żarliwie (do pracy)» und *pašóks* bei Jušk. unter *abejókas.*

[22] [Šai izdevumā I 563[53]. — Red.]

vākt «zusammennehmen», lit. *vókti* «beschicken» : gemeinl. *vācu* = lit. *vókiau*.

sprâgt, lit. *sprógti* «platzen» : gemeinl. *sprâgu* = lit. *sprógau*.

kāst, lit. *kóšti* «seihen» : *kuošu* Kaunata = lit. *kóšiau*. //

bâzt «stopfen» : *bāze* Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 16), BW 21015, 2, *bāęze* Saussen BB XIV 139, *bōże* Infl. 134, *bōża* Zb. XVIII 238. 26

drãzt, lit. *dróžti* «schnitzen» : *drāęze* Saussen BB XVI 327, *droęzę* Selsau ibid. = lit. *dróžė*.

gâzt, lit. *góžti* Jušk. «umstürzen» : *gōžu* Zb. XVIII 249 (= lit. *góžiau*), *gāze* Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 18, 22), *gāęze* Saussen BB XIV 139, *gōze* Ekengraf LP VI 539, 540, *gōża* Zb. XVIII 249, *gāzēs* M. LChr. 124, 33, BW 8282, 2.

vāzt, lit. *vóžti* «stülpen» : *vāęze* Saussen BB XIV 139 = lit. *vóžė*.

kārt, lit. *kárti* «hängen» : *kāęre* Saussen BB XIV 134, *kōŕa* Sml. 23 (= lit. *kórė*), *kārēs* Ev., MP I 117, II 113, *kārēm* Psalmen und geistl. Lieder, Riga 1615 (S. 80[b]), *kōręm* BW 20216, 1; in *kōra* BW 19111, 1, Zb. XVIII 256, 349, Dz. 67 ist die Erweichung des *r* aufgegeben.

**kaŕt* «fassen» (woraus *ķeŕt*, vgl. BB XXIX 190[22a]) : *aizkāre* MP I 154, II 202, *aizskāęre* Saussen Kl., *ķęre* Saussen BB XIV 135.

bļaût, lit. *bliáuti* «brüllen» : *bļāęve* Saussen BB XIV 132, *bļuováa* Kaunata = lit. *blióvė*.

jàut «Teig einrühren», lit. *jaũti* Jušk. «mieszać» : *jāęve* Saussen l. c. 132 = lit. *jõvė*.

kļaut(ies) «(sich) anlehnen» (vgl. das von K. mit einem Fragezeichen angeführte *kloviau, klauti* «anlehnen», dessen *l*[23] eventuell ein *ļ* sein kann) : *kļāęve* Saussen l. c. 132.

kŗaũt (das *kraũt* derjenigen Mundarten, die das *ŗ* verloren haben, kann auch ursprüngliches *r* haben), lit. *kráuti* «aufeinanderlegen» : *krāve* MP I 385, 517, *krāęve* Saussen l. c. 132, *krōváa* Zb. XVIII 468, *kruováa* Kaunata = lit. *króvė*.

ļaũt «zulassen», lit. *liáutis* «aufhören» : *ļāve* Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 15), MP I 222, II 49, *ļāęve* Saussen l. c. 132, *ļõve* Ekengraf LP VI 543, 540 (2×), *ļovẽš* Dz. 27 = lit. *lióvės*.

[22a] [Sai izdevumā I 301. — Red.]

[23] Übrigens bietet Bielenstein (ob mit Recht, ist mir fraglich) *klauties* (mit *l*!).

maut «zäumen, schwimmen», lit. *máuti* «streifen» : *māve* MP III 104, *mōva* Zb. XVIII 338, *muova* Kaunata, *māęve* Saussen l. c. 132 = lit. *móvė*.

maut «brüllen» : *māve* Nieder-Bartau, *māęve* Saussen l. c. 132. //

27 *pļaũt* «mähen», lit. *piáuti* «schneiden» : *pļā^{e}v* Setzen (= lit. *pióviau*), *pļāęve* Saussen l. c. 132, *pļōva* Zb. XVIII 274, 366, *pļuova* Kaunata, *pļāvęm* Sawensee, *pļo^{a}vam* Preili.

ŗaût (das *raût* der Mundarten ohne *ŗ* kann auch ursprüngliches *r* haben), lit. *ráuti* «raufen» : *rāve* Klein-Gramsden, *rāęve* Saussen l. c. 132, *rōve* Ekengraf LP VI 539, *rãvę* Groß-Buschhof, *ruova* Kaunata, *rōvę* BW 19421; 19991, 1, Dz. 10, 24, *rōva* Sml. 19, Mag. XIV 2, 199, Zb. XVIII 251, 276, *rǫ̂ęvę* Selsau BB XVI 323 = lit. *róvė*.

saut (infl. neben schriftl. *šaũt*), lit. *šáuti* «schießen» : *suova* Kaunata, *sōva* Zb. XVIII 242, Dz. 67 (= lit. *šóvė*; daneben auch *šāvo* Jušk. unter *įšáuti*), *šāęve* Saussen l. c. 132, *šōvę* BW 19002, 1, *šāvēs* MP III 118, Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 21).

spļaũt, lit. *spiáuti* «speien» : *spļāve*[24] MP II 202, *spļāęve* Saussen l. c. 132, *spļōve* Dz. 24, 101, *spļōva* Zb. XVIII 434, *spļuova* Kaunata = lit. *spióvė*.

žaut «gießen» : *žāęve* Saussen l. c. 132.

ei oder *ie*[25]

kniept (gew. *kniêbt*) «kneifen» : *knīpa* Kaunata.

siept, lit. *šiẽptis* «die Zähne fletschen» : *at-sīpę (zùbus)* BW 19402 (mir nur von hier bekannt) = lit. *šiẽpė(s)*.

kniêbt (lit. *kniẽbti*? geschr. bei K. *knẽbti*) «kneifen» : *kniebe* Saussen BB XIV 141, *kņiebe* MP II 277 (= lit. *kniẽbė*?).

rèibt «duselig sein» : *reiba* Saussen Kl., MP II 23, Zb. XVIII 461.

riêbt «verdrießen» : *riebe* Saussen BB XIV 141, MP III 85.

spiêst «drücken» : *spiede* MP I 305, II 35, Saussen l. c. 139, *śpīďe* Infl. 119, 152, 241, Dz. 5, *śpīďa* Zb. XVIII 273, BW 18303, *spiedẽs* M. LChr. 117, 7.

sviêst, lit. *sviesti* «werfen» (Miežinis, Jušk. unter *įsviesti;*

---

[24] Das part. praet. *nuospļauvies* Festen LP VI 215 scheint einen Präteritalstamm *spļavā-* vorauszusetzen.

[25] Hier findet man auch die Verba, deren *ie* nicht sicher auf *en* zurückgeführt werden kann.

III p. *insviedė* LChr. 380, 7): *sviežu* Disp. 207, Rutzau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 126), Kurische Nehrung, *śvìžu* Mag. XIV 2, 198, Zb. XVIII 253, BW 18803, 7 (= lit. *sviedžiau*), *sviede* MP I 168, 358, Ober-Bartau (Bezzenberger l. c. 18), Saussen l. c. 139, *svìde* Ekengraf LP VI 540 (2×), *śvìďe* Dz. 28, 101, *śvìďa* Zb. XVIII 238, Sml. 3. //

šķiêst «zerstreuen», lit. *skiesti* «scheiden» : *škiede* Saussen l. c. 139 = lit. *skiedė*. 28

ziest «schmieren», lit. *žiesti* «formen» : *źìžu* Kaunata (= lit. *žiedžiau*), *źìďa* Zb. XVIII 279.

kvìekt «quieken» : gemeinl. *kvìecu*.

sveikt «begrüßen» : *sveicu* (vom lit. intrans. *sveĩkti* «genesen» dagegen lautet das Prät. *sveikaũ*).

tèikt «sagen», lit. *teĩkti* «fügen» (vgl. *išteĩkti* Jušk. «erzählen») : gemeinl. *tèicu* = lit. *teikiaũ*.

vèikt «ausrichten, bezwingen», lit. *veĩkti* «machen» : gemeinl. *vèicu* = lit. *veikiaũ*.

bèigt, lit. *beĩgti* «endigen» : gemeinl. *bèidzu* = lit. *beigiaũ*.

diêgt «stechen, fädeln», lit. *diegti* «stechen» : *diegu* (? Bielenstein); lit. dagegen *diegė*, wozu lett. *diêdzu* stimmt.

klìegt «schreien» : gemeinl. *klìedzu*.

liêgt «weigern» : gemeinl. *liêdzu*.

miegt «drücken» : *miedzu* (z. B. III p. *mìdžāš* Dz. 65).

sliegt «stützen» : *śtīdzu* Kaunata.

sniêgt «reichen» : gemeinl. *sniêdzu*.

stèigt(iês) «eilen», lit. *steigtis* «sich beeilen» (Leskien Abl. 285) : gemeinl. *stèidzuôs* = lit. *steigiaus* (vgl. III p. *steigeś* bei Daukša in der Postilla cathol. 132, 21).

zvìegt «wiehern», lit. *žviẽgti* «in Angst kreischen» (vom Schwein, auch wohl vom Pferd) : gemeinl. *zvìedzu* = lit. *žviegiaũ*; im Hinblick auf die Intonation und auf lett. *zvaigât* «wiehern» ist lett. *zvìegt* wohl mit lit. *žviẽgti* (und nicht mit *žvéngti* «wiehern», wie Leskien Abl. 359 will) zu verbinden.

vìest «verbreiten, vermehren», lit. *veĩsti* «durch Fortpflanzen sich vermehren machen» : *viese* Saussen BB XIV 139 = lit. *veĩsė*; daneben im Lettischen die Neubildung *vietẽs* BW 16455, 1 (*viete* für *viese* zu *viešu, viest*, wie *ciete* zu *ciešu, ciest*).

grìêzt «schneiden», lit. *griežti* Jušk. «rings beschneiden» : *griežu* Disp. 206, *gŕìžu* Zb. XVIII 432 (= lit. *griežiau*), *grieze* Nieder-Bartau, *gŕìža* Zb. XVIII 247, 323.

riezt (für gewöhnl. *riest* aus **riet-ti*) «in die Breite auswachsen lassen» : *(puče) rize (kriumu)* BW 6479, 3.

dzieva «lebte» Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 17); der zugehörige Infinitiv ist mir unbekannt. //

29 *ai*

skàistiês «sich ärgern» (eig. «sich erhitzen»; zu *kàist* «heiß werden»), lit. *kaĩsti*; im Lettischen sind zwei Verba zusammengefallen, die im Litauischen auseinandergehalten werden: praes. *skàišuos* Wolmar u. a. (: lit. *kaičiù* «setze ans Feuer») neben *skàistuos* Ronneburg u. a. (: lit. *kaistù* «werde heiß»), praet. *apskaite* MP I 160, *apskaitẽs* MP I 31 (: lit. *kaĩtė*), neben *apskaita* MP II 354, *skaitãs* Saussen Kl. (: lit. *kaĩto*).

laîst, lit. *láisti* «lassen» Univ. 72, Jušk. (unter *išléisti*) : *laižu* Disp. 205, Kaunata, Mag. XIV 2, 162, Zb. XVIII 252, BW 7064 (= lit. *láidžiau*), *laide* Saussen BB XIV 139, Ober-Bartau (Bezzenberger Spr. d. pr. L. 20), MP II 284, LChr. 118, 34, Ekengraf LP VI 541 (2×), 542 (2×), Sauken ibid. 700 (4×), 787, *taiďe* Infl. 92, 342, *taiďa* Zb. XVIII 242, 243, 248, 252, Sml. 4, *laidẽs* Ekengraf LP VI 541, BW 18137 var., MP I 302, Ober-Bartau (Bezzenberger l. c. 20); *taida* Zb. XVIII 244, 252 daneben ist wohl fehlerhaft.

gàist, lit. *gaĩšti* «vergehen» : *gaisa* Zb. XVIII 258, 300, Dubena = lit. *gaĩšo.*

au

šàust «stäupen», lit. *siaũsti* «wüten» : *šaute* MP III 80, LChr. 120, 36 = lit. *siaũtė.*

aûst, lit. *áusti* «weben» : *aužu* Kaunata, *äuž*[26] Setzen (= lit. *áudžiau*), *audę* BW 17063, 3, Saussen BB XIV 139, *auďa* Zb. XVIII 479, *audẽm* BW 7320 var.

glàust, lit. *glaũsti* «anschmiegen» : *glaužu* Kaunata = lit. *glaudžiaũ.*

graust, lit. *griáusti* Jušk. «donnern» : *graude* BW 19367 (aus einer Mundart ohne *r*) = lit. *griáudė.*

paûst «ruchbar machen» : *paude* MP I 366, II 203, Saussen BB XIV 139.

snaũst, lit. *snáusti* «schlafen» : *snaude* Saussen BB XIV 139 = lit. *snáudė.*

spraûst, lit. *spráusti* Jušk. (unter *įspráusti*) «einengen» : *spraužu* Mag. XIV 2, 166 (= lit. *spráudžiau*), *spraude* Saussen

[26] In Setzen wird *au* überhaupt zu *äu.*

l. c. 139, *sprauḑę* BW 19857, 6, *sprauḑa* Mag. XIV 2, 164, Zb. XVIII 346. //

bràukt «streichen, fahren», lit. *braũkti* «streichen» : gemeinl. *bràucu* = lit. *braukiaũ.* 30

jàukt «mengen» : gemeinl. *jàucu.*

kàukt, lit. *kaũkti* «heulen» : gemeinl. *kàucu* = lit. *kaukiaũ.*

màukt, lit. *maũkti* «streifen» : gemeinl. *màucu* = lit. *maukiaũ.*

ņaukt (Stender), lit. *niaũkti* Jušk. (unter *apsiniaũkti*) «mit Wolken beziehen» : *ņaucu* = lit. *niaukiau.*

plaûkt, lit. *pláukti* «schossen» : gemeinl. *plaûku* = lit. *pláukau.*

ŗàukt (das *ràukt* der Mundarten ohne *ŗ* kann auch ursprüngliches *r* haben), lit. *raũkti* «runzeln» : gemeinl. *ŗàucu* = lit. *raukiaũ.*

sàukt, lit. *šaũkti* «rufen» : gemeinl. *sàucu* = lit. *šaukiaũ.*

slàukt «melken» : gemeinl. *slàucu.*

šmaukt (aus **smjaukt*?) Saussen BB XIV 130 «sich davonmachen», lit. *smaũkti* «streifen», nach Miežinis auch «sich davonmachen» : *šmauce* = lit. *smaũkė.*

šņàukt «schnauben», lit. *šniaũkti* «schnupfen» (Leskien Abl. 312): gemeinl. *šņàucu.*

traukt «fallen machen», lit. *tráukti* «ziehen» : *traucu* = lit. *tráukiau.*

aûgt, lit. *áugti* «wachsen» : gemeinl. *aûgu* = lit. *áugau.*

-raugties (Bielenstein) «rülpsen» : *raudzuos.*

spraugt «schroten» : *spraudzu.*

zmaugt (žmaugt) «würgen» : *zmaudzu (žmaudzu).*

žņaûgt «würgen», lit. *gniáužti*[27] «die Hand fest schließen» : *žņaûdzu* = lit. *gniáužiau.*

àust, lit. *aũšti* «tagen» : *ausa* MP I 250, Zb. XVIII 374, BW 17745, 1 var. = lit. *aũšo; ause* Saussen BB XVI 326, 331 und *ouksę* Selsau ibid. sind offenbar spätere Entgleisungen.

ràust, lit. *raũsti* «scharren» : *raušu* M. LChr. 108, 40, Kaunata = lit. *rausiaũ.*

---

[27] Unter dem Einfluß von *žņaûgt,* das man als durch Metathese entstanden mit lit. *gniáužti* verbindet (daneben auch noch im Lettischen *gnauzt*), ist vielleicht **smaugt* (= lit. *smáugti* «würgen») zu *zmaugt (žmaugt)* geworden. — Zu den schon bekannten Beispielen einer solchen Metathese möchte ich noch lett. *taũjât* (für das ich keine überzeugende Etymologie gefunden habe) aus *jautât* «fragen» hinzufügen (unter dem Einfluß von *jautât* ist dann *taũjât* dial. noch zu *tautât* geworden). [Pirmpublicējumā *tautât* vietā *táutat,* kas te labots pēc ME. — Red.]

dauzt, lit. *daũžti* «stoßen» : *daužu* M. Phraseologia III (= lit. *daužiaũ*), *dauze* M. ibid. V. //

31 *graûzt,* lit. *gráužti* «nagen» : *graužu* Kaunata (= lit. *gráužiau*), *grauže* BW 18272, 12, *grauźa* Zb. XVIII 279, BW 19297.

laûzt, lit. *láužti* «brechen» (trans.) : *taužu* Disp. 206 (= lit. *láužiau*), *lauze* MP I 368, LChr. 118, 23, Saussen BB XIV 139, *tauže* Infl. 342, Dz. 67, *tauźa* Sml. 7, Zb. XVIII 337 (*tauza* ibid. 290 ist wohl fehlerhaft).

uo

kùopt, lit. *kuõpti* «reinigen» : *kuope* Saussen BB XIV 141 = lit. *kuõpė.*

luobties «glücken», lit. *liuõbtis* «das Hauswesen beschicken» : *luo^{e}bęs* Saussen Kl. = lit. *liuõbės.*

uôst, lit. *úosti* «riechen» (trans.; lett. auch intrans.) : *uode* Saussen BB XIV 139 = lit. *úodė*; abweichend *ūda* (trans.) Zb. XVIII 374. Vielleicht ist der *ā*-Stamm, wenn er wirklich vorkommt, ursprünglich intransitiv gewesen.

juost, lit. *júosti* «gürten» : *jūžūś* Kaunata, *juozēs* Ev. (geschr. *yofees,* was auch *juosēs* sein könnte)[28], MP I 534, *jūźę* BW 16642, 5, *jūźa* Mag. XIV 2, 194, *juo^{e}ze* Saussen l. c. 139 (= lit. *júosė*).

Was nun schließlich die Verba mit *j* vor dem Stammesauslaut anbelangt, so scheinen sie ursprünglich im Präteritum lauter *ā*-Stämme gebildet zu haben. Zwar kommen nach Jaunis Pocc. y. 45 in den niederlitauischen Mundarten präteritale *ē*-Stämme von solchen Verba vor, aber Jaunis selbst hat sie wohl richtig als Neubildungen erklärt: nach der Kürzung von *-jo* zu *-ja* (und von *-ė* zu *-e*) und nach dem Wandel von *-ja* zu *-je* fielen in der III p. die *jā*-Stämme mit den *ē*-Stämmen lautlich zusammen, worauf sich die *jā*-Stämme auch in den übrigen Personen den *ē*-Stämmen anschließen konnten. Auch im Lettischen des Mancelius finden wir ähnliche Bildungen, z. B. *rājēs* MP I 377, *rijēs* MP I 84, *klājēs* MP I 134, 185, *sēje* MP III 184 (neben *sēja* MP II 215), *krāje* MP I 121 (neben *krāja* MP I 170). Wenn diese Formen überhaupt richtig sind, so wird man sie wohl ähnlich den entsprechenden niederlitauischen beurteilen müssen: unbetontes *a* nach *j* fällt dialek-

[28] [Skat. arī rakstā par Vecā Stendera gramatiku un vārdnīcu — šai izdevumā II 553. — Red.]

tisch wahrscheinlich auch im Lettischen mit *e* zusammen, vgl. z. B. *skrę̃ję* BW 16730, 11 (2×) für sonstiges *skrèja* «lief».

Aus obiger Zusammenstellung geht hervor, daß Wiedemann (Prät. 144) nicht berechtigt war anzunehmen, diejenigen Verba, die im Litauischen das Präteritum auf *-iau* bilden, hätten auch im Lettischen eine entsprechende Flexion gehabt; es fehlt // nicht an Abweichungen (was auch Uĭjanov Знач. I 85, ohne 32
jedoch Beispiele zu geben, annimmt). Um aber diese Abweichungen richtig zu beurteilen, müssen wir uns umsehen, nach welchen Regeln sich die präteritale Stammbildung gerichtet hat. Wiedemann meint allerdings l. c. 151, es lasse sich gar keine Antwort auf diese Frage finden (ähnlich äußert sich Uĭjanov l. c.), aber so aussichtslos scheint die Sache doch nicht zu sein. Erstens hat man schon mehrfach darauf hingewiesen, daß die Verba, deren Präsensstamm mit *-i̯o-* gebildet wird (mit Ausnahme derjenigen, die auch im Präteritum *j* vor dem Stammesauslaut haben), im Präteritum *ē*-Stämme sind. Wiedemann kann l. c. 150 aus dem Litauischen nur vier Ausnahmen anführen: *gréndau* (bei Jušk. aber *gréndžiau*) zu *gréndžiu* (daneben aber *gréndu*), *léidau* (daneben aber vielfach *léidžiau* z. B. Lit. Mitt. V 232, LChr. 352, 25; 367, 4; 381, 11, Jušk. unter *išléisti*) zu *léidžiu* (daneben *léidmi*), *grúdau* (daneben aber le. *grûžu,* vgl. oben S. 16) zu *grúdžiu* (daneben aber bei Jušk. *grúdu*), *grindaũ* (daneben aber *grindžiaũ*) zu *grindžiù*. Es bleiben also aus dem Litauischen eigentlich keine Ausnahmen. Dafür fanden wir oben im Lettischen folgende Ausnahmen: *oru* (neben lit. *ariaũ*) zu *aṛu* (lit. *ariù* neben žem. *arù* Jušk.), *bara* (lit. *bãra* neben *bãrė*) zu *baṛu*[29] (neben lit. *barù*), *kolu* (lit. *kalau* neben *kaliaũ*) zu *kaḷu*[29] (neben lit. *kalù*), *molu* (lit. *malau* neben *maliaũ*) zu *maḷu*[29] (neben lit. *malù*), *solu* (lit. *šalaũ*) zu ostlett. *saḷu* (neben *salstu,* lit. *šąlù*). Vorausgesetzt, daß die lit. *ē*-Stämme hier älter sind, lassen sich le. *kolu* (lit. *kalau*), *molu* (lit. *malau*) vielleicht als Neubildungen nach *solu* (lit. *šalaũ*) ansehen (wie ostlett. *saḷu* für *salstu* nach *kaḷu, maḷu*), woraufhin ihrem Vorbild *oru, bara* (lit. *bãra*) folgten. — Sodann hat Osthoff (Perf. 96 f.), was auch Wiedemann l. c. 150 selbst erwähnt, darauf hingewiesen, daß diejenigen Verba, deren Präsensstamm vom Präteritalstamm «durch Nasalinfix oder sonstwie» (Osthoff selbst führt neben Formen mit infigiertem

[29] Wiedemann führt l. c. 69 wohl nach Bielenstein (LSpr. I 361 f.) lettische Präsensformen *kalu, malu, baru* an, aber *kalu* und *malu* werden von Bielenstein selbst (l. c. II 391) widerrufen, und *baru* kennt man nur aus Dialekten, die *ṛ* verloren haben.

Nasal solche mit *-sto-* an) sich unterschied, im Präteritum *ā*-Stämme bilden. Wiedemann führt l. c. 179 von den Verba mit Nasalinfix nur zwei Ausnahmen an: *skačiaũ* (daneben aber
33 *skataũ* Jušk. unter // *įskàsti*) zu *skantù* (bei K. *skastu, skatau*) und *tapiaũ* (daneben aber, vgl. oben S. 20, *tapaũ*, le. *tapu*) zu *tampù*; *tapiaũ* setzt, wie Fortunatov (Сборн. LXIV Nr. 11, S. 57[30]) bemerkt, eine andere Präsensbildung voraus, und in der Tat wird BB XXVIII 275 aus der Sprache der preußischen Letten das (vielleicht aus einem litauischen Dialekt entlehnte) Präsens *tapu* angeführt (zum infl. *topu*, z. B. in Bezzenbergers Lett. Di.-St. 9, vgl. Kossowski Gram. 15 und Zb. XV 185). Von den Verba mit einem Präsensstamm auf *-sto-* bietet Wiedemann folgende Ausnahmen: *miriaũ* (le. dagegen *myru*) zu *mìrštu* (*miriaũ* könnte zu *mir̃ti* etwa nach *giniaũ* zu *giñti* gebildet sein) und *švìrkščiau* zu *švìrkštu* (das aber keine Ausnahme ist, da *švìrkštu* wenigstens für den heutigen Litauer kein *sto*-Stamm ist), und aus dem Lettischen: *kārcu* zu *kārkstu* (daneben aber lit. *karkiù*), *kulcu* zu *kulkstu, kurcu* zu *kurkstu* «quarre» (daneben aber *kurcu* bei Ulmann und lit. *kurkiù*), *kurcu* (kann sich nach dem vorigen *kurcu* gebildet haben) zu *kurkstu* «werde hohl», *sīcu* zu *sīkstu* (daneben aber *sicu*), *piesmilcu* (?Ulmann) zu *piesmilkstu, īdzu* (sehr fraglich, vgl. oben S. 11; daneben jedenfalls *îgu*) zu *îgstu, līdzu* (mir selbst nur *līgu* bekannt) zu *līgstu, zvirdzu* (recht zweifelhaft: Ulmann hat es wohl nur von seinen Vorgängern; Bielenstein schreibt LSpr. I 376: *zvirgstu* (*zvirdzu*? Stender), *zvirgt;* Stender aber kennt ein solches Verbum überhaupt nicht, und Lange, der wirklich *zvirdzu* bietet, kann sich versehen haben) zu *zvirgstu, svīde* (bei Ulmann, im besten Falle fehlerhafte Schreibung für richtiges *svīda,* worüber später unten) zu *svīst.* Abgesehen also von allen fehlerhaften oder zweifelhaften sowie von denjenigen Formen, zu welchen *į̄o*-Präsens nachweisbar ist, bleibt eigentlich nur *kulcu* (zu *kulkstu*) übrig: sollte kein Präsens **kulcu* dazu existiert haben, so kann *kulcu* leicht nach dem Vorbild der übrigen zahlreichen Schallverba auf *-kt* (vgl. Bielenstein LSpr. I 363 f.) gebildet sein, die alle im Präteritum auf *-cu* ausgehen. — Ferner hat Fortunatov l. c. 57 ff. folgende[30] Regel

[30] Außerdem meint Fortunatov l. c. 62[1], daß auch von denjenigen Verba (die im Präsens *o*-Stämme sind), die in der Wurzel einen Diphthong oder eine diphthongische Verbindung mit *r, l, n, m* mit akutierter Intonation haben, *ā*-Stämme gebildet werden, und gibt als Beispiele dazu *áugau* und *kándau.* Aber das scheinen auch die einzigen Beispiele für diese Regel zu sein.

aufgestellt: diejenigen Verba, die im Präsens *o*-Stämme sind, bilden bei hochstufiger Wurzelform im Präteritum // *ē*-Stämme 34
in diesem Tempus, bei tiefstufiger Wurzelform dagegen *ā*-Stämme, bei einem akutierten langen Vokal endlich sowohl *ē*- als auch *ā*-Stämme. Und zwar hätten die *ē*-Stämme ursprünglich den Akzent auf der Wurzel gehabt (darauf deute die hochstufige Wurzelform), die *ā*-Stämme dagegen auf dem Stammesauslaut (darauf deute die tiefstufige Wurzelform und der Stoßton in le. *bę̂gu, aûgu*). Die Wurzelbbetontheit der *ē*-Stämme halte ich aber nicht für bewiesen: den Stoßton haben im Lettischen auch *ē*-Stämme (z. B. *êde*[31], *kuôde*), und das Wurzel-*e* (oder *-a*) vor Geräuschlauten (z B. *sēkė*) kann ja bekanntlich keineswegs als Beweis ursprünglicher Wurzelbetontheit gelten. Sonst aber sind Fortunatovs Beobachtungen in der Hauptsache richtig, wenngleich Ausnahmen da sind, und zwar entsprechen die lettischen Formen meist mehr der Regel als die litauischen, vgl. z. B. le. *vyru* : lit. *viriaũ,* le. *dzinu* : lit. *giniaũ,* le. *dzima* : lit. *gìmė,* le. *pinu* : lit. *pýniau* u. a.

In diesen litauischen Formen sieht Fortunatov wohl mit Recht Neubildungen, vgl. auch Wiedemann l. c. 124 f. Bei diesem rein äußerlichen Konstatieren der Tatsachen bleiben aber die Abweichungen (wie *mušiaũ* «ich schlug», *degau* u. a.) sowie das Verhältnis zwischen *ėdžiau* und *sėdau* ungeklärt. Freilich, wenn man, wie Uĭjanov (l. c. 88) und Fortunatov (l. c. 57) es tun, den *ē*- und *ā*-Stämmen die gleiche Bedeutung zuspricht, so kann die Frage auch weiter nicht geklärt werden. Aber mir scheint es, daß sie es ohne genügenden Grund getan haben: wenn im Präsens die Verschiedenheit der Suffixe auch mit einer Verschiedenheit der Bedeutung verbunden ist, so liegt es doch nahe, auch bei den präteritalen *ē*- und *ā*-Stämmen eine verschiedene Bedeutung zu suchen. Und in der Tat vermutet Wiedemann (l. c. 195) auf Grund der griechischen Passivaoriste auf -ην, daß die präteritalen *ē*-Stämme ursprünglich intransitiv waren. Aber die Tatsache, daß die meisten *ē*-Stämme transitiv sind und beinahe alle intransitiven Verba *ā*-Stämme bilden, hat Wiedemann nicht genügend erklärt, und somit muß man seine Vermutung fallen lassen. Wenn man außerdem berücksichtigt, daß präteritale *ē*-Stämme im Litauischen auch zu den Verba auf *-yti* (mit einem *ā*-Stamm im Präsens) gebildet werden, die beinahe alle transitiv sind, so kommt man gerade zu der umgekehrten Folgerung: die *ē*-Stämme waren

[31] Zu lit. (dial.) *ėdau* vgl. Wiedemann l. c. 150.

ursprünglich transitiv, // die *ā*-Stämme intransitiv. Dazu stimmt nun die bekannte Tatsache, daß die Präsensstämme mit innerem Nasal und mit dem Suffix *-sto-*, zu welchen immer präteritale *ā*-Stämme gebildet werden, fast durchweg intransitiv sind. Da nun die Wurzelsilbe bei diesen Verba fast immer auf der Tiefstufe steht und da auch sonst transitive Verba im Satzzusammenhang oft intransitiv erscheinen (infolgedessen viele Verba *ē*- und *ā*-Stämme nebeneinander hatten, was auch Uljanov l. c. 85 annimmt), so wurde der *ā*-Stamm auch bei solchen Verba wie *pirkaũ* (: *perkù*), *likaũ* (: *liekù*), *rišaũ* (: *rišù*), *sukaũ* (: *sukù*) durchgeführt (lit. *mušiaũ*[32] zu *mušù* erklärt sich wahrscheinlich durch die transitive Bedeutung), nachdem infolge des Schwankens zwischen *ē*- und *ā*-Stämmen bei vielen Verba das Bewußtsein für den Bedeutungsunterschied abhanden gekommen war. Andererseits sind die Präsensstämme mit dem Suffix *-ịo-*, zu denen im Präteritum durchweg *ē*-Stämme gebildet werden, bekanntlich überwiegend transitiv; der bedeutenden Mehrzahl der Transitiva haben sich offenbar die Intransitiva in der Präteritalbildung angeschlossen.

Wie schon oben gesagt ist, sind im Lettischen die *ē*-Stämme nur noch mundartlich und in den mittellettischen Drucken des XVI. und der ersten Hälfte des XVII. Jahrhunderts erhalten. Schon in der Grammatik Adolphis vom J. 1685[33] findet man nur noch kümmerliche Reste der *ē*-Stämme. Charakteristisch ist seine Bemerkung S. 135, «daß ... Füreccerus (dessen Manuskript er benutzt hat) das imperfectum indicativi ... in plurali ... in vielen Verbis ... auff ein *em, et, e* formire. Kan aber die Ursache, wie fleißig ich darnach gesuchet, nicht finden, noch von andern, wie fleißig ich darnach geforschet, davon belehret werden: Habe demnach nach beyden Endungen in denenselben Verbis die imperfecta pluralia gesetzet, und lasse denen, die dessen Grund wissen, ihre freye Wahl.» Mitunter werden die Endungen *-ēm, -ēt* auch solchen Verba (wie z. B. *briêst* S. 141) gegeben, die in der Wirklichkeit *ā*-Stämme bilden. Die III p. bekommt regellos bei den meisten Verba die Endung *-e* (sogar nach *k, g*, z. B. *plauku, plauki, plauke, plaukām, plaukāt* S. 170; daneben z. B. *ļāva* S. 106), was wahrscheinlich sich dadurch erklärt, daß das deutsche Ohr das (mitunter

[32] Daneben aber nach Jušk. (unter *išmùšti*) žem. auch *mušáu*.

[33] Das Gleiche gilt von der Manuductio Rehehusens v. J. 1644 (zitiert nach der Ausgabe im Mag. XX 2), vgl. z. B. *lūdzām, lūdzāt* 20, *nesu* 33. *metu* neben *mešu* und *vedu* neben *vežu* 37 (daneben noch *ēžu* 30).

tonlos gesprochene) *-a* als *e* auffaßte// (und manche Verba 36
damals noch wirklich *-e* in der Endung hatten). Seitdem ist *-e* als Endung der III p. praeter. überhaupt in der lettischen Literatur[34] bis in die II. Hälfte des XIX. Jahrh. (als die Letten selbst sich ihre Literatur zu schaffen begannen) üblich geworden. Die I p. s. hat die für *ē*-Stämme charakteristische Erweichung noch bei einigen sehr üblichen Verba mit wurzelhaftem *e* (*ēžu* 146, *mešu* 164, *nešu* 168, *vežu* 206) sowie bei einigen Verba auf *-k, -g* (z. B. *brēču* 141, *plūču* 172, *rauču* 176, *sedžu, seču* 186, *slēdžu* 192, *spiedžu* 195, *sūču* 198; daneben z. B. *jaucu* 151). — Die Angaben der von Adolphi abhängigen Lotavica Grammatica vom J. 1737 haben in dieser Frage keinen Wert. Das Gleiche gilt von Stender (v. J. 1761), der *ēžu, mešu* u. a. nur noch als Nebenformen zu *ēdu, metu* u. a. bietet.

Jetzt sind die *ē*-Stämme nur noch im Ostlettischen und in der äußersten Ecke von Südwest-Kurland erhalten. In Serben und Drostenhof sind die *ē*-Stämme noch bei wurzelhaftem *e* erhalten, z. B. *deve, vede, vedēm, vedēt, slêdze, êde, nese, mete, berze, dzēsēm* (neben *nācām, braucām*). In sehr vielen Mundarten (z. B. in Ohselshof bei Linden, Smilten, Palzmar, Mehrhof, Grundsahl, Adsel, Serbigal, Kaugershof, Ronneburg, Trikaten) ist von der Flexion der *ē*-Stämme nur die Erweichung der I p. s. geblieben, die aber dafür auch auf alle *ā*-Stämme übertragen ist (mit Ausnahme derjenigen, die vor dem Stammesauslaut *v, m, b, p, k, g, r* haben, da diese Konsonanten in jenen Mundarten der Erweichung nicht mehr fähig sind). So finden wir z. B. in dem Artikel Schmidts Троякая долгота в латышском языке (Сборн. LXVII) folgende Präteritalformen: *aizmiršu* «vergaß», *biŕžu* «zerbröckelte» (intrans.), *ciršu* «hieb», *bilžu* «sagte», *paziņu* «kannte», *siļu* «wurde warm» u. a.[35] Solche Formen scheinen dadurch aufgekommen zu sein, daß neben den lautgesetzlichen Präteritalformen auf *-cu,* // *-dzu* 37
(z. B. *bràucu, slêdzu*) Analogiebildungen auf *-ču, -džu* sich einstellten (vgl. BB XXIX 182[35a]). Nachdem die Endungen *-e, -ēm,*

[34] Unter dem Einfluß dieser Literatur findet man dieses *-e* (für *-a*) mitunter auch in gedruckten Volksliedern; Ufjanov hätte daher (l. c. I 26, 27, 87) Buchformen wie *bire, mirke, dzime, krite, like, mire, slike* nicht zu sprachgeschichtlichen Folgerungen benutzen sollen.

[35] Die einzigen Abweichungen sind: *cêlu* «hob» (offenbar ein Druckfehler für *cêļu*), *nuoziedzuôs* «verging mich» (wohl ein Schreib- oder Druckfehler für *nuoziedžuos*), *skàituos* «ärgerte mich» (wahrscheinlich auch fehlerhaft), *smiŕdu* «begann zu stinken» und *šķitu* «meinte» (von den zwei letzten Verba ist nur die III p. gewöhnlich im Gebrauch; die Form der I p. s. wird daher vom Autor dialektwidrig konstruiert sein).

[35a] [Sai izdevumā I 293 sk. — Red.]

-ēt durch *-a, -ām, -āt* ersetzt waren (zuerst vielleicht nach *c, dz* infolge des Schwankens zwischen *-cu, -dzu* und *-ču, -džu*), kamen infolge des Schwankens zwischen *-cu, -dzu* und *-ču, -džu* auch neben Formen auf *-su, -zu, -ļu, -du, -nu, -lu* Neubildungen auf *-šu, -žu, -šu, -žu, -ņu, -ļu* zum Vorschein. Da die Erweichung für die I p. s. praeter. charakteristisch zu sein schien (in den übrigen Personen unterschieden[36] sich schon Präteritum und Präsens, während *-u* in der I p. s. für beide Tempora galt), so gelangten mit der Zeit die Formen mit Erweichung zur Alleinherrschaft.

Auch in den schriftlettischen Mundarten scheint es (darauf deuten die Angaben Adolphis) Analogiebildungen auf *-ču, -džu* gegeben zu haben[37]. Aber hier hat das Nebeneinander von *-cu, -dzu* und *-ču, -džu* die umgekehrten Folgen gehabt: neben *vežu, nešu* u. a. kamen die jetzt allein üblichen Neubildungen *vedu, nesu* u. a. auf (auf diese Weise gewann man in vielen Fällen eine vom Präsens unterschiedene Präteritalform, z. B. *grûdu, laûzu, vèrpu, cìetu* u. a.). — In einigen infläntischen Quellen finden sich noch Formen auf *-cu, -dzu* neben Formen auf *-šu, -žu, -ļu, -ņu*, z. B. *jaucu* Infl. 289 (ebenda *ēžu*), *tyudzu* Infl. 151 (während sonst in den Dialekten, die noch *ē*-Stämme kennen, *-ču, -džu* allein üblich sind).

Schließlich seien hier noch die auffälligen Formen der Disp. erwähnt: *brauću* «fuhr» 204 (2×), *meťu* (neben *mešu*) 205, *nāću* 207. Wenn solche Formen wirklich vorgekommen sind (vgl. auch noch die Genitive *sirďu, vācīťa* neben *vācīša, lāča*[38] 190), so sind sie Neubildungen etwa zur III p. *brauća* 204, *meťa* 207, **nāća* (vgl. oben S. 6) etwa nach *ďevu, kāpu* 205 zur III p. **ďeva, *kāpa.*//

38

III. ZUR WURZELFORM

Für sonstiges *sèju* «ich band» (zu *sienu, siet*) bieten Rehehusen (Mag. XX 2, 30 und 31) und Lotavica Grammatica *sieju*; wenn die Form nicht fehlerhaft ist, so ist sie eine Neubildung

[36] In der II p. s. praes. pflegt bei den *(i)o*-Stämmen auch in den mittellettischen Mundarten das *-i* abzufallen, wodurch in vielen Fällen das Präsens vom Präteritum geschieden wird.

[37] Danach ist zu berichtigen, was ich BB XXIX 183 [šai izdevumā I 294. — Red.] über die Entstehung von *vedu, nesu* u. a. gesagt habe.

[38] Entsprechend dekliniert man in Kaunata: nom. s. *luoćś* «Bär», *većś* «senex», *gaitieťś* «kleiner Hahn», gen. s. *luoća* oder *luoća, veća* oder *veća, gaitieša* oder *gaitieťa* oder *gaitieća* (infolge des lautlichen Zusammenfalls von *gaitieťś* und *većś* im nom. s.) usw.

nach dem Infinitiv, dessen Vokalismus in der Regel mit dem des Präteritums übereinstimmt.

Für sonstiges *gãju* «ich ging» findet man *gōvu* BW 619, 4 (3×, aus Liewenhof). Die Form ist vermutlich dadurch entstanden, daß *j* ausfiel (vgl. z. B. *nazynōa* «wußte nicht» Zb. XVIII 240, 276, *sagramōa* «verdaute» 303, gen. s. *jaunōa* «des jungen» 391 und Bezzenberger Lett. Di.-St. 13), worauf sich zur Beseitigung des Hiatus *v* einstellte. Anders scheint Bezzenberger diese Form aufzufassen (der sie l. c. 69 aus Lieventhals Reuterübersetzung anführt), indem er sie mit Formen wie *runava* (für *runāja*) «sagte» zusammenstellt. Aber das von Bezzenberger ebenda aus Taunagi angeführte *bīvās* (für *bijâs*) «fürchteten sich» läßt sich doch wohl nur nach meiner Auffassung erklären, und in dem Falle trifft sie auch für *gōvu* zu. Auf diese Form mit *v* geht vielleicht auch die von Bezzenberger l. c. 26 aus Raibi angeführte Form *gō^{a}le* «ging» zurück, vgl. *aluots* l. c. 20 neben *avuots* «Quelle», *teigatiņa* Wolter Mat. 285 für *ligaviņa* «Braut», *guolītes* BW 10569, 8 var. für *guovītes* «Kühe».

Den zweisilbigen schriftlettischen Praeterita auf *-iju,* die (mit Ausnahme von *biju* «war») zugleich präsentisch[39] sind, entsprechen im Ostlettischen Formen auf *-eju,* die gleichfalls die Bedeutung beider Tempora haben (nur daß zu *reju* «schlang, schluckte» mundartlich, so in Dubena, das Präsens *reinu* aus **rīnu* gebildet wird, vgl. žem. *rynù*, z. B. Jušk. unter *įrỹti*). Es fragt sich, wie das *e* dieser Formen aufzufassen ist? Mühlenbach scheint es IF XVII 405 (wenigstens für Neu- und Alt-Schwanenburg) lautgesetzlich aus *i* vor *j* herleiten zu wollen. Nun aber finden // sich in diesem Gebiet[40] (bei BW 39
besonders häufig in Texten aus Selburg) Formen der bestimmten Adjectiva mit *i* (statt *a*) im Stammesauslaut: nom. s. *vacōkijs* «der älteste» Zb. XVIII 244 (vgl. daneben z. B. *b'eja* «waren» ibid.), *vacijs* Zb. XVIII 254 oder (durch Monophthon-

[39] Bielenstein bietet zwar LSpr. I 363 neben den Praeterita *miju* «tauschte», *plijuos* «drängte mich auf», *riju* «schlang», *viju* «wand» die Praesentia *mîju, plîjuôs, rîju, vîju,* wahrscheinlich im Anschluß an Stender, der gleichfalls (S. 68 f.) *miju* : *miju, riju* : *rîju* (aber *viju* : *viju*) bietet. Aber Adolphi bietet in seiner Grammatik die Länge auch im Präteritum (vgl. lit. *lýjo, ryjaú, gyjaú* bei Leskien—Brugmann 315), und in den Denkmälern und lebenden Mundarten habe ich bisher diesen Unterschied zwischen den beiden Tempora nicht gefunden, obgleich er zu lit. *ryjù* : *rijaũ, lūja* : *lîjo, gyjù* : *gijaũ* stimmen würde.

[40] Vereinzelt auch in niederlettischen Texten, z. B. *mazijam* «dem kleinen» BW 1385, 1 (aus Siggund im Rigaschen Kreis).

gierung) *vacis* BW 7357; 7390, 1 «der alte», *ūtriś* «der andere» (Bezzenberger Lett. Di.-St. 18, neben *bęja* «war» ibid. 17), dat. s. *ūtrijam* (Bezzenberger l. c. 18; mit Übertragung der Länge des *i* aus dem nom. s.; altes *ī* wäre hier zu *ei* geworden), *mazijam* «dem kleinen» BW 3412, 1 var., *pirmijam* «dem ersten» BW 1415, 1 var., *jaunijam* «dem jungen» BW 3412, 1 var., *baltijam* «dem weißen» BW 11654 var., *gudrijam* «dem klugen», *lānijam* «dem langsamen» BW 15028, 1, *labijam* «dem guten» BW 15363, 3 var., loc. s. *sīkijā* «im feinen» BW 17145, 2, *timsijā* «im dunkeln» BW 7568 var., dat. pl. *vieglijām* «den leichten» BW 1924 var., *gaudijām* «den bittern» BW 4377. Wenn auch mundartlich daneben Formen mit *e* vorkommen (z. B. loc. pl. *gauďejōs* «in den bittern» BW 4377, 2), wo das *e* aber auch aus schwachbetontem *a* vor *j* entstanden sein könnte[41], so geht im Ostlettischen offenbar dennoch nicht jedes *i* vor *j* lautgesetzlich in *e* über. Man müßte allenfalls den Übergang nur für betonte Silben annehmen, aber wie es sich zeigen wird, ist auch dieses unwahrscheinlich.

Bezzenberger erklärt (Lett. Di.-St. 131) Formen wie *meju* (für *miju*) aus dem Infinitiv *meit* (aus *mît*). Für die Verbal-// formen auf *-eju* wäre diese Erklärung möglich, aber für *sejōju* (für *sijàju*) «siebe» (Bezzenberger l. c.), acc. s. *dźeju* (für *dziju*) «Garn», *reja* (für *rija*) «Riege» (Dubena u. a.) u. a. trifft sie nicht zu. Deshalb halte ich mich für alle diese Fälle (von *-ej-* für *-ij-*) an die Erklärung, die Bezzenberger l. c. für möglich, aber nicht wahrscheinlich hält, nämlich, daß *-ej-* hier aus *-eij-* (dialektgemäß aus niederlett. *-ij-*) entstanden ist, weil

[41] Solche Formen finden sich auch in Mundarten, die *i* vor *j* bewahren, z. B. *uotrejā* «im zweiten», *trešejā* «im dritten» Selsau BB XVI 328 (neben *biju* «war» ibid. 329), *balteis* «der weiße» in Kandau (wo Mühlenbach IF XVII 426 m. E. mit Unrecht Anschluß an Adjectiva auf *-eis* aus *-ējs* sieht). Die Formen mit *i* werden ursprünglich wohl von Adjektivstämmen auf *-i* (eventuell auch *-i*) gebildet worden sein, vgl. lit. *didỹsis* «der große», acc. s. *dìdįjį, gùdryses* «der kluge» (Lit. Mitt. II 29), acc. s. *gùdrįjį* ibid., *tretỹsis* «der dritte» (Kurschat Gr. § 1043), *tuštỹsis* «der leere», *gilįjį* [pirmpublicējumā: *gįlįjį*. — Red.] «den tiefen» (Schleichers Lesebuch 28 aus Dowkonts žem. Volksliedern). Daneben finden sich bei BW (in Texten aus Sauken, Liewenhof, Liksna, Kaltenbrunn, Dubena) ursprünglich wohl von *u*-Stämmen gebildete Formen mit *u*, z. B. *boltujam* «dem weißen» BW 3496, 4, *lobujam* «dem guten», *slymujam* «dem kranken» 9209, *pyrmujam* «dem ersten», *ūtrujam* «dem zweiten», *trešujam* «dem dritten» 15166, 13, *mozujā* «im kleinen» 6230, 1, *timsujā* «im dunkeln» 4366 var., *syltujā* «im warmen» 9209, *jaunujīm* «den jungen» 12319, 2 var., *zamujōm* «den niedrigen» 15948, 1, *tālujām* «den weiten» 350 var., *dailujām* «den schönen» 8962, *gaudujās* «in den bittern» 8087, 6 var.

diese Erklärung für alle Fälle zutrifft. Bezzenberger verwirft diese Erklärung, weil Formen wie *saćeiju* «sagte» (aus *sacìju*) äußerst selten seien (ich füge hinzu: *veĭju* «winde» BW 6210, I p. pl. praes. *veĭjam*, I p. pl. praet. *veĭjām*, *beiji* «warst», *reija* «Riege» Pixtern). Aber dieser Umstand zeigt ja nur, daß der Wandel von *-eij-* zu *-ej-* in den meisten Mundarten abgeschlossen ist, und ist daher nicht weiter auffallend. Und für alle diese Formen mit *-ej-* lassen sich die entsprechenden mit *-ĭj-* nachweisen: gen. s. *bĭjuma* (setzt ein *bĭju* «war» voraus, Linden Mag. XIII 3, 70), *bĭjājuos* «fürchte mich» (in Glücks Bibelübersetzung), *sĭjādama* «siebend» BW 8524 var. (vgl. auch 14554—14565), *vĭju* «winde» BW 5774, 7 var., *samĭjam* «wir tauschen» BW 11542 var., acc. s. *dziju* (neben *dziju*) «Garn» BW 6999, 1 var., *rĭja* «Riege» (Ulmann). Da die schriftlettischen Formen *sija* «Balken» (neben dial. *sĭja* Ulmann), *sijât, dzija, bijâtiês* den lit. *sijà, sijóti, gijà, bijótis* entsprechen[42], so scheinen die mundartlichen Formen mit *-ĭj-* (woraus weiter *-ej-* aus *-eij-*) lautgesetzlich aus Formen mit *-ij-* entstanden zu sein (wegen der Adjektivformen mit *-ij-* wird dieser Wandel nur betonten Silben zuzusprechen sein), wobei ein *dzĭja* etwa zunächst auf **dzĭa* (aus *dziĭa*) zurückgeht. Dann aber können auch Verbalformen wie *mĭju, vĭju, rĭju* aus *miju, viju, riju* entstanden sein, so daß dem lit. *ryjù* u. a. entsprechende Formen im Lettischen nicht sicher nachgewiesen sind (vgl. dazu Uĭjanov l. c. I 25[3] und Основы 56 und Fortunatov l. c. 26 f.).

Zugunsten meiner Ansicht spricht endlich auch die parallellaufende Entwickelung von *-uv-* (*-ū- > -ūv- ...*)[43]; vgl. z. B. schriftlett. *druva* «Saatfeld» : *drūva* BW 15492 var. (: ostlett. *driva* BB XXVII 320 f.[44] aus **driuva*?); *tuvu* «nahe» : *tūu* BB XXVII 320[45] : *tūwu* ibid. (: hochlett. *tyvu* ibid. 324[46] aus **tyuvu*?); *apžuvis* «(ein wenig) abgetrocknet» : *apžūvis* (in Glücks Bibel-//übersetzung); *puvesis* : *pūesis* : *pūvesis* «Eiter» (Ulmann); *puveklis* : *pūeklis* : *pūveklis* «Eiter» (Ulmann); part. praet. *puvis* : *pūis* : *pūvis* «verfault» (Ulmann); III p. praet. *pyuva* (oben S. 14) : *pyva* ibid.; *šuveklis* : *šūeklis* : *šūveklis* «Nähzeug» (Ulmann); part. praet. *šuvis* : *šūvis* 41

[42] Deshalb ist auch die Annahme Uĭjanovs (l. c. I 24), daß *-ĭj-* aus *-ij-* gekürzt sei, unberechtigt (oder wenigstens nicht bewiesen).

[43] Man merke sich, daß im Ostlettischen *ū* zu *ou* oder *eu* oder *iu* oder *yu* wird.

[44] [Šai izdevumā I 254 sk. — Red.]

[45] [Šai izdevumā I 253 sk. — Red.]

[46] [Šai izdevumā I 257. — Red.]

(Ulmann) : III p. praet. *šiva* (aus **šiuva?*) oder *šyva* (aus **šyuva?*) oder *ševa* (aus **šeuva?*) oder *šova* (aus **šouva*) oben S. 14; III p. praet. *guva* : *gyuva* : *gyva* oben S. 14; I p. s. praet. *kļuvu* : *kļūvu* (bei Uļjanov Знач. I 23) : *kļivu* oben S. 14; III p. praet. *buva* (oben S. 14) : part. praet. *būvis* (so und nicht als *bivis* ist vermutlich das *büwis* oder *buewis* im Katechismus vom Jahre 1586 zu lesen; vgl. die Beispiele in der Einleitung Bezzenbergers S. XII f., wo auch *nü* offenbar ein *nū* BB XIV 145 bezeichnet, woraus hochlett. *nou* LP VI 700, *niu* BW 14047, 4); westkurisch *zuvs* «Fisch», nom. pl. *suvēniņi* «Ferkelchen» : ostlett. *zovs, sovęniņi* (in Kortenhof und Lettin, wo *ū* zu *ou* wird).

IEVADĪJUMS VALODNIECĪBĀ

(Mag. phil. J. Endzeliņa priekšlasījumi[1] Latvijas Skolotāju biedrības kursos)

[1910 Izglītība VIII 592—604]

Valodniecības priekšmets ir v a l o d a. Par valodu saucam 592
mūsu domu un jūtu zīmju visumu, cik tālu tās zīmes ir ārēji manāmas un cik tālu mēs tās radām pēc savas gribas un patikas. Tādēļ pie valodas plašākā nozīmē pieder arī acu valoda un mīmika. Valodniecība nodarbojas tikai ar vārdu valodu. Mīmika un žestikulācija[2] krīt svarā, tikai valodu celšanos pētot.

Valoda arvien un nemitīgi pārgrozās. Maiņa notiek pēc stingri noteiktiem l i k u m i e m. Tikai tāpēc iespējama z i n ā t n i s k a v a l o d n i e c ī b a un v a l o d a s v ē s t u r e. Valodniecības uzdevums ir rādīt katras valodas vēsturi un izpētīt vispārējos likumus valodas attīstības gaitā un maiņā.

Ar valodu nodarbojas arī f i l o l o ģ i j a, tomēr starp filoloģiju un valodniecību ir liela starpība. Filologs rauga izpētīt zināmas tautas kultūras dzīvi visās viņas parādībās: literātūrā, mākslā, sabiedriskā dzīvē utt. Cik tālu valoda parādās kâ īpatnēja tautas rakstura zīme un kâ līdzeklis kultūras dzīvē, tik tālu tā ir arī filoloģijas priekšmets. Valodniecību interesē ne valodas kultūras puse, bet pati valoda, ne valodas mākslas darbi, bet kaila valoda ar visām viņas izloksnēm.//

Tâ kâ valodas attīstībai ir savi likumi, tad ir iespējama 593
valodas pētīšana. Vislabāk, ja pētāmai valodai ir veci rakstu p i e m i n e k ļ i, veci teksti. Tad tādu valodu var izpētīt pēc šiem pieminekļiem. Piem., sanskrita vecākie pieminekļi cēlušies gadus tūkstoš pirms Kristus. Latviešu valodai tādu vecu pieminekļu nav. Tā plašāk pazīstama, tikai no XVI gs. sākot. Te jāizpalīdzas ar salīdzināšanu, kas ir s a l ī d z i n ā m ā s v a l o d n i e c ī b a s priekšmets. Tiek salīdzināta viena laikmeta valoda ar otra laikmeta valodu, vienas tautas valoda ar radu tautu

---

[1] [Resp. J. Endzelīna priekšlasījumu atstāstījums (skat. pirmpublicējuma red. piezīmi beigās — 143. lpp.). — Red.]

[2] [Pirmpublicējumā: gestikulacija, ģestes. — Red.]

valodām, kâ arī valodas izloksnes savā starpā. Latviešu valodā mums vecu tekstu nav; tomēr, salīdzinot to ar radu valodām un tās atsevišķās izloksnes savā starpā, mums ir iespējams šo to paskaidrot latviešu valodas pagātnē.

Latv. valodai vistuvāk rada ir leišu un izmirušās prūšu tautas valodas. Šīs trīs valodas kopā sauc par baltu valodām. Pie baltu ciltīm piederējuši arī krievu chronikās minētie jatvēgi[3]. No jatvēgu valodas chronikās uzglabājušies daži vārdi un īsi teikumi.

Baltu valodām vistuvāk stāv slavu valodas, no kuŗām visvecākie pieminekļi ir slavu baznīcas jeb senbulgāru valodai, kuŗā runājuši un rakstījuši slavu apustuļi Kirils un Metodijs. Tai tagad vistuvāk stāv bulgāru un maķedoniešu izloksnes. Senbulgāru valoda pieder pie dienvidus slavu valodu grupas, pie kuŗas no tagadējām valodām pieskaitāmas bulgāru, serbu-chorvatu un slovēņu valodas. Rietumu slavu valodu grupu sastāda čechu, slovaku, Lauzicas sorbu, poļu, polabu un kašubu valodas. Polabu valodu senāk runājuši ap Elbas krastiem dzīvojošie slavi. Tagad tā izmirusi (XVIII gs.); no viņas atlicis tikai nedaudz vārdu un teikumu. Austrumu slavu jeb krievu valoda sadalās lielkrievu un mazkrievu[4] izloksnēs. Baltkrievi stāv tuvāk lielkrieviem nekâ mazkrieviem.

Baltu un slavu valodas pieder pie indoeiropiešu valodu cilts. Vācieši šo cilti aiz patriotisma dēvē arī par indoģermāņu cilti.

Pie šīs cilts pieder vispirms āriešu valodu grupa. Tā aptver senindiešu un senirāniešu valodas.

Senindiešu valodu bieži dēvē par sanskritu. Šai valodai ir visvecākie pieminekļi: vēdas («zināšanas»). Vēdas ir garīgu himnu krājumi, no kuŗiem vecākie uzrakstīti ap 1000. g. pr. Kr. Jāņem vērā, ka pirms uzrakstīšanas šie himni ilgu laiku gājuši no mutes mutē, tâ ka mums te darīšana ar ļoti veciem valodas pieminekļiem. Senindiešu valoda ātri mainījās, bet
594 vēdas tika uz-//glabātas pirmatnējā valodā. Vēlāk tauta vecos himnus vairs nepazina un nesaprata, bet garīdzniecība lietoja tiklab literātūrā, kâ arī sadzīvē veco vēdu valodu. Tâ tika radīta mākslīga literātūras un sadzīves valoda, kuŗu sauc par sanskritu šaurākā nozīmē. Arī tā cēlusies pirms Kr. dz. Tautas valoda tolaik jau stipri atšķīrās no šīs mākslīgās literā-

[3] [t. i., jātvingi. — Red.]
[4] [t. i., ukraiņu. — Red.]

tūras valodas. Vienu no tautas valodas izloksnēm budisti paņēmuši par savu literātūras valodu. Tagad Indijā sastopamas 8—9 patstāvīgas valodas, kuŗas visas cēlušās no senindiešu valodas. Pie tām pieskaitāma arī čigānu valoda; čigāni viduslaikos izceļojuši no Indijas uz Eiropu.

Pie senirāniešu valodām pieder senpersiešu valoda, kuŗa pazīstama no Dārija un viņa pēcnācēju laikmeta iecirtumiem klintīs. Šī valoda tuvu rada senindiešu un avestas valodām. Avesta ir Zaratuštras mācību rakstu krājumi. Tur sastopami himni no paša Zaratuštras, kuŗš dzīvojis ap 1000. g. pr. Kr. Citas avestas daļas cēlušās vēlāk. No senirāniešu valodas ir attīstījušās jaunirāniešu: jaunpersiešu, osetīnu[5], kurdu, afgāņu un baludžu valodas.

Pie indoeiropiešu cilts pieder, tālāk, armeņu valoda (pazīstama no V gs. pēc Kr.), sengrieķu valoda (Homēra epi), albāņu (vecākie teksti no XVII gs.; daudz patapinājumu no kaimiņu valodām), itaļu valodas, pie kuŗām pieder izmirušās osku, umbru valodas (pazīstamas no nedaudz ierakstiem), un latīņu valoda ar savām meitām — romāņu valodām (italiešu, spāniešu, portugaliešu, franču, rumāņu[6] val.), un ģermāņu valodas (gotu, zviedru, norvēģu, īslandiešu, dāņu, angļu, frīzu un vācu val.).

Tās ir mums pazīstamās indoeiropiešu valodas. Ka viņām savā starpā liela radniecība, redzams jau no šādiem vārdu salīdzinājumiem:[7]

latv.:	*dzīvs*	latv.:	*desmit*
lei.:	*gyvas*	lei.:	*dẽšimt*
kr.:	*живой*	senbulg.:	*десѧть* (desent)
sanskr.:	*jīvas* (džīvas)	kr.:	*десять*
		sanskr.:	*daša* (dašja)
latīņu:	*vīvos*[8]	grieķu:	*deka*
grieķu:	*bios* «dzīve»	latīņu:	*decem* (dekem)
pirmveids:	*gᵛīvos*	gotu:	*taihun* (tähun)
		vācu:	*zehn*
		īru:	*deˈch*
		pirmveids:	*dekm//*

[5] [Pirmpublicējumā: osetiņu. — Red.]
[6] [Pirmpublicējumā: rumēņu. — Red.]
[7] [Piemēri pirmpublicējumā dažkārt ir rakstīti nevalodniekiem vienkāršotā veidā, blakus uzrādot arī dažu vārdu izrunu vai nozīmi. — Red.]
[8] [*-os* ir senāka *o*-celma izskaņa parastās *-us* vietā. — Red.]

595

latv.:	*simts*	latv.:	*avs*
lei.:	*šimtas*	lei.:	*avìs*
sanskr.:	*šatám*	krievu:	*овца*
avesta:	*satəm*	sanskr.:	*avìs*
grieķu:	*he-katón*	grieķu:	*ois*
latīņu:	*centum*	latīņu:	*ovis*
senīru:	*cét* (ket)	pirmveids:	*ovis*
kimru:	*cant*		
gotu:	*hund*		
pirmveids:	*kmtóm*		

Tomēr valodu radniecības pierādīšanai no galvenā svara ne vārdu vienādība, bet līdzīga gramatika. Uz līdzīgas gramatikas pamatiem indoeiropiešu valodu savstarpējo radniecību pierādīja zinātniski Francis Bops XIX gs. pirmajā pusē. Viņu skaita par salīdzināmās valodniecības nodibinātāju.

Ar indoeiropiešu valodām rauga vest sakarā arī semītu un somu-ugru valodas. Pie semītu valodām pieder: seno babiloniešu un asīriešu, seno aramiešu, ebreju, foiniķiešu un arabiešu valodas. Semītu valodām rada ir hamītu valodas.

Semītu valodām un indoeiropiešu valodām ir dažas līdzīgas saknes un celmi, bet gramatika ir dažāda, tādēļ radniecība šo valodu starpā uzskatāma par hipotetisku.

Pie somu-ugru valodām pieskaitāmas: somu, lībiešu, igauņu un karēļu; lapu, mordvīnu, čeremisu, zirjāņu, votjaku, voguļu un ostjaku un ungāru jeb maģāru valodas. Visas tās rada ar samojedu valodu. Šām valodām ir daža līdzība saknēs un arī gramatikā ar indoeiropiešu valodām. Piem.: *водá* (krievu), *vedy* (senfrīģiešu), *Wasser* (vācu), *ved'* (mordvīnu), *vete* (somu); *Name* (vācu), *nāma* (senindiešu), *namma* (lapu), *nime* (somu), *näm* (voguļu).

Gramatikas formās līdzība parādās verbu tagadnes I un II daudzskaitļa personās: *ela-me, ela-te* (igauniski) «mēs dzīvojam, jūs dzīvojat» : *suka-me, suka-te* (leitiski) «mēs griežam, jūs griežat». Arī latviešu *kas* un igauņu *kes* rāda zināmu līdzību.

Ka starp indoeiropiešu un somu-ugru tautām bijuši sakari, no valodniecības stāvokļa nav noliedzams, bet tas bijis ļoti sen, tad, kad kopējai pirmtautai bijis vēl visai maz vārdu un nav bijušas attīstītas gramatikas formas.

Eiropā sastopamas divas no citām valodām atšķirtas grupas. Tāda ir basku valoda Pirenejos, kuŗu domā attīstījušos no seno ibēriešu valodas, un dažas valodas Kaukazos. Šām grupām nav nekā radniecīga ar kaimiņu tautām.//

Starp valodu un r a s i[9] nav sakaru. Latviešos, piem., ir pārgājuši lībieši, kuŗi pieder pie gluži citas rases. Lapu un somu valodas ir radniecīgas, bet rases ziņā šīs tautas viena no otras stipri atšķiŗas. 596

Vai iespējams visas pasaules valodas atvasināt no v i e n a s p i r m v a l o d a s? Nē. Vienas, visiem kopīgas pirmvalodas nav bijis. Ja arī visi cilvēki cēlušies no viena cilvēku pāra, tad jāņem vērā, ka tūliņ pašā sākumā cilvēkiem nav bijis valodas. Cilvēki dzīvojuši daudz gadu simteņus bez valodas, un valoda tiem attīstījusies ļoti gausi. Valodas cēlušās dažādās vietās zemes virsū, viena no otras neatkarīgi.

Kâ valodas c ē l u š ā s? Bērna pirmās skaņas ir neapzinīgas, tās izplūst bez paša gribas. Tikai daudz vēlāk sāk skaņas saistīties ar jēdzieniem. Tâ arī cilvēces bērnībā pirmie vārdi būs cēlušies no neapzinīgām skaņām, kas izsprūk lielā uztraukumā. Tomēr i n t e r j e k c i j a s nevar būt bijis vienīgais valodas avots. Mums ir daudz vārdu, kuŗi rauga attēlot dabas skaņas (piem., *kūkot*). Katrā valodā ir daudz tādu o n o m a t o p o ē t i s k u vārdu, un tie ir ļoti veci. Bet lielum lielajam vārdu vairumam nav skaņās nekādas līdzības ar to jēdzienu, kuŗu tie apzīmē. Kâ šādi vārdi cēlušies? Iekām vēl nebij vārdu valodas, domu un jūtu izteikšanai lietoja mīmiku un žestus[2]. Mīmikai piebiedrojās pirmie interjekciju un onomatopoētiskie vārdi. Šo vārdu nozīme bij jo liela tumsā un lielākos attālumos. Kad skaņu valodas lielā nozīme reiz bij atzīta, tad cilvēki laikam sāka ar n o d o m u r a d ī t jaunus vārdus savu domu un jūtu izteikšanai.

Kur meklējama indoeiropiešu pirmtautas p i r m d z i m t e n e? Pagājušā gadu simtenī, kad iepazinās ar sanskrita valodu, uznāca uzskats, ka visas indoeiropiešu valodas cēlušās no sanskrita. Tad par indoeiropiešu pirmdzimteni pieņēma I n d i j u. Vēl tagad laikrakstos nereti sastopam izteiktus uzskatus, ka, piem., mūsu tautasdziesmu «saules meitas» radušās saulainajā Indijā. Bet tas nav pareizi. Indija nav mūsu pirmdzimtene. Vēdas stāsta, ka paši indieši dzīvojuši tikai Indijas ziemeļos. No ziemeļiem tie spiedušies arvien tālāk Indijā iekšā. Tâtad pašu indiešu dzimtene nav Indijā, bet tie tur ieceļojuši no ziemeļiem. Bez tam, indoeiropiešu cilts vairums dzīvo Eiropā, ne Āzijā. Mazākums ir atdalījies no vairākuma un ne otrādi. Tāpēc tagad lielākā daļa zinātņu vīru turas pie ieskata, ka

[9] [Pirmpublicējumā šis vārds viscaur ir *ā*-celma formās (viensk. nom. *rasa*). — Red.]

mūsu pirmdzimtene atradusies Eiropā un ne Āzijā. Bet kurā tad Eiropas daļā? Šinī jautājumā domas šķiras. Daži domā, ka Krievijas dienvidu stepēs, citi — Pinskas purvos, vēl citi —
597 Vācijas ziemeļu daļā. Pēc pēdējā ieskata baltu // tautas nekad nav mainījušas savas dzīves vietas, nav daudz maisījušās ar citām tautām, aiz ko izskaidrojams, ka tās visrūpīgāk uzglabājušas iedomājamās indoeiropiešu pirmatnējās valodas skaņas (sevišķi leišu valoda) un uzglabājušas vokāļu[10] dažādo akcentu[11] (latviešu un leišu valoda un bez tās vēl tikai serbuchorvatu val.).

Archaiologi un antropologi arī piekrīt domām, ka indoeiropiešu pirmdzimtene bijusi Eiropā. Archaiologi pie tam atbalstās uz izrakumiem Vācijas ziemeļos un Dānijā. Dānijas kāpās daudz vietās atrastas kaudzes no jūras gliemežu vākiem, pirmatnējiem traukiem un darba rīkiem. Tie atkritumi rāda, ka to radītāju cilvēku kultūrā nekad nav bijis pārtraukuma, bet tā vienmērīgi turpinājusies no senatnes līdz vēsturiskiem laikiem. Ja te senāk būtu dzīvojusi cita cilts, kuru ienācēji indoeiropieši izdzinuši, tad vajadzētu būt bijušam kādam kultūras gaitas pārtraukumam; ja tāda nav, tad iedzīvotāji nav mainījušies. Tādēļ archaiologi pārliecināti, ka indoeiropiešu pirmdzimtene bijusi Vācijas ziemeļos un Dānijā.

Antropologi mērī galvaskausus. Ziemeļvācijā atrastie senlaiku galvaskausi ir tādi paši kâ tagadējiem ģermāņiem.

Pret archaiologu pierādījumu var iebilst, ka kultūras vienmērīga attīstība, bez pārtraukuma, nekā nepierāda, jo pirmatnējām tautām visām apmēram vienāds kultūras stāvoklis. Antropologi paši nevar noteikt, kāds īsti ir indoeiropiešu galvaskauss: ziemeļniekiem tas citāds nekā dienvidniekiem. Kāds bijis pirmatnējais tips, tas nav noteicams. Tādēļ arī galvaskausi nevar dot noteiktas atbildes. Tâtad stiprākie pierādījumi šinī lietā gaidāmi no valodniecības. Un valodas mums arī dod dažus aizrādījumus. Visās indoeiropiešu valodās vārdam *ziema* ir viena sakne. Tâtad pirmtauta dzīvojusi tādā zemē, kur ir ziema un sniegs. Bet tāds izplatījums ir liels. Daži koku vārdi atkārtojas šās cilts valodās. Piem., *Buche, бук, fāgus* (lat.), *phēgos*. Šis koks Latvijā aug mežos tikai Kurzemes dienvidos *(skābarzds)*. Viņš sastopams vēl Dānijā un Zviedrijas dienvidos, uz austrumiem līdz līnijai no Karaļaučiem uz Odesu. Tiek domāts, ka pirmdzimtene bijusi tur, kur savā vaļā aug

---

[10] [Pirmpublicējumā: vokalu. — Red.]
[11] [t. i., intonāciju. — Red.]

šis koks. Bet klimats var būt mainījies. Vārds *phēgos* grieķiem apzīmē kādu ozolu sugu. Varbūt senāk ar šo vārdu apzīmēts kāds cits koks. Bieži sastopams, ka vārdi maina savus jēdzienus. Tāpat nedrošs arī tas aizrādījums, ka indoeiropiešu pirmdzimtene tur, kur aug bērzs, t. i., Eiropas vidienā, jo arī šā koka vārds vienāds dažādajās indoeiropiešu valodās: *bērzs, берeза, beržas, Birke, bärzä* (osetīnu val.), *bhūrjas* (l.: *bhūrdžas,* sanskr.). Tā kā indoeiropiešu valodām ir līdzība ar somugru valodām,// tad senatnē šās tautas dzīvojušas kaimiņos. 598
Somu-ugru pirmdzimtene ir bijusi ap Kamas upi, no tam domājams, ka indoeiropiešu pirmdzimtene būs bijusi Krievijas dienvidos. Pie šāda uzskata turas Šrāders.

Izgājušā gadu simteņa I pusē valdīja domas, ka indoeiropiešu pirmtautai bijusi augsta kultūra ar māju lopiem, metalliem, darba rīkiem, radniecības sakariem, karaļiem un dieviem, jo to nosaukumiem valodās kopējas saknes. Tas esot bijis zelta laikmets ar gandrīz pārcilvēkiem, kuŗi radījuši pasaules kultūru.

Tagad šīs domas atmestas. Kultūru indoeiropieši nav radījuši paši, bet pārņēmuši no semītiem un hamītiem, pie kuŗiem meklējamas kultūras saknes. Indoeiropiešu tautas Eiropas ziemeļos vēl viduslaikos atradās ļoti primitīvā kultūras stāvoklī. Baltietis[12] Hēns domā, ka indoeiropiešu pirmtauta piekopusi vairāk nomadu nekā zemkopju dzīvi, mitinājusies ziemu alās, vasaru teltīs, pārtikusi no gaļas un piena. Sievas tikušas laupītas vai pirktas *(precēt, prece, pirkt),* nespējnieki nogalināti. Tēviem bijusi tiesība nogalināt jaunpiedzimušos bērnus. Tā laika reliģija neattīstīta; nav sevišķi attīstīta dieva jēdziena, bet gan jau burvji, māņi, vilkači. Šrāders domā, ka kultūra toreiz jau bijusi augstāka, apmēram tāda, kādu sastopam neolitiskā (jaunākā akmeņu) laikmeta izrakumos. Nodarbojušies jau vairāk ar zemkopību nekā ar nomadizēšanu.

Kā domājama pirmtautas sadalīšanās? Šleichers uzstādīja tā saucamo cilts koka teōriju: kā no koka izaug zari, tā no pirmtautas atdalījušās atsevišķās tautas, vispirms tās, kas mīt tālāk uz rietumiem (itaļi, ķelti), tad arī citas. Tā kā ar šo teōriju nav viss izskaidrojams, tad Johans Šmidts uzstādīja savu viļņu teōriju (Wellentheorie). Katra valoda sadalās izloksnēs. Tāmniekam, piem., grūti saprasties ar inflantieti. Latvijai cauri ejot, tomēr nekur nevar vilkt robežu starp

[12] [t. i., Baltijas vācietis. — Red.]

izloksnēm; tās pāriet nemanot viena otrā. Tâ būs bijis arī pirmtautā. Tai pieņemoties lielumā, cēlās atsevišķas izloksnes, kuŗas nemanot pārgāja viena otrā, bet starp galējām radās tik liela starpība, ka to piederīgie vairs nevarēja saprasties. Tâ cēlās atsevišķās valodas.

Ja pie šās teōrijas vēl pievienojam izceļošanas gadījumus, tad atsevišķo valodu celšanās saprotama. Senatnē līdz pat viduslaiku sākumam bieži sastopami tautu ceļojumi. Izceļotājiem zuda sakari ar cilts piederīgiem; viņi nāca citādos apstākļos, citos kaimiņos — viņiem attīstījās arī citāda valoda.

Pie baltu valodām pieder: latviešu, leišu, senprūšu un jatvēgu valodas. No pēdējās uzglabājies tikai kāds ducis
599 vārdu. // No prūšu valodas mums ir 3 katechismi no XVI gs. un kāds vārdu saraksts ar apm. 800 vārdiem no XIV gs. Katechismu tulkojumi ir ļoti kļūdaini; jo tulkotāji vācieši vāji pratuši prūsiski un tulkojuši ar tulku palīdzību. Leišu valodas visvecākie pieminekļi arī nāk no XVI gs. Leišu un latviešu valodām lielāka radniecība nekā katrai no tām ar prūšu valodu. Savā laikā baltu cilts vispirms sadalījusies prūšu un latviešu-leišu grupās; vēlāk šķīrušās latviešu un leišu valodas. Kâ varēja rasties plaisa starp latviešu un leišu valodām? Ja ejam Latvijai cauri, tad atrodam daudz izlokšņu, tomēr visas varam saprast, un tās pāriet viena otrā nemanot. Pienākam pie Lietavas, plaisa tik liela, ka vairs nevaram saprast. Johans Šmidts to izskaidro tâ. — Kaŗa vai citos gadījumos viena tautas cilts iegūst pārsvaru pār citām ciltīm. Pārvarētās ciltis tiek vai nu iznīcinātas, vai arī asimilētas valdošai ciltij. Ar to zūd pāreja no vienas izloksnes uz otru un rodas plaisa jauno kaimiņu izlokšņu starpā. Tāda plaisa ierodas arī tad, kad starplocekļi izceļo vai kad dabiskas robežas pārtrauc sakarus. Ar laiku šī plaisa paliek tik liela, ka rodas atsevišķas valodas. Baltu valodu radniecība un starpība redzama no šādiem piemēriem.

Prūšu val.	Leišu val.	Latviešu val.
deivas	*diẽvas*	*dievs*
dātvei	*dúoti*	*duot*

Prūšu *ei* daudz gadījumos leišu un latviešu valodās pāriet par *ie*. Pirmatnējais *ō (Sohn)*[13] slavu un prūšu valodās pāriet par *á*, bet leišu un latviešu valodās par *uo*.

[13] [*Sohn* minēts tikai *ō* izrunas paskaidrošanai. — Red.]

Pievedīsim arī dažus piemērus no morfoloģijas:

Prūšu val.	Leišu val.	Latviešu val.
mais	*mānas*[14]	*mans*
tvais	*tāvas*	*tavs*
svais	*sāvas*	*savs*
tebbei	*tau*	*tev* (izloksn.: *tau*)

Leišu un latviešu senči kādu laiku runājuši vienu valodu. Tagad šīs valodas viena no otras atšķiras. Starpība pastāv jau akcenta ziņā: latvieši uzsveŗ vārda pirmo zilbi, leišiem (tâpat kâ prūšiem un slaviem) ir brīvs akcents, piem.: *rankà (ruoka)*, bet *rañką (ruoku)*[15]. Skaņu ziņā galvenās atšķirības šādas:

an > *uo* — *rankà* : *ruoka*; *in* > *i* — *krintu* : *krītu*;
en > *ie* — *penki* : *pieci*; *un* > *ū* — *unduo* : *ūdens*.

Pārvēršanās notiek tikai tad, kad zilbe beidzas ar *n*. Ja zilbe ar šo skaņu sākas, tad *n* paliek: *minu.//*

Mīkstināts *k* latviešu valodā pārvēršas par *c (penki : pieci)*, 600
mīkstināts *g* par *dz (gyvas : dzīvs)*. Gala zilbēs leišu īsie vokāļi latviešu valodā izkrīt *(gyvas : dzīvs)*, gaŗie paliek par īsiem: *žemė* (lasi: *žāmē*) — *zeme*. Leišu *ž* pāriet latviešu valodā par *z*, *š* par *s (šimtas : simts)*. Jotētas zobu skaņas leišu valodā pieņem citādu veidu, latviešu valodā atkal citādu:

briedis — briedžo : briedis — brieža;
vókietis — vókiečo : vācietis — vāciešа;
bùšu (l.: *būsju*) : *būšu*.

Latviešu gaŗais *a* vecāks nekâ leišu tā vietā liktais *o*:

māte : mōtė.

Pārskata dēļ pievedam pirmā tic. loc. izskaidrojuma sākumu prūšu valodā: *«as druwē, kai mien Deiwas teikūuns ast sen wissans pērgimmans, mennei kermenan bhe dūsin*[16]*, ackins, āusins*[17] *bhe wissans streipstans, ispressennien bhe wissans seilins dāuns ast»*. No leišu valodas pievedīsim tautasdziesmu:

Mėnuo saulužę vėdė[18]
pirmą pavasarelį.

---

[14] [Pirmpublicējumā: *mânas*. — Red.]
[15] [Pirmpublicējumā: ... bet *ràṅka (roku)*. Lielāko tiesu arī citos latviešu valodas piemēros *uo* apzīmēts ar *o*. — Red.]
[16] [Pirmpublicējumā: *dùsin*. — Red.]
[17] [Pirmpublicējumā: *àusins*. — Red.]
[18] [Pirmpublicējumā patskaņiem trūkst diakritisko zīmju. — Red.]

Saulužė anksti kėlės,
mėnužis atsiskyrė.
Mėnuo viens vaikštinėjo,
aušrinę pamylėjo.

Leišu valodā ir caurmērā uzglabājušās vecākas formas un skaņas nekā latviešu valodā. Tādēļ salīdzināmā valodniecība no baltu valodām visvairāk ievēro leišu valodu.

No citām visām indoeiropiešu valodām baltu valodām vistuvāk rada ir slavu valodas. Kad pirmtauta jau bij sadalījusies grupās, tad slavu un baltu senči vēl kādu laiku turējās kopā un runāja vienu valodu. Bet dažas parādības liek domāt, ka jau pirmvalodas laikmetā slavu un baltu valodas šķīrušās kā divas izloksnes. Āriešu un slavu valodās *s* pēc *i, u, r, k* pārvēršas par *š*. Šis *š* slavu valodās pāriet tālāk par *h; h* atkal atpakaļ par *š*, ja viņam seko *i, e*. Piem.:

Latviešu	Leišu	Krievu
sauss	*sausas*	*сухой*
auss	*ausis*	*ухо*

Šī starpība bijusi jau pirmvalodas laikmeta izloksnēs: balti runājuši *sausos*, slavi — *saušos*, bet saprasties vēl varēja.

Kad pirmtauta izira, tad slavu un baltu senči dzīvoja kādu laiku kaimiņos un satiksmē. Tad to valodā radušās atkal jaunas kopīgas parādības. Vēlāk viņi šķīrušies, un valodās tagad tik liela plaisa, ka nav iemesla latviešus saukt par slaviem. //

601 Tagad latviešu valoda dalās divās pamata izloksnēs: lejzemniekos un augšzemniekos; lejzemnieku izloksne dalās tāmnieku un vidus izloksnē jeb rakstu valodā. Tāmnieku izloksni runā Talsu un Ventspils apriņķos Kurzemē un ziemeļrietumu daļā Vidzemē (Lielsalaces un Limbažu apkaimē). Vidzemes tāmnieki nesaiet robežās ar Kurzemes tāmniekiem. Viņus šķir jūra un citas izloksnes, un tomēr viņu izrunā daudz līdzības. Kā tas izskaidrojams? Abos apgabalos latvieši sajaukušies ar lībiešiem. Tāmnieku izloksnes galvenās savādības izskaidrojamas ar lībiešu valodas iespaidu.

Latviešu valodā gaŗi patskaņi var stāvēt visās zilbēs, bet somu valodās tikai uzsvērtajās zilbēs. Somiem grūti neuzsvērtās zilbēs izrunāt gaŗu patskani. Tāmnieki, pa lielai daļai no somu cilts lībiešiem celdamies, saīsina neuzsvērtos gaŗos pat-

skaņus: *strādāt — strādat — strād't*. Īsie patskaņi neuzsvērtās zilbēs tiek atmesti un izmesti: *es sit, tu sit, viņš sit, mēs sit'm (mēs sit)* utt. Somu valodās neizšķir valodā dzimuma starpību. Tāmnieki arī cenšas iznīcināt šo starpību: *tas ait, tie ait's*.

Dažas īpašības atšķir Kurzemes tāmniekus no Vidzemes tāmniekiem. Kurzemes tāmnieki un visi Kurzemes rietumnieki pagarina patskani *er* un *ar* zilbēs priekš konsonanta. Vidzemes tāmnieki, visi augšzemnieki un vidus izloksnēs runā: *ķĕrt, dărbs, kărsts*, bet Kurzemes rietumnieki: *ķērt, dārbs, kārsts*. Dažas Kurzemes tāmnieku formas iespiedušās pat rakstu valodā: *bārgs, vērgs, gārds*[19]. Vidzemē un Kurzemes vidus izloksnē šos vārdus izrunā ar īsu patskani, kādēļ nav iemesla tos rakstīt ar gaŗu patskani.

Zilbēs *ir* un *ur* Kurzemes rietumnieki *i* vietā runā *ie* un *u* vietā *uo*: *miert (mirt), duort (durt)*. Vidzemes tāmnieki šos patskaņus nemaina.

No vidus izloksnes cēlusies mūsu rakstu valoda. Mūsu pirmie rakstu tēvi dzīvojuši Kurzemes vidienā un rakstījuši tâ, kâ dzirdējuši tautu runājam. Tagad nav vairs nevienas tādas izloksnes, kuŗas valoda pilnīgi segtos ar rakstu valodas formām. Starp Jelgavu un Dobeli runā vistuvāk rakstu valodai, bet arī tur daži sīkumi sastopami, kuŗi šo izloksni šķir no rakstu valodas. Piem., pēc gaŗiem *a* un *e* ap Dobeli priekš līdzskaņa zūd *r (vā(r)ds, bē(r)ns)*. Ap Jelgavu nedzird vairs mīkstināto *r*. Vidzemes vidus izloksne atšķiŗas vēl vairāk no rakstu valodas. //

Augšzemnieku izloksne atšķiŗas no lejzemnieku izloksnes patskaņu izrunā. 602

Tīra *a* vietā runā tīru *o*
ā „ „ *ō*
uo „ „ *ū*
ie „ „ *i*
ī „ „ *ei*
ū „ „ *ou, iu, yu, eu*

Starpība ir arī akcenta[20] ziņā. Lejzemnieku stieptā akcenta vietā augšzemniekiem viscaur ir krītošs akcents. Augšzemnieku izloksne stāv vistuvāk leišu valodai.

Inflantieši saucas un tos sāk saukt par latgaliešiem, bet bez iemesla. Chronikās par latgaliešiem sauc inflan-

[19] [Tagad rakstu valodā: *bargs, vergs, gards*. — Red.]
[20] [t. i., intonācijas. — Red.]

tiešus līdz ar Vidzemes austrumniekiem. Inflantiešu izloksne skarbi neatšķiras no Vidzemes un Kurzemes austrumu izloksnēm. Viņu izloksnē tikai manāms poļu iespaids un arī patapinājumu no krievu valodas ir vairāk nekā vidzemniekiem un kurzemniekiem. Mūsu laikrakstiem nevajadzētu inflantiešus dēvēt par latgaliešiem; tas paveicina tikai viņu atšķiršanu no pārējiem latviešiem.

Daži simti latviešu dzīvo arī Prūsijas robežās. Tie jau katoļu laikos tur iecelojuši no Kurzemes rietumiem. Skolās un baznīcās tos māca vāciski vai leitiski, kādēļ nav domājams, ka viņi varēs ilgi pastāvēt. Runā līdzīgi Kurzemes rietumniekiem, bet stāv zem stipra leišu valodas iespaida.

Baltu tautām kaimiņos no senlaikiem līdz mūsu dienām dzīvo somu ciltis. Visvecākie patapinājumi somu valodās no Eiropas indoeiropiešu ciltīm nāk no baltu valodām. Patapinājumi no ģermāņu un slavu valodām ir jaunāki. Tātad somu ciltīm vispirms bijuši sakari ar baltu ciltīm, vēlāk arī ar ģermāņiem un slaviem. No baltu valodām patapinātie vārdi sastopami ne vien īstajās somu, bet arī lapu, mordvīnu un čeremisu valodās. No ģermāņu valodām patapinātie vārdi sastopami vairs tikai īsto somu un lapu, bet ne vairs mordvīnu un čeremisu valodās. Tātad pēdējie jau bijuši atšķīrušies no somiem, kad tie nākuši sakarā ar slaviem. Vēlākos laikos liels iespaids uz somu cilts kaimiņu valodām bijis sevišķi latviešiem. Tagadējo lībiešu valodā gandrīz puse no visiem vārdiem patapināta no latviešu valodas. Arī igauņu valodā daudz vārdi ņemti taisni no latviešu mutes. Baltu tautu kultūra bijusi augstāka nekā attiecīgo laikmetu somu cilšu kultūra.

Somu iespaids uz baltu valodām vecos laikos nav nomanāms. Jaunākos laikos no igauņu un lībiešu valodām patapināts diezgan daudz vārdu, sevišķi Vidzemes un Kurzemes
603 rietumos. Tāmnieku // izloksnē lībiešu iespaids manāms skaņu un formu mācībā. — Nav iespējams atrast tādu vārdu, kuŗus balti no slaviem būtu patapinājuši tanī laikā, kad visi balti vēl runāja vienu valodu. Ir atrodami tikai tādi patapinājumi, kuŗi leišu, latviešu un prūšu valodās no slaviem ieviesušies tad, kad tās viena no otras jau bij atšķīrušās.

Latviešu vecākie patapinājumi no slavu valodām nāk no krievu valodas. No krieviem patapināti baznīcas termini: *baznīca, svēts, grēks, kristīt* vai *krustīt, zvanīt, gavēt.* Poļu laikos uz mūsu valodu darījuši iespaidu arī poļi; līdz pat mūsu dienām poļu valodai liels iespaids uz inflantiešiem.

Baltu iespaids uz slavu valodām niecīgs. Vienīgi leišu

valoda darījusi iespaidu uz baltkrievu un poļu valodām. Tanīs valodās atrodami daži patapinājumi no leišu valodas.

Vēlāk latviešu sakari ar krieviem tika pārtraukti un latvieši nāca zem vācu iespaida. Leiši turpretim palika sakaros ar krieviem un poļiem. Tādēļ leišu valodā ir vairāk patapinājumu no slavu valodām, bet latviešiem vairāk no vācu valodas. Daži patapinājumi no ģermāņu valodām ir ļoti veci; tie nāk no tā laika, kad baltu tautām kaimiņos dzīvojuši goti (pirmos gadsimteņos pēc Kr.). Tā mūsu *klaips* (vāciski *Laib*) ir patapinājums no gotu valodas, kuŗā šis vārds tiek rakstīts *hlaifs*. *h* te cēlies no vecāka *k*. Latvieši nepazina skaņas *h* un tāpēc lika tās vietā atkal *k*. Tad baltu sakariem ar ģermāņiem uznācis pārtraukums līdz XIII gs. No XIII gs. sākot, liels iespaids uz latviešu valodu vāciešiem, sevišķi lejasvācu izloksnei (plattdeutsch). No lejasvācu izloksnes mums ļoti daudz patapinājumu. XVII gs., zviedru valdības laikā, latviešu valodā iespiedušies arī daži zviedru vārdi, bet tādu vārdu maz, pavisam kādi trīs, četri.

Vācu chronikās no XIII gs. uzejam pirmos uzrakstītus latviešu vārdus: dažus vietu un personu nosaukumus. No tiem varam zināt, ka *k* pārmaiņa par *c, g* par *dz, an* par *uo, un* par *ū* utt. notikusi jau pirms 1200. g. Vairāk no chronikām izzināt nevaram. No XVI gs. mums ir rakstu pieminekļi. No tiem redzam, ka toreiz mūsu valoda bijusi jau gandrīz tāda pat kâ tagad. Starpība ļoti maza. XVI un XVII gs. daudzskaitļa[21] datīvam bijusi galotne *-ms*: *tiems vīriems, tāms sievāms,* kādas formas sastopam dažās Kurzemes jūrmalas izloksnēs arī vēl tagad. Bez tam vecākos rakstos sastopam lokātīva formu *-an*: *tàn vietan* (tanī vietā), *pirman kārtan.* Citādi starpības formu un skaņu ziņā neatrodam. //

Literātūra: *Поржезинский.* Введение в языковедение. Москва 1910 г. — *Томсон.* Общее языковедение. Одесса. 1910 г. — *Schrader.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. — *Hehn.* Die Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland, Italien und dem übrigen Europa. — *Schrader.* Sprachvergleichung und Urgeschichte. 604

Red. piezīme. Šo priekšlasījumu atstāstījumu lūkojis cauri pats Mag. phil. J. Endzeliņa kungs. Viņš lūdz mūs piezīmēt, ka «Dzimt. Vēstneša» referātā ieviesušās daudz nepareizības.

---

[21] [Pirmpublicējumā: daudzskaita. — Red.]

О СУДЬБЕ НОСОВЫХ ЗВУКОВ В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

[1910 Изв. XV 2, 198—215 un atsevišķā novilkumā 1—18]

198 (1) В этой статье я хочу, главным образом, по мере возможности выяснить судьбу праиндоевропейских тавтосиллабических сочетаний гласных с носовыми согласными *n* и *m* в латышском языке. Относительно сочетаний гласных с *m* уже Биленштейн пришел к заключению: «Wo *m* kein blosses Einschiebsel, wo *m* nicht um euphonischer Rücksichten willen für *n* steht (cf. *klùpu*[2] aus *klumpu* für *klunpu*), sondern ursprünglich und wurzelhaft und insbesondere Wurzelauslaut ist, da ... es ... beharrt ... ein für alle Mal» (Lettische Sprache § 93; и в подтверждение этого им приводятся примеры *dzìmt*[3] «родиться», *jùmt* «крыть», *stumt* «толкать» и др.). И это заключение, по моему мнению, довольно правильно. Но затем он сам (на стр. 145 и слл.) в числе примеров с «незаконно» сохранившимся носовым согласным приводит также *gumdinât* «поощрять», *trimda* «изгнание», *gremzt* «грызть», *krìmst* «грызть», *sìmts* «сто», *cìmds* «перчатка» и др., считая почему-то их *m* некорневым. И главному правилу он дает следующую форму: «Die lettische Sprache duldet heutzutage in der Regel ebensowenig als die slavische einen Nasal (*n* oder *m*) vor einem andern Consonanten» (там же, § 89; ср. также § 60). После такого недостаточно отчетливого изложения дела неудивительно, что среди языковедов распространилось мнение, будто бы судьба тавтосиллабического *n* и *m* в латышском языке вообще одинакова (ср., напр., Bezzenberger KZ XLII 192, Prellwitz BB XXI 236, Berneker Wb. 79, Поржезинский К истории форм спряж. в балт. яз. 97).

199 (2) В общем к // этому мнению присоединяется и Zubatý, однако

---

[1] [Skat. arī nākošā raksta beigās 165. lpp. Корректурные дополнения. — Red.]

[2] [Pirmpublicējumā: *klúpu*. — Red.]

[3] [Pirmpublicējumā krītoši intonētajos divskaņos un tautosillabiskajos savienojumos intonācijas zīme ir uz otrā komponenta (*dziṁt* utt.). — Red.]

с оговоркою, что *m* в положении перед *d* и *t* правильно сохраняется (AfslPh. XV 498[1]; ср. также IFA III 157[1] и Böhm. Sitzungsber. 1895 XVI 16[1]). Видно, что данный вопрос нуждается еще в более подробном исследовании.

Что касается сочетаний гласных с *m* перед *d* и *t*, то я не знаю ни одного примера, где бы они превратились (подобно сочетаниям гласных с *n*) в *uo, ie, i, ū* (примеров же с сохранившимся *-md-* и *-mt-* довольно много; кроме вышеупомянутых *gumdinât, trimda, krìmst* с настоящим врем. *krę̀mtu, sìmts, cìmds* ср., например, еще примеры, приведенные Биленштейном l. c. § 93), и поэтому присоединяюсь к мнению Зубатого, что сочетания *-mt-, -md-* не теряют носового звука. Относительно же древности этих сочетаний в балтийских языках я с большинством языковедов полагаю, что они восходят непосредственно к индоевропейскому праязыку. Это оспаривает, насколько мне известно, только Bartholomae (Grundr. d. iran. Phil. I 1, 25), утверждая, что формы с *-m-* перед зубными представляют собою поздние новообразования отдельных индоевропейских языков, и объясняя *m* в лит. *šim̃tas* «сто» влиянием формы *dẽšimt* «десять», где, в свою очередь, *m* будто бы получилось под влиянием утраченной теперь формы, соответствовавшей латинскому *decem* или *decimus*. Как видно, это объяснение не очень правдоподобно. А *m* в таких формах, как лит. *kremtù* (ла. *krę̀mtu*), ла. *cìmds* и др., он даже не пытается объяснить, и поэтому мы пока имеем право не считаться с этою гипотезою Бартоломэ. И, как я надеюсь, дальнейший ход этого исследования покажет, что в литовско-латышский праязык перешли из индоевропейского праязыка кроме *-mt-, -md-* также сочетания *-np-, -nb-, -mk-, -mg-*, может быть, также сочетания *-nk-, -ng-* с небно-зубным *n*; что возможность этого не исключена, показывает ла. *kùngs* «господин»: в большинстве говоров оно произносится с задненебным *n*, а в части, по крайней мере, восточнолатышских говоров — еще с небно-зубным *n* (так, по указанию Бецценбергера Lett. Di.-St. 157, в Варкланде, Ново-Пебальге и Шваненбурге и, по сообщению г. Мюленбаха, в Леттине), что объясняется, ве-//роятно, выпадением гласного между *n* и *g* в этом заимствованном слове, ср. дрсакс. и дрврхнем. *kuning*, лит. *kùni(n)gas*, эст. *kuniṅg(as)*. — С другой стороны, наукою уже отмечены отдельные случаи перехода *-mt-, -md-* в *-nt-, -nd-* в балтийских языках. И Педерсен (KZ XXXVIII 396 сл.), ссылаясь на лит. *krañtas* «крутой берег» (Буга Aistiški studijai I 30 приводит также форму *kránta* из двух

200 (3)

литовских говоров) и *žéntas* «зять» как на примеры перехода *-mt-* в *-nt-*[4], думает даже, что в балтийских языках, может быть, сохранилось *m* перед зубными только в *-im-* из *m̥*. Что это мнение неправильно, покажет следующий обзор известных мне литовских и латышских форм с *n* из *m* перед зубными. Из литовского языка мне известны формы: *gintas* «матка» (анат.) у Бецценбергера Lit. Forsch. 113, по правдоподобному предположению Лескина (Nom. 537) к *gim̃ti* «родиться» (ср. *gimtùvės* «матка» у Юшкевича); *tuntas* «толпа, громада» из (и рядом с) *tumtas* у Лескина (l. c. 538; у Межениса также *tumstas* «множество»), вероятно, к лат. *tumeo* и др.[5], ср. этимол. словарь Walde; жем. *sundau*[6] из *sùmdau*. Затем рядом стоят однозначащие *grénd(ži)u* и *grémžd(ži)u* «скребу», *grándyti* и *grámdyti* «скрести», и соответствующие формы родственных языков не мешают нам думать, что *m* тут старше, ср. Fick Wrtb. III[4] 142. Ниже приводится еще *gùndyti*. Из латышского же языка я могу привести формы: *junts* «крыша», наприм. в Абзенау, Кайпене, Фестене (где в *cimds* и *simts* *m* сохраняется), Дондангене, Шлеке (где говорят: *simts*), из обычного *jùmts* (или, по П. Шмидту, *jum̃ts*); *cinds,* наприм. в Нидер-Бартау BW 6951 вар. и 14583 вар. (из Либьена), из обычного *cìmds; sañts* «бархат» из *samts* (из нем. *Samm(e)t*); **stundît,* откуда III л.
201 (4) прош. вр. *stun-//diejas* (произносится, вероятно, *stundejās*) «popychali się» Zb. XVIII 451, из обычного *stum̃dît* «пихать»; *dindêt* «гудеть» (с производною формою: *dindinât*), наприм. BW 16626, в Эрлаа, Ново-Шваненбурге, из обычного *dìmdêt* (с *dimdinât,* к *dimt*); (от корня *rem-*, ср. Fick Wrtb. III[4] 339) *rints* «крепкий» BW 13186, 2 вар. из *rimts* BW 13186, 3, *randins* (с диалектическим переходом *e* в *a*) в Сауссене BB XII 233 (рядом с III л. наст. вр. *remdę* «lindert» BB XIV 121) или *riñdans (rindęns)* рядом с *ręmdęns* или *rimdęns* «тепловатый» и *rindêt* U «kühlen lassen»; *grandît* U «poltern, zertrümmern» или (у П. Шмидта) *grañdît* «сбросить с шумом» : лит. *graměti* «падать с шумом» (ср. выше лит. *grámdyti*); *gundît* U (и лит.

[4] По-моему, это — довольно сомнительные примеры: относительно *žéntas* ср. Walde (Lat. etym. Wörterb.) под *gener* и относительно *krañtas* — Zupitza KZ XXXVI 65 и Mikkola IF XXIII 121. Если в последнем слове *-nt-* не из *-mt-*, то латышское (малоизвестное) *krants* «берег», вероятно, заимствовано из лит. языка.

[5] Сюда относятся также ла. *tume* (если оно не заимствовано) «Tumm (прибалтийский провинциализм нем. языка), Buttergrütze» и *tumîgs* «dick, fleischig, untersetzt».

[6] [Autora eksemplārā malā: *siùndau* Kv. //]

gùndyti) «zum Bösen anreizen» рядом с *gumdît* (ср. лит. *gumė* «Ärgerniss»). Приведенные мною примеры несомненного перехода *m* перед зубными в *n*[7] показывают, с одной стороны, что этот переход в балтийских языках наблюдается пока только спорадически, не поддаваясь никакому «закону» (как и вообще в области ассимиляции и диссимиляции далеко не все происходит закономерно), — с другой стороны, что не исключена возможность производить отдельные литовские и особенно латышские формы с *-nd-, -nt-* от корней на *-m*. Так, например, латышское *negànts* «необузданный», может быть, имеет *-nt-* из *-mt-* и состоит в таком случае из отрицания *ne* и формы, соответствовавшей лит. *gamta* «angeborene Art, Natur, Tugend» у Лескина l. c. 542 (в таком случае *negants* в семасиологическом отношении соответствовало бы однозначащему нем. *unartig*). — Сохранение *-nt-, -nd-* из *-mt-, -md-* в латышском языке объясняется, разумеется, тем, что вокализация тавтосиллабических сочетаний гласных с исконным *n* кончилась (или по крайней мере началась) еще до спорадического перехода *m* перед зубными в *n*.

Примеры сохранения *m* перед свистящими и шипящими в латыш-//ском языке довольно многочисленны: *drums(ta)las* 202 (5)
«щепки, обрубки»; *gleműža* «ленивый и неуклюжий человек»; *gramšļi* «остатки, обрезки»; *gramstît* «копаться пальцами, щупать»; *gremzt* «грызть», *grę̃mzdi* «болонь, оболонка, подкорная слизь»; *grę̃mzda* «изжога», *gremži* U «ausgeschmolzenes und geröstetes Fett»; *grumslas* «вытопки, выварки»; *gumzît* «мять»; *gumstît* U «heimlich fangen, fahen»; *kramstît* «грызть»; *krimslis* или *krumslis* «хрящ»; *lumsti* U «Weberhefteln»; *tùmsa* или *timsa* «темнота, мрак» и др. С другой стороны, вокализацию *m* в этом положении доказывают двумя примерами: Зубатый l. c., ввиду гот. *mimz* «мясо», относит сюда *mìesa* «тело». Но, если второе *m* в гот. *mimz* не получилось из *n* путем ассимиляции, то можно допустить, что *ie* в *mìesa* возникло из *en*[8], где *n* из *m* путем диссимиляции (ср. прусск. *mensā*), какую мы находим также в форме *mums* «нам» (рядом с *jums* «вам») из *mums*, известной мне из многих говоров северо-западной Курляндии (наприм., в Са-

---

[7] Можно еще указать, что Бецценбергер BB XXI 316[1] сближает ла. *uñtums* «прихоть, порыв бешенства» с ла. *umas* U «Streit aus nichtigen Gründen» и др.

[8] Также Mikkola (BB XXII 242) возводит тут *ie* к *en*, «denn *m* ist in allen balt. sprachen vor dentalen erhalten».

смакене, Тальсене, Стендене и др.) и из текста, написанного около 1600 г. и напечатанного мною в журнале Apskats XVI 255[9]. И если Зубатый далее думает, что лит. *vémsiu*, например, имеет *ém* (вместо ожидаемого *ę́*) под влиянием, наприм., инфинитива *vémti*, как *pìnsiu* вместо *pįsiu* под влиянием *pìnti*, то спрашивается, почему не встречается рядом с *vémsiu* еще и **vę́siu*, как *pįsiu* рядом с *pìnsiu*? Walde, который также предполагает переход *-ms-* в балтийском в *-ns-* (l. c. под *membrum*), ссылается на *mìesa* и на лит. *ąsà*, ла. *uosa* или *ùoss* (основа на *-i*) «ручка, ушко»[10], возводя *ąsà* и *ùosa* с лат. *ansa* на основании однозначащего лат. *ampla* к **amsā*. Но, как мы видели, *mìesa* допускает и другое объяснение, и если бы мы даже действительно только из-за лат. *ampla* должны были возводить *ąsà, ùosa, ansa* к **amsā* (что, по моему мнению, вовсе не бесспорно), то, во всяком случае, переход *-ms-* в *-ns-* в этом слове совершился не позже эпохи
203 (6) литовско-ла-//тышского праязыка и поэтому ничего не доказывает в пользу вокализации *m* перед свистящими на латышской почве. После всего этого я, конечно, не согласен и с Бецценбергером, который KZ XLII 192 возводит *uo* в ла. *stuostîties* «заикаться» к *am*; я считаю это *uo* тожественным с *uo* (из индоевр. *ō*) в однозначащем *stuomîties*[11], ср. также Zubatý Böhm. Sitzungsber. 1895 XVI 27.

Сочетания *-mg-, -mk-* в латышском языке неизвестны ни Биленштейну l. c. I 82, ни мне[12]; да и из литовского языка я сейчас могу привести только *išimga* «Ausgedinge» (где *m* могло сохраниться под влиянием соответствующего глагола *išim̃ti*, откуда и однозначащее *išimtinė*) и заимствованные слова *dimkai* (ср. Brückner Litu-slav. Stud. I 80), *kamka* (ср. Brückner l. c. 89 и Bezzenberger GGA 1885 г. 910), *klumkas* (ср. Brückner l. c. 95), *mamkà* (Brückner l. c. 106). С другой стороны, я не знаю также ни одного примера вокализации *m* перед *g, k*. И поэтому я считаю вероятным, что существовав-

---

[9] [Pirmpublicējumā: I 255. Šai izdevumā skat. I 279 sk. — Red.]

[10] С ними обыкновенно сопоставляют прусск. *ansis* «Haken», но это слово Буга l. c. 108 правдоподобнее считает тожественным с однозначащим лит. *añšas*.

[11] Рядом с *stuomîties* стоит однозначащее *muostît*; если, быть может, последнее возникло из первого путем (довольно обычной в балтийских языках) перестановки, то *stuostîties* могло возникнуть путем контаминации однозначащих *stuomîties* и *muostît* (ср. также однозначащее *tuostîties*).

[12] *pemķis* в словаре Ульмана, очевидно, опечатка вместо *peņķis* (к *peņķêt*).

шие в эпоху литовско-латышского праязыка сочетания *-mg-, -mk-* после распадения этого единства (по крайней мере, после начала вокализации тавтосиллабического *n*) перешли в *-ng-, -nk-* и в литовском, и в латышском. Несомненных примеров такого перехода я сейчас, правда, не знаю, но все-таки приведу несколько слов, в которых *-ng-, -nk-*, может быть, восходят к *-mg-, -mk-*: лит. *dìnga* рядом с однозначащим *dimsta* «кажется»; лит. *gùnga* «горбина», *gùngti* «сутулиться», *gùnginti* «медленно идти (о скорчившемся человеке)», *gùnkta* «горбина» рядом с *gǔmúoti* «нести (большую тяжесть); вяло идти (о сгорбившемся старике)»; лит. *luñginti*, ла. *lùncinâties* «вилять хвостом», *luņķis* U «Schmeichler, Fuchsschwänzer» рядом с *lumstîties* U «schmeicheln, scherwenzeln»; // лит. 204 (7)
stangùs «widerspenstig», *sténgtis* «sich widersetzen», *stìngti*, ла. *stiñgt* «коченеть», *stiñgrs* «тугой», *stęng(r)s* U «trotzig, kräftig, streng»[13] рядом с лит. *staminti* «dämpfen», *stamančioti*[14] «hartnäckig sein», герм. **stam(m)ian* «stehen machen, stemmen, steif machen» (о котором ср. Fick Wrtb. III[4] 483; относительно «детерминативного» *g* ср. P. Persson Studien zur Lehre v. d. Wurzelerweiterung u. Wurzelvariation 15 слл.); ла. *ciñgulis* или *kungulis* «(сухая и небольшая) глыба земли» рядом с *kama*[15] «глыба», р. *ком*; *blankumains* (или *plankumains*) рядом с однозначащим *blamains* U «fleckig»; *dungans* U «Schweissfuchs» (собственно: рыже-чалый), вероятно, от *dumjš* U «dunkelbraun, fahl», как, наприм., *zìlgans* «синеватый» от *zìls* «синий» (о происхождении суффикса *-gans* ср. нашу Latweeschu gramatika § 52, 1; однозначащая же с *dungans* форма *dūkans* может восходить к индоевр. **dhūk-*, ср. дрврхнем. *tougan* или *dougan* «dunkel, finster» Fick l. c. III[4] 208); *(ie)langât* U «Spitznamen geben», вероятно, от *ielams* U «Spitzname», и *palangi* «Ekelnamen» от *palama* «Schimpfname»; *klandzinât* U «gackern, herfallen über» рядом с *klamstêt* U «räsonnieren, schwatzen, schimpfen»; *klęnguot* U или *klungât* «herumschlendern» рядом с *klemzêt* U «wandern»

---

[13] Диал. *striñgs* (наприм., в Вольмаре), вероятно, получилось путем перестановки из однозначащего *stiñgrs*, как и *strangs* U «mutig, frisch» из **stangr(a)s* (ср. *stęngrs*); и под влиянием этого *striñgs* (и *strigt*?), может быть, получилось *stringt* из отчасти однозначащего *stiñgt*.

[14] [Autora eksemplārā malā: *stamantrùs* // «упругий» Шав[ли] // *stamantus* Miež[inis] //]

[15] В словаре Ульмана под *ciṁbulis* (= *ciñgulis*) приводится также *cimulis*, но это, вероятно, опечатка вместо *cimpulis*. Сюда же, может быть, относится также *kance* (или *kampa*) «ein derbes Stück Brot».

и *klencêt* U «humpeln» рядом с лит. *klemšióti* «plump gehen»; ла. *atsluncêtiês* «herhinken» от *slums* «хромой».

Остается наиболее трудный вопрос о судьбе сочетаний *-mb-, -mp-*. Если *m* перед прочими согласными сохраняется, то из этого еще не следует, что оно сохраняется также перед губными, и поэтому мы должны обратиться к рассмотрению данных языка. Что касается таких форм настоящего времени
205 (8) с носовым инфиксом, как *tùopu* // (= лит. *tampù*) «делаюсь» (в которых носовой звук в латышском языке везде подвергся вокализации), то ничто нам не мешает думать, что в то время, к которому восходит начало вокализации тавтосиллабического *n*, этот носовой инфикс произносился еще и перед губными согласными как *n* (хотя бы под влиянием форм с *n* перед прочими согласными). Подобным образом мы можем смотреть на прочие формы с носовым инфиксом (индоевр. *n*) и на формы, произведенные от корней на *-n*. Примеры: *tìeptiês* «упорствовать» (лит. *tem̃pti* «durch Ziehen spannen») от индоевр. корня *ten-; stìebrs* (откуда путем перестановки *striebs* с производною формою *striebulis;* лит. *stem̃bras* «Stengel») «стебель, росток, ситник» и *stuobrs* (откуда путем перестановки *strùobs;* лит. *stambras* «Stengel, Strunk») «Halm, Rohr» рядом с *steberes* U «Binsen» и *stabule* «дудка, труба» (ср. Zubatý Böhm. Sitzungsber. 1895 XVI 15 сл.); *strùops* «улей» (вероятно, тожественно с лит. *stram̃pas* «Knüttel, ein unregelmässig behauenes oder überhaupt formloses Stück Holz»; ср. ла. *kùociņš* или *kuocis* «улей» от *kùoks* «дерево, палка»), может быть, к р. *стpоп, стропило* и др.; *rùobs* «зарубка» (ср. слав. *rǫbъ*; севернолитовские формы *ruõbti* и *ruobtùvas*[16], на которые ссылается Бецценбергер BB XXVII 150, возводя *uo* к индоевр. *ō*, вероятно, заимствованы из латышского языка) рядом с *ruotît,* лит. *rantýti, rę̃sti* «зарубать»; *piêpe* «плесень, трутник, древесная губка» (ср. лит. диал. *kémpė* «Schwamm» у Буги l. c. 87 и 111, по мнению Буги, путем диссимиляции из **pémpė*) рядом с прусск. *pintys,* лит. *pìntis* «Schwamm am Baum, Feuerschwamm», ла. *puoss* (U, с тем же значением, как и *piêpe*. Сюда же, по моему мнению, относится ла. *puope* «Wiese ohne festen Untergrund über Seerändern; moosigter Hügel in Morast und feuchten Wiesen; Polster», ср. прусск. *papimpis* «Polster» и ла. *pīsa* или *pîse* «grundloser Morast». Все эти формы, может быть, родственны с лит. *pìnti,* ла. *pît* «плести», как относительно *pīsa* склонен думать и Лескин

[16] [Autora eksemplārā malā: *išruõpti // raupýti //* Jušk. I 622 //]

Nom. 220, ср. нем. *Flechte* «лишай» : *flechten* «плести»). А что до форм, где вместо вокализации носового инфикса *n* мы видим *m*, как, по всей вероятности, наприм., в словах *stimbęns* и *stumbans* (ср. Zubatý l. c. 16), *strumps* (ср. // лит. *trumpas*) 206 (9)
рядом с однозначащим *strups* «kurz abgestutzt», *stęmpurs* «Pferdeapfel» рядом с однозначащим *stapari* (рядом стоит однозначащая форма *strępulis*, которая, может быть, получилась путем диссимиляции из *strępuris*, а эта форма может относиться к *stęmpurs*, как, наприм., фр. *trésor* к лат. *thesaurus*, ср. Brugmann Grdr. I² § 995), то или следует смотреть на них так же, как на отдельные случаи сохранения тавтосиллабического *n* вроде *dzintars* «янтарь», *riñda* «ряд», *piñka* «косма» и др., о которых будет речь ниже, или же можно думать также, что в единичных случаях сочетания *-nb-, -np-* перешли в *-mb-, -mp-* еще до начала вокализации тавтосиллабического *n*, ср. вышеупомянутые случаи перехода *-md-, -mt-* в *-nd-, -nt-*. Формы же с исконным *m*, по-видимому, сохраняют его: *dumbrs* при *dumjš*, ср. KZ XLII 387; *vimbas* U «der herabfliessende Speichel, Geifer» к *veñt* «рвать, блевать» (Leskien l. c. 591); *pļumpains laiks* U «Schlackenwetter» рядом с *pļumêties* (ср. словарь Ульмана); формы от корня *pemp-* (*pamp-, pimp-, pump-*, ср. словарь Ульмана), которые ввиду своего значения, по всей вероятности, имеют исконное *m* (соответствующие формы родственных языков дают, наприм., Prellwitz Etym. Wrtb. под πέμφιξ, Walde под *pampinus*, Fick l. c. III⁴ 229); то же самое следует сказать о разных словах от коренных форм *bamb-, bimb-, bumb-* (ср. словарь Ульмана; соответствующие формы родственных форм, наприм., у Фика l. c. III⁴ 218 и Бернекера Wb. 78 сл., который, однако, по моему мнению, напрасно объясняет сохранение *m* в латышских формах «durch Lautberichtigung»); *grimbulis* U «Senkstein im Netze; Fischergabel, das Netz zu senken» рядом с *grimt* «погрузиться»; *kampis* U «Halseisen; Krummholz» рядом с *ceme* U «Krampe, Hemme», ср. также соответствующие формы с коренным *m* в родственных языках у Фика l. c. III⁴ 73 сл.; *klambât* или *klampât* U «plump gehen» рядом с однозначащим лит. *klemšióti*. Старое *m*, по моему мнению, имеет также *kàmpt* «хватать» (которое обыкновенно сопоставляют с лат. *capere*, гот. *hafjan* и др.); ср. подобные звукоподражательные формы *kràmpt* «схватывать», *capst* (ср. словарь // Ульмана), *capstît* «схватывать», лит. *càpt, čupt,* 207 (10)
čuopti (Leskien IF XIII 190 и 193), слав. *capati* (Berneker l. c. 121). В некоторых формах с *m* перед губными происхож-

дение этого *m* (из *n* или *m*?) неясно. Несомненных же примеров вокализации исконного *m* перед губными я не знаю.

Перед *j* согласный *m* сохраняется, ср., наприм., наст. вр. *vemju* от *vem̃t*. Сочетания *-mv-, -mr-, -ml-* теперь в латышском языке не встречаются (за исключением сложных слов вроде *ām-rīja* U «gefrässiger Mensch»), и за неимением достаточного материала трудно сказать, что с ними стало, если они раньше существовали[17]. В начале же слов, как полагают, *ml-, mr-* 20
перешли в *bl-, br-*, ср. Johansson KZ XXX 444, Bezzenberger BB XIX 248 и Prellwitz XXV 282, Fick l. c. III⁴ 285. Перед *n* согласный *m* теперь имеется только в производных словах с суффиксом *-nieks, -niece*, причем весьма употребительные формы *sàimnieks* «хозяин», *sàimniece* «хозяйка» в части говоров теряют или *m*, или же *n*[18].

Сочетания же гласных с тавтосиллабическим *n* в общем правильно подвергаются вокализации, причем *an* (через *on* > *ǫn* > *ǭ*[19] > *ō*) перешло в *uo, en* (через *ę* > *ē*) в *ie, in* в *ī, un* в *ū*. И, как уже указано Поржезинским l. c. 97 и РФВ XXXIX 297, начало этого явления, вероятно, восходит к эпохе литовско-латышского единства[20]. Есть, однако, теперь немало форм с тавтосиллабическим *n* в латышском языке. И, при поверхностном ознакомлении с материалом и безусловно полагаясь на Биленштейна, легко можно прийти к заключению, будто именно при длительной интонации сочетания гласных с *n* избегли вокализации. С одной стороны, Биленштейн заявляет (ср. l. c. §§ 63 и 89—92), что лит. *an* = ла. *uo* с прерывистою интонациею (с которою, как известно, в его говоре совпала нисходящая интонация) и редко *uo* с длительною интонациею, лит. *in* = ла. *ī* с прерывистою интонациею и редко *ī* с длитель- 208 (11)
ною интонациею, лит. *en* = ла. // *ie* с прерывистою интонациею, лит. *un* = ла. *ū* с прерывистою интонациею (так что получается впечатление, будто при длительной интонации сочетания *en* и *un* сохраняются всегда, а сочетания *an* и *in* — в большинстве случаев); а, с другой стороны, в списке примеров сохранения тавтосиллабического носового звука (l. c.

---

[17] Лит. *imlóti* (в словаре Юшкевича), конечно, не доказывает еще сохранения *-ml-*: рядом с ним *imblóti* Юшк., *pajem(b)lus* у Гейтлера и *pajemblùs* «docilis» Viltis 1908, 83.

[18] Ср. также лит. *prienẽ* LChr. 384, 13 из *priem(i)nė* «сени».

[19] [Pirmpublicējumā: *ō*. — Red.]

[20] [Tuvāk iepazinies ar kuršu valodas atliekām, autors šo uzskatu piemin kâ atmetamu («unhaltbar») 1912. g. rakstā «Uber die Nationalität und Sprache der Kuren» — šai izdevumā II 451. — Red.]

§§ 95 и 96) несомненно преобладают формы с длительною интонациею корня, причем, однако, надо иметь в виду, что в правописании Биленштейна (как и в словаре Ульмана) длительная интонация тут обозначается отсутствием всякого знака, а так же им пишутся формы (например, из старопечатных книг), интонации которых он, очевидно, не знал. Но что такое заключение было бы ошибочно, это не подлежит никакому сомнению. С одной стороны, имеются несомненные примеры вокализации тавтосиллабического *n* при длительной интонации: *luõdât* или *luõžņât* (лит. *lándžioti*) «ползать»; *gruõzît* (лит. *grąžýti*) «вертеть»; *truõts* «брусок» (к *trît*); *gruõdi* «(колодезный) сруб», ср., наприм., Leskien Abl. 328 и Walde l. c. под *grunda; puõtîte* «лодыжка», ср. Leskien l. c. 338 и Lewy PBrB XXXII 143[2] (*puõte* «прививок» же, которое Лескин, и сам сомневаясь, тоже относит сюда, заимствовано из германских языков, ср. Thomsen Beröringer 94 и Johansson KZ XXXVI 352); *lîguoties* (лит. *lingúoti*) «качаться»; *trît* (лит. *trìnti*) «тереть, точить»; *šķît* (лит. *skìnti*) «ощипать»; *mît* (лит. *mìnti*) «топтать»; *pazît* (интонация Биленштейна и П. Шмидта; лит. *pažìnti*) «знать»; *zîtars* (ср. лит. *gintãras*) «янтарь»; *trîcêt* (лит. *trinkěti*) «дрожать»; *gnîda* (ср. лит. *glìnda*) «гнида»; *spuõgana*[21] «ведьма», ср. Leskien l. c. 345; *cîēkurzis* (ср. лит. *kankórėžis*) «(еловая) шишка»; *iētaļa* (по Шмидту; ср. лит. *jentė*[22] Bezzenberger BGLS 291 и GGA 1885 г. 916) «ятровь»[23]; acc. pl. *mũs, jũs* (по Биленштейну; из **muns,* **juns*) «нас, вас». Число примеров с прерывистою интонациею лишь немного больше, так как большинство примеров вокализации тавтосиллабического *n* произносится с нисходящею интонациею коренного слога. И, с другой стороны, с *n* являются также слова не // с длительною интонациею, ср., наприм., *blàndîties* «шляться», *blînda* «бродяга», *cènsties* «стараться», *lùnkans* «гибкий», *trènkt* «гнать», *spèngt* (наприм., в Трикатене) «пищать» и др. И если в упомянутом списке Биленштейна преобладают формы с длительною интонациею корня, это отчасти объясняется и тем обстоятельством, что в их числе немало слов, заимствованных из финских и германских языков (заимствованные же слова получают в латышском по

209 (12)

---

[21] [Tâ autora eksemplārā labota pirmpublicējuma *spõgana*. — Red.]

[22] Ср. также *gentė* (у Куршата в скобках), где *g*, вероятно, обозначает *j*.

[23] [Apvidvārds ar nozīmi «жена деверя» (vīra brāļa sieva) Преобр. 1282. — Red.]

преимуществу длительную интонацию), и слов неизвестного (значит, может быть, и позднего) происхождения. Итак, я полагаю, что в известную эпоху в латышском языке подверглось вокализации всякое (существовавшее в то время) тавтосиллабическое *n* и что, следовательно, все теперешние формы с тавтосиллабическим *n* (и в известных, вышеупомянутых случаях также с *m* перед губными) — более позднего происхождения на латышской почве. Происхождение их может быть различно. В некоторых, сравнительно редких, случаях мы имеем дело с явными новообразованиями от корней на *-n*: *skañdinât* «звонить» от *skanêt* «звенеть», как, наприм., *guldinât* «укладывать спать» от *gulêt* «спать» (это *-(d)inât* и теперь еще является производительным суффиксом, и связь *skanêt* с **skuodinât,* если когда-либо существовала и эта форма, не сознавалась бы говорящими); *tintelêt* (Bielenstein l. c. I 412) «einmummeln» от корня *tin-*, как, наприм., *drāztelêt* (l. c. 411) «schnitzeln» от корня *drāz-; minstîties* U «nachdenken, um sich zu erinnern» (ср. также III л. наст. вр. *minstinâs* LP I 154 и VI 1, 416) к *minêt* «поминать, гадать», как, наприм., *gulstîties* U «sich oft niederlegen» к *gulêt* (глаголы на *-stît* весьма употребительны, ср. Bielenstein l. c. 433); *suntana* U «ein grosser Hund» (ср. герм. *hunda-*) к *sùns* «собака» (**sūtana* потеряло бы связь с *sùns* в сознании говорящих, и поэтому *n* восстановлено), ср. к этому слову P. Persson BB XIX 282, Hirt PBrB XXII 231 сл., Osthoff Etym. Parerga 241. Кое-где *n (m)* явилось путем диссимиляции: *skàngals* (в части говоров *skalgans*) «лучина» из *skalgals* BW 15997, 2 вар.; *bumbulis* U «Knolle, Auswuchs, Beule»; может быть, с *m* путем диссимиляции из *l*, ср. Uhlenbeck PBrB XX 327 и Walde l. c. под *bulbus; cęncęrs* U «ein alter Baumstumpf» (рядом с *cęrs* // U «knorrige Baumwurzel») и *kankars* (рядом с *kakars*) «тряпка», может быть, с *n* из *r*. Затем, как выше указано уже, *n* в некоторых случаях перед *d, t, g, k* восходит к *m* и поэтому там сохраняется. Далее, *n* правильно сохраняется там, где оно стало тавтосиллабическим лишь после утраты следовавшего за ним гласного, как например в nom. s. основ на *-o* (наприм., *tvàns* «чад, пар») или в III л. наст. вр. (наприм., *dzęn* = лит. *gẽna* «гонит») и в первой части сложных слов (наприм., *sèntęvi* «предки»), причем *n* часто уподобляется следующему за ним губному звуку: *sumpuŕnis* «людоед» (к *sùns* «собака»); *vi(n)mędus* BW 1467 вар. «мед» (напиток); *cie(n)māte* «барыня», наприм. в Нейенбурге, Крутене и многих других говорах Курляндии;

210 (13)

siê(n)malis «прилегающая к стене сторона», наприм. в Альт-Швардене. Исчезло *n* также в *viê(n)reiz* «один раз» в Нейенбурге. И в части говоров, как уже указано Мюленбахом IF XVII 434[1], исчезает *ņ* перед *š* в *viņš* «он» и в уменьшительном суффиксе *-iņš*, причем предыдущее *i* удлиняется. Если во многих говорах встречается *viš* (с кратким *i*; рядом с уменьшительным суффиксом *-īš*), то это, на мой взгляд, объясняется тем обстоятельством, что *viš* часто находится в проклитическом положении, где оно могло быть сокращено из *vīš*; упомянутые же Мюленбахом l. c. говоры с уменьшительным суффиксом *-iš* (с кратким *i*) вообще сокращают неударяемые долгие гласные суффиксов. Утрачено *n* также в уменьшительном суффиксе *-īc*, gen. s. *-ina*, употребительном во многих говорах средней Лифляндии, наприм. около Вольмара (в этих говорах между *n* и *s* вставляется *t*), наприм. *dràudzīc* «дружок», gen. s. *dràudzīna;* так как в *vīnc* «вино» (из *vīns*) в этих говорах *n* сохраняется, то я склонен думать, что уменьшительный суффикс *-īnc* (из *-īns*) перешел в (в nom. s.) *-īc* под влиянием уменьшительного же суффикса *-īc* из *-īt(i)s* (наприм., *brālīc* «братец» из *brālitis*). В Нейенбурге, как уже указано Мюленбахом l. c., исчезает *n* перед *s* также в суффиксе *-ę̄ns* (например, *sivę̄(n)s* «поросенок», gen. s. *sivę̄na*) и также в весьма употребительном *bę̄(n)s* «дитя» (gen. s. *bę̄na*) из *bę̄rns,* между тем как, наприм., *lę̄ns* «кроткий» и здесь сохраняет свое *n*. В некоторых слу-//чаях 211 (14)
(ср. вышеупомянутое *kùngs* «господин»), может быть, утрачен гласный после *n* также в коренном составе слова, как это относительно *cènsties* «стараться» предполагает Zubatý AfslPh. XVI 387. Затем *n* сохраняется в словах, заимствованных из финских, германских и славянских языков, из которых тут приведу лишь несколько примеров: *vangas* (или *vaņģi*) U «Fesseln, Schlinge», по моему мнению, тожественно с несомненно заимствованным *vangas* (или *vaņģi*) «плен» (< нем. *Gefangenschaft*; ср. еще у Ульмана: *vaņģi* «die Gefangenen», *vaņģuot* «gefangen nehmen» и др.), между тем как Fick l. c. III[4] 389 (и, сомневаясь, также Leskien Abl. 355) считает *vangas* исконно латышским словом; *vañgale* (также *mangale*) «Mangelholz», наверно, заимствовано из немецкого языка (о чем, сомневаясь, думает также Leskien l. c.; относительно перехода *m* в *v* ср., наприм., пракр. *vammaha* из санскр. *manmatha-* «любовь» Brugmann Grdr. I[2] 853);

buñgas[24] «барабан» из нижненем. (и средневерхненем.) *bunge* «барабан» (у Фика l. c. III[4] 256 и BB XVI 194), между тем как Brückner l. c. 74, по моему мнению, неправильно объясняет лит. *bunga* путем перестановки из *bũgnas; kliñts* «скала» из средненижненем. (или шведск.) *klint* у Фика l. c. III[4] 56; *ruñga* «дубина» из германских языков, ср. герм. **hrungō* у Фика l. c. III[4] 108 и Zeidler Mag. XVI 1, 53. Некоторые слова с тавтосиллабическим *n* в корне — неясного происхождения; отчасти они могут быть также заимствованы, отчасти же могли возникнуть уже после (начала) вокализации тавтосиллабического *n*, как, наприм., звукоподражательные слова *kuñkstêt* (Биленштейн почему-то пишет: *kuñgstêt*) «стонать», *plunčuoties* «плескать», *tran(k)šķinât* «бряцать» и др. Наконец, имеются также исконно балтийские слова с тавтосиллабическим *n*, не допускающие ни одного из указанных объяснений. При этом в одних случаях известны только формы с *n*, наприм. *skrañda* «тряпка» (ср. лит. *skrándas* или у Межениса *skranda* «alter
212 (15) Pelz» и восточнолит. *ska-//runda* «тряпка» с *un* из *an* у Ширвида по указанию Буги l. c. 127), *sprands* (лит. *sprándas*) «Genick», *sliñks* (лит. *slinkas* у Лескина l. c. 343) «ленивый», *brangs* или *brę̃gs* «великолепный» (ср. лит. *brangùs* «дорогой») и др.; в других же случаях стоят рядом формы с *n* и формы с вокализациею его, наприм. *spę̀ndz* (в Трикатене) рядом с обычным *spiedz* «пищит» (ср. лит. *speñgia*), *trènkt* рядом с *trìekt* «гнать» (ср. лит. *treñkti*), *aplìku* рядом с *aplinku* «окольным путем» (ср. лит. *apliñkui*) и др. Остается, по-видимому, только возможность считать эти латышские формы с *n* заимствованными из прочих балтийских наречий, где *n* сохранилось (как относительно *aplinku* думает и Zubatý IF III 124), или из литовского языка, или же из какого-нибудь теперь вымершего наречия (не для всех латышских форм с *n* известны, по крайней мере теперь, соответствующие формы в литовском языке), подобно тому как заимствованы, вероятно, и латышские формы с *ķ* и *ģ* вместо ожидаемого *c, dz,* ср. мою статью BB XXIX 191 сл.[25, 26]. Исконно балтийских

[24] От *buñgas,* очевидно, произведено *bungât* U «(trommeln >) Rippenstösse geben», между тем как Zupitza (Germ. Gutt. 160) и Uhlenbeck (в этимол. словаре санскр. яз. 195) считают *bungât* исконно балтийским словом.

[25] [Šai izdevumā I 302 skk. — Red.]

[26] В этой статье мною ясно признано заимствование части латышских форм с *ķ* и *ģ*, и поэтому довольно странно, если IF XXII 316 W. v. d. Osten-Sacken (который там же утверждает, что ла. *tvert* относительно

слов, которые содержат одновременно и *ķ* или *ģ*, и тавтосиллабическое *n*, немного, и, может быть, почти все они известны только в местностях, которые граничат с Литвою; у Биленштейна l. c. I 144 слл. даются *ķiņķêt* «запрягать» (из Ново-Аутца), ср. лит. *kinkýti*, *ģinstu*[27] «vergehe» (прош. вр. *ģindu*), // ср. лит. *gendù*, и из словаря Ульмана можно привести *ģente* (или *ģinta*; последнее слово может иметь восточнолитовское *in* из *en*, или же *in* получилось из *im*, и *ģinta* = лит. **ginta* = ла. *dzimta*) «Familie, Verwandschaft», ср. лит. *gentė̃* (у Юшкевича). Гораздо больше слов с *c* или *dz* и *n*: *dandzis* U «Radfelge» (родственно с слав. **dǫga*); *dzintars* 213 (16)

интонации не соответствует лит. *tvérti*, показывая таким образом, что, кроме устарелой книги Гирта, ничего не читал из литературы по этому вопросу), оспаривая предложенное мною в упомянутой моей статье объяснение ла. *ķeŗt* и наставляя меня на путь, повторяет мне, что ла. формы с *ķ*, *ģ* должны считаться заимствованными. А что до *ķeŗt*, то приведенное им l. c. 340 лит. *atkérti* по своему значению слишком расходится с ла. *ķeŗt*, а, с другой стороны, существование *kvęrt* и *aizkaŗt*, как мною указано l. c. 190 [šai izdevumā I 301. — Red.], ясно показывает, что *ķeŗt* получилось путем контаминации из **kaŗt* и *tveŗt*.

[27] Форма *ģinstu* — вероятно (ср. Wiedemann Prät. 65), новообразование вместо **ģindu*, а в **ģindu in* — вероятно, восточнолитовского происхождения (из *en*). Инфинитив этого малоизвестного (ср. Mühlenbach BB XXIX 78; не знает его также Hesselberg Lett. Sprachl. 42) глагола также по Биленштейну (l. c. I 374) имеет странную форму *ģint*, которая объясняется различно (ср. Wiedemann l. c. 65 сл., Johansson KZ XXXII 484 сл., Siebs KZ XXXVII 315, Mühlenbach l. c.). Но очень возможно, что Биленштейн сам этой формы // не слыхал, но взял ее (подобно многим другим) у своих предшественников, а у тех возможность ошибки не исключена. Итак, если действительно существует или существовал инфинитив *ģint*, я представляю себе историю этого глагола на латышской почве следующим образом. К наст. вр. **ģindu* (из восточнолит. *gindù*) на латышской почве должна была возникнуть форма прош. вр. *ģindu* вместо **ģędu* [pirmpublicējumā: *ģedu*. — Red.] (= лит. *gedaũ*), так как отношение **ģędu* : **ģindu* не имело ничего себе подобного в латышском языке, и далее инфинитив **ģinst* [pirmpublicējumā: *ginst*. — Red.] вместо **ģest* (= лит. *gèsti*) по той же причине. Под влиянием инфинитива **ģinst* и благодаря сходству значения с глаголами, наст. вр. которых оканчивается на *-stu*, наст. вр. **ģindu* перешло в *ģinstu* (ср., наприм., *kalst* «засыхать»; *kalstu* «засыхаю»), а к *ģinstu* далее мог возникнуть инфинитив *ģint* вместо **ģinst*, подобно *vīt* «увядать» (в Кабиллене, Bielenstein l. c. 373) вместо *vīst* к *vīstu* «увядаю», о чем ср. Mühlenbach l. c. 77 сл. От *ģind-* произведены *ģinda* U «dünner Knochenmensch» и *ģindęns* U «Totengerippe». Причастие *izģidis* (в Нейенбурге) «истертый» (по отношению к материи), вероятно, получилось путем контаминации из **izģedis* (ср. выше) и *izģindis*. Ульман дает также *saģidis* «verfallen» и прибавляет (вероятно, несуществующие) формы инфинитива *saģist* и наст. врем. *saģistu*. Тот же Ульман дает еще *(sa)ģedêt* «zergehen» и причастие *paģedis* «verdorben», которым и подтверждается предположение о существовании прош. вр. **ģędu*. 213 (16)

(рядом с *dzîtars* = лит. *gintãras*) «янтарь»; *duncis* (рядом с *dũcis*) «кинжалообразный нож»; *sence* U «Muschel»; *kancinât* U «ausforschen» и др. Это, по-видимому, указывает на то, что вокализация тавтосиллабического *n* началась раньше перехода *ķ, ģ* в *c, dz*[28]. Этому противоречило бы *ģiedu* «замечаю, наблюдаю» с неопр. накл. *ģist,* если только действительно, как полагают ввиду лит. *pasigendù,* лат. *prehendo* и др., *ie* тут восходит к *en,* но других примеров с *ģ* или *ķ* и вокализациею *n* я не знаю, и *ģiedu* могло бы иметь *ģ* вместо ожидаемого *dz* под литовским влиянием, ср. *(pa)ģesties* и *ģęduoties* у Ульмана.

Остается мне еще сказать несколько слов о судьбе сочетания *-ln-*. В литературном языке, по крайней мере в правописании, господствуют формы с сохранившимся *-ln-*. В говоров же отчасти *-ln- //* переходит в *-ll-* (*ll* тут обозначает
214 (17) долгое *l*, посреди которого начинается новый слог). Только с *-ln-* мне теперь известны слова *dzîlna* «желна», *vîlnis* «волна», *salna* «мороз», но очень возможно, что найдутся еще говоры, в которых и эти слова имеют *-ll-* из *-ln-*. Слова же *vîlna* «шерсть», *vęlns* «черт», *męlns* «черный», *pîlns* «полный» почти во всех известных мне нижнелатышских говорах имеют теперь *-ll-* из *-ln-* (как и все произведенные от этих слов формы), причем в тех говорах, где между *n* и *s* вставляется *t*, говорят *vęlc, męlc, pîlc* (gen. s. *vęlla, męlla, pîlla*), что указывает на то, что *-ln-* перешло в *-ll-* только после возникновения вставного *t*. Только из наудитенского говора нижнелатышского наречия мне (по сообщению г. Мюленбаха) известны формы с *-ln-*: *vęlns, męlns, vilna*. Рядом с упомянутыми формами с *-ll-* в нижнелатышских говорах (вероятно, в большинстве их) сохраняется *-ln-* в словах *dęlna* «ладонь» (*dęlla* я знаю из Кайпена, где уже заметны некоторые особенности восточнолатышских говоров, и из словаря Ульмана без указания местности; там же даются *dęlla* «Handgelenk» из Петерскапелле и *dęls* (gen. s. *dęlla*?) «Arm» из Сессау), *vilnis* «род грибов» (в словаре Ульмана также *villitis* без указания местности), *mìlns* «кол» или *milna* (*milla* дается в словаре Ульмана из Залисбурга и Mag. XIII 2, 51 из Линдена в Курляндии, где (т. е. в Линдене) уже заметны некоторые особенности восточнолатышских говоров), *pęlnî* «пепел» (с *-ll-* Mag. XIII 2, 61 из Линдена), *pelnît* «зараба-

[28] [Tuvāk iepazinies ar kuršu valodas atliekām, autors šo uzskatu piemin kâ atmetamu («unhaltbar») 1912. g. rakstā «Über die Nationalität und Sprache der Kuren» — šai izdevumā II 451. — Red.]

тывать» и *peļņa* «заработок» (*peļļa* и III л. наст. вр. *pellei* мне известны из Кайпена), *kaĩns* «гора» (формы с *-ll-* мне известны из Кайпена, где рядом с *dzĩlna,* наприм., loc. s. *kållā,* без указания местности из словаря Ульмана, из Линдена Mag. XIII 2, 43 и из BW 695 вар.). Из восточнолатышских же говоров одни сохраняют *-ln-* везде, другие же обращают *-ln-* в *-ll-* даже в тех словах, где большинство нижнелатышских говоров сохраняет *-ln-*. К последним относятся, наприм., Ней-Розен (loc. s. *kollā* и loc. pl. *pallūs* LP VI 670), Оппекальн (loc. s. *kållā* Mag. XIII 1, 22), Ней-Шваненбург (*kols, mils, palli,* nom. s. fem. g. part. praet. *pellejusa;* но *soĩna, viļņi* «волны»), Альт-Шваненбург (*kols, mils, dalla*), Кортенгоф (*kols, dalla;* но *vilns* «волна»), Тирзен (loc. s. // *kollā*; gen pl. *pallu*), Леттин (*dalla, mils*; но *dzilna*), 215 (18)
Лизон (g. s. *kålla*), Кроппенгоф (gen. pl. *pallu, peļļa, kols, dalla*; но *dzilna* и acc. s. *vilni* «волну»), Ремерсгоф (*kols, dęlla*). Сохраняют же *-ln-* также в словах *vilna, vęlns, męlns, pilns,* наприм., Одзен, Берзон, Зельзау (ср. BB XVI 328—330), Эрлаа, Мейран, Лубан, Буцковски, Лаудон, Одензе, Савензе, Кальценау, Линден (в Лифляндии), Фестен, Девен, Лезерн, Крейцбург, Ликсна, Воркова, Прейли, Иллукст, Лассен, Гросс-Бушгоф, Дубена, Пикстерн, Сеццен, Зельбург, Экенграф, Гольмгоф. Часть последних говоров (наприм., Гросс-Бушгоф, Дубена, Пикстерн, Прейли) имеет *-ln-* вместо *-ll-* даже в заимствованном из немецкого языка слове *ẽlle* «ад», вряд ли путем чисто фонетического процесса, так как тоже заимствованные слова *stallis* «конюшня» и *zellis* «подмастерье» и в этих говорах сохраняют *-ll-* (с *-ln-* из *-ll-* ср. *baļva*[29] «чан» в Гросс-Бушгофе вместо, тоже заимствованного (из шведск. *balja*), *baļļa* прочих говоров). Как некоторые другие процессы ассимиляции, так и переход *-ln-* в *-ll-* в латышском языке, как видно из предыдущего, не поддается никаким звуковым законам (ср. с этим *-λν-* рядом с *-λλ-* из *-λν-* в греческом языке); можно только сказать, что переходу *-ln-* в *-ll-* благоприятствуют длительная интонация и частое употребление слова.

В Эрлаа и Фестене (где *-ln-* сохраняется) из **melnenes* «черника» получилось (должно быть, под влиянием начального *m-*) *melmenes*. Путем диссимиляции получились *bēliņģis* «чердак» (наприм., в Нидер-Бартау) из заимствованного **bēniņģis* (рядом с *bēniņš*) и *mediķis* U «Mönch an der Schleuse» из заимствованного *meniķis*.

[29] [Tuvāk skat. La. gr. 247 (117. § b). — Red.]

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ МЕЛОЧИ

[1910 Изв. XV 2, 215—221 un atsevišķā novilkumā 18—24]

215 (18) Ла. *-dabls*

Ла. *-dabls* в *nedabls* (*nedablas zâles* U «giftige Kräuter»), очевидно, родственно с цркcл. *добръ, добль* и др., на что не
21 указано еще в этимологических словарях. //

216 (19) Лит. *-gu* : греч. -χυ

Греч. -χυ в πάγχυ «совершенно» (ср. однозначащее πάν-υ) я сопоставляю с цркcл. *гъ* в *негъли* и лит. *-gu*, наприм. в *an-gu* «или» и др. (ср. Leskien IF XIV 98 и Bezzenberger KZ XLI 112[1]). Zubatý, правда, возводит IF VI 307 *u* в *gu* к *uo* (из индоевр. *ō*), но несомненных следов *ō* в этом слове мы не находим ни в литовском, ни в других индоевропейских языках. А что до первой части лит. *an-gu* (и прусск. *an-ga* «ob»), то уже Фортунатов сопоставил KSB VIII 114 сл. это *an-* с (лат. и) гот. *an*, с которым далее сопоставляется греч. ἄν, но в этимологических словарях последних языков балтийское *an-* все еще не приводится.

Ла. *āvîties*

Etnograf. ziņas par latv. III 145 (ср. также I 90) приводится глагол *āvîties* (с объяснением: «делать что-нибудь, не умея, но притворяться умеющим, так что другим смешно»), и словарь Ульмана дает (из Оппекальна) *āvêties* «Jux treiben»; от этого глагола произведено существительное *āvękls*, acc. s. которого *āvaklu* (с восточнола. переходом *e* в *a*) мы встречаем, наприм., в журнале Austrums (1904 г., стр. 725) в обороте *nestaigâšu pasaulei par āvaklu* (= *ęrmu*; ср. *ęrms* в словаре Ульмана) *apkārt* (о человеке, обращающем на себя внимание своим странным костюмом). С этим *āvîties*, оче-

видно, тожественно лит. *ovytis* «sich im Gesicht (= Traum) sehen lassen; übermütige Scherze treiben», которое считается (Брюкнером и Бернекером) заимствованным из славянских языков; но, ввиду отсутствия *j* (перед *ā*) и некоторого различия в значении, я скорее склонен считать эти литовско-латышские формы родственными с цркслав. *авити* или *явити* и др. (Berneker 34).

Старолит. *-pie*?

В своих Латышских предлогах I 168 слл.[1] я из постиллы Даукши (129,17) привел форму *tospieg*, считая ее аналогичным видоизменением более древнего *tos-pi-g*; и Зубатый в своей рецензии (IFA XXII 59), вероятно, не проверив моей цитаты, также читает *tos-pie-g*, // но считает это *-pie-* формою 217 (20)
литовско-латышского праязыка, возводя к ней лит. *-pi-*, лат. *-p*. Теперь, однако, я убедился, что это *tospieg* Даукши представляет собою не *tos-pie-g*, но *tos-p-jeg*, с таким же *-jeg* (со значением р. *же* в «тот же»), как, наприм., *tos-ieg* «той же» l. c. 191,3, *tais-ieg* 146,8 «теми же» (ср. также Leskien IF XIV 101). Спешу исправить эту ошибку, пока не поздно: ведь если это мнимое старолит. *-pie-* попадет в этимологические словари, то трудно будет его искоренить. Так, наприм., несмотря на указания Брюкнера и Лескина (IF XIX 206), заимствованное из славянских языков лит. *kavóti* у Фика III[4] все еще приводится в качестве исконно балтийского слова. То же самое случилось еще со следующими заимствованиями литовского и латышского языков: лит. *smūtnas* Fick III[4] 532 (ср. Brückner 135); лат. *eŗrîgs* «ärgerlich» и *eŗrestība* «Ärger» W. v. d. Osten-Sacken IF XXIII 380 (от *ęŗruoties* < нем. *sich ärgern*; в исконно балтийских словах *-rr-* не встречается, а Ульман в заимствованных словах с *-rr-*, *-ll-*, *-mm-*, *-nn-* везде ошибочно пишет *-r-*, *-l-*, *-m-*, *-n-*); лат. *kaļada* U «Geschrei, Lärm» (*kuņa vęd kaļadu* «der Hündin folgt ein Zug von Hunden») Prellwitz[2] 204 (в ошибочном правописании: *kalada*), Walde 85 и 125 (также: *kalada*), Fick III[4] 83 (конечно, также *kalada*), из р. *коляда;* лат. *jaktêt(ies)* «herumtollen» Fick BB II 201 (от *jakts* «Jagd, Herumtollen»; отсюда же, конечно, и неизвестное мне *jaktas* «Scherz» у Зубатого AfslPh. XIII 480 и Прельвица[2] 166 и др.); лат. *kruts* «steil» Leskien Abl. 300, Fick III[4] 107, Bezzenberger GGA 1885 г. 946, из р. *крутой*; лат. *dūja* «домашний голубь» Prellwitz BB XXII 103, из нижне-

[1] [Sai izdevumā I 470. — Red.]

нем. *Duw* (> ла. **dū(w)a* > *dūja*); ла. *dulls* (gen. s. *dulla*) «halbtoll» Johansson KZ XXXII 480 и Fick III⁴ 215, из нижненем. *dull* (как указал уже Leskien Nom. 191); ла. *maļities* U «dringend sich bemühen» Prellwitz² 305, Walde 390, Fick III⁴ 322 (с обязательно ошибочным правописанием: *malities*; ср. еще *narkšêt* и *nirkstêt* l. c. 521 вместо *ņarkšêt* и *ņirkstêt*, *limt* l. c. 363, Walde 324 вместо *ļimt*, *laudis* Fick III⁴ 375 вместо *ļàudis*), из р. *молиться* (ср., наприм., *maļijâs tẽvam vìrsū* LP VI 391 «приставал к отцу с просьбою»); ла. *pārlags* 218 (21) Prellwitz² 266, Walde 330, из р. *перелог* // (как указали Brückner 179, Leskien l. c. 171); ла. *spīķis* (с тем приставным *s-*, которое в латышском языке так часто, особенно в заимствованных словах, является перед *p-*, *t-*, *k-*, рядом с *pīķis*) 21 Walde 468 (передано, конечно, ошибочно: *spikis*), Fick III⁴ 512 (также ошибочно: *spīkis*), из нем. *Pike;* ла. *spañnis* Fick III⁴ 508, из средненижненем. *span*; ла. *stute* Fick III⁴ 495, из германских языков (ср. средневерхненем. *stud* «Stütze» и средненижненем. *stutten* «stützen», откуда ла. *stutêt*); лит. *skūrà* Prellwitz² 420, Walde 426 (в неверной передаче : *skurà*), Fick III⁴ 465, из славянских языков (ср. Brückner 133); лит. *võlas* Fick III⁴ 401, из р. *вал*; лит. *ūdas* Fick III⁴ 386, из славянских языков (ср. Brückner 149). Здесь же я позволю себе исправить еще несколько неточностей и недоразумений в IV издании III части словаря Фика; стр. 327 следует читать: ла. *muša* или *mũsa* вместо *mũscha* «муха»; стр. 530 ла. *smaidît* U «schmeicheln» сближается с германским корнем *smit-*, но это *smaidît* я считаю тожественным с *smaidît* «улыбаться». От этого германского *smit-* произведено средненижненем. *smitten* «bestreichen» и *smitte*, откуда получилось ла. *smite* и *smitêt*. Германского происхождения также ла. *miģeles* U «Staubfliegen» (ср. германские формы у Фика l. c. 327).

Лит. *jèkti*

В лит. *jèkti* (наст. вр. *jenkù*) «blind werden» Leskien Abl. 329 и за ним другие (так еще Walde под *aquilus*) *e* возводят к индоевр. *e*. Между тем не подлежит сомнению, что *e* тут (в положении после *j*) получилось из *a*. Куршат замечает относительно *jẽkinti* «blenden», что оно встречается почти только в сложении с *ap-*, и то же самое, вероятно, относится и к *jèkti*. А *apjèkti*, очевидно, получилось из **api-àkti* (к *ãklas* «слепой») > *apjàkti*, и после перехода *api-* в *ap-* неудиви-

тельно возникновение простого глагола *jękti*. И старое *a* сохранилось еще: gen. s. *apiakimo* (постилла Даукши 84,18), nom. pl. *apiâkinti* l. c. 84,27, III л. прош. вр. *apiâko* l. c. 84,31, nom. pl. part. praet. *apâkę* l. c. 143,9, I л. наст. вр. *apiunku* (с восточнолит. переходом *an* в *un*) у Ширвида Dict. 225 (по указанию // Буги Aistiški studijai I 52), *apjakinti, apjakti* 219 (22) или *apakti* у Межениса; ср. также словарь Нессельмана под *jenkù*.

Ла. *skapstît*

Глагол *skapstît* или *skapstêt* U «beatmen, durch warmen Hauch beschlagen» (наприм., об оконном стекле) я сопоставляю с р. *коптить, коптеть* и пр.; начальное *s-* представляет собою или известное подвижное *s-*, или же скорее остаток возвратного местоимения, перенесенный сюда из сложных глаголов, ср., наприм., *skàisties* «сердиться» с *s-* под влиянием *nuo-s-kàisties* или *ap-s-kàisties*.

Лит. *vagà*, ла. *vaga*

Лит. *vagà*, ла. *vaga* (или *vàga*; приводится также лит. *voga* «Ackerscholle» у Куршата в скобках) «борозда» Osthoff Perf. 94 сопоставляет с греч. ἀγή «ломка» (к ἄγνυμι). Но сходство значения невелико, так как эти балтийские слова обозначают не всякую ломку, но только проведенную (сохою или плугом) борозду. Поэтому я предпочитаю считать лит. *vagà*, ла. *vaga* произведенными от глаголов ли. *vagúoti*, ла. *vaguot* «бороздить», которые, в свою очередь, произведены от ныне утраченного существительного, соответствовавшего прусск. *wagnis*, древневерхненем. *waganso*, гр. ὀφνίς и др., как, наприм., нем. *schaufeln* от *Schaufel* (ср., наприм., лат. *pugnus* : *pugnare* : *pugna*). Если это так, то долгота гласного в ла. *vàga* (и лит. *voga*) — литовско-латышского происхождения, в пользу чего говорит и нисходящая интонация ла. *vàga*.

Ла. *ūpis*[2]

Ла. *ūpis* «филин» уже Потебня (РФВ VI 149) сопоставил с р. *выпь* и др., а далее эти слова (на что, кажется, еще не

[2] [Skat. raksta beigās 165. lpp. Корректурные дополнения. — Red.]

обратили внимания) родственны с древнеисл. *ūfr* «Nachteule», древневерхненем. *ūfo* и др. (у Фика III[4] 32).

Ла. *ciba*

Ла. *ciba* «ein kleines hölzernes Gefäss, in das namentlich Butter getan wird» я сопоставляю с праслав. **čьbanъ* (откуда
20(23) р. *жбан* // и др.; у Бернекера 165); ла. *ciba* : слав. *čьbanъ* = лит. *dirvà* : *dirvõnas*.

Лит. *glúosnis*

Если лит. *glúosnis* «ива» первоначально обозначало
2 желтую иву (Salix vitellina), ветви которой отличаются своим желтым цветом, то оно произведено от *gluosà* «bursztynowa żółta farba» (Akielewicz Głosownia litewska 176, по указанию Буги Aistiški studijai 18), которое родственно с герм. **glēza-* «янтарь», ср. Fick III[4] 147 сл.

Ла. *siẽkalas*

Ла. *siẽkalas* «слюна» (с длительною интонациею по П. Шмидту) P. Persson BB XIX 278[2] производит от корня *sei-*; по моему мнению, оно путем диссимиляции получилось из однозначащего *sliekalas* (от *sliekas,* рядом с которым однозначащее *sliẽnas*).

Санскр. *kacchū-*[3]

Санскр. *kacchū-* «чесотка» Uhlenbeck в своем этимологическом словаре считает среднеиндийскою формою (из *kharjū-*); Bartholomae же в Stud. z. idg. Sprachgesch. II 53 и Grundr. d. iran. Phil. I 13 сопоставил его с авест. *kasvīš* «Name einer Krankheit», но в словаре своем называет это сопоставление «ganz unsicher». Держась прежнего мнения Bartholomae, я возвожу санскр. *kacchū-* к праиндоевр. **qosḱ(h)ū* (откуда путем морфологического новообразования могло получиться и авест. *kasvīš*) и сопоставляю с ним далее ла. *kasus* «чесотка» (которое может восходить к праиндоевр. **qosḱ(h)u-*) рядом с *kašķis,* от *kasît* «чесать».

---

[3] [Skat. raksta beigās 165. lpp. Корректурные дополнения. — Red.]

КОРРЕКТУРНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ

Свою статейку о носовых[4] я отправил в редакцию еще из Юрьева, где в университетской библиотеке не было журнала Rocznik Slawistyczny. Переселившись оттуда в Харьков, я нашел, что в упомянутом журнале (I т.) также Микола высказывает мысль: «... w łotyskim, // gdzie w śródgłosie lit. 221 (24
an, en, in odpowiadają *uo, ie, ī,* gdy *am, em, im* się utrzymały». Но так как у Микколы мы не находим никакой мотивировки этого положения, то я думаю, что появление моей статейки не будет бесполезно и после указания Микколы.

К ла. *ūpis* ср. теперь IFA XXV 69 и KZ XLIII 182.

К санскр. *kacchū-* ср. теперь Trautmann KZ XLIII 153 и 300.

---

[4] [Skat. šai izdevumā II 144—159. — Red.]

[1910 Latvija Nr. 42, 3]

Zviedru valodnieks Torbiörnsons atradis kādā zviedru avīzē no 1768. gada un tagad no jauna nodrukājis kādā zviedru izdevumā šādu tekstu: „Walde Baggâtes Nabbages, Apſchâhlojees pahr Attraitneems, Barinims Gruteems Seweems, Awidſan[1] pahr teems Grâtsnekeems.“ Acīm redzot, tas ir latviešu teksts, kas tagad skanētu tâ: «Valdi bagātus, nabagus; apžēlojies par atraitnēm, bāriņiem, grūtām sievām, arīdzan par tiem grēciniekiem.» Bet minētā zviedru avīzē šī latviešu lūgšana nodrukāta kâ Stokholmas blēžu valodas paraugs! Uz Zviedriju šis teksts būs nokļuvis gan laikam sakarā ar zviedru valdību Vidzemē; arī valodas formas (datīva galotnes *-ms*) visdrīzāki attiecināmas uz 17. gadsimteni, un to pašu liecina arī ortografija.

---

[1] [Sic! — Red.]

СЛАВЯНО-БАЛТИЙСКИЕ ЭТЮДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ III

Начав писать грамматику латышского языка, я скоро наткнулся на необходимость выяснить себе родственные отношения балтийских языков к славянским; и это было для меня тем более необходимо, что мнения языковедов об этом совершенно расходятся между собой. Если бы все данные славянских и балтийских языков, которые могут пролить некоторый свет на этот вопрос, были незыблемо установлены и надлежащим образом освещены, то осталось бы только сгруппировать и сопоставить эти данные и на их основании сделать выводы, и работа над этим могла бы вылиться в форму журнальной статьи. Но, приступив к работе над этим вопросом, я вскоре убедился в отсутствии указанных условий по отношению к значительной части всего материала: приходилось мне кое-где самому устанавливать факты и в нередких случаях разногласия в объяснении установленных фактов, а изредка также при наличности общепринятого объяснения вырабатывать свой взгляд на соответственный вопрос. Таким образом моя работа над вопросом о славяно-балтийском праязыке разрослась в целую книгу.

Так как она по некоторым причинам печаталась по черновику, то, к сожалению, остались неустраненными некоторые (несущественные) непоследовательности в правописании, шероховатости слога и недосмотры в расположении материала. Извиняюсь также за то, что вкралось несколько опечаток. Из них я отмечаю в конце книги только такие, которые могли бы ввести читателя в заблуждение[1]; опечатки же вроде κυλινδεῖτ 9, 26 (вместо κυλινδεῖν), // евр 46, 25 IV (вместо евр.), *ainesmu* 61[1] (вместо *ainesmu*), *krawia* 104[2] (вм. *krawia*), *dialektes* 118, 22 (вм. *dialectes*) читатель сам легко исправит[1]. Я тут сам указываю на эти формальные

[1] [Norādītās kļūdas šai izdevumā izlabotas. — Red.]

недостатки, чтобы они не мешали рецензентам моей книги заниматься ею по существу.

В других формальных недостатках я лично менее виноват. Так как в здешней типографии не оказалось всех нужных для меня знаков, то несколько балтийских, славянских и санскритских слов остались без знаков ударения. Той же причиной обусловлены некоторые особенности транскрипции. Так, в санскритских словах $ṇ^2$ обозначает церебральное *n*, $ḍ^3$ — церебральное *d*, некурсивное (прямое) n^4 (как и в авестийских словах) — задненебное *n*, $ṣ^5$ — церебральное *š*; $ā^6$ в авест. словах — долгое *å*, $ə^7$ — *ə* со знаком долготы, $ṭ$ — звук, получившийся из *t* в конце слова; $ṛ^8$ в арм. словах = *r* с точкой вверху у Бругмана, $ṯs^9$ = *c* с точкой внизу у Бр.; $ǧ^{10}$ (как и в авест. словах) = аффрик. *dž*; $r̄^{11}$ в албанском = *r* со знаком долготы у Бр.; $ð^{12}$ в древнеисландском обозначает звонкий межзубный спирант; $ų^{13}$ в литовском — назалированное *u*, $į^{14}$ — назалированное *i*. В третьем и четвертом листах, где приводится много литовских слов с *š*, я отчасти должен был заменять это *š* через *sz*[15]; в начале книги встречается в литовских словах *aū*[16] вместо *aũ*. Так как не имелось *ů* и *ë* со знаками интонаций, то я в литовских и латышских словах вместо *ů* и *ë* пишу *uo* и *ie*; за неимением соответствующего знака я не мог в латышских словах отличать открытого $ē^{17}$ от закрытого *ē* (как известно, это различие зависит от качества последующего слога, и поэтому этот недостаток менее чувствителен). Вследствие

---

[2] [Šai izdevumā *ṇ*. — Red.]

[3] [Šai izdevumā *ḍ*. — Red.]

[4] [Šai izdevumā *ŋ*. — Red.]

[5] [Šai izdevumā *ṣ*. — Red.]

[6] [Šai izdevumā *ā*. — Red.]

[7] [Šai izdevumā *ə*. — Red.]

[8] [Šai izdevumā *ṛ*. — Red.]

[9] [Šai izdevumā *ṣ*. — Red.]

[10] [Šai izdevumā *ṭ*. — Red.]

[11] [Šai izdevumā *r̄*. — Red.]

[12] [Šai izdevumā *đ*. — Red.]

[13] [Šai izdevumā *ų*. — Red.]

[14] [Šai izdevumā *į*. — Red.]

[15] [Šai izdevumā restaurēts *š*. — Red.]

[16] [Šai izdevumā restaurēts *aū*. — Red.]

[17] [Šai izdevumā *ē* platuma apzīmējums ieviests (īsā *e* platums ir apzīmēts arī pirmpublicējumā). — Red.]

отсутствия курсивных букв с диакритическими знаками приходилось допускать антикву[18] рядом с курсивом.

Так как настоящий мой труд не имеет характера справочной книги, то к полноте библиографии я вообще не стремился, но приводил литературу только там, где // это по той или V
другой причине мне казалось целесообразным. Из употребленных мною сокращений нуждаются в объяснении следующие: BW = Barons und Wissendorffs Latwju dainas; LP = Lerchis-Puschkaitis Latweeschu tautas teikas un pasakas; LChr.[19] = Э. Вольтер Литовская хрестоматия; LF = Listy filologické; PBrB = Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur.

В заключение приношу искреннюю благодарность Историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета, быть членом которого вменяю себе в честь, за ассигновку средств на печатание этой книги; своему коллеге проф. Ст. М. Кульбакину за чтение корректур и еще более за ту нравственную поддержку в тяжелое для меня время, благодаря которой я сохранял свою работоспособность; своему бывшему учителю проф. Д. Н. Кудрявскому, наводившему для меня справки в не имеющихся здесь книгах и присылавшему мне даже целые книги для справок; и — last, not least — своему молодому другу stud. phil. К. К. Буге, снабдившему меня обильным материалом по литовскому языку (где я им воспользовался, там это в тексте оговорено).

Харьков, 25 апреля 1911 г. //

---

[18] [Šai izdevumā ieviests kursīvs. — Red.]
[19] [Pirmpublicējumā: Лхр. — Red.]

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНО-БАЛТИЙСКОМ ПРАЯЗЫКЕ

Еще недавно в лингвистической литературе едва ли не единогласно признавалось близкое родство славянских языков с балтийскими и о «славяно-балтийском праязыке» говорили с такой же уверенностью, как об индо-иранском праязыке. Большинство языковедов, по-видимому, и теперь еще считает единство славяно-балтийских языков настолько очевидным, что гипотеза об особом их праязыке принимается чуть не за аксиому. Так, например, по мнению Гирта (Die Indogermanen II 589), черты сходства славянских языков с балтийскими столь многочисленны, что всех их даже перечислить нельзя. В новейшее время, однако, все это оспаривают такие выдающиеся лингвисты и вместе с тем знатоки славянских языков, как Бодуэн де Куртенэ и Мелье. По мнению первого из них (ЖМНПр. CCCXXXXVI 330 сл.), в пользу предположения общей «эпохи литво-славянской» говорит ничуть не больше и, пожалуй, даже меньше доводов, нежели против этого предположения, так что мы-де имеем полное право считать его ученою фикцией; и далее Бодуэн де Куртенэ там же решительно утверждает, что такого славяно-балтийского праязыка никогда не существовало. Доводы против предположения общей славяно-балтийской эпохи, однако, к сожалению, им не приводятся. Мелье же говорит об этом вопросе подробнее и в нескольких местах. В предисловии к II части своих Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, которая посвящена славянскому словообразованию, Мелье говорит, что в области словообразования славянские языки сильно отличаются от балтийских языков и что число славянских именных основ, точно соответствующих балтийским основам, невелико. И вообще, по его // мнению, в славянских и балтийских языках вовсе нет такого количества общих новообразований, как часто полагают, так что предположение общей славяно-балтийской

эпохи ему не кажется позволительным. Мелье даже сомневается, чтобы сходство славянских языков с балтийскими было больше сходства кельтских языков с италийскими. Указанные же Бругманом общие новообразования славянских и балтийских языков Мелье считает несущественными или даже сомнительными. Кроме того, продолжает Мелье, два соседних индоевропейских языка, развиваясь — даже независимо друг от друга — при столь одинаковых внешних обстоятельствах и условиях, как славянские и балтийские языки, не могут, наконец, не иметь общих черт; поразительно поэтому не то, что славянские и балтийские языки представляют сходные черты, но скорее то, что таких сходных черт так мало и что они так маловажны. В своей Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes Мелье еще резче высказывается против предположения общей славяно-балтийской эпохи: между тем как он более или менее решительно признает даже общую итало-кельтскую эпоху (ср. стр. 41 и 382), довольно многочисленные черты сходства славянских языков с балтийскими, по его мнению, обусловлены скорее параллельным развитием этих языков, чем их поздним разъединением; новообразования же их скорее сходны, чем тожественны (стр. 46). В новейшем же своем труде (Les dialectes indo-européens), где гипотеза об эпохе итало-кельтского единства излагается еще с большею уверенностью, Мелье, подробнее рассматривая предположение общей славяно-балтийской эпохи, приходит к заключению, что славянские и балтийские языки являются потомками одной и той же группы говоров индоевропейского праязыка, что они развивались при одинаковых внешних обстоятельствах и условиях и что, может быть, была даже более или менее продолжительная эпоха единства, которая, однако, не произвела никаких значительных общих новообразований. Так как я с этими выводами Мелье не вполне согласен, считая, подобно большинству языковедов, предположение общей славяно-балтийской эпохи не только возможным, но // даже правдоподобным, то я тут подвергну этот вопрос подробному рассмотрению. 3

В этом вопросе с полным правом придают общим новообразованиям больше значения, чем таким общим чертам, которые одинаково восходят к эпохе общего индоевропейского праязыка. Но указано уже также, что и сходные новообразования в двух языках могут быть лишь случайным совпадением; так, например, в германском и армянском

звонкие взрывные согласные одинаково превратились в глухие, но одно это еще не доказывает более близкого родства германской и армянской ветвей, но является, по всей вероятности, только случайным совпадением, ср. Meillet Les dialectes indo-européens стр. 89 слл. Итак, число общих новообразований должно быть более или менее значительным, чтобы иметь доказательную силу; а с другой стороны, значительное число общих черт, ведущих свое начало от индоевропейского праязыка, также вряд ли лишено всякой доказательной силы, и поэтому наряду с общими новообразованиями мною будут приведены также общие черты старины. При этом я к числу общих особенностей, указанных уже Ганушем (Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego akademii umiejętności w Krakowie XI 249 слл.), Бругманом (Grdr. I² 20 сл.) и Гиртом (Die Indogermanen II 589 сл.), прибавлю еще несколько других.

A. ИЗ ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ

Уже Ганush l. c. и Бругман l. c. указали на большое сходство в дальнейшем развитии праиндоевроп. *r̥, l̥, m̥, n̥*[20] в славянских и балтийских языках: праиндоевр. *r̥, l̥, m̥, n̥* > прабалт. *ir, il, im, in* (реже *ur, ul, um, un*), праслав. *ьр, ьл, ьм, ьн* (реже *ър, ъл, ъм, ън*; а праслав. *ь, ъ*, как известно, получаются из праиндоевр. *i, u*), причем в прабалтийском эти
4 сочетания сохраняются во всяком // положении, между тем как в праславянском сочетания *ьм, ьн* (*ъм, ън*) в положении перед согласными подвергаются дальнейшим изменениям[21]. Это сходство, правда, было бы лишено доказательной силы в данном вопросе, если бы подтвердилось мнение Вондрака (Vergl. slav. Gramm. I 327 слл.), по которому гласные перед (и изредка после) *l, r, m, n* возникли только после распа-

---

[20] Этими буквами я пользуюсь (по отношению к индоевр. праязыку) только как общеизвестными условными знаками; как звучали в действительности обозначаемые ими звуки, этого мы не знаем (т. е. по крайней мере одна часть языковедов).

[21] Также *р, л*, изменяясь в этих сочетаниях, в общеславянском вероятно, сделались слогообразующими, ср. статью Шахматова Изв. VII 1, 280 слл. Дальнейшие же изменения праславянских *ьм, ьн* (*ъм, ън*) требуют особого экскурса, который, может быть, будет помещен в конце этих исследований.

дения славяно-балтийского единства, так что в праславянский и прабалтийский[22] языки перешли еще *ļ, ŗ, m̨, n̨*. Но доводы Вондрака неубедительны. Он ссылается главным образом на то обстоятельство, что балтийскому *i* в этих сочетаниях иногда соответствует праслав. (не *ь*, но) *ъ* и наоборот, наприм. лит. *mirgėti* : р. *моргать*, лит. *surbti* : р. *сербать* и др. Но ведь такое разногласие мы наблюдаем иногда даже между отдельными наречиями одного и того же языка; ср., наприм., нижнела. *tumsa* «темнота» : восточнола. *timsa* или (с диалектическим переходом *i* в *y*) *tymsa* (наприм., у Бецценбергера Lett. Di.-St. 95[2]). Следуя аргументации Вондрака, мы должны были бы прийти к заключению, что *i* и *u* при *r, l, m, n* возникли на латышской почве только после диалектического разветвления пралатышского языка и что нет никакой взаимной связи не только между прабалт. *ir (ur)* и т. д. и праслав. *ьр (ър)* и т. д., но также литовским *ir (ur)* и т. д. и латышским *ir (ur)* и т. д. и даже между восточнола. *ir (ur)* и т. д. и нижнела. *ir (ur)* и т. д. Невозможность этого, однако, слишком очевидна. Как восточнола. *timsa*, рядом с нижнела. *tumsa*, нам не мешает приписывать *ir (ur)* и т. д. (из праиндоевр. *ŗ* и т. д.) уже пралатышскому языку, так и р. *моргать*, рядом с лит. *mirgėti*, и другие тому подобные единичные примеры разно-//гласия еще не доказывают, что в эпоху славяно-балтийского единства (которое признается и Вондраком) еще существовали *ŗ, ļ, m̨, n̨*. Как распадению индоевропейского праязыка предшествовало диалектическое разветвление его, так и славяно-балтийский праязык, если таковой существовал, мы должны себе представлять распавшимся на два наречия, и это диалектическое разветвление и отражается в разногласии между лит. *mirgėti* и р. *моргать*. Что еще на «литовской» (т. е. прабалтийской) почве существовали *ŗ, ļ, m̨, n̨*, это Вондрак далее пытается доказать ссылкою на гипотезу Бецценбергера (BB III 133 слл.), по которой *t* в лит. *stirna*, ла. *stirna* (но также *sirna*, ср. KZ XLII 378[22a]), рядом с цркcл. *срьна*, и отсутствие начального *d-* в лит. *ilgas*, ла. *īlgs*, прусск. *ilga*, рядом с цркcл. *длъгъ*, и в прусск. *insuwis*, цркcл. *языкъ*, рядом с гот. *tuggō*, объясняются существованием *ŗ, ļ* и т. д. еще в прабалтийскую эпоху. Но

5

[22] У Вондрака l. c. 329 вместо «прабалтийского» говорится в данном случае о «литовском» языке, но ввиду известной неточности Вондрака в выражениях надо полагать, что под «литовским» он тут разумеет прабалтийский язык.

[22a] [Šai izdevumā II 88. — Red.]

после убедительного опровержения этой гипотезы со стороны Шмидта (Kritik 32 слл.), о котором Вондрак напрасно даже не упоминает, по моему мнению, следует отказаться от нее[23]. Наконец, по мнению Вондрака (l. c. 336), существование *n̥* еще в праславянском языке доказывается формами *къ̄нига* и *гънати,* которые он возводит к праслав. **kn̥ning* (sic!) и **gn̥nāti* (sic!). Если даже допустим[24], что действительно
6 к таким формам восходят *къ̄нига* и *гънати,* что // же нам мешает думать о переходе *n̥* в *ип* (> праслав. *ън*) еще в эпоху славяно-балтийского единства? Итак, мнение Вондрака об отношении праслав. *ьр (ър)* и т. д. к прабалт. *ir (ur)* и т. д. я считаю недоказанным. Другие же полагают, что гласный в этих сочетаниях (или, по крайней мере, известная окраска сонантов *r̥* и т. д.) возник уже в эпоху индоевропейского праязыка. Так, наприм., Бругман, по мнению которого *ir* и т. д. из праиндоевр. *r̥* и т. д. получилось в эпоху славяно-балтийского единства, говорит относительно происхождения *u* следующее (KVG § 185, 3): «Zum Teil ... muss ... schon voreinzelsprachlich die *u*-Farbe vorhanden gewesen sein, und zwar nicht als Überbleibsel der Färbung des Vollstufenvokals, sondern als Ergebniss assimilatorischer Einwirkung von (labialen und velaren) Nachbarkonsonanten auf den bereits reduzierten Vokal». И Grdr. I² 396 (ср. также стр. 410 и 453 сл. и Griech. Gramm.³ 85) он возводит, наприм., греч. ῥορμύρω к праиндоевр. **m"r̥-* (с неслоговым *u*). Мелье же, по-видимому, склонен думать, что также *i* в этих сочетаниях возникло еще в эпоху индоевропейского праязыка: «... il semble que le timbre de la voyelle accessoire qui se joint à la sonante

---

[23] Возражения Бецценбергера (GGA 1896 г., стр. 955 слл.) меня, по крайней мере, не убеждают: примеры, противоречащие его гипотезе, не устранены. Относительно лит. *dilgynė, dìlginti* Бецценбергер говорит: «Diese Wörter kommen aber in den verwandten Sprachen nicht vor und können als litauische Neubildungen nicht den Maassstab für das aus der Grundsprache stammende *ilgas* abgeben». Родственные с лит. *dilgynė* слова во всяком случае имеются (древнеирл. *delg* «шип» и др.), и нет никакого основания не возводить лит. *dilg-* непосредственно к иде. *dhlg-*; догадка же Фортунатова (AfslPh. XI 571), что *d* отпало только перед долгим *l*, не подтверждается фактами (ср. лит. *dìlgti*). Далее, противоречат гипотезе Бецценбергера лит. *sìrgti su* [skat. Дополнения и поправки. — Red.] «заботиться о» Viltis 1908 г., № 82 (: гот. *saurga* «забота» и др.), ла. *sirpe* (: р. *серп* и др.). Прав, однако, Бецценбергер в том, что, считая лит. *stìrna* заимствованным, мы этим все еще не объясняем его *t*. Оно столь же неясно, как *т* в р. *сторож* (: лит. *sárgas*), а лит. *ìlgas* : црксл. *длъгъ* = лит. *ašarà,* скр. *ašru* : гр. δάκρυ и др.

[24] Ср., однако, указания Микколы в RSl. I 14.

voyelle ait été fixé dès l'indo-européen, et qu'il y ait là un fait dialectal de date indo-européenne» (Les dialectes 41 сл.). И, указав на кельтское *ri, li* из праиндоевр. *r̥, l̥* и германское *ur, ul, un, um* из праиндоевр. *r̥, l̥, n̥, m̥* и на единичные примеры с *u* также в армянском, греческом и латинском языках, он заключает: «Le parallélisme de balt. *ir* et sl. **ir*, balt. *ur* et sl. **ur*, etc. remonte donc à l'époque indo-européenne commune». Но, с одной стороны, *i* в кельтском (и также в албанском) стоит после плавного звука, в славяно-балтийском же обыкновенно перед ним (о перестановке же тут думать нельзя), причем здесь *ir, il* стоят также перед гласными, между тем как в кельтском мы в этом положении находим *ar, al*; а с другой стороны, в славяно-балтийском стоит *i* не только перед плавными, но также перед носовыми, между тем как в кельтском праиндоевр. *n̥, m̥* в своем дальнейшем развитии перед согласными совершенно расходятся с праиндоевр. // *r̥, l̥* (ср. Pedersen Vergl. Gramm. d. kelt. Sprachen 45 сл.). Ввиду этого я считаю недоказанным это мнение Мелье, по которому гласный в балтийском *ir, il* и в праславянском *ьр, ьл* восходит к эпохе индоевропейского праязыка, и полагаю, что между *i* (*ь*) в славяно-балтийском и *i* в кельтском в данном случае нет никакой взаимной связи. Впрочем, Мелье пришел, вероятно, к такому заключению относительно древности гласного в балтийском *ir* и т. д. и праславянском *ьр* и т. д. не столько на основании кельтского *ri, li,* сколько ввиду единичных примеров с *u* (в чередовании с *e*) при плавных (и носовых) также вне славянско-балтийских (и германских) языков, считая — кажется, с полным правом, — славяно-балтийские *ir* (*ьр*) и т. д. и *ur* (*ър*) и т. д. (из праиндоевр. *r̥* и т. д.) одинаково древними, между тем как по учению Бругмана *ur* и т. д. почему-то древнее *ir* и т. д. Поэтому обратимся теперь к примерам с *u*, приводимым Бругманом (Grdr. I² 453 сл. и KVG 123) и другими. Прежде всего тут следует заметить, что в некоторых из этих примеров, как отчасти уже указано другими, *u* получилось не из *e*, но из *eu* (или *ue*). Так, например, латинское *liber* «лыко» (с *i* из *u*) Sommer в своем Handbuch der lat. Laut- und Formenlehre 55[1] правильно сопоставляет с р. *луб*; литовское же *lupù* «луплю» чередуется с лит. *ap-ŧaupýti* (у Юшкевича) «обобрать», ла. *làupît* «обирать», праслав. **лупити* (ср. Hirt Abl. 135 сл.). Рядом же с греч. ῥυφεῖν «всасывать» (рядом с ῥοφεῖν; ср. также ῥοιβδεῖν «с шумом проглатывать») и среднеирл. *srub* «рыло» стоит лит. *iš-sraubti* или *iš-sriaubti* «выхле-

7

бать» (у Юшкевича под однозначащим *išsruobti*), и при звукоподражательном характере[25] этого корня нет никакого основания думать (как это делает, наприм., Walde под *sorbeo*) о вторичном происхождении *au* в лит. *sr(i)aub-* рядом с *u* в *sriubà* «соус, суп» (где *ŕ* вместо *r*, вероятно, под влия-
8 нием *sriaubti* из **sreubh-*). Однозначащие индоевропей-//ские корневые формы *serbh-, srēbh-, sreubh-* можно было бы, пользуясь приемами Гирта, с некоторою натяжкою выводить из общей праформы *serēubh-*[26], но тому подобные праформы, по моему мнению, во многих случаях являются лишь праздными затеями, вызванными предубеждением, будто подобные друг другу формы отдельных индоевропейских языков непременно восходят к одной и той же индоевропейской праформе. Как в области склонения и спряжения, по крайней мере отчасти, уже отказались от мысли, что все флексивные окончания отдельных индоевропейских языков восходят непременно к одним и тем же праформам, и в связи с этим заговорили даже о «говорах индоевропейского праязыка» (ср. вышеупомянутую книгу Мелье), так и в области словообразования в этом праязыке было, вероятно, не меньше разнообразия, чем в современных языках. Хорошим образчиком этого разнообразия является, например, латышское слово, соответствующее по своему значению русскому «стройный»: в словаре Ульмана даются однозначащие формы *smidrs, smīdrs, smuidrs, smudrs, smaudrs, šmaudrs, šmuodrs, snīdrs,* и из сборника народных песен, изданного под редакциею Барона и Виссендорфа, можно еще прибавить *snidrs* 4657, *šn̨idrs* 5436 вар., *šn̨idrs* 5348 вар., *šmuidrs* 5301 вар., *šmudrs* 12210 вар., *snaidrs* 20470, 17, *šmidrs* 20470 вар.[27] Позволительно думать, что впоследствии большая часть этих одно-

---

[25] Ср. еще однозначащие нидерландское *slurpen*, нем. *schlürfen*, нижненем. *slubberen*, норв. *slurpa* «хлебать, всасывать» и лит. *sulpėti* «saugen».

[26] Sütterlin (IF XXV 54[1]) считает возможным возводить ῥοφεῖν и ῥυφεῖν к корневой форме *sreuebh-*.

[27] Относительно форм с начальным *šm-, šn̨-* ср. мою статью KZ XLII 376 сл. [skat. šai izdevumā II 85 sk. — Red.]. Формы *smidrs, smīdrs,* вероятно, родственны с *šmaigans* «стройный» (с *šm-* из *sm-*), лит. *smaĩgas* «кол, тычина, жердь», польск. *śmigły* «стройный, тонкий», герм. **smikra-* у Фика Wrtb. III[4] 530; формы же *smudrs, smaudrs* — с *smaugs* «стройный», о котором ср. Fick l. c. III[4] 532. Форма *smuidrs* возникла, может быть, путем контаминации корневых форм *sm(a)i-* и *sm(a)u-*. С формами же *snidrs, snīdrs, snaidrs* ср. однозначащие формы *snaigs* и *snaiks* (рядом с однозначащими *slaiks* и *slaids*).

значащих форм выйдет из употребления и уцелеет только несколько форм. А потому подобные явления могли встречаться и в индоевропейском праязыке. Сам Бругман говорит Grdr. I² 547: «Man // muss beachten, dass ähnlich lautende und 9
bedeutungsähnliche und doch nicht lautgesetzlich irgendwie zu vereinigende Wurzeln auch sonst vorkommen». Ввиду этого я не вижу также никакой надобности выводить *u* непременно из слоговых плавных в словах: арм. *ekul* «он проглотил» и *kur* «корм, еда» (где *u* может восходить также к *ō*) и лат. *gula* «глотка», *gurges* «пучина», *gurgulio* «горло» (корень тут звукоподражательный[28], и рядом с корневыми формами *gel-*, *g^{w}el-* и *ger-*, *g^{w}er-* могли существовать формы *gu̯el-*, *gul-* и *gu̯er-*, *gur-*, ср. статью Гирта IF XVII 388 слл. и Trautmann KZ XLII 372 и лат. слово *guttur* «горло»); греч. ῥορρύρειν «шуметь» (относительно формы удвоения ср., наприм., τονθρύς «шепот», γογγύλος «круглый», πορφύρειν «волноваться», о котором ср., наприм., Zupitza KZ XXXVI 58, Bezzenberger BB XXVI 188 и этимологический словарь Walde под *furere*), лат. *murmurare* «бормотать, журчать» (корень звукоподражательный; ср. также ла. *mauruôt*[29] «мычать» и скр. *murmura-s* «трещащий огонь»); греч. ἄγυρις «собрание» (рядом с корневою формою *ger-* могло существовать *gu̯er-* : *gur-*, ср. Hirt Abl. 12); греч. σκυρθάλιος «юноша» (может быть, от корневой формы *sku̯erdh-*); греч. πτύρειν «пугать» (ср. греч. πτοεῖν «пугать», лат. *pavere* и др. в словаре Walde); греч. σύρειν «тащить» (может быть, к корню *tu̯er-* : *tur-*, ср. словарь Прельвица и Hirt Abl. 12); греч. γυνή (можно думать о чередовании корневых форм *g(u̯)en-* : *gun-* Sütterlin IF XXV 54, ср. отношение греч. κύκλος : прагерм. *hvehvula-* у Фика l. c. III⁴ 116 и также Hirt l. c. 12); греч. κυλί(νδ)ειν или κυλινδεῖν «катать, валять» (ср. ла. *kūlis* или *kūliņš* или *kùlenis* «кувырок», *kūliņus mest* или *kūļuôs lèkt*, лит. *kūlį̃ vẽrsti* «sich kopfüber stürzen, ein Rad schlagen», ла. *kūliņus iêt* «sich fortwälzen», *kūlêtiês* «sich unruhig hin und her legen»); греч. πρύμνη «корма» (сопоставление этого слова с црксл. *кръма*, р. *корма* я не считаю убедительным уже ввиду несогласия греческого ρυ // с праславянским *ър*; 10
затем греч. πρύμνη[30], очевидно, представляет собою женский

[28] Ср. арамейское *gaggartā* «горло» из **gargartā*.

[29] Считать ла. *mauruôt* заимствованным из финских языков, как это делает Thomsen Beröringer 269, я не вижу никакой надобности, ср. ла. однозначащие *maut* и *bauruôt*.

[30] Относительно формы πρύμνα ср. теперь Solmsen Beiträge z. griech. Wortforschung I 254 слл.

род прилагательного πρυμνός «крайний»[31], которое, по всей вероятности, родственно с существительным πρέμνον «ствол, комель», см. словарь Прельвица под πρύμνα, а в πρέμνον π восходит, может быть, скорее к индоевропейскому *p*, чем к индоевр. k^{w}, см. Prellwitz l. c. под πρέμνον[32] и Petersson IF XXIII 402. А что до υ в πρυμνός, то оно, может быть, возникло путем контаминации однозначащих форм *προμνός и *πυρος, откуда πύματος «крайний, последний», о котором ср., наприм., словарь Walde под *puppis*. Такая контаминация была бы, конечно, возможна и в том случае, если бы *προμνός и πρέμνον действительно были родственны с цркслав. *кръма*). Остается, однако, еще несколько греческих слов с υ вместо ожидаемого α (или о), как наприм. μύλη «мельница», φύλλον «лист» и др.; чаще всего такое υλ встречается в положении после губных (и задненебных) перед гласными и *j*. Может быть, первоначально υρ, υλ (вместо αρ, αλ) и имели место в этом положении? В таком случае формы вроде σπαίρειν «барахтаться», βαλεῖν «бросить» и др. получили бы свое α вместо υ по аналогии с формами с законным α. Или же, может быть, первоначально чередовались формы с α и υ (наприм., *σπύρω, σπαίρεις, σπαίρει, *σπύρομεν, σπαίρετε, *σπύρονσι и т. д.), т. е., может быть, υ первоначально имело место только перед гласными *(j)o, (j)u;* ведь статья Шмидта KZ XXXII 321 слл. показала нам, что ассимиляция гласных играла известную роль и в греческом языке. Этими догадками я волей-неволей ограничиваюсь в данном случае, так как первоначальное распределение гласных могло быть изменено до неузнаваемости под влиянием
11 аналогии. Но как бы то ни // было, выводить υρ, υλ из *r, l* во всяком положении и думать о возникновении гласного *u* в этих сочетаниях еще в эпоху индоевропейского праязыка и о непосредственной связи греческого υρ, υλ с балтийским *ur, ul* и праславянским *ър, ъл* я считаю неудобным и потому, что ведь рядом с υ в корнях ряда *e* встречается иногда также не менее загадочное ι, как в ῥίζα «корень», σπινθήρ «искра», диал. ἰν = ἐν, кипр. πιλνός «серый, черноватый» (рядом с πελιός «почерневший»), σκιρτᾶν «прыгать» (рядом с σκερδὸν

---

[31] Подразумевается, конечно, существительное ναῦς; относительно ударения ср., наприм., λευκός «белый» : λεύκη «белый тополь» и др. Brugmann Griech. Gramm.[3] 162.

[32] Бругман, правда, сопоставляет это слово с древнеирл. *crann*, новокимр. *prenn* «ствол» (Grdr. I[2] 375 сл.), но ср. теперь Pedersen Vergl. Gramm. der keltischen Sprachen 167 сл.

ὄντα· σκιρτῶντα παῖδα Hesych. и σκαίρειν «прыгать») и др. (например, у Кречмера KZ XXXI 375 слл., Г. Мейера Griech. Gramm.[3] 68 и Гирта Abl. 15). — Обратимся теперь к данным латинского языка. И здесь в довольно многих словах *ur, ul* возводятся непосредственно к индоевропейским слоговым плавным. Но тут я прежде всего замечу, что в части этих форм, так, например, в *urgere* «теснить», *surdus* «глухой» (если оно действительно родственно с гот. *swarts* «черный») и др., где, по господствующему мнению, перед *u* отпало *u̯, u,* по моему мнению, скорее представляет собою слабую ступень индоевропейского *u̯e,* и таково же, может быть, происхождение гласного *u* также в некоторых других формах, где родственные с ними формы других языков являются без *u̯*. Затем это *u* встречается в латинском языке главным образом перед согласными, между тем как в греческом языке υρ, υλ являются, кажется, чаще перед гласными и *j,* чем перед согласными, причем таких примеров, где бы греческому υ в данном положении соответствовало *u* также в латинском языке и наоборот, почти вовсе нет, и, что еще важнее, *u* в латинском языке является не только в случае индоевропейского слогового плавного, но также на месте старого *o*, как это всеми признано. Относительно перехода *o* в *u* устанавливают, правда, известные правила («перед *m* и задненебным *n*»), но это — правила с исключениями (*domus, longus* и др.) и, кроме того, наблюдается переход *o* в *u* также в другом положении, по преимуществу перед *r*, относительно чего характерны слова Зоммера Handbuch der latein. Laut- und Formenlehre 81[1]: «Wo ein Labial oder Labiovelar vorhergeht, kann man in *ur* für *or* Reflex des // idg. *u*-Timbres 12
der liquida sonans sehen; ... Viel hilft das auch nicht, da bei weitem nicht alle Fälle damit erklärt werden können».

Далее, я считаю неудобным возводить латинское *ur (ul)*[33] — рядом с *or (ol)* — непосредственно к индоевропейскому *r̥ (l̥)* также потому, что разница по тембру между *ᵘr̥* и *ᵒr̥* (и притом еще в неударяемом положении!) кажется слишком незначительною для того, чтобы она могла быть сохранена. Наконец, как в греческом, так и в латинском языке в корнях ряда *e* является иногда не только *u,* но и *i,*

[33] Впрочем, *ol* перед согласными (за исключением *l*) в положении не после *v* в латинском языке, как известно, правильно переходит в *ul*, и поэтому Бругман без основания в числе примеров с *u* приводит также *fulvos* «темно-желтый», где *ul* может несомненно восходить к *ol*, если только это действительно корень ряда *e*, ср. теперь Niedermann IF XV 121.

как, наприм., в *simpulum*[34] «ковшик», *villus* «косма» и др. (где происхождение *i* остается неясным также после исследования Нидермана E und I im Lateinischen 43 сл. и 66 сл.), так что Миккола пришел BB XXII 252 (в сноске) даже к заключению: «Im Lat. sind nur *in, im,* wie auch *un, um, il, ir, ul, ur* als tiefstufen zu betrachten. Z. b. *quinque* ist nicht mit lit. *penkì,* sondern mit germ. (ahd.) *funf* gleichzustellen. Ich behaupte auch, dass der ablaut *e* : *i*, *o* : *u*, der besonders reichlich im Balt. und Slav. vertreten ist, aber auch in anderen idg. sprachen vorkommt, schon aus der ursprache stammt». И в самом деле, кто верит в непосредственную связь греческого υϱ, υλ и латинского *ur, ul* с балтийским *ur, ul* и праславянским *ър, ъл,* должен бы, кажется, последовательно держаться аналогичного мнения относительно сочетания плавных и носовых с *i* в этих языках. А если согласиться с этим, то какого происхождения в таком случае греч. αϱ (ϱα), αλ (λα) и латинск. *or, ol, en, em* в таких формах, где родственные языки указывают на слабую ступень? Ввиду всего этого я скорее полагаю, что, подобно тому как (по господствующему мнению) латинское *i* и греч. ι в корнях ряда *e* заменили собою — по неизвестным причинам — более старое *e* (ε), так и лат. *u* и греч. υ (поскольку оно не возникло при вышеупомянутых особых условиях) в корнях
13 этого же ряда при // не выясненных еще условиях вытеснили собою более старое *o* (греч. νύξ столь же загадочно, как и ἵππος). — Что же касается кельтских языков, то кроме среднеирл.[35] *srub,* о котором уже сказано выше, Педерсен в своей Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen стр. 43 относит сюда ирл. *dluigim* «колю» (с которым сближают древнеисл. *telgia* «вырезывать»), ирл. *adtluch-* «благодарить», *to-tluch* «просить», кимр. *adolwg* «просить» (с которыми сопоставляют цркисл. *тлъкъ* «толк») и (сам сомневаясь) ирл. *mruig* «окраина, область» (: гот. *marka* «граница» и др.), возводя в них *-lu-, -ru-* к индоевропейскому *l̥, r̥*. Если, однако, этимология всех этих слов вообще установлена правильно, то все-таки, насколько я знаю, ничто нам не мешает выводить *u* в этих кельтских словах из более старого *o*; *dluigim,* например, совершенно однородно с ирл. *-tuigim* «крою» (ирл. *dluigim* и древнеисл. *telgia* можно, значит, возводить к корневой форме *delegh-*), а рядом с *mruig,* как Педерсен

---

[34] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]
[35] [Pirmpublicējumā: среднеисл. — Red.]

сам указывает, стоят соответствующие формы других кельтских языков, сохранившие еще старое *o* (брит. *bro*, гал. *Allobroges*), ср. также Thurneysen Handbuch des Alt-Irischen § 71. Итак, данные кельтских языков, по моему мнению, дают еще меньше основания говорить об особом ^{u}r, ^{u}l в индоевропейском праязыке, чем данные греческого и латинского языков.

Обращаясь теперь к вопросу, при каких условиях является гласный *u* (праслав. ъ) в сочетании с плавными и носовыми в корнях ряда *e*, я уже буду иметь в виду только формы балтийских и славянских языков, так как их *u* (ъ) в данном случае, вероятно, не имеет ничего общего с греческим υ и латинским (кельтским и армянским) *u*. Вопрос этот тем труднее, что в этом отношении, как уже выше указано, иногда расходятся друг с другом не только славянские языки, с одной стороны, и балтийские, с другой стороны, но даже наречия одного и того же языка (примеры — не все[36] — совпадения балтий-//ского *u* с праславянским ъ дают 14
И. Шмидт KZ XXXII 384[1] и Бругман Grdr. I[2] 453 сл.). Бецценбергер пришел (BB XVII 213 слл.) к заключению, что балтийские *ur, ul* и т. д. являются только в двусложных корнях. Нельзя, однако, этого доказать относительно всех форм с *ur, ul* и т. д.; ср. наприм., лит. *sluñkius* «Schleicher» при *sliñkti* «schleichen», праслав. **търгъ* (р. *торг*, серб. *трг* и др.), лит. *turgus* «рынок» и др. Затем Бецценбергер сам признает, что в формах, ведущих свое начало от двусложных корней, являются также *ir, il* и т. д. А то обстоятельство, что в одних случаях являются *ur, ul* и т. д., в других же — *ir, il* и т. д., он объясняет предположением, что рефлекс плавных

---

[36] Можно, наприм., еще прибавить: лит. *kùrpė*, ла. *kuŕpe*, пр. *kurpe* «башмак», серб. *крпље* «calceatus quidam per nives vadantium», п. *karpie* «лапти» и др., ср. Krček Grupy 89 слл.; лит. *bùrtas* или (псалтырь 1625 г., пс. 16, 6) // *burta* «жребий», ла. *burtas kùoks* «бирка», р. *борть* и др. 14
(ср. Потебня Жив. Стар. 1891 г., III 119 сл. и Mikkola Сборник в честь Ягича 362); цркслав. *гръсть*, р. *горсть*, ла. *gurste* «связка льна» (первоначально «горсть» льна). Кроме того, следует иметь в виду, что в славянском сочетание *ьл* в положении перед согласными совпало в большинстве случаев с *ъл*, так что (за исключением немногих западнославянских форм вроде п. *wilk* «волк», ср. Pedersen KZ XXXVIII 320) качество первоначального гласного перед *л* обнаруживается только в положении после задненебных; а иногда получалось *ь* из *ъ* (и наоборот) под влиянием гласного следующего слога (ср., наприм., указания Фортунатова в Изв. XIII, кн. 2, стр. 4 слл. и Вондрака Vergl. slav. Gramm. I 150 слл.), так что, ввиду однозначащего лит. *grumėti* (у Юшкевича), р. *греметь* и п. *grzmieć*, наприм., восходят, может быть, через *грьмѣти* к **гръмѣти*.

и носовых сонантов «von der färbung je des zweiten wurzelvocals desjenigen lautcomplexes abhängig war, aus welchem $\bar{r}$, $\bar{l}$ hervorging, dass also das *i* von z. b. *ìlgas* durch das von δολιχός ... bedingt ist. In gleicher weise lassen sich auch z. b. *iriù* «rudere», *irtojis* «ruderer» : gr. ἐρέτης, lit. *kirkiù* «kreische» : gr. κερκιθαλίς «reiher» (dagegen *kurkti, krokti* ... : κέρκαξ «habicht») auffassen. Diese annahme führt freilich — da z. b. *ìlgas* auf grundsprachlichem *dl̥ghó-s* beruht — zu der weiteren, dass bereits in der grundsprache mindestens zwei, verschieden gefärbte *schwâs* vorhanden waren (l. c. 220 сл.)». Но это предположение о влиянии гласного второго корневого слога не может считаться доказанным приведенными тремя примерами, и ему противоречат формы вроде лит. *gruménti* «греметь» (: греч. χρεμετίζειν «ржать»), лит. // *kùrpė* и пр. (: лат. *carpisculum* «род обуви», древнеирл. *cairem* «сапожник» и др.), лит. *šurmai* «abgebröckelte torfstückchen, abfall von torf oder dgl.» Bezzenberger l. c. 217 и Lit. Forsch. 186 (: скр. *aśarīt* «zerbrach», авест. *sairi-* «Bruchstück», лат. *caries* «гнилость») и др. Ввиду всего этого гипотеза Бецценбергера о происхождении *ur, ul* и т. д. не может считаться правдоподобной. — Более распространенным (благодаря Бругману) и чуть не господствующим в настоящее время, кажется, можно считать то мнение, по которому балт. *ul, ur* и т. д. являются (вместо *il, ir* и т. д.) в положении после губных и (лабиализованных) задненебных. Правда, оно не высказывается в такой определенной форме. Так, наприм., Бругман считает (в KVG 123) «die *u*-Farbe» за «Ergebniss assimilatorischer Einwirkung von (labialen und velaren) Nachbarkonsonanten auf den bereits reduzierten Vokal»; с большей определенностью он говорит об «*u*-Entwicklung bei r, l hinter Labialen, Velaren etc.» в своем Grdr. I² 455 (и тут дело не обошлось без etc.). И Зоммер говорит (в Handbuch der lat. Laut- und Formenlehre, стр. 54): «Bereits in der idg. Ursprache bekamen r und l bisweilen ein *u*-farbiges Timbre infolge der umgebenden Laute, namentlich nach Labialen und Labiovelaren. Das *u*-Timbre trat aber durchaus nicht unter allen Umständen in dieser Stellung ein: bisweilen erscheinen Formen von einer Wurzel mit r, l in der einen Sprache *u*-farbig, in der andern nicht, manchmal sind auch in einundderselben Sprache b e i d e Formen vertreten». Эта неопределенность в выражениях, конечно, обусловлена теми фактами, которые нам представляются в данном случае в отдельных языках, и сама по

себе уже возбуждает сомнение в правильности этого мнения. Оно возникло, вероятно, под влиянием данных греческого языка, по отношению к которому оно, может быть с известными ограничениями (о которых сказано выше), действительно может признаваться правильным. Для славяно-балтийских же языков, как легко убедиться, оно не может быть принято. Из 29[37] // балтийских форм с *ur, ul* и т. д., приведенных Бецценбергером BB XVII 214 слл., только в 14 словах стоит перед *u* губной или задненебный согласный, и из 15 остальных форм только в четырех сочетания *ur, ul* и т. д. стоят перед губным и задненебным. А с другой стороны, любой словарь славяно-балтийских языков показывает, сколь многочисленны в них формы с *ir, il* и т. д. и после губных и задненебных, и перед ними. Ни к чему тут не ведет также соображение Бругмана (Grdr. I² 455), что «die lautgesetzliche Entwicklung durch Analogiewirkungen durchkreuzt wurde: z. B. kann gr. γαρ- (γάργαρα) neben γερ- (γέργερα· πολλά Hes.) aufgekommen sein nach dem Verhältnis von δαρ- zu δερ- u. dgl.». Об этом можно было бы думать, если бы в большинстве славяно-балтийских форм с *ur, ul* и т. д. перед *u* стоял губной или задненебный (при действительном же положении дела с таким же правом можно было бы считать новообразованиями по аналогии славяно-балтийские формы с *ur, ul* и т. д. в положении после губных и задненебных) и если бы мнимые новообразования (с точки зрения Бругмана) встречались только в таких категориях форм, которым свойствен тот или другой определенный корневой гласный. Можно бы, например, себе представить, что рядом с лит. *gemù,* лa. *dzęmu* «рождаюсь» возникло «новообразование» лит. *giñti,* лa. *dzimt* «рождаться» вместо **gumt(i)* по аналогии, наприм., к лит. *dìlti,* лa. *dìlt* «убывать (от трения), износиться» рядом с настоящим врем. лит. *delù* (в жем. наречии), лa. *dęlu,* подобно тому как возникло, наприм., лит. *braidýti* (или *bráidžioti* вместо старолит. *bradžioti,* наприм. у Даукши Post. 165, 1) «umherwaten» рядом с *brìsti* (с наст. вр. *bredù*) «waten» по аналогии, наприм., к лит. *knaisýti* «fortgesetzt wühlen» (рядом с *knìsti* «wühlen») или *snaigýti* «etwas schneien» (рядом 16

---

[37] Я исключаю при этом лит. *kulkà* «пуля», считая его с Брюкнером заимствованным из польского языка, и лa. *sûnas* «мох», не считая возможным возводить его с Бецценбергером к **sumnās,* так как, по моему мне-//нию, тавтосиллабическое *m* в латышском языке не подвергается вокализации, ср. мою статью в Изв. XV, кн. 2, 198 слл. [šai izdevumā II 144 skk. — Red.]. 16

с *snìgti* «schneien»). Но какой аналогией объяснять *i* (*ь*), например., в лит. *pir̃štas,* праслав. **пьрстъ* «палец» или *u* (*ъ*),
17 например., в лит. *dumiù,* пра-//слав. **дъмж* «дую» и др.? И если ввиду этих непреодолимых затруднений, с которыми сопряжена теория о влиянии губных и задненебных, Вондрак с своей стороны говорит (Vergl. slav. Gramm. стр. 329), что «für die Qualität der Halbvokale war offenbar die Umgebung, insbesondere wohl auch der Klang der nächsten Silbe massgebend», то это, несмотря на внушительное «offenbar», только похоже на какое-то объяснение, на самом же деле — голословное предположение[38]; нетрудно ведь убедиться, что балт. *ir* и т. д., праслав. *ьр* и т. д., с одной стороны, и балт. *ur* и т. д., праслав. *ър* и т. д., с другой стороны, встречаются в соседстве всевозможных звуков. Если же и Вондрак захотел бы тут сослаться на действие аналогии, то с одинаковою убедительностью он мог бы доказать, например, что *ur* и т. д. имело место перед *u* (*o*) следующего слога, и противоположное этому положение. Ввиду всего этого я вообще считаю невозможным возводить *ir* (*ьр*) и т. д. и *ur* (*ър*) и т. д. к одному и тому же звуку индоевропейского праязыка. Значительная часть случаев *ur* (*ър*) и т. д. представляет собою звукоподражательные формы, как наприм. лит. *gùlkščioja* «es geht das Gerücht» : праслав. **гълкъ,* лит. *kur̃kti* «quarren», ла. *kunkstêt* «стонать» и др.; в них, вероятно, никогда никакого *r* и т. д. не было, но уже искони имелось сочетание *ur* и т. д. (*ur* в лит. *kur̃kti,* например, может быть одинаково древним с *er*, наприм., в греческом κερκίων — род птицы). То же самое, может быть, следует сказать о некоторых вполне изолированных словах с *ur* (*ър*) и т. д., которые могут быть сравнительно позднего происхождения[39]. Что же

---

[38] Также предположение Розвадовского RSl. I 224, что в литовских словах на *-us* корневое *-ir-* путем ассимиляции перешло в *-ur-*, мне представляется сомнительным: ср., наприм., ла. *dzirnus* «мельница», *tirgus* «базар».

[39] Относительно литовско-латышских слов с *ur* и т. д. следует, кроме того, считаться с возможностью, что некоторые такие слова имеют, подобно лит. *šulnas* «Galoppierer» (при *šuoliais* «im Galopp»), лит. *pùlti,* ла. *pult* «падать», *u* из *uo* перед тавтосиллабическими *r, l, n, m* (ср. также Lorentz IF VIII 93 слл.); так, может быть, наприм., лит. *stùmti* (наст. вр. *stumiù*), ла. *stum̃t* (наст. вр. *stumju*) «schiebend stossen» рядом с ла. *stuomîtiês* «stottern, stammeln, stolpern» (относительно значения ср. ла. *stuostît* «stossen» : *stuostîtiês* «stottern», нем. *stottern* : *stossen* : *mit der Zunge anstossen;* иначе смотрят на *stùmti* Walde под *stuprum*, Wood IF XXII 148, Bezzenberger KZ XLII 192 и др.). Что же касается формы *stuostît*, то она,

касается // тех славяно-балтийских слов с *ur (ър)* и т. д., в 18
которых *u (ъ)* несомненно чередуется с гласными *e* : *o*, то ввиду невозможности объяснить это *u (ъ)* влиянием соседних звуков я держусь мнения Микколы (IF XVI 99), который говорит (ср. также BB XXII 252 сл.): «Vielleicht werden wir noch °*r*, °*l* als Reduktionsstufen zu *or, ol* ansetzen müssen, da *ъr* neben *ьr in* einigen slavischen und *ur* neben *ir* in einigen baltischen Wörtern kaum anders zu erklären ist»[40]; ср. также Rozwadowski RSl. I 223. Это мнение, правда, не может быть доказано, но не может быть также опровергнуто, и появление *ur (ър)* и т. п. им объясняется хорошо. И следует отметить, что в целом ряде примеров рядом с формами с *ur (ър)* и т. д. или исключительно известны формы с *ar (ор)* и т. д., или же ближе всего по значению и форме к формам с *ur (ър)* и т. д. стоят именно формы с *ar (ор)* и т. д.; ср. наприм., лит. *ungurys* «угорь» : пр. *angurgis*, лат. *anguilla* т. ж. с.; лит. *kùlti*, ла. *kult* «колотить, молотить» : лит. *kálti*, ла. *kalt* «ковать», р. *колоть* и др. (ср., наприм., Walde под *clādēs*); лит. *volungė* : ла. *vāluodze* (с *uo* из прабалтийского *an*) «иволга»; лит. *dumiù* (с инфинитивом *dùmti*), црксл. *дъмж* «дую» : црксл. *джти*, серб. *дути* и др. (ср. Mikkola BB XXII 251); прусск. *unds*, ла. *ûdens* (с *ū* из *un*), жем. *undin-* (ср. Изв. XIII, кн. 4, 189[40a]) : верхнелит. *vanduõ* «вода» (если же перед балтийским *und-* «вода» никогда никакого *u̯* не было, то *u* получилось из неудар. индоевропейского *u̯e* или *u̯o*, а не из °); р. *кортышки* : древневерхнен. *harti* «плечная лопатка»; р. (диал.) *колдыка* : гот. *halts* «хромой»; чешск. *krsati* «abnehmen» : лит. *káršti*, ла. *kārst* «стареть»; п. *karw*, прусск. *kurwis* «бык» : лит. *kárvė*, р. *корова* и др.; лит. *gulbis*, // ла. 19
gulbis, прусск. *gulbis* «лебедь» : црксл. *голжбь* и каш. *kietb* «лебедь» (у Прейса ЖМНПр. 1840 г., окт.) : лат. *columbus* «голубь»; лит. *gruménti* «греметь», прусск. *grumins* «гром» : црксл. *громъ*; ла. *tumsa* «темнота», *tumšs* «темный» : лит. *tamsà*, *tamsùs* т. ж. с. (первоначально, вероятно, имелись рядом **tómsā* и **t°msùs*, откуда **tamsà* и **tumsùs*, причем **t°msùs*, вероятно, новообразование — под влиянием **tómsā* — вместо первоначального **tm̥sùs* [к **temos* ср. лат. *temere*

может быть, возникла из **stuo[m]stît*. В других случаях, где *u* чередуется с *u̯e* или *eu*, *u* иногда может быть сокращено из *ū*, так, наприм., вероятно, в лит. *dùlkės* «Staub» (рядом с *dūlis* «Räuchermasse», скр. *dhūli-* «Staub», *dhūlikā* «Nebel», латинск. *fuligo* «сажа»). [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[40] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[40a] [Sai izdevumā II 52. — Red.]

«необдуманно»], откуда восточнола. *timss* > *tymss* «темный», наприм. у Бецценбергера Lett. Di.-St. 95[2]. Основы на *-u*, как известно, в большинстве случаев имели ударение на *-u* и слабую ступень гласного в корне); лит. *sųsti*[41] или *suntinti*, ла. *sùtît* : гот. *sandjan* «посылать»; цркcл. *кръчь* «faber», лит. *kùrti* «строить» (тожественным с этим глаголом я, подобно Лескину Abl. 317, считаю лит. *kùrti*, ла. *kuŗt* «Feuer anmachen, heizen», между тем как обыкновенно эти глаголы возводятся к двум различным корням: в последнем значении их первоначальным, да и теперь еще весьма употребительным дополнением является слово *ùgnį, uguni* «огонь» [ср. также цркcл. *крада* «костер»]) : скр. *karōti* «делает» (ср. также формы *akar, karati*), серб. *крт* «durus», ла. *kuŗtêt* «holzig werden», может быть, к гот. *hardus* «hart»; лит. *drumstis* : *dramstis* «хмуриться»[41]; лит. *nuskùręs* «abgelumpt» : *nuskāręs* «zerlumpt»; ла. *skurbtiês* «sich drehen», *skurbt* «schwindlig, ohnmächtig werden», *skurbinât* «in die Runde drehen bis zum Schwindligwerden» (и цркcл. *скръбь* «скорбь»?) : ла. *skārbt* «ohnmächtig werden» (и р. *коробить*, чешск. *krabiti* «hohlrund machen, falten»?); лит. *smulkùs* : ла. *smalks* «тонкий»; праслав. **гърбъ* (ср. также литовские и прусские формы с *gurb-* у Буги Aistiški studijai I 134) : лит. (диал.) *gaŗbanà* «выпуклина» (у Юшкевича 700), прусск. *-garbs* (в названиях местностей; ср. также Bezzenberger BB XXVIII 159 сл.) «гора» (и гр. κορυφή?); ла. (диал.) *kuorns* (наприм., в Шлеке, со свойственным тамошнему говору переходом *ur* перед согласными в *uor;* ср. также финск. *kuurne* или *kuurno*) или *kurls* или (восточнола.) *kursls* (наприм., в LChr. Вольтера 146, 5), лит. *kuŗčias* или *kurlas* (у Гейтлера Lit. St. 93): авест. *karəna-*, новоперс. *kar* // «глухой»; цркcл. *крънъ*, р. *корно-* : скр. *karṇa-s* «stutzohrig»; прусск. *kuntis* из **kumptis*, лит. *kùmstė* «кулак» (сопоставление этого слова с цркcл. *пѧсть*, древневерхнен. *fūst* не очень убедительно), ла. *kuŗšķis* «горсть» из **kumstis* (ср. мои Латышские предлоги I 34[42]), может быть (с утратою *p* после *m*), к ла. *kampt* «хватать» (относительно значения ср., наприм., алб. *dorε*, гр. χερ-, арм. *jeŕn* «рука» : скр. *hárati* «берет, держит»; гот. *handus* «рука» : *-hinþan* «ловить, хватать» и, может быть, древневерхнен. *fūst*, цркcл. *пѧсть* к гот. и древневерхнен. *fāhan* «ловить, хватать»? v. Grienberger

[41] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]
[42] [Sai izdevumā I 341 sk. — Red.]

же сопоставляет в Sitzungsberichte Венской академии т. 142, VIII 110 прусск. *kuntis* и лит. *kùmstė* с гот. *handus*); лит. *apsimuldyti* «ошибиться», ла. *muldêt* «herumirren, irre reden» : *maldîtiês* «блуждать»; ла. *skulbêt* или *skulbinât* «läuten» : лит. *skalbti* «mit dem Waschholz schlagend waschen», *skalbinti* «ein Gerücht verbreiten» (ср. этимологический словарь Прельвица под κολάπτω) ; лит. *dùlbis* «неповоротливый, непроворный» : *dátba* «неуклюжий человек»; ла. *skumt* «печалиться», может быть, к гот. *skaman sik* «стыдиться» (ср. древнеисл. *harmr* «Kummer, Harm, Schimpf» : црксл. *срамъ*); р. *моргота* (= *туман*), чешск. *mrhůlka* «Staubregen» : ла. *mārga* «sanfter Regen» (ср. Torbiörnsson Liqmet. II 42); р. *морщить*, чешск. *mrštiti* у др. : чешск. *mraštiti* «runzeln»; р. *порскать* и др. : верхнелуж. *próskać* «krachen, platzen» и др., ср. Torbiörnsson l. c. II 57 сл.; р. *скорлупа*, п. *skarłupa* и др. (ср. Torbiörnsson l. c. II 76 слл.) : црксл. *скралупа;* р. *ворчать* и др. (ср. этимологический словарь Миклошича) : црксл. *врачь* «medicus»; лит. *sluñkius* : *slañkius* «Schleicher»; црксл. *грѣсть*, лит. *gurstė* (ср. выше) : греч. ἀγοστός «ладонь» из **ἀ-γορστός* (ср. Solmsen Beiträge z. griech. Wortf. I 1 слл.); црксл. *клѣка* «poples», лит. *kulkšìs* «лодыга» : лат. *calx* «пята»; р. *борщ* и др., ла. *burkšis* : ла. *bārkstes* «Fransen, Verbrämung; Warzen oder Borsten im Maule des Hornviehs», *bārstes* «Hungerzitzen im Maule des Rindviehs», лат. *fastigium* «верх, верхушка», ирл. *barr* «Schopf, Gipfel», древнеисл. *barr* и др., ср. этимол. словарь Бернекера под *bъrščь*[43] //. Некоторые из этих примеров (лит. *ungurỹs*, црксл. *клѣка*, р. *борщ*), кажется, говорят в пользу того, что *ur* (*ър*) и т. д. может восходить также к индоевропейскому *ᵃr* и т. д. И тут можно указать, что до известной степени подобную этому мысль высказывает проф. Богородицкий (Очерки по языковедению[3] 357): «В праславянском иногда первоначальный полный вид вокализма ... мог становиться в слабое положение, благодаря чему развился новый слой ослабления, который смешивается с ослаблением древнего происхождения. Согласно с моим пониманием, наприм., мертвый ... получилось из ариоевропейского ослабления первого полного вида 21

[43] Если в большинстве (28) этих (37) примеров перед *и(ъ)* стоит задненебный или губной, то это объясняется не мнимым влиянием задненебных // и губных на возникновение *и(ъ)*, но преобладанием этих согласных над зубными в положении перед *or, ol,* как легко убедиться хотя бы по списку таких форм в известном труде Torbiörnsson'a «Die gemeinslavische Liquida-Metathese». 21

[т. е. *er*], а *горбъ* ... из ослабления в праславянскую эпоху второго полного вида [т. е. *or*] (рефлекс *ор* = *ръ* может восходить к ае. $*^{a}\underline{r}$)». На предыдущей странице, однако, он, никак не обосновывая этого, говорит, что также из индоевропейского $^{e}\underline{r}$ и т. д. в балтийском и славянском получилось — рядом с *ir* и т. д. — и *ur* и т. д. Затем, как видно, он без всякого основания приписывает *ur* и т. д. из ^{o}r и ^{a}r только праславянскому языку, тогда как связь этого славянского *ър* с балтийским *ur* едва ли подлежит сомнению. Относительно времени возникновения *ur* и т. д. из ^{o}r и ^{a}r можно колебаться только между эпохами славяно-балтийскою и праиндоевропейскою. Ответ на трудный (решенный проф. Богородицким слишком поспешно) вопрос о времени возникновения *ur* (*ър*) и т. д. из ^{o}r, ^{a}r зависит главным образом от того, имеются ли рефлексы ^{o}r, ^{a}r также в прочих индоевропейских языках
22 или нет[44]. Такое // ^{o}r (^{a}r) могло совпасть с *or* (*ar*) или с $\underline{r}$ (из ^{e}r) или же, развиваясь самостоятельно, — как в славяно-балтийских языках, — дать в результате *ur*. Так как в германских языках *ur* и т. д. получается уже из $\underline{r}$ (^{e}r) и т. д., в кельтском — в ирландской (и отчасти и в британской) его ветви — *u* совпадает с *o*, чередуясь с ним в зависимости от качества последующих звуков (почти так же, как в германском старое *u* с новым *o*), в албанском же количество незаимствованных форм довольно ничтожно, то для нас в данном вопросе имеют значение только италийская, греческая и арийская ветви, да и в армянском, как известно, *u* правильно получается из $\bar{o}$ и перед тавтосиллабическими носовыми также из всякого *o* и выпадает в неконечном слоге не только *u*, но и *i*. Только с этою оговоркою о двусмысленности армянского вокализма можно бы, помимо вышеупомянутых *ekul* «он проглотил» и *kur* «корм», здесь еще привести арм. *urǰu* «пасынок» (по мнению Budde KZ XXXII 23, *u-* из $\bar{o}$-[45]) рядом с *ordi* «сын»; *urd* «canalis» рядом с *ord* т. ж. с.; *slanam* «лечу,

---

[44] Бодуэн де Куртенэ говорит относительно этого IF XXV 84: «Einer von solchen Unterschieden [в образовании сонантов] hat eine ganz besondere Bedeutung. Es ist der Unterschied der mittellingualen (palatalen) und nichtmittellingualen (nichtpalatalen) Mundöffnung ($\underline{r}^{i}$, $\underline{l}^{i}$, $\underline{n}^{i}$ ... neben $\underline{r}^{o}$, $\underline{l}^{o}$, $\underline{n}^{o}$ ..., wobei ^{o} neben dem Sonantenzeichen als ein ganz allgemeiner Ausdruck für nichtpalatale Mundöffnung zu betrachten ist). Dieser Unterschied ist in den meisten ae. (ig.) Sprachgebieten spurlos verschwunden. Er blieb erhalten nur bei den Slaven». Что это различие сохранилось также в балтийских
22 языках, не подлежит со-//мнению. О происхождении $\underline{r}^{o}$ и т. д. (рядом с $\underline{r}^{i}$ и т. д.) Бодуэн де Куртенэ не говорит.

[45] [Autora eksemplārā malā: cf. Lidén Arm. 53 //]

спешу» (по мнению Шефтеловица BB XXVIII 283, *u*, бывшее между *s*- и *l*, из *ō*) рядом с скр. *šalati* «поднимается, спешит»; арм. *xuł* «хижина» (по мнению Шефтеловица l. c. XXVIII 311, *u* из *ō*) рядом с скр. *khala*- «амбар»; арм. *-mutʃ* «ночь» (по мнению Шефтеловица l. c. XXIX 17, с *u* из *ō*) рядом с гр. μόρφνος «dunkelfarbig» (?). Затем Walde возводит в своем этимологическом словаре под *curvus* к корню *qer*- «biegen, drehen» между прочим также арм. *kuṙn*[46] «спина», алб. *kuŕis* т. ж. с. и гр. κυρτός, тогда как Шефтеловиц l. c. XXVIII 304 производит эти слова и арм. *kur* «чан, корыто» (и скр. *kuṇḍa*- «кружка, горшок») и *kutth* «горшок» (по моему мнению, более правдоподобно) от корня *kur*-. Мало света проливают на этот темный вопрос также арийские языки. Бругман склонен думать (Grdr. I² 454), что, может быть, скр. *u* в *ur, ul* в положении перед гласными тожественно с балт. *u* (праслав. *ъ*) перед плавными и носовыми (ср. также статью Фортунатова KZ // XXXVI 19 слл. и 23 слл.), и некоторыми учеными (ср. Wackernagel Altindische Gramm. 21) подобно объясняются скр. *múni*- «аскет», *tuna*- «потомство» и др. Но появление санскритского *u* по крайней мере отчасти обусловлено качеством предшествующего согласного (после губных, как известно, является исключительно *u*), и для сопоставления его с славяно-балтийским *u* необходимо указать примеры санскритского *u* также в таких случаях, когда за плавным или носовым следует согласный звук. Несколько таких примеров, правда, указывается. В грамматике Вакернагеля (стр. 30) приводятся скр. *gulma*- «Geschwulst» (ср. Zubatý AfslPh. XVI 424 и словарь Walde под *glans* и *glomus*), *kulmala*- «Hals der Pfeilspitze» (ср. словарь Walde под *celsus*), *gulpha*- «Knöchel» (ср. этимологический словарь Uhlenbeck'a), *kulmi*-[47] «Heerde» (: гр. τέλος «Schar»), *kulva*- «kahl» (относительно форм с *-ulv-*, *-urv-* ср., впрочем, Brugmann Grdr. I² 458), *bulva*- «schief». Педерсен приводит (Vergl. Gramm. d. kelt. Spr. 175) также скр. *urvarā* «Saatland», авест. *urvarā*- «Pflanze» (: ирл. *arbar* «Getreide», гр. ἄρουρα «Ackerland»); и скр. *kumpa*- «lahm an der Hand» сопоставляют некоторые, наприм. Walde (под *campus*, где *kumpa*- с вопросительным знаком возводится к **kəmpó*-), Uhlenbeck, Prellwitz (под καρπή; здесь им сюда относится, между прочим, также лит. *kumpti* «krumm werden», тогда как под κύπελλον он, считая *m* в однозначащем ла. *kumpt* и в лит. *kumpas* «krumm» носовым инфиксом, возводит

23

[46] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[47] С *u* вместо *a*, может быть, под влиянием *kula*- «Geschlecht».

эти слова к корню *kup-*), с лит. *kumpas* «krumm», гр. καμπός «gekrümmt», гот. *hamfs* «verstümmelt» и др. Больше примеров с *ur, ul* представляют греческий и латинский языки, о которых уже выше была речь, но и в них меньше их, чем в славяно-балтийских языках. И то обстоятельство, что форм с *ur* и т. д. в славяно-балтийских языках значительно больше, чем в прочих индоевропейских языках, говорит в пользу более близкого сродства славянских и балтийских языков, даже если бы пришлось допустить историческую связь между
24 славяно-балтийским *ur* и т. д. с // *ur* и т. д. в прочих индоевропейских языках. Ввиду всего вышесказанного я скорее склонен отрицать эту связь. Что же касается времени возникновения славяно-балтийского *ur* и т. д., то можно думать, что оно произошло — в качестве диалектического явления — еще в эпоху индоевропейского праязыка, или же во время распадения единства индоевропейских языков, или же после распадения этого единства.

Общею приметою славянских и балтийских языков Бругман, далее, считает упрощение «двойных» (т. е. долгих) согласных. Такое сообща произведенное упрощение, однако, вовсе не может считаться бесспорным фактом. Прежде всего, тут позволительно сомневаться в существовании унаследованных из индоевропейского праязыка двойных согласных в тех говорах, к которым восходят современные славянские и балтийские языки. Ведь формы вроде II л. ед. ч. скр. *ási,* авест. *ahi,* гр. εἶ и loc. pl. скр. *ą́hasu,* авест. *ązahu* (от основ на *-s*) ясно показывают, что уже в индоевропейском праязыке *ss* упрощалось в *s*. Существовавшие рядом с ними формы вроде II л. ед. ч. гр. ἐσσί и loc. pl. скр. *mánassu,* гр. μένεσσι представляют собою легко понятные новообразования (μένεσσι, например, должно было возникнуть во избежание совпадения с тем же падежом единственного числа), а про формы с одним *s* этого сказать нельзя. Попытку в этом направлении, правда, сделал Бругман в своем Grdr. I² 725, предполагая для индоевропейского праязыка формы loc. pl. вроде **menes* (с упрощением *ss* в конце слова из **meness* от основы *menes-*). Но так как тому подобные формы loc. pl. нигде не засвидетельствованы, то эта гипотеза Бругмана не может считаться правдоподобною; да и сам Бругман, в Grdr. II² 2, 247 слл. по крайней мере, больше не приводит форм loc. pl. вроде **menes(s)*. Ввиду этого Bartholomae, наприм., в Grundr. d. iran. Phil. I § 51 решительно высказывается в пользу того, что двойные свистящие («Zischlaute») были

упрощены уже в индоевропейском праязыке. Но не видно причины, почему бы одно *ss* подвергалось такому упрощению; произношение двойных спирантов ведь даже менее затрудняет говорящего, чем произношение двойных // взрывных 25
согласных. Правильнее поэтому, на мой взгляд, говорит Wackernagel в своей Altindische Grammatik I 111: «Doppelkonsonanten scheinen der Grundsprache ganz oder fast ganz fremd gewesen zu sein». Приблизительно в том же смысле и также не совсем определенно высказывается Meillet в Les dialectes indo-européens 43, усматривая в отсутствии двойных согласных в славяно-балтийских языках «le résultat d'une tendance indo-européenne commune; en baltique et en slave (продолжает Meillet), cette tendance a continué d'agir et a complétement abouti ... En ce qui concerne l'indo-européen, on sait que les consonnes géminées y tiennent peu de place: la plupart de celles qu'on rencontre appartiennent aux hypocoristiques et aux mots du langage enfantin ... En dehors de ces cas tout particuliers (приведены были примеры вроде γόννις ἄττα, древневерхнен. *zocchōn* и др.), l'indo-européen tendait à éliminer les consonnes géminées ... L'élimination des consonnes géminées a donc son origine en indo-européen même». Совершенно отрицать существование в индоевропейском праязыке двойных (= долгих) согласных Wackernagel и Meillet, по-видимому, не решились ввиду форм вроде скр. *attā*, гр. ἄττα, лат. и гот. *atta*, древневерхнен. *atto*, древнеирл. *aite* (с *t*, а не *th*!) и др. Но справедливо говорит Walde в своем этимологическом словаре, что *atta* — это «ein sich auf den verschiedensten Sprachgebieten immer von neuem bildendes Lallwort», указывая, наприм., на мадьярск. *atya*, тюрк. *ata*, баск. *aita* «отец»; примеры из малоазиатских языков дает Kretschmer в своей Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache 349 слл. А если это так, то позволительно думать, что на индоевропейской почве слова вроде *atta* возникли уже после распадения общего праязыка; но возможно и, пожалуй, более правдоподобно и то, что в эпоху индоевропейского праязыка все такие слова произносились еще с кратким (не долгим) согласным и лишь впоследствии, уже на почве (одной части) отдельных индоевропейских языков, стали произноситься с долгим согласным, после того как закон о сокращении долгих согласных перестал действовать и когда в силу различных фонетических процессов долгие согласные возникли и в других // (не «детских») словах. Так, например, 26
в санскрите сохранилось старое *vaśā* «(яловая) корова»

с кратким *ś*, а соответствующее ему латинское слово *(vacca)* стало впоследствии произноситься с долгим согласным (ср. Meillet MSL XV 356) благодаря тому же психическому мотиву, который вызвал, например, долгое *t* в *atta,* вероятно, после того как уже возникли формы с долгими согласными вроде *hocc* «это» (с *cc* из *dc*) или *cassus* «падение» (с *ss* из *dt*) и др. Если это действительно так, то можно сказать, что индоевропейский праязык вообще избегал долгих согласных (за исключением, вероятно, долгих плавных и носовых в положении между гласным и согласным). Сокращение же форм вроде II л. ед. ч. **essi* в **esi* при наличности (и сохранении) форм вроде **atta* для меня, по крайней мере, было бы непонятно. Последняя форма ведь не может претендовать на исключительное положение лишь потому, что она принадлежит к «детскому» языку, так как (как справедливо замечает Meillet l. c. 58) «le langage enfantin est propagé par les personnes qui ont atteint leur développement linguistique complet». Что же касается того, что, по мнению Meillet, (не все, но лишь) большинство слов с «двойным» согласным представляют собою hypocoristica и формы детского языка, то он, к сожалению, не указал ни одного не относящегося к этой категории слова с долгим согласным; а я сам не могу припомнить такого (унаследованного из общего праязыка) слова. Если бы действительно долгие согласные были употребительны в индоевропейском праязыке, то они, вероятно, служили бы и словообразовательным элементом, как это, например, в угро-финских языках (ср., наприм., финск. *kukka* «цветок» : род. п. *kukan*; *seppä* «кузнец» : множ. ч. *sepät* и др.); а между тем из индоевропейских слов с долгим согласным более чем в одном из индоевропейских языков встречаются лишь немногие слова детского языка вроде *atta,* в которых, как выше уже указано, долгота согласного могла возникнуть и после распадения общего праязыка[48]. Этому //

[48] То же самое следует сказать об удлинении (в нескольких индоевропейских языках) согласного в именах личных, и особенно в их
27 сокра-//щенных формах. Ведь и смягчение согласного в качестве словообразовательного элемента, по-видимому, не восходит к эпохе общего индоевропейского языка, хотя оно встречается не только в славянских языках (ср. Berneker Wb. под *gnida* и *gnusъ* и русск. слова вроде *жидюк*), но и в балтийских и в датском языках, ср. KZ XLII 376 [šai izdevumā II 85 sk. — Red.]. И встречающееся в германских языках образование интенсивных глаголов посредством удлинения согласного в конце корня (ср. Trautmann Germ. Lautg. 66) известно также из семитских языков, где в таких случаях удлиняется второй корневой согласный.

моему положению не противоречат санскритские формы вроде 27
átti «ест» и др. с *tt(h)* и *ddh*. Как известно, такое *tt(h)* и *ddh* получилось в индоевропейском праязыке только при встрече конечного зубного согласного корня с начальным зубным согласным суффикса. Если же такое *tt(h)* не упрощалось да и не сохранялось, но через переходную ступень $t^st(h)$ дало в италийских, кельтских и германских языках *ss*, в прочих же языках *st(h)*, за исключением санскрита, где мы находим *tt(h)* (вероятно, из более древнего $t^st(h)$, ср. об этом Meillet l. c. 57 слл.), то это, на мой взгляд, объясняется тем, что в таких случаях — ради большей морфологической прозрачности — произносились (не долгие, но действительно) двойные зубные[49], между которыми, вероятно, уже в эпоху праязыка возникли зародыши свистящих спирантов. Но, как бы то ни было, бесспорно то, что отсутствие «двойных» согласных в славянских и балтийских языках ничего не доказывает в пользу более тесного их сродства. Не исключена ведь возможность, что в славянском праязыке первоначально имелись долгие согласные (взрывные), а потом были устранены одновременно с известными сочетаниями согласных с целью устранения закрытых слогов. Мы, значит, вовсе не знаем, искони ли отсутствовали долгие согласные на славянской почве. Наконец, такое же отсутствие и устранение долгих согласных мы встречаем и в других индоевропейских языках, так в армянском (ср. Meillet l. c. 43), в древне-//иранском 28
(насколько можно судить по письму, не знающему двойных согласных), в албанском, новогреческом и др.

Точно так же совпадение звонких и звонких придыхательных взрывных свойственно не только славяно-балтийским, но также албанскому и иранскому языкам. И также переход конечного *-m* в *-n* знают, кроме славяно-балтийских языков, также армянский, греческий, кельтские и германские языки (ср. также Mikkola RSl. I 12).

Между тем как в своем Grdr. I² 936 Бругман еще был склонен думать, что отпадение конечных *-d* и *-t* произошло в эпоху славяно-балтийского единства, в своей KVG 280 он уже отказывается от этого взгляда ввиду древнецерковнославянского окончания (*-ѫ* и *-а*) III л. множ. ч. аориста (и также Вондрак, Vergl. slav. Gramm. I 384, на том же основании считает это отпадение *-d* и *-t* совершившимся

[49] После того как это было написано, вышла 1-я книжка XV тома Изв., где на стр. 245 также Щерба высказывает мысль, что «эта группа (т. е. *tt*) произносилась с самостоятельной эксплозией обоих *t*».

после распадения славяно-балтийского единства). Насколько упомянутые окончания аориста доказывают существование конечного *-d* и *-t* еще в эпоху славянского праязыка (ср. Brückner KZ XLIII 369 сл.), об этом можно говорить только в связи с остальными явлениями конца слова в славянском праязыке, и потому я здесь ограничусь указанием на то, что даже в том случае, если бы не оказалось в фонетике никаких следов существования *-d* и *-t* еще в эпоху славянского праязыка, все-таки было бы неосторожно думать, что *-d* и *-t* сообща устранены предками славянских и балтийских народов. Ведь в силу закона об устранении закрытых слогов *-d* и *-t* должны были исчезнуть на славянской почве, если они еще существовали до действия этого закона. И эти звуки отпадают также в некоторых других индоевропейских языках.

В силу того же закона об устранении закрытых слогов могло в славянском праязыке исчезнуть *d* перед *m* и *v* (ср. Brugmann Grdr. I² 718), так что было бы неосторожно считать это явление общим новшеством эпохи славяно-балтийского единства.

В прежние времена господствовало мнение (которого и теперь еще держится часть языковедов), что переход индоевропейского *s* в *x* — явление специально славянское. Но
29 после того как уста-//новили, что этот переход совершается приблизительно при таких же условиях, при каких в арийских языках получается *š* из *s*, и что также в литовском языке встречается *š* из *s*, некоторые языковеды относят начало этого изменения *s* в положении после *i, u, r, k* в эпоху славяно-балтийского единства (к чему склоняется, наприм., Бругман в KVG § 297) или даже (в качестве диалектического явления) в эпоху индоевропейского праязыка (как полагает[50], например, Педерсен IF V 83 слл.). Для того чтобы правильно решить этот вопрос, необходимо прежде всего выяснить некоторые его детали. При этом начнем с литовского языка, который по отношению к этому вопросу еще недостаточно разработан. Педерсен пришел l. c. 77 слл. к заключению, что первоначально и в литовском языке после *i, u, r, k* имелось повсюду *š* из *s* и только впоследствии в части случаев это *š* перешло обратно в *s* (и Бругман, Grdr. I² § 906, считает это возможным). Зубатый же, AfslPh. XVI 404[1], считает переход *s* в *š* фонетическим только в положении после *r* и *k* да еще после *i, u* «als reducierten Vokalen» (но не после

[50] К тому же склоняется и Meillet Introd. à l'étude compar.² 67.

первоначальных *i, u*); подобно ему и Mikkola IF XVI 98. Обратимся к деталям. После *r* — в этом Зубатый и Педерсен, по-видимому, правы — получается (из *s*) и сохраняется *š*, как показывают следующие примеры:

miřšti «забывать», *mařšas* «забывание» : скр. *marša-s* «geduldiges Ertragen».

veršis «теленок» или (в Дусятах) «бык» (Būga Aist. St. I 147) : лат. *verres* «кабан», скр. *vṛša-s* «бык».

viršùs : црксл. *врьхъ*, скр. *váršman-* «верх».

širšuõ (такое ударение дает Būga Aist. St. I 152) : црксл. *срьшень*, лат. *crabro* «шершень».

garšvà : древневерхнен. *gers* «сныть».

kařšti[51] «чесать» : средненижнен. *harst* «грабли» и др., ср. Walde под *carro*. //

kiršlỹs : норв. *harr* «хариус», ср. Lidén PBrB XV 509 сл.

mìršta «умираю», с *-štu*, между тем как обыкновенно этот суффикс имеет форму *-stu*; и под влиянием подавляющего большинства этих глаголов говорят также *mùrstu* (от *mùrti* «мокнуть»), *kiùrstu* (от *kiùrti* «дыреть»), *pražiūrstù* (от *pražiūrti* «прозреть»), где *-stu* сохраняет свое значение (чего нельзя сказать про *mìršta*) и где формы настоящего времени реже употребляются.

Как известно, есть в литовском языке и слова с *-rs-*, но позволительно (и ввиду примеров с *-rš-* из *-rs-* следует) думать, что во время перехода *-rs-* в *-rš-* в них еще не было *-rs-* (между *r* и *s* мог быть гласный или *d, t*) или что сами эти слова возникли в литовском языке только после перехода *-rs-* в *-rš-*: *dìrsė* (ла. *dirši*) «костерь» — неизвестного для меня происхождения; ср. разве Leskien Nom. 268, где оно сближается с однозначащим нем. *Trespe*, если в *dìrsė* утрачено *p* между *r* и *s*.

---

[51] Это же слово, по Куршату, употребляется также «als Scherzwort» в значении «быстро идти». А между тем теперь, вслед за Сольмсеном KZ XXX // 601, начали сопоставлять его в последнем значении с лат. *currere* и др., что вряд ли правильно (ср. теперь также Lagercrantz IF XXV 368), так как часто употребляются в значении «быстро двигаться» глаголы, которые, собственно, имеют совсем другое значение, ср., наприм., ла. *(àiz)šautiês* (у Ульмана от *šaut* «стрелять»), *juôzt(iês)* (от *juôzt* «поясать»), *àizpļautiês* «быстро отправиться» (наприм., в вольмарском говоре; от *pļaut* «косить»), *grûst* (у Ульмана; собственно: «толкать»), р. *удрать*, нем. *ausreissen* и др. Так же, по моему мнению, не подлежит сомнению, что р. *(с)махнуть* «schnell hinlaufen», которое Jokl сближает с црксл. *мѧти* «мять» (AfslPh. XXVIII 5, XXIX 22 слл., IF XXVII 310 слл.), тожественно с *махнуть* «winken».

gìrsa, ср. KZ XLIV 58[51a] (ла. *dzirši*), может быть, имеет *s* вместо *š* под влиянием однозначащего с ним *dìrsė.*

gařsas «звук, звон» сближают с *girdėti* «слышать».

girsnúoti или *girsnóti* «fortgesetzt ein wenig trinken» (к *gérti* «пить») с *s* под влиянием форм вроде *kilsnóti* «fortgesetzt hin und her heben» (к *kélti* «поднимать») или *kalsnóti* «fortgesetzt hämmern» (к *kálti* «ковать»), ср. Leskien Nom. 368.

karstas «могила» у Даукши Post. 238, 14; 239, 16, 17, 18 для меня тем менее ясно, что Нессельман дает (из рукописных словарей) *karštas;* Буга Aist. St. I 139, вероятно
31 правильно, // сближает это слово с ла. *šķiřsts*[52] «сундук, гроб», но корень его отсюда не выясняется.

kersė «Karitzkenkraut» (ср. ла. *ķērši* «Brunnenkresse») — неизвестного для меня происхождения.

Kirsna (название какой-то речки) сопоставляют с скр. *kṛšṇá-s* «черный». Но первоначального значения этого имени мы ведь вовсе не знаем, и, допустив, что оно значило «Черная», можно объяснять его *s* (ср. *kéršas* «weiss und schwarz gefleckt») или влиянием других названий (рек) на *-sna,* если таковые имеются в окрестностях Кирсны, или же тем, что литовцы, может быть, уже после перехода *-rs-* в *-rš-* переняли это название у другого балтийского племени (с *-rs-*)[53].

В *nařsas* «гнев» между *r* и *s*, вероятно, утрачено *t,* ср., наприм., *nartint* «гневить» у Даукши Кат. 26, 22 и др., у Траутмана Arg. Spr. 384[54].

purslas или (у Буги Aist. St. I 176) *puřslos* «Schaumspeichel» — скорее всего звукоподражательное слово (Буга l. c. дает целую коллекцию сходных по звукам и значению слов), причем *-s-* (вместо *-š-*), вероятно, объясняется влиянием слов

[51a] [Sai izdevumā II 390. — Red.]

[52] Обыкновенно это слово считается заимствованным из финских языков, как и р. *корста* «арса».

[53] После того как это было написано, Каз. Каз. Буга мне любезно сообщил, что *Kirsnà,* acc. s. *Kiřsną* (название речки Кальварийского уезда Сувалкской губ. и приток реки *Deimenà* в прусской Литве) он считает прусскою по происхождению формою ввиду лит. *Kirkšnó-upis* и *Kiřkšnis* (речки в Ковенской губ.).

[54] Траутман пишет *nartìnti,* следуя, должно быть, Куршату, который, однако, дает это слово только в скобках, не зная его из своего родного говора и ставя ударение, вероятно, по аналогии других слов. Даукша же l. c. имеет ударение на первом слоге. — В *niřšti* «ergrimmen» *š*, может быть, вызвано влиянием однозначащего *kiršti*; ср. *keršte ir narše* у Бецценбергера BGLS 81.

с суффиксом *-sla-*, ср. Leskien Nom. 453 (и *apsipuršlóti* 455).

skeřsas «поперечный» является с таким же *s*, как и цркcл. *чрѣсъ* (при греч. ἐπικάρσιος и др.), так что приходится думать об исчезновении зубного согласного между *r* и *s*, ср. словарь Бернекера 149. Предложенное же Бругманом Grdr. I² 786 объясне-//ние, будто бы второе *s* в *skeřsas* — 32
результат влияния начального *s-*, и само по себе не очень убедительно (за неимением аналогичных примеров), и совершенно непригодно для славянской формы.

smarsas «Fett, mit dem man Speisen abmacht» (instr. s. *smársu* у Даукши Kat. 28, 10), вероятно, когда-то имело *t* после *r*, ср. гот. *smairþr* «жир» (Лескин же, l. c. 595, сближает его с *smirděti* «вонять»).

tursóti «mit vorgestrecktem Hintern kauern», вероятно, произведено от глагола *turěti* в значении «держать», которое и теперь еще известно в части литовских говоров, наприм. LChr. 381, 18; 385, 39; 386, 4, посредством довольно употребительного суффикса *-soti*, ср., наприм., *vypsóti* к *vieptis*, *šypsótis* к *šieptis*, *kniúpsoti* «dauernd gebückt dasitzen» к *kniúpoti* и др. у Куршата Gr. § 1249, где *s* правильно сохраняется (относительно значения ср. ла. *nùoturinât bę̀rnu* «ein Kind abhalten» scil. ad cacandum). Если это так[55], то формы *tuřs(l)inti*, *tursomiegis* и *tursas* (это слово не засвидетельствовано, но только предположено Нессельманом, ср. Leskien l. c. 189) созданы на основании глагола *tursóti*.

tvárslės «Fahrleine beim Fuhrwerk» и *versmė*[56] «источник» сохраняют *s* под влиянием других слов с суффиксами *-slė* и *-smė*, ср. Leskien l. c. 426 и 459.

varsà (такое ударение дает Буга Aist. St. I 72) «Flocke von Wolle ... am Fleisch», по мнению Брюкнера Litu-slav. Stud. I 151, — заимствование из русского языка *(ворса)*.

vėversỹs[57] (пр. *werwirsis*) «жаворонок» — неизвестного для меня происхождения.

Под влиянием форм с правильно сохранившимся *s*

---

[55] Zupitza же, BB XXV 97 сл. (также Pedersen Vergl. Gramm. d. kelt. Sprachen I 83), сближает это слово с ирл. *tarr* «спина, зад, брюхо», древнебрет. *tar* «брюхо» и др., предполагая для этих кельтских и литовских слов *-rs-* из *-rds-* на основании германских форм вроде древнеисл. *stertr* «хвост» и др. В таком случае пришлось бы возводить лит. *tursóti* к незасвидетельствованному *tursas* «задница», причем я не мог бы понять, каким путем установилось за глаголом *tursóti* его теперешнее значение.

[56] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[57] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

(в положении не после *r* и *k*) сохраняется *s* после *r*, далее,
33 в суф-//фиксе будущего времени (наприм., *gérsiu* «буду пить»), в производных глаголах на *-styti* (откуда далее *-stinėti*), ср., наприм., *barstýti* к *beriù* (как, наприм., *ramstýti* к *remiù*) или *kárstyti* и *karstinėti* к *kariù* (сюда ли относятся *karstenys* и *pérkarsta* «Leinwandszierrat» или же, по словарю Нессельмана, к *perkartoti* «einen Strich durchnähen»?), в суффиксах *-snis* (наприм., *skirsnis* «отделение» у Лескина l. c. 373), *-stas* (наприм., *šarstas* «Schaum der Wellen» l. c. 532), *-stis* (наприм., *skìrstis* l. c. 541) и, наконец, везде, где *s* получилось или из *d, t* (как в *kir̃sti* «рубить»), или же из *d, t*+*s* (как в *varsmas* или *varsnà* «Pfluggewende» от *verčiù* «верчу»).

Относительно первоначального *ks* Зубатый и Педерсен уже верно указали, что в литовском языке отсюда правильно получается *kš*[58] («wenn hier *s* steht, so gehört es gewöhnlich einem Flexions- oder Wortbildungselement an, so dass Analogiebildung anzunehmen ist», Педерсен IF V 78). Но так как Бругман в Grdr. I² 785 после этого все еще полагает, что в литовском языке *s* после *k* «regelmässig» сохраняется, то рассмотрим этот вопрос подробнее. Слов с *-kš-* в литовском языке очень много (так что я не в состоянии привести их всех), и по крайней мере в большинстве их *-š-*, наверное, получилось из *-s-*, так как из родственных языков мы не знаем праиндоевропейского сочетания *-qk̑-*. К *k̑* или (в положении перед глухими взрывными согласными) *ĝ(h)* такое *š* после *k* восходит только в тех случаях, где это *k* позже вставлено, как наприм. в *añkštas* «узкий», или в случаях смешения параллельных форм с *k* и *š* (из индоевр. *k̑*), для чего, однако, я сейчас несомненных примеров не знаю; скорее всего так объясняется *kulkš(n)is* «лодыжка» (Leskien l. c. 371), ср., с одной стороны, *kulšnis* т. ж. с. (у Бецценбергера BGLS 82)
34 и *kùlšis* или // *kùlšė*[59] (= пр. *culczi*) «бедро», и црксл. *клъка*

---

[58] Относительно слов с *-rkš-* со вставным *k* (наприм., *šerkšnas* «иней», ср. однозначащее ла. *sērsns*) неизвестно, было ли в них *k* уже во время перехода *s* в *š* (*šerkšnas*, например, может восходить и к **šerksnas*, и к **šeršnas* из *šersnas*).

[59] Траутман Apr. Spr. 365, правда, по примеру Брюкнера, вынужденного оправдать свое предположение, что в прусском языке заимствовано из польского языка «fast jedes fünfte Wort» (KZ XLIII 315), считает пр. *culczi* и лит. *kùlšė* и *kùlšis* заимствованиями из польского языка (*kulsze*). Заимствование тут правдоподобно, но по своему звуковому составу эти слова скорее похожи на балтийские, нежели на польские формы, и поэтому я считаю п. *kulsze* заимствованным из литовского языка. Брюкнер,

«poples» и словинск. *kolk* «бедро», с другой стороны (второе *c* в латинском *calx, -cis* «пята» может восходить и к палатальному, и к велярному *k*). Но, конечно, не исключена возможность, что в *kulkš(n)is* мы имеем дело с таким же вставным *k*, как и в *añkštas*. Есть, наконец, вероятно, несколько слов (созданных на литовской почве) от корней на *-k* с суффиксом, начинающимся с *š-* (из *k̑*); примеры дает Лескин l. c. 598 (следует только иметь в виду, что в некоторых из приведенных им примеров *š* после *k* может восходить к *s*). И часть многочисленных звукоподражательных глаголов с *-kš-* могла возникнуть на литовской почве уже после совпадения *š* (из *s*) и *š* (из *k̑*). Примерами перехода *-ks-* в *-kš-* могут служить:

inkštìras[60] (или *ankštìra* Юшк.) «угорь» (нем. «Finne») со вставным *k*, ср. *instìras* LChr. 353, 26 «закожный червь» (у Куршата *ankštiraĩ* в этом значении), вероятно, с суффиксом *-iras* от старолит. *insčios* (у Бецценбергера BGLS 287) «внутренности», ср. р. *нутрец* «Eingeweidewurm» от *нутро*. Формы с начальным *a-* вроде лит. *ankštiraĩ* (и пр. *anxdris* «уж»), вероятно, возникли путем смешения прабалтийской формы, соответствовавшей древневерхнен. *angar* «Kornmade», р. *угорь* и др. (ср. Trautmann Apr. Spr. 301), и формы *inkštìras* благодаря сходству их значений. В пользу такого объяснения говорит отсутствие суффикса *-stiras* (или *-štiras*); если же Лескин l. c. 162 склонен считать *ankštiraĩ* за Zusammensetzung aus *ánkštis* «Schote» und einer Ableitung von *ìrti* «sich trennen», то мне это кажется совершенно немыслимым в семасиологическом отношении. //

áugštas «высокий», ср. лат. *augustus*. 35

bálkšvas (со вставным *k*)[61] = *balsvas* «беловатый»[62] Leskien l. c. 345, ср. там же другие прилагательные на *-svas*.

drėkštinė (lentà) «eine gerissene (Latte)», вероятно, с суффиксом *-tinė* от глагола *dreskiù, drė̃ksti* «драть» (с перестановкой *sk* перед *t* в *ks* и сохранением *s* под влиянием форм с *-sk-*, как наприм. в *mèksti* «вязать» к *mezgù*).

krìkštas «крест» и *krìkštyti* «крестить» (со вставным *k*, после которого славянское *s* на литовской почве перешло в *š*).

конечно, это отрицал бы, так как он уверен, что в польском языке нет вовсе заимствований из литовского языка. А когда ему указывают на примеры, то он их не признает, так как-де в польском языке нет вовсе заимствований из литовского языка.

[60] [Autora eksemplārā: *inkstìras* vel *inkštìras* Dus. //]

[61] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[62] [Autora eksemplārā: ryt. *bálkstu, pabálkau.*]

Далее, *s* после *k* переходит в *š* в именных формах на *-snus* (ср. *dosnùs* «щедрый» и др. у Лескина l. c. 358), наприм. *rūgšnus* «угрюмый»; на *-sna* (ср. *liepsnà* «пламя» и др. у Лескина l. c. 368 сл.), наприм. *šikšnà* «feines zur Verfertigung von Riemenzeug gegerbtes Leder» (ср. ла. *siksna* и скр. *šikyám* «ремень»); на *-snis* (род. п. *-snies*; ср. nom. pl. *kẽpsnys* «печенье» и др. у Лескина l. c. 370), наприм. *brūkšnis* «черта»; на *-snis* (род. п. *-snio*; ср., наприм., *laipsnis* «ступень» и др. у Лескина l. c. 373 сл.), наприм. *gùrkšnis* «ein hörbarer Schluck von etwas Flüssigem»; на *-snė* (ср. *kąsnė* «беда» и др. у Лескина l. c. 376), наприм. *šukšnės* «Kehricht, Müll»; на *-smas* (ср. *grausmas* «гром» и др. у Лескина l. c. 422 сл.), наприм. *trùkšmas* «Zug»; на *-smis* (ср. *ataduosmei* «Wiedergaben» у Лескина l. c. 424), наприм. *brūkšmis* «черта»; на *-smė* (ср. *eismẽ* «ход» и др. у Лескина l. c. 426), наприм. *šiùkšmės* «Geröll»; на *-slas* (ср. *žáislas* «игрушка» и др. у Лескина l. c. 453), наприм. *raũkšlas* «морщина»; на *-slė* (ср. *kremslẽ* «хрящ» и др. у Лескина l. c. 459 и 461), наприм. *raukšlẽ* «морщина»; на *-slus* (ср. *doslùs* «щедрый» и др. у Лескина l. c. 469), наприм. *deigšlùs* «всходный» (нем. «gut keimend») у Буги Aist. St. I 84; на *-stas* (ср. *veřpstas* «Spinnstuhl» и др. у Лескина l. c. 532 слл.), наприм. *plãkštas* «Prügel»; на *-stis* (род. п. *-ščio*; ср. *raműstis* «подпора» и др. у Лескина l. c. 539 слл.), наприм. *baigštis* «мухогонка»; на *-sta* (ср. *šėlsta* «Wüten» и др. у Лескина l. c. 544), наприм. *lakštà* (= *laktà*) «насесток»; на *-stis* (род. п. *-sties*; ср. *skìlstis* «Klauenspalte» и др. у Лескина l. c. 547 слл.), наприм. *rakštis* «осколок»; на
36 *-stė* (ср. *skiřpstė* «Rhamnus frangula» и др. // у Лескина l. c. 547 слл.), наприм. *pokštė* «пучок цветов» (вероятно, родственно с ла. *pâksts* «струк»); на *-stus* (ср. *darbstus* «прилежный» и др. у Лескина l. c. 558 сл.), наприм. *baugštùs* «пугливый»; в глаголах на *-soti,* ср. выше стр. 32, наприм.: *tekšóti* «plump daliegen», *talkšóti* «mager sein», *šmiekšóti*[63] «in unbestimmten Umrissen dastehen», *brankšóti* «unbedeckt daliegen, dastehen»; на *-sėti* (ср. *švelpsėti* «шепелявить» от однозначащего *švélpti*), наприм.: *klukšėti* «рыгать», *kvarkšėti* «клохтать»; на *-snoti,* ср. выше стр. 30, наприм. *vaukšnoti* «fortgesetzt ein wenig bellen»; на *-styti,* ср. выше стр. 33, наприм. *lakštýti* «летать» (к *lėkti* «лететь»).

Формы суффиксов на *-š-* (из *-s-* после *k* и *r*) из положения после *k* и *r* иногда перенесены также в положение после губ-

[63] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

ных согласных (после которых *s* обыкновенно сохраняется); ср., наприм., *lipšnùs* «липкий» (от *lìpti* «липнуть»), *dabšnùs* «красивый» (ср. однозначащее *dabnùs*), *lupšnìs* (рядом с правильным *lupsnìs*) «geschälte Tannenrinde» (от *lùpti* «лупить»), *grìbšnis* «der schnelle Griff» (к *griẽbti* «хватать»), *šlàmštai* (или же с *-š-* путем ассимиляции к начальному *š-*?) «Rückstände einer Überschwemmung, Kehricht» у Бецценбергера Lit. Forsch. 183 (рядом с правильным *šlamstas* у Гейтлера Lit. St. 114; может быть, от заимствованного *šlamas* «Schlamm»), *graĩbštas* или *graĩbštis* «Kratzhamen», *lipštus* «zuvorkommend» у Лескина l. c. 559, *rapšnóti* «есть» (по сообщению К. К. Буги, в хвейданском говоре; ср. *aprẽpti* «обхватить» у Юшкевича и указания Фортунатова BB III 73[1]), *grabštýti* «Diebereien begehen» (ср. *grabùs* «fingerfertig»).

А с другой стороны, в некоторых весьма употребительных суффиксах *-s-* из положения не после *k* (и *r*) нередко переносится также в положение после *k*[64]; ср. *ùnksna* «тень» и др. у Лескина l. c. 368; *degsnìs* «Brandstelle» и др. у Лескина l. c. 370 сл.; *dỹgsnis* «укол» и др. у Лескина l. c. 373 сл. и 377; *vaĩksnė* «Zug» и др. у Лескина l. c. 376; *veĩksmas* «плач» и др. у Лес-//кина l. c. 422 сл. и 429; *rėksmė* «крик» и др. у Лескина l. c. 426; *mókslas* «учение» и др. у Лескина l. c. 453; *žingslis* «шаг» у Даукши Кат. 39, 6; *dukslus* «густой» и др. у Лескина l. c. 469; *lankstas* «Biegung» (рядом с правильным *lankštas*) и др. у Лескина l. c. 532, 537 сл. и 558 сл.; *sleñkstis* «порог» и др. у Лескина l. c. 539; *dingstìs* «Einbildung», *mãkstys* (рядом с *mãkštys*) «ножны» и др. у Лескина l. c. 549 слл.; *smaigstė* «Stange» и др. у Лескина l. c. 550 слл.; *branksóti* (рядом с правильным *brankšóti*) «unbedeckt dastehen», *mirksóti* «mit halb offenen Augen dasitzen» и др.; *žegsčti* «mehrfach schluchzen», *žvelgsčti* «болтать», *duksčtis* «доверяться, надеяться», наприм. у Даукши Post. 309, 21 (отсюда *duksingas* «vertraulich, zuversichtlich» и *paduksis* «надежда, доверие», gen. s. *pâduksio* у Даукши Post 8, 27. Отношение латинск. *spes* к скр. *sphāyati* «wird feist, nimmt zu» и *sphārá-s* «ausgedehnt, gross» показывает, ср. Лескин l. c. 596, что к тому же корню относятся *paduksinti* «erheben, preisen» у Лескина l. c., *duksas* «beleibt, völlig», *duksinti* или *dáugsinti* «умножать», *daũg*[*sei*] «много», откуда *daugsingai* «reichlich» у Лескина l. c. 597. Сохранение *s* в последних

37

[64] Случаи колебания между *s* и *š* после *k* и *r* приводит Бецценбергер BGLS 81.

формах, вероятно, объясняется влиянием *duksĕtis*, с одной стороны, и форм вроде *liaupsai* «reichlich» у Лескина l. c., *liáupsinti* «хвалить», с другой стороны. Другую этимологию для *duksĕtis* и *duksas* дает Зубатый AfslPh. XVI 392) и др.; *viksnóti* «den gehobenen Schwanz nach der Schnelligkeit des Laufes und in dessen Takt zittern lassen» (ср. лa. *vikt* «schmiegen, biegen», средневерхнен. *weigen* «schwanken» или, если *k* в *viksnóti* из *g*, древнеисл. *vīkja* «двигать(ся)», скр. *vēga-s* «Zittern» и др.); *lakstýti* (рядом с *lakštýti*) «летать», *šlakstýti* «прыскать» и др.

Далее, мы находим *s* после *k* под влиянием форм с правильно сохранившимся *s* в суффиксе будущего времени (наприм., *sùksiu* «буду вертеть») и в формах настоящего времени на *-stu* (наприм., *ìlgsta* от *ìlgti* «lang werden»; и от *ìlgsta* далее произведено *ìlgstinti* «lang machen»); влиянием этих форм на *-stu*, вероятно, объясняется *-s-* в *túkstantis* «тысяча» (рядом с нередким в старолитовских текстах
38 *túkštantis*, ср. Bezzenberger // BGLS 81; кроме того, не исключена возможность, что *-k-* в этом слове позже вставлено). В некоторых других случаях *s* объясняется недавностью вставки перед ним *k*: *ēlksnis* «ольха», *ìnkstas* «почка» (если в этом слове *k* вставлено, ср. Brugmann Grdr. I² 391[1]; можно думать здесь и о влиянии суффиксов *-snis*, *-stas*), *vaĩkstas*[65] «лекарство» (рядом с однозначащим *vaistas*, наприм. у Даукши Post. 19, 23), *áuksas* «золото» (при старолит. *ausas* у Бецценбергера l. c. 84 и пр. *ausis*), *duksauti* и *aduksis*[66] (вероятно, с долгим *u*) у Гейтлера Lit. St. 76 и 82 (рядом с *dúsauti* «вздыхать» и *ātdūsis* «вздох»), *oksai* (с *o* из *uo*) «kundschaftende Bienen» у Лескина l. c. 595 (ср. замечание Лескина l. c. и греч. ὀσφραίνεσθαι). Под влиянием *akstìs* (с *s* под влиянием других форм с суффиксом *-stìs*) «ein Stöckchen» имеется *s* в *ākstinas* «Ochsenstecken». Формы *blakstienaĩ* «ресницы» (у Куршата с неверным *ė* вместо *ie*) и *blakstienos* («веки»?) LChr. 351, 33, может быть, предполагают форму **blakstas* (с суффиксом *-stas*), ср. лa. *plaksts* (и *plakstiens* или *plakstiņš*) «веко»; *k* в них, вероятно, входит в состав корня, ср. Bezzenberger BB XIX 248. Также *viksvà*[67] (рядом с правильным *vikšvà*, ср. также *vìkšris*) «Spitzgras» имеет, вероятно, *s* под влиянием других слов на *-sva*; ср. лa.

---

[65] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]
[66] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]
[67] [Autora eksemplārā malā: = *vizgà* Kved. //]

ciesva «пырей», лит. *nausvà* «польза» (у Лескина l. c. 347) и *garšvà* (из **garsvà*) «сныть». — Вследствие перестановки имеется *-ks-* (из *-sk-*), наприм., в *mekstuvẽ* «Vorrichtung zum Stricken der Hewelten» (от *mezgù mèksti* «вязать») и, вероятно, также в *dreksù drèksti* «царапать» (наст. время, вероятно, из **dreskù* под влиянием инфинитива *drèksti*; ср. *dreskiù drẽksti* «драть»). — В *ieleksis* (у Куршата неверно *é* вместо *ie*) «Zochbaum» *s*, вероятно, под влиянием однозначащего *ielekstis* или *ielakstis* (с суффиксом *-stis*; рядом имеются правильные формы *ielekštis, ielikštis* и также *ielektis* у Буги Aist. St. I 100; ср. восточнола. *ietukši* «Femerstangen am Pflug» у Бецценбергера Lett. Di.-St. 169, рядом с которым ла. *ilksis* «оглобли», вероятно, сокращено из **ielksis* после утраты гласного между *l* и *k*, ср. диал. *lils* из *liẽls* «большой» KZ XLIII 3[67a]).//

Итак, формы с *-ks-* все допускают более или менее удовлетворительное объяснение. И что в вышеуказанном направлении следует искать их объяснения, это доказывают формы с *-kš-* (из *-ks-*), которые понятны только в том случае, если вслед за Зубатым и Педерсеном признаем фонетический переход *-ks-* в *-kš-*. 39

Педерсен считает возможным возводить в некоторых литовских словах также *š-* к *s-* (с утратою первоначально стоявшего перед ним *k-*, благодаря которому и получилось *š-* из *s-*). A priori возражать нельзя, так как нет слов с *kš-* (или с *ks-*) в литовском и с *ks-* в латышском и прусском языках и так как переход *s* в *š* также после начального *k-* кажется совершенно естественным, если во время перехода *s* в *š* в языке имелись слова с *ks-*. Но имелись ли тогда такие слова у лингвистических предков литовского народа? Приводит ли Педерсен убедительные примеры? Примеры-то он приводит, но убедительными я их не считаю. IF V 61 и 81 он сопоставляет лит. *šúdas* (ла. *sũds*) «кал, навоз» и *šiaudaĩ* «солома» с скр. *kšudrá-s* «малый», цркcл. *худъ* «parvus», р. *худой*, выдавая сам это за «das beste Beispiel». Насколько правдоподобно взаимное родство санскритского и славянского слов, настолько же проблематично и в семасиологическом отношении даже невероятно родство с ними упомянутых балтийских слов. Сопоставляя эти слова, Педерсен должен был указать связь их значений и дать параллели такого развития значения. И отказаться от этой этимологии слова *šúdas*

[67a] [Šai izdevumā II 93[3]. — Red.]

следует теперь тем более, что верная этимология этого слова нам дана уже Фиком Wrtb. I⁴ 426, сопоставляющим это слово с греч. ὑσ-κυθα[68] «ὀὸς ἀφόδευμα» и // κυθώδης· δύσοσμος у Гесихия (*šiáudas* же «соломина» скорее родственно с лат. *caudeus* «junceus», древненижнен. *skotôn* «spriessen, aufschiessen» и древневерхнен. *scoz* «Schössling» от прагерманского *skut-* у Фика Wrtb. III⁴ 467 слл.). А KZ XXXVIII 391 и XL 179 сл. Педерсен отделяет лит. *šáltas* «холодный» от *šalnà* (= цркcл. *слана*) «иней», сопоставляя *šáltas* с цркcл. *хладъ*, и такого же мнения, по-видимому, держится Миккола (Baltisches und Slavisches 44). Это поразительный пример того, как иногда даже сведущие лингвисты в угоду какой-нибудь гипотезе насильственно расторгают даже наиболее естественную связь слов, рискуя этим скомпрометировать нашу науку в глазах посторонних лиц. Что Вондрак, Vergl. slav. Gramm. I 357, без всякой оговорки предлагает своим читателям эту этимологию Педерсена, это меня нисколько не удивляет; но также Бернекер в своем этимологическом словаре считает ее только за «bedenklich». И поэтому стоит поговорить об этой находке. Uhlenbeck уже справедливо заметил IF XVII 99: «Wäre es nicht um *chladъ* unterzubringen, so würde es keinem eingefallen sein, *šáltas* von *šalnà*, aksl. *slana* zu trennen und sein anlautendes *š* aus idg. *ks* zu erklären». Педерсен на это возражает KZ XL 180: «Dieser satz [т. е. только что приведенные слова Uhlenbeck'a] ist unbedingt richtig; er kann auch so ausgedrückt werden: «Wenn man das heutige Litauisch ohne irgend einen seitenblick auf verwandte sprachen etymologisiren darf, so kann *šáltas* von *šalnà* nicht getrennt werden». Dies verfahren ist nun aber einmal nicht erlaubt; man darf niemals nach wurzeln suchen, ohne auf die historische und vergleichende sprachwissenschaft rücksicht zu nehmen. *Wahnsinn* gehört nicht zu *wahn, wähnen*, . . . d. *sucht* gehört nicht zu *suchen, hantieren* nicht zu

---

[68] Относительно формы первой части этого слова ср. ὖσ-πορος (как βόσ-πορος), ὑσ-πόλος, ὑσ-πέλεθος и др. С другой стороны, И. Шмидт сопоставляет KZ XXV 165² *šúdas* с скр. *šūdrá-s* «человек низшей касты» (и с вопросительным знаком также Uhlenbeck в своем древнеиндийском этимологическом словаре). Но это сопоставление остается сомнительным, так как мы не знаем первоначального значения скр. *šūdrá-s*. Бернекер же сближает IF X 160 сл. *šúdas* и *šiáudas* с древневерхнен. *scutten* «сыпать» и средневерхнен. *schüt* «мусор», полагая, что первоначальным значением литовских слов // было «Geschüttetes»; но гр. κυθ- показывает, что *šúdas*, вероятно, уже искони значит «кал». Относительно же *šiáudas* с уверенностью ничего сказать нельзя.

hand . . .»[69] Итак, Педерсен сам при-//знает, что с точки зрения 41
литовского языка *šáltas* нельзя отделять от *šalnà*; да и слишком очевидно это для того, чтобы можно было это отрицать. И также история литовского языка, насколько мы ее можем проследить, не говорит против этого. Но сравнительное языковедение? Доказывает ли оно необходимость отделения *šáltas* от *šalnà*? Если бы Педерсен в данном случае не ограничился славянскими языками, но обратил бы внимание и на прочие индоевропейские языки, то он нашел бы, что сравнительное языковедение только подтверждает связь лит. *šáltas* с *šalnà*. Бесспорно ведь то, что наиболее шансов быть родственным имеет наиболее сходное (по форме и значению) слово. И вот, между тем как цркcл. *хладъ* «холод» отличается от лит. *šáltas* «холодный» своим *d*, не говоря уже о том, что переход *ks-* в *š-* в литовском языке не мог еще считаться доказанным, — в Авесте, как известно, мы находим весьма сходное и, вероятно, даже вполне тожественное с *šáltas* слово *sarətō* «холодный» (ср. также осет. *sald* «холод»), показывающее, что *š-* в *šáltas*, по всей вероятности, так же восходит к иде. *k̑-*, как и в *šalnà*. А в пользу того, что *r* в ав. *sarətō* восходит к иде. *l* (а не *r*), говорит, помимо осет. *sald*[70], его полное сходство с лит. *šáltas*, причастием к глаголу *šálti*[71] «мерзнуть». Итак, с одной стороны, мы имеем естественную связь *šáltas* с *šálti* и *šalnà* и полное сходство его с ав. *sarətō*, с другой же стороны, проблематичный звуковой закон, главным доказательством которого должно служить само *šáltas*, и в результате его, добытом ценою расторжения наиболее естественной связи слов, корень *ksel-* : *ksol-*, который не подтверждается другими индоевропейскими языками. Выбор, право, нетруден, и я // вовсе не остановился бы на этой совершенно 42
невозможной «этимологии» Педерсена, если бы пример Бер-

---

[69] Следует еще несколько тому подобных примеров. Что не всегда сходные слова восходят к одному и тому же корню, это мы знали и до Педерсена. А с другой стороны, без всякой причины сходные слова друг от друга не // отделяются нами, и поэтому следовало ожидать, 41
что Педерсен укажет те веские причины, которые заставляют отделить *šáltas* от *šalnà*. Вместо этого дается общее место о значении сравнительного языковедения.

[70] Древность *l* в нем сомнительна, ср. Hübschmann Persische Studien 264 и Bartholomae Grdr. d. iran. Phil. I 23.

[71] Что в *šálti š-* из *k̑-*, показывает лат. *calere* «быть теплым» (лит. *šìlti* «теплеть»); ср. о словах с противоположными значениями Шерцль Филол. Зап. 1883 г. вып. V—VI и 1884 г. вып. I и древнеирл. *gair* KZ XLIV 58 [šai izdevumā II 390. — Red.]. [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

некера не показал, что она в конце концов все-таки может войти в обиход сравнительной грамматики индоевропейских языков. Других же примеров для *š-* из *ks-* Педерсен нам не дает; предположенное[72] И. Шмидтом KZ XXV 125[2] родство лит. *šùsti* «преть» с древневерхнен. *siodan* и др. «кипеть» кажется правдоподобным, но сам Педерсен IF V 81[1] допускает возможность, что в начале этого корня было (не велярное, но) палатальное *k*, которое само всегда дает в литовском языке *š*. Torbiörnsson сопоставляет (Liqmet. II 29) лит. *šérti* «кормить» (обыкновенно и более правдоподобно сопоставляемое с гр. κόρος «насыщение» и др.) с цркcл. *храна* «cibus» и *хранити,* не высказываясь, однако, как он себе представляет отношение лит. *š-* к слав. *x-*; и что это сопоставление невероятно и в семасиологическом отношении, показывает Бернекер в своем этимологическом словаре. Не менее проблематично предположенное Погодиным РФВ XXXII 274 сл. родство лит. *šeĩpti* «споспешествовать» (которое трудно отделять от гот. *hilpan* «помогать») с цркcл. *хлапъ* «холоп», ср. словарь Бернекера. Числительное же *šešì* «шесть» удовлетворительно объясняется ассимиляциею *s-* к *š-*, о которой ср. Brugmann Grdr. I[2] 786.

Итак, приходится мне констатировать, что не нашел я ни одного хоть сколько-нибудь убедительного примера для
43 перехода // в литовском языке *ks-* в *š-*. Но есть примеры с *sk-* вместо *ks-*. Корш в AfslPh. VII 101[2] выставил гипотезу, по которой в балтийских языках из *ks-* путем перестановки правильно получается *sk-*, ссылаясь на лит. *skùsti*[73] «скоблить» (*barzdą skùsti* «брить бороду», ла. *skust* или *skũt* «брить») :

---

[72] Это же предлагают также Фортунатов BB III 71 (только что здесь вместо *siodan* дается *swëdan* «verschwelen» и лит. *š-*, как и у Шмидта l. c., выводится не из *ks-*, но из *s-*), Froehde BB XXI 330 (*š-* из *ks-*) и Brugmann Grdr. I[2] 790 (*š-* из *k̑p-*). Возражения же Charpentier KZ XL 428 сл., оспаривающего эту этимологию только потому, что, по его мнению, из *k̑p-* в германском не получается *s-*, неубедительны, так как он не приводит хоть сколько-нибудь достоверных примеров, которые бы противоречили гипотезе о переходе *k̑p-* в *s-*. В указанном месте (теперь ли еще, неизвестно) Фортунатов еще и в некоторых других литовских словах возводит *š(v)-* к *sv-*, наприм. в *šùpti* [skat. Дополнения и поправки. — Red.] «гнить», сближая это слово с греч. σήπειν «гноить» (это же затем предлагает и Zupitza BB XXV 92 сл., возводя σ- в σήπειν к *ksv-*); и здесь можно думать о *š-* из *k̑s-*, насколько эти сопоставления правильны, как и в тех случаях, которые приводит Zupitza l. c.

[73] Сопоставление этого слова с лат. *securis* «секира» и др. (наприм., у Фика Wrtb. III[4] 471) в семасиологическом отношении менее удовлетворительно.

гр. ξύειν «скоблить» (ξυρόν или ξυρός, скр. *kšurá-s* «Schermesser», может быть, от корня *qes-* «чесать»). Ср. еще скр. *kšáuti* «чихает» : лит. *skiaudėti* «чихать» (ла. *šķaut* и *šķaũdît* или *šķaudêt* сами по себе могли бы иметь *šķ-* также из *stj-*, ср. лит. *čiáudėti* или *čiáudyti* и диал. *śćáuśći* «чихает» у Буги Aist. St. I 42; но *šķęvas* «чих», кажется, говорит скорее в пользу *šķ-* из *sk-*); скр. *kšúbhyati, kšóbhatē* «schwankt, zittert», *kšōbhayati* «versetzt in Bewegung, regt auf» : лит. *skùbinti,* ла. *skubinât* «торопить» (гот. *-skiuban* «пихать, толкать»); скр. *kšālayati* «wäscht», *pari kš.* «spült ab» (обыкновенно этот глагол отожествляется с скр. *kšārayati* «lässt fliessen» от *kšárati* «течет» с иде. *r*) : лит. *skaláuti,* ла. *skaluôt* «полоскать», ср. Zupitza Germ. Gutt. 47 (нет достаточного основания считать это балтийское слово заимствованным из нижненемецкого языка, к чему склонен Leskien Nom. 216; но родственными — с лишним *v* — могут быть германские формы, приведенные у Фика Wrtb. III[4] 477). Сюда, может быть, относится (с чередованием $v^{e/o}$: *u*) и лит. *skùjos,* ла. *skujas* : р. *хвоя, хвой* и др. (если тут *x-* из *ks-*; ср. Uhlenbeck IF XVII 98). Что мы в таких случаях действительно имеем дело с перестановкою *ks-* в *sk-*, в пользу этого говорят аналогичные случаи *sp-* из *ps-*[74], указанные Коршем l. c. Из приведенных // им примеров вполне убедительным является по 44
крайней мере лит. *spãkas* «капля» : гр. ψακάς «капелька»; ср. также Johansson IF XIV 326 сл. Кречмер, считающий KZ XXXI 438 сл. примеры вроде *spãkas* : ψακάς за «nicht überzeugend» (мотивы не указаны; да и трудно было бы их

---

[74] При наличности *ks-* : *sk-* и *ps-* : *sp-* ожидается также *ts-* : *st-*; признавая это, можно объяснить несколько до сих пор загадочных случаев с *s-* (из *ts-*) : *st-*. Такое *ts-* мы еще встречаем в скр. *tsárati* «schleicht», которое Osthoff BB XXII 257 правдоподобно сопоставляет с однозначащим лит. *selėti*. Начальное *t-* он выводит из префикса *(a)d-*, который находят также в древневерхнен. *zagēn* (: гот. *agan* «бояться», древнеирл. *ad-agur* «боюсь») и *zougen* (: гот. *at-augjan* «показывать»). По-моему, это крайне сомнительно, так как *a* обыкновенно не теряется в неударяемом положении и префикс **d-* слишком бес-//телесен для того, чтобы он мог быть 44
в употреблении. По той или другой причине глаголы вроде *ataugjan* могли рассматриваться говорящими как **attaugjan,* в данном случае, может быть, под влиянием *teig-* : *toig-*, откуда древневерхнен. *zeigōn* «показывать», — после чего появился и простой глагол с начальным *t-* (> *z-*); ср. п. диал. *bagnić się* из *ob-agnić się* «ягниться» и др. А в угоду этой этимологии *t-* (в *tsárati*) некоторые языковеды, наприм. Uhlenbeck в своем санскритском этимологическом словаре, переводят этот глагол «schleicht heran». Что значение его просто «schleicht», показывают производные формы *tsáru-* «ein schleichendes Tier» и *tsārin-* «schleichend»; да и Böhtlingk

найти при полном тожестве значения и — за исключением чередования *sp-* : ψ- — звукового состава корня), сам l. c. признает соответствие *sk-* : κτ- (горт. κατασκέντη : κτείνω; ср. скр. *kšaṇōti* «ранить») и *sp-* : φθ-; но ограничиваться этими лишь соответствиями нет никакого основания ввиду приведенных выше примеров вроде лa. *skūt* : гр. ξύειν и др. И поэтому по крайней мере некоторые языковеды (наприм., Brugmann Grdr. I² 867, Wackernagel Altind. Gramm. I 241) склонны думать, что уже в индоевропейском праязыке чередовались *sk-* : *ks-* «nach bestimmten satzphonetischen Gesetzen». С другой стороны, Кречмер l. c. 415 слл. полагает, что уже
45 в общем праязыке в // некоторых случаях — при неизвестных нам условиях — *ks-* и *ps-* утратили *k-* и *p-*, ссылаясь при этом на целый ряд примеров. Примеры эти, правда, не все одинаково убедительны. Греческие формы с σ- (при ξ-, ψ-) скорее всего утратили начальное *k-*, *p-* (при неизвестных нам условиях) на греческой почве, так как иначе ожидалось бы вместо σ- густое придыхание (Кречмер l. c. 422 сл. напрасно оспаривает общепринятый закон о греческом переходе всякого *s-* в *h-*). Лит. *sù* «с», которое Кречмер l. c. 416 вместе с цркcл. *съ, сън-* отожествляет с греч. ξύν, σύν, ὐν- (в ὔγ-γερος· συλλαβή), по моему мнению, скорее сокращено в проклитическом положении из **suo* (из иде. **sō* при *so*, откуда лa. и лит. диал. *sa-*, гр. ὁ-, ср. мои Латышские предлоги I 196[75]), как *nù* «от» из *nuõ*. Если же при *sù* не сохранилось **suo*, между тем как при *nù* имеется *nuõ*, то это, во-первых, может быть объяснено раз-

---

и Roth в своем словаре на первом месте дают «schleichen» только как переходящий глагол с дополнением в вин. падеже, переводя его «heranschleichen an, beschleichen, erschleichen», так как в нем. *schleichen* при себе вин. падежа не может иметь. Допуская перестановку *ts-* в *st-*, мы с скр. *tsárati*, лит. *selėti* (с *s-* из *ts-*) можем сопоставить гот. *stilan* «красть» (ср. перевод «erschleichen» для *tsárati*) и лат. *stellio* «хозяйка; ящерица» (ср. скр. *tsáru-* «ein schleichendes Tier»). С скр. *tsaru-* «рукоятка» ср. однозначащее гр. στελεά, древнеангл. *stela* «стебель» и др. Далее, таким путем удовлетворительно объясняется отношение лит. *stìrna*, лa. *stirna* к цркcл. *срьна*, старола. *sirna* (ср. выше, стр. 5); р. *стеречь, сторож* и др. к лит. *sérgėti, sárgas* и др.; цркcл. *стѣна* к лит. *síena* «стена»; гот. *stōls* «стул», англ. *stool* «скамейка» и др. к лит. *súolas* «скамейка». Затем лит. *stuomuõ* «Statur, Körperlänge» (*uo* в корне засвидетельствовано, наприм., формою gen. s. *stuomeniés* у Даукши Post. 169, 1) может быть родственно с гр. σῶμα «тело», если в греческом языке из *ts-* получается σ-; сопоставление εἰλι- в εἰλίποδας (ἕλικας βοῦς) с скр. *tsárati* слишком проблематично.

[75] [Sai izdevumā I 495 sk. — Red.]

личием в интонации (**suo* могло иметь акут); далее, *nuõ* держится благодаря форме префикса *nuo-* в сложных именных формах, между тем как вместо **suo-* в этом положении употребляется *sán-*. Кроме того, в литовском языке теперь *nuõ* встречается почти только в качестве предлога, тогда как в качестве глагольного префикса известно почти только (и в большинстве говоров даже исключительно, ср. мои Латышские предлоги I под *nuo*[76]) *nu-* (из *nuo-*); а что же до *sù*, то первоначально, кажется, это слово употреблялось только в сложении с глаголами; творительный же падеж, при котором теперь в известных случаях ставится *sù*, вероятно, употреблялся в этом же значении без предлога «с» (в пользу этого говорит, между прочим, и то обстоятельство, что славяно-балтийские языки расходятся в форме этого предлога, ср. црксл. *съ*, вероятно из **som*, лит. *sù*, ла. *ar*, пр. *sen*). В случае же родства с гр. ξύν, σύν вместо *sù* скорее ожидалось бы **sų̃*, ср. *į̃* «в» из *in* (акут в таком положении мне неизвестен; интонация в *sán-* стоит в связи с *núo, príe-* при *nuõ, priẽ*). Црксл. же *съ, сън-* (возводить которые к **som* по крайней мере не представляется невозможным; в префиксе *сън-* *ъ* вместо *о* могло явиться под влиянием предлога) трудно отделять от *сж-*, // а последнее — от лит. *sán-*. Гр. же ξύν (σύν), 46
может быть, возникло путем смешения[77] однозначащих **kom* (перешедшего в италийские и кельтские языки) и **sum* (ср. ὔγ-γερος; на месте первоначального **som*); **sum* же, может быть, является результатом контаминации форм **som* и **su* (скр. *su-* «хорошо»), сходных иногда по значению в сложных именных формах (так, относительно црксл. *съ-дравъ* нельзя достоверно решить, тожественно ли его *съ-* с скр. *su* или же с скр. *sam;* и лит. *su-*, наприм. в *suguldus* «ordentlich», *supràstinas* «verständlich», *suvarus* «leicht verdaulich», представляя собою, конечно, обычный глагольный префикс *su-* «с», по значению своему очень походит на скр. *su*). Латинские же слова с *s-* из *ks-, ps-*, приведенные Кречмером l. c. (наприм., *super, sub*, если в них *s-* из *[e]ks-*), могли

---

[76] [Sai izdevumā I 429—438. — Red.]

[77] Подобным образом, может быть, возникли црксл. *скакати* путем смешения корней *kāq-* (лит. *šókti* «прыгать», авест. *sačaiti* «проходит») и *qāq-* (ср., наприм., праслав. **sěva* : лит. *šeivà*, ла. *saiva* «цевка») и *скоръ* смешением корней *qor-* и *kor-* (ср. лит. *šarnus* «скорый» у Фортунатова BB III 70). Так, может быть, и црксл. *стѣнь* из *сѣнь* + *тѣнь*, ср. Vondrák Vergl. slav. Gramm. I 349 и Rozwadowski Zbornik u slavu Jagića 306 сл.

утратить свое *k-*, *p-* на италийской почве. Доказательную силу имеют только греческие формы с *h-* и праарийские формы с *s-*, рядом с которыми мы находим *ks-*, *ps-*, как гр. ἄμαθος (путем диссимиляции из *ἅμαθος, ср. Кречмер l. c. 420) : ψάμαθος, древневерхнен. *sant* «песок» и иде. **(s)u̯eks* при **qs(u̯)eks* «шесть» (откуда, вероятно, авест. *xšvaš*), о котором ср. J. Schmidt KZ XXV 121[1], Hübschmann KZ XXVII 105 сл. и de Saussure MSL VII 73 слл. Бругман же Grdr. II[2] 2, 17, вероятно под влиянием Педерсена IF V 77 и 86 и KZ XXXVIII 229, предполагает только форму без *q-*: «**s(u̯)eks* oder ähnlich»; при этом наблюдается некоторая склонность объяснять *š-* в восточноиндоевропейских языках влиянием семитских языков (ср. евр. *šeš* «шесть»), ср. Kretschmer KZ XXXI 419 и Brugmann Grdr. I[2] 733. Но думать тут о семитском влиянии я считал бы позволительным лишь в том случае, если бы мы иначе не могли себе объяснить звукового состава
47 этого числительного в индоевропей-//ских языках. Признавая же возможность отпадения *k-* перед *s-*, мы понимаем все формы этого числительного или, по крайней мере, взаимное отношение согласных в его начале. А без начального *k-* мы не можем обойтись, если бы даже начальное *š-* в восточноиндоевропейских языках объяснялось семитским влиянием. Относительно авест. *xšvaš*, правда, некоторые языковеды, наприм. Bartholomae, полагают, что *x-* в нем является таким же приставным звуком, как и в других случаях перед *š-*, за которым следует согласный. Но в таком случае приходится объяснять *š-* в **švaš* (вместо ожидаемого **hvaš* или **x[v]aš*) или семитским влиянием, или же путем ассимиляции из **svaš*. А существовала ли вообще когда-либо последняя форма, этого мы не знаем: предполагаемое Бругманом для арийского праязыка *χš* (из индоевропейского *ḱs*) могло в иранском праязыке еще существовать после перехода *sv-* в *hv-*. Ассимиляция же *s-* в **svaχš* к конечному *-š* (после *χ*), может быть, возможна, но нуждается в подтверждении аналогичными примерами[78]. Что же до скр. *šaṭ* (с *ṭ* из *-š*, ср. Wackernagel Altind. Gramm. I § 149 αγ), то его начальное *š-*, конечно, вполне удовлетворительно объясняется и путем ассимиляции *s-* (в **saš*) к *-š*, ср. Wackernagel l. c. § 197 a; но можно думать также, как это делает de Saussure l. c. 76, о возникновении **šakš* путем диссимиляции из *kšakš* (из иде. **qseks*).

---

[78] В нем. диал. *šunšt* или *sunšt* «sonst» (у Бругмана KVG 239[1]) несколько иные фонетические условия.

Арийские формы, значит, более или менее двусмысленны при решении вопроса о праиндоевропейской форме этого числительного, но зато ясно указывают на начальное *k-* греческие формы ξέστης «sextarius» и ξέστριξ κριθή· ἡ ἑξάστιχος (где -στριξ сопоставляется с лат. *striga* «черта, полоса» и др.). Педерсен, правда, так «разъяснил» их, что Бругман Grdr. II² 2, 17 сл. даже не упоминает о них. «Man hat ein idg. **kseks* auf Grund des griechischen ξέστης ξέστριξ ansetzen wollen; aber diese Formen sind ganz unklar; wenn sie echt griechisch sind, so muss man fragen, warum sie nicht *ξέκτης *ξέκτριξ lauten; man muss die Möglichkeit offen halten, dass sie aus **sekst* ... durch einen Umsprung der // Laute entstanden sind (falls ξ nicht griechische Wiedergabe eines fremden *š* sein sollte)» IF V 77. И несколько позже он, уже вполне уверенный в правильности своих предположений, заключает: «wir haben also als idg. *sveks* und *seks* anzusetzen». Если ξέστης и ξέστριξ неясны для языковеда, то это еще не может служить причиною отрицать иде. **qs(u̯)eks*. Неясно же в них для Педерсена, кажется, главным образом -στ- вместо ожидаемого им -κτ-. Но если вышеуказанная этимология слова ξέστριξ правильна, — и в семасиологическом отношении она весьма правдоподобна, — то из *ξέξ-στριξ скорее всего и могло получиться именно ξέστριξ. Между κ и τ выпадает σ, но что из ξστρ (которому, кроме того, предшествует слог ξε-) тоже обязательно получается κτρ, не может быть доказано; и в данном случае сверх того мешала утрате σ прозрачная связь второй части этого слова с предполагаемым этимологиею *στριξ. Что же до ξέστης, если в нем действительно заключается числительное *ξέξ, то можно думать, что после перехода κστ в κτ в *ξέκτης под влиянием *ξέξ снова было введено -ξ- вместо -κ-, после чего уже было утрачено -κ- перед -στ- (ср. Osthoff IF VIII 13); ср. также беот. ἐς (=ἐξ) τῶν, ἑσκηδέκατος и др. Выводить же ξεστ- путем перестановки из **sekst-* (столь необыкновенная перестановка нуждается в параллелях) или объяснять тут ξ- иноязычным происхождением этих форм принужден только тот, который, подобно Педерсену, не признает формы **qs(u̯)eks* для индоевропейского праязыка. Выходит почти, что Педерсен рассуждает приблизительно так: в иде. праязыке имелось только **s(u̯)eks*; гр. же ξέστριξ ничего не доказывает в пользу иде. **qs(u̯)eks*, так как оно может быть заимствовано; считать же эту форму заимствованием позволительно ввиду того, что в иде. праязыке имелось только **s(u̯)eks*. А между тем, не

48

прибегая к иноязычному влиянию, также *š-* в праславянском **šestь* мы можем возводить только через *x-* к *ks-*. Педерсен, правда, полагает IF V 77, что праслав. **šestь* получилось из **šeštь* путем ассимиляции из **seštь* с *-š-* из *-k̂s-* через *t*. Но правило о переходе *k̂s* перед *t* в *š* придумано им исключительно на основании этого самого *шесть*. И оно невероятно
49 даже // само по себе, так как из *k̂s* во всех известных нам случаях (вроде *ось*) получается в славянском только *s*. Следующее же за ним *t* не оказывает в славянских языках никакого влияния на судьбу стоящего перед ним *s*; да и в арийских языках и в литовском *s* перед согласными обращается в *š* только после тех же звуков, которые вызывают переход *s* в *š* перед гласными. Педерсен так упорно высказывается против иде. **qs(u̯)eks* ввиду гр. ἕξ; но ведь ἕξ при ξεστρις совершенно однородно с **ἅραθος* при ψάραθος: оба примера взаимно поддерживают друг друга. Как впоследствии на греческой почве рядом с ξ-, ψ- появляется и σ-, так же могло иметь место аналогичное явление и в эпоху индоевропейского праязыка. А что уже в иде. праязыке рядом с **(q)s(u̯)eks* появилось и **(s)u̯eks*, — должно быть, благодаря чередованию в целом ряде случаев форм с *s-* с формами без *s-*, — на это указывают (помимо арм. *veç* «шесть» с неясным *v-*) древнепр. *uschts* «шестой» (с *u-* из иде. неударяемого *u̯e*), лит. *ušės* (с *u-* или *ū-*?) «Kindbette», *ūšininkė* «Sechswöchnerin». То, что говорит Педерсен IF V 86 и KZ XXXVIII 229 об арм. *veç* и древнепр. *uschts*, и само по себе слишком проблематично, и не так легко может быть применено к лит. *ušės, ūšininkė* (что эти слова заимствованы из древнепрусского языка, это недоказанная и излишняя догадка). Ср. еще указанное Кречмером KZ XXXI 419 отношение авест. *xšviwra-* «быстрый» : скр. *kšiprá-s* «быстрый» : древнеисл. *svífa* «двигаться» : скр. *vépatē* «дрожит» и др. и Solmsen Unters. z. griech. Laut- und Verslehre 209 и Charpentier IF XXVIII 179 сл.

Итак, я прихожу к заключению, что в индоевропейском праязыке начальное *ks-*, сохраняясь в части случаев, в других случаях при неизвестных нам условиях или подвергалось перестановке в *-sk*, или же упрощалось в *s-*. При этом отдельные говоры, вероятно, расходились; на это указывает, по-видимому, то обстоятельство, что в арийском праязыке и в греческом преобладает *ks-* и в латинском — *s-*, которое могло на италийской почве образоваться из того же *ks-*. В германских же языках мы встречаем одинаково и *s-*, которое может вос-

ходить к более // древнему прагерманскому *ks-* (или *hs-*; 50
наприм., в древневерхнен. *siodan*), и *sk-* (наприм., в гот. *-skiuban*). Что же касается славянских и балтийских языков, то было указано несколько славянских форм с *x-* и несколько балтийских слов с *sk-*, которым в родственных языках соответствуют формы с *ks-*. Но из этого не следует, что в славянских языках вовсе нет слов с *sk-* из *ks-* (с перестановкою до возникновения *x*) и в балтийских языках — слов с *s-* из *ks-* (или, может быть, также с *š-* в литовском, если *k-* отпало в некоторых словах только после перехода *s* после *k* в *š*): с скр. *kšōbhatē* некоторые языковеды сближают, между прочим, и цркcл. *скубѫ* «vello», а, с другой стороны, также ла. *šaũbîtiês* «колебаться» и (?) лит. *siaũbti* «umherrasen, toben» (Bezzenberger GGA 1898 551[1] и Trautmann KZ XLIII 109). Старое диалектическое различие сказывается разве только в том, что в тех говорах, из которых возникли славянские языки, как и у юго-восточных индоевропейцев, чаще, чем у лингвистических предков балтийских племен, сохранялось *ks-*, если только это действительно так: из балтийских языков мы не знаем формы, соответствующей цркcл. *худъ*[79], славянские же языки, насколько мне известно, не знают слов, которые бы соответствовали лит. *skùsti*, ла. *skũt*, лит. *skiaudėti* и *skaláuti*.

Вернемся после этого отступления к литовскому *š* из *s*. Как выше (стр. 29) уже сказано, Педерсен l. c. полагает, что также после *i* и *u* в литовском языке первоначально получилось *š* из *s*, причем это *š* сохранилось только после нисходящей интонации, перейдя после восходящей интонации обратно в *s*[80]. A priori это не особенно правдоподобно, так как трудно было бы объяснить влияние интонации на сохранение или устранение *š*; но решающего значения это соображение, конечно, не имеет: наше отношение к гипотезе Педерсена должно зависеть главным образом от пред-//ставленных им 51
примеров. В пользу *š* из *s* после нисходящей интонации Педерсен приводит: *jùšė* «уха», *máišas* «ein aus Schnüren gestricktes Heunetz», *áiškus* «ясный», *raiškus* «явный», *jieškau* «ищу», *riešutas* «орех», *šiekštas*[81] «колода», *kiáušė* «череп» (: древнеисл. *hauss* «череп»). Все противоречащие этому

---

[79] Ср., впрочем, п. *chybać* «sich hin und her bewegen, schwenken» : лит. *sūbóti* «schaukeln» Trautmann KZ XLIII 109. [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[80] Эту гипотезу Педерсена признают и другие, наприм. Mikkola BB XXII 245, Trautmann Apr. Spr. § 73.

[81] Здесь *š* скорее вызвано предыдущим *k*, ср. ла. *siêksta* «валежина».

примеры Педерсен старается лишить доказательной силы. Относительно *s* в *kláusiu* «спрашиваю» он ссылается на восходящую интонацию в родственном *klausaĩ* «слушаюсь», и с этим можно было бы согласиться. Ошибается, однако, Педерсен, объясняя также *s* в *júsū* «вас» (и *músū* «нас») и в суффиксе превосходной степени *-iáusias* ссылкою на восходящую интонацию в *jūs* «вы» и в суффиксе наречия сравнительной степени *-iaũs*. В этих случаях нисходящая интонация, несомненно, древнее, как относительно лит. *jūs*[82] показывают и ла. *jūs*[83] «вы», и пр. *ioūs*; ср. статью Фортунатова BB XXII 161; лит. *jūs* и *-iaũs* получили восходящую интонацию только благодаря литовскому правилу о переходе нисходящей интонации в восходящую в тех конечных слогах, где долгота не сокращена (ср., наприм., nom. pl. *tiẽ* «те», *kuriẽ* «которые» при *geŕieji* «хорошие» или III л. *gaũs* «получит», *siũs* «будет шить» при I л. *gáusiu* «получу», *siúsiu* «буду шить», ср., наприм., Bezzenberger BB X 202 слл.), к чему я вернусь в другом месте. Ввиду отношения *jūs* к *júsū* Педерсен не считает *lýsė* «леха» за «unüberwindliches Hindernis» для своей теории; «denn auch bei diesem Wort kann ja eine Veränderung der Tonqualität statt gefunden haben». Но долгие корневые гласные вообще, как известно, обыкновенно являются с акутом, и затем решительно нельзя тут придумать, каким путем в этом слове мог появиться акут вместо циркумфлекса. Педерсен ссылается на отношение лит. *vil̃kas,* скр. *vr̥ka-s* (с ударением на первом слоге) «волк» к лит. *vìlkė,* скр. *vr̥kī* (с наконечным ударением) «волчица»; но, во-первых, нет никакого основания считать *lýsė* за первоначальное oxytonon
52 (в р. *лехá* // другая вокализация и другое окончание, и есть ведь литовские слова на *-ė* с ударением на конце!), и, во-вторых, отношение лит. *diẽvas* : скр. *dēvá-s* «бог» показывает, что не все литовские слова, соответствующие формам родственных языков с ударением на конце, имеют акут в корне (относящиеся сюда гипотезы Бецценбергера BB XXI 296 сл., построенные на слишком недостаточном количестве примеров, не могут считаться доказанными). И если Педерсен только в угоду своей теории считает тожество лит. *liesas* «худой (худощавый)» с р. *лихой* за «höchst problematisch»[84], сам сопоставляя литовское слово с древнеисл. *leiðr* «unlieb.

[82] С восходящею интонациею.

[83] С длительною интонациею.

[84] Между тем он сам говорит l. c. 60, что значение «allerdings gut stimmen würde».

abscheulich», то это уже явное насилие над естественною связью слов, и если бы мы тут пошли за Педерсеном, то (говоря его же словами IF V 80) «würde ... die empirische Forschung aufhören, und man würde nur die Ergebnisse gewinnen, die man gewinnen w o l l t e». И совершенно умалчивает Педерсен о лит. *Prúsas* «пруссак», *vėlústas* «поздний», *miegústas* «сонливый» и др., ср. Leskien Nom. 582, *rústas* «недружелюбный» (: скр. *rōṣati* «сердиться»), *prýsas* «eine lange Stange». Нельзя, значит, утверждать, что после нисходящей интонации *s* после *i, u* обращается в *š* (к приведенным Педерсеном примерам с *š* я вернусь ниже). А с другой стороны, есть примеры с *š* также после восходящей интонации и после кратких гласных, которые приводит отчасти, но не объясняет, сам Педерсен. Им приведены: *kermùšė* «wilder Knoblauch» (ср. р. *черемша* и гр. χρέμυον «eine Zwiebelart»), *vėtušas*[85] «старый» (ср. древнер. *вѣтхыи* у Соболевского Лекции[4] 64), *kriušà* «град» и *kriùšti* «раздроблять» (ср. цркслав. *крушити*) и прилагательные на *-iškas*[86]. И славянскому *мѣхъ* соответствует по значению и по форме (ср. срб. *мијех*, // род. п. *мијеха*) не лит. *máišas*, но лит. *maišas* «большой 53
мешок» у Шлейхера (по указанию Фортунатова BB XXII 172) и в Дусятах LChr. 369, 10, 11, 13 (по сообщению К. К. Буги, также в хвейданском, годлевском и др. говорах, рядом с *máišė* «Heunetz» в Дусятах), с которым совпадает относительно интонации также ла. *màiss* с тем же значением. Итак, вышеизложенная теория Педерсена о судьбе литовского *s* после *i* и *u* неприемлема, так как она не согласуется с данными языка. Я согласен с Зубатым, по мнению которого (AfslPh. XVI 404[1]) литовский язык сохраняет *s* после *i* и *u*; только на мой взгляд *s* сохраняется после всякого *i, u* (об одном исключении будет речь ниже), между тем как Зубатый полагает, что после *i, u* «als reducierten Vokalen» получается *š* из *s*, ссылаясь на *trišėti* «дрожать» от корня *tres-, vėtušas* и (l. c. 416[2]) *truša* «навоз», *trišti*[87] «удабривать». С этим я не согласен. В *trišti š*, вероятно, из иде. *ḱ*, ср. *trèšti* «тлеть».

---

[85] Достоверно, впрочем, *ė* не засвидетельствовано, ср. Leskien Nom. 599; nom. s. fem. g. *wętusza* у Даукши Post. 74, 11 (где *ę* обыкновенно обозначает открытое *e*) скорее указывает на *e* (ср. ла. *vęcs* «старый»), чем на *ė* (по сообщению Каз. Каз. Буги, в Ретове употребляется форма *vẽtušas*). [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[86] Об *š* в *vaikištis* «дитятко» ср. Zubatý AfslPh. XIII 317.

[87] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

Затем, мы имеем *s* после такого же «редуцированного» *i* в *grìsti* «etwas überdrüssig werden», ср. *grasýtis* «sich wovor ekeln». И *u* мы имеем право считать редуцированным гласным только в соседстве плавных и носовых согласных (но не в *vėtušas*). Наконец, *š* в *trišėti, vėtušas* и *truša* совершенно однородно с *š* в *maišas, riešutas* и др., которые не подходят под правило Зубатого и оставлены им без объяснения. Итак, спрашивается, как объяснить *š* вместо ожидаемого *s* в положении после *i* и *u*? Фортунатов, ср. IF V 87 и BB XXII 182, полагает, что в индоевропейском праязыке имелось два вида *s*, из которых один всегда сохраняется в литовском языке, в славянском же — только в положении не после *i, u (r, k)*, после которых получается *x*, другой же всегда дает *š* в литовском и (не перед согласными)[88] *x* в славянских языках. В этом сказывается та особенность московской лингвистической школы, о которой Бернекер AfslPh. XXV 475 выражается следующим образом: «Wenn wir alle Differenzen in der lautlichen und formalen Entwickelung der Einzelsprachen, wenn // sie uns aus ihnen selbst nicht gleich klar werden, auf Verschiedenheiten der Grundsprache zurückführen wollen (und dazu neigt die Moskauer Schule), dann wird diese schliesslich zur grossen Rumpelkammer, in die man getrost alles das sperrt, womit man nicht gleich fertig wird, und zu einer ständigen Verführung, die Fakta, die unsere Entscheidung heischen, einfach an die Instanz zu verweisen, wo uns die Entscheidung nicht mehr zusteht». Придерживаясь этого метода, можно было бы приписывать индоевропейскому праязыку гораздо больше звуков, чем обыкновенно полагают, между прочим еще и третий вид *s* на основании, наприм., лат. *nasus* «нос» (вместо ожидаемого **narus*). Кроме того, как уже указал Педерсен IF V 87, гипотеза Фортунатова невероятна и потому, что мы находим *š* вместо *s* в литовском языке только при определенных фонетических условиях. Уже показано, что *s* переходит в *š* после *r* и *k*. Затем, я полагаю[89], что такому же переходу подверглось *s* в положении между *i* и *k*. Это показывают прежде всего прилагательные на *-iškas* и *jieškau* «ищу», *sujìško* «fing mit einem Male an zu suchen». Бругман Grdr. I² 784, правда, склонен видеть здесь заимствование из германских языков, но это и само по себе маловероятно, ср.

54

[88] Ср. Поржезинский К истории форм спряжения 101 и 111.

[89] Ср. сходную мысль Зубатого KZ XXXI 15¹: Ob für den eintritt von *š* für urspr. *s* (в сочетании *šk*) das vorhergehen eines *i* ... entscheidend gewesen?

Berneker AfslPh. XXV 491, и не объясняет нам *š* на месте *s*. Ср., далее, *blyškėti* «блестеть» (при *blizgėti* со сходным значением) и следующие слова, в которых происхождение *ś* из *s* не может быть доказано за неизвестностью корня, но может считаться более или менее вероятным, так как в индоевропейском праязыке вряд ли встречалось сочетание *-ḱq-*: *kiškà*[90] «подколенок», *kìškis* «заяц», *laĩškas*[91] // «лист», *laĩškus* «mit fadem, unbestimmtem, unangenehmem Geschmack» (того же происхождения, вероятно, и *laikštus* «widerlich»: или со вставным *k*, или с обычной перестановкой из **laišktus*), *mìškas* «лес», *pyškėti* «knallen», *tráiškyti* «mehrfach bis zum Spritzen quetschen». Если црксл. *рѣсьнъ* «verus, certus» и *ясьнъ* представляют собою, собственно, **рѣснъ* и **яснъ*, ср. Pedersen IF V 43 сл. и Фортунатов Сборн. Лам. 1426, то сюда относятся также лит. *raiškus* «явный» и *áiškus, iškus* «ясный» (также **eiškus*, ср. наречие *éiškei* у Даукши Post. 27, 3); в противном же случае мы имели бы тут скорее дело с *š* из иде. *ḱ*. Что же касается немногих слов с *-sk-* после *i*, то в *driskà* «abgeschnittene Partie Garn», *driskė* «оборванка» Jušk. SvD 20, 32, *-drìskęs* «zerrissen» *-sk-* могло держаться под влиянием родственных форм *dreskiù* «деру» и *draskaũ* «раздираю», в *tvyskėti* «knallen» и *tvýskinti* «gewaltig anklopfen» под влиянием *tvoskinti* «stark schlagen», в *tviskėti* «сверкать» (Куршат дает и ожидаемое *tviškėti*) под влиянием *tvoskóti* «пылать». 55

---

[90] Это слово (и тожественное с ним ла. *ciska* «Sehne im Kniegelenk, grosse Muskel am Oberschenkel, Lende, Schenkel»), как заметил Lewy PBrB XXXII 140[2], очень похоже на скр. *kiṣku-ṣ* «Oberarm», но ср. о нем Brugmann Grdr. I[2] 1094.

[91] Лит. *laĩškas*, конечно, родственно с праслав. **listъ*, но из этого не следует, что *laĩškas* получилось из **laĩštkas*, как полагает Педерсен IF V 79 (также предложенная им этимология этих слов, по которой *š* из иде. *ḱ*, неубедительна; ср. Uhlenbeck Etym. Wrtb. d. altind. Spr. под *lēṣṭuṣ*). Мы тут имеем дело с чередованием [autora eksemplārā: cf. Persson Beitr. 92 и 320 слл. // *Луска* : *Луста* РФВ 65 318 //] *-st-* : *-sk-*, известным из целого ряда примеров; // ср. р. *ласка* : *ластиться*, *пустить* : *пускать*, праслав. **driskati* : **dristati* (Berneker 224), лит. *iškus* : *iščias* (вероятно, из **istjas*) «ясный» (и црксл. *истъ*?), иде. *posk-* : *post-*, скр. *tucchyá-s* : лит. *tùščias* «пустой» (в формах вроде лит. *tùštinti* «порожнить» *š* вместо *s* под влиянием *tùščias* из **tustjas*. Црксл. же *тъштъ* и ла. *tukšs* могут восходить как к иде. **tuskios*, так и к **tustios*. Считать лит. *tùščias* заимствованным, как это делает, наприм., Зубатый KZ XXXI 13, нет, значит, никакого основания). Параллельно с этим мы находим чередование *-zd-* : *-zg-*; ср., наприм., праслав. **bъzdъ* : **bъzgъ* (у Бернекера под *bъzъ*), праслав. **drozdъ* : **drozgъ*, лит. *bruzdùs* : *bruzgùs* (у Юшкевича), ла. *lizds* : диал. **lizgs* «гнездо» (ср. BB XXIX 188 [šai izdevumā I 299. — Red.]). 55

В *viskėti* «дрожать» (и III л. буд. вр. *pasiviskins* у Ширвида PS 6, 9) *-sk-* может быть сохранено или восстановлено благодаря *-zg-* в однозначащем *vizgėti* или *vyzgóti*, в *pléiskanos*[92] (рядом с *plaskanos*!) «Schinn, feine Schuppen» и *pleĩskės* «посконь» благодаря *pleizgãnė* или *pleizgẽ* «посконь» (собственно: «schinniger Hanf» по Куршату) и в *plìskė* «Wolfslappen» — благодаря однозначащему *blìzgė*. Прилагательное *įvaiskus* «klar, hell, offenbar, merklich, ansehnlich», вероятно, произведено от корня *u̯eid-* «видеть» (ср. *vaidìntis* «sich
56 momentan gespensterartig sehen lassen») // посредством суффикса *-sku-*, как *ėskus* «обжорливый» от *ėdu* «жру». Диалектическое *(j)ýskiai*[93] (если тут *s* не ошибочно вместо *š*) Viltis 1908 г. № 78 (поясняется через *tíkrai*) тем более странно, что рядом имеются *áiškus* и *iškus* с *š*; может быть, *s* в *(j)ýskiai* объясняется влиянием слова **istjas* (> *iščias*). Осталось бы, насколько я вижу, только *priẽskas* (как пишет Куршат) «пресный», которое Брюкнер (Litu-slav. Stud. I 122) считает заимствованным из малорусского языка (*прясьκий*); но, как мне сообщает К. К. Буга (ср. также указание Фортунатова Состав Остромирова Евангелия 10[3]), следует писать *prẽskas*, как говорят в Дусятах, ср. также Пост. Даукши 187, 2 и 250, 3. После других гласных *-sk-* сохраняется, как показывают, кроме вышеупомянутых *dreskiù, draskaũ, tvoskinti, tvoskóti*, еще и следующие слова: *druskà* «соль», *paskuĩ* «после», *plauskà* «ein Kloben», *plùskis* «расточитель», *suskis* «scabby person» (в словаре Лалиса) и др. В некоторых глагольных формах с *-šk-* (если только это не литовские новообразования; по большей части это звукоподражательные слова неизвестного мне происхождения) *-š-* вместо *-s-* могло возникнуть под влиянием тех форм, где после перестановки перед согласным имеется *-kš-* из *-ks-*; ср., наприм., *bloškiù, bloškiaũ, blõkšiu, blõkšti*[94] «seitlich schleudern», *broškiù, broškiaũ, brõkšiu, brõkšti* «buttern», *čiauškiù, čiauškiaũ, čiaũkšiu, čiaũkšti* «журчать», *reškiu, reškiau, rekšiu, rekšti* «рвать» (краткое *e*,

---

[92] Ср. р. *плесн(ев)еть* и др., с *-сн-*, вероятно, из *-скн-*.

[93] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[94] Trautmann же BB XXX 328 возводит *-šk-* в *bloškiù* к иде. *-ĝsk-*, сближая его с лат. *flagrum* «бич» и др.; подобным образом он сопоставляет *braškėti* с лат. *fragor* «треск»; подобно объясняет *brėkšti* Walde KZ XXXIV 515. Полной уверенности в этом у меня нет, но возможность такого объяснения *-šk-* в этих и других им подобных словах я признаю. Кроме того, следует считаться с возможностью перестановки *-šk-* из *-kš-* < *-ks-* (как, вероятно, в *vãškas*).

вероятно, только в наст. времени, как показывает I л. ед. ч. буд. вр. *nurēkšjù* LChr. 397, 24; ср., наприм., *dreskiù* при *drėskiaũ, drēksiu, drēksti*), *teškiù, tėškiaũ, tėkšiu, tėkšti* «Dickflüssiges schleudern», *trókštu, tróškau, trókšiu, trókšti* (ср. Pedersen KZ XXXVIII 208) «жаждать» и др. Затем, мы встречаем *-šk-* еще в звукоподражательных словах, ср., наприм., *braškėti*[94] // «трещать», *trėškėti* «трещать», *tauškėti* «стучать», 57
pliuškėti «калякать», *pliáuškinti* «плескать» и др., которые, вероятно, были созданы уже после возникновения шипящего звука из иде. *ḱ*, и в некоторых других словах неизвестного (вероятно, позднего) происхождения, как в *trėškė* «черника», *meškerė̃* «удочка» и др., и в заимствованных словах, как в *meškà* «медведь», ср. Brückner KZ XLIII 307 сл. Слово же *vãškas* (и праслав. **voskъ*), вероятно, получилось путем перестановки из **vakšas* из **vaksas* = древневерхнен. *wahs* (считать славяно-балтийское слово[95] заимствованным нет достаточного основания); следует иметь в виду, что в балтийских (и, вероятно, и в славянских языках) сочетание *-ks-* (> лит. *-kš-*) было необычно, за исключением тех случаев, где *-s-* входит в состав производительного суффикса. Крайне редко в *-šk-* *š* восходит к иде. *ḱ* (возможна утрата гласного между *š* и *k*), как, вероятно, в *šė̃škas*[96] «хорек», ср. скр. *kašikā* «ласица».

В сравнительно немногих случаях с *-š-* вместо *s* между гласными остается только возводить это *š* к иде. *sḱ*, к чему фонетических препятствий нет, ср. Berneker AfslPh. XXV 491. Так уже объясняются *aũšta* «светает» (из более древнего **aũša*, ср. скр. *uccháti*, под влиянием глаголов вроде *brėškta* «светает», после чего *š* из наст. времени перенесено в прочие формы глагола и в существительное *aušrà*[97] «утренняя заря»), *gaištù* «мешкаю» (из **gaišù* с *š* из иде. *sḱ*, ср. лат. *haereo, haesi*, и с перенесением *š* из наст. времени в прочие формы этого корня), ср. Pedersen IF V 79; *trišù* (с таким же обобщением *š*) «дрожу», ср. авест. *tərəsaiti*, древнеперс.

---

[95] Möller же KZ XXIV 500 возводит *-škas* в *vãškas* к иде. *-ksqos* ввиду скр. *vaśā* «масло», рядом с которым, однако, имеется *vasā*; ср. также Osthoff Etym. Parerga I 19 слл. По поводу перестановки *ks* ср. еще лат. *ascia* : гр. ἀξίνη, лат. *viscum* : гр. ἰξός, лат. *vespa* : лит. *vapsà* (между тем как в лат. *axis* и др. *ks* сохраняется).

[96] [Autora eksemplārā: *šeškùs* Kv., *šė̃škus* Ds. //]

[97] Ср. такое же обобщение *-sḱ-* в лат. *poposci*, умбр. *peperscust* «precatus erit», *persclu* «supplicatione», скр. *pṛcchā*, арм. *harç*, древневерхнен. *forsca* «вопрос» и др.

58 *tarsatiy* «боится» // (ср. Brugmann Grdr. II 1029)[98]. Далее, имеют *š* из иде. *sḱ*, по-видимому, *maīšas, riešutas* и, может быть, также *kr(i)ušà* и *vētušas;* и также соответствующие славянские формы, по моему мнению, могут иметь *x* из иде. *sḱ*. Педерсен, правда, полагает IF V 71, что в славянском получается только *s* из иде. *sḱ*, но ссылается при этом только на цркcл. *пасѫ* : лат. *pasco* и, сам сомневаясь, на цркcл. *тысѧща*. Но в *пасѫ*, конечно, может быть только *c* (а не *x*), так как перед ним стоит *a*; что же до *тысѧща,* то мы достоверно не знаем, что *c* в нем получилось из иде. *sḱ*, и, даже допуская это, можем объяснять *c* (вместо *x*) влиянием других числительных с *c-* (из иде. *ḱ-*) того же корня **ḱemt-*. Ничто, значит, нам не мешает думать, что в славянском после *i, u* из иде. *sḱ* получается *x*. А само по себе это даже вероятно. По весьма правдоподобной гипотезе Педерсена IF V 75 слл., как в арийских языках и в литовском, так и в праславянском *s* первоначально при известных условиях перешло в *š* не только перед гласными, но и перед согласными, значит, также перед иде. *ḱ*. Когда затем из этого *ḱ* на славянской (или на славяно-балтийской) почве возник свистящий или шипящий звук (> лит. *š*, слав. *s*), который тут условно обозначим через *ś,* то в сочетаниях *-išś-, -ušś-* (из *-išḱ-, -ušḱ-*) путем ассимиляции *-śś-* очень легко могло далее перейти в *-š(š)-*, откуда *-x-*. Если скр. *mēšá-s* «баран» и древнеисл. *meiss* «geflochtener Tragkorb» действительно родственны с лит. *maīšas*, цркcл. *мѣхъ,* ср. Budde KZ XX 1 сл. и Pedersen IF V 40 (по значению ближе к древнеисл. *meiss* стоит лит. *máišas*), то можно думать, что в части говоров индоевропейского праязыка **moisos* (или **maisos*) было изменено в **moiskos* (или **maiskos*) под влиянием, наприм., слова, давшего гр. ἀσκός «мех». — Родственных с *kr(i)ušà* (ср. цркcл. *кръха* «mica») и *vētušas* (ср. цркcл. *ветъхъ*) форм
59 с *-sḱ-* мы, правда, не знаем, но предполагать // таковые до известной степени позволяют (ср. выше стр. 54[3] о чередовании *-st-* : *-sk-*[99]) лат. *crusta* «кора», гр. κρύσταλλος «лед» и лат. *vetustus*. Но *kr(i)ušà* могло бы иметь *š* также под влиянием глагола *kr(i)ùšti,* о котором ср. выше, стр. 58[1][100]. И слова

---

[98] См. также Trautmann Germ. Lautg. 33 сл. относительно *káišti* «скоблить» и l. c. 45 относительно *kr(i)ùšti* «крушить» и Persson BB XIX 274 относительно *rušėti* «заниматься»; ср. также *ráušyti* «рыться» рядом с однозначащим *rausýti*.

[99] [Skat. 91. parindi. — Red.]

[100] [Skat. 98. parindi. — Red.]

vẽtušas (с производным *vẽtušis* «alter Ochs», ср. лa. *vecis* «старик»), *apušis* или *apušė* «осина» (ср. древневерхнен. *aspa*) и *kermùšė* (ср. выше стр. 52) могли получить *š* под влиянием слов вроде *brotušis* «племянник» (*brotušė* «племянница»), *tetùšis* «батюшка» (Leskien Nom. 598), *rudušis* «язь» (Cyprinus rutilus) с *š* из иде. *ḱ*, как показывает соответствующий суффикс *-ùžis* (*-ùžė*; и славянский суффикс *-uso-, -yso*? ср. Vondrák Vergl. slav. Gramm. I 476 сл.). *Kiáušė* же (и *kiaũšis* «яйцо», *káušas*[101], лa. *kaûss* «ковш, большая разливная ложка») родственно ближе всего не с древнеисл. *hauss*, но с скр. *kóša-s* «Behälter, Kufe», гр. καυκίον· κύλιξ, лат. *caucus* «кубок» (Būga Aist. St. I 28). Возводить *júšė* к иде. **jūḱiē* или **jūskiē* (от глагольного корня, который имеется в скр. *yáuti* «смешивает», лa. *jàut* «мешать тесто») было бы возможно в фонетическом отношении и обязательно, если это слово не заимствовано[102]; но отсутствие сходных по суффиксу форм в родственных языках[103] и то обстоятельство, что из славянских языков заимствовано (в более позднее время) также лит. *jukà* «Blutsuppe» и, вероятно, и нем. *Jauche*, располагают меня скорее считать *júšė* (и, вероятно, тожественное с ним древнепр. *iuse* «juche») за старое заимствование из славянских языков. Мы не знаем, правда, такой славянской формы (**juša*), которая бы могла служить оригиналом для лит. *júšė* (что белор. *юшка* не может считаться таковым, в этом я согласен с Педерсеном IF V 80), но из этого еще не следует, как полагает Педерсен, что нельзя считать лит. *júšė* заимствован-//ным. Нередко ведь языковеды (и в том числе, конечно, и сам Педерсен в случае надобности, ср., наприм., KZ XXXVIII 195) считают то или другое слово заимствованием, хотя не могут указать его оригинала; и принципиально возражать против этого нельзя, так как слова часто утрачиваются и изменяются. Но, как бы то ни было, после всего предыдущего несомненно то, что *š* в *júšė* нельзя непосредственно возводить к иде. *s*. — В *lašišà* «лосось» (ср. древневерхнен. *lahs*) второе *š*, вероятно, путем ассимиляции заменило собою старое *s*.

60

---

[101] Относительно отношения балтийского слова к славянскому прав не Лескин Nom. 194, но Mikkola BB XXI 120, как ясно показывает форма этих слов.

[102] То же самое — mutatis mutandis — следует сказать о *kr(i)áušė* «груша».

[103] Ср. разве шведск. диал. *ūst* «сыр», которое тоже относят сюда, см. выше стр. 54[3] [skat. 91. parindi. — Red.].

Итак, я пришел к выводу, что в литовском языке имеется *š* из иде. *s* только после *r, k* и между *i* и *k*. Что же касается времени перехода *s* в *š*, то нельзя на основании одного лишь *krìkštas* (и *krìkštyti*) думать о сравнительно позднем происхождении этого *š*: вновь возникшее *s* в таком положении (между *k* и согласными) могло и впоследствии переходить в *š*[104], пока только был в силе закон о переходе *s* в *š* (кроме того, не исключена возможность, что *š* в *krìkštyti* отражает польское *rz* в *chrzcić*). Обращаясь же за указаниями к прочим балтийским языкам, мы находим, что латышский язык никакого света не проливает на этот вопрос, так как в нем одинаково соответствует *s* как литовскому *š* из иде. *s*, так и литовскому *š* из иде. *ḱ*. На данных же древнепрусского языка приходится немного приостановиться.

В памятниках прусского языка обыкновенно обозначается буквою *s*[105] как потомок иде. *s, z*, так и потомок иде. *ḱ, ĝ(h)*, и поэтому принято думать, что в прусском языке совпали, как и в латышском, иде. *s* и *ḱ* в *s*, иде. *z* и *ĝ(h)* в *z*. Против этого, насколько мне известно, высказался один лишь Mikkola AfslPh. XX 149 сл., который, ссылаясь на будто бы заимствованные из прусского языка лит. *ušės* «Kindbette» и *pušnìs* «сапог» и на примеры вроде III л. *poschwāigstinai* «erleuchte» (при *swāigstan* «Schein») и *uschts* «шестой» (при
61 *usts*), приходит к // заключению, что буква *s* на месте иде. *ḱ* и *ĝ(h)*, вероятно, обозначала «palatale *š* und *ž*, etwa den poln. *ś* und *ź* ähnliche Laute». А то *š*, которое получилось в прусском языке из иде. *si̯, ḱi̯*, по мнению Микколы, не было палатально, но похоже на немецкое *š* и поэтому обыкновенно передавалось через *sch*, между тем как палатальное (не похожее на нем. *š*) *š* (и *ž*) в большинстве случаев обозначается буквою *s*. Что посредством *s* в прусских текстах в известных случаях передаются звуки, похожие на п. *ś* и *ź*, это само по себе возможно; но ввиду довольно многочисленных примеров с *s* из иде. *ḱ* и *ĝ(h)* (в грамматике Траутмана стр. 168 слл.) естественнее думать, что в прусском языке из иде. *ḱ* и *ĝ(h)* получились те же звуки, что и в латышском, т. е. *s* и *z*, восходящие, вероятно, к звукам, похожим на лит. *š* и *ž*, тем более что *s* имеется вместо *š* и *ž* также в прусских заимствованиях из славянских языков (примеры у Траутмана стр. 169 сл.; исключить следует *sompisinis* «gropbrot», так как

[104] Ср. Bezzenberger BGLS 81.

[105] Глухой свистящий изредка обозначается также через *z, cz*, ср. грамматику Траутмана § 68.

считать это слово заимствованным нет никакого основания и в славянских языках вовсе нет соответствующей формы). Отказаться от этого господствующего мнения в пользу гипотезы Микколы нас могли бы заставить только веские мотивы, а считаться таковыми не могут вышеприведенные соображения Микколы. Нет ведь ни малейшего основания (несмотря на «sicherlich» Траутмана, стр. XI) полагать, что лит. *pušnìs* взято из прусского языка (представляющего форму *pusne*); вместо того чтобы на основании лит. *pušnìs* приписывать прусскому языку *š* (или *ś*) из иде. *ḱ*, естественнее будет заключать, что ввиду *š* в *pušnìs* трудно считать это слово заимствованным из прусского языка. А вместо приведенного Микколою *poschwāigstinai* наши тексты дают только *poswāigstinai;* зато имеются формы III л. наст. вр. *erschwāigstinai* и прич. прош. вр. *erschwāistiuns*. Но Траутман в своей грамматике (стр. 172) уже верно указал, что в говоре III катехизиса *s* и *z* (если правильно сопоставление асс.[106] s. *swāigstan* «Schein» с лит. *žvai(g)zdė* «звезда») после *r* пе-//реходят в *š* и *ž*; и только что приведенные формы ясно 62
показывают, что *sch-* вместо *s-* в них вызвано положением после *r* (в *ersinnat* имеется *s* благодаря влиянию таких форм, как *posinnat*). Кроме того, этой судьбе подвергаются не только рефлексы иде. *ḱ* и *ĝ(h)*, но также иде. *s*, как показывают *pogirschnan* «хвалу» 79, 33 (*pogirsnan* 81, 2 и *girsnan* 27, 13; 59, 5; 63, 2 имеют *s* под влиянием весьма многочисленных форм на *-snā* в положении не после *r*), *kirscha* (весьма часто) или *kērschan* 73, 14 «über» (*kirsa* 57, 10 — или остаток старины, или, скорее, простая ошибка), *pirschdau* 51, 17; 53, 13; 59, 33 «перед» (в нередком *pirsdau* и в *sirsdau* 35, 8; 49, 28 имеется *-rs-* под влиянием *pansdau* «после»). Неясным для меня

---

[106] Траутман считает эту форму за instr. s. fem. g. на том основании, что она следует (после дательного пад. *ainesmu*!) за предлогом *sen* «с». Но // несомненные формы творит. падежа (да и те только после *sen*) 62
мы встречаем только в местоименной флексии (*sēnku* «damit», *sen māim* «mit mir»), как и в латышском языке особые формы творит. падежа имеются теперь в живом употреблении (в зависимости от предлогов) только в местоименной флексии (*manim, tevim, sevim*). Если Траутман считает за творит. пад. все произведенные от основ на *-ā* формы на *-an* после предлога *sen* (что *swāigstan* происходит от основы на *-ā*, этого мы, впрочем, даже не знаем), то остается необъясненным, почему после *sen* ставится только такой творительный падеж, форма которого совпадает с винительным падежом, тогда как в тех случаях, где винительный падеж отличается от творительного (как, наприм., во множ. числе и в формах от основ на *-(i)o-*), после *sen* ставится не творительный, но винительный (или также дательный) падеж.

исключением являются только acc. pl. *prēipirstans* «кольца» 67, 18 и acc. s. *dirstlan* «stattlichen» 73, 10 (ср. также *dyrsos gyntos* «from man» у Грунау). Если эти формы верно переданы, то надо полагать, что во время возникновения этого памятника переход *-rs-* в *-rš-* еще не был закончен. Старым, во всяком случае, как заметил уже Траутман l. c., этот звуковой процесс не может считаться, так что о связи его с литовским переходом *rs* в *rš* нельзя и думать. Ведь в наиболее древнем памятнике прусского языка — в Эльбингском словаре — *rs* еще сохраняется, как показывают *sirsilis* «шершень», *warsus* «губа», *werstian* «теленок», *werwirsis* «жаворонок», *kirsnan* «черный» и др. А в III катехизисе, с одной стороны, в *š* переходит после *r* и такое *s* (в *kirscha*), которое в литовском языке сохраняется, с другой же стороны, // 63 сохраняется *s* после *k* и между *i* и *k*, как показывают acc. s. *auckstimiskan* «Obrigkeit» 57, 8, *crixtisnālaiskas* «Taufbüchlein» 19, 19 и др. Ввиду этого я склонен даже думать, что в прусском переходе *rs* в *rš* сказывается влияние немецкого языка, которому тоже известен этот звуковой процесс. Насколько онемечены были древние пруссы уже в то время, лучше всего показывают обороты вроде *stesse swintan noseilis* «des heiligen Geists» 67, 31, *steise wissemusingin tawas* «des allmächtigen Vaters» 37, 17 и др. (если только это не ошибка), где в значении родит. падежа употреблены формы винит. падежа на *-an, -in,* вероятно, благодаря тому, что в немецком языке падежные формы прилагательных на *-en* употребляются в значении всех косвенных падежей, ср. также грамматику Траутмана стр. 207 слл. Влиянием немецкого языка, в котором *sl-* перешло в *šl-*, я объясняю также *šl-* из *sl-* в III катехизисе[107] в словах *schlūsitwei* «служить» с производными формами (весьма часто) и *schlāit* (весьма часто) «sonder(n)» (рядом встречается 2 раза еще старое *slāit* с *sl-* из более древнего *skl-*, которое тоже еще встречается; затем путем контаминации форм с *skl-* и *šl-* получаются формы с *schkl-*), подобно тому как Траутман l. c. 173 объясняет немецким влиянием *šp-* в *auschpāndimai* «wir spannen ab» и в *schpartina* «stärkt» (обыкновенно *sp-* сохраняется; ср. латышское диал. *špars* вместо *spars* «энергия» и *špļaũt* вместо *spļaũt* «плевать»). Траутман l. c. 172 и 422 выводит пр. *schlūsitwei* из лит. *šlūžyti*, но было бы довольно странно, если бы это славянское слово перешло в прусский язык не непосредственно

[107] В Эльбингском словарике мы встречаем только *sl-*.

из польского языка, но через посредство литовского языка. Кроме того, Траутман не объясняет, почему начальное *-š* в этом слове сохраняется, тогда как вместо второго шипящего звука мы находим (как и в других заимствованиях из славянских языков, ср. грамматику Траутмана стр. 169 и 170) свистящий звук *-s-*. Поэтому естественнее применять к *schlūsitwei* то объяснение, которое мне кажется единственно возможным для *schlāit* (так и часть латыш-//ских форм с *šl-*, *šn-*[108], *šm-*, *šv-* вместо *sl-*, *sn-*, *-sm-*, *-sv-*, может быть, объясняется немецким влиянием, ср. выше *špars* и *špļaũt*). — Что же касается лит. *ušės* и пр. *uschts*, то одно то обстоятельство, что *ušės* известно только в части литовских говоров, тогда как прочие говоры вместо этого употребляют *šẽšios*, еще не заставляет нас непременно считать лит. *ušės* заимствованным из прусского языка. Но если бы оно даже было заимствовано, то из этого еще не следует, что его *š* представляет собою прусский рефлекс индоевропейского *k̂*: это *š* могло получиться из прапрусского *sj*, как показывают лит. *šẽšios* и ла. *seši* (с *š* из пралатышского *sj*) «шесть». И из числительного количественного это *š* (из прапрусского *sj*) могло быть перенесено в соответствующее порядковое числительное[109], так что старое *usts*, которое нам дает второй «исправленный» катехизис (вместо *wuschts* I катехизиса), было заменено новообразованием *uschts*[110] (в III катехизисе 3 раза). Думать здесь о влиянии немецкого языка, в говорах которого встречается переход *-st-* в *-št-* (из таких говоров перешло в литературный язык, наприм., слово *Gischt*), трудно потому, что во всех прочих случаях *-st-* сохраняется, ср., наприм., *kailūstiskun* «здоровье» и др. Если же Траутман l. c. 172 объясняет *sch* в *uschts* влиянием предыдущего *u*, ссылаясь на подобное явление в литовском языке, то это совершенно невозможно, так как перехода *us* в *uš* не знают ни литовский язык (как выше

64

---

[108] Откуда далее *šļ-*, *šņ-*, ср. KZ XLII 377 [šai izdevumā II 86. — Red.].

[109] Ср., наприм., ла. *cęturtais* «четвертый» вместо **cetvirt(ai)s* (= лит. *ketvirtas*) под влиянием формы, соответствовавшей литовскому *keturì* «четыре», или ла. *astuôtais* «восьмой» вместо **astūt(ai)s* (= лит. *aštuñtas*), откуда диал. *astutaš* BB XXVII 329 [šai izdevumā I 262. — Red.] под влиянием *astuoņi* «восемь».

[110] Гипотезу Педерсена IF V 86, по которой *uschts* возникло из **štas*, как итальянск. *istrada* из *strada*, я считаю неприемлемою потому, что она оставляет в стороне лит. *ušės*, не объясняет *š* в **štas* и предполагает звуковое развитие (*uš-* из *š-*), для которого мы совершенно не знаем аналогичных примеров (что, однако, самому Педерсену не мешает считать его за «ganz natürlich»).

показано), ни прусский, ср. acc. pl. *āusins* «уши», acc. s. *ausin* «золото», *āustin* «морду», *kailūstiskun* «здоровье», *auskandints*
65 «утопленный», *klausiton* «слушать» // и др. Предложенное мною объяснение *š* в *uschts*, однако, нуждается в пояснительной заметке о развитии в прусском языке сочетания *sj* (с *s* из иде. *s* и *ḱ*). Дело в том, что начальное *sj-* в прусском языке повсюду переходит в *š-*, тогда как внутри слова нередко сохраняется *-sj-*; ср., с одной стороны, *schokis* «трава», *schumeno* «проволока», *schutuan* «нитки», *schuwikis* «сапожник» (в Эльбингском словарике), многочисленные формы от местоименной основы *scha-* «этот», *auschauditwei* «доверяться» с производными формами (если Траутман правильно возводит *schaud-* к **skjaud-*, то *sch-* могло получиться после выпадения *k* между *s-* и *-j-*, ср. AfslPh. XXXII 293. Acc. s. *ausaudisnan* 67, 17 «верность» при 10 *auschaud-* — вероятно, простая ошибка; ср. также грамматику Траутмана стр. 172), acc. pl. *āuschautins*[111] «долги» с производными формами (в катехизисах), а с другой стороны, *crausios* «груши» (в Эльбингском словарике), gen. s. *stessias* 77, 16 «той», dat. s. *stessiei* 73, 22 «той», сравнит. степ. *muisieson* 45, 30 «grössern»[112] (в катехизисах). Это различие в развитии *sj* не только не объяснено грамматиками Бернекера и Траутмана, но (что весьма характерно для них) даже не отмечено. Оно совершенно похоже на различие в развитии *tj* и *dj* в нижне-
66 литовском (ср. Berneker IF X 158[1]) и *pj, bj* в латышском // и в части славянских языков: в латыш. и части слав. языков, как указал уже Фортунатов BB XXII 156, *j* после начальных губных переходит в *l̨*, тогда как внутри слова сохраняются

[111] Это слово, может быть, родственно с лит. *šáuti*, ла. *šaũt* «стрелять» и в таком случае предполагает глагол **auschautwei* «ссужать», ср. нем. *schiessen* «стрелять» : *vorschiessen* «ссужать».

[112] Траутман, по всей вероятности, прав, полагая l. c. § 170, что *-i-* после первого *s* в *muisieson* не обозначает смягчение предыдущего *s*, но входит в состав компаративного суффикса *-i̯es-*, так как, за исключением acc. s. *epkieckan* «порок» (*k* и *g* могли быть сильнее смягчены, чем прочие взрывные), смягчение согласного выражается через *i* только перед таким *e*, которое входит в состав дифтонга *ei* или, находясь перед тавтосиллабическим плавным или носовым, удлинено при нисходящей интонации (вероятно, *e* в таком положении отличалось качественно от *e* в других положениях, так что смягчение согласного перед таким *e* могло быть заметнее). Но из этого еще не следует (как думает Траутман), что балтийские языки не знают звукового закона об утрате *i̯* между согласным и *e*. Если *e* в *muisieson* восходит к иде. *e*, то *-ies-* (вместо *-es*) перенесено сюда из таких форм, где оно стояло после гласного; но это *-ies-* может восходить также к прабалтийскому *-i̯as-* (из иде. *-i̯os-*), ср. Brugmann Grdr. I² 289.

сочетания *j* с губными. Чисто фонетическим я считаю в этих случаях только развитие в начале слова, между тем как внутри слова, где эти сочетания встречаются обыкновенно во флексийных окончаниях, правильному их развитию мешало влияние других форм тех же категорий с *j* не после губных и *s*. Так, наприм., в латышском языке к *krupis* «жаба» gen. s. не **krupļa*, но *krupja* под влиянием форм вроде **nazja* (откуда потом *naža*) к *nazis* «нож» (gen. s. **krupļa* к *krupis* слишком расходился с прочими формами родит. падежа этого склонения). Так и пр. *crausios* может считаться новообразованием (вместо **crauschos*) к nom. s. *crausy*[113] под влиянием форм вроде **marios* (= лит. *mãrios* «das // kurische Haff») 67
к nom. s. *mary* «Haff». В местоименных формах вроде gen. s. *stessias* или dat. s. *stessiei* сохранение *-sj-* объясняется, вероятно, тем, что в целом ряде падежей местоименная основа была расширена общим элементом *-s-*, за которым следовали разные падежные окончания (ср., наприм., санскритские формы *tas-ya, tas-yās, tas-māi, tas-yāi, tas-māt, tas-min, tas-yām*); так, наприм., в dat. s. *stessiei* (из **ktesiāi*) сохранение *-sj-* обусловлено // морфологическим разложением на 68
stes-jai (в противоположность к форме мужского рода *stes-mu*). И в *muisieson* сохранение *-sj-* объясняется влиянием

---

[113] Траутман же l. c. 227 усматривает в *crausy* основу на *-ē*, производя *crausios* от основы на *-jā*, что я считаю невероятным, полагая, что *crausy* склонялось подобно литовскому *martì* «невеста». Лит. *kr(i)áušė* «груша» этому не мешает; ср., наприм., лит. *mãrės* при *mãrios* и др. Первоначально пр. *crausy* и могло быть основой на *-ē*, но после перехода конечного неударяемого *-ē* в *i* (как в части литовских говоров) было неизбежно смешение основ на *-ē* с основами, склонявшимися подобно лит. *martì*. В Эльбингском словарике имеются рядом слова на *-e* и на *-i* (ср. грамматику Траутмана § 136), но, вероятно, было бы ошибочно думать, что все слова на *-e* имели ударение на конце (как, наверное, *wosee* «коза») и все слова на *-i* — не на конце. Вполне определенного результата мы здесь не можем добиться, не зная, каково количество гласных и представляют ли все слова этого памятника формы одного и того же говора. Ввиду того, что на принадлежность этих слов не одному и тому же говору указывают также некоторые фонетические особенности (ср. *ee, ea, ey* из *ē*; *e* и *a* из *e*; *a* и *o* из *a*; *ai, o(a)y* и *oa* из *ai*), и ввиду того, что довольно многим словам на *-e* соответствуют литовские формы с ударением не на конце, я склонен думать, что формы на *-e* не все имели ударение на конце, причем формы на *-i* (где это *-i* восходит к неударяемому *-ē*) взяты из какого-нибудь другого говора. Часть же слов на *-i*, вероятно, склонялась подобно лит. *martì* (ср., наприм., *sansy* «гусь» : скр. *hąsī*; *ludini* «хозяйка» : церксл. *богыни*, гот. *Saurini*, на что указал J. Schmidt Neutra 45 сл.). В катехизисах же (II и III; в I катех., сохраняющем *ē*, не встречается nom. s. основ на *-ē*), где всякое *ē* переходит в *i* (но не

прочих форм сравнительной степени с *-ies-* не после *s*. Что *-sj-* действительно также внутри слова переходило в *-š-*, это доказывают формы gen. s. *tawischas, tauwyschies* или *tawischis* «des Nächsten», acc. s. *tawischan* или *tawischen*. Траутман l. c. 172 возводит *tawisch-* к **tawiskj-*; если это действительно так, то все-таки *sch* могло получиться из *skj* только после утраты *k* между *s* и *j*. Но ввиду значения этого слова естественнее считать *tawisch-* за основу сравнительной степени (из *taw-is-j-*, ср. цркcл. *болѣш-* вместо **больш-* из **bol-is-j-*), и в пользу этого говорит форма acc. s. *tawisen* 61, 25 (если это не ошибка вместо *tawischen*), где *-en* может представлять собою действительное *-in* (из *-ņ*; ср. грамматику Траутмана стр. 102), так что **tawisin* в окончании походило бы на acc. s. *-gimmusin* 71, 12 «родившегося». Можно еще привести nom. s. *kasschis* 57, 24 «Schoss» (при acc. s. *kassin* 57, 22, 24) и acc. s. *teischin* 37, 16 «честь» (при частом *teisi-*); если в них *sch* не ошибочно вместо *s* или не обозначает смягчения *s* перед *i* (как думает Траутман l. c. 172), то *sch* в них перенесено из таких падежей, где оно возникло из *-sj-* (но против этого говорит, может быть, acc. s. *scrijsien* 51, 30 «крест» с сохраненным *-sj-*), ср. ла. диал. *puīšis* (наприм., в Крутене) вместо *puīsis* «парень» с *-š-* (из *-sj-*) из косвенных падежей (в gen. pl. *menschon* 7, 2 «des Fleisches» — в значении «людей» — от *mensā -sch-* объясняется, может быть, тем, что переводчик, услышав от своего толмача *mens-*, припомнил

в дифтонге *ēi*, ср. Trautmann l. c. § 24), конечно, и все основы на *-ē* в nom. s. оканчиваются на *-i*, совпадая, таким образом, с основами типа лит. *martì*. Что же до *semmē* 65, 33 (*tou asse semmē* «du bist Erde») и *aulausē* 61, 23 (*sta ast giwāntei aulausē* «die ist lebendig todt»), которые
67 Бецценбергер KZ XLI 78 сл. счи-//тает за instr. s., принимая их *-ē* за *-en*, то такому толкованию не противоречит (как думает Траутман l. c. § 140) acc. s. *semmin*. Так как в окончании acc. s. (ср. лит. *žẽmę*) была нисходящая интонация (благодаря которой при известных условиях впоследствии удлиняются также краткие гласные), тогда как в окончании instr. s. (ср. лит. *žemè*) — восходящая интонация (при которой в прусском языке удлинения не находим), то в instr. s. **zemẽn* могло бы произойти сокращение *ẽ* перед *-n* (т. е. переход акутованного *-ēn* в *-eñ*) еще до перехода *ē* в *i* (между тем как в положении не перед *-n* акутованные конечные долготы под ударением сохраняются). Но тем не менее я затрудняюсь считать эти формы за instr. s., так как появление (чуждого нем. языку) предикативного творит. падежа было бы весьма странно в столь сильно онемеченном языке III катехизиса, дающего, в общем, перевод отдельных слов, а не целых фраз и не знающего, в общем, творит. падежа даже после предлога *sen*, ср. выше стр. 61[1] [skat. 106. parindi. — Red.]. Поэтому я вывожу *-ē* в *semmē* и *aulausē* из *-ēi*, считая их за такие же формы nom. s., каковы *giwei* 49, 20 «жизнь», *peisālei* 55, 33

нем. *Menschen*). Значит, в прусском языке могло существовать числительное *uš-* «шесть» с *š* из *sj*, ср. ла. *seši* с *š* из *sj*; здесь (за неимением единств. числа) во всех падежах имелось *-sj-*, так что рядом не было форм с простым *-s-*, которые бы мешали переходу *-sj-* в *-š-*, ср. ла. *pìecas* (fem. g. = лит. *peñkios*) «пять» и *rudzi* «рожь» при *lâči* «медведи» и *vadži* «клинья», см. BB XXIX 179[113a].

Итак, также прусский язык не дает нам никаких указаний относительно древности литовского *š* из *s*. Обратимся теперь // к славянскому *x* из иде. *s*. После появления статьи Педерсена 69
IF V 33 слл. можно считать установленным, что в славянском получилось *x* из иде. *s* в положении после гласных ряда *i* и *u* и после согласных *r* и *k*. Брюкнер, правда, оспаривает KZ XLIII 302 переход *ks* в *x*, считая аорист *pѣxъ* (к *рекѫ*) новообразованием. Но держаться такого мнения об этой форме (рядом с *грѣсъ* к *гребѫ*!) мы имели бы основание лишь в том случае, если бы Брюкнер мог привести примеры с сохранившимся *s* после *k* (если бы *s* в этом положении сохранялось, то ожидалась бы форма аориста **pѣcъ* вместо *pѣxъ*; а такое **pѣcъ*, судя по *грѣсъ*, вероятно, и сохранилось бы неизмененным). А так как таких примеров (с *s* из *ks*) мы не знаем, то нам остается только думать, что *x* в *pѣxъ* получилось непосредственно из *ks*, и в пользу этого говорят также формы вроде *худъ*, *шесть*

«писание», **warei* (предполагается формою acc. s. *warein* «власть» 31, 25 и 57, 9, Trautmann l. c. 232) и, может быть, *giwāntei* «vivens» 61, 23 (по мнению же Траутмана l. c. § 192, это — деепричастие). Формы вроде *giwei* могли возникнуть рядом с **gīvē* по примеру форм nom. s. вроде *mensai* рядом с *mensā*; кроме того, получалось *-ei* (из ударяемого *-ī*) в nom. s. старых основ на *-i* : *-i̯ā*. А потом (после перехода *ē* в *i*) из такого *-ei* (в nom. s.) могло получиться снова *-ē;* ср. *-ā* рядом с *-ai* в nom. s. основ на *-ā*; gen. s. *stesse* «того» рядом с *stessei*, dat. s. *tebbe* «тебе» рядом с *tebbei*, II л. *asse* «es» рядом с *assei*, III л. *druwē* «верит» из **druwēi̯(a)*, *boūse* «sit» рядом с *boūsei*, *be* «erat» рядом с *bēi*. — Предполагая смешение основ на *-ē* и на *-i* : *-i̯ā* (благодаря общему nom. s. на *-i*), мы лучше всего можем объяснить формы acc. s. вроде *mūtien* «мать» (рядом с *mūtin*), *semmien* «землю» (рядом с *semmin*): формы на *-ien* (из *i̯ām*), собственно, были свойственны основам на *-i* : *-i̯ā* (объяснение же, предложенное Траутманом l. c. 232 для форм на *-ien*, я считаю слишком механическим и возможным только на бумаге). Этому не противоречат формы acc. s. *mārtin* «невесту» (1×), *waispattin* «жену» (2×): как рядом с *semmin* встречается *semmien*, так и рядом с *mārtin*, *waispattin*, по всей вероятности, встречались формы **mārtien*, **waispattien*. Кроме того, ср., наприм., acc. s. *noseilien* рядом с *noseilin* от *nosēilis* «дух».

[113a] [Sai izdevumā I 290 sk. — Red.]

и др., о которых была уже речь выше. Если же Uhlenbeck AfslPh. XVI 373 сл. предполагает переход *s* в *x* также после (праслав.) *a* и Соболевский l. c. XXVI 559 сл. — также после *e*, то они должны были бы объяснить случаи сохранения *s* после *a* и *e*. А так как они этого не сделали (да и не могли сделать), то приходится считать фонетически правильным после *a* и *e* только *s*, формы же с *x* (из *s*) в этом положении — новообразованиями с перенесением *x* из положения после *i, u, r, k*. Что в славянском возникли производительные суффиксы, начинающиеся с *x* (которое получилось в только что указанном положении), это уже отметили Педерсен IF V 51 слл., Вондрак Vergl. slav. Gramm. I 354 сл., Брюкнер KZ XLIII 303 слл. Благодаря распространению суффиксов с *x* изредка вытесняется новыми *x* также *s* из иде. *ḱ*[114], как, наприм., в р. *прохать* (при *просить*). Некоторые // случаи с неправильным *x*, однако, нуждаются в несколько ином объяснении. В малор. *жах* (= ужас), наприм., могло возникнуть *x* вместо *c* под влиянием однозначащего *страхъ*, но откуда последнее слово имеет свое *x*? Брюкнер KZ XLIII 309 считает его за «Kurzform» к *страсть* (вроде п. *Stach* к *Stanisław, gocha* к *gorzatka* «водка» и др.). Но *страхъ* по своему значению не подходит под категорию тех Kurzformen с *x*, про которые сам Брюкнер говорит l. c. 304: «Es sind Vertraulichkeits- (Kose-) und Grobheitsformen, Formen mit augmentativem oder pejorativem Nebensinn». Поэтому я предпочитаю возводить *x* в *страхъ* к *ks*. Об этом думал уже Педерсен IF V 49, сближая *страхъ* с лат. *strages* «низвержение». Но по значению это слово слишком расходится с *страхъ*; гораздо ближе подходит ла. *struôstît* или *struostêt* «bedräuen, scharf verwarnen» (ср. р. *стращать*), которое, однако, не имеет никакого *k* перед *s*. Тем не менее это латышское слово может считаться родственным с *страхъ*. Что же до *k* в **strōksos* (> *страхъ*), то можно

[114] Совершенно неприемлемым я считаю мнение Вондрака Vergl. slav. Gramm. I 260 сл. и 350, по которому в некоторых случаях (в цркcл. *рѣшити, храна, вьсь* от основы **вьхо-*) к *s* из иде. *ḱ* восходит также праслав. *x* (к тому же иде. *ḱ*, по его мнению, восходит *-s-* в лит. *visas* «весь»!). Если Вондрак вообще признает звуковые законы, то они обязательны для него и в данном случае. Цркcл. *рѣшити* и я считаю тожественным с лит. *raišýti* (относительно значения ср. Pedersen IF V 79, Vondrák Vergl. slav. Gramm. I 260 и словарь Ульмана под *ràisît*), но возвожу *рѣш-* из **рѣх-* к иде. *ŗoisḱ-* // (ср. выше стр. 58) из более древнего *ŗoiksḱ-*, ср. иде. *misḱ-* (в латинск. *miscеo* и др.) из *miksḱ-* (ср. скр. *mišrá-s* «смешанный», цркcл. *мѣсити*). О слове *храна* см. выше стр. 42; относительно же **вьхо-* показывает лит. *visas*, что *x* может тут восходить только к иде. *s*.

думать, что в праславянском иногда вставлялось перед *s* такое же *k*, какое столь часто вставляется перед свистящими и шипящими в балтийских языках. Это явление еще нуждается в подробном исследовании, но, не желая прервать хода изложения, я намерен заняться этим вопросом в другом месте. Здесь же я ограничусь указанием, что, по всей вероятности, такое вставное *k* встречалось уже в балтийском праязыке. А если это так, то не исключена далее возможность, что оно вставлялось уже в эпоху более или менее тесного единства славянских и балтийских племен. Нет, насколько я вижу, никаких данных, которые бы мешали этому предположению[115], и оно удовлетворительно объясняет загадочное до сих // пор *х* в *страхъ* и некоторых других словах. — 71
Что же касается начального *s-*, то довольно многие примеры показывают, что *s* в этом положении, собственно, сохраняется. Есть, однако, несколько более или менее убедительных примеров с *х-* из иде. *s-*. Из них *ходити* вполне удовлетворительно объяснено Педерсеном IF V 62 сл. (*х-* обобщено из сложных *приходити* и *уходити*). Что касается случаев вроде цркcл. *хулити* «blasphemare» : гот. *bisauljan*[116] «запятнать», то в крайнем случае можно их *х-* (герм. *s-*) возводить к иде. *ks-*, ср. Pedersen l. c. V 64. Но слишком сомнительно, по крайней мере, такое происхождение славянского *х-* в цркcл. *хромъ* : скр. *srāmá-s* «хромой» (ср. Pedersen l. c. V 70 сл.). И ссылки на формы вроде р. *прихрамывать* или праслав. **ногу-хромъ* «krank an den Füssen» (Pedersen l. c. V 70, с вопросительным знаком) и праслав. **объхръмнѫти* > цркcл. *охръмнѫти* (Uhlenbeck AfslPh. XVI 383) не выясняют тут перехода *s-* в *х-*: что вообще когда-либо или по крайней мере во время возникновения *х* из *s* существовала форма **объхръмнѫти* (с *ъ* после *б*), это далеко не бесспорно (ср. Rozwadowski RSl. II 87 слл. и Фортунатов Сборник Лам. 1439 слл.); и переход фонетически правильного **сромъ* в *хромъ* под влиянием только что приведенных сложных форм мог бы казаться возможным лишь в том случае, если бы последние употреблялись гораздо чаще, чем само прилагательное **сромъ*, а утверждать это я не решился бы. По этой же причине при решении вопроса о происхождении начального *х-*

[115] Само это *k* в славянском не могло сохраниться: *ks* перед гласным перешло в *х*, а *ks* перед согласными было упрощено в *s* в силу закона об открытых слогах.

[116] Другую этимологию для *хулити* предлагает Бернекер в своем этимологическом словаре.

не имеют никакого значения ссылки Uhlenbeck'a l. c. XVI 382 на сложные формы *съхранити, *възъхотѣти, *възъхулити, *възъхытити, *безъхыбнъ, *объхолъ, *объхлѧдати, *възъхвалити, съхвалити* и др. Кроме того, во время перехода *s* в *x* префиксы в этих формах, по всей вероятности, вовсе не оканчивались на *й* (или ъ). И если Вондрак Vergl. slav. Gramm. I 360 склонен думать, что «ein nachfolgender dunkler Vokal» вызывал переход *s-* в *x-*, то как же он объясняет р. *смурый* (рядом с *хмурить*) и другие формы с *с-* перед *о, у*?

72 При объ-//яснении *х-* в *хромъ* и в некоторых других словах следует иметь в виду, что *s* перешло в *x*, вероятно, через переходную ступень *š*, ср. IF V 74. Далее, уже указано (ср. KZ XLII 376[116a] и словарь Бернекера под *gnida*), что в некоторых индоевропейских языках в словах, обозначающих нечто, к чему относятся с презрением или с отвращением, смягчают один из корневых согласных, свистящие же звуки заменяют также соответствующими шипящими, ср., наприм., ла. *šmaulis* рядом с *smaulis* «неряха». Итак, я считаю возможным, что по этому же мотиву также в праславянском кое-где фонетически правильное *s* было заменено шипящим *š* (перешедшим впоследствии, одновременно с *š* из *s* после *i, u, r, k,* в *x*); так скорее всего объясняется *х-* (из *š-*) в *хромъ, хворъ* (: древневерхнен. *svërо* «боль, болезнь»; говоря о происхождении *х-* в *хворъ,* также Педерсен IF V 81 указывает, что это — Bezeichnung der kränklichen Schwerfälligkeit), *хламъ, хмура* (ср. р. *похмура, хмыра*), *хныкати* (ср. однозначащее ла. *šņukstêt*) и, может быть, также в *хула* (если в этом слове *х-* получилось из *š-*, то под влиянием этого **šula,* вероятно, в противоположном по значению слове **švala* > *хvala* возникло *š-* вместо закономерного *s-*) и в некоторых других словах. И после перехода *š* в *x* еще изредка возникает *š* вместо *s*, и это более позднее *š* уже сохраняется, так, наприм., в чешск. *šmuořiti se,* р. *нашмуриться* (рядом с *нахмуриться* и *смуреть*) и р. *шкура* (рядом с белор. и чешск. *skura;* ср. гр. σκῦτος «кожа» и др.).

Если в славянских языках на месте иде. *s* мы находим спирант *х* приблизительно при таких же условиях, при каких в арийских языках старое *s* было заменено шипящим *š* (ср. Pedersen IF V 75), то невольно приходит в голову мысль о связи славянского *х* (из иде. *s*) с арийским *š*. Слав. *х* может, как полагает Педерсен, восходить к более древнему *š* (и если мои соображения о возникновении *х* в формах вроде

[116a] [Šai izdevumā II 85 sk. — Red.]

orѣхъ и *хромъ* правильны, то между *s* и *x* обязательно была переходная ступень *š*)[117], // и переход *s* в *š* именно после 73
i и *u* вовсе не является настолько обычным звуковым процессом, чтобы можно было без важных причин думать о случайном совпадении в этом отношении арийских и славянских языков. Педерсен поэтому и приходит l. c. V 86 к заключению, что это *š* из *s* возникло еще до окончательного распадения индоевропейского праязыка. Если же это так, то, спрашивается далее, как относится к славянскому и арийскому *š* литовское *š* из *s* после *r* и *k*? Педерсен, полагая, что первоначально в литовском имелось *š* из *s* при тех же условиях, как и в славянских и арийских языках, конечно, возводит также лит. *š* (из *s*) к эпохе индоевропейского праязыка; мало того, он склонен даже думать (l. c. V 86), что также в тех говорах иде. праязыка, от которых ведут свое начало прочие индоевропейские языки (или по крайней мере в восточных говорах иде. праязыка), имел место переход *s* в *š* после *i, u, r, k*. Но то, что в пользу этого положения он приводит из албанского и греческого языков, не может считаться убедительным; и в литовском мы нашли *š* (из *s*) только после *r* и *k* (и между *i* и *k*). Предполагать же, что первоначально и в балтийских языках имелось *š* (из *s*) также после *i* и *u*, у нас нет достаточного основания. Если бы мы тем не менее решились думать о связи литовского *š* (из *s*) со славянским *x* (из *s*), то нам пришлось бы допустить, что возникшая среди лингвистических предков арийцев и славян тенденция к замене *s* шипящим *š* охватила также зачатки теперешних балтийских языков, проявляясь, однако, тут в менее широких размерах (только после *r* и *k*). Это было бы похоже на известное явление славянской фонетики: между тем как в прочих славянских язы-//ках иде. сочетания *or, ar, ol, al, er, el* среди 74
согласных развиваются совершенно параллельно и одинаково дают в конце этого развития открытые слоги, в полабском и кашубском только иде. *ol, al, er, el* подвергаются перестановке, тогда как иде. *or* и *ar*, совпавши в *or*, сохраняются в полаб-

[117] Данные же, приведенные Педерсеном l. c. V 76 в пользу *š*, мне кажутся неубедительными: *шу-* в *шум* и *шустрый* могло бы восходить к *sjou-* // (из *seu-*), а *ш* в *шерох* (и *шерсть*?) заменило собою правильное 73
c- (ср. цркcл. *сръхъкъ* «asper» и *сръсть* «pili»), вероятно, под влиянием форм вроде *шершавый*, где произошла ассимиляция начального *c-* с шипящим следующего слога; ἄπαξ εἰρημένον цркcл. *хухота* — может быть, простая описка вместо *сухота* (в противном случае мы, вероятно, имели бы большое количество славянских форм этого корня с *x-*), и что *ш* в р. *шест* восходит к старому *s-*, не может быть доказано.

ском, в кашубском же гласный перед *r* подвергся удлинению (ср. Сборник статей, посвящ. Ф. Ф. Фортунатову, 539 слл.[118]). Допуская, значит, даже связь литовского *š* со славянским *x*, все-таки приходится констатировать старое диалектическое различие среди тех говоров индоевропейского праязыка, к которым восходят славянские и балтийские языки. Но переход *s* в *š* после *r* мы встречаем также в немецком языке, а между немецким *š* и тем же звуком в праславянском и арийском, конечно, нет никакой связи. Поэтому я считаю по крайней мере очень возможным, что также лит. *š* из *s* только случайно (да и то лишь частично) совпадает с аналогичным звуком арийских и славянских языков. Что же касается древности этого литовского *š*, то мы не располагаем никакими данными для решения вопроса, восходит ли это *š* к эпохе прабалтийской или к эпохе литовско-латышской или же возникло оно только на литовской почве.

Не было бы никакого старого различия по отношению к иде. *s* между славянскими и балтийскими языками лишь в том случае, если бы старое *s* только на славянской почве стало изменяться в *x*. И есть языковеды, которые действительно держатся того мнения, что переход *s* в *x* — явление специально славянское. Так, наприм., Uhlenbeck KZ XXXIX 599 сл. и PBrB XXX 301 сл., сопоставляя по примеру других цркcл. *дрꙑзати* и др. с гот. *gadars* «дерзаю» и др. и цркcл. *мрꙑзѣти* и др. с гот. *marzjan* «ärgern, Anstoss geben» и др. и выводя ввиду этого сопоставления слав. *з* в этих словах из иде. *s*, приходит к заключению, что *s* перешло в *z* раньше перехода *s* в *x*, так как-де в противном случае в приведенных слав. словах имелось бы *x* вместо *z*. А поэтому, заключает Uhlenbeck, нельзя также думать о связи славянского *x* из *s* с арийским *š* из *s*. Возражающий // ему Педерсен, не оспаривая[119] перехода *s* в *z* (о котором ср. Zupitza KZ XXXVII 397 сл.), предполагает KZ XL 179 также переход *š* (из иде. *s*) в *ž*, причем ему приходится допустить, что во время перехода *š* (из *s*) в *x* соответствующий звонкий спирант *ž* (из *š*) сохранялся и только впоследствии, одновременно с переходом уцелевшего перед взрывными *š* (из *s*) в *s*, перешел в *z*. Несмотря на заключительные слова Педерсена, что «anders könnte man es überhaupt nicht erwarten», дело, на мой взгляд, не так просто. Если бы действительно когда-то

[118] [Šai izdevumā I 216 skk. — Red.]

[119] Впоследствии, однако, IF XXVI 294 он уже отрицает этот переход, причем ему приходится выводить *o* в *гроза* из *m̥*!

имел место переход *š* (из *s*) в *ž*, то мы ожидали бы видеть также, наприм., праслав. **blъzá* вместо **blъxá* и **juzá* вместо **juxá*; кроме того, сохранение *ž* (из *š*) во время перехода *š* в *x* едва ли так естественно, как это представляется Педерсену: рядом с *x* скорее ожидается соответствующий звонкий спирант. Поэтому я считаю предполагавшийся Педерсеном переход *š* в *ž* по крайней мере довольно сомнительным. Переход же праслав. *s* в *z* перед ударением доказывается, по моему мнению, по крайней мере словами р. *ноздря́* и *мяздра́*. Но если Zupitza l. c. ввиду слова *сестра́* полагает, что перед ударением *s* перешло в *z* только после предшествующего *n, m* или звонкого взрывного + *r, l*, то в этом он вряд ли прав (почему бы звонкость вызывалась только согласными *n, m*, а не *r, v* и др.?). Сочетание *-стр-* (вместо *-здр-*) в *сестра*[120] объясняется или влиянием со стороны тех форм (как voc. s. и nom. pl.) этого слова, которые имели ударение на начальном слоге, или же влиянием слова *братръ*. Так и в р. *// чеса́ть, коса́, гаси́ть* и др. сохранение *s* может быть обусловлено влиянием тех форм этих же корней, в которых *s* находилось перед неударяемым слогом; то же относится и к *весна́* (ср. р. вин. п. *вёсну* и множ. ч. *вёсны*) и *роса́* (ср. срб. вин. п. *рȍсу* и прилагательное *рȍсан* или *рȍснат* «roscidus»), причем некоторые формы с *s* не перед ударением могут быть утрачены, ср., наприм., лат. *ros* «роса». Бругман, правда, говорит Grdr. II² 1, 381, что такое объяснение звонкого *z* в *ноздри* и *маздра* «unrichtig», и находит в этих словах идг. суффикс *-dhro-*. Но это могло бы казаться правдоподобным лишь в том случае, если бы мы находили на славянской почве это *-dhro-* (как секундарный суффикс) не только после корневого *s*, но и после других звуков, чего не видим. И в пользу перехода *s* в *z* непосредственно перед ударением говорят еще и другие слова. Из тех примеров, которые привел Zupitza l. c., особенно убедительными я считаю малор. *мязнути* «толстеть» (: *мясо*) и праслав. *grozá* (: лит. *grasà* «отвращение; угроза, строгость, страх»), *groziti* (: ла. *grasîtiês* «грозить»). А если

76

[120] Сочетание *-стр-* имеется также в праславянском **(j)ustro* «утро», откуда црксл. *за устра* в Син. пс. и староп. *justrzenka* «stella matutina» в словаре Бернекера 462. Но в этом слове *-стр-* могло бы фонетически возникнуть из *-sr-* лишь в том случае, если бы переход *sr* в *str* был старше перехода *s* в *š*, так как (как показывает црксл. *хромъ* с *хр-* из *šr-*, см. выше стр. 72) между *š* и *r* не вставлялось *t*. Но само это *хромъ* показывает, что старше был переход *s* в *š*. Ожидается, значит, не **(j)ustro*, но **(j)uxro* из **(j)ušro*. Я полагаю поэтому, что в **(j)ušro* было вставлено *t* между *š* и *r* под влиянием однозначащего *(j)utro*.

это так, то проще всего и естественнее возводить также *-zdr-* в *nozdri* и *mẹzdra* к старому *-sr-* (перед ударением), сохранившемуся в лит. *nasraĩ* «пасть» и древнеирл. *mír* «кусок» (с *r* из *sr*). И что такой переход *s* в *z* (непосредственно перед ударением) сам по себе не может считаться невероятным, показывают нам аналогичные явления в родственных языках: так, например, в английском языке[121], ср. KZ XXXIX 245, в словах *absolútion* и *philósophy* и др. *s* сохраняется в произношении, между тем как в словах *absólve* и *philosóphical* и др. буква *s* произносится как *z;* и также в ла. *pusùotra* (с ударением на втором слоге) «полтора» *s* часто в произношении переходит в *z*. Затем, по моему мнению, такой же переход *s* в *z*, вероятно, имел место также в части литовских говоров, где, впрочем, дело осложняется возможностью возводить *z* к *zd*. Наиболее убедительным примером я считаю восточнолит. *juozmuõ*[122] (у Юшкевича и Явниса Понев. гов. II 24) = *juosmuõ* «пояс», где я даже не нашел бы возможным выводить *z* из *zd*. Далее, ср. восточнолит. *krimzlẽ*
77 (в Ду-//сятах)[123] = *kremslẽ* «хрящ»; *gaĩzdras* (у Юшкевича; *d* может быть вставлено) «зарево» = *gaĩsras* (nom. pl. *gaisraĩ*) или *gaĩstras* (в Тельшах); *žiezdrà, -õs* «Grandkorn» и *žizdrà* (в Янишках) «крупный песок» : средневерхнен. *kis* «дресва»; *kim̃zras* (у Юшкевича под *grùbas*) : *kímsas* (в Дусятах, с *ím* из *ém*) «кочка». Если в последних словах *z(d)* действительно восходит к *s*, то сохранение *s*, наприм., в *nasraĩ* «ноздри» (в Дусятах) я объяснял бы влиянием родственных форм с *s* после ударения (наприм., *nósis* «нос»); но не исключена возможность, что в этих словах *-z(d)ra-, -zdrā-* восходят к иде. *-sdhro-, -sdhrā-*, ср. Brugmann Grdr. II² 1, 378 слл. Для более определенного решения этого вопроса было бы необходимо знать весь словарный состав тех говоров, из которых взяты вышеприведенные слова с *z*. Между тем как для перехода *s* в *z* (перед ударением) в положении перед *m, n, r, l* по крайней мере *juozmuõ* может служить довольно надежным примером, столь же хорошего примера для такого же перехода *s* в *z* непосредственно перед гласным я не знаю: существование рядом с *mosúoti* «махать» и *mozúoti* по крайней мере сомнительно (ср. Leskien IF XIX 209); и в *vaikèzas* (Bezzenberger Lit. Forsch. 194) или

---

[121] [Autora eksemplārā malā: Jespersen // bei Pedersen //]

[122] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[123] Литовские формы, приведенные мною не из печатного источника, сообщены мне Каз. Каз. Бугою.

vaikẽzas (Lit. Mitt. II 14) «подросток» (при однозначащем *vaikẽsas* в Хвейданах, у Юшкевича под *atjóti* и др., ср. Leskien Nom. 594) *z*, может быть, восходит к *zd*, ср. *vaikesčiai* «молодые дети» и также *vaikũzas* «Bube» у Куршата и Бецценбергера l. c. 59.

Как бы то ни было с литовским *z* из *s*, для славянских языков переход *s* в *z* непосредственно перед ударяемым слогом, на мой взгляд, может считаться доказанным. Что же до цкрсл. *мрѣзѣти* и *дрѣзати*, то относительно *мрѣзѣти* уже Миклошич в своем этимологическом словаре был склонен думать о тожестве *мрѣзнѫти* «abominari» с *мрѣзнѫти* «congelari». И ввиду семасиологических параллелей вроде слав. *stud-* : *styd-* (наприм., чешск. *ostuditi* «abkühlen, ekelhaft machen»), лат. *horrere* «содро-//гаться от холода, от страха» 78
или нем. *Schauder* «озноб, ужас» я считаю эту догадку Миклошича в высшей степени правдоподобной. А если *мрѣзнѫти* первоначально значило «мерзнуть», то оно уже по своему значению, вероятно, не имеет ничего общего с прагерм. **marzjan* «препятствовать» (у Фика Wrtb. III[4] 313); кроме того, в слишком многих формах от этого славянского корня ударение на первом слоге, так что и по этой причине едва ли позволительно возводить тут *z* к *s*. Решительно, наконец, это опровергается албанским *marð-* «fröstle, schauere», ср. Meyer Etym. Wrtb. 260. Цркcл. же *дрѣзъ* по своему значению совершенно сходится с гр. θρασύς и др.; и хотя далеко не во всех славянских формах этого корня мы находим *z* непосредственно перед ударяемым слогом, в крайнем случае можно было бы думать об обобщении *z* из *s* и объяснять *з* в р. *дéрзкий* и *дéрзость* влиянием форм *дерзáть* и *дерзнýть*. Но отрицать связь славянского *x* (из *s*) с арийским *š* (из *s*) только из-за одного этого слова я решился бы лишь в том случае, если бы я не знал никакого другого объяснения для *з* в цркcл. *дрѣзъ* и др. А между тем ничто нам не мешает думать вслед за Meillet (IF V 333), что на славянской почве в корне *deršˉ* (из иде. *dhers-*) «audere» *š* было заменено звонким *ž* (откуда потом *z*) под влиянием корня *derźˉ* (из иде. *dherĝh-*), который встречается, наприм., в лат. *fortis* (при старолат. *forctis* «bonus») и авест. *dərəzra-* «крепкий». Если же это так, то не остается никаких данных, заставляющих нас думать, что только на славянской почве (а не раньше) *s* стало переходить в *x*. А в таком случае связь славянского *x* с арийским *š* мне представляется весьма правдоподобной. Вместо мнимого совпадения славянских и

балтийских языков мы, значит, тут скорее находим старое различие между ними.

Зато мы находим полное совпадение славянских и балтийских языков в судьбах гласного *е* перед *u̯*. Относительно дифтонга *eu* когда-то раньше было принято думать, что в славянских и балтийских языках он вполне совпал с дифтонгами *ou*
79 и *au*. Но после того, что писали об этом И. Шмидт // KZ XXIII 348 слл., Крушевский РФВ V 70 сл., Ульянов Основы настоящ. времени 36 слл., 64[1] и 100 сл., Zupitza Germ. Gutt. 145[1] (ср. также KZ XL 254 сл.), и особенно после статьи Бернекера IF X 145 слл. (ср. также AfslPh. XXV 488 сл.) начинает преобладать мнение, по которому из *eu* получается в славянском *ju* и в балтийском *jau*. Безусловно или с некоторыми оговорками с этим соглашаются, наприм., Ильинский AfslPh. XXIX 481 слл., Поржезинский К истории форм спряж. 78 слл. и 89 сл., Vondrák Vergl. slav. Gramm. I 15 сл., Trautmann Apr. Spr. 147 слл., Кульбакин Древнецерк.-слав. яз. I § 20 и Meillet IF X 68, MSL XIV 354 сл. и Introd. à l'étude compar.[2] 84; и к тому же склоняются Brugmann KVG 87 сл. и Leskien Gramm. d. altb. Spr. 13 сл. Против этого возражали Bezzenberger BB II 141 слл.[124], Osthoff Etym. Parerga I 261 слл., Brückner KZ XLIII 324 слл. (тогда как IF XXIII 218 он по крайней мере для некоторых славянских слов допускает возможность, что их *ju* восходит к иде. *eu*), Wiedemann Prät. 17 сл. и 184 слл. и Mikkola IF XVI 95 слл. и RSl. I 9 сл., причем Видеман, Миккола (отказываясь от своего прежнего мнения, что слав. *ju* и балт. *jau* восходят к иде. «*əu*») и Johansson IF VIII 172[1] возводят слав. *ju* и балт. *jau* к иде. *ēu*. Zubatý же, AfslPh. XX 396 сл., и Корш (Сборн. Форт. 313 сл.) склонны думать, что из *eu* получалось слав. *ju* (балт. *jau*) только перед гласными переднего ряда, тогда как перед гласными заднего ряда *eu* совпало с *au, ou*. Бесспорным после всей этой литературы я считаю происхождение праслав. *ju* и балт. *jau* от иде. *eu* и *ēu*, за исключением тех слов, которые заимствованы (если их подлинник не заключал в себе дифтонга *eu*) или в которых *j* перед слав. *u* и балт. *au* восходит к иде. *i̯* (как, вероятно, наприм., в цркслав. *плюѭ* и лит. *spiáuju* «плюю»), или в которых это *j* не является чисто фонетическим (путем обобщения *j* из форм со слав. *ju* и балт. *jau* из иде. *eu* и *ēu* может иногда переходить также в формы того же корня со слав. *u* и балт. *au* из иде.

---

[124] [Autora eksemplārā malā: cf. KZ 44 313 //]

au и *ou*; и *j* может вставляться для видоизменения значения, о чем ср. выше стр. 72). Иначе никак нельзя // объяснить 80
слав. *ju* и балт. *jau,* наприм., в цркcл. *людьѥ*, ла. *ļàudis,* лит. nom. s. *liaudis* (наприм., dat. s. *lâudii*[125] «людям» у Даукши Post. 54, 3; gen. s. *lâudies* l. c. 32, 27) при древневерхнем. *liut*; цркcл. *любити* при гот. *liuƒs*; цркcл. *блюсти* при гр. πεύθομαι; лит. *šiáurė* «север» при цркcл. *сѣверъ*; пр. *peuse* (где *peu-*, вероятно, из прабалт. *pjau-*, ср. Trautmann Apr. Spr. 148 сл.) «сосна» при гр. πεύκη и др. Считать эти слова заимствованиями нет никакого основания, и, даже допуская возможность заимствования хотя бы для первого из только что приведенных славянских и балтийских слов, мы все равно не избавляемся от необходимости признать для славянских и балтийских языков переход *eu* в *jau* (или *jou*), так как из германского *leu-* > *liu-* не могло непосредственно получиться балт. *tau-* (слав. *tu-*). Даже в заимствованном, по всей вероятности, праслав. **bťudo bju-* (откуда *bťu-*) восходит не к германскому *biu-* (из более древнего *beu-*), но через *bjou-* — к более древнему слав.-балт. *beu-* (из герм. *b(h)eu-*); это нам показывает заимствованное из славянских языков ла. *bļuõda, uo* которого, кажется, не могло получиться из праслав. *ū* (> *u*), но только из дифтонга *ou* или же из гласного (получившегося из *ou*), среднего между *ō* и *ū*. Что же касается гипотезы, по которой только *eū* (а не *eu*) переходит в слав. *ju* и балт. *jau*, то в некоторых случаях (как, несомненно, в литовско-латышском окончании I л. ед. ч. прош. вр. основ на *ē* и, вероятно, также в лит. *šiáurė* и др.), правда, эти сочетания восходят к старому *ēu,* но из этого, конечно, еще не следует, что всякое балт. *jau* (и слав. *ju*) получилось именно из *ēu* (а не *eu*). В словах вроде цркcл. *людьѥ*, *любити, блюсти,* ла. *ļàudis* и пр. *peuse* происхождение слав. *ju* и балт. *jau* из *ēu* не только ничем не может быть доказано, но даже не кажется правдоподобным. Мало того, я считаю очень вероятным или по крайней мере возможным, что *ēu* еще до своего перехода в *jau* было сокращено в *eu,* так как я полагаю, что из *eu* легче могло возникнуть *jau,* чем из *ēu*. Процесс возникновения этого *jau* // скорее всего происходил именно 81
таким путем, что тот переходный гласный, который непременно развивается в дифтонге *eu* между *e*[126] и *u*, с течением

---

[125] *l* у Даукши обозначает смягченное *l*.

[126] На основании литовского и прусского языков (ср. также арийское *a* из *e*) можно думать, что это *e* было весьма открытым гласным (*ä*), произносившимся при низком положении языка, и данные славянских

времени (вследствие того, что *e*, ассимилируясь следующему за ним *u*, стало изменяться в направлении к гласному заднего ряда, подвергаясь при этом некоторому излому) стал все сильнее и сильнее, пока наконец не возобладал настолько над *e*, что это *e*, становясь неслоговым, дало в конце концов *j* (ср. с этим итальянск. *piaccia* из лат. *placeat*, атт. στερρός из στερεός «твердый» и древнесакс. *hōrean* при *hōrjan* = гот. *hausjan* «слушать»). С кратким же *e* скорее могло произойти такое изменение (в дифтонге *eu*), чем с долгим *e*, так как над долгим *e* переходному звуку труднее было бы возобладать. И в литовско-латышских формах I л. ед. ч. прош. врем. основ на *-ē* окончание *-ēu*, не сократившись в *-eu*, вряд ли перешло бы в *-jau*, так как *-ēu* держалось бы влиянием окончаний прочих лиц (*-ēi, -ē(t), -ēme, -ēte*), с одной стороны, и благодаря аналогичному отношению (в основах на *-ā*) окончания *-āu* к окончаниям *-āi, -ā(t), -āme, -āte*, с другой стороны.
82 А после сокращения *ē* в *-ēu* // (и *-ēi*) и сопряженного с этим качественного изменения *e* связь окончания *-eu* с прочими окончаниями была уже слабее, так что мог состояться переход *-eu* в *-jau* (> ла. *-ju*). Этому предположению о предварительном сокращении *ēu* в *eu* до перехода в *jau* нисколько не мешает литовское окончание dat. s. основ на *-o*, хотя и я (к чему я вернусь еще в другом месте) вывожу это *-ui* через *-uoi̯* из иде. *-ōi*. Внутри слова сокращение «долгих» дифтонгов могло произойти раньше (еще в «славяно-балтийскую эпоху»),

---

языков этому не противоречат (первоначальное произношение *e* могло измениться на славянской почве); в таком случае переходным гласным (в *äu*) мог быть соответствовавший этому *ä* гласный заднего ряда, т. е. *a* (откуда праслав. *o*). — Иначе, но, на мой взгляд, неверно, смотрит на возникновение *jau* Поржезинский l. c. 80, утверждая, что *e* в «литовско-славянском» *eu* стало приближаться к *u* по отношению к степени поднятия языка, т. е. стало более верхним гласным, а в связи с этим будто бы происходило и изменение в условиях образования предшествовавшего согласного, получавшего некоторое смягчение. Но в эту эпоху даже *i*, наиболее верхний гласный переднего ряда, не оказывал еще никакого смягчающего влияния на предшествующий согласный; так почему бы *e* перед *u* оказывало такое влияние? И откуда в таком случае получилось *j* в начальном *jau-* из *eu-* (как, вероятно, в лит. *jáura* «топкое болото», ср. Trautmann Apr. Spr. 466 под *wurs*)? И если Поржезинский далее говорит, что *eu* после несмягченного согласного (явившегося сюда взамен смягченного согласного из родственных форм не *с eu*) в общебалтийском языке обратилось в *au* (а не *jau*), то откуда же получилось литовско-латышское *-jau* в I л. ед. ч. прош. врем. основ на *-ē* вместо ожидаемого согласно теории Поржезинского *-au*? В литовско-латышском праязыке согласные (кроме *k* и *g*) ведь вовсе не смягчались перед *e*!

чем на конце слова. В пользу этого говорит отношение лит. instr. pl. *vilkaĩs* (= скр. *vṛ̥kāíš*) к dat. s. *tāmui* (: скр. *tásmāi*); данных же, которые бы противоречили такому предположению, я не знаю (литовско-латышское *uo* повсюду может восходить не к иде. *ōu*, но к иде. *ō*; а литовско-латышские формы с *ui* вроде лит. *rùišis* «хромец» при *ráišas* «хромой» и др., ср. Bezzenberger Zbornik Jagića 279, правда, еще не объяснены, но возводить их *-ui-* к иде. *-ōi-* я не решился бы уже ввиду окончания instr. pl. *-ais*).

Если, таким образом, слав. *ju* и балт. *jau* (за исключением вышеупомянутых случаев) восходят к иде. *eu* и *ēu*, то из этого еще не следует, что всякое иде. *eu* и *ēu* обратилось в слав. *ju* и балт. *jau* или что всякое слав. *u* и балт. *au* восходит не к иде. *eu*, но к иде. *au* и *ou*. Опровергнуть, правда, нельзя мнения тех, которые уверены в правильности этой гипотезы о судьбе иде. *eu* и *ēu*. В противоречащих этому случаях вроде прабалт. **tautā̃* : гот. *þiuda* или литовско-латышское **laũkas* : гр. λευκός можно в крайнем случае думать о таком же чередовании гласных, какое мы находим, наприм., в гр. ταῦρος : древнеисл. *þiórr* или ла. *vaīna*, старолит. *vaina* : церксл. *вина* и др.[127] Но, может быть, все-таки правильнее мнение Зубатого и Корша, по которому *eu* обратилось в слав. *ju* и балт. *jau* только перед гласными переднего ряда, тогда как перед гласными заднего ряда получается слав. *u* и балт. *au*. В пользу этого говорит прежде всего то // обстоятельство, что слов с балт. 83
jau и слав. *ju* (из иде. *eu* и *ēu*), кажется, меньше, чем можно было бы ожидать, если бы всякое *eu* и *ēu* обратилось в слав. *ju* и балт. *jau*. Затем, форм с балт. *jau* (и слав. *ju*) перед гласными заднего ряда я нахожу меньше, чем форм с этим дифтонгом перед гласными переднего ряда, и к последней категории относятся как раз наиболее убедительные (для перехода *eu* и *ēu* в *jau*) примеры: ла. *ļàudis*, церксл. *людьѥ* (под влиянием этой формы могло бы иметь свое *ю* слово *людъ*); церксл. *любити* (отсюда, может быть, с *ю любъ* и *любы*), лит. *liaupsė̃* «хвала»; церксл. *блюсти, чути;* лит. *kiáunė̃* «куница», *kiáušė* «череп», *šiáurė* [«север». — Red.], *liáutis* «прекращаться»; ла. *šaũt* «стрелять»; пр. *peuse* «сосна». И наоборот: правилу о переходе всякого иде. *eu* и *ēu* в *jau* больше всего противоречат лит. *tautà* и *laũkas*, т. е.

[127] Что до гот. *þiuda*, то de Saussure (Mémoire sur le système prim. des voyelles 77) даже находит, что его *i* (из *e*) вместо ожидаемого им *a* (из *o*) «est surprenant».

формы с *au* перед гласным заднего ряда. Так, может быть, объяснялось бы по указанию Корша l. с. и р. *кудесник* (с обобщением *ку-* из **кудо* с *ку-* из иде. *keu-*, вытесненного впоследствии новообразованием *чудо* под влиянием форм с *чудес-*) при *чудес-*. Что же до форм с *jau* перед гласными заднего ряда (лит. *piaulaĩ*, ла. *praûli*[128] «гнилухи»; лит. *kiautaĩ* «Getreideschalen», пр. *keuto* «кожа»; ла. *šàurs* «узкий»; р. *чуб* или *чуп*, *брюхо* и др.), то *j* в них могло бы быть объясняемо влиянием родственных форм с *jau* перед гласными переднего ряда (если теперь мы везде таковых не находим, то это еще не значит, что и прежде их не было). Но не исключена также возможность, что *eu* перешло в *au* (> праслав. *ou* > *u*) только перед у д а р я е м ы м и гласными заднего ряда, ср. прабалт. **tautā* : гот. *þiuda* и лит. *laũkas* : гр. λευκός. Если действительно перед (всеми или же только ударяемыми) гласными заднего ряда из *eu* получилось балт. *au* (слав. *u*), то это произошло, вероятно, раньше перехода *eu* в *jau* и, может быть, одновременно с переходом *e* в *a* (> праслав. *o*) перед *u*, за которым следовал гласный заднего ряда. В процессе *eu* > *au* я усматриваю (ассимиляционную) замену звука (Lautwechsel), тогда как переход
84 *eu* // в *jau* является изменением звука (Lautwandel). Иначе я не понял бы влияния последующего гласного (если действительно таковое имело место).

Что же касается времени возникновения *jau* из *eu*, то этот процесс повторялся несколько раз. Еще на латышской почве мы находим его в слове *čaula*[129] «шелуха» (при лит. *kẽvalas*, ср. мою статью BB XXIX 193[130]). А к литовско-латышской эпохе относится возникновение *-jau* из *-ēu* в I л. ед. ч. прош. вр. основ на *-ē*. В словах же вроде цркcл. *людье* и ла. *ļàudis jau* могло возникнуть в славяно-балтийскую эпоху. Это не может быть ни доказано, ни опровергнуто, но представляется мне более вероятным, чем отнесение этого явления к общеславянской и общебалтийской эпохам: возникновение *jau* из *eu* — все-таки не столь обычное явление, чтобы

---

[128] С *r* из *ļ* путем диссимиляции.

[129] Рядом с *čaula* мы находим gen. s. *caula* (от nom. s. *cauls*) BW 2172 вар. (в тексте восточнолатышского крейцбургского говора). Это *cauls* или восходит к иде. **keulos* (лит. **kiaulas*), или же скорее тожественно с лит. *kẽvalas:* из **cęval(a)s* должно было получиться (с восточнолатышским переходом открытого *ę* в *a*) **caval(a)s* и отсюда (с утратою *a* между *v* и *l*) *cauls*.

[130] [Sai izdevumā I 304 sk. — Red.]

без надобности отрицать связь славянского *ju* с балтийским *jau*.

Как в италийских и кельтских языках из *eu̯* перед гласными получается *ou̯*, так и в балтийских и славянских языках мы находим в том же положении *au̯* (> слав. *ov*) на месте старого *eu̯*, как, наприм., вероятно[131], в лит. *tãvas*, ла. *tavs* : гр. τεός и црксл. *новъ*[132] : гр. νέος. Но, между тем как прежде было общепринято думать, что всякое иде. *eu̯* обращалось в *au̯* (> праслав. *ov*), теперь начинают держаться мнения, что в (по крайней мере в некоторых) славянских и балтийских языках этот переход имел место только перед гласными заднего ряда. В пользу старой теории высказались, наприм., Mahlow AEO 7 сл., Ульянов Основы 55 сл., // Leskien 85
Nom. 242 и Gramm. d. altb. Spr. 5, Mikkola IF XVI 95 (между тем как прежде AfslPh. XX 149 он полагал, что *eu̯* сохраняется перед гласными переднего ряда), Brugmann KVG 214, Wiedemann BB XXVII 217 и XXIX 312 и Vondrák Vergl. slav. Gramm. I 84. Сохранение же *eu̯* перед гласными переднего ряда предполагали Бецценбергер BB IX 261, Фортунатов (у Шахматова Изв. I 708), Meillet Recherches sur l'emploi du gén.-accus. 86 сл. (впоследствии же, MSL XIV 354, он в этом меньше уверен), Zubatý AfslPh. XX 396 сл. (несколько сомневаясь), Ильинский l. c. XXVIII 456 сл., Корш Сборн. Форт. 313, Trautmann Apr. Spr. 146 сл. и Поржезинский Возвратн. форма глаг. 91; между тем как Бернекер IF X 164 слл. склонен думать, что только в латышском языке *eu̯* сохраняется. Впервые же, но слишком неопределенно, указал на сохранение *eu̯* Prusík KZ XXXIII 160 сл. Что в латышском языке *eu̯* сохраняется перед *e* и *i*, это не подлежит сомнению. Бернекер l. c. уже привел следующие примеры: *dreve* «борть» (при однозначащем *drava* : гот. *triu* «дерево»); *kreve* (или *krevelis*) «струп» (: гр. κρέας); acc. s. *tevi* «тебя», instr. s. *tevim*, dat. s. *tev*, gen. s. *tevis* (при *tavs* «твой») и acc. s. *sevi* «себя», instr. s. *sevim*, dat. s. *sev*, gen. s. *sevis* (при *savs* «свой»). К ним можно прибавить: *plevinât* «шелыхать» BW 10204, 3 и 24889, 2 вар. : гр. πλέω (ср. однозначащие варианты *plēvinât* и *plivinât*[133], которые Ульман пере-

[131] Несомненный пример перехода *ev* в *av* представляет ла. *nav(a)* «нет» из *ne-va(id)*; ср. *ne tai vaid(i) vilka baîl, nei* ... (Mag. VIII, стр. 16 № 196) «она не боится ни волка, ни ...».

[132] Относительно *Nevo-* в некоторых чешских собственных именах ср. Zubatý AfslPh. XVI 405.

[133] Корневое *i* в новообразовании *plivinât* (вместо *plevinât*), как и в *vizinât* «прокатывать» (: лит. *vežù* «везу»), *ticinât* «заставлять бежать»

86 водит: // «auf dem Wasser schwimmend bewegen; hin und her treiben; flattern»); *revêt* (при однозначащем *ravêt*) BW 5855 вар., Zb. XVI 147 и у Ульмана «полоть»; *deviņi* «девять» и *devîtàis* «девятый». Бернекер l. c. ссылается также на *devu* «я дал» и *šķęvas* «чих», но эти слова не доказывают сохранения иде. *eu̯* перед *i, e*. В *šķęvas* мы находим во втором слоге гласный заднего ряда. Если в этом слове действительно старое *e*, то сохранение его, вероятно (как и в лит. *kẽvalas*, если тут *-eva-* не восходит к более древнему *-eve*), объясняется влиянием предшествующего смягченного согласного, ср. Zupitza KZ XL 251. Но рядом с *šķęvas* известна также форма *šķavas* (наприм., Etn. II 111), и не исключена возможность, что в *šķęvas* мы имеем дело с одним из тех случаев сравнительно позднего перехода *a* в *e*, о которых ср. мои Латышские предл. I 54[134]; что же до *šķavas*, то его *šķ-* еще не доказывает происхождения *-av-* из иде. *eu̯*, так как это *šķ-* может восходить тут также к иде. *skj-* или *stj-* (ср. выше стр. 43) или же быть вызвано (вместо старого *sk-*) влиянием глагола *šķau(dît)*. Отношение же ла. (диал.) *deve* и лит. (диал.) *dẽvė* «dedit» (ср. KZ XLIII 19[135]) к лит. *dãvė* объясняется так, что первоначально рядом с основою изъявительного наклонения *davẽ-* (с *a* из иде. *o*, ср. гр. арк. part. аор. ἀπυδόας и кипр. inf. аор. δοϝεναι и лит. III л. прош. вр. *šlãvė* от *šlúoti* «мести») употреблялось причастие прош. вр. **devens*[136] с *dev-* из *de*[*d*]*v-*, ср. скр. *dadvąs-*

BW 10287, 2 (: *tęku*), *dribinât* (при *drebinât*) «заставлять трястись», *stribinât* BW 19324, 23276, 26407 (при *strebinât*) «давать хлебать», *smidzinât* «колотить» BW 10857, 5 (: лит. *smagóti*), *plidinât* BW 24889, 3 вар. (при *pledinât* 24889, 2) «взмахивать крыльями» (с ним, вероятно, тожественно *plidinât* «sich baden», von Gänsen und Enten, у Ульмана, которое Бецценбергер BB XXVII 175 сближает с гр. πλάδος «влага»; я же сопоставляю это слово с древневерхнен. *fledarôn* «flattern» и др. у Фика Wrtb. III[4] 251), возникло под влиянием глаголов на *-(d)inât* с корневым *i* (чередующимся с *e*) перед *r, l, m, n* вроде *pirinât* BW 25789 вар. и 19543, 5 (при *perinât* и *perêt*) «высиживать», *cilinât* (при *celt*) «часто поднимать», *pildinât* (при *peldinât*) BW 21988, 17 «купать», *dzirdinât* «поить» (при *dzert* «пить») и др.

[134] [Sai izdevumā I 360 sk. — Red.]

[135] [Sai izdevumā II 108 sk. — Red.]

[136] Пр. же *dāuns*, црксл. *давъ*, гр. беот. δεδωώς и скр. *dadāvas-* по отношению к вокализму представляют собою новообразования под влиянием корневых форм с гласным (иде.) *ō*. Такого же рода новообразованиями я считаю пр. *boūuns* (с *oū* из *ū*), црксл. *бывъ* и скр. *babhūvas-* рядом с фонетически правильным литовским *bùvęs*. Как старое *devęs* в большинстве литовских говоров было под влиянием изъяв. наклонения вытеснено новообразованием *dāvęs*, такая же участь постигла ла.

(с долгим *ą*) «дав-//ший» и относительно утраты *d* перед *v* 87
Leskien Nom. 347. Что когда-то в латышском языке существовала глагольная основа *davē-*, в пользу этого говорит произведенное, вероятно, от этого *davē- dūvât* «предлагать, дарить». А так как вокализм изъявительного наклонения обыкновенно совпадал с вокализмом соответствующего причастия, то в латышском языке и в части литовских говоров был обобщен вокализм причастия, в большинстве же литовских говоров — вокализм изъявительного наклонения, как уже указано Явнисом (Описание Россиенского у. 54). Предположение Малова AEO 83 и Видемана BB XXIX 312, что в *devis* «давши» (как и в *tevi* «тебя» и *sveķi* «смола») *e* получилось из *a* благодаря влиянию гласного *i* последующего слога, совершенно невозможно: переход *a* в *e* перед *vi* (при сохранении *a* перед сочетаниями других согласных с *i*) и сам по себе в высшей степени невероятен, и решительно опровергается формами *gavilêt* «ликовать» и *avins* «баран» BW 11587 и 7202 (сохранение же *a* перед *ķi* мы видим в *zaķis* «заяц», *kaķis* «кошка» и *kraķis* «станок»).//

Ввиду сохранения *eu̯* перед *e, i* в латышском языке, уже 88
a priori вероятно, что также в литовском языке сохраняется *eu̯* в этом положении, и это подтверждается следующими примерами: *drevẽ* «дупло; борть» и *drevė̃ti* «дуплеть; вынимать

причастие **buvis*. В латышских текстах XVI века еще известно, кажется, только причастие *būvis* (с *ū* вместо *u* из форм с *bū-* или же путем фонетического развития, о котором и о правописании *ue* или *ü* = *ū* ср. KZ XLIII 40 сл. [šai izdevumā II 129 sk. — Red.]; примеры даются в издании Undeudsche Psalmen на стр. 73 и в издании катехизиса 1586 г. на стр. XIII; такое же *buewis* = *būvis* употребляется и в евангелии 1587 г.) рядом с основою изъяв. наклонения *bijā-* (> *bijā-*, ср. KZ XLIII 38 слл. [šai izdevumā II 127 skk. — Red.]; имели ли // эти тексты *i* или *i*, из 87
их графики не видно), которая, вероятно, представляет собою видоизменение старой нетематической основы (прабалт.) **bi-* [autora eksemplārā malā: *by-jóks* Jušk. 685 //], в пользу чего говорит лит. *bìt* Lit. Mitt. IV 170 сл. или *bit(i)* «erat» (у Видемана Prät. 137; ср. там же 141 о количестве корневого *i*), цркслав. *бu* и др. (у Бругмана KVG 502 сл.; ср. также Johansson IF III 225 сл. и Bartholomae Stud. II 190 слл.); с прабалт. **bī* (а не с цркслав. *бѣ*) может быть тожественно также пр. *bēi* (*bei* и *be*), если его *ē(i)* восходит к *i*. А затем, в большинстве говоров старое **buvis* (> *būvis*) под влиянием изъяв. наклонения вытесняется новообразованием *bijis*, между тем как в части говоров западной Курляндии (по указанию Биленштейна LSpr. II 258 в Сакенгаузене и по моим наблюдениям, наприм., в Дубеналькене, Таргельне, Зурсе, Шлеке, Сарнатене и Попене) путем контаминации *bijā-* и **buvis*, как указал уже Osthoff Perf. 433, возникли новообразования *bujā-* и *bujis* (по сообщению латышской грамматики Стерсте 54; *buju* «я был» встречается также

(часть меду)» у Юшкевича и Лескина Nom. 236; *devynì* «девять» и *deviñtas* «девятый»[137]; gen. s. *tèvęs* «тебя», acc. s. *tèvi,* loc. s. *tevẽ* и gen. s. *sèvęs* «себя», acc. s. *sèvi,* loc. s. *sevẽ* (в мемельском наречии у Куршата Gr. § 854a и Бецценбергера Lett. Di.-St. 90[138]); *kevéntis* «sich herum balgen» и *kẽvetas* «скорлупа» (в Водактах Вилкомирск. у.), *kẽvelas* у Буги Aist. St. I 69 или *kẽvalas* (если оно восходит к **kevelas*[139]; в противном же случае сохранение *ev* объясняется, вероятно, влиянием предшествующего смягченного *k,* ср. выше ла. *šķęvas*: после смягченного согласного в литовском языке *a* совпадает с *e*!); от того же глагольного корня, вероятно, произведено и *kevekštys* «Hurenkind» (ср. в семасиологическом отношении нем. *Balg* «шкура; распутная женщина»). Спешу оговориться, что доказательная сила этих литовских форм с *ev* несколько уступает по значению вышеупомянутым латышским примерам. Местоименные формы с *ev,* известные мне пока только из севернолитовских говоров, может быть, возникли под влиянием латышского языка, ср., впрочем, Бецценбергер l. c. Формы же *drevẽ* и *drevẽti,* которые, может быть, тоже известны только на севере литовской территории (откуда их взял Юшкевич, этого мы, впрочем, не знаем), я не решился бы считать заимствованиями, так как *drevẽ* в своем значении несколько расходится с ла. *dreve,* глагол же **drevêt* нам вовсе не известен в латышском языке. Что же до *devynì, deviñtas* (ла. *deviņi, devîtais,* пр. *newīnts* и цркcл. *девѧть, девѧтъ*), то их *e* и начальное *d-* (вместо *n-*) объясняли и объясняют влиянием числительного 10. Но после правдоподобной заметки Schulze KZ XLII 27, что *d-* тут получилось из *n-* путем диссимиляции перед *n* в последующем слоге (у него же и
89 другие примеры такой диссимиляции), сохране-//ние *e* трудно уже объяснить влиянием следующего за ним числительного: если бы действительно в числительном 9 *e* через *v* перешло в *a (o),* то это числительное уже мало походило бы на чис-

---

в восточнолатышских говорах около Мариенбурга). Под влиянием же причастия, вероятно, возникло лит. *buvaĩ* и восточнола. *buvu* «я был» в Dispositio Imperfecti (Königsberger Studien I 207; из этого же памятника, может быть, взято и восточнола. *buvu* у Биленштейна l. c.; мне самому известны из современного восточнолатышского наречия только формы, восходящие к *bijā-* и *bijis*).

[137] [Autora eksemplārā: III prs. *plevēna* An. 129 //]

[138] [Autora eksemplārā: und BB 9, 336 //]

[139] K. K. Буга сообщает мне еще III л. прош. вр. *kieweno* (= *kevēno*) «лущила» из книги Pamokstaj iszminties ir tejsibes стр. 133 (эта книга вышла в 1851 г.).

лительное 10, так что последнее вряд ли смогло бы оказать влияние на первое. — Формы, наконец, с *kev-* имели бы тут доказательную силу лишь в том случае, если бы можно было установить, что предшествующее *k* или *g* (не будучи еще смягченным) не мешало переходу *e* в *a*. А это (т. е. независимость перехода *e* в *a* от предшествующего *k* или *g*) могло бы считаться доказанным, если бы действительно, как принято думать, лит. *vãkaras* (ла. *vakars*) восходило к **u̯ekeros* =цркcл. *вечеръ*. Этот вопрос об ассимиляционном переходе *e* (не перед *v*) в *a* в балтийских языках нам тут и приходится рассмотреть.

По мнению И. Шмидта KZ XXXII 343 и Neutra 197, с которыми соглашаются Brugmann Grdr. I² 838 и Wiedemann Handb. 29, в балтийских языках неударяемое (суффиксальное) *e* перед *ra, la, na, rā, lā, nā* (с прабалт. *a* и *ā*) путем ассимиляции переходит в *a*. Есть действительно данные, говорящие в пользу этого. Так, в вольмарском говоре латышского языка рядом с *vę̂dars* «брюхо» употребляются уменьшительное *vêderìc* (gen. s. *-ìna; *vêdarìc* неизвестно) и *pavêdere* «подбрюшина», рядом с *ęzars* «озеро» — уменьшительное *ezerìc,* рядом с *vęsals* «здоровый» — *veselìba* «здоровье» и *veselîgs* «здоровый», и не только в вольмарском, но и во многих других говорах, вовсе не знающих перехода *a* в *e* перед гласными переднего ряда. Первоначально это чередование *a* и *e* в приведенных формах могло быть свойственно всем говорам: *vę̂dęrs* и *vęsęls* (в словаре Ульмана) могли возникнуть под влиянием форм с *e* перед гласными переднего ряда. Далее, ср. ла. *smaganas* при *smadzenes* «мозг», *kupana* при *kupene* (наприм., в Вольмаре) или *kupenis* «сугроб», *katana* (наприм., в Вольмаре) при *katene* «кошка (самка)», *birztala* при *birztele* «березняк», *spindala* при *spindele* «eine kleine Bremse», *bęzdals* «бздех» (наприм., в *bęzdalu màiss* «Stänkerer») при *bezdelis* «бздун», *dẽjala* (наприм., в Вольмаре) при *dējele* «дуплистое дерево с ульем»[140], *vasara,* лит. *vasarà* «лето» // при лит. *pavãseris* «весна» у Буги Aist. 90
St. I 69 и Лескина Nom. 447, лит. *stãgaras* при *stegerỹs* «ein dürrer Krautstengel» (ср. цркcл. *стежеръ* «cardo»), *vaivaras*[141] при *vaĩveris* «хорек (самец)», *vãkaras*[141], ла. *vakars* при цркcл. *вечеръ,* лит. *vãbalas*[141] «жук» при древневерхнен. *wibil* «Art

---

[140] [Autora eksemplārā lappuses apakšā: *dziñtars* : *dzinteris* BW 13282, 5 var; *krìmstalas* : *krìmsteles; pãtari* : *pater;* // finn. *nukero* < *nugarà* //]

[141] Приводится уже И. Шмидтом.

Käfer», лит. *álkanas*[141] «голодный» при *alkenýbė* «голод», лит. *pāstaras* (ср. KZ XLIV 50 Anm. 1[142]), ла. *pastars* «последний» при лат. *posterus* (ср. Brugmann Grdr. II² 1, 323), лит. *stēbaras* «ein dürrer, vertrockneter, dicker, langer Pflanzenstengel» у Буги l. c. 73[143] при ла. *stebere* «Ziemer, Kuhschwanz; Binse», лит. *kepanos* при *kẽpens* (nom. pl.) «печень» у Лескина Nom. 381, ла. *laīdars*, лит. *láidaras*[144] «скотный двор» при ла. *laideris* BW 28902 вар., лит. *laideris* (ср. Leskien l. c. 446). Наконец, не лишено тут некоторого значения и то обстоятельство, что рядом с весьма употребительными суффиксами (балт.) *-anā* (у Лескина l. c. 387 сл.) : *-enē, -enis* (у Биленштейна LSpr. § 215) и *-alas* (у Лескина l. c. 472 слл.), *-alā* l. c. 476 слл. : *-elis, -elē* l. c. 479 слл. суффиксы *-anē* l. c. 388 и *-alē, -alis* l. c. 476 сл. встречаются сравнительно редко (ср. также *-aras* l. c. 445 слл. при *-eris, -erē* l. c. 444 сл.). Из прусского языка можно было бы привести *assaran* «озеро», *glosano* «медяница» (вероятно, = *glodano* : лит. *gluodenà*), *pelanno* «очаг» : лит. *pelėnė* и *penpalo*[145] «перепел», но следует иметь в виду, что в прусских текстах *a* нередко является вместо *e* также в других положениях, указывая на весьма открытое произношение прусского *e*, ср. Trautmann Apr. Spr. 105. Но, во всяком случае, известные нам данные прусского языка не мешают нам считать этот переход *e* в *a* прабалтийским, в пользу чего говорит и ла. *vakars*, так как потом на латышской почве *k* перед *e, i* обращается в *c*. Есть, правда, в нем исключения вроде *musgeno* (как правдоподобно читают
91 вместо *mulgeno*) // «мозг» или *weders* «брюхо», но имеются также, наприм., ла. *vẹdẹrs* (при *vẹdars*) и лит. *vẽderas* LChr. 377, 40 и 378, 42 (при *vẽdaras*) и др. (у Лескина l. c. 382 сл. и 443 слл.). И. Шмидт l. c. и Видеман l. c. пытаются устранить эти исключения предположением, что *e* сохранялось после *e* и *ē* в предшествующем слоге. Противоречащие этому лит. *vākaras, vābalas* и *vasarà* И. Шмидт устраняет гипотезою, что закон о переходе *ve-* перед *a* в *va-* и закон о переходе *-e-* перед *ra, la, na, rā, lā, nā* в *-a-* действовали одновременно.

---

[142] [Sai izdevumā II 381⁹. — Red.]

[143] [Autora eksemplārā: *stābaras* An. 93 //]

[144] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[145] Читать *perpalo* вместо *penpalo* (ср. Trautmann Apr. Spr. 393) нет надобности, ср. ла. *skangals* из *skalgals* «лучина»; а *r* в немецком провинциализме *perpelitze* (в Восточной Пруссии) могло возникнуть под славянским влиянием, на которое указывает и суффикс этого слова (*-ица*).

Как это было бы возможно, я, по крайней мере, не могу себе представить. И решительно опровергается эта гипотеза словами ла. *vęsals* (что это слово заимствовано из славянских языков, ввиду его значения по крайней мере сомнительно), лит. *vẽlenas* «вал в машинах молотильных и др.» у Буги Aist. St. I 66 и *vẽselas*[146] «особое приспособление на жердях для сушки дров около печки» в Новоалександр. уезде. Предположение же о сохраняющем влиянии *e* и *ē* на последующее *e*, с одной стороны, не объясняет нам исключений вроде лит. *gluodenà, riẽtenos* «eine Schlingpflanze», ла. *gaudęns* «изувеченный», *gurdęns* (при *gurdans*) «усталый», *irdęns* (при *irdans*) «рыхлый», *lidzęns* (при *lìgans*) «ровный» и др., а с другой стороны, опровергается формами вроде лит. *vẽdaras, kepanos, kẽvalas, stẽbaras*, ла. *vędars, vęsals, ęzars, bęzdals, dẽjala* и, вероятно, и словами *vasarà, vãkaras, vãbalas* и ла. *vasara, vakars*. Мнение Бругмана IF XIII 158, что, наприм., лит. *vãkaras* получилось из **vakeras* из **vekeras*, совершенно невозможно (раньше, Grdr. I² 838, он держался более правильного взгляда на это). Как указал И. Шмидт Neutra 196 сл. (ср. также de Saussure MSL 68), *ve* в балтийских языках только перед *a* и *ā* переходит в *va*[147]. Это нам показывают, // наприм., слова: лит. *vẽtušas*, ла. *vęcs*, лит. *vedegà*, пр. *wedigo* «особый род топора» и др. Указанные исключения вроде прабалт. **vẽderas* могли бы объясняться 92

---

[146] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[147] Что до *vẽblas* «wer undeutlich spricht» у Буги l. c. 70, то его *e* легко может быть объяснено влиянием однозначащего *veblỹs* и соответствующего глагола *veblénti*. А при *vãlas* (pl. *valaĩ*) «ein Pferdeschweifhaar» имеется однозначащее *vẽlas* у Буги l. c., *e* которого, может быть, объясняется влиянием родственных форм не с *a* за *el*, ср., наприм., *valìnis* «von Pferdehaar». Но не исключена возможность, что переход *ve-* в *va-* имел место только в том случае, если за ним следовало (не один только, но) два слога с *a*. Приводятся, правда, лит. *vařdas* «имя» (: лат. *verbum*) И. Шмидтом l. c. и *sãpnas* «снови-//дение» (: древнеисл. *sveſn* «сон») Видеманом Handb. 9 сл., но доказательная сила их слишком ничтожна. Уже Solmsen Stud. z. lat. Lautgesch. 25, ссылаясь на лит. *vérgas* «раб», высказал предположение, что переход *ve-* в *va-* имел место только в открытых слогах, объясняя при этом *a* в *vařdas* (ввиду пр. *wīrds* и гот. *vaúrd*) столь обычным чередованием гласных. Что это вполне возможно, едва ли подлежит сомнению; лит. *vařdas* может относиться к лат. *verbum* и пр. *wīrds* совершенно так же, как, наприм., цркcл. *злато* к ла. *zęlts* и гот. *gulþ*. Гирт, правда, IF X 50¹ самоуверенно заявляет по этому поводу, что «der Widerspruch Solmsens ist hinfällig», объясняя сохранение *e* в *vérgas* его нисходящею интонациею. Но этим, разумеется, нисколько не доказано, что первое *a* в *vařdas* восходит к *e*. Это ведь единственный (и притом не убедительный) пример перехода *ve-* в *va-* в таком поло-

влиянием родственных форм с гласными переднего ряда в конечном слоге, ср. вышеупомянутые ла. *vêderìc* и *pavêdere*. Но, может быть, судьба *e* зависела также от темпа речи и от положения *e* за или же перед ударяемым слогом; проверено же это быть не может вследствие различных изменений в положении ударения и возможности обобщения гласного *a* или же *e*. Наконец, следует иметь в виду еще и то, что подобно тому как ассимиляция согласных (вроде франц. *chercher* и др., ср. Brugmann Grdr. I² 847 слл.) далеко не всегда проявляется в виде звукового закона (ср. Изв. XV 2, 214 сл.[148]), так и ассимиляция гласных (примеры у Бругмана l. c. 835 слл.) не везде, кажется, производится закономерно. Для окончательного же решения вопроса о том, насколько ассимиляции
93 несмежных и иногда и смежных звуков // присущ характер звукового закона, необходимы многолетние наблюдения над живыми говорами различных языков. — Прабалтийским, вероятно, можно считать ассимиляционный переход суффиксального *e* в *a* только перед *n, r, l,* так как перед другими звуками аналогичное явление наблюдается реже и почти только в латышском языке. В нем вместо суффиксов *-ękls, -ękla* мы встречаем также *-akls, -akla: (kuŕmja) będaklis* (gen. s. *-la*) «вырытая кротом земля» (у Ульмана также *bedeklis,* где качество *e* не обозначено), *pinaklis* (gen. s. *-la*) «путы» (при *pinękls* у Ульмана), *aûdaklis* (gen. s. *-la*) «полотно» (при *aûdękls* у Ульмана), *vędakla* «невестка» (при *vedekle* у Ульмана и *vędękla*), наприм., в вольмарском говоре; *smęrdakli* «кал» и *bęzdakli* «Afterwinde» (при *bezdekļi* у Ульмана) в Линдене Mag. XIV 1, 156; *vęmakli* «блевотина» l. c. XIV 2, 209. Что *a* из *e* перед *k* меньше распространено, чем *a* из *e* перед *r, l, n,* показывает нам, наприм., *aûdęklis* (gen. s. *-la*) рядом с *ęzars* и *vędars* в нейенбургском говоре.

жении! И сохранено *ve* в *šveñtas* «святой», *skveŕnas* «лоскут», *šveñdrai* «eine Art Schilf» и *švelnas* «мягкий» у Даукши Post. 26, 1 и 2 (ср. корневой циркумфлекс в однозначащем *švelnùs* в словаре Куршата). — А что до *sãpnas,* то я не решился бы только из-за *e* в соответствующем ему германском слове возводить его первое *a* к *e,* тем менее что тут более нет никакого *v* между *s-* и *a.* Когда-то, конечно, там имелось *v,* но так как в балтийских (и славянских) языках *v* обыкновенно сохраняется в этом положении, отдельные же и столь же неясные формы без ожидаемого *v* известны также в других индоевропейских языках, то, по-моему, вернее относить утрату *u* в таких случаях к эпохе иде. праязыка. Кроме того, *ve* встречается в лит. *skvẽtas* «заплатка» у Буги l. c. 70 и ла. *svęķi* «смола» (при *svakas,* ср. Wiedemann BB XXIX 311 слл. и выше стр. 87).

[148] [Šai izdevumā II 158 sk. — Red.]

Далее, ср. (рядом с ла. *lîdẹka*, наприм., в Кабиллене или *lîdẹks* у Ульмана и лит. *lydekà*) ла. *lîdaka*[149] и лит. *lydàk'* «щука» у Бецценбергера GGA 1885 г., стр. 915, и пр. *melato*, лит. *matatà* (у Юшкевича под *genỹs*) рядом с лит. *meletà* «зеленый дятел» (но тут можно думать также о старом *a* из иде. *o*, ср. славянский суффикс *-ota*). — Перед *va* и *vā* суффиксальное (как и корневое) *e*, вероятно, правильно переходило в *a*; в пользу этого можно указать на латышский суффикс *-tava*, *-tavs* (лит. *-tavas*, ср. Leskien Nom. 566 сл.) рядом с *-teve*, наприм. в *malteve* (при *maltava* и *maltuva* у Ульмана и *maltuve* BW 29) «Mahlkammer», *kāsteve* BB XVII 282 (при *kāstava*) «цедилка», (инфлянтск.) *staukťeva* Zb. XVI 203[150] «дойник», ср. греч. отглагольные прилагательные на -τεος у Бругмана Grdr. II² 1, 448 (это *-teve* при *-tava* говорит не в // пользу Мюленбаха, по которому IF XVII 430 94
-tava возникло путем смешения *-tuva* и *-ava*, Лескина l. c. 244 и Бругмана Grdr. I² 838, по мнению которых *-tava* путем ассимиляции получилось из *-tuva*, И. Шмидта Neutra 67, Видемана Handb. 31 и Прельвитца BB XXIV 103[1], полагающих, что неударяемое суффиксальное *-ev-* в балтийских языках обращалось в *-uv-*. Суффиксальное *-ev-* мы находим также в ла. инфлянтск. *varďeva* «żaba» Zb. XV 222 с *-eva* из *-eve*[151]. Балт. *-tevē*, *-tavā* относятся к *-tuvē*, *-tuvā* и *-tvē*, *-tvā* так же относительно вокализма, как греч. -τε:ς, скр. *-tavyas* к скр. *-t(u)vas*, ср. Brugmann Grdr. II² 1, 448).

Возвращаясь после этого досадного, но неизбежного отступления к лит. *vākaras* и *kēvalas*, я нахожу, что тожество *vākaras* с цркcл. *вечеръ* действительно возможно и даже вероятно. А если в *vākaras* *-ka-* могло получиться из *-ke-*, то и в литовских формах с *kev-* *k-* не мешало переходу *-ev-* в *-av-*, тем менее что славяно-балтийский переход *-ev-* в *-av-* древнее балтийского перехода *-era-* в *-ara-* и, значит, относится к эпохе, когда *k* перед *e* было еще менее смягчено. Итак, есть и в литовском языке формы, доказывающие сохранение *ev* перед гласными переднего ряда. В формах же gen. s. *tavęs* «тебя», *savęs* «себя», acc. s. *tavę*, *savę*, instr. s.

[149] Благодаря чередованию формы *lîdaka* с уменьшительным *lîdeciņa* (наприм., BW 30807, 3), вероятно, возникло рядом с заимствованным *pàtaga* «плеть» (< р. *батог*) уменьшительное *pātedziņa* BW 21771, 1, 3 и отсюда далее *pātęga* BW 3048, 1.

[150] Этот говор не знает перехода *a* в *e* перед гласными переднего ряда!

[151] Ср. относительно суффикса пр. *gabawo* «жаба», ла. *ciẽlava* «трясогузка» и др.

tavimì, savimì и loc. s. *tavyjè, savyjè a* вместо *e* объясняется влиянием форм *tãvas* «твой», *sãvas* «свой» и dat. s. *táv* «тебе», *sáv* «себе» — ла. диал. *tau, sau,* ср. Bezzenberger Lett. Di.-St. 90, Zubatý LF XIII 369 слл. и Meillet Recherches 86 сл. Перед гласными же заднего ряда мы находим *ev* в *klẽvas* «клен» и *pùsevaitė* «среда» (ударение по Буге Aist. St. I 72). Но вместо *klẽvas* правильнее пишут *kliãvas* (= ла. *kļavs,* наприм. BW 23932 вар. и 26027, рядом с *kļava*) с *av* из *ev,* ср. Berneker IF X 165. *Pùsevaitė* же считается заимствованным из прусского языка (< пр. *possisawaite* = **pusisavaitē*), ср. Trautmann Apr. Spr. XI и 406. А в этом прусском слове первое *s,* должно быть, было смягчено, ср. Berneker Pr.
95 Spr. 164. За-//тем на литовской почве могла произойти утрата *i* между двумя *s,* как в лат. *semodius* из *semimodius* и др. (ср. Brugmann Grdr. I² 857 слл.), и из *śs* путем ассимиляции и упрощения могло получиться *ś,* так что вместо *pùsevaitė,* вероятно, правильнее было бы писать *pùsiavaitė.*

Есть и в прусском языке примеры сохранения *ev* перед гласными переднего ряда: *newīnts* «девятый»; *brewinnimai* «wir fördern» и *brewingi* «förderlich» (достоверно этимология этого слова не может быть установлена, так как мы не знаем настоящего его значения и происхождения его начального *b-,* которое тут может восходить и к иде. *b(h),* и к иде. *m,* но из этого еще не следует, что это не старое слово: можно думать, наприм., о родстве с гр. βρύειν «изобиловать жизненными соками», о котором ср. словарь Boisacq'a 136, или по Бецценбергеру BB XXIII 300 с лит. *briáutis* «лезть насильно», о котором ср. далее словарь Бернекера под *bruja* и *bŕuchъ.* Бесспорно только то, что это слово не имеет ничего общего с ла. *brīvs* «свободный», с которым его, и сам сомневаясь, сближает Бернекер Pr. Spr. 135: ла. *brīvs* произведено от существительного *brīve* BW 32062 или **brīva* «свобода», ср. обороты *atlaist brīvā* «отпустить», *par brīvi* «даром» и др. в словаре Ульмана; а это *brīve* или **brīva* — заимствование, восходящее к нем. *(Frei)brief* «вольная». Значение «свобода» могло возникнуть в оборотах вроде *dabût brīvi* «получить вольную > свободу»); *gewinna* (2 ×) «работают» и *gewineis* «работник» по Бецценбергеру[152] BB XXIII 299 : старолит. *gewenti* «жить» у Бецценбергера BGLS 57 и 284, ср. ла.

---

[152] Бецценбергер, однако, на мой взгляд, тут неправильно отожествляет пр. *e* с литовско-латышским *ie,* ср. Изв. XII 1, 58 слл. [šai izdevumā II 24 skk. — Red.].

dzîvât или *dzievât* «жить, работать» (сопоставление это, однако, возможно лишь в том случае, если, к чему фонетических препятствий нет, пр. и лит. *gew-* в этом слове восходит к прабалтийскому *gi̯ev-*, которое относится к ла. *dzi̯ev-* из *gei̯v-* приблизительно так же, как скр. loc. s. *dyávi* к *dēvá-s* или лат. *hiems* к гр. χεῖμα и др.). Примерами могут служить // также довольно многочисленные формы с *-ewing-* 96
(произведенные посредством *-ing-* от основ с суффиксом *-e̯uo-*, ср. Brugmann Grdr. II² 1, 204 сл.) вроде *enimmewingi* «angenehm» и др. (в грамматике Траутмана 147, где, однако, не все) и слова (с тем же *-e̯uo-*) *mukinewis* «lehrhaftig», acc. s. *swītewiskan* «светский» (полагать, как это делает Траутман l. c., что *e* тут получилось из неударяемого *a* перед *i*, и сомнительно, ср. AfslPh. XXXII 285, и излишне: формы с *-aw* вроде *smonenawins* «человек», acc. s. *drūcktawingiskan* «строгий», acc. s. *stūrnawiskan* «Ernst» и др. могут быть произведены от основ на *-awa-* из иде. *-e̯uo-*). Сюда же относилась бы форма acc. s. *nādewisin* «Seufzen» от основы *dhe̯uēs-*; но это слово встречается всего один раз, так что не знаем, правильно ли оно нам передано. — Что же до *seweynis* «свинарня», то Burda KSB VI 399, которому следует Бернекер Pr. Spr. 247 и 320, сопоставил его *sew-* с *siv-* в ла. *sivẽns* «поросенок»; встречаются ведь в наших памятниках некоторые формы с *e* вместо ожидаемого *i*[153], указывая на открытое произношение пр. *i*. Траутман же Apr. Spr. 425 сл., ссылаясь на мою статью BB XXVII 320[154], по которой ла. *sivẽns* восходит к *suvẽns*, отрицает тожество пр. *sew-* с ла. *siv-* и предлагает читать вместо *seweynis* — *suweynis* или возводить его к **sweynis*; но и то, и другое представляется одинаково рискованным. Ла. *sivẽns*, правда, восходит к *suvẽns*, но что нам мешает возводить к *suw-* также пр. *sew-* (= *siv-*)? Есть, правда, несколько прусских форм с *-uw-*: *insuwis* «язык», *kruwis* «падение» от *krūt* «пасть» (может быть с долгим *u*, ср. лит. *būvis* «пребывание» от *būti* «быть») и *schuwikis* (может быть, с *ū*) «сапожник». В Эльбингском словарике (откуда взято и *seweynis*) я нашел только эти формы с *-uw-*; из катехизисов же, говор которых отличается от говора словарика, можно еще прибавить: *buwinaiti* (как, вероятно, следует читать

---

[153] Бернекер и Траутман, однако, относят сюда также несколько форм, в которых, может быть, имеется старое *e*.

[154] [Sai izdevumā I 253. — Red.]

вместо *buwinanti*) «живите» (может быть, с *ū*), *druwis* «вера» и *druwit* «верить» с производными формами (3 раза со знаком
97 долготы над *u*; если этот знак // правильно поставлен, то можно думать о фонетическом удлинении *u* перед *w*, о котором ср. KZ XLIII 40 сл.[155]; если же это так, то формы с *drow-* могут иметь *-ow-* не вместо *-uw-*, но из *-ouw* из *-ūw-*, ср. причастие *taykowuns* с *-ow-* из *-ouw-* из *-ūu̯-*). Но и в латышском языке[156], как я указал BB XXVII 319 слл.[157], в одних и тех же говорах рядом с формами с *iv* из *uv* являются формы с *uv*! Относительно пр. *insuwis* еще следует иметь в виду, что оно восходит к старой основе *inzū-*, так что сохранение *uw* не было бы удивительно. И в пользу того, что по крайней мере в части прусских говоров *uv* действительно перешло в *iv*, говорит еще и следующее обстоятельство. В литовском говоре Слонимского уезда, где, согласно свидетельству летописца (ср. Wolter Lit. Mitt. IV 166 слл.), в 1276 г. поселились изгнанные немцами пруссы, мы находим (l. c. 168) *iv* вместо *uv* в словах *brivai* «брови» и *žives* «рыбы» (прусское влияние, вероятно, сказывается также в *z* вместо лит. *ž* в слове *zāsis* «гусь», как, вероятно, следует читать вместо *zasis*), тогда как из прочих литовских говоров я пока не знаю перехода *uv* в *iv*. — Перед гласными заднего ряда мы находим *ew* в *widdewū* (1×) «вдова» с dat. pl. *widdewūmans* (1×), где *e* считается передачею неударяемого *a* (ср. Trautmann l. c. 101), но, может быть, в этом *e* сказывается немецкое влияние, ср. средневерхнен. *witewe*. В слове же *weware* «белка» перед *w*, вероятно, было долгое *ē*[158], ср. однозначащие лит. *voverẽ*, ла. *vāvere* и цркcл. *вѣверица*. Во втором катехизисе, наконец, имеется *neuwenen* «новое» (при *nawans* в I катехизисе), но в этом памятнике мы находим *e* вместо ожидаемого *a* еще и в других положениях, ср. Траутман l. c.

Что касается славянских языков, то Фортунатов (ср. Изв. I 708) доказывал сохранение в них *ev* перед гласными переднего ряда словами праслав. **devętь* (и **devętъ*), **revěti* и **nevěsta*. Но вместо **revěti* в праславянском существовало, может быть (ср. цркcл. *ревѫ*), только *ŕevěti*; а в **nevěsta*, какова бы ни была этимология этого слова, начальное *ne-* могло
98 казаться тожественным с отрицанием **ne*, так что до-//каза-

---

[155] [Sai izdevumā II 129 sk. — Red.]
[156] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]
[157] [Sai izdevumā I 253 skk. — Red.]
[158] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

тельная сила его невелика. Немного важнее в данном вопросе указанное Прусиком KZ XXXIII 160 сл. чешск. *nevěsil* (рядом с *devětsil*) и серб. *nevèsiť* (при *devèsiť*) «herba quaedam»; если сознавалась связь *-sil (-siť)* с существительным *síla (sīla)*, то первая часть, может быть, менее напоминала отрицание. Затем Погодин (Следы корней-основ 219 слл.) указал на р. олон. *нѐвенный* «худой». Но больше всего значения я придаю формам црксл. *древлѣ* (форме сравнительной степени) «прежде» и *древьнь* или (под влиянием *древлѣ*) *древльнь* «древний». Те ученые, которые не признают сохранения *ev* перед гласными переднего ряда (как, наприм., Вондрак), устраняют свидетельство этого слова ссылкою на неизвестность его происхождения или предположением, что вместо *древ-* правильнее было бы писать *древ-*. Я бы предложил следующую этимологию[159]. Значение «древний», вероятно, получилось из значения «старый»; ср., наприм., лит. *sẽnas* «старый», *sẽnis* «старик» : ла. *sęns* «древний». Понятие же «старый» иногда развивается из понятия «крепкий, твердый»: ср. с црксл. *старъ*, лит. *stóras* «толстый», прагерм. *stōr(i)a-* «gross, stark» (у Фика Wrtb. III[4] 479). «Старыми» первоначально, очевидно, назывались взрослые в противоположность слабым детям, ср. еще гот. *alþeis* «старый» (: лат. *altus* «высокий») : *alan* «взрастать». Имея в виду эти параллели, я считаю возможным производить формы *древлѣ* и *древьнь* из иде. **dreu̯os* «крепкий, твердый», откуда гот. *triggvs* «верный» и др., ср. гр. δρυόν· ἰσχυρόν у Гесихия и Osthoff Etym. Par. I 138 слл. Но правильна ли моя этимология или нет, от этого доказательная сила самого слова не меняется: нельзя с ним не считаться только на том основании, что его этимология неизвестна. Предположение же, что вместо *древ-* следует писать *древ-*, и само по себе не очень заманчиво, пока мы из текстов знаем только *древ-*, и, кроме того, невероятно и потому еще, что сочетание *dri̯o-* не походит на прочие предполагаемые нами звукосочетания индоевропейского праязыка. Решительно было бы доказано, что мы тут имеем дело с *dreu-*, а не с *dṝeu-*, если бы действительно рядом имелись славянские формы, восходящие к праслав. *drěv-*, // ср. словарь Бернекера[160]; ведь *ē* чередуется с *e*, а не с *i̯o-*. — Окончание 99

[159] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[160] Относительно значения словинского *drẽvi* «сегодня вечером» укажу на словинск. *dávi* «сегодня утром» и старор. *давѣ* «вчера»; может быть, и словинск. *drẽvi* значило когда-то «вчера», а потом, под влиянием также оканчивающейся на *-vi* формы *dávi* «сегодня утром», получило теперешнее

цркcл. *-евѣ* для I л. двойств. ч. наст. вр. тут не может служить доказательством (ср. Основы Ульянова 20 сл. и Brugmann Grdr. II 1356), так как это *-евѣ* заменило собою старое *-овѣ* (с *ов* из иде. *ou̯*), сохранившееся в формах прошедших времен. Но зато косвенно подтверждается правило о сохранении *ev* перед *e, i* славянским склонением личного местоимения II лица ед. числа и личного возвратного местоимения, как показал Meillet в Recherches 85 слл. Предположение же Вондрака Vergl. slav. Gramm. I 84, что *ev* сохранилось кое-где только «unter dem Systemzwange», может быть применено, пожалуй, к формам вроде праслав. gen. s. **teve* (> *tebe*) или **devętь*, но не к изолированному цркcл. *древьнь* и к вышеупомянутым балтийским глагольным и именным формам. И совершенно беспочвенно недоумение Вондрака, «wie so die palatalen Vokale schon im Urbaltischslav. diese Wirkung hätten ausüben können»: активное влияние на судьбу *ev* оказывали гласные не переднего, но заднего ряда, так как перед *a, o* имел место ассимиляционный переход *ev* в *av (ov)*, между тем как перед *e, i* старое *ev* просто сохранялось. — Я охотно признаю, что славянских примеров сохранения *ev* перед *e, i* очень мало; но в их числе мы нашли вполне изолированное и поэтому и весьма доказательное цркcл. *древле*, между тем как в пользу теории о переходе всякого *ev* в *ov* можно, в сущности, привести только окончание nom. pl. основ на *-u*. Обобщение гласного *o* в цркcл. глаголах вроде *пловж* (: гр. πλέω) нисколько не более поразительно, чем обобщение того же гласного в лат. *vomo* (: гр. ἐμέω) и *colo* или обобщение согласного π в гр. λείπω. И в основах на *-es* (вроде
100 цркcл. *словес-*) *ov*, фонетически возникши в // nom., acc. и voc. s., могло быть обобщено так же, как обобщено из тех же падежей то же *o* в лат. *holus* «зелень». Других же примеров для перехода *ev* в *ov* перед гласными переднего ряда я не знаю, за исключением уже упомянутого окончания *-ove* для nom. pl. основ на *-u*, которое ввиду гр. *-εες* и гот. *-jus* скорее восходит к иде. *-eu̯es*, нежели к *-ou̯es*, хотя не можем быть вполне уверены в этом (столь же двусмысленны ар. *-avas*[161]

значение (ср. сочетание *drevi in davi* «immerdar» у Плетершника). Не заключается ли *ě* также в сербохорв. *stàrodrēvan* (если оно из говоров с *ē* из *ě*) «старинный» и чешск. *dřive* (старочешск. *drzyewe*), словацк. *driev* «раньше»? Со слав. *drěv-* ср. лит. *drėvis* (у Куршата в скобках) «борть». [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[161] Краткость первого *a* в ар. *-avas* не доказывает, что оно восходит к иде. *e*, а не *o*. После обширной литературы, посвященной «закону Бругмана», я не вижу надобности тут о нем распространяться и поэтому

и галльск. *-oves*). Но это *-ove* легко могло возникнуть // на месте старого *-eve(s)* рядом с *-ovъ* (вероятно, из иде. *-eu̯ōm*) в gen. pl., так как в целом ряде слов окончаниям *-e* (в // nom. pl.) и *-ъ* (в gen. pl.) предшествовал один и тот же 101 102

ограничусь краткой заметкой по этому поводу. Что иде. *o* перешло в открытых слогах в ар. *ā*, это было невероятно a priori потому, что такое удлинение краткого гласного тут трудно объяснить; и еще более можно было убедиться в неправильности гипотезы Бругмана, когда счастливо было устранено то *å*, которое некоторое время (рядом с *o*) приписывалось иде. праязыку. Да и сам Бругман, как можно судить по новейшим трудам (ср., наприм., IF XXIV 166), все более сомневается в существовании своего «закона». К этому прибавлю еще несколько данных из балтийских языков, которые могут пролить свет на возникновение скр. *tvâtpitāras* «имеющие тебя отцом» рядом с *pitâras* «отцы». В балтийских языках мы находим иногда удлинение краткого гласного под побочным ударением, особенно в сложных словах: лит. *įšolis* (по Юшкевичу, *įšolis*) ч *pašolģs* «Frost in der Erde» при *šālo* «морозило»; *gérgėris* «лучшая вещь» при *gēras* «хороший»; *māžmožiai* «мелочи» при *māžas* «малый»; *skánskoniai* «лакомства» при *skanùs* «вкусный»; *atúodogiai* «яровая рожь» (ср. Bezzenberger GGA 1885 г. стр. 913) при пр. *dagis* «лето»; *arklìgonė* «пастьба лошадей» и *naktìgonė* «ночная пастьба» при *ganýti* «пасти»; *ištoka* «исток» и *įtoka* «устье» при *tākas* «стезя»; *prāmonė* «небылица» и *išmonė* «разумение» при *manýti*; *sąnošai* «zusammengetragenes Geröll» при *naštà* «ноша»; ла. *sętmālis* «место около самого забора» (наприм., в Вольмаре, Жуксте, Лестене, Старо-Аутце, Роннебурге), acc. s. *ęzarmāli* «побережье (озера)», наприм. в Буртнеке, *upmālis* «поречье», наприм. в Вольмаре и Готгардсберге, *žuogmāla* (= *sętmālis*) BW 23619, 10 вар., loc. s. *ceļmālē* BW 29556, 1 вар., *siẽnmālis* «подстенное место» BW 8603, 13 вар. и Zemkopis 1903 г. стр. 310, loc. s. *ežmālē* BW 28320 вар., *druvmālē* l. c. 28321, 1 вар. при *mala* «край»; *sudmālas* «мельница», наприм. в Ливенберзене, Вюрцаве, Эллее, Фокенгофе и Грюнгофе, при *malu* «я молол» (относительно *sud-* см. Изв. XIII 4, 210 [šai izdevumā II 72. — Red.]); *kaĩgāle* «изножье» и *skangā^{e}ls* BB XIV 149 или (с перестановкою) *skalgāns* BW 23475, 1 «лучина» при *gals* «конец»; *nuopile* «was abträufelt» при *pilêt* «капать»; *paèrglis* «можжевельник», наприм. в Вольмаре (о вставном *r* см. KZ XLIV 60 [šai izdevumā II 392 sk. — Red.]), при *egle* «ель» (ср., однако, также лит. *ẽglius* «можжевельник», с долготой из сложных // форм?). [Autora eksemplārā: *dúsāvimas* Kursch. Gr. 1282 //] 101
В суффиксальных слогах мы находим удлинение под побочным ударением в ла. *vakār* «вчера», наприм. в Жуксте, Руцаве, Гофцумберге, Грюнгофе и Сессаве, при *vakars* «вечер»; *citūr* «alibi» и *visūr* «везде» (при *tur* «там»), наприм. в Удзене, Жуксте, Вайнодене, Грезене, Гросс-Эзерне, Нейенбурге, Ванене, Грюнгофе, Вюрцаве, Руцаве, Вормене, Старо-Аутце и Абгунсте; в суффиксе *-us-* причастия прош. времени, наприм. nom. pl. *dzimūši* во многих говорах средней Курляндии (наприм., в Удзене, Берсгофе, Жуксте, Шмардене, Олае, Замитене, Ремтене, Струттельне, Нейенбурге, Старо-Аутце и Бенене); acc. s. *làidẽri* (с откр. *ẽ*) «скотный двор» в Гульберне (при лит. *laideris*, см. выше стр. 90); *ābēle* (наприм., в Зербигале и Нейгуте), *ābę̃lę* с открытым *ē* (наприм., в Адленене); *ābę̃ls* (основа на *-i-*, с откр. *ẽ*; наприм., в Марцене) или *ā^{e}bę̃ls* (в Эрлаа, с откр. *ẽ*; см. также форму уменьшительного с долгим гласным перед

слог, ср., наприм., nom. pl. црксл. *пѫтьıе, камене, дьне, граждане, дѣлателе, болѧре* рядом с gen. pl. *пѫтьи, каменъ, дьнъ, гражданъ, дѣлателъ, болѧръ*. Кроме того, в склонении основ на *-u* имелось *-ov-* еще в gen., loc. du. (в положении перед *-u*) и в dat. s. (в положении перед *-i*, которое тут может восходить к иде. *-ai*) и дифтонг *ou* (откуда потом получается *u*) в gen., loc., voc. s. После всего этого сохранение *-eve* было бы, пожалуй, более удивительно, чем замена его через *-ove*.

Установив, что перед гласными переднего ряда *ev* сохраняется как в балтийских, так и в славянских языках, мы тут еще должны рассмотреть вопрос о времени свойственного балтийским и славянским языкам перехода *ev* в *av (ov)* перед гласными заднего ряда. Есть ли данные, мешающие нам относить этот переход к эпохе предполагаемого славяно-балтийского единства? Утвердительно отвечают на этот вопрос

---

l в Зельзау BB XVI 325) «яблоня» при *âbele* и лит. *obelis*; инфл. *dzagiuzę* (с *iu* из *ū*) «кукушка» Smelt. 6 и BW 32070 при *dzęguze* и лит. *gegužė; pulvērs* «порох», наприм. в Вольмаре, из нем. *Pulver*; *pìrāgs* из р. *пирогъ*; *bīskāps* «епископ»; *gliēmēzis* [skat. Дополнения и поправки. — Red.] «улитка» (П. Шмидт Троякая долгота 20) при лит. *gliemežys* в словаре Lalis'a; *pęlūde* (ср. BB XXV 276 сл. [šai izdevumā I 115 sk. — Red.] и KZ XLIV 50[2] [šai izdevumā II 382[10]. — Red.] и 132) «плевница» при лит. *pelùdė*. Что рядом с долготою сохраняется и краткость (наприм., *âbele* рядом с *âbēle*), неудивительно, так как в падежных формах с долгим окончанием побочное ударение переходит с предпоследнего слога на последний, а во второй части сложных слов может сказываться влияние соответствующего корня вне сложных форм. Ср. с этим еще заметку Явниса (Поневежский уезд 114), что в хвейданском литовском говоре под побочным ударением «первоначально краткие *a* и *e* переходят не в долговатые, как под главным, а в долгие сильносрединные» (долгота эта, значит, восходит тут по крайней мере к пралитовской эпохе), указание Муки (Laut- und Formenlehre der niedersorb. Spr. 146), что в нижнелужицком предпоследний слог удлиняется под побочным ударением, гот. *ahtaudōgs* «восьмидневный» и *fidurdōgs* «четырехдневный» при *dags* «день», *sibuntēhund* «70», *ahtautēhund* «80», *niuntēhund* «90», *taihuntēhund* «100» при *taihun* «10», гр. εὐήνωρ (главное ударение могло первоначально падать на первый слог) при ἀνήρ и др., скр. *bhádrajāni-* и др. (у Вакернагеля Altind. Gr. II 1, 100 сл.) при *jáni-* «жена» (в гот. *qēns* долгота, может быть, возникла в сложных формах). Приведенные мною случаи удлинения, конечно, относятся к различным эпохам, причем удлинение во второй части сложных слов может восходить к иде. праязыку. После всего этого я считаю возможным, что также в скр. *tvátpitāras* удлинение *a* было вызвано побочным его ударением. С этим сходится мнение Uhlenbeck'a PBrB XXII 546, по которому скр. *jajâna* возникло из *jajána* (ср. гр. γέγονα) в энклитическом положении; но, в противоположность Uhlenbeck'у, я не вижу надобности выводить *jajâna* из **ǧéǧone*, полагая, что по отношению к ударению также в энклитическом положении преобладал именно второй слог этого слова, уступая, однако, главному ударению предыдущего слова.

Zupitza KZ XL 250 сл. и вслед за ним Trautmann Apr. Spr. 146 сл. Zupitza полагает, что *ev* перешло в (слав.) *ov* только после палатализации задненебных *k* и *g*, ссылаясь при этом на старочешск. *vščevuju* «навещаю», где *č* (из *k̂*) будто бы мешало переходу *ev* в *ov*. В выноске к этому месту он, впрочем, сам заявляет, что «die sprachchronologische folgerung daraus ist nicht sicher», но, по-видимому, только потому, что он сомневается в правильности сопоставления этого *vščevuju* с праслав. **čujǫ*. Сопоставление это, однако, может быть правильно, но только оно ничего не доказывает относительно времени перехода *ev* в *ov*. Рядом мы находим старочешск. *(na)vščieviti* > новочешск. *navštíviti* «навестить», где (ср. словарь Бернекера под *čujǫ*) старочешск. *ie* считается удлинением праслав. *e*. Если это действительно так, то в только что приведенной форме *ev*, находясь перед *i*, вовсе не могло перейти в *ov*, независимо от того, какой звук находился перед *ev*, а из **vъzčeviti ev* могло быть перенесено в формы с гласным заднего ряда за *ev* или же в эпоху праславянскую *k̂* (откуда потом *č*) из положения перед *e* могло быть перенесено также перед *o* (взамен *k*), после чего из *k̂o* должно было получиться опять // *ke* > *če*, ср. с этим, наприм., ла. *šķaîdît* «мотать» с *šķ* вместо *sk* под влиянием родственного *šķiêst* «рассыпать» BB XXIX 188[162]. Но, как бы то ни было, из предыдущего видно, что эти чешские слова нам ничего не говорят относительно времени перехода *ev* в *ov*. Далее, Zupitza l. c. ссылается на отношение цркcл. *шуи* (= скр. *savyá-s* «левый») к лит. *naũjas* «новый» (= скр. *návya-s*, гот. *niujis*), заключая отсюда, что литовский переход *ev* в *av* не находится в связи со славянским *ov* из иде. *eu̯*. Это заключение, однако, не может считаться обязательным, так как отношение цркcл. *шуи* к лит. *naũjas* допускает несколько объяснений даже в том случае, если лит. *naũjas* действительно восходит к иде. **neu̯i̯os*. Очень возможно, что Zupitza прав, полагая, что в праславянскую эпоху **se-u̯i̯os* изменилось в **seu-i̯os* еще до перехода *e-u̯* в *o-u̯*, но наверное мы этого не можем знать. Мы ведь не знаем, получалось ли в праславянском *o-v* из *e-v* также перед последующим *-i̯os*, причем не исключена также возможность, что рядом с *-i̯o* в основе *seu̯i̯o-* имелось *-i* в nom., acc. s. (**seu̯is*, **seu̯im*), а в таком случае *e-u̯* в других словах могло перейти в *o-u̯* еще до перехода *se-u̯i̯o-* в *seu-i̯o*. А допуская, что Zupitza прав относи-

103

[162] [Sai izdevumā I 299. — Red.]

тельно цркcл. *шуи*, мы все-таки еще не лишаемся возможности думать о связи балтийского *av* из *eu̯* с славянским *ov* из *eu̯*: стоит только предположить, что в праславянских говорах *-e/o-u̯i̯o-* перешло в *-e/ou̯-i̯o-* раньше, чем в балтийских говорах. В этом отношении ведь расходятся друг с другом, на что указал сам Zupitza l. c., не только отдельные балтийские языки, но даже отдельные прусские наречия: рядом с литовско-латышским *-au-ja-* мы находим в прусских говорах II и III катехизисов, по-видимому, *-a-u̯i̯a-* (скорее всего это доказывается формою *kraeuwiey* «крови» II катехизиса, ср., однако, также *nawnan* в III кат.), тогда как в Эльбингском словарике и в I катехизисе уже имеется *-au-ja-*. Мы, впрочем, наверное не знаем, какова была судьба сочетания *-e-u̯i̯a-* в прабалтийских говорах. Лит. *naũjas* не может быть признано несомненным доказательством того, что из упомянутого сочетания получалось непременно *-a-u̯i̯a-*. Смягченное *n*
104 в форме **niaũjas* (которая должна была // получиться, если *e* перед *-u̯i̯a-* не перешло в *a*) могло быть заменено несмягченным под влиянием родственного *navas* «новый» (у Куршата в скобках; пр. *nawans* в I катехизисе Траутман Арг. Spr. 382 предлагает исправить в *nawns*, что вряд ли правильно: что-нибудь в сочетании *sta nawans testamentan*, вероятно, ошибочно, но *sta *nawns testamentan* нисколько не лучше, и *nawa-*[163] мы находим также в *neuwenen* II катехизиса), ср., наприм., цркcл. *плути* (вместо **плюти*) с твердым *л* под влиянием *плов ж*. Но ничто нам не мешает думать, что лит. *naũjas* действительно восходит к прабалтийскому **na-vi̯as* с *a-v* из *e-u̯*, так как гипотеза об ассимиляционном переходе *e-u̯* в *a-u̯* также перед последующим *i̯a* в прабалтийском не может быть опровергнута данными языка. И в пользу этого говорит также лит. *kraũjas*, пр. *craujo* или *krawia*[164] «кровь» (ср. ла. *kreve* «струп» и гр. κρέας «мясо»). — Нет, значит, никаких препятствий считать балтийский переход *eu̯* в *av* и славянский переход *eu̯* в *ov* (вероятно, из *av*) одновременно происшедшими, но доказана быть не может эта одновремен-

---

[163] Относительно же *nauns* ср. Leskien Nom. 359.

[164] Траутман l. c. 147 с одобрением указывает, будто Zupitza l. c. считает форму *krawia* трехсложной (!), имея при этом, должно быть, в виду KZ XL 252, где (строка 6 сверху) даются прусские примеры сочетания *«a*u̯ia*»*. Но весь контекст ясно показывает, что *i* тут — опечатка вместо *i̯*. И едва ли подлежит сомнению, что *i* в *krawia* обозначает неслоговой звук, ср., наприм., *ioūs* «вы», *iaukint* «упражнять», *iūrin* «море», *dāian* «дар», *twaiā* «твоя» и др. у Траутмана l. c. 154 сл.

ность: не исключена возможность случайного совпадения в результатах.

Столь же неопределенно я должен высказаться об утрате в славянских и балтийских языках начального *u̯-* перед *r* и *l*, которую рядом примеров доказал Lidén Ein balt.-slav. Anlautgesetz (впервые же на это указал, насколько мне известно, v. Sabler KZ XXXI 283, а потом Froehde BB XXI 205, Zupitza Germ. Gutt. 170[1], Rozwadowski Quaestionum gram. atque etym. ser. II 8 сл. и Гирт PBrB XXII 235). Ту же утрату мы встречаем также в латинском и древневерхненемецком языках, так что это отпадение начального *u̯-* легко может быть случайным совпадением славянских и балтийских языков. //

Зато весьма поразительно известное совпадение по отно- 105
шению к ударению литовских форм вроде nom. s. *rankà* : acc. s. *rañką* с р. *ruká* : *rúku* и серб. *rúka* : *rûku*, обусловленное известным законом о переносе ударения с циркумфлектированного слога на последующий слог, если тот произносился с акутом. Это совпадение настолько необычайно, что сама собою напрашивается мысль о взаимной связи этого явления в славянских и балтийских языках. И в самом деле, некоторые языковеды относят действие только что упомянутого закона к «славяно-балтийской» эпохе. Другие, правда, это оспаривали, но их доводы, кажется, могут быть опровергнуты, ср. статью Кульбакина Изв. XI 4, 245 слл. (с указаниями литературы[165] по этому вопросу). В некоторых подробностях я, правда, не согласен со своим многоуважаемым коллегою, и на интересующий нас сейчас вопрос о славяно-балтийском праязыке, может быть, проливали бы некоторый свет также другие особенности ударения славянских и балтийских языков. Но тем не менее я сейчас не решаюсь вдаваться в темные во многих местах еще дебри славяно-балтийской акцентологии. Сказать в этой области что-нибудь новое почти невозможно без предварительного детального изучения в этом отношении всех славянских и балтийских языков. Пришлось бы собрать по первоисточникам и привести в порядок материал и на основании этого материала по мере возможности установить ударение праславянское и прабалтийское. Такого рода работа была бы весьма желательна и наверное увенчалась бы новыми результатами; так, наприм., весьма важным дополне-

[165] Ср. после этого еще Pedersen KZ XL 213 слл., Meillet (который относится к этому отрицательно) IFA XXVII 140 (Bull. de la Soc. de ling. не имеется в моем распоряжении) и Les dialectes 45 сл. и Hujer Slov. dekl. jm. 97 сл.

нием к Куршату, Барановскому и Явнису по отношению к литовскому ударению являются данные, которые находим у Даукши и в современных литовских говорах, ср. KZ XLIV 49 слл.[166] Но работа над этим разрослась бы в целую книгу и вышла бы таким образом из рамок этих этюдов. И в конце концов можно было бы только в весьма скромных размерах
106 восстановить праславянское и особенно же прабалтий-//ское ударение: ведь наши сведения о прусском ударении слишком отрывочны; в латышском, где теперь господствует наначальное ударение, прерывистая интонация слова, правда, указывает, что по крайней мере в части форм этого слова ударение когда-то падало на окончание, а в каких именно формах, этого нам данные самого латышского языка не показывают; в литовском же языке по отношению к ударению произошло очень много изменений еще в доисторическую эпоху этого языка, как показывает хотя бы то обстоятельство, что все литовские первичные глаголы с акутованным корнем имеют теперь во всех формах ударение на первом слоге, между тем как латышская прерывистая интонация в части этих глаголов еще указывает, что когда-то они имели подвижное ударение, ср. BB XXV 270 и KZ XLIV 57[167].

Закончив обзор сходных явлений в области славяно-балтийской фонетики, перейдем к вопросу о старых различиях в этой области между славянскими и балтийскими языками помимо вышеупомянутого различия в судьбе индоевропейского *s*.

На месте праиндоевропейских *a* и *o* мы находим в славянских языках *o*, в балтийских же языках — *a*; нет, однако, никакой надобности усматривать в этом очень старое различие. Когда-то прежде господствовало мнение (узаконенное Бругманом Grdr. I² 146; и теперь еще его придерживаются многие в силу традиции), что в славянских языках иде. *o* сохранилось без изменений (причем еще в «славяно-балтийскую эпоху» получилось новое *o* из иде. *a*), балтийское же *a* восходит через славяно-балтийское *o* к иде. *a* и *o*. Научных оснований эта гипотеза не имела никаких; если же она тем не менее смогла приобрести такую популярность, то только потому, что многие из славистов находили возможным при изучении истории славянских языков не считаться с близко родственными балтийскими языками. А так как по известным

[166] [Šai izdevumā II 381 skk. — Red.]
[167] [Šai izdevumā I 128 sk. un II 389. — Red.]

причинам нет никакой «балтийской филологии», которая бы могла указывать на односторонность этого мнения славистов, то оно временно сделалось господствующим. Опровергнуть, собственно, и нельзя его: совпадение иде. *а* и *о* в слав.-балт. *о* само по себе столь же возможно, как совпадение их в // слав.- 107
балт. *а*. Но если вспомним, что иде. *о* перешло в *а* также в соседних германских, арийских и в албанском языках, то совпадение иде. *а* и *о* в слав.-балт. *а*, пожалуй, станет правдоподобнее[168], так как это звуковое явление, может быть, представляет собою «волну», охватившую все северо-восточные индоевропейские языки. И в пользу последней альтернативы, кажется, говорит еще и то обстоятельство, что вместо теперешнего славянского *о* мы находим *а* в греческих (ср. Kretschmer AfslPh. XXVII 228 слл.) и финских (ср. BB XX 147 сл.) заимствованиях из славянских языков. Возражают, правда, что финское и греческое *о* произносились более закрыто, чем славянское *о*, и что только поэтому слав. открытое *о* финнами и греками передавалось через *а* (а не *о*). Но *о*, хотя бы закрытое, кажется, по крайней мере столь же близко к открытому *о*[169], как гласный *а*; и что во время заимствования финское *о* было закрыто, этого мы даже не знаем. Поэтому теперь начинает распространяться мнение, что иде. *а* и *о* совпали в слав.-балт. *а*, которое в балтийских языках сохранилось, в славянских же перешло в *о*, ср. Mahlow AEO 2, Kretschmer AfslPh. XXVII 228 слл., Charpentier l. c. XXIX 1, van Wijk PBrB XXVIII 250[1], Meillet Introduction[2] 380 и мою заметку в Сборн. Форт. 557[170]. Если же другие механически возводят слав. *о* и балт. *а* к славяно-балтийскому *å* (или a^o), то это само по себе вполне возможно и также не может быть опровергнуто. Это их мнение, однако, нисколько не обязательно: как из иде. *а* с течением времени могло развиться слав. *о*, так же и из «славяно-балтийского» *а* могло получиться это же *о*. И арийское, германское и албанское *а* из иде. *о* говорит не в пользу такого «славяно-балтийского» *å*. //

---

[168] Если Фасмер KZ XLI 161 находит, что старое учение вероятнее, потому что оно «проще», то при этом он не считается с балтийскими языками, ссылаясь на Бругмана Grdr. I[2] 146, который сам, однако, KVG 75 более не высказывается в прежнем смысле.

[169] Фасмер, отстаивая старую теорию, все-таки признает KZ XLI 160[1], что слав. *о* «dem germ.-lat.-griech. *a* näher stand als dem *o*». Если же это так, то это слав. «*о*», кажется, скорее гласный типа *а*, чем типа *о*.

[170] [Sai izdevumā I 230 sk. — Red.]

108 Старое различие в развитии иде. *-dd(h)-* между славянскими и балтийскими языками устанавливает Педерсен IF XXVI 293, утверждая, что из иде. *-dd(h)-* получается в славянских языках *-z-*, в балтийских же *-zd-*. А до него полагали, что также в славянском иде. *-dd(h)-* давало *-zd-*, и я думаю, что и впредь можно спокойно придерживаться этого старого взгляда. Прежде всего, вряд ли правильно полагать с Педерсеном, что в славянских языках мы вовсе не находим *-zd-* из иде. *-dd(h)-:* как же иначе нам объяснить *-zd-* в чешск. *hyzditi* (при малор. *гид*; Walde KZ XXXIV 509), цркcл. *груздиѥ* (при *груда*, ср. Walde KZ XXXIV 509) и в р. *громозд* и *громоздить*[171] при *громада*? Главным же примером для слав. *-z-* из иде. *-dd(h)-* у Педерсена является цркcл. *пазуха*, которое он разлагает на **пад-духа*. Но для этого слова возможно и другое объяснение. Можно допустить, что существовали рядом однозначащие **pa-duxa* (ср. ла. *paduse*) и форма, соответствовавшая литовскому *pažastìs*, и что затем путем контаминации обеих форм возникло *pazuxa* (как в восточнолатышских говорах *pazuse* путем смешения однозначащих форм *paduse* и заимствованного *pazuka*) и далее *pazduxa* — смешением форм *pazuxa* и **paduxa*. Далее Педерсен, вслед за Jokl'ем, сопоставляет р. *глаз* с цркcл. *гла҃дѣти* и цркcл. *блазнъ* с цркcл. *бла҃дж҃*, подчеркивая, что это делается «mit vollem Recht», но вместе с тем заявляя, что должно иначе формулировать[172] «закон» Jokl'я. Утрата носового согласного перед свистящим, может быть, имела в славянском место после вторично возникшей долготы, в пользу чего говорил бы старочешск. loc. pl. *polđs* (Brugmann Grdr. II² 2, 250[1]), если возникновение этой формы не обусловлено влиянием соответствующих форм dat., instr. pl., ср. Brugmann Grdr. I² 387
109 и 783. Что же до «закона» Jokl'я, то всю неверо-//ятность его надлежащим образом уже осветил Брюкнер IF XXIII 207 слл. Поэтому неудивительно, что из языковедов в пользу этой гипотезы Jokl'я пока высказался, насколько я знаю, только Педерсен, признавая, однако, ее только в другой формулировке. Слова же *глаз* и *блазнъ* допускают и другие объяснения. Относительно *глаз* ср. словарь Бернекера 301 (можно

---

[171] На последний пример мне указал мой бывший коллега, проф. Гр. А. Ильинский.

[172] Эта новая формулировка сообщается IF XXVII 324: *n* исчезает в праславянском между долгим гласным и *s, z*. Но это уже мало похоже на гипотезу Jokl'я и предполагалось еще и раньше другими языковедами, ср. Zubatý AfslPh. XV 498.

прибавить, что родственные формы, корневой гласный которых, подобно славянскому *а*, восходит к иде. *ō*, сохранились и в литовском языке, см. Изв. XV 2, 220[173]). Менее убедительно пока объясняется *блазнъ* (ср. словарь Бернекера 59); этимология же, предлагаемая Педерсеном, и сама по себе не очень соблазнительна (приходится выводить *-zn-* из иде. *-dhin-*, что пока не подтверждается другими примерами славянских языков; и также в родственных языках, насколько я вижу, получается *-ddh-* из *-dht-* только перед гласными), и ей противоречат вышеупомянутые р. *громозд*, цркcл. *груздие* и чешск. *hyzditi*. А что в р. *(на)слуз*, рядом с *(на)слуд*, *-з-* восходит к *-dd(h)-*, это невероятно еще и потому, что эти слова, кажется, произведены от того же корня, который мы находим в цркcл. (сербск. изв.) *хлуяти* и р. *хлынуть* (если тут *х-* из иде. *s-*; при иде. *sreu̯-* могло существовать *sleu̯-*); а если это так, то *-д-* в слове *(на)слуд* входит в состав суффикса, а не корня[174], так что *-з-* в *(на)слуз* или восходит к иде. *ĝ(h)*, или же возникло (взамен *-д-*) под влиянием какого-нибудь другого слова, ср., наприм., цркcл. *слузъ* «pituita». Далее Педерсен сопоставляет словинск. *lâz* с однозначащим р. *ляд(ин)а*, а возможность этого сопоставления всецело зависит от правильности гипотезы Jokl'я. А что до префикса *раз-*, то даже в том случае, если оно действительно родственно с лит. *ardýti* «пороть», его *з*, вероятно, стоит в связи с *-з* в *без, из, въз* (ср. также Mikkola Balt. u. Slav. 36 сл.). Наконец, Педерсен в пользу своей гипотезы приводит // несколько 110
славянских слов с *z*, которому в литовском будто бы соответствует *zd*: цркcл. *лоза* : лит. *lazdà* «палка»; праслав. **bъrzъ* : лит. *burzdùs* «подвижной»; р. *грязнуть, грузить* : лит. *gramzdìnti* «погружать» (относительно последнего слова ср., однако, словарь Бернекера 350 и относительно **bъrzъ* — этимологию Ильинского РФВ LXIII 322 слл., указывающего на праслав. **bъrzdъ* при **bъrzъ*!). При этом Педерсен вовсе не считается с мнением Бругмана Grdr. I² 569, по которому в литовском языке из *-žd-* (кроме положения после *g*) получается *-zd-*. Если до сих пор обращали мало внимания на это мнение Бругмана, то это,

---

[173] [Šai izdevumā II 164. — Red.]

[174] Миклошич же в своем этимологическом словаре (стр. 308) сопоставляет р. *наслуд* с цркcл. *слуды* «locus praeruptus», которое, однако, по своему значению слишком расходится с русским словом и может быть родственно скорее с ла. *šļaubums* «отлогость».

может быть, объясняется тем, что приведенные им примеры не очень убедительны. Бругман приводит в пользу своей теории только лит. *gramzdýti* «погружать» (но *z* в нем и соответствующем ему славянском слове можно было бы с Бернекером выводить из иде. *s*), *lazdà* и *lìzdas* «гнездо» (: пр. *lasint* «класть», *listis* «ложе»). Но вместо пр. *listis* теперь читают *liscis* (ср. Trautmann Apr. Spr. 371; считать это слово заимствованным из п. *leżysko* трудно ввиду ла. **lizgs* BB XXIX 188[175] и большого формального различия между пр. *liscis* и п. *leżysko*), а пр. *lasi-*, может быть, действительно заимствовано из п. *łożyć*. И так как лит. *lìzdas*, каково бы ни было происхождение его начального *l-* (ср. Lidén IF XVIII 488[1]), по всей вероятности, стоит в связи с иде. **nisdos* и рядом с ним мы находим ла. **lizgs*[176], то не подлежит сомнению, что *-z-* в нем в положении перед звонким согласным восходит к иде. *s*. Таково же могло бы быть происхождение *-z-* также в лит. *lazdà* «палка, орешина» (ла. *lazda, lazds, lęzds, lagzda, lagzds, lęgzda, lęgzds*[177] «орешина», пр. *laxde* «орешина»). И непременно *-z-* тут восходило бы к иде. *-s-*, если действительно рядом имеется ла. *lešu* (с *š*,
111 вероятно, из иде. *si̯*) *kùoks* (с тем же значением), как это читаем в словаре Ульмана, // или если действительно с этими балтийскими словами родственно[178] арм. *last* «плот, лодка», *lasteni* «ольха» (латышское *ę* могло бы тут восходить к старому *a*, ср. *šķęvas* выше на стр. 86), ср. Lidén IF XVIII 487 слл., Lewy KZ XL 422[1]. В таком случае слово *лозá* было бы родственно с *lazdà* лишь при том условии, если бы его *з* получилось из иде. *s*, о чем ср. выше стр. 75 сл. Но есть возможность возводить его к иде. *ĝ(h)*, ср. Штрекель AfslPh. XXVII 52 слл. и Lidén IF XVIII 488. Примеры, приведенные

---

[175] [Šai izdevumā I 299. — Red.]

[176] Форма *ligzds* (или *ligzda*), может быть, получилась из **lizgd(a)s*, возникшего путем смешения форм **lizdas* и **lizgas*, ср., наприм., лит. *mèksti* «вязать» из **mezgti*.

[177] Сочетание *-gzd-*, может быть, восходит к *-zgd-*, получившемуся путем смешения *-zd-* и **-zg-*, с которым ср. р. *розга*; ср. Kirste AfslPh. XII 309.

[178] Meyer Etym. Wrtb. 234 сопоставляет с ними также алб. *ťaiθí* «орешина», возводя его через *ťakθí* к основе *laks-*, чего я не могу проверить; если это так, то такое *laks-* могло бы быть родственно с *lazdà* лишь в том случае, если его *-ks-* получилось путем перестановки из *-sk-* (до изменения сочетания *-sk-* по направлению к *h*) или из *-zg(h)-*.

Бругманом, как видно из предыдущего, не могут доказать литовского перехода *-žd-* в *-zd-*. Но есть несколько других литовских слов, которые скорее могли бы доказать такой переход. Наиболее убедительными являются *laizdýti* (при *laižýti* «лизать») «пышать (о пламени), пылать» или (по Куршату, ссылающемуся на Нессельмана) «lecken» (von der Flamme; ср. у Куршата: *liepsnà laizdo prõ stógą* «die Flamme leckt zum Dache heraus»; *ugnìs sulaizdo vandenį* «die Flamme verzehrt das Wasser») с *z* не только у Нессельмана, но также у Виллента (LLD III 92, 9) и Даукши (Post. 51, 10; 112, 5; 117, 7; 313, 4; 358, 7 и др.; встречающееся рядом с *z ž*, наприм. 331, 21; 361, 29; 363, 3, — или опечатка, ср., наприм., *węiždėkime* 149, 7; *tewęiž'* 143, 34; *pawáiždą* 140, 2; *mažgôio* 150, 4; *węiždi* Katech. 24, 27; *meždamas* 47, 31, или вызвано влиянием глагола *laižýti*) и *vėzdas* «дубина» LChr. 333, 18; 378, 40, Даукша Post. 205, 23, Willent LLD III 163, 2, словарь Юшкевича под *įrandúoti, įnagis* и др. (ср. также Leskien Nom. 166) рядом с лa. *vęzda, vęza* «дубина», *vėzinât* «колотить», *atvėzêtiês* «die Hand zum Schlagen aufheben», *izvėztiês* «den Unterleib vorstrecken», авест. *vazra-* «палица», скр. *vájra-s* «перун». Далее, мы в словаре Куршата находим в скобках *grįzdo rãtas* «Большая Медведица», но, по письменно мне сообщенному мнению К. К. Буги, это — ошибочное // чтение вместо *grįžalo r.*, ср. словарь Юшкевича под 142
grinžóratas. Простая же опечатка, по всей вероятности, *ìzdas* «ein noch verborgener Schatz» (у Куршата в скобках), ср. у Ширвида *iždas* LLD IV 21, 5; 145, 3). Скорее еще можно сослаться на *graznà* (у Юшкевича под *gražnà*) «краса» и *grãznas* (там же под *grãžnas*) «прекрасный» (если это не заимствование из лa. *grazns*), где *-z-* может восходить к *-zd-*, рядом с *gražùs* «красивый»; *kuzúoti* «идти» (у Юшкевича под *eĩti* и *dujúoti* и у Ивинского, по сообщению К. К. Буги, которому я обязан значительной частью материала по этому вопросу) рядом с лa. *kužnuôtiês* «sich schwerfällig bewegen»; *kuzdėti* «дрожать (от холода)» у Куршата, Бецценбергера Lit. Forsch. 131 и в хвейданском говоре рядом с *kušėti* и лa. *kužnuôt* «sich regen» (но возможно, что прав К. К. Буга, сопоставляющий *kuzdėti* с однозначащим нижненем. *hudern* у Фика Wrtb. III[4] 92); *gruzdinti* (у Юшкевича под *gráužinti*) = *grùžinti* «давать грызть, выпасать» (в однозначащем *gráuždinti ž* может быть восстановлено из *gráužti* «грызть»); *gtúmzdyt'* «мять» (из вилкомир. говора у Юшке-

вича) рядом с однозначащим *glámžyti*; *gleiznóti* «пачкать, марать», *gleizavóti* «обмазывать» рядом с *gleižioti* «мазать», *gleižùs* «покрытый слизью» (но, как мне указывает К. К. Буга, можно думать также о родстве с *glaistýti* «помазывать» и средневерхнен. *klîster*); *arzėti* Ю. «шуметь, кричать» рядом с однозначащим *aržóti* у Бецценбергера Lit. Forsch. 97; *grùzdis* К. «wer oder was klein und verkümmert ist» рядом с *grùžas* Ю. «огрызанный, короткий». Есть, правда, и литовские слова с *-žd-*. Как заметил уже Бругман l. c., *-žd-* правильно сохраняется после *g*. И не только старое *-žd-* сохраняется в этом положении, но подобно переходу *s* после *k* в *š* также *z* из *s* (перед *d*) переходит в *ž* в положении после
113 *g*[179], ср., наприм., *žiegždras* и *žigždras* у Ю. под // *išpustýti* (со вставным *g*) «крупный песок» (у Межениса и Лалиса) рядом с *žiẽzdros* или *žizdrà* в Янишках и средневерхнен. *kis* (в *žiẽgzdros* же *g* может быть вставлено после перехода *gzd* в *gžd* или же оно возникло смешением форм *žiegždras* и *žiẽzdros*); *užgrãgždina* (со вставным *g*) «запретила» у Юшкевича под *gérti*, на что мне указал К. К. Буга (= *ažùgrėsė* в Дусятах). Тут я приведу еще и *žvaigždẽ* «звезда» при *žvaizdẽ* и *žvaigzdẽ*, относительно которого см. выше *žiẽgzdros* (лит. *žvaig-*, ла. *zvàigzne*, которое может восходить к **zvàigzdnē*, и пр. acc. s. *swāigstan* «Schein» указывают на прабалтийское *žvaig-*, которое мы находим еще и в ла. *zvaigaļa* «Kuh mit weissem Sterne auf der Stirn» и в инфл. nom. pl. *zvaidžeńiś* «звездочки» Zb. XVIII 350. Что до отношения этого *žvaig-* к праславянскому *gvězd-* в **gvězda*, то я с Бернекером считаю возможным думать о перестановке, причем латышский вариант этого корня без *v* в *zaiguôtiês* «сиять» говорит, может быть, в пользу перестановки на славянской почве, ср. также еще ла. *zvīguļuôt* «сиять». Лит. же

---

[179] После *r*, однако, мы находим не *ž(d)*, но *z(d)*, ср., наприм., *barzdà* «борода», *burzděti* «шевелиться», *érzinti* «дразнить», *žvirzdai* «дресва» у Буги Aist. St. I 165 (рядом с однозначащим *žvirgždai* и возникшим путем контаминации обеих форм *žviržda*i, наприм. у Ширвида, см. LLD IV, стр. XLI). В *garždas* у Межениса *ž*, может быть, обусловлено влиянием //
113 слова *gařgždas* Ю. «дресва» или (в Шавлях) «шлак». С *beržd̃ynė* «телка» ср. *bergždinė* Ю. или *beržd̃ià* «яловая», где *ž* могло развиться из *z* перед *dž*, как и в nom. pl. *(žirniai) beržd̃i* «зрелые» (в Поневежском уезде), если nom. s. к нему **beržd̃ias*, ср. также *(žirniai) pabeřgždę* «arti piovìmo» в Вилкомирском у. и *javai beršt(a)* «das Getreide fängt an weiss zu werden, zu reifen». Неясно для меня *ž* только в *gerždókle* «Chaerophyllum silvestre» у Бецценбергера Lit. Forsch. 113.

žvaizdẽ и ла. instr. pl. *zvaiznims* в Евангелиях 1615 г., стр. 2b и *zvaižņuôt* «mit Sternen besetzen» или произведены от корневого варианта иде. *ĝ(h)ųoiĝ(h)-*, или же, скорее, утратили свое *g* вследствие колебания между формами вроде лит. *žviřgždai*, ла. *lagzda* и формами вроде лит. *žviřzdai*, ла. *lazda*). Там, где мы еще находим *zd* после *g*, это *g* может быть вставлено уже после перехода *gzd* в *gžd*: *mėgzdyti* «дразнить» у Межениса (ср. однозначащее ла. *mēdît*). Как *š* из иде. *s* из положения после *k* иногда переносится также в положение после губных (см. выше стр. 36), так и *ž(d)* мы находим и после *b*: *k(r)ibždėti* «кишеть», *krebždėti* или *šnabždėti* «leise rascheln», *šnibždėti* «шептать на ухо», *vebždėti* «кишеть» и др., ср., наприм., *gvogždėti* «щекотать», *gvagždėti* // «худеть», *gvargždėti* «хрипеть», *gurgždėti* 114
«хрустеть», *girgždėti* «скрипеть», *kugždėti* «шептать на ухо» около Тельш (рядом с *kuzdėti* у Нессельмана и контаминационным *kuždėti*, наприм. во Владиславовском уезде, и *kuštėti*) и др. Это же *-ždėti* мы находим также после *m* в *grumždėti* «есть с хрустом». В *gramždė* «пескарь» (у Нессельмана) *ž*, может быть, опечатка вместо *z*, ср. однозначащее *grumzdis* у Буги Aist. St. I 184; в *grémždu* «скребу» *ž*, может быть, обусловлено влиянием однозначащего *grémžiu*, как и в *gleműšti* Ю. (III л. прош. вр. *gleműždė*) влиянием *gleműžti* «сгребать». В *prieždà* LChr. 359, 22 «шесток» между *ž* и *d* утрачен гласный, как показывает *pryžeda* «Backofenloch» у Куршата. Остается еще совершенно неясное для меня *leiždinti*[180] «ein Haus abbinden» (у Куршата в скобках), *graždas* «дресва» (у К. в скобках; с *ž* под влиянием однозначащего *gařgždas*? или из **gragždas*, как полагает Буга Aist. St. I 135, ср. выше заметку о *žvaizdẽ*) и *kemšti* «коченеть» (наст. вр. *kemštù*, прош. вр. *kemždaũ*) в Хвейданах и Ретове (рядом, может быть, существовали формы с *kemž-* не перед *d*). Совершенно же естественно, что предлоги *ùž* и *iš* в сложных словах сохраняют *ž* перед *d* и что *ž* сохраняется в конце глагольных корней в образованиях на *-davau, -dinu, -damas*. Ввиду всего этого я склонен думать, что Бругман был прав в своем предположении о переходе литовского *žd* (не после *g*) в *zd*, хотя такой фонетический процесс сам по себе для меня неясен (*š* перед *t* сохраняется!). Если же это так, то естественнее возводить *z* в лит. *gramzdýti*

---

[180] Оно напоминает, наприм., *vèždinu* от *vežù* «везу»; по мнению К. К. Буги, *leiždinti* — опечатка вместо **leizdinti* от *léidžiu*.

и соответствующем ему славянском слове к иде. *ĝ(h)*, ср. словарь Бернекера под *gręznǫ*. Гипотеза же Педерсена о возникновении слав. *z* в некоторых случаях из *dd(h)* лишилась бы в таком случае и последней своей опоры.

Старое, вероятно, различие имелось бы между славянскими и балтийскими языками в том случае, если бы действительно балтийскому *k* соответствовало в славянском не
115 только *k*, но и *x*, // т. е. если бы слав. *x* восходило не только к иде. *s*, но и к иде. *kh*, как полагает Педерсен IF V 50 сл., KZ XXXVIII 391 слл. и XL 173 слл., к которому присоединяются Meillet MSL IX 153, Études 174, Introduction² 62 и Berneker (ср. его словарь под *cholдъ*), тогда как Uhlenbeck IF XVII 93 слл. высказался против этого. Педерсен сам, правда, считает KZ XXXVIII 391 возможным предположить «ein urbaltisch-slavisches» *x*, сохранившееся в славянском, на балтийской же почве перешедшее в *k*; и опровергнуть я не могу этого предположения. Но оно высказано только в угоду теории о славяно-балтийском праязыке, а эта теория сама еще не доказана. И если вспомним, что в истории индоевропейских языков преобладает тенденция к замене затворных согласных фрикативными, то упомянутое предположение Педерсена о переходе прабалтийского спиранта *x* в затворный *k* покажется маловероятным. Что же до гипотезы о переходе иде. *kh* в праслав. *x*, то a priori она, правда, не очень убедительна, но все-таки вполне возможна. Что из *kh* получается *x*, тогда как на месте *th* и *ph* мы находим *t* и *p*, это было бы понятно: стоило бы только предположить, как указал Педерсен, что *x* возникло из *kh* еще до перехода *th*, *ph* в *t*, *p*. Ведь из задненебных затворных, на что тоже сам Педерсен обратил внимание, легче развиваются спиранты, чем из зубных и губных затворных, как показывают приведенные Педерсеном параллели из армянского (*ph*, *th* рядом с *x* из *kh*), малорусского и чешского (*b*, *d* рядом с звонким *h* из *g*) и других языков. Но при *x* из *kh* мы ожидали бы также γ из *gh*, тем более что звонкие затворные обыкновенно производятся с меньшею силою, чем глухие затворные, так что γ из *gh* даже легче могло бы получиться, чем *x* из *kh* (ср. чешск. *h* из *g* при *k*!). Пришлось бы, значит, далее, предположить, что на славянской почве mediae aspiratae утратили свое придыхание уже раньше, так что в известную эпоху существовали одновременно *g*, *d*, *b* (из иде. *gh*, *dh*, *bh*) и *kh*, *th*, *ph*, а это было бы несколько странно. Но спешу тут же оговориться, что невозможным это не может считаться, так как

нечто тому подобное мы находим // в армянском, где рядом 116
с *ph, th, x* мы находим (из иде. *bh, dh, gh*) *b, d, g* или же, как не без основания полагает Педерсен KZ XXXIX 337, *bh, dh, gh*. Разница только в том, что в армянском mediae aspiratae не совпали с mediae. Можно было бы тут еще сослаться и на иранские языки, где tenues aspiratae перешли в глухие спиранты, между тем как mediae aspiratae, по господствующему мнению, утратив свое придыхание, совпали с mediae в *b, d, g*. Но что это действительно так было, не может быть доказано. Не исключена возможность, что одновременно с tenues aspiratae также mediae aspiratae (а потом и mediae) перешли в спиранты, после чего из звонких спирантов при известных условиях в отдельных иранских говорах развиваются звонкие затворные. Это было бы очень похоже на развитие звонких прагерманских спирантов в отдельных германских языках, где тоже и почти при тех же условиях, как и в иранском, из звонких спирантов получаются звонкие затворные, ср. об этом Brugmann Grdr. I² §§ 719—721, 792, 799, 806. — Но, спрашивается теперь, действительно ли, как принято думать, tenues aspiratae были свойственны в с е м говорам индоевропейского праязыка? Ведь при утвердительном ответе на этот вопрос мы с большой уверенностью могли бы искать следов этих tenues aspiratae также в славянских языках. А сомневаться в правильности господствующего мнения прежде всего заставляют данные греческого языка. Известно, что не всем арийским и армянским звукам, восходящим к иде. tenues aspiratae, соответствуют в греческом языке φ, ϑ, χ: вместо них находим и tenues, по крайней мере τ вместо ϑ, как, наприм., в πάτος при скр. *path-*, авест. *paϑ(ā)-* «стезя» или πλατύς[181] при // скр. *pṛthú-*, авест. *pərəθu-* «широкий», 117
рядом с οἶσθα : скр. *véttha* «знаешь» и др., ср. Zubatý

[181] В πλάθανον «Kuchenbrett» ϑ, может быть, восходит к иде. *dh*, ср. Meillet Les dialectes 81. Если Зубатый KZ XXXI 3 сл. сомневается в родстве πλατύς и лит. *platùs* (которое относительно коренного гласного может соответствовать скр. *práthiyas-* «шире») с скр. *pṛthú-*, то это сомнение могло быть вызвано только предубеждением, будто бы всякому скр. *th* непременно соответствует гр. ϑ. А если Meillet l. c. 80 слл. склонен думать, что всякое иде. *th* фонетически перешло в гр. τ (а не ϑ, которое будто бы восходит только к звонкой aspirata), то это не совсем согласуется с данными греческого языка, // и такое различие в развитии 117
между *th* и *ph, kh* само по себе, для меня по крайней мере, было бы непонятно. По моему мнению, только случайно мы не знаем совершенно бесспорных примеров для гр. π, κ из иде. *ph, kh*, так как эти звуки вообще встречались сравнительно редко.

KZ XXXI 3 слл.; при этом разве только отчасти могут быть установлены определенные условия для τ вместо ϑ, как наглядно показывает только что упомянутая статья Зубатого. Есть, правда, в индоевропейских языках также случаи колебания между media aspirata и media, но это колебание отличается от колебания между tenuis aspirata и tenuis тем, что mediae вместо mediae aspiratae встречаются в различных индоевропейских языках, и между прочим также в санскрите (ср., наприм., Brugmann Grdr. I² § 704 и Wackernagel Altind. Gr. I 129), тогда как tenues вместо tenues aspiratae в санскрите, кажется, не встречаются (ср. Wackernagel l. c. I 130), но только на западе от индусов, чем дальше от них, тем больше. Изредка ведь также в иранских языках санскритской tenuis aspirata соответствует tenuis, как в авест. и древнеперс. *kan-* : скр. *khánati* «копает» (слишком проблематично объясняют это иранское *k* v. Fierlinger KZ XXVII 335 и Bartholomae Grundr. d. iran. Phil. I 1 § 13). И гр. φ, ϑ, χ из иде. *ph, th, kh,* может быть, еще несколько реже, чем принято думать: есть ведь случаи колебания между tenuis aspirata и media aspirata (ср. Brugmann Grdr. I² § 702), так что в некоторых из тех случаев, где гр. φ, ϑ, χ возводят к иде. *ph, th, kh,* эти греческие звуки могут восходить к иде. *bh, dh, gh,* как, наприм., в γρόνθος «кулак» (которое Бругман KVG § 223 сопоставляет с скр. *granthí-* «узел»; ср., однако, этимологический словарь Boisacq'a, стр. 156) или в κόγχος «раковина» (по Бругману KVG § 248 с χ из иде. *kh,* как в скр. *śankhá-s*; ср., однако, Uhlenbeck IF XIII 217). Такого рода колебание между tenues aspiratae и tenues я могу понять только как отражение диалектической «волны» индоевропейского праязыка, имевшей исходную точку на крайнем
118 востоке и осла-//бевавшей по направлению к западу[182]. Если это действительно так, то возникает дальнейший вопрос, распространились ли tenues aspiratae еще дальше греческой области на запад. Решение этого вопроса всецело зависит от данных латинского языка, так как в кельтских (как и в

---

[182] Противоположного этому взгляда держится Meillet (Les dialectes 78 слл.), полагая, что с запада на восток двинулась «волна», ведущая к совпадению tenues aspiratae с tenues. Но в таком случае я ожидал бы совпадения (в тех же говорах) также *bh, dh, gh* с *b, d, g,* тем более что ведь tenues aspiratae легче произносить, чем mediae aspiratae; ср. сохранение *ph, th* в армянском, тогда как mediae aspiratae там утратили свое придыхание, по крайней мере в современных восточноармянских говорах.

славяно-балтийских) языках при совпадении mediae aspiratae с mediae могло произойти и совпадение *ph, th, kh* с *p, t, k*, в германских же языках, где иде. *p, t, k* (может быть, через переходную ступень *ph, th, kh*) перешли в соответствующие глухие спиранты, эти же звуки могли получиться и из иде. *ph, th, kh*. В италийских же языках, где (в их общем праязыке) из mediae aspiratae получились tenues aspiratae, иде. *ph, th, kh* должны были, казалось бы, совпасть с *bh, dh, gh*, если бы из индоевропейского праязыка вообще перешли tenues aspiratae в италийский праязык (с этой оговоркой я согласен с Педерсеном KZ XL 178). Весь материал и литературу по этому вопросу излагает Uhlenbeck IF XIII 213 слл., приходя к заключению, что в италийском tenues aspiratae, если таковые вообще имелись в индоевропейском праязыке, вероятно, совпали с tenues, лишившись своего придыхания. А такой осмотрительный языковед, каков Meillet (притом полагающий, что первоначально во всех индоевропейских говорах имелись tenues aspiratae!), в Les dialectes 80 и Walde в своем этимологическом словаре вполне уверены в совпадении на италийской почве *ph, th, kh* с *p, t, k*. Бругман же KVG § 267 и Зоммер Handbuch § 111 учат, что в италийском tenues aspiratae совпали с mediae aspiratae в *ph, th, kh*, причем Зоммер это делает с оговоркою, что примеры для иде. *ph, th, kh* в италийском «äusserst spärlich sind». А Педерсен KZ XL 178 с завидной уве-//ренностью[183] считает даже за 119
«absolut sicher», что в италийском tenues aspiratae совпадают не с tenues, но с mediae aspiratae! Это с первого взгляда странное разногласие объясняется тем, что рядом с несколькими безукоризненными примерами с *p, t, k* (: *ph, th, kh* на востоке) вроде *pumex, rota, pons, cento, caedo* в латинском языке есть несколько слов, которые можно использовать в пользу теории о совпадении tenues aspiratae с mediae aspiratae в *ph, th, kh*. Но Uhlenbeck в упомянутой своей статье и Walde в своем словаре показывают, что доказательная сила последнего рода примеров несколько сомнительна и значение их двусмысленно. При таких данных вообще признающие праиталийское *ph, th, kh* из иде. tenues aspiratae должны с Зоммером признать, что примеров для этих звуков в латинском крайне мало, значит, еще меньше, чем в греческом. Но если моя гипотеза о распространении tenues aspiratae в индо-

---

[183] После того, что изложено выше на стр. 75, мы, однако, к сожалению, не можем быть уверены в прочности этого убеждения Педерсена.

европейском праязыке правильна, то скорее правы Meillet и Walde, по мнению которых восточноиндоевропейским *ph, th, kh* в латинском соответствуют *p, t, k*. Уверение же, что то или другое «absolut sicher», не имело бы, по крайней мере с моей стороны, абсолютно никакого смысла. — Что же до албанского языка, то с легкой руки Педерсена IF V 50 и в нем оказалось *h* из иде. *kh* в *hā* «я ем» : скр. *khádāmi*. Родство этих слов возможно, но, как уже указал G. Meyer в своем этимологическом словаре, это албанское слово может восходить к индоевропейскому варианту с «подвижным» *s*, так как албанское *h* получается, между прочим, из иде. *sk(h)*. И если G. Meyer правильно сопоставляет (с вопросительным знаком) l. c. 88 алб. *ðekɛ* «Franse, Zipfel, Ader» (где *e* может восходить к иде. *ō*) с скр. *śákhā* «ветвь», то это доказало бы, что в албанском соответствует *k* санскритскому *kh* (ср. еще и алб. *kam* «имею» у Мейера l. c. 171). Ввиду всего этого я считаю по крайней мере возможным, что tenues aspiratae существовали только в восточных говорах индоевропейского
120 праязыка. Но, даже допустив, что это действи-//тельно так было, позволительно, далее, думать, что также лингвистические предки славян знали tenues aspiratae, тем более что и в развитии индоевропейского *s* (после *i, u, r, k*) славяне, вероятно, сходились с арийцами, см. выше стр. 69 и сл. — Итак, после этих априорных соображений приходится признать, что решение вопроса о славянском *x* из иде. *kh* всецело зависит от качества этимологий, приведенных в пользу мнения Педерсена. К их рассмотрению, значит, нам теперь волей-неволей приходится перейти.

Главным примером сам Педерсен считает праслав. **soxa* : скр. *śákhā*, арм. *çax*, лит. *šakà* «ветвь» (ла. *Saka* «der linke Nebenarm der Düna bei Holmhof»[184], *sakas* или *sękumi* «навозные вилы»), гот. *hōha* «плуг». Это сопоставление действительно само по себе очень заманчиво, и я вполне согласился бы с мнением Педерсена, что одно это слово уже доказывает слав. *x* из иде. *kh*, если бы не было и других этимологий для этого слова. А между тем Мерингер IF XVII 116 слл., указывая на древневерхнен. *seh* «плужный резак», фр. *soc*, новоирл. *soc*, кимр. *swch* «сошник», полагает, что праслав. **soxa* «Pflock» заимствовано из древневерхнен. **sacha*. Но Штрекель AfslPh.

[184] Ср. Bielenstein Die Grenzen des lettischen Volksstammes 282. [Strauts 7,4 km lejpus Jēkabpils. Plašāk zināma ir *Saka*, Durbes un Tebras satekupe, kas ietek jūrā pie Pāvilostas. — Red.]

XXVIII 493 и Педерсен KZ XL 177 сл. оспаривают это на том основании, что слово **sacha* не засвидетельствовано в германских языках. Сам же Штрекель, как и до него уже Zupitza Germ. Gutt. 138 и Uhlenbeck IF XVII 99, возводит *x* в праслав. **soxa* к *ks*, производя это слово, как и древневерхнен. *sahs* «нож», от глагольного корня, который имеется в цркcл. *сѣкѫ* и лат. *secare*, и полагая, что оно первоначально значило «das schneidende (Ackergerät); > Gabel(holz); Pfahl, Pflock», подтверждая возможность такого развития значения многими параллелями l. c. 489 сл. И что Штрекель в этом неправ, еще никем не доказано да и едва ли может быть доказано.

Не менее убедительным в пользу *x* из *kh*, чем *soxa*, Meillet, Les dialectes 80 сл., считает праслав. *xoxotati* : скр. *kákhati* «хохочет», арм. *xaxankh* «хохот», гр. κα(κ)χάζω (относительно *ch* в лат. *cachinnare* ср. Sommer Handbuch § 159). 121
Педерсен же сам не ссылается на это слово, вероятно не признавая за ним никакой доказательной силы в данном вопросе. И в самом деле: ввиду сходных форм словинск. *hehetáti se*, р. *хихикать*, верхнелуж. *khakhać*, древневерхнен. *kachazzen*, тур. *kahkaha* и др., приведенных в словаре Бернекера, я не могу не признать, что это звукоподражательное слово могло быть создано на славянской почве после того, как там вообще возник звук *x* (из иде. *s*), тем более что в этом слове мы находим довольно производительный суффикс, ср. Leskien Gramm. d. altb. Spr. 84. А в таком случае оно ничего не доказывает в пользу *x* из *kh*.

Праслав. **xlěbъ* : гот. *hlaiba-*, латинск. *libum*. Как ла. *klàips* бесспорно заимствовано из германских языков, так таким же заимствованием может быть и праслав. **xlěbъ*, как полагает и Бернекер в своем словаре, который принципиально признает *x* из *kh* (у него указана и вся литература об этом слове).

Р. *хлуд*, цркcл. *охлѧдание* «negligentia» и (р. изв.) *охлѧнѫти* «debilem fieri» по своему значению слишком расходятся с скр. *khaṇḍa-* «кусок, часть», так что Бернекер с полным правом решительно отвергает эту этимологию, правдоподобнее сопоставляя эти славянские слова с нижненем. *sluntern* «nachlässig, schlaff sein».

Цркcл. *млахавъ* : гр. βληχρός «слабый». Но рядом с βληχρός мы находим (дор.) βλάξ, gen. s. βλακός «мягкий, вялый, ленивый», так что естественнее возводить χ в βληχρός к κσ (перед ρ!). Кроме того, представляется возможность сближать

βλῆχρός с р. *благой* и возводить его χ к иде. *gh,* ср. словари Бернекера (стр. 58) и Boisacq'a (стр. 121 и 123).

Цркcл. *хапати* или *хопити* «кусать», *охѫпити* «amplecti», чешск. *chopiti,* р. *хапать* и др. : арм. *xaphanem* «препятствую». Но это армянское слово по своему значению ничего общего не имеет с только что приведенными славянскими словами, о которых ср. словарь Бернекера 384 и 396.

Цркcл. *хотѣти,* п. *chęć* и др. : арм. *xind* «радость», *xand* «страстное желание». Ср., однако, словарь Бернекера 399, где
122 это // славянское слово правдоподобно сопоставляется с цркcл. *хватити* и *хытити,* которые и по форме, и по значению слишком расходятся с упомянутыми армянскими словами.

Цркcл. *сѣръ,* р. *серый,* п. *szary,* чешск. *šerý* : древнеисл. *hárr* «седой», гр. χοῖρος «поросенок». По мнению Педерсена, один этот пример уже вполне убедительно доказывает, что слав. *х* может восходить к иде. *kh.* Может быть, найдутся верующие в это; я же пока сомневаюсь в доказательной силе этого примера. Что проще всего было бы возводить все эти формы к праслав. **хěrъ,* в этом я с Педерсеном согласен и считал бы это даже вполне возможным[185], если бы в этом слове имелось *s-* (а не *š-*) в словацких и тех моравских говорах, которые в loc. s. имеют *-se* из праслав. *-хě.* Если бы там действительно имелось *s-,* то праслав. **хěrъ* могло бы, пожалуй, даже считаться доказанным. Но мы вовсе не знаем, далее, что *h-* в древнеисл. *hárr* восходит к иде. *kh-,* а не *k-.* Педерсен, правда, сопоставляет его с гр. χοῖρος; родство названия поросенка с названием серого цвета само по себе, пожалуй, возможно, но не может считаться более или менее убедительным. И, что важнее всего, гр. χ- в χοῖρος, по всей вероятности, восходит к иде. *ĝ(h)-,* так как предположенное Г. Мейером родство его с алб. *dèr̄* «свинья» (где *e* может восходить к иде. *oi*) слишком убедительно. Напрасно это оспаривает Педерсен, нуждаясь в доказательстве, что *h-* в древнеисл. *hárr* восходит к иде. *kh-*: в алб. *dirk* (или *derk*) «поросенок» *i* может восходить к иде. *i* или *ei,* и если даже действительно *-r̄* в *dèr̄* не восходит к иде. *-ros,* то расширение на албанской почве старой основы *ĝhoiro-* лишним суффиксом еще не может быть препятствием для сопоставления этого

---

[185] Этому противоречило бы п. *siepać* «трясти», если бы был прав Zupitza, возводя BB XXV 93 *siep-* этого слова к праслав. *хěp-* из иде. *ksoip-,* сопоставляя его с скр. *kṣipáti* «бросает». Но, даже признавая правильность этого сопоставления, можно тут думать об иде. колебании *ks-* : *s-,* о котором ср. выше стр. 44 слл.

слова с тожественным по значению и форме гр. χοῖρος (относительно алб. *-r̄* ср., впрочем, Pekmezi Gramm. d. alban. Spr. 25). Но даже // помимо гр. χοῖρος можно было бы возводить *x-* в праслав. **xěrъ* к иде. *kh-*, если такое слово существовало и если оно было родственно с древнеисл. *hárr*. И если оно действительно существовало, то трудно было бы отрицать его связь с древнеисл. *hárr*. А разве возможность заимствования предполагаемого праслав. **xěrъ* из прагерм. **haira-z* совершенно исключена? Совершенно отрицать это было бы едва ли правильно ввиду бесспорного заимствования некоторых других славянских названий цветов, ср., наприм., словарь Бернекера под *alyj* и *brun*[186]. Но мне кажется, что можно тут обойтись и без праслав. **xěrъ* (и исключена была бы мысль о такой праформе, если бы также словацкие и все моравские говоры имели[187] в этом слове *š-*). Я при этом руководствуюсь правилом, преподанным самим Педерсеном одному из его бывших слушателей, «dass man immer zunächst den engeren kreis von sprachen zu vergleichen habe, ehe man sich an fernerliegende vergleichungen wagt», KZ XL 177. Славянские языки ведь бесспорно ближе родственны с балтийскими, нежели с германскими языками, и поэтому естественнее сближать цркcл. *cѣrъ* и проч. с лит. *šẽmas*[188] «aschgrau, blaugrau», где *šė-* восходит к иде. *kē-* или *kiē-*, и, далее, с скр. *śyāmá-s* «dunkelfarbig», *śyāvá-s* «schwarzbraun», *śārá-s* «bunt, scheckig», авест. *sāma-* «schwarz»; ср., наконец, и цркcл. *cѣdъ*, р. *седой*, п. *szadawy, szedziwy*, чешск. *šedý* и цркcл. *сивъ* и р. *сизый*. Все эти формы указывают на иде. *kiē-* (при *kē-*) : *kī-*. Как в санскрите мы находим *śyā-* рядом с *śā-*, так и в праславянских говорах могли рядом существовать *sě-* (в цркcл. *cѣrъ*, *cѣdъ*, р. *серый, седой* и др.) и *siē-* > *ša-*, и западнославянские формы вроде чешск. *šerý*, *šedý* могли легко возникнуть путем контаминации однозначащих *sě-* и *ša-*. Возможно // также, что когда-то в чешском стояли рядом **šadý* 124
(или **šarý*) и **sěrý* (или **sědý*); тогда тоже легко было смешение этих параллельных форм в *šerý* и *šedý*.

Праслав. **xolpъ*, **xolkъ* < **xolpkъ* (sic!), **xolstъ* <

---

[186] Ср. Meillet Études 403, Brugmann Grdr. II² 1, 349 и Walde Lat. etym. Wrtb.² 109.

[187] Судя по имеющимся в моем распоряжении источникам, дело действительно так обстоит: Бартош в своем Dialektický slovnik moravský приводит только формы с *š-* (*šeřat sa* «býti šerým», *šedat sa* «býti šedým» и др.), и также Мичатек в Slovensko-ruský slovnik дает *š-* в *šarý* «темный», *šedivec* «седой человек» и *šerý* «серый».

[188] Такова интонация этого слова по сообщению К. К. Буги.

xolpstъ* : гот. *halbs* «половинный». Принимая эту предложенную Педерсеном этимологию, мы рискнули бы очутиться в неловком положении, так как сам Педерсен мог бы впоследствии от нее отказаться, как он уже отказался от своей этимологии для **xolkъ* и **xolstъ*, предложенной им IF V 64. По соображениям формального (xolpkъ*!) и семасиологического (**xolpъ* : *halbs!*) характера теперешнее мнение Педерсена о происхождении этих славянских слов было бы слишком сомнительно даже в том случае, если бы *x* из *kh* было доказано. Ср. о них словарь Бернекера, относящегося к толкованию Педерсена отрицательно. Кроме того, *h-* в гот. *halbs*, может быть, восходит к иде. *ḱ*, ср. с гот. *halba* «половина, сторона», лит. *šalìs* «сторона».

(«Vielleicht») р. *хвой* : лит. *skùjos* («denn eine alternation *ks* : *sk* ist nicht wahrscheinlich», KZ XXXVIII 394). Но относительно чередования *ks* : *sk* ср. выше стр. 43 сл., где дается несколько примеров для него.

Р. *хрящ* : лит. *kremslẽ*. Как это литовское слово произведено от *kremtù* «грызу», так *хрящ* стоит в связи с *хрястеть, хрястать, хряст,* и встречающееся рядом с *хряст* слово *хряск* показывает, что *ст* в этих словах восходит не к *-tt-*, но к *-st-*. И рядом с праслав. **xrę̀stati* и **xrǫ̀stati* мы находим сербохорв. *hr̂stati* с *hr̂-* из праслав. *xrь-* или *xrъ-*, так что в **xrę̀stati* и **xrǫ̀stati*, вероятно, заключается носовой инфикс, каковым служило *n*, а не *m*, между тем как в балтийском слове мы тут находим *m*. Можно, значит, согласиться с Бернекером, оспаривающим правильность этого сопоставления. Кроме того, ввиду родственных с этими славянскими словами малор. *хрящ* и словинск. *hrèšč* «дресва» я считаю возможным сближать лит. *kremtù* с (лит. *krãmas* «парша» в Хвейданах и) ла. *krams*, которое, очевидно, родственно с тожественным по значению р. *кремень*. //

125 Цркcл. *плѣшь*, чешск. *plchý* и др. : лит. *plìkas*, ла. *pliks* «голый», лит. *plìkė* «плешь» (Meillet Études 174, Les dialectes 81). Считать балтийское слово заимствованным, к чему склоняется еще Uhlenbeck PBrB XXX 289 сл. и IF XVII 176, кажется, невозможно, как по причине, указанной Лескином Nom. 182, так и ввиду вокализма лит. *pleīkė* в Тверече и ла. *pleiķis* «плешь»[189]. Но так как рядом имеются родственные формы лит. *pleīnė* «eine baumlose, unbedeckte Ebene», *plýnas*

[189] Ср. также лит. *atsiplaikstýti* «sich die oberen Kleider lüften, abwerfen».

«frei, baumlos» (и *pleišė* «темя», собственно, «плешь»?) и норв. *flein* «entblösst» (ср. Fick Wrtb. III[4] 252), то корнем можно считать одно *plei-* (ср. Persson BB XIX 261), а если это так, то не исключена возможность, что слав. *plěx-* : *plьx-* получились из *plois-* : *plis-*. Далее, представляется возможным возводить тут *x* к *ks*: ср. лит. *plikšas* (где *š* может в положении после *k* восходить к *s*[190]) «Kahler» у Лескина Nom. 598; с *plik-* : *pliks-* ср., наприм., ла. *depe* «Kröte, Tölpel» : *depsis* «ein kleiner, fetter Knabe» или лит. *raupaĩ* : *raupsaĩ* «проказа» и Leskien l. c. 597. Ср. еще и ла. *plaiskums* «ein leerer Platz» и *plisku pliskām* «kapp und kahl» (с *-sk-* из *-ks-*? см. выше стр. 57).

Бернекер, наконец, в своем словаре склонен возводить *x-* в праслав. **xoldъ* к иде. *kh-*, но родственные языки ничего тому подобного не знают. Считать это слово заимствованным из гот. *kalds* мешает его *x-*; но, может быть, оно восходит к прагерманскому слову **halđá-s*, соответствовавшему лит. *šáltas*, ср. нидерл. *hal* «gefrorener Boden».

Итак, приведенные примеры, на мой взгляд, еще не доказывают праслав. *x* из иде. *kh*: скорее всего можно было бы ссылаться на **soxa*, **plěšь* и **xvojь*, но и в них *x* двусмысленно. С другой стороны, правда, я не знаю также ни одного хоть сколько-нибудь убедительного примера для слав. *k* из иде. *kh*[191]; но решающего значения это обстоятельство не имеет: ведь и для слав. *p* и *t* из иде. *ph* и *th* Uhlenbeck IF XVII 94 не мог привести больше, чем по 3 примера. Да и если бы нашелся пример для слав. // *k* =скр. *kh*, авест., арм. *x*, 126
гр. χ, «so würde das», заявляет Педерсен KZ XXXVIII 391, «bei dem grossen schwanken zwischen tenues und tenues aspiratae im Idg. gar nichts bedeuten». — На этом я мог бы покончить с вопросом о слав. *x* из иде. *kh*, если бы некоторые другие данные меня не побуждали все-таки считать эту гипотезу Педерсена возможной и, пожалуй, даже вероятной (несмотря на мое первоначальное недоверие к ней, которое явно сказывается в предыдущем). Если отрицать слав. *x* из иде. *kh*, то остается слишком много славянских слов с загадочным *x*. В словах вроде **xoditi* и, пожалуй, вроде **xromъ* (см. выше стр. 72) происхождение *x* из иде. *s* понятно. Но если Бернекер склонен возводить *x-* к *s-* также в **xormъ*, **xorna*, **xovati*, **xvějati*, то как же он объясняет их *x-* вместо

---

[190] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[191] [Autora eksemplārā: *по-лжчити* // λέλογχα //]

единственно возможного в таком положении *s*-? Затем, некоторые балтийские слова с *k* и некоторые германские слова с *h* очень похожи на славянские формы с *x*, причем мысль о заимствовании, кажется, исключена. Такими я считаю следующие слова:

Р. *хохол*, gen. s. *хохла*, п. диал. *chochół* «Ende der Garbe; Strauss» : лa. *cękul(i)s*[192] «Zopf (des Vogels); Quaste, Strauss»; иначе смотрят на лa. *cękul(i)s* J. Schmidt Neutra 178, Zubatý AfslPh. XVI 386, Berneker под *čečeriti*.

Р. *хомяк* : лa. *kāmis*. Бернекер склонен считать лa. слово заимствованным из русского языка, но р. *о* никогда не дает лa. *ā*, ср. Жив. Стар. IX 293 слл.[193] Но слово это мне известно только из словаря Ульмана, так что я наверное не знаю, действительно ли существует такое латышское слово (и с долгим *a*).

Праслав. **xorbrъ* : лa. *skarbs* «острый, строгий, суровый, задорный», древнеисл. *skarpr* «острый». По мнению Meillet Études 403, **xorbrъ*, может быть, родственно с скр. *khara-s* «твердый, острый» и гр. κάρχαρος «острый». Относительно значения ср. лат. *acer* «острый, энергичный, решительный, пылкий». Форма **xorbrъ*, может быть, возникла из **xorbъ* под влиянием форм вроде **dobrъ*, **bystrъ*, **ostrъ* и др.

Р. *хворост*, болг. *храст* «кустарник», серб. *хра̑ст* «дуб», каш. *xařt* «Strandhafer» и др. : древнеангл. *hyrst* «лес»,
127 средненижнен. // *horst* (или *hurst*) или *harst* «кустарник»[194], от иде. **kh(u̯)orst-* : **kh(u̯)rst-*. Довольствоваться предположением, что эти славянские слова — звукоподражательные формы, как это делает Бернекер, едва ли правильно.

Нижнелуж. *chwjaś se* «sich bewegen (von den Ästen der Bäume)», старор. *хвѣяться*, чешск. *chvěti* и др. Бернекер сближает с средненижнен. *swāien* «sich schwingend bewegen» и др., не объясняя, однако, слав. *x*- (вместо *s*-). Если признать *x*- из *kh*-, то можно это славянское слово скорее сопоставлять с р. *хвой* и др. (ср. значение малор. *хвоїти*), причем его *ě*, ввиду лит. *skujà*, скорее восходит к иде. *ē* (а не *oi̯*). Под влиянием **khvějati* и **khvorstъ*, может быть, первоначальное **gvostъ* (: **gvozdъ*[195] «лес», средневерхнен.

---

[192] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[193] [Jābūt: Жив. Стар. III 293 слл. — šai izdevumā I 90 skk. — Red.]

[194] Родственными считает эти славянские и германские слова также Младенов Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици 122.

[195] Относительно *st*- : *zd*- ср. лa. *slasts* : *slazds* «ловушка» и др.

quast «Laubbüschel, Badwedel» и др.) было изменено в **khvostъ*.

Отношение праслав. **xrьbьtъ* : **grьbьtъ* лучше всего объяснялось бы предположением чередования *kh-* : *gh-*.

Р. *хробость* и др. (у Бернекера под *chrobakъ*) : ла. *krabinât* «krabbeln», *krabas* «eine Art magerer Butten», лит. *krebždėti* «leise rascheln».

Признавая *x* из *kh*, можно было бы действительно сближать праслав. **xormъ* с скр. *harmya-m* «festes Gebäude, Wohnhaus» (если тут *har-* из иде. *gher-*), предполагая чередование *kh-* : *gh-*.

Праслав. **xъrtъ* может относиться к древневерхнен. *rudo* «Rüde» и др., как, наприм., древневерхнен. *hurst* к норв. *rust* у Фика Wrtb. III[4] 78 или древнесакс. *hors* к *hros* у Фика l. c. 79.

После всего этого, пожалуй, естественнее считать **soxa* тожественным с лит. *šakà*. А если это так, то в отношении славянского *x* к балтийскому *k*, вероятно, сказывается старое различие между славянскими и балтийскими языками.

Что же до прочих праславянских фонетических явлений (вызванных главным образом стремлением к открытому слогу), которыми славянские языки отличаются от балтийских, то можно было бы полагать, что они моложе окончательного распадения пред-//полагаемого славяно-балтийского единства; 128
а поэтому они в данном вопросе никакой роли не играют. Если же мы, с другой стороны, находим в общем довольно мало общих для славянских и балтийских языков фонетических изменений, то это может быть объяснено тем, что те говоры, к которым восходят славянские и балтийские языки, были очень консервативны в фонетическом отношении. Ведь изо всех современных индоевропейских языков литовский язык в общем лучше всех сохранил предполагаемые звуки индоевропейского праязыка (а вымерший ныне прусский язык представлял в этом отношении отчасти еще более древние черты).

В. ИЗ ОБЛАСТИ МОРФОЛОГИИ

Что касается именных суффиксов, то Meillet Études 201 пришел к заключению, что в словообразовании славянские языки весьма заметно отличаются от балтийских языков. С этим нельзя не согласиться, не преувеличивая,

однако, значения этого факта для интересующего нас вопроса. Суффиксы ведь часто перестают быть производительными и в таком случае сменяются другими. Благодаря этому даже столь тесно родственные друг с другом литовский и латышский языки по отношению к суффиксам нередко расходятся между собою: есть литовские суффиксы, которые или совершенно отсутствуют в латышском языке, или же сохранились лишь в обломках, и наоборот. Неудивительно поэтому большое различие в этом отношении между славянскими и балтийскими языками, столь давно уже отделенными друг от друга. Какими именно суффиксами они различаются между собою, это нам показывают известные труды Бругмана, Лескина, Мелье и Вондрака, и поэтому я их тут перечислять не стану, но приведу только те суффиксы, которые представляют собою общее и исключительное достояние славянских и балтийских языков. Таковы следующие суффиксы.

Уменьшительный суффикс *-itio-*, наприм. в цркcл. *отрочишть* «puerulus», чешск. *božic* «filius dei» и др., у Вондрака Vergl. slav. Gramm. I 452 сл. (ср. Mikkola RSl. I 18 и Zubatý // LF XXIX 227[2]), и лит. *sūnýtis* «сыночек», *Kumutýtis* «сын Kumutis'a», ла. *cālītis* «цыпленочек» и др., у Лескина Nom. 572.

129

Суффикс *-tāio-* для nomina agentis, наприм. в цркcл. *ратаи,* пр. *artoys,* лит. *artójis,* у Лескина l. c. 328 слл., ср. Meillet Études 390 сл. и Hujer Slov. dekl. jm. 61. В латышском языке старое **artāj(a)s* теперь утрачено, но что оно когда-то существовало в латышском языке, это сказывается еще в том обстоятельстве, что форма *arājs* (с *ā*!) «пахарь» (от *art* «пахать») свойственна всем говорам, значит, и тем говорам, в которых от прочих непроизводных глаголов nomina agentis обыкновенно оканчиваются на *-ējs.*

Славянский суффикс *-ьniko-* очень похож на лит. *-inyka-,* пр. *-enīka-* (где *e*, если только оно не обозначает открытого *i,* подобно литовскому *e* в *-enīka-*, у Лескина l. c. 521, может быть обусловлено влиянием родственных образований, ср. цркcл. *ученикъ,* старолит. *-eninka-* Lit. Mitt. V 47 и ла. *-enieka-* при *-inieka-*), так и на лит. *-iniñka-*. Но слав. *i* в *-ьniko-* двусмысленно, и лит. *-inyka-* и пр. *-enīka-* могут быть заимствованы. Ср. Brugmann Grdr. II[2] 1, 486 сл., Leskien l. c. 520 слл., Meillet Études 337 сл., Vondrák l. c. I 460 сл.

Слав. *-ьba-* : лит.-ла. *-ibā-,* ср. v. d. Osten-Sacken IF XXVI 307 слл.

Слав. *-ĕje-* для мужского и *-ĕja-* для женского рода =

балт. *-ēja-* для мужск. и *-ējā-* для женск. рода (nomina agentis), ср. Leskien l. c. 328 слл. и Vondrák l. c. 406 сл. (мнение Вондрака, будто бы лит. *-ēja-* заимствовано ввиду восходящей интонации *ė*, совершенно неосновательно, так как восходящую интонацию имеют литовские долгие гласные иногда также в незаимствованных образованиях, как наприм. в глаголах типа *lẽkti* и др.).

Слав. *-avo-, -ivo-* = лит. *-ova-, -yva-,* ср. Leskien l. c. 351 слл., Meillet l. c. 365 слл., Brugmann Grdr. II² 1, 204, Vondrák l. c. I 409 слл.

Слав. *-ęt-* = пр. *-ent-,* ср. Leskien l. c. 383 сл., Meillet l. c. 429 сл., Brugmann Grdr. II² 1, 421, Vondrák l. c. I 493 сл., Solm-//sen DLZ 1906 г., стр. 1692 сл., Hujer Slov. dekl. jm. 52. 130

Црксл. *тѫду, кѫду, ѭду* и др. : пр. *stwendau* «von dannen», *is-quendau* «откуда», ср. Trautmann Apr. Spr. 250 (Вондрак l. c. II 397 указывает, что, вероятно, и в праславянском встречались формы с *-end-* рядом с *-ond-*). Пр. *stwendau,* конечно, получило свое *-w-* под влиянием формы *-quendau,* возникшей вместо **kendau* под влиянием форм вроде *quai* «quae» (nom. s.) и «qui» (nom. pl.). Последние же (рядом с *kas* «кто», *ka* «что» и др.) объясняются, вероятно, следующим образом: как по образцу nom. s. *gallū* < **galwū* (*-wū* из *-wā*) «голова» : dat. s. **galwai,* acc. s. **galwan* возникли формы вроде dat. s. *alkīnisquai* «Kummer» (к nom. s. **alkīniskū,* с *-kū* из *-kā*) вместо **alkīniskai* или acc. s. *mergwan* «девушку» рядом с *mērgan* (к nom. s. *mergu,* с *-gu* из *-gā*), ср. Trautmann l. c. 224 слл., так и к nom. s. fem. g. **kū* из **kā* (при **kai*, ср. лат. nom. s. fem. g. *qua* рядом с *quae,* и арийск. *kā*)[196] могли возникнуть формы вроде dat. s. **kwai,* acc. s. **kwan* и, наконец, вышеупомянутое *quai.* Менее вероятным мне кажется непосредственное смешение nom. s. fem. g. **kū* и **kai* в *quai.*

Слав. *-mo-,* балт. *-ma-* в part. praes. pass., ср. Brugmann Grdr. II² 1, 232.

Инфинитив вроде црксл. *дати,* р. *дать,* п. *dać* и т. д., лит. *dúoti(e),* ла. *duôt* или (в Зербигале, Сепкуле и др.) *duôti,* пр. *dāt,* при супине на **-tum,* ср. Vondrák l. c. II 172 слл., Trautmann Apr. Spr. 292 сл.

Общими глагольными образованиями являются основа настоящего времени **dōd-* во II л. pl. црксл. *дасте,* лит. *dúoste* и др., основы наст. времени (известные отчасти и в других

---

[196] Откуда Бругман Grdr. II² 2, 349 взял лит. nom. s. fem. g. *kà*?

индоевропейских языках) на *-āi̯o-* (при инфинитиве на *-ati* в праславянском и *-oti* в литовском), *-ēi̯o-* (при инфинитиве на *-ěti* в праславянском и *-ėti* в литовском[197]), *-uje-* в славянском и *-auja-* в литовском. Ср. также основы наст. времени на
131 (слав.) *-i*, балт. // *-i*, чередующееся с *-i̯o-* (в I л. ед. ч.), при инфинитиве на *-ěti-* в праславянском и *-ėti-* в литовском, и iterativa и causativa на праслав. *-iti*, лит. *-yti*, при основе наст. времени на *-i* : *-i̯o* в праславянском и *-i̯a* рядом с *-ā* в прабалтийском, ср. Vondrák l. c. I 509 слл. и Brugmann KVG 525 слл.

В области сложных образований, как уже давно отмечено, общим достоянием славянских и балтийских языков являются определенные прилагательные, получающиеся путем прибавления к прилагательному падежных форм местоименной основы *-i̯o-*. Meillet, однако, оспаривает значение этого факта указанием, что этот тип прилагательных «diffère notablement en baltique et en slave» (Études 202; ср. также его Les dialectes 43 сл.) и что подобным образом употребляется местоименная основа *i̯o-* также в Авесте, приводя в качестве примера авест. *tāiš šyaoθanāiš yāiš vahištāiš* «his operibus optimis». А чем именно отличаются эти славянские прилагательные от балтийских, Meillet не указывает; если он при этом имел в виду славянские формы вроде цркcл. instr. s. *босыимь*, dat. pl. *босыимъ* и др., где только местоименная основа снабжена падежным окончанием, то это возражение серьезного значения тут не имеет, так как только что приведенные формы должны считаться славянскими новообразованиями. Более внимания заслуживает указание на сходное употребление авест. *-ya*. Как в Авесте *ya-* стоит перед своим сказуемым, так и в старолитовских текстах мы находим *ja-* изредка перед прилагательным (или причастием).

К примерам, приведенным в Лат. предл. II 19[198], прибавлю еще gen. s. *paioprasta* «привычного» LChr. 54, 26, loc. s. fem. g. *praiąszókusioi* «в прошлой» у Даукши Post. 32, 4, gen. pl. *praiųszôkusių* l. c. 242, 30, nom. s. *praiispuotęs* «пропавший» l. c. 226, 10, nom. pl. m. g. *priiieliesti* «притесненные» l. c. 364, 22. Как показывают эти примеры, основа *ja-* тут вставлена между префиксом и причастием. Но язык Авесты отличается от славяно-балтийских языков в употреб-

---

[197] [Autora eksemplārā lappuses apakšā: *gerėti* Jušk. 703 (ibid. *stiprėti*, *gudrėti* «умнѣть» u. a.) //]

[198] [Šai izdevumā I 540 sk. — Red.]

лении этой местоименной основы тем, что в Авесте *ya-* так употребляется также перед существительными, как наприм. в acc. s. *daēūm yim apaošəm* «den // Daēva Apaoša», и перед 132
gen. possessoris, как наприм. *daēnąm ... yąm hudānaoš* «die d. des Einsichtigen», ср. Reichelt Awest. Elementarb. § 749 слл. Итак, если только вообще можно признать связь в этом употреблении местоименной основы *i̯o-* между языком Авесты и славяно-балтийскими языками[199], исключительною приметою последних является такое употребление основы *i̯o-* только для образования определенных прилагательных. Связь же в этом употреблении основы *i̯o-* между славянскими и балтийскими языками едва ли подлежит сомнению, так что оно говорит в пользу особой славяно-балтийской эпохи.

Из именной флексии[200]. а) Из склонения основ на *-(i̯)o-*. Общим новшеством славянских и балтийских языков является окончание (праслав.) *-a*, прабалт. *-ā* для gen. (abl.) s. По господствующему (по крайней мере, вне пределов России) мнению, впервые, кажется, высказанному Гатталою (O ablativě ve slovančině a litvančině, в Časopis Musea česk. за 1857 и 1858 гг.), это, собственно, — окончание древнего аблатива (= арийск. *-āt*). Это толкование, однако, сопряжено с фонетическим затруднением, заключающимся в том, что латинскому *-ō(d)* и греческому *-ω* (в наречиях и дельф. *Foίκω* «domo», ср. Solmsen Rhein. Mus. LI 303 сл.) соответствует в литовском *-o* (а не *-uo*) и в латышском *-a* (а не *-u*); славянское же *-a* само по себе могло бы соответствовать гр. и лат. *-ō(d)*, но скорее оно тожественно с **-ā* близко родственных балтийских языков. Ввиду этого затруднения Погодин (Варш. Унив. Изв. 1903 г. IV 4, 6 сл.), совершенно справедливо считая невозможным возводить лит.-ла. **-ā* к иде. *-ōt* (как это делают, наприм., Wiedemann KZ XXXII 116 слл. и Handbuch 64, Brugmann KVG § 463 и Grdr. I² 152, Meillet Introduction² 289 и также Vondrák l. c. II 3), предпола-//гает для иде. gen. s. окончание *-ā*[201] (рядом с *-os(i̯)o-*). 133

---

[199] Что это частичное совпадение этих языков может быть и случайно, показывает нам древнеперс. *tya-* «qui», употребляющееся подобно авест. *ya-*; примеры дает Bartholomae Altiran. Wrtb. 659.

[200] Книгу Гуера Slovanská deklinace jmenná я получил, уже написав этот отдел. Ознакомившись с нею, я счел возможным (ввиду значительного разногласия в наших взглядах) оставить текст без переработки и только в выносках ссылаться на нее.

[201] Погодин находит это окончание также в германских формах gen. s. вроде гот. *meina* «меня». Это сопоставление само по себе очень соблаз-

Но на предложение такого нового окончания и на отделение слав. *-a* и лит. *-o* от арийск. *-āt* я решился бы лишь в том случае, если бы их сопоставлению мешали непреодолимые фонетические затруднения, но так безнадежно, кажется, дело не обстоит. Нельзя, правда, с этим справиться так легко, как это кажется Бернекеру AfslPh. XXV 478, заявляющему, что в балтийском старое *ō* в этом окончании «scheint ... durch *ā* analogisch verdrängt zu sein» во время замены, например, старого **žōlē* новообразованием **žālē* «трава», и полагающему, что этим все объяснено. Возникновение **žālē* (вместо **žōlē*) рядом с **žaljas* «зеленый» и **žēlē* «зеленел» могло быть вызвано чередованием старого (иде.) *a* с *ā* и чередованием *e* с *a* (из иде. *o*). Но чем же вызвана замена *ō* через *ā* в этом окончании? ведь тут с этим *ō* никакой другой гласный не чередовался! А всякое старое *ō*, не имевшее рядом с собою *a* в родственных образованиях, в литовско-латышском дает *uo*, ср. по этому поводу Pedersen KZ XXXVI 101 слл. и XXXVIII 404. Итак, замена *ō* через *ā* «по аналогии» тут немыслима, и лит. *-o* и ла. *-a* в этом окончании могут восходить только к старому *-ā(t)*. Предположение же[202], будто бы прабалтийское *ā* (вместо *ō*) тут обусловлено влиянием следовавшего за ним зубного гласного, не может быть фонетически обосновано и, сверх того, не согласуется с литовским *mėnuo* «луна» (ср. Zubatý LF XIII 368 и Brugmann Grdr. II² 2, 148). Поэтому некоторые языковеды правильно возводят лит.-ла. **-ā* к иде. *-āt* (*-ād*); так, наприм., Mahlow AEO 130 слл. (*-āt*),
134 Kretschmer KZ XXXI 457 сл., Hirt IF I 24 // (*-ād*), Pedersen KZ XXXVIII 404 (*-ād*), Streitberg Urgerm. Gr. 229 сл. (*-ād*), Bezzenberger BB XXIV 320 сл. (*-ād*), J. Schmidt (ср.[203] KZ XXXII 117), причем Mahlow, Hirt и Streitberg находят это же окончание также в латинских наречиях вроде *extra(d)*, *supra(d)* и др. Латинские же аблативы на *-ō(d)* Mahlow и Pedersen считают новообразованиями. С этим можно было бы согласиться, если бы это *-ō(d)* не встречалось также в окаме-

---

нительно, но в таком случае мы ожидали бы *-ō* вместо *-a* в окончании готских форм, по крайней мере с точки зрения преобладающей теперь теории о сохранении в готском языке циркумфлектированных конечных долгот; ср. Brugmann Grdr. II 826 и II² 2, 416.

[202] К нему прибегает, наприм., и Hujer Slov. dekl. jm. 116, считая возможным выводить из иде. *-ōd* также *-o* в лит. *testo* «esto» (ср., однако, Bezzenberger BB XXI 302).

[203] Festgruss an O. v. Böhtlingk, в котором помещена статья И. Шмидта, не имеется в моем распоряжении.

нелых формах вроде *porro*[204] (пренест. *porod*) и также вне италийских языков — в греческом. Значит, если вообще это *-ō(d)* — новообразование, то оно восходит все-таки (как диалектическое явление) к эпохе иде. праязыка, как склонен думать Streitberg l. c. Возможность такого новообразования (под влиянием других падежных форм с *ō*, противополагавшимся долгому *a* в парадигме женских основ на *-ā*) на праиндоевропейской почве я допускаю, но нахожу также возможным считать *ā* и *ō* в этом окончании одинаково древними. Если действительно, как полагают, наприм., Kretschmer l. c. и Kappus Der idg. Ablativ 14, долгий гласный этого окончания получился путем слияния конечного гласного основы с начальным гласным приставленного к ней словечка (Kappus находит его в црксл. *отъ*[205], рядом с которым имелось *от-*), то качество этого гласного могло быть не во всех индоевропейских говорах одинаково, вследствие ли различия в качестве (о слав. *ot(ъ)* и балт. *at(a)-* ср. мои Лат. предл. I 56 сл.[206]) или количестве начального гласного приставленного слова или же вследствие диалектического различия в фонетических законах слияния (ср., наприм., атт. *-ῶν* : дор. *-ᾶν* в gen. pl. из *-άων* или атт. *ὄρα* : дор. *ὄρη* из *ὄραε*). Но для того, чтобы можно // было остановиться на этом толковании, необходимо 135
рассмотреть отношение латинских образований на *-ā(d)* и *-ē(d)* к праиндоевропейскому *-ōt* и *-āt*. Считать лат. *-ā(d)* в наречиях вроде *supra(d)* тожественным с прабалт. **-ā(t)* и приписывать, таким образом, одному и тому же языку два окончания для abl. s. основ на *-o* я решился бы лишь в том случае, если бы я не видел никакой другой возможности объяснять эти латинские наречия на *-ā(d)*. А между тем ничто нам не мешает считать их за instr. или abl. s. основ на *-ā* (ср. Brugmann KVG § 576 и Kappus l. c. 12 сл.) и предполагать эллипсис за ними существительного женского рода, как это не подлежит сомнению в *dext(e)ra (manu)*, *recta (via)* и др.; ср. гр. μακράν, τὴν ταχίστην, ταύτῃ, ἰδίᾳ и др.,

---

[204] Можно, пожалуй, считать с Педерсеном IF XXVI 293 также *prod-* за аблатив; в пользу этого говорит лит. *prō* (с *ō*!), но ср. мои Лат. предл. I 140 [šai izdevumā I 441 sk. — Red.] и относительно *prod-* Brugmann KVG § 610.

[205] Если это так, то следовало бы писать *-āt (-ōt)*, а не *-ād (-ōd)* по отношению к иде. праязыку. Но во всяком случае нет никакого основания считать с Бругманом Grdr. II² 2, 164 *-d* за «näher liegend», как доказал уже Кудрявский в ЖМНПр., 1896 г., апр.; ср. также Kappus l. c. 2 слл.

[206] [Šai izdevumā I 362 sk. — Red.]

ла. *klusām* «тихо», *lę̀nām* «медленно» и др. (у Мюленбаха Изв. IX 3, 243 сл.), цркcл. *ѥдьноѭ* «semel» и др. Что же до лат. *circa* (от *circus*), на которое ссылается Малов в подтверждение своей мысли, то оно другими (ср. словарь Walde под *circum*) уже удовлетворительно объяснено как новообразование, возникшее вместо *circum* и *(id)circo* под влиянием форм вроде *recta, supra* и др. И если Гирт l. c. доказывает иде. *-trād* сопоставлением лат. *-tra(d)* (в *extra, contra* и др.) с гот. *-þrō* (в *jainþrō* «оттуда» и др.), то он прежде должен был бы доказать, что это гот. *-þrō* не может восходить к иде. *-trōd*. Более серьезным препятствием для моего взгляда на отношение прабалт. **-ā(t)* к итал. *-ōd* были бы предполагаемые Бругманом формы abl. s. на *-ēd*. Если бы действительно когда-либо существовали такие формы, то можно было бы отстоять мою гипотезу разве только предположением, что в части праиндоевропейских говоров рядом с *-ōt* возникло *-ēt* благодаря чередованию *-ō* с *-ē* в instr. s. этих же основ. Педерсен, правда, усматривает KZ XXXVIII 404 в отношении прабалт. **-ā(t)* к лат. *-ēd* один из случаев чередования *ā* с *ē*, подтвержденного им и другими примерами. Но в склонении основ на *-o* мы в instr. s. находим чередование *-ē* с *-ō* (а не с *-ā*), и, кроме того, по вышеупомянутым причинам едва ли правильно считать с Педерсеном лат. *-ōd* за новообразование.
136 Есть ли, // однако, вообще формы abl. s. основ на *-o*, оканчивающиеся на *-ēt*? я, по крайней мере, не уверен в их существовании. Скр. *pašcā́t* (при авест. *paskāṭ*!) «сзади» может иметь свое *-c-* вместо *-k-* под влиянием instr. s. *pašcā́* (авест. *pasča*) «post». Считать же лит. *ẽ* «и» (ср. Лат. предл. I 213[207]) и слав. *i* «et» за abl. s. нет ни малейшего основания, и чтобы это слав. *i* восходило к **ě*, это по крайней мере сомнительно[208]. Остаются, значит, только италийские наречия на *-d*

---

[207] [Šai izdevumā I 511. — Red.]

[208] Я сам, хотя бы по мотивам авторского самолюбия, все еще уверен в правильности своего сопоставления (Лат. предл. I 40[2] [šai izdevumā I 347[80]. — Red.]) слав. *i* с однозначащим балтийским *ir*, хотя Бернекер в своем словаре даже не упоминает о нем, предпочитая сопоставление слав. *i* с гр. εἰ «если» и гот. *ei* «что, чтобы, ли». Но что в семасиологическом отношении несравненно естественнее считать слав. *i* тожественным с балт. *ir*, об этом не может быть двух мнений. И нет также никаких фонетических препятствий для моей этимологии. Если Зубатый, оспаривая ее IFA XXII 58, говорит, что в славянском ожидалось бы в таком случае *ь-* или *jь-* (а всякое начальное *ь-* ведь принимает *j-*!), имея при этом в виду, вероятно, данные западнославянских языков, то при этом он упускает из виду старочешск. и староп. acc. s. *ji* «его» (с *j-* вместо **i* под влиянием прочих падежей) из праслав. **jь* (из иде.

вроде старолат. *facilumed,* фал. *rected,* оск. *amprufid* «improbe» и др. Но их значение нас отнюдь не заставляет считать их непременно за старые аблативы, и ничто нам не мешает видеть в них старые формы instr. s. основ на *-o* (ср. Meillet Introduction² 289), получившие свое конечное *-d* благодаря праиталийскому колебанию между *-ō* (в instr. s.) и *-ōd* (в abl. s.), а потом и между instr. s. на *-ā, -ē, -ī, -ū* и abl. s. на *-ād, -ēd, -īd, -ūd* (ср. Brugmann Grdr. II² 2, 166 и 189); это колебание должно было быть особенно сильно после того, как формы abl. и instr. s. стали употребляться promiscue. Этим же колебанием (вызванным отчасти и чисто фонетическими причинами, о которых ср. Brugmann IF XXIII 310) в abl. s. между *med, ted, sed* и *me, te, se,* вероятно, и обусловлено возникновение латинских форм acc. s. *me(d), te(d), se(d);* это, по крайней мере на мой взгляд, // проще, нежели другие 137
объяснения этих форм. Итак, несомненных следов иде. abl. s. на *-ēt* мы нигде не находим, а поэтому и не обязаны признавать его. — Возвращаясь после этого глоттогонического экскурса к славяно-балтийскому gen., abl. s. на **-ā(t),* мы должны рассмотреть отношение к нему прусского gen. s. на *-as* от основ на *-o.* Если бы действительно, как полагают Meillet Les dialectes 45 (если я его правильно понимаю) и Trautmann Apr. Spr. 216, эти прусские формы на *-as* (наприм., *deiwas* «бога») восходили к иде. формам gen. s. на *-os(i̯)o,* то отсюда следовало бы, что нет никакой связи между славянскими и балтийскими языками в употреблении старого аблатива взамен старого родительного падежа. Но правильнее, кажется, смотрели на эти прусские формы Лескин Decl. 31 слл. и Бернекер Pr. Spr. 186, считая их новообразованиями под влиянием род. п. основ на *-ā*; возможность такого новообразования они так отлично обосновали, что я тут могу ограничиться ссылкою на них и указанием на аналогичные с этим новообразования gen. s. вроде пр. *amsis* «народа», *noseilis* «духа», *tawischis* «ближнего», *wismosingis* «всемогущего»[209]. Возводить же пр. *-as* к иде. *-osi̯o* (против *-oso* говорят данные прусской местоименной флексии) невозможно без серьезных фонетических затруднений. Прежде всего подлежит

-i̯om или же, ср. лит. *jį* «его», из иде. **im*). Эта форма, значит, показывает, что также балтийскому *ir* может соответствовать только слав. *i* (также в западнославянских языках). И сопоставлять слав. *i* с балт. *ir* естественнее, наконец, и по той причине, что славянские языки ближе родственны с балтийскими, чем с греческими или германскими языками.

[209] Траутман l. c. 236 совершенно справедливо отвергает гипотезу Бернекера l. c. 187, по которой *i* в этом окончании обозначает неударяе-

сомнению возможность бесследного отпадения конечного гласного: как в III л. наст. врем. основ на *-o* встречается еще *-a*, так ожидалось бы также **-asi̯a* > **-asi̯e* или **-aše* (ср. выше стр. 65 слл.) из *-osi̯o-* в gen. s. (по крайней мере, рядом с *-as*). Но можно бы, пожалуй, объяснять бесследное отпадение *-a* в данном случае стремлением иметь в gen. s. столько же слогов, как и в прочих косвенных падежах единств. числа. Но при отпадении конечного гласного в **-asi̯a* > **-asi̯e*, кажется, ожидалось бы в результате скорее
138 **-asi*, судя по формам III л. наст. врем. вроде *// wūkawi* «требует» (при *rickawie* «управляет»), *giēidi* «ждут» (при *gēide*) и др. Наконец, при **-esi̯a* в местоименной флексии мы имели бы, пожалуй, *e* (а не *a*) перед *s* также в именной флексии. Все это нам показывает, что менее рискуем ошибиться, считая с Лескином и Бернекером прусские формы вроде *deiwas* «бога» за новообразования. Разногласие же в gen. s. местоименной флексии (праслав. **togo* : лит. *tõ* : пр. *stesse*), на которое ссылается Мелье l. c., показывает только, что в славяно-балтийскую эпоху старое окончание род. падежа основ на *-o* было вытеснено окончанием аблатива пока лишь в именной флексии. Нет, значит, по крайней мере, никаких препятствий относить это явление к славяно-балтийской эпохе.

Перенос местоименного окончания nom. pl. masc. g. основ на *-o* в именную флексию мы находим не только в славянских и балтийских, но также в греческом, латинском и кельтских языках, так что совпадение прабалтийского **vilkai* с праслав. **vьlci* большого значения не имеет. Мало того, некоторые ученые (J. Schmidt KZ XXVI 363 слл., Neutra 227 слл., Mahlow AEO 81, Wiedemann Handb. 64, Hirt IF X 49, Gauthiot IF XXVI 356 слл., Bezzenberger ΓΕΡΑΣ 156, Solmsen Wochenschr. f. class. Phil. 1904 г., стр. 941[210], Mühlenbach IF XIII 238, Meillet MSL XV 73, De quelques innovations de la déclin. lat. 15 сл., Trautmann Apr. Spr. 218 сл.) даже отрицают тожество лит. *vilkaĩ* с цркcл. *вльци*, считая лит. *-ai* окончанием среднего рода и отожествляя его с лат. *-ae* в *quae, hae-c*! Что это, однако, неправильно, в этом я совершенно уверен. Такая замена окончания основ мужского рода окончанием основ среднего рода сама по себе не есть нечто естественное или

мое *ei*: gen. s. вроде *noseilis* (раз с знаком долготы: *noseilis*!) возник рядом с acc. s. *noseilin* под влиянием отношения acc. s. *teisin* «честь», *deiwan, gennan* к gen. s. *teisis* (с *-is* из *-ēs*), *deiwas, gennas* и др.

[210] [Autora eksemplārā malā: cf KZ 44, 185 //]

вероятное (в единственном числе мы встречаем как раз обратное явление!). И предполагаемая замена тем более невероятна, что nom. pl. существительных среднего рода на (иде.) *-āi̯* не встречается ни в других индоевропейских, ни в близко родственных славянских языках, ни в прусском[211] (ср. пр. *austo* // «уста», *warto* «ворота» и др. у Траутмана 139
l. c. § 120; и *malnijkiku* с *-ku* из *-kā* «дети», 2× в III катехизисе, между тем как в других падежах это слово — старое уменьшительное — уже является с окончаниями мужского рода[212], что совершенно понятно при почти полной утрате существительных среднего рода в языке III катехизиса, ср., наприм., *stas ... testaments* в III кат. : *sta ... testamentan* в I кат. Ср. Berneker Pr. Spr. 192). Что литовские формы вроде *vilkaĩ* — собственно формы среднего рода, это, по мнению Meillet MSL XV 73, доказывается их наконечным ударением (ср. также Hirt IF X 49 слл.) и обобщением правила τὰ ζῷα τρέχει! Такая аргументация со стороны Meillet меня поражает. Во-первых, как показывает грамматика Куршата, далеко не все лит. nom. pl. на *-ai* имеют ударение на конце (ср., между прочим, получившееся из старой формы среднего рода *vařtai* : р. *воротá*!), а мена ударения в словах вроде *diẽvas* : *dievaĩ* объясняется просто тем, что такие слова когда-то были oxytona (ср. скр. *dēvá-s*), а nom., gen., dat. и acc. s. существительных основ на *-o* теперь в литовском почему-то никогда не может иметь ударения на окончании. Что же до балтийского употребления III л. ед. ч. также в значении III л. множ. ч., то и оно не объясняется предположением Meillet. Оно восходит к эпохе прабалтийской, а между тем прусский язык, как уже указано, различал формы среднего рода на **-ā* от форм муж. рода на *-ai*. И сохранившие средний род близко родственные славянские языки вовсе не знают III л. ед. ч. при подлежащем средн. рода множ. числа, так что эта особенность, может быть, была совершенно чужда и балтийским языкам. Да и вообще было бы странно, если бы вымиравший в балтийских языках средний род все же мог еще оказать такое влияние на судьбу глагольных форм[213].

---

[211] Считать с Траутманом l. c. 218 сл. пр. окончание *-ai* в формах вроде *wijrai* «мужи» решительно нет никакого основания (см. ниже) и никакой возможности, так как действительные формы среднего рода указывают на *-ā*.

[212] Да и само это *malnijkiku* уже имеет при себе определение — прилагательное в мужском роде (на *-ai*).

[213] Ср. Поржезинский К истории форм спряжения 46.

И если даже признать, что *-ai* — окончание среднего рода, все-таки еще оставалось много форм nom. pl. не среднего рода, так что утрата III л. множ. ч. может быть объяснена
140 только особой при-//чиной. И причина эта, на мой взгляд, заключалась в том, что III л. множ. ч., оканчивавшееся, судя по III л. ед. ч. на *-a(t)*, в прабалтийском на *-an(t)*, формально совпадало с nom. pl.[214] masc. g. причастий на *-nt-* (об этой форме причастий ср. J. Schmidt KZ XXVI 362 сл.), а совпадение это было крайне неудобно по той причине, что причастия действительного залога в балтийских языках в косвенной речи употребляются как особый modus relativus в значении личных глагольных форм (литовские примеры у Куршата Gr. § 1578, Барановского Заметки о лит. яз. 70 и Гейтлера Beitr. 32 слл., латышские — в нашей грамматике[215] § 218), ср. Zubatý IFA XVI 54. Нужна была, значит, форма, свойственная исключительно изъявительному наклонению, и так как и раньше III л. ед. ч. иногда (при нескольких подлежащих в ед. числе и если сказуемым был глагол *es-;* а в желательном или условном наклонении искони, кажется, III л. ед. и множ. ч. имело общую форму, о чем ср. Zubatý l. c. 56) употреблялось вместо III л. множ. ч., то двусмысленное III л. множ. ч. было окончательно заменено III лицом ед. ч.; об утрате же III л. двойств. ч. ср. Zubatý l. c. 54. Нет, значит, ровно никаких доводов в пользу гипотезы, будто лит. *-ai* — окончание среднего рода. И не подлежит сомнению, что она была придумана только с целью объяснить отношение этого *-ai* к окончаниям тех же основ *-iē* (в местоименной флексии) и *-i* (при *-ie-ji* в определенной форме) в склонении прилагательных и к гр. *-οι*. Если бы можно было удовлетворительно объяснить взаимное отношение этих окончаний, то, вероятно, никто более не считал бы *-ai* окончанием среднего рода. И я думаю, что такое объяснение возможно. Тех языковедов, которые пришли к заключению, что лит. *-ai* — окончание среднего рода, озадачивало именно это *-ai*, так как, по их мнению, всякое иде. *-oi* или *-ai* в литовско-латышском перешло в **-ie* и так как они полагали, что nom. pl. masc. g.
141 всех основ на *-o* в прабалтийском оканчивался // на *-ai* (из иде. *-oi*). Но в своей статье о происхождении литовско-латыш-

---

[214] Что также в латышском языке были формы, соответствующие литовским nom. pl. на *-ą*, показывает ла. *ęsu* (= лит. *ēsą*) у Мюленбаха в Изв. IX 3, 262 сл.

[215] [Latviešu gramatika. J. Endzelīna un K. Mīlenbacha sarakstīta. Rīgā 1907. — Red.]

ского *ie* (в Изв. XII 1, 40 слл.[216]) я доказываю, что это *ie* получается, по крайней мере в корневых слогах, только из иде. *ei* и разве только в конечных слогах также из прабалтийского *ai*, перешедшего в неударяемом положении в *ei*; и так как до сих пор никто еще не опровергал моих доводов, то я тут имею некоторое право сослаться на эту статью. В объяснении нуждается, значит, не лит. *-aĩ*, но скорее *-ie*. Но и последнее окончание легко объясняется данными прусского языка. Между тем как существительные основы на *-o* в прусском в nom. pl. всегда оканчиваются на *-ai*, те же прилагательные и местоименные основы имеют в этом падеже рядом с *-ai* также *-ei*[217]; примеры даются Траутманом (но с неправильным освещением!) l. c. 242, 259, 261, 264, 265, 266, // 268 142
(форму же *-di*, передающую нем. *man*, которую Траутман считает за nom. pl. masc. g., я принимаю за nom. s. neutr. g.). От местоименной основы *sta-* nom. pl. в III кат., правда, всегда является в виде *stai* (и с ним может быть тожественно *staey* в I и II катех.), но *-ei-* в косвенных падежах (gen. pl. *stēison* и dat. pl. *stēimans*) и *tennei* «они» (только с *-ei*, всего 7×; ср. еще gen. pl. *tenneison* и dat. pl. *tennēimans*) позволяют предполагать также пр. форму nom. pl. **stei*, ср. Brugmann Grdr. II² 2, 367 и Berneker Pr. Spr. 202. Итак, данные прусского языка подтверждают мое мнение, что лит. *tiẽ* и ла. *tiẽ*

---

[216] [Sai izdevumā II 9 skk. — Red.]

[217] Траутман l. c. 245 приводит (от основ на *-įo* и *-i*) также nom. pl. на *-i*, но не подлежит сомнению, что формы *packawingi* «friedsam», *poklusmingi* «gehorsam», *pomettīwingi* «untertan», *poseggīwingi* «gehorsam» и *weijsewingi* «fruchtbar» могут быть наречия (сам Траутман l. c. 244 и 246 указывает, что такие же формы nom. s. средн. рода на *-i* и *-an* также употребляются в качестве наречий; в оборотах *stai gennai boũsei poklūsmingi* (по Траутману nom. s. neutr. g.) «die Weiber seyen unterthan» и *joũs malnijkai seiti poklusmingi* (по Траутману nom. pl. masc. g.) «Ihr Kinder seydt gehorsam» значение *poklusmingi*, очевидно, совершенно одинаково), а *ainawijdi* (*sta ast ainawijdi kaulei* «das ist doch Bein») даже не может иметь значения прилагательного. Остается только *nidruwingi* (*stai nidruwingi* «die Ungleubigen»), где *-i* — вероятно, опечатка вместо *-ei*, ср. три опечатки (с *i* вместо *ei*) у Траутмана l. c. 141. Так же, по моему мнению, ошибается Траутман, приводя l. c. 255 формы nom. pl. причастий прош. вр. действ. залога на *-uns* или *-ons* и отожествляя их с скр. формами на *-vāsas*: по-моему, эти пр. формы представляют собою просто nom. s., употребляемый (в духе немецкого языка) вместо nom. pl.; настоящие формы nom. pl. мы имеем в *immusis* и *aupallusis*; ср. лит. диал. формы вроде *mìrusys*. Вообще, чем чаще приходится пользоваться грамматикой Траутмана, тем более убеждаюсь, что новая прусская грамматика желательна и после появления труда Траутмана. [Sādu gramatiku kopā ar leksiku sarakstījis pats J. Endzelīns: Sen-

восходят к прабалт. **tei*; и также и dat. pl. лит. *tiems*, ла. *tiẽm* относительно вокализма соответствует не цркcл. *тѣмъ*, но пр. *stẽimans*, отличаясь от этой прусской формы только своим акутом. История nom. pl. основ на *-o* мне представляется, значит, следующим образом: (не позже славяно-балтийской эпохи) под влиянием местоименных форм вроде **toi* в говорах, к которым восходят теперешние балтийские и славянские языки, также в именной флексии nom. pl. стал оканчиваться на *-oi* (или *-ai*). А так как в местоименной флексии (рядом с *-oi*) встречалось также *-ei* в nom. pl. (исходным пунктом последнего Бругман l. c. считает местоимение **ei̯*, откуда древнеирл. *é* «они»[218]), то могло случиться, что в литовско-латышском (а отчасти и в прусском) *-ei* было обобщено в местоименной флексии и отсюда впоследствии перенесено и в склонение прилагательных, которые в литовско-латышском вообще усвоили себе местоименные окончания[219]. Что также ла. *-i* в nom. pl. прилагательных сокращено не из *-ai*, но из *-ie*, это нам показывают, помимо определенных форм на *-ie*, формы вроде *plici* (вместо обычного *pliki*) «голые» BW 3351[4] (ср. еще instr. pl. *śeicim* BW 7411, 2 = *sîkiem* «мелкими»), где *-ci* может восходить только к литовско-латышскому **-kie*, а не **-kai* (ср. ла. II л. ед. ч. *saki* «говоришь» = лит. *sakaĩ*, рядом с ла. *tec(i)* «течешь» = лит. *tekì*); обычное же *pliki* (и dat., instr. pl. *plikiem*) получило свое *k* от других падежей с *k*
143 не перед гласными пе-//реднего ряда. Что же до ла. существительных вроде *vilki*, то наверное мы не можем знать, восходит ли их *-i* к *-ai* (их *-ki* может быть однородно с *-ki* в *pliki*!) или же старое **vilkai* было вытеснено новообразованием **vilkie*[220] (ср. dat. pl. *vilkiem* и dat. s. *vilkam* с местоименными окончаниями!). — Остается рассмотреть различие

---

prūšu valoda. Rīgā 1943 (Altpreussische Grammatik. Riga, 1944). — Red.] Если бы сам Траутман мог нам дать второе, переработанное издание своей книги, то было бы желательно, чтобы он без надобности не уклонялся от прусской грамматики Бернекера; так, наприм., Бернекер в изложении пр. вокализма исходит от иде. звуков (еще лучше было бы исходить от прабалтийских звуков), между тем как Траутман отчасти исходит от букв, которыми обозначаются прусские гласные, так что ориентироваться у него в пр. вокализме не совсем легко.

[218] [Autora eksemplārā malā: cf KZ 44, 179 f. //]

[219] Если же ход развития таков, то доводы Meillet RSl. III 163 становятся беспочвенными.

[220] В пользу этого говорят диалектические формы вроде *tẽvi* «отцы» с узким *ẽ*.

в интонации между гр.-*oí*, лa. *-iē* (в *tiē* «те» и *šiē* «эти») и лит. *-ì, -íe-ji,* с одной стороны, и лит. *-iẽ* и *-aĩ,* с другой стороны. Что касается лит. *tiẽ,* то уже Гиртом IF I 31 и Бругманом Grdr. II² 2, 190 высказано предположение, что циркумфлекс этой формы заменил собою первоначальный акут (а это подтверждается лa. *tiē*), и такого же мнения я держусь относительно лит. *-aĩ.* Судьбу акутованных конечных слогов в литовском языке я представляю себе именно следующим образом: в словах неодносложных конечные долгие гласные и *-ie, -uo* под акутом подверглись сокращению, на что впервые обратил внимание Лескин AfslPh. V 188 слл.[221], между тем как прочие // акутованные конечные долготы (*ie, uo* и долгие 144
гласные в односложных словах и дифтонги с *i* или *u* во второй части), не сокращаясь, получили взамен акута циркумфлекс. Что в односложных словах всякого рода долготы сохраняются (ср. Brückner AfslPh. III 265, Hanssen KZ XXVII 613 и 616, Zubatý LF XIII 243, Wiedemann Handb. 43; иначе Bezzenberger BB X 203), показывают нам, например, nom. pl. *tiẽ* (при *gerì, gerìe-ji*; под влиянием форм *tiẽ, šiẽ, jiẽ* также *kokiẽ, kuriẽ* и др.); acc. pl. *tuõs* Jurksch. 45, LChr. 361, 16; 370, 28; 371, 28, *juõs* Jurksch. 76, LChr. 367, 6, fem. g. *tõs* (при *geràs*) Поневежский уезд 140, Явнис Понев. гов. II 6, 10, *tãs* (при *gerás-ias*) Jurksch. l. c. 7, *jẽs* l. c. 131; nom., acc. du. *tuõ-du*

---

[221] Лескин, однако, предполагает сокращение всевозможных долгот (значит, также дифтонгов *ai, ei, au*) и также в односложных словах. Но этому противоречат формы вроде *tiẽ* и acc. pl. *tuõs* [pirmizdevumã *tõs.* — Red.], и нет вовсе примеров (литовских) для сокращения дифтонгов *ai, ei, au.* Иначе смотрит на это явление Фортунатов (Сборн. LXIV 11, 40 и 154; ср. также BB XXII 161 и AfslPh. XXIX 422); по его мнению, акутованные долготы перешли в краткость только в открытом конце слов (также в односложных словах!) и без ударения также в закрытом конце слова (примером служат формы вроде *bẽris* «гнедко»); а под ударением в закрытом конце слов эти долготы обратились «в полудолготу с восходящим качеством ударения, откуда, наприм., в среднелитовском наречии долгота с восходящим ударением» (так будто в *mẽs* «мы», *arklỹs* «лошадь» и др.). Так как статья Фортунатова о балтийском ударении и количестве, к сожалению, все еще не кончена и вследствие этого я не знаю, как он объясняет противоречащие его теории формы (вроде nom. s. *tõ* или acc. pl. *geràs*), то полемика с ним по этому поводу была бы преждевременна. Относительно приведенных им примеров замечу, что Фортунатов, вероятно, прав, возводя *bẽris* к **bẽrys;* в пользу этого говорят как данные латышского языка, где литовскому *-ys* и *-is* одинаково соответствует *-is* из **-is,* так и данные самого литовского языка, ср. Явнис Понев. гов. II 4 сл. и Барановский Заметки 14 сл. Но отсюда еще не следует, что *-ỹs* восходит к **-ýs,* так как *-is* в *bẽris* вместо **bẽrys* может быть объяснено // влиянием форм на старое (иде.) *-is,* 144

(при *gerù, gerúoju-du*), fem. g. *tiẽ-dvi* (при *gerì, gerieji-dvi*); nom. s. fem. g. *tõ* (при *gerà, geró-ji*) Поневежский уезд 140, Явнис Понев. гов. II 4, 11; *jũs* «вы» (при ла. *jũs* и пр. *ioũs*, ср. Фортунатов BB XXII 161 и Сборн. LXIV 11, 16[2]). Что же до форм вроде nom. s. fem. g. *tà, šì, jì;* instr. s. fem. g. *tà, tù* Явнис Понев. гов. II 8; acc. pl. *tùs,* fem. g. *tàs; dù* «два», *dvì* «две», то сокращение в них долготы, вероятно, произошло в проклитическом положении, ср. KZ XLII 375 сл.[222], причем возникновению сокращенных местоименных форм (наприм., *tà*) могли содействовать соответствующие им формы прилагательных (наприм., *gerà*). А с nom. pl. вроде *dievaĩ* из **dievái* ср. *geriaũs* «melius» при *geriáus(iai)* «optime», *tarp*[223] «между» при *tárpas* «промежуток» (с ударением во всех падежах на начальном слоге), ср. Явнис Понев. у. 100, и III л. буд. врем. вроде *aũgs* (к *áugti* «расти»), *duõs* (к *dúoti* «дать»), *arš* (к *árti* «пахать»), *keliaũs* (к *keliáuti* «путешествовать»), *žinõs* (к *žinóti* «знать») // и др., ср. Schleicher Gramm. 228, Bezzenberger BB X 202 сл., Jurksch. 8, 9, 10 и др., Барановский Заметки 53, Поржезинский Изв. I 487, Фортунатов Сборн. LXIV 11, 154 сл., Schulze KZ XLIV 131. Формы же с конечным акутом — новообразования, возникшие или под влиянием родственных форм с акутом не на конечном слоге, или же вследствие утраты первоначального конечного слога; таковы, например, dat. s. *tám, gerám* при *tãmui, gerãmui* (Kurschat Gr. § 170); instr. s. *túo* LChr. 383, 7; 386, 35, Явнис Понев. гов.[224] II 11, *júo* LChr. 380, 36, fem. g. *tá* или (восточнолит.) *tú* LChr. 358, 27 (ср. *gerúo-ju, gerá-ja*); nom. pl. *ćie* LChr. 378, 36; 380, 45 (ср. *gerie-ji*); acc. pl. *túos, tás* (ср. *gerúos-ius, gerás-ias;* Явнис Понев. у. 101); *jéi* или (Kurschat Gr. § 1597 и Юшкевич под *jágu*) *jeĩ* «если»[225]

о котором ср. Brugmann Grdr. II[2] 1, 197. Форму же *mẽs* я, ввиду пр. *mes, mas* (из прабалт. **mes*) и арм. *mekh,* возвожу к **mès* (ла. *mẽs* — и, может быть, и лит. *mẽs* — могло получить свою долготу под влиянием *jũs* «вы»; старая краткость, может быть, еще сохранилась в сауссенском *mas* с восточнола. *a* из *e* BB XII 217; *mas* мне известно также из Лубана, Берзона, Зесвегена, Друвенена и др.), ср. Meillet MSL VIII 161, XV 91, Recherches 95, Esquisse d'une gramm. comp. de l'arménien 65 и Leskien Sächs. Ber. XXXVI 98 сл.

[222] [Sai izdevumā II 84 sk. — Red.]

[223] [Autora eksemplārā: *dár* : *dõ* An. 226 // *daŕ* Jušk. 710 //]

[224] Достав недавно (благодаря любезности моего коллеги проф. А. Л. Погодина) эту книгу, я нашел, что уже Явнис l. c. 14 правильно объяснил лит. *apjèkti* «ослепнуть», чего я не знал Изв. XV 2, 218 [šai izdevumā II 162 sk. — Red.].

[225] [Autora eksemplārā: Jurkš. 7 [?] // *júo* //]

(с акутом под влиянием сложных форм *jéigu* и *jéigi*, ср. Mikkola BB XXII 248[1]); подобно *jéi*, вероятно, объясняются *nái* (: гр. ναί) «да» (в Россиенск. у.) и *néi* «как, словно» рядом с однозначащим *neĩ* (ср. Bezzenberger BB XXI 306[1]) и *visái* (при *visaĩ*) «совсем»; *véi* (также *vè*) «ессе», как и однозначащее с ним ла. *vei*, вероятно, сокращено из **véizdī* «смотри», ср., наприм., ла. *re(dzi)* или *rau(gi)* «смотри», *klau(si)* «слушай» и др.; dat. s. *mán, táu, sáu* из двусложных форм (Фортунатов Сборн. LXIV 11, 16[2]). Если *jús* «вы» у Юркшата l. c., наприм., 37, 49 (3×), 99, не ошибочно вместо *jũs*[226], то я мог бы себе его объяснить только влиянием формы *júsū* «вас». Что же до нижнелит. форм вроде *rašáu* «пишу», *rašiáu* «я писал» (при *jaũ*[227]) и *rašá* «пишешь» из **rašái, rašé* «ты писал» из **rašéi, vilkà* «ты влек» (при *vilkã*[227] «волки» из *vilkaĩ*), указанных Явнисом Росс. у. 28 и Поневежск. у. 134, то различие между ними и соответствующими им // верхнелитовскими формами с циркумфлектированным конечным слогом, может быть, объясняется предположением, что верхнелит. формы вроде *vilkaĩ* «ты влек» восходят к пралит. **vilkā-ie* > **vilkā-ì*, тогда как нижнелит. **vilkái* (> *vilká*) может восходить к **vilkâ-ie* > **vilkâ-i* (с удар. на *ā*), причем слияние двух последних слогов могло произойти уже после того, как перестал действовать закон о замене конечного акута циркумфлексом[228]. Итак, есть основание думать, что, например, лит. *dievaĩ* «боги» восходит к **dievái*. Но как в таком случае объясняются формы вроде *vařtai* «ворота» вместо ожидаемого **vartái*[229] > *vartaĩ* и *kelmaĩ* «пни» (при acc. pl. *kélmus*) вместо ожидаемого **kélmai*? Вероятно, так

146

---

[226] Когда это было уже написано, я узнал от К. К. Буги, что *jús* действительно встречается в некоторых говорах, ср., наприм., Kriaušaitis Liet. kalbos gram., стр. 23.

[227] С сильносрединной интонациею.

[228] Возможно, впрочем, что первоначально стояли рядом **rašáusi* и т. д. и *rašaĩ* и т. д., после чего в нижнелитовском могла быть обобщена интонация возвратной формы, в прочих же говорах — интонация действительного залога. И это, пожалуй, более правдоподобно.

[229] Такая же форма с наконечным ударением ожидалась бы также в том случае, если бы *-ai* действительно представляло собою окончание среднего рода; ср. р. *воротá* с *-а* из акутованного иде. *-ā* и пр. *warto*, доказывающее, что в прабалтийскую эпоху, знавшую уже перенос ударения с циркумфлектированного слога на последующий слог с акутом (ср. Trautmann Apr. Spr. 194 сл.), имелась форма средн. рода **vartā* (а не **vartai*), которая должна была иметь ударение на конце. Начальное ударение лит. *vařtai*, значит, для меня ничуть не более затруднительно, чем для считающих *-ai* окончанием средн. рода.

же, как формы буд. времени вроде *kèpsiu* (при восточнолит. *kepsiù*), т. е. как новообразования. Так как у существительных типа I b (у Куршата § 536) ударение во множ. числе во всех падежах, кроме nom. и acc. pl., падало на корневой слог, то эти существительные относительно ударения были весьма похожи на существительные типа II b (с постоянным ударением на начальном слоге); а вследствие этого могло случиться, что также в nom. pl. ударение в словах типа I b было перенесено на корневой слог, тем более что отношение nom. pl. *vařtai* : acc. pl. *vartùs* напоминало отношение nom. pl. *rañkos, žvãkės* : acc. pl. *rankàs, žvakės*. Слова же типа II a (вроде *kelmaĩ*), имея во множ. числе ударение почти во всех падежах на окончании, могли в nom. pl. попасть под влияние слов типа Ia, имевших во всех падежах множ. числа
147 ударение на окончании. Но в таком случае ожида-//лось бы также **kelmùs* (вместо *kélmus*) в acc. pl.; и поэтому я считаю возможным, что перенос ударения с окончания на акутованный корневой слог имел место только после сокращения конечной акутованной долготы[230], а если это так, то формы вроде *kelmaĩ* совершенно правильны. Но во всяком случае отношение *kelmaĩ* : *kélmus* совершенно однородно с отношением *minkštì* : *mìnkštus*. — Итак, ничто нам не мешает предполагать, что прабалт. *-ai (-ei)* в nom. pl. произносилось с акутом, как и гр. *-oí*. Но для того, чтобы можно было остановиться на этом предположении, я тут должен еще рассмотреть условия возникновения праславянского *-i* из *-ě*. После того как Streitberg IF I 295 выставил «закон» о переходе на славянской почве иде. *-ē*[231] в *-i* (при *-ě* из акутованного *-ē*), Meillet MSL VIII 239 слл., Pedersen KZ XXXVIII 326 слл., Vondrák Vergl. slav. Gramm. I 59 слл., Фортунатов, ср. AfslPh. XXIX 421[1], Ляпунов Формы склонения I 18 слл. (ссылаясь на лекции Фортунатова) и др., расширяя этот «закон», полагают, что всякое циркумфлектированное праслав. *-ě* изменилось в *-i*, тогда как акутованное *-ě* сохранялось. И московский профессор Поржезинский AfslPh. XXIX 421

---

[230] Исключения вроде nom. pl. *minkštì* или nom. s. *galvà* могут считаться легко понятными новообразованиями. Тут, кстати, замечу, что к указанным Мазингом (Hauptformen des serb.-chorw. Acc. II слл.) примерам типа *galvà* относится и *žarnà* «кишка» у Шлейхера Leseb. 340 (= ла. *zarna* с прерывистой интонациею; у Куршата же *žárna*), gen. pl. *žarnų́* ibid. 121, loc. pl. *žarnosè* (при acc. pl. *žárnas*) Lesk.—Brugm. 234.

[231] Мена же праслав. *-ě* и *-i* из иде. *-ai* и *-oi*, по мнению Штрейтберга l. c. I 282, может быть обусловлена различием в ударении, но не в интонации.

доходит даже до внушения, что в правильности этого «закона» «*darf* (курсив мой) man ... nicht zweifeln»[232]. Насколько же сомнителен в самом деле этот «закон», нам показывает скептическое к нему отношение Бругмана KVG § 362 и Лескина Gramm. d. altbulg. Spr. § 43. Мало того: данные языка таковы, что Ягич AfslPh. XXVIII // 121 мог прийти к совер- 148
шенно противоположному выводу, полагая, что акутованное *-ě* перешло в *-i*, между тем как циркумфлектированное *-ě* сохранялось. Этому, однако, противоречат формы nom., acc. du. на *-ě* (от основ на *-ā*), ср. лит. *-i* из **-íe*. Но теория Мелье и Фортунатова не обоснована лучше. В пользу перехода циркумфлектированного *-ě* в *-i* скорее всего можно привести формы II и III л. ед. ч. повелит. наклонения на *-i* (от основ на *-o*), ср. лит. *te-sukiẽ* и гр. παιδεύοι(ς), и црксл. dat. s. *ми, ти, си*, ср. гр. οἱ; хотя рядом с οἱ имеются σοί и ἐμοί (акут их считается возникшим из циркумфлекса в энклитическом положении; в таком случае, однако, скорее ожидалось бы отношение *ἐμοῖ : *οἵ, так как οἱ чаще всего встречается в энклитическом положении, ἐμοί же всегда имеет самостоятельное ударение, и поэтому я считаю возможным, что введенная греческими грамматиками акцентуация οἵ[233] вовсе не соответствовала действительному произношению), а в повелит. наклонении сербские формы вроде *mrï, pèci* указывают на акут, ср. Pedersen KZ XXXVIII 328 (но также 329!) и Vondrák AfslPh. XXX 288, так что пришлось бы допустить мену интонации, происшедшую притом после возникновения *-i* из *-ě*. Прочие же примеры, приведенные Педерсеном l. c., уже слишком сомнительны. Об *i* «et» ср. выше стр. 136[1 234], а что до *-i* в nom. pl. основ на *-o*, то в греческом и в балтийских языках мы тут находим как раз акут, а не циркумфлекс! Выше мною показано, что лит. *-aĩ* может восходить к **-ai*, тожественному с гр. *-οἱ* и соответствующему относительно интонации литовскому *-ì* в прилагательных и латышскому *tiẽ*. А раз это возможно, то это в данном случае и вероятно, так как существование в иде. праязыке (и даже еще в пралитовском!) циркумфлекса рядом с акутом в одном и том же окончании было бы совершенно непонятно. Не проводя, значит,

---

[232] Что касается нового учения Гуера Slov. dekl. jm. 62 слл., то я тут ограничусь краткой передачей его: иде. *-ē* > праслав. *-i* (**mati*), иде. *-oi* > праслав. *-i* (**vьlci, *mi*), иде. *-oì* > праслав. *-ě* (**vьlcě*), иде. *-oi*^{s}*/t* > праслав. *-i* (**beri*); пусть судят читатели сами, насколько это правдоподобно.

[233] Ради отличия от οἵ «qui»?

[234] [Šai izdevumā 208. parinde. — Red.]

во что бы то ни стало предвзятой теории, но руководствуясь данными языка, я не могу не признать, что также слав. *-i*, вероятно, восходит к тому же акутованному *-oi*. Ссылаются,
149 на-//конец, еще на цркcл. *мати* : лит. *mótė*[235], но доказательная сила этого слова невелика. Ведь мы наверное не знаем, что праслав. **matě* имело циркумфлектированное *-ě*, так как неизвестно, соответствует ли праслав. **-tě* литовскому *-tė* или же гр. *-τήρ*. Ввиду отношения цркcл. *камы* к лит. *akmuõ* скорее можно думать о тожестве праслав. **-tě* с гр. *-τήρ*. Если сербским *kćî* действительно доказывается праслав. циркумфлектированное *-tě*, то оно могло возникнуть под влиянием слов, соответствовавших литовским словам типа *žẽmė*, ср. Pedersen KZ XXXVIII 326. И если бы даже праслав. **-tě* соответствовало не гр. *-τήρ*, но лит. *-tė*, то можно с Соболевским, РФВ XXII 21 и Древний црк.-слав. яз. 105, считать цркcл. *мати* новообразованием вместо **матѣ* под влиянием слов женского рода на *-и*. Соболевский полагал, что старая форма уцелела еще в старочешск. *mátě*; теперь это считается новообразованием, возникшим под влиянием слов вроде *dušě* (причем несколько странным является то обстоятельство, что это «новообразование» впоследствии опять вытесняется «старым» *máti*, хотя возможности этого я не отрицаю). Признавая, однако, это старочешск. *mátě* новообразованием, мы не можем отрицать возможности считать новообразованием также праслав. **mati*. Вондрак относит сюда еще и gen. s. основ на *-i* ввиду лит. *-iẽs* и гот. *-ais*. Но непременно к иде. *-ois* восходит только гот. *-ais*, лит. же *-iẽs* — скорее к иде. *-eis*, сохранившемуся в оск. *-eis*, так что и праслав. *-i* может восходить к *-eis*, как полагает и Ляпунов l. c. 49. — А в пользу сохранения акутованного *-ě* можно привести только окончание nom., acc. du. основ на *-ā*, ср. лит. *rankì*, и, пожалуй, еще и цркcл. *вѣ* «мы оба», ср. гр. *νώ*, *вѣдѣ* «знаю», ср. гр. *φέροιαι*, и *цѣ* : гр. *καί*. Что также в nom., acc. du. основ среднего рода на *-о* имелось акутованное *-ě*, этого мы, вопреки Педерсену KZ XXXVIII 328, не знаем. Противоречат же теории Фортунатова и Мелье, с одной стороны, *-ě* в dat. s. основ на *-ā*, ср. ла. *-ài* и гр. *-ᾳ*, и в loc. s. основ на *-o*, ср. гр. *-οῖ*, *-εῖ*, а с другой стороны, *-i* в nom. pl.
150 основ на *-o*, // dat. s. основ на *-u*, ср. греч. *δόμεναι*, и во II л. ед. ч. цркcл. *даси* и др., ср. греч. *δίδοσαι*. Из этих исключений вполне удовлетворительно объясняется только

[235] Тут, кстати, укажу на LChr. 390, 5, где это слово еще значит «мать».

II л. ед. ч. на *-си* (Вондрак Vergl. slav. Gramm. I 60 сл.). А *-ě* в dat. и loc. s. Педерсен KZ XXXVIII 326 сл. объясняет предположением, что во время перехода *-ě* в *-i* в окончании dat. и loc. s. основ на *-ā* еще не получилось *-ě* из *-āi* (а из loc. s. основ на *-ā*, по мнению Педерсена, *-ě* было перенесено в loc. s. основ на *-o* и в *тебѣ* и др.). Приходится, значит, допустить, что один и тот же своеобразный звук *ě* получается в разные времена, причем *k, g, x* перед ним все-таки одинаково смягчаются в *c, dz, s*. Вондрак, отрицая это, полагает, что *-ě* в dat. s. основ на *-ā* было восстановлено под влиянием *-ě* в loc. s., так как основы на *-i* в dat. и loc. s. одинаково оканчивались на *-i*. Но и это объяснение едва ли безукоризненно: влияние основ на *-i* на основы на *-a* было бы совершенно понятно и естественно лишь в том случае, если бы все основы на *i-* были женского рода; и если и допустим это влияние, то ведь, кажется, скорее ожидалось бы обобщение *-i*, а не *-ě*. Фортунатов, наконец (ср. Ляпунов l. c. 52), предполагает в окончании dat. s. основ на *-ā* (и также в loc. s. основ на *-o*) «длительную» долготу, но я не знаю, как он при этом справляется с противоречащими этому данными греческого и балтийских языков. В формах же типа цкрсл. *сынови* Педерсен объясняет *-i* влиянием со стороны основ на *-i*[236]; такое влияние, однако, понятно только в склонении основ на *-u, -r, -s* и *-nt*, отчасти получивших одинаковые окончания с основами на *-i*. А если Вондрак возводит *-и* в *сынови* к *-ѣ* с циркумфлексом, полученным из dat. s. основ на *-ā*, то при наличности такого влияния основ на *-ā* я ожидал бы скорее **сыновѣ* в dat. s. Ляпунов же l. c. 54 возводит *-и* в *сынови* к иде. *-aĩ;* но греческий язык указывает на *-αι*. Это поразительное разногласие в объяснениях исключений ясно показывает, что эти объяснения не очень убедительны. А *-i* в nom. pl. основ на *-o* можно было бы // объяснить лишь предположением, что рядом с *-oi* имелось и *-oĩ*. После всего этого достаточно ясно, что прочность теории Фортунатова и Мелье могла бы быть обеспечена только запретом сомневаться в ее правильности; но сами они, наверно, меньше всех требуют слепого к ним доверия. — Мнению же Микколы RSl. I 7, по которому *-ě* восходит к иде. *-āi, -ōi*, а *-i* — к иде. *-ē, -ai, -oi*, противоречат *-ě* в nom., acc. du. основ на *-ā* (лит. *-ì, -ie* тут не может восходить к *-āi*), в цркcл. *вѣ* «мы оба» и др.; кроме того, неудобно считать *ě* из *ai, oi* более древним, чем *ě* из *āi, ōi*. — Я сам признаю правильной гипотезу Гирта IF II 151

[236] Ср. Brugmann Grdr. II² 2, 170.

350 слл., по которой *-ě* получается из ударяемого *-oi (-ai)*, *-i* же — из неударяемого *-oi (-ai);* никто, насколько мне известно, не опровергал ее, но тем не менее находили возможным вовсе не считаться с нею! Отлично ею объясняются dat. s. црксл. *ми, ти, си* (при *мьнѣ, тебѣ, себѣ*, ср. Hirt l. c. 351), *сынови*[237], ср. скр. *sūnávē* и Hirt l. c. 358, и nom. pl. црксл. *ти* (с *-и* из *-oi* в проклитическом положении!). Из местоименной флексии это *-i* в nom. pl. могло быть перенесено в склонение прилагательных (ср. аналогичное явление в балтийских и германских языках), а затем и существительных, тем более что неударяемое *-oi* искони имелось также в одной части имен прилагательных и существительных. В других же падежах, где ударяемое *-oi (-ai)* чередовалось с неударяемым *-oi (-ai),* было обобщено *-ѣ*, что отчасти объясняется тем обстоятельством, что, за исключением nom., acc. du. основ на *-o* среднего рода и основ на *-ā,* местоименная флексия в этих падежах расходилась с именной флексией (ср. црксл. *томь дѫбѣ, лѣтѣ*; *тои женѣ*). Что касается II и III л. ед. ч. повел. наклонения на *-i,* то здесь с точки зрения современных славянских (русского и сербохорватского) языков ожидается скорее *-ě* (ср. Vondrák Vergl. slav. Gramm. II 142 сл. и AfslPh. XXX 288 сл.), но следует иметь в виду, что, по указанию греческого и древнеиндийского языков, глагольные основы типа *bhere-* первоначально имели (также в оптативе)
152 ударение // на корневом слоге и что глагольные формы вообще нередко находились в энклитическом положении. О формах II л. ед. ч. вроде црксл. *даси* ср., кроме того, Vondrák Vergl. slav. Gramm. I 60 сл. Относительно црксл. *вѣдѣ* ср. Hirt IF II 359. Как видим, эта гипотеза Гирта не нуждается ни в каких натяжках, объясняя данные языка вполне удовлетворительно. Гирт сам l. c. выводит *-i* только из неударяемого *-oi (-ai),* но не из *-ē,* и с этим, кажется, можно согласиться. Нет, по крайней мере, ни одного несомненного примера для *-i* из *-ē,* так как црксл. *мати* может считаться морфологическим новообразованием, а с другой стороны, если бы *-i* получилось также из неударяемого *-ē,* то в I л. двойств. ч. скорее ожидалось бы не *-vě,* но **-vi* (в крайнем случае можно думать о влиянии местоимения **vě* «мы оба»). А если это так, то влияние ударения сказалось, как полагает и Гирт l. c., еще до перехода *oi* в *ě*, так как иначе получилось бы *-i* также из того неударяемого *-ě,* которое восходит

---

[237] Ср. Hujer Slov. dekl. jm. 125 слл.

к иде. *-ē*. Я расхожусь с Гиртом только в том, что предполагаю в качестве переходной ступени между *-oi* и *-i* не *-ъi*, но *-ei*, так как я не могу признать, чтобы неударяемое *o* в праславянском изменилось в *ъ*, между тем как *-ei* из неударяемого *-ai* мы находим также в латышских говорах, ср. Изв. XII 1, 65[238]. Смягчение *k, g, x* перед *-i* (из *-oi*) в *c, dz, s* показывает, что *-ei* возникло из неударяемого *-oi* уже после перехода смягченных *k, g, x* в *č, dž, š*.

Затем тут еще укажу на совпадение славянских и балтийских языков в окончании дат. пад. множ. ч. (праслав. **-mъ*, лит. *-m(u)s*). Что до *-m-* (также в творит. пад.), то мы его находим в этих окончаниях также в германских языках; но *-us* за этим *-m-* в dat. pl. свойственно только славянским и балтийским языкам. Накопившаяся об этом окончании литература, однако, принуждает меня тут посвятить целый экскурс заподозренному и даже отрицаемому тожеству лит. *-mus* с праслав. **mъ*[239]. Прежде всего, некоторые оспаривают происхождение лит. *-u-* // в этом окончании из иде. *u*: Wiedemann Handb. 51 и Поржезинский Сборн. Форт. 622 отожествляют лит. *-mus* с пр. *-mans*, а Гирт IF II 346 и V 254 возводит *-mus* через **-muos* к иде. **-mōs*. И та, и другая гипотеза опровергается литовским ударением: лит. *dievámis* может восходить только к **dievàmus*, между тем как ожидалось бы **dievamùs* (> **dievamis*), если бы *-mus* восходило к *-mōs*[240] или **mons* (кроме того, слишком сомнительно, чтобы из иде. **-mons* могло возникнуть лит. *-mus*)[241]. Лескин, правда (у Бернекера Pr. Spr. 196), отрицает происхождение лит. *-áms* из *-àmus*, ссылаясь на сохранение лит. *u* в конечных слогах и возводя *-áms* к пралит. **-àmas*. Следуя аргументации Лескина, мы были бы принуждены отрицать также тожество dat. s. *tám, gerám* со старолит. *tãmui, gerãmui*, так как существительные всегда сохраняют *-ui* в dat. s. Не знаю, пришел ли Лескин действительно к такому выводу, но нисколько не сомневаюсь в том, что *tám*[242] тожественно 153

---

[238] [Šai izdevumā II 29 sk. — Red.]

[239] Совершенно правильно отожествлял их уже Osthoff MU II 31 сл.

[240] Ср., наприм., instr.. pl. *širdimis* [pirmpublicējumā: *sirdimis*. — Red.] из *širdimìs* при dat. pl. *širdìms*.

[241] Поэтому я не согласен и с Гуером Slov. dekl. jm. 17 и 155, возводящим *-mus* к прабалт. *-mans* (= пр. *-mans*) и объясняющим это *-mans* контаминациею окончаний **-man* (из иде. **-mom*) и *-mas* (из иде. **-mos*).

[242] Приведенное Бугою (Kalbos dalykai 11) ἅπαξ εἰρημένον *(târnui) tawámi* в Постилле 1599 г. (при многочисленном *-amui*) — на мой взгляд, простая опечатка вместо *tawámui*.

с *tãmui*. Отпадение *-ui*, вероятно, сначала имело место в местоименных формах, которые часто являются в неударяемом положении, а из местоименной флексии *-ám* было усвоено и прилагательными. Также и в dat. pl. *-ms* могло возникнуть из *-mus* сначала в неударяемых местоименных формах и отсюда потом перейти также в именную флексию, чему могло содействовать стремление иметь в dat. pl. столько же слогов, как и в большинстве остальных падежей[243]. И история литовского языка, насколько она нам доступна по памятникам, говорит в пользу того, что *-mus* древнее, чем *-ms*,
154 или, иными словами, что *-ms* // получилось из *-mus*: в древнейших памятниках это *-mus* встречается еще часто, между тем как теперь оно, кажется, почти совсем вышло из живого употребления (по сообщению К. К. Буги, в Словиках, в Сувалкской губ., в «Отче наш» еще встречается dat. pl. *saviemus kaltiemus*, и в Водаклях, в Вилкомирск. уез., старики иногда еще употребляют формы: *vilkãmus, mergómus, geriemus* и др.). Если же *-ms* восходило бы к иде. **-mos*, то в старолитовских текстах, вероятно, еще встречалось бы **-mas* (два примера с *-mas*, приведенные Бецценбергером BGLS 142, при огромном количестве форм на *-m(u)s*, — скорее всего, простые опечатки). Meillet, наконец, Recherches 107 уверен в позднем происхождении окончания *-mus*, ссылаяь на Бернекера Pr. Spr. 196 сл. Как же там доказывается позднее происхождение этого *-mus*? Бернекер (и также Бругман Grdr. II² 2, 257) полагает, что **-mas* было изменено в *-mus* под влиянием acc. pl. на *-us*, подобно тому как в прусском языке старое *-mas* (сохранившееся в местоименной флексии) изменилось в *-mans* под влиянием acc. pl. на *-ans*. Что пр. *-mans* так возникло, с этим можно согласиться, так как такое смешение окончаний dat. и acc. pl. совершенно понятно при употреблении в прусском языке вин. пад. (в качестве общего косвенного падежа) после предыдущего дат. падежа в значении дат. падежа; ср., наприм., у Траутмана Apr. Spr. 210 обороты вроде *stēimans maldans; noūmas crixtiānans; wissamans wargans*. Если в обороте **wissamas wargans* «allen bösen» обе формы имели значение одного и того же падежа, то возникновение *wissamans* было почти неизбежно. Но как же объяснить лит. *-mus* из **-mas*+*-us*, когда в литовском языке нет никакого смешения дательного и винительного

[243] Можно также думать о возникновении *-ms* и *-m* в слишком длинных формах вроде **gerãmuijamui* и **geriemusjiemus*; ср. сокращения loc. s. *geramiamę* из **geramęiamę* и loc. pl. *geruõsiuosę* из **geruosęiuosę*.

падежей? Не могло же возникнуть такое *-mus* из **-mas+-us* только благодаря тому, что в школьных грамматиках обыкновенно дат. и винит. падежи помещаются рядом! Прибегая к аналогии и контаминации, можно объяснить много форм, но не следует этого делать механически, не доказывая возможности их применения в каждом отдельном случае. У Бернекера l. c. мы, правда, находим нечто похожее на объяснение: «Ein Anstoss zu // der Neubildung kann das Ver- 155
hältnis *smertìs* zu *smertimìs* gegeben haben: war hier im acc. und dat. der Vokal gleich, so sollte er auch im dat. und acc. der *o*-St. gleich sein»[244]. И ради вящей убедительности Бернекер тут сочиняет пропорцию (*smertìs* : *smertimìs* =) *vaikùs* : *vaikamùs* (sic! это несчастное *vaikamùs* проникло и в Бругманов Grdr. II² 2, 257). Жаль только, что *smerťimis* (как следует писать вместо *smertimis*) — не dat., но instr. pl., *vaikamùs*[245] же (с таким ударением) вообще не существует. Из уважения к автору славянского этимологического словаря я охотно обошел бы молчанием весь этот lapsus, если бы другие не ссылались на него как на научное объяснение. — Итак, мы находим в балтийских языках в окончании dat. pl. (лит.) *-mus* рядом с (пр.) *-mas* (какой гласный выпал между *m* и *s* в старола. *-ms*, не может быть установлено); а с лит. *-mus*, вероятно, тожественно праслав. **-mъ*. Я именно отношусь отрицательно к мнению Фортунатова[246], что праслав. *-ъ* получается, между прочим, также из иде. *-os (-as)*, ср. литературу об этом у Кульбакина Древнецерк.-слав. язык I § 50. Как указал Лескин IF XXI 335 слл., не только старая теория, по которой из *-os* получается *-o*, но также гипотеза Фортунатова обязательно предполагает целый ряд новообразований по аналогии. В фонетическом же отношении старая теория гораздо правдоподобнее новой: между тем как сужение глас-

[244] Там же Бернекер приводит указанные Бецценбергером старолит. *mumũs* «нам» : *mũs* «нас»; но *ũ* в этих (встречающихся всего один раз) формах — по всей вероятности, простая опечатка вместо *u*.

[245] Ср. *waykámus* в катех. 1605 г., перепечатанном Быстронем, стр. 68. Отсюда же приведу тут, вдобавок к KZ XLIV 50 слл. [šai izdevumā II 382 skk. — Red.], еще следующие формы: dat. pl. *túliemus* 30, *tútomus* 57, nom. pl. *téway* 69, gen. pl. *téwu* 68, III praeter. *ketés* 37, 41, 44, III cond. *butú* 30, 52, 54, 62, 63, 70, 78, 79, *pažintú* 30, *nustotú* 30, *pastotú* 75, *detús* 35, 61, *melstûs* 51, *attaystú* 53, 61, *dũtú* 54, 61, I pl. cond. *butúmbime* 60, *ingitúmbime* 48, *nusidetúmbime* 54, *atmintúmbime* 57, *imputtûmbime* 76, nom. s. *rômibę* 82. [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

[246] Оспаривают его также Mikkola RSl. I 10 сл. и теперь также (весьма подробно и убедительно) Hujer Slov. dekl. jm. 12 слл. (с историей и литературой этого вопроса).

ных вообще (и специально переход *o* в *u*) перед тавтосиллабическими носовыми согласными известно из различных
156 языков, // для предполагаемого Фортунатовым перехода *o* перед *s* в *u* я сейчас не знаю ни одной параллели. Нельзя ведь тут ссылаться на лат. *-us* из *-os*, так как это *u* представляет собою только одно из многих изменений неударяемых латинских гласных, встречаясь притом не только в конечных, но и в неконечных слогах, тогда как в праславянском судьба гласных во всех слогах вообще одинакова, за исключением перехода неударяемого *-oi* в *-ei* (о чем см. выше стр. 152). Далее, Лескином уже указано, что в пользу перехода *-os* в *-ъ*, в сущности, можно с полной уверенностью привести всего один случай — nom. s. основ на *-o*. Но и там *-ъ* вполне удовлетворительно объясняется как морфологическое новообразование. Если же Кульбакин l. c. склонен думать, что теория Фортунатова лучше объясняет dat. pl. на *-mъ* и I л. множ. ч. на *-mъ*, то с этим я мог бы согласиться лишь в том случае, если бы не имелось литовских форм dat. pl. на *-mus* и если бы в I л. множ. ч. рядом с *-mъ* в славянских языках не встречалось *-mo*. Почему бы в самом деле *-mъ* имело больше прав восходить к **-mos*, нежели окончание *-mo*? Если Бернекер KZ XXXVII 371 отожествляет слав. *-mo* с скр. *-ma*, возводя их к иде. **-mo*, то это, пожалуй, возможно, но нисколько не обязательно, так как ни в одном индоевропейском языке нет несомненных следов окончания **-mo* (скр. *-ma*, как известно, может восходить также к иде. **-me* или **-mn̥*). В пользу своего мнения Бернекер еще выдает скр. *-ma* за «Perfectendung» и указывает, что в числе слав. форм с *-mo* есть, между прочим, одна (!) старая основа перфекта *(věd-)*. Но, как известно, нет ни малейшего основания приписывать скр. *-ma* исключительно или даже преимущественно перфекту; а считать праслав. **vě[d]mo* «знаем» исходным пунктом для слав. *-mo* было бы возможно разве в том случае, если бы было известно, что в перфекте I л. множ. ч. оканчивалось на *-mo*, но нет даже решительно никакого повода предполагать это. Что же до гипотезы Педерсена KZ XXXVIII 321 относительно слав. *-mo*, то она едва ли нуждается в опровержении[247].

---

[247] Для значения (излагаемых обыкновенно с большим апломбом) научных убеждений Педерсена весьма характерно их непостоянство:
157 IF V 73 он // находит, что Гирт «überzeugend nachgewiesen hat», что судьба слав. *o* в конечных слогах зависит от ударения; а KZ XXXVIII 321 он уверен, что Бернекер «definitiv zum sieg verholfen» (hat) теории Фортунатова. Другие примеры мною указаны выше на стр. 75 и 124.

По моему мнению, *-mъ* // в I л. множ. ч., вероятно, восходит 157
не к **-mus* (так как в родственных языках нет несомненных следов такого окончания: лат. *-mus* скорее восходит к **-mos*), но к **-mon*[248]; как рядом с *-mes* имелось *-mos*, так и рядом с *men* (известным из греч. языка) могло существовать *-mon*, которое могло получиться также путем смешения окончаний *-mos* и *-men*. Возводя же в dat. pl. *-mъ*[249] к *-mos* ради сближения его с пр. *-mas* и (относительно вокализма) скр. *-bhyas*, старолат. *-bos* и старокельтск. *-βo*, мы ничего не выигрываем, пока не доказано, что *u* в лит. *-mus* может и не восходить к иде. *u*. Осталось бы *otъ*, которое отожествляется с скр. *átas* «отсюда». Но ввиду цркслав. *от-* (при *отъ-*) и скр. *ati* (ср. скр. *atirēka-s* с однозначащим цркслав. *отълѣкъ*) позволительно думать, что под влиянием предлогов на *-dъ* (со старым *-ъ*) старое **otь* (при *ot-*) было точно так же заменено новообразованием *otъ* (откуда, наприм., р. *ото-*), как и *obь-* (при *ob-*) было заменено через *obъ-* (откуда, наприм., р. *обо-*)[250] и 158
как, вероятно, и предлоги на *-zъ* имеют не старое *-ъ*, // так что в конце концов в славянских предлогах было обобщено *-ъ*. Я прихожу, значит, к заключению, что теорией Фортунатова данные языка не объясняются лучше, чем старой теорией Лескина, и поэтому предпочитаю последнюю, так как она не

---

[248] К этому же заключению приходит и Hujer Slov. dekl. jm. 16; ср. там же об окончании *-mo*, которое, по мнению Гуера, скорее из иде. *-mo*.

[249] Гуер l. c. 17 сл. возводит *-mъ* к иде. **-mom*, но такого окончания нигде не встречаем, между тем как *-mus* имеется в литовском языке.

[250] Если Фортунатов (Изв. XIII 2, 9 слл.) указывает, что, судя по цркслав. памятникам, *otъ* древнее формы *obъ*, то это не противоречит моему взгляду, так как нет надобности думать, что обобщение *-ъ* произошло одновременно во всех предлогах. Влияние предлогов с *-dъ* на **-от(ь)* сказывается также в возникновении *od* в части славянских языков. Ср. теперь об *otъ* также Hujer Slov. dekl. jm. 18 слл. (с литературой вопроса), который также отрицает связь *otъ* с скр. *átas* и считает его *-ъ* возникшим под влиянием дригих предлогов на *-ъ*. Не согласен я с ним, однако, в том, что он предполагает для отдаленной эпохи славянских и балтийских языков только форму без гласного за *-t*. Относительно лит. *ata-* он полагает, «že tu jde o vsunutí hlásky *a* mezi *t* a *d* (nebo *t*)», и относительно ла. *ata-*, — что «snadno tu lze vidět pŭsobení rhythmu». Но в своих Лат. предл. 1 53 [šai izdevumā 1 359 sk. — Red.] (которыми Гуер пользовался) я указал, что *ata-* в наречии *atastu* встречается также в разговорном языке. И для того, чтобы можно было считать // *ata-* в народ- 158
ных песнях вызванным (вместо *at-*) требованиями размера, следовало бы привести примеры вставных гласных внутри слова вообще и в конце глагольных префиксов *aiz-, ap-, iz-, uz-* в особенности. Пока таких примеров нет, остается только считать второе *a* в латышском (и по аналогичной причине и в литовском) *ata-* этимологическим, что подтверждается

предполагает никакого проблематического звукового процесса. Если Hirt IF II 344 возражает, что при *-ъ* из *-on* ожидалось бы *-ь* из *-en*, то это возражение имело бы значение лишь в том случае, если бы имелись славянские формы на *-e* (чисто фонетическое) из *-en*. Но слова типа *poľe* могут иметь *-e* (после смягченного согласного) из *-o*, полученного из слов типа *dělo* с *-o* (вместо фонетического *-ъ*) из форм типа *slovo* и *to*. Что из *-en* не получалось *-ь*, этого мы, значит, вовсе не знаем; acc. s. (цркcл.) *коⷩь*, может быть, и получился из **koń̥en* (есть, однако, и другие объяснения для этой формы). — Что же до гипотезы самого Гирта l. c. II 345, по которой в конечных слогах ударяемое *o* сохраняется, неударяемое же *o* переходит в *ъ*, то уже Ягич указал AfslPh. XV 428 сл., что ей противоречат сербские формы voc. s. *žẽno, rûko* и др. (что *-o* тут восходит к старому *-a*, это, вопреки Бернекеру KZ XXXVII 371, лишено в данном вопросе всякого значения, так как *a* и *o* вполне совпали в славянском).

Перейдем теперь к тем падежам, в образовании которых славянские языки расходятся с балтийскими. В некоторых из них это различие, вероятно, возникло только после распадения предполагаемого славяно-балтийского единства. Сюда, вероятно, относится дат. падеж ед. числа. Балтийские языки
159 еще представ-//ляют рефлекс старого иде. окончания *-ō(i̯)*. К *-ōi̯*, вероятно, восходит пр. *-ai* в *wirdai* «слову», а к *-ō* (ср. Trautmann Apr. Spr. § 117) — *-u* в *stesmu* «тому», *malnĩku* «ребенку» и (с тем же *-u*, возникшим фонетически из *-ō* только после губных и задненебных) *sĩru* «сердцу» и *piru* «прихожанам»; с этим *-u* при *-ai* ср., наприм., гр. (лесб.) αὔτω при атт. αὐτῷ и др. Ту же двойственность мы находим и на литовской почве. К *-ōi̯*, вероятно, восходит обычное *-ui*, причем переходной ступенью было **-uoi̯*. Видеман KZ XXXII 119 находит еще эту переходную ступень в приведенных Бецценбергером (BGLS 65 и 128) старолитовских формах *berneliûi, Demetriûi, giwamûyem (diewui), (tynklui) jmestamûiem, pirmamûiem, vszmuschtamûiem* и др. В сущест-

---

и литовской формой *atuo-*, понятной только при наличности старого *ata-*, ср. мои Лат. предл. I 208 [šai izdevumā I 506 sk. — Red.]. — И если Гуер l. c. 19, рассуждая о первоначальном значении этого префикса, говорит, что лит. *atnèšti* и сл. *otnesti* «neznamená původ. ani *adferre* ani *auferre*, nýbrž [pirmpublicējumā kursīvā. — Red.] je perfektivem k *ferre*», то он упускает из виду, что первоначально все глагольные префиксы имели то или другое местное значение. — Неточно, наконец, его сообщение l. c. 21, будто бы я Лат. предл. I 56 сл. [šai izdevumā I 362 sk. — Red.] высказался против родства слав.-балт. **at-* с скр. *áti* и др.

вительных (как в *bernelĭui*) это *-ĭui* (при обычном уже в старолитовских текстах *-ui*) — вероятно, опечатка вместо *-ui*[251]; а в окончании (определенных прилагательных) *-amŭiem*, вероятно, действительно сохранилось *uo* из *ō*, так как тут — в конце слога — *uo*, собственно, и должно было сохраняться. В положении же перед тавтосиллабическим *-į uo* правильно сократилось в *u* (ср. *-uñ* из *-uõn* в gen. pl.), а не «infolge der gestossenen betonung», как странным образом полагает Wiedemann KZ XXXII 119, забывая при этом гр. *-ῳ̃* (принято доказывать циркумфлектированную долготу лит. *-ui* также ссылкой на лит. *paskuĩ* «потом, после»; но формы *pãskun*[252] и *paskutìnis* предполагают основу *pasku-*, так что естественнее считать *paskuĩ* за loc. s. из **paskūjė*). В части говоров *-ui* далее сокращено в *-u*[253], ср. Trautmann Apr. Spr. 217. В жемайтских же говорах мы находим рефлекс варианта *-ō* : *-ou* в северо-западных говорах (где из *uo* получилось *ou*) и *-ū* в юго-восточных говорах, имеющих *ū* из *uo* (совершенно непонятно, почему Траутман l. c. возводит это *-ū* к *-ui*). Затруднительно объясне-//ние приведенных Явнисом (Понев. 160
гов. II 6 сл.) форм dat. s. вроде *výrai*[254] (в Добейкской волости) и *výre* (с *-e* из *-ai*) «мужу» (в вобольникском говоре); думать тут о переносе окончания *-(ai)* основ на *-ā* или о варианте *-oi*, сокращенном из *-ōi* (ср. гр. беот. *-οι* при атт. *-ῳ*), не очень заманчиво, но ничего другого я не могу придумать. — В праславянском из иде. *-ōį*, по моему мнению, могло получиться только *-oį* > *-ě*[255], совпадавшее как с окончанием некоторых других падежей основ на *-o*, так и с окончанием (*-oį* > *-ě* из иде. *-āį*) dat. s. основ на *-ā*. Совпадение dat. s. с loc. s., вероятно, не стесняло, так как от других основ сохранились одни и те же формы для этих обоих падежей; но совпадение dat. s. основ на *-o* с dat. s. основ на *-ā* было неудобно, не давая возможности различать, наприм., *рабу* от *рабъ* или *доброму* от *доброй* (совпадение же этих же основ в loc. s. было менее неудобно, так как loc. s. названий живых

---

[251] Ср. Leskien AfslPh. III 501.

[252] [Autora eksemplārā: *pāskum* An. 215 //]

[253] Это *-u* возникло, может быть, первоначально в сложных прилагательных перед *-jamui* (**geramui-jamui* > **gerāmu-jamui*), ср. формы женск. рода *baltajai* у Куршата Gr. § 952 или *mãžajai* LChr. 335, 34 и др. и BB XXVII 313 [šai izdevumā I 265. — Red.].

[254] К. К. Буга мне пишет, что он такой формы не слыхал, так что не исключена возможность, что сообщение Явниса основано на каком-то недоразумении.

[255] Ср. Hujer Slov. dekl. jm. 131.

существ употреблялся реже, по крайней мере не в зависимости от предлогов; кроме того, можно думать о различии в ударении в loc. s. этих основ). Ясно для меня также и то, что праслав. *-u* в dat. s. основ на *-o* перенято из парадигмы основ на *-u*, причем ход развития я представляю себе следующим образом, близко сходясь с Лескином (Decl. 58) и отчасти с Богородицким (Очерки по языковедению[3] 406 сл.), ср. также Vondrák Vergl. slav. Gramm. II 4. В литовском языке (ср. Kurschat Gr. § 517 и Leskien Nom. 318), должно быть, имелись основы на *-i̯o* рядом с однозначащими основами на *-i̯u*, следствием чего было смешение этих основ, сказывающееся, наприм., в том, что основы на *-i̯o* отчасти принимают падежные окончания основ на *-(i)u* (чаще всего в voc. s., а иногда и в gen. s.). Позволительно, значит, предполагать такое смешение тех же основ также в праславян-
161 ском, и окончание *(-ju)* voc. s. основ на *-i̯o* под-//тверждает это предположение. Еще сильнее должно было стать это смешение после совпадения основ на *-o* и на *-u* в nom. и acc. s. Если Вондрак и Богородицкий правильно предполагают, что уже в праславянском окончанием dat. s. основ на *-u* было *-u* (рядом с древним *-ovi*), то следовало бы думать, что основами на *-i̯o* было перенято окончание *-i̯u* у основ на *-i̯u* не только в звательном, но и в дат. падеже ед. числа и что затем под влиянием основ на *-i̯o* также основы на *-o* (во избежание совпадения с основами на *-ā*) стали оканчиваться в дат. падеже ед. ч. на *-u*. Серьезных препятствий для такого предположения я не вижу. В древнецерковнославянских парадигмах основ на *-u* обыкновенно даются только формы dat. s. на *-ovi;* но, как указывает Вондрак l. c., в наших памятниках цркcл. языка dat. s. основ на *-u* оканчивается гораздо чаще на *-u*, чем на *-ovi*, и также в старочешском встречаются формы dat. s. вроде *domu*. Эти формы dat. s. на *-u* (от основ на *-u*) могут представлять собою старый loc. s. тех же основ, получивший также значение дат. падежа под влиянием основ на *-i*, имевших в dat. и loc. s. одно и то же окончание. А если бы, наприм., **vьlku* было древнее, чем, наприм., **synu* (dat. s.), то пришлось бы полагать, что основы на *-o* (через посредство основ на *-i̯o*, чередовавшихся с основами на *-i̯u*) переняли у основ на *-u* окончание *-u* сначала в loc. s. (как основы на *-i̯o*, может быть, еще раньше в voc. s.), так что было время, когда (да отчасти и теперь еще, ср. Vondrák l. c. II 13) основы на *-o* в loc. s. оканчивались и на (*-oi̯* >) *-ě*,

и на (*-oų* >) *-u*[256]. Благодаря этому чередованию в loc. s., также в dat. s. основ на *-o* рядом с древним (*-oį* >) *-ě* могло возникнуть (*-oų* >) *-u*. И из именной флексии это окончание могло перейти и в местоименную флексию, так что, наприм., рядом с dat. s. (**tomoį* >) **tomě* возникло (**tomoų* >) **tomu*. А так как последняя форма была свойственна исключительно дат. падежу (при loc. s. **tomь*), то в именных (а потом и в местоименных) основах на *-o* старое (*-oį* >) *-ě* в // dat. s. 162
было совершенно вытеснено окончанием (*-oų* >) *-u* во избежание неудобного совпадения в dat. s. основ на *-o* и на *-ā*. Предоставляю теперь читателю выбор между изложенным мною морфологическим объяснением окончания *-u* и предложенным некоторыми языковедами фонетическим объяснением его из *-ōį*.

Славянским новообразованием, вероятно, следует считать также окончание *-y* в instr. pl. основ на *-o*. Отвергая — кажется, с полным правом[257] — все предложенные другими объяснения этого окончания, Бругман IF XXII 336 слл. (с указанием литературы) и Grdr. II² 2, 268 сл. полагает, что это *-y* первоначально было свойственно основам на *-u*, сопоставляя это *-y* с авест. *-uš, -ūš* и возводя эти окончания к иде. *-ūs*. Соглашаясь с этой гипотезой Бругмана, можно было бы выводить из тех же иде. instr. pl. на *-ūs* латышские наречия вроде *pārmaiņus* «попеременно» LP VII 1, 16 (ср. Лат. предл. I 166[258]), *nuopakaļus* «сзади» LP I 48 и VI 456 (ср. Лат. предл. I 137[259]), *izklaidus* «порознь» LP VI 10 (ср. Лат. предл. I 102[260]), *apukaļus* «назад» BB XVII 284 (ср. Лат. предл. I 59[261]), *garšļaukus* «врастяжку» LP III 23, *blakus* (при *blakām*) «возле», *sāņus* «насторонь» и др., и это тем более, что в латышском языке весьма многие наречия представляют собою формы instr. pl.[262], ср. статью Мюленбаха в Изв. IX 3, 233 слл. Но для того, чтобы можно было

---

[256] Нет, значит, надобности предполагать (ср. Hujer Slov. dekl. jm. 131 слл.) для основ на *-o* loc. s. на *-ou*.

[257] Ср. Hujer Slov. dekl. jm. 161 слл.

[258] [Šai izdevumā I 467. — Red.]

[259] [Šai izdevumā I 439. — Red.]

[260] [Šai izdevumā I 405. — Red.]

[261] [Šai izdevumā I 365. — Red.]

[262] Таковы, между прочим, наречия вроде *krievіskis* «по-русски», *latviskis* «по-латышски» и др., показывающие, что Вондрак Vergl. slav. Gramm. II 353, вероятно, ошибается, предполагая, что (праслав.) наречия на *-ьsky* не представляют собою instr. pl.

принять это толкование Бругмана, необходимо проверить доказательную силу авест. форм на *-uš, -ūš*. Бругман приводит, по словарю Бартоломэ, всего шесть или семь таких форм. Но дело в том, что некоторые из этих форм вовсе не имеют значения творит. падежа. В обороте *daēna ... pərənāyuš čiθąm* («наказание») *θwərəsaiti* («предписывает») V. 3, 42 форма *pərənāyuš*, по мнению[263] Бартоломэ, — instr. pl., но в значении dat. pl. По-моему, однако, это скорее acc. pl.
163 masc. g.; тут можно думать о такой же конструк-//ции с двумя винит. падежами (из которых один, по определению Рейхельта Awest. Elementarb. 228, «bildet mit dem Verbum einen Tätigkeitsbegriff»), какую находим в приведенных Рейхельтом l. c. оборотах *yō narəm vīxrūməntəm xᵛarəm jainti* V. 4, 30 «wer einem eine blutige Wunde schlägt»; *āaṭ tā hazō nivarəzayən daēva* Yt. 19, 80[264] «und die D. taten ihnen Gewalt an» и др. Значение винит. падежа (по мнению самого Бартоломэ) имеют формы на *-uš* в параллельных оборотах *kaṭ taṭ dąma ... hazaŋraja aŋrō.mainyuš* (scil. *dąma*) *paiti.jasaiti* V. 13, 1 и *kaṭ taṭ dąma ... hazaŋraja spəntō.mainyuš* (scil. *dąma*) *paiti.jasaiti* V. 13, 5 и в обороте: *kahe vača vanāi*[265] *... kama zaya hukərətā̆ŋhō*[266] *mana dąma aŋrō.mainyuš* V. 19, 8. С формою (masc. g.) на *-uš* при *dąma* ср., с одной стороны, оборот *vīspanąmča spəntahe mainyāuš dāmanąm ašaonąm ašaoninąmča* Y. 1, 16[267], а с другой стороны, приведенные Рейхельтом l. c. 293 обороты, где существительные среднего рода имеют при себе определение (прилагательное) в мужском роде. В V. 13 есть и другие нарушения синтаксиса, а в обороте из V. 19, 8 также *hukərətā̆ŋhō* ошибочно. Остается только 4 примера с значением instr. pl.: *vī daēvāiš aγāiš avaŋhūš*[268] *anarətāiš ... sarəm mruyē* Y. 12, 4[269], *vī (sarəm mruyē) daēvāiš ... vī yātuš vī yātumaṭbiš* Y. 12, 14[270];

---

[263] [Autora eksemplārā malā: ***vidēddāt*** //]

[264] [Autora eksemplārā malā: Yašt //]

[265] [Autora eksemplārā virs šā vārda uzrakstīts: superabis]

[266] [Autora eksemplārā virs šā un iepriekšējā vārda uzrakstīts: оружием вм. i. s.]

[267] [Autora eksemplārā malā: Yasna //]

[268] Так у Гельднера; Бартоломэ же дает *avaŋhīš*, и в рукописях также *avaŋhuš, avaŋhūiš*.

[269] [Autora eksemplārā virs šā teikuma 3. vārda *(aγāiš)* uzrakstīts: böse, blakus 4. vārdam: ungut, virs 5. vārda: беззаконник, virs 6. vārda: союз, virs 7. vārda *(mruyē)*: отказываюсь]

[270] [Autora eksemplārā blakus šā teikuma 6. vārdam *(yātuš)* uzrakstīts: колдун, virs 7. un 8. vārda: и их поклонники]

ratuṛriš pituš[271] *xᵛāstāiš* N. 57[272]; *ratuṛriš ... vīzušča xᵛāstāiš*[*ča*] N. 57[273]. На основании этих 4 примеров можно было бы с некоторою уверенностью приписывать иде. праязыку instr. pl. (от основ на *-u*) на *-ūs* лишь в том случае, если бы в тексты Авесты с течением времени (когда уже плохо владели вымершим языком) не вкралось столько ошибок: как вообще нет ни одного падежа, который бы иногда ошибочно не заменялся другим падежом, так и в сочетании *srīrāiš nāmąn* Y. 15, 1 мы находим форму acc. pl. в значении instr. pl. Кроме того, следует еще иметь в виду и то, что формы на *-āiš,* в соседстве которых встречаются вышеприведенные instr. pl. на *-uš*, весьма часто встречаются также в значении acc. (и nom.) pl. (ср. J. Schmidt // Neutra 164
262 слл.), чем, пожалуй, могло быть вызвано употребление форм (acc. pl.) на *-uš*[274] в значении instr. pl. И если бы действительно когда-либо имелись instr. pl. на *-ūs* (от основ на *-u*), то ожидались бы также instr. pl. на *-is* (от основ на *-i*); авест. же формы *ašaoniš* и *nāmāniš* произведены от основ на *-n* и употребляются в значении nom., acc. pl. neutr. g. Этими замечаниями, которыми весь вопрос, разумеется, далеко не исчерпывается, я тут должен ограничиться, так как сейчас не пишу монографии о языке Авесты, но рассматриваю вопрос о славяно-балтийском праязыке. Достаточно ясно, однако, на мой взгляд, что указанная Бругманом ex oriente lux не освещает данного вопроса, но скорее вводит в заблуждение. Латышские же наречия на *-us* могут считаться новообразованиями, ср. Zubatý IF III 136 и Мюленбах Изв. IX 3, 264 сл. — Остается, кажется, объяснять слав. instr. pl. на *-y* (как говорит Брюкнер KZ XLIII 301) «mit einfachen Hausmitteln». Несомненным я считаю то, что это окончание — славянское новообразование, обусловленное совпадением *-oi̯* > *-ě* (= лит. *-aīs* и ар. *-āiš,* в основах на *-o*) : *-ei̯* > *-i* (в основах на *-i̯o*) с окончанием некоторых других падежей. Но откуда именно взялось это *-y,* сказать нелегко. Решаюсь тут высказать следующую догадку, сам отлично сознавая всю проблематич-

---

[271] Так у Бартоломэ вместо *patuš* рукописей.

[272] [Autora eksemplārā virs šā teikuma 1. un 2. vārda uzrakstīts: Ratu befriedigend, zem 2. vārda: пищами, virs 3. vārda: вареными, blakus šifrai (N. 57): Nīrangastān]

[273] [Autora eksemplārā virs šā teikuma 2. vārda *(vīzušča)* uzrakstīts: Name einer Speise]

[274] Bartholomae сам, кроме того, принимает это *-uš* за *-viš,* Zum altiran. Wörterb. 135; в Grdr. же Бругмана, II² 2, 269¹, он уже склонен возводить это *-uš* к **-ūis,* что не менее проблематично.

ность ее. В некоторых случаях, особенно после глаголов типа «считать, делать, называть» (ср. Vondrák Vergl. slav. Gramm. II 309, 311, 312, 346, 347, 349, 353 слл.), когда-то в праславянском винит. и творит. падежи, вероятно, употреблялись promiscue. С течением времени, когда в известных оборотах творит. падеж стал преобладать над винительным, дольше мог держаться винительный пад. множ. ч. от основ на *-o* во избежание более чем двусмысленной формы instr. pl. на (*-oi̯* >) *-ě*. Могло, значит, наступить время, когда рядом, наприм., с **dobrami* все еще употреблялся старый винит. падеж **dobry*; но если от всех прочих основ в известных
165 случаях употреблялся исключи-//тельно или преимущественно instr. pl., тогда как от основ на *-o* в таких случаях еще являлся acc. pl., то формы (acc. pl.) на *-y* от основ на *-o* в этих случаях с течением времени могли получить значение творит. падежа[275]. А следствием этого могло затем быть употребление этих форм на *-y* также в тех случаях, где искони мог применяться только творит. падеж, и перенесение этого окончания из парадигмы основ на *-o* муж. рода в парадигму основ на *-i̯o* (где из *-jy* получилось *-ji*) и основ на *-o* средн. рода и др.

Что касается литовских форм voc. s. вроде *dievè,* то нет надобности (из-за их наконечного ударения) возводить их *-è* непременно к *-é*: как показывают формы множ. ч. (и скр. *dēvá-s*), *dievè* может представлять собою старое oxytonon, а под влиянием форм типа *dievè* могли затем возникнуть формы voc. s. вроде *ponè*; ср. также Bezzenberger BB XXI 294 Anm. 2[276].

Старое различие между славянскими и балтийскими языками скорее имеется в instr. и loc. s.

В творит. пад. ед. ч. лит. и ла. *-u* < *-uo* (= скр. вед. *-ā,* авест. *-a* и др.) расходится с праслав. *-ъ*. Вондрак (Vergl. slav. Gramm. II 6), правда, Ляпунов (Формы склонения I 13 сл.; ср. Jagić AfslPh. XXVIII 120) и Hujer Slov. dekl. jm. 150 сл. считают это *-ъ* славянским новообразованием; и это вполне возможно[277]. Но в таком случае, кажется, ожидались бы также формы instr. pl. на *-omi* взамен неудоб-

[275] Аналогичное явление мы находим в латышских говорах, где известные формы gen. s. женского рода приобрели значение вин. и твор. падежей, ср. Mühlenbach IF XIII 244 сл. и мои Лат. предл. II 12 [šai izdevumā I 534. — Red.].

[276] [Autora eksemplārā: и Lit. Forsch. VIII[1] //]

[277] Окончание *-a* (= лит. *-u*) совпадало бы с окончанием других падежей. Ср. также лит. новообразования вроде диал. *vilkumi.*

ного (*-oį* >) *-ě*; и славянскому *-оть* соответствует (за исключением различия в согласном) гр. *-οφι*, арм. *-ov*. Не исключена поэтому возможность, что балтийское и славянское окончания одинаково древни. При этом следует еще считаться с возможностью, что в «славяно-балтийскую эпоху» во всех славяно-балтийских говорах употреблялось *-ō* рядом с *-omi*, с различием, может быть, в значении.//

Между тем как славянские языки сохранили старую 166
форму местн. пад. ед. ч. на *-ě* из иде. *-oi*, в литовском языке старое окончание почти вытеснено новым, возникшим под влиянием форм loc. s. местоименной флексии и основ на *-ā*, ср. об этом, наприм., Leskien Decl. 47, Brückner AfslPh. III 277, Gaigalat Lit. Mitt. V 128, Zubatý IF VI 284 слл. (с указаниями литературы)[278], Поржезинский Изв. I 484, Būga Kalbos dalykai 27, Явнис Росс. у. 36 сл. и Понев. гов. II 9 сл. (Явнис, однако, неправильно объясняет происхождение форм вроде *výrę*). Старые формы на *-iẽ* сохранились в старолитовских текстах, особенно перед *-p(i)*, ср. Bezzenberger BGLS 133 и 251[279]. Но это лит. *-iẽ*, согласно моей теории о возникновении лит.-ла. *ie*, скорее восходит к иде. *-eī*, нежели к *-oī*[280]. Видеман Handb. 63 (и также Явнис l. c.) возводит к *-ie* также *-i* в старолитовских формах loc. s. (в которых, однако, это *-i* правильнее объясняется из *-ę*) и, принимая их за формы loc. s., в современных наречиях вроде *tolì* «далеко», *artì* «вблизи», *ankstì*[281] «рано»[282]. Я считал сначала *tolì*, *artì* и *ankstì* за nom. s. fem. gen. (ср. Kurschat Gr. § 1340), но К. К. Буга мне пишет, что в восточнолитовском вместо *tiẽ̀ eĩti*, *jaũ šviesì* и др. говорят только *tiẽ̀ž eĩti*, *jaũ šviesù* и др., между тем как *tolì*, *artì* и др. и там известны, и указывает на формы вроде *iki gâli* у Даукши Post. 236, 25, *ik' mêti* 272, 20 и др. с общелит. *-i*, вероятно, из *-ie*. *mẽti* вместо **metì* может объясняться влиянием **mẽtie*. Что же до **metie* (откуда

---

[278] [Autora eksemplārā: Schmidt KZ 27, 385 //]

[279] Ср. также *prieg krikszt*ie в катехизисе 1605 г., вновь изданном Быстронем, стр. 31; ср. там же *prieg stutpy* 85, где *-y* из *-ę*.

[280] Но как в греческом мы находим *-οῖ* при *-εῖ*, так, вероятно, когда-то и в балтийских языках имелся loc. s. на *-aī*: такие формы loc. s. я усматриваю в наречиях вроде пр. *labbai* «wohl», лит. *labaĩ* «очень», ла. *labi* «хорошо», ср. црксл. *добрѣ*, скр. *kšiprḗ* «быстро» и др. и лит. наречия на *-iẽ* (из иде. *-eī*) вроде *toliẽ* «далеко» в Дусятах (ср. у Куршата *iš tólo* «издали») = *tolìj* у Довконта (Geitler Beitr. 19). [Autora eksemplārā šai piezīmei pret vidu lappuses malā: cf 44, 188 //]

[281] Иначе объясняются *artì* и *anksti* Бецценбергером BB XXVII 157 сл.

[282] [Autora eksemplārā: *ankstie* Klaip. 8 //]

**meli*), то оно могло (при **mētie*) получить акут под влиянием
167 форм, сложенных с *-pi* (ср. *namiẽ* : *namiẽpi*; эту // форму находим, наприм., LChr. 391, 36), и под влиянием loc. s. на **-ie* от основ на *-i*.

Что же до acc. pl. основ на *-o* (и также основ на *-ā*), то праслав. *-y* (при *-ę* от основ на *-io, -iā*) сходится по крайней мере с прусскими формами на *-ans* вроде *gallans* (от *galla-*[283] «смерть») и *rānkans* (от *rankā-* «рука»). И некоторые языковеды выводят также лит. *-úos* > *-ùs* (от основ на *-o*) из иде. *-ons*, так, наприм., Leskien, ср. IF III 150 и IFA XIII 84, Mahlow AEO 123, Wiedemann KZ XXXII 120 и Handb. 64, Streitberg IF III 150 слл., Mikkola RSl. I 8 сл. и, по-видимому, также Фортунатов KZ XXXVI 30[2] и Поржезинский Сборн. Форт. 643 и К истории форм спряж. 9. Из них, однако, только Штрейтберг пытается показать, каким путем в литовском из иде. *-ons* получилось *-úos* > *ùs* вместо ожидаемого *-ą̀s;* да и его попытка, по моему мнению, совершенно неудачна. Штрейтберг именно полагает, что в прабалтийском из иде. *-ons* (путем удлинения гласного перед *ns*) получилось *-ō$_n$s*, к которому восходят, с одной стороны, лит. *-úos*, а с другой стороны, пр. *-ans* и лит. диал. *-uns*. А еще до возникновения *-ō$_n$s* из *-ons*, но все же в прабалтийскую эпоху, по мнению Штрейтберга, иде. *-āns* изменилось в *-ās*, причем прусские формы вроде *gennans*[284] им принимаются за новообразования. Возводить же лит. и ла. *-as* к иде. *-ās*, сохранившемуся также в арийском, Штрейтбергу мешали гот. *-ōs* и метрическое растяжение ведийского *-ās*, указывающие будто на иде. *-ās*. По-моему, однако, при установлении качества праиндоевропейских долгот следует скорее руководствоваться показаниями
168 тех язы-//ков (славяно-балтийских и греческого), которые действительно в историческое время знают различие в интонациях, нежели «законами», придуманными некоторыми языковедами. Что до метрического растяжения в арийских языках, то ср. Zubatý LF XXIII 196 сл. и сказанное мною

---

[283] Перевод немецкого «von den todten» посредством пр. *assa gallans* я объясняю себе недоразумением прусских толмачей, производивших нем. *todten* от *tod* «смерть»; ср. правильный перевод *(esse gallan)* этого же оборота 31, 16, 31; 79, 2 (по изданию Траутмана).

[284] Бругман Grdr. II[2] 2, 226 (ср. также van Wijk IF XXII 258) странным образом находит «ein jüngeres» **-āns* für **-ans* не только в формах вроде *pirmá(n)s-es*, но также, наприм., в лит. *rankàs* и *rankos-nà* и в ла. *rùokas*! Последние формы, конечно, могут восходить только к прабалтийским формам на *-ās*, ср. Zubatý AfslPh. XV 500[1] и Hujer Slov. dekl. jm. 99.

AfslPh. XXXII 291[285]; гот. же *-ōs* не может служить достаточной причиной выводить лит. и ла. *-as* не из иде. *-ās*, но из *-āns*, так как достоверно не знаем, к чему восходит это гот. *-ōs*. Гипотеза же о происхождении лит. *-úos* через прабалт. *-ōns* из иде. *-ons* невероятна вследствие связанной с нею необходимости целого ряда рискованных предположений: 1) приходится предполагать, что в прабалтийском сохранилось еще иде. *o*, ср., однако, выше стр. 107; 2) приходится предполагать несколько эпох исчезновения *n* перед *s* (сначала в окончаниях *-āns*, *-ēns*, затем в *-ōns* и, наконец, перед неконечным *s*); 3) приходится считать лит. причастия на *-ą̃s* (= ла. *-us*) и *-ę̃s* (=ла. *-is*) литовско-латышскими новообразованиями, что далеко не так естественно, как это кажется Штрейтбергу (язык, сохраняющий nom. s. вроде *aktuõ*, *mẽnuo*, *sesuõ*, *šuõ* рядом с прочими падежами, произведенными от основ *akmen-*, *mẽnes-*, *seser-*, *šun-*, и имеющий и теперь еще, наприм., *sùkęs* при формах от основы *sukus-*, мог бы сохранить также, наприм., **sùkės* и **sukuõs*); 4) приходится полагать, что лит. gen. s. вроде *manę̃s* (= ла. *manis*) моложе окончания **-ōns*; 5) приходится ввиду лит. форм вроде *spą́stas* (= ла. *spuosts*) «ловушка» допустить, что удлинение гласного имело место только перед конечным *ns*, для чего не вижу достаточного резона. Еще менее удачно, пожалуй, толкование Бругмана Grdr. II² 2, 224 сл. (с указанием литературы), по которому после совпадения окончаний *-ons* (в основах на *-o*) и *-ans* (в основах на *-ā*) возникли еще в прабалтийском новообразования **-ōns*, **-āns*, **-ēns* и т. д. под влиянием отношения в loc. pl. *-uos-* (в основах на *-o*) к *-ās-* (в основах на *-ā*), причем это случилось, когда более не действовал закон о сокращении долготы перед тавтосиллабическими носовыми и плавными (Grdr. I² § 933, 1)! Что же до лит.-ла. *-uos-* в loc. pl., то Бругман l. c. II² 2, 252 выводит его из прабалт. *-ōs-*, возникшего под // влиянием *-ās-* в основах на *-ā*. Но так как *ō* 169
является долготою, соответствующею краткому *o*, но не *a*, то это объяснение было бы мыслимо лишь в том случае, если бы во время возникновения *-ōs-* (в loc. pl. основ на *-o*) в балтийских языках еще существовало *o* (совпавшее, по мнению Бругмана, с *a* еще в славяно-балтийскую эпоху). Поэтому гораздо естественнее считать, что *-uos-* в loc. pl. возникло под влиянием acc. pl. на *-uos*, ср. Leskien Decl. 106, Mahlow AEO 124, J. Schmidt KZ XXVII 307, Bezzenberger BB XV 295

[285] [Sai izdevumā II 672. — Red.]

и XXI 295, Zubatý AfslPh. XV 509 и IF VI 282 сл., Streitberg IF III 151 сл. и Wiedemann Handb. 64. Закон же, указанный Бругманом Grdr. I² § 933, 1, и до сих пор не перестал действовать: ср. лит. *aštuñtas* из **aštuõntas* (*uo* же возникло не раньше литовско-латышской эпохи) и указанные мною KZ XLIII 2 Anm. 1[286] примеры. Фонетические затруднения не устраняются также предположением Hanssen'a KZ XXVII 615¹ и Гирта IF XVII 57 сл.[287], что лит. *-úos* восходит к иде. *-ōns* (причем Гирт это *-ōns* выводит из *-omns*!), так как из иде. *-ōns* получилось бы лит. *-ąs* или (если бы закон о сокращении долгот начал действовать после перехода *ō* в *uo*) *-u(n)s*. Общебалтийские случаи утраты *n* между долгим гласным и *s* нам неизвестны. Остается, на мой взгляд, только возможность возводить лит. *-úos* к иде. *-ōs*, ср. Zybatý AfslPh. XV 508 сл. и IF VI 273¹ (Зубатый, однако, считает также возможным выводить *-úos* из иде. *-ōns*), Mikkola BB XXII 249 (который, однако, считает это *-ōs* за окончание nom., acc. pl. neutr. g. основ на *-s*, не выясняя возможности такого дикого смешения окончаний) и Погодин Варш. Унив. Изв. за 1903 г., IV 4, 15 (который, однако, возводит к этому же *-ōs* также слав. *-y*). Окончание *-ōs*, свойственное первоначально имен. падежу, могло быть перенесено в винит. падеж благодаря тому, что основы на *-ā* имели *-ās* (вероятно, с различием в интонации) не только в имен., но и в винит. падеже[288]. Путем смешения *-ons* и *-ōs*
170 затем в части говоров иде. пра-//языка возникло *-ōns*, откуда арийское *-āns* (также **-ons* прочих иде. языков, может быть, восходит к тому же *-ōns*). Что же до лит. диал. *-uns*, то Зубатый IF VI 273¹ полагает, что оно возникло путем смешения окончаний **-ans* (= пр. *-ans*) и *-úos* > *-us*[289] или же восходит через *-uons* к иде. *-ōns*, между тем как прежде (AfslPh. XV 508 сл.) он допускал возможность, что *-uns* представляет собою восточнолитовское изменение более древнего *-ans*. А между тем формы с *-uns-*[290] мне сейчас известны

---

[286] [Šai izdevumā II 91 skk.³ — Red.]

[287] Ср. также IF X 67¹, где Meillet выводит лит. *-uos* из *-uǫs*.

[288] Ср. с этим авест. acc. pl. на *-ā̃*, *ā̃ŋhō*, *-e*, *-a* от основ на *-o*. — Подобно теперь объясняет лит. *-úos* также Hujer Slov. dekl. jm. 107 сл.

[289] [Autora eksemplārā lappuses augšmalā: Telš. a. pl.: *tùs*, *šiùs*, *výrus*, *súnus* //]

[290] Формы же вроде *vilkuns* (у Бругмана Grdr. II² 2, 221 и др.) я в печатных источниках лит. языка нигде не встречал, и К. К. Буга подтверждает мне, что такие формы не существуют. Приводятся же они, вероятно, по И. Шмидту KSB IV 268, который там упоминает «жем. *vilkuns*» (должно быть, на основании какого-то недоразумения).

только из жемайтских говоров, наприм.: loc. pl. *darbunse* у Шлейхера Gramm. 176; *tunse vargunse, Prúsunsi* у Куршата § 534; acc. pl. *battûnsius* (sic!) § 953 (при *žodius* в том же говоре § 532); *atskaitýtunsius ... pìningus* у Гейтлера Lit. St. 21; *nešamunsjus dāktus* LChr. 319, 40. В жемайтских же говорах, ср. Būga Kalbos dalykai 52, иногда между долгим гласным и *s* (и также после конечной долготы) развивается нефонетическое *n*[291]; к примерам, приведенным l. c., автор в присланном мне экземпляре прибавил еще *glùnsnis* (= *glúosnis*), *bùnži* (= *búožė*), *šuñ* (= *šuõ*), dat. s. *žmuõgun* (в Ворнях)[292]. А если это так, то формы с *-uns-*, вероятно, тоже имеют такое нефонетическое *n*, возникновению которого могли содействовать формы женск. рода на *-ans*, приведенные Бецценбергером BGLS 155, ср. также Bechtel LLD III стр. XLIV и жем. *raybanses* Schleicher Leseb. 25[293]. //

b) Из склонения основ на *-ā*. Эти основы, 171
вероятно, когда-то склонялись совершенно одинаково в тех говорах, от которых ведут свое начало теперешние славянские и балтийские языки. В тех немногих случаях, где славянские языки теперь расходятся с балтийскими, это различие, вероятно, вызвано сравнительно поздними новообразованиями. Так, в acc. pl. праслав. *-y* расходится, как выше указано, с лит. и ла. *-as*, но совершенно сходится с пр. *-ans* и лит. *-ans*, причем следует считаться с возможностью, что когда-то не только в прусском (ср. *per-pettas*), но и в славянском (ср. Zubatý AfslPh. XV 500) существовал рефлекс праязычного *-ās*. — В nom. pl. слав. *-y* — очевидно, окончание acc. pl.[294], проникшее в nom. pl. взамен двусмысленного *-a* (из *-ās*)[295]; этот перенос окончания мог особенно легко произойти, если действительно когда-то и в праславянском acc. pl. оканчи-

---

[291] [Autora eksemplārā: cf KZ 45, 86 //]

[292] [Autora eksemplārā: cf *gnìmbti* [*m* pasvītrots] // Jušk. 708 //]

[293] Mikkola BB XXII 250 выводит непосредственно из **tāns* также диал. *táis* (Лит. нар. п. 135), полагая, что *į* там получилось фонетически из *n*. И также Бецценбергер BB XII 75 слл., приводя диалектические формы вроде *áižuols* «дуб» или *káisti* «кусать», приходит к заключению, что в части говоров акутованное *á* фонетически изменяется в *ái*. По-моему, это *ái* сменило правильное *á* благодаря колебанию между *ái* (из прабалт. акутованного *ai*) и *á* (из *ái*), подобно тому как диалектически старое *ąžuolas* «дуб» (ср. Bezzenberger KZ XLII 263) было заменено через *áužuolas* благодаря колебанию между *áu* и *á*. Ср. с этим Būga Aist. St. I 99*

[294] Ср. Hujer Slov. dekl. jm. 74 слл. и 99 слл.

[295] Старые формы, может быть, сохранились в чешских *luka, muka* и др.

вался еще и на *-ā(s)*. — Также в gen. s. праслав. *-y*, каково бы ни было его происхождение (ср. Finck Ueb. d. verh. d. balt.-slav. nominalacc. zum urindogerm. 33 слл., Ляпунов Формы склонения I 36, Богородицкий Очерки по языковедению[3] 398 сл.), по всей вероятности, заменило собой более древнее *-ā(s)*, которое по отпадении *-s* было неудобно, совпадая с окончаниями других падежей. В местн. п. ед. ч. лит. *-oję* (= ла. *-ā*, диал. *-ai̯*) теперь расходится с праслав. *-ě*, но лит. *-oję* разлагается на *-oj-* (= праслав. *-ě*) и постпозицию *-ę* (ср. Zubatý IF VI 284 слл.), так что литовско-латышская форма[296] может считаться новообразованием. — Окончание **-ām* в instr. s. нам достоверно известно только из славянских[297] и балтийских языков. И также в instr. pl. эти языки, вероятно, отличались особым окончанием **-mis*[298], к которому могут восходить праслав. *-mi*, лит. *-mìs* (ср. различие в ударении между dat. pl., наприм. *naktìms* из *naktìmus*, и instr. pl. *naktimìs*, которое,
172 вероятно, обусловлено тем, что *-mìs* сокращено из аку-//тованного **-mīs*) и ла. диал. *-mis* (ср. Мюленбах Изв. IX 3, 233 сл.).

с) Из склонения основ на *-i* и *-u*. Также эти основы когда-то, вероятно, склонялись в рассматриваемых мною группах языков почти одинаково. Старое различие, кажется, имелось только в gen. pl. Тогда как литовские формы вроде *nakčių̃* (= ла. *nakšu*) указывают на окончание *-i̯ų̃m*, славянские формы вроде црксл. *ноштьи* предполагают окончание *-iį̃m*. Еще больше различие между лит. *sūnų̃* из **sūnų̃m* и црксл. *сыновъ*; но окончание, соответствовавшее славянскому *-ovъ*, когда-то, может быть, имелось также в балтийских языках, ср. BB XXV 276[299]. — Основы на *-u* расходятся теперь также в nom. pl. (лит. *-ūs*, ла. *-us* : црксл. *-ове*) и dat. s. (лит. *-ui* : црксл. *-ови*); но тут балтийские окончания (по крайней мере, окончание dat. s.) могут быть сравнительно поздними новообразованиями[300]. Основы же на *-i* в образовании nom. pl., вероятно, совершенно сходятся: лит. *-ys*, ла. *-is*, пр. *-is* (с неизвестным количеством гласного)

---

[296] Прусской формы местн. падежа мы не знаем.

[297] Ср. Hujer Slov. dekl. jm. 157 слл.

[298] Также в парадигме основ на *-i* и *-u*.

[299] [Šai izdevumā I 115 sk. — Red.]

[300] Соответствующее црксл. *-ове* окончание nom. pl., кажется, сохранилось в лит. говоре Барановского, ср. *lietous* «regengüsse» у Osthoff'a MU II 140 сл. (и ла. *lietavas* «anhaltendes Regenwetter», предполагающее, кажется, прабалт. **leitaves*) и *stuñbous* и *grõžous* у Буги Kalbos dalykai 16.

могут быть тожественны с црксл. *-ьıе*, восходя одинаково к **-iies*, ср. гр. диал. ἔφιες. Теперь, правда, господствует мнение, что праслав. *-bj-* получилось фонетически не только из иде. *-iį-*, но также (так в nom. и gen. pl. основ на *-i*) из *-eį-*; и, по мнению Ляпунова (Формы склонения I 42), это даже доказано Фортунатовым в его Лекциях, на которые Ляпунов l. c. и ссылается. Эти Лекции, однако, в продаже не имеются, и поэтому не могу не сожалеть, что проф. Ляпунов не выписал данного Фортунатовым «доказательства», так как теперь все, не имеющие Лекций Ф. Ф. Фортунатова (в том числе и автор этих строк), вынуждены или на веру принять это его объяснение, или же, следуя старому девизу «amicus Plato, magis amica veritas», на основании данных языка сами пересмотреть весь этот вопрос. Дерзаю предпочесть последнее. //

Гипотеза о славянском переходе *-ej-* в *-bj-* основывается, 173
насколько я вижу, не на изолированных образованиях, но на флексийных формах, да и то всего на двух категориях форм: на глагольных основах типа црксл. *вьıжь* и на nom. и gen. pl. основ на *-i*. Возникла же она вследствие привычки сопоставлять славянские формы прежде всего не с формами близко родственных балтийских языков, но с формами более отдаленных арийских и классических языков Эллады и Рима: с одной стороны, эти языки, благодаря своим древним памятникам, сохраняли сравнительно больше черт старины, а с другой стороны, греческий и латинский языки нам известны еще из школьных годов. А если уж приходилось обращаться к балтийским языкам, то считались обыкновенно только с формами литовского языка (каковы они в трудах Куршата и Шлейхера). Поэтому-то отожествляют црксл. *трьıе* не с лит. *trỹs* и ла. *trìs*, но с скр. *tráyas*, гр. τρεῖς и лат. *tres*, и црксл. *вьıжь* не с ла. *viju* и лит. диал. **vijù* (откуда III л. *vija* LChr. 400, 25)[301], но с лит. *vejù*. Приведенные мною балтийские формы ясно показывают, что нет решительно никакой надобности предполагать для славянских форм вроде црксл. *трьıе* и *вьıжь* специальный звуковой «закон», так как *-bj-* тут может восходить также к *-ij-*. А что до родит. пад. *трьи*, то, возводя его *-bj-* к *-ej-*, можно сопоставлять эту форму разве с авест. *θrayąm* (которое считается арийским новообразованием), между тем как, с моей точки зрения, *трьи* тожественно не только с лит. *trijų̃* и ла. *triju*, но также с авест. *θryąm*, гр. τριῶν и лат. *trium*. В пользу пере-

[301] [Autora eksemplārā: *į-viju* Jušk. 673 //]

хода *-ej-* в *-ьj-* скорее всего можно привести то обстоятельство, что в славянских языках нет, кажется, несомненных примеров, в которых *-ej-* восходило бы непосредственно к иде. *-ei̯-* (в формах вроде цркcл. dat. s. *ѥи, сеи* и др. сочетание *-ej-* легко объясняется; труднее, однако, было бы справиться с частицею цркcл. *еи* «ναί»). Но это обстоятельство имело бы серьезное значение лишь в том случае, если бы можно было возводить *-ьj-* к *-ej-* в целом ряде примеров, а не только в двух категориях флексийных форм. Если же
174 рядом с окончаниями (основ на *-i*) *-ьѥ* и *-ьи* мы на-//ходим окончания (основ на *-u*) *-ове* и *-овъ*, то этим еще не доказывается, что *ь* в окончаниях основ на *-i* получилось непосредственно из *е*. Для иде. праязыка, правда, можно предполагать параллельные окончания в парадигмах основ на *-i* и на *-u* (наприм., *-ei̯es* : *-eu̯es* для nom. pl. и *-(i)i̯ōm* : *-(u)u̯ōm* для gen. pl.); но после распадения общего праязыка (или даже еще в эпоху совместной жизни?) эта параллельность отчасти нарушается (ср. dat. s. цркcл. *кости* : *сынови* и ниже рассматриваемые окончания loc. s. *-ēi̯* : *-ōu̯*): в говорах, от которых ведут свое начало славянские языки, в парадигме основ на *-u* старое *-uu̯ōm* в gen. pl. (под влиянием *-eu̯es* в nom. pl.) изменяется в *-eu̯ōm,* а в парадигме основ на *-i* старое *-ei̯es* в nom. pl. (под влиянием *-ii̯ōm* в gen. pl. и других окончаний с *i*) изменилось в *-ii̯es*[302]. Но, может быть, меня спросят, почему в основах на *-i* взял верх gen. pl., в основах же на *-u* — nom. pl. Это разногласие было бы странно лишь в том случае, если бы указанные новообразования были произведены одновременно в парадигмах основ на *-i* и на *-u*. Но считать их непременно одновременными нет надобности: разница между *-ei̯* и *-ii̯* меньше, чем между *-eu̯-* и *-uu̯-*. Лескин, наконец (Gramm. d. altbulg. Spr. 44), приводит в пользу перехода *-ej-* в *-ьj-* переход *-ev-* в *-ov-*. Но, во-первых, переходу *-ej-* в *-ьj-* соответствовал бы не переход *-ev-* в *-ov-,* но переход *-ov-* в *-ъv-* (которого, однако, не встречаем), и, кроме того, этот же переход *-ev-* в *-ov-,* ср. выше стр. 84 сл., имел место только перед гласными заднего ряда, так что нет ничего общего между *-ov-* из *-ev-* и предполагаемым переходом *-ej-* в *-ьj-*. Если, значит, в о з м о ж н о возводить всякое праслав. *-ьj-* к иде. *-ii̯-,* то я считаю неправильным предполагать для двух категорий флексийных форм особый

---

[302] Это было тем легче, что основы на *-ī* искони оканчивались в nom. pl. на *-ii̯es* и в gen. pl. на *-ii̯ōm*.

звуковой закон только для того, чтобы можно было отожествлять эти формы не с формами близко родственных балтийских языков, но с арийскими и греческими формами. //

Для большей полноты своей аргументации я тут еще должен коснуться образования nom. pl. основ на *-i* и на *-u* в балтийских языках. По мнению Видемана Handb. 31 сл., 58 и 61, литовские окончания *-ys* и *-ūs* фонетически получились из *-eįes* и *-eųes*; но ср. Leskien Nom. 242 сл. и упомянутые мною на стр. 93 сл. латышские формы на *-eve*. Мнению же Гирта PBrB XVIII 525 и IF I 7, по которому лит. *-ys* (как и праслав. *-i*, гот. *-eis*, лат. *-īs* и вед. *-iš*) восходит к иде. *-īs*, и мнению Бругмана Grdr. II² 2, 216, по которому рядом с acc. pl. на *-ìs, -ùs* возник nom. pl. на *-ys, -ūs* под влиянием отношения nom. pl. на *-os, -ės* к acc. pl. на *-às, -ès*, одинаково противоречит латышское *trîs* (= лит. *trỹs*) «три», прерывистая интонация которого понятна лишь в том случае, если эта форма получилась из **triįės*[303]. Остается, значит, только возводить лит. *-ys* (ла. *-is* и пр. *-is*) и *-ūs* (ла. *-us*) к прабалт. *-iįes* и *-uųes*, возникшим взамен иде. *-eįes* и *-eųes* под влиянием падежных форм с *i, u* в конце основы и основ на *-ī* и *-ū*, ср. Leskien Decl. 78 и 80 и Nom. 242 сл. Возразят, может быть, что этому толкованию противоречат (прусские и) литовские формы (gen. s. и nom. pl. основ на согласные) на *-es*. Бругман Grdr. II² 2, 158[1], правда, сомневается в сохранении иде. *-es* на литовской почве, но в данном случае такой скептицизм неуместен, особенно после образцовой статьи de Saussure'a IF IV 456 слл. К формам, которые de Saussure привел l. c. из Ширвида и Даукши, я тут из Постиллы Даукши прибавлю еще следующие: gen. s. *piemenęś* «пастуха» 231, 33, *piemenés* 273, 16; 328, 17, 25, 27; *akmęnęs* «камня» 246, 31, *ákmenes* 351, 33; *wą́ndenes* «воды» 259, 28, *wândęnes* 335, 2; nom. pl. *piemenes* 53, 32; 69, 22; *âkmęnęs* 59, 29; *móteręs* «жены» 368, 26; *dûkteres* «дочери» 229, 12; *szirdês*[304] // «сердца» 240, 23; *dą́ntes* «зубы» 90, 23; *priéžastes* 176

175

[303] По мнению Микколы (Betonung und Quantität in den westslav. Sprachen I 37), также праслав. **trьje*, судя по врх.-луж. *tř́o* и нижнелуж. *tśo*, имело ударение на конечном слоге.

[304] Основу *šird-* встречаем довольно часто также в gen. pl. (наприм., 45, 36, с наконечным ударением) и gen. s. (наприм., *szirdès* 213, 14). С этим gen. s. *širdès* тожественно ла. *sirds* (с прерывистою интонациею), тогда как литовскому окончанию (основ на *-i*) *-iẽs* соответствует ла. *-is*, сохранившееся // как в старолатышских текстах, наприм. *naktis* «ночи» Und. Ps. 37, *pilis* «замка», *guovis* «коровы» (рядом с *nakts*) Ev. 1587 г., *sirdis* Psalmen² 1615 г. 68a, 69a, 70a, 77a (при *sirds* 72b, 92b), *pilis* 79b, 176

«причины» 204, 2; *szúnęs* «собаки» 156, 16; 250, 15, *szúnes* 209, 15; *sémenes* «семена» 123, 16. Ср. также формы на *-es* из постиллы 1573 г., приведенные Гайгалатом Lit. Mitt. V 128. Сохранились, наконец, формы на *-es* также в некоторых современных литовских говорах: nom. pl. *dũres* «двери» LChr. 385, 30, 41 (при acc. pl. *durìs* 386, 45), *dañtes, žũves* «рыбы», *žąses* «гуси», *šũnes, piemenes, dũkteres* Būga Kalbos dalykai 20, Aist. St. I 72; gen. s. *šunės* Būga Aist. St. I 140. Итак, могут ли, например, *ãkys*[305] и *súnũs* (рядом, наприм., с *piemenes*!) восходить к прабалт. **akiẹs, *sūnuẹs*? Ничто нам не мешает думать, что *e* в окончании *-es* стало «подвижным» после *i̯, u̯* раньше, чем после прочих согласных. В пользу такого влияния *i̯, u̯* на последующий краткий гласный говорят данные латышского языка, где после *i̯, u̯* выпадают краткие гласные даже в таких формах,
177 в // которых эти гласные в положении после прочих звуков правильно сохраняются: *pàusaris* «весна» из *pavasaris; paukars* «подвечерье» из *pavakars* BB XVII 276; *dìnàudā* «в полдень» BW 425, 2 (стр. 829) = *dìen(a)vidā*, ср. также 30399, 2; *šùkor* «сегодня вечером» BW 16092 и 31759, 2 из *šùvokor* < *šùovakar; àuns* «баран» из *avins* BW 11587; dat. s. *mundraîm* «бодрому» (в Каллетене) из *mundrajam* или *mundrājam; vàiga* «нужно» из *vajaga*; *krèims* «сливки» из *krējums; sālims* «рассол» из *sàlìjums* (как

Manzel Post. I 154 (при *pils* II, 78), так и в некоторых современных говорах: *guovis* в Кабиллене, *sirdis* в Ниддене, *zivis* «рыбы» LP VI 881. А в подавляющем большинстве латышских говоров старое окончание (основ на *-i*) *-is* вследствие смешения основ на *-i* и на согласные совершенно вытеснено окончанием (основ на согласные) *-s*. Окончательному вытеснению окончания *-is*, разумеется, предшествовало колебание (заметное еще в текстах XVI и XVII столетий) между *-is* и *-s*. А вследствие этого колебания в gen. s. и под влиянием основ на *-u*, оканчивающихся в nom. и gen. s. одинаково на *-us* (в gen. s. из *-aus*), также в nom. s. основ на *-i* рядом с правильным *-s* (из иде. *-is*) стало употребляться *-is*: *durvis* «дверь» Ev. 1587 г., *pilis* Psalmen[2] 1615 г. 83b (рядом с *pils* 73b), *sirdis* 85a, *avis* «овца» Manzel Post. I 438 (рядом с *pils* 301), *ausis* «ухо», *avis* Mag. XX 2, 44, *zivis* LP VI 881, *guovis, avis, ausis, acis* «глаз», *zuvis* «рыба», *siẽrdis* «сердце», *piertis* «баня» в Кабиллене, *zuvis, guovis* в Замитене.

[305] Что же до приведенных Бугою Kalbos dalykai 21 nom. pl. *nãkcies, aũsies, ãkies, pãcies, ãnies* (из тверечского говора), то я их возникновение представляю себе следующим образом. Под влиянием *pãtys* «ipsi» возникло (рядом с *aniẽ* «illi») *ãnys* (наприм., LChr. 387, 38) и затем, путем смешения форм *aniẽ* и *ãnys*, — *ãnies*. Благодаря колебанию между *ãnys* и *ãnies* рядом с *pãtys* возникло **pãties* > *pãcies* и далее (в именной флексии) *ãkies, nãkcies* и др.

лит. *sólymas*, у Буги Aist. St. I 131, из **sólyjimas*); nom. pl. part. praet. act. masc. gen. вроде *skrèši, gãši, staĩgàši*[306] и др. (в Вольмаре и других местностях Лифляндии; nom. s. *skrèš, gãš, staĩgàš*) или *skreĩši, gaĩši, staĩgaĩši* (в Нидер-Бартау и других местностях западной Курляндии; nom. s.: *skrēĩis, gãĩis, staĩgâĩis*) из *skrèjuši, gãjuši, staĩgājuši* (тогда как в тех же говорах *u* не после *j* правильно сохраняется в тех же причастиях, ср., наприм., *dzimuši, dzinuši, likuši, zaguši*[307] и др.).

Когда-то славянские и балтийские языки, вероятно, сходились также в образовании loc. s. Славянское *-i* в парадигме основ на *-i*, вероятно, восходит к иде. *-ēi̯*, рядом с которым имелось *-ē*. И это *-ē(i̯)*, очевидно, перешло и в балтийские языки. Если Бругман Grdr. II² 2, 176 говорит, что в литовском языке нет несомненных примеров окончания **-ē(i̯)*, то в этом сказывается только его недостаточное знакомство с балтийскими языками. И в них имеется рефлекс этого окончания. Из *-ēi̯*[308] получилось *-ie*, а это *-ie* было изменено в *-ieję* под влиянием окончания *-āję* (из *-āi̯-ę*) в парадигме основ на *-ā*. К этому **-ieję* восходит окончание *-ie* loc. s. основ на *-i* и тех основ на *-i̯o*, которые в nom. s. оканчиваются на *-is* из *-īs*[309], единственно употребительное почти во // всех 178
известных мне восточнолатышских говорах, причем в тех из них, в которых всякое *ie* изменяется в *i*, также это окончание изменилось в *ī*. Вместо того чтобы привести целый ряд говоров, я здесь ограничусь указанием на формы вроде *sirdie, ūdenie* BB XII 228, *akmenie* BB XVI 336, *jiuďińi* Zb. XVI 109. В литовском же из акутованного *-ie* должно было получиться *-ì* (ср. жем. *šalì-p* «рядом», возникшее взамен **šalíe-p* под влиянием **šalì*)[310], которое под влиянием окончания *-oję* (в парадигме основ на *-ā*) было расширено в *-iję* (ср. *širdìjė* у Куршата Gr. § 657) и (с удлинением *ì*) далее в *-yję*, с которым тожественно ла. *-ī*. Рядом с этим **-ieję* в литовско-латышском праязыке имелось **-ēję* в тех же основах, причем трудно решить, разлагается ли это **-ēję* на *-ē* + *je* (с *-je* под влиянием loc. s. основ на *-ā* и на *-i̯ē*), как полагают И. Шмидт KZ XXVII 288 и Поржезинский Сборн. Форт. 631 и Возвратн.

[306] От *skrìet* «бежать», *iêt* «идти», *staĩgât* «ходить».

[307] От *dzimt* «родиться», *dzit* «гнать», *likt* «класть», *zagt* «красть».

[308] Отношение праслав. loc. s. **rěčí* к dat. s. **rěči* с ударением на первом слоге (ср. Vondrák Vergl. slav. Gramm. II 45 сл.) показывает, что окончание *-ēi̯* произносилось с акутом.

[309] Эти основы в литовско-латышском в loc. s. принимают окончание основ на *-i*.

[310] [Autora eksemplārā: *mùště* An. 287 /]

форма глаголов 7, или же (как думает Малов AEO 125) на *-ēi̯+ę*, ср. **-āję* из *āi̯+ę*. Из литовского языка сюда относятся старолитовские формы на *-eie*, указанные Бецценбергером BGLS 133 сл., жемайтские формы на *-ie* и севернолитовские формы на *-ė*, *-ej*, приведенные Куршатом Gr. §§ 528 и 663, Барановским Зам. 59, Явнисом Росс. у. 38, Вебером AfslPh. IV 593 и Бецценбергером ГЕРАΣ 185[2]. Из латышских форм loc. s. к **-ēję* восходят формы вроде *aceį* (от *acs* «глаз») и *skapeį* (от *skapis* «шкаф»), известные мне из Гавезена, Лигуттена, Дубеналькена, Виргиналена, Цирау, Паддерна, Кацдангена, Рудбарена и др. в западной Курляндии и из Ленневардена в южной Лифляндии, и формы вроде *acē* и *skapē*, приведенные Mag. XIII 2, 38 и Бецценбергером Spr. d. pr. L. 63 и 122 и известные мне из Амботена, Батена, Дурена, Ранкена, Вибингена, Ниграндена, Шрундена и др. в западной Курляндии, из Бальдона, Линдена, Миссгофа, Олая[311], Валльгофа // и Нейгута в средней Курляндии, из Сунцельна, Кайпена, Кирхгольма, Линденберга, Рингмундсгофа, Ново- и Старо-Пебальга, Дростенгофа, Зербигала и др. в Лифляндии. — Что же до loc. s. основ на *-u*, то Бругман, странным образом, еще Grdr. II[2] 2, 176 сл. предполагает для иде. праязыка только окончание *-ēu̯*, утверждая, что «weder für *-ōu* noch für *-ō* gibt es zuverlässige Belege»! Но если Бругману почему-то угодно было игнорировать давно уже указанные балтийские формы на *-uo*, то из-за этого сами эти формы не перестали существовать. На литовские формы loc. s. с окончанием, восходящим к пралитовскому **-uo(ję)*, указали Бецценбергер GGN 1885 г., стр. 160 слл. и BB X 312[2], Гейтлер Beitr. 28, Барановский Заметки 58 и Явнис Росс. у. 38. Это же окончание *-uo* в loc. s. основ на *-u* имеют все те восточнолатышские говоры, в которых основы на *-u* не вытеснены основами на *-o*[312], ср. BB XII 227 и XVI 336 и Изв. XIII 4, 185[313]. Восходит ли *-uo* в литовско-латышском **-uo-ję* к иде. *ōu̯* или к *ō*, не может быть установлено, так как фоне-

179

---

[311] В олайском говоре рядом с loc. s. вроде *pirtē*, *sirdē* nom. s. еще сохраняет старую форму *pirts* («баня»), *sirds* («сердце»), между тем как во многих говорах западной Курляндии, благодаря совпадению loc. s. на *-ē* от // основ на *-i* с loc. s. на *-ē* от основ на *-iē* (и совпадению в dat. и acc. s. и gen. pl.), все основы на *-i* заменены основами на *-iē*, так что там, наприм., вместо *pirts* и *sirds* говорят *pirte* и *sirde*.

[312] Рядом с *-uo* в парадигме основ на *-u* обыкновенно имеется *-ie* в loc. s. основ на *-i* и *-io* (с nom. s. на *-is*); только в Зербигале я слышал, наприм., *viduo* «в середине» рядом с *skapē* (от *skapis*).

[313] [Sai izdevumā II 49. — Red.]

тически и то, и другое возможно. Праславянское *-u* может восходить к иде. *-ōu̯*, тогда как црксл. *дома* «domi», вероятно, представляет собою иде. loc. s. **domō*. Ср. Bezzenberger BB XXI 302 слл., Meringer BB XVI 227, Wiedemann KZ XXXII 150, Prät. 35 и Handb. 60 сл. (с литературой), Zubatý AfslPh. XIV 150 слл. и IF VI 292, Погодин РФВ XXXV 138 и Hujer Slov. dekl. jm. 141.

Окончание, свойственное исключительно славянским и балтийским языкам, мы находим в instr. s.: лит. *-mi* (*-i* тут, впрочем, может восходить также к акутованному *-ī*, ср. различие в ударении между instr. s. *naktimì* и dat. pl. *naktìm(u)s*) и праслав. *-mь*.

d) Из склонения основ на согласные. Бругман Grdr. I² 21 отмечает, как общую особенность славянских и балтийских // языков, склонение причастий на *-nt* (и *-us*) 180
в большинстве падежей по образцу основ на *-i̯o*, а других основ на согласные в части падежей — по образцу основ на *-i*. Но, как указал Meillet Les dialectes 44, нечто тому подобное мы находим также в других индоевропейских языках, и само это явление вообще столь естественно, что нет, может быть, даже никакой исторической связи, наприм., между лит. *vẽžančio* и црксл. *везѫшта* и, наприм., между лит. *akmenìms* и црксл. *каменьмъ*.

Из местоименной флексии. а) Личные местоимения. В склонении местоимений славянские языки теперь значительно расходятся с балтийскими языками. Но этому не будем придавать большого значения в данном вопросе, если припомним, насколько в этом отношении расходится даже прусский язык с литовско-латышским. Как показали Zubatý LF XIII 369 слл. и Meillet Recherches 83 слл., когда-то личные местоимения склонялись славянами, вероятно, почти так же, как и балтийскими племенами. Старое различие мы находим, скорее всего, между праслав. **(j)azъ* и лит. *àš* (старолит. также *èš*), ла. *es* и пр. *as*; наверное, впрочем, не знаем, какова была первоначальная форма этого слова. Для gen. s. обе группы языков когда-то, вероятно, имели общую иде. форму **mene, *teu̯e, *seu̯e,* ср. Brugmann Grdr. II² 2, 415 сл. В dat. s. пр. *tebbei, sebbei* расходится с црксл. *тебѣ, себѣ* только в окончании; если пр. *-ei* тут древнее (ср. оск. *sifei*) и если црксл. *-ѣ* тут из *-oi̯*, то это *-oi̯* могло возникнуть взамен *-ei̯* под влиянием энклитик **toi̯, *soi̯* или, ср. RSl. II 228[1], форм местного падежа, если те в то время оканчивались на *-oi̯*. Что же до dat. s. личного местоимения I лица, то

лит. *mán*, ла. *man* и пр. *mennei* могут относительно корневого вокализма считаться новообразованиями, ср. Brugmann Grdr. II² 2, 418. Первоначально славянские и балтийские языки, может быть, имели для этого падежа форму **munei*, на которую еще указывают цркcл. *мѣнѣ* (ср. Meillet Recherches 93),
181 жем. *mùn*[314] или **mùnie* (ср. // Изв. XIII 4, 186[315] и Bezzenberger GGA 1885 г. 927) и восточнола. *mun*, ср. Gauthiot MSL XIII 194. Относительно происхождения этого *mun-* (новообразования, свойственного исключительно славянским и балтийским языкам) я, вслед за Meillet Recherches 94, полагаю, что *u* в *mun-* возникло под влиянием форм II лица, начинавшихся с **tuu̯-*; так как в дат. падеже имелась форма **tebhei*, то следует думать, что новообразование *mun-* возникло первоначально в каком-нибудь другом падеже (Meillet l. c. указывает на вед. loc. s. *tvē*, при котором могло быть и иде. **tuu̯oi*), к чему препятствий не вижу, так как *mun-* мы находим не в одном дат. падеже. Для acc. s. в праславянском (ср. цркcл. *мѧ*, *тѧ*, *сѧ*) имелись формы, по-видимому, сходные с формами арийских языков (ср., наприм., скр. *mám*, *tvám*). И вслед за Лескином (Decl. 143 и Sächs. Ber. XXXVI 95) я склонен считать тожественными с цркcл. *мѧ*, *тѧ*, *сѧ* пр. формы *mien*, *tien* или *tin*, *sien* или *sin*, читая их: *mīn*, *tīn*, *sīn* из прабалт. **mēn*, **tēn*, **sēn*. Бернекер Pr. Spr. 207 сл., правда, которому следуют Бругман Grdr. II² 2, 413 сл. и Траутман Apr. Spr. 269 (ср. также Bezzenberger BB XXIII 304), оспаривает это, считая невероятным, чтобы *ī* только в этих формах обозначалось через *ie*, и полагая, что в таком случае рядом с *mien*, *tien*, *sien* (встречающимися весьма часто) мы находили бы также **mīn*, **tīn*, **sīn*. Как сам Бернекер представляет себе происхождение этих прусских форм, для меня не совсем ясно, и поэтому передаю тут его объяснение дословно: «Nach einem dat. **mei*, **tei*, **sei*, letzteres vielleicht in *grīkisi*, lit. *mi ti si*, wurden nach Art der *-īo*-St. für **men* **ten* **sen* Formen wie **mjen* **tjen* **sjen* gebildet... Eine Stütze dieser Auffassung ist vielleicht das Erscheinen der Nebenformen *sin tin*, ersteres viermal, letzteres ein Mal: das wäre dann dasselbe Nebeneinander wie *dien — din*, *schin — schien*». Приблизительно так же выражается Бругман l. c.:

---

[314] Это *mùn*, вероятно, восходит к **muni* (ср. Фортунатов Сборн. LXIV 11, 16²) с таким же *-i*, как и в формах dat. s. именных основ на согласные, ср. de Saussure IF IV 460 сл. и Zubatý LF XXIII 446 и XXIX 222.

[315] [Sai izdevumā II 49 sk. — Red.]

«*sien sin* kann nicht wohl von *schien schin, dien din* ... getrennt werden ..., und so kann *sin* in nähere Beziehung zu ai. *sīm* ... gebracht werden ..., um so eher, als *sin* viermal und daneben *tin* nur ein Mal vorkommt. *sien* war // möglicherweise Neubildung für *sin*, wie *schien* für *schin* ... eingetreten ist. Aber alle drei Formen *mien, tien, sien* können auch Umbildung der urbalt.-slav. Formen sein, deren lautgesetzliche Fortsetzung aksl. *mę, tę, sę* sind. So liegen eventuell in *sien, sin* zwei verschiedene Formationen vor, die gleichbedeutend geworden sind, nur dass *sien* haupttonig gebraucht wurde ..., *sin* enklitisch ...; *tin* ... wäre dann dem *sin* nachgeschaffen». Предполагаемые Бернекером формы вроде **men* невероятны ввиду acc. s. на *-in* (наприм., *semmin*) от основ на *-iē*: из прабалт. **mēn*, вероятно, должно было возникнуть **mīn*, откуда (если допустить сокращение гласного) **min*. Предположению же, что рядом с этим **min* возникло **mjen* под влиянием колебания между *din* и *dien* и между *schin* и *schien*, не очень благоприятно то обстоятельство, что рядом с *din* (7×) встречается *dien* (и то в значении женского рода!) всего один раз. И что до acc. s. от *schis*, то *schien* (2× masc. g.; 1× fem. g.) — кажется, более позднего происхождения, нежели *schin* (3× fem. g.) и *schan* (3× masc. g.; 13× fem. g.), и встречается, во всяком случае, реже, чем *schan*. И как объяснить в таком случае, что в качестве самостоятельного слова мы встречаем только *mien, tien, sien*, формы же *tin* и *sin* — только в энклитическом положении? Каким путем могло возникнуть такое распределение этих форм? Траутман же, отвергая объяснение Бернекера и Бругмана, полагает, что *mien, tien, sien* получились путем сложения форм *mi, ti, si* (из иде. **moi̯, *toi̯, *soi̯*) и пресловутой частицы *-an*. Но едва ли это правильно. Во-первых, я считаю рискованным прибегнуть тут к такой частице, которая в балтийских языках нигде не встречается. Затем, я сомневаюсь в возможности перехода иде. **moi̯* или **mei̯* и др. в пр. **mi* и др.: в литовском могли получиться *mi, ti, si* через **mie, *tie, *sie* из **mei̯, *tei̯, *sei̯* (может быть, в неударяемом положении из иде. **moi̯* и др.); в прусском же никакого *ie* не было. И также и в конце неодносложных слов прусский язык сохраняет прабалт. *-ai* и *-ei* во всех ясных случаях (так что приведенные Траутманом и другими случаи с пр. *-i* якобы из *-ei, -ai*, насколько они не ошибочны, могут иметь это *-i* только из прабалт. *-i, -ī, -ē*; // см. выше стр. 141[1] [316] и ниже). Пр. *-si* 182 183

[316] [Sai izdevumā 217. parinde. — Red.]

«-ся» (всего 4×; наприм., *dātunsi* «sich geben»), значит, я считаю возможным возводить только к прабалт. и иде. **sē*, ср. скр. *mā, tvā*. И если даже допустим, что на прусской почве могло из прабалт. **meį* или **maį* в неударяемом положении получиться ****mi***, то слишком еще сомнительно, чтобы это **mi* возникло уже в ту отдаленную эпоху, когда (теперь совершенно утраченная ими) частица **an* была в балтийских языках еще продуктивна как словообразовательный элемент. И как, наконец, Траутман объясняет, что пр. *mien, tien, sien* имеют исключительно значение винительного падежа, если в них кроется рефлекс иде. **moi, *toi, *soi*? После всего этого, кажется, было бы проще и естественнее всего принимать с Лескином пр. *mien, tien, sien* за *mīn, tīn, sīn* из прабалт. **mēn, *tēn, *sēn*. Но возможно ли это вообще после направленной против этого аргументации Бернекера? Она всецело построена на посылке, что автор третьего катехизиса (в котором встречаются *mien, tien, sien*), подобно современным лингвистам, мог передавать известный звук повсюду только одним и тем же знаком. Траутман, считая, должно быть, эту посылку не подлежащей сомнению, выводит отсюда Apr. Spr. 180 дальнейшее заключение, что, наприм., *bh* в *bhe* «и; без» (при *beggi* «ибо») «lediglich als orthographische Schrulle anzusehen» непозволительно. А между тем AfslPh. XXXII 293[317] мною уже указано, что это не только позволительно, но даже обязательно: это *h* в *bhe* (как и в *thu* или *thou* «ты», *pho* «по», *kha* «quod») вызвано стремлением избегать на письме слишком коротеньких форм, заметным как, наприм., в древнеирландской письменности, так и в латышских текстах XVI и XVII столетий (где, наприм., вместо *ne* «не» обыкновенно пишут *nhe*) и даже еще в латышском словаре Ульмана, где, наприм., рядом с *tele* «телка» пишется *tė* «здесь», хотя это слово произносится с тем же кратким *e*, как и первый слог слова *tele* (но *te* казалось как-то слишком бестелесным и поэтому было пополнено хотя бы знаком ударения!). Формы вроде *bhe* доказывают, что и Вилль (автор III катехизиса) избегал на письме слишком коротеньких форм. А если
184 это // так, то я считаю возможным, что по той же причине он вместо *min, tin, sin* писал (в духе немецкого правописания[318], где *ie* = *ī*) *mien, tien, sien* везде, где эти формы являются самостоятельными словами (только 63, 31 — по

---

[317] [Sai izdevumā II 675. — Red.]

[318] Ср. *bietis* (с *ie* = *ī*) в I кат. и *styienuns* во II кат.

изданию Траутмана — мы находим *wartinna sin*[319] «wende er sich» и 67, 22 — *imma tin* «nehme dich»), между тем как в качестве энклитики, слившейся с предыдущим глаголом, пишется *-sin* (весьма характерно в этом отношении *audāsin* «geschehe» 35, 23 рядом с *audāst sien* «geschieht» 35, 3, 16, 25, 28: едва ли подлежит сомнению, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же *sīn*). Что Вилль так последовательно писал *mien, tien, sien* (с *ie*), нисколько не более удивительно, чем постоянное у него *bhe* (при *beggi*). И *tit* (чаще: *tit* и *tijt*) «(al)so» (при *mien, tien, sien*) не более странно, чем, наприм., частое *ka* «quod» (*kha* только в I кат.) при *bhe*. Присоединяясь в этом вопросе к Лескину, мы избавляемся от необходимости считать пр. *tin* за новообразование, возникшее под влиянием *sin,* и отделять *tin* и *sin* от однозначащих *tien* и *sien* и находим в прусском языке старые формы acc. s., тожественные с цркcл. мѧ, тѧ, сѧ. — Первоначальные формы instr. и loc. s. трудно установить. — Во множеств. ч. балтийские языки сохранили рефлекс старой формы (**i̯ūs*) им. пад. личн. местоимения II лица, между тем как в праславянском начальное *i̯-* этой формы было заменено через *u̯-* под влиянием косвенных падежей с исконным *u̯-*. Что же до I лица, то славяно-балтийское **mes* (ср. арм. *mekh* и Brugmann Grdr. II² 2, 386), сохранившееся в прусском языке, в литовском и латышском получило долгий гласный под влиянием формы *jūs,* тогда как в праславянском под влиянием той же формы II лица *e* в первоначальном **me(s)* было изменено не только количественно, но также качественно: ср. Meillet Recherches 95 (который, однако, допускает также влияние вин. падежа **ny*). Косвенные падежи имеют в праславянском как *u̯-* во всех формах II лица (где это после новообразования с *u̯-* в им. падеже совершенно естественно), так // и *n-* во всех формах I лица. 185
В прабалтийском же в местоимении I лица *m-* проникло также в вин. пад. (ср. пр. *mans* и лит. *mùs*), а в литовско-латышском затем и в остальные падежи; в местоимении же II лица старое *-u̯* отражается только прусским вин. падежом *wans,* тогда как в литовско-латышском мы находим *j-* во всех косвенных падежах, а в dat. и gen. — также в прусском. Отношение пр. *ioūs, ioūson, ioūmas (wans)* к *mes, noūson, noūmas (mans)* и обобщение балтийскими языками гласного *u* (долгого и краткого) в местоимении II лица, кажется,

[319] В рукописи Вилля, может быть, было собственно *wartinnasin.*

говорят в пользу того, что когда-то также в тех говорах, от которых ведут свое начало балтийские (и славянские) языки, некоторые косвенные падежи местоимения II лица начинались с *ịu-*[320] (ср., наприм., скр. *yuśmát, yuśmábhyam,* авест. *yūšmaoyō* и гр. ὑρῖν); что в праславянском мы находим *u-* во всех падежах, может быть объяснено обобщением этого звука. Как в праславянском вместе с *u-* обобщен (за исключением вин. падежа) и корневой гласный *a* (из иде. *ō*), так в прабалтийском вместе с *i-* обобщено и корневое *ū* (или *u*), и под влиянием этого *ū* (или *u*) в формах II лица в прабалтийском получили *ū* (или *u*) также соответствующие формы местоимения I лица взамен рефлекса иде. *ō*, ср. Brugmann Grdr. II² 2, 389. — Общие новообразования славянских и балтийских языков мы находим в формах вин. (ср. пр. *wans* и цркcл. *вы*), род. (**nōssōm, *ụōssōm*) и дат. падежей (**nōmus*[321]), ср. Brugmann l. c. II² 2, 420 слл. Насколько древне различие в двойств. числе между цркcл. *вѣ, ва* и лит. *vè(du)*[322], *jù(du)*, не может быть установлено, так как возможно думать о новообразованиях. Из форм притяжательных местоимений отмечу тожество пр. *mais, twais, swais* с цркcл. *мои, твои, свои*; различие между ними и литовско-латышскими **manas, *tavas, *savas*, вероятно, объясняется тем, что в прусском и праславянском возникли
186 новообразова-//ния по образцу старого **moịos* (ср. лат. *meus*), в литовско-латышском же — **manas* (ср. Brugmann l. c. II² 2, 405) рядом с древними **tavas, *savas* (= гр. τεός, праитал. **toụos*; авест. *hava-*, гр. ἑός, праитал. **soụos*), так что для славяно-балтийской эпохи можно предполагать формы **maịas, *taụas, *saụas.*

b) Указательные и вопросительные местоимения. Общим достоянием славянских и балтийских языков являются старые основы иде. *to-, ki-, i-* : *ịo-, ono-*[323] и q^wo-, причем основа *i-* : *ịo-* как в славянском, так и в литовско-латышском употребляется в значении личного местоимения III лица. — Бругман Grdr. I² 21 в числе общих примет славянских и балтийских языков приводит также форму nom. s. **tas, *tā* вместо иде. **so(s), *sā*, но Meillet Les

---

[320] Это *ịu-* возникло, может быть, взамен первоначального *u-*, ср. Brugmann Grdr. II² 2, 385.

[321] Это **nōmus* могло возникнуть при род. п. **nō(s)sōm* под влиянием отношения род. п. **tāsām* к дат. п. **tāmus.*

[322] Ср. гот. *vi-t.*

[323] Ср. Meillet RSl. III 168.

dialectes 44 сл. уже указал, что это новообразование, будучи совершенно естественным и встречаясь также в германских языках, не имеет большого значения при решении вопроса о славяно-балтийском праязыке.

В образовании род. п. ед. ч. славянские и балтийские языки теперь сильно расходятся между собою, но эти различия можно считать возникшими после «славяно-балтийской» эпохи. Праслав. **togo,* как указано Маретичем (ср. Meillet Recherches 116 и Vondrák Vergl. slav. Gramm. II 90), заменило собою старую форму аблатива **ta* (= лит. *tõ,* ла. *tà*), слившуюся с частицею **go*[324], которую находим и в срб. *нёго,* ср. также скр. *gha* и пр. *an-ga*; эта замена старого **tago* новым **togo* была вызвана как другими косвенными падежами, начинавшимися с *to-* (наприм., dat. и loc. s.), так и старою формою gen. s. **toso*[325]. Это влияние **toso* на **tago* было почти неминуемо, когда, как и в именной флексии, // старые формы аблатива основ на *-o* стали употребляться 187
также в значении род. падежа и когда *-go* в **tago* в представлении говорящих уже являлось падежным окончанием. Старые формы gen. s. основ на *-o* затем исчезли, и уцелел только gen. s. **česo,* сохранению которого содействовало то обстоятельство, что это **česo* своим *če-* заметно отличалось от аблатива **ka-go* (ср. лат. abl. *quo* к *qui(s)* и *quid*), который, кроме того, употреблялся также в значении муж. рода; а так как в nom. s. **kъ(to)* так заметно отличалось от **čь(to),* то было желательно иметь также в gen.-abl. s. различные формы для муж. и средн. родов[326]. — Из балтийских

---

[324] Что эту частицу мы находим только в форме аблатива (который благодаря соединению этой частицы стал таким же двусложным, как и другие косвенные падежи), не более удивительно, чем присоединение в германском частицы *-k* только к форме винит. пад. личных местоимений.

[325] Ср. относительно окончания црксл. *чесо* и относительно *to-* гр. τοῖο. Meillet Recherches 115 сл., правда, ввиду црксл. *чесо* и пр. *stesse* предполагает для праславянского форму **teso*; но с *чесо* ср. гр. (гом.) τέο при τοῖο, а пр. *ste-* (вместо **sta-*) может быть вызвано формою, соответствовавшею црксл. *чесо* и гом. τέο; ср. также пр. *stesmu* : црксл. *тому*.

[326] Если уже в древнецерковнославянских текстах *кого* представляет собою также форму вин. падежа (рядом с *тъ*!), совершенно вытеснив старое **къ*, то это, может быть, объясняется следующим образом. В им. падеже старое **ко* могло дольше держаться, чем, наприм., **то*, так как средн. род **чь* не совпадал с этим **ко*. Когда затем под влиянием, наприм., nom. и acc. s. *тъ* форма вин. падежа **къ* стала употребляться также в значении им. падежа — сначала рядом с **ко*, благодаря колебанию между **къ* и **ко* в им. падеже **ко* стало

языков только прусский сохранил старую форму gen. s., наприм. *stesse*. Уже Лескин Decl. 31 и 113 слл. правильно отожествлял пр. *-sse* (должно быть, = *śe* из прабалт. *-sja*; о *ś* вместо *š* ср. выше стр. 67) с скр. *-sya*. И совершенно без надобности это оспаривает Траутман Apr. Spr. 262, возводя *-sse* и встречающиеся рядом с ним *-sei, -sai, -si* к *-sjai*, возникшему присоединением к *-sio* частицы *-i*. Но *-sai* и *-si*, из которых и то, и другое встречается всего один раз, рядом с частыми *-se* и *-sei* должны считаться простыми описками или опечатками вместо *-sei*[327]. Окончание же *-sse*, как показывают формы nom. pl. основ на *-o* (см. выше стр. 141), правильнее возводить не к *-sioi* или к **siei*, но именно к *-sio*.
188 Что же до // *-sei*, то можно обойтись тут и без частицы: вследствие колебания между *e* и (перенесенным сюда из множ. числа) *ei* в корневом слоге *(stesse : steise)* могло, пожалуй, возникнуть такое же колебание и в окончании, перенесенное затем из парадигмы местоимения *stas* в другие местоимения. Бернекер же Pr. Spr. 200 исходит от форм gen. s. *maisei, twaisei,* считая их возникшими рядом с **maise, twaise* (получившимися, по мнению Бернекера, из **moi-sio, *tuoi-sio*) под влиянием однозначащих **mei, *tei*; под влиянием же колебания между **maise, twaise* и *maisei, twaisei,* далее, будто возникло *stessei* рядом с *stesse*. А между тем формы gen. s. *maise, twaise(i), swaise(i), ainontsi* (1×; *-si*, вероятно, ошибочно вместо *-sei*), **schisse* (ср. *schiēise* и *schisses,* Trautmann l. c. 264), *supsei, kawijdsa*[328], *iousai* (1×; *-sai,* вероятно, вместо *-sei*) и dat. s. *twaismu* (ср. также dat. pl. *swāimans*), *ainontsmu, schismu, supsmu, kawīdsmu, stawīdsmu, noūsmu, ioūsmu, antersmu, tīrtsmu, ketwirtsmu, wismu,* вероятно, объясняются скорее так, что эти формы возникли рядом с nom. s. *mais* (из прабалт. **majas*), *twais, swais, ainonts, schis, sups, kawīds, stawīds, ioūs, *noūs* (ср. nom. s. *nousā*), *anters* (ср. fem. g. *antrā*), *tīrts, kettwirts, *wiss*

употребляться также в значении вин. падежа (сначала рядом с **къ*), после чего к нему присоединилась та же частица **го*, что и в аблативе. И так как в вопросительном местоимении особенно желательно формальное различие между им. и вин. падежами, то затем *къ(то)* было оставлено исключительно для имен., *ко(го)* же — для винит. падежа. Если это так, то gen.-acc. s. *кого* мог быть образцом при употреблении форм вроде *раба* в значении вин. падежа, ср. Meillet RSl. III 159.

[327] Относительно *-sai* ср., впрочем, также Berneker Pr. Spr. 199; *-si* и Бернекер l. c. 200[1] исправляет в *-sei*.

[328] Ср. *ainessa*; может быть, эти формы указывают на прабалт. *-sa* (при *-sja*); ср. также dat. s. *schissai* и *supsai* (при *stessiei*).

по образцу отношения dat. s. *kasmu* и gen. s. **kasse* к nom. s. *kas:* казалось, что *kasmu* = nom. s. *kas* + *smu*, **kasse* = *kas* + *se*. В таком случае была бы понятна и долгота в dat. s. *maiāsmu* (= nom. s. *maiā* + *smu*), *twaiāsmu, swaiāsmu* (эти формы имеют значение как муж., так и женск. рода; ср. *stesmu* «тому» и «той»). Но относительно *maise, twaise(i), swaise(i), twaismu, swāimans* очень возможно (ср. Leskien Decl. 122), что эти формы утратили *a*[329] после *i* (о выпадении гласных после *į* см. выше стр. 176), ср. gen. s. *ainassei* и dat. s. *wargasmu*; в таком случае образцами для упомянутых новообразований в gen. и dat. s. могли служить также эти формы притяж. местоимений (*supsei, supsmu* : *sups* = *twaisei, twaismu* : *twais*). — Также // для женск. 189
рода прусский язык сохранил старую форму gen. s. *stessias* или *stessies*; црксл. же *тоѧ* (как и dat. и loc. s. *тоу*) — новообразование под влиянием instr. s. *тоѭ* (ср. скр. *táyā*), Brugmann Grdr. II² 2, 360.

В образовании dat. s. поразительно сходство лит. *tāmui* и ла. *tam* с црксл. *тому* (при скр. *tasmāi* и умбр. *esmei*). Но так как в прусском еще находим старое окончание *(stesmu, kasmu)*, то можно думать, что когда-то также в праславянском и литовско-латышском имелся рефлекс иде. окончания *-smōį*. Что же касается утраты *s* как здесь, так и в loc. s. (црксл. *томь*, лит. *tamę*), то Бругман Grdr. II² 2, 362 склонен думать, что **-mōį* возникло взамен старого **-smōį* под влиянием **-mi* в instr. s. **toi-mi*, и ссылается на црксл. *тоѧ тоу*, возникшие под влиянием *тоѭ*. Формы **toįās* и **toįāį* могли возникнуть (взамен **tosįās* и **tosįāį*) рядом с **toįām* по образцу отношения, наприм., **genās* и **genāį* к **genām;* но чтобы *-mōi* возникло в dat. s. (взамен **smōi*) под влиянием *-mi* в instr. s., было бы понятно разве только в том случае, если бы в обоих падежах перед окончанием (*-smōį* и *-mi*) имелась одна и та же корневая форма, между тем как в dat. s. мы находим *to-*, а в instr. s. — *toį-*. Я поэтому согласен с Фортунатовым BB XXII 182 в том, что *-m-* возникло рядом с *-sm-* под влиянием колебания между *-sį-* и *-į-*. Но между тем как Фортунатов при этом имеет в виду формы gen. s. **tosįo* и **toįo*, я, не находя нигде никакого **toįo*, исхожу тут от форм женск. рода: вследствие колебания между **tosįāį* и **toįāį* в женск. роде могло возникнуть новое **tomōį* при старом **tosmōį* в муж. роде. Аналогично

[329] *twaiasei* «tuae» 65, 26, может быть, имело долгое *a* после *i*, как *twaiāsmu*.

объясняются формы loc. s. с *-m-* вместо *-sm-*. Соответствует ли *-ъ* в цркcл. *томь* скр. *-in* в *tásmin* или же авест. *-i* в *aē-tahmi*, не может быть установлено. В балтийских языках встречалось, может быть, *-in* рядом с *-i*, ср. Bechtel LLD III, LXXIV, Brückner AfslPh. III 279 слл., Wiedemann Handb. 82, Zubatý IF VI 286 сл., Brugmann Grdr. II² 2, 363.

В творит. падеже мы находим теперь между славянскими и балтийскими языками такое же различие, как и в именной // флексии (см. выше стр. 165): прабалт. **tō* (= авест. *tā*) : праслав. **těmь* (= древнеисл. *þeim*); только здесь перед *-mь* имеется не *to-*, но *tě-*, о чем ср. van Helten IF XXVI 179 сл. Но когда-то, кажется, также в балтийских языках имелись формы, тожественные с цркcл. *тѣмь*, ср. Trautmann Apr. Spr. 269 сл.

190

В части косвенных падежей множ. и двойств. ч. мы находим в прабалтийском в корневом слоге *-ei-* (пр. *-ei-*, лит.-ла. *-ie-*), в праславянском же — *-ě-* (из иде. *-oi-*); но «в славяно-балтийскую эпоху» этого различия, может быть, еще не было, ср. Brugmann Grdr. II² 2, 369.

Из глагольной флексии. В области спряжения славянскими и балтийскими языками с течением времени утрачено много старых форм (формы перфекта и имперфекта и формы конъюнктива и старого среднего залога) и создано много новообразований, но не сообща (что может быть объяснено предположением о возникновении их после распадения предполагаемого славяно-балтийского единства), так что формы спряжения мало освещают вопрос о славяно-балтийском праязыке. Скорее всего еще тут можно указать на то, что в славянских и балтийских языках несколько личных окончаний иде. среднего залога стало употребляться в действительном залоге; но и это явление столь естественно, что оно не может служить доказательством славяно-балтийского единства.

С. ИЗ ОБЛАСТИ СИНТАКСИСА

Синтаксис славянских и балтийских языков в общем отзывается древностью, и поэтому неудивительно, если мы в них находим довольно мало общих новшеств. Весьма характерно для этих языков значительное развитие предикативного творит. падежа, ср. Vondrák Vergl. slav.

Gramm. II 353 слл. и Brugmann—Delbrück Grdr. II² 2, 537 слл. и III 263 слл. (и латышские примеры у Мюленбаха IF XVII 411). Что оно указывает на эпоху совместной жизни славянских и балтийских племен, может быть допущено даже в том случае, если бы это употребление творит. падежа было вызвано влиянием финских языков (ср. Meillet IFA XXI //105) 191
или если бы оно восходило к иде. праязыку[330], ср. Rozwadowski Quaestionum gramm. atque etym. series II 5 слл., Brugmann KVG 429 и Neckel IF XXI 189 слл. Затем я тут приведу еще следующие случаи сходного употребления творит. падежа: лит. *tu dabar man skalnas* («должен», ср. Būga Aist. St. I 72) *trim kapeikom* Viltis 1908 г., № 75, ср. твор. п. при црксл. *длъжьнъ* у Дельбрюка l. c. 270 и Вондрака l. c. 350; лит. *rûpįkimeś swetimáis wârgais* у Даукши Post. 158, 5, *tu nesirúpink ... músu sunkéjs darbélejs* у Юшкевича LD 955, 14, ср. твор. п. при црксл. *пещти сѧ* у Дельбрюка l. c. 255 и Вондрака l. c. 351; лит. *iû ne duksêdamieś* у Даукши Post. 168, 26, *duksętiś sawimi paczìú* l. c. 200, 21, *tikėk manim, kaip pats savim* Viltis 1908 г., № 75, ср. твор. п. при црксл. *пъвати* у Дельбрюка l. c. 255 и Вондрака l. c. 351.

Относительно дат. падежа отмечу тут: лит. *stębekiś ... tam'* у Даукши Post. 179, 17 и ла. *brînîtiês* с дат. п. Latv. gr. 176, ср. дат. п. при црксл. *чудити* и *дивити сѧ* у Дельбрюка l. c. 285 и Вондрака l. c. 362; ла. *smiêtiês* Latv. gr. 176 и црксл. *смияти сѧ* у Дельбрюка l. c. 284; ла. *uotra nelaimei nepriêcājiês* «беде другого не радуйся» (Трейланд Мат., дополн., послов. 64), Delbrück l. c. 284; ла. *pìerast* «привыкнуть» и *mâcît(iês)* «учить(ся)» Latv. gr. 177, ср. Delbrück l. c. 287 (а с лит. *mókia*[331] *mus pitnúmo* у Даукши Post. 202, 34, см. также 175, 36 и 316, 9, ср. р. *учитися добрыхъ нравовъ* у Будде Энцикл. слав. филол., вып. 12, 106). Dativus absolutus (латышские примеры Latv. gr. 147) встречается, правда, также в германских языках, но ср. Delbrück l. c. IV 495 сл.

---

[330] Можно было привести также авест. *vərəzyatąmča iδa vohu vāstrya uyamna anuyamnāiš daste* [autora eksemplārā šā teikuma 4. vārdam *(vāstrya)* blakus pieŗakstīts: земледелие, virs 5. vārda uzrakstīts: mangelhaft, virs 6. vārda *(anuyamnāiš)* : vollkommen //] Vr. 15, 1 [autora eksemplārā malā: Visprat //], если бы авест. формы на *-āiš* так часто не встречались в значении вин. (и имен.) падежа.

[331] Также в перепечатанном Быстронем лит. катехизисе 1605 г. этот глагол постоянно имеет за собой род. п., наприм. на стр. 33 и 48 в издании Быстроня.

и Streitberg Gotisches Elementarbuch[4] 174 сл. и относительно слав. языков[332] Vondrák l. c. 408 слл. //

192 В употреблении gen. (abl.) замечательны тут следующие совпадения: род. п. при супине, ср. Vondrák l. c. 323, Meillet Recherches 162 сл. и Zubatý RSl. II 19; род. п. «in positiven Existenzialsätzen», ср. Delbrück l. c. III 318 сл. и Vondrák l. c. 322 сл. (латышские примеры даются Мюленбахом IF XIII 227 и Latv. gr. 172) и род. п. после отрицания, ср. Delbrück l. c. 341 сл., Vondrák l. c. 338 сл., Кудрявский ЖМНПр. CCCX и Zubatý RSl. II 19. Тут же можно упомянуть и о двойном отрицании, известном, впрочем, также из других языков, ср. Delbrück l. c. IV 535 слл. и Vondrák l. c. 401 сл., и о дополнении инфинитива в имен. падеже, ср. Delbrück l. c. IV 460 слл.

D. СХОДСТВО СЛОВАРНОГО СОСТАВА

Едва ли ошибемся, сказав, что столь распространенная гипотеза о славяно-балтийском праязыке возникла главным образом на основании большого сходства в словарном составе славянских и балтийских языков. В этом отношении весьма характерно то, что Погодин, который когда-то раньше, подобно Бодуэну де Куртенэ, считал этот праязык «ученой фикцией», признал особую славяно-балтийскую эпоху в предисловии книги[333], посвященной разбору корней славянских (и балтийских) языков. Чтобы наглядно показать, насколько эти языки сходятся в своем словарном составе, я считаю нелишним поместить тут список слов, свойственных исключительно славянским и балтийским языкам (нисколько не претендуя на полноту, ср. также Meillet Les dialectes 46 слл.). При этом буду ставить в скобках те слова, к о р е н ь которых хорошо известен также из других иде. языков. И так как желательны указания на ударение и интонацию, то по мере возможности представителем славянских языков будет
193 служить не древнецерковнославянский, но один из // совре-

[332] Богородицкий (Очерки по языковед. и р. яз.[3] 408 и 410 слл.) почему-то полагает, что в иде. праязыке имелся только loc. absol., и не
192 только // предполагает его для славянских языков (ср. балт. dat. absol.), но находит его и в латинском (ср. abl. absol. в оскско-умбрском, где местн. п. не совпал с аблативом!). Приведенный же им по Явнису литовский оборот (l. c. 408[1]) — не loc. absol., но обычный loc. temporalis.

[333] «Следы корней-основ в славянских языках».

менных славянских языков (по преимуществу сербохорватский или русский).

ГЛАГОЛЫ:

(лит. *álkti* : чешск. *lákati*).
(ла. *baŗu, bãrt* = р. *-борю, -бороть*).
(ла. *bêgu*, лит. *bẽgti* = р. *бегу́*, диал. *бечи́*).
(лит. *budẽti*, ла. *bàudît* = р. *бдеть*, срб. *búditi*).
(лит. *dūsẽti* = р. *дыша́ть*).
(ла. *dìrât* = р. *-дира́ть*).
(ла. *dêju, dêt, dẽtiês* : малор. *-дію, -діти*).
(ла. *gadîtiês* = р. *годиться*).
(ла. *gãdât* : р. *гада́ть*).
(лит. *ganẽti* = цркслав. *гонѣти*).
(лит. *ganýti* = срб. *gòniti*).
(ла. *grãbât* = малор. *гра́бати*).
(лит. *ieškóti* = р. *иска́ть*).
(лит. *imù* = цркслав. *-ьмѫ*).
(ла. *kaļu, kaĩt* = р. *колю, коло́ть*).
(лит. *kapóju, kapóti* = р. *копа́ю, копа́ть*).
(ла. *kaûju, kaût* = р. *кую́*, чешск. *kouti*).
ла. *klanît* = р. *клони́ть*.
(лит. *klúpoti* = р. *клыпать*, v. d. Osten-Sacken AfslPh. XXXII 330).
(ла. *kûpêt* = р. *кипе́ть*).
(лит. *laupýti* у Буги Aist. St. I 187 = р. *лупи́ть*).
лит. *leñkti*, ла. *lùocît* = цркслав. *лѧшти*, срб. *lúćiti*.
(лит. *lieti* = срб. *lîti*).
(лит. *mainýti* = срб. *mijèniti*).
(лит. *maišýti* = р. *меси́ть*).
(ла. *mãnît* : р. *мани́ть*).
(ла. *mẽrît* = р. *ме́рить*).
лит. *metù*, ла. *mẽtât* = цркслав. *метѫ, -мѣтати*.
лит. *miegóti* = р. *мига́ть*.
(лит. *minù* = цркслав. *мьнѫ*).
(лит. *mojoti* = цркслав. *маяти*). //
(лит. *nérti* = цркслав. *-нрѣти*). 194
(лит. *ovytis*, ср. Изв. XV 2, 216[334], = цркслав. *авити сѧ*).
(лит. *pelnýti* = срб. *plijèniti*).
(лит. *pinù* = цркслав. *пьнѫ*).

[334] [Šai izdevumā II 160 sk. — Red.]

лит. *pyškėti* = р. *пищáть*.
(лит. *prašýti* = р. *проси́ть*).
(ла. *radît* = р. *роди́ть*).
(лит. *raišýti* = р. *реши́ть*, см. выше стр. 69[1] [335]).
(лит. *sėsti, sėdėti* = цркслав. *сѣсти, сѣдѣти*).
(лит. *smirdėti* = р. *смердéть*).
(лит. *sukù* = р. *ску*).
(лит. *šáuju* = р. *су́ю*).
(лит. *švaitýti* = р. *свети́ть*).
(ла. *vàļât* = р. *валя́ть*).
(ла. *vadît* = р. *води́ть*).
пр. *waitiāt* = р. *-вечáть*.
(лит. *žiedžiù* = цркслав. *зиждѫ*).
лит. *žvéngti* = цркслав. *звѧшти*.

ИМЕНА:

лит. *vãkaras* = р. *вéчер*.
(лит. *žiemà, žiẽmą* = срб. *зíма, зîму*).
(лит. *šalnà* = срб. *слáна*).
(лит. *anglìs* = цркслав. *жгль*).
(лит. *degùtas* : р. *дёготь*).
лит. *geležìs* : цркслав. *желѣзо*.
ла. *krams* или *krę̃ms* : цркслав. *кремы*.
(лит. *lẽdas* = цркслав. *ледъ*).
(лит. *mėlas* = цркслав. *мѣлъ*).
ла. *smę̃li* «смолистые поленья» : р. *смолá*.
(лит. *taukaĩ* : цркслав. *тукъ*).
(пр. *semmē* = р. *земля́*).
(лит. *kermùšė* = р. *черемшá*).
лит. *kr(i)áušė* = болг. *кру́ша*.
лит. *líepa* = срб. *lîpa*. //
195 (лит. *papártis* : р. *нáпороть*).
лит. *ríešutas* : цркслав. *орѣхъ*.
лит. *šermùkšlė* : словинск. *sr̨ẽmša*.
пр. *lunkan* = цркслав. *лыко*.
(пр. *pelwo* = цркслав. *плѣва*).
(лит. *váltis* = малор. *волóть*).
(лит. *ãvinas* = цркслав. *овьнъ*).
(старолит. *elenis* = цркслав. *ѥлень*).

---

[335] [Šai izdevumā 114. parinde. — Red.]

(лит. *ežỹs* = р. *ёж*).
(лит. *kárvė* : р. *коро́ва*).
(пр. *caune* : срб. *ку́на*).
ла. *sirna* (см. выше стр. 5) = р. *се́рна*.
ла. *teļš* : цркслв. *телѧ*.
ла. *vepris* = цркслв. *вепрь*.
(пр. *weware* : цркслв. *вѣверица*).
(лит. *putýtis* = цркслв. *пѫтишть*).
ла. *dzilna* (с прерыв. инт.) = р. *желна́*.
(лит. *gegužė̃* : старочешск. *žezhule*).
(лит. *krauklỹs* : цркслв. *крукъ*).
лит. *pýlė* : срб. *pȉle*.
лит. *slankà* = чешск. *sluka*.
(лит. *šárka* = р. *соро́ка*).
лит. *várna* = р. *воро́на*.
лит. *varnas* = р. *во́рон*.
ла. *kuovārna* : малор. *каворон*.
(пр. *angurgis* : р. *угорь*).
ла. *līnis* = чешск. *líň*.
лит. *šãmas* = р. *сом*.
(ла. *gnīda* = р. *гни́да*).
(ла. *ikri* : р. *икра*).
лит. *naršas* = р. *но́рост*.
(лит. *bóba* = срб. *bäba*).
(лит. *draũgas* = срб. *drûg*).
(лит. *jaunìkis* = р. *юне́ц*).
(ла. *rads* = цркслв. *родъ*) //.
(ла. *sàime* : цркслв. *сѣмья*). 196
лит. *šeirỹs* : цркслв. *сиръ*.
пр. *tisties* : цркслв. *тьсть*.
ла. *smirds* (ср. KZ XLII 379[336]) = р. *смерд*.
пр. *wutris* = цркслв. *вътрь*.
лит. *délna* = срб. *dlȁn*.
лит. *galvà* = р. *голова́*.
(ла. *gùrste* : срб. *grȇst*).
(пр. *insuwis* : цркслв. *ѩзыкъ*).
(лит. *nagà* = р. *нога́*).
(пр. *nagutis* = цркслв. *ногъть*).
лит. *pentìnas* : цркслв. *пѧтьно*.
лит. *péntis* : цркслв. *пѧта* (ср. *о-пѧть*).
лит. *pir̃štas* : срб. *прст*.

---

[336] [Sai izdevumā II 89. — Red.]

(лит. *pìršės* (в хвейданском гов.) «грудь у лошади» : срб. *pŕsi*).
(лит. *plaũčiai* : срб. *plûća*, ср. ла. *plaukšas*).
(ла. *plęksna* или *plęzna* = малор. *плесна* или *плезна*).
лит. *rãgas* = црксл. *рогъ*.
лит. *rankà, rañką* = срб. *rúka, rûku*.
(лит. *akstìs* = р. *ость*).
(лит. *ãkstinas* = црксл. *остьнъ*).
лит. *aldia* (у Даукши Post. 107, 25) : црксл. *ладии*.
(пр. *dalptan* = р. *долото́*).
ла. *dandzis* : р. *дуга*.
лит. *kañkalas* = р. *ко́локол*.
ла. *kārba* = белор. *коро́ба*.
пр. *creslan* = малор. *крісло*.
(лит. *kújis* = црксл. *кыи*).
(лит. *kùrpės* = срб. *кр҃пе*).
лит. *lañkas* = срб. *лûк*.
лит. *lóva* = р. *ла́ва*.
ла. *lemesis* = црксл. *лемешь*.
ла. *męrga* (с прерыв. инт.) : р. *мерёга, мерёжа*.
ла. *nazis* = црксл. *ножь*.
лит. *nýtys* = срб. *нѝти*. //
197 ла. *puõsms* : срб. *пȁсмо*.
лит. *síetas* : срб. *сѝто*.
ла. *šķēps* = црксл. *штапъ*.
лит. *temptyva* = срб. *тетѝва*.
(лит. *vainìkas* = р. *вене́ц*; ла. *vaiņuks* BW 5774, 2 вар. : р. *вено́к*).
(пр. *warto* = црксл. *врата*).
лит. *véntaris* : р. *вя́терь*.
(лит. *virvẽ* : р. *вервь*).
лит. *klėtis* = црксл. *клѣть*.
лит. *pirtìs* = древнер. *пьрть*.
(лит. *barnìs* = црксл. *брань*).
(лит. *bėgas* = р. *бег*).
(лит. *brãdas* = р. *брод*).
(ла. *daba* = р. *доба*).
(ла. *daļa* = р. *доля*).
(лит. *daũsos* : срб. *дȕha*).
(лит. *dùsas* = малор. *дох*).
лит. *drugỹs* : р. *дрожь*.
(лит. *duonis* = црксл. *дань*).
пр. *eyswo* : црксл. *язва*.

лит. *ẽžeras* (пр. *assaran*) = срб. *jẽzero*.
(лит. *grúodas* = срб. *grȁd*).
(ла. *kams* = р. *ком*).
(лит. *kaĩtas* = црксл. *кратъ*).
лит. *lankà* = срб. *lúka*.
ла. *lausks* (ср. словарь Ульмана и Etn. I 39 и 58) = малор. [*по*]*луск*.
ла. *lauska* = р. *луска*.
(ла. *maina* = р. *мена*).
ла. *miẽlasts* : срб. *mĩlõst*.
ла. *miẽrs* = чешск. *mír*.
(ла. *nâve* : црксл. *навь*).
(пр. *panto* : р. *пу́ты*).
(лит. *peĩnas* = срб. *plĩjen*).
(ла. *prieds* = словинск. *prid*). //
ла. *remesis* : р. *ремесло*. 198
ла. *rinda* : срб. *rẽda*.
лит. *síela* (Būga Aist. St. I 82) = срб. *sĩla*.
(ла. *sliẽnas* = срб. *slĩne*).
(ла. *smards* = црксл. *смрадъ*).
(ла. *šķiřba* = словинск. *ščrba*).
лит. *talkà* = белор. *толокá*.
лит. *tuřgus* = срб. *tř̂g*.
ла. *vaĩna* : црксл. *вина*.
(ла. *vaļa* = р. *воля*).
(ла. *valsts* (с нисход. инт.) = р. *во́лость*).
лит. *vietà* : црксл. *витати*.
(лит. *viršùs* = срб. *vr̂h*).
ла. *dàrgs* = р. *до́рог*.
(лит. *glodùs* : црксл. *гладъкъ*).
(лит. *jáunas* = црксл. *юнъ*, ср. Osthoff MU VI 293 слл.).
лит. *kietas* = срб. *čītī*.
лит. *kiẽmštas* = срб. *čêst*.
(лит. *(s)kýstas* = срб. *čīst*).
(лит. *kreĩvas* = срб. *krîv*).
(лит. *krùvinas* = р. *кро́вный*).
лит. *líesas* = црксл. *лихъ*.
(пр. *malda-* = црксл. *младо-*).
(лит. *mandrùs* = црксл. *мѫдръ*).
лит. *mielas* (или *mylùs*) = срб. *mīo*.
(ла. *nuôgs* = р. *нагóй*).
пр. *pausto-* = црксл. *пусто-*.
лит. *raiškus* : црксл. *рѣснъ* (см. выше стр. 55).

(лит. *saldùs* : цркcл. *сладъкъ*).
(лит. *šývas* = срб. *сѝв*).
ла. *vęsęls* = цркcл. *веселъ*.
лит. *vìsas* = цркcл. *вьсь*.
лит. *kelì* : цркcл. *коль*.
лит. *abù* = цркcл. *оба*.
(лит. *ašmas* = цркcл. *осмъ*). //
199 (лит. *deviñtas* = р. *девя́тый*).
(лит. *kõks, tõks* : цркcл. *какъ, такъ*).

НАРЕЧИЯ, ПРЕДЛОГИ И ЧАСТИЦЫ

лит. *nūnaĩ* : р. *ны́не*.
(лит. *bè* : цркcл. *без*).
ла. *iz* = цркcл. *из*.
лит. *ùž* = цркcл. *въз*.
(лит. *priẽ* = цркcл. *при*).
лит. *ažuo-* : цркcл. *за*.
(пр. *po* = цркcл. *на*).
(лит. *ĩr* = цркcл. *и*).
(лит. *jaũ* = цркcл. *ю*).

Очень возможно, что в этот список попало несколько таких слов, сходство которых объясняется не их родством, но заимствованием; и для некоторых слов, может быть, найдутся соответствующие формы также в других родственных языках. Но зато при более тщательном пересмотре словарей славянских и балтийских языков, вероятно, можно было бы прибавить несколько соответствий к этому перечню, так что общее число их значительно не изменится. Особенно замечательно частое совпадение в названии частей тела, и это тем более, что в этом отношении отдельные индоевропейские языки значительно расходятся между собою (ср. названия головы, руки, пальца, груди). Затем, следует иметь в виду еще и то, что мною тут пропущены славяно-балтийские слова, отличающиеся своим значением от тожественных по форме слов родственных языков, как наприм. лит. *nešù* = цркcл. *несѫ* : скр. *náśāmi* «достигаю». Весьма значительно сходство в значении предлогов и префиксов прабалт. **ažō*, слав. *za* (ср. мои Латышские предлоги I 17 слл. и II 20 слл.[337]), прабалт. **apì*, слав. *o* (l. c. I 27 слл.

[337] [Sai izdevumā I 325 skk., 541 skk. — Red.]

и II 28 слл.[338]), прабалт. **ata,* праслав. **ot* (l. c. I 58 сл. и II 34 слл.[339]), прабалт. **už*, праслав. **vъz* (l. c. I 110 слл. и II 55 слл.[340]), прабалт. **pa,* слав. *po* (l. c. I 141 слл. и II 71 слл.[341]), прабалт. **per,* праслав. **per* (l. c. I 155 слл. и II 81 слл.[342]).

Но для того, чтобы правильнее оценить // степень 200
сходства в словарном составе, необходимо сопоставление его с общим достоянием слов в каких-нибудь двух других группах языков. Наиболее подходящим объектом сравнения, пожалуй, являются италийские и кельтские языки, для которых Meillet (см. выше стр. 2) предполагает особый итало-кельтский праязык. И вот каков результат моего сопоставления: Urkeltischer Sprachschatz Stokes'a содержит всего приблизительно 65 слов, свойственных исключительно кельтским и италийским языкам, между тем как мой список славяно-балтийских слов заключает в себе слишком 200 слов; и при этом следует считаться еще и с тем обстоятельством, что памятники италийских и кельтских языков гораздо древнее, чем памятники славяно-балтийских языков, так что в италийских и кельтских языках можно искать больше старых слов.

---

[338] [Šai izdevumā I 334 skk., 548 skk. — Red.]
[339] [Šai izdevumā I 364 skk., 554 skk. — Red.]
[340] [Šai izdevumā I 412 skk., 575 skk. — Red.]
[341] [Šai izdevumā I 442 skk., 590 skk. — Red.]
[342] [Šai izdevumā I 456 skk., 600 skk. — Red.]

200

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы нашли несколько, кажется, весьма древних различий между славянскими и балтийскими языками: первые из них своим *x* из иде. *s* и *kh* резко отличаются от балтийских языков, примыкая в этом отношении к арийской ветви; ср. еще instr. s. основ на *-o* и gen. pl. основ на *-i*. С другой же стороны, есть и целый ряд совпадений; из них наиболее древними я считаю *ur, ul, um, un* рядом с *ir, il, im, in* в корнях ряда *e* и окончание *-mus* для dat. pl. Затем еще отмечу сходное развитие сочетания *eu*, образование определенных прилагательных посредством основы *io-*, употребление в парадигме основ на *-o* старого аблатива в значении родит. падежа, возникновение в местоименной флексии новообразования *mun-*, gen. pl. **nōs(s)ōm*, сильное развитие предикативного творит. падежа и дополнения в родит. падеже после отрицания и, наконец, значительное сходство словарного состава. Ввиду всего этого я представляю себе доисторическую эпоху славянских и балтийских языков следующим образом. Уже в эпоху общего индоевропейского праязыка «славянский» говор кое-чем отличался от «балтийского» говора, занимая приблизительно срединное поло-
201 жение между «арийским» // и «балтийским» говорами. Когда же при распадении общего праязыка арийцы отделились территориально от славян, последние, оставаясь ближайшими соседями балтийского племени, вступили с ним в эпоху совместной жизни, во время которой их языки были еще настолько близки друг другу, что славяне еще понимали балтийскую речь, и наоборот. В то время их языки обогатились целым рядом общих им новых слов и подверглись некоторым (немногим!) общим изменениям в области фонетики, морфологии и синтаксиса. Можно, значит, на мой взгляд, говорить о «славяно-балтийской эпохе»; термином же «славяно-балтийский праязык» лучше

будет не пользоваться, так как это выражение легко порождает мысль о полном единстве в лингвистическом отношении. — В пользу того, что славянская речь отличалась от балтийской уже в эпоху иде. праязыка, говорит и то обстоятельство, что нет, кажется, различных степеней близости отдельных славянских языков к отдельным балтийским языкам (некоторые балтийские наречия, правда, вымерли, не оставив за собой никаких памятников). Относительно славянских языков вряд ли можно сомневаться, что все они одинаково отдалены от балтийских языков (если в русском, кашубском и полабском *-or-*, как и в балтийских языках, не подвергается перестановке, то это в данном вопросе лишено всякого значения, так как это не новшество, но сохранение старины, и в праславянскую эпоху, вероятно, еще все славянские говоры сохраняли внутри слова *е* и *о* перед плавными). Что же касается балтийских языков, то прусский язык, как отчасти выше указано (ср. также Trautmann Apr. Spr. стр. IX и XIII сл.), кое в чем расходится с литовско-латышским и сходится со славянскими языками. Но за исключением пр. *twais, swais* (= цркслав. *твои, свои*), где совпадение, может быть, случайно (см. выше стр. 185), в случаях специального сходства прусского языка со славянскими в области грамматики мы имеем дело не с общими новообразованиями, но с сохранением старины (ср., наприм., пр. *noūson, tebbei, wans* : цркслав. *насъ, тебѣ, вы* и сохранение среднего рода), так что эти совпадения не доказывают более тесного (по // сравнению с литовско-латышским) родства прусского языка со славянскими. И как мы находим в прусском языке несколько слов, соответствия которым имеются в славянском, но не в литовско-латышском, так и в литовском и латышском есть слова, сходные не с прусскими, но славянскими формами. А если это так, то я не решаюсь только на основании пр. *twais* и *swais* предполагать более тесное родство прусского языка со славянской ветвью: ср. праслав. **komu*, лит. *kāmui*, ла. *kam* : пр. *kasmu*. Последнее слово науки о славяно-балтийском сродстве мною, конечно, не сказано: дальнейшая разработка ударения и синтаксиса, а также словарного состава, вероятно, еще более осветит этот вопрос. Но смею думать, что и в настоящее время мои выводы не слишком поспешны.

К стр. 5[23]. По сообщению К. К. Буги, вместо *sìrgti su* следует писать *sir̃gti su* (= *sir̃gti* «хворать»).

К стр. 12. О лат. *simpulum* см. теперь второе издание словаря Walde 713.

К стр. 17[39]. *u* из *uo* имеется, кажется, также в лит. *purvaĩ* «Strassenschmutz» и в ла. *purvs* (откуда в части говоров *purs*, ср. *ciris* из *cirvis* «топор» или *spārs* из *spārvs* «слепень») «болото», ср. нижнелуж. *para* «Kot», полаб. *poro* «Kot, Morast» (рядом с *p-* мы находим тут и *b-*, ср. словарь Бернекера под *bara*). В пользу этого говорят ла. диалектические формы этого слова: *puors* BW 29678 вар. (из Нидер-Бартау, где *ur* не изменяется в *uor*) и *pūrs* BW 25915, 7 и 28885 (из инфлянтских говоров, где *ū* из *uo*).

К стр. 18. Также Зубатый LF XXIII 453 считает *ur* (*ъr*) и т. д. за «нулевую ступень» сочетания *or* и т. д.

К стр. 19[41]. К. К. Буга мне пишет, что из лит. говоров, различающих *ś* от *s*, он знает только *siū̃sti* и *siuñtinti* (а не *sū̃sti* и *suñtinti*, взятые мною из словаря Куршата) и что он сомневается в существовании лит. *dramstis* «хмуриться» (взятого мною из словаря Юшкевича), указывая на то, что Юшкевич иногда ошибочно пишет *am, an* вместо *um, un*.

К стр. 22. Во втором издании своего словаря Walde сопоставляет (под *curvus*) арм. *kuŕn* (вслед за Lidén'ом) с гр. γυρός и др. //

204 К стр. 32. По мнению К. К. Буги, лит. *versmẽ* — ввиду *verdẽnė* «ключ» (Saločiai) — может быть, восходит к **verd-smẽ*. По его же сообщению, вместо *vėversỹs* «жаворонок» следует писать *vieversỹs* (gen. s. *vieversio*, наприм. в поневежск. говоре).

К стр. 35. В лит. *bálkšvas*, как мне указывает К. К. Буга, может быть, не вставное, а корневое *k*, ср. глагол *bálkstu*.

К стр. 36. К. К. Буга, указывая на *šmẽkla* «привидение» и др. в Дусятах, полагает, что вместо *šmiekšóti* следует писать *šmėkšóti*.

К стр. 38. К. К. Буга оспаривает правильность интонации в *vaĩkstas* (у Куршата в скобках), указывая на синонимное *váistas* (в Купишках) и *váistras* «способ, средство» (в Дусятах).

К стр. 38. На долготу *u* в *aduksis,* по сообщению К. К. Буги, указывает тожественное с ним *ãtdūksis* в Хвейданах.

К стр. 41[71]. Древнеирл. *gair* значит (не «длинный», но) «короткий», ср. Osthoff MU VI 197.

К стр. 42[72]. К. К. Буге известно только *šiũpti* (наприм., в Хвейданах), а не *šũpti,* как читаем у Куршата в скобках.

К стр. 50[79]. Вместо *sūbóti* Куршата К. К. Буга знает только *siūbúoti* (наприм., в Дусятах, Хвейданах и Владиславове).

К стр. 52[85]. Вместо *vẽtušas* чит. *vetùšis.*

К стр. 53. Вместо *truša* и *trìšti* (у Куршата в скобках), как мне указывает К. К. Буга, следует писать *trąšà* (= *trūšà* в Дусятах) и *trę̃šti* (*trỹšt* в Дусятах), как установлено уже Явнисом Поневежский у. 123.

К стр. 56. Существование формы *ýskiai* К. К. Буга мне удостоверяет ссылкой на словарь Юшкевича (стр. 720) и на свои личные наблюдения.

К стр. 76[122]. Рядом с *juozmuõ,* на что мне указывает К. К. Буга, имеется и *juozẽti* — в словаре Юшкевича под *jûsẽti.*

К стр. 90. Слово *laidaras* известно К. К. Буге только с *aĩ* (а не *ái*) и только из соседних с Латышским краем местностей, так что оно, может быть, заимствовано из латышского языка, ср. Bezzenberger GGA 1885 г., 918.

К стр. 91. Лит. *vẽselas,* по мнению К. К. Буги, заимствовано из р. *вешало.* //

К стр. 97 (о ла. *i* из *u* перед *v, b*). Переход *u* в *i*, вероятно, имел место только перед таким *v, b,* за которым следовало *i* (или *e*?): *divi, zivs* из **zivis, sivę̃ns* (вероятно, произведено от **suvis* > **sivis* «свинья», возникшего взамен более древнего **sūs*), *dibins* (под влиянием этого слова могло возникнуть *Dignāja* < **Dibnāja* из **Dubnāja* [autora eksemplārā: cf. Dybnōja BW 16039, 1 // 17063, 3 //], ср. немецкое название этой местности «Dubena» и лит. *dùgnas* из **dùbnas*), но *tuvu, druva* (в *tivu i,* может быть, перенесено из форм с *i* за *v*, а восточнола. *driva,* если оно свойственно говорам с *iu̯* из *ū*, может восходить к **driuva,* ср. KZ XLIII 40 сл. [šai izdevumā II 129 sk. — Red.]). 205

К стр. 97. Что в пр. *weware* было долгое *e* в первом слоге, в пользу этого говорит также лит. *vėverìs*, acc. s. *vĕverį* у Буги Aist. St. I 62.

К стр. 98. Уже после того, как седьмой лист был отпечатан, вышла апрельская книжка журнала Göttingische gelehrte Anzeigen за 1911 г., где на стр. 249 Trautmann дает такую же этимологию праславянского *drev-*, как и я.

К стр. 99[160]. К. К. Буга мне пишет, что вместо лит. *drėvis* (с *ė*) он знает только *drẽvė* (в Хвейданах и др.).

К стр. 101[161]. К. К. Буга сопоставляет суффикс ла. *gliẽmẽzis* с суффиксом лит. *glẽmėžius* «слизь» (в Дусятах).

К стр. 125. В лит. *plìkšas š*, по мнению К. К. Буги, ввиду *drìbšas* Ю., *gõbšas* Ю. и др., скорее восходит к иде. *k̑*.

К стр. 126. Также Траутману GGA за 1911 г., стр. 256, ла. *cękul(i)s* напоминает р. *хохол*.

К стр. 155[245]. Достав лишь недавно ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ (Сборн. статей в честь Ф. Е. Корша), я теперь должен добавить к своей статейке KZ XLIV 49 слл. [šai izdevumā II 381 skk. — Red.], что уже Поржезинский (в упомянутом сборнике, стр. 532 слл.) отметил ударение лит. «желательного» наклонения и существительных на *-umas* у Даукши.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

1. Прусск. яз.

gewineis 95[343]
gewinna 95
crausy 66[1 344]
culczi 34[1 345]
quai 130
aulausē 66[1 344]
menschon 68
mien 181 слл.
penpalo 90
seweynis 96
sien, sin, -si 181 слл.
sompisinis 61
āuschautins 65
schlāit 63
schlūsitwei 63
semmē 66[1 344]
tawisch- 68
tien, tin 181 слл.
uschts 64

2. Лит. яз.

áižuols 170[2 346]
ankštirai 34
apušė 59
arzėti 112
áužuolas 170[2 346]
blakstienos 38
dáugsinti 37
dãvė, dėvė 86 сл.
drėkštinė 35
duksinti 37
dùlkės 18
gewenti 95
gìrsa 30
gleiznóti 112
gtúmzdyt' 112
gruzdinti 112
inkštìras 34
instìras 34
iščias 55
juozmuõ 76
júšė 59
karšti 29
káušas 59
kermùšė 59
kevekštys 88
kiáušė 59
kiaũšis 59
Kiřkšnis 31[2 347]
Kirsnà 31
kr(i)áušė 59[2 348]
krìkštyti 60
kr(i)ušà 58 сл.
kūlį veřsti 9
kulkš(n)is 33
kùlše, kùlšis 34[1 345]
kùmstė 20
kùrti 19
kuzděti 112
kuzúoti 112
laikštus 55
laĩškas 54[3 349]
laizdýti 111
lašišà 60

---

343 [Uzrādītas pirmizdevuma lappuses. — Red.]
344 [Šai izdevumā 113. parinde. — Red.]
345 [Šai izdevumā 59. parinde. — Red.]
346 [Šai izdevumā 293. parinde. — Red.]
347 [Šai izdevumā 53. parinde. — Red.]
348 [Šai izdevumā 102. parinde. — Red.]
349 [Šai izdevumā 91. parinde. — Red.]

maīšas 58
mẽs 144
mótė 149
mùn 180 сл.
paskuī 159
pléiskanos 55
pleīskės 55
plìkas 125
pokštė 36
purvaī 203
pùsevaitė 94 сл.
pušnìs 61
rapšnóti 36
riešutas 58
sárgas 44
selėti 44
siena 44
sir̃gti su 5[1 350] и 203
skaláuti 43
stìrna 44
stùmti 17[2 351] //
207 *stuomuõ* 44
sù 45
súolas 44
šáltas 40 сл.
šiaudaī 39 сл.
šlamštai 36
šúdas 39
šulnas 17[2 351]
trišti 53 и 204
tursóti 32
tùščias 55
vãškas 57
vẽ, vėi 145
vẽtušas 58 сл. и 205
vẽzdas 111
viksnóti 37
žiẽgzdros 113
žvai(g)zdė 113

3. **Ла. яз.**

arājs 129

astuôtàis 64[2 352]
brīve, brīvs 95
burkšis 20
cauls 84[1 353]
cę̃kul(i)s 126 и 205
cę̃turtais 64[2 352]
deve 86 сл.
Dignāja 205
īlksis 38
kāmis 126
krabas 127
kùlenis 9
kūlêtiês 9
kūliņš, kūlis 9
kuṁšķis 20
kuŕt 19
kuŕtêt 19
kuorns 19
lauska 197
lausks 197
lę̃gzds 110 сл.
ligzds 110[1 354]
mẽs 144
mun 180 сл.
pâksts 36
pātę̃ga 93[1 355]
pazuse 108
pledinât 85[1 356]
plevinât 85
plidinât 85[1 356]
plivinât 85
puõsms 197
purvs 203
sirna 44
skaluôt 43
skarbs 126
skumt 20
sm(a)udrs 8[2 357]
smidrs, smīdrs 8[2 357]
smidzinât 85[1 356]
smuidrs 8[2 357]
sn(a)idrs, snīdrs 8[2 357]
stiŕna 44
stuṁt 17[2 351]

[350] [Šai izdevumā 23. parinde. — Red.]
[351] [Šai izdevumā 39. parinde. — Red.]
[352] [Šai izdevumā 109. parinde. — Red.]
[353] [Šai izdevumā 129. parinde. — Red.]
[354] [Šai izdevumā 176. parinde. — Red.]
[355] [Šai izdevumā 149. parinde. — Red.]
[356] [Šai izdevumā 133. parinde. — Red.]
[357] [Šai izdevumā 27. parinde. — Red.]

šķęvas 86
šļaubums 109[1] [358]
šmaigans 8[2] [357]
vēz(d)a 111
zvàigzne 113

4. Праслав. яз.

grьbьtъ 127
i 136[1] [359]
(j)ustro 75[2] [360]
xoldъ 125
xorbrъ 126
xormъ 127
xrьbьtъ 127
xvostъ 127
xъrtъ 127
voskъ 57

5. Цркслав. яз.

древьнь 98 и 205
дрѣзъ 78
истъ 55
кръха 58
мрѣзѣти 77
мънѣ 180 сл.
пазуха 108
плѣшь 125
рѣшити 69[1] [361]
скакати 46[1] [362]
скоръ 46[1] [362]
слуды 109[1] [358]
срьна 44
страхъ 70
стѣна 44
сѣръ 122 сл.
хвала 72
хворъ 72
хромъ 71 сл.
шесть 48 сл.

6. Сербск. яз.

krt 19
pȁsmo 197

7. Русск. яз.

луска 197
плеснеть 55[1] [363]
стеречь 44
хворост 126 //
хвеяться 127 208
хомяк 126
хохол 126 и 205
хробость 127

8. Малор. яз.

[*по*]*луск* 197

9. Польск. яз.

kulsze 34[1] [345]
szary 122 сл.

10. Чешск. яз.

šerý 122 сл.

11. Санскр. яз.

kṣālayati 43
tsárati 43[2] [364]
tsaru- 44
ṣaṭ 47

12. Авест. яз.

xšvaš 46 сл.

---

[358] [Šai izdevumā 174. parinde. — Red.]
[359] [Šai izdevumā 208. parinde. — Red.]
[360] [Šai izdevumā 120. parinde. — Red.]
[361] [Šai izdevumā 114. parinde. — Red.]
[362] [Šai izdevumā 77. parinde. — Red.]
[363] [Šai izdevumā 92. parinde. — Red.]
[364] [Šai izdevumā 74. parinde. — Red.]

13. **Греч. яз.**

κυλί(νδ)ειν 9
ξέστης 47 сл.
ξέστριξ 47 сл.
ξύν, σύν 46
πρύμνη 9 сл.
στελεά 44
σῶμα 44

14. **Лат. яз.**

stellio 44

15. **Древнеирл. яз.**

dluigim 13

16. **Готск. яз.**

hardus 19
saurga $5^{1\ 350}$
stilan 44
stōls 44

17. **Древневерхнен. яз.**

rudo 127
zagēn $43^{2\ 364}$
zougen $43^{2\ 364}$

18. **Древнеангл. яз.**

hyrst 126
stela 44

VALODAS SĪKUMI

[1911 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 43]

1. *DAŽS «LABS»* UN SENLATV. *«LABIESI»*

[Arī 1912 RKr. XVI 267—269]

1_1 267

Izteicienu *dažs labs* lietojam[1] tagad apmēram līdzīgā nozīmē kâ vienkāršo *dažs*, sajuzdami te vārdu *labs* tikai kâ iepriekšējā *dažs* pastiprinājumu. Kâ daudz citus jautājumus, tâ arī šâ izteiciena vēsturi apgaismo mūsu tautas dziesmas Barona un Visendorfa izdevumâ, kuŗu te citēšu saīsinājumâ BW. Nesen izdotâ IV sējumâ lasâm:

Ai, rudzīti ruogainīti,
sen tev bija nuoziedēt!
Jau dažam l a b a j a m
nerūc vairs dzirnaviņas.

BW 27907, 3.

Ka *labajam* te nav vienkāršs pastiprinājums iepriekšējam *dažam*, to rāda šâs dziesmas varianti, kur trešâ rindiņa tâ skan: *jau dažam bajāram,* jeb *jau dažam bagātam,* jeb *jau dažam saimniekam,* un arī *jau dažam nabagam.* Līdzīgā nozīmē sastopam vārdu *lab(ai)s* vēl šâdâs dziesmâs:

Mans vīriņš kâ lācītis,
es maizītes paēdusi;
tâpat krita velēniņa,
kâ ir tam l a b a j a m.

BW 28051.

Ai dieviņ, ai tētiņ!
L a b a i s mina kājiņām!
Min, dieviņ, paš' l a b u o
zem savām kājiņām.

BW 31162.

[1] [RKr. publicējumâ: lietuojam; divskanis *uo* tâ rakstīts arī citos vārdos viscaur tekstâ. Sai izdevumâ tâds rakstījums šim divskanim atstâts tikai piemēros. — Red.]

L a b s l a b a m krēslu cēla; //
l_2 Kas pacēla nabagam?
Dievs pacēla nabagam,
i nabaga bērniņam.

BW 31224.

Sak', saulīte, vējiņam,
netraukt ziedu ūdenī;
sak', dieviņi, l a b a j i e m,
nemīt vāja kājiņām!

BW 31243. //

268 Visi l a b u ieraudzīja,
visi l a b u bildināja;
pavārgušu nabadziņu
visi mina kājiņām.

BW 31260.

Blakus īpašības vārdam sastopama tai pašā nozīmē arī forma *labietis* (kuŗam Ulmaņa vārdnīca piešķiŗ tikai nozīmi «lišķis») jeb *labīts* (augšzemnieku izrunā: *labeits*):

Labi, labi l a b i e š a m (inflant. var.: l a b e i š a m),
Lab' tecēja kumeliņš;
man netek, nabagam,
i baltā saulītē.

BW 29821 (sal. arī 29819, 29820, 29822).

Kâ sengrieķu valodā *agathoi* (= «l a b i e») jeb *aristoi* («v i s l a b ā k i e», no kam *aristokrati*) apzīmēja muižnieku kārtu, tâ arī senlatviešiem, kâ rāda minētās dziesmas, ir bijusi sava par *labajiem* jeb *labiešiem* saukta lielmaņu kārta; un izteiciens *dažs labs* senāk ir nozīmējis: «dažs lielmanis». Verdzības laikos tāda *labiešu* kārta latviešu starpā gŗūti iedomājama: tad laikam tikai izšķīra saimniekus un kalpus un (vācu tautības) kungus. Jādomā tāpēc, ka dziesmas par *labiešiem* ir cēlušās p r i e k š vergu laikiem. Ļoti vecas ir arī laikam dziesmas par *sūbri* jeb *stumbri* (piem., BW 30493) un viņa ragiem kâ dzeŗamiem traukiem: Baltijā šis kustonis jau labi sen izmiris. Bet no tam vēl nevar spriest (kâ dažkārt ir darīts), ka v i s a s mūsu tautas dziesmas ir radušās, vēlākais, katoļu laikos un ka v e r d z ī b a s laikmetā jaunas dziesmas vairs
l_3 nav radušās klāt. Jau // a priori var teikt: kamēr tauta vēl dziedāja savas dziesmas, tamēr sacerēja vajadzības gadījumā

arī jaunas dziesmas. To apstiprina daudz dziesmas, kuŗu saturs gaiši un skaidri attiecas uz jaunākiem laikiem, kâ, piem., dziesmas BW 31852—31902, kas pilnas tāda briesmīga ienaida pret vāciešiem, kādu varēja tikai vergu laiki radīt, jeb BW 31951 (*Dievs, nuosuodi lielus kungus, kas ņem krievus* [t. i., zaldātus] *nuo Kurzemes* ...), kas varēja rasties tikai pēc Kurzemes pievienojuma Krievijai.

Labiešu vārds varēja tautas dziesmās paglābties arī pēc labiešu kārtas zuduma, tāpēc ka dziedātāji varēja apmēram iedomāties šā vārda nozīmi. Pilnīgi nesaprotami // vārdi izzūd 269
no tautas gara mantām. Tâ, piem., 1683. gada Elģeŗa Poļu-latīņu-latviešu vārdnīcā vēl atrodam vārdu *smirds* (= zemnieks), kas pilnīgi saskan ar veckrievu *смердъ* (ar to pašu nozīmi; šis slavu-baltu vārds laikam cēlies no *smirdēt*). Bet tautas dziesmās šis vārds liekas pilnīgi izzudis, tāpēc ka tas bija kļuvis nesaprotams.

2. VENTAS VĀRDS UN KŪRU TAUTĪBA

Savā grāmatā «Die Grenzen des lettischen Volksstammes» 193 un 201 Bīlenšteins spriež, ka *Vęntas* vārds cēlies no lībiešu *vent* «stiept» un ka *Vęntas* (un *Daugavas*) vārds apzīmējot to pašu, ko *Lielupe*. Ka tāda šo vārdu nozīme, tās arī manas domas, tikai nevaru atzīt par pareizu Bīlenšteina doto etimoloģiju. Galotni *-ava* atrodam daudz upju vārdos: *Daugava, Abava*[2], *Užava, Bārtava, Rucava, Sesava* u. c. Šo galotni Bīlenšteins 336. lpp. aplam salīdzina ar latīņu *aqua* un vecvācu *aha* (no kam upju vārds *Aa*) «ūdens»; ja latviešu valodā būtu uzglabājies ar latīņu *aqua* un vecvācu *aha* radniecīgs vārds, // tad tas pēc skaņu likumiem latviešu valodā varētu skanēt 14
tikai *ak(v)a* jeb *asva*, bet ne *ava*. Upju vārdu galotne *-ava* ir cēlusies no saknes, kuŗu atrodam vārdā *avuots* (ko atzīst arī Bīlenšteins 336. lpp.) un sanskrita formā *avanī* «upe» un no kuŗas cēlušies upju vārdi *Ava* (ietek Melnajā jūŗā), *Avos* un *Avara* (senajā Gallijā) un bretoņu *Ava*. Daugavas vārda pirmā daļa *daug-* ir tas pats kas *daudz* (šis vārds cēlies no vecāka, leišu valodā uzglabāta *daug*; arī Ulmanis citē no Ērgļiem formu *daugums* = *daudzums*); tâtad *Daugava* nozīmē to pašu, ko *Lielupe*. Tāds upes vārds liecina, ka latvieši jau sen dzīvo ap Daugavu, jo formas *daug* un *ava* kâ patstāvīgi vārdi latviešu valodā jau sen izzudušas. Būtu tâtad ļoti ticams,

[2] [Pirmpublicējumā: *Ahbawa*. — Red.]

ka arī *Vęntas* vārds apzīmē «liel-upi», par ko domā arī Bīlenšteins. Bet lībiešu *vent* «stiept» upes vārdam ir gluži nenozīmīga un nenoderīga sakne. Un tâ kâ Venta savā augšgalā tek pa vecu leišu-latviešu novadu un arī ap lejas Ventu dzīvoja baltu tautības ventiņu cilts, kas, (mazākais pa daļai) no lībiešiem padzīta, nometās uz dzīvi tagadējā Cēsu («Wenden») apgabalā, tad drīzāk jādomā (ko atzīst pats Bīlenšteins 201. lpp.), ka šās upes vārda sakne jāmeklē baltu valodās. Man šķiet, ka *Vęnta* nozīmēja: «Lielā». Baltu valodās Ventas vārda sakne tagad izzudusi, bet slavu valodās sastopam no īpašības vārda **vent(a)s* «liels» pārāko pakāpienu, piem., vecslavu *venštiji* «lielāks» (no kam kr. *вящий*). Pēc vācu *Windau* spriežot, jādomā, ka senāk blakus *Vęntai* bija lietojama arī forma *Vęntava* (= Lielupe). Bet rodas tagad jautājums, kāpēc šis vārds skan *Vęnta* un ne *Vieta*? Ir taču zināms, ka latviešu //
15 valodā skaņu sakopojumi *en, an, un, in* līdzskaņu priekšā īsteni pārvēršas par *ie, uo, ū, ī,* kâ rāda, piem., *pieci* = leišu *penkì*. Te nu jāievēro, ka Kurzemes rietumos arī citos vietu vārdos (no baltu valodu saknēm) ir uzglabājušies sakopojumi *en, an, un, in*: *Cersangere* (XIII gads. dokumentos; pie Bīlenšteina 183. lpp.), *Ęngure* (sal. *Uogres* vārdu Vidzemē), *Stende, Dundanga, Alšvanga, Ievanga* (pie Bīlenšteina 219. lpp.), *Kazdanga, Landze, Venzava, Lanksēži, Īvande, Skrunda* (šis vārds atgādina prūšu *skrundos* «dzirkles»; Skrundas draudzē Ventā ietek viena no viņas sānupēm), *Svęntāja, Dzintere*. No šīm formām sevišķi raksturīgas ir *Cersangere* un *Dzintere:* šie vārdi (līdzīgi leišu valodai) ir paglabājuši sakopojumus *an, in,* bet (kâ tas latviešu valodā parasts) pārvērtuši *ķ* par *c* un *ģ* par *dz* (*Cersangere* ir laikam vācu mēles sabojājums no **Cersangure,* sal. *Ęngures* vārdu). Man tāpēc liekas, ka Kurzemes rietumus senāk ir apdzīvojusi baltu tautības cilts, kas runājusi pārejas dialektu starp latviešu un leišu valodām. Pie šās cilts laikam būs piederējuši lībiešu padzītie ventiņi, kas vēlāk nometušies Cēsu apgabalā un pilnīgi sakususi ar latviešiem. Tādā gadījumā arī būtu labāki saprotamas tādas latviešu valodas formas ar *an, en, un, in* kâ *dandzis*[3], *dzintars, duncis, sence*[4], *kancināt*[5], *censties,* kas atšķiras no leišu valodas ar savu *c, dz* un tāpēc laikam būs iekļuvušas latviešu valodā ne no leišu valodas (kuŗā arī pavisam nav vārdu, no kuŗiem varēja

[3] [*dañdzis* «Kranz, aus einem Stück bestehende Radfelge» ME I 437. — Red.]

[4] [*sence* «Muschel» ME III 816. — Red.]

[5] [*kañcinât* «ausforschen, reizen» ME II 153. — Red.]

rasties latviešu *dandzis, sence* u. c.), bet no tās baltu cilts valodas, kas senāk dzīvoja Kurzemes rietumos un vēlāk, sakusdama ar latvie-//šiem, varēja latviešu valodai piejaukt dažus 2_1 savus vārdus. Pie tās cilts, kâ jau teicu, laikam piederēja ventiņi; bet šie ventiņi, kâ liekas, bija tikai viena daļa no lielās *kūru* jeb *kuršu* cilts. Bīlenšteins, sekodams citiem zinātnes vīriem, domāja, ka kūri ir bijuši tagadējo Kurzemes lībiešu senči. Pret to runā tas apstāklis, ka leiši vēl tagad sauc par kuršiem savus latviešu kaimiņus uz Kūru kāpām, un vietu vārdi Prūsijas Lietavā: *Kurschen, Kurschlauken, Steponkuhren.* Pie tam jāievēro, ka XIII gadusimtenī par «Kurzemi» sauca ne vien tagadējās Kurzemes rietumus, bet arī Telšu apriņķi Kauņas guberņā un Klaipēdas novadu prūšu Lietavā, kur no somu cilts iedzīvotājiem nav ne mazāko pēdu. Un prūšu Lietavā (seno kūru zemē) atrodam vietu vārdus, kas skan gluži latviski jeb kūriski (bet ne leitiski), kâ «Darzeppeln» = *darvceplis* (pie Bīlenšteina 279. un 377. lpp.). Tikai seno kūru zemē atrodam nosaukumus: *Priekule* (1) prūšu Lietavā, uz dienvidiem no Klaipēdas; 2) Kurzemes dienvidu-rietumos; 3) Cēsu apkārtnē[6], kur bija nometušies no Kurzemes padzītie ventiņi; bez tam Bīlenšteins 271. lpp. vēl piemin dažas *Priekuļu* mājas Kurzemes rietumos) un *Talsi* (Kurzemes pilsēta), «Telſſen» (latviski: *Tāši*, muiža Liepājas apkārtnē)[7], *Telšiai* (leišu pilsēta senajā kūru zemē).

Ar šīm manām piezīmēm kūru jeb kuršu tautības jautājums, zināms, nav nodarīts; bet man pašam tagad nav vairāk vaļas ar šo vēstures jautājumu nodarboties. Cerēsim un gaidīsim vēsturniekus! Piemetināšu tikai vēl pārpratumu novēršanai, ka blakus baltu tautības kūriem Kurzemes rietumos, bez šaubām, dzīvojuši arī lībieši. Maza daļa no tiem vēl tagad uzglabā savu tautību, bet vairums pārgājis latviešos, tâ-//pat kâ kūri Kurze- 2_2 mes guberņā (tālāk uz dienvidiem tie sakusuši ar leišiem).

3. VĀCZEME

Avīzēs nesen bija lasāms, ka latviešu «draugu» biedrībā gluži nopietni izteiktas domas, ka latvieši savus vēlākos kungus nosaukuši par «vāciešiem», nopūzdamies par viņiem: «vai, cieti!» Tas noticis tai pašā sēdē, kad lasīts Širrena nekrologs. Ja jau mūsu «draugi» grib zinātniski, un ne tikai tâ pa jokam,

[6] [= *priêkuļi* mu Priekuļos E I 25. — Red.]
[7] [Arī *Talsi* jeb *Talse*, muiža Tāšu tiešā tuvumā. — Red.]

nodarboties ar latviešu valodu un vēsturi, tad tiem derētu drīzāk drusku iepazīties ar leišu valodu, nekâ nodarboties savās sēdēs ar Širrenu, kuŗa sakarus ar latviešiem nevar saskatīt pat ar labāko mikroskopu. Minētā hipoteze par *vācu* vārda nozīmi nebūtu izteikta, ja viņas autors būtu ieskatījies jel drusku leišu vārdnīcās. Latv. *vācietis* ir tas pats, kas leišu *vokietis*; tas rāda, ka latviešiem bija *vācu* vārds pazīstams jau sen priekš vācu ierašanās Baltijā. Leišu *vokietis* ir atvasināts no zemes vārda *Vokė* jeb *Vokia*[8] «Vācija», kâ *latvietis* no *Lat(a)va* «Latvija», un latv. *vācietis* — no zemes vārda *Vāce* jeb *Vāca* «Vācija», kuŗu esmu vēl sastapis inflantiešu tautas dziesmās Vorkovā izteicienos: *vocys kuņgi* (= Vāczemes kungi) un *vocys zemeitī* (= Vāczemē; infl. *vocys* ir viensk. ģenitīva forma, kas mūsu rakstu valodā skanētu: *Vācas,* no nōminātīva *Vāca* = leišu *Vokia*). *Vāczeme* tâtad nav saīsinājums no *vācu zeme*, bet no *Vācas zeme*. Kâ cēlies vārds *Vāca* (leišu *Vokia*), gŗūti teikt. Prof. Becenbergs ir izteicis domas, ka tas atvasināts no vārda *vakars,* tâ ka *Vāca* apzīmētu rietumu zemi; bet tādam atvasinājumam ir savi fōnētiski šķēršļi.

---

[8] [Pirmpublicējumā: *Vokē* jeb *Voķa*. — Red.]

VALODAS SĪKUMI

[1911 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 80]

Par piedēkli *-ava* <...>[1] //

Savā rakstiņā par Ventas vārdu izteicu domas, ka upju vārdu galotne *-ava* ir rada vārdam *avuots* un tâtad īsteni nozīmē «upe». Negribēdams toreiz novirzīties no sava galvenā jautājuma par kuršu tautību, es atstāju galotni *-ava* citos vārdos neminētu. Tagad nu P. kgs domā, ka upju vārdu galotne *-ava* ir identiska ar galotni *-ava* vietu nosaukumos (*Kandava, puostava, dumbrava*[2] u. c.) un dažos citos vārdos (*jaunava, līgava, ļaudava*[3], *raudava*[4], *cielava*). Ka tas nav neiespējams, to es labprāt atzīstu. Bet, ja tālāk P. kgs saka, ka neviens nešaubīšoties par šīs galotnes radniecību ar slavu vietnieka vārdu *ovъ* «tas», tad man jāprotestē. Mūsu zinātne ir jau izdibinājusi dažu labu patiesību, par kuŗu tiešām vairs nav ko šaubīties; bet tik tālu esam tikuši pa labai daļai caur to, ka esam šaubījušies par veco uzskatu pareizību! Derēs tâtad arī uz priekšu šaubīties par visu to, kas nav pierādīts. Un ka minētās P. kga domas nav pierādītas, par to — teikšu savukārt — laikam gan neviens nešaubīsies. Zinātnē līdz šim es tādu uzskatu par galotni *-ava* nebiju nekur sastapis. Ir jau nu gan atzīta patiesība, ka piedēkļi pa daļai cēlušies no senāk patstāvīgiem vārdiem, to starpā arī no vietnieku vārdiem. Tâ, piem., īpašības vārdu vienskaitļa datīva noteicamo galotni *-jam*

2₁
2₂

---

[1] [Laikraksta redakcija paskaidro, ka tā saņēmusi no kāda Kazaņas universitātes filoloģijas studenta P. (laikam domāts J. Plāķis) apcerējumu par tematu, ko iekustinājis J. Endzelīns rakstā par Ventas vārdu (šai izdevumā skat. iepriekšējo rakstu, 357.—359. lpp.); laikraksts nu pasniegšot par ievērību un pamudinājumu jaunajam valodniekam prof. Endzelīna piezīmes par viņa apcerējumu. — Red.]

[2] P. kgs šo vārdu bez iemesla dēvē par patapinājumu no slavu valodām: slavu *dombrova* «(ozolu) mežs» ir atvasinājums no *domb(r)ъ* «ozols», bet latv. *dumbrava* «izbraukta jeb lopu izmīņāta purvaina vieta» atvasināta no *dumbrs* «purvājs».

[3] [*ļaudava* «Braut, junge Frau» ME II 530 sk. — Red.]

[4] [*raudava* = *rauduve* «wilde Ente» ME III 484. — Red.]

23 *(laba-jam)* inflantieši vēl tagad // lieto mūsu «viņam» nozīmē. Bet no tam nu vēl nevar spriest, ka v i s ī piedēkļi radušies tādā ceļā. Ļoti bieži izceļas jauni piedēkļi tâ, ka kāds piedēklis sakūst ar kādu citu piedēkli (tâ radies, piem., piedēklis *-tiņš*, skat. Latv. gram.[5] 52. § 12) vai arī ar paša celma beigu daļu (tâ, piem., vārdā *platums* mēs tagad sajūtam piedēkli *-ums*, bet senāk šis vārds ir sadalījies celmā *platu-*, kas vēl paglābies leišu formā *platùs* «plats», un piedēklī *-m(a)-s*). Un tâ tas var arī būt ar P. kga minēto slavu piedēkli *-ovъ, -ova, -ovo*, par ko P. kgs varētu palasīties Brugmaņa Grundriss der vergl. Grammatik II[2] 1, 199—205 un Vondraka Vergleich. slavische Grammatik I 412. Man gribētos ticēt, ka arī pats P. kgs pēc tam sāks šaubīties, vai šim piedēklim pavisam ir kāds sakars ar slavu vietnieka vārdu *ovъ*. — Bet tagad nu atpakaļ pie latv. piedēkļa *-ava*. Tas laikam dažējādi cēlies. Kâ piemin pats P. kgs un kâ arī es jau esmu rādījis (BB XXV 276[6]), dažos vārdos (*dzirnavas, pelavas, ragavas* u. c.) galotne *-ava* varētu būt cēlusies no *u*-celmu (*dzirnu-s, pelu-s, ragu-s*) daudzskaitļa locījumu formām, sal., piem., vecslavu daudzskaitļa ģenit. *сыновъ* no *u*-celma *сынъ*. Vietu nosaukumos (piem., *dumbrava*) piedēklis *-ava* ir laikam identisks ar slavu piedēkli *-ova*, kâ māca Brugmanis minētā vietā. Un, kâ jau minēju, v a r ē t u būt, ka arī upju vārdu *-ava* ir ar to rada. Bet nozīme drīzāk runā par labu manam uzskatam, ka *-ava* upju vārdos ir bijis patstāvīgs vārds ar nozīmi «upe»: kâ manā rakstā bija minēts, ir dažas upes vārdā *Ava* un sanskrita valodā atrodam vēl lietu vārdu *avanī* «upe». Tādiem vārdiem kâ *jaunava* ir blakus sastopamas formas ar piedēkli *-uve (jaunuve)*, kas prasa gaŗāku apcerējumu, kuŗu šai vietā nevaru dot. — Atliekas P. kga rakstā vēl daži citi sīkumi, kuŗu pareizību nevaru atzīt, bet atstāju tos neminētus. — Ja drīkst P. kgam dot kādu padomu, tad es ieteiktu viņam sākumā nodarboties ne ar tādiem glotogoniskiem problēmiem (kâ piedēkļu celšanās no vietnieku vārdiem), bet ar jautājumiem, kuŗus atrisinādami varam aprobežoties ar baltu valodām, nezaudēdami cieta pamata apakš kājām.

---

[5] [Latviešu gramatika. J. Endzelīna un K. Mīlenbacha sarakstīta. Rīgā 1907. — Red.]

[6] [Šai izdevumā I 115 sk. — Red.]

PĀRSKATS PAR LEIŠU VALODNIECĪBU

[1911 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 156]

Leišu valodas pētnieki atrodas labākos apstākļos nekâ 1_1
latviešu valodnieki. Leišu valoda ir savā attīstības gaitā bijusi samērā ļoti konservātīva[1], t. i., tā ir samērā ļoti labi paglabājusi un samērā ļoti maz pārgrozījusi indoeiropiešu pirmvalodas skaņas un formas, tâ ka no visām dzīvajām indoeiropiešu valodām, kādas tās patlaban ir, leišu valoda indoeiropiešu pirmvalodai stāv vistuvāki. Pa daļai vēl konservātīvāka ir bijusi seno prūšu valoda; bet tā ir jau XVII gadsimtenī izmirusi, un mēs to pazīstam gandrīz tikai no trim XVI gadsimtenī sarakstītiem un ļoti kļūdainiem katechisma tulkojumiem, tâ ka no visas prūšu valodas mums pazīstama tikai viena daļa. Latviešu mutē turpretim senā valoda ir daudz vairāk pārgrozīta, kas pa daļai ir izskaidrojams ar to, ka latviešiem piejaucies vairāk svešu asiņu, sevišķi lībiešu: pieaudzis cilvēks nevar palaikam svešu valodu pilnīgi piesavināties, bet runā to pa savai parašai (tâ, piem., šejienes vācu un sevišķi kārklu vāciešu starpā bieži dzird lietojam, piem., *bleiben* vārda *werden* vietā jeb *Hand* vārda *Arm* vietā, tāpēc ka latvieši vācu *bleiben* un *werden* un *Hand* un *Arm* vietā lieto pa vienam vārdam: *palikt* un *ruoka*). Visu to ievērojot, viegli saprotams, ka valodniecībā par baltu valodu reprezentantu palaikam ņem leišu valodu. Leišu valodai tad ir arī lielā mērā piegriezta valodnieku vērība. Uz Lietavu nereti brauc leišu valodas mācītos[2] sveštautiešu valodnieki; un lekcijas par leišu valodu nereti lasa vairāk Vācijas un Krievijas universitātēs. Par latviešu valodu turpretim Vācijā šad un tad lasa lekcijas vienīgi prof. Becenbergers Karaļaučos, kas divreiz (vairāk kâ 20 gadu atpakaļ) ceļojis pa mūsu dzimteni, mūsu valodas izloksnes pētīdams, un arī Krievijā vienīgi lektors Lautenbachs Tērbatā un privātdocents E. // Volters Pēterburgā (man pašam 1_2

[1] [Pirmpublicējumā: konzervativa. — Red.]
[2] [Supīns. — Red.]

Chaŗkovā laikam trūktu klausītāju latviešu valodas kursam). Vēl lielāka nozīme valodniecībā būtu leišu valodai, ja tai netrūktu vecu pieminekļu. Kâ latviešiem, tâ arī leišiem rakstniecība rodas tikai XVI gadsimtenī (no visām indoeiropiešu tautām tikai albāņiem ir vēl jaunāka literātūra; tiem tā sākas XVII gadsimtenī), tâtad vairāk kâ 2000 gadu vēlāk kâ grieķiem un varbūt gadus 3000 vēlāk kâ indiešiem. Saprotams tāpēc, ka seno indiešu un grieķu tekstos ir paglabājušās daudz formas, kuŗu vairs nav tagadējā leišu valodā (kas maz atšķiŗas no XVI gadsimteņa leišu valodas); un tādēļ valodniecībā seno indiešu un grieķu valodai piegriež vairāk vērības kâ leišu valodai (bez tam seniem indiešiem un grieķiem arī satura ziņā ļoti ievērojama literātūra, kādas leišiem trūkst). Vēl otrs apstāklis ir bijis leišiem labvēlīgāks nekâ latviešiem. Latviešiem līdz pat XIX gadsimtenim rakstīja grāmatas vienīgi vācieši, kas pa lielākai daļai tikai pavāji prata latviešu valodu. Un bez tam mūsu vecākie teksti (no XVI gadsimteņa) ir sarakstīti tik šausmīgā ortografijā, ka nereti var šaubīties un palikt neziņā, kâ īsti ir skanējis vācu rakstības sabojātais vārds. Tolaik mūsu valodai pa daļai bija vēl paglābušās dažas vecākas galotnes, bet vācu autori ļoti bieži raksta (vācu valodā ierasto) *-e* vārda beigās jebkuŗa cita patskaņa vietā: piem., «mette» var būt = *meta, mete, meti, metu.* Darbības vārdu pagātnē tolaik vēl izšķīra *ā*-celmus no *ē*-celmiem un runāja (kâ vēl tagad malēnieši[3]), piem., *viņš auga, lika, bēga, mira, sala* u. c., bet *brauce, sviede, gāze, vede, slēpe* u. c. Bet XVI gadsimteņa tekstos (un pa daļai arī vēlāk) bieži rakstīja nepareizi arī *aug(h)e, likke, beghe, mirre, sale,* tâ ka bez pareizāku tekstu un Malienas izlokšņu palīdzības nevaram zināt, vai šādas formas lasāmas ar *-a* jeb ar *-e*. Tāpēc tad mūsu vecākie teksti diezgan maz apgaismo un paskaidro mūsu valodas
l_3 pagātni; daudz // vairāk šai ziņā mums palīdz tagadējo izlokšņu bagātība un radu valodas. Gluži citādi ir ar leišu valodu. Leišiem par rakstniecību jau no sākuma (XVI gadsimteņa vidus) gādāja pašu tautas vīri (politiskā brīvība leišiem toreiz bija lielāka kâ latviešiem, kas tad jau smaka verdzībā). Paši leiši, zināms, tad arī prata savu valodu, un arī viņu rakstība bija, lai gan ne visur vienāda, bet samērā diezgan prātīga. Leišu vecie teksti noder tâtad leišu gramatikai par diezgan dzidru avotu (jāizlabo gandrīz tikai drukas kļūdas un

[3] [Par malēniešiem dēvēti augšzemnieku dialekta runātāji, t. i., Malienas — Latgales, Augškurzemes (Augšzemgales) un Vidzemes dienvidaustrumdaļas — iedzīvotāji. — Red.]

jāizmet barbarismi, t. i., poļu un baltkrievu vārdi). Un samērā arī diezgan bagāts ir šis avots: leišu XVI un XVII gadsimteņa literātūra (kas gandrīz visa garīga satura) ir jau diezgan kupla, bet liela daļa no tās (piem., bībeles tulkojumi) ir palikusi nedrukātā rokrakstā. No tā laika autoriem sevišķi interesants ir Daukša (ap 1600. g.[4]), kas atstājis (katoļu) katechisma un spredikļu grāmatas tulkojumu (beidzamo tagad — valodas svarīguma dēļ — no jauna izdod Pēterburgas Zinātņu akadēmija; katechismu jau senāk bija izdevis E. Volters). Viņa valoda bagāta formām un izteiksmē un bez tam ievērojama tai ziņā, ka autors ļoti bieži apzīmē arī vārdu akcentu (leišu valodas akcents nav vienmēr uz pirmās zilbes kâ latviešiem, bet mainās kâ krieviem). Un tam ir liela nozīme tāpēc, ka Daukšas akcents ir pa daļai vecāks par tagadējo leišu akcentu, kâ esmu pierādījis nesen laikrakstā Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung[5]. — Vārdnīcas un gramatikas leišiem, kâ arī latviešiem, sāk rakstīt XVII gadsimtenī. No tām jāpiemin Širvīda XVII gadsimtenī sarakstītā austrumu leišu[6] vārdnīca (no tā paša autora atlicies arī spredikļu krājums, kas XIX gadsimteņa beigās no jauna izdots kâ valodas piemineklis) un XVIII gadsimtenī sarakstītā gramatika «Universitas linguarum Lituaniae», kas ievērojama tai ziņā, ka te pirmoreiz izšķir un apzīmē leišu krītošo un kāpjošo // akcentu[7] (šo gramatiku 14
nesen no jauna izdevis Krakovas profesors Rozvadovskis). Bet šī gramatika, par bibliografisku retumu palikusi, XIX gadsimtenī bija jau aizmirsta, un tâ leišu divējādais akcents bija no jauna «jāatrod». To nopelnu pagājušā gadsimtenī ieguva prūšu leitis — luterāņu teologs Fr. Kuršats, publicēdams sevišķu monografiju par leišu akcentu[7] (viņa vēlākos darbus pieminēšu drusku vēlāk). Cittautiešiem, kuŗu valodā nav tādu akcenta starpību, nācās grūti izšķirt ar savu dzirdi leišu divē-

---

[4] Noteiktu skaitļu nevaru dot, jo man pašulaik nav vajadzīgo grāmatu klāt.

[5] [Šai izdevumā II 381 skk. — Red.]

[6] [Domāti lietuvieši, kas apdzīvo Lietuvas pamatteritoriju, tā dēvēto Dižlietuvu, t. i., lietuviešu zemes, kas bija ietilpušas Lietuvas lielkņazistē un vēlāk tika iekļautas Krievijas impērijas sastāvā. Par austrumu jeb krievu lietuviešiem viņus sauca pretstatā rietumu jeb prūšu lietuviešiem, kas apdzīvoja tā dēvēto Mazlietuvu — bij. Austrumprūsijas ziemeļu un ziemeļaustrumu novadus no Klaipēdas līdz Labguvai (Labiau) un Geldapei (Goldap), t. i., kādreizējo Pilsātenes zemi, Skalves zemi un Nadrovenes zemi, ko XIII gs. iekaroja vācu krustneši un kas līdz ar to palika ārpus Lietuvas lielkņazistes. — Red.].

[7] [t. i., intonāciju. — Red.]

jādo akcentu. Un tâ no sākuma sveštautiešu valodnieki tâ kâ labi negribēja atzīt par pareizu Kuršata akcenta mācību. Tâ par to šaubījās slavenais vācu valodnieks A. Šleichers, kas pats nobrauca uz prūšu Lietavu leišu valodas mācītos. Ar to viņš iepazinās diezgan labi un sarakstīja vēl tagad pilnīgi nenovecojušos leišu gramatiku (un chrestomatiju), kur tomēr akcenta mācība ir trūcīga: Šleichers pats varēja izšķirt divējādu akcentu tikai diftongos. Šo trūkumu tad nu novērsa Fr. Kuršats, sarakstīdams leišu gramatiku un leišu-vācu un vācu-leišu vārdnīcu. Bet arī Kuršata darbiem, šim tagadējās leišu valodniecības pamatam, ir savi trūkumi. Kuršats īsteni bija teologs un ne valodnieks, un tâ viņam trūka filologa kritikas un metodes. Viņa valodnieciskie izskaidrojumi tāpēc palaikam ir nepareizi. Bez tam viņa paša izloksnē ir sakrituši šaurais *ē* ar *ie* un *ō* ar *uo*; šīs skaņas tad nu viņa darbos netiek pareizi šķirtas, no kam valodniecībā jau bieži gadījušies pārpratumi. Beidzot Kuršats nebija pietiekoši iepazinies ar visām (sevišķi krievu[6]) leišu izloksnēm, lai gan ir ar šo nolūku bijis Krievijā. Viņa vārdnīcā trūkst ļoti daudz vārdu. Ar Krievijas leišu izloksnēm zinātni iepazīstināja krievu leiši. Bet, iekāms par tiem runāju, pieminēšu cittautiešu darbus leišu valodniecībā. To starpā pirmo vietu ieņem jau minētais prof. Becenbergers. Viņa pirmais darbs leišu valodniecībā: Beiträge zur
15 Ge-//schichte der litauischen Sprache. Šai grāmatā B. savācis senākās leišu valodas formas no vecākajiem, pa daļai nedrukātiem leišu rakstiem. Un kâ materiāla krājumam šim darbam paliekama vērtība. Jānožēlo tikai, ka, darbu rakstot, nav viscauri ievērota stingra tekstu kritika: drukas kļūdas nereti te uzlūkotas par tiešām pastāvējušām formām. Bez tam šis darbs sarakstīts pagājušā gadsimteņa 70. gados; bet pēc tam valodniecība ir spērusi milzu soļus uz priekšu, tâ ka autora izskaidrojumi tagad novecojuši. Pēc tam B. rūpējas par vecāko leišu rakstu jaunizdevumiem un vairākkārt apceļo Lietavu, pētīdams izloksnes un krādams tautas gara mantas. Beidzamās no viņa izdotas grāmatā: Litauische Forschungen. Izlokšņu pētījumus B. ir publicējis savā laikrakstā Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen (iznākuši pavisam 30 sējumi; tagad tas savienots ar Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung[8]). Tagad B. taisās sarakstīt leišu valodas vēsturisku gramatiku. Lieli nopelni ir arī Leipcigas slavu valodu profesoram A. Leskīnam. Kopā ar prof. K. Brugmani tas izdevis

[8] [Saīsinājumā to citē: KZ. — Red.]

leišu tautas dziesmas un pasakas, kuŗas tie paši Lietavā sakrājuši. L. viens pats sarakstījis svarīgos materiālu krājumus: Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen un Bildung der Nomina im Litauischen (te minēti arī latviešu un prūšu vārdi) un dažus sīkākus, laikrakstos publicētus apcerējumus par leišu valodu. Zinātnisku, bet diezgan trūcīgu leišu gramatiku ar chrestomatiju sarakstījis O. Vīdemanis (Handbuch der lit. Sprache): izloksnes un vecie teksti te ļoti maz ievēroti un izskaidrojumi bieži nepareizi; svarīgāka ir viņa grāmata Das litauische Präteritum (par leišu konjugācijas formām). No franču valodniekiem minami F. de Sosirs (Saussure) un R. Gotio (Gauthiot). Pirmais (profesors Ženēvā) sarakstījis divus ļoti vērtīgus apcerējumus par leišu akcentu un deklinācijas formām; otrs (profesors Parīzē) pats bijis Lietavā un // aprakstījis Buividžu izloksni krievu Lietavā un izdevis no 2ŗ
jauna kādu vecāku žemaišu izloksnes tekstu ar valodniecisku komentāru. No Austrijas slaviem Geitlers pagājušā gadsimtenī ir apceļojis Lietavu studiju nolūkā, krādams tekstus, un izdevis tos grāmatā Litauische Studien (vecu rakstu un izlokšņu paraugi ar vārdu sarakstu). Vēl tagad darbojas Prāgas profesors čechs J. Zubatijs, kas laikrakstos daudz rakstījis par leišu un latviešu valodu (arī «Austrumā» bija iespiests viņa raksts par latviešu vokātīva formām; Z. solījies sarakstīt leišu valodas etimoloģisku vārdnīcu). No krievu valodniekiem pirmā rindā minams senākais Maskavas profesors un tagadējais akadēmiķis F. Fortunatovs, kas pirmais ir izdibinājis baltu valodu akcentu[9] attiecību savā starpā un tā sakaru ar slavu akcentu[9]. Jānožēlo tikai, ka viņš savas mācības ļoti gausi publicē: viņa raksts par baltu valodu akcentu un leišu gramatikas kurss vēl līdz šim nav pabeigti. Fortunatova skolnieki ir profesori Uļjanovs (vēlākais ministra palīgs) un Poržezinskis (Maskavā), kas rakstījuši par leišu un latviešu darbības vārdiem (beidzamais tomēr ar rupjām kļūdām un bez patstāvības[10]). Lieli nopelni ir privātdocentam E. Volteram (Pēterburgā), kas izdevis daudz vecu leišu tekstu un izlokšņu paraugu (tāds krājums ir, piemēram, viņa Литовская хрестоматия) un daudz nodarbojies ar leišu bibliografiju. No šī pārskata redzams, ka cittautiešu zinātnieki ir ļoti daudz pastrādājuši leišu valodniecībā, un daudz arī turpmāk no tiem ir gaidāms. Bet galvenā loma drīzumā laikam piekritīs pašiem leišu valodniekiem, un par tiem vēl te runāšu.

---

[9] [t. i., intonāciju. — Red.]

[10] [Skat. J. Endzelīna recenziju šai izdevumā I 679—691. — Red.]

Pagājušā gadsimteņa 60. gados sāka strādāt krievu Lietavā Juškevičs, vispirms sniegdams Pēterburgas Zinātņu akadēmijas izdevumos pārskatu par leišu izloksnēm ar tekstu paraugiem. Pēc otra poļu dumpja[11] nabaga leišiem aizliedza iespiest grāmatas ar latīņu burtiem; un tas bija, zināms, par milzīgu kavēkli ne vien literāriskai, bet arī valodnieciskai darbībai. Bet klusumā tomēr tika strādāts. Juškevičs krāja leišu dainas un materiālu vārdnīcai. Sakrātās dainas ir jau izdotas, un vārdnīcu (nepilnīgu un nekritisku, bet ar daudz vārdiem, kas Kuršatam trūkst) tagad, pēc paša J. nāves, izdod mūsu
2_2 Zinātņu akadēmija. // Tad minami divi katoļu garīdznieki: bīskaps A. Baranovskis un katoļu garīgās akadēmijas profesors K. Jaunis (abi tagad miruši). Pirmais pazina ļoti labi ne vien pats savu izloksni, bet arī citas Kauņas guberņas izloksnes. Paša izloksnē sarakstīta viņa dzeja Anykščių šilelis, kas tika izdota Vācijā no viņa drauga, ģimnazijas direktora H. Vēbera ar ievērojamu ievadījumu par Kauņas leišu akcenta sistēmu, kas dažā ziņā atšķiras no prūšu leišu akcenta. Pats Baranovskis vēlāk mūsu Zinātņu akadēmijas izdevumos publicēja savus svarīgos novērojumus par Kauņas leišu akcentu un izloksnēm. Arī K. Jaunis (no dzimuma žemaitis) vislabāki pazina Kauņas guberņas izloksnes. Savus novērojumus tas publicēja Gukovska izdotajās «памятные книжки» par Kauņas guberņas apriņķiem; atsevišķi izdots gandrīz tikai viņa raksts par leišu akcentu[12]. Tagad pēc viņa nāves Zinātņu akadēmija izdod viņa leišu gramatiku. Jaunis bija ļoti pamatīgi iepazinies ar leišu valodas pieminekļiem, izloksnēm un valodniecisko literātūru. Nelaime tikai tā, ka viņš savā valodnieka attīstības gaitā bija autodidakts: kâ tāds viņš bija ļoti patstāvīgs savos spriedumos, bet, strādādams bez stingras metodes, tas savos paša radītos uzskatos pa lielākai daļai maldījās. Viņa paša publicētos darbos daudz svarīga materiāla un diezgan maz greizo teoriju, tâ ka tie ļoti derīgi. Viņa teorētiskos uzskatus saveda sistēmā un sāka izdot viņa skolnieks — tagadējais Pēterburgas universitātes students K. Būga: iznāca I daļa no viņa grāmatas Aistiški studijai, kas satur gandrīz tikai aplamas teorijas, bet arī daudz jauna materiāla. Tagad par laimi K. Būga ir atsvabinājies no sava bijušā skolotāja nepareiziem uzskatiem un sāk patstāvīgi strādāt leišu valodniecībā; lai gan acumirklī tas skaitās vēl tikai par studentu, tomēr tas pieder jau tagad pie

[11] [Domāta 1863.—1864. g. sacelšanās. — Red.]
[12] [t. i., intonāciju. — Red.]

vislabākiem leišu valodas pratējiem, un arī indoeiropiešu salīdzināmo gramatiku tas ļoti labi pārzina: leišiem viņa personā gatavojas ievērojams zinātņu vīrs. No vecākiem valodniekiem vēl dzīvs virsskolotājs J. Jablonskis, kas rediģējis daļu no Juškeviča vārdnīcas un daudz strādājis leišu sintaksē. Tagad tas kopā ar K. Būgu u. c. sāk izdot plašu leišu gramatiku (leišu valodā). Iznākusi patla-//ban I daļa no Jablonska sarakstītās 2_3
sintakses, kas satur teikuma mācību. Nodomāta tā ir pirmā rindā plašākai leišu publikai un satur vienīgi faktus, bet arī tā zinātnei tā ir ļoti svarīga kā ievērojams materiāla krājums. Cerēsim, ka drīzumā iznāks citas daļas.

Atliekas vēl pieminēt zinātniskas biedrības. Prūšu Lietavā jau pagājušā gadsimtenī nodibināta leišu literāriskā biedrība, kas izdod Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft. Biedri pa lielai daļai vācieši un pārvācoti leiši, kas tad nu visu nodara vāciski, tā ka šī biedrība leišos nav populāra; tagad ir jau pagājuši daži gadi, kopš nav izdots neviens jauns rakstu krājums. Bet tomēr tā stāv augstāki par mūsu «Draugu biedrību», kuŗa izvērtusies par vācu mācītāju organu, kas informē tos vācu mācītājus, kuŗi paši latviski nelasa, kādas avīzes un grāmatas ieteicamas tiem mīļiem latviešiem un kādas ir vajājamas. Minētā leišu biedrībā nav ne klērikālisma, ne politikas, un viņas rakstu krājumos atrodam daudz svarīgu materiālu: izlokšņu tekstu, vārdu krājumu, tautas gara mantu un vecu rakstu aprakstu un jaunizdevumu. Ķad pēc politiskiem pārgrozījumiem Krievijā arī leiši ieguva vairāk brīvības, tie Viļņā paši nodibināja savu zinātnisku biedrību «Lietuvių mokslo draugija», kas nodarbojas ar leišu vēsturi, etnografiju un valodniecību un izdod savu rakstu krājumu. Biedru skaits jau sniedzas simtos. Bet pamēģiniet latviešiem nodibināt tādu zinātnisku biedrību! Ķāds ducis varbūt pats saradīsies biedros, un otru duci varbūt varēs pierunāt iestāties, bet vairāk gan laikam ne! Vieni aizbildināsies, ka tiem nami jāceļ vai zemes gabali jāpērk, otri — ar amata darīšanām bankās un kasēs un t. t. Leiši patlaban vēl pārdzīvo to sajūsmības laikmetu, kāds latviešiem bija pagājušā gadsimteņa 70. gados (bet tā kā tagad jau dzīvojam XX gadsimtenī, tad viņiem ir jau arī sava sociālistu partija, kādas latviešiem vēl toreiz nebija). Un tā viņu starpā sastopam, piem., ārstus, kas nodarbojas ar valodas un etnografijas jautājumiem, gluži kā mūsu «tautiskajā» laikmetā advokāts Ķalniņš tulkoja Manharta rakstu par latviešu saules meitām un dieva dēliem. Vai tamlīdzīgā darbā var iedomāties mūsu tagadējos ad-//vokātus, pat tos «tautas» 2_4

partijas[13] vīrus? Tie mums ir «tempi passati»[14]. Mums tagad gandrīz katrs nododas savam darbam, un tāpēc, kâ man liekas, ir nedibināti pārmetumi Fr. Veinbergam, ka taisni viņš viens esot nomācis dzīvo garu RLB Zinību komisijā. Par tādu stiprinieku es viņu nevaru atzīt. Lai taču katrs pārbauda pats sevi, cik tas ir darījis vispārības labā!

---

[13] [Domāta 1907. g. nodibinātā galēji reakcionārā Latviešu tautas partija, ko vadīja advokāti Fr. Veinbergs, V. Teikmanis, mācītājs K. Irbe u. c. Šī latviešu lielburžuāzijas un daļas lauku buržuāzijas partija, kas stāvēja melnsimtniecisma pozīcijās, vienotā frontē ar Baltijas vācu lielburžuāziju un muižniecību un cara patvaldību nikni apkaroja revolucionāro un demokrātisko kustību, saskatot patvaldībā vienīgo spēku, kas spējot novērst revolūcijas briesmas. — Red.]

[14] [«pagājuši laiki» (ital.). — Red.]

VAI BALTIJĀ IR DZĪVOJUŠI ĶELTI?

[1911 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 227]

«Dzimtenes Vēstneša» 219. numurā pēc «Rig. Zeitung» ir 1_1
referēts par akadēmiķa A. Šachmatova hipotezi, ka Baltijā senāk dzīvojuši ķelti. Tâtad šīs domas kļūst plašām aprindām pazīstamas un — ievērojot viņu autora autoritāti — arī ar ticību saņemtas. Tas mani pamudina arī kādu vārdu teikt šai lietā, jo nevaru atzīt, ka minētās domas ir pierādītas. Akadēmiķis Šachmatovs ir ļoti labs slavu un sevišķi krievu valodas pazinējs, bet ar indoeiropiešu valodu salīdzināmo gramatiku tas ir maz nodarbojies. Un tāpēc viņa rakstā «par vecākām slavu un ķeltu attiecībām»[1] atrodam kļūdas, kas cēlušās aiz stingras metodes trūkuma. Šachmatovs savas domas pierāda, atsaukdamies uz šejienes vietu un upju vārdiem. Bet šie vārdi nu ir tāds materiāls, ar kuŗu var, ja labas gribas netrūkst, visu ko pierādīt. Piemēra dēļ varētu «pierādīt», ka latvieši kādreiz dzīvojuši ap Urala kalniem, jo tur atrodam, piemēram, pilsētu *Ирбит,* kas tik labi saskan ar mūsu *irbīti*; un varētu tur atrast arī citus vietu nosaukumus, kuŗus būtu iespējams atvasināt no latviešu vārdiem. Un tâ arī ķeltu vārdiem līdzīgus nosaukumus varētu sameklēt pa visu pasauli. Lai būtu kāds pamats atvasināt Baltijas vietu vārdus no ķeltu valodas, bija vispirms jāpierāda, ka ķelti kādreiz ir Baltijā dzīvojuši. Š. pats nu gan domā to pierādījis. Svarīgākais pierādījums viņam ir vēsturnieka Tacita pazī-//stamie vārdi par Baltijas piekrastes apdzī- 1_2
votājiem aistiešiem *(Aestii)*: «quibus ritus habitusque Suevorum, lingua Britannicae propior» (= kuŗiem svēvu parašas un apģērbs, bet valoda tuvāka britaņu valodai). Bet Š. beidzamo teikumu nepareizi atstāsta: «Die Sprache der Esten war der britannischen ähnlich», un turpina: «also es war eine von den keltischen Sprachen». Tāds ir viņa svarīgākais pierādījums! Tikpat labi varētu tad arī pierādīt, piemēram,

---

[1] [= «Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen» — AfslPh. XXXIII 51—99. — Red.]

ka latvieši un leiši ir slavi. Var ar pilnu tiesību teikt, ka leišu un latviešu valodas ir tuvākas slavu (nekâ ģermāņu) valodām; Š-am līdzīgi argumentējot, varētu nu tālāk spriest, ka leišu un latviešu valodas ir l ī d z ī g a s slavu valodām un t â t a d ir pašas ar[ī] slavu valodas! Bet kāda nozīme nu ir minētai Tacita ziņai par aistiešu valodu? Gluži droši to nevar noteikt, jo skaidri nezinām, kas šie aistieši īsti ir bijuši. Tagad valda domas, ka tie bijuši balti (leišu, latviešu, prūšu senči), un minētā Tacita ziņa par viņu valodu tām par kavēkli nevar būt. Baltu valodām nu gan nav īsti ar ķeltu valodām tuvāku sakaru nekâ ar ģermāņu valodām, bet mums jāievēro, ka Tacits savas ziņas nav smēlis no valodniekiem (kādu tolaik vēl nebija), bet no tirgotājiem, kas laikam gan tikai pavirši pazina ķeltu, aistiešu un ģermāņu valodas. Daži baltu vārdi tiešām varēja skanēt līdzīgāki ķeltu (nekâ ģermāņu) vārdiem, jo ķeltu un baltu valodas paglabā, piemēram, senos *b, d, g,* kas ģermāņu valodās pārvērtušies par *p, t, k*; sal., piem., leišu *dantis* un ķimru[2] (ķeltu cilts) *dant* «zobs» ar vecsakšu (ģermāņu cilts) *tand* «zobs». Tamlīdzīgi piemēri varēja pavedināt uz domām,
13 ka aistiešu valoda tuvāka «britaņu» (nekâ // «svēvu») valodai. Tâtad Tacita vārdi nebūt nepierāda, ka aistieši bijuši ķelti. Bet varbūt Š. ir atradis Baltijā daudz vietu vārdu, kas tiešām līdzīgi ķeltu vārdiem? Tādu vārdu Š. min diezgan daudz, bet viņa salīdzinājumi neiztur kritikas. Kas grib izlietot vietu vārdus zinātniskiem pētījumiem, tam vispirms ir jāizdibina šo vārdu pareizā izruna. Bet par to Š. it nemaz nav rūpējies. Viņš, piemēram, kaut kur ir atradis upes vārdu *Uszawa* (vāciski *Hasau*) un salīdzina šo vārdu ar īru *uske* «ūdens»; bet patiesībā šo Kurzemes upi sauc *Užava,* un tādai formai vairs nav nekādas līdzības ar īru *uske*. Tālāk ir jāievēro, ka baltu un ķeltu valodas ir radu valodas, tâ ka nav nekāds brīnums, ka baltu zemē atrodam vietu nosaukumus, kas pieskan ķeltu vārdiem. Š. salīdzina, piemēram, Daugavas sānupi *Dubnu* ar ķeltu vārdu *dubno* «dziļš»; bet to pašu sakni atrodam arī latviešu vārdā *dubęns* (= dibens); kāds iemesls tad nu ir uzskatīt *Dubnu* par ķeltu vārdu? Jeb *Alūksni* Š. ved sakarā ar ķeltu vārdu *Alussa*; bet latviešu valodā (Alūksnes izloksnē RKr. XV 104) vēl tagad lieto vārdu *aluksna* «staigna vieta», un atvasināt to no ķeltu valodas nav ne mazākā pamata. Par ķeltu vārdiem varētu uzskatīt tikai tādus vietu nosaukumus, kuŗos atrastu īpatnības, kas pazīstamas tikai ķeltu valodām.

[2] [t. i., kimbru. — Red.]

Nepietiek ar to, ka vārda sakni atrodam tagad tikai ķeltu valodās: ir pazīstama lieta, ka daži vārdi ar laiku izzūd no valodas, tâ ka savos vietu vārdos varam atrast saknes, kas tagad no pašu valodas izzudušas un sastopamas vairs tikai radu valodās. Bet vietu vārdus ar ķeltu valodu skaņu īpatnībām
Š. nav varējis Baltijā sameklēt. Pats Š. gan min // *Rigas* l_4
vārdu, to salīdzinādams ar ķeltu vietu vārdiem *Rigomagos, Rigodunon* u. c. Lasāmi šie vārdi ar gaŗu *ī*, tâpat kâ mūsu *Rīga* (kas tagad pārkristīta par *Rīgu*), un gaŗais *ī* minētos ķeltu vārdos ir cēlies no indoeiropiešu pirmvalodas gaŗā *ē* (kas ķeltu valodā likumīgi pārvēršas par gaŗo *ī*, bet baltu valodās kâ *ē*): sakne tur tā pati, kas latīņu vārdā *rex, rēgis* «ķēniņš». Bet kāds sakars tad nu mūsu *Rīgai* ar ķēniņa jēdzienu? Tagadējo Rīgu gan varētu par ķēniņa pilsētu dēvēt, bet nav jāaizmirst, ka tā nav dibināta no ķeltiem, bet no vācu ienācējiem.[3] Bet līdz tam vēlākās pilsētas vietā bija tikai niecīga upīte un smilšu kalni, bet nekā karaliska (jo Daugava par *Rīgu* nav saukta). Turpretim, ja vēlākā pilsēta dabūjusi savu vārdu no upītes, pie kuŗas tā uzcelta, un ja šī *Rīgas* upīte no latviešiem tâ nosaukta, tad *Rīgas* vārds viegli izskaidrojams no pašām baltu valodām. Pēc latviešu valodas skaņu likumiem (skat. mūsu gramatiku[4] 8. § d.) vārds *Rīga* var būt cēlies no senākā **Ringa*, un dažās leišu valodas izloksnēs tiešām mūsu Rīgu vēl sauc par *Ringu* (tâ Juškeviča Lietùviškos dájnos, Nr. 298 un Becenbergera[5] Litauische Forschungen 24 un 41). Un leišu valodā atrodam vārdus *ringa* «kas salīcis sēž» un *ringuoti*[6] «krümmen»; vārds *Rīga* tâtad varētu būt nozīmējis «Līkā» jeb «Līčupe», gluži kâ *Uogre* pēc leišu valodnieka Būgas domām nav vis «Zušupe», bet «Līčupe» (*Uogri* var atvasināt no **Vuogre,* sal. *uore* no **vuore*, ko atrodam vēl Manceļa rakstos vārdā *vuormanis* «Fuhrmann», un **Vuogre* varēja celties no **Vangre,* sal. leišu *vìngris* «līcis»). — Arī *leišu* un *latviešu* vārdu nav iemesla ar Šachmatovu atvasināt no ķeltu valodām, // jo par iemeslu nevar atzīt to, ka šie vārdi l_5
līdz šim vēl nav droši izskaidroti. Vārds *leiši* jeb (kâ viņi paši saucas) *lietùviai* cēlies no saknes formas *leit-*; bet šis *leit-* nevarēja celties no *lit-* (ko atrodam ķeltu vārdā **Litavia*), kâ

---

[3] [Tagad pierādīts, ka apdzīvota vieta te bijusi jau pirms vācu iekarotāju ienākšanas. — Red.]

[4] [= Latviešu gramatika. J. Endzelīna un K. Mülenbacha sarakstīta. Rīgā 1907. — Red.]

[5] [Pirmpublicējumā: Becenberģera. — Red.]

[6] [Pirmpublicējumā: *ringoti*. — Red.]

arī *lat-* nevarēja rasties no *lit-*, jo baltu valodās patskanis *i* nekad nepārvēršas ne par *ei*, nei par *a*. Kas zīmējas uz *latviešu* vārdu, tad ļoti ievērojams ir prof. P. Šmita aizrādījums uz Langes vārdnīcu (Latvija, 1911, Nr. 176), kur teikts, ka latvieši savu vārdu dabūjuši no *Lates* upes[7] «gegen der polnischen Grenze» (te domāta laikam toreizējā poļu Vidzeme jeb Inflantija), un *Latgale* jau ir mūsu Maliena. Lates upes apkaimi varēja saukt par *Latuvu* jeb *Latavu* (sal. leišu *Lietuvà* «Lietava») un šī apgabala apdzīvotājus — par *lat(u)viešiem* jeb *lat(a)viešiem*. Turpretim *Lietavas* vārdu daži salīdzina ar latīņu *litus* «krasts» (latīņu *lit-* var būt cēlies no **leit-*), tâ ka *Lietavas* vārds nozīmētu piekrasti, kas nav neiespējams.

Visu akadēmiķa A. Šachmatova rakstu te pārrunāt man trūkst laika; arī šīs manas piezīmes rāda, ka latviešu publikai nav nekāda iemesla piegriezt vērību minētam apcerējumam.

---

[7] [Skat. J. Endzelīna Lvv. I_2 266. — Red.]

PIEMETINĀJUMI RAKSTAM PAR ĶELTIEM BALTIJĀ[1]

[1911 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 231, 1_1]

Par *Rīgas* vārdu jāpiezīmē vēl, ka arī Bīlenšteins (Die Grenzen des lettischen Volksstammes 37—39) to atvasina no vecākas formas **Ringa,* arī to savezdams sakarā ar leišu vārdu *ringuoti*[2] un minēdams vecus dokumentus, kuŗos runa par *Rigas* upīti. Pieminēšu vēl leišu upju vārdus *Ringuva* Šauļu apgabalā un *Ringys* Kauņas guberņā.

Tad vēl dažas piezīmes par *latviešu* vārdu. Ka tas saīsināts no vecāka **latavieši,* to vēl rāda latīņu forma *lotavicus* «latvisks» (patskanis *o* te laikam mūsu augšzemnieku izloksnes īpatnība, kur *a* pārvēršas par *o*; augšzemnieki jau ir īstie «latvieši»). Dažas interesantas ziņas par šo vārdu atrodam E. Voltera rakstā Город Мендовга, или Где искать Летовию XIII века (Изв. XIV 3, 95—102). Tur atrodami leišu upju vārdi *Latava* (Trāškūnu draudzē, Vilkomiras apriņķī, Kauņas gub.), *Lat-upis* (Anīkšču draudzē, Kauņas gub.) un muižas vārds *Latavėnai*[3].

---

[1] [Šai izdevumā skat. iepriekšējo rakstu. — Red.]
[2] [Pirmpublicējumā: *ringoti.* — Red.]
[3] [Pirmpublicējumā: *Latavènai.* — Red.]

PIEZĪMES PAR MUIŽU VĀRDIEM UN VIETU NOSAUKUMIEM VISPĀRI

[1911 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 299]

l_1 Kažoku Dāvja teicamajā rakstā par muižu nosaukumiem ir minētas sevišķi kļūdas un tīši sakropļojumi galotnēs. Bet arī sakņu zilbju rakstībā sastopam daudz nepareizību. Kâ, piemēram, lasīdami avīzēs (un pat mūsu konversācijas[1] vārdnīcā!) par «Ivandi», «Nigrandi», «Nitauri», lai zinām, ka šo vārdu pirmajā zilbē izrunājams garš *i*, ja neesam šos vārdus paši dzirdējuši no tautas mutes? Citos gadījumos atkal mūsu publicisti nelieto pašu latviešu nosaukumus, bet vācu formu pārlatviskojumus; tâ, piem., raksta par «Blīdeni» (= vācu *Blieden*), bet paši turienieši to sauc *Blidieni*. Vēl trakāki rīkojas tie korespondenti, kas latviešu *Pociemu* un *Meķi* pārdēvē par «Pozendorfu» un «Perniģeli». Te nu mūsu avīžu un žurnālu redaktoriem būtu jārūpējas par pareizu rakstību. Tâ kâ tagad nav mums vēl tādas grāmatas, kur varētu orientēties par vietu nosaukumu pareizo izrunu un rakstību, tad redaktoriem vajadzētu uzaicināt savus korespondentus pareizi rakstīt savu vietu nosaukumus tâ, kâ pati tauta tos izrunā; tâ Dzimtenes Vēstnesis jau pareizi ievedis *Bērzauni* «Bērzones» vietā. Bet ar to vēl nepietiek. Ir domājams, ka kādreiz piedzīvosim savas konversācijas vārdnīcas otru izdevumu. Tad nu Baltijas ģeografijas nodaļas redaktoram vajadzētu ievākt ziņas par vietu nosaukumu pareizo izrunu un ne vien pareizi rakstīt galotnes, bet arī apzīmēt patskaņu garumu un akcentu[2]. Ar to konv. vārdnīcas vērtība būtu palielināta, un tam vajadzīgos līdzekļus atvēlētu vārdnīcas redakcija.

Bez tam Zinību komisijai derētu parūpēties par Latvijas vietu (muižu, zemnieku māju, upju, ezeru, kalnu) nosaukumu izdevumu. Cik derīgs un vajadzīgs būtu tāds krājums mūsu
l_2 vēstures un valodas pētniekiem, var // spriest jau no tam, ka

---

[1] [Pirmpublicējumā: konverzacijas. — Red.]
[2] [t. i., intonāciju. — Red.]

uz samērā nedaudzo līdz šim pazīstamo vietu vārdu pamata man izdevies atrisināt jautājumu par seno kursu[3] tautību[4], kuŗus līdz šim noturēja par lībiešiem. Ir jau arī agrāk šur un tur dažu draudžu vietu vārdi publicēti, un arī vācieši ir sprieduši par Bīlenšteina sakrāto nosaukumu izdevumu. Bet tie visi zinātnei maz der, tāpēc ka nav viscauri apzīmēts patskaņu gaŗums un akcents. Zin. komisija varētu tādus vietu vārdu sakopojumus — pa apriņķiem sakārtotus — publicēt savos rakstu krājumos. Mēs, valodnieki, savu palīgu un padomu tam darbam neliegsim. Un pašus vietu vārdus varētu pa brīvdienām sakrāt, piemēram, skolnieki un studenti savos apgabalos un iesūtīt Zin. komisijai.<...>

---

[3] Tāda ir šīs tautas vārda forma mūsu tautas dziesmās, sal. *kursu meitas* BW 13242.

[4] [Skat. šai izdevumā II 357 skk. — Red.]

BALTICA

[1911 KZ XLIV 1/2, 46—69]

46 ### 1. EINE BALTISCHE PARALLELE ZUM GEBRAUCH DES AIR. *ro*

Bekanntlich kann air. *ro*, das ungleich häufiger als andere Präpositionen «das Geschehnis als vollendet, abgeschlossen» bezeichnet, daneben auch das Können, das Imstande-sein bezeichnen; z. B. *as·ro-bair* «er kann sagen» (zu *as·beir* «er sagt»), vgl. Vendryes Gramm. du vieil-irlandais 245 ff. und Thurneysen Handb. des Alt-Irischen 316 ff., wo auch die sonstige Literatur verzeichnet ist. Zu diesem Gebrauch, den man schon mit ähnlichen Erscheinungen in einigen andern Sprachen verglichen hat, findet sich eine Parallele auch im Baltischen. Im Lettischen und Litauischen hat *pa-* in verbaler Zusammensetzung sehr häufig die lokale Bedeutung ganz eingebüßt und dient dann nur zu formalen
47 Zwecken, so namentlich zur Perfektivierung // des Verbalbegriffes, vgl. meine Латышские предлоги II 77 ff.[1] Daneben kann nun *pa-* in beiden Sprachen auch das Können bezeichnen. Vgl. Uĭjanov Значения глагольных основ в литовско-славянском языке II 50 f. und 101 f. und meine Латышские предлоги II 74[2]. Beispiele: *arkĩaĩ tą̃ vežimą jaũ ne pàveža* (Kurschat Wrtb. unter *vežù*) «die Pferde vermögen nicht mehr den Wagen fortzuziehen» (Kurschats Übersetzung ist durch den Provinzialismus «zwingen» und ein falsches Komma dahinter mißverständlich); *ne pasẽdžu ąnt žirgẽĩu* (Juškevič Lietùviškos dájnos 199, 22) «ich vermag nicht auf dem Roß zu sitzen»; *ne patráukė bėrs žirgẽlis grauďũju ašarẽĩu* (ibid. 1478, 6) «das braune Rößlein vermochte nicht die bitteren Tränen weiterzuziehen»; *didiejie kraitẽĩei ne-pavẽžami* (Juškevič Lietùviškos svotbinės dájnos 72, 11) «man vermag nicht den großen Brautschatz fortzuschaffen»; *(lazdà) bùva teĩp sunkì, kàd silinǵáśes vîrs jẽ vos pàneše* (Schleicher

[1] [Šai izdevumā I 595 skk. — Red.]
[2] [Šai izdevumā I 593. — Red.]

Leseb. 230, 2) «(der Stock) war so schwer, daß der stärkste Mann kaum imstande war, ihn zu tragen» (vgl. noch *paeīti* «zu gehen imstande sein» in Kurschats Wrtb. unter *einù*); *savu dieva dęvumiņ[u] vęzumà nepavežu* (Sprogis Памятники латышского народного творчества 234, 33) «das mir von Gott Gegebene konnte ich in einem Wagen nicht fortschaffen»; *vajaga arì vêl pieci pũri zęlta naûdas panest* (Latweeschu tautas teikas un pasakas I 24) «man muß auch noch fünf Lof Goldgeld tragen können»; *pavęlk trîsdesmit vīrus ragûs pa pliku zemi* (ibid. I 55) «ist imstande, 30 Mann im Schlitten auf schneefreiem Boden zu ziehen». Sehr häufig wird aber in beiden Sprachen die einfache Zusammensetzung mit *pa-* durch die Verbindung von (lit.) *galėti,* (lett.) *varêt* oder *spēt* («können») mit dem davon abhängigen (mit *pa-* zusammengesetzten) Infinitiv ersetzt; z. B. *nespējùot vaîrâk papùst* (ibid. I 17) «er könne nicht mehr blasen». [Vgl. noch 2 *pa-* in LtT I 420.]

2. ZU DEN LETTISCHEN INTONATIONEN

Im Magazin der lettisch-literärischen Gesellschaft (Bd. XVI 2, 62—86) hat P. Krumberg eine Beschreibung der Intonationen seiner Mundart (leider jedoch ohne jede Ortsangabe) und eine Liste von Beispielen für jede Intonation gegeben. Aus der Beschreibung geht hervor, daß Krumbergs Mundart zu denjenigen ostlettischen Mundarten gehört, in denen statt des Stoßtones eine steigende Intonation üblich ist. In den Beispielen entspricht also seiner steigenden Intonation in der Regel der Stoßton // anderer Mundarten; nur haben bei ihm 48
auch einige in Wolmar fallend betonte Monosyllaba (*jau* «schon», *par* «für», *man* «mir») den steigenden Ton, was vielleicht durch ihre proklitische Stellung zu erklären ist. Während aber sonst im Ostlettischen, soviel ich weiß, der Dehnton mit dem fallenden Ton zusammengefallen ist[3], hat Krumbergs

[3] Im Niederlettischen ist mir eine fallende Aussprache des Dehntons nur aus Nieder-Bartau und Kruhten bekannt, wo sich auch sonst der Einfluß des Litauischen geltend macht; doch ist die fallende Betonung dort nicht ausschließlich: ein und dasselbe Wort wird von derselben Person bald gedehnt, bald fallend betont, und zwar so (soweit meine Beobachtung reicht), daß in zusammenhängender Rede der Dehnton, in einzeln gesprochenen Wörtern der fallende Ton vorherrscht. Dagegen in Klein-Gramsden (auch in der Nähe der litauischen Grenze) wird der Dehnton durch eine Art fallend-steigender Betonung ersetzt.

Mundart neben dem fallenden Ton auch noch einen Dehnton. Sieht man sich jedoch die Beispiele an, so erweist es sich, daß in anderen Mundarten (z. B. in Wolmar) seinem Dehnton nicht nur der Dehnton, sondern auch der fallende Ton, und seinem fallenden Ton nicht nur der fallende Ton, sondern auch der Dehnton entspricht. Den Schlüssel zum Verständnis dieses Verhältnisses liefert Krumbergs Bemerkung zur Präposition *pār-*: «Als Vorsilbe in Compositis vor *k, p, s, t, c* der Stammsilbe lautet als *pàr-*» (z. B. *pārzuobi, pārmîšu* neben *pàrkaras, pàrteikt*). Vgl. außerdem noch *lùgt(ies)* neben *lūdzams, lūgums*; *kràut* neben *krāvis* (neben *lècis* zu *lèkt*), *lìst* neben *līdis* (neben *lìcis* zu *lìkt*), *ràt* neben *rājis, vèrt* neben *vēris*; *sèt* und *sìet, sękla* und *sìetava* neben *sējējs*. Die Regel braucht noch kaum genannt zu werden: der Dehnton steht vor stimmhaftem Konsonant, der fallende Ton — vor stimmlosen Lauten, auch vor *rk, rt, rp, rs, rc* (vgl. z. B. *màrks, zàrks* neben *dārgs, dārzs, zārds*), wahrscheinlich weil in Krumbergs Mundart *r* vor stimmlosem Konsonant auch selbst stimmlos geworden ist. Belege für *l, m, n* vor stimmlosem Konsonant fehlen auffälligerweise (man vermißt da so bekannte Wörter wie *vilkt* «ziehen», *vèlti* «umsonst», *silts* «warm», *zęlts* «Gold», *sìmts* «hundert», *mañta* «Schatz» u. a.); ich finde nur *cilpa, cilpuot* (in Wolmar mit dem Dehnton in der Wurzelsilbe), die aber bei Krumberg steigend (= gestoßen) betont sind. Ausnahmen gibt es kaum. Nomina wie *dārgs, dārzs, zārds* (gesprochen *dārks, dārs, zārc*), die im Nom. S. eigentlich den fallenden Ton haben sollten, haben den Dehnton unter dem Einfluß
49 der übrigen Kasus; dagegen ist // regelrecht der Infin. *lùgt* (gespr. *lùkt*) neben dem Partic. *lūdzams*. Den fallenden Ton haben auch die Einsilbler *jùo* «denn», Gen. S. *kà* (auch in der Zusammensetzung: *kàdēļ*; so auch *tàdēļ* «deshalb»), Acc. S. *kùo* (so auch das Compositum *šùodien* «heute» und die Ableitung *šùojieši*), *nuo, pie, ie-* (durch Verallgemeinerung auch vor stimmhaftem Konsonant). Wirkliche Ausnahmen, jedoch vielleicht nur Druckfehler, sind folgende Formen: *žūpuot* (neben *žùpa*), *sìelaîns*[4], *sìelâjs*[4], *tìdît*[5], *tuõšâtiês*[6]. Da der Autor schon gestorben ist, so kann ich zur Zeit leider nicht angeben, w o so gesprochen wird. Der auseinandergesetzte Tatbestand setzt voraus, daß auch in dieser Mundart ursprünglich der Dehnton mit dem fallenden Ton zusammengeflossen ist, worauf

[4] [*sielains, sielājs*[2] «kleines Floß» ME III 858. — Red.]
[5] [*tīdît* «ausfragen, anfechten, necken» ME IV 199. — Red.]
[6] [*tuõšâtiês* «zaudern» ME IV 287. — Red.]

dann eine neue, durch den Charakter der folgenden Konsonanz bedingte Differenzierung eingetreten ist. Über die von mir angewandte Orthographie, in der ich auch Krumbergs Beispiele wiedergegeben habe, vgl. BB XXV 259 ff.[7]

Suum cuique! Als ich dieses Herrn Akademiker Fortunatov mitteilte, erfuhr ich von ihm, daß er schon vor einer Reihe von Jahren diese Entdeckung gemacht hätte (wie er denn auch das Verhältnis der lettischen Intonationen zu den litauischen schon vor mir bestimmt hat). Da nun Herr Fortunatov selbst dies so lange nicht veröffentlicht hat und ich auch nicht weiß, daß er es nächstens tun würde, so glaubte ich, daß diese Mitteilung im Interesse unserer Wissenschaft geboten ist, umsomehr da hierdurch das von mir BB XXV 259 ff.[7] Gebotene in einigen Punkten berichtigt wird.

3. ZUM LITAUISCHEN AKZENT DAUKŠAS

Die von Wolter besorgte Neuausgabe des Katechismus und der Postille Daukšas liefert sehr wichtige Quellen zur Geschichte der litauischen Sprache. Da aber zur Zeit beinahe ein Stillstand auf dem Gebiete der litauischen Sprachforschung eingetreten ist, obwohl wir noch keine historische Grammatik, keine Dialektologie, keinen Thesaurus, kein etymologisches Wörterbuch dieser für Sprachforscher so wichtigen, durch administrative Maßregeln einerseits und von der Gelehrtenwelt ohne Protest belassene Vereinsgesetze[8] andrerseits in ihrer Existenz hart bedrohten Sprache besitzen, so sind diese Quellen bisher wenig ausgenutzt. Und doch, wie reich ist die Sprache // Daukšas! so reich, daß man darob sogar der Höllen- 50
gluten vergißt, in denen die Ketzer geschmort werden (zumal diese fanatische Postille ja nur eine Übersetzung aus dem Polnischen ist)! Ich erinnere an den Wortschatz, der so manche sonst im Litauischen verschollene Wörter birgt[9], die altertümliche Syntax, den noch recht umfangreichen Gebrauch von

---

[7] [Sai izdevumā I 117 skk. — Red.]

[8] [Wenn der Verf. die deutschen meint, so überschätzt er ihre Bedeutung für das Litauische sehr. — B[ezzenberge]r.]

[9] Darunter auch *pástaras* (=*pãstaras*; lett. *pastars*) «letzter», z. B. Post. 5, 32, das ja auch sonst (neben vereinzelten *pasteras*) im Litauischen belegt ist, vgl. Bezzenberger BGLS 61 und Leskien Nom. 446; dies bemerke ich hier wegen IF XXIV 72 ff., wo ital. *postero-*, da es außerhalb des italischen Sprachzweiges keine Entsprechung habe, auf **postitero-* zurückgeführt wird.

konsonantischen Stämmen (z. B. *šird-*), die Erhaltung weiblicher *u*-Stämme (Instr. Pl. *tomis pęlumis*[10] Post. 118, 5, während Kurschat nur männliche *u*-Stämme kennt, und so auch schon bei Szyrwid PS 38, 18: *petumis, kuriuos*) und beinahe aller Kasusformen der *u*-Deklination bei den Adjektiven und an den ausgedehnten Gebrauch von Optativformen. Was aber den Wert dieser Quellen noch mehr erhöht, ist die zwar nicht durchgängige, aber doch sehr häufige Bezeichnung des Wortakzentes. Druckfehler kommen zwar vereinzelt auch in dieser Hinsicht vor (so haben zuweilen in einem Wort zwei, selbst benachbarte Silben das Akzentzeichen, z. B. Gen. S. *smárkáus* Post. 321, 3; und so ist wohl z. B. auch *diewás* Post. 297, 33 ein Druckfehler neben *diéwas* Post. 299, 5, 19, 23 u. a.). Wenn aber eine bestimmte Silbe wiederholt akzentuiert wird (und das in einer Reihe ähnlich gearteter Fälle), so darf man mit der Realität eines solchen Akzents rechnen, selbst wenn er von demjenigen Kurschats abweicht. Solche Abweichungen gibt es in der Tat bei Daukša (wie ja auch in den heutigen Dialekten): im Kondizional primärer Stämme ist ungemein häufig die zweite Silbe betont (z. B. *butų* Post. 213, 9; 214, 12; 215, 13, 27; 13, 17 u. a., woneben *bútų* 212, 32 vielleicht fehlerhaft ist; *butúmbei* 148, 7 (2×), *butúmbime* 217, 11; 233, 33, vgl. lett. *bûtu*; *duotų* 222, 1; 251, 31; 216, 23; 218, 10; 18, 26, *duotûmbite*
51 151, 19, *-duotûmbei* 52, 34, // vgl. lett. *duôtu; nussidetų* 13, 18; 304, 1, vgl. lett. *dętu; ęstų* 322, 9, vgl. lett. *ęstu; kettųs* 241, 1; 261, 25, vgl. lett. *cęĩtu; -taistų* 5, 19; 295, 20, vgl. lett. *laîstu,* daneben aber auch schon *-táistų* 321, 7; *-stotûmbei* 52, 37, *-stotųs* 303, 37, vgl. lett. *-stâtu*; *-eitų* 323, 37; 304, 22; *imtų* 13, 18; 19, 33; *lieptú* 19, 2; *metstųs* 19, 33; *mirtų* 264, 36, 30; *-westų* 155, 34; aber auch *pažintų* 219, 1; 250, 33 gegen lett. *-zĩtu;* daneben *supûtų* 322, 10, vgl. lett. *pũtu;* aber auch *aûktų* Kat. 3, 6 gegen lett. *aûgtu*); zum Partizipium *-duodąs* Post. 277, 19 (= lett. *duôdus*) vgl. *augąs* BB XXV 270[11]; im Futurum ist zuweilen noch die Ableitungssilbe betont, wie teilweise auch noch in den modernen Dialekten (z. B. *eisiú*

[10] Der Buchstabe *ę* bezeichnet bei Daukša nicht nasaliertes, sondern offenes *e*; seine Orthographie lasse ich hier ungeändert, weil der Lautwert nicht immer sicher zu bestimmen ist (so auch die Quantität des *u* in *pętumis:* das *ū* in lett. *pęlūm* kann ja, gleich dem *i* z. B. in *avĩm,* durch die Analogie der gleichfalls weiblichen *ā*-Stämme hervorgerufen sein, was durch lit. *pelùdė* empfohlen und durch lett. *pęlūde* nicht widerlegt wird, da im Lettischen zuweilen notorisch ursprüngliche suffixale Kürzen unter dem Nebenakzent gelängt erscheinen, worüber ein anderes Mal).

[11] [Sai izdevumā I 128. — Red.]

346, 37); statt Kurschats *tėvaĩ* hat Daukša eine dem lett. *tẽvi* entsprechende Form mit fester Anfangsbetonung (z. B. *têwaĩ* Kat. 26, 16, 20, Post. 329, 21; Gen. Pl. *têwų* Post. 329, 34; 236, 14, 16, Kat. 26, 26; *tẽvai* auch bei Donaleitis und sonst, vgl. Lit. Mitt. I 311), und statt Kurschats *sėklà, -õs* hat D. ein dem lett. *sẽkla* entsprechendes Paroxytonon (z. B. *sékta* Post. 139, 9, 3; 134, 7, 10; 135, 9; 159, 32; Gen. S. *sêktos* 139, 2, 12; 134, 9; vgl. daneben z. B. den Gen. S. *battós gatwós* 140, 29), und während bei Kurschat *žmogùs* die gleiche Endbetonung hat wie *sūnùs*, hat D. neben *sunús*, z. B. 209, 22; 211, 1, 2; 216, 25, 26 u. a. (woneben *súnus* 339, 30 entweder fehlerhaft oder durch die Anfangsbetonung des folgenden *żmógaus* hervorgerufen ist), Gen. S. *sunáus* 334, 21; 344, 15 u. a., Instr. S. *sunumi* 304, 9 (betontes kurzes *i* der Endsilbe pflegt kein Akzentzeichen zu haben) u. a. Formen wie *żmógus* 217, 35; 223, 7 (die Anfangsbetonung ist hier auch noch gegenwärtig dialektisch bekannt), Gen. S. *żmógaus* 211, 3; 334, 21, Instr. S. *żmôgumi* 337, 14 u. a. Eingehender will ich hier die Betonung der zweisilbigen Adjektivstämme besprechen. Während im Lettischen der Dehnton z. B. in *pĩlns* auf Anfangsbetonung (vgl. r. *по́лный*), der Stoßton z. B. in *nuôgs*[12] (mir aus einigen ostlivländischen Mundarten bekannt), *dzîvs* auf Endbetonung weist (vgl. r. *нагóй, живóй*), haben im Litauischen nach Kurschat *pilnas, nûogas* und *gîvas* in gleicher Weise in bestimmten Kasus Endbetonung. Desgleichen ziehen immer die Komparationsendungen *-ẽsnis* und *-áušas* den Akzent auf sich. Dasselbe gilt für das Suffix *-ùmas* nach den Angaben der Grammatik und des Wörterbuches; dagegen in seinen «Beiträgen zur Kunde der litauischen Sprache» II 55 macht Kurschat (nach Schleichers Angabe, Lit. Gramm. 130) den Unterschied, daß (betontes) *-ùmas* etwas Ab-//straktes, 52
(unbetontes) *-umas* dagegen etwas Konkretes bezeichnet, z. B. *baltùmas* «Weiße», *lygùmas* «Gleichheit» neben *báltumas* «weißer Fleck» (= lett. *baltums*), *lígumas* «Ebene» (vgl. lett. *līdz*), während in der Grammatik und im Wörterbuch *báltumas* und *lígumas* durch *baltumà* und *ligumà* ersetzt sind. Daß *báltumas* und *lígumas* älter sind als *baltùmas* und *lygùmas* (die nach dem Muster von z. B. *nuogùmas* = lett. *nuôgums, gīvùmas* = lett. *dzîvums* entstanden sind), dafür sprechen sowohl innere Gründe als auch die Vergleichung mit dem Lettischen. Und auch die Sprache Daukšas bietet noch

[12] [*nuôgs* «nackend, arm» ME II 788. — Red.]

reichliche Spuren fester Anfangsbetonung der Adjektiva. Anfangsbetonung haben:

rómus (bei K. *romùs,* Ntr. *rõmu*; vgl. dagegen lett. *rãms,* nach dem bei D. wohl der Stoßton anzusetzen ist) Post. 8, 14; 10, 21, 25; 20, 25; Instr. S. *rómumi* 115, 18; Instr. Pl. *rômumis* 323, 18; Nom. S. *rômumas* Kat. 33, 14; Post. 231, 22 (gleich darauf folgt *stiprúmas*!); 244, 20; Gen. S. *rómumo* 173, 31; 175, 36; 244, 2; Acc. S. *rómumą* 163, 5; 171, 30 (woneben *romúmą* 195, 22 vielleicht fehlerhaft ist); Instr. S. *rómumu* 230, 35; 196, 15; Loc. S. *rómume* 167, 9; 174, 6; 278, 9 u. a.

Gen. S. *tąmsaus* 47, 27; Dat. Pl. *támsumus* 209, 10; Gen. Pl. *támsumų* 365, 21; 206, 13; Acc. Pl. *támsumus* 331, 15; Instr. Pl. *támsumays* 63, 20; Loc. Pl. *támsumuose* 330, 2; 63, 18, 29 (bei K. *tamsùs,* Adv. *tamšai*).

Nom. S. *sųkus* (bei K. *sunkùs,* Adv. *suñkai*) 310, 22, 29; Loc. Pl. *súnkiose* 361, 17 (aber Acc. Pl. *sųkés* 361, 29); Adv. *sųnkiai* 100, 29; 27, 27; Nom. S. *sûnkumas* 202, 21; Gen. S. *sųkumo* 204, 2; Acc. S. *sųkumą* 192, 26; 219, 1 (folgt auf *didúmą*); 201, 24; 204, 27; 197, 6; 145, 7; Gen. Pl. *sųkumų* 195, 5; Acc. Pl. *sųkumus* 196, 9; Nom. S. *sųke^{a}snis* 15, 25; Adv. *sųkeus* 154, 24 (aber Nom. Pl. *sųkeûsios* 193, 7, 14; Nom. S. *sųkéuses* 310, 30).

Nom. S. *smârkus* (bei K. *smarkùs,* Adv. *smarkai*) 135, 34; Gen. S. *smârkaus* 160, 11; 214, 6; *smârkios* 6, 12; Instr. S. *smârkumi* 87, 11; Instr. Pl. *smârkiomis* 129, 2; Adv. *smârkei* 139, 6; 117, 14; Nom. S. *smârkumas* 160, 5; Acc. S. *smárkumą* 29, 11; 204, 3; Instr. S. *smârkumu* Kat. 40, 28; Acc. Pl. *smârkęsnius* Post. 214, 6 (aber Gen. S. *smarkêusio* 141, 6).

(Von *túlas*) Gen. Pl. *tûtų* 333, 14; 336, 12 (unmittelbar folgt *diewų*); 28, 6; 39, 7; 188, 13; 69, 7 (unmittelbar folgt der Gen. Pl. *ßirdų*); Dat. Pl. *tûliemus* 119, 17; Instr. Pl. *tútais* 12, 4; 214, 33 (hier zwischen *sawáis* und *meláis*); 352, 28; *tûtomis* 189, 29; 218, 2; Loc. Pl. *tûtose* 352, 33; *túluose^{a}* 12, 3; Nom. S. *tûtumas* 333, 14; Gen. S. *tûtumo* 13, 1 (folgt auf *didúmo*); Acc. S. *tútumą* 204, 10; 192, 32. //

53 Nom. S. *drąsus* 109, 10 (bei K. *drąsùs,* Adv. *drąšai*), *drąsusis* 215, 15; Adv. *drąsęi* 40, 37; 112, 34; Nom. S. *drąsumas* 316, 30; Gen. S. *drąsumo* 331, 30; 197, 27; Acc. S. *drąsumą* 115, 9; Gen. S. *drąsesnio* 71, 35; Adv. *drąsiaus* 41, 11; 61, 13; 331, 31; Acc. S. *drąssibę* Kat. 47, 29.

Nom. S. *kąntrus* (bei K. *kantrùs,* Adv. *kañtrai*) Post. 156, 20; 175, 12; Instr. S. *kąntrumi* 15, 14; Instr. Pl. *kąntrumis* 323, 18; Adv. *kántrei* 364, 23; Nom. S. *kąntrumas* 196, 6;

175, 12; Gen. S. *kántrumo* 175, 36; 364, 24; 142, 9; Kat. 40, 13; Acc. S. *kántrumą* 50, 23; Post. 323, 26 (aber *kantrúmą* 102, 23, 20); Instr. S. *kąntrumu* 196, 15; Voc. S. *kąntrume* 173, 34; Loc. S. *kąntrume* 167, 9; 278, 9; 146, 21; 137, 30; 138, 10.

(Von *grînas*) Nom. S. *grînumas* 196, 28; Gen. S. *grînumo* 30, 2; 29, 36; 66, 11; Kat. 41, 20; Acc. S. *grînumą* Post. 189, 28; 323, 26; 362, 7; Loc. S. *grînume* 150, 26 (aber Nom. Pl. *griniéii* 28, 10; Gen. S. *grinós* Kat. 49, 29; Dat. S. *grinám* 49, 9; Gen. Pl. *grinûių* 34, 13).

Nom. S. *wârgus* Post. 215, 20 (vgl. bei K. *vargù, vařģai* «schwerlich»), *wârgumas* 340, 26; Instr. S. *wârgumu* 89, 12; Acc. Pl. *wârgumus* 55, 30; Gen. Pl. *wârgumų* 188, 13 (neben *wargúmų* 365, 18).

Nom. S. *brą̃gus* (bei K. *brangùs,* Acc. S. *brángų*) 300, 15; 148, 4; *brągusis* 180, 16; Gen. S. *brągaus* 188, 7; 140, 32, *brągios* 366, 9 (folgt auf *didés*); Instr. S. *brągumi* 195, 1; Acc. Pl. *brągus* 52, 36 (der Herausgeber ändert es zu *brągius;* ob mit Recht, ist nicht ganz sicher: obwohl Formen wie *brągius* auch bei D. schon üblich sind, kommen doch auch daneben Formen wie *brągus* vor, so auch *ßwiesùs* 308, 35, die vielleicht als Reste der *u*-Deklination anzusehen sind, vgl. z. B. noch 43, 28 und den Loc. S. *brągume* 262, 10); Instr. Pl. *brągeis* 31, 18 (folgt auf *ßwelniáis*); Loc. Pl. *brągiuosę* 59, 8; Adv. *brągęi* 147, 18; Nom. S. *brągumas* 320, 24; Kat. 46, 29; Gen. S. *brągumo* 32, 10 (unmittelbar nach *stiprúmo*); Acc. S. *brągumą* 182, 31; 304, 35 (folgt auf *wertúmą*); Nom. S. *brągesne* 262, 8 (aber *brągésnis* 45, 33); Gen. Pl. *brą̃gęsnių* 152, 23; Nom. S. *brągeuses* 197, 13: 350, 28; Gen. S. *brą̃geusio* 181, 9; 203, 31; Kat. 11, 22; Acc. S. *brągieusią* Post. 204, 28 (aber *brągêusi* Kat. 59, 29); Instr. S. *brąge[a]usiu* Kat. 60, 4.

Instr. S. *dósnumi* Post. 115, 19; Adv. *dôsnai* Kat. 59, 7; Gen. S. *dósnumo* Post. 355, 25; 357, 16; Kat. 58, 6; Acc. S. *dósnumą* Post. 365, 23 (bei K. *dosnùs,* Acc. S. *dõsnų*).

Nom. S. *wéikus* 44, 3 (bei K. *veikùs,* Adv. *véikai*); Instr. S. *wéikumi* 7, 8; 24, 8; Acc. S. *-wéikumą* 15, 26.

Instr. S. *gáusumi* 197, 23; Loc. S. (Subst.) *gâusumę* 360, 8 (bei Juškevič *gausùs,* Adv. *gaũsei*). //

Instr. Pl. *búkleis* 338, 6 (unmittelbar nach *kitáis*); Nom. S. *búktumas* 218, 30; Gen. S. *búktumo* 85, 26 (bei K. *buklùs,* Adv. *bukĩai*). 54

Nom. S. *mêitus* 45, 24 (bei K. *meilùs, mielas,* Adv. *meĩlai, mielaĩ*); Instr. S. *mêitumi* 131, 16; Instr. Pl. *méitumis* 74, 18;

Nom. S. *méytumas* 80, 14; Acc. S. *méitumą* 366, 24; Gen. S. *méitumo* 102, 34; 71, 25; 81, 23; Nom. S. *miélauses* 199, 31; 156, 23 (aber *mielêusęs* Kat. 43, 20); Gen. S. *miéleusio* Post. 203, 15; Nom. Pl. *miélausieii* 131, 22; 45, 24; 171, 11; 194, 27; 262, 10; 339, 33 (aber *mieláusiei* 31, 15; 28, 22); Acc. S. *miéleusiį* 194, 32; Adv. *miélaus* 311, 24; Gen. S. *miétos* 235, 32.

(Zu *rústas*) Nom. S. *rústumas* 135, 34; Gen. S. *rústumo* 131, 3; Instr. S. *rústumu* 8, 32; vgl. auch Gen. S. *rûstibes* 174, 6; Gen. Pl. *rûstibių* 197, 15.

Loc. S. *drégniosę* 136, 15 (bei K. *drėgnùs, drėgnas*); Gen. S. *drêgnumo* 136, 14; 135, 15, 16; 132, 24; Gen. Pl. *drêgnumų* 57, 31 (lett. dagegen abweichend *drę̃gns* nach P. Schmidt[13] und Krumberg).

(Zu *įžúlas*; so bei Juškevič) Gen. Pl. *įžúlų* 39, 9; Acc. S. *įžútumą* 164, 11; Nom. S. *įžútumas* Kat. 44, 12; Gen. Pl. *įžûtumų* 44, 15.

(Zu *švánkus*) Nom. S. *ßwąkumas* 50, 5; Gen. S. *ßwąkumo* 50, 6.

(Zu *lígus*) Instr. S. *lîgumi* Post. 201, 14; vgl. oben *lîgumas*.

Man vergleiche dagegen:

Nom. S. *ßwiesús* 343, 34; 362, 31; Gen. S. *ßwiesáus* 89, 18; 168, 29; Dat. Pl. *ßwiesúmus* 299, 28; Adv. *ßwieséi* 337, 16, 23; 331, 33; 342, 24; 368, 16; Nom. S. *ßwiesúmas* 63, 18; 58, 19; 54, 1; 323, 29; Acc. S. *ßwiesúmą* 323, 28; 303, 27; 60, 19, 20; Instr. S. *ßwiesumú* 63, 22; Nom. S. *ßwiesêsnis* 347, 14; Adv. *ßwieseús* 300, 5.

(Zu *sìlpnas* oder *sīlpnas*, das nach Būga Aistiški studijai I 171 in Dusetos vorkommt) Gen. Pl. *sitpnų́* 308, 37; Instr. Pl. *sytpnáis* 57, 32; Gen. S. *sitpnúmo* 352, 22; 200, 13, 26; 201, 2; Dat. S. *silpnúmui* 147, 7; 184, 23; Acc. S. *sitpnúmą* 201, 12.

Nom. S. *saldús* Kat. 53, 19 (bei K. *saldùs*, Adv. *saldžai* oder *saldžaĩ;* wegen lett. *salds* ist bei D. vielleicht Stoßton für die Wurzelsilbe anzusetzen); Instr. S. *saldumi* Post. 137, 15; Gen. S. *saldúmo* 46, 7; 356, 20; 293, 8; Acc. S. *saldúmą* 180, 31; Voc. S. *saldų́mę* Kat. 53, 18; 20, 13; Nom. S. *saldžę̂sęs* 50, 11; Post. 204, 28.

Nom. S. *gardúmas* 352, 1, 22; Dat. S. *gardúmui* 363, 3; 351, 26; Acc. S. *gardúmą* 180, 27; Adv. *gardžéi* 147, 18 (bei K. *gardùs*, Ntr. *gařdu*, Adv. *gardžaĩ;* lett. *gařds* weist auf gestoßene Betonung).

---

[13] [= П. Шмидт Троякая долгота в латышском языке (Сборн. LXVII, № 3 un atsevišķā novilkumā 1899). — Red.]

(Zu *šveñtas;* vgl. r. *свято́й*; um typographische Schwierigkeiten zu vermeiden, schreibe ich hier in der Wurzelsilbe überall *en*, während D. die Nasalierung des *e* durch einen vertikalen // Strich durch die untere Krümmung bezeichnet) Gen. Pl. 55
ßwentûių 309, 31; 329, 26; 330, 28; Instr. Pl. *ßwentáis* 330, 29; Loc. Pl. *ßwentosé* 332, 33; Nom. S. *ßwentúmas* 315, 28; *ßwenczęuse"sis* Kat. 53, 17; *ßwenczéusių* 11, 32; *ßwenczêusios* Post. 203, 6, 8; 307, 32; *ßwentói'* 203, 34; *ßwentós* Kat. 11, 25; Dat. Pl. *ßwentiémus* 19, 3.

(Zu *jáunas,* vgl. lett. *jaûns*) Gen. Pl. *ieunųių* Post. 352, 30; Gen. S. *iaunúmo* 130, 20; Kat. 3, 21; *iaunós* 3, 9; Dat. Pl. *iaunômus* 3, 5.

(Zu *dìdis*) Instr. Pl. *didžéis* Post. 222, 29; Gen. Pl. *didžiúių* 32, 24; Gen. S. *didés* 366, 9; Nom. S. *didúmas* 366, 6; 320, 24; 321, 12; 356, 21; Kat. 46, 29; *didžiáusias* Post. 235, 17; Nom. Pl. *didêsnes* 194, 30; Dat. Pl. *didiémus* 340, 20.

(Zu *áugštas,* vgl. lett. *aûgsts*) Gen. Pl. *augßtų* 348, 24; Nom. S. *augßczéuses* 235, 19 (3×), 26, 27; 136, 29; Gen. S. *aukßczéusiojo* 206, 20; Acc. S. *augßczéusią* 119, 21; Adv. *augßczéus* 315, 33.

Nom. S. *dargús* 262, 25 («abscheulich, eklig, garstig»), *dargúsis* 74, 5; Gen. Pl. *dargių* 214, 9; Nom. S. *dargųmas* 194, 34; 159, 28; Instr. S. *dargumú* 154, 10; Instr. Pl. *dargúmais* 304, 33; Gen. S. *dargúmo* 314, 12; *dargêsnio* 141, 12 (aber auch Acc. S. *dárgumą* Kat. 19, 4; Nom. S. *dárgesne* Post. 122, 25; Instr. Pl. *dárgumis* 226, 35).

(Zu *núogas*; vgl. lett. *nuôgs,* r. *нагóй*) Nom. S. *nuogúmas* 27, 23; 237, 8.

(Zu *gēras*) Nom. S. *gerúmas* 330, 27; 131, 1; Gen. S. *gerúmo* 197, 3; 131, 1; Acc. S. *gerúmą* 208, 12; 340, 20; Gen. S. *gęrêsnio* 141, 11.

(Zu *pìktas*) Gen. Pl. *piktúių* 57, 31; Nom. S. *piktúmas* 194, 34; Nom. Pl. *piktúmai* 205, 10; Acc. S. *piktųmą* 206, 19; Gen. S. *piktúmo* 71, 25; Kat. 45, 8; *piktêsnio* Post. 141, 11; Instr. Pl. *piktáis* 143, 29.

(Zu *stiprùs*) Nom. S. *stiprúmas* Post. 231, 22; 331, 34; Gen. S. *stiprúmo* 202, 14; 32, 10.

(Zu *liñksmas)* Nom. S. *lįksmúmas* 181, 4; 141, 10; 364, 26; Gen. S. *linksmêsnio* 17, 13.

(Zu *tìkras*) Nom. S. *tikrúmas* 307, 20; 351, 34; Gen. S. *tikrúmo* 307, 21; 352, 1; Acc. S. *tikrúmą* 351, 35; Instr. S. *tikrumú* 351, 35; Gen. Pl. *tikrųių* 34, 9.

Schon im Vorhergehenden sind einige Fälle schwankender

Betonung angeführt worden; bei einigen andern Stämmen ist das Schwanken noch größer:

Nom. S. *tiesúsis* 36, 9; *téisus* 7, 22; Gen. S. *téisaus* 131, 4; Instr. S. *téisumi* 115, 30; Instr. Pl. *téisumis* 7, 24; Gen. S. *-tiesúmo* 140, 5; *teisúmo* 40, 37; Acc. S. *teisúmą* 163, 6. //

56 Nom. S. *bâisus* 18, 9; Instr. S. *báisumi* 7, 8; 17, 18; Gen. S. *baisúmo* 164, 19; Acc. S. *baisúmą* 201, 26; Nom. S. *báisęsne* 14, 10; Nom. Pl. *baisêušios* 193, 14.

(Zu *tapus* «stolz, üppig») Nom. S. *tâpumas* 98, 18; 149, 20; 154, 25; Gen. S. *tâpumo* 196, 29; *tapûmo* 58, 34; 47, 4; Acc. S. *tapúmą* 29, 8; *tâpumą* 57, 10; 66, 7.

(Zu *biaurùs*) Instr. Pl. *biáurumis* 76, 7; Nom. S. *biaurúmas* 47, 37; Loc. Pl. *bieurúmuosę* 130, 12; Gen. S. *biaurúmo* 46, 23; *biéurumo* 130, 3; Acc. S. *bieurúmą* 192, 28; Kat. 19, 4; Nom. S. *biéuręsne* Post. 122, 25.

Nom. S. *graũdus* 215, 20; *grâudumas* 218, 24; Acc. S. *graudúmą* 104, 15; 43, 6; 180, 13; *grâudumą* 19, 18; Kat. 44, 31; Gen. S. *grâudumo* 38, 29.

(Zu *kreĩvas*) Gen. S. *kréiwumo* 164, 10; *kreiwúmop* 13, 21; Dat. S. *kreiwúmui* 13, 21; Gen. Pl. *kreiwúmų* 171, 22; *kréiwumų* 161, 22; Acc. Pl. *kréiwumus* 144, 5; Acc. S. *kréiwumą* 116, 10; 152, 35.

Nom. S. *daugúmas* 54, 6; *dáugumas* 167, 4; 58, 25; 111; 165, 35; Gen. S. *dáugumo* 143, 29; Adv. *daugéus* 153, 26; 330, 30.

(Zu *stropùs*) Gen. Pl. *stropûių* 340, 27 (zur Endung vergleiche den Gen. Pl. *baitų* 308, 36 von *baitus* und die oben angeführten Acc. Pl. auf *-us*; aber daneben auch schon Formen wie *ptaczių* 43, 36); Gen. S. *strôpumo* 88, 9; Instr. Pl. *strópesneis* 348, 31.

Mit der Möglichkeit von Druckfehlern muß gerechnet werden; aber alle Abweichungen als fehlerhaft zu betrachten, geht wohl nicht an. Wie in den Kondizionalformen, so auch in den Adjektivstämmen befindet sich die Sprache Daukšas hinsichtlich des Akzents in einem von allerhand Schwankungen begleiteten Übergangsstadium zu derjenigen Entwicklungsstufe, die wir bei Kurschat finden. Aber man spürt noch deutlich, daß zur Zeit Daukšas die Adjektivstämme noch in zwei Gruppen zerfielen: die einen mit Anfangsbetonung (wie die Substantiva *põnas, tìltas;* so z. B. *drą̃sus* und *túlas*), die andern mit Endbetonung (wie die Substantiva *diẽvas, kélmas*; so z. B. *šveñtas* und *saldùs*), ein Zustand also, der sich ja auch durch die Vergleichung mit dem Lettischen ergibt.

Zum Schluß bemerke ich noch, daß meine Darstellung durchaus nicht erschöpfend ist (von der Postille liegt ja auch vorläufig nur die erste Hälfte in der Neuausgabe vor): ich habe nur die Tatsache des Unterschieds in der Betonung hervorheben wollen. Eine vollständige Sammlung der Belege wäre sehr wünschenswert. //

[Nachtrag. Nachher habe ich endbetonte Kondizionalformen auch in einigen ostlitauischen Dialekten gefunden: III. Prs. *d_uōtũ* LChr. (= Lietùviška chrestomatija) 372, 38 (aus Dusetos; daneben die Abkürzung *$d_u$õt* 372, 6, wo der Schleifton wohl durch Zurückziehung des Akzentes entstanden ist, wie wohl auch in Formen wie II. Prs. S. *nugańįtum* 379, 26, *paspêtum* 382, 36, I. Prs. S. *bûtau* 395, 26 u. a. Dabei braucht jedoch der Schleifton nicht in allen Kondizionalformen auf diese Weise entstanden zu sein, sondern er kann von Formen wie *$d_u$õt* auf andere übertragen und so verallgemeinert sein), *nekeltû* 395, 1 (aus Oniškis), *bũtũ* 351, 1 (aus Svėdasai), *inkũstũ* 351, 38 (*ũ* ostlit. aus *ą*), *nerastũ* 353, 6. Und Herr Būga, den ich darüber um Auskunft bat, schreibt mir, daß in Dusetos und in einigen andern ostlitauischen Mundarten nicht bloß *bũtũ, keltũ* u. a. (wo im Lettischen die Wurzelsilbe den Stoßton hat), sondern auch z. B. *kultũ, kartũ, kaltũ, durtũ, sėtũ, koštũ, krautũ, snaustũ, pažintũ* usw. (wo das Lettische den Dehnton hat) gesprochen wird. Während also bei Kurschat die Anfangsbetonung verallgemeinert ist, hat man in Dusetos u. a. die Endbetonung verallgemeinert. Bei Daukša finden sich, wie oben gezeigt ist, noch Spuren des Unterschiedes zwischen End- und Anfangsbetonung. 57

Die Sprache Daukšas erinnert an das Ostlitauische auch in der Betonung einiger Reflexivformen. In LChr. hatte ich die III. Prs. Praeter. *sėdâs* 376, 36; 377, 3; 380, 18 (aus Tvereč; = lett. *sệdâs*), *stājâs* 381, 34 (= lett. *stâjâs*) gefunden, und, wie mir Herr Būga freundlichst mitteilt, spricht man in Tvereč auch *kėlês* «stand auf» (= lett. *cêlês*), desgleichen *sėdõs, stojõs* (neben *sėdos, stójos*), *radõs* in Dusetos, in Übereinstimmung mit Daukšas *stoiós* Post. 6, 26; 31, 33; 35, 7, 9 (neben *stóios* 37, 21; 40, 28 u. a.), *likós* 73, 12.]

4. ETYMOLOGIEN

1. Air. *trén* (Komparativ: *tressa*) «stark» wird von Pedersen Vergl. Gramm. d. kelt. Spr. I 296 im Hinblick auf an. *þrek*

«Stärke, Tapferkeit» auf eine Wurzelform *treg-* zurückgeführt. An und für sich können die keltischen Formen natürlich ebenso gut von einer Wurzel *trek-* abgeleitet werden, vgl. Stokes Urkelt. Sprachschatz 136, Thurneysen Handb. 226. Im letztern Fall läßt sich damit lett. *trękns* «feist»[14] vergleichen (vgl. in semasiologischer Hinsicht ai. *sphāyati* «wird feist», *pīvasphāká-s* «von Fett strotzend» : lett. *spęks* «Kraft», gr. τρόφις «feist, dick, stark» u. a.). Man kann *treq-* neben *treg-* ansetzen. //

58 2. Air. *gair* «lang» (das ich Vendryes Grammaire 118 entnehme; die entgegengesetzte Bedeutung hat es Thes. I 190, II 54, 55, vgl. idg. *ma^{x}ĝ(h)-* «groß, klein») kann, wenn sein *i* nur Infektionsvokal[15] ist, zu lett. *garš* «lang», apreuß. *pagār* «neben» (wo die Länge wohl, wie in *pēr* «für», durch die fallende Intonation zu erklären ist) gestellt werden. Būga Aistiški studijai I 134 stellt zu lett. *garš* auch lit. *gařgaras* (Jušk.: «saũsas, kũdas, ilgakõjis, ilgakãklis arklỹs vadìnas gařgaras»), *gungãras* «longurio» (aus Kvėdarna), *gingãras* (Jušk.) «człowiek długonogi, długowięzy».[16]

3. Wenn lett. *sipsna* «eine starke Rute» *s-* aus *ḱ-* hat, wofür lit. *szipulys* (Miežinis) «Holzspan, Holzscheit» zu sprechen scheint (zur Bedeutung vgl. Miklosich Etymol. Wrtb. unter *skep-*), so gehört es zu lat. *cippus* «spitze Säule», ai. *šiphā* «dünne Wurzel, Rute», *šepa-s* «penis», lat. *scipio* «Stab», gr. σκίπων «Stab» u. a.

4. Lett. *pētît* «Verlangen wonach haben, Appetit haben; nachforschen», *pētîties* BW (= Latwju dainas) 25000, wo es ungefähr die Bedeutung «trachten, streben» hat (die Varianten bieten dafür *virzîties, lavîties*) : lat. *petere*.

5. Lett. *dzirši* «Trespen», lit. *gìrsa* «Trespe» (nach Herrn Būgas brieflicher Mitteilung in Soloki, Tvereč gebräuchlich), stelle ich zu lat. *hordeum,* ahd. *gersta* (semasiologisch vergleiche apreuß. *pure* «Trespe» : lit. *pūrai* «Winterweizen»); für arm. *gari* «Gerste» sollte man **gaŕi* erwarten.

6. Lat. *sonus, sonare* werden wegen air. *ro-ṡephainn* (Perf. zu *sennid* «spielt», wo man übrigens auch an Beeinflussung durch *do·sephainn* zu *do·seinn* «treibt» denken könnte), ags.

---

[14] [«fett». — Red.]

[15] [Vai *Infektion* šeit būtu darinājums no latiņu *inficere*? — Red.]

[16] Zu air. *gair* «lang» verhält sich vielleicht air. *gairri* «suras», cymr. *garr* «poples», corn. *gar* «Bein», bret. *garr* «jambe» wie le. *liêli* «Beine, Waden» zu le. *liẽls* «gross», li. *leilas* «schlank». [Korrekturnote.]

swinsian «singen, tönen», ai. *svánati* «tönt», *svaná-s* «Ton» u. a. von einer Wurzelform *su̯en-, su̯on-* abgeleitet, was ja durchaus möglich, aber nicht ganz sicher ist, wie lett. *sanêt, senêt, sę̃nât* «summen» zeigt. Hier liegt ein Fall der bekannten Anlautsschwankung *su̯-* : *s-* vor.[17]

7. Griech. δοῦπος «dumpfes Getöse», δουπεῖν «krachen» erinnern an lett. *dupêties* BW 25853, 5 «dumpf schallen». Wenn // wirkliche Verwandschaft anzunehmen ist, so haben 59
entweder Formen wie ἐρίγδουπος «laut donnernd» ihr γ unter dem Einfluß von κτύπος «Schlag», oder aber lett. *dupêties* hat *g* vor *d* eingebüßt (den Anlaut *gd-* kennt ja das Lettische heutzutage nicht). Das *g* fehlt natürlich auch in serb. *dȕpiti* «mit Getöse schlagen», sloven. *dúpati* «dumpf rauschen» u. a., vgl. Berneker Slav. etymol. Wrtb. 238.

8. Von einer Lettin, die, aus Schlehk gebürtig, lange Zeit in Rönnen gelebt hatte, habe ich *ẽcis* «Wacholder» gehört, und auch Ulmann bietet *ẽcis* aus Windau. Wenn *ẽcis* aus **ẽrcis* entstanden ist, so gehört es offenbar zu gr. ἄρκευθος «Wacholder» (wenn *ἀρ-* hier die Schwundstufe zu *er- ist*), das Lidén IF XVIII 507 zu slavischen Formen wie serb. *ràkita* «Rotweide», čech. *rokyta* «Palmweide» u. a. stellt. Daß aber *ẽcis* zwischen *ẽ* und *c* ein *r* verloren hat, halte ich für möglich. Der Schwund von tautosyllabischem *r* hinter einem langen Vokal ist nämlich im Lettischen keine Seltenheit. In der Doblenschen Gegend hat diese Erscheinung beinahe den Charakter eines Lautgesetzes (nur beinahe wegen des störenden Einflusses der Schriftsprache und der benachbarten Mundarten); so z. B. *tāks* «Storch», *kākli* «Strauchweiden», *tāpi* «Raupen», *dāzs* «Garten», *kātis* «Stangen», *vẽpju* «ich spinne», *cẽp* «schert», *vāti* «Tor», *šķẽsām* «quer», *vai[r]s* «mehr», aber *bẽrzs* «Birke» in Udsen; *vēsis* «Stier» in Doblen; *bẽzs* «Birke», aber *kārkli* in Bershof (eine andere Person aus Bershof sprach *bẽrzs* neben *kākli*; statt vollständigen Schwundes hörte ich hier auch schwach artikuliertes *r* in solchen Fällen); *māša* «Frau des Bruders» BW 18850, *bẽzlapas* «eine Art Pilze», aber *ģērbties* «sich kleiden» in Sessau. Aus sehr vielen Mundarten Mittel- und Westkurlands kenne ich *pā[r-]* «über-» und *bẽ[r]ns* «Kind» (letzteres auch in einigen Mundarten Livlands). Vgl.

---

[17] Zu le. *sanêt, senêt* gehört auch li. III. Prs. *senauja* «tuščią kalbą kalba» in der lit. Zeitung Viltis v. J. 1908, Nr. 78 (diese Zeitung hat, worauf ich die Aufmerksamkeit der Fachgenossen lenken will, reiche lexikalische und syntaktische Materialien geboten). [Korrekturnote.]

noch vereinzelte Beispiele aus andern Mundarten: Instr. Pl. *sātajiem* «roten» neben Loc. S. *dārzā* aus Smilten (Bezzenberger Lett. Di.-St. 43), *skāde* «Blech» aus Salisburg (Bezzenberger ibid. 43[1]), während ich in Salisburg z. B. *dārzs* gehört habe. Auch den nordwestkurischen Mundarten, aus denen mir *ēcis* bekannt ist, ist diese Erscheinung nicht ganz fremd. Die Person, von der ich jenes Wort hörte, sprach allerdings daneben z. B. *bę̄rzs, kārkli, pę̄rkans* «Donner», aber aus Rönnen stammt *dzienas* «Mühle» BW 13709, 5; vgl. weiter *spāns* «Flügel», *sakāņi* «Baumwurzeln», *kuõls* «taub» neben *vārn* «Krähe», *vārt* «Tor», *kuorms* «Maulwurf» aus Oseln bei Rönnen,
60 *kuodļs* «taub» // in Popen und Angermünde, Dat. Pl. *vātiņęm* «dem kleinen Tor» neben *vārds* «Wort» in Anzen, Dat. Pl. *vāt'ęm* «dem Tor» neben Nom. Pl. *vārt's* «Tor» in Dondangen, Nom. Pl. *vāt'* neben *spārn'*, *vā'ds* in Amt-Goldingen, Nom. Pl. *spān, tāpiņ* «kleine Raupen», *vān* «Krähe», *čakāns* «Baumwurzel» in Neuwacken, *kuols* neben *kuõrms* in Walgalen. Sonst wird in der Gegend von Windau[18], Schlehk und Rönnen das *r* in dieser Lage in der Regel gewahrt. Da die Schriftsprache und die meisten Mundarten für den Wacholder ein anderes Wort haben, so könnte *ēcis* ungestört ein *r* verloren haben. In Zusammenhang mit diesem Verlust des *r* steht wohl auch seine vereinzelte Einschaltung hinter langem Vokal: *puortę̄t* «propfen» in Lemmenen, *stierna* (Ulmann) «Brechstange», *pērlis* «Pfühl» (Etn. IV 164), Loc. S. *Vōrdzemē* «in Deutschland» BW 13273, 3 (aus Liksna), *sę̄rstuos* «ich setze mich» BW 13388, 4 (aus Lubahn), *mērtelis* «Mantel» BW 13486, 1 (aus Salisburg), *mèrteļš* dass. bei P. Schmidt, Nom. Pl. *skūrstys* «Equisetum arvense» Zb. XV 202, *vārzt* «stülpen» BW 24627 (aus Kandau), *kārsis* «Haken» (Ulmann, für das gewöhnliche *kàsis*; Bielenstein Holzbauten 94 will es von *kārt* «hängen» ableiten, vgl. aber lit. *kůszys* «Haken» bei Bezzenberger Lit. Forsch. 127), *pārtaga* «Peitsche» Latweeschu tautas teikas un pasakas VI 659 (aus Walk), *šķę̄rps* «Spieß» bei P. Schmidt, *kārsêt* «husten» ibid., *vērtît* «windigen» in Wolmarshof und BW 6799 (aus Kastran), *ķērniņš* «König», vgl. Bezzenberger Lett. Di.-St. 59[5], *ārlava* (Ulmann) «nicht milchende Kuh», dial. *paērglis* «Wacholder», *ķērde* «Kette», *vārte* «Fass» (Luhde), Nom. S. *gārd'šan'* «Fürsorge» bei Bezzenberger Lett. Di.-St. 57 (aus Dondangen), *mārkęns* «Wolke» in Dondangen (vgl. dazu Mühlenbach IF XVII 423),

[18] [Pirmpublicējumā: *Winden*, kas laikam ir drukas kļūda. — Red.]

kârts «Stiel» in Kandau (Mühlenbach l. c. 435). Einige andere Fälle (litauische s. BB VII 166) eines solchen Schwankens, wo die Etymologie mir unbekannt war, habe ich hier übergangen. In einigen Fällen mag dabei «Volksetymologie» schuld sein, wie das Mühlenbach l. c. und BB XXIX 79 vermutet, aber alle Fälle lassen sich so nicht erklären. Man sieht also, daß im Gebrauch des *r* eine gewisse Unsicherheit herrscht und die Herleitung von *ẽcis* aus **ērcis* nicht undenkbar ist. Verwandt ist vielleicht auch *ērķes* «Hahnbutten» (Ulmann; damit sind wohl wilde Rosen gemeint), das allerdings wegen des *ķ* wahrscheinlich litauischen Ursprungs ist. Es sei noch bemerkt, daß in denjenigen Mundarten, aus // denen *ẽcis* entnommen 61
ist, *a* und *e* vor *r* + Konsonant regelmäßig gedehnt werden.[19]

9. Mit alban. *uĺk* «Wolf» wird von G. Meyer in seinem etymologischen Wörterbuch nebst andern verwandten Formen nicht nur lett. *vìlks* (die übliche Form), sondern auch lett. *ulks* «Wolf» (bei Ulmann, ohne Ortsangabe) zusammengestellt. Aber direkte Verwandtschaft der so ähnlichen Formen alban. *uĺk* und lett. *ulks* wäre nur dann anzunehmen, wenn ihr *u-* die Schwundstufe zu *u̯e-* wäre (was fürs Albanesische Pekmezi Grammatik 20 annimmt) oder wenn mit Verlust eines *u̯-* vor *u ul* die Schwundstufe zu *ol* wäre. Sehr wahrscheinlich kommt mir dies nicht vor. Das mir nur aus Ulmann bekannte *ulks* ist eher (mit lautgesetzlichem Verlust eines *u̯-* vor *u*) aus dem Russischen entlehnt, zu einer Zeit, da für *volk* noch *vɔ̀tkɔ* gesprochen wurde (russ. *ɔ* wird ja auch sonst in Lehnwörtern durch lett. *u* wiedergegeben). Vielleicht ist auch alban. *uĺk* die Entlehnung eines slav. **vɔ̀tkɔ*; die Verbindung *vu-* kennt ja das Albanesische, wie es scheint, nur in jüngern Lehnwörtern. [Vgl. noch le. *vulks* «Wolf» bei Manzel. K.-N.]

10. Wenn alban. *preģím* «Gastmahl bei der Geburt eines

---

[19] Nachdem obiges an die Redaktion abgeschickt war, erfuhr ich durch Herrn Oberlehrer Mühlenbach, daß tatsächlich ein lett. *ērcis* «Wacholder» vorkommt, z. B. in Dondangen, Edwahlen und Alschwangen und BW 6621, 8, außerdem ein Gen. Pl. *ērcešu* BW 3046 (aus Groß-Kruten) oder *ērciešu* BW 6621, 9 und ein Instr. S. *ērceti* BW 15686, 1 (aus Wirginahlen) und ein mit *ērcis* «Wacholder» offenbar identisches *ērcis* «Kratzbürste» in Kandau, vgl. dazu bei Ulmann: *ļaũna ērce* «eine Person, die viel Herzeleid anrichtet», *ērcêties* «sich quälen, grämen; streiten», *ērceša* «ein sehr zänkisches Frauenzimmer». Le. *ērkš(ķ)is* «Dornstrauch» könnte eine Mischung sein von **erkis* und einer dem lit. *erškėtis* «Dornpflanze» (oder *aršķėtis* in Dusetos nach Būga Aist. St. I 119; vgl. dazu das gleichbedeutende lett. *ēršķēži* BW 23710 und in andern infläntischen Texten) wurzelhaft entsprechenden Form.

Erstgeborenen», das von G. Meyer in seinem Wörterbuch unerklärt gelassen ist, kein Lehnwort ist, so stelle ich *-ģim* zu lit. *gimti,* lett. *dzimt* «geboren werden», apreuß. *gemmons* «geboren», aw. *niǰāmaya-* «puerperam facere», skr. *gam-,* aw., apers. *ǰam-* «kommen», got. *qiman* «kommen» u. a. (vgl. salzburg. *fürkemma* «nasci» bei v. Grienberger Wiener SB, Bd. 142 VIII 172; häufig stellt man zu dieser Wurzel auch noch lat. *gemini* «Zwillinge», so noch Walde unter *famulus,* richtiger aber unter *geminus,* was aus lautlichen und semasiologischen
62 Gründen mir ganz unmöglich vorkommt). Das // *im* in *-ģim* mag Schwundstufe zu *em* vor Vokal sein. Was *pre-* anbelangt, so macht die Vieldeutigkeit des alban. *e* sichere Schlüsse unmöglich; man kann an lat. *prae* oder an idg. *prō* denken. Die Urbedeutung des alban. Wortes *preģím* mag also etwa «Erstgeburt» gewesen sein.

11. Lett. *luõps* «Rindvieh, Vieh» hat Mikkola BB XXI 219 f. mit got. *lamb* «Lamm» zusammengestellt, wogegen Uhlenbeck, wie es scheint, mit Recht Einsprache erhoben hat, vgl. das von ihm PBrB XXII 191 Gesagte und Suffix *-bho-* bei Brugmann Grdr. II 1^2, 386. Wenn aber Uhlenbeck selbst lett. *luõps* (wie finn. *lammas* «Schaf») aus dem Germanischen entlehnt sein läßt, so hat auch das seine Schwierigkeiten: man sollte im Lettischen (wie in den finnischen Sprachen) eher die Bedeutung «Schaf» erwarten, und lett. *uo* ergibt sich, wie ich in einem demnächst erscheinenden Aufsatz[20] zeigen will, nur aus *on (an),* nicht aber aus *om (am),* das als *am* erhalten bleibt, außer vor *k, g,* wo es zu *an* wird. Auf eine andere Richtung weist alban. *ʈopɛ* «Kuh», über das sich G. Meyer im Wörterbuch so äußert: «Dies Wort für «Kuh» geht in den Alpen weit nach Westen, durch die Schweiz bis in die romanischen Dialekte am Genfersee, Hehn² 475. Bridel Gloss. du patois de la Suisse rom., Lausanne 1866, S. 266. *lobile laubi* Frommann Deutsche Mundarten V 484». Da mir die von G. Meyer erwähnten Quellen hier nicht zur Verfügung stehen, so kann ich das Verhältnis von alban. *ʈopɛ* zu den schweizerischen Formen nicht beurteilen. Wenn lett. *luõps* und alban. *ʈopɛ* altes Erbgut wären, so läge der Ablaut *lōp-* : *lēp-* vor; wahrscheinlicher aber ist es wegen der von G. Meyer erwähnten Formen, daß beide Wörter aus einer gemeinsamen Quelle entlehnt sind.

12. Wenn in lett. *miesluoties* «spielen, buhlen» *mies-* aus

---

[20] [Vai rakstā «О судьбе носовых звуков в латышском языке»? — Šai izdevumā II 144—159. — Red.]

meits- entstanden ist, so gehört es dem Sinne nach am nächsten zu aw. *maēθmanəm* «sich paaren», *miθwa(na)-* «gepaart», ai. *mithuná-s* «gepaart», *mithuná-m* «Paarung, Begattung» u. a.

13. Apreuß. *wipis* «Ast», von Berneker unerklärt gelassen, stelle ich zu ai. *vip-* «Rute, Gerte». (So jetzt auch Trautmann Apr. Spr. 462.)

14. Lett. *vẹdga* «Eisaxt, Brechstange», lit. *vedega* «eine Art Axt», apreuß. *wedigo* «Zimmerbeil» stelle ich in ihrem wurzelhaften Teil zu aw. *vadar-* «Waffe (zum Schlagen)», ai. *vádhar-* «Geschoß, Waffe», *vadhati* «schlägt».

15. Brückner (Litu-slav. Stud. I 181) läßt vermutungsweise lett. *puškis* «Blumenstrauß, Bänderstrauß, Büschel» aus // dem 63
Russischen (*пучок* «Bündelchen, Büschelchen», *п. цветов* «Blumenstrauß») entlehnt sein. Die Sache hat aber ihre Schwierigkeiten. Das Wort muß im Lettischen recht alt sein; das zeigen die Ableitungen: *puškuot* «mit Blumen zieren; schmücken», *puškains* «mit Fransen besetzt», *puškainis* «Blumenkranz» (nur aus ältern Quellen bekannt; so aus dem XVII. Jahrhundert in Manzels Postille II 21). Und in einem ältern Lehnwort dürfte russ. *u*, als es noch ein langer Laut war, eher durch *uo* oder *ū* (wie in andern Fällen) als durch *u* (das wohl nur in jüngern Lehnwörtern erscheint) wiedergegeben sein. Auch die Bedeutung stimmt nicht ganz überein. Lautlich sträuben sich gegen Brückners Vermutung namentlich die Formen Nom. Pl. *puski* (dasselbe wie *puški*) BW 21557, 1 (aus Kaltenbrunn) und das Deminutiv dazu Instr. S. *pusciņu* BW 21599 (aus Windau), die einen Nom. S. *pusks* voraussetzen. Die Formen mit *pušk-* dürften durch Mischung von *puškis* und *pusks* entstanden sein, wenn dieser lettische Wortstamm nicht enlehnt ist. Lit. *puszkai* «mit goldenen Sternen besetzte Tannenzweige, bei Hochzeiten verwendet», *iszpuszkoti* «mit diesen *puszkai* das Zimmer anputzen» bei Geitler Lit. St. 105 (aus Memel) und *iszpùszkåt* «(ein Zimmer mit Tannenzweigen oder Blumen) ausschmücken» bei Bezzenberger Lit. Forsch. 161 (aus Prökuls) dürften aus dem Lettischen entlehnt sein. Wenn es also nach alledem vielleicht geratener scheint, die lettischen Formen als altes Erbgut zu betrachten, so könnte man sie zu aw. *pusā* «Diadem» stellen (das aus **puskā* entstanden sein kann), wozu Bartholomae (mit einem Fragezeichen) ai. *púccha-* «Schwanz» stellt (vgl. dazu lett. *puškis* in der Bedeutung «Büschel»); vgl. auch noch ai. *púšyati*

«gedeiht, blüht, wächst», *puškalá-s* «reichlich, herrlich, prächtig», *púšpa-m* «Blüte» u. a.

16. Lett. *kāmêt* «hungern» stelle ich zu ai. *káma-s* «Wunsch, Begehr» (vgl. z. B. aksl. *gladъ* «Hunger» neben *gladostь* «Gier», *gladovati* «hungern, gierig sein»).

17. Lett. *kaparuoties* «zappeln» (daneben *ķęparât, ķępuruôt, ķępruôt, ķępurêt* «zappeln, sich mühsam forthelfen» mit unklarem *ķ*, vielleicht durch Mischung von *kap-* und **cep-*, woraus **kep-* > *ķep-*), lit. *kãpanotis* «liegend durch Bewegung aller Gliedmassen sich aufzuhelfen suchen» oder (Bezzenberger Lit. Forsch. 120) «mühsam gehen (durch verschneiten Weg)» erinnern an ai. *capala-s* «beweglich, rührig, schwankend».

18. Alit. *austis* «sich erquicken» (Bezzenberger BGLS 274),
64 *atausimas* «Erquickung» (ibidem 273), // lett. *ataust* «sich erholen, laben», *atausêt* «erquicken, laben» gehören wohl zu ai. *ávati* «fördert, labt, sättigt», *ávas-* «Förderung, Hilfe, Labung» u. a.

19. An. *pûki* «Teufel», *pokr* «Butzenmann», ags. *pûca pûcel* «Kobold» erinnern an lett. *būzēlis, buzis, buzulis* «Popanz, Schreckbild für Kinder, ein zottiger Kopf», lit. *bužys* (*u* kann = *ū* sein) «scarecrow, bug, bugbear» (im Wörterbuch des Lalis), *bužýs* Bezeichnung eines künstlich gemachten Vogels (Bezzenberger Lit. Forsch. 104; vgl. daselbst auch *buzys*!), *baúžas* («kurs kájlinius išvértęs bájda, vadìnas baúžas» Juškevič), *babaúžis, babužýs* «ubogi, żebrak w łachmanach, którym straszą dzieci» (Jušk.; noch weitere Angaben bei Būga Aistiški studijai I 94). Dasselbe Wort, metaphorisch gebraucht, sehe ich in lett. *buža*, lit. *bužýs* «Laus» (in der Kindersprache), Nom. Pl. *bužiej* «owady» (Daukša Kat. 162), vgl. auch die Übersetzung bei Lalis. Die zugehörige Verbalwurzel hat sich vielleicht in lit. *bužuoti* «burzyć się, fermentować» (Miežinis) erhalten. Betreffs lett. *bauze* «Schlägel am Dreschflegel», *bauzis* «Ochse ohne Hörner», lit. *baũžas* «ungehörnt» (LChr. 358, 39 aus Dusetos) vgl. Johansson KZ XXXVI 359, Zupitza Germ. Gutt. 196.

20. Lett. *svaipît* «peitschen» stelle ich zu an. *svîfa* «schwingen», ags. *swîfan* «bewegen», ahd. *sweibōn* «sich schwingen» u. a. (vgl. daneben an. *svipa*, ags. *swipu* «Peitsche», an. *svipa*, ags. *swippan* «geißeln» zu ags. *swâpan* «schwingen» u. a.). Zu derselben Wurzel scheinen zu gehören lett. *svipaste* BW 25418 oder *švipaste, svipstis* oder *švipstis, svipstiķis*, für die Ulmann die Übersetzung «Hasenfuß, Wind-

beutel, Zierbengel» gibt; zu den Formen mit *šv-* vergleiche KZ XLII 376[21].

21. Wenn in lett. *grima* «ein unfreundlicher, böser Mensch», *grimts* «hartherzig», lit. *grimba* «nielitościwy człowiek» (Juškevič) *g-* aus *gh-* entstanden ist, so gehören sie wohl am nächsten zu an. *gramr,* as., ags. *gram* «zornig», an. *grimmr* «grimmig», aw. *gramənt-, granta-* «grimm» u. a.; wenn aber *g-* die labiovelare Media fortsetzt, so kann man sie zu gr. βρίμη «Zorn», βριμαίνειν «ergrimmen» stellen. Das erstere ist wahrscheinlicher wegen lett. *gremties,* vgl. KZ XLII 378[22].

22. Lett. *viepe* «Decke, Hülle der Weiber» ist Thomsen (Beröringer 242, vgl. Bezzenberger Bullet. d. Petersb. Akad. XXXVI 495) geneigt, als ein Lehnwort aus dem Niederdeutschen zu betrachten (er verweist auf *wepe,* die deutsche Erklärung von apreuß. *pasto* im Elbinger Vokabular 494), zumal das Wort im // Lettischen ganz isoliert stehe. Nun ist 65
aber jenes *wepe* nach Nesselmanns Ansicht (Thesaurus 203) baltischen Ursprungs, und so isoliert ist ja auch gar nicht lett. *viepe*: vgl. daneben *vieplis* «Verkleidung, Maske», *viepties* «sich einhüllen in eine Decke, sich maskieren», *pastalas atviepušâs* «die Spitze der Pasteln hat sich nach oben gedreht», *cìrvja zùobi atviepušies* «die Schneide des Beiles ist umgebogen», *vipnuot* «lächeln», *vipuotne* oder *vipate* «Spat» (Pferdekrankheit, bei der der leidende Schenkel schneller und etwas zuckend gehoben wird), lit. *atvìpti* (Lit. Mitt. I 68) «herabhangen» (von Fetzen, Lippen), *vaipýtis* «das Maul verziehen», *atsivypti* «rozdziawić gębę, wykrzywić się» (Juškevič). Zu got. *biwaibjan* «umwinden» an. *veifa* «schwingen, schlingen, umwickeln», ags. *vǣfan* «bekleiden» u. a. Neben der Wurzelform *u̯iep-*[23] steht bekanntlich *u̯ieb-*[23] in lett. *viebties* «sich (ver) drehen, sich verkleiden» u. a.

23. Lett. dial. (z. B. in Wolmar und Rujen) *akrims* (neben dem gewöhnlichen *akmens* oder alett. *akmuons* Mag. XX 2, 42) «Stein» könnte im wurzelhaften Teil allenfalls mit lat. *ocris* «mons confragosus», gr. ὄκρις «Bergspitze» u. a. verglichen werden; aber der suffixale Teil bliebe unklar. Vielleicht ist es deshalb geratener, mit Annahme einer Metathese *akrims* auf **akmirs* zurückzuführen, mit demselben *r* (neben *n*) im Stammesauslaut wie in an. *hamarr,* ahd. *hamar* «Hammer», ai. *aśmará-s* «steinig». Ob hierher auch kurd. *ḱevir* «Stein»

[21] [Šai izdevumā II 85 sk. — Red.]
[22] [Šai izdevumā II 88. — Red.]
[23] [Pirmpublicējumā: *u̯eip-* resp. *u̯eib-*. — Red.]

gehört (*kev-* läßt sich jedenfalls aus uriranisch *kam-* ableiten)? — Anders Bezzenberger GGA 1896 S. 965.

24. Lett. *dradži* «Überbleibsel von gekochtem Fette» gehört offenbar zu alit. *drages* (Bezzenberger BGLS 281), apreuß. *dragios,* an. *dregg* «Hefe», alban. *drā* «Bodensatz des Öls, ausgelassene Butter» u. a.; vgl. z. B. das Verhältnis von sloven. *trôska* «Bodensatz, Hefe» zu *trǫskva* «Schmalztreber».

25. Russ. *вóдополь, половóдье* «Hochwasser, Überschwemmung», *пóлая (водá)* «aus den Ufern ausgetretenes (Wasser)» stelle ich zu lett. *pali* (z. B. in Wilsenhof, Trikaten, Renzen) oder *paļi* (bei Ulmann aus Nerft) «Überschwemmung», das von Leskien (Nom. 172) mit lit. *añpalas* «Aufwasser auf dem Eise» verglichen wird. Vielleicht darf man weiterhin an lat. *palūs* «stehendes Wasser, Sumpf» u. a. denken.

26. Lett. *struôstît* (die Intonation so nach Krumberg) oder *struostêt* «bedräuen, scharf verwarnen» gehört, wie es scheint, zu slav. *stras-,* z. B. in r. *острáстка* «Drohung», *страсть*
66 «Leiden-//schaft, Schreck», *стращать* «bange machen, einschüchtern». Neben *stras-* kennt das Slavische *strach-*, z. B. in aksl. *strachъ* «Schrecken»; wenn man bedenkt, wie häufig im Baltischen vor *-s-* ein *k* eingeschaltet wird, so kommt man auf die Vermutung, daß auch *ch* in *strachъ* (wie auch in einem Teile der übrigen Fälle von *ch* für zu erwartendes *s,* die sich nicht durch Analogiebildung erklären lassen) aus *ks* entstanden sein könnte.

27. Lett. *(iz)muôzêt* (die Intonation so nach Krumberg, während P. Schmidt *muõzêt* gibt) «narrieren, quälen, überlisten; durchprügeln» stelle ich zu aksl. *mazati* «schmieren»; vgl. in semasiologischer Hinsicht d. *anschmieren* und die Parallelen bei Zubatý AfslPh. XVI 389.

28. Lett. *màlks* oder *màlka,* lit. *maĩkas* «ein Schluck, einmaliger Zug beim Trinken» haben vielleicht ursprünglich die Bedeutung des serb. *mlāz* («soviel auf einmal hervorschießt, wenn man melkt»; auch *tri mlaza krvi*!) gehabt; in dem Falle gehören sie zu lat. *mulcēre* «streichen». Wenn aber dem so wäre, so brauchte slav. **melko* «Milch» nicht entlehnt zu sein; vgl. dazu auch Janko Wörter und Sachen I 100 f.

29. Wenn lett. *zalba* oder (mit ostlettischem *o* aus *a*) *zolba* (bei Ulmann aus Oppekaln und Adsel) «Schade, Verletzung am Körper» nicht aus dem Russischen entlehnt ist, so gehört es offenbar nebst lit. *žatá* (Gen. S. *žatõs*) «Schaden, Verletzung» Daukša Kat. 27, 15, 18, Post. 302, 20; 310, 21, *žalingas* «bösartig» (von Wunden) Kat. 45, 24, «schädlich» 128 zu klr. *золóк*

«die schmerzhafteste Stelle einer Wunde», grr. *назóла* «Gram, Kummer, Ärger», *назóлить*, klr. *дозолúти* «ärgern» u. a., wenn Iljinskij РФВ LXI 228, wie es scheint, darin recht hat, daß ihr *o* nicht auf *ъ*, sondern urslav. *o* zurückgeht. Altes *o* erblickt Iljinskij auch in den aruss. Formen *zoloba, zolь, zolyj, zoloděj*, ob mit Recht, ist mir fraglich: von Formen, wo *o* aus *ъ* vor verstummtem *ъ* oder *ь* entstanden war, könnte das *o* auf Formen wie *zoloba* für *z(ъ)loba* übertragen worden sein.

30. Sloven. *šutec* «Narr», r. *шут* «Possenreißer», *шутить* «spaßen, scherzen» stelle ich zu lit. *šaustis* «sich belustigen» (Daukša Kat. 162), Adv. *siutusiay* «töricht» (Bezzenberger BGLS 322), *sautėti* «rasen, toben, wüten», *šaũsti* «im Zorn toben, wüten», *šùsti* «toll werden», lett. *šust* «tollen, rasen, scherzen, lärmen, böse werden, zornig sein» (vgl. auch daneben lit. *saũbti* «spielend toben, rasen», *šaũbti* «umherrasen, toben», alit. *siaubti* «Possen reißen» Bezzen-//berger l. c. 322, lett. *šauls* «albern, töricht»). Daneben zeigt diese Verbalwurzel im Baltischen die Bedeutung «schlagen»: lit. *siutis* «Hieb, Schlag» (Geitler Lit. St. 108), *šaũsti* (Bezzenberger Lit. Forsch. 168) «schlagen», lett. *šàust* «stäupen, geißeln» (die Bedeutung «schlagen» liegt auch zugrunde der in lit. Zusammensetzungen hervortretenden Bedeutung «umgeben», z. B. in *ap-saũsti*, eigentlich «umschlagen»; vgl. daneben bei Juškevič *apsišaũpti* «okryć się»). Vergleiche zu diesem Verhältnis etwa lett. *pluôsîties* «sich reißen, balgen, toben, lärmen» : *plêsties* «sich raufen, prügeln». [Vgl. Bezzenberger GGA 1898 S. 551 Anm. B.] 67

31. Lett. *audaļa* (von einem energischen Arbeiter heißt es: *iêt kâ audaļa*; *kùo ņęm prìekšà, tas iêt kâ nùo rùokas* «er geht wie *a.*; was er vornimmt, das geht vonstatten» Etn. IV 49 aus Bilsteinshof) erinnert zwar an r. *ýдаль* «Kühnheit», *удалóй* «kühn» (die wahrscheinlich mit Recht von *y-дати* abgeleitet werden) und lat. *audēre* «Lust haben wofür, aufgelegt sein, wagen» (vgl. dazu Walde), dürfte aber in Wahrheit zu lit. *áudra* «Toben, Tosen, Stürmen», *áudrinti* «burzyć» gehören und etwa die Bedeutung «Sturmwind» gehabt haben; über die weiteren Beziehungen vgl. Walde unter *aura* und Boisacq unter αὔρᾱ.

32. Wenn lit. *gùtba* «Ulme, Rüsterbaum» (bei Juškevič) aus žemaitischen Mundarten stammt, in denen *uo* (über *uu̯*) zu *ū* oder zu *ou̯* wird, so dürfte es identisch sein mit den gleichbedeutenden lit. *guobà* (oder *gúoba*), Acc. S. *gúobą*, lett. *guôba*. Zu *t* aus *u̯* vergleiche lett. *sytnas* (Lassen) oder *sytmas* (Liksna) «Moos» (für schriftlett. *sûnas;* in den genannten

Ortschaften wird *ū* zu *yų*, das gewöhnlich erhalten bleibt) und Bezzenberger Lett. Di.-St. 20^4, und $t > \underset{\cdot}{u}$ bei Bezzenberger BGLS 72 f.

33. Lit. *nartint* «erzürnen» (Daukša Kat. 26, 22), III. Prs. Präs. *nartauja* «zürnt» ibid. 91, *narstas* ibid. oder *narsas* «Zorn», *įniřtęs* «starrköpfig, ergrimmt», *niřšti* «ergrimmen», *nertėt* «zürnen» Daukša Kat. 92, *narsus* «heftig, feurig, kampflustig» Geitler Lit. St. 97, «stramm, schneidig» Bezzenberger Lit. Forsch. 145 u. a. und apreuß. Acc. S. *nertien* «Zorn», *ernertimai* «wir erzürnen» u. a. gehören wohl (Pedersen Vergl. Gramm. d. kelt. Spr. I 136) zu ai., aw. *nar-*, alb. *ńer* «Mann», osk.-umbr. *ner-* «vir, princeps», air. *nert* «Kraft», cymr. *nerth* «Mannhaftigkeit» u. a. Von den erwähnten baltischen Formen aber lassen sich nicht trennen lit. *isznertieti* «seinen Eigensinn
68 ausdauern // lassen» Geitler Lit. St. 87, *nerstis* «einer Sache obliegen», *narvytis* «trotzig sein» Bezzenberger Lit. Forsch. 145, *narvings* «trotzig» ibid. und urslav. **norvъ* «Sitte, Gewohnheit» (vgl. klr. *норов* «Sitte; Plur. Launen», r. *норовистый* «eigensinnig», *норов* «Sitte; Eigensinn, Mucke»). Die slavischen Formen hat schon Miklosich zu lit. *narvytis* gestellt; vgl. dazu lat. *mōs* «Eigensinn, Sitte» : got. *mōþs* «Mut, Zorn», ahd. *muot* «Mut, Gemüt» u. a. [Ähnlich Fick BB I 172 und Trautmann Apr. Spr. 384. K.-N.]

34. Lit. *kainas* «common, mutual» im Wörterbuch des Lalis erinnert so frappant an gr. κοινός (über das Bezzenberger BB XXVII 168 f. zu vergleichen ist), daß ich Zweifel an seiner Echtheit nicht unterdrücken kann, bis es besser beglaubigt wird.

35. Wenn gr. οἴφειν oder οἰφεῖν ursprünglich etwa die Bedeutung «stoßen, schlagen» gehabt hat (vgl. Walde unter *confūto, pinso* und A. Śmieszek Materyały i prace IV 402), so gehört dazu lit. (bei Juškevič) *jáibotis* «uściskać się», *jáibininkas* «mutwilliger Mensch, Raufbold», *jáibis* oder *éibis* «mutwillige Streiche, Schlägerei», *jéibings žmōgus* «mutwilliger, garstiger Mensch, Raufbold».

36. Lit. *prisimuolėti* «prisivarginti» in Kupiški (Viltis, J. 1908, Nr. 104) : gr. ῥῶλος «Anstrengung, Mühe» u. a. Lett. *maļities* (wofür auch falsch *malîties* geschrieben wird) dagegen, das auch hierher gestellt wird, ist einfach entlehntes russ. *молиться*.

37. Lit. *aps(i)taũsė (vėjas)* «утих» (nach Herrn Būgas Mitteilung in Dusetos gebräuchlich) : apr. *tussīse* «er schweige», aksl. *potuchnǫti* «quiescere», ai. *tūšṇīm* «still», air.

inna tuai «silentia» u. a. (Pedersen Vergl. Gramm. d. kelt. Spr. I 55).

38. Lit. *táukas* «uterus» (nach Herrn Būgas Mitteilung in Kvėdarna gebräuchlich) : ai. *tōká-m* «Nachkommenschaft, Geschlecht», aw. *taoxman-* «Same, Keim», mhd. *diehter* «Enkel» u. a. Vgl. Fick Wrtb.[4] III 175.

39. Lett. *gūrâties* BW 25875, 8 *(viens pats [zirgs] staļļa dibinà kâ lâcìtis gūràjâs)* vielleicht mit der Bedeutung von *guôrîties* («sich rechts und links drehen, sich rekeln») : serb. *gȕriti se* «sich zusammenziehen, krümmen», gr. γῡρός «gebogen, gekrümmt», norw. *kūra* «niederhocken, kauern», lit. *gurinėti* (*u* kann lang sein) «chodzić zgarbionym» (Miežinys), *gūrinėti* dass. Jušk.; sieh auch *gúra* bei ihm u. a.

Zum Schluß gebe ich noch eine Parallele zum homerischen τόσσον ἀπῆν, ὅσσον τε γέγωνε βοήσας. In der schon erwähnten lit. Zeitung Viltis v. J. 1908, Nr. 100, lesen wir: *Ar da toli Paliepių sodžius? Nebetoli: jaučio pabaubimas (2—3 varstai).* // «Ist es noch weit bis zum Dorf P.? Nein! Soweit das Brüllen 69
eines Ochsen zu hören ist (2—3 Werst)». Vgl. auch bei Ulmann *kaķu brękums* «ein Stück Weges, so weit man das Katzengeschrei hört».

[Zu Nr. 34. Nach Herrn Būgas Mitteilung hat Lalis *kainas* aus Varpas J. 1897, S. 85, wo es Dr. Basanovič ohne jede Ortsangabe bietet, so daß es einstweilen zweifelhaft bleibt. K.-N.]

Charkov.

LATVIEŠU VALODNIEKI UN INFLANTIEŠU IZLOKSNES

[1912 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 146]

l_1 Pēc dažu nedēļu pārtraukuma atkal kļuvis sakarā ar latviešu dzīvi, atradu «Dzimt. Vēstneša» 125. num. kāda J. R. kga rakstā šādas 2 vispāri pazīstamas patiesības un vienu tikai J. R. kgam pazīstamu nepatiesību: «Latgale no mūsu valodniekiem par maz pētīta. Lai vietējo dialektu pamatīgāk izpētītu, nepietiek ar kādām ekskursijām vaj ceļojumiem, vajaga ilgāku laiku pavadīt tieši tautas vidū. Man ir zināms gadījums, kad kāds no mūsu ievērojamākiem valodniekiem bij cauri braukdams vietējo izloksni pētījis pie vietējiem katoļu baznīckungiem — leišiem vaj poļiem, kuŗi paši latviešu valodu zin vāji.» — Mēs, nabaga valodnieki! Visi avīžu korespondenti zina, ka kāda izloksne jāpētī ilgāku laiku un pašas tautas vidū, bet ne pie leišu vai poļu tautības baznīckungiem; tikai mēs, valodnieki, to nezinot! Par laimi tikai J. R. kgs lietu sev tâ iztēlojis. Varu noteikti apgalvot, ka neviens latviešu valodnieks nav izloksnes mācījies no leišu vai poļu (pat ne no latviešu) tautības baznīckungiem, bet vienīgi no zemniekiem, kas savu izloksni vēl paglabājuši tīru (vai šie zemnieki iztaujāti baznīckungu mājās jeb nabagu namos, ir, zināms, gluži vienalga). — Un tad nu par tām patiesībām! Ka inflantiešu[1] izloksnes vēl maz izpētītas, par to neviens vairāk neskumst kâ mēs, valodnieki, bet mūsu vaina tā nav! Ja J. R. kga rakstā izskan tâ kâ pārmetums šai lietā valodniekiem, tad gribētos to
l_2 jau-//tāt, kādu gada algu tad valodnieki dabū no tautas par izlokšņu pētīšanu, vai ekskursijas izlokšņu pētīšanai izdarāmas bez naudas līdzekļiem, vai mums, valodniekiem, cita darba nav bez izlokšņu pētīšanas, un cik tad īsti ir mums to valodnieku?

Mēs ar Mūlenbacha kgu jau vairāk gadus atlicinām laiku izlokšņu pētīšanai un bez visiem J. R. kga atgādinājumiem gribam iepazīties arī ar inflantiešu izloksnēm (nodarbojos ar

[1] [t. i., Latgales latviešu. — Red.]

tām jau pērn, un jūlija beigās atkal gribu uz Inflantiju nobraukt). Ja papriekšu esam pētījuši Vidzemes un Kurzemes izloksnes, tad tas noticis vienīgi tādēļ, ka turienes izloksnes ātrāki tiek izskaustas no rakstu valodas nekâ Inflantijā. Mēs, valodnieki, arī paši gluži labi zinām, ka pamatīgi var ar kādu izloksni iepazīties, tikai ilgāku laiku (teiksim, kādu vasaru) uz vietas nodzīvojot. Bet mēs arī zinām, ka katras muižas novadam ir savas izloksnes īpatnības, ka šādu novadu pa visu Latviju ir daži simti, ka mūsu mūžs nesniedzas pat līdz gadu simtenim un ka jau pēc dažiem gadu desmitiem latviešu izloksnes būs pa lielākai daļai zudušas. Pie tam vēl jāievēro, ka tikai vasarā varam atlicināt laiku izlokšņu pētīšanai. Aiz visiem šiem iemesliem mums nav iespējams katrā novadā nodzīvot ilgāku laiku, bet tikai apbraukāt Latvijas novadus, jo mums ir lielāka vajadzība iegūt pārskatu par visām izloksnēm nekâ pamatīgi iepazīties ar nedaudzām izloksnēm. Pamatīgus un sīkus aprakstus par katru izloksni gaidām no tiem, kam kāda izloksne pazīstama no bērnu dienām; ka tādam nolūkam nav vajadzīga valodnieciska izglītība, to gaiši rāda skolotāja Cīruļa kga raksts par Drustu izloksni. Arī inflantiešiem netrūkst izglītotu darbinieku, kas varētu aprakstīt savas dzimtenes izloksnes; lai tie negaida visu labu no Baltijas vien, bet lai arī paši ķeras pie darba!

Pēterupē.

PROGRAMMA IZLOKŠŅU APRAKSTIEM

[Druva 1912 XII, 1913 V, VII, VIII, X]

[1912 Druva XII 1544—1545]

1544_2 I. Par *e, ē* izrunu. Dažkārt man personas, kuŗas uzaicināju aprakstīt savu izloksni, atteica, ka nezinot, kâ lai to dara. Tāpēc te pasniedzu vispirms jautājumus par *e* un *ē* izrunu, pie kam plato *e, ē,* kādu dzird vidus izloksnēs, piem., vārdos *zems, vecs, dēls, lēts,* lūdzu apzīmēt ar punktu[1] apakš *e, ē.* Atbildes lūdzu iesūtīt man uz Chaŗkovu (Харьков, Университет) jeb arī «Druvas» valodniecības nodaļai. Ja šim
1545_1 pirmam mēģinājumam būs panākumi, // tad turpmāk pasniegšu programmu arī par citiem gramatikas jautājumiem. Lūdzu ievērot, ka atbildēm jādibinājas tikai uz viena pagasta izrunas, kādu dzird vecu ļaužu mutē, kas vēl runā tīru izloksni. Ar kādu *e, ē* (jeb ar *a, ā* augšzemniekos) izrunā 1) pagātnes formas: *es degu, bēgu, tu bēgi* (jeb arī *bēdzi*?); 2) tagadnes formas: *es pelnu, vēlu, ceru, deru, drebu, peldu, sēdu, stenu,* trešā persona: *pel, per*; 3) daudzskaitļa nōmināTīvus un datīvus: *veci krekli, lēti meli, veciem krekliem, lētiem meliem*; 4) apstākļu vārdus: *lepni, lēti*; 5) *ne* vārdos *nevaru, nedzenu, nezinu, neviļu, neceļu, tu nezini*; 6) formas: *dedzināt, ēdināt*; 7) infinītīvus: *degt, celt, celties, ēst, bēgt*; 8) nākotnes formas: *viņš degs, cels, celsies, bēgs;* 9) tagadnes vienskaitļa otras personas formas: *cel, nes* (arī pavēles izteiksmē lietotas); 10) formas: *desmit, desmitais*; 11) formas: *leja, seja, krējums, sējums* (no *siet* un *sēt*), ģenit. *vēja,* infin. *zvejot, es smejos, smējos, leju, lēju, sēju* (no *sēt*) un *sēju* (no *siet*), *spēju, skrēju, slēju, gribēju, meklēju,* III pers. *rēja, skrēja; viņi skrējuši, lējuši, sējuši*; 12) formas ar *r* pēc *e, ē*: *dzērve, vērsis, vērpj, ģērbj* u. c.; 13) formas: *brūklenāji, sestdiena, svētdiena, mēdīt, ērmīgs, dēliņš, mēriņš, tēviņš, desiņa*; 14) formas

[1] [Punkts te aizstāts ar tagad parasto platās skaņas zīmi — puslociņu. — Red.]

(sevišķi augšzemnieku izloksnēs): *zeme, zemes, zemi, zemju*; pagātnes formas: *nese, nesēm, nešu;* 15) formas: *kumeliņš, veselība, akmeņi, bārenīte, ezeriņš, mēnesi, kumeļu*; 16) formas: *nē, te, es, mēs, bet, pret, bez, jel, nedz, bite, bites, bitēs, bitēm, bitē, bitei, sen, tev, sev*; 17) (augšzemniekos) formas: *lēču, lēci, lēce; lēkšu, lēksi, lēks; dzērve, dvēsele, drēbe, dzērves, dvēseles, drēbes, drēbei, dvēselei, dzērvei, dzērvi, dvēseli, drēbi, drēbju, dzērvju, dvēseļu, drēbēm, dvēselēm, dzērvēm*; *ēst, sēdēt*; *vēl*; *bērziņš, dēlis, vējš, vēzis*; *dēļa, vēja, vēža;* 18) formas: *meita, beigt, reiz*? Piezīmēšu vēl, ka atbildes ļoti derīgas no jebkuŗa pagasta.

[1913 Druva V 630—632]

II. Par intonācijām. Ap Valmieru, Cēsīm, // Dzēr- 630₁ 630₂
beni, Nītauri u. c. (Vidzemes vidienē) un ap Jaunpili Kurzemē izšķiŗ trejādas intonācijas: 1) stiepto (piem., *mãte, traũks, siẽva, uõla, leītis, vaīna, mañta, šķir̃t, dur̃t, tilts, kãrt, mẽrķis, vãrpa*); 2) krītošo (piem., *kàzas, dràugs, ìela, sùolît, bèigt, màita, pìrts, cìmds*); 3) lauzto (piem., *kâds, raûgs, ciêts, kuôst, laîst, ķer̂t, grûst, pît*). Vai aprakstāmā izloksnē izšķiŗ visas šīs 3 intonācijas jeb tikai divas (vienādi izrunājot vai nu zilbes ar stiepto un krītošo intonāciju, kâ augšzemniekos, jeb zilbes ar krītošo un lauzto intonāciju, kâ rietumu izloksnēs)? Ar kādu intonāciju izrunājama saknes zilbe vārdos: *iet, duot, ņemt* jeb *jemt, art* jeb *ārt, dzert* jeb *dzērt, braucīt, dauzīt, gaidīt, griezt* («вертеть»), *gruozīt, klausīt, laizīt, raibīt*[2], *plātīt, raudzīt, skaitīt, slaucīt, taisīt, bīdīt, traipīt, graizīt, grābstīt, pluosīt, smaidīt, spārdīt, dzīt, sveiks, rūdināt* (no raudāt), *dzimt* : *dzimstu, mirt* : *mirstu, dziest* (uguns), *mērdēt, grimt* : *grimstu, gulties, guldīt, gulta, ģībt* : *ģībstu, kurkt, līgt* : *līgstu* jeb *līkt* (kalpus) : *līkstu, nīkt* : *nīkstu, rimt* : *rimstu, sirgt* : *sirgstu, skumt* : *skumstu, skurbt* : *skurbstu, slīkt* : *slīkstu, vārgt* : *vārgstu, bērt, birt* : *birstu, bārstīt, dilt* : *dilstu, irt* : *irstu, silts, silt* : *silstu, sildīt, svilt* : *svilstu, uotrs, pus-uotra, uotrdiena, mākuonis, laipns, ie-* (*ienaids, iesarkans* u. c.), *nuo-* (*nuomalis, pa nuovakarēm* u. c.), *pie-* (*piedarbs, piedagas*[3] u. c.), *nuost, suomazgas, suovārdis*[4], *sēja*

---

[2] [I «(eine Krankheit) besprechen»; II «Buntwerk machen» ME III 468. — Red.]

[3] [«das Angebrannte am Boden des Kessels» ME III 242. — Red.]

[4] [«Namensvetter; Handwerksgenosse» ME III 1139. — Red.]

(«Saat»), *dēstīt, dieveris*[5], *svainis, ietaļas*[6], *ieteres*[6], *daiļš, daudzināt, duore*[7], *glaudīt, kampt, ķēve, krāpt, kurls, liesma, milna* («Mahlstock»), *milns* («Stange»), *pirmais, raisīt,*
631$_1$ *skaists, strauts, bāris, gaiņāt, kankars, // kruoplis, kurnēt, plēve,* (labību) *sērt, sērdienis, nēsmu* (no *neesmu*), *pausaris,* nominātīvi *nams, zars* u. c.? Vai intonācijas ziņā izšķiras nominātīvi *tē(v)s, māte, brālis* u. c. no vokātīviem *tē(v), māt, brāli* u. c., un *tu nāc* («ты приходишь») no pavēles izteiksmes *nāc*? Vai intonācijas ziņā izšķiras formas: *es apsēju* (no *apsēt*) un *apsēju* (no *apsiet*)? P. Krumberģa izrunā (Mag. XVI 2, 62—86) ir stiepta intonācija, kad pēc patskaņa seko balsīgs līdzskanis (*j, v, z, ž, b, d, g, ģ*), turpretim — krītoša intonācija, kad pēc patskaņa seko nebalsīgs līdzskanis (*s, š, p, t, k, ķ*); piem., (ar stieptu inton.) *lūdzu, lūgums* (bet ar krītošu inton. *lùgt*, ko izrunā: *lùkt*), *sēju, krāvu* (bet ar krīt. inton. *sèt, sękla, sèšu, kràut, kràušu*), *beīdzu, beīgas* (bet ar krīt. inton. *bèigt, bèigšu*, ko izrunā: *bèikt, bèikšu*), *kāzas, bēres, kālis, mēle* (bet ar krīt. inton. *màte, lęts, lùpa*). Vai kādā izloksnē ir pazīstama tamlīdzīga izruna? Ar kādu intonāciju izrunā g a l o t n e s[8] šādos vārdos: nomin. *labais, labā, labie, labās, tā, šī, tie, tās*; ģenit. *labā, labās, labuo, tā, tās, tuo*; dat. *labai, labiem, labām, tai, tiem, tām*; akuz. *labus*[9], *labuos, labās, tuo, tuos, tās*; lokāt. *mežā, upē, acī, alū, mežuos, upēs, acīs, pęlūs*; ģenit. *mūsu, jūsu*; dat. *mums, jums*; akuz. *mūs, jūs; runāju, runā, runājām, runājāt, runāšu; nāciet; arāji, kalēji; mācītāji; labība, upīte,* (izlokšņu forma) *ciemīni, vācieši, avuots, sunīši, sivęns, velęna, ecēšas, pęlęks, labāks, citāds, taukains, devīgs, valuoda, tūkstuoš, astuoņi, metiens, nesieni, cēliens, ēdiens, dzęluons, auguons, kamuols, ābuols, uozuols, vilnāns, dzęl-*
631$_2$ *tāns, // māluoja* (zeme), *vidējais, pērnājie augļi, acuota maize, rudzaite, pīlēns, saim(e)nieks, saimnīca, baznīca, uz turieni, vilnaine, agrīns, tuvīns, galuotne, linu mīstiklas, virsaune, pērkauns, pērkūns, pērkuons, sutuoņa, dunuoņa, māsīca*? Starpības novērošanai starp lauzto un krītošo intonāciju sevišķi noder vārdi: *luôgs* un (zirga) *lùoks*; akuz. *siênu* (no *s i ê n a*) un *sìenu* (no *s ì e n s*).

---

[5] [«Schwager, Bruder des Gatten» ME I 484. — Red.]

[6] [«Schwägerin, Weibesbrudersweib» EH I 550, ME II 81. — Red.]

[7] [1) «von Natur hohler Waldbaum, in welchem Bienen hausen können», 2) «von Menschen für Bienen ausgehöhlter Waldbaum» ME I 534. — Red.]

[8] [Pirmpublicējumā: *galuotnes*. — Red.]

[9] [Vārds ar īsu galotni, tāpēc jautājums par intonāciju te lieks. — Red.]

III. Par patskaņu un diftongu saīsinājumu un zudumu piedēkļos un galotnēs. Daudz izloksnēs saīsina un pat izmet patskaņus un diftongus neuzsvērtās zilbēs, bet ne visur vienādi. Ir tāpēc ļoti vēlami saraksti par tādiem saīsinājumiem, pie kam var turēties pie augšējā galotņu saraksta. Kur pie tam (kâ sevišķi tāmnieku izloksnēs) iepriekšējs īss patskanis tiek pagarināts (tā dažās tāmnieku izloksnēs no *ganît* rodas *gānt* jeb no *runātājs* — *rūntęs*), tur jāapzīmē šā gaŗuma intonācija. Kâ runā: *gā(ju)ši, runā(ju)ši, mīlē(ju)ši* u. c. jeb *gaiši, runaiši, mīleiši* u. c.?

IV. Par patskaņu maiņu neuzsvērtās zilbēs. Vai ir kādos vārdos sastopama tāda maiņa kâ, piem., *dęguns* > *dęgans, vīzdęgunis* > *vīzdęgęns, vīzdęguņi* > *vīzdęgiņ, tikuši* > *tikaš* u. c.? Kâ runā: *ęzars, vędars, vęsals, vędakla, līdaka, audakls* u. c. jeb *ęzęrs (ezeriņš), vędęrs, vęsęls, vędękla, līdęka, audękls* u. c.?

V. Par *u* un *i* maiņu. Kâ runā: *dibęns (dibins), zivs, sivęns, divi, driva, tivu* jeb *dubęns, zuvs (zuve), suvęns, dui, druva, tuvu*?

VI. Par *î* un *i* maiņu. Kâ // runā: *vîksna, mîksts,* 632
sîksts, îksts, îkstis, î(k)ss, vîkstît, mîkla, dîgt, dîglis (ar gaŗu, lauztu *ī*) jeb *viksna, miksts, siksts* utt. (ar īsu *i*)?

VII. Par dažu galotņu izrunu. Kâ izrunā rakstu valodas formas: nōmināt. *kakls, nācis, putns, gudrs, krēsls, vęzms, laisks, rutks, kurls, bērns, kalns, sirms, cęlms, purvs, slapjš, vējš, šķūnis, brālis, vācietis, brālītis, cepetis, baluodis, kustuonis, miruonis, nazis, gubenis, tīrelis, šunelis, upuris, sprigulis, alksnis, bedre, dziesma, zalktis, ļaudis, svētki, kaķis, zāģis, medus,* ģenit. *mędus, katras, bedres;* daudzsk. akuz. *rudzus, linus, ruokas, bedres*; dat. *ruokai, lapai*?

Par *e* un *ē* izrunu man pies. ziņas: Fr. Adamoviča kgs no Dundagas un Lielsesavas, K. Mūlenbacha kgs no Kandavas un O. Karlsona kgs no Naukšēniem. Vietu vārdus man ir piesūtījuši: māc. L. Bērziņa kgs no Allažu draudzes, māc. Stāmera kgs no Pēterupes draudzes, J. Adamoviča kgs no Dundagas, O. Karlsona kgs no Naukšēniem, Juratas, Ternejas, Virķēniem u. c., J. Mustapa kgs no Vējavas, Jumurdas, Ogres, Ērgļiem u. c., J. Vidiņa kgs no Turlavas. — Paldies[10]! Adrese arī turpmākiem sūtījumiem: Харьков, Университет.

---

[10] [Pirmpublicējumā šā vārda beigas rakstītas vēl etimoloģiski: *paldievs*. — Red.]

886_2 1. Par *a* izrunu. Daudz izloksnēs rakstu valodas tīrā *a* vietā dzirdams kāds cits patskanis: patskanis, kas izrunājams apmēram kâ vācu vai krievu *o* (apzīmējams ar *o*), jeb patskanis, kas stāv vidū starp *a* un vācu *o*, t. i., *a* ar *o* nokrāsu (apzīmēt to var ar *a* ar mazu *o* virsū), vai ar[ī] patskanis, kas stāv vidū starp *a* un *e*, t. i., ļoti plats *e* (var to apzīmēt ar *ä*). Šo skaņu maiņu likumi ir diezgan sarežģīti un nav visur vienādi, un tāpēc te jādod daudz piemēru ar *a*: *ap, apaļš, apluoks, apiet, apkārt, apsist, es apsitu, tu apsiti, atkal, apakšā, atpakaļ, pakaļa, atmest, es atmetu, tu atmeti, pa, pamazs, paduoms, paduomāt, parāds, parādīt, panākt, paīsināt, pavasaris, es paceļu, ar dievu, tas ar var, skan; es varu; par, gan, ja* «если», *starp, sagāzt, satecēt, kas, ka, kad, tad, kam, tam, tamā* jeb *tanī, lab·vakar, tavs, savs, pļava, kļava* jeb *kļavs, es avu, kavu; avuots, šķiltavas, vakar, vakars, vakariņas, tagad, nabags, nabadziņš, lakats, lakati, lakatiņš, aplam, kamanas, kamaniņas, kalt, es kaļu, tu kal, kaldams, kaldināt, mazs, mazi, maziņš, mazināt, ēdams galds, galdi, galdiņš, labs, labi, labāk, agri, agrāk, darbs, darbi, spals, kalts, mazgāt, pats, pati, paša, turpat, zaļš, gaļa, vaļa, daļa, garša, akmens, acs, acu, kaķis, dadzis, dadži, malšana, lasīt, es lasu, tu lasi, mēs lasam, jūs lasat* jeb *lasiet, es malšu, viņš mals, saka, man*

887_1 *jāsaka, tu skaties; dažs, raža, abi, abas, rats, ratam, // astuoņi, astuotais, alus* (visos locījumos), *acīgs, rakuši, ragavas, ragi, zaglis, nakts, nazis, naži, dakšas, paksis, pakši, ragains, ragainis, vajag, tu ar, viņš ar, slapjš, slapja, garš, gara, kalējs, aste, baznīca, parīt* «послезавтра», *paēdis, padzēris, valgi, vaski, atslēga, atslēdziņa, rakstīt.*

2. Kâ izrunā diftongu *ai* (kâ *oi, ui, äi* jeb *ei*, jeb ar tīru *ai*!) vārdos: *maize, gaidīt, gailis, skaidrs, skaists, kails, laipa, laipiņa* u. c.?

3. Kâ izrunā diftongu *au* (kâ *ou, ō, äu* jeb *au*), piem., vārdos *kauls, kauli, kauliņš, saule, nauda* u. c.?

4. Par garā *ā* izrunu. Daudz izloksnēs tīra *ā* vietā dzirdams vai nu tīrs garš *ō* (kāds vācu valodā), diftongs *oa, uo* jeb *ua*, vai ar[ī] ļoti plats garš *ē* (var apzīmēt ar *ā*) jeb garš *ā*, kam beigās pieskan īsiņš *e* (var rakstīt: $ā^e$). Piemēriem der vārdi: *kārts, brālis, brāļi, māsa, māsiņa, kāts, kātiņš, ābuols, ābele, ārdīt, viņš ārda, es pļāvu, spļāvu, rāvu, krāvu, bļāvu, šāvu, ļāvu, kāvu, tā stāv malā, malās, viņš mazgā, mazgājās, vecā, vecās, vecām, kaušanās, kaudamās, viņš*

skatās, likās, vārtās; mazgāt; jūs darāt, likāt, mēs darām, likām; kâ, tâ, es mazgāju, zāģis, vāki, blāķi, māņi, mānīt, tu māci, māki.

5. Par *i* izrunu. Dažās izloksnēs *i* vietā runā zināmos gadījumos krievu *ы* līdzīgu skaņu (var apzīmēt ar *y*) un retumis pat *u*[11]. Kâ izrunā šādus vārdus: *viss, visi, pavisam, vista, vistiņa, viducis, vicināt, vilks, vilkam, vilki, vilciņš, vilkt, vilcināt, pirts, miza, miziņa, viņš dzird, tic, silst, bira, pirka, tu sit; mirt, viņš mirs; kurlis, tis, jis, iz, milti, ilgi, mēs zinim, viņš grib; meži, lāči, gani, gribēt*?

6. Par *u* izrunu. Dažās izloksnēs īsajam *u* beigās // zināmos gadījumos pieskan īsiņš *i* jeb *e* (*u*[i] jeb *u*[e]). Kâ izrunā, 887
piem., vārdus: *suns, suņi, kule, es kuļu, tu kul, kult, kulties, bluķis, rutki, kuģis, gulēt, es guļu, tu guli, viņš guļ* jeb *gul, upe, muciņa, kurināt, mums, burvis, durvis*?

7. Par *uo* un *ie* izrunu. Daudz izloksnēs *uo (ua)* un *ie (ia)* vietā runā *ū* (arī *ou*) un *ī* (arī *ei*); citur atkal zināmos gadījumos *uo* vietā — *ue* (un *ia* vietā — *ie*?). Kâ izrunā, piem., vārdus: *ruobs, ruobi, luogs, luogi, luodziņš, kuoks, kuoki, kuociņš, uogle, buomis, sluodzīt, suodīt, suoģis, uosis, uoši, uola, uoliņa, puolis, puoļi, sieva, sieviņa, iela, ieliņa, siena*?

8. Par gaŗā *ū* izrunu. Kâ izrunā rakstu valodas *ū*, piem., šādos vārdos: *brūte, ūdens, kūts, mūsu, pūst, sūtīt, krūtis, būt, žūt*? (kâ *ou, eu, iu, yu, uk* jeb *ū*?)

9. Par gaŗā *ī* izrunu. Daudz izloksnēs *ī* vietā runā *ei*; kâ izrunā, piem., vārdus: *pīle, tīrs, pīt, lasīt, lasīdams, lasīšana, labība, ticība, derīgs, ticīgs, upīte, sirdī, sirdīs*?

10. Vai *ei* neizrunā kâ *ē*, piem., vārdos: *meita, beigt, leiši, teikt* u. c.?

11. Dažās izloksnēs *ē* vietā runā *ei*; kâ izrunā, piem., vārdus: *spēks, spēcīgs, ēst, tu ēdi, dzēri, smēli, jēmi, plēsi, ēdiens, dzēriens, cēliens, pēc, klēts, ķēde, dēle* jeb *lēle, bēres* «похороны», *blēdis, blēņas*?

12. Dažkārt saīsina gaŗus patskaņus un diftongus; kâ izrunā, piem., vārdus: *vēl, vēls, dēls, jēls, viens, vien, pie, nuo, pēc, lidz, plāns, mēms, dzīvs, dievs, tēvs, būtu, lēns*?

13. Vai īso patskaņu vietā nerunā gaŗus patskaņus un kādos vārdos? Kâ, piem., izrunā vārdus: *suņi, vista, ciba, ķipa*[12], *ragi, maki, reti, desmit, runāties,*

---

[11] [Pirmpublicējumā: и. — Red.]

[12] [I «kleines Gefäss zum Schöpfen»; II «Haufe» ME II 382. — Red.]

888$_1$ *upmalis, vakar, vakars, // citur, visur, sija, rija, lija, mija, vija, puva, šuva, druva, tuvu, bija*?

14. Uz īso *a, e, i, u* izrunu ir iespaids līdzskanim *r*, ja tas seko tai pašā zilbē; kâ izrunā, piem., (ar gaŗu vai īsu patskani?) vārdus: *art, dzert, karsts, darbs, bargs, vergs, gards, ķert, bērzs, bārt, dārgs, mārks, mērkt, šķirt, durt, irbe, cirst, zirgs, pirts, purna, pirmais, zars, gars, cers, stirna, tur, kur, kurpe, urbt, mirkt, sirds, cirvis, purvs, durvis, burvis*?

15. Vai pēc *r* un *l* neierodas lieks patskanis, piem., vārdos: *irbe, zirgs, kurpe, vērpt, karsts, bērzs, vārna, dzērve, zirņi, valgs, galva, ilgi, spalva*?

16. Vai vārdu beigās neizrunā *z, ž, g, d, b* kâ *s, š, k, t, p* (piem., *laužš, lauz, zuog, ved, dreb*)?

17. Daudz izloksnēs ir *j* zudis pēc *p, b, m, v*; kâ izrunā, piem., vārdus: *slapjš, slapja, slapji, slapjums*, ģenit. *klēpja, drēbju, buomja, šķelmja*, nōmin. *klēpji, buomji; es vērpju, glābju, viņš vērpj, glābj*?

18. Vai, piem., formu *atjāt, uzjāt, izķert*[13], *mēs ļausim, uz jumta, mēs jau, pēc Jāņiem* u. c. vietā dažkārt nedzird *aķāt, užjāt, išķert, mēš ļausim, už jumta, mēš jau, pēč Jāņiem* utt.? Vai *teļš, ceļš* vietā nerunā *telš, celš*?

19. Vai mīkstinātais *ŗ* vēl ir dzirdams? Kâ izrunā, piem., vārdus: *gaŗš, gaŗa, gaŗām, gaŗ*, ģenit. *stūŗa, stūŗu, Pēteŗa, es duŗu, šķiŗu, dzeŗu, viņš duŗ, šķiŗ, dzeŗ*?

[1913 Druva VIII 1019—1020]

1019$_1$ 1) Vai īsos *i* un *u* (piem., vārdos *ātri, citi, klusu, ticu*) neizrunā kâ *e* un (krievu) *o*?

2) Kâ skan viensk. ģenitīvs, piem., no *lâcis, drudzis* (*lāča* vai *lāca*?)?

3) Vai *šķ* vietā nerunā *šk* un *žģ* vietā — *žg*, piem., *škūn(i)s*?

4) Vai *ķ* un *ģ* vietā nerunā *č* un *dž*, piem., vārdos: *ķēve, zaķis, zāģis*?

5) Vai līdzskaņi *t, d, c, dz, s, z, n, l, r, m, v, b, p* netiek
1019$_2$ mīkstināti, kad tiem seko (jeb senāk // sekoja) patskanis *i, e* vai *ie* (tas novērojams sevišķi tāmniekos un augšzemniekos)?

6) Kâ izrunā rakstu valodas formas: *stūrgalvji, es malšu, malšana, vilkšana*, ģenit. *runča, danča*, infin. *izčibēt*?

---

[13] [Pirmpublicējumā: *išķert*. — Red.]

7) Kâ izrunâ rakstu valodas formas: *viņš, celiņš, ceļš, kaŗš, gaŗš, slapjš, rupjš, dumjš, vējš, vājš, mācītājs, arājs, kalējs, bijis, gājis, sējis, strādājis, turējis, rakstījis, gudrais, vecais*?

8) Vai blakus mīkstajam *ļ* (piem., *gaļa*) un parastajam nemīkstinātam *l* (piem., *pele*) nedzird arī vēl trešo, līdzīgi krievu cietajam *л* izrunātu *l*? Vai ir, piem., starpība starp *l* vārdos: *vilks, kalps, salms, pulks, pilsēta, pilns, pelnit, ilgi* u. c. un *l* vārdos: *labs, mala, lēts, pele, likt, list, gulēt* u. c.? Vai krievu cietajam *л* līdzīgā *l* vietā dažkārt (inflantiešu izloksnēs) nerunā patskani *u*?

9) Vai vārdos: *kungs, brangs, trenkāt* u. c. izrunā tādu pašu *n* kā, piem., vārdos: *manta, dancis* jeb citādu?

10) Vai *cimds, jumts, dimdēt, rimts, simts* neizrunā kā *cinds, junts, dindēt, rints, sints*?

11) Vai *ln* (vārdos: *veļns, melns, pilns, vilna, delna, pelni, pelnīt, peļņa, milns*[14], *milna, kalns, vilnis, dzilna, salna*) izrunā nav pārvērties *ll*?

12) Vai izrunā nezūd līdzskanis *v* vārdos: *tēvs, govs, dievs, dzīvs, sīvs, tievs, krievs, stīvs, cirvis, burvis, durvis, purvs, virve, dzērve, darva, spārvs*[15], *galva, cilvēks, spalva, alva, balva*?

13) Kâ izrunā rakstu valodas formas: *čūska, saimnieks, saimniece, sivēns, puisēns, telēns, bērns, krāsns, lēns, spārns, liels*?

14) Vai izrunā nezūd līdzskanis *r* starp gaŗu patskani un līdzskani, piem., vārdos: *vārti, bērzs, Kārlis, pārnākt* u. c.? un otrādi, vai kur neierodas lieks *r*?

15) Vai izrunā nezūd līdz-//skanis *z*, kad tam seko *l, r, n, m*, piem., vārdos: *uznest, uzlikt, uzrakt, uzmest, aizliegt* u. c.? 1020$_1$

16) Vai apskatāmā izloksnē ir sastopami kādi vārdi, kas sākas ar *skl*, piem., *sklanda*[16], *sklids*[17], *sklābiņu*[18] u. c.?

17) Kâ izrunā rakstu valodas formas: *apkārt, atkal, rutki, svētki, atpakaļ, lielceļš, skangals, sudrabs, piedurkne* jeb *piedrokne, piedarbs, apkakle*?

18) Vai izrunā nezūd *s* un *z*, kam seko *c (ts)* jeb *dz*, piem.,

---

[14] [I «sehr viel»; II «= *milna*» ME II 627. — Red.]

[15] [«Bremse» ME III 988. — Red.]

[16] [I «Stange, Zaunstange, Stangenzaun; ein Mensch von langem Wuchs» ME III 881; II «schräge, platte Schleuderstelle auf dem Winterwege» ME III 882. — Red.]

[17] [«glatt, schlüpfrig» ME III 883. — Red.]

[18] [«im Galopp» ME III 882. — Red.]

vārdos: *pirksts, krusts, mazs cinis, šis cirvis, izcept, izdzert, mēs dzeŗam* u. c.? jeb vai te nezūd *t* starp abiem *s*, t. i., vai, piem., *krusts* neizrunā kâ *kruss*?

19) Kâ izrunā rakstu valodas formas: *tukšs, dakšas, paksis, pakši, ikstis, ikšķi, makšķere, augšā, apakšā, priekšā, iekšā, sagša, riekšava, sarežģīt*? un kâ skan ģenitīva formas no *rikstes, pirkstis, valstis*?

20) Vai dažos vārdos patskaņa priekšā neierodas lieks *j* vai *v*, piem., *ne-j-iet, j-ir, v-irt* (= *irt*) u. c.?

21) Vai vārda sākumā neierodas lieks *s*, piem., *s-kaudze, s-krasts, s-trepes* u. c.? un kādos vārdos tas notiek?

22) Kādos vārdos ieradies lieks *k* vai *g* (piem., *iksts, svieksts, lagzda, ligzds* u. c.)? Vai aprakstāmā izloksnē *k* neierodas pēc krītoši izrunāta *ū*[19], *au, ī, ei, ai, ui*, kam seko *s, š, t, c, č* (piem., vārdos: *brūte, jūs, auss, braucu, tavs tēvs* u. c.)?

23) Vai starp *n, ņ, l, ļ* un *s* jeb *š* izrunā neierodas lieks *t*, piem., vārdos: *gans, viņš, gals, pilsēta, ceļš, celšu, celsi, malšana, balss?*

24) Kâ izrunā rakstu valodas formas: *atdot* (kâ *andot*[20]?), *atdzīt, elle, zellis, ķella, baļļa, eļļa, nerrs*?

25) Vai ir sastopami (tāmnieku izloksnēs) tādi izteicieni
1020$_2$ kâ *kaps* (= *kapu*) *kaln', lauks* (= *lauku*) *putn', ciems // meit's* u. c.?

26) Vai ir sastopami īpašības vārdi ar galotni *-ijs* (piem., *sālijs, mālijs* u. c.; ar gaŗu vai īsu *i*?), *-ējs* (piem., *sudrabējs, mālējs, saknējs*), *-ājs* (piem., *mālājs, dūmājs, zarājs* u. c.), *-uojs*[21] (piem., *dūmuojs, mieguojs* u. c.)?

27) Kāda ir darītāja vārda forma no darbības vārdiem: *art* (*arājs* vai *arējs*?), *ēst, dzert, teikt, bēgt, sēt, siet, vest, duot, pļaut, iet, jāt, kult, kalt, cirst, brist, adīt* (tikai *adītājs* jeb arī *adējs*?)?

28) Vai ir sastopamas tādas formas kâ *dzertans, dzertens* jeb *dzertins* (= kas jādzeŗ)?

29) Kâ runā: *ārene, šejene, kalējene* u. c. jeb *āriene, šejiene, kalējiene* u. c.?

30) Kâ skan pamazināmie vārdi, piem., no *vīrs, sieva, ceļš, upe, brālis* u. c.?

31) Vai ir lietojami izteicieni kâ *zāle sāk audzin, sniegs sāk kusin* u. c.?

---

[19] [Pirmpublicējumā: *u*. — Red.]

[20] [Par šādu izrunu Palsmanē skat. šai izdevumā II 487. — Red.]

[21] [Pirmpublicējumā: *-ojs*. — Red.]

32) Kâ runâ: *saldans (saldens), lîdzans (lîdzens)* u. c. jeb *saldins, lîdzins* u. c.? *meitene, zemene* u. c. jeb *meitine, zemine* u. c.?

33) Vai ir pazîstami îpašîbas vârdi ar galotni *-îns* (piem., *agrîns, tâlîns, tuvîns* u. c.)?

34) Kâ izrunâ rakstu valodas formas: *pērkuons, elkuonis, virsuotne, kalpuone*?[22]

35) Vai, piem., *ēdiens, dzēriens* vietâ nelieto formas *ēdienis, dzērienis,* ģenit. *ēdieņa, dzērieņa*?

[1913 Druva X 1240—1242]

1) Vai aprakstâmâ izloksnê ir sastopami pamazinâmie vârdi ar galotni *-elis, -ele* (piem., *šunelis, mučele*), *-uks* (piem., *večuks, Annuks*), *-uža* (piem., *Annuža*), *-ika* (piem., *Annika, Marika*); vârdi ar galotni *-îtis* = augšzemn. *-eits* (piem., *latvîtis*), *-aitis, -aite* (piem., *tautaitis, linaite*), *-nīca* (piem., *saimenīca*), *-iša* (piem., *kalējiša*)? Kâ runâ: *taukains* jeb *taukaiņš? slauktuve, slauktuva, slauktava* jeb *slaukteve*? 1240$_2$

2) Kâ tiek locîti *i*-celmi (piem., *klēts, sirds*) un *u*-celmi (piem., *medus, alus, dzirnus*)? *ē*-celmi (piem., *mēle, drēbe*) un *ā*-celmi (piem., *pļava, sieva*)? *a*-celmi (piem., *tēvs, gans*), vârdi ar galotni *-is* (piem., *skapis, šķūnis*) un vârdi: *ūdens, akmens, debess, mēness*?

3) Kâ loka noteicamâs adjektîva formas (piem., *labais, labā*)? Vai, piem., formâ *labajam a* starp *b* un *j* ir îss vai gaŗš? Vai *a* vietâ tur nerunâ *e, u* vai *i*?

4) Kâ loka vietnieka vârdus: *es, mēs, tu, jūs, sevis, pats, tas, kas, šis?* Vai formu *mans, savs, tas, viņš* vietâ nesaka: *muns, sevs, tis, jis?* Kâ saka: *no tevis, no tevim* jeb *no tevi*? Kâdâ nozīmê lieto formu *katrs*?

5) // Kâ skan tagadnes vienskaitļa pirmâ un trešâ persona no darbîbas vârdiem *iet, būt, duot, ēst, atrast, aut, šaut, skriet, sliet, līst, brist, dzimt, dilt, lēkt, strēbt, slēpt, dzēst, tēst, vīt, rīt, pīt, mīt, līt, ņemt* jeb *jemt, cirst, pirkt, cept, degt, šūt, salt, malt, sniegt, kāpt, virt, satikt, gūt, likt, sākt, mīzt, muosties, gulēt, dzirdēt, sēdēt, ēdināt, pelnīt, drebēt, derēt, perēt, pelēt, peldēt, tirīt, ticēt, mīlēt, redzēt, dziedāt, raudāt, zināt, mazgāt, meluot, auklēt*? Kâ skan tagadnes vienskaitļa otra persona no vârdiem: *iet, būt, duot, ēst, dzīt, aut, grimt, skriet, sliet, ēdināt, pelnīt, mazgāt, meluot, auklēt?* Kâ skan tagadnes daudzskaitļa 1241$_1$

[22] [Pirmpublicējumâ visos šajos u. c. vârdos *o*. — Red.]

pirmā un otra persona no vārdiem: *iet, būt, duot, ēst, atrast, aut, skaitīt, pelnīt, gribēt, gulēt, zināt, mazgāt, meluot, ēdināt, auklēt*? Kâ skan tagadnes formas no *vētīt, svētīt, kristīt, sālīt, zvanīt, vārīt, mīcīt, muocīt, suodīt*? Vai īstenības (indikātīva) un pavēles izteiksmei daudzskaitlī viena un tā pati forma?

6) Kâ skan nākotnes formas (visas personas) no vārdiem *vest, kalt, mirt, nākt, adīt, gulēt*?

7) Kâ skan pagātnes vienskaitļa pirmā un trešā persona un daudzskaitļa pirmā un otra persona no vārdiem: *būt, duot, ēst, aut, atrast, kaut, šaut, pļaut, līst, brist, lēkt, dzēst, pīt, vīt, mīt, pazīt, šķīt, trīt, cirst, degt, bēgt, sākt, šūt, salt, kāpt, muosties, nest, gāzt, vest, mest, slīkt, braukt, celt, sist, bārt, atnest, jumt, pazīt, dzīt, burt, šķirt, bīties, lūzt, lauzt, runāt, meluot, adīt, gulēt*?

8) Kâ aprakstāmā izloksnē skan formas: *es, tu, viņš būtu, mēs būtu(m), jūs būtu(t)*?

9) Kâ skan atgriezeniskās formas: *viņš ceļas, raustās; man*
1241$_2$ *gribas, mēs // ceļamies, cēlāmies, jūs ceļaties, cēlāties, viņš cēlās, celsies; celties; cēlusies; paceļuos, uzceļuos*?

10) Vai ir pazīstamas vajadzības izteiksmes formas ar *ju-* (piem., *duod mun judzer* = «dod man dzert»)?

11) Vai ir vēl pazīstamas supīna formas (piem., *iesim ēstu*)?

12) Kâ skan divdabju formas: *jājamais (zirgs), lasāmā (grāmata), guļams (laiks), bijusi, bijuši, nākuši, staigājusi, meklējuši, nākšuot (nākškuot? nākškis?)*? Vai atstāstāmā izteiksmē nelokāmo formu (piem., *esuot, būšuot*) vietā nelieto locītas formas (piem., *viņš esus, būš(k)is, viņa esuoti, būš(k)uoti, viņi esuoši* utt.)? Vai atstāstāmā izteiksmē nelieto formas ar galotni *-umu* (piem., *tēvs aizbraukumu* = tēvs aizbraucis)? Vai saka, piem., *viņš bej eimūt* (viņš būtu gājis)?

13) Kâ skan formas: *četri, septiņi, astuoņi, deviņi, desmit, uotrs, ceturtais, astuotais, devītais, desmitais*?

14) Kâ skan, piem., izteiciens *nekas neaug*?

15) Satiksmes vārdu (*aiz, ar, at-, bez, iz, uz, nuo, līdz, da, gar*[23], *caur, par, pret, pie, pēc* u. c.) forma un lietošana. Vai pēc satiksmes vārdiem *uz, pie, bez* u. c. daudzskaitlī vēl lieto ģenitīvu (piem., *pēc svētku*)? Vai *uz* vietā nelieto *iz*? Vai ir pazīstamas formas ar *suo* (piem., *suomazgas, suovārdis*[4] u. c.)?

16) Vai ir pazīstami un kâ skan vārdi: *alksnis* jeb *elksnis, bērzs* jeb *bērze, kļavs* jeb *kļava, paeglis* jeb *kadiķis, muša* jeb

[23] [Pirmpublicējumā: *gaŗ*. — Red.]

mūsa, uguns jeb *guns, aita, avs* jeb *vuška, tumšs* jeb *timss*[24], *lietus* jeb *lītus, grauds* jeb *grūds, istaba* jeb *ustaba, sauja* jeb *šauja, šķirgata* jeb *ķirzaka, sudrabs, sidrabs* jeb *sudabrs, putraimi* jeb *putrāmi, paduse* jeb *pazuse, iekšā* jeb *vidū (vidā), auksts* jeb *salts, // mazs* jeb *maģis, ābuoliņš, dābuols* jeb 1242₁
amuols, pierast jeb *piejūkt, sienu kasīt, kast* jeb *grābt, linus plūkt* jeb *raut, bārda* jeb *bārzda, nuogs* («nabags»), *rudzu gubas, statiņi, runiņas* jeb *stapji, varavīksne* (jeb kâ citādi), *sērmuokslis* jeb *pīlādzis, dižs* jeb *liels, varde* jeb *naģe, starķis* (jeb kâ citādi), *garuoza* jeb *garauza, kumuoss* jeb *kumāss, kaŗuote* jeb *karaute, azuote* jeb *azaute*?

17) Vai māju vārdus lieto vienskaitlī jeb daudzskaitlī? Vai pagasta apdzīvotāju vārdam ir galotne *-nieki* (piem., *kandavnieki*), *-ieši* (piem., *smiltenieši*) jeb *-ēni* (*piebaldzēni*)?

---

[24] [Pirmpublicējumā: *timss.* — Red.]

ОТЧЕТ О ЛЕТНЕЙ КОМАНДИРОВКЕ 1911 г. В КУРЛЯНДСКУЮ, ЛИФЛЯНДСКУЮ И ВИТЕБСКУЮ ГУБЕРНИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛАТЫШСКИХ ГОВОРОВ

[1912 Заметки имп. Харьковского университета II 7—10]

7 В Курляндии я занимался изучением говоров Добленского и Блиденского приходов (в средней Курляндии). Последний из них отличается сохранением трех пралатышских интонаций, развитием гласного между *r* и согласными, соответствующим русскому «полногласию» (наприм., *varana* «ворона»), инфинитивом возвратного залога на *-is* (вместо *-iês*), предлогом *āz* «за» (вм. *àiz*), приставкою *is-* «из» (вм. *iz-*), формою nom. s. fem. g. part. act. praet. на *-ûse* (вм. *-usi*) и смягчением *l* перед *š* (наприм., *ceļšu* «я подниму»). Добленский говор весьма близок к литературному языку; но *ŗ* там заменено несмягченным *r*. — В Лифляндии я изучал говоры следующих волостей: Паббаш, Сунцельн, Сиггунд, Лембург, Клингенберг, Кастран, Фоссенберг, Кайпен, Ватран, Эссенгоф, Вейссензе, Фистелен, Альтенвога, Огерсгоф, Тауруп, Юргенсбург, Нитау, Пальтемаль (в юго-западной части Лифляндии), Ней-Розен, Оппекальн, Аагоф, Треппенгоф, Альсвиг, Гейденфельд, Мариенбург, Зельтингсгоф, Тирзен, Ильзен, Зесвеген, Лубан (в юго-восточной Лифляндии). Намереваясь дать потом в особой монографии более подробные сведения об этих говорах, я тут отмечу лишь наиболее интересные черты. В Паббаше еще встречается *ŗ*, утраченное почти во всех остальных латышских говорах Лифляндии; суффиксальные долготы сокращаются в открытых слогах (наприм., nom. pl. *padariti* «сделаны») и сохраняются в закрытых слогах (наприм., *padarîts*). — В Сунцельне, Кайпене, Ватране, Сиггунде и других говорах средней части южной Лифляндии корневые слоги с длительной интонацией произносятся — кажется, совершенно произвольно — то с длительной, то с нисходящей интонацией (наприм., и *mãte,* и *màte* «мать»); это колебание, вероятно, объясняется влиянием соседних верхнелатышских говоров,

которые длительную интонацию заменили нисходящей инто-//нацией. — Все три интонации сохраняются в Пальтемале, Юргенсбурге и Нитау. — В Огерсгофе, Альтенвоге, Лубане, Гейденфельде, Таурупе, Зесвегене, Тирзене и др. прерывистая интонация неизвестна; вместо нее произносится восходящая интонация. Сочетание *-ik-* сокращено в *-ik-* в словах: *viksna* «вяз» (Сунцельн), *miksts* «мягкий» (там же), *siksts* «скупой» (там же), рядом с *îkšķis* «большой палец», *mîkla* «тесто» (там же). Такое же сокращение встречается также в восточнолатышских говорах Ней-Розена, Оппекальна, Мариенбурга, Альсвига и Треппенгофа: *ikss* «короткий», *iksts* «большой палец», *viksna, miksts, siksts.* В Сунцельне II л. мн. ч. прош. вр. оканчивается на *-iet* (наприм., *brȁuciet* «вы ехали»), а I л. мн. ч. прош. вр. — на *-am* (наприм., *brȁucam* «мы ехали»), в чем сказывается влияние форм наст. времени. — Loc. s. основ на *-i* оканчивается на *-ē* в Фистелене, Вейссензе, Эссенгофе, Лембурге, Кайпене и Сунцельне (наприм., *pìrtê* «в бане»). В Эссенгофе и др. корневое *e* в основах на *-o* в nom. и dat. pl. представляет собою закрытый палатальный гласный (наприм., *dêli* «сыновья», *dêliem* «сыновьям»). В Вейссензе и др. вместо *šķ* произносится *šk,* наприм. *škūnis* «сарай». В Фистелене и др. в отрицании *ne-* произносятся открытое *ę* перед[1] гласными заднего ряда (наприм., *nęmāku* «не умею»), закрытое *e* — перед гласными переднего ряда (наприм., *nezinu* «не знаю»). В Таурупе, Огерсгофе, Гейденфельде и др. в наст. времени еще различаются основы на *-o* от основ на *-ā* (наприм., *nākam* «приходим», *nākat* «приходите» : *låsām* «читаем», *låsāt* «читаете»). В Ней-Розене и др. вместо *viss* «весь» говорится *vuss;* вместо закрытого *ē* — дифтонг *ie* (наприм., *viêzs* = *vêzis* «рак»); вместо *gribas* «хочется» — *gribîs* (с *ī* из *ie*); вместо *ìr, ùr* — *ìer, ùor,* наприм. *pìersts* «палец», *gùorni* «бедра», тогда как *ir* и *ur* при прер. инт. сохраняются (наприм., *zirgs* «лошадь», *purna* «морда»); определенная форма прилагательных в nom. s. masc. g. оканчивается на *-ijs* (наприм., *siermijs* «седой»). В Клейн-Лайцене (в Оппекальнском приходе) *uô* перешло в *oû,* а *iê* — в *eî* (наприм., *loûgs* «окно», *soûls* «скамья», *seîna* «стена», *greîzt* «резать»), тогда как *ùo, ìe, uō, iē* изменились (как и в прочих восточнолатышских говорах) в *ù, ì* (наприм., *kùks* «дерево», *lùps* «скотина», *sìns* «сено», *sìva* «жена»). В Ней-Лайцене и Мариенбурге старые сочетания *kj* и *gj*

8

[1] [Pirmpublicējumā: через. — Red.]

являются в виде *c* и *dz* также в склонении основ на *-i̯o* (наприм., gen. s. *luôca* «медведя», *dadza* «репейника»). В Ней-Лайцене, Альсвиге и др. от *ols* (= нижнела. *alus* «пиво») acc. s. *oli,* loc. s. *olî,* тогда как от *mac* (= нижнела. *mędus* «мед») acc. s. *madu,* loc. s. *madâ.* В Гейденфельде и др. гласный *i* изменился в *y* (= р. *ы*), если за ним не следует
9 (или не следовало) *i* или *e,* наприм. // *pyrsts* «палец» (= лит. *piršt̃as*) при *pirts* «баня» (= лит. *pirtis*); там же (и в других говорах) основы на *-i* оканчиваются в loc. s. на *-ie* (*pìrtie*), в loc. pl. — на *-ies* (*pìrties*), в dat. pl. — на *-iem (pirtiem);* из того же говора тут отмечу еще формы II л. ед. ч. *dzar* «пьешь», *nas* «несешь» (= нижнела. *dzer, nes*) при формах III л. ед. ч. *dzer* «пьет», *nas* «несет» (= нижнела. *dzeŗ, nęs*). Из аагофского говора приведу тут формы: *àimu* «иду», *àime* «идем», *aite* «идете». В Ильзене, где живут принявшие латышскую национальность эстонцы, встречается всего одна, именно — нисходящая, интонация, ср., наприм., *lùgs* «окно» (= нижнела. *luôgs*), *bàrzs* «береза» (= нижнела. *bę̃rzs*). В Тирзене *-pj-* изменилось в *-pij-*: *slapijs* «мокрый» (= нижнела. *slapjš*), *slapija* «мокрая» (= нижнела. *slapja*). В Зесвегене основы на *-i̯ē* в acc. s. оканчиваются на *-u* (наприм., *mutu* «рот»), и вместо нисходящего *u* часто слышится *ŭk*: gen. pl. *muksu* «нас» (вм. *mùsu*), III л. *puktę* «дул», нар. *grukti* «тяжело» (= нижнела. *grũti*). Такое вставное *k* (впервые отмеченное Мюленбахом BB XXIX 75) встречается и в Лубане, но при других условиях: *bràukc* «едет», *sàukc* «зовет», nom. pl. *myuksys* «мухи» (вм. *mũsas*), *tòuks tāu̯ks* (вм. *tavs tę̄vs*) «твой отец», *cìeruks* (acc. s. *cìervi*) «топор» (вм. *cìrvis*), *pūrᵘks* (acc. s. *pūrvu*) «болото» (вм. *pùrvs*), *ėiktę* «идите», *zyuks* «рыба» (вм. нижнела. *zivs*), *vìeks pyukš* «ветер дует» (вм. *vę̄jš pùš*), *saukss* «сухой», *klauksīs* «слушай», *gaikss* «воздух», *šàukt* «стрелять», *kriuktis* «в груди», *jìuks* «вы», *grìukts* «трудный», *skàiksts* «красный», *tàuktys* (вм. *tàutas*) «народы», *ļaukc* «люди». Там же и в других восточных говорах перед *k, g* произносится (вероятно, под русским влиянием) не велярное, но зубное *n,* наприм. в слове *brangs* «хороший»; там же основы на *i* в dat. s. оканчиваются на *-īm* (из *-iem*), как и в dat. pl., наприм. *piertīm* «бане»; там же и в витебских говорах gen. pl. *tūs* (из **tuos*) «тех» и др. — Витебские говоры я изучал в Борхове, Варклянде, Вилянах и Режице. Эти говоры знают только нисходящую (с которой совпала длительная инт.) и прерывистую интонации. Из прочих

особенностей этих говоров я здесь отмечу только утрату *t* между двумя *s*, наприм. в словах *pierss* (вм. нижнела. *pìr(k)sts*) «палец» (loc. s. *pìerstâ*), *kriss* «крест», *meîkss* «мягкий» (в Роговке и др.). Из приведенных мною диалектических особенностей некоторые до сих пор были совершенно неизвестны. Кроме того, я следил по мере возможности за распространением уже известных языковедам явлений и записывал слова, не попавшие в латышские словари, и тексты (народные песни по преимуществу), отражающие диалектические особенности. //

В заключение считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета за ассигновку средств на мою поездку и пастору К. Веману в Сунцельне и аптекарю И. Розенштейну в Огерсгофе за оказанное мне гостеприимство и всяческую поддержку и содействие в моих занятиях.

О «ВСТАВОЧНЫХ» *k* И *g* В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

[1912 Изв. XVII 4, 110—126 un atsevišķā novilkumā 1—17]

110 (1) В прусском языке «вставочное» *k* или *g* встречается только перед сочетаниями свистящих согласных *(s, z)* с зубными согласными *(t, d, n)*. Примеры:

nikanxts «unhübsch», женск. род *kanxta* «fein» : ла. *kuôšs* «schön, zierlich, fein»; см. Berneker Pr. Spr. 112. Прала. **kansús* (откуда *kuôšs)* : пр. *-kanxts* = скр. *gháú-š* : лит. *añkštas*.

kexti «Zopfhaar» : црксл. *чесати,* русск. *ческа,* гр. ξέω[1] «чешу, скоблю», χεσκίον «ческа», древнеисл. *haddr* «langes Haupthaar des Weibes», ла. *ķęska*[2] «Zänker» и др.

klexto «Kehrwisch» и *auklextes* «Oberkehricht» : лит. *klastýti* «reinfegen».

crixtitwi, лит. *krìkštyti* «крестить» < слав. *krьstiti,* откуда и ла. *kristît*; следует, однако, считаться с возможностью возникновения пр. *crixti-* и лит. *krìkšty-* вследствие видоизменения старого **krìsti-* под влиянием п. *krzcić.*

plinxne «Fladen», ср. немецкий провинциализм *Flinse.*

swixtis «irdener Topf» : лит. *žvizdrà* «дресва»; относительно значения см. Bezzenberger BB XXIII 309. //

111 (2) *laxde* «орешина» и *kellaxde* «копейное древко», ла. *lagzda* «орешина» : лит. *lazdà,* ла. *lazda* «орешина».

plauxdine «Federbett»[3] : лит. *pláuzdinis* «Bett».

sixdo «Sand», лит. *žìgždras* «дресва» : лит. *žizdrà,* средневерхнен. *kis* «дресва» (Буга РФВ LXV 310 и 325).

В литовском и латышском языках за относящимися сюда *-ks- (-kš-)* и *-gz- (-gž-)* почти всегда следует еще согласный. Литовские примеры:

---

[1] Может быть, из **s-kesō,* см. мои Слблт. эт. 43 и сл. [šai izdevumā II 206 skk. — Red.].

[2] С *ķ* (вместо *c*), вероятно, под влиянием глагола *(vìrsũ) ķestiês* «sich aufdrängen», возникшего, вероятно, путем смешения форм *kasîtiês* «sich reiben an» и **cestiês.*

[3] [Pirmpublicējumā: «Ferberbett». — Red.]

alksnis, лa. *àlksnis* «ольха» : древневерхнен. *elira* и др. (ср. Буга Изв. XVII 1, 16 сл. и 50).

añkštas «узкий» : скр. *aṃhú-š* «узкий» и др.

bokštas «башня» — вероятно, из п. *baszta*, а белорусское и малор. *бакшта* — из лит. *bokštas* (?).

bruīkštas : *bruīžtas* «веревка, дубина», *brùižti* «гнать прочь» Буга РФВ LXVI 220.

glúoksnis «ива» в словаре Юшкевича 708, Lesk.—Brugm. 95 и 291, Univ. 9 : *glúosnis*.

graikštùs «разборчивый, опрятный, красивый», см. словарь Юшкевича 710 и Leskien Nom. 559.

kerkštas «Zorn», Bezzenberger BGLS 294 : *keřštas*.

krìkštyti, см. выше под пр. *crixtitwi*.

kunigáikštis «Fürst» : acc. pl. *kunnigaischczius* у Бецценбергера l. c. 84, nom. pl. *kunigaistei* LLD I 15, 28.

laukštynėlė у Бецценбергера Lit. Forsch. 133 : *laužtìnės kãmanos* «Stangenzaun».

lėkštas «flach» (с *ė*, см. Lit. Mitt. II 127) : лa. *lęzs* или *lęzns* «flach, eben».

pérkšmas : *pérš(m)as* «Vers».

pėkščias «пеший» Leskien Nom. 563 и Ožkabalių dainos I 41 и II 19 : *pėščias*. //

plúokštas (с *uo*, согласно Jušk. SvD 45 и Изв. XVII 1, 24) : *plúoštas* «eine Handvoll». 112 (3)

raīkštė «Binde» Lesk.—Brugm. 268 и *kélraikštė* «Knieband» : *raīštis* «Binde», *kélraištė*.

rýkštė, лa. *rīkste* «Rute» : пр. *riste*, лa. *rīste* U, BW 29082, 4 и 6949, 1, Und. Ps. 2.

šeřkšnas «иней»; *šeřkšnas* или *šeřkštas* «weissgrau» Буга РФВ LXV 308 и сл. и Leskien Nom. 358, лa. *sęrksns* «иней» BW 27957, 11 : *širšnýti* «покрываться инеем» Буга l. c., лa. *sęrsns* «иней», **sęrsts* «Harst überm Schnee» в обороте *sęrstu laīks* «Zeit, da der Schnee trägt».

širkšlỹs : *širšlỹs* «Wespe».

III л. наст. вр. *szláikstuos* «reckelt sich» Bezzenberger GGA за 1885 г., стр. 932 : *šlaistýtis* «sich mehrfach an die Wände lehnen».

šiùrkštainis < н. *Schornstein*.

šiurkštỹnė : *šiurštỹnė* «Spritze».

šiurkštùs «шероховатый», см. Буга РФВ LXVII 245.

tirkšliai : *tiršliai* «Mispeln».

vaikstas : *váistas* «лекарство» Буга РФВ LXVI 238, Leskien Nom. 534.

vykšnė Jušk. SvD № 141, 9, ла. gen. pl. *veikšņu* (с *ei* < *ī*) в Ней-Лайцене : *vȳšnė* «вишня».

vìnkšna, ла. *vîksna* «вяз» : п. *wiąz.*

pabeřgždę : *beržd̀i* «зрелые» (Буга РФВ LXV 310).

bergždinẽ «яловица» (Буга l. c.) : *beržd̀inẽ.*

blegzdinga у Бецценбергера BGLS 84 : *blezdingẽ* «Hausschwalbe».

išglegždėti «расшататься» : *išglèžti* в словаре Юшкевича.

gragždìnti «грозить», см. Буга l. c.

kugždėti (в Сувалкской губ., по сообщению К. К. Буги) : *kuždėti* «шептать» (Буга l. c. 303).

paugžlȳs или *pūgžlȳs* : *pùžas* «ёрш» Буга РФВ LXVI 228 и LXVII 243.

šiurgždùs «шероховатый», см. выше *šiurkštùs.* //

113 (4) *žiẽgzdros* или (в словаре Lalis'a) *žiegždras, žìgždras* «дресва», пр. *sixdo* : лит. *žiẽzdros, žizdrà.*

žviřgždai «дресва», ла. *zvìrgzdi* : лит. *žviřždai* (опечатка?) Буга РФВ LXV 326, *žviržd̀ai* Leskien Nom. 163 и 438, Garbe LLD IV, стр. XLI.

(k)s перед гласными:

áuksas «золото» : старолит. *ausas,* пр. *ausis.*

dùksas «вздох», *duksáuti* «вздыхать» и др. : *dùsas* «задышка», *dúsauti* «вздыхать».

oksai «kundschaftende Bienen» (Leskien Nom. 595), ла. *ùoksts* «ищейка» : лит. *úostyti* «mehrfach riechen», ла. *uôstît.*

Латышские примеры:

àlksnis, см. выше под лит. *alksnis.*

aũksts «холодный» : *ausêt* «schöpfen und zurückgiessen, um abzukühlen», *austs* «холодный» RKr.[4] XV 106, 108, 120, *auste* (вместо *austi*) Passio (текст 1587 г.), лит. *áušti* «kalt werden».

avieksnes : *aviesenes* «малина».

balksne U «Trompete», *balexnis* Und. Ps. 63, *balexne* «Stimme» ibid. 50, acc. s. *balexne* ibid. 3, acc. s. *balxne* ibid. 4,

[4] Сокращения: RKr. = Rakstu krājums; U = Ulmann, Lettisches Wörterbuch; Etn. = Etnografiskas siņas par latweescheem. Deenas Lapas peelikums; Mag. = Magazin, herausgeg. v. d. lett.-liter. Ges.; LP = Lerchis-Puschkaitis, Latweeschu tautas teikas un pasakas; BW = Baron—Wissendorff, Latwju dainas.

nom. s. *balxnis* Evangelia und Episteln 1587 г., acc. s. *balksni* в постилле Манцелия I 24 : *bàlss,* лит. *balsas* «голос», ла. *balsnis* у Манцелия l. c. II 331.

bàrkstes «Fransen; Warzen im Maule des Hornviehs» : *bārstes* «Hungerzitzen im Maule des Rindviehs».

bārkšķes «Bärenklau» — вероятно, из р. *борщ.*

cīkstêtiês «kämpfen, ringen» : *cìstiês* «ringen».

cirksnis или *cirkste* «schwarze Spitzmaus» : *cìrslis* «Spitzmaus». //

dakstît «reichen, geben» Etn. III 162 : *izdastît* «hin und her verausgaben» Mag. XIV 2, 210. 114 (5)

drìkstêt «дерзать, сметь» : III prs. *drìst* в Ней-Шваненбурге и Кортенгофе, I prs. pl. *drìstam* Pass.

dzelksteniņš «старый нож без черенка» Etn. II 33 : *dzèlzs* «железо».

dzîksla «жила» в Вендене, Лиссенгофе, Ново-Пебальге, Липайкене, LP VII 1, 162, BW 20521, 2, Трейланд Материалы по этногр. лат. племени, нагов. 251 : *dzîsla,* лит. *gýsla.*

dzìrkstele «искра» : *dzirstele* Трейланд нар. п. № 157.

ērkš(ķ)is «шип, терновник» : *ēršķis* BW 4566, 24632 вар., gen. pl. *ēršķēžu* BW 23710, Dzismies swatas, 1836 г., стр. 44, acc. pl. *ehrsches* LLD II 27, 15, dat. pl. *ehrschims* Evangelia und Episteln 1587 г., acc. pl. *ehrschus* в постилле Манцелия I 147, лит. *erškėtis.*

īksts в Грюнгофе, Доблене, Жуксте, Лестене, Нейенбурге, Блидене, BW 20600, 1 вар. : *īsts* «истинный».

ķaukste «Hirnschale» : лит. *kiáušė.*

makšķere «уда» : лит. *meškerė.*

mārksnis «связка с вещами» у П. Шмидта Сборн. LXVII, № 3, стр. 29 : *mārsns*[5].

mìkstît U, nom. pl. *mìkstekles* BW 16251, 1 : *mīstît* «Flachs brechen» (ср. лит. *linùs mìnti* «Flachs brechen»), *mīstîklas* «Flachsbreche».

muokstît U : *muostît* «stottern».

paperkstìte BB XII 216, *paparkstiņa* в Ней-Шваненбурге, *paparkšťeņa* Zb. XV 249, *paparkši*[6] LP VII 1, 1277 : *papar̂de,* лит. *papártis* «папоротник».

pìeksta «ступка» у П. Шмидта l. c. 33, в Смильтене, BW 19407, 11 вар., 20844 : *pìesta,* лит. *piestà.*

pìrksts «палец» во всех известных мне современных

---

[5] [«Bündel» ME II 584 sk. — Red.]

[6] Ср., впрочем, форму *paparkts* у Бецценбергера Lett. Di.-St. 40[3].

115 (6) нижне-//латышских и в некоторых верхнелатышских говорах (наприм., в Гросс-Бушгофе, Экенграфе, Сеццене, Дубена) : *pìrsts* в большей части верхнелатышских говоров, Und. Ps. 71, Evangelia und Episteln 1587 г., лит. *pir̃štas,* пр. *pirsten.*

plãksteris : *plãsteris* «Pflaster».

plaũksta «ладонь» : *plausta* в Шваненбурге, LP VI 392, BW 13195, 30508.

plàukšņi «легкие» у П. Шмидта l. c. 34, LP VII 1, 318, U или *plaukši, plaukšas* U, *plaukšas* в постилле Манцелия III 118 : *plàuši,* лит. *plaũčiai.*

plęksna или *pleksne* U «Fussblatt» : *plęsa,* лит. *plãsnas* «ступня» в Ошмянском уезде (по сообщению К. К. Буги), пр. *plasmeno.*

plũksniņi U : *plũsni* «im Winde flatternde Birkenrinde», лит. *plúšėti* «мочалиться» и др. Буга РФВ LXV 319, Leskien Nom. 362.

pluoksts в Пильтене и у Бецценбергера Lett. Di.-St. 40^3 : *pluôsts,* лит. *plúostas* «плот» (Буга РФВ LXVI 240).

raksts «письмо» : лит. *rãštas.*

Род. п. *raksnuńeņa* Mag. XIV 2, 188, *raksni* Wolter AfslPh. VIII 636 и Мат. 346 : *rẹsns* «толстый».

riẽksts «орех» : лит. *riešutas.*

rîkste, см. выше под лит. *rýkštė.*

sẽrksns, см. выше под лит. *šeŕkšnas.*

širkśńeņa Zb. XVI 113 : *sirsniņa* «сердечко».

skaiksts в Анцене : *skaĩsts* «красивый», лит. *skáistas* «hellglänzend».

sũkstêt «brennend schmerzen» U и RKr. XV 97 : *sũstêt* U, Evangelia und Episteln 1587 г.

sviêksts «масло» в Залисбурге, Руене, Жуксте, Блидене, BW 27180, Mag. XIII 3, 59 и XIV 1, 154, Zb. XV 242, Вольтер Мат. 5 и AfslPh. VIII 636 : *sviêsts,* лит. *sviestas.*

šķiksts BW 1079 и 18659, 12 вар., LP VI 323, BB XVII 276, Mag. XIV 1, 154, Bielenstein LSpr. I 214, в постилле
116 (7) Ман-//целия I 176 и 183, в библии Глюка, Песнь песней V 11 : *šķĩsts* «чистый», *šķîsts* «жидкий», лит. *skýstas* «dünn flüssig», пр. нар. *skistai* «keusch».

taiksnis в Блидене, Нейенбурге, Лестене, Жуксте : *tàisns* «прямой».

Род. п. *tãkstu* BW 20480 : *tãss,* лит. *tóšis* «береста».

taukstît LP VI 236, BW 3615 и 25507 вар., Zb. XVIII 255, U : *taûstît* «щупать».

uokstît «schnüffeln» : *uôstît* «riechen», см. выше лит. *oksai.*

valksts AfslPh. VIII 636, в Адзеле, Ней-Шваненбурге и Голговски : *vàlsts* «волость».

vîksna, см. выше под. лит. *vìnkšna.*

Род. п. *veikšņu,* см. выше под лит. *vykšnė.*

vîkstît в Жукстe, RKr. XV 101, LP VII 1, 767, U, BW 7918, 4 вар., 9876, 2 вар., 16362, 20995, 2, BB XVI 333, *vîkstuls* в Тирзене, *vîkšķis* RKr. XV 101, *vîkšis* BW 26006, 9 : *vîstît* «завертывать», лит. *výstyti,* ла. *vîstuõls* «Zusammengebundenes», *vîšķis* «Strohbündel; Wischlappen».

padzikstu в Залисбурге и Руене : *pazīstu,* лит. *pažįstu* «знаю».

zvalkstîšana «titubatio» Elger Dictionarium polono-latino-lottavicum 420 : *zvelt* «umwerfen», *zvalstîtiês* «шататься» в Валке, RKr. XIV 90.

Восточнола. *bòlgzds* «Stützenverband am flachen Holzschlitten» RKr. XV 107 : *bàlziêns* «Stützenverband am Schlitten», лит. *balžienas* «поперечный брусок».

blìgzna RKr. XV 72, у П. Шмидта l. c. 14, BW 14811, 6, 7 или *blìgzne* U и в Кортенгофе : *blìzna* BW 14811, 7 вар. и Трейланд Мат., нагов. 406 или *blìzma* U и BW 14811, 7 вар. «ветла».

drìgzna RKr. XV 75 и у П. Шмидта l. c. 17 «слой, луч, рубец» : *drìzęna* U «Strahl», лит. *drỹžas* «Streifen im Zeuge».

kugzna BW 2504, 2 вар. или *kugznis* RKr. XIV 61 : *kuzna* или *kuzma* BW 2504, 2 вар. «зоб».

lagzda, см. выше под пр. *laxde.* //

plęgzna : *plęzna* «Schwimmfuss der Gänse und Enten». 117 (8)

slagzds : *slazds* «ловушка».

stragzds BW 2541, 1 вар. : *strazds,* лит. *strãzdas* «дрозд».

tulgzna U : *tùlzna* или *tulzis* «Brandblase», лит. *tulžti* «aptekėti vandenimi» у Буги Aist. St. I 172.

zvìrgzdi, см. выше под лит. *žvirgždai.*

(k)s, (k)š перед гласными:

apakša : лит. *apačià* «низ».

apaũkši[7] у П. Шмидта l. c. 12 и LP VI 15 : *apaûši* или *apaũši* «узда».

Род. п. *ciksu* BW 27180 : *cisas* «Strohlager».

ecêkšas RKr. XV 76, у П. Шмидта l. c. 18, в Старо-Пебальге, Залисбурге, Жукстe, Лестене : *ecêšas,* лит. *ekėčios* «борона».

[7] Кажется, впрочем, что *š* тут восходит к *s(t)j,* ср. пр. acc. s. *āustin* «Maul» и ла. *aũšât* BW 8402, 2 «болтать» : лит. *áuščiuoti* «schwatzen» у Куршата. Ср. Meillet Ét. 321.

ìekša «нутро», *ìekš* «в» : *ieša, ieš,* см. мои Лат. предл. I 91[8].

îkss «короткий» у П. Шмидта l. c. 21, RKr. XV 78, BW 27922 вар., 31765, 31941 вар., 32137, 1 вар., в Кортенгофе, Старо-Пебальге, Рамкау, Лезерне, Адзеле, Паббаше, Залисбурге, Вендене, Нейгалле, Зербигале, Вольмаре, Роннебурге, Кайпене, Сунцельне, Кольцене, Ней-Залисе и др.; (с сокращением *î,* см. Mühlenbach BB XXIX 74 и сл.) *îkss* в Тирзене, Альт-Шваненбурге, Адленене, Друвенене, Леттине, Зельзау и др. : *îss,* лит. *įsas* в Тверече (по сообщению К. К. Буги).

îpakšs в Анцене : *îpašs* «особенный», лит. *ypatùs.*

maiksît BW 31858 вар. : *màisît* «мешать», лит. *maišýti.*

màikss в Вольмаре, Залисбурге, Руене, Липскальне : *màiss,* лит. *maĩšas* «мешок».

prìekša «передок», *prìekš* «перед» : *prìeša, prìeš,* см. мои Лат. предл. I 185[9].

Явление, иллюстрированное приведенными примерами, уже давно было отмечено наукой. Но то, что до сих пор о нем
118 (9) говорили, за // одним лишь исключением, опровергается данными балтийских языков. Кречмер (Einl. in die Gesch. d. griech. Spr. 151[1]) и Гирт (IF VI 347) считали такое «вставочное» *k* признаком заимствования. Погодин же, указав РФВ XXXVIII 26, что такое *k* встречается не только в заимствованных, но и в унаследованных из общего праязыка словах, сам говорит, что «и» в литовском языке «чувствовалась слабость ... *s,* для чего требовалось подкрепить его; таким подкреплением ... явился гортанный звук *k*». А Миккола (Сборн. Форт. 275) считает «странное сочетание *ks* между двумя гласными» в литовском *áuksas* «попыткой заменить чужое *z (auzom),* которого нет в литовском в положении между гласными»; но *ks* еще менее похоже на *z,* чем простое *s,* и в других случаях чужое *z* передается посредством *ž,* наприм. лит. *žãkas* < нем. *Sack, žãkė* < нем. *Socke.* Одобрить можно лишь догадку Зубатого IF VI 280, что ла. *apakša* и *prìekša* получили свое *k* под влиянием слова *aûgša*[10]; так же, конечно, объясняется и *k* в ла. *ìekša.*

---

[8] [Sai izdevumā I 394 sk. — Red.]

[9] [Sai izdevumā I 485 sk. — Red.]

[10] Нечто тому подобное мы находим в польских и кашубских говорах: формы сравнительной степени вроде п. (диал.) *milkszy* и каш. *žaltkši* (Флоринский Лекции по слав. язык. II 520 и 571), вероятно, возникли под влиянием форм вроде п. (диал.) *drokszy* = *drogszy* (вместо *droższy*) с *g* под влиянием положит. степени *drogi.*

Только что приведенные латышские формы показывают, что «вставочные» *k* и *g* не во всех словах — одинакового происхождения: ясно ведь, что объяснение, столь убедительное относительно *apakša, prìekša* и *ìekša,* не может быть применено ко всем случаям такого *k* и *g*. Влиянием других слов я склонен объяснять возникновение лишнего *k* или *g* еще лишь в следующих вышеупомянутых формах: лит. *glúoksnis,* ср. *alksnis* «ольха»; лит. *rýkštė,* ла. *rīkste,* ср. ла. *žekste* (: *žagari* «хворост») или *žeikste* (: *žaiga*) «хворостина» и *ģeikste* «Hopfenstange», лит. *gaikštė* «wiecha, tyczka» (: р. *жичина,* Буга Aist. St. I 81 и РФВ LXVII 250); лит. *širkšlỹs,* ср. *čirkšlỹs*[11] «оса», // ла. *cirkšļi* «grosse Wespen»; лит. *blegzdinga,* 119 (10)
ср. *kregždẽ* или *kregždingà* «ласточка»; лит. *paugžlỹs* или *pūgžlỹs,* ср. *egžlỹs* «Kaulbarsch» (ср. Zubatý AfslPh. XVI 404); лит. *žvirgždai,* ла. *zvìrgzdi,* ср. ла. *zvirgt* «grobkörnig zerfallen»; лит. *dùksas, duksáuti,* ср. *dúkti* «выдыхаться», *dvãkas* «дыханье», *dvėktis* «отдышаться»; ла. *aũksts,* ср. *aukt*[12] «kalt sein» U (из словаря Lange); ла. *cirksnis* или *cirkste,* ср. *cirkstêt* «zirpen, schwirren, knirschen»; ла. *dzìrkstele,* ср. *birkstele* «искра», *birkstis* «искры», лит. *kibirkštìs* и *žibirkštìs* (у Буги Aist. St. I 153), ла. *pirkstele* «Funke in der Asche», *(s)pìrkstis* «die glühenden Funken in der Asche», лит. *pir̃kšnys* «glühende Asche»; ла. *ērkš(k)is,* ср. *ērķes* «Hahnbutten» и *ērcis* «можжевельник» KZ XLIV 59 и сл.[13]; ла. *mîkstît,* ср. *mîksts* «мягкий»; ла. *plūksniņi,* ср. *plūksni* «Ausgezupftes», *plùkt* «schleissen», *plũkât* «zausen»; ла. *tulgzna,* ср. *stuldzes* «Brandblasen»; ла. *ecêkšas,* ср. *eceklis* U (может быть, = *ecêklis*) и *ecēksnīši* BW 27961 «борона».

И в следующих словах возникновение лишнего *k* или *g* под влиянием других слов настолько правдоподобно, что они мною не включены в список форм со «вставочным» *k* или *g*: ла. *baikst* «страшно» BW 7142 вар., ср. *baist* «страшно» BW 7141 вар., лит. *baisùs* «страшный» и ла. *baigi* «in Furcht setzende Zeichen am Himmel», лит. *baigas* «schüchtern»; ла. *bakstît* «stochern; wiederholt stossen», лит. *bakstýtis* «тол-

---

[11] Если *čirkšlỹs* известно только в северо-западной Литве, то оно, может быть, восходит к куронскому **cirkslis*.

[12] Не исключена, однако, возможность, что *aukt* возникло при настоящем времени **aukstu* (= лит. *áuštu*) по аналогии глаголов вроде *nikstu* : *nikt* «гибнуть». Ср. *ginst* (вм. *ginst*) : *ginstu* и *vit* (вм. *vist*) : *vistu* Изв. XV 2, 212[2] [Šai izdevumā II 157[27]. — Red.].

[13] [Šai izdevumā II 391 skk. — Red.]

каться», ср. лит. *bastýtis* «толкаться», *bastinėti* «побадывать» и *bàkterėti* «ударить», *bakióti* «бодаться» (ср. Leskien IF XIII 184); ла. *bīkstaklis* BW 16238, 6, ср. *bīstaklis* BW 16241 «кочерга», *bīšķis* «Stock zum Umrühren des Ofens» и *bikstît* «schüren», *bigulis* (наприм., в Вольмаре) «кочерга», *bidzît* «den Ofen umrühren»; ла. *bîkstuos*[14] «боюсь» U, Bielenstein LSpr. I 214, в Жуксте, Ливенберзене, Олае, ср. *bîstuôs* «боюсь» и *bīkls* и *bik(l)s* «scheu»; лит. *girkšnóti*, ср. *girsnóti* «попивать» и *gìrkšt* (частица, означающая быстроту глота-
120 (11) ния), *girkščióti* «пить по-//немногу», *gìrklas* «напиток»; ла. *pērksniņa*[15] BW 27957, 12, ср. *pęrsla* «снежина» и *sęrksns* «иней»; ла. *plūksnas, plūksti*, ср. *plūsnes, plūsti* «Schwimmhölzer»; и лит. *plukdýti* «schwemmen». Относительно пр. acc. s. *swāigstan* «Schein», лит. *žvaigždė* и ла. *zvàigzne* «звезда» см. мои Слблт. эт. 113[16] (к приведенным там формам можно еще прибавить ла. *swaysne* или *swayssene* Evangelia und Episteln 1587 г., *zvaizne* Трейланд нар. п. № 391, gen. pl. *zvaižu* Mag. VIII, стр. 1, № 3).

В других случаях формы со «вставочным» *k* или *g* получились путем перестановки сочетаний *sk* и *zg*. В своих Слблт. эт. 54[3][17] я указал, что нередко находим чередование *-st-* : *-sk-* и *-zd-* : *-zg-*. Далее известно, что в балтийских языках сочетания *-sk-, -šk-, -zg-* перед согласными[18] подвергаются перестановке. На этом основании я уже в Слблт. эт. 110[1, 2][19] высказал мнение, что ла. *ligzds* «гнездо» возникло путем перестановки из **lizgd(a)s*, получившегося путем контаминации форм **lizdas* (лит. *lìzdas*, ла. *lizds*) и **lizgas* (откуда ла. диал. *lizgs*, см. BB XXIX 188[20]), и таким же образом ла. *lagzda* (и аналогично, конечно, и пр. *laxde*) из **lazgdâ*, возникшего путем контаминации форм **lazdâ* (> лит. *lazdà*, ла. *lazda*) и **lazgâ* (что такая форма возможна, показывают р. *розга* и праслав. **lěska*). Из вышеприведенных примеров сюда, вероятно, еще относятся пр. *kexti*, ср. р. *ческа*, гр. κεσκίον; ла. *īksts*, ср. лит. *ýskiai* «echt, recht» (Слблт. эт. 56

---

[14] U дает также инфинитив *biktiês*, но ср. выше *aukt.*

[15] В других вариантах: *sērksniņš*.

[16] [Sai izdevumā II 268 sk. — Red.]

[17] [Sai izdevumā II 217[91]. — Red.]

[18] Не только перед *s* и *t* (как говорит Wiedemann Handb. § 68), но и перед другими согласными, ср. Буга Изв. XVII 1, 17.

[19] [Sai izdevumā II 266[176, 177]. — Red.]

[20] [Sai izdevumā I 299. — Red.]

и 204[21]), *áiškus*[22], *iškus* «ясный», с одной стороны, и ла. *īsts*, лит. *ìščias*, цркcл. *истъ*, с другой стороны; ла. *mārksnis*, ср. лит. *márška* «dichtes Fischernetz» (Leskien Nom. 363); ла. *plaũksta*[23], ср. лит. *pláuškėti;* ла. *taiksnis*, ср. цркcл. *тѣскъ* «angustus» и праcл. **těs(k)nъ* (ср. Pedersen IF V 44 и Фортунатов Состав Остром. Евангелия 10); ла. // *blìgzna*, ср. лит. *blizgėti* «блистать», *blyzgis* «блеск» (Bielenstein LSpr. I 279); ла. *stragzds*, ср. праслав. **drozgъ*. 121 (12)

Совершенно ясно, что путем такой перестановки возникли *-ks-, -kš-, -gz-, -gž-* в следующих словах (которые поэтому мною не включены в список форм со «вставочным» *k, g*): лит. *plókščias* «flach, platt», ср. ла. *plāskains* «platt» и праслав. *plastъ* (см. Brugmann Grdr. II² 1, 480); лит. *vikšvà* или *viksvà* «Spitzgras», *vìkšris* «осока», ср. *vizgà* (у Буги РФВ LXV 324) и мои Слблт. эт. 38[24]; лит. *egžlỹs*, ср. *ež(e)gỹs* «Kaulbarsch»; лит. *veigzlùs* «видный» (Буга РФВ LXV 323) из **veizglùs* < **veizdlùs* (от *veizdėti*); ла. *driksna* BW 23617 вар. или *drīksna* U «Schramme, Splitter», ср. *driskât* «zerreissen» (см. Leskien Nom. 366) и *drīsme* «Schramme» (кажется, из **drīskme*); ла. *likstes mèle* BW 908, 7 вар. «подлипала», ср. *liskas*[25] *mèle* BW 908, 1 вар. и праслав. **lьstь*; ла. *pīkstêt* «pfeifen, greinen», ср. Zubatý BB XVII 325; ла. *plaukstes* «Schelfer», ср. синонимное *plauskas;* ла. *plīksne* «leere Erbsenschote», ср. *plisku pliskām* «kapp und kahl», *plaiskums* «leerer Platz», лит. *pleīskės* «мужская (бесплодная) конопля» (Буга РФВ LXV 319 и сл.); ла. *rikši* «Trab» (с *-kš-* из *-kšķ-* < *-kstj-*), ср. лит. *riščià* «im Trabe», цркcл. *рустати* и *рустаниѥ*; ла. *tukšs* (с *-kš-* из *-kšķ-* < *-kstj-*) «пустой, порожний», ср. лит. *tùščias* и скр. *tucchyá-s*; ла. *blàugznas* «Schinn», ср. *blauzgas* (и *blauznas*, вероятно, из **blauzgnās*), лит. *blaũzgas*. Сюда же, может быть, относятся также звукоподражательные глаголы вроде ла. *bragzdêt* «knarren», ср. *brazdêt* «poltern», лит. *brazdėti* «шелестеть», и лит. *braškėti* «krachen», *bruzgėti* «rascheln», *blazgėti* «klappern».

Глаголы же вроде ла. *brakšķêt* «krachen» (: лит. *braškėti*), может быть, возникли путем контаминации форм **brašķêt*

[21] [Šai izdevumā II 218 un 349. — Red.]

[22] Отсюда путем перестановки произведены лит. формы *aikštus* «просторный» и *aikštė* «открытое место».

[23] Иначе Per Persson Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung 147.

[24] [Šai izdevumā II 202 sk. — Red.]

[25] Ла. *lišķis* «льстец» может восходить или к **liskis*, или же к **listis* с gen. s. *lišķa* из **listjā*.

(= лит. *braškėti*) и *braksêt*[26], ср., наприм., лит. *pláuškėti* при *pláukšėti* «plümpern»; но ср. также Leskien IF XIII 171 и сл. //

122 (13) Гипотеза о возникновении «вставочных» *k* и *g* мною не могла быть применена ко всем вышеупомянутым формам с таким *k* и *g*. Но из этого не следует, что она вообще должна быть отвергнута; не подлежит ведь сомнению, что, например, праслав. *x* фонетически получилось из *s* только после *i, u, r, k,* хотя находим такое *x* вместо *s* также после гласных *a, o, e.* Следует считаться, во-первых, с возможностью, что в некоторых случаях утрачены теперь те формы, которые пояснили бы возникновение «вставочного» *k* или *g,* или только не были мне известны; ведь, например, ла. *liskas mèle,* поясняющее нам *k* в ла. *likstes mèle,* известно мне пока из BW 908, 1 вар. А затем то обстоятельство, что нередко имелись рядом формы с *k* или *g* и формы без такого *k* или *g* (как, например, лит. *glúosnis* : *glúoksnis* или ла. *lizds* : *ligzds*), могло вызвать некоторое колебание в употреблении *k* и *g* перед свистящими и шипящими. На таковое колебание указывают те случаи, в которых рядом с формами, которые содержат этимологическое *k* или *g*, находим формы без ожидаемого *k* или *g*: лит. *mastýť* «вязать» (Явнис Понев. гов. II 25), ср. *mãkstas* «Stricknadel» и *mezgù mègsti* «вязать»; ла. *ousts* «высокий» BW 6224, 2 или *aûsts* RKr. XV 106 (ср. там же 110: *čàukstę*), в Зельзау и Ней-Шваненбурге, ср. *aûgsts,* лит. *áugštas,* лат. *augustus*; ла. *panãsniẽki* RKr. XV 88 и BW 19267 «Brautgefolge» или *panãsni* BW 19079 вар., ср. *panãksniẽki* BW 19266 и др., *panãksni* BW 24155 и др., *panãksti* BW 6819 и др., *panãči* BW 19061, *panãcniẽki* BW 26122 вар. (от *panãkt,* ср. BW III 1, стр. 2, 22, 82); ла. *truosms,* ср. синонимное *trùoksnis* «шум», лит. *trañksmas* «Gedröhne» (от *treñkti* «dröhnend stossen» Leskien Nom. 428). Сюда же, кажется, относится и ла. acc. s. *sliesniņu* BW 8603, 5 при *slìeksnis,* лит. *slenksnis* или *sleñkstis* «порог».

Что же касается литовских форм Слонимского уезда, приведенных Вольтером Lit. Mitt. IV 168 (*pauštine, paušte* или *pauštuika* «Vöglein», *šauštas* «Löffel», *auštas* «hoch», *auštinys* «Rauchloch in der Oberlage der Rauchhütte»), то тут мы, может быть, имеем дело с фонетическим упрощением
123 (14) *-kšt-* в *-št-*. А с другой // стороны, вследствие такого коле-

---

[26] Ла. *brakšêt* или из *brakšķêt* (Leskien IF XIII 175), или же вм. **braksêt* под влиянием настоящего времени *brakšu* из **braksju,* ср. лит. *-kšiu* у Лескина IF XIII 174.

бания в употреблении *k* и *g* перед *s, š, z, ž* могли возникнуть новообразования с действительно вставленным *k* или *g*: так как, например, рядом с ла. *blauznas* имелось *blàugznas*, то, например, при *tùlzna* могло возникнуть новое *tulgzna*. В пользу всего этого говорит то обстоятельство, что «вставочное» *k* или *g* находим главным образом перед сочетаниями *s, š, z, ž* с согласным.

В некоторых случаях для меня неясно, древнее ли формы с *k* или же формы без него: ла. *ìkstis*, лит. *ikštys* (Bezzenberger BGLS 287) : пр. *instixs* «большой палец»; лит. *lakštiñgala*, ла. *lakstîgala* «соловей» : ла. *lastīgala* RKr. XV 82, у П. Шмидта l. c. 27, BW 13872, 4 вар., 30069 вар., U; ла. *līksminis* «eine moorige, sich bewegende Stelle» : *lismins* «Morast», ср. Leskien Nom. 419; лит. *túkstantis*, ла. *tūkstuôts* «тысяча» : ла. *tuustosches* Und. Ps. 3, *tustosche* LLD II 2,$_{15}$, *tuustosche* Evangelia und Episteln 1587 г.

Лит. *plaũksmas* и *plaũsmas* «Floss; Waschbank», может быть, одинаково древни, ср. *plaũkti* «schwimmen» и *plausti* «waschen», *pláustas* «плот» (у Буги РФВ LXVI 240).

Начала этих «вставочных» *k* и *g*, вероятно, восходят к прабалтийской эпохе[27]; если выше мною приведено латышских примеров больше, чем литовских, то это объясняется, с одной стороны, тем, что с латышским языком я знаком лучше, чем с литовским, а с другой стороны, тем, что в латышском языке — вследствие возникновения нового *š* из *tj* — больше случаев для вставки *k*.

В зельзауском, зесвегенском и лубанском говорах восточной // Лифляндии встречаем вставку *k* в виде фонетического закона. В этих говорах (как в верхнелатышском наречии вообще) длительная интонация совпала с нисходящей, а вместо прерывистой инт. (как и в некоторых других верхнелатышских говорах) там произносится восходящая интонация. Итак, закономерную вставку *k* находим в упомянутых говорах только при их нисходящей интонации, и притом не 124 (15)

---

[27] В своих Славяно-балтийских этюдах 70 [šai izdevumā II 230 sk. — Red.] я, не выяснив себе еще возникновения «вставочных» *k* и *g*, считал возможным, что они встречались также в праславянском. Перед сочетаниями *s* и *z* с согласным они потом должны были бесследно исчезнуть, так что остается неизвестным, встречались ли в праславянском «вставочные» *k* и *g* или нет. Что же до форм вроде *страх*, где я предполагал «вставочное» *k*, то это предположение я теперь считаю весьма сомнительным, так как в балтийских языках «вставочное» *k* встречается крайне редко перед *s*, за которым следует гласный.

только перед *s* и *š*, но и перед *t (c, č)*. В зельзауском и зесвегенском говорах эта вставка имеет место после *ù*, а в зельзауском говоре также после *òu̯* (из *àu̯*); при этом такое *ù* значительно сокращается и часто совершенно похоже на краткое *u*. Зельзауские примеры: *nùopùkzdämiês*[28] «вздыхая» BB XVI 322, *mùks* «нас» 324, *òuksä* «рассветало» 326 и 331, *brùkte* «невеста» 329, *plùkcä* «рвала» 331, *mùksa* «муха» 336, *lùkss* «рысь» 336, *ìegùkt* «erstreben» 336, *ìegùksi* «du wirst erstreben» 336, *šùkšu* «я буду шить» 336, *šòukšu* «я буду стрелять» 336, *òukss* «ухо» 336, *nakl̀ouksija* «не слушался» 337; *jùks* или *juks* «вы», *rukts* (: нижнела. *rũte*) «оконное стекло», *krùktiês* «в груди», *kuktie* (: нижнела. *kũtī*) «в коровнике» и др. (но *bûsam* «будем»!); ср. Kaulin̦ BB XVI 336. Если Каулинь тут говорит, что вставка *k* имеет место «nach dem gestossenen[29] *ū*, zuweilen auch nach *ou*», то это, вероятно, объясняется тем, что г. Каулинь иногда не слышал никакого *k* после *òu*. Но дело в том, что такое отсутствие ожидаемого *k* может быть обусловлено сильным влиянием литературного языка и соседних говоров. Так мы читаем у Каулиня *acapùtä* «отдохнула» l. c. 326, при *nùopùkzdämiês* 322 или *brùkte* 329, и *tòutu, tòutieša, tòutin̦âs* 324, тогда как в записях г. Мюленбаха я нахожу *k* между *u* и *t* также в этом слове.

И у Бецценбергера Lett. Di.-St. 40 находим *plùc* (ср. выше у Каулиня *plùkcä*!) и даже гипернормализм *plùt* (вместо общелатышского *plùkt* «рвать»); говорят в Зельзауском приходе, например, // *šùkt* «шить» (= нижнела. *šũt*) и *plùkt* (= нижнела. *plùkt*), так что лица, старающиеся говорить на литературном наречии, но твердо не владеющие им, легко выбрасывают также общелатышское *k*.

125 (16)

Зесвегенские примеры: *brukte* «невеста», gen. pl. *muksu* «нас», «мух», *puktę* «дул» (также *pùktę* с весьма кратким *ū*), *grukti* «трудно» (или *grùkti*), *juks* или *jùks* «вы», *suktit* или *sùktit* «посылать».

Сюда же, по-видимому, относится и gen. pl. *Prùkšu* у Бецценбергера Lett. Di.-St. 37. Ср. Bezzenberger l. c. 32[5]. Что до *au*, то мною, к сожалению, отмечено слишком мало зесвегенских форм с *àu* перед *t (c)* и *s*: *sàucam* «зовем» и *bràuc* «едет». Не исключена, значит, возможность, что это, собственно,

---

[28] Перед звонкими *z* и *d* нет никакой вставки: *nùopùkzdämiês* получило свое *k* под влиянием тех форм этого глагола, где за *ù* следует *t* или *š*.

[29] «Gestossen» тут = нисходящий.

формы литературного языка и что также в Зесвегене вставляется *k* и после *àu*.

В лубанском же говоре находим эту вставку *k* не только после старых *ù* и *àu*, но также после старых *ì*, *èi*, *ài* и *ùi* и после *u̯*, *i̯*, возникших из *v*, *j* перед согласным. Примеры: nom. pl. *mỳuksys* (= *mūsas*) «мухи», *pỳukš* (= *pùš*) «дует», *brỳuktę* «невеста», *grỳukts* «трудный», *sỳukc* (= *sūds*) «кал» (loc. pl. *sỳudûs*), *plỳukca* «рвал» (но *byûtu* «был бы»); *klàuksîs* «слушай», *àukt* «обувать» (и также причастие *àukdams* вместо *àudams* по аналогии глаголов со старым *k* вроде *sàukt* «звать» : *sàukdams*), *bràukc* «едет», *bràukču* «я ехал», *ļàukc* (= *ļàudis*) «люди», *tòu̯ks tàu̯ks* «твой отец» (gen. s. *tova tàva*), *zỳuks* «рыба», *cìeru̯ks* (= *cìrvis*) «топор» (acc. s. *cìervi*), *pūru̯ks* «болото» (gen. s. *pûrva*), *sèiu̯ks* (= *sīvs*) «горький»; acc. s. *strèikči* (= *strīķi*) «брусок», *krèikt* (= *krìt*) «падает» (и под влиянием *krèikt* также *krikta* «падал»; но встречаются еще и правильные формы вроде причастия *kritusa*), но *eîss* «короткий»; *krèiksō* «левая», *èiktę* «идите»; *gàikss* «воздух», *gàikši* «светло»; dat. s. *pùikšam* «парню», *vìeiķs* (= *vējš*) «ветер», *or°àiķs* (= *arājs*) «пахарь».

После *ū* (из *uo*) и *ī* (из *ie*) *k* не вставляется: *gùs* «корова», *dìs* «бог». Ср. Mühlenbach BB XXIX 75. //

КОРРЕКТУРНЫЕ ДОБАВЛЕНИЯ

126 (17)

Неудачным я считаю новое объяснение Зубатого: «skupina *ks (ksz)* je v baltských jazycích tak častá (zvláště před *t*), že se dostavuje v řeči a konečně v jistých slovích ustaluje i kde není historicky oprávněna» (Sborn. fil. II 61[1]). Оно и само по себе неубедительно (есть ведь в балтийских языках и другие сочетания согласных, встречающиеся тоже довольно часто, а между тем ими никакая вставка лишнего согласного не вызвана), и не объясняет появления форм вроде ла. *lagzda* рядом с *lazda*: ведь сочетание *gz* встречалось лишь изредка.

Persson (Beitr. 92, 320 слл. и 329 слл.) приводит также из других индоевропейских языков многочисленные примеры колебания между *-st-* и *-sk-*.

В ла. *panāsniēki* (при *panācniēki*) *-sn-* получилось, может быть, чисто фонетически из *-cn-*.

«ПОДВИЖНОЕ» *s-* В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

[1912 Изв. XVII 4, 127—132 un atsevišķā novilkumā 1913 1—6]

127 (1) Только с *s-* известны следующие формы:

spredi̯kis «проповедь», из нем. *Predigt.*

spur̃slât «pruhsten» (ср. синонимное *spraũslât* и *spùrkt* «брызгать») : лит. *purslóti* «geifern», древнеисл. *fors* «водопад» (Буга Aist. St. I 176).

star̃pa «промежуток» : лит. *tárpas.*

stru(m)ps «kurz abgestutzt» (ср. лит. *striùbas* или *striùgas* «короткий» у Лескина Nom. 191 и герм. *strup-, strub-* у Фика Wrtb. III[4] 504) : лит. *trum̃pas* «короткий». Ср., впрочем, ла. *trumpêt* (= *strupêt*) «stutzen».

šķetere «Zänkerin» : цркcл. *котора* «ῥάχη», средневерхненем. *hader* «Zank, Streit».

šķir̃sts «сундук, гроб», ср. Thomsen Beröringer 280 и Буга РФВ LXVI 238.

smaule «Fresse, Mund» (ср. норв. *smaul* у Фика l. c. III[4] 324) : лит. *maulė* у Лескина l. c. 463.

svapstiņš «оса» в Дондангене (по сообщению г. Фр. Адамовича): лит. *vapsà.*

При формах с *s-* известны еще и формы без *s-* в следующих случаях:

spanga : *panga* «Brandblase».

spiêši «шпоры» BW 8358 вар., 12062, 22423 вар., 30127, 30582 вар., Phraseologia Lettica Манцелия, глава XXVIII, в Экенграфе : *piêši,* ср. лит. *pentinas.*

spinzele Blt. W[1] : *piñdzele* < нем. *Pinsel.* //

128 (2) *spīķis* : *pīķis* «Bajonett» < нем. *Pieke.*

1 *spīkstulẽns* U и RKr. XV 96 «Piezker», *spīkstuļi* BW 4575, 6 : *pīkstulis* «ein aalartiger Fisch», ср. Zubatý BB XVII 325.

---

[1] Blt. W = Baltijas Wehstnesis за 1903 г., № 60.

sprañči, теперь *frañči* «французы».

sprēslîca RKr. XV 96 и BW 19075 «Handspindel», *sprēst* U «mit der Spindel spinnen» : *prēslica* BW 19075, 9, *prēst* U < р. *прялище, прясть*.

Spricis : *Pricis*, теперь *Fricis* < нем. *Fritz*.

sprincene в Старо-Пебальге : *priñcese* «принцесса».

sprosts «простой» Zb. XVIII 454 : *prasts*.

sprūši Ltd. № 1673 : *prūši* «пруссы».

spuosms U : *puõsms* «Abteilung zwischen zwei Endpunkten».

spuņģis : *puņģis* «?» BW 9397, 3 вар.

spurna U, Blt. W или *spurene* U : *puŗns* у П. Шмидта l. c.[2] 35, *puŗnis* или *purene* «Caltha palustris».

stañga «Zange» (ср. *stañga* < нем. *Stange*) : *tañga* U, RKr. XIV 91 = средненижненем. *tange*.

gen. pl. *stāšu* BW 29229 вар., 30562, 6 : *tāss*, лит. *tóšis* «береста».

nom. pl. *steltes* RKr. XIV 86, Phraseol. Lettica Манцелия, глава XXIX : *teĺts* «палатка» < средненижненем. *telt*.

stēcite : *tēcite* U «стезя».

stiēģelis : *tiēģelis*[3] U «кирпич, черепица», через посредство средненижненем. языка из лат. *tēgula*.

stidilbis LP I 87 (ср. П. Шмидт RKr. XIV 93) : *titilbis* «der schwarzgraue Wasserläufer», ср. лит. *titìlvis* «Strandläufer» у Буги Aist. St. I 54.

stykùts (инфл.) BW 20095, 3 : *ķikuts* «Doppelschnepfe» с *-ķ-* вм. *-t-*, вероятно, путем ассимиляции; ср. лит. *tikutis* (Leskien Nom. 577) и эст. *tikutes* «Becassine».

stiñkšêt : *tinkšêt* «klingen». //

stirât U : *tiŗât* «lärmen». 129 (3

stirāji : *tirāji* «Erbsenstroh», ср. Zubatý Böhm. Sitzungsber. за 1895 г., XVI 13.

stīnis U, acc. s. *stīnu* BW 27004, 6 вар. : *tīnis* «кадка», ср. Leskien Nom. 270; *stīpuluôtiês* (или *stīpuļuôtiês*?) : *tīpuļuôtiês* «sich zusammenziehen», *tīpuļaîns* «trübe», ср. Lidén IF XIX 331.

---

[2] [Domāts Сборн. LXVII № 3. — Red.]

[3] Более употребительно теперь *ķiēģelis*, где *-ķ-* вместо *-t-*, вероятно, путем ассимиляции.

strẽlliņi U : *trẽlliņi* «Geländer».

strepes : *trepes* < нем. *Treppe.*

strīzdeklis BW 21056 вар. : *trīzdeksnis* ibid. или *trīdeksnis* «Hackbrett».

strumpêt : *trumpêt* «saufen».

strūbe U «Röhre» : *trūbe* или *trūba* < р. *труба.*

strùops (ср. лит. *straṁpas* «Knüttel») : *trùops* «улей».

stulpane U «Päonie» < п. *tulipan*; мне известно лишь *tulpe* < нем. *Tulpe.*

stupele U, LP VII 1, 1037, RKr. XIV 87, BW 7273, 3, Blt. W : *tupele* «туфля», ср. Vasmer RSl. III 255.

stuplis (ср. лит. *stùrplės* «Steiss») : *tuplis* «der Hintere».

stuoveris BW 5592, 1 или *stuovere* у Трейланда Мат., загад. 1237 : *tuõveris* «чан, кадка».

skaļķi в Appace, RKr. XIV 83, Phraseol. Lettica Манцелия, глава XL : *kaļķi* «известь» < нем. *Kalk.*

skaste RKr. XIV 83 или *skasta* в Ней-Шваненбурге : *kaste* < нем. *Kasten.*

skaudze U, в Гросс-Бушгофе, LP VI 540, BW 8102 вар., 10071, 3 вар., 28681, 1 и 2 вар., 28733 вар., 29572, 2 вар., 31933, 4, 8, 11, 13, Zb. XVIII 468 (ср. средневерхненем. *schoche* «aufgeschichteter Haufe Heues», Fick Wrtb. III[4] 467) : *kàudze* «стог».

skàustava или *skàustuve* и др. : *kaustava* U «Widerrist», *kàusva* RKr. XV 118.

skaustît Blt. W, U : *kaûstît* «verkeilen».

skārpît U, Blt. W : *kārpît* «scharren», ср. Meringer IF XVI 131.

šķesteris : *ķesteris* «пономарь» < нижненем. *köster.* //

30 (4) *šķēde* U и RKr. XIV 82 : *ķēde* «цепь» < средненижненем. *kede.*

šķērpêt «Rasen mit dem Rasenpfluge schneiden» (ср. древневерхненем. *scarbôn* «in Stücke schneiden» и др., Fick l. c. III[4] 456) : *cẽrpu* «стригу».

šķiŕgata, (у П. Шмидта l. c. 42) *šķiŕgãlis,* acc. s. *skierztotu* Zb. XVIII 408, *šķirzate* : *ķirzate* «ящерица».

sklaidis Blt. W = *klaîduonis* «Herumtreiber».

skrasts BW 27994 : *krasts,* лит. *krãštas* «берег».

acc. s. *skrauci* Zb. XVIII 402, nom. pl. *skrauči* BW 9631, 4 : *kraucs* U < п. *krawiec.*

skrēpes в Дондангене : *krēpes* «грива».

skrētes U, Blt. W : *krētes* «грива».

skrim̃stala, skrim̃slis[4] : *krimstala, krim̃slis*[4] «хрящ».

skrubinât U, BW 31085 : *krubinât* U, BW 31085, 3 «nagen».

skruķis BW 19075, 5 вар., 19243 вар., Zb. XV 191, U : *kruķis* «Krücke».

skrùmslis RKr. XV 94, U : *krùmslis* RKr. XV 81, U «хрящ», лит. *krumslỹs* «Knöchel».

skrūzêt «kräuseln» U, BW 5453, 4 вар., 18354, 4 вар., *skrūzains* BW 10337 вар., 23918 : *krūzains* «kraus».

skulba Blt. W или *skulbis* U : *kulba* «обозная повозка».

skulstît BW 10075 : *kulstît* «трепать».

skumšķis U, LP VII 1, 684 : *kumšķis* «ein Handvoll», лит. *kùmstė* «Faust».

skuñste < нем. *Kunst.*

skutulis : *kutulis* «Viehlaus», ср. Leskien Nom. 480 и Буга РФВ LXVI, 224.

skuosalẽni BW 2997 вар. «галчата» : *kuosa* «галка», лит. *kúosa* (Būga LtT 9), *skuosa, skuõste* «хвощ» : *kuosa, kuose.*

šķutes : ķutes[5] < лив. *kütt* (Thomsen Beröringer 281).

smaigs U : *maĩgs* «sanft, süss».

svārpste «Spille an der Mühle» : *vàrpste* RKr. XV 100 или *vārpsta* U «Treibholz an der Handmühle», ср. Thomsen l. c. 237. //

Формы с *s-* рядом с формами без этого *s-* встречаются, как известно, также в других индоевропейских языках, ср. Siebs KZ XXXVII 277 слл. (с литературой), Brugmann KVG 195, Wood IF XXII 168 слл., Schrijnen KZ XLII 97 сл., Pedersen Vergl. Gramm. d. kelt. Spr. I 185; литовские примеры дает Брюкнер Litu-slav. Stud. I 59. Но в латышском языке число примеров колебания в употреблении *s-*, очевидно, гораздо больше, чем в родственных языках, и притом такое *s-* там часто встречается в сравнительно недавно заимствованных словах, так что оно отчасти — специально латышское явление, которое нуждается в объяснении. В некоторых случаях такое колебание в употреблении *s-*, вероятно, восходит к глубокой древности; но эти старые дублеты не могли вызвать столь многих новообразований с «подвижным» 131 (5)

[4] RKr. XV 81 и 94: *(s)krìmšļi.*

[5] [*ķute* «Küttis»; *ķute* ir sadedzināšanai sakrauta vęlęnu čupa līdumā. (Aus estn. *kütis* «Brennmaterial, aus Strauchwerk und Rasen gebildete Haufen zum Schwenden des gerodeten Landes», s. Thomsen Beröringer 281.) ME II 392. — Red.]

s-: в родственных языках ничего подобного не видим, хотя и в них имелись случаи колебания в употреблении *s-*. Дело станет яснее, если вспомним, что и в языке соседних с латышами ливов иногда в начале слова приставляется лишнее *s-*, ср. Wiedemann Sjögren's Livische Grammatik 18. Wiedemann (и за ним Thomsen Beröringer 84), по-видимому, склонен думать, что в ливском «подвижное» *s-* возникло под латышским влиянием, и считает такое *s-* за «Spracheigenthümlichkeit» латышей. Но в латышском языке оно совершенно непонятно, тогда как в ливском языке возникновение такого приставного *s-* может быть объяснено. Как известно, в финских языках в начале слова сочетания двух (или трех) согласных первоначально не встречались; в случае заимствования слова, начинавшегося с двух (или трех) согласных, произносился первоначально лишь последний из этих согласных (ср. Thomsen Beröringer 83). Ливы же, находясь под сильным влиянием латышского языка, впоследствии стали сохранять начальные сочетания согласных в заимствованных словах. Но в таких случаях ошибки неизбежны. Подобно тому как литовцы, не усвоив немецкого языка, говорят, наприм., *Aus* вм. нем. *Haus* «дом» и, наоборот, *haus* вм. нем. *aus* «из» (Kurschat Gramm. § 67), так и ливы, стараясь говорить, наприм., *stuńd* «час» (нем. *Stunde*), но часто согласно привычкам своего языка произнося и *tuńd*, нередко, стараясь говорить правильно, не-
32 (6) впопад приставляют *s-*, // наприм. в *strump* (при *trump*) < нем. *Trumpf* (подобно этому мне приходилось слышать, как необразованный латыш, наблюдая, что образованные классы вм. *pliñte* «ружье» говорят *fliñte* = нем. *Flinte*, вместо правильного *pàrks* «парк» произносил *fàrks*; ср. также слав. *ф* вм. *хв* у Соболевского Лекции по истории р. яз.[4] 127 слл.). А затем, когда ливы стали говорить по-латышски, они, конечно, и в латышской речи сначала должны были колебаться в употреблении *s-* и вследствие этого в одних случаях приставляли лишнее *s-*, а в других случаях опускали старое *s-*. Такими ливизмами с опущенным *s-* являются следующие латышские формы: *pēnīzeris* U при *spēnīzeris* «Spanneisen»; *piķeris* U при *spīķeris* «Speicher»; *taŗks* U и в Бальдоне при *stārks* или *staŗķis* «Storch»; *krāģis* при *skrāģis* «Gestell» = средненижненем. *schrage* «kreuzweise stehende Holzfüsse»; *lazds* у Манцелия (Phraseol. Lettica, глава XXV) и в библии Глюка RKr. XIV 64 = *slazds* «Fallstrick», ср. лит. *slãstai* у Буги РФВ LXVI 238. Сюда же, может быть, относятся также некоторые из форм, помещен-

ных мною в списке слов с «подвижным» *s-*, так, наприм., *ķirzate* при *šķirzate* (в таком случае *ķ-*, восходя к *šķ-*, было бы понятно, тогда как в противном случае ожидалось бы скорее **cirzate*; подобно этому объясняется *ķ-* вместо *c-*, может быть, также в некоторых других латышских словах). — Из латышских говоров на старой территории ливов это «подвижное» *s-* впоследствии отчасти перешло и в другие (даже восточные) латышские говоры.

В некоторых случаях (ср., наприм., выше *spuŗslât, strups*) *s-*, вероятно, возникло под влиянием сходных по значению и форме слов со старым *s-*. И кое-где «подвижное» *s-* может восходить к глубокой древности, хотя родственные языки знают только формы без *s-*.

КОРРЕКТУРНОЕ ДОБАВЛЕНИЕ

«Гипернормализмами», однородными с лив. *strump* «Trumpî» и др., я считаю также приведенные Э. А. Вольтером (Изв. XVI, 4, 160[1]) литовские формы вроде *šveikas, keliaš* (вм. *sveĩkas, kẽlias*) и др.

ÜBER DIE NATIONALITÄT UND SPRACHE DER KUREN

[1912 FUF XII 59—72 un atsevišķā novilkumā]

59 Literatur:

K. F. Watson	Darstellung der alten Eintheilung von Kurland, wie die Deutschen solche vorfanden (Jahresverhandl. d. Kurl. Ges. f. Litt. u. Kunst, II 281 ff.).
F. J. Wiedemann	J. A. Sjögren's Livische Grammatik nebst Sprachproben, XIV ff.
A. Bielenstein	Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert (zitiert mit (B)Gr.).
И. Трусман	О происхождении корси (Живая старина III 64—90).
А. Погодин	Несколько слов о куронах, l. c. III 57[1–2].

Sonstige Abkürzungen[1]:

(B)LSpr. =	A. Bielenstein Die lettische Sprache.
BzprL =	A. Bezzenberger Über die Sprache der preußischen Letten.
BW =	K. Barons und H. Wissendorffs Latwju dainas.
Mag. =	Magazin, herausgegeben von der Lettisch-literärischen Gesellschaft.
U =	C. Chr. Ulmann Lettisches Wörterbuch.
Изв. =	Известия Отделения русского языка и словесности Импер. Академии наук.
Fln. =	Flußname; On. = Ortsname; Pn. = Personenname.

Nach Watsons Versuch, die Identität der Kuren mit den Letten nachzuweisen, sind Wiedemann, Bielenstein und Trusman bemüht gewesen, die Kuren als identisch mit den Liven zu erweisen. Und es scheint, daß ihre Ansicht jetzt vorherrscht, denn bisher hat ihr, soviel ich weiß, nur Pogodin, und auch nur teilweise, widersprochen. Er gibt nämlich Bielenstein zu, daß die Bevölkerung der vier südlichen Landschaften im alten Kurenlande (Duvzare, Ceclis, Megowe und Pilsa-
60 ten) // von der Bevölkerung der vier nördlichen Landschaften

[1] [Pirmpublicējumā visi lietvārdi iespiesti ar mazajiem sākuma burtiem. — Red.]

ethnologisch verschieden gewesen ist (scheint also auch der Ansicht zu sein, daß die Kuren in Vredecuronia, Winda, Bandowe und Bihavelanc Liven gewesen sind), meint aber, daß die Bevölkerung der vier südlichen Landschaften nicht žemaitisch, sondern ein «besonderer litauischer Stamm» gewesen ist, der sich später den Litauern und Letten assimiliert hätte und der vielleicht unter den Kuronen in Kleins Litauischer Grammatik (v. Jahre 1653) zu verstehen sei. Nach meiner Ansicht dagegen sind die Kuren im ganzen Kurenlande keine Liven, aber auch weder Litauer noch Letten gewesen, sondern ein baltischer Stamm, der einen Übergangsdialekt zwischen dem Lettischen und Litauischen gesprochen hat und nachher sich den Letten und Litauern assimiliert hat. Diese Ansicht habe ich zuerst in der lettischen Zeitung Dsimtenes Wehstnesis (1911, Nr. 43)[2] geäußert und kurz motiviert. Daraufhin hat Herr K. Būga, mir hierin beistimmend, mir weiteres Material zur Frage freundlichst zugeschickt, wofür ich ihm sehr dankbar bin, und mir geraten, diese Frage noch eingehender zu bearbeiten und die Resultate auch weiteren Kreisen zugänglich zu machen. Das will ich denn nun an dieser Stelle tun, wobei die Zusammenstellungen, die ich Herrn K. Būga verdanke, weiter unten im Text mit B. bezeichnet werden. Da mir sehr viel daran gelegen ist, mein positives Material möglichst vollständig zu geben, so muß ich hier aus Zeit- und Raummangel darauf verzichten, die abweichenden Ansichten ausführlich zu widerlegen, und will nur das anführen, was mich zu meiner Annahme bewogen hat. Nachher kann ja ein jeder leicht nachprüfen, wessen Ansicht wahrscheinlicher ist.

Bis zum XV. Jahrhundert nennen unsere Quellen nur «Kuren» als Bevölkerung des Kurenlandes. Nun hat aber Bielenstein nachgewiesen, daß schon im XIII. Jahrhundert im Kurenland Balten[3] neben Finnen (= Liven) gehaust haben. Daraus scheint nun zu folgen, daß man alle Bewohner des Kurenlandes (Balten und Finnen) «Kuren» genannt hat, denn es wäre doch recht sonderbar, wenn beständig nur der eine Stamm erwähnt wäre. Zugunsten dieser geographischen Bedeutung des // Kurennamens ließen sich vielleicht die 61
urkundlich überlieferten Personennamen der «Kuren» anführen, die teils finnisch, teils baltisch sind, vgl. BGr. 287 ff. und

[2] [Rakstā «Ventas vārds un kūru tautība». Šai izdevumā skat. II 358 sk. — Red.]

[3] Bielenstein selbst sagt unvorsichtig: Letten.

444 und Trusman l. c. 74 ff.[4] Aber einen ganz sicheren Beweis liefern sie nicht, denn man muß mit der Möglichkeit rechnen, daß die Liven sich Personennamen ihrer baltischen Nachbarn angeeignet haben. Jedenfalls ist eine geographische Bedeutung des Kurennamens nicht undenkbar, sondern verständlich, wenn man erwägt, daß im Kurenlande Balten mit Liven gemischt gelebt haben (vgl. BGr. 324 und 333) und politisch also als eine Einheit betrachtet werden konnten, und wenn die Liven erst später (als Balten) in das Land eingedrungen sind, das schon nach dem Namen der baltischen Kuren benannt war; endlich muß auch in Betracht gezogen werden, daß die livischen Einwanderer damals vielleicht ebensowenig einen eigenen Volksnamen gehabt haben wie jetzt, vgl. Wiedemann l. c. XIX.

Daß aber ursprünglich der Kurenname nicht Finnen, sondern Balten bezeichnet hat, dafür scheinen mir folgende Erwägungen zu sprechen. Nach den historischen Zeugnissen des XIII. Jahrhunderts umfaßte das Kurenland nicht bloß den westlichen Teil des jetzigen kurländischen Gouvernements, sondern auch den nordwestlichen Teil des Gouvernements Kowno und sogar einen Teil des jetzigen Preußen, vgl. BGr. 175 ff. Und daß dieser südliche, jetzt von litauisch sprechender Bevölkerung bewohnte Teil nicht nur politisch oder geographisch zum alten Kurenlande gehörte, sondern wirklich wenigstens teilweise von Kuren bewohnt war, dafür sprechen folgende Ortsnamen aus jener Gegend: *Groß-*[5] und *Klein-Kurschen, Kurschen-Andres, Kurschlauken* (im Kreis Memel), *Steponkuhren* (im Kreis Heidekrug) BGr. 377, vgl. auch *Grenz-Kuhren, Neu-Kuhren, Groß-* und *Klein-Kuhren* (an der Nordküste des Samlandes) und *Korschellen*[6] (im Kreis Heiligenbeil) und *Korschen*[6] (im Kreis Rastenburg) BGr. 380, ferner *Kurszaite, Kurszany* (lit.
62 *Kuršėnai*), // *Kursze, Kurszi* (lit. *Kuršiai,* im Kreis Telsz) BGr. 385. Daneben vorkommende Ortsnamen wie *Latvēliai* (auch im Telszschen Kreis) scheinen dafür zu sprechen, daß die Žemaiten Kuren von Letten (wie auch von sich) unterschieden.

---

[4] Trusmans Abhandlung ist allerdings mit der größten Vorsicht zu benutzen, da er zuweilen echt baltische Namen für finnisch ausgibt, was übrigens mitunter auch Bielenstein passiert.

[5] [Pirmpublicējumā kursīva nav, bet daļa valodas materiāla (parasti tas, kas zināms ne tikai no rakstu avotiem) ir trekninātā iespiedumā. Te trekninājums piemēru vārdiem aizstāts ar retinājumu. — Red.]

[6] *ŏ* aus *ŭ* findet man in der Sprache derjenigen Litauer, die jetzt den südlichen Teil des alten Kurenlandes bewohnen.

Diese Ortsnamen stammen natürlich aus einer Zeit, wo neben Kuren Litauer wohnten. Für die ehemalige Existenz der Kuren in jenen Gegenden gibt es noch folgende Zeugnisse: Rimberts «Vita Ansgarii» (aus dem Ende des IX. Jahrhunderts) berichtet von einem Kriegszug der Schweden gegen die Kuren in Apulia (= žem. *Apǒulė* bei Schoden), und in einer Urkunde aus dem Anfang des XV. Jahrhunderts (bei Wiedemann l. c. XLVIII) werden Kuren erwähnt, die der Komtur von Memel als Briefboten nach Windau benutzt, die also wohl in der Nähe von Memel ansässig waren, vgl. auch die Stelle aus der Reimchronik BGr. 378[1]. Nun findet man aber finnische Elemente weder in den Ortsnamen noch in der Sprache der jetzigen Litauer jener Gegenden und «in kaum nennenswerter Zahl» nördlich davon — im Südwesten Kurlands, vgl. BGr. 316. Bielenstein hält daher die südlichen Kuren für Letten, indem er meint, daß der Kurenname «schon sehr früh von den finnischen Kuren am Strande auf die weiter im Binnenlande sitzenden Letten durch die seefahrenden und noch nicht über die Ethnologie reflectierenden Germanen übertragen wurde» (Gr. 330). Im Munde der Germanen ist eine solche falsche Ausdrucksweise allenfalls denkbar; aber die Zemaiten, die die Dörfer ihrer baltischen Nachbarn *Kuršėnai* oder *Kuršiai* nannten, mußten und konnten doch wohl wissen, ob sie es mit Finnen oder Balten zu tun hatten.

Nun meint Bielenstein freilich, daß der Kurenname von den finnischen «Eroberern» auf die «besiegten Letten» übertragen sei (l. c. 330). Man kann allenfalls zugeben, daß die kurländischen Liven sich ihre Sitze in Dondangen und im Gebiet der untern Windau erkämpft haben; aber daß sie sich jemals das ganze alte Kurenland (bis nach Memel hin) unterworfen hätten, dafür finde ich in der historischen Überlieferung gar keinen Anhaltspunkt. Eine so abenteuerliche Annahme wäre nur in dem Falle erlaubt, wenn man ein Zeugnis dafür hätte, daß der Kurenname ursprünglich von einem finnischen Stamm geführt worden ist. Ein solches Zeugnis finde ich aber nirgends; wohl aber gibt es direkte Zeugnisse dafür, daß die Ku-//ren keine Finnen, aber auch weder Letten noch Litauer, 63
sondern ein zwischen diesen stehender Baltenstamm waren.

Schon Watson hat darauf hingewiesen, daß nach einer Urkunde v. J. 1338 ein Bach in der Hasenpotschen Gegend «up Cursch» *Agmennewalke* hieß, also unverkennbar einen baltischen Namen führte (vgl. BGr. 298 f.); unter «kurisch» ist hier demnach ein baltischer Dialekt gemeint.

Ferner berichtet der Reisende G. de Lannoy, daß er auf einer Reise im Jahre 1413 zwischen Libau und Riga (über Grobin, Goldingen und Kandau) Dörfer der Semgallen (= Letten), Kuren und Liven passiert hätte, «lesquels ont chascum ung langaige a par eulz» (bei Wiedemann l. c. XLVIII). Hier werden also Kuren von Liven und Letten ausdrücklich geschieden. Weiterhin sagt der Chronist Balthasar Rüssow i. J. 1577, daß die «Völker» Kurlands der kurischen und livischen Sprache «gebruken», l. c. XLVIII. Endlich hat man eine Nachricht von M. Brandis (vom J. 1600): «das Kurländische Fürstenthum hat unter den Bauern eine eigene Sprache, die doch etlichermaassen der lettischen sich vergleichet» (daneben wird darauf die livische Sprache in Kurland erwähnt), l. c. XLIX. Danach war das Kurische mit dem Lettischen verwandt, aber nicht identisch. Nach den Angaben des A. Bureus (v. J. 1631), I. Scott (v. J. 1639) und P. Einhorn (v. J. 1649) aber sprachen die Kuren schon lettisch (vgl. l. c. XLIX), d. h. zu der Zeit hatten sich die Kuren den Letten (und im Süden den Litauern) schon assimiliert[7]. Noch jetzt aber nennen sich die lettisierten Kuren der Nehrung *kursinieki* (BzprL 135) und werden von den Litauern *kuršiai* genannt.

Die erhaltenen Ortsnamen und die lettischen und litauischen Dialekte bieten uns auch die Möglichkeit, die Sprache der Kuren noch näher zu charakterisieren. Mit dem Lettischen hatte das Kurische den Wandel von *k', g'* zu *c, dz* und *s, z* für lit. *š, ž* gemein, mit dem Litauischen dagegen die Erhaltung von tautosyllabischem *an, en, in, un* (> lett. *uo, ie, ī, ū*). Auch hatte das Kurische gleich Mundarten des Žemaitischen in
64 Flexions-//silben[8] *t', d'* aus *tj, dj* (> lit. *č, dž,* lett. *š, ž*). *s, z* (für lit. *š, ž*) hat man in folgenden Namen: *Avese* On. BGr. 226 : lit. *Avìžiai* On. unter Dusetos B.; *Birsegalwe* On. 222 und *Birsine* On. 236, vgl. lit. *biržỹs* «Birkenhain»; *Grese* On. 236, lett. jetzt *Grìeze*; *Sakka* On. 218, vgl. 282 : lit. *šakà* «Ast»; *Sventaja* (oder *Sventāja*?) Fln. 380[3] und *Svente* On. in der Nähe dieses Flusses : lit. *šveñtas* «heilig»; *Talsen* On. 187 (jetzt lett. *Talsi*) und *Telse*[9] On. 224 : lit.

[7] Im südlichen Teil scheinen sich kurische Sprachelemente länger gehalten zu haben: nach Prätorius (etwa 1680) sagten die Preußen *wirdas,* die Litauer — *wardas,* die Kuren aber — *werdas* (vgl. dagegen lett. *vàrds*), BzprL 139.

[8] Vgl. dazu meine Славяно-балтийские этюды 65 [šai izdevumā II 226. — Red.].

[9] Jetzt lett. *Tāši* (d. *Telssen*); wenn der lettische Name mit dem urkundlichen *Telse* zusammenhängt, wird er wohl zunächst auf **Tālši*

Telšiai On.; *Saggara* On. 197 : *Жагары* On. in Litauen; *Sarde* On. 252, vgl. 376 : lit. *Žardė; Sare* On. 241 : lit. *Žarėnai* On.; *Pewenseme* On. 213, *Kalnesemme* On. 236, *Zekulmseme* On. 238, *Leypiaseme* On. 241 : lit. *žẽmė* «Erde»; *Zentene* On. im Talsenschen Kreis : lit. *žéntas* «Schwiegersohn» (mir ist ein lettischer Familienname *Zeñtelis* bekannt).

Für *c, dz* aus *k', g'* gibt es folgende Beispiele: *Asen, Adze* On. 207 (jetzt lett. *Adze*; vgl. d. *Adsel*, On. in Livland); *Cersangere* On. 183 (wohl *Cẽrsangure* zu lesen, vgl. lett. *Ķ̃ñgure*); *Cervicalle* On. 195 (lett. jetzt *Cierkale*); *Zerenden*[10] On. 205 (jetzt *Cerende*), vgl. *Cęraukste* On. in Kurland und den lit. On. *Kerẽžiai* B. und betreffs des Suffixes On. wie *Īvande; Zilden* On. 211 (jetzt *Cilde*); *Cīrava* On. im Hasenpotschen Kr.; *Darzeppeln* On. 279 u. 377 : lett. *ceplis* «Ofen»; *Cuncе* On. im Talsenschen Kr. : žem. *kiuñkė* «geschmorte abgeschabte Kartoffeln» B.; *Zegere* On. 239 : lit. *Gegrėnai*; *Celde* On. 203 und *Zelde* 221 (jetzt *Dzelde*); *Dzerbiten* On. 208, vgl. *Dzèrbene* in Livland; *Zērwe, Serwe* On. 222 (jetzt *Dzērve*); *Sintere* On. 218 (jetzt *Dzintere*); *Sirien* On. 196 (jetzt *Dzire* oder *Zire*, vgl. l. c. 284); *Eze* On. // 209 (jetzt *Ēdze*[11]); (lit.) *Gáicė* On. 279 und 377; *Grendze* On. im Tuckumschen Kr.; *Ylse*[12] On. 220 (deutsch: *Ilgen*, das wohl auf eine litauische Form zurückgeht); *Ladze* On. 186; *Laydze* On. 195; *Lanze* On. 198 (jetzt *Landze* : lit. *Langẽliai* On. unter Dusetos B.); *Medze*[13] 65

zurückgehen. Dies aber erinnert an das westkurl. *gâla* (für sonstiges *galva* «Kopf»), das wohl auch ein **gâlva* voraussetzt. Vielleicht hat also im Kurischen der Akut ebenso eine Dehnung der Vokale vor tautosyllabischem *l* bedingt wie im Litauischen. Vor tautosyllabischem *r* findet man noch jetzt im westkurländischen Dialekt regelmäßige Dehnung aller Vokale (ohne Unterschied der Intonation), wobei *i* und *u* über *ī, ū* (> i^e, $ū^o$) weiter zu *ie, uo* geworden sind.

[10] Das daneben bezeugte *Scherenden* bedeutet wohl *Šķerende*; das Kurische hätte dann gleich dem Lettischen *ķ* nach einem Zischlaut bewahrt.

[11] [= *Edzes* z Īvandē Lvv. I 1, 294? — Red.]

[12] In den Formen *Asen, Serwe, Sintere, Sirien* und *Ylse* kann *s* vielleicht *dz* bedeuten, vielleicht aber auch *z*: im Lettischen, besonders in Westkurland und zumal im Dialekt der preußischen Letten («Kuren»), findet man *z* für *dz*, vgl. BB XXIX 183 ff. [šai izdevumā I 294 skk. — Red.] und die Angabe des Prätorius, daß die Kuren *mes sirdime* («wir hören») sagten, BzprL 139. Es scheint demnach in einem Teil der altkurischen Mundarten *dz* zu *z* geworden zu sein.

[13] Bielenstein hält es l. c. 307[1] (wie auch *Cerende*) für livisch; aber sichere Beispiele für *c, dz* aus *k', g'* in Lehnwörtern aus den finnischen Sprachen gibt es nicht.

On. 224, vgl. *Megowe* On. 245 und lit. *Megótas* Fln. im Kownoschen Kr. B.; *Nīca* On. bei Libau (Etymologie bei Prellwitz Etym. Wrtb.[2] 306 u. 308); *Pretzele* On. 230; *Pretzitwe* On. 241 (vgl. den On. *Priêkule*); *Radze* On. 216 (vgl. lett. *radzes* «Kalksteine»); *Rutzowe* On. 231 (jetzt *Rucava* = žem. *Rùkiava*); *Swencele* On. 377; («de beke») *Sentatze*[14] Fln. 452 («dar komt twe beken tosamende»), vgl. žem. *santakỹs* B.; *Vandzene* On. im Talsenschen Kr., vgl. weiter unten On. auf *-vanga*.

Nun findet man aber in Westkurland auch einige On. auf *-ķi*: *Apriķi, Jamaiķi, Lipaiķi, Struoķi, Tadaiķi, Usaiķi, Valtaiķi*. Da die übrigen On. Übergang von *k* zu *c* aufweisen, ist dieses *-aiķi* nicht mit lit. *-eikia-* zu vergleichen (für das Būga Lietuvių tauta I 82 ff. Belege gibt). Aufklärung über das *ķ* geben die älteren urkundlichen Formen dieser Namen, die für *ķ* noch *t* aufweisen: *Appreten* BGr. 223, *Jameiten* 205, *Lippayten* 206, *Strutte* 224, *Todayten* 220, *Unseten* 220, *Walteyten* 205 (zum baltischen Suffix *-aitja-* vgl. Leskien Nom. 574). Wenn man bedenkt, daß lett. *ķ, ģ* als stark erweichte *t', d'* gesprochen werden (daher denn auch russ. *t', d'* in Lehnwörtern durch lett. *ķ, ģ* wiedergegeben werden, vgl. BB XXIX 187 f.[15]) und daß auch das Žemaitische (dem sich die südlichen Kuren assimiliert haben) in Flexionssilben *t', d'* aus *tj, dj* aufweist, so wird man daraus den Schluß ziehen, daß in jenen Ortsnamen das jetzige *ķ* altkurisches *t'* aus *tj* ver-
66 tritt. // Man wird nun auch einige lettische Formen mit *ķ (ģ)* für *t (d)* als Lehnwörter aus dem Kurischen betrachten dürfen, so *kaķis*[16] «Katze» (vgl. lit. *katė*), *pupuķis* neben *puputis*[17] «Wiedehopf» (= lit. *pupùtis* bei Leskien l. c. 577) und vielleicht *suiķis* und *Pluģi* bei Bielenstein LSpr. I 182 (über *sùoģis* und *skàuģis* dagegen vgl. BB XXIX 188[4 18]).

Die Bewahrung von tautosyllabischem *n* bezeugen (außer Formen, die schon oben unter den Beispielen für *s, z* aus *š, ž* und *c, dz* aus *k', g'* angeführt sind) folgende Namen: (d.) *Balanden* On. (in der Nähe von Alschwangen) : lit. *Balañdžiai* On. (bei Tauroggen) B., zu lett. *baluôdis*, lit.

---

[14] *sen, sen-* ist auch apreuß., lett. dagegen *suo-* aus **san-*.

[15] [Šai izdevumā I 299. — Red.]

[16] Ursprünglich wird man dekliniert haben: nom. s. **katis*, gen. s. *kaķa* usw., vgl. BB XXIX 189 [šai izdevumā I 300 sk. — Red.].

[17] Daneben allerdings auch ein synonymes *pupucis* Etn. I 6.

[18] [Šai izdevumā I 300[21]. — Red.]

balañdis «Taube»; *Bandowe* On. BGr. 200 : pr. *Banditten* On. und *Bandeke* Pn. bei Nesselmann Thes. 15, B.; *Bentepürge* On. 452; *Blendene* On. (bei Hasenpot) : *Блендзянка* Fln. im Gouvern. Suvalki, zu lit. *blendìs* «Saalweide» (z. B.: An. 78 und Būga Aist. St. I 110), vgl. daneben lett. *Blìdiene* On. : lit. *Blindãjus* Fln. zu *blindìs* «Weidenstrauch» B.; *Blintene* On. bei Alschwangen; *Donedange*[19] On. 188, *Kazdanga* On. (im Hasenpotschen Kr.), *Uordanga* On. (im Grobinschen Kr.), *Stakaldanga* On. bei Hasenpot zu westkurl. *danga* «Ecke» (BLSpr. I 144); *Goldingen* On. 305, vgl. lit. On. *Kretingà, Nedingà, Gandingà* B. (die altkurische Form mit *n* ist jetzt durch das lettische *Kuldiga* verdrängt); «de brugge» *Grynde* 452 : lett. *grìda* «Diele», lit. *grindìs* «Dielenbrett»; *Ywande* On. 209 (jetzt *Ivande*) : pr. *Yvanthi*, rivus (Nesselmann l. c. 58), *Ywaide* Fln. in Sudauen (Scr. rer. Pruss. II 684) B.; *Candowe* (jetzt *Kañdava*) On. 185 und (d.) *Kandeln* On. (im Hasenpotschen Kr.) : pr. *Canden* On. (Nesselmann l. c. 64) B.; *Krunkle* On. 452, vielleicht zu lett. *krũkle(ne)s* «Viburnum opulus»; *Lancseden* On. 199 und *Karilanken* On. 210 zu *laña* «feuchte Wiese» Ringen, Neuenburg, BW 655 (aus Kabillen), lit. *lankà* «Tal»; *Lindale* On. 221 : pr. acc. s. *lindan* «Tal», *Linde-lauwken* On. und *Linden-medie*, nemus (Nesselmann l. c. 94) B.; *Minte* Pn. 290 : // jatv. *Минтела* Pn. (Полн. собр. русск. лет. II² 870) B.; *Nīgrande* On. (im Hasenpotschen Kr.), vgl. hinsichtlich des Suffixes *Balanden, Ywande, Zerenden* und lit. *Girvandis* Pn. (neben *Girvės kalns* On.), *Gilandžiai* On., *Kruvandai* On., *skilándis* «Wurstmagen» u. a. B.; *Otange* Fln. 226; *Palange* On. 246 und (d.) *Polangen* On. (in der Nähe von Katzdangen); *Pundiken* und *Papundiken* On. 446 nebst *Pundere* On. (im Tuckumschen Kr.); *Scrunden* On. 206 (jetzt *Skruñda*, an der Mündung eines Nebenflusses der Windau) : apr. *scrundos* «Schere»; *Stembre* On. 450 : lit. *stembrỹs* oder *stẽmbras*, lett. *stiebrs* «Stengel»; *Pastenden* On. 187 und *Steñde* On. und Fln. bei Talssen; *Wanderen* On. 233 : *lit. vanduõ*, as. *watar* «Wasser» B.; *Aliswangis*[20], *Alswanghen*[21] On. 206, *Ewangen* On. 219, vgl. oben 67

[19] Im jetzigen *Dundanga* ist *u* lautgesetzlich aus älterem *uo* entstanden.

[20] Wegen des *i* vgl. lit. *alisknis* bei Szyrwid oder *alìksnis* «Erle» in Dusetos, B.

[21] Jetzt *Alšvanga*, wohl aus **Alšn̥-(u)-vanga* mit *šn̥* aus *snj*. [Tagad *Alsunga*. — Red.]

Vandzene[22] und BGr. 284 (auch lit. *vanga* «Acker» bei Bezzenberger BGLS 337); *Vense* (jetzt *Vęnzava*) On. 195 und 198 : *Winse,* silva in Sudauen (Nesselmann l. c. 206) B.; *Vęñta* Fln., vermutlich von der gleichen Wurzel wie lit. *Veñčia-rãgas* On. (bei Bezzenberger Lit. Forsch. 12 und 196) und *Wentainen* On. BzprL 139[1] (= lit. **Ventáiniai*), weshalb Bielensteins Ableitung Gr. 193 von liv. *vent* «dehnen» (vgl. übrigens auch 201[1] und 477) ganz unwahrscheinlich ist, zumal der Wurzelbegriff von liv. *vent* für einen Fln. ganz ungeeignet ist. Im Hinblick auf Fln. wie lett. *Liẽl-upe* und r. *Великая* deute ich *Vęñta*[23] als die
68 «Große», indem ich es als // einen altkurischen Namen zu aksl. *vęštii* «maior» stelle. — Man beachte namentlich die Formen *Svente, Zentene, Cersangere, Cerende, Cunce, Dzintere, Grendze, Landze, Sentatze* und *Vandzene,* die neben *n* zugleich *s, z* (aus *š, ž*) resp. *c, dz* (aus *k', g'*) aufweisen, also weder lettisch noch litauisch sein können. Nun findet man auch jetzt noch im Lettischen ausnahmsweise Wörter mit *an, en, un, in* (statt *uo, ie, ū, i*), vgl. eine unvollständige Liste derselben BLSpr. I 144 ff. Leider ist zurzeit die geographische Verbreitung der einzelnen Beispiele für *n* nur zum Teil ermittelt. Aber bei einer Durchmusterung des Ulmannschen Wörterbuches findet man, daß von denjenigen Beispielen, deren Fundort angegeben ist, der größte Teil auf Westkurland entfällt. Und dazu stimmen meine eigenen Beob-

[22] Herr Būga macht mich auf *Vangalnieši* BW 9762, 1 und 10967 var. (aus Dondangen) aufmerksam; nun ist mir ein entsprechender Gutsname unbekannt, so daß *Vangalnieši* sein erstes *n* vielleicht durch Dissimilation aus *l* hat und die Leute von *Valgāle* (d. *Waldegahlen*) bedeutet.

[23] Von der *Vęñta* hatten wohl ihren Namen die kurischen *Wenden* der Chronik Heinrichs (vgl. BGr. 334 ff.), wie denn heute noch die Anwohner der untern Windau *veñtiņi* genannt werden. Nur waren diese Wenden keine Letten, wie man gemeint hat, sondern (baltische) Kuren. Darauf deutet allem Anschein nach noch der On. *Cursicule* BGr. 55 (jetzt *Kursešnieku* pagasts in Kremon). Als nämlich die Wenden, aus der Gegend des nachmaligen Riga vertrieben, zu den Letten in Mittellivland zogen,
68 kann unterwegs // ein Teil von ihnen in Kremon zurückgeblieben und ihre Ansiedelung von den benachbarten Liven *Cursicule* benannt worden sein. Unter den *Curones* des Chronisten aber, von denen die Wenden von der Dünamündung (und vordem von der Windaumündung) verjagt seien, sind offenbar die kurländischen Liven zu verstehen. Es sei noch erwähnt, daß in der Nähe von Wenden, wo sich die Wenden niedergelassen haben, ein paar Ortsnamen an kurische On. erinnern: *Inte,* vgl. *Inta-muiža* bei Durben (man beachte das kurische *n*!), und *Priêkule,* vgl. *Priêkule* im Grobinschen Kr. und lit. *Priekulė* bei Memel.

achtungen und BW. Nach allen diesen Quellen führe ich hier folgende Beispiele aus Westkurland an[24]: *bazninca* «Kirche» in Samiten (Bezzenberger Lett. Di.-St. 157) und Zirau (Mag. VIII 88, Nr. 1125), vgl. lit. *bažnìnče* bei Bezzenberger BB IX 333 (das *n* in diesem Lehnwort muß allerdings unursprünglich sein); *blankstîtiês* «auf die Seite gehen» BW 21205 (aus Zirau), vgl. auch U (vermutlich identisch mit *planstities* U = *blàndîties*); *blenst* «sehen, schauen» in Niederbartau (BLSpr. I 144), Rawen (BW 22249) und Preekuln; *blezdelinga* «Mauerschwalbe» BzprL 144 oder *bezdelinga* (Austrums X 1, 130); *apbruncẽts* «zerkoddert» in Essern U (zur Etymologie s. v. d. Osten-Sacken KZ XLIV 44); *buñdals* «hölzerne Butterdose» in Suhrs oder *bundulis* in Samiten U und *buñduls* in Neuenburg; *cẹntrs*[25] in Sasmacken BW 12314 Var.; *dancis* // «Krummholz» in Essern U (vermutlich von der gleichen Wurzel wie *dandzis* «Radfelge», bei U ohne Ortsangabe, und urslav. **dǫga* «Bogen, Krummholz»); *danga* «Ecke» in Nordwestkurland BLSpr. I 144, Alschwangen BW 16787, 16876 und 21130, Zirau Mag. VIII Nr. 1338, Katzdangen BW 21631 und BzprL 145 und *gaṛas dangas vējš* «Südwestwind» in Niederbartau U; *dẹnkts* «stark» in Oberbartau U (dazu *dencis* «ein kleiner, derber Junge» bei U ohne Ortsangabe); *dẹnkuoties* in Dondangen BW 10071, 3; *duncis* «Dolch» im Abaugebiet BB XVII 285; *dzindzinât* «summen» in Zirau U; *(d)zintele* «eiserne Klammer» im Abaugebiet BB XVII 285; *ieganst*s «Ursache» in Dondangen (Bezzenberger Lett. Di.-St. 170); II prs. s. imper. *glendi* «besieh» in Zirau BW 27409, 1 Var. : urslav. **ględěti; grundulis* in Kabillen Mag. VIII Nr. 549; *jentere* «des Mannesbruders Frau» in Angermünde U; *kancinât* «ausforschen» in Nordwestkurland BLSpr. I 145; gen. pl. *kankaļu* in Niederbartau Mag. VIII Nr. 1463; *apklencêt* «herumhumpeln um etw.» in Kabillen l. c. Nr. 1877 (vgl. übrigens Изв. XV 2, 204[26]); *krantas* «Vorsprünge der Dünen» BzprL 151; *lañka* s. oben; *lendze* «Knoten, Schleife» BzprL 152; *lenkt* «nachspüren» in Schrunden BW 607, Alschwangen BW 11985 und 12785, Angermünde BW 23566, 4; *lente* «Brett» im Tahmischen U; 69

[24] Einige Formen mit *n* vor *k, c, g, dz* könnten übrigens ihr *n* aus *m* haben (vgl. Изв. XV 2, 203 f. [šai izdevumā II 148 skk. — Red.]) und in dem Fall auch echt lettisch sein.

[25] Die Varianten dafür bieten *dzędrs* «barsch».

[26] [Šai izdevumā II 150. — Red.]

at-linguot in Alschwangen BW 23547; *linkaja* «langes Weiberkopftuch» in Pussen U; *luñk* aus **luñka* «Bucht» in Felixberg; *mañguot*[27] «betteln, zu erhalten suchen» in Samiten U und in Neuenburg; *mę̃nca* «Dorsch» in Zirau BW 18450 oder *mencis* in Niederbartau BW 30810 : lit. *menkė; mencis* «ein Mensch, dem sich nichts fördert» in Kursiten U; *minstît̂ies* «nachdenken, um sich zu erinnern» in Pussen U (vgl. übrigens Изв. XV 2, 209[28] und *minstinât* in Doblen BW 14590); acc. s. *pañtu* «Glied» in Leitišnieki und *pañts* «ein gewisser Bestandteil des Pfluges» in Sackenhausen; *planda* BW 23583 (aus Alschwangen, Rawen, Goldingen und Windau); *plandît̂ies* «sich breit machen» in Zirau Mag. VIII Nr. 1338 und 1386; *planki* in Erwahlen, s. U; *rankaiņš* in Kabillen BW 25794; *randêt* «(einen Baum) fällen oder in Klötze zerhauen» in Don-//dangen (Bezzenberger Lett. Di.-St. 174); *rantêt* in Dondangen oder *renst* in Popen «(einen Klotz vom Stamm) abhauen» (Bezzenberger l. c. 174), vgl. lett. *ruotît* in Sauken U und lit. *rantýti, rę̃sti; rindât* BW 16518 (aus Windau, Rothof, Wirginahlen, Rawen); *ringât* in Alschwangen BW 15642; *sklañdas* «Stangenzaun» in Klein-Gramsden, Grösen und BW 19788 (aus Rawen); *nuoskrendis* in Alt-Seeksahten BW 19071; *skundêt* «sich beklagen» in Samiten U; *saspranga* «Schnur» in Pussen und Erwahlen U; acc. s. *sundu* in Schleck Mag. VIII Nr. 795; *šķiñdêt* «klingen» in Wirginahlen, Suhrs, BW 11782, 1 (aus Dubenalken), Goldingen (Mag. VIII Nr. 869, 968), Zirau l. c. Nr. 1097 und 1110, Kabillen l. c. Nr. 1913; *šķiñdzinât* in Anzen oder *šķiñdinât* «klingeln» in Pussen U; *vandît* «(Heu) umwenden» in Lippaiken; *vingrums* = *aûgums* «Wuchs» in Hasenpot U; *vinkaļât* «die Zeit vertrödeln» in Edwahlen U; *vinstêties* «ringen» in Samiten U. Dann gibt es noch Formen mit *n*, für die U ganz unbestimmt Kurland als Fundort angibt, so z. B. *lanktes* «Haspel», *cenceres* «Beine» u. a. Auch unter diesen Gattungsnamen also findet man sehr charakteristische Formen mit erhaltenem *n* neben *c, dz.* Изв. XV 2, 207 und 212 f.[29], als ich mich mit den kurischen Sprachresten noch nicht befaßt hatte, glaubte ich, daß die

---

[27] Vielleicht entlehnt aus as. *mangôn* «handeln» (aus lat. *mangō* «Händler») und dann hier nicht in Betracht kommend.

[28] [Sai izdevumā II 154. — Red.]

[29] [Sai izdevumā II 152 un 156 sk. — Red.]

lettische Vokalisation von tautosyllabischem *n* vor dem Übergang des *k', g'* zu *c, dz* stattgefunden habe, indem ich angesichts der litauischen Behandlung des *n* vor Spiranten im Anschluß an Poržezinskij (cf. l. c. 207[30]) annahm, daß die Anfänge der Vokalisation von *n* schon in der lettisch-litauischen Ursprache zu suchen seien. Diese Ansicht scheint mir jetzt unhaltbar zu sein. Erstens sind die Vorgänge in beiden Sprachen bekanntlich durchaus nicht parallel, da im Lettischen *n* vor allen Konsonanten in gleicher Weise vokalisiert ist. Und kurische Formen wie *Vęnzava, ieganst s, vinstêties* zeigen, daß im Kurischen das *n* auch vor Spiranten erhalten war. Endlich ist Poržezinskijs Ansicht mit chronologischen Schwierigkeiten verbunden. Für den lettischen Wandel von *k', g'* zu *c, dz* kennen wir nur den terminus ante quem: wie urkundlich überlieferte Ortsnamen zeigen (vgl. BGr. 92 ff.), war dieser Wandel im Anfang des XIII. Jahrh. (aus dem die ältesten Urkunden mit lettischen Namen stammen) bereits vollzogen, und für *c, dz* aus *k', g'* in lettischen Lehnwörtern aus // den germanischen und finnischen Sprachen 71
kenne ich wenigstens keine sicheren Beispiele. Auch die Vokalisation des *n* war im Lettischen im Anfang des XIII. Jahrh. schon abgeschlossen, vgl. z. B. den Flußnamen *Wogen* (BGr. 45; jetzt *Uogre*) : lit. *vìngis* «Krümmung» B. Hier aber kennen wir auch den terminus post quem: lett. *mũks* «Mönch» kann doch wohl (gleich estn. *muṅk*) nur auf ein entlehntes **munkas* zurückgeführt werden (aus ahd. *munih* kann ein as. **munik* erschlossen werden, das sein *i* verloren haben kann). Mönche aber können wohl höchstens ein paar Jahrhunderte vor der Ankunft Meinharts (im XII. Jahrh.) zu den Letten gelangt sein. Es ist demnach wohl richtiger, die Vokalisation des *n* für später zu halten als den Wandel von *k', g'* zu *c, dz*. Bei dieser Annahme wird auch das wohl aus dem Litauischen entlehnte lett. *ģiedu* «merke» (vgl. Изв. XV 2, 213[31]) verständlicher. Die lettischen Formen aber mit tautosyllabischem *n* neben *c, dz* (wie z. B. *dziñtars* «Bernstein» neben echt lettischem *(d)zītars*[32]) wird man jetzt natürlicher als aus dem Kurischen stammend betrachten (mit

---

[30] [Sai izdevumā II 152. — Red.]

[31] [Sai izdevumā II 157. — Red.]

[32] Sehr instruktiv für dieses Wort ist BW 13282 mit seinen vielen Varianten (da findet man neben *dziñtars* auch *dzinteris*, vgl. meine Слблт. эт. 89 [šai izdevumā II 247[140]; skat. arī II 506. — Red.]).

Ausnahme der Fälle, wo *n* vor *k, g* aus *m* entstanden sein kann). Wenn es wahr ist, daß die Wenden, die sich in Livland ansiedelten, Kuren waren, so können auch einige der in Livland vorkommenden lettischen Formen mit erhaltenem *n* für kurisch gehalten werden.

Zum Schluß will ich noch einiges über den Namen der Kuren bemerken. Wir finden da zunächst Formen mit einem Zischlaut hinter *r*: lit. *kuršis* oder *kuršỹs* «Kure», abgeleitet (wie mir Herr Būga schreibt) von (žem.) *Kuršas* (so z. B. in Kvėdarna) oder *Kuršė* (im Wörterbuch des Miežinis) «Kurland»[33] (vgl. auch die oben p. 61—62 angeführten mit *kerš-* anlautenden On.) BGr. 55, lett. *Kursīši* On., *Kursa* BW 251, 6 oder *Kurse* l. c. 2560 Var. «Kurland», *Kursu* (resp. *Kuorsu,* mit westkurl. *uor* aus *ur*) *meîtas* BW 13242 Var. und 13988, 3 «der Kuren Mädchen», r. *корсь* (das *o* wohl aus *ъ* = *u*). Auch lett. *Kurzeme* «Kurland» kann auf
72 älteres **Kurszeme* oder auch // **Kuršu*)*-zeme* zurückgeführt werden. Daneben nun gibt es bekanntlich Formen ohne jeden Zischlaut hinter *r*: *Cori* (Vita Ansgarii), *Curones* (Heinrichs Chronik u. a.), *Corres* (G. de Lannoy), *Curetes* (Bureus und Scott) u. a. Das *o* in *Cori* und *Corres* dürfte am ehesten auf kurzes *u* zurückgehen, vgl. oben p. 61, und die frühere deutsche Form *Kohrländer* (BGr. 29) braucht dem nicht zu widersprechen, da *ohr* hier westkurl. *uor* (aus *ur*) vertreten kann. *Cori* und *Corres* scheinen demnach Kürze des *u* in *Curones* und *Curetes* zu bezeugen. Und ganz sichere Belege für eine Wurzelform *Kūr-* kenne ich nicht: in d. *Kurland, kurisch* und in den On. auf *-Kuhren* (oben p. 61) kann die Längung des *u* im Munde der Deutschen vollzogen sein[34]. Bielenstein Gr. 29 und 161 bezieht allerdings auf die Kuren einen lettischen Gesindenamen *Kūras,* aber diese Deutung kann nicht als ganz sicher gelten. Das Verhältnis nun der Wurzelform *Kur-* zu *Kurš-* ist mir nicht ganz klar (vgl. BGr. 462). Liv. *Kur-mā, Kur-mō* «Kurland» kann sein *Kur-* aus dem lett. *Kùr*[*s*]*-zeme* bezogen haben; daß aber

---

[33] Und zwar gilt der Name *Kuršas* oder *Kuršė* nur für Westkurland (das alte Kurenland) B.

[34] Das *û* der Reimchronik in *Kûrlant, Kûren* könnte kurisches *uo* (in *Kuorzeme*) resp. älteres *ū* (aus *u* vor *r* gelängt) wiedergeben. In der Form *Cawern* «Kuren» BGr. 385 scheint dann deutsche Diphthongierung des *ū* vorzuliegen. Est. *Kūramā* «Kurland» stammt wohl aus dem Deutschen.

auch das mittelalterliche *Cur-* so entstanden wäre, scheint mir unwahrscheinlich, weil damals doch bei den Balten daneben auch der Volksname mit deutlichem Zischlaut hinter *r* im Gebrauch war. *Kur-* aber von *Kurš-* ganz zu trennen und bloß die letztere Form den baltischen Kuren zuzuschreiben, in *Kur-* dagegen den Namen des kurländischen Finnenstammes zu sehen, scheint mir allzu gewagt. Eher ist *Kur-* aus finn. **Kurh-* (aus balt. *Kurš-*) entstanden, vgl. liv. und est. *tara* neben finn. *tarha* bei Thomsen FBB 166.

Chafkov.

PAR SENO KURSU (JEB KURŠU) TAUTĪBU UN VALODU

[1912 Druva V 623—633]

623 Mēs bijām duj māsiņas,
katra savā nuovadā:
viena bija Leišmalē,
uotra — Kursas maliņā.

BW[1] 251, 6.

Apkal' vienu vanadziņu,
tuo aizsūta Vāczemē;
vāczemnieki brīnuojās,
(ka) Kurses putni bruņas nes.

BW 2560 var. (Zlēkā).

Agri dzied(a) jūras gaiļi,
agri kāpu laiviņā;
vēl atradu korsu[2] meitas
vakarēju gulumiņu.

BW 13242 var. (no Alšvangas).

Rikšiem bēri es palaidu
gar dižaju sila malu;
vēl atradu korsu[2] meitas
vakarēju gulumiņu,

---

[1] Saīsinājumu nozīme: BW = Barona un Visendorfa Latvju dainas; BGr. = Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache; NTh. = Nesselmann, Thesaurus linguae prussicae; U = Ulmann, Lettisches Wörterbuch; Lett. Di.-St. = Bezzenberger, Lettische Dialekt-Studien; Mag. = Magazin, herausgegeben von der lettisch-literärischen Gesellschaft; BzprL = Bezzenberger, Über die Sprache der preussischen Letten; LP = Lerchis-Puškaitis, Latviešu tautas teikas un pasakas; BB = Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von Bezzenberger; Etn. = Dienas Lapas etnograf. pielikums.

[2] Te *o* ir jāizrunā kâ latviešu *o (-ua)*; Kurzemes rietumu izloksnēs un Vidzemes austrumos *ur* līdzskaņu priekšā pārvērties par *or (-uar)*. [Pirmpublicējumā arī piemēros divskanis *uo* apzīmēts ar (parastās rakstības) *o*. — Red.]

vakarēju gulumiņu,
vakar raustu uguntiņu.
BW 13988, 3 (no Cīravas).

Šais dziesmās atrodam zemes nosaukumu *Kursa* jeb *Kurse*, ar kuŗu saskan leišu *Kuršė*. Leiši tâ sauc tikai tagadējās Kurzemes guberņas rietumu daļu, t. i., Grobiņas, Aizputes, Kuldīgas, Ventspils un Talsu apriņķus. Tikai šie apriņķi, kâ zināms, piederēja pie senās Kurzemes; tagadējās Kurzemes guberņas vidieni turpretim senāk sauca par Zemgaliju. Gothards Ketlers, piem., saucās «Hertzog in Lieffland, zu Churland und Semigallien». Tas pats Kursas jeb Kurses vārds laikam atrodams nosaukumā *Kurzeme*, jo šī forma laikam cēlusies no *Kurs-//zeme*. No zemes vārda *Kuršė* leiši ir atvasinājuši tautas nosaukumu *kuršiai* (vienskaitlis: *kuršis*), kas latviski skanētu: *kurši* (vienskaitlis: *kursis*); bet savās tautasdziesmās tai vietā atrodam tikai (daudzskaitļa) formu *kursi* (vienskaitlis būtu: *kurss*). Šo pašu vārdu atrodam arī vietu nosaukumos: *Kursīši, Cursicule* («kuršu ciems») tagadējā Krimuldas draudzē BGr. 55, *Kuorsviši* (skanētu rakstu valodā: *Kursvieši*) Alūksnē, *Kurseši* (rakstu valodā: *Kursieši*) Skultē. Beidzamie nosaukumi, kuŗus min K. Mülenbachs Dzimt. Vēstneša 1912. g. Nr. 58, liecina, ka kurši ieceļojuši un nometušies arī Vidzemē. Līdzskani *s* pēc *r* atrodam arī senkrievu formā *корсь*: *o* te cēlies no vecāka *ъ*, kas savukārt cēlies no īsa *u*[3]. Citās valodās turpretim atrodam šai tautiņai vārdu bez *s* pēc *r*: *Cori*[4], *Corres*[4], *Curones, Curetes* (viduslaiku rakstos), vācu *Kuren*, lībiešu *Kur-mā* (= Kurzeme). Formas bez *s* laikam ir cēlušās no lībiešu valodas: somu valodās bija no baltu valodām patapinātam *Kurš-* (ko atrodam, piem., leišu formās: *Kuršė, kuršis*) pēc skaņu likumiem jāpārvēršas par *Kurh-*, bet lībiešu valodā tādam *Kurh-* bija jāzaudē *h* pēc *r*, tâ ka izcēlās formas ar *Kur-*, ko piesavinājušies no lībiešiem arī vācieši. Mums, latviešiem, nav nekāda iemesla lietot ģermānismu *kuri* jeb *kūri*. Mūsu tautasdziesmas pazīst tikai *kursus*; bet, tâ kâ šim vārdam tagad arī cita nozīme, tad var lietot pēc leišu valodas darināto formu *kurši* (vienskaitlis: *kursis*). 624

Kas tad nu ir bijuši šie kurši? Zinātnē par šo jautājumu līdz šim ir izteiktas dažādas domas. Par latviešu cilti uzlūkoja

---

[3] [Pirmpublicējumā: и. — Red.]

[4] Ar *o* te laikam apzīmēts plati izrunāts īss *u*; arī kuršu kaimiņi žemaiši izrunā īso *u* kâ (vācu) *o*.

kuršus Vatsons[5]. Bet pēc tam Vīdemanis[6], Bīlenšteins (BGr.) un Trusmanis[7] raudzīja pierādīt, ka kurši ir bijuši tie paši lībieši, kuŗus vēl tagad atrodam Kurzemē. Un viņu uzskatus piesavinājās arī citi pētnieki. Pret tiem — un arī tikai pa daļai — ir uzstājies tikai Pogodins[8]. Pēdējais atzīst Bīlenšteina domas, ka senās Kuronijas četros dienvidu novados (Duvzare, Ceclis, Megowe, Pilsaten) dzīvojusi cita tauta nekâ četros ziemeļu novados (Vredecuronia, Winda, Bandowe, Bihavelanc); šie ziemeļu kurši, pēc Bīlenšteina domām, bijuši lībieši. Bet dienvidu kurši, pēc Pogodina domām, nav bijuši
625 žemaiši, bet sevišķa leišu cilts, kas vēlāk // pārgājusi leišos un latviešos. Man turpretim šķiet, ka kurši bijuši ne lībieši un arī ne leiši, ne latvieši, bet sevišķa baltu cilts, kas runājusi pārejas izloksni starp leišu un latviešu valodu[9] un vēlāk pieņēmusi dienvidos leišu tautību, ziemeļos — latviešu, un ka šie paši kurši dzīvojuši arī senās Kuronijas ziemeļu daļā (tagadējās Kurzemes rietumu daļā), pa daļai tur kopā ar lībiešiem.

Paraudzīsim, kādas ziņas mums ir par kuršiem! Līdz pat XV gadsimtenim vēstures avotos atrodam tikai «kuršus» senajā Kuronijā minētus. Bet Bīlenšteins ir pierādījis, ka jau XIII gadsimtenī Kuronijā blakus lībiešiem dzīvojuši balti (pats Bīlenšteins saka neapdomīgi: latvieši). No tam var spriest, ka vācieši toreiz saukuši par kuršiem visus Kuronijas apdzīvotājus (baltus un lībiešus), jo citādi būtu ļoti dīvaini, ka arvienu minēta tikai viena cilts, bet otra pavisam noklusēta. Ka kuršu vārdam toreiz vācu mutē tiešām bijusi tāda ģeografiska nozīme, tam par labu varētu atsaukties uz tā laika pieminekļos atrodamiem kuršu personu vārdiem, kas pa daļai ir lībiski, pa daļai baltiski, skat. BGr. 287 un 444. Bet par gluži drošu pierādījumu tos nevar uzskatīt, jo varētu būt, ka lībieši pieņēmuši personu vārdus no saviem baltu kaimiņiem un otrādi. Bet katrā ziņā kuršu vārdu ģeografiskā nozīme kļūst saprotama, kad apdomājam, ka Kuronijas ziemeļu daļā balti dzīvoja jaukti ar lībiešiem (skat. BGr. 324 un 333) un tâtad polītiskā ziņā varēja tikt skaitīti par vienu grupu, un ja lībieši

---

[5] Skat. Jahresverhandl. d. kurl. Ges. f. Litt. u. Kunst II 281.

[6] Skat. Sjögren's Livische Grammatik XIV.

[7] Skat. Живая старина III 64—90.

[8] Skat. Живая старина III 571—2.

[9] [Pirmo reizi šo uzskatu J. Endzelīns izteicis 1911. g. «Dzimtenes Vēstneša» 43. numurā rakstā «Ventas vārds un kūru tautība» — šai izdevumā II 358. — Red.]

tikai vēlāk iespiedušies zemē, kas jau bija dabūjusi vārdu pēc baltu tautības kuršiem. Bez tam varētu būt, ka lībiešiem, kas bija nometušies Kurzemē, toreiz tâpat nebija sava tautas vārda, kâ tagad: Kurzemes lībieši tagad paši saucas *kala mied* (= zvejnieki) jeb *rānda mied* (= krasta ļaudis, jūrmalnieki).

Ka kuršu vārds sākumā apzīmējis ne Kurzemes lībiešus, bet Kuronijā dzīvojošo baltu cilti, tam par labu runā šādi apstākļi. Vēstures ziņas liecina, ka senā Kuronija jeb Kurse aptvērusi ne vien tagadējās Kurzemes guberņas rietumu daļu, bet arī Kauņas guberņas ziemeļu-rietumu daļu (kur tagad dzīvo žemaiši) un pat kādu daļu no tagadējās Prūsijas, skat. BGr. 175. Un ka šī Kurses dienvidu daļa, kur tagad runā leitiski un žemaitiski[10] (uz Kuršu kāpām arī latviski), ne vien polītiski vai ģeografiski piederēja pie senās Kurses, bet tiešām — mazākais pa daļai — bija apdzīvota no kuršiem, par to liecina šādi vietu vārdi minētā apgabalā: Gross- un Klein-*Kurschen, Kurschen*-Andres, // *Kurschlauken* (Klaipēdas apriņķī), *Korschellen* (Heiligenbeilas apriņķī), *Korschen* (Rastenburgas apriņķī), *Kurszaite, Kuršėnai, Kuršiai* (Telšu apriņķī). Blakus tiem sastopam, piem., vietas vārdu *Latveliai,* kas rāda, ka žemaiši šķīruši kuršus no latviešiem un no sevis. Un ka jau senākos laikos minētā apgabalā dzīvojuši kurši, liecina Rimberta «Vita Ansgarii» (no IX gadsimteņa beigām), kur stāstīts, kâ zviedri gājuši karā pret kuršiem Apūlijā; šī Apūlija ir tagadējā *Apoule*[11] pie Skodas[12] Telšu apriņķī. Vēl kādā rakstā no XV gadsimteņa sākuma ir minēti kurši, kuŗus Klaipēdas komturs sūta ar ziņām uz Ventspili un kuŗi tâtad laikam dzīvojuši Klaipēdas apkārtnē. Bet somu valodu pēdas neatrodam ne turienes vietu vārdos, ne turienes leišu izloksnēs un tikai «gluži niecīgā skaitā» no turienes uz ziemeļiem — Kurzemes dienvidu-rietumos, skat. BGr. 316. Bīlenšteins tāpēc uzskatīja dienvidu kuršus par latviešiem, domādams, ka ģermāņi, iepazinušies ar somu tautības kuršiem (= lībiešiem), kas apdzīvoja jūŗas piekrasti, sākuši saukt par kuršiem arī viņu baltu tautības kaimiņus (latviešus), kas dzīvoja tālāk zemes vidienē, skat. BGr. 330. Ģermāņu mutē ir tāda nepareiza izteiksme iespējama; bet žemaišiem, kas sauca savu kaimiņu ciemus, piem., *Kuršėnai* jeb *Kuršiai,* taču vajadzēja zināt, vai viņu kaimiņi ir baltu vai somu cilts.

626

[10] Žemaišu runa ir leišu valodas izloksne.

[11] [Ar žem. *ou* < *uo.* Sal. *Apuõlė* K. Būga Rinktiniai raštai III 233 (Vilnius 1961) sub *Appule.* — Red.]

[12] [Vārdā *Skoda o* izrunājams kā *uo.* — Red.]

Bīlenšteins nu gan domā, ka somu tautības kurši, iekaŗojuši Kursi, uzspieduši savu kuršu vārdu arī uzvarētiem latviešiem, skat. BGr. 330. Var jau būt, ka Kurzemes lībieši iekaŗojuši ar varu savas dzīves vietas ap Dundangu un Ventas lejas galu; bet ka tie kādreiz iekaŗojuši visu seno Kursi līdz pat Klaipēdai, par to nav vēsturē ne mazāko ziņu. Ar tik nedrošu hipotezi varētu tikai tad uzstāties, ja būtu kādas ziņas, ka kuršu vārds sākumā piederējis lībiešiem. Tādu ziņu nekur nav; bet gan vēstures ziņas liecina, ka kurši nav bijuši somu cilts un arī ne leiši, ne latvieši, bet atsevišķa baltu cilts.

Jau Vatsons bija aizrādījis, ka kādā 1338. g. rakstā kāda upīte Aizputes apgabalā saukta «up Cursch» (= kursiski) — *Agmennewalke* (= Akmeņu valks) — ar skaidru baltu valodu vārdu; zem «kuršu» valodas tâtad te domāta kāda baltu (un ne somu) valoda. — Tālāk franču ceļotājs G. de Lannoy[13] raksta, ka tas, ceļodams 1413. g. no Liepājas uz Rīgu (caur Grobiņu, Kuldīgu un Kandavu), braucis caur zemgaļu (= latviešu), kuršu un lībiešu ciemiem un katrai šai tautai esot sava valoda; kurši tâtad te ir šķirti no lībiešiem un latviešiem. Un M. Bjeļska poļu chronikā (no 1564. g.) lasām (tulkojumā):
627 «senie prūši un leiši reiz runāja vienu // valodu, un tâpat arī žemaiši un kurši, bet tagad tie cits citu maz saprot» (AfslPh. XVII 487). Šie vārdi liecina, ka XVI gadsimtenī kurši uzlūkoti par žemaišu tuviem radiem; un viņu valodas atliekas to apstiprina. Tad lasāms Rusova chronikā[14] (no 1577. g.), ka Kurses tautas lieto kuršu un lībiešu valodu. Beidzot raksta M. Brandiss (1600. g.): «Kurses zemniekiem ir sava valoda, kas tomēr drusku līdzīga latviešu valodai» (blakus kuršu valodai pēc tam minēta lībiešu valoda Kursē). No tam redzams, ka kuršu valoda bijusi rada latviešu valodai, bet ne gluži identiska ar to. Bet XVII gadsimteņa rakstnieki Bureus (1631. g.), Skots (1639. g.) un Einhorns (1649. g.) jau ziņo, ka kurši runājuši latviski, t. i., tolaik Kurzemes kurši jau bija pārlatviskojušies. Dienvidu kurši turpretim, kâ liekas, ir drusku ilgāki paglābuši savu tautību: Pretorius (ap 1680. g.) raksta, ka prūši runājuši *wirdas,* leiši — *wardas,* bet kurši — *werdas* (latv. *vārds).* — Vēl tagad pārlatvinātie kurši uz Kuršu kāpām paši saucas par *kursiniekiem,* un leiši tos sauc *kuršiai.*

Atlikušie Kurses vietu vārdi un turienes leišu un latviešu izloksnes mums dod iespēju tuvāki noteikt kuršu valodas gal-

[13] [Te franču rakstībā. Vēlāk, rakstīdams latviski, J. Endzelīns šo vārdu raksta: Lanuà. — Red.]

[14] [Pirmpublicējumā: kronikā. — Red.]

venās īpatnības. Ar latviešu valodu tā saskanēja tai ziņā, ka *k', g',* kas leišu valodā paglabāti, pārvērtušies par *c, dz* un leišu *š* un *ž* vietā ir *s* un *z*; no latviešu valodas tā atšķīrās caur to, ka savienojumi *an, en, in, un* līdzskaņu priekšā, kas latviešu valodā pārvērtušies par *uo, ie, ī, ū,* bija paglabāti tâpat kâ leišu valodā.

Leišu *š* un *ž* vietā atrodam *s* un *z* šādos Kurses vietu vārdos: *Avese* BGr. 226, sal. leišu *Avižiai* pie Dusetām Kauņas gub. *Birsegalwe* BGr. 222 un *Birsine* 236, sal. lei. *biržỹs* «birzs». *Grese* BGr. 236, tagadējā *Grieze. Sakka* BGr. 218 un 282, sal. lei. *šakà* «zars». *Sventāja* (upes vārds) un *Svente,* sal. lei. *šventas* «svēts». *Talsen* BGr. 187 (tagadējie *Talsi*) un *Telse* 224, sal. lei. *Telšiai. Saggara* BGr. 197, sal. *Жагары* Lietavā. *Sarde* BGr. 252 un 376, sal. lei. *Žardė. Sare* BGr. 241, sal. lei. *Žarėnai. Pewenseme* BGr. 213, *Kalnesemme* 236, *Zekulmseme* 238, *Leypiaseme* 241, sal. lei. *žemė* «zeme». *Zentene* Talsu apriņķī, sal. lei. *žéntas* «znots».

Leišu *k'* un *g'* vietā atrodam *c* un *dz* šādos piemēros: *Asen, Adze* BGr. 207, tagadējā *Adze;* sal. Gaujenes vācu vārdu *Adsel* un mājas vārdu *Adzalis* Kauguros. *Cersangere* BGr. 183. *Cervicalle* BGr. 195, tagad *Cierkale. Zerenden* BGr. 205, tagadējā // *Cerende. Zilden* BGr. 211, tagadējā *Cilde. Cirava* Aizputes apriņķī. *Darzeppeln* BGr. 279 un 377, sal. la. *ceplis,* lei. *kèpti* «cept». *Cunce* Talsu apriņķī, sal. lei. *kiunkė* «sautēti kartupeļi». *Zegere* BGr. 239, sal. lei. *Gegrėnai. Celde* BGr. 203 un *Zelde* 221, tagadējā *Dzelde. Dzerbiten* BGr. 208, sal. *Dzērbene* Vidzemē. *Zērwe, Serwe* BGr. 222, tagadējā *Dzērve. Sintere* BGr. 218, tagadējā *Dzintere. Sirien* BGr. 196, tagadējā *Dzire* jeb *Zire. Eze* BGr. 209, tagadējā *Edze. Gaicē* BGr. 279 un 377. *Grendze* Tukuma apriņķī. *Ladze* BGr. 186. *Laydze* BGr. 195. *Lanze* BGr. 198, tagadējā *Landze,* sal. lei. *Langeliai* pie Dusetām. *Medze* BGr. 224, sal. *Megowe* 245. *Nica* pie Liepājas. *Pretzele* BGr. 230 un *Pretzitve* 241; sal. *Priekule. Radze* BGr. 216, sal. la. *radzes. Rutzowe* BGr. 231, tagadējā *Rucava,* lei. *Rùkiava. Rindzele* Talsu apriņķī, sal. la. *Rīga,* lei. *Ringa. Swencele* BGr. 377. *Sentatze* BGr. 452 (divu upju satekas vieta), leitiski *santakys. Vandzene* Talsu apriņķī, sal. *Alš-vanga* u. c. Bet atrodam Kursē arī dažus vietu vārdus ar galotni *-ķi*: *Apriķi, Jamaiķi, Lipaiķi, Struoķi, Tadaiķi, Usaiķi*[15],

628

[15] Tâ (ar īsu *u*) to raksta Bīlenšteins BGr. 220; bet vai *u* te nav gaŗš? Ja kāds no Druvas lasītājiem to zina, lūdzu to paziņot redakcijai. [= *Ūsaiķi* mu Bunkā vai *Ūsaiķi*[2] bij. mu Priekulē? — Red.]

Valtaiķi. Tâ kâ citos Kurses vietu vārdos *ķ* pārvērties par *c*, tad galotne *-aiķi* nav salīdzināma ar leišu galotni *-eikiai*[16], par kuŗu raksta Būga Lietuvių tauta I 82. Paskaidrojumu par šo *ķ* mums dod šo vārdu formas vecos dokumentos, kur *ķ* vietā atrodam *t*: *Appreten* BGr. 223, *Jameiten* 205, *Lippayten* 206, *Strutte* 224, *Todayten* 220, *Unseten* 220, *Walteyten* 205. Jāiegaumē, ka ar savu *ķ*, *ģ* īsteni apzīmējam stipri mīkstinātus *t*, *d*, un tāpēc arī patapinājumos no krievu valodas krievu mīksto *t* un *d* vietā runājam *ķ* un *ģ* (piem., *ķurmis* < kr. *тюрьма*, *ģęguots* < kr. *деготь*). Un leišu valodas žemaišu izloksnē *tj*, *dj* (no kam leišu *č*, *dž*, la. *š*, *ž*; piem., la. *brieži*, lei. *briedžiai* no senāka *briedjai*) galotnēs pārvēršas par mīkstinātu *t*, *d*. Jādomā tâtad, ka arī minētos vietu vārdos *ķ* cēlies no mīkstināta *t* (*Valtaiķi*, piem., no vecāka *Valtaitjai*), un veco dokumentu formas to apstiprina. Tâtad šai ziņā kuršu valoda saskan ar žemaišu izloksni. Laikam arī daži latviešu vārdi ar *ķ*, *ģ* (*t* un *d* vietā) ir patapināti no kuršu valodas, piem., *kaķis* (sal. lei. *katė*; senāk laikam locīja: nōm. *katis*, ģen. *kaķa* no *katja* utt.; sal. īsti latvisko *zutis*, *zuša* no *zutja*), *pupiķis*[17], blakus *puputis* (putna vārds). //

629 Līdzskaņu priekšā paglabātu *n* atrodam (bez jau augšā minētiem vārdiem ar *n* blakus *s*, *z* jeb *c*, *dz*, kâ, piem., *Svente*, *Zentene*, *Cunce*, *Rindzele*) šādos Kurses vārdos: (vāc.) *Balanden*, Alšvangas tuvumā; sal. lei. *Balandžiai* no lei. *balandis* = la. *baluodis*. *Bandowe* BGr. 200; sal. prūšu *Banditten* un *Bandeke* NTh. 15. *Bentepürge* BGr. 452. *Blendene* pie Aizputes, sal. lei. *Блендзянка* Suvalku guberņā no lei. *blendìs* «blīgzne»; blakus la. *Blìdiene*, lei. *Blindajus* (upe) no lei. *blindis* «kārkls». *Blintene* pie Alšvangas. *Donedange* BGr. 188 (tagadējā *Dundanga*), *Kazdanga* Aizputes apriņķī, *Uordanga* Grobiņas apriņķī, *Stakaldanga* pie Aizputes, sal. kuršu *danga* «kakts, stūris». *Goldingen* BGr. 305 (tagadējā *Kuldīga* ir latviešu forma, kas izskaudusi seno kuršu formu ar *n*), sal. lei. *Kretingà*, *Nedingà*, *Gandingà*, (tilta vārds) *Grynde* BGr. 452; sal. la. *grìda*, lei. *grindìs* «grīdas dēlis». *Ivande* BGr. 209 (tagadējā *Īvande*); sal. prūšu upes vārdu

---

[16] [Pirmpublicējumā: *-ciķa-*; labots pēc K. Būgas Rinktiniai raštai I 140—142 (Vilnius 1958). — Red.]

[17] Vai kādam no lasītājiem nav zināms, kuŗos apgabalos lieto formu *pupuķis*? Ziņas lūdzu iesniegt Druvas redakcijai. [*pupiķis*, piem., Bruknā, Naukšēnos, Ikšķilē ME III 414, *pupuķis* pēc Ulmaņa vārdnīcas ME III 415 ar norādi uz *pupiķis*, *puputis*. — Red.]

Yvanthi NTh. 58. *Candowe* BGr. 185 (tagadējā *Kandava*) un (vācu) *Kandeln* Aizputes apriņķī; sal. prūšu *Canden* NTh. 64. *Krunkle* BGr. 452; sal. la. *krūkle(ne)s*. *Lancseden* BGr. 199 un *Karilanken* BGr. 210; sal. *lanka* «slapja pļava» (rietumu Kurzemē) un lei. *lankà* «leja». *Lindale* BGr. 221; sal. prūšu akuz. *lindan* «leju». *Minte* (personu vārds) BGr. 290; sal. jātvinga vārdu *Минтела* (Полн. собр. русск. летоп. II² 870). *Nigrande* Aizputes apriņķī. *Otange* (upes vārds) BGr. 226. *Palange* BGr. 246 (tagadējā *Palanga*) un (vācu) *Polangen* Kazdangas tuvumā. *Pundiken* un *Papundiken* BGr. 446 un *Pundere* Tukuma apriņķī. *Scrunden* BGr. 206 (tagadējā *Skrunda*); sal. prūšu *scrundos* «dzirkles». *Stembre* BGr. 450; sal. lei. *stembras* = la. *stiebrs*. *Pastenden* BGr. 187 un *Stende* pie Talsiem. *Wanderen* BGr. 233; sal. lei. *vanduo* «ūdens». *Alswanghen* BGr. 206 (= *Alšvanga*), *Ewangen* 219; sal. *Vandzene* un BGr. 284 un senlei. *vanga* «tīrums». *Vense* BGr. 195 un 198 (tagad *Venzava*); sal. prūšu *Winse* NTh. 206. *Vęnta* var būt rada ar senslavu *venštii «lielāks»* (*venšt-* cēlies no *ventj-*) un tad nozīmē «Lielā»; sal. *Liel-upe* un kr. *Великая;* no tās pašas saknes laikam lei. *Venčia-ragas* (Bezzenberger Lit. Forsch. 12 un 196).

Sevišķi raksturīgas ir formas ar *n* blakus *s, z* jeb *c, dz* (kâ *Svente, Zentene, Cerende, Cunce, Dzintere, Grendze, Landze, Vandzene, Rindzele, Sentatze*), kuŗas pēc skaņu likumiem nevar būt ne leitiskas, ne latviskas. //

Arī tagadējā latviešu valodā sastopam vārdus ar *an, en, in,* 630
un (*uo, ie, ī, ū* vietā). Kādos apgabalos tādi vārdi sastopami, līdz šim tikai pa mazai daļai zināms. Bet no tiem piemēriem, par kuŗiem Ulmaņa vārdnīcā teikts, k u r tie sastopami, lielākā daļa pieder Kurzemes rietumu (senās Kurses) izloksnēm.

Minēšu te tos vārdus, kas pēc U, BW un citiem avotiem pazīstami (tikai?) Kurzemes rietumu izloksnēm; dažu šo vārdu nozīmi nevarēju izzināt, un tāpēc lūdzu lasītājus, kas to zina un kam pazīstami tādi vārdi (ar to pašu nozīmi!) arī ārpus Kurses robežām, paziņot to vai nu Druvas redakcijai, vai man pašam[18]. *bazninca* (= baznīca) Zemītē Lett. Di.-St. 157 un Cīravā Mag. VIII 88.[19] *bangainis* (= ābolains zirgs?) BW 14611, 3 (no Rucavas un Nīcas). Dziesma skan: *Nāc laukā, meitu māte! mituosim*[20] *kumeliņus! Tev bij bēris, man*

[18] Adrese: Харьков, Университет.
[19] [Pēc ME I 269 arī Aizupē un Vānē. — Red.]
[20] [*mituôt* «tauschen, wechseln» ME II 639. — Red.]

bangainis, kuo tu duosi piedęvām? bezdelinga (= bezdelīga) Austr. X 1, 130[21] jeb *blezdelinga* BzprL 144[22]. *nuoblenkt* (= saredzēt?)[23] LP VII 1, 944 (no Dundangas): *Vakars un nakt paliek tik tums, apsmāces, ka tik debes maz maz var noblenkt. cęntrs* (nozīme?)[24] Sasmakā BW 12314 var. Dziesma skan: *Sīva, cęntra tā meitiņa, kam sarkani vaigu gali. dandžu zābaki* (nozīme?) Dundangā BW 7292, 2: *Vęlns atspēra kalpa puisi ar tiem dandžu zābakiem. dandžu ritenis* U = loku ritenis; *dandzis* «Radfelge» U. U nesaka, kur šis vārds pazīstams[25], bet Kurzemes lībiešu patapinātais vārds *daņdz* katrā ziņā norāda uz Kurzemes rietumiem. Lielezerē *danga* nozīmējot to pašu, ko *dandzis;* citās Kurses izloksnēs *danga* apzīmē kaktu, stūri, un bez tam vēl U min izteicienu *gaŗas dangas vējš* (= dienvidu-rietumu vējš) Nīcā. Arī Vidzemē sastop *dangu* nozīmē «izbraukta gramba», bet tas varbūt ir pavisam cits vārds. *dęnkuoties* «pieglaimoties» BW 10071, 3 (no Dundangas). *dęnkts* «stiprs» Bārtā U[26]. *devantęs* «devītais», *astantęs* «astotais», *septantęs* «septītais» Dundangā.[27] *sadingt* (nozīme?) Kuldīgas apr. Jaunmuižā BW 18509, 1[28]: *Jājat jādami, ņekavējat! sasalu, sadingu gaidīdams. dzintars* jeb *dzinteris,* pēc BW spriežot (piem., 13282[29]), ir īstā Kurses forma blakus la. *(d)zītars.* Bet tâ kâ *dzitaru* ieguva sevišķi Kurses jūrmalā, tad līdz ar priekšmetu latviešu apgabalos šur tur ieviesies arī *dzintara* vārds. *(d)zintele* «eiserne Klammer» Abavas apgabalā[30] BB XVII 285. *glendi* (= apskati? kâ skan tagadne un nenoteicamā iz-

---

[21] [Pēc EH I 214 Gramzdā, Dunikā, Grobiņā, Ugālē. — Red.]

[22] [Pēc EH I 228 Kalētos, Kuršu kāpās. — Red.]

[23] [*nùoblenkt, nùobleñkst* «mit Mühe wahrnehmen, merken» Dundagā, Talsos ME II 763. — Red.]

[24] [*cęñtrs*[2] 1) «barsch, streng, unfreundlich» Vandzenē, 2) «bitter» Mērsragā ME I 373. 1. nozīme arī Strazdē EH I 265. — Red.]

[25] [*dañdzis* «Kranz, aus einem Stück bestehende Radfelge» Dundagā, Vandzenē ME I 437. — Red.]

[26] [*dęñkts* «stark, kräftig, stramm, stattlich» Aizputes apvidū, Turlavā, Rucavā, Bārtā, Nīcā ME I 455, arī Dunikā, Gramzdā, Kalētos EH I 315. — Red.]

[27] [Sal. La. gr. 337 § 1. — Red.]

[28] [*sadingt* «erstarren» arī Saldū ME III 610. — Red.]

[29] [un variantos. — Red.]

[30] [Pēc ME I 552 *dzìntele*[2] 1) «eiserne Klammer, Krampe» Vietalvā u. c., 2) «kleiner, eiserner Stöpsel in dem Zapfen am Wagen» Bērzaunē, Jaungulbenē, Koknesē — Vidzemē. 1. nozīmē *dziñtele* pēc EH I 359 Saldū, *dzìntele*[2] — Ērgļos, Kalsnavā, Mālupē, Saikavā, Pļaviņās — Vidzemē. — Red.]

teiksme?[31]) Cīravā BW 27409, 1 var.: *Lien, pelīte, caur zemīti, glendi manu mūža namu! grundulis* // (nozīme?)[32] Kabilē 631
Mag. VIII 45 (*Sakārņi, grunduļi, šķirat ceļu! es iešu dancāt ar savu pādi*), Raņķos BW 1513,3 (*Siseņi, grunduļi, griežat ceļu, lai liepu lapiņas plandījās*), *grundulaiņš*[33] Alšvangā BW 30379 (*Šķībi, greizi, grundulaiņi mana tēva uozuoliņi*). *peringa* (= perīga) *vista* Kabilē BW 3000, 1. *jentere* (= vīra brāļa sieva) Rindē U. *krancināt* Bārtā BW 20462 var. jeb *krandzināt* «krākt» BW 20462, 1 (Ventas piekrastē[34]). *lanka* «slapja pļava» Kabilē BW 655 u. c. *lendze* «mezgls» Kuršu kāpās BzprL 152. *lenkt* «pēdas sekt, uzglūnēt» Skrundā BW 607 u. c. *lente* «dēlis» tāmniekos U. *lunk(a)* «jūras līcis» Alšvangā.[35] *linkaja* «gaŗš galvas lakats» Puzē U. *męnca, mence, mencis* jeb *męndza* «Dorsch» Kursē. *mencis* «kam nekas neveicas» Kursīšos U. *pintainīte* (nozīme?) Grobiņas apriņķī BW 22846: *tautu meita pintainīte vainuo manu bāleliņu. planda* (nozīme?) Alšvangā, Kuldīgā, Ventspilī BW 23583: *Nuo tālienes es pazinu, kur tęk meitu māmulīte: tieva, tieva kâ bitīte, vienu plandu villainīte. plandīties* «plātīties» Cīravā u. c. *planki* (= apārņi?): *sienu sagrābt plankuos* Ārlavā U. *rankaiņš* (nozīme?)[36] Kuldīgā, Kandavā, Skrundā BW 10377, 9 var. un 10 var.: *še nav viena uozuoliņa, kam rankaiņas lapas auga;* Kabilē BW 25794, 2: *tur luodāja uodzes, zalkši rankaiņiem kakliņiem;* Lielezerē šis vārds nozīmējot «strīpaiņš». *randēt* «(koku) nocirst jeb sacirst» Dundangā Lett. Di.-St. 174. *rantīt* «nocirst» Lielezerē, Dundangā jeb *renst* Popē Lett. Di.-St. 174; sal. la. *ruotīt* «pārcirst» Saukā U. *ringāt* (nozīme?)[37] Alšvangā BW 15642: *ringu,*

---

[31] [*gleñst*[2], *-žu, -du* «(kaum) wahrnehmen» Saldū EH I 392. — Red.]

[32] [II *grundulis* 4) als Schimpfwort ME I 666. — Red.]

[33] [*gruñdulaîns* 1) «uneben, knorrig» Bikstos, 2) «geäpfelt» Ciecerē ME I 665. — Red.]

[34] [Nīgrandē ME II 259. — Red.]

[35] [*luñka* 1) «Meeresbucht» Sakā, Nogalē, Kaltenē, 2) «niedrig gelegene (an einer Flusskrümmung) Wiese, die im Frühjahr überschwemmt wird» ME II 513 sk. 1. nozīmē arī Ventspilī EH I 762. — Red.]

[36] [*rankaîns* 1) «uneben, faltig» Sasmakā, «zackig, gekerbt» Vidrižos, Džūkstē, 2) *rañkains* «gestreift» Lielezerē, Aizputes apvidū, Kazdangā u. c. ME III 477. Blīdenē *rañkaîņš* 1) «krokains», 2) «ar reljefā redzamiem raibumiem, strīpām, it īpaši apaļīgā virsmā» (V. D.). — Red.]

[37] [*ringât, ringuôt* II «spielen, spielend umherlaufen, Mutwillen treiben, tollen» Jaunpiebalgā, Sunākstē, Jaungulbenē, Lejasciemā, Liezērē, «ziellosvom Hause weggehen» Cesvainē, Piebalgā ME III 528. (Kurzemes vietas nav minētas.) — Red.]

ringu balta ķēve pa atmatu vazājās; tâ ringāja[38] *blintenieces Gudenieku novadā. rumpača* (*mp* no *np*) «rupjš audums (?)» Ēdolē BW 7016 u. c.: *pumpača*[39] *rumpača galdiņa galā; sīkvērpis, plānvērpis aizkrāsnē. sklandas* «sēta» Kursē. *nuoskrendis* Vec-Sieksātos BW 19071: *ieraudzīja bajāram nuoskrenduošu kumeliņu. spangaiņš* «ābolaiņš (zirgs)» Dundangā BW 14510, 2 u. c. jeb *pangaiņš* Kabilē BW 13898. *atšķenst* «nosprāgt» Grobiņā Etn. IV 1, 17. *šķindalas* (= drubazas[40]) Dunalkā BW 19577. *šķindama*[41], *rindama* (nozīme?) Dunalkā BW 1459: *audz, mana pādīte, jem manu laimi, nuo sētas vez*[42] *sētu, šķindama, rindama. vingrums* «augums» Aizputē U. *vinkuļuot* «bez darba pavadīt laiku» Priekulē, Ēdolē U. *vinstēties* «cīnīties» Zemītē U. *zvandzināt* «zvadzināt» Kandavā BW 27909, 2.

Arī te atrodam vārdus ar *n* blakus *c, dz* (kâ *cęntrs, dandzis, męnca* u. c.), kas nevar būt ne leitiski, ne latviski, bet ir
632 laikam atlikušies no seno kuršu valodas, un tâpat laikam // arī citi minētie vārdi ar *n*. Bet arī Augškurzemē, Inflantijā un Vidzemē atrodam daudz vārdu ar *n*. Minēju jau dažus māju vārdus Vidzemē, kas sākas ar *Kurs-* un tâtad liecina par kuršu nometnēm Vidzemē.[43] No šīm nometnēm var būt cēlušies daži latviešu vārdi ar *n* Vidzemē.[44] Citi tādi vārdi ar *n* ir patapināti no vācu, igauņu, lībiešu, leišu un slavu valodām. Dažos vārdos *n k* jeb *g* priekšā var būt cēlies no *m* (tâ varbūt vārdā *trenkt*, sal. *tremt, tramdīt* ar līdzīgu nozīmi), un citi tādi vārdi ir latviešu valodas jaundarinājumi, kâ, piem., *skandināt* (no *skanēt* atvasināts).

Arī Kurzemes lībiešu valodā ieviesušies un paglabāti daži veci kuršu vārdi ar *n*: *atrānta* (*ā* te jāizrunā gandrīz kâ *ō*) «robs loka galā», sal. augšā minēto *rantīt; palāndǫks* (Vīdemanim te apakš *ǫ* ir vēl trešais punkts) «baluodis», sal. lei. *balandis*. Arī daži citi kuršu vārdi paglābušies Kurzemes lībiešu valodā: *kill* «dzilna» un *vägāl* «vēdzele» (šie vārdi rāda,

---

[38] [Pirmpublicējumā: *ringoja*. — Red.]

[39] [*pumpača* «wer unebenes, knotiges Garn spinnt» ME III 410. — Red.]

[40] [*drubazas* «Stückchen, Splitter, Krümchen, Abfälle» ME I 502. — Red.]

[41] [*šķinst* = *šķindēt* ME IV 42. — Red.]

[42] [*vez* = *uz* ME IV 546. — Red.]

[43] [Par to J. Endzelīns arī 1923. g. rakstā «Kuršu pēdas rietumu Vidzemē» FBR III 5—7. Šai izdevumā III sējumā. — Red.]

[44] Kuršu nometnes Vidzemes rietumos varbūt izskaidro ievērojamo saskaņu vārdu *iet* un *jemt* izrunā Kurzemes un Vidzemes rietumu izloksnēs, kur tos vārdus izrunā ar stieptu akcentu (visās citās izloksnēs — ar lauztu jeb grūstu akcentu). [Ar akcentu te jāsaprot intonācija. — Red.]

ka ķ, ģ vēl nebija pārvērtušies par *c, dz,* kad lībieši nometās kuršiem blakus dzīvot); *lǫiga* «lieks» un *kǫidas* «šķiets» (oriģinālā šais vārdos apakš ǫ vēl trešais punkts; šie vārdi rāda, ka kuršu valodā la. un lei. *ie* vietā ir bijis divskanis *ei,* kâ dažās žemaišu izloksnēs, sal. senkuršu vietas vārdu *Gaveyssen* BGr. 220, tagad *Gavieze*); *plakā* «blakts», sal. lei. *blakē.*

Kursisms ir laikam arī Kurzemes rietumu izlokšņu *pairīt* (= parīt); kuršu valodā laikam izcēlies *i,* kad sekojusi zilbe ar *i* jeb *e.*

Pēc «Latvju dainām» un citiem avotiem spriežot, tikai Kurses izloksnēs sastopami arī šādi vārdi: *bērze* «bērzs», *duonis* «Schilf»[45], *ērc(et)is* «paeglis», *greizns* «greizs», *greinis* jeb *greilis* «kam līkas kājas», *grīns* «bargs», *lapse* «lapsa», *naski* «žigli»[46].

Arī leišu valodā sastopamas kuršu valodas atliekas, piem., *zuikis* (laikam no kuršu *zuoj(e)kas)* «zaķis», *zvagu* (lei. *žvagu*) «zvadzu», *cyrulis* «cīrulis» u. c.

Ceru, ka šis mans raksts[47] pārliecinās lasītājus, cik liela nozīme vietu vārdiem vēstures un valodas pētījumos, un tāpēc lūdzu // vietu (māju, upju, ezeru, kalnu) vārdu krājumus 633
piesūtīt vai nu Mülenbacha kgam Rīgā, vai man uz Chaŗkovu, jo gribam ar laiku izdot visu Latvijas vietu vārdu sarakstu. Bet pie tam lūdzu apzīmēt arī patskaņu gaŗumu un akcentu: stiepto akcentu — ar cirkumfleksu (piem., *mãte, traũks, beñde*), lauzto jeb grūsto — ar jumtiņu (piem., *kâds, raûgs, siŕds*) un krītošo, kur tāds ir, — ar «pusjumtiņu» (piem., *kàzas, bèdas, vàrds* u. c.). Sarakstus sāksim izdot Zin. komisijas Rakstu krājumos, tiklīdz mums no kāda apriņķa būs visi vietu vārdi savākti.[48]

---

[45] [Arī Zemgales rietumos, piem., Blīdenē (V. D.). — Red.]

[46] [ME II 694 *nasks, naski* lielāko tiesu Vidzemē (Nītaurē, Vecpiebalgā, Bērzaunē u. c.). — Red.]

[47] Vācu valodā esmu par šo jautājumu rakstījis žurnālā Finnisch-ugrische Forschungen XII 59—72 [šai izdevumā II 440—453. — Red.]; šai apstrādājumā ir daži papildinājumi, kas trūkst minētā žurnālā.

[48] [Pirmpublicējumā autora paraksts: J. Enzeliņš. — Red.]

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ ИНФИНИТИВОВ НА *-nǫti*

[1912 РФВ LXVIII 4, 370—372 un atsevišķā novilkumā]

370 Под влиянием предшествующего *n* или *m* гласные нередко становятся назалированными. Так, по указанию литовского словаря Юшкевича (стр. 708 под *gnìmbti*), в ольсядском говоре литовского языка долгое *ī* после *n* произносится как *įn*, наприм. *ganįnti* вм. *ganýti*, *nįnkštis* вм. *nýkštis*, *nįñkti* вм. *nȳkti*, *šnįñšti* вм. *šnȳpšti*, рядом с *nįkti*, *vainìks* и др. Сюда, вероятно, относится также жем. *mẽnų* (при *mẽnū*) «луна»; а под влиянием этого *mẽnų* могли возникнуть формы вроде *šų̄* «собака» и *sesų̄* «сестра» (у Куршата Gr. § 731). — Такая же назализация гласных после *n* или *m* встречается также в английском, немецком, португальском, русском и чешском языках, ср. Sievers Grundzüge der Phonetik[5] 291, Sweet A history of english sounds 39 сл., Behaghel Gesch. d. deutschen Sprache[3] §163, Брок Энциклоп. слав. филологии, вып. 5,2, стр. 105. — Ввиду этих данных я полагаю, подобно Вондраку (Altkirchenslavische Grammatik[2] 138 слл.), что благодаря такой же назализации, вызванной предшествующим *n* или *m*, возникли также слав. *gnǫs-* (в др.-цркcл. гнѫсѧнъ, гнѫшати сѧ, болг. гнѫс) из *gnus-* (ср. Berneker Wb. под *gnusъ*), *mǫd-* (в др.-цркcл. мѫдѧнъ, мѫдити) из *mud-* (в др.-цркcл. моудѧнъ, моудити, п. *mudzić* и др.), *nǫd-* (в др.-цркcл. нѫдити, нѫжда, п. *nędzić*, *nędza*) из *nud-* (в др.-цркcл. ноудити, ноужда, словен. *nuditi*, *nuja*, болг. *нужда* и др.; ср. гот. *nauþs*, прусск. acc. s. *nautin*).

371 Сюда же, вероятно, относятся *nǫ* (в // п. *ną*, *nękać*, ср. Brückner KZ XLII 357) из *nu* (в п. *nu*, *nukać* и др.), *nǫt-* (в полаб. *nõta* «стадо») из *nut-* (в цркcл. ноута, словен. *nuta*; вероятно, из герм. *nauta-*), *snǫb-* (ср. Brückner KZ XLII 364) из *snub-* (в др.-цркcл. сноубити и др.) и, вероятно, также п. *wnęk* при цркcл. въноукъ. Если мы при *nǫ*, *mǫ* (из *nu*, *mu*) находим в славянских языках также старое *nu*, *mu*, то это объясняется или тем, что назализация *u*

после *n, m* происходила лишь в части говоров, или же тем, что такая назализация, может быть, имела место только в ударяемых слогах.

После всего этого ясно и происхождение праславянских инфинитивов на *-nǫti*. Другими языковедами уже указано, что праславянские глаголы вроде *dvignǫ dvignǫti* восходят к тому же праиндоевропейскому типу, как и санскритские глаголы V класса (наприм., *sunōmi*), ср. особенно Pedersen KZ XXXVIII 347. А в таком случае *dvignǫti* получилось из **dvignuti* благодаря назализации *u* после *n*; на старое *-nuti* еще ясно указывают р. *миновать* (предполагающее праслав. **minuti* или, точнее, форму с *-nou̯-*) при *минуть*, црксл. *становити* при *станѫ*, *двигновєнъ* при *двигнѫти*, р. *дерзновение* при *дерзнуть* (ср. скр. *dhr̥šnōti*) и др. Обыкновенно, правда, (без достаточного основания) санскритское *ō* (в суффиксе *-nō-*) возводят к праиндоевр. *eu̯* (откуда праслав. *ju*), но только что приведенные славянские формы с *-ove-, -ovi-* ясно указывают на старое *-ou̯-*, а не *-eu̯-*, ср. мои Славяно-балт. этюды 97 слл.[1]

Первоначально, конечно, суффикс *-nou̯-* : *-nu-* встречался только в формах, произведенных от основы наст. времени. Но как в санскрите этот суффикс изредка переносится из основы наст. времени в другие формы (ср., наприм., III л. буд. вр. *ašnuvišyatē* : *ašnōti* «достигает»), так и в праславянском суффикс *-nu-* (из *-nou̯-*) стал употребляться также в формах, не произведенных от основы наст. времени, особенно же в инфинитиве; из старых форм уцелели *стати* при *станѫ* и сербск. *dȉći*[2] при *дȕгнēм*.

Остается еще выяснить, каким образом в основе наст. времени суффикс *-nu-* был вытеснен суффиксом *-ne-* : *-no-*. // Судя по санскритской парадигме (*-nōmi, -nōši, -nōti, -numas,* 372
-nutha, -n(u)vanti), когда-то в праславянском, вероятно, спрягали, наприм., **dvignuti, dvignuši* (при существовании таких форм обобщение личного окончания *-ši*, возникшего фонетически только после *u, i, r, k*, становится понятнее), *dvignuti, dvignъmъ, dvignъte, dvignъvęti* или *dvignъvǫti*. А потом, вероятно, один из суффиксов *-nu-* : *-nъ-* был обобщен (ср. обобщение суффикса *-nā-* в германских языках, Brugmann KVG § 667); судя по *dvignovenъ* и **dvignuti* (откуда *dvignǫti*), скорее суффикс *-nu-*. Итак, возникли,

[1] [Šai izdevumā II 254 skk. — Red.]

[2] [Šis serbu vārds tehnisku iemeslu dēļ šeit salikts latiņu burtiem oriģināla slavu burtu vietā. — Red.]

вероятно, новые формы множ. числа **dvignuṃъ, dvignute*; а так как рядом, наприм., с *xvalimъ, xvalite* имелась форма III лица **xvalintь* (откуда *xvalętь*), то и рядом с **dvignuṃъ, dvignute* могло возникнуть новообразование **dvignuntь*, откуда *dvignǫtь*[3]. А как, наприм., при *vedǫtь* имелось старое *vedǫ, vedeši* и т. д., так по аналогии глаголов типа *vedǫ* при форме III лица *dvignǫtь* могло возникнуть новое *dvignǫ* вместо старого **dvignuṃь* и т. д., тем более что от некоторых корней, вероятно, уже раньше имелись основы наст. времени на *-ne* : *-no-* рядом с основами на *-nu*, ср., наприм., скр. *str̥ṇōti* рядом с *str̥ṇāti*.

Харьков.

---

[3] [Autora eksemplārā malā: cf. Arch. X 653 //]

VARIA

[1912 Glotta III 273—275 un atsevišķā novilkumā]

1. ZU GR. συ FÜR τυ

Zuletzt hat m. W. darüber Brugmann Sächs. Ber. LIII 89—98 ausführlich gehandelt. Nach seiner Ansicht ist τυ, außer im Anlaut und hinter Konsonanten, im Urgriechischen lautgesetzlich zu συ geworden, so z. B. im Suffix -συνο-, -συνᾱ-, in πίσυρες, ἥμισυς, οἰσύη, ἀήσυρος. Die Mittelstufe sei vermutlich ein τ'υ, und dieses stehe vielleicht in Zusammenhang mit böot. (und lak.) ιου statt ου hinter τ, θ, δ, σ, ν, λ und mit dem Spiritus asper in ὕπο, ὕδωρ u. dgl. Diese Ansicht kann aber schwerlich richtig sein. Böot. (und lak.) ιου erscheint ja bekanntlich nicht nur hinter zwischenvokalischem, sondern auch hinter anlautendem und postkonsonantischem τ, und nicht nur hinter τ, sondern auch hinter den übrigen Dentalen, wie Brugmann selbst bemerkt hat. Und wie reimt sich speziell böot. τιου zu urgr. συ aus ide. *tu*? Woher die verschiedene Behandlung? Und wenn συ auf τ'υ zurückgehen und der hier entwickelte *i*-Laut mit dem Spiritus asper in ὕπο, ὕδωρ u. a. in Zusammenhang stehen sollte, so würde man für σ in συ im Böotischen und Kretischen vielmehr ττ (wie aus ide. *ti̯*) erwarten. Denn dadurch, daß Brugmann nicht *ti̯u*, sondern *t'u* als Vorstufe zu συ schreibt, wird dieser Einwand nicht beseitigt; man muß sich nicht bloß auf dem Papier, sondern auch in der Wirklichkeit einen Unterschied denken können. Schwerer wiegt noch, daß Brugmanns Regel, wie er natürlich selbst bemerkt hat, viele Ausnahmen hat, die er nicht befriedigend erklären kann. Denn man kann zwar allenfalls zugeben, daß in den Adjektiva auf -τυς (wie πλατύς) das τ sich durch den Einfluß der Formen auf -τέος, -τεῖα u.s.w. und sonst verwandter Wörter (wie πλάτος, πλάτη u. a.) erklärt und daß die Abstrakta wie ἀγορητύς u. a. ihr τ Formen wie γνηστός, ρπακτύς u. a. verdanken; aber daß der Einfluß der letztgenannten Formen auch auf Konkreta wie πίτυς, ἴτυς, φῖτυ

u. a. sich hätte erstrecken können, das ist eine allzu bedenkliche Annahme. Und was noch bedenklicher ist, Formen wie πίτυλος, κότυλος, κοτύλη, ῥίτυλος, πίτυρον muß Brugmann als späte Neubildungen ansehen, die erst nach dem Übergang von τυ in συ entstanden wären! Dabei steht κότυλος, was Brugmann nicht verschweigt, in regelrechtem Ablaut zu ai.
274 *cátvāla-s* «Höhlung». Auch empfiehlt es // sich nicht, das inlautende συ vom anlautenden συ- (in συχνός, äol. σύρκες u. a.) trennen zu müssen.

Angesichts der mit Brugmanns Ansicht verbundenen Schwierigkeiten möchte ich eine andere Erklärung des συ vorschlagen, indem ich es auf *tu̯u* zurückführe und z. B. ἧρισυς im suffixalen Teil mit got. *aggwus*[1] «enge» oder lit. *lengvùs* «leicht» vergleiche. Daß das συ nicht so erklärt wird, das kommt wohl nur daher, daß bei Homer die Silbe vor συ nicht positionslang ist und weil nach der herrschenden Annahme inlautendes *-tu̯-* im Attischen und Böotischen nicht -σ(σ)-, sondern -ττ- ergibt. Diese Annahme aber stützt sich einzig und allein auf att. τέτταρες und böot. πέτταρες, ein Zahlwort, das auch sonst unregelmäßige Lautvertretung zeigt (vgl. z. B. lat. *quattuor*), kann also nicht als unumstößlich gelten. Denn sonst könnte man ebensogut auf Grund von dor. τέτορες und att. τέταρτος behaupten, daß *-tu̯-* im Dorischen und Attischen zu -τ- wird. Wie das -τ- in dor. τέτορες durch den Einfluß von τετρα-, τετρω- erklärt wird, so können eben diese Formen auch das -ττ- für zu erwartendes -σ(σ)- in att. τέτταρες (woneben τέταρτος eine spätere Umstellung aus älterem τέτρατος sein kann) und böot. πέτταρες hervorgerufen haben. Man vergleiche dazu auch Formen wie att. κρείττων (neben κράτιστος), ἐρέττω (neben ἐρέτης), ῥέλιττα (neben gen. s. ῥέλιτος), wo man das -ττ- für -σ(σ)- ebenso wie in τέτταρες beurteilen und erklären kann. Jedenfalls dürfte es klar sein, daß das -ττ- in τέτταρες (und πέτταρες) nicht lautgesetzlich entstanden zu sein braucht, sondern anders erklärt werden kann. Und andrerseits liegt es am nächsten, in att. οἶσος, οἶσον, lesb. πέσσυρες, homer. πίσυρες, delph. ἥμισ(σ)ον, att. ἧρισυς u. a. das -σσ- > -σ- lautgesetzlich aus *-tu̯-* zu erklären (zumal bei Brugmanns Auffassung des τέτταρες att. *τός für σός zu erwarten wäre, vgl. att. τήμερον neben ἥττων). In Fällen wie πέσσυρες, im Suffix -συνο- u. a. ist das vorauszusetzende *-tu̯u-* natürlich durch

[1] [Pirmpublicējumā: *aggvus*. — Red.]

Kontamination von *-tu̯e-* und *-tu-* entstanden, wie auch das anlautende συ- aus *tu̯u-*, z. B. in συχνός (vgl. zu diesem Wort Prellwitz Etym. Wrtb.[2]). Ob σύ «du» direkt für τύ oder für *τϝύ eingetreten ist, bleibt ungewiß. — Daß nun aber unser Homertext -συ- (und nicht -σσυ-) aufweist, bildet auch für Brugmanns Auffassung eine Schwierigkeit, die durch seine Schreibung *tⁱu* (statt *tiu*) nicht beseitigt wird. Ich wage daher die Annahme, daß der ursprüngliche Text -τυ- gehabt hat, das später als veraltet durch -συ- (aus -σσυ-) ersetzt ist. //

2. ZU ETR. ἄριμος «AFFE» 275

Nach Strabo XIII p. 626 hätte man den Etruskern ein Wort ἄριμος «Affe» zugeschrieben, das auch von Hesychios bezeugt (aber nicht lokalisiert) wird. Dieses Wort findet sich nun im Lettischen wieder. Ulmanns Wörterbuch gibt *ęrms* «Affe, wunderliche Erscheinung, Possenreißer», das von Bezzenberger GGA 1896, S. 964 zu gr. ἐρῆμος u. a. gestellt wird. Aber daß eine lettische Benennung des Affen altes Erbgut wäre, ist von vorne herein unwahrscheinlich; man müßte annehmen, daß *ęrms* erst sekundär die Bedeutung «Affe» erhalten hätte. Daß es aber ein Lehnwort ist, wird durch die gleichbedeutende Dialektform *ęrms* (z. B. in Wolmar) bewiesen. Denn in den Mundarten mit *ęrms* kommt gedehnt betontes tautosyllabisches *er (ar)* mit kurzem *e (a)* sonst nur in Lehnwörtern vor (während sonst in diesem Fall langer Vokal erscheint). Das *ę* in *ęrms* kann aus *a* entstanden sein (vgl. meine Латышские предлоги I 54[2]), und ein *i* kann zwischen *r* und *m* geschwunden sein. Es fragt sich nur, auf welchem Wege das Wort zu den Letten gekommen sein kann (wobei Thomsens Hypothese von der Verwandtschaft des Etruskischen mit kaukasischen Sprachen zu berücksichtigen ist[3]). Etwa durch Vermittlung der Zigeuner?

---

[2] [Sai izdevumā I 360. — Red.]

[3] [Par etrusku valodas radniecību izteikti dažādi uzskati. Saglabātais valodas materiāls nav pietiekami bagāts, lai varētu droši atzīt kādu vienu hipotēzi. Ja arī etrusku valoda nepiederētu pie ide. valodām, bet pie izmirušu valodu grupas, kas bijusi vidū starp ide. un Kaukāza valodām, ide. valodu ietekme tanī ir nenoliedzama. БСЭ[2] 1957, 49, 258, Konv. IV 7851—7855. — Red.]

3. ZU LAT. *crātis*

Lat. *crātis* «Flechtwerk, Geflecht, Hürde, Rost» hat seine nächsten Verwandten im Baltischen: lett. *krâtiņš* «Käfig; Gefäß, womit gefangene Fische geschöpft werden», lit. *krotaĩ* «Gitterwerk» (z. B. in Wolters LChr. 375, 41; bei Kurschat in Klammern auch *krãtai*). Die weiteren Entsprechungen findet man bei Walde.

Chafkov.

VAI NEVALODNIEKI SPĒJ TALKĀ NĀKT VALODNIEKIEM?

[1913 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 45]

«Domu» pagājušā gada 11. burtnīcā J. Plāķa kgs savam 12
teicamajam rakstam par latviešu zilbju akcentu[1] diemžēl ir piespraudis dažas piezīmes, kas var kļūt kaitīgas zinātnes interesēm, un tāpēc tās ir pienācīgi apgaismojamas. Vispirms Pl. kgs šaubās, vai zinātnei esot ar to kalpots, ka plašu aprindu ļaudis vākuši latviešu tautasdziesmas. Par to var šaubīties tikai tāds, kas nav pamatīgi iepazinies ar Barona tēva lielo krājumu. Zināms, ir ļoti jānožēlo, ka uzrakstītāji izlokšņu formas pa lielākai daļai — pie tam ne konsekventi — ir pārceluši rakstu valodā, ir tekstus šur un tur patvarīgi «labojuši» un retumis pat viltojuši; un patskaņu garums un akcenti apzīmēti ļoti nepilnīgi. Cik kritiski un uzmanīgi tāpēc jāizturas valodniekam, «Latvju dainas» izlietojot, esmu jau plašāki rādījis Austrumā VII[2] 553—557[3]. Daudzie varianti še teksta kritiku lielā mērā atvieglina, un tāpēc, neraugoties uz visiem minētiem trūkumiem, «Latvju dainas» ir valodniekiem neizsmeļams un dzidrākais avots, sevišķi attiecoties uz sintaksi un vārdu sastāvu. Un ne vien valodniekiem, bet arī etnografiem, mītologiem un vēsturniekiem; par to liecina prof. P. Šmidta daudzie raksti un arī mans rakstiņš par senlatviešu labiešiem[4], ar kuŗiem mūs iepazīstināja — mazākais, ar viņu vārdu — vienīgi «Latvju daiņas». — Un tad vēl jāievēro, ka arī lielajām kultūras tautām nav stingri fonētiski uzrakstīta tautasdzies-//mu krā- 13
juma «Latvju dainu» lielumā; par tādiem taču nevar uzlūkot Plāķa kga minētos Rybņikova, Gilferdinga u. c. krājumus!

Tautas dziesmu, pasaku un citu etnografisku materiālu krāšanā tad nu esot ar[ī] bijis «pielaižams» kopējs tautas darbs; bet «nekādā» ziņā tas nedrīkstot notikt, valodas materiālus

[1] [t. i., intonāciju. — Red.]
[2] [Pirmpublicējumā kļūdaini: XX. — Red.]
[3] [Šai izdevumā I 671—678. — Red.]
[4] [Šai izdevumā II 355—357. — Red.]

krājot. Tagad latviešiem esot jau «vairāk nopietnu valodnieku», un daži no tiem ieņemot «cienīgu vietu Eiropas valodnieku starpā». Bet valodas materiālu krāšana esot visai grūts darbs, ko nevalodnieki nespējot veikt; un tāpēc esot «ļoti riskanti» ņemt talkā nevalodniekus vārdu «izskaidrošanā un akcentēšanā» vārdnīcai, kas grib kalpot zinātniskiem nolūkiem. Tâ pamāca Mūlenbacha kgu un mani mūsu jaunais kollēga valodniecībā.

Bet man gribētos to jautāt, cik tad mums ir to valodnieku, un pie tam tādu, kas vāc (ne *vāķ!*) valodas materiālus no pašas tautas mutes? Velme un Ķauliņš, diemžēl, vairs nestrādā valodniecībā; atlikās tikai K. Mūlenbachs, P. Šmidts un šo rindiņu rakstītājs, un nu pievienojas — kâ ceturtais — Plāķa kgs ar savu pētījumu par savas dzimtenes intonāciju izrunu. Tas ir viss; bet, pēc minētiem Plāķa kga vārdiem spriežot, būtu jādomā, ka mums ir jau kāds ducis valodnieku. Bez tam amata darba dēļ varam latviešu valodai ziedot tikai kādu daļu no sava laika; un ceļot pētījumu nolūkā nevar bez naudas līdzekļiem. Tāpēc aicinājām un aicinām talkā arī visus nevalodniekus, kas interesējas par savu tēvu valodu. Un darām to, apzinādamies, ka pie tam rīkojamies tikpat zinātniski, kâ, piem., Pēterburgas Zinātņu akadēmijas krievu nodaļa, kas izsūta programmas izlokšņu aprakstiem ne vien studējušiem valodniekiem, bet arī tautas skolotājiem u. c. Ja jau krievi, kam ir akadēmija, universitātes un pulks valodnieku, nevar iztikt bez
14 nevalodnieku palīdzības // valodas materiālu vākšanā, kâ tad lai iztiekam mēs, nedaudzie latviešu valodnieki?

Un darbs, pie kuŗa aicinām, ir nevalodniekiem gluži labi veicams. Mēs taču no tiem neprasām tādu fonētisku aprakstu, kādu uz eksperimentu pamata pasniedz Plāķa kgs par savu intonāciju izrunu. Mēs no tiem vēlamies tikai sarakstus, ar k ā d u (stieptu, lauztu vai krītošu) intonāciju tie izrunā kuŗu katru vārdu. Un ka tādus sarakstus var sniegt arī nevalodnieki, to pierāda Cīruļa kga raksts XV Rakstu krājumā; tamlīdzīgiem sarakstiem piešķirs lielu vērtību katrs valodnieks, izņemot, kâ liekas, Plāķa kgu. — Tâpat var arī nevalodnieki pasniegt ziņas par citiem valodas jautājumiem, piem., vai kādā vārdā plats vai šaurs *e*; jo katrs latvietis izšķiŗ plato *e*, piem., tagadnes formā *metu* (augšzemn. *matu*) no šaurā *e*, piem., pagātnes formā *metu* (izloksnēs arī *mešu*). Valodnieki te neprasa no nevalodniekiem ziņu, kādu stāvokli ieņem mēle un lūpas, tādu *e* izrunājot, bet tikai starpības apzīmējumu *e* izrunā; un ka tas nav par daudz prasīts, atkal pierāda jau minētais Cīruļa kga

raksts. Pats par sevi saprotams, ka katrs daudzmaz paskolots cilvēks var arī pasniegt ziņas par vārdu nozīmi. Tikai Plāķa kgam tas izliekas «ļoti riskanti». Gribētos zināt, kâ gan pats Plāķa kgs iedomājas leksikografa darbību. Vai tas, atradis rakstniecībā kādu svešu vārdu, lai nu braukā pa visu Latviju, kamēr atrod izdibināmo vārdu? Ja Plāķa kgam ir iespējams tâ strādāt, nu tad mēs, citi valodnieki, tam novēlēsim labas laimes. Bet paši mēs gaidīt gaidām Mūlenbacha kga vārdnīcu, jo esam pārliecināti, ka tā ir tâ, arī nevalodniekus talkā saucot, kalpos «nopietniem, zinātniskiem nolūkiem». Ja Plāķa kgs ar to nebūs apmierināts, neviens jau tam neliedz vienam pašam savākt un apstrādāt «zinātniskāku» latviešu vārdnīcu.

Tâtad tautiešus, kas grib mums, valod-//niekiem, talkā nākt ar materiāliem, lai neatbaida minētie Plāķa kga brīdinājumi, kas varbūt labi domāti, bet nelabi izdevušies.

PAR BĒRZAUNES VĀRDU

[1913 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 141, 2_2]

Dzimtenes Vēstneša 15. jūnija numurā kāds -pa- kgs aizrāda, ka Bērzaunē pērkonu un elkoni saucot par *pārkaunu* un *alkauni,* un spriež no tam, ka pašu bērzauniešu lietotai formai *Bārzaune* rakstu valodā vajadzētu skanēt: *Bęrzuone.* Izliekas gan, ka tâ ir, bet patiesībā tomēr tâ nav. Palaikam taču Bērzaunē runā *au* tais pašos vārdos kâ rakstu valodā (piem., *igauņi* tâpat laikam arī Bērzaunē saucami), un otrādi: rakstu valodas *o* (= *uo*) palaikam paliek nemainīts arī Bērzaunē (tâ, piem., laikam vārdos: *vituols, valuoda, akuots* u. c.). Tâtad bērzauniešu formās *pārkaunc, alkaunę, Bārzaunę* ir cits piedēklis (ar *-au-*) kâ rakstu valodas formās. Bet vietu vārdu rakstībā mums par pamatu jāņem vietējo ļaužu izruna, kas tikai fonētiski — bet ne morfoloģiski — jāpiemēro rakstu valodai. Tas ir, platais *ę* ir Bērzaunē viscauri pārvērties par *a,* un tāpēc rakstu valodā nav jārunā par *Bārzauni,* bet par *Bęrzauni,* bet bērzauniešu *au* nav cēlies no senāka *uo,* un tāpēc pareizāki runāt par *Bęrzauni* un ne par *Bęrzuoni.*

Atzīstama tomēr -pa- kga piezīme tai ziņā, ka tā sniedz valodniekiem derīgu materiālu un no jauna modina interesi par visai svarīgo vietu vārdu lietu.

LATVIEŠI UN LATGALIEŠI

[1913 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 295]

Kad katoļu latviešos Vitebskas guberņā bija radusies tautiskā kustība, viņi paši sāka dēvēties par latgaliešiem. Jau senāk esmu dažkārt ieminējies, ka zinātniski tāds nosaukums nav attaisnojams, bet ir pat nepareizs. Indriķa chronikā[1] par latgaliešiem («Lethigalli») tiek saukti v i s i latvieši, kas dzīvoja uz ziemeļiem no Daugavas, skat. Bielenstein Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache, 74. lpp. Tâtad arī visi Vidzemes latvieši būtu īsteni jāsauc par latgaliešiem. Zinātniskos rakstos Vitebskas guberņas katoļu latviešus pareizāki sauc par «inflantiešiem»; šis vārds ir cēlies no poļu *Inflanty* (= Vitebskas guberņas latviešu apdzīvotā daļa jeb «poļu Vidzeme»), kas savukārt ir radies no vecākas formas *Niflanty*, kas caur disimilāciju cēlusies no **Liflanty* (= vācu *Livland* «Vidzeme»): līdz zviedru valdības laikam sauca par Livoniju (Livland) ne vien tagadējo Vidzemi, bet arī tagadējo Vitebskas guberņas latviešu daļu. Ja nu «inflantiešu» vārds nepatiktu, tâ kâ tas nav pašu vārds, tad varētu jau ar atteikties no «latgaliešu» vārda vēsturiskās nozīmes un lietot šo vārdu patvarīgi sašaurinātā nozīmē. Tikai pie tam jānoskaidro jautājums, ko tagad īsti apzīmē ar «latgaliešu» vārdu. V a l o d a s starpības šis vārds nevar apzīmēt. Vienkārt, «latgaliešu» izloksni runā ne vien Vitebskas guberņā, bet arī Augškurzemē (apmēram no Biržiem un Neretas sākot uz austrumiem), Apukalna, Alūksnes, Zeltiņa, Lejasciema, Gulbenes un Lubānas draudzēs Vidzemē; it sevišķi lubānieši valodas ziņā (izņemot akcentu[2]) stāv daudz tuvāk Vitebskas guberņas inflantiešiem nekâ Vidzemes vidienas latviešiem. Paraugam pielikšu te dažas tautasdziesmas lubāniešu izloksnē:

Ka man byutu tei naudiņa,
kas gul zemis dybynā,

[1] [Pirmpublicējumā: kronikā. — Red.]
[2] [t. i., zilbes akcentu jeb intonāciju. — Red.]

as nūpearktu Reigys pili
ar vusīm voacīšīm.

Searmi zirgi auzys ẹ̄dę̣[3],
mugariņis sagrīzuši;
gudri veiri olu dzẹ̄rę̣,
kungīm tīsys atdavuši.

Pučīt, tovu zīdę̣šonu
malijā[4] kalniņā!
moasiņ, tovu dzeivoašonu
borgu tauktu rūciņā!

As izgoaju tū kalniņu,
Kur gul munc tāvks un moatę̣,
celīs, muna māmuŗiņ!
as syudzę̣šu raudoadama,
kū man dora sveša moatę̣.

Beidzot arī Pliskavas guberņā gar Vitebskas guberņas robežām (netālu no Viļakas) vēl kādos 12 ciemos no seniem
10| laikiem (ne ie-//nācēji!) dzīvo latvieši, kas runā ļoti līdzīgi «inflantiešiem», bet, jau sen atrazdamies zem krievu valdības, ir jau sen pieņēmuši krievu ticību. Vēl nesen šais ciemos bijuši cilvēki, kas krieviski nepratuši ne vārda. Minēšu te dažus izteicienus Savincu ciema izloksnē: *jis nūpirka geiļe* (= viņš nopirka gaili), *agruok tī dzeivova luoči* (= agrāk tur dzīvoja lāči), *inc andzyna* (= viņš atdzina), *inc sied pi durovu* (= viņš sēž pie durvīm), *es bez jūs navaru skeitiet* (= es bez viņu nevaru skaitīt), *sļapļa zemę* (= slapja zeme). Tagad šie vecie Pliskavas guberņas latvieši vairs pat lāga neapzinās, ka tie nav krievi, bet latvieši: latviešu grāmatu tie laikam pat nepazīst, jo skolā un baznīcā tos audzina kâ krievus. Divi Savincu ciema latvieši, ar kuŗiem man gadījās satikties, pat baidījās, vai tiem neradīšoties[5] nepatikšanas par to, ka sarunājušies ar mani pa latviski. Derētu griezt vērību uz šiem aizmirstiem tautas brāļiem (latvieši tur dzīvojot vēl šādos ciemos: Савинцы, Поярково, Паньково, Армуново, Подлипье, Карпово, Стульпино, Разсеки, Городище, Машново, Кузнецово).

Tâtad «inflantiski» runā ne tikai Vitebskas guberņā. Un

---

[3] [Pirmpublicējumā: *ādā*; izloksnes tekstā viscaur ar *ā* apzīmēts gan *ę*, gan *ẹ̄*. Sal. J. Endzelīna Lettisches Lesebuch 131. — Red.]

[4] [Laikam šeit domāts *màlijs*[2] «lehmhaltig» EH I 791. — Red.]

[5] [Pirmpublicējumā: nerādīšoties. — Red.]

otrādi: ne visā Vitebskas guberņas latviešu daļā runā «inflantiski»; ap Krīzburgu runā apmēram tādu pat izloksni kâ Sāvienā, Kalsnavā un Stukmaņos. — Viss tas skaidri rāda, ka «latgaliešu» vārda tagadējai nozīmei nav par pamatu valodas starpība, tâtad arī ne tautības starpība, arī ne ticības starpība (jo ir arī inflantieši ar krievu ticību, un katoļu latvieši // dzīvo arī, piem., Alšvangā Kurzemes rietumos), bet vienīgi kultūras starpība.

Bet ja lieta tāda, tad ir ne vien zinātniski nepareizi, bet arī politiskā ziņā bīstami runāt par «latviešiem un latgaliešiem», kâ to dara kāds L. kgs «Latvijas» 271. Nr.: nedrīkstam ne acumirkli aizmirst, ka šie «latgalieši» ir tie paši latvieši kâ mēs. Lai taču atgādājamies, piemēram, ka Vitebskas guberņā luterāņu un katoļu latvieši pieskaitīti nesen dažādām kūrijām, tas ir, uzskatīti par divām šķirtām tautībām! Bet ja valdība neturēs «latgaliešus» par latviešiem, tad šiem «latgaliešiem» vēl grūtāki nāksies aizstāvēt savas tautiskās tiesības skolā, baznīcā un administrācijā; turpretim kâ «latvieši» tie var atsaukties uz Vidzemes un Kurzemes latviešu drusciņ lielākām tiesībām. Būtu tāpēc varbūt pat labāki pavisam atmest šo «latgaliešu» vārdu un tai vietā lietot ģeografisko nosaukumu «inflantieši». 10

Sakarā ar šo jautājumu nevaru nociesties te nepieminējis, ka nesen «Latvijā» inflantiešu un baltiešu tuvināšanās kustība bija nodēvēta par «nezin kādu tur aizrobežu sajūsmināšanos». Ar dziļu nožēlojumu lasīju tādus tik neapdomīgus un politiski tik īsredzīgus vārdus. Cerēsim, ka neko tamlīdzīgu vairs nelasīsim latviešu presē!

ОТЧЕТ О ЛЕТНЕЙ КОМАНДИРОВКЕ 1912 г. В КУРЛЯНДСКУЮ, ЛИФЛЯНДСКУЮ И ВИТЕБСКУЮ ГУБЕРНИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛАТЫШСКИХ ГОВОРОВ

[1913 Записки имп. Харьковского университета I 19—22]

19 Летом 1912 года я главным образом занимался в Витебской губернии, изучая латышские говоры около Двинска и Люцина и в Райполе, Рунданах, Букмуйже, Андрепне, Дагде, Иозефове, Креславке, Ликсне и в Биржах. С говором Биржского прихода мне удалось ознакомиться весьма обстоятельно.

Из добытых мною результатов я тут отмечу лишь наиболее любопытные. В Рамслове и Трибуках (около Люцина) опрошенные мною лица произносили все долготы с нисходящей интонацией; вместо нисходящей интонации, с которой во всех верхнелатышских говорах совпала длительная интонация, в Витебской губернии (например, в Рунданах) нередко слышится и длительная интонация (наряду с нисходящей в устах одного и того же лица!).

В Биржах и др. *ai* после *k, g* изменилось в *ei,* например *keîds* «какой», *skèidrys* «ясный», *geîĺś* «петух», *gèiďäť* «ждать»; а в Ликсне и др. *ei* изменилось в *ai,* например *maîta* «дочь».

Сочетанию *ìer* (из *ìr* и *iř*) соответствует сочетание *ùor* (наприм., *cătwuorts* «четвертый» в Яунушанах около Двинска) или *ùr* (с долгим *u*; например, *kùrť* «зажигать» в Андрепне, Дагде, Иозефове, Креславке, Биржах и др.), тогда как при прерывистой интонации гласные *i, u* в *ir, ur* остаются краткими.

Долгота гласного сокращена перед тавтосиллабическим сонорным звуком в *dats* «сын» (в Биржах; gen. s. *dâta*), *ď'iu̯s* «бог» (gen. s. *ď'îva*), *tau̯s* «отец» (gen. s. *tàva*) в Иозефове и др.

Тогда как в Иозефове и др. всякое закрытое *ē* изменилось в открытое *ē* (наприм., loc. s. *kťēpî* с откр. *ē*), а в Оппекальне и др. — в дифтонг *ie* (наприм., *drìebas* «платья»),

в Биржах и др. закрытое *ē* изменилось в открытое *ē* перед *ę* в следующем слоге и в словах односложных, а затем уже закрытое *ē*, где оно уцелело, изменилось в дифтонг *ie*; примеры из бирженского говора: *b'ìerzeņč* // «березка»; *b'ìeru* «я сыпал», *b'ìeri* «ты сыпал», *b'ērę* (с открыт. *ē*) «он сыпал», *b'ēręm* (с откр. *ē*) «мы сыпали»; nom. s. *d'ieĺś* «доска» (в нижнелатышском соответствует двусложная форма *dēlis*!), gen. s. *ďieļa*; nom. s. *drēb'ę* (с откр. *ē*) «платье», и под влиянием этой формы также acc. s. *drēb'i* и gen. s. *drēb'is* (с откр. *ē*), но gen. pl. *drìebu*; *vêdžęŧę* (с откр. *ê*) «налим»; *ńìeńešš* «луна»; *kŧiets* «клеть» и *vieś* «ветер» с *ie* под влиянием двусложных падежных форм вроде acc. s. *kŧieť'i*, *vieju* и др.; *ŧiêju* «я лил», *ŧiêji* «ты лил», *ŧiê* «он лил» (= нижнела. *lêja*), *ŧiêm* (= нижнела. *lêjām*) «мы лили», *ŧieť* (нижнела. *lêjāt*) «вы лили»; *êšť* (с откр. *ê*) «есть», *šêďêť* (с откр. *ê* в обоих слогах) «сидеть» : *iêšu* (с долгим *š*) «я буду есть», *šiêďeišu* «я буду сидеть», *iêššìi* «ты будешь есть», *êšš* (с откр. *ê*) «он будет есть», *êššęm* (с откр. *ê*) «мы будем есть»; *vêŧ* (с откр. *ê*) «еще».

Краткое закрытое *e* обыкновенно сохраняется в витебских говорах, за исключением открытого конца слова, где оно изменилось в открытое *ę (ä)*. Кроме того, во многих говорах Витебской губернии закрытое *e* путем ассимиляции изменилось в открытое *ę*, если в следующем слоге имеется открытое *ē* или *ę*, и также в части односложных слов: наприм., *redzieju* «я видел», но *ręd*zēja (с откр. *ē*) «он видел» в Рамслове (около Люцина); *vežu* «я вел», но *vędęt* «вы вели» в Рунданах; *ďevu* «я дал», но *ďęvę* «он дал», *ęgŧę* «ель» (и под влиянием этой формы также acc. s. *ęgŧi* с *ę*); *ęćēť* (с откр. *ē*) «боронить», но I p. s. fut. *ećeišu*, I p. s. praet. *ećeju; iťę* «здесь», *ńęšť* «нести», *ńęš* «неси», *šęń* «давно», но *preť* «против», *b'et* «но» и др. в Биржах.

В Райполе отпадает *v-* перед *u, o, uo*: *okors* «вечер», *ùords* «слово» и др.

Долгие плавные и носовые согласные между гласными сокращены во всех, кажется, витебских говорах, наприм. loc. s. *staĩ*, acc. s. *spaṅi* (в Букмуйже) = нижнела. *staĩlì, spaññi*.

В некоторых говорах вместо *ŧ* перед согласными слышится *u̯*, наприм. *spòu̯va* «перо» в Рамслове, *moûka* «дрова» в Райполе и Ликсне.

Из *smj* получилось *šm*: gen. pl. *dźîšmu* при nom. s. *dźîšmę* «песня» в Биржах и др.

Звонкие взрывные в конце слова в витебских говорах по большей части изменились в глухие, наприм. *atłaît* «отпусти» (= нижнела. *atlaîd*) в Биржах и др.

Перед конечным *-s* *a* и *e* во всех, кажется, витебских говорах изменились в *y* (= р. *ы*) и *i*; так в окончаниях gen. s. и nom. // и acc. pl. основ на *-ā* и *-i̯ē* (других форм на *-as* и *-es* в этих говорах не находим). Эти *y* и *i* (на месте *a* и *e*) — чисто фонетического происхождения: общелатышское *i* было бы в этих окончаниях утрачено витебскими говорами. 21

В некоторых говорах встречаются своеобразные основы наст. времени на *-ļa*, наприм. *dûdļu* «даю», *ā̂ļu* «ем», *pìerkļu* «покупаю», *strùodoiļu* «работаю»; II p. s. *pierkļi*, *struodoiļi*; III p. *struodoiļa* (но *pìerk*); I p. pl. *pierkļam*, *struodoiļam*, *sitļam* «бьем», *pŕiešļam* «дерем» (при *skàitam*, *giu̯stam* и др.); II p. pl. *vadļaťˊ* «ведете» в Рамслове; *śieļu* «сею», II p. s. *śieļi*, III p. *śieļä*; I p. pl. *vatļäm* «ведем» (но *sokam* «говорим»); *vatļaťˊ* «ведете» в деревне Tuteņi (около Люцина); *verļûs* «смотрю», *dûmļu* «даю», *îmļu* «иду» (при *dźieržu* «слышу» и др.); II p. s. *verļîs*; I p. pl. *verļomę̂s* (с откр. *ê*), *îmļom*, *dźieržļom*, *struodoiļam* (при *radzom* «видим» и др.); II p. pl. *verļotês* (с откр. *ê*), при *vadot* «ведете» и др., в Райполе; *kuôpļu* «взлезаю», III p. *kuôpļi*; I p. pl. *kuôpļam* (при *vadam*, *dorom*, *varim* и др.) в Креславке. В Иозефове же встречаются такие же основы на *-ņa*: *ćieršņom* «рубим», *dźieržņom* «слышим», *śitņom* «бьем» (при *pļaunam*, *skaitom*, *radzom*, *vadam*, *tīnom* и др.).

Тогда как в большинстве латышских говоров для II p. pl. ind. praes. и II p. pl. imper. теперь употребляется одна и та же форма, во многих витебских говорах (как и в библии Глюка конца XVII стол.) эти формы еще различаются между собою: *vadat* «ведете», но *vę̆ďiťˊ* «ведите» в Андрепне и др.

Из форм прош. времени отмечу тут: *pļāvu*, *sāvu* («я стрелял»), *spļāvu*, *râvu*, *krāvu*, *bļâvu* в Биржах; в этом говоре из старого *ā* в других случаях получилось *uo*, а *ā* этого говора обыкновенно восходит к старому откр. *ē*. В этом же говоре в I p. s. praet. находим перед *-u* *š*, *ž*, *č*, *dž* из *sj* (но не из *tj*), *zj* (но не из *dj*), *cj*, *dzj*, наприм. *ńešu* «я нес», но *ćītu* «я терпел», *grîžu* «я резал», но *vedu* «я вел», *brauču* «я ехал», *kŕīdžu* «я кричал», *ćieļu* «я поднимал».

Тогда как в нижнелатышском русским «не» и «ни» соответствует теперь одна общая форма отрицания *ne* (или диал. *ni*), в восточнола. говорах еще различают *na* «не» от *ńi*

«ни» (или диал. *nei*), наприм. *ńi·kas ·naaug* «ничто не растет» в Биржах и др. или *nei·kas ·naaug* в Треппенгофе. Когда-то, очевидно, все латышские говоры различали *ne* от *nei (ni)*, подобно славянским языкам. Ср. также лит. *nei vienas nè-geria*.

Из собранного мною словарного материала я тут приведу *dźęļvērt'ę* (с откр. *ē* и с прерыв. инт. первого слога) «радуга»; *bỳuds* «щека» // (= лит. *bũdas* «лицо» в Дусятах); *pàuśt'îs* 22
«готовиться» (вм. нижнела. *pùostiês*); *susât'ivs* «тень» (masc. g. с acc. s. на *-vi*; также Zbiór wiadomości XVI 217), вероятно из **susêtuvis*, в Биржах; *ûsvis* «тесть» (= лит. *úošvis*) в Ляндскороне; *ozbors* «крупа» (с *oz-* из старого префикса *az-*) в Цискатах.

Кроме того, я и теперь по мере возможности следил за географическим распространением известных уже диалектических особенностей и записывал тексты, которые потом войдут в состав задуманной мною монографии по латышской диалектологии[1].

В библиотеке упраздненного Креславского монастыря я искал старолатышских книг; таковых я там не нашел, но зато там оказалось второе издание польско-литовского словаря Ширвида.

Приношу искреннюю благодарность как историко-филологическому факультету за ассигновку пособия на мою поездку, так и ксендзам П. Смельтеру в Райполе, Б. Лайзану в Рунданах и Скрынде в Андрепне за оказанное мне гостеприимство и всяческую поддержку и содействие в моих занятиях.

---

[1] [Laikam domāta Lettisches Lesebuch, kas 1922. g. publicēta Heidelbergā. Bez tam savus pētījumus par latviešu valodu J. Endzelīns aizvien balstījis uz izlokšņu dotumiem. Īpaši jāatgādina Latviešu valodas skaņas un formas 1938. g., Latviešu valodas gramatika 1951. g. u. c. — Red.]

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕЛОЧИ

[1913 РФВ LXX 3, 109—113 un atsevišķā novilkumā]

109

1. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВНЕРУССКОГО И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОГО *-ě*, СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ЮЖНОСЛАВЯНСКОМУ *ę*

В древнерусском и западнославянских языках находим, как известно, в соответствии церковнославянскому -ѧ, гласный *-ě* (или его рефлекс) в окончании род. п. ед. ч. и им. и вин. п. множ. ч. основ на *-i̯ā* и вин. п. множ. ч. основ на *-i̯o*, см. Лекции по истории русск. языка[4] А. И. Соболевского, стр. 152 слл. и Zubatý AfslPh. XV 493 слл. Объяснялось это *-ě* уже неоднократно, но, рассмотрев все предложенные объяснения, Ст. М. Кульбакин приходит к заключению, что происхождение этого *-ě* остается «загадочным» (Древнецерковнославянский язык[1], стр. 163 сл.); поэтому решаюсь предложить новое объяснение этого окончания.

Я полагаю, что, наприм., польск. *ziemie* или чешск. *země* может быть = лит. gen. s. и nom. pl. *žẽmės* и acc. pl. *žemės* (= ла. *zemes*). Этому сопоставлению до сих пор мешало главным образом убеждение, будто литовские существительные на *-ė* и соответствующие им латышские формы на *-e* утратили *-i̯-* между конечным гласным и предшествующим ему согласным, сохранившееся перед велярным гласным в род. п. множ. ч. (лит. *žẽmių*, ла. *zemju*). Trautmann, правда, считает фонетически невозможным возводить, наприм., лит., *žẽmė* к праиндоевр. **ĝhemi̯ē* (Apr. Spr. § 170), и к нему уже примыкает Lommel (Studien über indogerm. Femininbil-
110 dun-//gen 70 сл.); но в своих Славяно-балтийских этюдах 65[21] я уже указал, что это заключение Траутмана неправильно. Лит. *žẽmė* может, но не должно непременно восходить к **ĝhemi̯ē*. Что касается *-i̯-* в род. п. мн. ч. (о котором Траутман l. c. ничего не говорит), то оно допускает двоякое объяснение. Во-первых, возможно думать, что и в балтийских

[1] [Šai izdevumā II 226[112]. — Red.]

языках когда-то существовали рядом и основы на *-i̯ē,* и основы на *-ē,* подобно тому как в латинском языке находим при формах вроде *aciēs, faciēs, speciēs* и др. также формы вроде *fidēs* и др., ср. Brugmann Grdr. II² 1, 220 сл. Так, Бругман l. c. 222 считает возможным, что, наприм., те литовские существительные на *-ė,* рядом с которыми находим инфинитивы на *-ėti* (наприм., *galė* «das Können» : *galėti* «können»), представляют собою старые основы на *-ē.* И в самом деле, естественно думать, что *galė* относится к *galėti* точно так же, как относится, наприм., лит. *raudà* «Wehklage» к *raudóti* «wehklagen»; а что в инфинитивах типа *galėti* перед *-ė* не было никакого *-i̯-,* это нам показывают соответствующие им славянские инфинитивы на *-ѣти.* А если это так, то, ввиду полного совпадения основ на *-ē* с основами на *-i̯ē* во всех остальных падежах, в род. п. множ. ч. основы на *-ē* легко могли перенять окончание (прабалт.) *-i̯ōn* у основ на *-i̯ē,* если бы в индоевропейском праязыке *-ē-ōm* (в gen. pl. у основ на *-ē*) слилось в *-ōm.* Но в этом можно сомневаться; не исключена возможность, что *-ē-ōm* изменилось в *-eōm* > *-e̯ōm,* откуда прабалт. *-i̯ōn.* Итак, прихожу к заключению, что балтийские слова на (лит.) *-ė,* (ла.) *-e* по крайней мере отчасти могут восходить к старым основам на *-ē* (вроде лат. *fidē-s*). Это *-ē,* может быть, восходит к более древнему *-ēi̯* (см. Brugmann l. c. 220 сл. и Lommel l. c. 71); в пользу этого говорит и восходящая интонация лит. *-ė*[2]. //

Вернемся теперь к славянским языкам. Зубатый говорит 111
AfslPh. XV 501 и 511, что в славянском совпали основы на *-i̯ā* с основами на *-i̯ē.* Припомним тут, что в балтийских языках нередко находим рядом однозначащие основы на *-i̯ā* и на *-ē*; ср., наприм., восточнолит. *kundžia* (в словаре Ширвида, под *mol*) : западнолит. *kandẽ,* ла. *kuôde* «моль», ла. *eža* : лит. *ežẽ* «межа», ла. *muša,* лит. *musià* (An. 155 и др.) : *musẽ* «муха», ла. *ecêšas,* лит. *ekėčios* : пр. *aketes* «борона» и Leskien Nom. 264 и 311 сл. Итак, позволительно думать, что также в праславянском когда-то имелись рядом формы вроде **zemĺa* (из **zemi̯ā* или **zemi̯ē*) и **země* (из **zemē*), **voĺa* и **volě, *buŕa* и **burě, *dyńa* и **dyně* и др. Когда после отпадения конечного *-s* формы род. п. ед. ч. и им. и (образованного без *-n-*) вин. п. множ. ч. основ на *-i̯ā (-i̯ē)* и *-ē* совпали фонетически

[2] После этого возникает вопрос, не сохранилось ли это *-ēi̯* в пр. nom. s. *giwei* «жизнь», acc. s. *warein* «власть» и др.; но эти формы допускают и другое толкование, см. мои Славяно-балтийские этюды 67 [šai izdevumā 228 sk.[113] — Red.].

с формой имен. п. ед. ч., могло случиться, что однозначащие формы на *-ʹa* и *-ě* подверглись дифференциации значения: формы на *-ʹa* стали употребляться в значении им. п. ед. ч., а формы на *-ě* — в значении род. п. ед. ч. и им. и вин. п. множ. ч. (наприм., им. п. ед. ч. **voťa* при род. п. ед. ч. и им. и вин. п. множ. ч. **volě*). После перехода *ě* в положении после смягченного согласного в *a* это *-ě* могло быть обобщено в указанных падежах, т. е. проникнуть также в положение после смягченного согласного, так что возникли формы вроде др.-р. *землѣ, троицѣ, душѣ* и др. — Смешению и совпадению основ на *-i̯ā* (или *-i̯ē*) и основ на *-ē* могло содействовать еще и то обстоятельство, что некоторые падежи основ на *-i̯ā* (или *-i̯ē*) фонетически совпали с теми же падежами основ на *-ē*: в дат. и местн. п. ед. ч. получилось *-i* как из *-i̯āi̯*, так и из *-ēi̯* (ср. лит. дат. п. *žēmei*); в зват. п. ед. ч. и те, и другие основы оканчивались на *-e* (ср. праслав. *duše* при *ženo* и лит. диал. voc. s. на *-e* при nom. s. на *-i* из *-ė* у Юркшата Litauische Märchen u. Erzählungen 49 и др.); далее, вероятно, твор. п. ед. ч. и тех, и других основ одинаково оканчивался на *-ejǫ*, и, наконец, может быть, совпали эти основы также в образовании род. п. множ. ч. и им. и вин. п. дв. ч. и род. и местн. п. дв. ч. //

112 Как основы на *-ā* в индоевропейских языках оканчивались в вин. п. множ. ч. и на *-ās*, и на *-āns*, так, вероятно, и основы на *-ē* оканчивались в этом падеже и на *-ēs* (ср. лит. *žemės* = ла. *zemes*), и на *-ēns* > праслав. *-ę*; благодаря такому колебанию между *-ě* и *-ę* в вин. п. множ. ч. основ на *-i̯ā* (или *-i̯ē*) и *-ē* могло возникнуть *-ě* рядом с *-ʹę* (из *-i̯ons*) также в вин. п. множ. ч. основ на *-i̯o*, ср. Zubatý AfslPh. XV 514 сл.

В литовском языке мы находим в род. п. ед. ч. и им. п. множ. ч. циркумфлектированное *ė* (наприм., gen. s. *katės*, nom. pl. *kãtės*); а из циркумфлектированного *-ē*, по мнению некоторых языковедов, в праславянском получилось *-i*. Если бы это мнение было правильно, то оно затрудняло бы мое объяснение окончания *-ě* в вышеуказанных падежах. Но оно основано исключительно на им. п. ед. числа на *-ti* (наприм., црксл. мати, дъшти) и поэтому не может считаться доказанным: во-первых, совершенно неизвестно, оканчивались ли эти формы когда-то в праславянском на *-tḗr* (ср. гр. πατήρ) или же на *-tē* (ср. лит. *duktė*), и формы вроде црксл. камы скорее говорят в пользу *-tḗr*, а во-вторых, возможно считать мати морфологическим новообразованием, возникшим вместо

старого *мать под влиянием слов женского рода на *-и* (на эту возможность указал Соболевский РФВ XXII 21 и Древний црк.-слав. яз. 105). В старочешском еще и находим форму им. п. ед. ч. *mátě,* ср. об этом мои Слблт. эт. 149[3].

В старочешском имеются и формы вроде дат. п. мн. ч. *zemiem* и местн. п. множ. ч. *zemiech,* ср. Zubatý AfslPh. XV 515. Имея в виду, что в старочешском сохранились и другие архаизмы (местн. п. множ. ч. вроде *Doljas* и др. и формы на *-a* из *-ās*, см. Zubatý AfslPh. XV 498[2] и 500), считаю возможным (но только возможным), что также старочешск. *zemiem, zemiech* и др. и им. п. *mátě* представляют собою старые формы. //

2. БОЛГ. *пендесет* И *девендесет* И *nd* ИЗ *dd* 113

Соболевский уже указал ЖМНПр. CCCXIV 64, что болг. *пендесет* «50» и *девендесет* «90» получились из **педдесет*, **деведдесет* (с *-дд-* из *-тд-*) путем перехода *-дд-* в *-нд-*. Тем не менее некоторые ученые и теперь еще считают эти болгарские формы за «остатки носовых» (так Ильинский Грамоты болгарских царей 64, с указанием литературы); Ягич же склонен думать о влиянии греч. πέντε (AfslPh. XXXIV 283), но сам уже указывает на возможность возражения, что в случае такого влияния скорее всего появилась бы форма **пент* или **пенд*. Отсутствие такой формы (как и формы **девент*) и употребление форм *пендесет* и *девендесет* в таких говорах, в которых ѧ и ѫ заменены чистыми гласными, мешают принимать эти числительные за «остатки носовых». Переход *dd* в *nd,* который Ягичу l. c. кажется невероятным, является совершенно понятным и встречается также в других языках. Неудобство, заключающееся в продолжительности затвора долгого *д* (из *-дд-*), устраняется тем, что в начале этого затвора выдыхаемый воздух пропускается в полость носа. То же самое явление находим в ла. диал. *anduôt* (в Пальцмаре) «отдать» из *atduôt* и в лит. диал. *andotu* (в Слониме; Lit. Mitt. IV 171, где, по-видимому неправильно, написано: *antdotu*) из *atduotų,* далее в итал. *rendere* из *reddere* и в цаконском *serindu* из θερίδδω = атт. θερίζω (Thumb Handb. d. griech. Dial. 92). Особенно распространено это явление в семитических языках, см. G. Meyer IF IV 332 сл. и Brockelmann Grundr. d. vergl. Gramm. d. semit. Spr. I 243 слл.

[3] [Sai izdevumā II 300. — Red.]

LITAUISCH-LETTISCHE MISZELLEN

[1913 LtT II 2, 284—294 un atsevišķā novilkumā 3—12]

284 (3)

1. ZUM LIT.-LETT. *ie (ë)*

Изв. XII 1, 40—66[1] glaube ich nachgewiesen zu haben, dass lit.-lett. *ie* aus betontem *ei* entstanden ist, nachdem ein solches *ei* zunächst zu *ē*[2] geworden war, das sich durch seine Qualität vom altererbten *ē*[2] unterschied. Dieser Ansicht hat sich jetzt auch K. Būga angeschlossen.

Sonst aber haben sich über dieselbe bisher nur zwei Fachgenossen geäussert, was nicht auffallend ist. Erstens beschäftigen sich mit den baltischen Sprachen nur wenige Sprachforscher; und zweitens war meine russisch geschriebene Arbeit nicht allen zugänglich, zumal der Anzeiger der Indogermanischen Forschungen (Bd. XXVII, S. 154) sie nur für eine «Besprechung» der früheren Ansichten ausgibt und meinen eigenen Standpunkt ganz verschweigt, während meine ganz unreife, aus den Studentenjahren datierende, Erstlingsarbeit über die lettischen Intonationen[3] in demselben Anzeiger (Bd. X, S. 294 f.) sehr ausführlich referiert wird!

Jene zwei Fachgenossen sind Bezzenberger KZ XLIV 305 und Meillet RSl. V 160 f.[4], die sich beide ablehnend verhalten und bei ihrer frühern Ansicht verbleiben. Da jedoch Bezzenberger keine Gründe dafür angegeben hat, so kommt für mich hier nur Meillet in Betracht. //

285 Aber auch Meillet hat sich damit begnügt, dass er die schon bekannten Formenpaare *mielas* : *méilė, diẽvas* : *deivẽ, sniẽgas* : *snaigýti* anführt, die «d'une manière certaine» zeigen sollen, dass Brugmanns Regel in Gauthiots Fassung («balt. *ai, ei* > lit.-lett. *ie,* ausser vor *i, j*») richtig sei, einige

[1] [Šai izdevumā II 9—30 — rakstā «О происхождении литовско-латышского *ie*». — Red.]

[2] [Pirmpublicējumā: *ė*. — Red.]

[3] [Šai izdevumā I 117—132. — Red.]

[4] Hier sagt Meillet auch, dass ich mich über Nichtbeachtung meiner Ansicht «beklagt» hätte; ich weiss nicht, wo ich das getan hätte.

Schwierigkeiten hervorhebt, die mit meiner Auffassung des *ie* verbunden sind, dagegen diejenigen Formen, die Brugmanns Ansicht direkt widersprechen, beinahe ganz verschweigt und mit dem unbestimmten Ausdruck schliesst, dass meine Auffassung mit «vielen sehr unsichern» Hypothesen verbunden sei.

Prüfen wir zuerst dasjenige Material, das zu Gunsten der Brugmannschen Regel angeführt wird! Ausser den 3 obenangeführten Paaren findet man bei Brugmann und Gauthiot noch *ãtliekas* : *laikýti, kiẽmas* : *kaimýnas, siẽtas* : *pasáitis* (die Intonation gebe ich nach Bezzenberger KZ XLIV 305), *piẽtūs* : *peitwys* (zu diesem Wort s. jedoch Bezzenberger l. c. 292!), im ganzen also nicht mehr als 7 Paare, während es doch sehr viele Formen mit *ie, ei, ai* gibt. Und auch diese 7 Paare sind nicht einwandfrei: neben *mielas* gibt es auch *meilùs;* neben *diẽvas* — *deiváitis, deiváitė* (und *deivótis* «Adieu sagen» bei Juškevič und *atsideivóti* bei Leskien Abl. 272, wenn hier nicht žem. *ėi* aus *ie* vorliegt, wie man nach Juškevič 146 vermuten kann); neben *sniẽgas sniẽgt(i)*[5] «schneit» — *snaĩgala* «Schneeflocke»; neben *laikýti* «halten» — *pãlaikas* «Rest»; neben *kiẽmas* — *káimas* (z. B. LChr. 490, Trak. dzūkų dainos 61, Už-//kab. dain. 1 und 6 und bei Mikkola AfslPh. XX 149) oder *kaima* «Dorf» (bei Jaunis Поиев. гов. I 29); neben *siẽtas* — *siẽti* «binden» : *saĩtas, pasaĩtas* (s. Būga Изв. XVII 1, 31 f.). Also ganz abgesehen davon, dass die von Brugmann und Gauthiot angeführten Formen zum Teil an und für sich nicht eindeutig sind (zu meiner Regel stimmen sehr gut *diẽvas* : *deivẽ* und auch das Brugmanns Ansicht widersprechende *deiváitė* sowie *mielas* : *meilùs,* während *méilė* sein *ei* aus *meilùs, meilingas* u. a. bezogen haben kann), wird ihre Beweiskraft durch die von mir angeführten Nebenformen bedeutend abgeschwächt. Und wie wenig solche ganz willkürlich herausgegriffene Zusammenstellungen beweisen, zeigt ganz klar die Erwägung, dass man ebenso gut auch gerade das Umgekehrte «beweisen» könnte. Vgl. z. B. li. *iẽžti* «aushülsen» (Būga Изв. XVII 1, 32) : le. *aĩza* «Spalte», li. *ìšaižos* «Schlauben»; le. *klìegt* : *klaĩgât;* le. *liêgt* : *laigât, laiguôtiês*[6]; li. I p. s. praes. *miešiu (midų)* bei Szyrwid unter *sycę (miód),* III p. praet. *sumiešė* (Klaipėd. dainos 88) und *miešimas* «Zuckerwasser» (Viltis, J. 1908, Nr. 104) : *maĩštas* «Aufruhr»; le. *riêbt* (4)

[5] Im Waldes Lat. etymol. Wörterbuch wird diese Form für einen Infinitiv ausgegeben!

[6] [*laiguôt* (freqn. zu *liêgt*) «leugnen, lügen», refl. *laîguôtiês* «sich weigern, sich rechtfertigen, sich zieren, ausweichen» ME II 404. — Red.]

«widrigsein» : *raĩba*[7] «Widerwille»; le. *viedêt* «sehen» : li. *véidas, vaidas;* li. *žiẽbti* : *žaĩbas; piẽšti* «schreiben» (s. Būga Изв. XVII 1, 37) : *paĩšas* «Schmutzfleck»; *driẽkti* : *padráikos; giẽžti* : *gaižùs;* li. *niẽžti, niežẽti,* le. *niẽzêt* : *naiza*[8]; le. *spiêst* : *spaîds;* li. *strieponis* : *pastráipomìs;* li. *tiẽsti* : le. *tàisns* u. a. Diese Zusammenstellungen sind nicht schlechter, wohl aber zahlreicher als die von Brugmann und Gauthiot angeführten Formenpaare. Dass aber Brugmann dennoch z. B. nicht etwa *sniẽgt(i)* : *snaĩgala* oder *siẽti* : *saĩtas,* sondern *sniẽgas* : *snaigýti* oder *siẽtas* : *pasáitis* als «beweisend» angesehen hat, kommt vielleicht daher, dass die letztern zuerst seine Aufmerksamkeit auf sich gelenkt und darauf ihn derart gefesselt haben, dass er das weitere Material wenig beachtet hat. Auch mag er der Ansicht gewesen sein, dass das **ẽ*[2] (woraus *ie*) aus *ei, ai* eher vor velaren (als vor palatalen) Vokalen entstehen konnte.

Schon das bisher Gesagte erweist die Unhaltbarkeit der Brugmannschen Regel. Da aber Meillet an ihr so zähe festhält,
286 will ich noch weitere ihr di-//rekt widersprechende Beispiele anführen. Ich habe dieselben schon Изв. XII 1, 45[9] zusammengestellt, da aber Meillet sie kaum beachtet hat, will ich sie auch hier noch in aller Kürze vorführen. In Kurschats Grammatik (§§ 1225—29) allein findet man nicht weniger als 22 Verba vom Typus *gríežiu griežti, liepiù liẽpti* (dazu kommen die oben angeführten li. *iẽžti, miešti, piẽšti,* le. *klìegt, liêgt, riêbt* u. a.), deren *ie* Brugmann selbst für «unaufgeklärt» angesehen hat. Meillet hat sie zwar nicht aufgeklärt, wohl aber beinahe alle mit Stillschweigen übergangen, wodurch jedoch diese Zeugen nicht beseitigt sind. Dazu kommen ferner viele Nominalformen: li. *kviečiaĩ,* le. *kvìeši,* li. *miežỹs,* le. *mìezis,* li. *bríedis,* le. *briêdis,* li. *miẽlės,* le. *mìeles,* li. *riekẽ,* le. *rìecenis,* li. *kíelė, šeivà, greĩtas, kreĩvas,* le. *grèizs, krèiss,* li. *kraĩkas, laĩškas, saĩkas, vaĩdas, vaĩkas, dáiktas, láidas, dainà, maità,* le. *màita,* li. *láima,* le. *laîma,* li. *paĩkas, raĩnas, láibas, raĩbas,* le. *ràibs* u. a. Meillet hält diese zahlreichen «Ausnahmen» mit der lakonischen Bemerkung «la plupart s'expliquent aisément» für abgetan und beseitigt. Mein geehrter Kollege wolle mir verzeihen, wenn ich ihm das nicht aufs Wort glaube, sondern es für eine ganz unverbindliche Redensart halte, solange die

---

[7] [= *raîba* ME III 467. — Red.]
[8] [= *naîza, nàiza*[2], *naîza*[2] ME II 690. — Red.]
[9] [Šai izdevumā II 13. — Red.]

Erklärungen nicht vorliegen. Für zwei «Ausnahmen» hat Meillet allerdings eine Erklärung vorgeschlagen; und man wird wohl annehmen dürfen, dass er nicht gerade die schwierigsten, sondern die am leichtesten zu erklärenden Fälle ausgesucht hat (diese Annahme wird auch durch das auf «aisément» folgende «ainsi» nahe gelegt). Aber auch diese Erklärungen wollen mir wenigstens nicht einleuchten. Li. *saĩkas* habe *ai* unter dem Einfluss von *seikiù* beibehalten; ich hätte im // Fall einer Beeinflussung durch *seikiù* eher ein **seĩkas* (5)
erwartet, während nach Meillets Ansicht die Litauer dabei an Formenpaare wie *lañkas* : *leñkti* gedacht haben müssten, was kaum eine «leichte» Erklärung ist. Die zweite Erklärung ist mir unverständlich: *liẽžti* hätte unter dem Einfluss von *liežùvis* dem Präsens *liežiù* seine Form gegeben. Aber nach Meillets eigener Ansicht müsste es ja nicht *liẽžti*, sondern **leĩžti* heissen; höchstens könnte man sagen, dass *liẽžti* und *liežiù* ihr *ie* aus *liežùvis* bezogen haben (obwohl gerade umgekehrt das alte **įžuvis* = pr. *insuwis* unter dem Einfluss von *liẽžti* zu *liežùvis* umgewandelt ist). Doch es mag die Schuld an mir liegen, wenn mir diese zwei Erklärungen nicht ganz einleuchten! Dafür aber möchte ich sehr gern die «leichte Erklärung» der übrigen, so zahlreichen «Ausnahmen» erfahren. Gibt es doch darunter nicht wenige ganz isolierte (innerhalb des Baltischen!) und dabei offenbar altererbte Wörter (man wolle gefälligst die obige Liste durchmustern!), in deren Paradigmen Formen, welche ihre «Ausnahmestellung» bewirkt haben könnten, entweder ganz oder beinahe ganz fehlen. Als ich (nach dem Erscheinen seiner Rezension) Herrn Professor Meillet auf diese unlösbaren Schwierigkeiten noch einmal aufmerksam machte, antwortete er mir (brieflich), dass unerklärbare Ausnahmen in einer Sprache, die uns erst seit wenigen Jahrhunderten bekannt ist, nicht weiter auffällig wären. Dieses Argument ist aber erstens eine sehr zweischneidige Waffe; denn wenn Meillet mit seiner Hilfe die s e i n e r Ansicht widersprechenden (und dabei zahlreichen) Formen beseitigen will, mit welchem Recht rückt er dann m i r die (wenigen und dazu von mir erklärten) Ausnahmen meiner Regel vor, und woher haben wir dann die Gewissheit, dass z. B. gerade *sniẽgas* : *snaigýti* (und nicht etwa *sniẽgt(i)* : *snaĩgala*) die lautgesetzlichen Formen sind? Und zweitens ist das genannte Argument nur dann mit einigem Recht anwendbar, wenn die Ausnahmen etymologisch unklar und nicht zahlreich sind, während es sich in unserm Fall um «Ausnahmen» handelt, die vielleicht zahl-

reicher als die angeblich lautgesetzlichen Formen und zum grossen Teil etymologisch ganz klar und altererbt sind. Angesichts dieser Schwierigkeiten hat Brugmann (Grdr. I² 191)
287 selbst eingestanden, dass die Bedin-//gung für die Entstehung von *ie* «noch nicht mit Sicherheit ermittelt» sei, während Gauthiot und Meillet Brugmanns blosse Vermutung für wahrscheinlich halten. Ihre Unmöglichkeit glaube ich genügend demonstriert zu haben.

Jetzt will ich die von Meillet gegen meine Ansicht vorgebrachten Argumente prüfen. In meiner oben erwähnten Abhandlung glaube ich nachgewiesen zu haben, dass *ie* nur aus (betontem) *ei*, nicht aber aus balt. *ai* entstanden ist[10]. Meillet führt dagegen *sniẽgas, dieverìs, iẽšmas* und *ieškóti* an, die ausser *ieškóti* schon von mir selbst besprochen waren. Dabei erweist es sich, dass er meine Arbeit, trotzdem er gegen sie polemisiert, nicht ganz oder nicht aufmerksam gelesen hat. Denn betreffs *sniẽgas* bemerkt Meillet, dass sein *ie* schwerlich aus altererbtem *ei* entstanden sei, ohne das von mir darüber Gesagte zu beachten. Ich hatte aber schon selbst (l. c. 42 f.[11]) bemerkt, dass «viel wahrscheinlicher» gleich pr. *snaygis* auch li. *sniẽgas* und le. *snìegs* auf urbalt. **snaigas* zurückgehen, das auch durch die litauische Ableitung *snaĩgala* bezeugt wird (vgl. daneben das spätere *sniegala*); und dass dieses **snaigas* durch Anlehnung an die jetzigen Verbalformen li. *sniẽgt* oder (in Dusetos, nach einer Mitteilung K. Būgas) *sniẽga*, le. *snìeg* «schneit» (: gr. νείφει), die *ie* ohne Zweifel aus *ei* haben, zu **sneigas* (> li. *sniẽgas*, le. *snìegs*) geworden ist. Dabei wies ich auf die Parallele hin, die wir im Lateinischen finden: acc. pl. *ningues* statt *nives* unter dem Einfluss von *ninguit* (= li. *sniñga*). Ähnlich findet man neben li. *lietus* (z. B. bei Daukša, Kat. 3,5), le. *liẽtus* «Regen» die nach li. *lỹja lýti*, le. *lìst lìt* «regnen» geschaffenen Neubildungen li. *lytùs*, ostle. **lītus* > *leits*; *snìegs snìeg* «es schneit» und *liẽtus lìst* «es
(6) regnet» sind ja im // Lettischen sehr gebräuchliche Verbindungen, und ähnlich wird es sich wohl auch im Litauischen verhalten. Wie man sieht, ist meine Erklärung des *ie* in *sniẽgas* ganz ungezwungen und wohlbegründet und auf keinen Fall schlechter, als die von Meillet für *saĩkas* gegebene Erklärung.

---

[10] [Drošu J. Endzelīna apgalvojumu par *ie* cilmi neatrodam La. gr. 28. § a, kur sacīts: «Šis lei. un la. *ie* šķiet radies caur (platu) *ē* no bijuša pirmbaltu *ēi*; tāds pirmbaltu *ēi* bija laikam tikai uzsvērtās zilbēs.» — Red.]

[11] [Šai izdevumā II 11. — Red.]

Nur betreffs *dievẽris* muss ich Meillet darin Recht geben, dass es schwerlich aus dem Slavischen entlehnt ist. Aber auch nach Brugmanns Auffassung müsste es ja **daivẽris* und nicht *dievẽris* heissen, da nach Brugmanns Ansicht *ai* und *ei* vor palatalen Vokalen erhalten sind (darunter auch vor *e*, s. seinen Grdr. I² 191). Allerdings scheinen Gauthiot und Meillet, ohne Brugmann direkt zu widersprechen, *ai* und *ei* nur vor *i, j* für lautgesetzlich zu halten (deshalb erwähnt Gauthiot IF XXVI 353[1], dass in *méilė* zwischen *l* und *ė* ein *j* geschwunden ist); aber der Schwund von *į* vor palatalen Vokalen ist — nach pr. *semmē* zu urteilen — eher schon im Urbaltischen als nach der Entstehung von *ie* erfolgt (über pr. *semmien* und *muisieson* s. meine Слблт. эт. 65² und 66[1 12]). Somit hätten Anhänger der Brugmannschen Auffassung kein Recht, mir dies *dievẽris* vorzurücken. Dennoch aber will ich eine Erklärung desselben versuchen. Man findet nämlich im Lettischen neben *dieveris* die gleichbedeutenden Nebenformen *dievainis* BW 7260 var. und *dievelis* BW 18879 var. (vgl. auch die lit. Nebenformen *dievervis* und *dievieris* bei Kurschat). Diese Nebenformen scheinen darauf hinzudeuten, dass das alte **daiver* im Litauisch-Lettischen volksetymologisch zu **deiver* umgebildet ist; in Betracht kommen dabei Formen wie le. *dievuojs* BW 15861 und 8062 var., *dievuots* 8062, 1 var. oder *dievîgs* 8062, 3 var. (die Varianten bieten dafür: *ražîgs* «ergiebig», *laimîgs* «glücklich», *svẽtîgs* «gesegnet» oder *vèicîgs* «gedeihlich»). Die Möglichkeit einer solchen Umbildung des alten **daiver-* ist ja wegen lat. *levir,* ags. *tácor* und ahd. *zeihhur* über allen Zweifel erhaben. Wie also z. B. ags. *tácor* nicht beweist, dass *w* im Angelsächsischen zu *k* geworden ist, ebenso wenig beweist auch *dievẽris,* dass *ie* auch aus *ai* entstehen konnte.//

Es bleiben noch *iẽšmas* und *ieškóti*[13], die nach Meillets 288
Meinung «semblent prouver» *ie* aus *ai* «avec une force singulière». Die eigenen Argumente scheinen eben uns stets unwiderstehlich zu sein. Meillet hat dabei wohl an gr. αἰχμή und arm. *aiç* «Untersuchung» und lat. *aerusco* «bitte» gedacht (Berneker führt in seinem Slavischen etymologischen Wörterbuch unter *iskati* auch ein umbr. *aiscurent* an, wofür jedoch *eiscurent* zu lesen ist). Zu meinen Gunsten kann ich Folgendes

[12] [Šai izdevumā II 226[112] un 229[113]. — Red.]

[13] *ieškóti* hatte ich in meiner frühern Arbeit [skat. 1. parindi. — Red.] zufällig übersehen, denn absichtlich würde ich meiner Ansicht scheinbar widersprechende Formen nicht verschweigen.

geltend machen. Erstens scheint balt. *a-* zuweilen zu *e* geworden zu sein (s. z. B. Bezzenberger BB XXIII 296 ff.); auf diese Weise konnte vielleicht gelegentlich auch *ai-* zu *ei* (woraus *ie-*) werden. Mehr Gewicht lege ich jedoch auf die folgenden Erwägungen. Neben li. *ieškóti* stehend, scheint ja auch slav. *iskáti* sein *i-* eher aus ide. *ei-* als aus *i-* zu haben, und für diesen Ursprung (d. h. aus *ei-*) des *i-* scheinen auch noch folgende Formen zu sprechen: aksl. *сънискати* (vgl. daneben z. B. *сънькмъ* neben *имъ*), čech. (alt) *jískati* oder (dial.) *iskať* (vgl. daneben čech. *jdu, jho, (j)hra, jehla, kra, (j)mám, (j)melí, jméno, jmu, (j)movitý, jespa* einerseits und čech. *jíva, jistý* = le. *iēva, īsts*[14] andrerseits). Arm. *aiç* beweist kein altes *ai-* in dieser Wurzel, vgl. arm. *aitnum* «schwelle» : gr. οἶδος «Geschwulst» und Pedersen KZ XXXVI 99. Und wenn lat. *aerusco* wirklich mit li. *ieškóti* zusammengehört (was ja nicht als sicher[15] gilt), so ist das Verhältnis von *ieškóti* zu *aerusco* sowie *iēšmas* : αἰχμή genau dasselbe, wie in li. *kreĩpti* : gr.
(7) κραιπάλη; le. *siet* (Präter. *sè-//ju*) : lat. *saeta;* aisl. *þiórr* : lat. *taurus,* osk. acc. s. ταυρομ, gr. ταῦρος; got. *stiurjan* u. a. : lat. *restaurare*; aisl. *kióll* : gr. γαῦλος; ahd. *giumo* : gr. χαῦνος. — Was speziell *iēšmas* betrifft, so deutet auf *ai* ganz sicher nur gr. αἰχμή, nicht aber unbedingt auch pr. *aysmis,* denn dass im Preussischen *ei* mundartlich zu *ai* geworden ist, zeigt uns pr. *sonday* (neben *deiws,* li. *deivẽ,* osk. *deivai,* air. *día*[16] u. a.). Dass *iēšmas* trotz gr. αἰχμή der *e*-Reihe angehören kann, zeigen die eben angeführten Ablautsformen mit *ei* : *ai* und *eu* : *au*; und Bezzenberger (der *ie* aus *ai* prinzipiell anerkennt, s. BB XXIII 299) hält tatsächlich (BB XXVII 166) *iēšmas* für verwandt mit li. *éižėti* «platzen» (Schreibung und Bedeutung so nach K. Būga Изв. XVII 1, 32).

In li. *víenas,* le. *viêns* aber ist das *ie* (aus *ei*) neben dem *oi* in gr. οἰνή, lat. *ūnus,* air. *oen,* got. *ains* u.s.w. nicht auffallender, als das *i* in urslav. **инъ*; und das alte *ei* liegt noch in li. *vičveĩnelis* «ganz allein» vor.

Dass wir also in einigen wenigen Wörtern *ie* da finden, wo wir vom Standpunkt der verwandten Sprachen aus eher hätten *ai* erwarten sollen, lässt sich begreifen und kann meine Regel

---

[14] Vgl. dazu meine Слблт. эт. 55 f. [šai izdevumā II 218. — Red.].

[15] Nach Walde ist *aerusco* «unsicherer Herkunft».

[16] Gegen diese Zeugen kann das finnische Lehnwort *taivas* nicht aufkommen, zumal überhaupt einem lit.-lett. *ie* oder *ei* in den finnischen Lehnwörtern ein *ai* entspricht, s. Thomsen Beröringer 101 ff. Aus den uns bekannten baltischen Sprachen kann ich das finn. *ai* nicht erklären.

nicht umstossen; vgl. dazu noch Изв. XII 1, 44[17] sowie den Umstand, dass slav. *y* (aus ide. *ū*) so oft *u*-Diphthongen der verwandten Sprachen gegenübersteht, dass Jagić AfslPh. XX 370 daraus sogar den verfehlten Schluss zog, slav. *y* könne auch aus ide. *eu* entstanden sein. Ihm ähnlich aber verfährt man, wenn man wegen *dievẽris, iẽšmas, ieškóti, vienas ie* auch aus urbalt. *ai* entstanden sein lässt. Zudem beachte man, dass in einem solchen Fall die Entstehung von *ie* sich überhaupt keiner Regel unterordnen lässt.

Gehen wir zum *ie* der Endsilben über! Da man in den Endungen recht oft Unterschiede sogar innerhalb engverwandter Sprachen findet (so z. B. im dat. pl. pr. *-mas* : li. *-mus*, aksl. *-мъ*, s. meine Слблт. эт. 152 ff.[18]), ja // sogar innerhalb der 289
Mundarten einer und derselben Sprache (vgl. z. B. le. loc. s. *sirdi* neben dial. *sirdie, sirdei* und *sirdē*, s. meine Слблт. эт. 177 ff.[19]), so halte ich es für methodologisch richtig, bei der sprachgeschichtlichen Bestimmung der auslautenden Vokale und Diphthonge sich weniger durch die entsprechenden Endungen der verwandten Sprachen als durch die für den Inlaut der betreffenden Sprache geltenden Lautgesetze leiten zu lassen. Sonst käme man dazu, dass man z. B. got. *-ē*[2] im gen. pl. aus ide. *-ōm*, oder (was auch wirklich geschehen ist) urslav. *-u* im dat. s. aus ide. *-ōi*, oder urslav. *-y* im instr. pl. aus ide. *-ōis* herleiten würde. Ich sehe hierbei natürlich von solchen Erscheinungen ab, die speziell durch die Stellung im Auslaut erklärt werden können und müssen. Da nun nicht abzusehen ist, weshalb *ie* zwar nicht im Inlaut, wohl aber im Auslaut aus balt. *ai* hätte entstehen können, so halte ich jetzt — im Gegensatz zu meiner frühern Arbeit[20] — für wahrscheinlich, dass lit.-lett. *ie* auch im Auslaut nur aus *ei* entstanden ist.

Meillet führt allerdings dagegen li. *te-sukiẽ* an, «qui semble décisif». Mindestens ebenso «entscheidend» für die Erhaltung des urbalt. *-ai* sind die litauischen Plurale auf *ai* (z. B. *vilkaĩ*) und die Adverbia auf *ai* (z. B. *labaĩ*), s. meine Слблт. эт. 138 ff. und 166[2 21], während li. *tiẽ*, le. *tiẽ* aus urbalt. **tei* entstanden sind. Dieses **tei* aber war eine Neubildung nach **(j)ei*,

---

[17] [Šai izdevumā II 12. Šie paši uzskati J. Endzelīnam ir arī La. gr. 59 sk. — Red.]

[18] [Šai izdevumā II 303 skk. — Red.]

[19] [Šai izdevumā II 325 sk. — Red.]

[20] [Rakstā «О происхождении литовско-латышского *ie*» — šai izdevumā II 29 sk. — Red.]

[21] [Šai izdevumā II 290 skk. un 315[280]. — Red.]

šei, die von jeher (zu den Stämmen *i-*, *ši-* gehörend) neben **toi* da waren (s. Hujer Sborn. fil. II 188 ff.); nach **jās*, **šjās* : **(j)ei*, **šei* konnte auch neben **tās* ein **tei* aufkommen (vgl. ostlett. *tis* «der», *tei* «die» : gen. s. *tuo*, *tuos* nach *jis*, *jei* : gen. s. *juo*, *juos*). Dass auch im Preussischen ein **s-tei* //
(8) existiert hat, wird indirekt noch durch *stēison*, *stēimans* und *tennei* bezeugt; da dieses **stei* als Artikel vor Substantiven auf *-ai* gebraucht wurde, so wurde es nachher durch *stai* verdrängt. Ehe noch das alte **toi* >**tai* durch **tei* verdrängt war, hat es sein *-oi* resp. *-ai* auf die Adjektiva und durch ihre Vermittlung weiterhin auf die Substantiva übertragen; während nun die Substantiva es behielten, haben die Adjektiva nachher unter dem Einfluss des neugebildeten **tei* das ältere *-ai* zu Gunsten von *-ei* (> *-ie*) aufgegeben, als auch in den dat. s. und pl. und in den loc. s. der Adjektiva die pronominale Endung eindrang. — Wie ich schon in den Слблт. эт. 142[22] auseinandergesetzt habe, ist diese Annahme mit keinen Schwierigkeiten verbunden; während Meillet das wiederum nicht beachtet hat und RSl. 161 f. nochmals seine alten, von mir schon entkräfteten Argumente vorführt.

Li. *te-sukiẽ* aber kann *ie* aus balt. *ai* nicht beweisen. Da die verbalen *o*-Stämme im Auslaut so oft *e* neben *o* zeigen, so könnte man schon a priori auch im Optativ *-ei-* neben *-oi-* voraussetzen. Und im Preussischen liegt noch tatsächlich im Optativ *-ei-* neben *-ai-* vor: *edeitte*, *kyrteis*, *weddeis*, *mukineyti*, *seisei*, *seiti* u. a. Nun lässt man allerdings diese Formen unter dem Einfluss von Formen wie *etwerpeis* (wo *-peis* auf urbalt. *-pjais* zurückgehen k a n n) entstanden sein; aber notwendig ist diese Annahme nicht, und für *seisei* (1×), *seīti* (2×) oder *seiti* (5× nach Trautmann) ist sie sogar bedenklich: hier findet man neben *-ei-* kein *-ai-*, während doch in den Optativen der *o*-Stämme *-ai-* (z. B. *wedais*) neben *-ei-* recht häufig auftritt. Ausserdem beachte man, dass in den übrigen Sprachen — mit Ausnahme des Griechischen — das *ei* im Optativ phonetisch mit *ī* oder mit *oi* zusammenfallen musste. Im Griechischen aber findet man Optativformen mit -ει-, s. Wackernagel Verm. Beiträge z. griech. Sprachkunde 42 ff. (vielleicht enthalten infolge von Kontamination von *-ei-*+*-i̯ē-* dasselbe *-ei-* auch Formen wie εἴη, εἰδείη und hom. ἰείη). Und im Litauischen findet man neben *-ie* (aus *-ei*) vereinzelt auch noch *-ai-*: *telistai*, *tejedai* bei Schleicher Gramm. 228; da nun z. B. *telýsta* und

[22] [Šai izdevumā II 293 sk. — Red.]

telistai gleiche Bedeutung haben, *lýsta* aber jetzt nur Indikativ ist, so konnten vielleicht auch die alten Optative auf *-ai* Indikativbedeutung erhalten (vgl. die Indikative *vystai, plaukiai* u. a. bei // Schleicher l. c. 227 f. und lettische Formen wie II p. pl. ind. praes. *nesiet, darait*). Diese Annahme ist nicht ganz ohne Bedenken, da man auch ausserhalb des ind. praes. litauische Verbalformen auf *-ai* findet (das Schwanken z. B. zwischen *lýst(a)* und *lystaĩ* im ind. praes. könnte z. B. die III p. fut. *gausai* neben *gaus* hervorgerufen haben), aber ich würde sie doch dem Operieren mit einer Partikel *-ai* vorziehen. 290

Etwas schwieriger sind Dualformen wie li. *gerieji-dvi ranki,* da man für die *ā*-Stämme zwar nicht wegen lat. *duae* (das eine deutliche Pluralform ist, die das alte, masculinisch aussehende **duī* verdrängt hat), wohl aber wegen air. *mnái* und auch a priori eher *-ai* als *-oi* für die ide. Ursprache voraussetzen möchte, während das Neutrum der *o*-Stämme wohl eher auf *-oi* endete. Da nun im Urbaltischen *-ai* und *-oi* zusammengefallen waren und in der Pronominalflexion wahrscheinlich im Neutrum (wie im nom. pl. masc. g.) **(j)ei,* **šei* neben **tai* standen, so konnte auch hier (wie in einer frühern Epoche im nom. pl. masc. g.) die Neubildung **tei* neben **tai* aufkommen, und zwar anfänglich im Neutrum und nachher auch im Femininum, da dieses mit dem Neutrum gleichlautend war; später konnte dann dieses *-ei* auch in die nominale Flexion eindringen. Möglicherweise war aber auch für das Femininum die Endung *-oi,* das mit *-ei* ablautete, vgl. cymr. *dwy,* acorn. *dui* «duae» aus **dụei*; die letztere Annahme ist viel einfacher und daher wahrscheinlicher (air. *mnái* könnte Neubildung sein, zumal es nicht zu *di* «duae» stimmt, das vielleicht in proklitischer Stellung dem cymr. *dwy* entsprechen kann). //

Den medialen Personalendungen *-mie-s* für die I p. s. (darnach auch für die I p. pl.) und *-sie-s* für die II p. s. (darnach auch *-tie-s* für die II p. pl.) stehen allerdings gr. -μαι, -σαι gegenüber. Aber die slavische Endung *-si* für die II p. s. lässt sich phonetisch leichter aus *-sei* als aus *-sai* herleiten; und im Preussischen findet man zwar ausschliesslich *-mai* für die I p. s. und pl. (z. B. *asmai*), aber *-sei* neben *-sai* für die II p. s. (z. B. *waisei* = aksl. *вѣси*) und *-tei* neben *-tai* für die II p. pl. Darnach scheint es, dass im Slavisch-Baltischen neben *-mai* für die I p. s. ein *-sei* für die II p. s. existierte, worauf im Litauisch-Lettischen nach *-sei* auch *-mai* zu *-mei* umgeformt ist. (9)

Die sonstigen Endsilben mit *ie* bieten gar keine Schwierigkeiten. Mit dem gen. s. der *i*-Stämme auf *-ies* vgl. oskische Formen wie *aeteis*; betreffs der lettischen loc. s. der *i*-Stämme auf *-ie* s. meine Слблт. эт. 177 f.[23] Dass unbetontes *-ei* erhalten blieb, zeigen li. *beĩ* «und», *neĩ* (z. B. *nei vienas*, aber *niẽkas, niẽkaip, niẽkur*).

Ich glaube jetzt alle Schwierigkeiten, die mit meiner Ansicht verbunden sind, besprochen zu haben. Dass sie weniger zahlreich sind, als die mit Brugmanns Ansicht verbundenen, kann numerisch bewiesen werden, wie aus dem oben Gesagten zu ersehen ist; wer aber mehr zu «sehr unsichern» Hypothesen seine Zuflucht nehmen muss, möge ein unbefangenes Urteil entscheiden[24]. Nur über die Entstehung von *ie* sei noch bemerkt, dass *ēi* aus betontem *ei* sowie *ē* aus *ēi* und endlich *ie* aus *ē* auch später noch vielfach im Litauisch-Lettischen vorkommen (s. Изв. XII 1, 53 ff.[25]), während der von Meillet und Gauthiot vorausgesetzte Übergang von *ai* und *ei* in *ieį* sich durch keine Parallelen im Baltischen stützen lässt; «unwahrscheinlich» nenne ich ihn nur deshalb nicht, um nicht in den von Meillet begangenen Fehler zu verfallen, der zuweilen statt objektiver Argumente rein subjektive Gefühlsäusserungen als Beweisgründe vorführt. //

291 Kritiken meiner Ansichten sind mir stets erwünscht, da es mir nicht um Durchsetzung meiner Ansichten, sondern um Ermittelung der wissenschaftlichen Wahrheit zu tun ist; nur müssen Kritiken auf gründlicher Bekanntschaft mit dem sprachlichen Material und der vorliegenden Literatur beruhen.

2. AUS DEM «COMPENDIUM GRAMATICAE LITHVANICAE THEOPHILI SCHULTZEN» V. J. 1673

Die bibliographischen Notizen zu dieser Grammatik sind in Bezzenbergers «Beiträgen zur Geschichte der litauischen Sprache» p. XXXIII zu finden. In diesen «Beiträgen» hat Bezzenberger auch aus dem Inhalt dieser Grammatik einige Bemerkungen mitgeteilt. Ich will daher hier nur einige bemerkenswerte Formen mitteilen, die von Bezzenberger übergangen sind.

---

[23] [Sai izdevumā II 325 sk. — Red.]

[24] Dabei muss man jedoch beachten, dass Brugmann, Gauthiot und Meillet unsichere Hypothesen meist vermeiden, indem sie den Schwierigkeiten ganz aus dem Wege gehen.

[25] [Sai izdevumā II 19 skk. — Red.]

S. 19 und 25 findet man den Namen *Prusa* (*u* ist hier jedenfalls lang) «Prussia»; vgl. damit le. *Kursa* «Kurland» BW 251, 6, li. *Vokia* «Deutschland» (z. B. gen. s. *Wókios* bei Daukša Post. 124,31 und 192,1) = le. **Vāca* (zu erschliessen aus dem gen. s. *Vuocys* in Vorkova, = niederlett. **Vācas*).

S. 25 nom. s. *Wieszpati* «hospita» (auch im Katechismus v. J. 1605, in der Neuausgabe Bystrońs S. 55 u. a.; daneben *weschpatni* Lit. Mitt. V 119, 129, 164), acc. s. *wieszpaczę* «matrem familias» S. 10.

S. 66 *anaskat* «ecce iste», *sziskat* «ecce hic», *taskat* «ecce ille» (auch // bei Bretkunas, s. Bezzenberger l. c. 175 f.). Diese (10)
Formen enthalten ein *-skat,* das zu le. *skatît* «schauen» gehört, vgl. li. *màt* neben *matýti.*

S. 62 *tieg, tiegal, tiegales* «dixit, dicebat, ajebat»; *tieg* «inquit» auch bei Szyrwid[26] (s. Zubatý IF IV 472) und Daukša (z. B. Post. 34,22 und 55,1). Vgl. *ištéigti* «aussprechen» bei Juškevič S. 649 unter *išteĩkti.*

Von den Formen der athematischen Konjugation seien hier folgende, teilweise auch aus andern Quellen bekannte Formen angeführt: I p. s. praes. *demmi* (= *dẽmi*) «pono» S. 53, 58 und 59, *emi* «edo» S. 53, *giemi* «cano» S. 58 (2×), auch in Szyrwids Wörterbuch unter *Spiewam, peikmi* «contemno» S. 53 und 58. Eine alte Zuschrift auf S. 58 des Exemplars der Charkover Universitätsbibliothek bietet ausserdem noch *bėgmi* «curro» und *audmi* neben *audžiu.*

S. 80 liest man *jûdu kelusę tą paczę adyną* «surgentes eadem hora», wo das *-ę* in *kelusę* wichtig für die Beurteilung dieser Form wäre, wenn man nur wüsste, dass es kein Druckfehler (für *-e*) ist; vgl. daneben z. B. das fehlerhafte *sakęs* (als III p. praet.[27]) «dicebat se» S. 82 und 84.

Interessant ist die Übersetzung einiger Ausdrücke mit *be-*: *bè myliu* «nihil aliud facio quam diligere» S. 41, *bè eimi* «modo eo» S. 42, *bègerriu* «ich thue nichts anders als dass ich trincke» u. a. S. 70. Darnach scheint das Verbalpräfix *be-* mit *bè* «ohne» im Grunde identisch zu sein. Man kann z. B. annehmen, dass die Antwort auf eine Frage *«ką̃ veikì?»* ursprünglich etwa *«niẽką* (oder: *niẽko*) *neveikiù, bevargstù»* lautete («ich tue nichts, a u s s e r dass ich leide»), und das jetzige *«ką̃ veikì? be-vargstù»* für einen darausentstandenen elliptischen Ausdruck halten. //

---

[26] Auch in seinem Wörterbuch unter *powiada.*

[27] [Pirmpublicējumā: prf. — Red.]

3. BEITRÄGE ZUR LITAUISCHEN DIALEKTOLOGIE VON DR. ALEXANDER DORITSCH

Tilsit 1911 (= Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft. 31. Heft), 8°, CCXL + 136

Nach dem Vorwort, das über des Verfassers Reisen in Litauen berichtet, folgt ein Kapitel über die Grenzen des litauischen Sprachgebiets[28], das zum Teil selbständige Angaben enthält, ferner Kapitel II über die Zahl der Litauer und Kapitel III über die Einteilung der litauischen Dialekte (nach Schleicher, Kurschat, Leskien, Bezzenberger und Baranowski[29]; sehr nützlich ist die Baranowskis Handschriften entnommene Aufzählung der einzelnen Parochien, die zu den von Baranowski aufgenommenen Mundarten des Kownoschen Gouvernements gehören). Darauf folgen Beiträge zur Grammatik der Mundarten von Matzutkehmen, Wisborienen, Serbenten, Aszen, Klooschen-Bartel, Rund-Goerge (in Preussisch-Litauen), Marcinkancy, Kotljary, Ušpol', Kupiški und Salanty (in Russisch-Litauen); ferner 112 «Normalwörter» aus 22 Ortschaften (wobei jedoch nicht alle jene Normalwörter aus allen jenen Ortschaften belegt sind), und endlich mundartliche Texte und ein Wortindex. — Das Buch ist, wenn man es mit aller Vorsicht und Kritik benutzt, nicht ohne Nutzen, da es ohne Zweifel auch neues Material liefert. Der Inhalt ist allerdings nicht so reich, wie man nach dem äussern Umfang vermuten könnte: in einem Teil der genannten Ortschaften hat sich der Verfasser darauf beschränkt, dass er einige Texte und Normal-
(11) wörter aufschrieb, die er nachher // grammatisch bearbeitet hat; seine Beschreibung der Mundarten von diesen Ortschaften enthält somit nur das in den Texten und in den Normalwörtern gebotene Material. Nur an einigen Orten sind ausserdem noch Zahlwörter und einige Paradigmen aufgeschrieben worden.

Der Wert des Buches wird leider durch mehrere Umstände sehr beeinträchtigt. Erstens erweist es sich, dass der Verfasser sowohl praktisch wie auch wissenschaftlich das Litauische nur ungenügend beherrscht, was an folgenden Beispielen demonstriert werden soll. So hat er zuweilen Satzglieder falsch in

---

[28] In den Literaturangaben vermisse ich einen Hinweis auf Rozwadowskis wichtige Sprachkarte des Wilnoschen Gouvernements (Materyały i prace I 89 ff.).

[29] Der Verfasser scheint dabei die Arbeiten Fortunatovs РФВ XXXVIII 213 ff. und Poržezinskijs Изв. I 467 ff. übersehen zu haben; auch die Arbeiten von Jaunis hätten dabei berücksichtigt werden sollen.

Wörter zerlegt: S. LXXX wird eine «auffallende Dativform» *jámi*[30] «ihm» aus dem Text S. 37,18 angeführt, wofür jedoch *jám i*[*r*] zu lesen ist, vgl. *i* aus *ir* S. LXXVII; desgleichen ist die angebliche III p. fut. *pasiliksi* S. LXXXII in *pasiliks i*[*r*] zu zerlegen, da die III p. fut. sogar in den altlitauischen Texten nur ganz ausnahmsweise noch ein *-i* aufweist; und der «auffallende Dativ» *brólei* S. LXXXIII besteht gleichfalls aus dem acc. s. *bróle* (für *brólį*, vgl. den acc. s. *pastógę* von *pastógis* S. LXXIX und den acc. s. masc. g. *dídejį*[31] S. LXXI) und *i*[*r*]. Öfters sind einzelne Formen falsch aufgefasst: S. 4,24 liest man *rágana pályepi dùkter(į) iškėpt*[32] (scil. *Jekamėlį*), da der Autor (s. S. XXXIX) *dúkter*[33] für einen acc. s. hält (obwohl der Sinn einen Dativ verlangt!), während es doch ein alter Dativ ist und auf *dúkteri*[33] zurückgeht (das z. B. noch bei Daukša Post. 4,28 vorliegt); S. LXI wird dies *dúkter*[33] (aus einem andern Texte) zwar als Dativ anerkannt, der aber «gekürzt» sei (es scheint, dass der Verfasser ein *-ei* geschwunden sein lässt); nach S. XXXI soll das *e* in *dìleno* (*rágana dìleno į págalelį* S. 4,22) aus *i* entstanden sein (obwohl *dìlino* «rieb ab» hier gar keinen Sinn ergibt), während doch dies *dìleno* zu *dilénti* «пилить» gehört (das der Verfasser bei Juškevič hätte finden können); und S. CLXXXII wird *e* «und» // aus *i*[*r*] hergeleitet, während dies *e* vielmehr ein *ẽ* (aus *ẽ*) repräsentiert (s. meine Лат. предл. I 40[2] und 213[34]). S. XXXII wird das *é* im acc. s. *smuikėlį* aus *ė* hergeleitet, während doch der Verfasser aus Kurschats Grammatik 93 hätte ersehen können, dass vielmehr ein *ẽ* zu Grunde liegt. Man traut kaum seinen Augen, wenn es auf S. LXII heisst, dass der nom. pl. masc. g. *juokdamies* (S. 11,15) «wohl» für *juokdamie, mi* stehe und dass das *-s* von dem darauf folgenden *sáko* herrühre (während doch *juokdamies* bekanntlich die regelrechte Partizipialform zu *juõktis* ist). Und S. CXXXV sagt der Verfasser, nachdem er die nom. pl. *ésantes, galintes, túrentes, tórintes* (mit. *-tes* aus *-tis* < *-tys*, vgl. acc. s. *žóde, páte* und nom. pl. *pátes* S. CXVIII) und Partizipia auf *-antys* (z. B. bei Bezzenberger BGLS 158 f.)

293

---

[30] Aus typographischen Rücksichten müssen hier einige (unwesentliche) diakritische Zeichen des Originals weggelassen werden.

[31] [Laikam jālabo par *dìdejį*. — Red.]

[32] [Laikam jālabo par *iškèpt*. — Red.]

[33] [*ú* varbūt nodrukāts *ù* vietā. (J. Endzelīna citētajos vārdos atstātas tādas akcenta zīmes, kādas ir viņa raksta pirmpublicējumā; ar avotu nav salīdzināts.) — Red.]

[34] [Šai izdevumā I 347[80] un 511. — Red.]

angeführt hat: «Das *-s* beim Nomin. pl. scheint durch Sandhi (falsche Silbentrennung) entstanden zu sein, denn Formen ohne *-s* kommen auch vor, z. B. *méilijente* 39, 57, 22, *pawálgedente* 39, 59, 21, *turente* ... 40, 60, 19». Nun ist jedoch in Wirklichkeit *méilijente* vielmehr ein nom. s. fem. gen., *pawálgedente* (im Text $59_{,21}$ richtiger: *pawálgidente*) — zwar ein nom. pl., aber zum part. praet. pass. *pavalgydintas* gehörig und somit selbstverständlich ohne *-s*, *turente* aber steht im Text (nach *galintes* und) vor *szokte*, so dass eigentlich *turente(s)* zu schreiben wäre. — Aus dem gen. s. *manęs* sollen die Nebenformen *manė* (S. LXII) und *mani* (S. CLXIV) entstanden sein! Dass in *vaikas* «Knabe» *ai* in einem Teil der Mundarten gestossen betont sei, folgert der Verfasser S. LXXV aus dem žemait. *vāks*, offenbar ohne zu wissen, dass in einem Teil des Žemaitischen auch *aĩ* zu *ā* wird. — Auf S. CIII heisst es: «Zuweilen wird das *a* gesprochen wie *e*, ... vgl. *déve* «gab» ..., *tévę* ... «dich»»; der ganze Zusammenhang gestattet nur den Schluss, dass der
(12) Verfasser hier an einen phonetischen // Übergang des *a* in *e* gedacht hat! Im acc. pl. *nómus* erscheine *o* für literarisches *a* (S. CXX); es handelt sich hier jedoch um eine žemait. Form mit *o* aus *u*. Die Präposition *nuõ* laute *nu* «vielleicht analogisch nach *sù* «mit» und dem Präfix *nu-*» (S. CXXII); vgl. jedoch darüber meine Лат. предл. I 127[35]. Ostli. *dáikti* ist kein Dativ (S. CLI), sondern ein loc. s. — Nach S. CLXII soll der nom. pl. *žuviẽs* eigentlich ein gen. s. sein (!); vgl. jedoch darüber meine Слблт. эт. 176[1 36]. — S. CLXXII lesen wir: «Für die Präposition *iš* «aus» erscheint 45. 64. 28 *aš* (*aš tavo* «aus dir»), es könnte jedoch auch eine Versprechung oder Verschreibung vorliegen»; in Wirklichkeit handelt es sich hier um keine Präposition («aus dir» würde ohnehin lit. *iš tavęs* und nicht *iš tavo* lauten), sondern um die aus dem Polnischen entlehnte Partikel *až* (vgl. Hermann Über d. Entwicklung d. lit. Konjunktionalsätze, S. 58). Wenn es in der Lautlehre der Mundart von Kotljary (S. CLXXVI) heisst, dass die Präposition *ùž* hier *àž* laute, so scheint der Verfasser an einen phonetischen Übergang von *u* in *a* zu denken. Auf S. CXCII findet man die Vermutung, dass ostli. loc. s. wie *dvarì* «wohl nach den *jo-* bezw. *i*-Stämmen gebildet» seien! Auf derselben S. heisst es: «Der Nom. pl. *žùves* ... scheint nach den *ė*-Stämmen gebildet zu sein, könnte jedoch auch aus *žùvis*, dieses aus *žùvys* ... erklärt werden»;

---

[35] [Sai izdevumā I 429 sk. — Red.]
[36] [Sai izdevumā II 324[305]. — Red.]

vgl. jedoch K. Būga Kalbos dalykai 20 und meine Слблт. эт. 175 f.[37] Die III p. praes. *(pa)sáka* wird S. CXCVI für ein Präteritum ausgegeben. In *práše krikštínas* «er lud zur Taufe» (aus Ušpol) ist *krikštínas* wohl nicht der acc. (S. CXCVIII), sondern der loc. pl. — Auf S. CCV heisst es, dass *-ui* im dat. s. (in der žemait. Mundart von Salanty) «zu *-ō* verkürzt» werde; es handelt sich hier natürlich vielmehr um ein *-ou* aus *-uo*. Und S. CCIX wird der žemait. reflexive Infinitiv *prašýteis* (mit *-teis* aus *-ties*) als *prašýte-jis* «zu bitten er» aufgefasst! Dasselbe *ei* aus *ie* liegt natürlich auch im žem. *plėikti* «schlagen» vor, während der Verfasser auf S. CCIII dies *ei* aus *ė* entstanden sein lässt. Damit lässt sich vergleichen, dass der Verfasser auf S. CCXIV, // CCXXXI und CCXXXIII (nicht *ą̃žuolas, šẽkas* 294
und *óda,* sondern) *užuolas, šiekas* und *úoda* als litauische Normalformen anführt. — Desgleichen scheint es dem Verfasser unbekannt zu sein, dass im Litauischen nur tautosyllabische (nicht aber heterosyllabische) *n, m* die Qualität eines vorhergehenden *e, a* beeinflussen, vgl. S. XXXII, XLVII, LXXII, CLXXXV und die «Ausnahme» *dóvanu* S. CCV. — Da also der Verfasser das Litauische so ungenügend beherrscht, wird man ihm auch nicht so ohne weiteres glauben dürfen, dass in Aszen die Lokativendung *-uose* zu *-us* geworden sei (S. XCIII), zumal die angeblichen Lokative auf *-us* (*butùs, kóutus, žôdžùs*) auch im Akzent mit dem acc. pl. identisch sind und zumal der Verfasser auch loc. du. wie *tiltu* u. a. (= acc. du.) anführt. — Das «kurze» *u* in *galvù galė* «an der Kopfseite» (S. LII) neben sonstigem *ū* im gen. pl. ist wohl durch Metatonie zu erklären, vgl. *galvú-galis* «изголовье» bei Jaunis Понев. гов. II 13.

Ganz im Einklang mit dem Charakter des Buches, wie er sich aus den angeführten Proben ergibt, steht die Behauptung des Verfassers (S. IX), dass Lautgesetze zwar in der Buchsprache, nicht aber in der lebendigen Volkssprache zu finden wären. Oben ist schon gezeigt worden, dass so manche «Ausnahmen» es nur in der Vorstellung des Verfassers sind. Andere erklären sich dadurch, dass die Gewährsmänner des Verfassers offenbar nicht immer zuverlässige Repräsentanten ihrer Mundart gewesen sind, was ebenfalls den Wert des Buches beeinträchtigt hat. Aber in dieser Sache und in der Frage, ob der Verfasser die litauischen Laute überall richtig aufgefasst hat, überlasse ich jetzt meinem Freunde K. Būga das Wort.

---

[37] [Šai izdevumā II 323 sk. — Red.]

ZU DEN KURISCHEN BESTANDTEILEN DES LETTISCHEN

[1913/14 IF XXXIII 96—104 un atsevišķā novilkumā]

96 FUF[1] XII 59 ff.[2] habe ich nachzuweisen versucht, daß die Kuren nicht Finnen gewesen sind, sondern Balten[3], die sprachlich das Bindeglied zwischen den Litauern und Letten bildeten: das Kurische hatte gleich dem Lettischen *c, dz* für lit. *k', g'* und *s, z* für lit. *š, ž,* während tautosyllabisches *n,* wie im Litauischen, im Kurischen bewahrt war; in Flexionssilben hatte es gleich žemaitischen Mundarten *t'* aus *tj* (= lit. *č,* lett. *š*). Weiterhin habe ich daselbst die Ansicht geäußert, daß lettische Formen wie *dziñtars* «Bernstein» (mit «lettischem» *dz* und «litauischem» *n*) oder *danga* «Ecke», soweit sie baltischen Ursprunges sind, meist aus dem Kurischen entlehnt sind, und Beispiele dafür gegeben. Hier will ich einige Nachträge zu dieser Frage geben, zunächst zu den lettischen Formen mit erhaltenem *n* vor Konsonanten.

Bei einer Durchmusterung von BW und andern Quellen fand ich in Texten, die aus dem jetzt lettischen Gebiet der alten Kuren oder aus seiner nächsten Nachbarschaft stammen, nachher noch folgende Belege für tautosyllabisches *n:*

bangainis BW 14611, 3 (aus Rutzau und Nieder-Bartau); die Varianten bieten dafür das allem Anschein nach gleichbedeutende *spangainis* «Apfelschimmel». //

97 *blenstiês*[4] «schauen» BW 6057 (aus Rawen und Groß-

[1] Bedeutung der Abkürzungen im folgenden: FUF = Finnisch-ugrische Forschungen; BW = Kr. Baron und H. Wissendorff Latwju dainas; U = Ulmann Lettisches Wörterbuch; LP = Lerchis-Puschkaitis Latweeschu tautas teikas un pasakas; Изв. = Известия Отделения русского языка и словесности Импер. Академии наук; RKr. = Rakstu krājums.

[2] [Sai izdevumā II 440 skk. — Red.]

[3] So auch nach der polnischen Chronik des M. Bielski v. J. 1564, in der es (in Übersetzung) heißt: «Einstens hatten die alten Preußen und Litauer eine gemeinschaftliche Sprache, wie auch die Žemaiten und Kuren, aber heutzutage verstehen sie sich wenig». AfslPh. XVII 487, s. auch die Stelle von den Kuren S. 484.

[4] Um bei der Bezeichnung der Intonationen typographische Schwierigkeiten zu vermeiden, schreibe ich jetzt für (lett. und lit.) *ẽ* und *ũ* — *ie*

Kruten), 13355, 1 (aus Rawen) und 3. P. Praet. *blendȁ* «schaute aus nach» 9912, 11 (aus Nieder-Bartau); U gibt auch die ältere Bedeutung «nicht recht sehen, kurzsichtig sein», vgl. lit. *blandýti akìs* «mit den Augen blinken» und Berneker Wb. unter *blędǫ*. Doch wird mir ein *blenzt* «blinzeln, sehen» auch aus Burtneek (in Livland) mitgeteilt. — *nuo-blenkt* «gewahr werden, erblicken» LP VII 1, 944 (aus Dondangen), vermutlich zu lit. *blañkti* «bleich werden»; dieses **bhlenk-* ist wohl eine Variante zu **bhleng-* «glänzen» bei Fick Wrtb. III[4] 284 und auch in lit. *blinginti* «glänzen» bei Bezzenberger Beitr. z. Gesch. d. lit. Sprache 276, vgl. auch *blinksẽti* «blinken», dessen *k* vor *s* wohl *g* vertritt (zur Bedeutung vgl. Berneker l. c. unter *ględajǫ*).

Gen. pl. *dandžu* «?» (steht als Attribut vor *zàbaki* «Stiefel») BW 7292, 2 (aus Dondangen). Daneben findet man bei U ohne Ortsangabe das mit urslav. **dǫga* «Bogen» verwandte *dañdzis* «Radfelge»; das daraus entlehnte liv. *dańdź* spricht dafür, daß dieses lettische Wort aus dem Kurischen stammt. Aus Groß-Essern wird mir ein mit *dañdzis* gleichbedeutendes *dañga* mitgeteilt. Die Wurzelform **dank-* in *dancis* «Krummholz» U (in Essern) und in *dankuôtiês pret* BW 15029, 1 (aus Blieden) «sich bemühen um, sich anschmeicheln» (eigentlich wohl = *lùocîtiês* «sich beugen», das die Varianten dafür bieten; vgl. etwa *lùncinâtiês* «den Schwanz krümmen, sich anschmeicheln») oder (mit Ablaut) *dęñkuôtiês* BW 10071, 3 (aus Dondangen) entstand wahrscheinlich durch Kontamination der gleichbedeutenden **dang-* und **lank-*.

dañga «Winkel, Ecke» BW 13250, 36 (aus Windau und Suhrs), 14609, 1 (aus dem Grobinschen Kreis), 18899 (aus Alschwangen) u. a.; wenn dies Wort ursprünglich etwa «Krümmung» bedeutete, so gehört es zum vorhergehenden.

devants BW 12586, 8 und 18941, 2 var. (aus Sasmacken) oder *dev[a]ntęs* «neunter», *ast[a]ntęs* «achter», *sept[a]ntęs* «siebenter» in Dondangen, zunächst wohl aus **devn̥t(ę)s, *astn̥tęs, *septn̥tęs* (vgl. // BB XXVII 329[4a] aus altkur. **devinta(i)s, *astuntais, *septintais,* vgl. lit. *deviñtas, aštuñtas, septiñtas.* Zur Erläuterung sei noch bemerkt, daß im Gebiet von Dondan- 98

---

und *uo*; aus dem gleichen Grunde (der Gravis ist über *l* schwer anzubringen!) setze ich jetzt im Lettischen bei fallender Betonung diphthongischer Verbindungen den ˋ auf den e r s t e n Teil derselben (was ja auch der Aussprache mehr entspricht), wobei lange Vokale vor tautosyllabischem *r, l, n, m* mit dem Längezeichen versehen werden müssen.

[4a] [Sai izdevumā I 262. — Red.]

gen und Sasmacken die suffixalen Vokale in unbetonter Lage stark reduziert werden und zum Teil sogar schwinden, wobei liquidae und nasales sonantes entstehen konnten (der Wortakzent aber fällt im Lettischen bekanntlich jetzt gewöhnlich auf die Anfangssilbe).

sa-dingt «?» BW 18509, 1 (aus Neuhof im Goldingenschen Kreis). Wenn es etwa dasselbe bedeutet, was *sastiñgt* «erstarren», das die Varianten dafür bieten, so gehört es wohl zu russ. *дя́гнуть* «stark werden», aksl. *nedǫgъ* «ἀῤῥωστία», russ. dial. *дю́жий* «stark» u. a.; daneben gibt es lettische (kurische) Formen mit *k*[5] im Wurzelauslaut: *dęñkts* «stark» Druwa I 393 (hier kann übrigens *k* für *g* stehen) und *dencis* «ein kleiner, derber Junge» FUF XII 69[6]. S. unten S. 127[6a].

dziñtars «Bernstein» BW 22350 und 28389 (aus Rawen), 13282 (aus Wirgen, Wirginahlen, Mescheneeken, Edwahlen), 13282, 1 (aus Nieder-Bartau), 13282, 4 (aus Ugahlen und Dondangen), 13282, 5 (aus Gramsden und Amt-Goldingen), 13282, 6 (aus Groß-Essern und Alt-Schwarden), 13282, 8 (aus Alschwangen, Ranken, Dursuppen, Sasmacken, Talsen) oder *dzinteris* 13282, 5 var. (aus Alschwangen und Grauduppen), 13282, 9 (aus Suhrs). Da man Bernstein von der (ehemals kurischen) Meeresküste her bezieht, so ist es nicht auffallend, wenn man die Form *dziñtars* zuweilen auch außerhalb des alten Kurenlandes findet (mit dem Gegenstand zusammen wurde auch sein Name bezogen): BW 13246, 1 var. (aus Lesten), 20989, 5 var. (aus Hohenbergen), 21071 (aus Kortenhof), 27833, 6 (aus Granteln). Die echt lettische Form ist *(d)zītars* : *zītars* BW 627 (aus Krons-Mißhof und Neufeld), 627, 1 (aus Brucken, Kastran u. a.), 13282, 3 (aus Erlaa), 13282, 11 (aus Groß-Ekau), 28283 (aus Siggund, Alt-Autz, Mesoten), *dzītars* 13282, 3 var. (aus Altona) und auch 13282, 10 (aus Kandau, das zum kurischen Gebiet gehört; hier[7] ist also die altkurische Form durch die lettische ersetzt).

grundulis «?» BW 1513, 3 (aus Ranken; U gibt die Bedeutung «Erdkloß», die auch hier nicht ausgeschlossen ist) und //
99 *grundulaiņš* «höckerig, knorrig» 30379 (aus Alschwangen), vgl. ksl. *gruda* «Erdscholle» u. a. bei Berneker l. c. 357.

peringa (*vista* «Henne») «gut (oder «eben») brütend» BW 3000, 1 (aus Kabillen), vgl. lett. *-îgs*, lit. *-ìngas*.

[5] Dieses *k* für *g* kann aus dem sinnverwandten **tenk-* (z. B. bei Fick Wrtb. III[4] 179) stammen.

[6] [Sai izdevumā II 449. — Red.]

[6a] [Skat. raksta «Miszellen» beigās — šai izdevumā II 537[12]. — Red.]

[7] Ähnlich findet sich *zītars* auch BW 22350 var. (aus Hasenpot).

krancinât «krächzen» (vom Raben gesagt) BW 20462 var. (aus Ober-Bartau) oder *krandzinât* 20462, 1 (aus dem Windaugebiet), vgl. lit. *krañkti* «rufen» (von Raben gesagt) und hinsichtlich des *dz* in *krandzinât* lett. *klandzinât* «gackern» bei U und die Wurzel *klang-* bei Fick Wrtb. III[4] 110.

męñca BW 18471,1 und 30853, 1 (aus Zierau), 30695, 1 und 30775, 1 (aus Alschwangen), auch in Dondangen, Grobin und Kandau, *mence* 30775, 1 var. (aus Sackenhausen), *mencis* 30854 (aus Windau), gen. pl. *menču* 30837, 1 (aus Kabillen), 30853 (aus Windau), oder *męndza* 22252 (aus Nieder-Bartau) «Dorsch», vgl. lit. *menkė*.

pintainīte «?» BW 22846 (im Grobinschen Kreis), vgl. bei U *pintaiņa valuôda* «gebrochenes Lettisch».

plañdîtiês «sich breit machen, sich bauschen» BW 1491 (aus Hasenpot, Groß-Essern, Amt-Goldingen, Schrunden), 1491, 4 (aus Nieder-Bartau), 1491, 5 (aus Gramsden), 1513, 2 var. (aus Edwahlen), 1513, 3 (aus Ranken), 7918 var. (aus Paddern und Alt-Schwarden), 7918, 2 (aus Kabillen), 7918, 5 var. (aus Gaweesen), 13126 var. (aus dem Goldingenschen Kreis), 13490 (aus Zierau), 14700[1] (aus Neuhof); vgl. Leskien Ablaut der Wurzelsilben im Lit. 339.

rankaiņš BW 10337, 9 var. (aus Goldingen und Kandau) und 10337, 10 var. (aus Schrunden); aus Groß-Essern wird mir *rañkains* «gestreift» mitgeteilt. Vgl. etwa (?) lit. *rinkinúoczei*, Bezeichnung eines gewissen Webemusters, bei Bezzenberger Lit. Forsch. 164.

Rindzele, Ortsname im Talsenschen Kreis (neben lett. *Rīga*, vgl. Bielenstein Grenzen d. lett. Volksstammes 37 f.).

ruñpača etwa «grobes Gewebe» BW 757, 1 und 7016 (aus Edwahlen), 1809 (aus Oscheneeken), 25266, 2 (aus Sackenhausen) und Druwa I 393; scheint zu *rupjš* «grob» zu gehören.

sklañdas[8] «Stangenzaun» BW 21973, 5 (aus Rudbahren), vgl. lit. *užsklanda* «Riegel», *pasklandinti* «verschließen» u. a. bei Leskien Abl. 343. //

spañgaiņš «geäpfelt» (namentlich von Pferden gesagt) BW 14510, 2 (aus Dondangen), 14611, 1 (aus Rawen), 14611, 4 (aus Goldingen, Edwahlen u. a.), 25470 (aus Alschwangen), vielleicht zu lit. *spungė*[9] «ein kleines Fleckchen» bei Būga Aist. St. I 113 und weiterhin vielleicht zu apr. *spanxti* «Funke» 100

[8] Dieses *skland-* erinnert an die gleichbedeutende Wurzel *(s)klaud-*, vgl. z. B. lit. *bandýti* neben lett. *bàudît* «etwas versuchen» u. a.

[9] Zum Ablaut vgl. meine Слблт. эт. 18 ff. [šai izdevumā II 185 skk. — Red.].

u. a. Daneben gibt es ohne *s-* ein synonymes *pangaiņš* BW 13898 (aus Kabillen), vgl. mhd. *vanke* «Funke»; vgl. noch das oben angeführte *bangainis,* dessen *b-* dem griech. φ- in φέγγος «Licht, Schein» entsprechen könnte (semasiologisch kann man z. B. griech. λευκός «licht, glänzend» : lett. *làukums* «Flecken» vergleichen).

at-šķenst (Wz. *skend-*) «verenden» in Grobin nach Etn. IV 17.

šķindalas «Splitter» BW 19577 (aus Dubenalken), wahrscheinlich zu aw. *sčanda-yeⁱnti* «sie zerbrechen» u. a.

šķindama, rindama «?» BW 1459 (aus Dubenalken).

zvandzinât BW 27909, 2 var. (aus Kandau), eine nasalierte Variante von *zvadzinât* «schellen, tönen machen»; es könnte auch zu lit. *žvéngti* «wiehern» gestellt werden, da lett. *zvadzinât* nach U auch «wiehern» bedeuten kann.

Von den FUF XII 68 ff.[10] gegebenen Beispielen fand ich folgende nachher auch in nichtkurischen Mundarten: *blañkstîtiês*[11] «faulenzen» in Erlaa und Lubei; *buñduls* BW 9397, 3 var. aus Gulbern und Lösern oder *buñdulis* aus Naukschen und BW 29261 aus Vaukluse (dieses Wort, das nach U auch «Bündel» bedeutet, wird wohl aus dem Germanischen entlehnt sein); *duñcis* «Dolch» wird auch aus Naukschen, Bersohn und Erlaa mitgeteilt; von *dzindzinât* «summen» ist das gleichbedeutende *džiñdžinât* in Bersohn nicht zu trennen; *iegansts* «Ursache» wird auch aus Bersohn mitgeteilt, desgleichen *kancinât* «ausforschen»; zu *krantas* «Dünenvorsprünge» gehört *krantes* in Bersohn; *kankalis* «trockene Ackerscholle» BW 2665 aus Drostenhof; *lingât* BW 21476 var. aus Hoppenhof und 25561, 1 aus Festen; *pants* «Glied» BW 19489 aus Lubahn; *skundêt* wird auch aus Naukschen mitgeteilt; zu *saspranga* «Schnur» gehört *sasprangât* oder *sasprandzêt* «zuschnallen» in Bersohn, Smilten und Drostenhof; *šķiñdêt* «klingen», das bei BW nur in westkurländischen Texten vorkommt, wird mir auch aus Erlaa, Marienburg und Bersohn
101 mitgeteilt, *šķindzinât* — aus // Naukschen, und *šķindinât*[12] «klingeln» findet sich auch BW 5005, 3 aus Schloßberg; *izvandît* «durchwühlen» findet sich auch in Naukschen und

---

[10] [Šai izdevumā II 449 sk. — Red.]

[11] Vgl. dazu p. *btąkać* «umherschweifen».

[12] *šķindinât* wird wohl gleich *skañdinât* (Изв. XV 2, 209 [šai izdevumā II 154. — Red.]) zu beurteilen sein (zur Vokalstufe vgl. meine Слблт. эт. 85[1] [šai izdevumā II 243 sk.[133] — Red.]), und *šķiñdêt* kann neben *šķindinât* etwa nach dem Verhältnis von *peldêt* : *peldinât* gebildet sein.

BW 19337, 1 aus Schlock, vgl. die Angaben K. Mühlenbachs im Dsimtenes Wehstnesis v. J. 1912, Nr. 58.

Die lettischen Formen mit tautosyllabischem *n* sind also wahrscheinlich nicht alle aus dem Kurischen entlehnt; einige derselben stammen wohl aus dem Litauischen oder aus einem andern (jetzt ausgestorbenen) baltischen Dialekt. Formen mit *-nk- (-nc-)* oder *-ng- (-ndz-)* können ihr *-n-* aus *-m-* haben (s. Изв. XV 2, 204[13]) und in dem Fall echt lettisch sein; so könnte z. B. das auch in Livland verbreitete *trènkt* (neben *trìekt* = lit. *treñkti*), *trę̃ñkât* «scheuchen, jagen» erklärt werden, indem das alte **trenkti* (woraus *trìekt*), durch das sinnverwandte *tremt* (= lit. *tremti*) beeinflußt, zu **tremkti* (woraus regelrecht *trènkt*) geworden sein kann. So hat wohl auch *grencêt* «lange essen» in Grobin (nach Etn. IV 18) neben *gremžât* «langsam essen» sein *n* aus *m*. — Tautosyllabisches *m* wird im Lettischen bewahrt, s. Изв. XV 2, 199 ff.[14] Wenn wir nun im Baltischen z. B. eine Wurzelform *drump-* neben *drup-* finden, so liegt es zunächst näher, *drump-* auf **drunp-* (woraus lett. *drūp-*, so im Präsens *drùpu* zu *drupt* «zerfallen») zurückzuführen, da als Nasalinfix nur *n* (nicht *m*) vorkommt. Und doch kann ein lett. *drumpačas* «Trümmer», das auch in Bersohn bekannt sei (und somit wohl schwerlich aus dem Kurischen entlehnt sein kann), auch echt lettisch sein: man kann annehmen, daß *drump-* hier durch Kontamination von *drup-* (in *drupatas* «Brocken») und *drum-* (in *drumstalas* «Abfälle») entstanden ist. Ebenso könnte z. B. auch *gumbât* «gebückt gehen» BW 9849 u. a. durch Kontamination von *gub-* (in *gubt* «sich bücken») und *gum-* (in *gumtiês* «sich biegen») entstanden und echt lettisch sein, vgl. *guñba* «eine jähe Biegung am Krummholz» in Drostenhof u. a. — Und *penterêt* «verreffeln, flechten», das auch BW 6867 (aus Sinohlen) vorkommt, kann von der Wurzelform *pen-* (z. B. in *matpeniņa* «Zopfband» BW 10295 var.) nach der Vokalisierung von *n* unter dem Einfluß anderer Formen auf *-terêt* (s. Kurschat Gramm. S. 126) abgeleitet sein[15]. Ähnlich ist wohl auch *tenterêt* BW 16307 neben *tît* (Praes. *tinu*) zu beurteilen[16]. //

[13] [Šai izdevumā II 149 sk. — Red.]

[14] [Šai izdevumā II 145 skk. — Red.]

[15] [Wohl ein Kuronismus oder Lituanismus zu *pît*. ME III 200. — Red.]

[16] [*teñterêt*[2] 1) «straucheln», 2) «sich herumtreiben», 3) «plappern». In der Bed. 3) wohl dissimiliert aus **terterêt* und dies nebst r. *торотóрить* «schwatzen» mit Reduplikation zu *terêt*. Zur Bed. 1) und 2) vgl. *teñteris* — nebst *tentelis* und *tintelêt* ein altes nomen agentis zur Wurzel *ten-* in le. *tît*? ME IV 164, 165. — Red.]

102 In Westkurland wird ferner für sonstiges *parît* «übermorgen» *paîrît* gesprochen, und zwar auch in Mundarten, die sonst keine *i*-Epenthese kennen. Da nun aber das *i* in *paîrît* schwerlich anders als durch *i*-Epenthese zu erklären ist, so stammt dieses *paîrît* vielleicht aus dem Kurischen. Daß diese Sprache die *i*-Epenthese gekannt hat, dafür sprechen die von Bezzenberger KZ XLIV 311 und Lit. Mitt. II 36 angeführten Beispiele einer *i*-Epenthese aus litauischen Mundarten auf ehemals kurischem Territorium. Epenthese findet sich nach Bezzenberger Lit. Forsch. 144 «öfters» im «nördlichen» Litauen, worunter wohl der (ehemals kurische) nordwestliche Teil zu verstehen ist.

Altkurische Sprachreste finden sich auch in der Sprache der kurländischen Liven[17]. Erstens Formen mit erhaltenem *n*: *atrānta* «Kerbe am Ende des Krummholzes», vgl. lit. *rantýti* «kerben», lett. *rantît* «hauen» in Groß-Essern und FUF XII 70[18]; *palāndoks* «Taube», vgl. lit. *balañdis* und den kurischen Ortsnamen (deutsch) *Balanden* FUF XII 66[19] (aus dem Lettischen stammt das livländ.-liv. *balad* oder *balaž*).

Ferner Formen mit *k-, -g-* für lett. *dz,* lit. *g*: *kill* «Grünspecht», vgl. lett. *dzilna*; *vägāl* «Quappe», vgl. lit. *vėgėlė,* lett. *vêdzele.* Das *ǵ* (woraus später *dz*) muß also im Altkurischen zu der Zeit, als die Liven mit den Kuren in Berührung traten, noch erhalten gewesen sein.

In den nordwestlichen Mundarten des Žemaitischen (auf altkurischem Territorium) findet man bekanntlich ein *ēi* für lit.-lett. *ie.* Und es scheint, daß auch das Altkurische einen dem *ēi* ähnlichen Laut anstatt *ie* hatte; vgl. einerseits die altkurischen Ortsnamen *Gaveyssen* (jetzt lettisch *Gavieze*) bei Bielenstein Grenzen d. lett. Volksstammes 220 und *Peynis* l. c. 230 (vielleicht zu lit. *pienas,* lett. *piēns* «Milch») und andrerseits die livischen Lehnwörter *løiga* «überflüssig» (vgl. lit. *liēkas,* lett. *lieks*) und *køidas* «Weberkamm» (vgl. lit. *skiētas,* lett. *šķiets*). In den ältesten ostseefinnischen Entlehnungen aus dem Baltischen findet man nämlich *ai* für lit.-lett. *ie,* und in den speziell livischen Lehnwörtern aus dem Lettischen wird lett. *ie* durch *ie* wiedergegeben, vgl. Thomsen Beröringer 101 f. //

[17] Die livischen Formen gebe ich hier in der Schreibung Thomsens (in Beröringer mellem de finske og de baltiske Sprog) und führe nur diejenigen livischen Lehnwörter an, deren Originale aus dem Lettischen nicht bekannt sind.

[18] [Šai izdevumā II 450, kur Dundagas forma *rantêt.* — Red.]

[19] [Šai izdevumā II 446. — Red.]

Thomsen war deshalb l. c. 102 und 141 geneigt, *løiga* und 103
køidas für Entlehnungen aus dem Žemaitischen zu halten (die Kuren hielt er im Anschluß an Wiedemann für einen finnischen Stamm). Aber die Liven waren von den Žemaiten durch die Kuren getrennt, und nach dem, was ich jetzt über die Kuren vorgebracht habe, wird es natürlicher sein, in liv. *løiga* und *køidas* Lehnwörter aus dem Altkurischen zu sehen.

Ebenso ist wohl auch liv. *plakā* «Wanze» (vgl. lit. *blãkė*, lett. *blakts*) zu beurteilen. — Nach BW und andern Quellen zu urteilen, sind wahrscheinlich kurisch noch folgende (mir bisher nur aus Westkurland bekannte) Wörter: *bērze* «Birke» BW 23932, 9 var. und 11 var., 24368, 6 var., 30651 var. (sonst *bę̄rzs* oder — im Liber memorialis letticus des Elvers, pag. 102 — *bę̄rza*).

duõnis «Schilf» BW 9970 und in Kandau.

ērc(et)is «Wacholder», s. KZ XLIV 59 ff.[20] und BW 30562, 4 var., 30628.

greizns «schief» BW 12333; 21230, 2; 30569; 30871, 1 var. und *greinis* oder *greilis*[21] «ein Schiefbeiniger» BW 11308 var.

grīns «streng» in Kandau, vgl. BW 21671, 15 var.

lapse «Fuchs» BW 11499, 2 var. und in Bezzenbergers Lett. Di.-St. 62 (sonst *lapsa*, lit. *lãpė*).

naski «schnell» tahmisch nach U.

Da die südlichen Kuren sich den Litauern assimiliert haben, so sind kurische Elemente auch im Litauischen zu suchen. Für einen solchen «Kurismus» halte ich lit. *zuīkis* «Hase», das seines *z-* wegen nicht echt litauisch sein kann. Bisher hielt man es für ein Lehnwort aus dem Slavischen (aus wr. *zajka*). Aber dagegen spricht das *-ui-* sowie der Umstand, daß *zuīkis*, wie mir Herr K. Būga schreibt, nur in den westlitauischen Mundarten vorkommt, während das Ostlitauische nur *kìškis* kennt. Man kann nun für das Altkurische ein **zuojekas* oder (wenn es — gleich dem Nordwestžemaitischen — *ȯu* für *uo* hatte) **zȯujekas* oder auch **zuojikas* resp. **zȯujikas* voraussetzen, das sich zu urslav. **zajęćь* verhält wie etwa urslav. **lebedь-* «Schwan» zu urslav. **lebędь-* (s. Torbiörnsson Liqmet. 1, 68). In beiden Fällen konnte daraus im Žemai-//tischen ein **zuojkas* 104
(resp. **zȯujkas*) und daraus **zuikas* entstehen, vgl. nordwestžem. *trẽts* — nach Herrn K. Būga — aus **tréit(a)s* aus

[20] [Šai izdevumā II 391 skk. — Red.]

[21] Dieses *greilis* verhält sich zu *kreīlis* «ein Linkischer» wie apr. *grēiwa(kaulin)* zu lit. *kreīvas*, so daß die für apr. *grēiwakaulin* angenommene Dissimilation (aus **kr-*) mir unwahrscheinlich vorkommt.

trèitas aus **trèjetas*, woraus hochlit. *trējetas* (**trèitas* entstand entweder direkt aus **trèjetas* durch Verlust des *e* hinter *j*, vgl. dazu meine Слблт. эт. 176 f. und 188[22], oder aber nach Übergang des unbetonten *e* in *i*, vgl. z. B. žem. *òudẽgà* resp. *ūdẽgà* aus **uodigà* aus *uodegà*). Aus **zuikas* aber konnte *zuĩkis* unter dem Einfluß von *kiškis* entstehen. — Für kurisch halte ich ferner lit. *cyrùlis* oder *cyrulỹs* «Lerche» (lett. *cīrulis*, lit. *vyturỹs* oder auch *vieversys* oder *vieversỹs* nach Jaunis Понев. гов. II 30 und Būga РФВ LXVII 248), *zvógauti* «lärmen», *zvagẽti* «klappern» (lit. *žvagẽti*). Vgl. noch S. 126 f.[23]

Zum Schluß sei hier noch mitgeteilt, daß nach K. Mühlenbach (Dsimtenes Wehstnesis v. J. 1912, Nr. 58) der Kurenname auch noch in folgenden lettischen Gesindenamen in Livland enthalten ist: *Kùorsviši* aus **Kurs-vieši* in Marienburg, *Kurseši* aus **Kursieši* in Adiamünde[24]. Diese Namen deuten also auf kurische Kolonien in Livland, und aus diesen Kolonien könnten einige der livländischen Formen mit tautosyllabischem *n* stammen. Nach Adiamünde sind die Kuren wahrscheinlich übers Meer aus Kurland gekommen, und vielleicht in größerer Zahl (so würde die Lettisierung von Westlivland verständlicher sein); bei dieser Voraussetzung würde sich auch die auffallende Übereinstimmung in der Intonation von *iẽt* «gehen» (so beinahe in allen westkurländischen und in den meisten westlivländischen Mundarten für sonstiges *iêt*) und *ję̃mt* resp. *ņę̃mt* «nehmen» (so in den meisten westkurländischen und westlivländischen Mundarten, während anderswo dies Verbum den Stoßton hat) erklären. Es gibt auch noch andere Übereinstimmungen zwischen den westkurländischen und westlivländischen Mundarten, die man nicht alle durch livischen Einfluß erklären kann[25].

Charkov.

---

[22] [Sai izdevumā II 324 un 334 sk. — Red.]

[23] [Sai izdevumā II 536 sk. — Red.]

[24] [Lvv. II 181 sk. Vidzemē sastopami vēl šādi vietvārdi ar sakni *kurs-*: *Kuŗsleja* pļ Vitrupē, «Kuršu kalns» Bērzaunē, *Kùršu*[2] kalns Vestienā, *Kùrsenes* z Skujenē, *Kursiši* apciems Krimuldā, *Kùrsieši*[2] z Adulienā, Bejā, Krustpilī, Meņģelē, *Kursieši* z Ikšķilē, Sarkaņos, «Kursiets» z Mangaļos, «Kursula» u Inčukalnā, *Kùrsulis* z Raunā, *Kursuļa* purvs Ropažos, *Kùorsviši*[2] z Mālupē. — Red.]

[25] [Par to J. Endzelīns arī 1923. g. rakstā «Kuršu pēdas rietumu Vidzemē» FBR III 5—7. Sai izdevumā III sējumā — Red.]

WEITERES ZU DEN LETTISCHEN INTONATIONEN

[1913/14 IF XXXIII 104—118 un atsevišķā novilkumā]

1. DIE NEGATION *nê* «nein» 104

Während dem litauischen Schleifton im Lettischen in der Regel eine fallende Intonation (◝) entspricht, erscheint der Akut im Lettischen unter altem Wortakzent als «Dehnton» (~), dagegen // als Stoßton (∧) in Silben, die sich ehemals vor 105
dem Wortakzent befanden, s. BB XXV 259 ff. und Изв. VI 4, 140 ff.[1] Akutierte Formen, die stets einsilbig gewesen sind, haben also den Dehnton (z. B. Nom. Sing. *tā* «die»), und jetzt einsilbige Formen mit dem Stoßton müssen ehemals zweisilbige Oxytona gewesen sein, z. B. *trîs* «drei» (nebst lit. *trỹs*) aus urbalt. **triiés* = aksl. *trьje,* s. meine Слблт. эт. 172 ff.[2] Der letzteren These scheint *nê* «nein» zu widersprechen, das also einer besonderen Erklärung bedarf. In mehreren Sprachen, in denen (wie auch im Lettischen) die auslautenden Vokale gewöhnlich mit dem leisen Absatz gesprochen werden, wird gerade die Negation «nein» (im Affekt) mit dem festen Absatz gesprochen, so z. B. im Slavischen, s. Broch Энцикл. слав. филол. 5,2, §§ 160 und 161. Nun ist aber ein mit dem festen Absatz gesprochenes *ne* akustisch einigermaßen ähnlich einem gestoßenen *nê* und konnte daher leicht durch dieses ersetzt werden, zumal sonst der feste Absatz im Auslaut nicht üblich war. Für diese Auffassung spricht auch der Umstand, daß auch in denjenigen hochlettischen Mundarten, wo ∧ sonst eine steigende Intonation ist, gerade *nę̂* «nein» mit dem Stoßton gesprochen wird, so z. B. in Erlaa, Tirsen u. a. Vgl. noch, was Socin Grundr. d. iran. Phil. I 2, 265 über das Kurdische sagt: «Doch kann [im Auslaut] auch Stoßton eintreten, z. B. hört man die Negation *ná* alleinstehend in der Bedeutung «nein» häufig als *na'a*».

[1] [Šai izdevumā I 117 skk. un 196 skk. — Red.]
[2] [Šai izdevumā II 320 skk. — Red.]

2. INTONATIONEN DER SUFFIXSILBEN

Die Geschichte der lettischen Intonationen in den suffixalen Silben ist recht kompliziert. Erstens fällt hier der fallende Ton gewöhnlich mit dem Dehnton zusammen; vgl. z. B. bei P. Schmidt Сборн. LXVII Nr. 3, S. 5 Gen. Sing. *tà labã* «des guten» neben Nom. Sing. *tã labã* «die gute». Zweitens wird der Stoßton (seltener der Dehnton) zuweilen verallgemeinert; so entspricht z. B. lett. Lok. Plur. *vagâs, galvâs* regelrecht dem lit. *vagosè, galvosè,* und nach dem Vorbild solcher Wörter ist jetzt im Lettischen im Lok. Plur. die Endsilbe immer gestoßen, also z. B. auch in *pupâs* (für **pupãs* = lit. *pùpose*). Im Lok. Sing. dagegen gehen die Mundarten auseinander: teils (so z. B. in Wolmar und in der Mundart P. Schmidts) ist der Typus *pupã* (= lit. *pùpoje*) verallgemeinert (darnach also auch *vagã* für *vagâ* = lit. *vagojè*), teils (z. B. in Drostenhof) — der
106 Typus *vagâ* (darnach auch *pupâ*). — // In der durch Bielenstein vertretenen Mundart von Neu-Autz (und, soweit mir bekannt, überhaupt in den meisten südwestkurländischen Mundarten, wo ˋ zu ^ geworden ist) haben jetzt überhaupt alle Suffixsilben den Stoßton, darunter also auch solche, die eigentlich nur den Dehnton haben sollten, wie z. B. Nom. Sing. *aklâ* «die blinde» für sonstiges (z. B. in Wolmar) *aklã* = lit. *aklóji.*

Sonst aber sind die ursprünglichen Verhältnisse wenigstens zum Teil bewahrt; vgl. z. B. Nom. Plur. *derîbas* (so auch in Doblen, wo ˋ zu ^ geworden ist) = lit. *derýbos* (Gen. Plur. *derýbų*); Nom. Sing. *cìemīc* «Gast» (z. B. in Wolmar), Gen. Sing. *cìemīna* : lit. *kaimýnas* (Plur. *kaimýnai*); *vasarãjs* = lit. *vasarójis* (Plur. *vasarójai);* Nomina agentis auf *-tãjs,* vgl. lit. *artójis* (Plur. *artójai*); Deminutiva auf *-ītis, -īte* (so auch in Doblen), vgl. lit. *šunýtis* (Plur. *šunýčiai*), *mergýtė; vãciētis* = lit. *vókietis* (Plur. *vókiečiai*); *akuõts* = lit. *akúotas* (Plur. *akúotai*); *aruõds* = lit. *arúodas* (Plur. *arúodai*); *sivęns,* vgl. lit. *varnėnas* (Plur. *varnėnai*), s. Leskien Nom. 389; Dat. Plur. *akliẽm, aklãm* (auch in Doblen) = lit. *akliem, aklóm*; Nom. Plur. *akliẽ* = lit. *aklíeji;* Akk. Plur. *akluõs* = lit. *aklúosius;* Nom. Sing. *zinãms* = lit. *žìnomas;* 1. P. Plur. *zinãm* (z. B. in Drostenhof), *vìlkãm, vedẽm* (z. B. in Drostenhof) = lit. *žìnome, vilkome, vėdėme;* 2. P. Plur. *zinãt* (z. B. in Drostenhof), *vìlkãt, vedẽt* (z. B. in Drostenhof) = lit. *žìnote, vilkote, vėdėte;* Gerund. *vęlkuõt* = lit. *veĩkant;* Nom. Sing. *nesẽjs* = lit. *nešėjas;* Nom. Plur. *mîkstâki* = lit. *minkštokì* (s. Kurschat

Gr. § 818), Nom. Sing. *minkštókas;* Nom. Plur. *pęlęki* = lit. *pelėkì,* Nom. Sing. *pelėkas;* Gen. Plur. *ecêšu* = lit. *ekėčių* (s. Kurschat Gramm. § 623 und Jušk. 695), Nom. Plur. *ekėčios; vęlęna* = lit. *velėnà* (s. Kurschat Gramm. § 623), Akk. Sing. *velėną.*

Abweichend vom Litauischen sind z. B. die Adjektiva auf *-îgs* (wo ∧ auf Endbetonung weist): lit. *-ìngas* (mit festem Wortakzent)[3]; *septîts, devîts* : lit. *septiñtas, deviñtas* (lett. ∧ stammt hier vielleicht aus *astuôts* oder *astûts,* einer Neubildung nach *astuôṇi* : lit. *aštuonì,* Fem. *aštúonios,* wie umgekehrt lit. *aštuñtas* ~ aus *septiñtas, deviñtas* bezogen hat); *tûkstuôtis* (hier kann ∧ nicht alt sein) : lit. *túkstantis* (Plur. *túkstančiai*). In den zwei- und mehrsilbigen Verben auf *-ât, -êt, -ît, -uôt* und in ihren nominalen Ableitungen (auf *-šana, -tājs*) ist das thematische *-ā, -ē, -ī, -uo* jetzt überall da gestoßen, wo es nicht vor *j* steht oder ehemals stand (auszunehmen sind nur die Formen der 1. und 2. P. Plur. wie *zinām, // zināt* und das dazu gehörige Part. Pass. wie *zināms*); also z. B. Inf. *vagât* (z. B. in Drostenhof) «Furchen ziehen», Sup. *vagâtu,* Fut. *vagâšu,* Part. Präs. *vagâdams,* Part. Prät. Pass. *vagâts,* Nomen agentis *vagâtājs,* Nomen actionis *vagâšana* : lit. *vagóti* (nach Jaunis Gramm. 180 ff.), *vagótų, vagósiu, vagódamas, vagótas, vagótojis.* Hier wäre also lett. ~ anstatt ∧ zu erwarten: vielleicht ist ∧ in einem Teil dieser Formen ursprünglich (auf Endbetonung beruhend) gewesen und kann darauf verallgemeinert sein. Vgl. etwa lit. Formen wie *norėtum*[4] u. a. bei W. Schulze KZ XLIV 130. Vor *j* wird hier ~ gesprochen: 2. P. Sing. Präs. *vagã,* 2. P. Plur. Präs. *vagãjat,* 2. P. Plur. Prät. *vagãjāt,* Gerund. *vagãjuōt,* Part. Präs. Pass. *vagãjams,* Part. Prät. Akt. *vagãjis* : lit. *vagóji, vagójate, vagójote, vagójant, vagójamas, vagójęs.* Vielleicht vertritt ~ in diesen lettischen Formen älteres \ : da es gleichbedeutende Präsensstämme auf *-ā* und *-āja* gab (vgl. z. B. lit. *mėtome* : lett. *mętãjam,* lit. *ieškome* : lett. *iẽskãjam,* lit. *rýmome* : *rýmojame,* und Brugmann KVG § 694,3) und das *-ā* wahrscheinlich zirkumflektiert war, so könnte der Zirkumflex von da auf das gleichbedeutende *-āja* übertragen sein. — Auch in allen Reflexivformen ist die Länge vor *-s* jetzt immer gestoßen (z. B. 1. P. Sing. Präs. *ceļuôs* gegenüber lit. *keliúos*), was nur auf Verallgemeinerung des ∧ beruhen kann, der in einigen Formen regelrecht sein konnte, vgl. z. B. lit. 3. P. Prät. *jėmėsì* und daraus *jėmėsi* in

107

[3] [Skat. arī šai izdevumā II 537[12]. — Red.]

[4] [Pirmpublicējumā: *norėtum.* — Red.]

Zýtela (nach Herrn K. Būga), *sėdõs, stojõs, radõs* KZ XLIV 57[4a], russ. 3. P. Sing. Prät. *вилсѧ, раздалсѧ, принялсѧ* u. a.

3. WECHSEL DER INTONATIONEN (METATONIE)

Als Regel gilt, daß eine Wurzel ihre Intonation in allen ihren Ableitungen unverändert beibehält. Doch gibt es gewisse Ausnahmen, die wenigstens teilweise recht alt sein müssen.

Erstens findet man vereinzelte Fälle von Metatonie bei der Substantivierung von Adjektiven: *làuks* (= lit. *laũkas*) «bläßig» : *laũks* (= apr. *laucks*) «Feld»; *stãvs* «aufrecht» (vgl. 1. P. Sing. Präs. *stãvu* «ich stehe», lit. *stóviu*) : *stàvs* «Wuchs»; vgl. lit. *áugštas* (lett. *aûgsts*) «hoch» : *aũgštas* «der obere Bodenraum». Der Unterschied also, der sonst durch Akzentverschiebung bezeichnet wird (wie z. B. in ai. *kr̥šṇá-* «schwarz» : *kr̥šṇa-* «Antilope»; *ásita-* «schwarz» : *asitá-* «schwarze Schlange»; griech. λευκός : λεῦκος ; lett. *liẽls* «groß» : *liêls* «Schienbein»), ist hier durch Metatonie hervorgehoben (die keineswegs auf Akzentverschiebung zurückzuführen ist),
108 vgl. // dazu Bezzenberger BB XXI 313 f. Hierher gehört vielleicht auch das Schwanken zwischen *ùotrs* (= lit. *añtras*) «alter» C.[5], S., N, Wk., Morizberg u. a. und *uõtrs* B. Nieder-Bartau, Trikaten, W. In W spricht man neben *uõtrs* — *pus-ùotra* «$1^1/_2$» und *ùotruõdiena* «Dienstag»; vielleicht hat *uotrs* zunächst in substantivischer Bedeutung den Dehnton erhalten.

Ferner findet sich Metatonie in Nominalstämmen auf *-o, -i̯o, -ē, -i̯ā* und *-ā*. Beispiele für *o*-Stämme: *spẽt* «vermögen» (= lit. *spẽti*) : *spę̀ks,* lit. *spẽkas* in Jōniškis B.; *stādît* «pflanzen» : *stàds* «Pflanze»; *dēstît* «pflanzen» B., Wk. (vgl. *dẽt* und *dêt* = lit. *dẽti*) : *dę̀sts* «Pflanze» C. (und darnach auch *dèstît* C.); *velt* «wälzen» (= lit. *vélti*) : *vàls* «Heuschwade» S.; *kaût* «schlachten» (= lit. *káuti*) : Nom. Plur. *kàvi* «Nordlicht»; vgl. noch lit. *lópyti* «flicken» (= lett. *lāpît*) : *lõpas* «Flick»; 3. P. *niẽžti* «juckt» : *níežas* «Krätze» (Būga Aist. St. I 86).

i̯o-Stämme: *malt* «mahlen» (= lit. *málti*) : *màlis* «das zu mahlende Korn» C., S.; *glêbt* «retten» (lit. *glẽbti*) : lit. *glẽbis*

[4a] [Sai izdevumā II 389. — Red.]

[5] Bedeutung der Abkürzungen: C. = Cīrulis Rakstu krājums XV 51 ff.; B. = Bielenstein Lettische Sprache; S. = P. Schmidt Сборник Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. н. LXVII 3; W = die Mundart von Wolmar; Wk. = die Mundart von Walk; N = die Mundart von Neuenburg; B. hinter litauischen Formen = Mitteilung von Herrn K. Būga. [Intonāciju ziņā bagātākas paralēles apskatītajiem vārdiem skat. ME un EH. — Red.]

«ein Armvoll» oder *klėbȳs,* Gen. Sing. *klėbio* (bei Būga Aist. St. I 154 und Leskien Nom. 288), lett. *klèpis*; lett. *stũrs* «hartnäckig» B. : *stùris* «Ecke»; lit. *dvýnas* «Zwillings-» in Dusetos : lett. *dvìnis* «Zwilling»; vgl. noch lit. *kąsti* «beißen» (lett. *kuôst*) : *kañdis* «Biß»; lit. *ìlgas* «lang» (lett. *ìlgs*) : *ìlgis* «Länge» u. a. (bei Bezzenberger BB XXI 311). ◝ zu ◟: **krèir(a)s* «sinister» (vgl. *krèiss* dass., lit. *kairas* dass., z. B. bei Daukša Kat. 6, 20, und Akk. S. *kaĩrį* «Linkhand») : *ķeĩris* oder *kreĩlis* «Linkhand».

ē-Stämme: *šķelt* «spalten» (lit. *skélti*) : *šķèle* «eine Schnitte Brot»; *mĩt* «treten» (lit. *mìnti*) : *mìne* «eine Stelle, wo Lehm getreten wird» C.; *dzert* «trinken» (lit. *gérti*) : *dzìres* «Trinkgelage»; *velt* (lit. *vélti*) : *vàle* «Waschbleuel» (s. Leskien Abl. 354); *durt* «stechen, stoßen» (lit. *dùrti*) : *dùre* «Faust» (Leskien Nom. 279); *duôbjš* «tief, hohl», lit. *dúobti* «aushöhlen» : *dùobe* «Grube», lit. Akk. Sing. *duõbę* nach Kurschat und Jaunis (aber ostlit. *dúoby* in Wolters LChr. 368, 20 und 388, 4); vgl. dazu lit. *málti* (lett. *maĩt*) : *mõlė* in Dusetos B.; *kùlti* «dreschen» (lett. *kuĩt*) : *kũlė* in Dusetos B.; *árti* (lett. *art*) : *õrė* «Pflügen»; *piáuti* «schneiden» (lett. *pļaũt*) : *piũtė* «Ernte»; *prúsas* «Preuße» : *prũsė* «Preußin» in // Kvėdarna B.; 109
ankstýbas «früh(zeitig)» : *ankstȳbė* «Frühe» u. a.[6] — ◝ zu ◟: lett. *cìrpt* «scheren» (lit. *kirpti*) : *cirpe* «Sichel» S.; lit. *męsti* «maischen» in Joniškis B. : lett. (wohl aus dem Kurischen) *meñte* «Maischholz»; lit. 3. P. *rūp'* «liegt am Herzen» : lett. *rũpes* «Sorgen» (und darnach *rũpêtiês* «sorgen»); lett. *siet* «binden» (lit. *siẽti* in Dusetos B.) : *saĩte* «Binde»; *svìlpt* «pfeifen» (lit. *švilpti*) : *svìlpe* «Pfeife» (und darnach *svilpêt* «pfeifen»); *snìegs* «Schnee» (lit. *sniẽgas*) : *sniẽdze* «Schneeammer»; vgl. noch lit. *kvaĩšti* «närrisch werden» : *kváišė* «Närrin» (bei Būga РФВ LXVI 224); *leñkti* «biegen» (lett. *liekt*) : *lénkė* «Vertiefung»; *vilkas* «Wolf» (lett. *vìlks*) : *vìlkė* «Wölfin»; *maĩšas* «Sack», s. meine Слблт. эт. 53[7] (lett. *màiss,* serb. *mijeh*) : *máišė* «Heunetz» in Dusetos B.

į̄ā-Stämme: *sẽt* «säen» (lit. *sẽti*) : *sėja* «Saat» C., S., lit. Akk. Sing. *sėją* in Dusetos B.; *spẽt* (lit. *spẽti*) : *spėja* «Vermögen, Kraft» C., S. ◝ zu ◟: *dìrst* «cacare» : *dirša* (von *dìrst* abgelei-

---

[6] Eine eigene Erklärung der litauischen Fälle des Wandels von ◜ zu ◟ vor *į* bietet Fortunatov im Отчет о деятельности Отдел. русск. яз. и слов. Имп. Акад. н. за 1911 г. 8 ff. Doch wird man dazu erst dann Stellung nehmen können, wenn sein Aufsatz darüber vollständig erschienen sein wird.

[7] [Sai izdevumā II 215. — Red.]

tetes Schimpfwort); lit. *liẽžti* «lecken» : lett. *laîža* «Leckermaul»; lett. *list* «kriechen» (lit. *lįsti*) : *luõž(ņ)a* «Herumschleicher»; *mìzt* «harnen» (lit. *mįžti*) : *mîža* (von *mìzt* abgeleitetes Schimpfwort); *pèlnît* «verdienen» (lit. *pelnýti*) : *peļņa* «Verdienst» in Krons-Würzau (anderswo *pèļņa*); *plèst* «ausbreiten» (lit. *plẽsti*) : Nom. Plur. *plẽšas* «Blasebalg»; *tìeptiês* «sich steifen» (lit. *teñpti*) : *tiẽpša* «Rechthaber» C., S.; *tùost* : *tuõša* C. (vgl. noch *pir̃st* «crepitum ventris edere» : *pir̃ža* «Stänkerer»); russ. *волокý* «ich ziehe» (lett. *vę̀lku*) : *волóча* «ein Herumtreiber» bei Dal′ I[3] 581[8]; serb. *sûh* (= lit. *saũsas*) : čech. *souše;* russ. *гóрод*, čech. *hrad* : russ. *горóжа*, čech. *hráze*. Zuweilen findet man daneben abgeleitete Verba auf *-ât*: *luõž(ņ)a* : *luõž(ņ)ât* «kriechen», lit. *lándžioti*; *mîža* : *mîžât* «harnen»; *tuõša* : *tuõšât* C.; und diese Verba waren wahrscheinlich denominativ. Da sie aber auch auf das entsprechende primäre Verbum bezogen werden konnten, so sind zuweilen wahrscheinlich nach ihrem Vorbild Verba auf *-ât* mit akutierter Wurzelsilbe direkt vom primären Verbum abgeleitet worden: *èlst* «keuchen» : *elšât* «tief aufatmen» C.; *dzìt* «treiben» (lit. *giñti*) : *gaiņât* «abwehren» B., S.; (vgl. *lît* «regnen», lit. *lýti* : *lįņât* «fein regnen»); lit. *riẽsti* «rollen» (lett. *rìest*) : *ráičioti* «hin- und herrollen»; *riñkti* «auflesen» : *ránkioti* //
110 «fortgesetzt ein wenig auflesen»; *vilkti* «schleppen» (lett. *vìlkt*) : *válkioti* «mehrfach umherschleppen» u. a.

ā-Stämme: lit. *džiáuti* «zum Trocknen hinstellen» (lett. *žaût*) : *džiovà* «Darre», Gen. Sing. *džiõvos*. \ zu ~: lit. *jiẽžti* «aushülsen» (Jušk. 395) : lett. *aîza* «Spalte»; *brèkt* «schreien» : *brę̃ka* «Geschrei»; *kàukt* «heulen» (lit. *kaũkti*) : *kaũka* «Schreihals»; *plùkt* «pflücken» : Nom. Plur. *plũkas* «Ausgezupftes»; *šļàukt* : *šļaũka* C. (s. RKr. XV 55, 98 und 139); *šņàkt* «zischen» : *šņãka* C.; *šņàukt* «schnauben» : *šņaũka* C.; *vìlkt* : Gen. Plur. *vaĩku* (in *vaĩku drãnas* «Alltagskleider»); *bèigt* «endigen» (lit. *beĩgti*) : *beĩgas* «Ende»; *dìrst* : *dir̃sa* «podex»; *màukt* (lit. *maũkti*) : *maũka* «Hure»; *rùkt* «brüllen, brummen» : *rũka* «ein brummiger Mensch» S.; *šàlkt* «rauschen» : Nom. Plur. *šaĩkas* «Schaudern» C.; *tèikt* «sagen» : *teĩka* «Sage», *tìlpt* «Raum haben» (lit. *tilpti*) : *tę̃lpa* «Raum» C.; *cìrst* «hauen» (lit. *kir̃sti*) : *cir̃ta* «Locke» (vgl. *cìrstiês* «sich kräuseln»); *lìekt* (lit. *leñkti*) : (wohl kurisch) *laña* «feuchte Wiese»; vgl. lit. *delbti* «(die Augen) niederschlagen» : *dìlba* «Gluper»; *rẽkti* «brüllen» : *rẽka* «Schreihals»; *sliñkti* «schlei-

[8] [1955. g. izdevumā, kas izdots pēc 2. izdevuma, I 237. — Red.]

chen» : *slìnka* «Schleicher»; *lendù lįsti* «kriechen» : *lánda* «Loch zum Durchkriechen» (An. 141 und Wolters LChr. 353, 24); weiterhin *kleĩvas* «schiefbeinig» : *kléiva* «ein schiefbeiniger Mensch» (Būga ΡΦΒ LXVI 222); lett. *krèiss* «sinister» : lit. *kréisa*[9] «(körperlicher) Fehler» (Jušk. unter *ýdva*); lit. *varnas* «Rabe» (serb. *vrân*) : *várna*[10] «Krähe» (lett. *vãrna,* serb. *vräna*). — Neben diesen *ā*-Stämmen gibt es (ursprünglich denominative, s. Leskien Abl. 436 ff.) Verba auf *-ât* mit akutierter Wurzelsilbe: *brę̃ka* : *brę̃kât* «viel schreien»; *kaũka* : *kaũkât* C. (serb. *kùkati* «wehklagen»); *plũkas* : *plũkât* «pflücken» B., C.; *šlaũka* : *šlaũkât* C.; *šnãka* : *šnãkât* «schnarrend sprechen» C.; *šnaũka* : *šnaũkât* «schnauben» B., C.; Gen. Plur. *vaĩkų* : *vaĩkât* «(Kleider) tragen»; lit. *lánda* : lett. *luõdât* «kriechen» B., C. Da nun ein *brę̃kât* direkt auf *brèkt* bezogen werden konnte, so können darnach solche Verba auf *-ât* auch direkt vom entsprechenden primären Verbum abgeleitet sein (in manchen Fällen kann auch das Nomen auf *-ā* nachher verlorengegangen sein): *bràukt* «fahren» (lit. *braũkti*) : *braũkât* «umherfahren»; *èlst* «keuchen» : // *ęĩsât* «keuchen» C., S., W; 111
klìegt «schreien» : *klaĩgât* «viel schreien» B., C.; *knàbt* oder *knàpt* «picken» : *knãbât* B. oder *knãpât* C. «wiederholt picken»; *lèkt* «springen» (lit. *lẽkti*) : *lę̃kât* «hüpfen»; 1. P. Sing. Präs. *mìeznu* (zu *mìzt*) : *miẽznât* «mingere» B.; *ràptiês* «kriechen» : *rãpâtiês* «herumkriechen» C., S.; *sàukt* «rufen» (lit. *šaũkti*) : *saũkât* «oft rufen» B., C., W (lit. *šáukoti* B. in Salantai); *stèigt* «eilen» : *staĩgât* «wandeln» B., C., S., W; *sùkt* «saugen» (lit. *suñkti*) : *sũkât* «saugen» C.; *šlùkt* «gleiten machen» : *šlũkât* «glitschen» B., C.; *trènkt* «scheuchen» : *trę̃ñkât* «hin und her jagen» C., S., W; *zvìegt* «wiehern» : *zvaĩgât* «wiehern» B. Man beachte, daß es daneben ebensolche Verba auf *-ât* von akutierten Wurzeln gab: *duôt* «geben» (lit. *dúoti*) : *dãvât* «anbieten» C., S.; *grâbt* «greifen» (lit. *gróbti*) : *grãbât* «greifen» S., C.; *srâgt* «bersten» (lit. *srógti*) : *srę̃gât* «prasseln» B., C., S., W; vgl. auch Formen wie *mę̃tât* «wiederholt werfen» (zu *mest* «werfen»), *nę̃sât* «hin und her tragen» (zu *nest* «tragen»), serb.

---

[9] Dieses *kréisa* und *kreivùmas* «Sünde» (bei Daukša Post. 171, 22 nach der Neuausgabe) befürworten die von mir BB XXVII 190 [šai izdevumā I 249. — Red.] vorgeschlagene Etymologie des aksl. *grĕxъ* «ἁμαρτία, ἁμάρτημα».

[10] Der ganze Zusammenhang zeigt, wie mir scheint, daß der Unterschied zwischen lit. *vaĩ(nas)* und *vár(na)* oder *vil(kas)* und *vìl(kė)* weder auf Quantitätsunterschiede noch auf Akzentverschiebung zurückzuführen ist, sondern auf Metatonie beruht.

bjẽgati «fliehen», russ. *бѣгать* «hin und her laufen» u. a. Die litauischen Verba auf *-oti* mit akutierter Wurzel unterscheiden sich gewöhnlich von den lettischen durch ihre Bedeutung und Präsensbildung: *klúpau klúpoti* «in knieender Stellung verharren» zu *klaũptis* «niederknieen»; *lìndau* (aber auch *lìndoju*) *lìndoti* «wo hinein gekrochen sein» zu *lĩsti* «kriechen»; *glúdau* (auch *glúdoju*) *glúdoti* «still (angeschmiegt) daliegen» zu *glaũsti* «sich anschmiegen» (lett. *glàust*) u. a., vgl. v. Rozwadowski IF IV 408 ff.

Die Iterativa auf *-ât* scheinen die Metatonie in den Iterativen auf *-ît* bewirkt zu haben: *bràukt* : *braũcît* «streichen»; lit. *daũžti* «stoßen» : lett. *daũzît* «heftig schlagen»; lit. *geĩsti* «verlangen» : lett. *gaĩdît* «warten» B., Wk., Nitau, Nieder-Bartau, Siuxt u. a. (neben *gàidît* C., S., N, Blieden, Wenden u. a.); *grìezt* «kehren» (lit. *grę̃žti*) : *gruõzît* «hin und her wenden» (darnach in W u. a. auch *griẽzt* für *grìezt*); *klaũsît* «gehorchen» B., N (neben *klàusît* C., S., Wk.); lit. *liẽžti* «lecken» : lett. *laĩzît* dass. B., Wk. (neben *làizît* C., S., N); *plèst* : *plãtît* «ausbreiten»; *rìebt* «(Krankheiten) besprechen» : *raĩbît* dass. S. (neben *ràibît* W); *raũdzît* «besehen» B., S., N, Preekuln (neben *ràudzît* C.); 1. P. Sing. Präs. *šķìetu* «meine» : *skaĩtît* «zählen» Rutzau (neben *skàitît* C., S., W u. a.); *slàukt* «melken» : *slaũcît* «fegen» B., W, N, Wk. (neben *slàucît* C., S. = lit. *šlaukýti* B. «wischen», 3. P. *šlaũko*); lit. *tiẽsti* «geradem achen» : lett. *taĩsît* «machen» B., N (neben *tàisît* C., S., Wk.); *traĩpît* «beflecken» C. (neben *tràipît* S., Wk., N); *bĩdît* «schieben» W, Wk. (neben *bìdît* C., S.). Wo der etymolo-
112 gische Zusammenhang mit // dem primären Verbum noch ganz deutlich empfunden wird (und auch sonst), bleibt \ in allen Mundarten: *lìekt* : *lùocît* «biegen»; *skrìet* «laufen» : *skràidît* «viel laufen»; *vèrst* «wenden» : *vàrtît* «wälzen»; *làupît* «rauben» u. a. Im Litauischen und Slavischen gibt es in der Regel bei diesen Verben keinen Intonationswechsel: lit. *braukýti* (3. P. *braũko*), *vartýti* (3. P. *vařto*) u. a.; serb. *búditi* (1. P. Sing. Präs. *bûdīm*), russ. *лупúть* u. a. Formen wie *braũcît* scheinen also speziell lettische Neubildungen zu sein; man beachte auch, daß in der gedehnten Betonung der Formen auf *-ât* die Mundarten mehr unter sich übereinstimmen als bei den Formen auf *-ît*. Daß diese ehemals wurzelbetont waren (s. Meillet MSL XI 347), zeigt auch das Lettische: *bîtiês* «sich fürchten» : *baĩdît* «schrecken»; *grâbt* : *grãbstît* B., N «haschen» (= lit. *gróbstyti*; dagegen *grâbstît* C. nach *grâbt*); *griêzt* «schneiden» : *graĩzît* (= lit. *gráižyti*) «schnickern» B., Ohsche-

neeken (dagegen *graîzît* C., S., W nach *griêzt*); *mît* «tauschen» : *maĩnît* «wechseln» (nach Krumberg *maînît* im Anschluß an *mît*); *plêst* «reißen» : *pluõsît* «zerren» B. (dagegen *pluôsît* C., S., W nach *plêst*); *smiêt* «lachen» : *smaîdît* «lächeln» C., S. (*smaîdît* B. nach *smiêt*); *speřt* «(mit dem Fuß) ausschlagen» : *spãrdît* (= lit. *spárdyti*) «wiederholt ausschlagen» C., W (*spařdît* B. nach *speřt*). Vgl. noch *glãstît* «streicheln» = lit. *glóstyti; vãrstît* «reihen» = lit. *várstyti*; *sîldît* «wärmen» = lit. *šildyti* u. a.; dagegen z. B. *laîstît* «öfters gießen» (gegenüber lit. *láistyti*) nach *liêt* «gießen».

Akutierung zirkumflektierter Silben findet man weiterhin in folgenden Fällen. Erstens in Verben auf *-inât*: *brèkt* : *brẽcinât* «zum Schreien veranlassen»; *dìrst* : *diřsęnât* «ein Kind abhalten» C.; *kàist* «heiß werden» (lit. *kaĩsti*) : *kaĩtinât* «ärgern»; *kàukt* : *kaũcinât* «zum Heulen veranlassen»; *mìzt* : *mĩzęnât* «harnen lassen» C.; *svèikt* «begrüßen» und (dial.) *svèiks* «gesund» (= lit. *sveĩkas*) : *sveĩcinât* «begrüßen» (darnach auch *sveĩks*); *vèkšt* «plärren» : *vękšęnât* «zum Plärren veranlassen» C.; *vìlkt* : *vĩlcinât* «in die Länge ziehen» (vgl. damit *raûdât* «weinen» : *rũdinât* «zum Weinen veranlassen» B.; anderswo bleibt \ : *slìkt* «ertrinken» : *slìcinât* «ertränken»). Damit lassen sich vergleichen lit. *veřkti* «weinen» : *vìrkinti* «weinen machen»; *sveĩkti* «gesunden» und *sveĩkas* «gesund» : *svéikinti* «grüßen»; 3. P. Präs. *rũp'* «liegt am Herzen» : *rúpinti* «sorgen»; *vařgti* «Not leiden» : *várginti* «plagen»; *liñksmas* «heiter» (= lett. *lìksms*) : *lìnksminti* «erheitern» u. a. bei Bezzenberger BB XXI 311. //

Auch in einigen intransitiven Verben auf *-êt*: lett. *rìest*, lit. 113
riẽsti (lett. *krũmu rìest* «sich bestauden» C. und BW 27906 und 28031) : *riẽtêt* «rollen; aufgehen (vom Licht gesagt), untergehen (von der Sonne gesagt)» S. (neben *rìetêt* C.); lit. 3. P. *niẽžti* «juckt» : lett. *niẽzêt* «jucken»; lit. *skęsti* «ertrinken» : *skéndėti* «im Ertrinken sein»; *daũžti* «stoßen» : *dáužėti* B. «sich abnutzen»; žem. *éižti* «aushülsen» (Jušk. und Būga Aist. St. I 60) : *áižėti* «platzen» (Jušk.) oder *éižėti* B.; *miřti* «sterben» : *mérdėti* «im Sterben sein».

Ferner in Präsensstämmen auf *-sta*: *dzìmt* «geboren werden», lit. *gimti* : *dzimstu* S. (anderswo *dzìmstu* nach dem Infinitiv), lit. *gimstu* An. 318 und Jušk. 704 (hier auch der Infinitiv mit dem Stoßton nach dem Präsens); 3. P. *dziẽst* «erlischt» : lit. *gęsa* Jušk. 430 (und darnach auch *gęsta*); lit. *mìrštu* : *miřti* «sterben» = lett. **miřstu* : *mìrt*, woraus mit Ausgleichung *miřstu miřt* B., S., W, Wk., N und *mìrstu mìrt* C. (vgl. noch

mèrdêt «hungern lassen» C., S., Wk., N und *mèris* «Pest»). Eine derartige Ausgleichung scheint auch in den folgenden Fällen stattgefunden zu haben: *griñstu griñt* «sinken» (neben *grèmdêt* «versenken») S., Wk. gegenüber *grìmstu grìmt* C. : lit. *grimstù griñsti; gulstu(ôs) gulť(iês)* «sich schlafen legen» S., Wk. (neben *gùlta* «Bett», *gùldît* «schlafen legen»; mundartlich auch *gulta*) gegenüber *gùltiês* N : lit. *gulti; ǵībstu ǵībt* «ohnmächtig werden» B. neben *ǵìbstu ǵìbt* C., S., N, vgl. lit. *g(v)eibstù g(v)eibti; kuřkstu kuřkt* «quarren» B. neben *kùrcu kùrkt* S. = lit. *kurkiù kuřkti; lìkstu lìkt* «sich vereinbaren» B. neben *lìkstu lìkt* N oder *lìgstu lìgt* S., Wk. (mit *g* nach *lîgt* C. oder *ligt* B. = lit. *lýgti*); *nīkstu nīkt* «vergehen» B., C., Wk., N, S. neben *nìkstu nìkt* S. (nach brieflicher Mitteilung) : lit. *nykstù nỹkti; riñstu riñt* «still werden» (neben *rèmdêt* «stillen») S., Wk. gegenüber *rìmstu rìmt* C. : lit. *rìmstu rìmti; siřgstu siřgt* «kränkeln» (neben *sę̀rga* «Seuche») C., S., B. neben *sìrgstu sìrgt* Wk. : lit. *sergù siřgti; skuñstu skuñt* «traurig werden» S. : *skùmstu skùmt* C.; *skuřbstu skuřbt* «schwindlig werden» B., S. : *skùrbstu skùrbt* C.; *slīkstu slīkt* «sich neigen» : *slìkstu slìkt* «untersinken» Wk., B.; *vãrgstu vãrgt* «siechen» C. gegenüber *vàrgstu vàrgt* Wk. : lit. *vargstù vařgti*; vgl. noch lit. *-vìrkstu -vìrkti* : *verkiù veřkti*. In einigen von den genannten Fällen könnte der Akut älter sein, so z. B. in *riñt* (neben *rãms* «zahm»). Die Ratio dieses Wandels ist unklar; vgl. dazu W. Schulze KZ XLV 230 und Persson Beitr.
114 350 ff. — Sollten die lettischen und // žemaitischen Formen auf *-stu* älter sein als die hochlitauischen Formen mit Nasalinfix, so gehören vielleicht hierher noch: lett. *biřstu biřt* «rieseln» (neben *bèrt* «schütten», *bàrstît* «verstreuen» C.; anderswo *bērt, bãrstît* nach *biřt*) : lit. *bįrù* oder *bìrstu bìrti*, in Kvėdarna *bìrstu biřti* B. (neben *beřti barstýti*); *dīlstu dīlt* «sich abtragen» (neben *dèldêt* «abnutzen») S., W, Wk. gegenüber *dìlstu dìlt* C., N : lit. *dįlù (delù)* oder *dìlstu dìlti* oder (nach Jušk. 569 und 717) žem. *dīlti; iřstu iřt* «sich zertrennen» (neben *àrdît* «trennen») S., W, Wk. gegenüber *ìrstu ìrt* N : lit. *įrù* oder *ìrstu ìrti* (neben *ardýti*); *sīlstu sīlt* «warm werden» (und weiterhin *sīldît* «erwärmen») neben *sìlts* «warm» : lit. *šįlù* oder *šìlstu šilti* (und *šildyti*) neben *šiltas*; *svīlstu svīlt* «versengt werden» C., W, Wk. neben *svìlstu svìlt* N : lit. *svįlù (svelù)* oder *svìlstu svilti* oder (nach Jušk. 558) *svīlti*. Doch ist die genannte Voraussetzung recht zweifelhaft. Vielleicht hat man Metatonie in den Kausativen auf *-dit(i)* und *-dēt(i)* von akutierten intransitiven Wurzeln anzunehmen, wofür das Verhältnis von lett.

bîtiês «sich fürchten» : lit. *baidýti* «scheuchen» (3. P. *baĩdo*) spricht; Formen wie *dìlt* könnten durch das entsprechende Kausativum *(dèldêt)* hervorgerufen sein.

Weiterhin sind vereinzelte Fälle zu nennen: *cìems* «Dorf» (lit. *kiẽmas*), *cìemiņš* «Gast» : *kaĩmiņš* «Nachbar» (: lit. *kaimýnas;* vgl. jedoch *káimas* in Wolters LChr. 490 und Mikkola AfslPh. XX 149); lit. *dvẽsti* «hauchen» : lett. *dvẽsele* «Seele»; *zìema* «Winter» (lit. Akk. Sing. *žiẽmą*) : *ziẽmelis* «Norden» C., S. oder *ziẽmẽlis* W; *sùkt* : *sũkalas* «Molken» C.; *ràibs* «bunt» (lit. *raĩbas*), *zìme* «Zeichen» (lit. Akk. Sing. *žỹmę*), *zvàigzne* «Stern» (lit. Akk. Sing. *žvaĩgzdę*[11]) : *raĩbala, zĩmala, zvaĩgala* (Kuhnamen); *mìzt* : *mĩzene* eine Ameisenart; *slàukt* : *slaũcene* «Milcheimer»; *màktiês* «sich bewölken» : *mãkuônis* «Wolke»; *vàlsts* «Gebiet, Reich» (russ. *вóлость*) : *valstĩba* «Reich»; *sìet* : *saĩnîtis* «Bündel» C.; *lìkt* «sich biegen» : *lĩkšņa* C. (s. Leskien Nom. 369); *vèikt* «ausrichten» (lit. *veĩkti*) : *veĩkls* «gewandt» C., S., W; serb. *lijep,* lett. *làipns* S. (s. Bezzenberger KSB VIII 367) : *laĩpns* «freundlich» C., W.

Endlich im ersten Teil zusammengesetzter Wörter. So außer *prìekš* «vor» : *priẽkšaũts* «Schürze» namentlich in vielen (nicht allen) nominalen Zusammensetzungen mit *ìe-, nùo, pìe,* z. B. *iẽnaîds* «Haß», *nuõdaļa* «Abteilung», *piẽdaŕbs* «Dreschtenne»; weitere Beispiele BB XXV 271[12], bei P. Schmidt l. c. 18 bis 19, 31, 33 und Cīrulis l. c. 56—57, 76, 87, 89. Vgl. lit. // *ţ*: *ţlanda* «Schlupfwinkel» u. a.; *nuõ*: *núobraukos* «Abgeschabtes» u. a.; *priẽ*: *príekelis* «Nebenweg» u. a. War das Kompositum oxytoniert, so stellt sich ∧ ein: *nuôst(u)* «weg» neben *nuõst* (z. B. in Sarnaten und Kabillen), vgl. lit. *núogi*[13]; *suômazgas* «Spülwasser» C., vgl. lit. *sąšlavos* «Kehricht», Gen. *sąšlavų̃*. In Verbindungen mit Verben dagegen (und in davon abgeleiteten Nomina agentis und actionis) behalten *ìe-, nùo, pìe* ihre Intonation, z. B. *ìesist, nùosist, pìesist,* neben *pãrsist* (vgl. lit. dial. *párplaukti* u. a.). Nur in sehr wenigen Mundarten habe ich auch hier ~ für ∖ gehört: 1. P. Sing. Präs. *piẽminêju* in Frauenburg; 1. P. Plur. Fut. *nuôskriesim*[14], 1. P. Plur. Prät. *piẽscêlẽm,* Part. Prät. *iẽkritis* in Nieder-Bartau; *piẽbraukt, nuõkrist, iẽiêt* in Mißhof. Daß 115

[11] [Tagadējā lei. rakstu valodā ar *-ž-*; tomēr te laikam kļūda nebūs (skat. ME IV 762 s. v. *zvàigzne*). — Red.]

[12] [Šai izdevumā I 129. — Red.]

[13] [Skat. arī šai izdevumā II 537[12]. — Red.]

[14] [Tā pirmpublicējumā *nuô-* ar lauzto intonāciju, kā konstatēts arī

ie-, nuo, pie ursprünglich zirkumflektiert waren, zeigt erstens der Gegensatz zwischen *ie-, nùo-, pìe-* und *pār-* in verbalen Verbindungen und zweitens — die Präpositionen *nùo, pìe* (vgl. auch lit. *priẽdai* und serb. *prîd*): ~ aus ´ in Endsilben ist zwar im Litauischen Regel (s. meine Слблт. эт. 144 f.[15]), nicht aber im Lettischen (vgl. z. B. den Gegensatz zwischen Nom. Sing. *tã* «die» und Gen. Sing. *tà* «des»), wo dieser Regel nur Verbindungen kurzer Vokale mit *r* unterliegen, vgl. *pàr* neben *pār-* aus **paŕ-* : (= lit. dial. *pár-* aus **paŕ-*). Wenn *kùr* «wo» (lit. *kuř*), *šùr, tùr* schon ursprünglich zirkumflektiert waren, so gehören hierher auch *kuřp* «wohin», *šuřp(u)* «her», *tuřp* «dahin», vgl. lit. *namiẽ* : *namíepi* in Wolters LChr. 391, 36 und bei Būga Aist. St. I 43. Endlich ist zu nennen *dìe(v)s* «Gott» (lit. *diẽvas*) : *diẽzgan* «genug» (aus älterem *dievs-zin-gan*[16] oder *dievs-un-gan* BW 23 var., 15354), vgl. lit. *Dubõs girià* : *Dubósgirė* oder Gen. Plur. *galvų̃* : *galvúgalė* bei Būga l. c. und dän. *haŏ* (geschr. *hav*) «Meer» : *haōbokt* (geschr. *havbugt*) «Meerbusen» bei Pedersen KZ XXXVIII 298.

\ für ~ findet man im Vokativ und vereinzelt auch im Imperativ, namentlich wenn in bittendem Ton gesprochen wird (vgl. Cīrulis l. c. 55): *tę̃(v)s* «Vater» (lit. *tėvas*) : Vok. Sing. *tę̃(v)*; *mãte* «Mutter» (lit. *mótė*) : Vok. Sing. *màt*; *brãlis* «Bruder» (lit. *brólis*) : Vok. Sing. *bràli; Jānis* : Vok. Sing. *Jàni; tu nāc* «du kommst» : *nàc* «komm!» Vgl. dazu gr. Ζεύς : Ζεῦ.

4. DIE INTONATIONEN IN LEHNWÖRTERN AUS DEM RUSSISCHEN

Man findet in solchen Wörtern den Dehnton und den fallenden Ton. Der Dehnton ist mir aus folgenden Beispielen bekannt: //

116 *ālava* oder *ālavîca* C. «gelte Kuh» aus russ. *я́ловица.*

grāmata «Buch» aus russ. *грáмота.*

pāsma oder *pāsms* «Fitze Garn» aus russ. *нáсмо*; serb. *pàsmo,* čech. *pásmo.*

Pāvils «Paul» aus ar. **Pávьlъ,* woraus *Пáвел.*

Nom. Plur. *prāvas* B. «Prozeß» aus russ. *прáво;* serb. *prâvo* «recte», čech. *právo* «Recht».

1963. g. ZA Valodas un literatūras institūta dialektoloģijas materiālu vākšanas ekspedīcijā Nīcā. Piemēru virknē gaidītu *nuō-* ar stiepto intonāciju, kaut arī lauztā intonācija radusies no stieptās, bet tur tā saplūdusi ar krītošo. — Red.]

[15] [Šai izdevumā II 295 sk. — Red.]

[16] [Pirmpublicējumā: *dievs-in-gan.* — Red.]

stãrasta «Aufseher» aus russ. *стáроста*; vgl. serb. *stȁr*, čech. *stár* «alt», lit. *stóras* «dick».

trãpît «treffen» aus weißruss. *трáпіць*.

vãpêt «glasieren» aus russ. *вáпить*.

žę̄l «leid» und *žę̄labas* «Klagen» aus russ. *жаль* (resp. aus dessen Vorstufe **žělь*), *жáлоба;* vgl. serb. *žȁo*.

kal̄ps «Knecht» aus urruss. **chol̄pъ*, woraus *холóп*; vgl. serb. *hlȁp*.

kur̄ts «Windhund» aus urruss. **chъr̄tъ*, woraus (veraltet) *хорт*; serb. *hȑt*, bulg. *hъ́rtъt*.

tul̄ks «Dolmetscher» aus urruss. **tъl̄kъ*, woraus *толк*.

ķīsẽlis — ein Gericht — aus russ. *кисéль;* vgl. serb. *kȉsnuti*, russ. *кúснуть*.

žīds «Jude» aus russ. *жид* (Gen. Sing. *жидá*); serb. *žȉd*.

bļuõda «Schüssel» aus russ. *блю́до;* serb. *bljȕdo*.

duõma «Gedanke» und *duõmât* «denken» aus russ. *дýма, дýмать;* vgl. serb. l. P. Sing. Präs. *dȕmām*.

kuõkalis B. «Kornrade» oder Nom. Plur. *kuõkãļi* C. (zum *ā* in *kuõkãļi* und *ē* in *ķīsẽlis* s. meine Слблт. эт. 100[1] [17]) aus russ. *кýколь*; abweichend serb. *kúkolj*.

luõks «Lauch» aus russ. *лук;* serb. *lȕk*, bulg. *lúkъt*.

muõka «Qual», *muõcît* «quälen» aus russ. *мýка, мýчить;* serb. *mȕka mȕčiti*.

puõstaša «ein wüster Ort» aus russ. *пýстошь;* serb. *pûst* zeigt, daß die Wurzel zirkumflektiert war, doch kann in der Ableitung ursl. **pustošь* Metatonie eingetreten sein.

suõma «Ranzen» oder (nach Krumberg) *suôma* (aus **suomá* mit akutierter Wurzelsilbe) aus russ. *сумá*.

bũda «Hütte» aus russ. *бýда*; čech. *bouda*.

dũda «Flöte» aus russ. *дудá* (vielleicht nicht direkt, sondern aus lit. *dūdà*); serb. *dúda, dȕdati*, kleinruss. *дудá*[18], čech. *dudy*.

kũms oder *kũma* «Gevatter» aus russ. *кум, кумá;* serb. *kûm*, bulg. *kumъ́t*.

lę̄ca «Linse» aus aruss. *ljača;* bulg. *léšta*. //

pũka «Flaumfeder» aus russ. *пух*. 117

strũga «Struse» aus russ. *струг*.

trũba «Röhre» aus russ. *трубá* (oder vielleicht aus lit. *trūbà*, Akk. Sing. *trũbą*); serb. *trúba*.

muīta «Zoll» aus russ. *мы́то*; čech. *mýto*.

---

[17] [Šai izdevumā II 257 skk.[161] — Red.]

[18] [Pirmpublicējumā: *dúda*. — Red.]

kuĩlis «Eber» aus urruss. **kyl'ъ* zu **kil'ъ*, woraus hochlett. *kiejls* (Zb. XVIII 436) aus **kĩlis;* vgl. russ. *киля́к* «unverschnittener Eber».

Den fallenden Ton findet man in:

gànît «beschmutzen, schmähen» aus wruss. **ganiti* zu *га́ніць*, dessen Anfangsbetonung vielleicht durch p. *ganić* hervorgerufen ist; vgl. klruss. *га́нити*[19].

kàpuôsti oder *kàpuõsti* C. «Kohl» aus russ. *капу́ста.*

kràsa «Farbe» aus russ. *красá;* vgl. serb. *krásа* oder *krâs* und *krásiti krâsīm.*

mètelis «Mantel» aus aruss. *mjatelь.*

pàtaga «Peitsche» aus russ. *батóг.*

pàvs (oder *pãvs* B.) «Pfau» aus russ. *пав;* das russ. Fem. *пáва* könnte sich zu *pàvs* verhalten wie z. B. russ. *воро́на* zu *во́рон,* doch vgl. lit. *póvas,* das gleich *pãvs* B. auf den Akut deutet.

strãdât «arbeiten» aus russ. *страда́ть;* serb. *strádati strâdām.*

tvàraks «dicke Milch» aus russ. *творог.*

zàbaks «Stiefel» aus aruss. *zapogъ* oder *sabogъ* (s. Sobolevskij РФВ LXV 414); jetzt *canóг.*

grę̀da C. «zusammengestapelter Haufe» aus russ. *грядá*; serb. *gréda,* Akk. Sing. *grêdu,* čech. *hřada.*

svę̀ts «heilig», *svètît* «heiligen» aus russ. *свят, святи́ть;* serb. *svêt, svétiti svêtīm,* lit. *šveñtas.*

bę̀da «Sorge, Leid» aus russ. *бедá;* serb. *bijèda,* Vok. Sing. *bȉjedo,* čech. *běda* «weh».

grę̀ks «Sünde» aus russ. *грех;* serb. *grȉjeh,* bulg. *grehъ́t.*

vèsts «Nachricht» aus russ. *весть;* čech. *věsť.*

krìevs «Russe», vgl. aruss. *kriviči.*

pìrãgs «Kuchen» aus russ. *пирóг.*

ùoms C. «Verstand» aus russ. *ум*; serb. *ûm,* bulg. *umъ́t,* čech. *um.*

rùobeža «Grenze» aus russ. *рубеж,* vgl. serb. *rúbiti rûbīm.*

sùods «Strafe», *sùodît* «strafen», *sùoģis* «Richter» aus russ. *суд, суди́ть, судья́;* serb. *sûd, súditi, sûđa,* bulg. *sъдъ́т.*

sùolît «bieten» aus russ. *сули́ть.*

Unerwähnt blieben Formen, deren Entlehnung mir nicht sicher scheint: *sliede* «Geleise» : russ. *след,* serb. *slȉjed; tę̀ls*[20]
118 «Gestalt» // : russ. *тéло,* serb. *tȉjelo,* čech. *tělo; slãbs*

[19] [Pirmpublicējumā: *hanýty.* — Red.]
[20] [Pirmpublicējumā: *tèls.* — Red.]

«schwach» : russ. *слаб*, serb. *slȁb*, čech. *sláb*; *dũša* «Mut, Gemüt» : russ. *душá* «Seele», serb. *dúša*, Akk. Sing. *dûšu*, čech. *duše*.

Wenn man die obige Liste durchmustert, so ist, wie mir scheint, eine gewisse Gesetzmäßigkeit in der Verteilung der beiden Intonationen unverkennbar. In einigen Fällen ist die slavische Intonation mir unbekannt, aber die übrigen Beispiele deuten darauf hin, daß der slavische steigende Ton durch den lettischen Dehnton wiedergegeben wird (*pãsma, prãvas, stãrasta, žę̃l, kaĩps, kuŕts, ķisẽlis, žìds, bļuõda, duõmât, duõma, luõks, muõka, muõcît, bũda*) und der slavische fallende Ton durch dieselbe lettische Intonation (*kràsa, stràdât, grę̀da, svę̀ts, bę̀da, grę̀ks, vèsts, ùoms, rùobeža, sùods*). Die vereinzelten Ausnahmen (*kũms* und *dũša*, wenn sie entlehnt sind) können dagegen schwerlich aufkommen, sondern bedürfen einer besonderen Erklärung. Oben sind auch dreisilbige Formen wie *ãlava, grãmata, stãrasta* angeführt, obgleich mir bekannt ist, daß einige Forscher (auf Grund z. B. von čech. *jahoda* : serb. *jàgoda*) hier schon eine urslavische Kürzung der ersten Silbe annehmen. Dieser Annahme widersprechen aber die baltischen (und finnisch-ugrischen) Lehnwörter aus dem Slavischen, da z. B. die Länge im lett. *ãlava* (wenn es wirklich ein Lehnwort ist) nur aus einer altrussischen (resp. urslavischen) Länge erklärt werden kann. Ein *ãlava* könnte schließlich vor der vermeintlichen urslavischen Kürzung entlehnt sein, aber *grãmata* und *Pãvils* können aus historischen Gründen nur aus altrussischen Formen (mit langem *ā* in der ersten Silbe) abgeleitet werden. Man könnte nun einwenden, daß das Slavische erst nach der Kürzung von Formen wie *jagoda* die Wörter **grâmota* und **Pávьlъ* aufgenommen hat. Möglich wäre das vielleicht (vgl. allerdings čech. *hramota*, serb. *Pävao*), aber denkbar ist es auch, daß die angenommene Kürzung nur in den west- und südslavischen Dialekten stattfand, nicht aber im Russischen; vgl. auch Breznik AfslPh. XXXII 406.

Charkov.

MISZELLEN

[1913/14 IF XXXIII 119—127 un atsevišķā novilkumā]

119 **1. ZUR BETONUNG DER LITAUISCHEN VERBALSUBSTANTIVA AUF *-imas***

Wie gleich gezeigt werden soll, deuten noch einige Formen darauf hin, daß ursprünglich in den Nomina actionis auf *-imas* das *-i-* betont wurde, wenn das Verbum (wenigstens teilweise) Endbetonung hatte, dagegen die Wurzelsilbe, wenn das Verbum Anfangsbetonung hatte. Nachdem aber bei den Verben mit gestoßener Wurzelsilbe Anfangsbetonung durchgeführt war[1], mußten in der Betonung der Nomina auf *-imas* Schwankungen eintreten, zumal einige von ihnen nur selten gebraucht wurden. Kurschat sagt Gramm. § 549, daß «sie im allgemeinen weniger vom Volke als von den litauisch redenden und schreibenden Nichtlitauern herrühren», und konstatiert, daß in ihrer Betonung «Unsicherheit» herrsche. Wenn er darauf Regeln gibt, die «im ganzen als maßgebend anzusehen sein dürften», so ist aus seiner Ausdrucksweise wohl zu schließen, daß seine Regeln zum Teil auf Schematisierung beruhen. Bei geschleifter oder kurzer Wurzelsilbe ist in Bildungen von primären Verben immer das *-i-* betont, z. B. *veřkti* : *verkìmas, mùšti* : *mušìmas*. Bei den § 1225 gegebenen Verben mit gestoßener Wurzel behält nach Kurschats Angabe § 552 die Wurzel den Akzent auch beim Nomen auf *-imas*, «wenn ihr Vokal im Aoriststamm *o* ist, z. B. in *grówimas*, von *gráuti*, Aor. *grówiau*, andernfalls neigt sich der Ton entschieden nach der Pänultima». Dieser Formulierung widersprechen in seinem litauisch-deutschen Wörterbuch Formen wie *globìmas, jojìmas, klojìmas, (iš)mokìmas, šokìmas, sprogìmas, drožìmas, nokìmas* einerseits und *džiúvimas, liejimas, sějimas, spějimas, atáušimas* (neben *aušìmas*) and-

[1] Litauische Formen wie 1. P. Sing. Präs. *áugu*, 2. P. Sing. Präs. *áugi* sind, vgl. lett. *aûgu, aûdz(i)* und das lit. Partizipium *augę̃s* gegenüber *trúkstąs* (zu *trûkstu* = lett. *trũkstu*), phonetisch aus **augù, *augì* entstanden, wie z. B. Instr. Sing. *kótu* aus **kotù*.

rerseits. Nur die Formen auf *-ov-* vor *-imas* haben im Wörterbuch stets den Akzent auf der Wurzel: *blióvimas, džióvimas, róvimas, króvimas, pióvimas, spióvimas, šóvimas, (pa)lióvimas,* was wohl auf Verallgemeinerung beruht, vgl. lett. *bļaũt, žaũt, raũt* neben *kraũt, pļaũt, spļaũt, šaũt, ļaũt.* Die § 1229 angeführten Verba mit gestoßener Wurzel im Präteritum haben nach § 553 neben sich ein *-imas* mit // Wurzelbetonung, und dazu 120
stimmen die Angaben im Wörterbuch (so z. B. *bùrimas, dẽjimas, gẽlimas, stùmimas, gỹnimas* u. a.) bis auf vereinzelte Ausnahmen wie *vėmìmas, sėmìmas.* Die ursprünglichen Verhältnisse schimmern noch durch im Žemaitischen. Hier spricht man (nach Jušk. 712): *gėrìms* «Getränk» (vgl. lett. *dzert*) neben *gẽrims* «das Trinken», *plėšìms* «Neubruch» (vgl. lett. *plêst*) neben *plẽšims* «das Reißen», *audìms* «Gewebe» (vgl. lett. *aûst*) neben *áudims* «das Weben», *klojìms* «das zum Dreschen hingebreitete Getreide» (vgl. lett. *klât*) neben *klójims* «das Hinbreiten», *skýnims* «gereinigter Platz (im Walde)» und «Reinigung» (vgl. lett. *šķît*). Die Intonationen der entsprechenden lettischen Verba zeigen, daß die Betonung von *gėrìms, plėšìms, audìms, klojìms, skýnims* die ursprüngliche ist, wozu auch die konkrete Bedeutung dieser Formen stimmt.

2. ÜBER LIT.-LETT. *ui*, KÜRZUNG DER LANGDIPHTHONGE UND DEN AKK. UND INSTR. PLUR. DER *o*-STÄMME

Nachdem schon Brückner (Litu-slav. Stud. I 42 Anm.) und Bezzenberger (Jagić-Festschrift 279) Beispiele für lit. *-ui-* geboten hatten, gibt jetzt K. Būga РФВ LXVI 218 ff. eine sehr reichhaltige Liste der baltischen Wörter mit *-ui-*, die aber dennoch — wenigstens fürs Lettische — nicht ganz vollständig ist, und eine befriedigende Erklärung einiger solcher Formen. Einige andere Fälle will ich hier zu deuten versuchen. Lit. *pienùitas* «mit Milch beschmiert», *spuogùitas* «finnig» und *miegùistas* «verschlafen» in Dusetos und Ušpaliai scheinen *-ui-* aus *-uoi-* zu haben, indem sie durch Kontamination der Synonyme *pienúotas, spuogúotas, miegúostas* und **pienuojas, *spuoguojas, *mieguojas* entstanden sein können. Zu den vorausgesetzten Formen auf *-uojas* vgl. lett. *mìeguojs* «verschlafen» in Bersohn, *mẽduojs* «von Honig triefend» BW 1465, *dūmuojs* «mit Rauch gefüllt» BW 2986, 1 var., *miltuojs* «mehlig» BB XII 232, *suluojs* «saftig» ibidem u. a. und lit. *Kalnuojai* B., Ortsname in Preußisch-Litauen. — Solche Formen

mit *-ui-* für *u, ù* oder *uo,* die nur auf altkurischem Territorium oder in dessen Nachbarschaft vorkommen, könnten aus dem Altkurischen entlehnt sein, das *i*-Epenthese gekannt zu haben scheint, vgl. oben S. 102[2]; so z. B. lit. *puikỹs* «Kaulbarsch» neben *pūkỹs* und *puokỹs; rùinis* «Seehund» neben lett. *ruônis,* die, wie mir Herr K. Būga schreibt, nur im nordwestlichen Litauen vorkommen. //

121 Nun aber steht *-ui-* nicht selten auch neben *-ai-, -ei-, -ī-.* Aus dem Verzeichnis K. Būgas l. c. entnehme ich: lit. *gruinỹs* «Kahlkopf» : *grýnas* «kahl»; lett. *guibt* (vielleicht aus **gu̯uibti*) «ohnmächtig werden» : lit. *gvaĩbti* «ohnmächtig werden» und *geĩbti* «krepieren»; lit. *kluĩk(š)is* «Dummkopf», *kluĩkti* «dumm werden» : *klaĩkšis* «Narr»; lett. *kluĩn̦i* «krumme Beine» : *kleĩnis* «ein krummbeiniger Mensch», lit. *iškleinióti* «(mit krummen Beinen) herauskommen», *kleĩvas* «schiefbeinig», *kleĩpti* «schief treten (Schuhe)»; lit. *kùika* «Schindmähre» : apr. *paustocaican* «wildes Pferd»; lit. *luitas* «Kitt» : *laĩtas* «Lehm zum Zuschmieren von Ritzen»; lit. *muità* «Aas» : *maità* dass.; lit. *puikenà* «Brecheisen» : *peikenà* dass.; lit. *puĩšos* «Ruß» : *paĩšos* oder *piẽšos* dass.; lit. *ruinas* «bunt» : *raĩnas* dass.; lit. *rùišis* «Hinkebein» : *ráišas* «lahm», *aprýšti* «lahm werden»; lett. *smuidrs* «schlank» : *smīdrs* dass.; lit. *tuĩkti* «dumm werden» (wohl aus **tu̯uikti*) : *tvaĩkas* «Dunst». Dieses *ui* kann nun nicht weiter als «dunkel» ignoriert werden, sondern muß seinen Platz in der baltischen Lautlehre einnehmen.

Mir scheint es nun, daß in den zuletzt angeführten Fällen das *ui* (wie in der Endung des Dat. Sing. der *o*-Stämme) über *uoi̯* auf ursprachliches *ōi̯* zurückgeht. Man wird einwenden, daß dieser Annahme der Instr. Plur. auf *-ais* (: griech. -οις, ai. *-āiš*) widerspricht. Das kann ich aber nicht zugeben. Bekanntlich hat schon J. Schmidt KZ XXXVIII 3 ff. gemeint, daß die griechischen Formen auf -οις aus den Lokativen auf -οισι entstanden sind, und für den Instr. Plur. der *o*-Stämme die Endung *-āis* angenommen. Zugegeben wird auch, daß die oskischen Formen des Dat.-Abl. Plur. der *o*-Stämme ursprüngliche Lokative sein können. Und selbst wenn die griechischen Formen auf -οις doch ursprüngliche Instrumentale sein sollten, bewiesen sie noch keineswegs ein ursprachliches *-ōis*: ein Instr. Plur. *Θεαῖς (von Θεός) konnte eher auf den Nom. Plur. Θεαί als auf Θεοί bezogen und daher durch eine Neubildung Θεοῖς ersetzt werden.

---

[2] [Šai izdevumā II 510. — Red.]

Daß aber das lit. *-ais* aus *-āis* (und nicht aus *-ōis*) entstanden ist, dafür spricht die Endung *-us* des Akk. Plur. der *o*-Stämme. In der Gegend zwischen Telsz und Memel (vgl. Bezzenberger BB VIII 104 ff.) wird das hochlitauische *u* unter bestimmten Bedingungen zu einem weniger geschlossenen Laut, der von Bezzenberger l. c. mit *ă*, von Dowkont im Búdas Sénowiẹs (in den Lit. Mitt. II 171 ff.) mit *ó*, dagegen in der Neposübersetzung (in Wolters LChr. 180 ff.) mit *ù* // bezeichnet wird. In den Endsilben, auf die allein es mir hier ankommt, erscheint bei Dowkont der offenere Laut für solches *u*, das auf altes *u*, hinter dem kein Nasal steht oder stand, oder auf akutiertes *uo* zurückgeht; vgl. z. B. folgende Formen aus der Neposübersetzung: Instr. Sing. *senumù* 181,29, *metù* 182,14, *spiekù* 187,1; Nom. Du. *toudù karwediù* 185,4; Gerund. Prät. *aprejszkùs* 182,8, *atejùs* 185,29 u. a. Und auch *sù* 181,16; 182,9; 184,12; 187,16 (das also nicht auf **sun* resp. **sum*, sondern auf **su* oder **sō* zurückgeht; in meinen Слблт. эт. 45[3] habe ich gezeigt, wie lit. *sù* aus ursprachlichem **sō* entstehen konnte, das mit **so* in lett. *sa-* ablautet, während ein ursprachl. **su* «mit» ganz isoliert wäre) und *tù* «du» 182 Anm. aus altem **tŭ*. Sonst finden wir das *u*; vgl. z. B. die Konditionalformen *pasidoutum* 183,17, *nudraustum* 186,43 und die Akk. Plur. der *o*-Stämme *wirus* 181,39, *krasztus* 182,3, *kurius* 182,4, *giwentoius* 182,11, *sargus* 184,9, *taukus* 185,21, *karejwius* 185,34, *sparnus* 186,4, *taiwus* 186,15 u. a. Daß diese Regel wirklich zutreffend ist, gedenkt Herr Būga nächstens noch ausführlicher in einem Aufsatz über den žemaitischen Auslaut nachzuweisen. 122

Ich kann nun daraus nur den Schluß ziehen, daß dieses *-us* im Akk. Plur. der *o*-Stämme bei Dowkont nicht aus *-úos* (aus ursprachl. **-ós*), sondern aus **-ų́s* aus **-úns*[4] aus **-úons* aus ursprachl. **-óns* entstanden ist. Weiter ist es jetzt klar, daß die žemaitischen Formen des Akk. Plur. der bestimmten Adjektiva oder Partizipia (wie z. B. *atskaitýtunsius ... pìningus* in Geitlers Lit. St. 21) und Lokativformen wie *darbunse* (in Schleichers Gramm. 176) oder *Prúsunsi* (in Kurschats Gramm. § 534) altes *n* bewahrt haben. Nun hat man auf Grund der verwandten Sprachen auch schon früher das lit.-lett. *-us* im Akk. Plur. der *o*-Stämme zunächst aus einem **-úons* hergeleitet.

---

[3] [Sai izdevumā II 208 sk. — Red.]

[4] Ein «žem. Akk. Plur. *vilkuns*» kommt (seit J. Schmidt KSB IV 268) nur in der sprachwissenschaftlichen Literatur, nicht aber in der litauischen Sprache vor.

Einige Forscher führen jedoch dieses **-úons* auf ursprachliches **-ons* zurück; weshalb ich das nicht billigen kann, habe ich in meinen Слблт. эт. 167 f.[5] auseinandergesetzt. Sollte wirklich schon ursprachlich aus **-ōns* ein **-ōs* entstanden sein (s. Streitberg IF III 150), so kann dieses **-ōs* unter dem Einfluß von *-ins, -uns* noch ursprachlich wiederum zu **-ōns* geworden sein. Und aus diesem **-óns* konnte das lit.-lett. **-úons* entstehen, //
123 woraus žem. **-úns* zu *-ùs* (im žem. wird *n* vor *s* länger bewahrt), hochlit. und lett. **-úǫs* zu **-úos* zu *-us;* man hat eben keinen Grund zur Annahme, daß die Kürzung der Längen vor tautosyllabischen *n, m, r, l, i̯, u̯* schon vor der Entstehung des *uo* aus *ō* stattgefunden hätte[6]. Langdiphthonge sind ja im Baltischen nachher wiederum entstanden, und daß die altererbten Langdiphthonge im Baltischen recht lange bewahrt wurden, zeigt das finnische Lehnwort *kuontalo,* das nach Thomsen aus dem Baltischen entlehnt ist und dessen *kuont-* nur aus einem urbalt. **kānd-* (woraus lett. *kuod-* in *kùodeļa* oder *kuodaļa* «Flachs-Tocke») enstanden sein kann.

Wenn also z. B. in lit. *rùišis* «Hinkebein» das *-ui-* auf ursprachl. *-ōi̯-* zurückzugehen scheint, so fragt es sich, woraus das *-ai-* in *ráišas* «lahm» entstanden ist. Sonst kann ja lit. *ai* auf ursprachl. *oi̯* oder *ăi̯* zurückgehen; da nun aber z. B. neben *sẽnas* «alt» ein *sẽnis* (und nicht **sẽnis*) «der Alte» steht, so müssen doch wohl auch *ui* in *rùišis* und *ai* in *ráišas* auf dasselbe *ōi̯* zurückgehen. Ich nehme deshalb an, daß im Urbaltischen die Langdiphthonge in unbetonter Stellung früher ihre Länge kürzten, worauf natürlich allerlei Analogiebildungen eintreten mußten, welche die ursprüngliche Verteilung von *ui* und *ai* verwischten.

Danach könnte auch ursprachl. *ōu̯,* wenn ein solches im Urbaltischen noch erhalten und nicht schon früher zu *ō* geworden war, eine doppelte Vertretung haben: *au* aus **ou* (ursprünglich in unbetonter Stellung entstanden) und **uou̯,* woraus wohl *uo* entstand (vgl. lett. *gùos* «Kuh» aus *gùovs*). So könnte am Ende Geitler (Lit. St. 66 und 92) Recht haben, wenn er urslav. *kustъ* «Gesträuch» mit dem gleichbedeutenden žem. *koukštas* vergleicht (das ist hochlit. *kuokštas,* das bei Kurschat falsch *kókštas* geschrieben wird). Vgl. noch lit. *duobẽ* «Vertiefung,

---

[5] [Šai izdevumā II 316 sk. — Red.]

[6] Man hat allerdings lit. *várna* aus einem **u̯órnā* hergeleitet; s. aber oben S. 110 [šai izdevumā II 519. — Red.]. Man hat auch z. B. kein **šėška* oder **šėškė* neben lit. *šẽškas*!

Grube» neben *daubà* «Schlucht»; lett. *kuõpa* «Haufe» neben russ. *кýна* dass.; lit. *lúobas* «Baumrinde» neben urslav. **lubъ* u. a.

3. DIE LITAUISCHEN DUALFORMEN AUF *-e*

Seit Bezzenberger (BGLS 161) hat man schon mehrfach auf litauische Partizipialformen des Nom. Du. M. Gen. auf *-e* hingewiesen, s. zuletzt Hujer Slovanská deklin. // jmenná 85. 124
Man findet sie nicht nur in Willents «Euangelias bei Epistolas» v. J. 1579 (*ateiusse* S. 196), sondern auch jetzt noch in einigen preußisch-litauischen Mundarten («um Pilkallen und Ragnit häufig» und zwar als «Nom. Akk. Du. M.» nach Schleicher Gramm. § 96, in Kurschen und Kakschen, Schleicher Leseb. 138 und 215, und in Galbrasten, in Jurkschats Lit. Märchen u. Erzähl. 14, 24, 73). Nicht alle Forscher jedoch scheinen sie für alt zu halten; so werden sie von Brugmann in der zweiten Auflage seines Grundrisses gar nicht erwähnt. Ich sehe aber keine Möglichkeit, sie als litauische Neubildungen zu betrachten. Am ehesten könnte man noch auf die Vermutung geraten, daß z. B. ein *áuguse* durch Kontamination des Nom. Du. *áugusiu* und Nom. Plur. *áugę* entstanden und also eigentlich *áugusę* zu schreiben wäre (vgl. z. B. *sziúodu ẽmę ùžtepė* in Schleichers Leseb. 142 neben *sziúodu*[7] ... *įėjuse užmìrszo* ibid. 138). Aber nach Schleichers Gramm. § 6 ist das *-ę* in der Endung des Nom. Plur. M. Gen. der Partizipia «stets lang» (und so allem Anschein nach auch in Galbrasten, s. Jurkschat l. c. 6), während das Dual-*e* offenbar kurz ist. Außerdem widersprechen jener Vermutung Formen wie *negãlinče* und *tùrinče* und die Angabe Schleichers, daß die Formen auf *-e* als «Nom. Akk. Du.» vorkommen. Andrerseits gibt es auch kaum ernstliche Gründe, ihre Altertümlichkeit anzuzweifeln. Daß die substantivischen *n*- und *r*-Stämme diese Endung eingebüßt haben, ist nicht auffallend, da sie starkem Einfluß der vokalisch auslautenden Stämme ausgesetzt waren; außer den Partizipien gibt es aber keine andern konsonantischen Stämme, bei denen man dieses *-e* suchen könnte. Phonetisch aber ist die Erhaltung des *-e* regelrecht. Bei Jurkschat (s. l. c. S. 49) finden wir neben den Dualformen auf *-e* Vokative wie *nosẽle* zum Nom. Sing. *nosẽli* aus *nosẽlė* (ebenso Vok. Sing. *vuošvẽle* zum Nom. Sing. *vuošvẽlẽ* in Wolters LChr. 402 und Vok. Sing. *mergeta* mit *-ta*

[7] [Oriģināla *ů* te aizstāts ar *uo*. — Red.]

aus *-te* zum Nom. Sing. *mergetē* in Trakiečių dzūkų dainos 5 u. a.; anderswo fällt das *-e* hier ab, s. Schleicher Gramm. § 84 und Wiedemann Handb. § 83. Vgl. dazu lett. Vok. Sing. *màt* zu *mãte* «Mutter»).

4. LITAUISCHE VERBALFORMEN DER 3. P. PLUR. PRÄS.

In der wertvollen Rygiškių Jono Lietuvjų kalbos sintaksė I 25 und 37 werden folgende Phrasen angeführt: *nėra kas*
125 *pjau-//ną* (möglich ist daneben auch: *pjauna*) «man hat nichts (kein Gras z. B.) zum Mähen»; *nėra kas darą* (daneben auch: *daro*) «man hat nichts zu tun (keine Arbeit)»; *nėra kas rašą* (auch: *rašo*) «man hat nichts zu schreiben»; *nėra kas valgą* (auch: *valgo*) «man hat nichts zu essen»; *nebijok, bus ir kas valgą* (auch: *valgo*) «fürchte nicht, man wird auch etwas zum Essen haben»; *nebeturim kas valgą* «wir haben nichts mehr zum Essen»; *jis žinos kas darą* «er wird wissen, was zu machen ist». Litauer, die ich darüber befragt habe, halten diese Formen auf *-ą* für Partizipien. Aber in diesem Falle wäre mir die Konstruktion ganz unbegreiflich, und deshalb ziehe ich es vor, in *pjauną, darą* usw. die alten Formen der 3. P. Plur. Präs. zu sehen, die in diesen erstarrten Phrasen bewahrt sein können. Das *kas* hat hier das alte Neutrum **ka* ersetzt, das hier Akkusativbedeutung hatte; ähnlich steht *kas* für *ką* (früher **ka*) in Phrasen wie *nėra kas valgo* (dem Sinne nach = *nėra kas valgą*). Ein *nėra kas rašą* wäre also lateinisch: non est quod scribant (scribatur). — Leider ist die Betonung nicht angegeben; aber selbst wenn z. B. **rašą̃* zu schreiben wäre, brauchte man deshalb noch nicht diese Formen auf *-ą* für Partizipien zu halten, da sie in der Betonung von den gleichlautenden Partizipien beeinflußt sein können.

5. LIT. *tiẽ*, LETT. *tiẽ*, APR. *stai*

In meinen Слблт. эт. 142[8] hatte ich im Anschluß an Brugmann Grdr. II² 2, 367 angenommen, daß das *-ei* in apr. *tennei* (sowie auch in lit. *tiẽ* und lett. *tiẽ*) aus dem Pronomen **eį* (woher air. *é* «sie») herstammt. Jetzt hat aber Solmsen KZ XLIV 179 mit Recht bemerkt, daß dieses sehr zweifelhaft ist. Dafür scheinen jedoch lit. *šiẽ* (zu *šìs*) und *jiẽ* (zu *jìs*) altes *-ei*

[8] [Šai izdevumā II 293 sk. — Red.]

zu enthalten (vgl. dazu Huje- Sborn. filol. II 196 f.); diese Formen können also das urbaltische **tei* (für **tai* aus **toi*) hervorgerufen haben[9]. Daß es ehemals auch ein apr. **stei* gegeben hat, zeigen die casus obliqui: *steison, steimans*. Dieses **stei* ist wahrscheinlich, da es als Artikel gebraucht wurde, unter dem Einfluß des nominalen Nom. Plur. auf *-ai* zu *stai* geworden.

Zu meinen Слблт. эт. 138 ff.[10] sei hier nachgetragen, daß lit. *taĩ* «das» wahrscheinlich, wie das Maskulinum *tasaĩ* (aus *tas-aĩ*) zeigt, durch Kontraktion aus **ta(d)-aĩ* entstanden ist[9]. Wie es kein **kasaĩ* «wer» gibt, so gibt es auch kein **kaĩ* «was». //

6. ETYMOLOGISCHES

126

Lett. *žaut* (wäre lit. **žiauti*) «Wasser in großer Menge gießen» BB XIV 132 : griech. χέω, ai. *juhóti* u. a.

Lett. *vãluôdze* «Pfingstvogel» oder **vãlūdze* = hochlett. *võleudze* BW 2686, 1, lit. *volungė̃* (An. 158 wird in der schriftsprachlichen Redaktion — vielleicht falsch — *wôtangė* geschrieben): vielleicht zu aw. *vārə(n)gan-*, Name eines Vogels.

Lett. *buzga* «Knüttel» (RKr. XV 109) : serb. *bazag* (Gen. Sing. *bazga*), slov. *bəzga* «Holunder» (vgl. z. B. *lazdà* «Haselnußstrauch; Stock»).

Lit. Nom. Du. *ulbeli* und *ulbinu* Ožkabalių dainos I 32 und Nom. Sing. *utbė* (Trakiečių dzūkų dainos 44), Vogelnamen, vielleicht zu p. *tabędź* «Schwan» u. a.; zum Ablaut s. meine Слблт. эт. 18 ff.[11]

Lett. *vàrsmis* (Akk. Sing. *vàrsmu*) «Haufe (Schicht) ausgedroschenen (noch nicht gereinigten) Getreides» (so z. B. in Wolmar; nach Ulmann «eine große Menge» überhaupt) : r. *вóрох* «Haufen» u. a.

Lett. *smudži* «kleine Fliegen, Mücken» (z. B. in Neuenburg): as. *muggia* «Mücke» u. a.

Lett. *vàlĩtes* «Saatkolben am Rohr», *(vìlku) vàlĩtes* «Typha latifolia» (eine Pflanze mit großen Saatkolben) : vielleicht zu ai. *vāla-s* «Schweif» u. a.

Lett. *depsis* «ein kleiner fetter Knabe» hat wahrscheinlich *p* aus *b* und gehört zu apr. Akk. Sing. *debīkan* «groß», ksl. *debelъ* «dick» u. a.

---

[9] [Skat. arī šai izdevumā II 537[12]. — Red.]

[10] [Šai izdevumā II 290 skk. — Red.]

[11] [Šai izdevumā II 185 skk. — Red.]

Nachschrift zu S. 104. Anhangsweise seien hier noch aus dem Географический словарь древней жомойтской земли XVI столетия des J. Sprogis Ortsnamen mitgeteilt, die kurischen Lautbestand aufweisen. *s, z* für lit. *š, ž* findet man in folgenden Formen (die russische Schrift des Originals ist hier durch die lateinische ersetzt):

Antapusine (neben *Antapuši*), eine Flur l. c. 6, *Antepusinovejusъ*, eine Flur l. c. 7, *Apusipjavnisъ*, ein Heuschlag l. c. 14, *Epusina lankelesъ*, ein Heuschlag l. c. 110, *Opusina* (auch *Apusinъ* oder *Epusinъ*), ein Bach l. c. 214, *Opusjani*, ein Dorf l. c. 214; vgl. lit. *apušis* oder *ẽpušė* «Espe».

Svendry (neben *Švendry*), ein Gut l. c. 287; vgl. lit. *šveñdrai* «eine Art Schilf». //

127 *Sventupja*, ein Bach l. c. 287 (daneben *Šventupъ*); vgl. lit. *šveñtas* «heilig». Daselbst findet sich ein Flußname *Sveta* (wohl zu lett. *Svēte*, ein Fluß) nebst der lituanisierten Form *Šveta*.

Eibutiškesъ slaitasъ, eine Flur l. c. 109; vgl. *Šlaitasъ*, eine Flur l. c. 335, und lit. *šlaĩtas* «Bergabhang».

Slajasъ, ein Berg l. c. 294; vgl. lit. *šlajùs*.

Poezere, ein Gut l. c. 245 (daneben z. B. *Poežera*), und *Ozerokštysъ*, eine Landstraße l. c. 208; vgl. lit. *ẽžeras* «See».

Izdega, eine Flur l. c. 122 (daneben *Iždagi*); vgl. lit. *išdaga*.

Palizisъ (neben *Paližisъ*), ein Waldgrund l. c. 221.

Zabite (neben *Žabite*), ein Dorf l. c. 120.

Posazalja, eine Flur l. c. 255; vgl. lit. *žolė̃* «Gras», *žãlias* «grün».

Antzemestitta apideme, eine Flur l. c. 7; vgl. lit. *žẽmė* «Erde».

Pazvelsisъ (neben *Požvelsisъ*), ein Gut l. c. 219.

Zabeliškja oder *Zobeliškja*, ein brachliegendes Grundstück l. c. 120.

Zardynъ vetysъ, eine Flur l. c. 120; vgl. daneben *Žardyńvetisъ* l. c. 112.

Zvelesy (neben *Žvelesy*), ein Waldgrund l. c. 120.

Zvernagali, ein Grundstück l. c. 120.

Zvirbliški, eine Trift l. c. 120; vgl. daneben *Žvirbliški* l. c. 113.

Zvirzdja, eine Flur l. c. 120; vgl. daneben *Žvirzde* 113.

Zvoljany, ein Dorf l. c. 120; daneben *Žvoljany* ibidem.

Zvońgesъ, ein Heuschlag l. c. 120.

Zverona, ein Gut l. c. 120; da auch *Zerby* und *Zepeite*.

Zebinъ, eine Grenzscheide l. c. 120; vgl. *Žebite* und *Žeby* 113.

Kur. *c* für lit. *k'* scheint in *Lavciškja* 161 oder *Lovciški* 171 vorzulegen; *i*-Epenthese in *Volujti* neben *Voluti* 61 und in *Bolujdja* neben *Bolude* 27.[12]

Charkov.

---

[12] Korrekturnoten: (zu S. 98) nach RKr. XVI 113 bedeutet *sadingt* in Ranken «sich krümmen» (zu *dandzis*); (zu S. 115) vgl. noch žem. 1. Pers. Sing. *nūgyžiau* Jušk. 706; (zu S. 125) zu lit. *taĩ* s. jetzt auch Gauthiot La fin de mot 69; (zu S. 106) mit lett. *-îgs* vgl. ostlit. *garbingà* u. a. Jušk. 698; (zu S. 125) zu urbalt. **tei* und lit.-lett. *ie* s. jetzt auch Lietuvių tauta II 284 ff. [šai izdevumā II 488 skk. — Red.].

PIEZĪMES

[1914 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 20]

4_2 Elementārā pieklājība prasa, lai polemikā pareizi atstāstām sava pretinieka domas. Bet Ķempa kgs man uztiepj aplamo apgalvojumu, ka Indriķa chronikā v i s i latvieši saukti par latgaliešiem, lai gan es biju rakstījis vārdu pa vārdam: «visi latvieši, kas dzīvoja uz ziemeļiem no Daugavas»[1]. Kâ redzams, starpība iznāk liela, jo latvieši dzīvoja un dzīvo arī uz d i e n v i d i e m no Daugavas.

Atsaukdamies uz Nestora chroniku, kuŗā minētas ciltis *Лѣтьгола, Зимигола, Корсь,* K. kgs turpina: «Tâtad *latgaliešu* nosaukums vēsturiski attaisnojams un pilnīgi pareizs.» Pareizs būtu šis a p g a l v o j u m s tikai tad, ja K. kgs būtu p i e r ā d ī j i s, ka Nestora *Лѣтьгола* ir tikai tagadējie Vitebskas guberņas katoļu latvieši, jo tikai tos tagad saukā par «latgaliešiem». Tūliņ pēc tam arī pats K. kgs apgāž sava apgalvojuma «pareizību», atzīdams par pareizu manu aizrādījumu, ka «latgaliešu» izloksni runā ne vien Vitebskas guberņā, bet arī Augškurzemē un daudzās Vidzemes draudzēs. Te nu bija! Bet es taču taisni to dēvēju par vēsturiski nepareizu, ka par «latgaliešiem» tagad saukā t i k a i Vitebskas guberņas katoļu latviešus.

K. kga tālākais apgalvojums, ka arī es pats neesot «galīgi ieticējis saviem ... pierādījumiem», atļaudams *latgaliešu* vārdu lietot patvarīgi sašaurinātā nozīmē, man diemžēl jānosauc par nožēlojamu insinuāciju. K. kgs taču labi varēja iedomāties, ka katru jautājumu p r a k s ē nevaram izšķirt vienīgi no zinātnes viedokļa, bet ka dažkārt jāievēro arī paraša un sadzīves intereses. Un tâ arī šai *latgaliešu* vārda jautājumā no manas puses varēja būt runa tikai par koncesiju[2] parašai.

Inflantiešu[3] vārdu K. kgs sakās atradis tikai manā un Mülenbacha gramatikā, bet citur nekur. Par Vitebskas latviešu

[1] [Skat. rakstā «Latvieši un latgalieši» — šai izdevumā II 477. — Red.]
[2] [Koncesija = piekāpšanās. — Red.]
[3] [Vārds *inflantieši* neieviesās. — Red.]

izloksni bez manis, cik zinu, ir zinātniski rakstījuši tikai Becenbergers, Volters un Zubatijs, un tie šo izloksni sauc par «inflāntisch»: Bezzenberger Lettische Dialekt-Studien 14 un 75, Wolter Bezzenbergers Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen VIII 289, Zubatý Böhm. Sitzungsber. 1897, XVII 23. Ka *inflantiešu* vārds ir tīri ģeografisks, to jau es pats biju savā rakstā teicis.

K. kgs ir gribējis mani pamācīt par «Inflanty» vārda nozīmi. Paldies par labu sirdi, bet vajadzīga gan man tā pamācība īsti nebija. Ja biju teicis, ka vārds *Inflanty* cēlies no vācu *Livland,* tad no tam taču gaiši noskārstams, ka par *Inflanty* īsteni sauca visu seno Livoniju. Bet ka tagad šim vārdam var būt arī šaurāka nozīme, to rāda, piemēram, tas, ka Kosovskis savu inflantiešu gramatiku ir nosaucis «Grammatyka inflantsko-łotewska»; te taču ir runa ne par visas Livonijas, bet tikai par «poļu Vidzemes» latviešu valodu. //

Nevaru saprast, uz kāda pamata K. kgs «latgaliešus» sauc 43
par «visvecāko» latvju tautas cilti. Tēvam var būt vecāki un jaunāki dēli, bet zinātne nepazīst vecākas un jaunākas ciltis tautā. Ja K. kgs te būtu domājis, ka «latgaliešu» izloksnē atrodam visvecāko latviešu valodas tipu, tad arī to nevaru atzīt par pareizu.

Nesaprotu arī, kur K. kgs varējis manā beidzamajā rakstā salasīt domas par kādu latgaliešu separātismu. No visas sirds novēlu zelt un uzplaukt viņu rakstniecībai, jo man tā liekas diezgan skaidra lieta, ka Vitebskas katoļu latviešu vajadzībām mazākais pagaidām jāraksta grāmatas viņu pašu izloksnē; citādi tie drīz pārkrievosies. Mums, valodniekiem, ir bez tam visas izloksnes mīļas un interesantas. Esmu tikai senāk reiz (bet ne beidzamajā rakstā[4]) izteicis pārmetumu, ka inflantiešu jaunie darbinieki savā rakstībā ieveduši jaunus un liekus polonismus (rakstīdami, piem., ne «šņaukt», bet «šniaukt») un caur to paši palielinājuši plaisu starp baltiešu un inflantiešu rakstību;[5] Trasuns savā «Skolas Dorzā» no tam bija atturējies.

K. kgs apgalvo, ka tie latvieši Pliskavas guberņā, par kuŗiem ieminējos savā rakstā[6], esot «droši vien» pārlatvināti krievi. Man pat patiktos, lai K. kgam šai ziņā būtu taisnība, jo tad man nebūtu iemesla nožēlot, ka šie pliskavieši iet latviešu tautai zudumā. Bet K. kgs to tikai apgalvo, bet nepierāda.

[4] [Domāts raksts «Latvieši un latgalieši» — šai izdevumā II 477—479. — Red.]

[5] [Šai izdevumā II 616. — Red.]

[6] [Šai izdevumā II 478. — Red.]

Ka raksturs un dzīves ierašas viņiem «pilnīgi atgādina» krievus, tas ir gluži saprotams, ievērojot, ka tie jau gadu simteņus dzīvojuši zem krievu valdības un krievu ticībā. Un arī krieviskie sādžu nosaukumi aiz tā paša iemesla neliecina katrā ziņā pret viņu latvietību;[7] tagad taču agrārbanka arī Alūksnes draudzē pa daļai ievedot krievu māju nosaukumus, kas ar laiku var ieviesties valodā. Atliktos vienīgi «krievu» tips, ja tas tiešām tāds; bet man nav zināms, ka tur šai ziņā izdarīti kādi antropoloģiski novērojumi un mērījumi. Un tad man nav lāga saprotams, kâ krievi, krievu zemē un krievu apstākļos dzīvodami, būtu varējuši pārlatvināties; viņu kaimiņiem — inflantiešiem — taču nebija ne augstākas kultūras, ne polītiskas varas par tiem. Ja K. kgs var savu domu pareizību kaut kâ p i e r ā d ī t, tad lūdzam to darīt, ievērojot šā jautājuma interesi, bet pagaidām palieku pie savām domām. Nevietā te K. kgs ierunājies par patriotismu; es, un, ceru, arī Siliņa kgs, zinātnes jautājumos «patriots» neesmu, bet tikai patiesības meklētājs.

Pazīdams K. kga nopelnus Vitebskas latviešu tautiskajā kustībā, ļoti nožēloju, ka tas uzsācis tik vāji pamatotu polemiku **ar mani, it īpaši,** kad ievēroju, ka arī K. kgs pats atzīst mana raksta p a m a t a domas: tikai ignoranti var runāt un rakstīt par *latviešiem* u n *latgaliešiem.*

---

[7] Krieviskus māju (sādžu) nosaukumus atrodam taču, piemēram, arī Baltinavā, piem.: *Begunova, Slobada, Kvašnova, Zubki, Krutova, Orlova* u. c.

PAR VĀRDIEM *moderniecība* UN *pienotava*

[1914 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 83, 1₄]

Pret *moderniecību* «Milchwirtschaft» var tikai to iebilst, ka *modere* nav pašu latviešu vārds; citādi atvasinājums gluži pareizs.

Pienotava būtu gan pareizs atvasinājums no *pienot,* bet ko tāds *pienot* nozīmētu? Spriežot pēc *sulot* (no *sula*), vārds *pienot* nozīmētu «milchen (давать молоко)» vai arī «pienu vākt» (sal. *sēņot, ogot, riekstot* u. c.), bet nekad «ar pienu rīkoties». Tāpēc man *pienotava* nepatīk; pareizāks būtu vārds *piennīca*[1], sal. *siernīca, iesalnīca.*

---

[1] [Vārds neieviesās. — Red.]

PAR *latviešu* VĀRDU

[1914 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 88, 3$_5$]

Prof. P. Šmidts jau ir atgādinājis, ka Lange savā vārdnīcā *latviešu* vārdu atvasina no *Lates* upes, kas esot uz leišu robežām. Tagad jaunais leišu valodnieks K. Būga (žurnāla Русский филологический вестник šā gada otrā burtnīcā) min Lietavas upju un ezeru vārdus, kas sākas ar *Lat-* un tâtad rāda, ka arī latviešu zemē var būt bijis upes vārds *Late* jeb *Latuva* (varbūt ir tagad vēl?[1]). K. Būgas minētie vārdi ir šādi: 1) *Lat-ažeris* (ezers, no kuŗa iztek Nemuna kreisā pieteka Ratnīča); 2) *Lat-upis* a) upīte Anīkšču draudzē Vilkomiras apriņķī; b) Strunas pieteka (Kauņas apriņķī); 3) *Lata*[2] (upīte Ašmenas apriņķī); 4) *Latuvà* (Sventas labā pieteka Anīkšču draudzē; kādā 1259. g. dokumentā nosaukta *Lettowia*[3]); 5) *Лотва* a) upīte Minskas guberņā; b) ezers Viļņas guberņā, no senkrievu *Лотъва* = leišu *Latuvà*; 6) (poliski) *Letówka* (upīte Viļņas apriņķī), leitiski laikam būs saukta *Letuva*; 7) *Letukiai* (ciems Telšu apriņķī) u. c. Var tâtad domāt, ka pirmie «*l a t (u) v i e š i*» ir bijuši kādas *Lat(u)vas* upes apdzīvotāji. Minēto vārdu sākumu *Lat-* jeb *Let-* K. Būga ved sakarā ar latīņu *latex* «šķidrums, slapjums», īru *lathach* «dubļi», korniešu *lad* «šķidrums» u. c. (te var pievienot arī kādas senās Gallijas cilts vārdu *Latovici*).

Šis *latviešu* vārda paskaidrojums[4] atkal rāda, cik derīgi var būt vēsturniekiem un valodniekiem vietu vārdu krājumi, bet mani uzaicinājumi savākt tādus krājumus — dažus izņēmumus atskaitot — ir palikuši «saucēja balss tuksnesī».

[1] [ME II 425 s. v. *Late* sacīts: der alte Name eines Baches nach der «litauischen» Grenze. Mit der «litauischen» Grenze ist hier wohl die Grenze zwischen Livland und Lettgallen (Polnisch-Livland) gemeint, vgl. den Flussnamen *Latupe* und den Gesindenamen *Latupes* in Duhren. Bet Lvv. II 266 s. v. *lat-ciemieši* sacīts, ka Dūres vietvārdi abi nepareizi, jo patiesībā šo upi sauc par *Lędupi* un mājas par *Lędupjiem*. *Latas* grāvis reģistrēts gan Madonas apkārtnē. — Red.]

[2] [K. Būgam citētajā vietā: **Latà* (Rinkt. r. I 457). — Red.]

[3] [Pirmpublicējumā: «Leetowia»; K. Būgam l. c.: ripa *Lettowiae*. — Red.]

[4] [Par *latviešu* vārdu arī šai izdevumā II 374. — Red.]

Reibinoši VAI *reibināmi* DZĒRIENI?

[1914 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 122, 3_2]

Labprāt nemēdzu iejaukties avīžu polemikās par valodas jautājumiem: ne aiz intereses trūkuma, bet negribēdams veltī laiku zaudēt, jo valodas jautājumos pie mums maz ievēro valodnieku domas. Un tikai redakcijas lūgumam klausīdams, esmu izteicies par *pienotavu*[1] un tagad gribu izteikties par *reibinošiem* un *reibināmiem* jeb *reibstamiem* dzērieniem.

Apsīšu Jēkabam taisnība tai ziņā, ka ļoti pareizi saka jeb var sacīt, piem., *rakstāma* (= ar ko var rakstīt jeb ar ko raksta) *spalva, midzināmas* (= ar ko var iemidzināt) *zāles*. Bet *reibināmi dzērieni* man šķiet tādi dzērieni, ar kuŗiem var citus vai pats sevi apreibināt jeb kuŗus lieto apreibināšanai. Ir zināmi gadījumi, kad ar alkoholu rauga citus vai pats sevi apreibināt; bet pa lielākai daļai taču laikam gan dzeŗ tādus dzērienus ne ar nolūku apreibt, bet baudījuma dēļ — neraugoties uz sagaidāmo reibuli. Un tāpēc tādus dzērienus gan laikam nevarēs pareizi saukt par *reibināmiem*. — Atsaukdamies uz pazīstamiem izteicieniem *delamā kaite, kritamā kaite, nākamā nedēļa, mirstams cilvēks* u. c., Apsīšu Jēkabs atrod par iespējamu runāt arī par *reibstamiem* dzērieniem. Un pret šo jaunvārdu laikam mazāk varēs iebilst. Jo kâ *delamā kaite* ir tāda kaite, no kuŗas cilvēks *del* (= izdilst), tâ varētu arī *reibstamos dzērienus* tulkot: «dzērieni, no kuŗiem cilvēks reibst». Nelaime tikai tā, ka *reibstami dzērieni* varētu būt ir tas pats, kas *reibstoši*, jo, piem., *nākamā nedēļa* ir tas pats, kas *nākošā n.*; un bez tam tādi izteicieni kâ *delamā kaite* ir pārāk reti un gandrīz jau novecojušies, tâ ka jauninājums *reibstamī dzērieni* valodas apziņā tiem vairs nevar viegli pieslieties.

Līdz šim runāja un rakstīja par *reibinošiem dzērieniem*. Apsīšu Jēkabs gluži pareizi izteicas, ka ļoti bieži nevietā lieto galotni *-ošs* un tikai tāpēc, ka nedomā rakstītāji latviski, bet vāciski vai krieviski. Tâ, piem., vācu *sein Zustand war befrie-*

---

[1] [Sai izdevumā II 541. — Red.]

digend palaikam tulko latviski vārdu pa vārdam: «viņa stāvoklis bija apmierinošs». No vācu valodas neatkarīgs latvietis teiktu: *ar viņa stāvokli varēja būt mierā.* Un tâ arī Mūlenbacha (Latviešu gramatika 233. §) minēto Purapuķes teikumu: *viņa tiešām bija apburoša* varētu latviski tâ izteikt: *viņa tiešām varēja apburt.* Turpat Mūlenbachs ir jau piezīmējis, ka, piem., labāki teikt *pavedinātāja balsī* nekâ *pavedinošā balsī* u. c. — Bet ja kam nepatīk *reibstami dzērieni,* tam gan būs jāapmierinās ar *reibinošiem* dzērieniem. Divdabjus ar galotni *-ošs* palaikam gan atvasina tikai no nepārejošiem darbības vārdiem, bet tautasdziesmās ir retumis sastopamas arī (jau Mūlenbacha minētās) formas: *protošs, mākošs, gribošs.* Un, papildinātājam trūkstot, arī vārdam *reibinošs* ir gandrīz nepārejoša darbības vārda daba.

KĀ VĀCIEŠI RAUGA PIERĀDĪT, KA BALTIJA SENA VĀCU ZEME

[1914 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 294]

Tagad gan laikam vairs nevaram šaubīties, ka vācu kolo- 2_2
nistu ievešana Baltijā beidzamos gados nav izdarīta bez sakara ar politiku: avīzēs lasāmas ziņas, kā vācu kolonisti Lietavā un Polijā veicina vācu kaŗaspēka darbību un ka nesen kādā sapulcē Vācijā izteikta vēlēšanās, lai Baltiju pēc kaŗa pievieno Vācijai.

Praksei te ir sekojusi teorija. Vieni dzīvē stiprināja vācietību Baltijā, citi raudzīja radīt tādai politikai zinātniskus pamatus: latvieši un igauņi esot tikai sveši ienācēji Baltijā, kas īsteni senāk bijusi vācu apdzīvota zeme. Tādus uzskatus sludina Dr. phil. G. fon Sablers šā gada «Rig. Zeitung» 12. jūlija numurā; autors nav tāds diletants valodniecībā kā Rīgas pilsētas bibliotēkārs Bušs, kas šķitās sameklējis pat ķeltu valodu atliekas Baltijas vietu vārdos,[1] bet ar (ārzemju) doktora gradu un labs ģermāņu valodu pratējs, kam var zināmu vērību piegriezt.

Tikai nedēļu vēlāk pēc minētā raksta Vācija uzsāka savu neganto kaŗa gaitu pret saviem kaimiņiem, un tad, zināms, kaŗa uztraukums noslāpēja visas citas intereses. Bet tagad jau esam zināmā mērā apraduši ar kaŗu, un tāpēc tagad der iepazīties ar šejienes vācietības teorētiķu «pierādījumiem».

Dr. phil. G. fon Sablers pieslienas J. Grimma, Förstemaņa un Jellinghausa domām, ka Tacita minētie aistieši *(Aestii)* esot bijuši sena vācu cilts, un spriež, ka šie aistieši dzīvojuši no Vislas līdz pat Narovai, tas ir, tagadējā Igaunijā, Vidzemē, Kurzemē, Lietavā un Austrumu Prūsijā. Vēlāk, starp 400. un 800. g. pēc Kr., no austrumiem pamazām iespiedušies aistiešu zemē igauņi, lībieši, latvieši, leiši, prūši, kas pamazām «iesūkuši» sevī senos aistiešus. Šādus uzskatus autors izteicis arī līdz ar kādiem — ja nemaldos — 25(!) «pierādījumiem» nesen //

[1] [Skat. arī šai izdevumā II 697. — Red.]

Stokholmā bijušā archaiologu kongresā, bet esot tur enerģiski atraidīts no pazīstamā Karaļauču profesora A. Becenbergera, kas šai jautājumā uzskatāms par kompetentu lietpratēju. Zinātnē vairāk izplatītas ir domas, ka šie aistieši (kuŗu vārdu atgādina *Aisteres* muiža Liepājas tuvumā) bijuši prūšu, leišu un latviešu ciltstēvi. Bet ziņu par aistiešiem mums ir ļoti maz, un tāpēc gluži // droši nevaram spriest par aistiešu tautību.

No vācu tautības aistiešiem — spriež Dr. phil. G. fon Sablers — esot vēl archaiologu izrakumos atrastās materiālās kultūras atliekas (rotas lietas, ieroči u. c.), daudzi patapinājumi prūšu, leišu un latviešu valodā un «tūkstošiem»(!) vietu vārdu Baltijā (upju, ezeru, pilsētu, muižu un pat zemnieku ciemu un māju vārdi). Bet te jāatgādina, ka senās materiālās kultūras atlieku vienādība divās zemēs — teiksim: Baltijā un Skandinavijā — vēl nebūt nepierāda, ka šais divās zemēs ir dzīvojusi tā pati tauta. Tirgotāji izvadāja savas preces pa svešām zemēm arī vecos laikos, un «modes» arī senos laikos varēja pāriet no vienas tautas otrā. Un neliedzamu patapinājumu no vecģermāņu valodām ir patiesībā baltu valodās ļoti maz; runa par tādu patapinājumu «daudzumu» ir nezinātniska patvarība. Tâ autors, piem., apgalvo, ka Ulmaņa vārdnīcā minētais vārds *sluokains (bērns)* «kraftloses, welkes (Kind)» esot patapināts no vecģermāņu valodām (sal. senīslandiešu *slókr* «träger Mensch»), jo ne leišu, ne prūšu valodā neesot līdzīga vārda! «Pierādījums» gluži nezinātnisks, jo latviešu valodā ne mazums vecum vecu vārdu (piem., *guovs*), kas leišu un prūšu valodā vairs nav pazīstami; bez tam *sluokains* varētu būt rada ar leišu *slanka* «träger Mensch» (leišu valodā paglabājies *an* latviešu valodā ir pārvērties par *uo,* sal. leišu *rankà* = latviešu *ruoka*). — Bet Baltijas vietu vārdos meklēt vecģermāņu valodu celmus būtu tikai tad zinātniski attaisnojams, ja mums jau **būtu citā ceļā pierādīts**, ka Baltijā senāk dzīvojuši ģermāņi. Baltijas vietu vārdi paši par sevi vien to nevar pierādīt, jo, vienkārt, vārdu līdzība bieži var būt gluži nejauša (piem., ne *Upsalas* vārds Zviedrijā, ne *Ирбит* Uralos neliecina, ka tur kādreiz dzīvojuši latvieši) un, otrkārt, baltu valodas galu galā ir taču radniecīgas ar ģermāņu valodām un tāpēc nav brīnums, ka dažs vietas vārds Baltijā atgādina ģermāņu valodu celmus. — Kâ paraugu no saviem «atradumiem» Dr. phil. G. fon Sablers lasītājiem sniedz *Sluokas* vārda paskaidrojumu. Slokas pilsētai vārds esot cēlies no Slokas upītes, bet šī dabūjusi savu vārdu no vecģermāņu *slōka* «lēns, kūtrs» (sal. senīslandiešu *slókr* «träger Mensch»). Var jau būt, ka *Sluoka*

nozīmē: «lēnā, gausā»; bet šai pašā nozīmē šis vārds var būt cēlies arī no pašu baltu valodām, sal. leišu *slanka* (skanētu latviski: *sluoka*) «ein schleicher, sehr träger, langsamer Mensch» no verba *slenkù* «lienu», un upes vārds latviešu apdzīvotā zemē, zināms, vispirms jārauga izskaidrot no pašu baltu (= latviešu, leišu un prūšu) valodām. Tâtad skaidri redzams, ka *Sluokas* vārda vācietība ir tikai nezinātniska izdoma. Un tas pats laikam būs sakāms arī par tiem «tūkstošiem» senģermāņu vietu vārdiem, kuŗus autors teicas Baltijā atradis. Pamatīgu un zinātnisku pētījumu par Latvijas vietu vārdiem jau tāpēc vien nevaram no autora gaidīt, ka tas neprot pašu latviešu valodu, kas taču ir «condicio sine qua non». Tâ, piem., tas raksta *slēka* «Regenwurm» un *slēkas* «Speichel», acīm redzot domādams, ka latviešu vecās rakstības (pie kuŗas turējies Ulmanis savā vārdnīcā) *ee* jālasa (kâ vācu valodā) kâ *ē*, un tâ viņam Ulmaņa *sleeka* pārvērtusies par *slēku*! Nav pazīstams Dr. phil. G. fon Sablers arī ar latviešu valodas vēsturi, kad tas apgalvo, ka latviešu stieptais *uo* esot etimoloģiski šķiŗams no grūstā *uo*[2]. Pietiek minēt te vārdu *duot*, kuŗu Kurzemes rietu-//mu izloksnēs pa lielākai daļai izrunā ar stieptu *uo*, bet citur ar grūstu *uo;* un taču te ir stieptais, ir grūstais *uo* ir cēlies no tā paša indoeiropiešu pirmvalodas *ō*, kuŗu atrodam, piem., latīņu vārdā *dōnum* «dāvana». Patiesība ir tā, ka latviešu patapinājumos no vācu valodas *uo* palaikam ir stiepts (piem., *buode, spuole* u. c.). Un autors apgalvo ar, ka arī *Sluokas* vārdā esot stieptais *uo*; bet vēl šo vasaru dzirdēju Slokas tuvākā apkaimē *Sluokas* vārdu ar grūstu *uo* izrunājam (krītošā intonācija tur sakritusi ar grūsto[3]). — Varbūt daži Baltijas vācieši ir turpmāk lolos domas, ka Baltija īsteni bijusi sena vācu zeme; bet ceru rādījis, ka zinātnisku pamatu tādam uzskatam nav.

Par autora apcerējuma polītisko raksturu liecina apgalvojums, ka no Baltijas tautām tikai lībieši (kas gandrīz tagad izmiruši un vairs nav bīstami) bijuši spējīgi tālāk attīstīt no skandinaviešiem patapināto kultūru, turpretim citi (t. i., latvieši un igauņi) bijuši tikai kultūras «konsumenti», un brīdinājums sargāties no briesmām, kas draudot vācu kultūrai no šiem «kultūras konsumentiem».

---

[2] [Domāts lauzti intonētais *uo*. — Red.]

[3] [Vēlākajos J. Endzelīna rakstos un arī tagad runā par *krītošo* un *lauzto intonāciju*. — Red.]

VECĀ STENDERA LATVIEŠU GRAMATIKA UN VĀRDNĪCA[1]

[1914 Druva IX 907—911]

907 Virsrakstā minēto darbu vērtības izdibināšanai īsteni ir vajadzīgs tos salīdzināt ar citiem tiem līdzīgiem darbiem, kas raduši iepriekš, vēlāk vai arī reizā ar tiem. Man nu te gan patlaban tādi darbi nav pieejami, bet, negribēdams redakcijas lūgumam atteikties, esmu tomēr ir tā mēģinājis dot lasītājiem kādu jēdzienu par minētām grāmatām.

Vecais Stenders, zināms, arī savos valodnieka darbos ir sava laika bērns. Salīdzināmā indoeiropiešu valodu gramatika toreiz vēl nebija nodibināta, un nezināja pat, ka latviešu, leišu un prūšu valodas ir rada ar slavu, ģermāņu, ķeltu, itaļu, grieķu, āriešu[2] u. c. valodām. Stenders, kas bija iepazinies arī ar slavu valodām, nevarēja, zināms, nepamanīt, ka latviešu valodai ir zināma līdzība, piem., ar krievu valodu. Savā gramatikā tas min veselu rindu līdzīgu krievu un latviešu vārdu, bet šo līdzību tas izskaidro tā, ka latviešu un leišu valodas esot cēlušās no slavu valodas (mūsu avīzēs man vēl nesen gadījās lasīt, ka latvieši esot piederīgi pie slavu cilts!). Tāds izskaidrojums saskan ar tā laika uzskatiem: tolaik jau mēdza atvasināt vienu valodu no otras, pie kam pa lielākai daļai mēdza ebreju valodu uzskatīt par to pirmvalodu, no kuŗas citas valodas cēlušās: kad, piem., Amerikā atrada valodas, kas jau nu pavisam atšķīrās no ebreju valodas tipa, tad to paskaidroja tā, ka Amerikā nokļuvušās ciltis esot tīšām sagrozījušas savu veco valodu, lai citi nevarētu — piem., kaŗa gadījumā — viņu valodu saprast! Bet pareizi Stenders jau nosauc latviešu valodu par leišu valodas «māsu», t. i., pēc mūsu laiku uzskatiem — latviešu, leišu (un prūšu) valodas cēlušās no vienas «baltu pirmvalodas», kas ar laiku sadalījās izloksnēs, no kuŗām vēlāk radās patstāvīgas valodas (latviešu, leišu, prūšu u. c.), un šī baltu

[1] [G. F. Stender (Neue vollständigere) Lettische Grammatik (Braunschweig 1761[1], Mitau 1783[2]), Lettisches Lexikon (Mitau 1789). — Red.]

[2] [Domātas indoeiropiešu cilmes indiešu un irāņu valodas. — Red.]

pirmvaloda līdz ar tai radniecīgām slavu, ģermāņu, ķeltu, itaļu, grieķu, āriešu u. c. pirmvalodām radusies, viņu visu, t. i., indoeiropiešu, pirmvalodai sašķeļoties izloksnēs. No tam vien jau noskārstams, ka nevar ar Stenderu dēvēt latviešu valodu «par vienu no vecākām Eiropas valodām» tādā nozīmē, kâ, piem., runā par jaunākiem un vecākiem cilvēkiem (St. savas domas par latviešu valodas vecumu dibina uz tam, ka «pamata vārdi» palaikam sastāvot no vienas zilbes un ka daudz vārdu atgādinot dabas skaņas, piem. *čūkstēt, čikstēt* u. c.!). Varam tikai teikt, ka latviešu un sevišķi l e i š u valoda ir uzglabājusi indoeiropiešu pirmvalodas skaņas labāki kâ citas indoeiropiešu valodas viņu t a g a d ē j ā formā; t. i., piem., senindiešu un sengrieķu valodās atrodam vecākas formas kâ leišu un latviešu valodās, bet jaunindiešu un jaungrieķu valodas ir vairāk pārgrozījušas savas senās pirmvalodas tipu nekâ leišu un latviešu valodas. — Pār savu laiku St. // paceļas ar savu zinātniska gara diktēto 908
mācību, ka nav latviešu vārdu, kas tieši cēlušies no grieķu vai latīņu valodas (piem.: *grāmatas* vārds neesot tieši ņemts no grieķu valodas, bet no krievu valodas, kas to patapinājusi no grieķu *grammata*), un ka daža latviešu vārda līdzība ar kādu svešas valodas vārdu var būt ir gluži nejauša (piem., *maize* «kommt schwerlich vom indianischen *Mays*») un ka patapinājumi latviešu valodā varēja rasties tikai no tām valodām, kuŗu runātājiem bija kādi sakari ar latviešiem. Pareizi atzinis ir arī St., ka igauņu valoda nav rada latviešu valodai, ka vācu vārdi latviešu valodā patapināti (sevišķi) no lejasvācu («Plattdeutsch») valodas un ka arī inflantieši[3] runā latviešu valodu (mūsu laikos tas tâ kâ aizmirsts bija: piem., Konversācijas vārdnīca, kas sniedz ziņas par Latvijas ģeografiju, pie tam gandrīz pilnīgi ignorē Inflantiju!). Bet atkal sava laika uzskatos parādās St., kad tas mūsu lokātīvu dēvē par «ablātīvu» (dažreiz arī «ablativus localis»): tolaik vēl valdīja domas, ka loģikas jēdzieni atrod savu izteiksmi gramatikā jeb ka loģikas katēgorijām korespondē zināmas gramatikas katēgorijas. No tam tad varēja rasties uzskats, ka visās valodās atrodam apmēram vienādas gramatikas katēgorijas (tāpēc tad ar tika sarakstītas visām valodām nodomātas «universālgramatikas») un ka tāpēc visās gramatikās var lietot latīņu gramatikas terminoloģiju. Tâtad arī St. latviešu deklinācijā meklēja to pašu ablātīvu, kas atrodams latīņu gramatikā, un par tādu nepareizi noturēja mūsu lokātīvu («lokātīva» latīņu gramatika toreiz

[3] [Inflantieši resp. Inflantija = latgalieši resp. Latgale. — Red.]

nepazina). Jeb latīņu valodā ir «supīna» forma, kas mantota no indoeiropiešu pirmvalodas un ir sastopama un līdzīgi lietojama arī radniecīgajā latviešu valodā, piem., latīņu *eamus dormitum* skan latviski: *iesim gulētu* (supīna *gulētu* vietā tagad pa lielākai daļai lieto infinītīva formu *gulēt*). Stenders šo latviešu supīna formu gan bija dzirdējis, bet viņš nepareizi spriež, ka šī supīna galotne *-u* piederot pie «liekiem burtiem, kādus daži dažkārt aiz gaŗa laika piekaŗot», t. i., ka īstais supīns (piem., *gulētu*) esot tikai sabojāts infinitīvs (piem., *gulēt*). Bet ka nu latīņu valodā bija supīns, tad arī latviešu valodai vajadzēja tādam supīnam būt, un par «supīnu» St. nepareizi dēvē vecās divdabja formas ar galotni *-am* (piem., *dodam,* tā teikumā: *es redzu viņu dodam*), varbūt tāpēc, ka galotne *-am* ar savu *-m* drusku atgādināja latīņu supīna galotni *-um* (no *-um* cēlusies arī latviešu supīna galotne *-u*).

Latviešu izrunā St. laikam diezgan vērīgi bija noklausījies. Tā viņš, piem., piemin, ka dažos vārdos (piem., *pamazītiņām*) akcents nav uz pirmās zilbes un ka, piem., vārdā *saiešana* palīga akcents var būt vai nu uz otras, vai uz trešās zilbes. Bet pilnīgi St. latviešu izrunu nav piesavinājies, un no viņa izrunas latviešu zemnieki būs droši manījuši, ka tas nav latvietis. Par latviešu *o* (t. i., divskani *uo*) tas māca, ka tas izrunājams kâ vācu *o*, un latviešu (vecās ortografijas) *ee* — kâ vācu *ee* (piem., vārdā *Seele*), lai gan pats pēc tam piezīmē, ka «einige Letten ziehen ... das *o* unvermerkt ins *a*» (tâ ka iznākot gandrīz *oa*) un, ja gribot *ee* gluži latviski izrunāt, tad «muss man das *e* unvermerkt halb in *a* oder eigentlich ins *ä* hinein ziehen».
909 Un intonāciju starpību tas droši nav izdzirdē-//jis: kad tas runā par izrunas starpību starp vārdiem *vēlē* «er wünscht» un *vêle*[4] «er wälzte», tas atrod starpību te tikai otrā zilbē! Un īso *-a* galotnēs tas bieži uztvēris kâ *-e*: tâ, piem., tas raksta «Rihge» (= *Rīga*), «likke» (= *lika*) u. c.; nepareizās pagātnes formas (kâ «likke» u. c.) sastopamas jau agrāk (sākot no Adolfija[5]) un arī vēl pēc Stendera mūsu rakstniecībā līdz pat XIX gadsimteņa vidum (par pamatu tām bija vecās un izloksnēs vēl tagad lietojamās formas ar galotni *-e*, kâ *vede, nese, jauce, ļāve, ciete* u. c., pēc kuŗu parauga sāka nepareizi rakstīt arī «likke»

---

[4] [Senā pagātnes forma. — Red.]

[5] [Heinrich Adolphi (1622—1686). 1685. g. viņa latviešu valodas mācība — Erster Versuch einer kurtz verfasseten Anleitung zur lettischen Sprache. Adolfijs ir arī latviešu garīgo dziesmu, lūgšanas u. c. garīga satura grāmatu autors. — Red.]

u. c. pareiza «lika» u. c. vietā, un bez tam vācu auss labi neizšķīra galotņu *-a* no *-e*).

Gramatikas formas St. vispāri labāki piesavinājies kâ izrunu. Dažam varbūt šķiet, ka St. nodarījis kļūdu, dodams, piem., no *sapnis* akuzātīva formu *sapņu* (blakus arī parasto *sapni*), bet akuzātīva (un instrumentāļa) formas kâ *sapņu* ir vēl tagad sastopamas dažās inflantiešu un tāmnieku izloksnēs. Bet, kad St. min tādas formas kâ datīvu *bendam* (viensk.) un *bendiem* (daudzsk.) un akuzātīvu *bendu* (viensk.) un *bendus* (daudzsk.) no nōminātīva *bende*, jeb *es esusi, būšusi* parasto un pareizo *es esuot(i), būšuot(i)* vietā, jeb izteicienu *nuo abas puses*, tad gan stipri jāšaubās, vai Stendera minētās formas ir tiešām tautas valodā bijušas lietojamas. Rodas man šaubas arī par to, vai tiešām ir kaut kur bijušas pazīstamas tagadnes formas kā *beidžu, kliedžu* u. c. (pareizo *beidzu, kliedzu* u. c. vietā) un tagadnes formas *mīju, rīju* (ar garu *ī*!) blakus pagātnes formām *miju, riju* (ar īsu *i*!). Ja kādā izloksnē tâ runātu, es izlūgtos par to paziņot.[6] Jāpiemin, ka konjugācija vispāri Stendera gramatikas vājā puse: visus verbus tas sadala tikai 3 grupās, tâ ka viņa katalogā atrodam blakus, piem., *dzīt (dzenu), dzît (dzîstu), mīt (minu)* un *vît (viju);* St. nav sapratis, ka, verbus grupējot, jāraugās viscauri arī uz tagadnes celmu. Gadās arī tâ, ka St. noturējis kāda vārda izloksnes formu par patstāvīgu vārdu; tâ, piem., tas min *tirpt* un izloksnes formu *tierpt* kâ divus šķirtus verbus, lai gan tie īsteni ir tikai viens un tas pats vārds. — Dažas formas St. nav sapratis: tâ par *-s* vecajās datīva formās (piem., *visiems cilvēkiems* u. c.) tas spriež, ka šis *-s* piederot pie «liekajiem burtiem» (par kuŗiem jau bija runa), un to pašu tas saka par *n* formās *velns, melns, vilna, pilns,* atzīdams par pareizām tikai jaunākās formas bez *n*.

Par sintaksi un frazeoloģiju Stenderam dažkārt ir labi novērojumi. Datīva lietošanu tas paskaidro, piem., ar teikumu *tas būs sēklai* (mūsu tagadējie skribenti teiktu: *tas būs priekš sēklas*); un labi tas novērojis sakām, piem., *lai iet kur iedams* (skribenti tai vietā lieto slavismu: *kur arī neietu* = *куда бы ни шел*).

Arī valodas labskanība un tīrība ir Stenderam rūpējusi. Tâ, piem., tas māca, ka labāki teikt *dusa, rauda, gaida* u. c. nekâ *dusēšana, raudāšana, gaidīšana* u. c.; interesanti redzēt, ka

---

[6] [Uzsvērts *ij* > *ī* zināms vecos rakstos, (senāk arī) Blīdenē. Skat. La. gr. 63. §. — Red.]

pie tam viņš piezīmē par tagad mums labi pazīstamiem vārdiem *griba, bauda* u. c., ka tādi vārdi būtu gan vēlami, bet neesot tautā pazīstami un tāpēc vēl neesot lietojami. Un citur — par
910 va-//lodas tīrību rūpēdamies — tas pamāca, ka, piem., vācu *abschlagen* (nozīmē: «nicht erhören») nedrīkst latviski tulkot «nosist» jeb «atsist» (bet skribenti, piem., vācu *ausbleiben* mierīgi pārceļ: «izpalikt»!). Lai klausītāji vai lasītāji varētu labāki saprast, St. savā gramatikā proponē, piem., *strausi* latviski saukt «tas lielais pagānu zemes putns».

Stendera zinātniskais gars parādās dažādos novērojumos. Tas nemin savā gramatikā tikai rakstu valodas formas vien, bet pasniedz arī dažas ziņas par izloksnēm, veltīdams tām pat veselu nodaļu (atskaitot šur un tur iespraustas piezīmes, kâ piem., ka Bauskā *ne* vietā sakot *ni*); šai nodaļā lasāma arī šāda satiriska piezīme: «Vorzüglich muss ich eines ausserordentlichen lettischen Dialects gedenken, der sich durch gelehrte Dunkelheit auszeichnet und in gewissen Schriften, die eines Commentars bedürfen, herrscht.» Šai izloksnē lietojot nepazīstamus vārdus (kâ *jūditājs*[7], *pliekns*[8], *mādit*[9] u. c.), ģermānismus (piem., *izlikt* nozīmē «izskaidrot» kâ vācu *auslegen* u. c.), mākslotas konstrukcijas utt. Savu pārskatu par šo «izloksni» (te apkaļota sevišķi vecā dziesmu grāmata) St. beidz ar vārdiem: «Meine Seele komme nicht in diesen Dialect, und meine Ehre nicht in diese Mystik.» Bez tam St. savā gramatikā sniedz latviešu mēnešu vārdu sarakstu, mītologiem derīgas ziņas par «māņticību», sakāmus vārdus, mīklas un tautasdziesmas. — Dažas citas piezīmes var noderēt valodas un kultūras vēsturniekiem. Par latviešu satiksmi ar krieviem tai laikā liecina piezīme, ka krievi viegli iemācoties latviski runāt un latvieši — krieviski. — Kauņas guberņas Biržu un Žeimes draudzēs jau Stendera laikos turēti arī latviešu dievvārdi. — Kāds no Kurzemes cēlies krievu armijas oficiers stāstījis Stenderam, ka ķeizarienes Annas laikā tas nokļuvis «tatāru» zemē pie Bugas upes, kuŗu valoda bijuse tik līdzīga latviešu valodai, ka tie apmēram sapratuši latviešu valodu; ja šai ziņai ir kāds pamats, tad šie «tatāri» ir varbūt bijuši kādas tagad izmirušas baltu cilts atliekas. — Dažas latviešu valodas formas (kâ, piem., *tarks* — *starks* vietā) var paskaidrot piezīme: kad igau-

[7] [*jūditājs* «wer scheidet, trennt, der Schiedsrichter» ME II 120. — Red.]

[8] [*pliekns* I «schwach, matt» ME III 351 (s. v. *pliekans*); 1) «rāms, gluds», 2) «pliekna sirds», 4) «pliekna zeme» EH II 299. — Red.]

[9] [*mâdit* 1) «herbeischaffen, bereiten, mit der Hand winken», 2) «aušāties», 3) «foppen», 4) «schimpflich fortjagen» ME II 576 sk. — Red.]

nis vai soms («Finne») atbēg uz Kurzemi un iemācās latviešu valodu, tad to var ... pazīt no tam, ka tas daudz vārdos atmet pirmo līdzskani, piem., *punde spunde* vietā u. c.

Par Stendera vārdnīcu man grūtāki spriest, kad nav klāt viņa priekšteču darbu. Nevaru tāpēc patlaban teikt, vai Stendera vārdnīca ir daudz bagātāka par Langes vārdnīcu. Jāpiemin, ka Ulmaņa vārdnīcā Stendera vārdnīca nav pilnīgi izmantota; tā Ulmaņa vārdnīcā izlaisti, piem., Stendera minētie vārdi: *tulkatnis*[10], *ilguosnis*[11], *garuozis, -za*[12], *vienā gaitī* u. c. Nepareizi St. ir darījis, ievietodams zem *S* burta ne vien vārdus, kas sākas ar *s-*, bet arī vārdus, kas sākas ar *z-* (t. i., vecās ortografijas ſ); ievērojot to, ka vecās ortografijas ſ un ſ drukā dažkārt grūti izšķirt, no tam varēja vēlāk rasties pārpratumi. Piezīmēšu, ka vārdu *juozt* St. liekas pazinis vēl ar veco un pareizāko *s*, jo vārdnīcā tas raksta fut. joßſiſchu un gramatikā (pagātnes formu[13]) joßſu. — Savai vārdnīcai St. pievienojis arī muižu vārdu, kristāmo vārdu, dzīvnieku un stādu vārdu sarakstu.

Ja neaizmirstam, cik no tā laika cilvēka un pie tam nelatvieša // var prasīt, tad varam par Stendera darbiem valod- 911
niecībā nodot labu liecību. Par saviem avotiem šai ziņā tas pats pastāsta. Vislabāki iemācīties latviski runāt satiksmē ar latviešiem. Sevišķi lauku mācītājiem esot bieži izdevība izrunāties ar latviešiem, kas nākot pie tiem darīšanās. Tādos gadījumos mācītājs varot noklausīties dažādus izteicienus, kuŗus dažkārt derot piezīmēt (kâ St. pats to darījis esot; kur vēl tagad atrodam tādu mācītāju?). Un, otrkārt, tâ mācītājs varoţ draudzes mīlestību iegūt, ja ar draudzes locekļiem mīļi sarunājoties. Un tas turklāt esot mācītāju pienākums, jo latvieši jau tiem esot maizes devēji. Līdzīgu (piem., Bīlenšteinam gluži svešu) mīlestību pret latviešiem izdveš arī Stendera vārdi vārdnīcas veltījumā: «Es bleiben mir bei meinem hohen Alter keine Wünsche für diese Erde übrig, als nur noch für die uns ernährende, aber zu sehr vernachlässigte lettische Nation, welcher ich von je her als einem gleichfalls göttlichen, dabei aber der Aufklärung bedürftigen Volke mein Herz zu ihrem Heil gewidmet».[14]

---

[10] [*tulkatnis* = tulks ME IV 259. — Red.]

[11] [*ilguosnis* «?eine lange erwartete Zeit» ME I 706. — Red.]

[12] [*garuozis* = *garuôza* 1) «Brotkruste», 2) «Kruste, Rinde» ME I 605. — Red.]

[13] [Pirmpublicējumā: pagātnes fut. — Red.]

[14] [Raksts bez paraksta. — Red.]

ЛАТЫШСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ К ПОЛЬСК. *bóg* : *bok* И ДР.

[1914 РФВ LXXI 2, 562—563 un atsevišķā novilkumā 1—2]

562 (1) Контраст в судьбе *o* между формами типа *bóg* : *boga* и формами типа *bok* : *boku* толкуется, как известно, различно, см. Vondrák Vergl. slav. Gramm. I 215 сл., Nitsch RSl. I 132 слл. (с указанием предшествующей литературы), Отрембский РФВ LXIX 28, Rudnicki Mater. i prace V 210.

Окончательное выяснение данного вопроса, может быть, будет облегчено указанием на аналогичное явление в латышских говорах. Мюленбах IF XIII 261 сл. уже отметил, что в латышских говорах северо-западной Курляндии при утрате конечного гласного за звонким согласным удлиняется гласный, предшествующий этому согласному, тогда как гласные перед глухими согласными не подвергаются такому заменительному удлинению. К этому я тут могу прибавить еще следующее. В Дондангене (в северо-западной Курляндии), как уже было указано Мюленбахом, краткие гласные перед звонким согласным, за которым отпал конечный гласный, удлиняются, причем эти новые долготы произносятся с нисходящей интонацией; согласные при этом, оказавшись в конце слова, тем не менее сохраняют свою звонкость, наприм. gen. pl. *ràd* «родственников» из *radu*. Если же за глухим согласным отпал гласный, то удлиняется не предшествующий гласный, но оказавшийся в конце слова (или слога) глухой согласный, наприм. *rat* (с долгим *t*) «колес» из *ratu* или acc. s. *vis* (с долгим *s*) «весь» из *visu*. Нечто тому подобное я наблюдал также в Пернигеле (в западной Лифляндии). — Можно еще прибавить, что при таких же условиях из старых долгот возникли там сверхдолготы[1], //
563 (2) наприм. acc. s. *skāb* «кислый» из *skâbu*; форма *skāb* отличается от nom. s. *skâps* (из *skâbs*) не только количеством гласного, но и интонацией[2].

[1] [Pārgarumi: kāpjoši-krītoši un lauzti-krītoši. La. gr. 40. — Red.]

[2] [Vārdu *skâbs* izrunā ar lauzto intonāciju, *skāb* — lauzti-krītoši. La. gr. 40. — Red.]

Эта латышская параллель, кажется, говорит не в пользу взгляда, будто, наприм., польск. *bok* является новообразованием вместо старого **bók,* вызванным влиянием падежных форм вроде *boku* и др.

Отмечу еще, что van Wijk Balties-slaviese problemen 9 сл. (с указанием литературы) указывает и на голландскую параллель к польск. *bóg* : *bok* и др.

KĀRĻA MŪLENBACHA DARBI VALODNIECĪBĀ

[1916 Baltija Nr. 110]

1₁ Lielās krievu valsts mazajām tautiņām skolā un dzīvē jādzird un jāmācās jau no bērna dienām svešas valodas. Tādos apstākļos — novērojot dažādu valodu savādības — viegli var rasties interese par valodas jautājumiem. Ar to tad laikam stāv sakarā arī tas, ka Krievijas universitātēs valodniecības profesoru vidū ir vairāk nekrievu kâ krievu. — Minētos apstākļos dzīvojam arī mēs, latvieši, un mums bez krievu valodas bieži vien jāmācās arī vācu valoda, tâ ka vairāku valodu pratēji mūsu starpā s a m ē r ā nav retums un līdz ar to s a m ē r ā netrūkst arī intereses par valodniecību. Nelaime tikai tā, ka ne visiem valodniecības draugiem gadās valodniecību studēt, un tâ tad gadās mums, piemēram, cīņās par ortografiju sastapties arī ar teologiem, juristiem un veterināriem, kas tur velti zaudē laiku. Bet, īstajās sliedēs ievadīti, arī valodniecību nestudējušie var sekmīgi darboties šai arodā; to mums gaiši rāda Apsīšu Jēkaba, Cīruļa un Brenča teicamie raksti par viņu dzimtenes izloksnēm. Ka tādu rakstu mums nav vairāk, pie tam laikam vainīgs rupjā materiālisma gars, kas beidzamā laikā apmācis latviešu tautu: «Mūsu teļos mūsu nākotne!»[1] — Pagājušā gadsimteņa 80. gados un 90. gadu sākumā, kad minētais materiālisma gars pie mums vēl tâ nebija ieviesies, latviešu studentu starpā bija s a m ē r ā daudz filologu, katrā ziņā vairāk kâ tagad, kad studentu skaits vispāri mums daudz lielāks. Daži no tiem — Velme, Freibergs un Kauliņš — jaunības gados sekmīgi nodarbojušies ar latviešu valodas jautājumiem, bet pēc tam šai arodā apklususi. Velmes studiju biedru Kārli Mūlenbachu turpretim tikai saltā nāve paguva izraut no valodnieku rindām.

[1] [Domāta tieksme, kas bija raksturīga latviešu lauku buržuāzijai XIX gs. beigās un XX gs. sākumā, it īpaši gadu desmitā pirms pirmā pasaules kara, kad tā, ievērojami nostiprinājusi savas pozīcijas Latvijas saimnieciskajā dzīvē, centās arvien vairāk iedzīvoties jaunās bagātībās, sevišķi attīstot intensīvo lopkopību un tirdzniecību ar lopkopības un citiem lauksaimniecības produktiem. — Red.]

Nelaiķis man reiz teica, ka tas jau jaunos gados nolēmis sarakstīt latviešu valodas vārdnīcu, bet atzinis, ka, sagatavojoties uz tādu darbu, // vispirms vajaga pamatīgi iepazīties ar 1_2 latviešu valodas gramatiku. Un tiešām, kļuvis par ģimnazijas skolotāju, nelaiķis savu brīvo laiku neziedo vis izpriecai, bet zinātniskam darbam latviešu valodas arodā. Ko tas nozīmē, to labāk sapratīsim, iegaumēdami, ka Krievijas ģimnaziju skolotāju starpā tikai izņēmuma veidā sastopam vīrus, kas pazīstami ar saviem zinātniskiem darbiem.

Mūlenbacha pirmie darbi par latviešu valodu iespiesti Austrumā un citos laikrakstos un vēlāk sakopoti zem virsraksta «Daži jautājumi par latviešu valodu», pavisam četrās burtnīcās. Visos tos rakstos izskan rūpes par valodas pareizību. Latviešiem beidzamā laikā piesavinoties augstāku kultūru un civilizāciju, līdz ar to, zināms, radās arī jauni jēdzieni, kuŗu apzīmēšanai trūka latviešu vārdu. Tādos gadījumos trūkstošos vārdus mēdz vai nu patapināt no kaimiņu tautām, vai arī atvasināt no pašu valodas saknēm. Latviešu zemnieks, kas svešu valodu neprot, varētu darināt jaunus vārdus tikai savas valodas garā, tas ir, pēc citu latviešu vārdu parauga, un tādi jaundarinājumi varētu būt tikai pareizi. Bet latviešu rakstniecībā darbojas personas, kas bez savas latviešu valodas prot arī vācu vai krievu valodu, un kad šie rakstnieki dažkārt rada jaunus vārdus, tad tie pie tam var padoties svešu valodu iespaidam, tâ ka viņu jaundarinājumi var arī būt nelatviski, tas ir, nesaskanēt savā formā ar īstajiem latviešu valodas vārdiem. Bet svešu valodu iespaids vēl stiprāki nevietā ir nomanāms sintaksē un frazeoloģijā. Lieta taču tā, ka skolās mūs māca svešas valodas, tâ ka beidzot domā jam vairāk vāciski vai krieviski nekâ latviski, un, kâ domājam, tâ ar runājam un rakstām. Aplamība tapēc ir apgalvot, ka viss, ko kāds rakstnieks raksta, ir latviski pareizi rakstīts; un latviešu valodniekam tâtad ir pilna tiesība pārbaudīt mūsu rakstniecības valodas pareizību. Un dziļu pateicību nākas sajust «Dažu jautājumu» nelaikā mirušajam autoram. Raibā rindā // tur pārrunāti jautājumi par 1_3 dažādu vārdu atvasināšanu un lietošanu. Tâ, piemēram, rakstiņā par latviešu salikteņiem (kompozitiem) Mūlenbachs vērš lasītāju uzmanību uz īsti latviskajiem izteicieniem *pieczaru dakšas, divkanšu mieži* u. c., pēc kuŗu parauga ļoti labi varētu runāt arī, piemēram, par *divklasu skolām, divzilbju vārdiem* u. c. — Plašā rakstu virknē apspriestas adjektīvu galotnes *-ējs, -īgs* un *-isks*. Vecās «Dienas Lapas» laikā sāka galotnes *-īgs* vietā bieži lietot galotnes *-isks* un *-ējs*, dažkārt arī nevietā.

Savā rakstā Mūlenbachs tad nu apskata formas *dabīgs* un *dabisks, miesīgs, vienpusīgs* un *vienpusējs, ārkārtīgs* un *ārkārtējs, ārīgs* un *ārējs, pēdīgs* un *pēdējs, kuopīgs* un *kuopējs, milzīgs* un *milzisks* un dažas citas, izteikdams un pamatodams savas domas, kur un kâ lietojamas minētās galotnes. Par šām galotnēm Mūlenbacham bija polemika ar J. Sirmo, un nelaiķis man vēlāk pats teica, ka dažā vietā Sirmajam taisnība. Bet ir tâ vēl atliek šai Mūlenbacha rakstā daudz pareizu norādījumu, kas vēl tagad vērā liekami. — Visai derīgs savā laikā bija arī «kāds vārds par deminutīviem jeb pamazināmiem vārdiem», kas rāda, ka dzejnieki dažkārt nevietā lietojuši deminutīvus (kâ, piem., Pumpurs: *ar debess jūtām krūtiņās viņš klusi tālāk iet*). Un var teikt, ka pēc šā raksta deminutīvus vairs nelieto tik aplam. — Vairāk kâ vienu rakstu Mūlenbachs veltījis latviešu prepozicijām, tâ, piem., prepozicijām *ar, pēc,* kuŗu tas pareizi atvasina no adverba *pēdis,* un dažām citām, rādīdams, kâ un kur tās jālieto. Arī latviešu valodā izplatītā ģenitīva lietošana pārrunāta vairākos rakstos. — Rakstā par «artikulu» Mūlenbachs rāda, kâ pronōmenu *tas* lieto īsti latviski un kur *tas* ir ģermānisms; un rakstā par «duāļa jeb divskaitļa pēdām latviešu valodā» paskaidroti tādi izteicieni kâ *aiz deviņi dūņu*
14 *purvi, trīs gadiņi liepas puva, uz pieci dieni, par // divi nedēļi* u. c. — «Dažu jautājumu» ceturtajā burtnīcā atrodam rakstu «par valodas pareizību», kuŗā pārrunāti pamata jautājumi par valodas pareizību un dažādi virzieni uzskatos par šo pareizību; tālāk rakstus par «apvidus vārdiem», par «jaunvārdiem», par galotni *-šana,* par skaņu un burtu *ŗ, bj, pj, mj, vj* pareizo lietošanu, par «nezālēm latviešu valodas druvā», beidzot «īsu apcerējumu par latviešu dzejas valodu» un rakstiņu par «latviešu vēsturi un latviešu valodu». Ja iedomājamies, cik daudz pareizu un derīgu norādījumu dots šos «Dažos jautājumos par latviešu valodu», cik pievilcīgā un populārā formā tie sarakstīti un cik saudzīgā veidā pārrunātas latviešu rakstnieku kļūdas, tad būtu jāspriež, ka to autors būs ieguvis nedalītu atzinību un pateicību. Bet — īstas civilizācijas mums vēl maz, un tâtad — neglīti, rupji un netaisni uzbrukumi bija autora alga. Ir tomēr gan ne mazums arī tādu, kas šos «Dažus jautājumus» uzskata par dārgu mantojumu. — Atsevišķi Mūlenbachs bez tam izdevis «apcerējumu par valodas dabu un sākumu», kur pārspriestas teorijas par to, kâ valoda cēlusies[2], un ļoti vērtīgo «Teikumu» (Rīgā 1898), kur atrodam latviešu valodas teikuma mācību ar ļoti bagātu materiālu. Bez tam Zinību komisijas XIII Rakstu

[2] [Pirmpublicējumā: cēlusēs. — Red.]

krājumā ievietoti Mülenbacha raksti par «svešvārdiem», par «galotni *-ums*» un par «neitra jeb nekatras kārtas likteni latviešu valodā».

Viss, kas latviski rakstīts, cittautiešu zinātnes vīriem gandrīz pilnīgi nepieejams, un stingri zinātniskiem rakstiem latviešu valodā var trūkt arī izdevēja. Tāpēc latviešu zinātnieki piespiesti pa lielākai daļai rakstīt vāciski vai krieviski. Un tâ arī Mülenbachs dažus savus rakstus ievietojis krievu un vācu žurnālos. Vācu žurnāla «Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen» XXIX sējumā iespiests Mülenbacha raksts «Zum Wechsel des Wurzelauslautes im Lettischen», kur paskaidrots, kāpēc // tāmnieki runā, piemēram, pagātnē *es bād,* 2r
es gād u. c. rakstu valodas formu *es bāžu, es gāžu*[3] u. c. vietā un kāpēc tāmnieki nerunā infinītivā *lūzt, svīst* u. c., bet *lūt, svīt* u. c. Žurnālā «Indogermanische Forschungen» ievietoti nelaiķa raksti «Über die vermeintlichen Genitive oder Ablative auf *-uo, -u* im Lettischen» (XIII sējumā) un «Das Suffix *-ums* im Lettischen» (XVII sējumā). Pirmajā rakstā atspēkotas prof. Becenbergera domas, ka latviešu valodā vēl sastopamas vecas vienskaitļa ablātīva (jeb ģenitīva) formas ar galotni *-u, -uo* (piem., tādos izteicienos kâ: *k u o tev vajaga?*), un sakarā ar to pamatīgi izskaidrota latviešu prepoziciju konstrukcija. Otrs raksts rāda, no kādiem celmiem latviešu valodā atvasina lietu vārdus ar galotni *-ums* un kâ dažās izloksnēs šo galotni samaisa ar divdabju galotni *-ams.* — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук satur šādus Mülenbacha rakstus: 1) «Об употреблении родительного падежа вместо винительного в славянских языках» (IV sējumā), 2) «О следах двойственного числа в латышском языке» (VIII sējumā), 3) «О латышских творительных падежах множественного числа на *-āmis* и родственных им наречиях» (IX sējumā) un 4) «О дебитиве» (XII sējumā), kur izteiktas pareizās domas, ka dēbitīva *jā-* (piem., *man jā-brauc*) īsteni ir senā relātīvā pronōmena *jo-* locījums. — Šiem stingri zinātniskiem rakstiem pieslienas Mülenbacha sarakstītā sintakse mūsu «Latviešu gramatikā», kas sava bagātā materiāla dēļ ir viens no labākajiem nelaiķa drukātiem darbiem. Latviešu sintakses īpatnības tur parādās visā savā pilnumā un dzidrumā.

Jau minētie darbi vien būtu nodrošinā-//juši nelaiķim palie- 2v
kamu vārdu latviešu kultūras vēsturē. Bet, kâ jau teicu, pats

[3] [Te minētas acīm redzot senās pagātnes *ē*-celma formas (pirmpublicējumā: baḫſchu, gaḫſchu); sal. La. gr. 684. §. — Red.]

viņš par savu mūža darbu uzlūkoja latviešu vārdnīcas sarakstīšanu. Un, par to ieminoties, tagad sirds sažņaudzas sāpēs. Jo, kad kāds cilvēks, ievērojamu un paliekamu darbu padarījis, aizveŗ savas acis uz mūža dusu, tad, zināms, žēl mums viņu zaudēt no sava vidus, bet apmierinājumu tad atrodam apziņā, ka nāve visu mūsu daļa, un aizgājēja paveiktā un atstātā mūža darbā, ko nekāda nāve mums nevar laupīt. Bet kâ lai tagad apmierināmies, kad Kārlis Mūlenbachs miris nelaikā, miris savu mūža darbu — savu vārdnīcu nepabeidzis? Tikai rūgtuma jūtas par nāves nejēdzību pilda tagad sirdi.

Cik nepieciešama mums šī vārdnīca, to labi apzinās pat plašākas aprindas, kam citādi gar valodniecību maz daļas. Jo līdzšinējās latviešu valodas vārdnīcas visas ir nepilnīgas un nezinātniskas. Ulmaņa vārdnīcā, kas līdz šim visplašākā, trūkst, piemēram, pat tāds vārds kâ *vepris,* un vēl daudz citu tur trūkstošu vārdu atrodam tautas gara mantās, mūsu rakstniecībā un dzīvajā tautas valodā. Daudzus no tiem jau sakrājis jaunai vārdnīcai pats nelaiķis gan no drukātiem avotiem, gan no pašas tautas mutes, kopā ar mani apceļodams dažādus Latvijas apgabalus, un daudzus tam piegādājuši citi latviešu valodas draugi un cienītāji. Un tâ tam bija izdevies savākt gan ne visu latviešu valodas bagātību, tas vienam cilvēkam vien, pašai tautai dzīvi nepiedaloties, nav iespējams, bet tomēr lielāko daļu. Un ne tikai kailus vārdus! Daža vārda īsto nozīmi varam izprast tikai veselā teikumā; un tāpēc Mūlenbachs rūpējās arī par frazeoloģiju: tâ, piemēram, «Draugu biedrības»
2₃ magazīnas XX sējuma 3. daļā ievietotais jaunās vārd-//nīcas paraugs satur veselas piecas lapas puses par vārdu *acs.* Ne mazākā mērā nelaiķis centās izzināt katra vārda izrunu un substantīvu un verbu fleksijas formas, bez kuŗām neviena vārdnīca nav pilnīga. Un Valodniecības nodaļā un citur tas atrada gan nedaudzus, bet uzticīgus palīgus šai darbā. Apmēram puse no lielā darba bija rokrakstā jau paveikta, kad notika tas, kam nebija tik ātri notikt! Varam iedomāties, cik smaga sirds bija mirējam redzot, ka jāatstāj nepabeigts darbs, un ne tas vien, — nezinot, kas gaida viņa karsti mīļoto, tagad pa visu Krieviju izkaisīto tautu, nezinot, kas turpmāk būs ar viņa dzimteni, ar Kurzemi.[4]

[4] [Pirmā pasaules kara laikā vācu karaspēkam iebrūkot Kurzemē un drīzumā okupējot to, liela daļa Latvijas iedzīvotāju devās bēgļu gaitās uz Iekškrieviju. — Red.]

PAR INFLANTIEŠIEM UN VIŅU IZLOKSNI

[1916 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 229]

Rakstiem, kas iespiesti nesen atpakaļ «Dzimtenes Vēstnesī» 1₅
un «Baltijā» par inflantiešiem (t. i., Vitebskas guberņas katoļu latviešiem), gribu te piespraust dažas piezīmes.[1] Tur starp citu ir runa par to, kuŗa latviešu valodas izloksne ir vecāka — vidus izloksne vai augšgaliešu (inflantiešu) izloksne. Jautājums nav īsteni gluži pareizi formulēts, jo laika ziņā var gan būt, piemēram, mātei vecākas un jaunākas meitas, bet ne valodai vecā-//kas un jaunākas izloksnes: šai ziņā augš- 2₁
galiešu un lejzemnieku (vidus un tāmnieku izlokšņu runātāju) izloksnes ir vienu vecumu, jo abas ir reizā cēlušās, kad latviešu pirmvaloda sadalījās šais divi izloksnēs. Var būt runa tikai par to, kuŗa izloksne savā attīstībā mazāk attālinājusies no pirmvalodas jeb kuŗa izloksne paglābusi vairāk veco skaņu un formu. Un te nu jāsaka, ka pirmvalodas skaņas labāki paglabātas vidus izloksnē un ka par to nevar būt nekādu šaubu. Salīdzinot latviešu valodu ar leišu un citām radu valodām, viegli pārliecināties, ka, piemēram, vidus izloksnes formas *vīrs, dūmi, vista, traks, mędus, māsa, mērs, siena, duot, cirst, ķēve, šķirt* ir vecākas (t. i., stāv tuvāk pirmvalodai) nekâ augšgaliešu formas *veirs, doumi, deumi* jeb *dyumi* (ar burtu *y* apzīmēju krievu *ы* līdzīgu patskani), *vysta, troks, mads, muosa, mārs, sīna, dūt, cierst, čēve, škiert.* Arī nemīkstinātie vidus izloksnes līdzskaņi patskaņu *e* un *i* priekšā (piem., vārdos *list, zeme, kliegt*) ir vecāki par inflantiešu — zem slavu valodu iespaida — mīkstinātiem līdzskaņiem mīnēto patskaņu priekšā. Turpretim kas attiecas uz formām un fleksijas galotnēm, — šai ziņā mūsu rakstu valoda caurmērā nav vecāka par inflantiešu izloksni. Gan mūsu rakstu valodā vēl ir, piemēram, *u*-celmi (piem., *mędus*), kas inflantiešiem zuduši (*mads*), bet par to mūsu rakstu valodā tagad zudušas dažas vecas

[1] [J. Endzelīns par inflantiešiem jau rakstījis 1912., 1913. un 1914. g. Šai izdevumā skat. II 402—403, 477—479, 538—540. — Red.]

nākotnes un pagātnes formas, kas vēl tagad lietojamas inflantiešu izloksnē (bet arī dažās lejzemnieku izloksnēs, tikai ne rakstu valodā; piem.: nākotnes formas *sišu* «sitīšu», *vešu* «vedīšu» u. c., pagātnes formas *nešu* «nesu», *nese* «nesa», *nesēm* «nesām», *nesēt* «nesāt» u. c.). Ar[ī] atgriezeniskās (refleksīvās) darbības vārda formas inflantiešu izloksnē pa daļai vecākas (piem., *atsasēst*) kâ mūsu rakstu valodā (piem., *atsēsties*). Sintaksē inflantiešu izloksne dažā ziņā ir vecāka par mūsu rakstu valodu; mēs, piem., tagad pēc visām prepozicijām daudzskaitlī lietojam instrumentāli (piem.: *pie vārtiem, nuo vārtiem*), bet inflantiešiem vēl tagad iespējams daudzskaitļa ģenitīvs pēc ģenitīva prepozicijām (piem.: *pi vuortu, nu vuortu*).

Uz jautājumu, kuŗa izloksne tīrāka, t. i., svabadāka no svešu valodu iespaida, jāatbild, ka caurmērā tīrāka ir mūsu vidus izloksne (t. i., pašas tautas valoda, bet ne rakstu valoda, kuŗā mūsu rakstītāji iejauc daudz ģermānismu un slavismu). Mūsu vidus izloksnē ir diezgan daudz patapinājumu no vācu valodas, mazāk — no krievu un lībiešu jeb igauņu valodām; bet inflantiešu izloksnē, kur patapinājumu no vācu un lībiešu jeb igauņu valodām ir mazāk, par to ir ļoti daudz patapinājumu no slavu valodām, īpaši galējās austrumu izloksnēs. Tur atrodam ne vien patapinātus lietu, īpašības un darbības vārdus, bet pat patapinātas prepozicijas *(roz-, pro-)* un galotnes (piem., *mozinks* «maziņš»); šos liekos patapinājumus inflantiešiem derētu pamazām izskaust un to vietā īstus latviešu vārdus likt. Bet nepareizs ir apgalvojums, ka inflantiešu izloksnes savādības vārdu krājumā pastāvot tikai no patapinātiem vārdiem. Tur atrodam arī dažus vecus vārdus, kas citiem latviešiem zuduši. Tâ, piem., Lanckoronā dzirdēju vārdu *ūsvis* «sievas tēvs» (mūsu rakstu valodā tas skanētu: *uosvis*), par kuŗa vecumu liecina leišu *uošvis* (ar to pašu nozīmi). Vārdu krājēji latviešu valodas vārdnīcai tur varētu vēl daudz vārdu uzrakstīt. Daži no augšgaliešu vārdiem var arī mums labi noderēt patapinājumu izskaušanai. Tâ, piem., Kaunatā (arī Gulbenē u. c.) lieto vārdu *zist* (skanētu mūsu rakstu valodā: *ziest*, ar tādu akcentu[2], kāds, piem., vārdā *ciest*), kas lokāms tâpat kâ, piem., vārds *sviest* (tag. *es ziežu, tu zied* utt., pag. *es ziedu* utt.) un nozīmē to pašu, ko no vācu valodas patapinātais *smērēt*; no darbības vārda *ziest* varētu atvasināt lietas vārdu *ziede*. Tâtad lai vācieši *smērē* un *smērējas!* Mums tam jēdzienam ir pašiem savs

[2] [t. i., ar krītošo intonāciju. — Red.]

vārds, un pie tam ļoti vecs, rada ar leišu *žiesti* «veidot» un krievu *со-зидать* «radīt». — Nav arī iemesla apgalvot, ka paši inflantieši cēlušies no dažādu cilšu maisījuma; katrā ziņā tādām domām trūkst pierādījumu.

Bet lai nu kāda ir inflantiešu izloksne, — par tās tiesībām rakstniecībā nav ne valodniekiem, ne citiem gala spriedums jānodod: tās atkarājas no pašas dzīves prasībām. Man šķiet, ka inflantiešu garīgie modinātāji ir gluži pareizi sākuši rakstīt grāmatas viņu vajadzībām pašu inflantiešu izloksnē. Jo vispirmais uzdevums tur ir aizkavēt inflantiešu pāriešanu slavos, un tam nolūkam inflantiešu zemnieks jāpieradina lasīt grāmatas savā valodā. Bet mūsu rakstniecība tam neder savas savādās valodas un ortografijas[3] dēļ. Kad izplatīsies inflantiešos izglītība, siena starp viņiem un mums pamazām pati sagrūs. Tāpēc inflantieši, kas raksta savā izloksnē, tādēļ vien vēl nav nekādi «separātisti»; vienīgais, ko tiem var pārmest, ir daži jauninājumi ortografijā (mīkstinātu līdzskaņu apzīmēšana pēc poļu ortografijas parauga ar *i*, piem., *niaudet* «ņaudēt»), kas vēl vairāk atsvešina mums inflantiešu rakstniecību.

Bet kad daži no mūsējiem dažkārt tâ kâ pavēles veidā uzkliedz inflantiešiem, lai tie atmet savu izloksni un lasa mūsu grāmatas un avīzes, tad tādam sarunu veidam var būt tikai tas panākums, ka plaisma starp mums un inflantiešiem kļūst vēl lielāka. Un kādas gan mums tiesības būt inflantiešu rīkotājiem? Līdz tam, kad paši inflantieši vēl nebija sākuši modināt savu cilti, mūsu Baltijas laikraksti nelikās ne zinis par tiem daudzajiem latviešu tūkstošiem, kas dzīvo Vitebskas guberņā; varēja nodomāt, ka, atskaitot kolonistus, latvieši dzīvo tikai Vidzemē un Kurzemē. Pēc tam nu gan arī Baltijas latviešu laik-//raksti šad un tad rakstīja par inflantiešiem, bet 2_2
tas bija arī apmēram viss. Palīdzību savām dažādām vajadzībām inflantieši no mums gandrīz nav nemaz dabūjuši. Pat ortografijas jautājumā nav ievēroti viņu lūgumi, lai ievedam latīņu burtus un ar to darām savu rakstniecību viņiem saprotamāku. Ir gan šai ziņā šad un tad mēģinājumi darīti, bet, kopš sācies kaŗš ar Vāciju, vācu burti atkal pilnīgi pārvalda mūsu rakstniecību. Nav ar[ī] vairs atrodamas mūsu laikrakstos gandrīz nekādas ziņas par inflantiešu dzīvi. Pēc visa tā nav jābrīnās, ka nesen «Baltijā» bija lasāms ievadraksts ar zīmīgu virsrakstu

[3] [Toreiz rakstīja vecajā ortogrāfijā, t. i., vācu rakstībai atbilstošiem burtiem. — Red.]

«Vai viņi grib?», t. i., vai inflantieši gribētu, ka viņu zemi administrācijas ziņā pievieno Baltijas latviešu apgabalam. Raksta autors grib, lai noprasa pašus inflantiešus, ko viņi par to domā. Lietas stāvokli, zināms, ar to varētu noskaidrot, bet mūsu un inflantiešu attiecības ar tādu noprasīšanu nebūtu labotas. Tagad pa kaŗa laiku šai lietā maz ko var darīt, bet mazākais pēc kaŗa mūsu d a r b ī b a i vajadzētu būt tādai, ka nebūtu vairs pat vajadzīgs jautāt, «vai viņi grib?».

PAR GAUJAS VĀRDU

[1916 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 230]

Nesen Dzimtenes Vēstnesī bija *Gaujas* vārds salīdzināts ar 1₄
Jauzas upes (Maskavā) vārdu.[1] Abi vārdi esot «tuvā radniecībā» (arī abu upju krasti vietām esot līdzīgi apēnoti kupliem kokiem); abi tie atlikuši no tiem laikiem, kad ap Gauju un Jauzu vēl dzīvojušas somu ciltis, kas tām šos vārdus devušas! Atzīstos, ka es neatrodu nekādu radniecību starp abiem vārdiem: līdzīgi te ir tikai patskaņi, bet līdzskaņi pavisam ne. Gaujas vārds jau tāpēc vien nevar būt cēlies no somu valodām, ka somu valodās pavisam nav vārdu, kas sākas ar skanīgiem līdzskaņiem *g-, // d-, b-,* bet gan ir vārdi, kas sākas ar *k-, t-, p-;* 1₅
igauņi tāpēc sauc, piemēram, glāzi par «klāz»[2]. Par Gaujas vārda latvietību liecina arī tas apstāklis, ka arī Lietavā atrodam upes ar to pašu nosaukumu; viena Gaujas upe atrodama Viļņas guberņas Ašmenu apriņķī (skat. Lit. Mitt. IV 187), un muižu *Гавюпи* Biržu apgabalā min Sproģis savā «Географ. словарь древней жомойтской земли XVI стол.» 64. lpp. Un ka Gaujas vārds skan īsti latviski, to rāda leišu vārds *gaujà* «bars» (suņu vai vilku). Ka upes vārds *Gauja,* zināms, nevarēja apzīmēt «baru», bet no vienas saknes abi vārdi tomēr varbūt ir cēlušies. Jo sanskrita valodā darbības vārds *džavate* (*dž-* te cēlies no senāka *g-*) «ir ātrs» un mūsu upes vārds *Gauja* varētu būt radies no tās pašas saknes un tādā gadījumā nozīmētu: «ātrā, straujā». Ka mūsu Gauju tiešām var saukt par «straujo», par to būs pārliecinājies katrs, kam gadījies kādreiz laivā braukt pa Gauju pret straumi. Gaujas vārds, radies no senas, tagad latviešu valodā zudušas saknes, tâtad atkal — līdzīgi Raunas un Rūjas vārdiem — liecina, ka latvieši jau no seniem laikiem dzīvo ap Gauju. — Somu (piem., igauņu) valodās Gauju sauc par *Koiva*[3]; *k-* te iestājies somiem svešā *g-* vietā. Un

[1] Rudzīša Pēteŗa Maskavas vēstulē.
[2] [Igauņu rakstībā: *klaas.* — Red.]
[3] [Pirmpublicējumā: *Kaiva.* — Red.]

Latvju dainās, Nr. 19383, 1. var. (Garkalnā uzrakstītā tautasdziesmā), lasāma forma: *Aizgoiva* (t. i., Aizgauja). Šī forma gan laikam ir Gaujas vārda sagrozījums svešas tautas mutē. Cēlusies tā varbūt šādā ceļā. Gaujas vārdu varbūt senāk locīja tâ, kâ vēl tagad vārdu *pati* (ģenitīvs *pašas,* senāk **patjas*); tādā gadījumā senāk nominātīvs bija **Gavi,* ģenitīvs — **Gavjas* — *Gaujas*. Bet izloksnēs pa seno lībiešu zemi un gar igauņu robežu vēl tagad *-av-* vietā runā *-ov-* (ar krievu vai vācu *o*; piem., *tovs* «tavs»); tâtad Gauju tur nominātīvā varbūt sauca: **Govi*. Kâ dažās Vidzemes dienvidu-austrumu izloksnēs iesprauž *i,* kad nākamā zilbē seko *i* vai *e* (piem., *uipe* «upe»), tâ tam līdzīgs *i* ierodas arī dažās izloksnēs, kas atrodamas uz senās lībiešu teritorijas (tâ, piem., Stienē vecu ļaužu mutē bija dzirdamas tādas formas kâ *saicit* «sacīt»); un tâtad arī forma **Govi* tur varēja izvērsties par **Goivi* un lībiešu un igauņu mutē par *Koivi — Koiva.*

ЗАМЕТКИ О БАЛТИЙСКИХ ИМЕННЫХ ОСНОВАХ НА *-(j)ē* И *-jo*[1]

(По поводу книги F. Sommer'a: Die indogermanischen *iā*- und *io*-Stämme im Baltischen)

[1916 РФВ LXXVI 4, 292—315 un 1917 atsevišķā novilkumā]

Так как в славянских существительных типа р. *воля* или *кожа* ударение падает не на конечный слог, как ожидалось бы, если бы эти слова представляли собою старые основы на *-jā,* но на корень слова, то иногда высказывалось предположение, что такие формы — собственно старые основы на *-jē*, соответствующие балтийским основам типа лит. *žẽmė* «земля»; см., наприм., Hujer Slovanská deklinace jmenná 5. Теперь же в вышеупомянутой книге Зоммера выводится заключение, что в индоевропейском праязыке не было никаких основ на *-jē* и что балтийские основы на *-(j)ē* в прабалтийскую эпоху фонетически получились из старых основ на *-jā*. И земляк автора проф. E. Hermann уже поспешил дать о новой книге следующий похвальный отзыв (Liter. Zentralblatt за 1916 г., стр. 84): «Die Ausführungen des bekannten Sprachforschers treffen im grossen und ganzen sicherlich das Richtige und beseitigen ein altes schwieriges Problem; auch viele Einzelheiten sind scharfsinnig beobachtet, so dass das Buch einen grossen Gewinn für die Erforschung der baltischen Sprachen bedeutet». Посмотрим, однако, насколько все это правильно. 292

Индоевропейскому праязыку приписывались именные основы на *-jē* на основании балтийских имен типа лит. *žẽmė* и латинских слов «пятого» склонения вроде *faciēs* «наружный вид» или *fidēs* «доверие»; о том, что также в балтийских языках при основах на *-jē* могли существовать также основы на *-ē* (без предшествующего *-j*), см. РФВ LXX 109 сл.[2] Зоммер же, оспаривая историческую связь указанных латин-

[1] Во избежание типографских затруднений неслоговое *i* в этой статье обозначается буквой *j*. [Pirmpublicējumā *-jo* vietā vairākkārt iespiests *jo*. — Red.]

[2] [Šai izdevumā II 484 sk. — Red.]

ских и балтийских основ, l. c. 13 ссылается, во-первых, на
293 полное отсутствие // таких латинских слов на *-ēs,* которые бы точно соответствовали балтийским основам на *-(j)ē.* Но, с одной стороны, это, кажется, не совсем верно, так как старолат. *facēs* «факел» (см. Walde Lat. etym. Wrtb.[2] под *faciēs*), вероятно, — за исключением окончания *-s* — точно соответствует лит. *žvākė* «свеча»; а с другой стороны, вообще ведь число латинских слов, точно соответствующих какому-нибудь балтийскому слову, невелико: так, наприм., из латинских основ на *-u,* кажется, только *pecu* «скот» находит себе полное соответствие в балтийских языках (пр. *pecku* и лит. *pēku-s* «скот»), но и этот пример сомнителен, так как это балтийское слово из-за своего *-k-* — вероятно, заимствование из германских языков. Затем Зоммер l. c. указывает на то, что по своему значению эти латинские и балтийские основы сходятся между собою только в словах, обозначающих отвлеченные понятия (наприм., лат. *rabiēs*[3] «бешенство», лит. *méilė* «любовь» и др.), тогда как известное в балтийском употребление данного суффикса для образования слов женского рода (наприм., лит. *vìlkė* «волчица» : *vìlkas* «волк») совершенно чуждо латинскому языку. Но это частичное различие в значении нисколько не удивительно, так как после распадения индоевропейского праязыка италийские племена, по-видимому, уже не соприкасались с балтийцами; ведь некоторые крупные различия в употреблении суффиксов находим даже между близко родственными друг с другом литовским и латышским языками, см. Leskien Die Bildung der Nomina im Litauischen стр. 150 (о суффиксе *-jo-*), стр. 258 слл. (о суффиксе *-ĭno-*) и стр. 262 слл. (о суффиксах с *-ie* перед *n*). — Наконец, Зоммер l. c. считает возможным возводить также латинские имена на *-iēs* к старым основам на *-iā* (sic!), ссылаясь при этом на второе издание своего Handb. d. lat. Laut- u. Formenl., стр. 394 сл. Вопрос о происхождении латинских слов на *-iēs,* однако, можем оставить в стороне. Даже если бы взгляд Зоммера на латинские слова типа *rabiēs* оказался правильным, то все равно приходится возводить балтийские основы на *-(j)ē* к индоевропейскому праязыку, пока не доказано, что они возникли лишь только на балтийской почве. Итак, действительно ли это доказано Зоммером?

По его мнению l. c. 368 слл., в прабалтийском старое *-jā* после согласных — за исключением корневых *l, r, n* —

---

[3] [Pirmpublicējumā: *rabiēs.* — Red.]

изменилось на *iā*, после чего такое *iā*, если его *ā* произносилось с акутом, в самом конце слова и перед *-s* подверглось слиянию в циркумфлектированное *ē*, а затем не подвергшееся слиянию *iā*[4] снова изменилось в *jā*; первоначальное же чередование *ē* и *jā* в конце // одних и тех же основ впоследствии 294
было устранено обобщением или гласного *ē*, или же *jā*. Тут прежде всего трудно верится в слияние *iā* в *ē* вообще и в особенности, если такое слияние обусловлено интонацией и фонетическим положением гласного *ā*; в каком же языке еще находим тому подобное слияние *iā* в *ē* (вместо естественного изменения *iā* в *jā* или *ijā*)? Характерно для Зоммера, что он совершенно умалчивает об этом фонетическом затруднении. Но, может быть, данные балтийских языков оправдывают только что изложенную гипотезу Зоммера?

Одним из наиболее сильных аргументов в пользу возникновения *-ē* из *-iā* он сам на стр. 11 считает лит. *svočià* — форму женского рода к *svõtas*, — тогда как, наприм., при лит. *beñdras* «товарищ» имеется форма женского рода на *-ė (bendrė)*: невероятно-де, чтобы форма женского рода к *svõtas* была образована посредством другого суффикса, чем подобные же по значению формы к *beñdras, vil̃kas* и др. В действительности же этот аргумент лишен всякой доказательной силы: как лит. *svõtas* восходит к слав. *сватъ*, так и соответствующая ему форма женского рода *svočià*[5] представляет собою заимствование из славянских языков, ср. белорусск. *свацця*.

Далее Зоммер приводит в пользу своего взгляда некоторые особенности склонения литовских прилагательных типа *dìdė* «большая», полагая, что, наприм., в соотношении nom. s. *dìdė* : gen. s. *didžiõs* сохранилось старое чередование *-ē* (из *-iā*) и *-iā*.

Но при объяснении парадигмы *dìdė* можно обойтись без теории Зоммера. Формы женского рода согласованы с соответствующими формами мужского рода: так как литовским формам муж. рода nom. s. на *-is* (наприм., *sẽnis* «старик») вообще соответствуют формы женск. рода на *-ė* (наприм., *sẽnė* «старуха»), то совершенно понятно, что при *dìdis* «большой» находим *dìdė* (а не *didžià*) «большая», а при gen. s. *dìdžio* «большого» — форму женск. рода *didžiõs* (вместо *dìdės*), как, наприм., gen. s. *tuščiõs* (к *tuščià*

[4] [Pirmpublicējumā: *jā*. — Red.]

[5] О значении этого слова см. Ožkabalių dainos II, стр. 22 сл.

«пустая») при *tùščio* (к *tùščias*). Подобно этому имеем также acc. s. *dìdę* «большую» (вместо ожидаемого согласно теории Зоммера *dìdžią*) при форме муж. рода *dìdį* (как, наприм., *sẽnę* «старуху» при *sẽnį* «старика»). И так же в acc. pl. при форме муж. рода *didžiùs* находим форму женск. рода *didžiàs*. Если же Зоммер l. c. 289 заявляет, что последнюю форму он
295 встретил только в учеб-//нике Voelkel'я, то дело в том, что он недостаточно знаком с литовскими текстами[6], даже с такими, которые изданы в самой Германии. Форму acc. pl. *didžiàs* можно найти также у Ширвида (наприм., LLD IV $13_{,4}$) и Виллента (наприм., там же III $13_{,28}$), в изданных А. Юшкевичем «Lietuviškos dainos» (наприм., стр. 224) и, наверно, еще в других местах. А с другой стороны, сколько же примеров дает Зоммер для побочной формы *didès?* Не больше одиннадцати или двенадцати примеров (на стр. 288 сл. и 292 сл.)! Да и эти примеры, взятые из трудов Даукши, постиллы 1600 г., катехизиса 1598 г., Litauische Märchen Юркшата, текста на ширвинтском говоре в хрестоматии Шлейхера, Psalmai Dovido 1910 г., Naujas Testamentas 1909 г. и немецко-литовского словаря Куршата, ничего не доказывают в данном вопросе. У Даукши, как заметил сам Зоммер, мы находим *ė* или его изменения вообще во всех тех падежах прилагательного *dìdė,* в которых другие говоры знают рефлекс *-jā-* после второго *d*, то есть находим тут полное обобщение гласного *ė* в *dìdė*. И также в постилле 1600 г., катехизисе 1598 г., в Psalmai Dovido 1910 г. и в Naujas Testam. 1909 г., как указано самим Зоммером, рядом с acc. pl. *didès* встречаем также другие формы с *ė,* наприм. gen. s. *didės*. А в литовских сказках Юркшата, из которых Зоммер рассмотрел лишь те немногие (!), которые помещены в Литовской хрестоматии Вольтера, я, перелистывая все издание Юркшата, рядом с встречающимся всего один раз acc. pl. *didès* не находил ни одной падежной формы этого (неопределенного) прилагательного с рефлексом *-jā-* во втором слоге, так что ничто нам не мешает предположить обобщение *-ė-* также в говоре Юркшата. То же самое следует сказать о вышеупомянутом ширвинтском тексте. Что же касается Куршата, то у него рядом, наприм., с gen. s. *didžiõs* встречаем не только acc. pl. *didès,* но — вопреки ожиданию Зоммера — также instr. s. *didè* (в его грамматике § 777) и кроме того instr. pl. masc. gen. *dideĩs* (в грамматике § 757). Так как это *dideĩs* может

[6] Также, конечно, и с научной литературой о балтийских языках.

быть только северо-западнолитовским (или нижнелитовским) соответствием верхнелитовскому *didžiaĩs,* то естественнее всего считать также instr. s. *didè* и acc. pl. *didès* у Куршата (при gen. s. *didžiõs*!) северо-западнолитовскими соответствиями верхнелитовским *didžià* и *didžiàs*; ведь в северо-западнолитовском наречии на месте прабалтийских сочетаний *-dja-* (и // сократившегося *-djā-*) и *-djai-* находим именно *-de-* 296
и *-dei-* (или *-dē-*). Во всяком случае, так как у Куршата находим и instr. s. в виде *didè,* то и его acc. pl. *didès* нисколько не говорит в пользу гипотезы Зоммера. Определенная же форма nom. s. *didžióji* (на которую тоже ссылается Зоммер) при неопределенном *dìdė* столь же мало доказывает возникновение *-ė* из *-jā,* как, наприм., определенная форма *saldžióji* «сладкая» (при неопределенном *saldì*) — возникновение на балтийской почве *-i* в *saldì* из такого же *-jā*. — Да и вообще было бы несколько странно, если бы предполагаемое Зоммером чередование *-ē-* и *-jā-* сохранилось именно в склонении прилагательных, а не существительных. Ведь как раз имя прилагательное, часто являясь определением существительного и таким образом занимая менее самостоятельное положение в предложении, в связи именно с этим обстоятельством легче существительного утрачивает старые формы склонения. И вследствие этого склонение прилагательных в индоевропейских языках теперь уже представляет большее однообразие[7], чем склонение существительных. Так, наприм., в латышском языке более не находим прилагательных типа лит. *dìdė* (вместо **dide* там находим теперь *diža*)[8], между тем как существительные там сохранили основы на *-(j)ē*. И если в литовском до сих пор сохранились типы склонения *martì* «невеста» : gen. s. *marčiõs* и *mótė* «жена» : gen. s. *moter(e)s,* то ожидалось бы также сохранение предполагаемого Зоммером склонения *žẽmė* : gen. s. **žemios* и т. д. Ссылается он на стр. 10, 84 и 97, правда, также на заявление Куршата в его литовско-немецком словаре под *avẽčios* «Himbeeren»: «die einzelne Himbeere heißt *avẽtė, -ės*», усматривая тут еще старое чередование nom. s. на *-ė* с nom. pl. на *-ios*. Но в немецко-литовском словаре Куршата говорится, что *aviẽčios* — имя собирательное, обозначающее

[7] Относительно латинского языка это признает и сам Зоммер в Handb. der lat. Laut- u. Formenl.[2], стр. 339.

[8] Старый instr. pl. fem. gen. таких прилагательных, вероятно, сохранился в виде наречий вроде диал. *garẽm* «мимо» (рядом с *gaŗām* к прилагат. *gaŗš* «длинный).

подобно р. *малина* и само растение Rubus idaeus, и его ягоды, тогда как отдельная малининка называется *aviẽčių úoga, aviečià* и также (sic!) *aviẽtė*. И словари Юшкевича и Межениса дают только форму *avietė* «малина» (у Юшк. также nom. pl. *avietės*); acc. pl. *avietes* «малину» (= ягоды) читаем Ožkabalių dainos II, стр. 28, acc. s. *avietę* (в значении «малиновый куст») — в Lietuviškos dainos А. Юшкевича //
297 № 48 и gen. s. *avietės* (в том же значении) — ibid. № 320. Из всего этого можно вывести только то заключение, что в литовском употребляются рядом две синонимные основы *avietė — aviečio-*, подобно тому как и в латышском находим рядом nom. pl. **avietes*[9] (отсюда *aviêtenes* RKr. XV 71 или *aviẽtenes* Сборн. LXVII 3, 12 под влиянием *zemenes* «земляника», *meĩllenes* «черника», *brùklenes* «брусника» и др.) и *aviešas* (у Зоммера, стр. 108), ср. также лит. *kaltẽ* рядом с синонимным *kalčià* «вина» и др. Тому подобные дублеты Зоммер на стр. 83 сл. считает новым аргументом в пользу того, что когда-то в одной и той же парадигме *-ē* чередовалось с *-jā*. Но, соглашаясь тут с Зоммером, с таким же правом можно было бы утверждать, что когда-то в одной и той же парадигме *-ē* чередовалось также с *-ā*: ведь в балтийских языках весьма часто рядом с именными основами на *-ā* находим синонимные основы на *-(j)ē*, ср., наприм., лит. *láima*, ла. *laĩma* при лит. *láimė*, ла. *laĩme* «счастье» (несколько других примеров у Бецценбергера BGLS 96 слл., Буги Aistiški studijai 60 сл., в латышском RKr. XVII 139 и у Мюленбаха в нашей Latweeschu gramatika, стр. 96 сл.).

Наконец, Зоммер ссылается на распределение *-ē* и *-jā* после отдельных звуков. Верно то (стр. 20 слл.), что после гласных и двугласных в балтийских именных основах первоначально находим только *-jā*, а не *-jē*[10], но из этого не следует, что *-ē* после согласных в этих основах возникло из *-jā*. Ведь также в литовско-латышских основах прошедшего времени

---

[9] Вместо **avietes* диалектически также **avieses* (откуда *aviesenes* в Вольмаре) на основании *aviešu* (= лит. *aviečių*) *uoga*: полагали, что *-š-* в *aviešu* получилось из *-sj-*; ср. ла. nom. s. *kviesis* вм. **kvietis* (лит. *kvietys*) на основании nom. pl. *kvieši* (= лит. *kviečiaĩ*) «пшеница».

[10] Приведенное Зоммером 33 и 42 ла. *mãsije* «сестрица» не из **mãsija* (как полагает Зоммер), но представляет собою — в качестве звят. падежа — диалектическую форму voc. s. *mãsi*[*n*] к nom. s. *mãsiņa* «сестрица» + обычный в народных песнях приставочный гласный *-e*.

после *j* встречаем только *-ā-*, а не *-ē-* (см. KZ XLIII 31[11]), из чего, однако, не следует, чтобы в других основах прош. времени *-ē-* возникло из *-ā-*. Утверждение же Зоммера (стр. 42 слл.), будто также после сочетаний кратких гласных с *l*, *r* или *n* в двусложных именных основах в виде правила следует только *-jā*, а не *-ē*, не соответствует действительности. Несколько противоречащих его правилу примеров приводит // уже сам Зоммер на стр. 59 слл.: лит. *karė* «война», *gilė* или 298
gilẽ «желудь», *š(i)ùrės* «хвощ», *bùrė* «овца» (по Юшкевичу), «цветочная сережка на березе» (по Куршату; ср. р. *вербовые барашки*), *bùrė* «парус», *velẽ* «душа умершего», *kãlė* «сука», *pelẽ* и ла. *pele* «мышь» (ср. также пр. *pele-maygis* «Falco tinnunculus», *pele* «Falco milvus» и *peles* «локотная мышца»), *sìlė* и ла. *sile* «корыто», *arẽ* «запашка»[12], ла. *are* «пашня», *beres* «Kornabgabe», *bires* или *pires* «овечий кал», *dures* «колотье в боку», *kure* «топка», *penes* «ледяные сосульки», *pile* «капля», *plene* «колтун», *vare* «сила». И к ним могу прибавить еще следующие формы: лит. *šùlė* «бочка» (у Буги Aist. St. I 29), ла. *bene* «шапка для мальчиков» Etn. II 81 (также RKr. XV 107), *kale* «сумка» ibid. IV 50 и RKr. XV 117, *ceres* «благоговение» RKr. XVI 19 (тут приводится и фраза с instr. pl. *cerẽm*), *grene* «коровий помет» ibid. XV 114, *pane* «навозная жижа» ibid. XV 129 и XVII 71 (в родстве с пр. *pannean* «Moosbruch» и др., см. Būga RSl. VI 37 и Trautmann Apr. Spr. 389 под *pannean*), *pere* «наседка» ibid. XV 130, *sane* (особая порода мух) ibid. XV 134, *tele* «телка», *ule* «ступица в колесе» ibid. XVII 37. Приводя вышеупомянутые примеры, Зоммер, правда, пытается обесценить их значение. Вместо лит. *karė*, на которое указывают приведенные у него на стр. 59 и у Лескина Nom. 121 падежные формы и которое точно соответствовало бы восточнолатышскому *kare* «война» (в Каунате), он признает только *karià*, в пользу которого он, однако, может привести (из вышеупомянутого труда Лескина) только acc. pl. *karias* (встреченное Лескином в текстах всего один раз), а ведь написание *karias* можно читать и как *karès*, т. е. acc. pl. к *karė*. — В пользу формы **gilià* «желудь» Зоммер приводит только написание *gìlia* (рядом с *gìlė*) и instr. pl. *gìliomis* в нем.-лит. словаре Куршата, но в старой основе на *-jā* ударение в nom. s. падало бы на второй слог (**gilià*), так что написание *gìlia* представляет собою в действительности

[11] [Sai izdevumā II 120 sk. — Red.]
[12] [«arimo metas, orė» Lkž. I² 296. — Red.]

форму *gìle* < *gilė*. И в — вышедшем позже — лит.-нем. словаре Куршат дает уже форму *gìlė*, и также во втором выпуске словаря Юшкевича, вышедшем под редакцией И. Яблонского, отличного знатока своего родного языка, на стр. 704 читаем только *gìlė* или *gilẽ*, но не **gilià*. Конечно, не исключена возможность объяснять с Зоммером (стр. 60) это *gilė* так или иначе как новообразование (то же можно сказать
299 и об instr. pl. *gìliomis*!); но для того, чтобы // считать новообразованием именно *gilė* (засвидетельствованное несравненно лучше, чем *gilia*), а не *gilia*, прежде всего надо было доказать, что фонетически возможна только форма *gilia*, между тем как в теперешнем виде аргументация Зоммера — простой circulus vitiosus. — Неубедительно и то, что говорится на стр. 63 о мнимом заимствовании (из нем. языка) лит. *š(i)ùrės*, ср. лит. *šurti* «становиться шероховатым» (у Микуцкого в старых Изв. III 367) и *šiurgždùs* «шероховатый»; нем. же *Scheuer-*, к которому Зоммер возводит лит. *š(i)ùrės*, отражается в литовском в виде *šiūr-* (с *ū*!), ср. *šiūrúoti* «scheuern». — За лит. *bùrė* «цветочная сережка» Зоммер (на стр. 63) не признает никакой доказательной силы на том основании, что оно ему известно только из словаря Куршата; но оно, по-видимому тожественно с *bùrė* «овца» (у Юшкевича). О последнем Зоммер говорит на стр. 377, что оно «erst aus dem Lockruf *bùr-bùr* gebildet»; допустим, что это так, но почему же все-таки *bùrė*, а не **burià*? — Лит. *bùrė* «парус» (у Юшкевича 252 и 709 под *gõtas;* в латышском также *buŗas* RKr. XVI 204[2]) Зоммер на стр. 181 и 377 считает заимствованием из финских языков, ср. эст. *pur'je*, тогда как Thomsen Beröringer 163 скорее склонен считать финское слово заимствованным из балтийских языков. Указание на то, что данное слово в финских языках теперь употребительнее, чем в балтийском, существенного значения, разумеется, не имеет; а других аргументов в пользу своего мнения Зоммер не приводит. Весьма странно при этом его утверждение, будто в индоевропейских языках нет родственных с лит. *bùrė* (и ла. *buŗas* или *burves*) слов. Но что же он может возразить на замалчиваемое им сопоставление этого балтийского слова с гр. φᾶρος или φάρος (вероятно, из φάρϝος) «парус», которое находим у Бецценбергера BB I 244[1], Prellwitz'a Etym. Wrtb.[2] 482 сл., Lidén'a Stud. 10[3] и 24, Brugmann'a KVG 134 и Буги Aist. St. I 168? — Лит. *velẽ* Зоммер на стр. 64 и 378 склонен считать неправильным написанием вместо *vėlẽ*, но см. теперь Leskien IF XXXIV 333 сл. и Būga RSl. VI 23 сл. Скорее можно

бы считать лит. *vẽlės* за возникшую рядом с *veliaĩ* (= ла. *veļi*) форму женского рода, — как и ла. *tele* «телка» при *teļš* «теленок», — если бы зоммеровский «закон» можно было признать уже доказанным. Только при этом условии можно бы согласиться также с тем, что говорит Зоммер на стр. 65 о лит. *kãlė*, // на стр. 63 и 65 о лит. *sìlė* и ла. *sile*, и, пожалуй, также 300
с тем, что сказано на стр. 66 о ла. *pile* и на стр. 71 об общебалт. **pelē* «мышь». О последнем Зоммер утверждает, будто это — возникшее, по-видимому, еще в прабалтийскую эпоху — существительное женского рода относится так же к прабалт. **peljas* «серый» (= гр. πελιός «темно-синий»), как, наприм., лит. *sẽnė* «старуха» к *sẽnas* «старый». Не скажу, чтобы такое объяснение было совершенно невозможно; но сомнительным оно мне кажется ввиду лит. *pelėkas* и ла. *pęlęks* «серый»: это прилагательное — с его непродуктивным в балтийских языках суффиксом — скорее предполагает существование еще до прабалтийской эпохи основы **pel(j)ē*, между тем как согласно Зоммеру форма **pelē* «мышь» могла возникнуть (вместо **peljā*) лишь после того, как уже существовали новообразования вроде **senē* «старуха» (вместо предполагаемого Зоммером **senjā*). На значительную древность основы **pel(j)ē* указывают также ее значения в прусском языке и бесследное исчезновение старой основы *mūs-* «мышь» в балтийских языках. — Лит. *arẽ* Зоммер на стр. 377 считает видоизменением более древнего *õrė* под влиянием глагола *árti* «пахать»; но лит. *arẽ* вполне совпадает с ла. *are*, рядом с которым никакого **āre* (= лит. *õrė*) не знаем[13]. О ла. *are, beres, bires, pires, dures, kure, penes* и *plene* Зоммер на стр. 67 сл. заявляет (ссылаясь при этом на Биленштейна и Лескина), что он их знает только из словарей и только в форме именит. падежа, так что их окончание *-e(s)*, может быть, в действительности представляет собою исход *-a(s)*. Тут имеется в виду сказанное Биленштейном Die lettische Sprache II 42: «in der schnellen Sprache des täglichen Lebens das Schluß-*a* abgeschwächt als *e* dem Ohre erscheint». Это замечание было бы правильно, если бы перед O h r e было вставлено слово deutschen. Дело в том, что в латышском конечные гласные — особенно после глухих согласных —

[13] [ME I 239 sk.: *âre* s. v. *âra* 1) «das Freie, das freie Feld, Ackerfeld»; 2) «das Aussen, das Äussere, die Aussenseite als das Freie, dem Auge Sichtbare»; 4) «ein das Aussen bildendes Gebiet, das ausserhalb der Grenze des Redenden Gelegene». Wohl zu *art* «pflügen», lit. *õrė* «Pflügen», EH I 194: *âre* 1) «urbares, waldloses Land». — Red.]

произносятся вполголоса или даже совсем без голоса, но только немцам, привыкшим к конечному *-e* своего родного языка, а не самим латышам может казаться, будто этимологическое *-a(s)* теперь произносится как *-e(s)*. Итак, в текстах, записанных самими латышами, не смешиваются[14] формы имен. п. на *-a(s)* и *-e(s);* и вышеупомянутые формы *bene, kale, grene, pane, pere, sane* и *ule* записаны именно латышами.
301 А что // до *are,* то в словаре Ульмана под *ara, are* приводится и instr. pl. *arēm,* так что нельзя сомневаться в существовании формы *are.* То же относится к *kure* (ср. loc. s. *pus-kurē* у Ульмана под *kure*) и *plene* (это слово приводится RKr. XV 131 из Мариенбурга в значении: «пасмо, моток»). Слова же *beres, bires, pires, dures* и *penes* я, правда, сейчас могу привести только из словарей (и только в форме имен. п.), но не вижу никакого основания сомневаться в их существовании. А форму *vare* читаем не только в словаре Ульмана под *vara* (где приводится и instr. pl. *varēm*), но также RKr. XVII 139.

Итак, целый ряд форм на *-e* противоречит гипотезе Зоммера. Есть, правда, среди них и этимологически неясные слова вроде ла. *bene* или *grene*; но ведь и Зоммер в числе основ на *-jā* приводит слова вроде ла. *kraņa* «старая кляча» на стр. 47 или *skriņa* «лужа» на стр. 49, происхождение которых тоже не выяснено. Затем есть еще формы типа лит. *sėnė* «старуха»; их свидетельство Зоммер на стр. 60 устраняет заявлением, что это — новообразования, возникшие под влиянием форм типа лит. *ãklė* «слепень» (к *ãklas* «слепой»). Допустим, что это так; но, с другой стороны, можно ведь также заподозрить доказательную силу приведенных Зоммером на стр. 42 слл. в числе основ на *-jā* отглагольных существительных типа лит. *žinià,* ла. *ziņa* «(с)ведение, весть» и ла. *tiņa* «ein Mensch, der überall anzutreffen ist» предположением, что это — новообразования, возникшие под влиянием форм типа лит. *mynià* «память» или ла. *sêža* «сидение» и лит. *ėdžia* «тунеядец» или ла. *glemža* «болтун»[15], если допустить, что именно последние формы закономерны. Сам Зоммер — совершенно произвольно — полагает (см., наприм., стр. 109 под *kreša* и стр. 185 под *mynià*), наоборот, что, наприм., лит.

---

[14] Ошибочно поэтому мнение Зоммера на стр. 125, будто ла. суффикс *-uža* (известный мне из лифляндских говоров) в действительности произносится как *-užə* (sic!) и в таком виде восходит к лит. *-užė.*

[15] Суффикс *-jā* для образования тому подобных отглагольных существительных еще продуктивен в литовско-латышском, см. Leskien Nom. 161 слл.

mynià возникло (вместо **mynė*) под влиянием формы **minià* (= ла. *miņa* «воспоминание»). Итак, если подобно словам типа лит. *sẽnė* оставить в стороне также продуктивный — и поэтому в данном вопросе не доказательный — класс слов типа лит. *žinià*, ла. *ziņa* и ла. *tiņa*, то из приведенных Зоммером на стр. 42 слл. примеров остаются лишь следующие слова: лит. *dalià*, ла. *daļa* «доля», лит. *valià*, ла. *vaļa* «воля», лит. *mãrios* (при *mãrės*!) «залив», *girià*, ла. *dziņa* // Mag. VIII 302
№ 196 «лес», ла. *gaļa* «мясо», *kaļa* «рычаг», *kraņa* «старая кляча», *paņas* «сыворотка от масла», *kuņa* «сука», *uļa* (при *ule*) «ступица в колесе», *skriņa* «лужа»; значит, число доказательных примеров типа лит. *girià* даже не больше числа слов типа лит. *gilė*.

Относительно — немногочисленных — форм типа лит. *žẽmė*, ла. *zeme*, пр. *semmē* «земля», т. е. таких форм, где старому *-jā* предшествовало сочетание краткого корневого гласного с *-m-*, Зоммер на стр. 71 сл. и 78 слл. полагает, что после *-m-* старое *-jā* в конце концов чисто фонетически изменилось в *-ē*. Исключением из этого правила было бы только ла. *skumjas* «печаль»; да и после остальных губных (*v, b, p*) мы находим — по крайней мере, в литовско-латышском — только *-ē*, а не *-jā*. Но (и это относится также ко всем остальным основам на *-ē*) Зоммер предполагает ведь фонетический переход *-jā* в *-ē* только в nom. s. и acc. pl.; и если тем не менее в словах, употребляемых только или почти только в единств. числе (наприм., ла. *nâve* «смерть», *dzîve* «жизнь», лит. *senãtvė* «глубокая старость», *sunkỹbė* «тяжесть» и др.), *ē* из одного лишь nom. s. могло впоследствии быть обобщено во всех падежах (ед. ч.) этих слов, то тем более ожидалось бы обобщение *-jā* в pluralia tantum, где, по мнению Зоммера, только в acc. pl. *-jā* перешло в *-ē*. Итак, как же в таком случае Зоммер нам объяснит возникновение употребительных только во множ. ч. форм вроде лит. *glẽmės* «слизь», ла. *slâpes* «жажда», *krẽpes* «грива» и др.? Ведь если в singularia tantum один лишь nom. s. смог получить перевес над всеми остальными падежами (см. стр. 87 у Зоммера), то отчего же в pluralia tantum *-jā*, бывшее не только в nom., но также в dat., instr. и loc., вытеснено через *-ē-*, возникшее фонетически только в acc.?[16] Ответа на этот вопрос у Зоммера не находим, и поэтому слова вроде лит. *glẽmės* или ла. *slâpes* можем считать новым аргументом против его гипотезы.

[16] Что вообще *-jā-* сохранялось также после губных, показывают глаголы вроде лит. *láipioti* «лазить», *at-káipioti* «получить обратно» и др.

Что же касается всех остальных сюда относящихся основ, где, по мнению Зоммера, первоначально в одной и той же парадигме чередовались *-ē* и *-jā*, то Зоммер на стр. 87 и 369 слл. полагает, что по большей части было обобщено *-ē*, а *-jā* (да и то лишь частично!) — только в тех словах, где видоизменение сочетания согласного с *į* (перед *ā*) фонети-
303 чески сильно отлича-//лось от соответствующего согласного перед *ē* (из *iā*). Также это положение и само по себе неприемлемо. Тут прежде всего возникает вопрос о времени предполагаемых Зоммером обобщений. С одной стороны, он, как выше указано, находит старое чередование *-ē* и *-jā* еще в лит. nom. s. *aviẽtė* : nom. pl. *aviẽčios* и nom. s. *dìdė* : gen. s. *didžiõs;* на стр. 89 сл. он говорит, что в процессе устранения этого старого чередования отражаются фонетические различия между отдельными балтийскими языками. Если это так, то обобщение *-ē* или *-jā* относится к эпохе после распадения литовско-латышского праязыка. А с другой стороны, целый ряд совпадающих форм вроде лит. *bìtė,* ла. *bite,* пр. *bitte* «пчела», лит. *rýkštė,* ла. *ri(k)ste,* пр. *riste* «розга», лит. *sáulė,* ла. *saule,* пр. *saule* «солнце» и др. как бы указывает на обобщение *-ē* (или *-jā*) еще в прабалтийскую эпоху, так как трудно считать такие совпадения простой случайностью, и это признает и сам Зоммер на стр. 89 сл. Из возникающей таким образом хронологической дилеммы Зоммер пытается выйти предположением, что в одних словах обобщение произошло еще в прабалтийскую эпоху, в других же — только после распадения литовско-латышского праязыка. Но почему, наприм., в слове **bitē* обобщение произошло еще в прабалтийском, тогда как в парадигме лит. *aviẽtė,* по мнению Зоммера, до сих пор сохранилось старое чередование *-ē* и *-jā,* этого он нам не объясняет да и не смог бы объяснить. И этим наши возражения не могут ограничиться. На стр. 88 и 370 Зоммер полагает, что в случаях чередования *-ē* и *-jā* в положении после *l, r, n* обыкновенно потом обобщалось *-ē*, так как-де в таких случаях во всех падежах перед конечным гласным основы произносился один и тот же (смягченный) согласный. Но, во-первых, есть исключения, большую часть[17] которых сам Зоммер приводит на стр. 182 слл. и 208 слл., так или иначе умаляя их значение, но далеко не везде удачно[18]. Верно то,

[17] Можно к ним прибавить, наприм., ла. *mikņa* «мягкая погода» RKr. XVI 35, *mẽļas* «дурная молва» XV 126.

[18] Крайне сомнительно, например, предположение на стр. 189, будто ла. *blèņas* «вздор», *dùņas* «грязь», *pèļņa* «заработок» и др. восходят

что, наприм., // трехсложные основы на *-ē* гораздо чаще в балтийских языках, чем трехсложные основы на *-jā*, но и из этого не следует, чтобы *-ē* тут получилось из *-jā*: с одной стороны, Зоммером не доказано полное тожество значений этих двух суффиксов, а с другой стороны, можно напомнить, что в литовском находим, например, трехсложные основы на *-ju* при полном отсутствии трехсложных основ на *-u* (следует ли из этого, что *-ju* тут возникло из *-u*?). А затем совершенно неосновательно предположение (на стр. 88), будто еще в прабалтийскую эпоху *l* (и *n, r*) перед *e* и *i* смягчалось. И характерно для Зоммера, что он, ничем не доказывая этого предположения, преподносит его читателям в виде общепризнанной истины. В действительности же и теперь еще в латышском перед *e* и *i* произносятся несмягченные *l, r, n*, за исключением инфлянтских говоров, где заметно сильное влияние русского и польского языков; и нет также смягчения *l, r, n* перед *e* и *i* в наиболее свободных от славянского влияния северо-западных говорах литовского языка, см. Schleicher Gramm. 19, Jaunys Gramm. 24 и Kurschat Gr. § 88. И на то, что там старое смягчение утрачено, нет ровно никаких указаний. Столь же произвольно предположение на стр. 90, будто уже в прабалтийскую эпоху die Differenz zwischen «hartem» und «weichem» *t, d* usw. была больше, als bei *l, n* usw., так как об этом ничего не знаем. На пр. *eristian* «ягненок», *median* «лес» и др. тут, конечно, не настаиваю: не исключена ведь возможность, что в прусском, как в жемайтском, при начальном *č-, dž-* (из *tj-, dj-*) внутри слова имелось *-tj-, -dj-* (может быть, со смягченными *t, d*); в пользу этого говорило бы пр. *š-* (из *sj-*) при *-sj-* внутри слова, см. мои Слблт. эт., стр. 65 слл.[19] — Литовским смягченным *s, š, ž*, как известно, в латышском соответствуют *š* (из *sj*) и *ž* (из *zj*), так что сочетания свистящих (и шипящих) с *j* в латышском изменились сильнее, чем в литовском. На этом основании Зоммер на стр. 121 полагает, что в латышском рядом с существительными на *-se, -ze* можно ожидать также существительных на

к старым основам на *-ni*, или то (стр. 196), будто латышские существительные на *-uoņa* вроде *tirpuoņa* «оцепенение» по своему происхождению — прилагательные: в приведенном у Зоммера l. c. в виде доказательства сочетании *sutuoņa zeme* форма *sutuoņa* — не nom. s. прилагательного, но gen. s. существительного *sutuonis*, ср. однозначащее *sutuoņu* (gen. pl.) *zeme* в словаре Ульмана. Неубедительны также его рассуждения на стр. 210 сл. о латышских существительных на *-aļa* (вроде *ietaļa* «ятровь») и *-uļa*.

[19] [Sai izdevumā II 226 skk. — Red.]

-ša (из *-sjā*) и *-ža* (из *-zjā*), тогда как для литовского языка ожидались бы только или почти только формы на *-sė, -šė, -žė*. Но если из латышских примеров, приведенных Зоммером на стр. 122 слл., оставим в стороне[20] все отглагольные существи-
305 тельные продуктивного типа, представлен-//ного, наприм., формами *aiz-mārša* и *glemža*, то число латышских имен на *-ša, -ža* или вовсе не больше, или только немного больше, чем число литовских имен на *-sia, -šia, -žia*, причем находим даже совпадения вроде ла. *dvaša*, лит. *dvasià* «дыхание», ла. *muša*, лит. *musià* «муха» (у Буги РФВ LXXII 193 и Niemi ir Sabaliauskas Lietuvių dainos № 188), ла. *eža*, лит. *ežià* «межа» и лит. *kr(i)áušios*, пр. *crausios* «груши». Последнее слово Зоммер на стр. 138 — подобно Бернекеру — считает заимствованным, ссылаясь главным образом на колебание между *kr-* (в лит. *kriáušios*, болг. *круша* и др.) и *gr-* (в р. *груша* и др.). Это колебание само по себе, разумеется, нисколько не указывает на заимствование данного слова, так как в славянских и балтийских языках часто встречаем тому подобное колебание между звонкими и глухими взрывными, на что уже неоднократно указывалось в научной литературе, см., наприм., Bezzenberger BGLS 85 сл., Geitler Lit. St. 53, Буга РФВ LXX 249 и LXXI 52, Wiedemann Handb. 25 сл., Trautmann Apr. Spr.[21] и KZ XLIV 223, Brückner Litu-slav. Stud. I 54 сл. и 56 слл., AfslPh. XXIX 119, IF XXIII 217, KZ XLII 354, XLIII 320 слл. и XLV 39 слл., Oštir AfslPh. XXXVI 442, Rozwadowski Język polski i jego historya I 421. Но если и допустим, что данное слово заимствовано, то это заимствование — ввиду фонетического соответствия между балтийскими и славянскими формами — все равно относится еще к эпохе балтийско-славянской; и поэтому лит. *kr(i)áušios* во всяком случае противоречит предположениям Зоммера. — Что же касается лит. *ežià*, то его отчаянная попытка на стр. 156 так или иначе обесценить значение этой формы весьма трогательна, но отнюдь не убедительна. — А по поводу лит. *dvasià* и *musià* Зоммер на стр. 152 склонен думать, что когда-то раньше в литовском «сочетание *sj* было сильнее палатализовано», чем в настоящее время, ссылаясь при этом на прусский язык, где будто бы только сочетание *s* с *į* изменилось в шипящий *(š)*, и на то, что также в латышском *sj* перешло в *š*, и считая возможным ввиду пр. и ла. *š* из *sj*

[20] Так ведь и сам Зоммер на стр. 140 сл. устраняет литовские отглагольные существительные этого типа.

[21] [Pirmpublicējumā nav minēta lappuse. — Red.]

предположить тому подобное развитие сочетания *sj* уже для прабалтийской эпохи. Все это, конечно, совершенно невероятно: что соответствовало в прусском литовским смягченным *ž-*, *č-* и *dž-* в начале слова, этого мы за неимением примеров не знаем, а потому и не имеем права утверждать, будто в прусском только сочетание *s* с *į* изменилось в шипящий *(š)*; а замена звука вроде смягченного *š* через *sj* > *ś* была бы понятна — как происшедшая по аналогии — внутри, но не в // начале слова, а между тем в литовском находим *ś* из *sj* 306
также в начале слова (в *siúti* «шить» и др.); предполагать же для литовского языка чисто фонетическое изменение смягченного *š* в *ś* нет никакого основания (такое смягченное *š* ведь и теперь еще встречаем в словах вроде лит. *šiáurė* «север» и др.). Если же возводить теперешнее лит. *ś* (из *sj*) к прабалтийскому *śj*, то где же тут тот «Depalatalisationsprozess», который предполагается Зоммером? Неужели он читает, наприм., лит. *siúti* как *sjúti* (вместо *śúti*)? — Согласные *k, g* перед палатальными гласными и сочетание *kj, gj* одинаково изменились в литовском в *k', g'*, а в латышском — в *c, dz*, и поэтому Зоммер на стр. 128, 132 и 154 согласно своей основной гипотезе об обобщении *-ē* или *-jā* хотел бы признать только формы на лит. *-kė, -gė*, ла. *-ce, -dze*, а не формы на лит. *-kia, -gia*, ла. *-ca, -dza*. В действительности же нельзя отрицать, что существуют также формы на лит. *-kia, -gia*, ла. *-ca, -dza*. Сам Зоммер приводит на стр. 128 сл., 139, 144 слл. несколько примеров: ла. *prieca* «радость», ла. *męnca* «дорш»[22], *nīca* «Ort stromabwärts», лит. *prekià* «цена», *ātakios* «возмездие», *rikia* «порядок», *pirkià* «изба» (также в словаре Юшкевича 658 под *išvárstyti*). Доказательную силу этих примеров Зоммер безуспешно пытается умалить. Так, наприм., о ла. *prieca* он на стр. 132[1] говорит, что это слово скорее всего возникло на основе глагола *priecâties* «радоваться», произведенного от существительного *priêks* «радость» под влиянием противоположного по значению *bijâties* «бояться»; как будто боязнь (а не печаль) является контрастом к радости! Итак, остается только производить *priecâties* от *prieca*, а не наоборот. Затем к указанным примерам могу еще прибавить: лит. nom. pl. *menkios* (Klaipėdiškių dainos, стр. 30) = ла. (куронск.) *męncas* (наприм., BW 30775, 1), ла. *lęcas* «корь» RKr. XV 123 и *Ludza* (название города, см. Būga RSl. VI 36).

Остается упомянуть еще об одном аргументе Зоммера. На

[22] [= «треска». — Red.]

стр. 124 он полагает, что латышское наречие *pušām* «пополам» по происхождению — instr. pl. к *puse* «половина». Но рядом с *pušām* встречаем также *pušum* (наприм., BW 21901, 1 var.) в том же значении: и *pušām*, и *pušum* — видоизменения старого *pušu* (= лит. *pusiaũ*), возникшие вследствие колебания между окончаниями *-u*, *-um* и *-ām* в других наречиях, см. статью Мюленбаха Изв. IX 3, 260. //

307 Итак, прихожу к заключению, что гипотеза Зоммера о возникновении балтийского *-ē* из *-jā* и a priori невероятна, и не подтверждается данными балтийских языков.

В той же книге на стр. 224 слл. Зоммер рассуждает также о балтийских существительных типа лит. *brólis*, ла. *brãlis* «брат», лит. *drugỹs*, ла. *drudzis* «лихорадка», лит. *úosis*, ла. *uôsis*, пр. *woasis* «ясень» и др. По его мнению, прабалт. *-jas* в nom. s. и *-je* в voc. s. сохранялись после гласных и двугласных и также после таких *l*[23], *ŕ*, *ń*, которым непосредственно предшествует краткий корневой гласный, причем впоследствии *lj*, *rj*, *nj* (в nom. s.) изменились в *ļ*, *ŗ*, *ņ*, а во всех остальных случаях *-jas* и *-je* потом изменились в *-ias* и *-ie*, откуда затем путем слияния получились *-īs* и *-ī*, которые в неударяемом положении в литовском наречии Куршата сократились в *-is* и *-i*. Формы же acc. s. этих имен (наприм., лит. *brólį*, *drùgį*, ла. *brãli*, *drudzi*, пр. *geitin* «хлеб») Зоммер считает новообразованиями по аналогии с nom. s., полагая, что перед конечным носовым не было никакого слияния и что в прусском рядом с новообразованиями вроде *geitin* встречались еще и старые формы вроде *geitien* (по его мнению, из **geitjan*). Свой взгляд на эти балтийские имена я подробно излагаю в статье, посланной еще весной 1914 г. в редакцию KZ[24], и поэтому тут ограничусь некоторыми замечаниями, вызванными новой книгой Зоммера.

Что после гласных и двугласных первоначально имелось в nom. s. только *-jas* (а не *-is*), это совершенно верно, но из этого не следует, чтобы также *-is* (наприм., в лит. *drugỹs*) и *-is* (наприм., в лит. *brólis*) восходили — путем слияния — к *-jas*. Что же касается влияния согласных *l*, *r*, *n* на форму конца слова в nom. и voc. s., то и тут предположение Зоммера не может считаться доказанным. С одной стороны, число слов типа лит. *vãrias*, ла. *varš* «медь» (у Зоммера на стр. 236 слл.

[23] [Pirmpublicējumā: *l*. — Red.]

[24] [Vedas domāt, ka šis ir raksts «Zur baltischen Deklination der ablautenden *-(i)io*-Stämme», kas publicēts 1922. g. KZ L 1/2, 13—34. Šai izdevumā III sējumā. — Red.]

и 240 сл.) крайне незначительно, и «исключения» (на стр. 259 слл.) вроде лит. *narỹs, spenỹs* (= пр. *spenis*), по числу не уступающие «правильным» формам, только отчасти объяснены Зоммером более или менее удовлетворительно. А с другой стороны, сам Зоммер на стр. 243 слл. и 260 правильно замечает — это одно из немногих ценных замечаний в его объемистой[25] // книге, — что литовские существительные на *-jas* (и соответствующие им латышские формы) 308
почти все — старые формы среднего рода, в которых исход *-jan* в nom. s. был заменен через *-jas* лишь после возникновения форм nom. s. на *-is*. Сюда относится лит. *vãrias,* ла. *vaŗš* «медь» (ср. пр. *wargien*) и лит. *mẽdžias,* ла. *mežs* «лес» (ср. пр. *median*) и, может быть, также лит. *kãrias,* ла. *kaŗš* в значении «война» (как склонен думать и Зоммер на стр. 244), лит. *kẽlias,* ла. *ceļš* «путь» (так и Зоммер на стр. 243 и 244), лит. *tẽlias* (в словаре Ширвида под *ciele;* nom. pl. *teliai* также у Niemi ir Sabaliauskas Liet. dainos, № 255), ла. *teļš* «теленок» (так и Зоммер на стр. 244; ср. средний род пр. *werstian* «теленок» и слав. *telę*), ла. *kumeļš* «жеребенок» (нет основания думать с Зоммером на стр. 274, будто *kumeļš* — новообразование вместо **kumelis,* возникшее под влиянием *teļš*), лит. *ámžias* и ла. *mûžs* «век» (с возможностью среднего рода тут считается также Зоммер на стр. 276, но не останавливается на ней, полагая вслед за Trautmann'ом Apr. Spr. 299, что соответствующая лит. *ámžias* прусская форма acc. s. *amsin* «народ» — мужского рода, но без всякого основания: вместо **amsian* > **amsien* могла возникнуть форма *amsin* под влиянием колебания между *-ian* > *-ien* и *-in* в acc. s. муж. рода, как, наприм., в *gietien* при *geitin* «хлеб»; ведь так же и сам Trautmann l. c. 238 объясняет acc. s. *garrin*

[25] Большой объем книги обусловлен, между прочим, тем, что автор часто без всякой надобности указывает весьма много мест в текстах, где находится та или другая балтийская форма, так, например, ла. *kāja* «нога» на стр. 28 сл., *vaļa* на стр. 54, *zeme* на стр. 70 сл., *zâle* «трава» // на стр. 164, *ceļš* «путь» на стр. 241 и др. Ведь всякий мало-мальски 308
знакомый с балтийскими языками лингвист знает, что *kāja, vaļa, zeme* и т. д. — общеизвестные в латышском языке формы, для которых не нужно никаких цитат. В своем введении на стр. 3 Зоммер, правда, заявляет, что эта его книга назначена для «индогерманистов». Но мне кажется, что также для «индогерманистов» нет никакой пользы от излишнего накопления цитат и что также они должны бы наводить справки по балтийским языкам в трудах знатоков этих языков, а не у «индогерманиста», каким себя считает Зоммер, преподносящий им на стр. 269 слл. совершенно неправильные рассуждения о латышском конечном *-js* при *-jš* и о латышских формах dat. s. слов типа *brãlis* «брат».

«дерево» при старом *garian*). К старым формам среднего рода я склонен отнести также лит. *kẽlias* «колено» (у Зоммера на стр. 237), ср. средний род слав. *колѣно*. Так как в литовском по большей части *-jas* в nom. s. вытесняется исходом *-īs*, а не наоборот, то я думаю, что форма лит. *kẽlias* «колено» древнее, чем лит. *kelū̃s* и ла. *celis*. Лит. *kelū̃s* «колено» Зоммер на стр. 260 и 262 считает за nomen agentis к *kélti* «поднимать», но что же «поднимается» коленом?
309 Кроме того, этого балтийского слова нельзя // отделять от слав. *колѣно*, и подобно слав. *колѣно* это слово — у Ширвида (в форме gen. pl. *kelių*) LLD IV 7, 22 — значит также «род, племя» и по Куршату также — «Knoten eines Halmes». Если же теперь в литовском вместо *kẽlias* «колено» обычно находим *kelū̃s* и в латышском — только *celis*, то это может быть объяснено тем, что это слово только изредка употребляется в единственном числе, так что форма nom. s. не сохранялась в памяти, но образовывалась по аналогии на основании форм множ. или двойств. числа. Имена же на *-jas* употребляются или исключительно (так лит. *vãrias*), или по преимуществу (так лит. *ámžias, kãrias, kẽlias* «путь»), или весьма часто (так лит. *mẽdžias, tẽlias*, ла. *kumeļš*) в единственном числе, чем и объясняется сохранение ими исхода *-jas* в nom. s. Ведь, как правильно замечает Зоммер на стр. 276, когда-то в балтийском число основ на *-jo* среднего рода, вероятно, было больше, а те из них, которые употребляются или по преимуществу, или часто во множ. числе, потом уже приняли для nom. s. исход *-īs*. Сюда я отношу лит. *sãpnis* и ла. *sapnis* «сновидение», ср. скр. *svápnyam* и лат. *somnium*. Это слово употребляется часто в множ. числе (в латышских говорах имеется даже синонимное plurale tantum *sapinis*), но часто также в единств. числе, и поэтому возникновение форм лит. *sãpńis* и ла. *sapnis* обусловлено, вероятно, еще особой причиной. В латышском из **sapńas* должна была возникнуть форма **sapńis* (ср., наприм., *lępnis* «гордый» из **lepnas*), а замена последней формы через *sapnis* совершенно понятна. Что же касается соответствующей литовской формы, то и Зоммер на стр. 251 приводит два примера loc. s. *sãpnyje* (при одном примере acc. s. *sãpnį*), и я в своих записках нахожу два примера loc. s. (*sapnye* LLD III 132,16 и *sapnije* l. c. 133,4) при одном примере acc. s. (*sãpnį* Trakiečių dzūkų dainos № LIV); и Явнис, по-видимому, знал только loc. s. этого слова, ср. стр. 65 сл. в его грамматике. Это дает некоторое основание думать, что loc. s. *sãpnyje* древнее, чем acc. s.

sãpnį (или nom. s. *sãpnis*); а ведь в грамматике Куршата на стр. 145 loc. s. к *svẽčias* имеет форму *svetyjė*, так что не исключена возможность, что и loc. s. *sãpnyje* первоначально относился к nom. s. **sãpnias*. Кроме того, надо отметить, что сновидение по-литовски обыкновенно уже называется *sãpnas*. — Стремление к обобщению исхода *-is (-is)* особенно сильно заметно в литовском, где находим также формы вроде *kelỹs* «путь», *vãris* «медь» и др., см. Sommer l. c. 237[1], 258 сл. и 260 сл.; а // в латышском подобным образом заимствованное **grašs* «грош» заменено новообразованием *grasis* (gen. s. *graša*). Лит. же *svẽčias* «гость» по происхождению прилагательное, как показывает соответствующее ему ла. *svešs* «чужой». Что же касается лит. *giñčias* (sic!) «спор, упрямство», то Зоммер его на стр. 258 склонен считать старой формой среднего рода и на стр. 238 полагает, что к этому же слову восходит также лит. *giñčias* (sic!) «сварливец, упрямец». В действительности же таких слов нет![26] Зоммер тут изволил исказить (тоже для «индогерманистов»?) литовскую форму *giñčas*, как пишут и Юшкевич и Куршат, которые после возникшего из *tj* смягченного *č* перед гласными последовательно вставляют *i*. Также Буга указал Изв. XVII 1, 38 (как и Явнис в своей грамматике на стр. 45 сл.), что следует писать *giñčas;* и как мы тут в России пользуемся германскими изданиями, так, кажется, также германские языковеды могли бы пользоваться — как видно, не без пользы для себя — русскими изданиями. — На *giñčas*, а не *giñčias* указывает также форма женского рода *giñčė* «упрямица». Ясно, что *giñčas* «упрямец» заключает в себе тот же суффикс *-ša-*, как и *gùčas* (из *gud-šas*) «умный человек», *ilgšas* «высокий человек» (еще другие примеры у Лескина Nom. 448). Так как основы *gint-* или *gind-* не знаем, то остается возводить *giñčas* к **giñšas* (к *gìntis* «защищаться, запираться»; ср. *ne-mokšas* у Лескина l. c. к *mókti* «учиться») с таким же вставочным *t*, как в *Ancas* «Hans»; что *-in-* перед *-š-* не изменилось в *į>i*, объясняется тем, что **ginšas* возникло уже после перехода *in* перед спирантами в *į>i*. Затрудняет нас только *giñčas* «спор, упрямство», так как слова на *-šas* обыкновенно являются названиями лиц. История этого слова мне представляется в следующем виде. Шлейхер дает в своем Leseb. на стр. 270 форму женск. рода *ginčà* «спор». Так как Шлейхер вообще не обозначает смягчения *č* через *i*, то позволительно

[26] [Lkž. III 316: *ginčias* skat. *giñčas* 1. — Red.]

читать *ginčià* вместо *ginčà* и усматривать в *ginčià* тот же суффикс *-tjā,* как в *delčià* «последняя четверть луны» и др. у Лескина l. c. 394 сл. При частом колебании между *-a* и *-as* в nom. s. неудивительно, если при *ginčia* возникла и форма муж. р. **ginčias,* которая под влиянием *giñčas* «упрямец» могла впоследствии измениться в *giñčas.* — Мне кажется, что не существует[27] также приведенное Зоммером на стр. 241 из //
311 составленных немцами латышских словарей *augšs* «верх» (но только форма женск. рода *aûgša*): форма *augšs,* вероятно, сочинена на основании неправильно понятого наречия *augšam* (при *augšām*), о котором см. статью Мюленбаха Изв. IX 3, 242 слл. и 247 сл.

Итак, данные балтийских языков сами по себе не указывают на происхождение *-īs* в nom. s. путем слияния из *-ias* и *-ī* в voc. s. из *-ie;* да и a priori мне такое слияние *-ia* в *-ī* (вместо изменения в *-ija* или *-ja*) кажется совершенно невероятным. Если Зоммер на стр. 227 говорит, что «in Wahrheit läßt sich . . . gegen die . . . Annahme von Kontraktion nichts einwenden», то он для подтверждения своего взгляда должен был указать параллели такого слияния *ia* в *ī.* По моему мнению, подробно обоснованному в вышеупомянутой статье[24], лит. *-ỹs* и ла. *-is* в nom. s. первоначально получились из прабалтийского *-ijas* путем раннего выпадения *a* между *j* и *s* подобно тому, как в nom. pl. основ на *-i* лит. *-ys* и ла. *-is,* вероятно, таким же образом получились из прабалт. *-ijes,* см. мои Слблт. эт. 175 сл.[28] Что же касается литовских имен на *-ijas* вроде *galvìjas* «скот» и др. (у Зоммера на стр. 232), то их *-i-* я, подобно Фортунатову, возвожу к более древнему *-ī-;* прабалт. **galvījas,* конечно, тоже должно было измениться в **galvījs* > **galvīs,* но под влиянием остальных падежей *-ījas* в nom. s. потом было восстановлено, между тем как прабалт. *-ijas* уже не могло быть восстановлено вследствие того, что после изменения *-ijas* через *-ijs* в *-īs* старое сочетание *-ij-* повсюду изменилось в *-j-.* Таким образом в большинстве падежей фонетически совпали старые основы на *-ijo-* (наприм., в лит. *aulỹs* «улей», ср. слав. **ulьjь*) и *-jo-,* после чего окситонные основы на *-jo-* мужского рода по

---

[27] Нет в среднелатышском наречии, формы которого Зоммер обыкновенно приводит, также существительного *brīds* (gen. s. *brīža;* у Зом-
311 мера // на стр. 270), но только *bridis; brīds* (из *bridis*) находим только в северо-западных и восточных говорах, где вообще всякое *-is* изменилось в *-s.*

[28] [Šai izdevumā II 323 sk. — Red.]

аналогии тоже получили окончание *-is* в nom. s. (таково, наприм., лит. *ežỹs* «еж», ср. праслав. **ežь*).

У Куршата, как известно, находим в nom. s. *-ys* только под ударением, в положении же после ударения — всегда *-is*, тогда как в других литовских говорах во всех положениях одинаково находим только *-ys*, и также в латышском находим повсюду только *-is* (= лит. *-ys*). Зоммер — подобно некоторым другим языковедам — на стр. 226 полагает, что неударяемое *-is* у Куршата фонетически получилось из того же *-ys*, которое // у него является под ударением. Но если это так, 312
то почему же у того же Куршата основы на *i* в nom. pl. всегда оканчиваются на — неударяемое — *-ys* (а не *-is*)? Зоммер, относясь поверхностно к предмету исследования, даже не касается этого вопроса. Вопрос этот крайне труден уже потому, что не знаем действительного произношения всех литовских говоров. Может быть, в говоре Куршата также в nom. pl. перед *-s* в действительности произносится краткий (а не долгий) гласный; в таком случае он мог там писать долгий гласный под влиянием или литературного языка, или соседних говоров. Если бы это предположение соответствовало действительности, то, конечно, в nom. s. было бы наиболее удобно возводить *-is* в словах типа *brólis* к *-ys*, так как, например, лит. *sartis* «Fuchspferd» (к *sartas* «fuchsrot») и *žebrỹs* «Buntkopf» (к *žẽbras* «buntköpfig») — по-видимому, слова одинакового образования и так как, вероятно, имелись также имена с суффиксом *-ijo-* и с ударением на корневом слоге. Если же правописание Куршата в данном случае соответствует действительному произношению (в пользу чего говорит примечание К. Буги к переводу лит. грамматики Явниса на стр. 145[2]), то приходится искать другого объяснения. Можно бы подумать, что формы nom. pl. типа *nāktys* «ночи» у Куршата — новообразования вместо **nāktis*, но, как мною указано в вышеупомянутой статье[24], такое предположение встретило бы серьезные препятствия. Ввиду этих затруднений я в той статье остановился на следующих гипотезах: лит. *-is* в первоначальных словах типа *brólis*, быть может, еще в праиндоевропейскую эпоху возникло из неударяемого *-jos*, или же это *-is* первоначально было свойственно старым баритонным основам на *-i* мужского рода; ведь среди теперешних слов типа *brólis*, как известно, немало бывших основ на *-i* мужского рода, как наприм. *añtis* «Busen» (ср. синонимное ла. *az-uots*, gen. s. *az-uots*). А то, что в таких словах теперь nom. s. (да и acc. s. и gen. pl.) сохраняет

старую форму, тогда как другие падежи склоняются по образцу основ на *-jo*, имело бы параллель в латышском языке, где при nom. s. *suns* «собака» (= лит. диал. *šunis*) находим gen. s. *suņa* и т. д. Если это так, то после изменения сочетания *-ij-* в *-j-* старые баритонные основы на *-jo-* и *-ijo-* > *-jo-* в nom. s. по аналогии слов типа *añtis* могли получить окончание *-is*, тогда как в части литовских говоров и в латышском обобщен исход старых основ на *-ijo-*. Что в говоре Куршата в части слов на *-is* это *-is* действительно заменило собою
313 старое *-ys*, это нам показывает // также определенная форма прилагательного *didỹsis* «большой» при неопределенном *dìdis*.

Гипотезе о происхождении *-is* путем слияния из *-ias* противоречат также литовские формы типа *daugia*[29] «много» (как заметил и сам Зоммер на стр. 347), утратившие в качестве старого nom., acc. s. среднего рода в конце зубной взрывной согласный, так что в говоре Барановского и др., где конечное *-ī(s)* не сократилось в *-i(s)*, ожидалось бы **daugy* вместо *daugia*. Спасая свою гипотезу, Зоммер на стр. 346 поэтому оспаривает обычный взгляд на формы типа *daugia*, ссылаясь на то, что в литовском местоименном склонении совершенно утрачены старые формы среднего рода, и на пр. *saligan* «grün» со старым именным окончанием и примыкая к гипотезе Лескина, что литовские формы среднего рода на *-a* возникли рядом с формами муж. рода на *-as* по образцу форм средн. рода на *-u* при формах муж. рода на *-us*. Скептицизм в языковедении, конечно, часто весьма уместен, но только надо знать, к о г д а он уместен. Если Лескин сомневается в древности литовских форм средн. рода на *-a*, то он должен был пояснить, почему именно только основы на *-u* могли сохранить старую форму среднего рода или почему именно основы на *-u* тут оказали влияние на основы на *-o*, а не наоборот. Сделанные же Зоммером возражения неосновательны. Пр. *saligan* доказательно только для прусского языка, где оно совершенно понятно, так как в прусском прилагательные только отчасти склоняются по местоименному склонению, тогда как в литовско-латышском прилагательные теперь всецело усвоили себе окончания местоименного склонения, ср., наприм., пр. dat. pl. *wissamans* «всем» : лит. *visiems*. Поэтому совершенно естественно, что в литовско-латышском также в nom., acc. s. среднего рода прабалт. *-an* было заменено местоименным исходом *-a[d]*, а на то, что такой

[29] Встречается также *daugi* — форма nom., acc. s. среднего рода основы на *-i*.

исход в литовско-латышском имелся, ясно указывает хотя бы ла. *ka* «что» (союз). Что также в латышском имелись формы средн. рода прилагательных на *-a*[*d*], это нам показывают еще наречия вроде *maz* (на утрату именно *-a*, а не *-i* в конце этого слова указывает восточнола. *moz*) = лит. *màž* < *mãža* (в постилле Даукши 18,$_7$ и др.).

Наконец, гипотезе Зоммера противоречат также формы наст. времени (III лица) на *-ja* от безличных глаголов вроде // лит. *dérgia, diegia, keñkia, speñgia, reĩkia* (*reĩkia*, может быть, — старая форма среднего рода прилагательного, ср. его сочетания с глаголом *búti* у Зоммера на стр. 139 сл.); отчего бы там сохранилось *-ja*, если гипотеза его правильна? На этот вопрос ответа не получаем, но зато Зоммер в своих Kritische Erläuterungen zur lat. Laut- u. Formenlehre на стр. 138 сл. находит такое же слияние в славянских основах наст. времени на *-i* (где это *-i* будто бы получилось путем слияния из *-ije*) и в литовских (sic!) основах того же времени на *-i*. Судя по тому, что Зоммер говорит о слиянии в именных основах на *-i(jo)*, в основах наст. времени это слияние могло иметь место только в форме III лица, откуда возникшее путем слияния *-i-* было перенесено и в формы I и II л. множ. и двойств. ч. При этом он ссылается на диалектические формы вроде II л. множ. ч. *tuŕytẽs* (LChr. Вольтера 381,$_{18}$). Впоследствии же, по мнению Зоммера, *-y* в конце слова сократилось в *-i*, которое потом было перенесено оттуда в формы I и II л. множ. и двойств. ч. В подтверждение своего взгляда на сокращение *-y* в *-i* Зоммер мог бы сослаться на формы voc. s. вроде *bernẽli* из Дусят (у Вольтера l. c. 361,$_{24}$) при nom. s. *bernẽlys* ibid. 361,$_{21}$ (но в acc. s. там сохраняется *-y* из *-in*); и также в литовской грамматике Явниса на стр. 58 находим voc. s. *bróli* при nom. s. *brólys*. Но эти формы зват. падежа скорее объясняются общей тенденцией к сокращению специально формы зват. падежа, благодаря которой возникли также формы зват. падежа, утратившие гласный в конце, вроде *pānùć* у Вольтера l. c. 377,$_{35}$ и 378,$_{43}$, *Dóvỳd* и др. у Куршата § 499; ср. также формы зват. падежа на *-e* IF XXXIII 124[30] и у Зоммера Die indog. *iā-* und *io*-St. im Balt. 247[1] к формам nom. s. на *-ė*. И в случае возникновения *-i* в III лице из *-y* было бы странно частое отпадение этого *-i* в литовских говорах, и в возвратных формах этого III лица ожидалось бы *-ys* вместо *-is* (как в литовском, так и в

314

[30] [Šai izdevumā II 533 sk. — Red.]

латышском). Что же касается вышеупомянутой формы *tuŕytēs* (в значении повелит. наклонения), то она создана на основании формы II л. ед. ч. (повелит. и изъявит. накл.) **tury* > диал. **tuŕy*; об окончании *-y* я говорю в статье, которая должна появиться в Изв.[31] Еще более решительно противоречат гипотезе Зоммера соответствующие латышские формы, с которыми он тут — с ущербом для дела — вовсе не считается. В тех латышских говорах, которые сохранили старые основы настоящего времени на *-i* и на *-ā*, в случае предполагаемого Зоммером слияния могли бы воз-
315 никнуть только // формы вроде **sēdi* «сидит» (*-i* из *-ī* в латышском сохраняется) : I л. множ. ч. **sēdīm* (= *saka* «говорит» : *sakām* «говорим», при *krìt* «падает» : *krìtam* «падаем»), а вместо них находим только III л. *sēd* : I л. мн. ч. *sēdim*, т. е. формы, обязательно предполагающие старое краткое *i* в конце основы. Далее, было бы странно, что в безличных и поэтому изолированных формах вроде лит. *reīkia -ja* сохранилось, между тем как в глаголах типа *sẽdi -y* > *-i* могло быть перенесено даже в формы I и II л. мн. и двойств. ч., и что в балтийском находим *-i-* в такого же типа глаголах, как и в славянском, хотя самое слияние, по мнению Зоммера, произошло уже после эпохи славяно-балтийского единства.

По моему мнению, балт. *i* (в лит. *sẽdime*, ла. *sêdim* «сидим» и др.) : слав. *i*< *ī* (в цркслав. *сѣдимъ* и др.) = скр. *ī* в *svapi-ti* «спит», *rōdi-ti* «плачет» (ср. ла. *raudit* «плачете» к инфин. *raudât*) и др. : *ī* в *amī-ti* «вредит» и др. В пользу старого чередования *i* и *ī* также в балтийском можно бы привести латышское причастие *dzirdī-ms* «слышимый» (у Биленштейна LSpr. II 189), если эта форма верно записана[32].

---

[31] Rakstā «О балтийском окончании 2-го лица единств[енного] числа» Изв. XXII 1, 85—116 (1917.). Šai izdevumā III sējumā. — Red.]

[32] [Skat. arī La. gr. 925 (718. § e), 790[469]. — Red.]

К ЛИТОВСКОЙ АКЦЕНТУАЦИИ И ИМЕНИТ. ПАД. МНОЖ. Ч. ОСНОВ НА *-o*

[1916 Изв. XXI 2, 295—312 un 1917 atsevišķā novilkumā 1—18]

Уже в своих «Славяно-балтийских этюдах» 138 слл.[1] я 295 (1)
указал, что нет ни надобности, ни возможности считать литовское окончание *-ai* в имен. пад. множ. ч. основ на *-o* первоначально свойственным основам среднего рода; ср. также Lietuvių tauta II 289[2] и IF XXXIII 125[3]. В балтийских и славянских языках находим — как и в греческом, латинском и кельтском — перенос в именную флексию местоименного окончания имен. п. множ. ч. основ на *-o* муж. рода, значит, наприм., прабалт. **vilkai* «волки» точно соответствовало праслав. **vьlci*. После только что упомянутого переноса в прабалтийском взамен старого **tai* (= готск. *þai* и греч. диал. τοί) «те» (муж. р.) возникло новообразование **tei* (откуда лит. *tiẽ* и ла. *tiẽ*) под влиянием форм **šei* (откуда лит. *šiẽ*) «эти» (муж. р.) и **jei* (откуда лит. *jiẽ*) «они», издавна оканчивавшихся на *-ei* (ср. Hujer Sborník filologický II 196 сл.); **tei* «isti, illi» : **tās* «istae, illae» = **jei* «ii», **šei* «hi» : **jās* «eae», **šįās* «hae» (подобно этому в восточнолатышских говорах при родит. п. *tuo* из *tà* «того» взамен старого *tas* «тот» возникла новая форма имен. п. *tis* под влиянием отношения родит. п. *juo* из **jà* «его» к имен. п. *jis* «он»). В литовско-латышском, а отчасти и в древнепрусском это местоименное окончание *-ei* (откуда литовско-латышское *-ie*) затем проникло также в склонение прилагательных. Что же касается различия в интонации между литовскими формами вроде *tiẽ* «те» из **tíe* (= ла. *tiẽ*) и *gerì* «хороши» из **gerie,* с одной стороны, и формами вроде *vilkaĩ* «волки», с другой стороны, то в «Славяно-бал-//тийских 296 (2)
этюдах» 143 слл.[4] мной уже указано, что *vilkaĩ* могло чисто

[1] [Sai izdevumā II 290 skk. — Red.]
[2] [Sai izdevumā II 497. — Red.]
[3] [Sai izdevumā II 535. — Red.]
[4] [Sai izdevumā II 294 skk. — Red.]

фонетически получиться из **vilkái* (ср. греч. θεοί и др.); в таком случае формы вроде *vařtai*[5] «ворота» (вместо ожидаемого **vartaĩ* из **vartái*) следует считать новообразованиями (подобно формам будущего времени вроде *kèpsiu* «буду печь» вместо *kepsiù*, сохранившегося в восточнолит. говорах); имен. п. *vařtai* : род. п. *vařtų̃*, дат. п. *vařtams* и др. = имен. п. *kraštaĩ* «берегá» : род. п. *kraštų̃*, дат. п. *kraštáms* и др.; а вин. п. *vartùs* : имен. п. *vařtai* = вин. п. *dangùs* «небеса», *vagìs* «воров», *rankàs* «рýки» и др. : имен. п. *dañgūs, vãgys, rañkos* и др.

Что литовские имен. п. вроде *dievaĩ* «боги» — собственно формы среднего рода, это Meillet MSL XV 73 доказывал также их наконечным ударением и употреблением в балтийских языках формы III лица единств. ч. также взамен старой формы III лица множ. ч. Но, как мною уже было указано в «Славяно-балтийских этюдах» 139 сл.[6], замену формы III лица множ. ч. формою III лица единств. ч. можно объяснить, вовсе не считая лит. *dievaĩ* формою среднего рода. Meillet же, отстаивая MSL XIX 81 сл. свое прежнее мнение по этому вопросу, выражается l. c. 82 об этом следующим образом: «la doctrine de M. Endzelin ... suivant laquelle le letto-lituanien aurait confondu les 3-es personnes du singulier et du pluriel pour échapper à la confusion — nullement gênante — de la 3-e personne du pluriel et du gérondif est évidemment inadmissible».

Моя гипотеза о причинах балтийского совпадения форм III лица единств. и множ. ч. была бы действительно «очевидно недопустима», если бы она основывалась на совпадении форм III лица множ. ч. и «герундива» (под этим термином Meillet, вероятно, разумеет «Gerundium» Куршата Gr. § 1070, т. е. несклоняемую форму причастия наст. времени на *-nt*): во-первых, в таком случае никакого совпадения не было бы, так как старая форма III лица множ. ч., по-видимому, оканчивалась в прабалтийском на *-n* (из праиндоевр. *-nt*; см. теперь IF XXXIII 124 сл.[7]), форма же «герундива» — на
297 (3) *-nti* (как // показывает возвратная его форма на *-ntis*), а во-вторых, формальное совпадение этого «герундива» и III лица множ. ч. в самом деле нисколько не было бы неудобно. В действительности, однако, Meillet, к сожалению,

[5] Meillet MSL XIX 82 неправильно пишет *vartaĩ*.
[6] [Šai izdevumā II 291 sk. — Red.]
[7] [Šai izdevumā II 534. — Red.]

тут передает мои мысли в совершенно искаженном виде[8]; а это для меня тем неприятнее, что лишь немногие читатели MSL захотят и смогут сличить сказанное Meillet с подлинником. Мною же было сказано, что старая форма III лица множ. ч. в балтийском была заменена формой III лица единств. ч. благодаря формальному совпадению формы III лица множ. ч. с формою имен. пад. множ. ч. муж. рода причастий наст. времени действительного залога с основою на *-nt,* совпадению крайне неудобному ввиду того, что указанная форма причастия в балтийских языках употреблялась и употребляется в косвенной речи в значении личной глагольной формы как особый modus relativus при передаче чужих слов. Так, в балтийском праязыке один и тот же оборот, наприм. **jei *láukan,* значил и «они ждут» (если **láukan* служило формой III лица множ. ч.), и «говорят, что они ждут» (если **láukan* служило формой имен. п. множ. ч. причастия). Нужно было, значит, заменить двусмысленную форму III лица множ. ч. формой, свойственной исключительно изъявительному наклонению, и заменили ее старой формой III лица единств. ч., о чем ср. «Славяно-балтийские этюды» 140[9].

Что же касается наконечного ударения литовских форм вроде *dievaĩ,* то в «Славяно-балтийских этюдах» 139[10] я высказал предположение, что слова типа *dievaĩ* (ср. скр. *dēvá-ḥ*) когда-то были oxytona, // сохранившие во множ. 298 (4)
числе старое наконечное ударение; в объяснении, значит, нуждается ударение не множ. числа, но — единств. числа. Meillet же, отстаивая старое мнение, будто *-ai* в *dievaĩ* и др. — первоначальное окончание среднего рода, сопоставляет MSL XIX 81 лит. *vãkaras* : *vakaraĩ* с р. *вéчер* : *вечерá* и др. Но если ударение перенесено на *-ai* только благодаря тому, что

---

[8] Подобно этому Meillet RSl. V 159 совершенно неправильно утверждает, будто я держусь мнения Микколы о полном тождестве лат. *quinque* с древневерхнен. *funf,* и l. c. 161, — будто я *ie* в лит. *sniẽgas* и ла. *sniegs* «снег» возвожу непременно к «старому» (т. е. унаследованному тут из индоевропейского праязыка) *ei,* тогда как мною было сказано, что гораздо вероятнее считать **ei* (откуда *ie*) в этом слове возникшим взамен прабалт. *ai* под влиянием **sneiga* (откуда лит. *sniẽga* и ла. *sniег* «идет снег»; ср. Lietuvių tauta II 287 [šai izdevumā II 492. — Red.]). — Теперь Meillet MSL XIX 191, правда, поместил поправку, указывая, что я говорил о совпадении III л. множ. ч. с формою имен. п. множ. ч. муж. р. причастий наст. времени действит. залога с основою на *-nt;* но и тут он умалчивает об указанной мною в Слблт. эт. 140 [šai izdevumā II 292. — Red.] причине неудобства такого совпадения!

[9] [Šai izdevumā II 292. — Red.]

[10] [Šai izdevumā II 291. — Red.]

это — окончание среднего рода, то как же объяснить ударение форм типа *bùtai* «домá» и *tìltai* «мосты»? Отчего и эти формы не имеют ударения на конечном слоге? Meillet на этот вопрос нам ответа не дает; не видно даже, чтобы он себе самому поставил этот вопрос.

Далее Meillet l. c. 81 сл. указывает на то, что лишь немногими примерами подтверждается мое мнение о наконечном ударении слов типа *dievaĩ*, приводит противоречащие примеры и спрашивает, почему только множественное число сохранило наконечное ударение. — Верно то, что только путем сопоставления с родственными языками не можем доказать сохранение в балтийских языках старого различия между oxytona и barytona. Из существительных, приведенных Куршатом в §§ 541—4 его грамматики, имеют во множ. числе ударение на конце или же на первом слоге, согласно соответствующим формам родственных языков, насколько вижу, лишь следующие: лит. *diẽvas (dievaĩ)* = скр. *dẽvá-ḥ; laũkas (laukaĩ)* «поле» = скр. *lṓká-ḥ* «свободное пространство, место»; *pulkas (pulkaĩ)* «толпа», ср. наконечное ударение в парадигме р. *полк; strãzdas (strazdaĩ)* «дрозд», ср. наконечное ударение в парадигме р. *дрозд; paršas (paršai)* «боров» = гр. πόρκος и древневерхнен. *farh* «свинья»; *rãtas (rãtai)* «колесо» = скр. *rátha-ḥ* «колесница» (ср. также древневерхнен. *rad* средн. род «колесо»); *paũtas (paũtai)* «яйцо» = скр. *póta-ḥ* «детеныш»; *pãdas (pãdai)* «подошва», ср. наначальное ударение в парадигме р. *под*; *vãškas (vãškai)* «воск», ср. наначальное ударение в парадигме р. *воск; dúmai*, ла. *dũmi* «дым», ср. наначальное ударение в парадигмах р. *дым* и срб. *дӥм*. — Расходится же литовское ударение с ударением родственных языков в следующих формах: *výras (výrai)*, ла. *vĩrs* «муж» : скр. *virá-ḥ; káulas (káulai)*, ла. *kaũls* «кость» : гр. καυλός «стебель»; *véidas (veidaĩ)* «лицо» : срб. чак. *vìd*, род. п. *vìda* (см. Meillet Études sur l'étymologie et
299 (5) le // vocabulaire du vieux slave 223); *vilkas (vilkaĩ)* «волк» : скр. *vr̥ḱa-ḥ*, р. *волк*, род. п. *во́лка*, срб. *вȗк*, род. п. *вȗка; varnas (varnaĩ)* «ворон» : р. *во́рон*, род. п. *во́рона; rãgas (ragaĩ)* «рог» : р. *рог*, род. п. *ро́га*, срб. *рȏг*, род. п. *рȍга; tãkas (takaĩ)* «тропа» : р. *ток*, род. п. *то́ка; draũgas (draugaĩ)* «товарищ» : р. *друг*, род. п. *дру́га*, срб. *дрȗг*, род. п. *дрȗга; javaĩ* «хлеб» : скр. *yáva-ḥ; sakaĩ* «смола» : р. *сок*, род. п. *со́ка*, срб. *сȏк*, род. п. *сȍка*. Что же касается *pir̃štas (pir̃štai)* «палец» : р. *перст*, род. п. *перста́*, то р. *перст* считается книжным словом и ударение его расходится с срб. *пр̏ст*, род. п.

пр̃ста, указывающим на акут, тогда как в литовской форме (и в лa. *pìrsts*) находим циркумфлекс, а *sãpnas (sapnaĩ)* «сновидение» относительно вокализма, может быть, не соответствует скр. *svápna-ḥ,* ср. древнеисл. *svefn* и «Славяно-балтийские этюды» 91[11].

Но эти случаи различия в ударении также не опровергают моего мнения, что слова типа *dievaĩ* — старые oxytona. Можно указать три источника такого разногласия. Во-первых, в некоторых случаях, вероятно, имеем дело с различием в ударении, восходящим, по крайней мере, к эпохе славяно-балтийской. Как известно, вообще нередко находим различие в месте ударения между санскритом и греческим, с одной стороны, и славянскими и балтийскими языками, с другой стороны, наприм. лит. *avìs* «овца» : скр. *ávi-ḥ* и гр. ὄις (см. Meillet MSL XIX 78); лит. *dúmai,* лa. *dũmi,* р. *дым,* род. п. *ды́ма,* срб. *дӥм,* род. п. *дӥма* : скр. *dhūmá-ḥ,* гр. θυμός (см. Meillet l. c. 69 и 79); и иногда встречается различие также между греческим и санскритским ударением, наприм. гр. ἀγρός : скр. *ájra-ḥ* (см. Meillet l. c. 79). А ввиду этого нет основания думать, что во всех случаях различия в ударении непременно литовские формы являются новообразованиями; таковыми, по крайней мере, не могут считаться те литовские формы, которые относительно ударения совпадают с латышскими (как *výrai* и *káulai*).

Во-вторых, если уж допустить с Meillet l. c. 80 слл., что также в прабалтийском встречалось явление, иллюстрированное, наприм., лат. *locus* : *loca* или р. *дом* : *дома́,* то ничто нам не мешает думать, что, наприм., лит. *javaĩ,* если ударение скр. *yáva-ḥ* древнее, возникло // путем контаминации форм **jàvai* 300 (6)
(муж. р.) и **javá́* (средн. р.), ср., наприм., русские дублеты вроде *го́ды* и *года́* или *гро́бы* при *гро́бы* и *гроба́.* А что в балтийском когда-то существовали формы среднего рода множ. ч. на *-ā,* это доказывается кроме древнепрусских форм вроде *austo* «уста», *warto* «ворота» и др. также литовским наречием *namõn* «домой» (также *namã* в Дусятах LChr. 367,5, 368,21 и в Тверече l. c. 379,4, 381,25), которое, как показывает синонимное *namuosna,* состоящее из вин. п. **namúos* (откуда *namùs*) и постпозиции *-na,* еще заключает в себе старую форму средн. рода на *-ā*; о мене интонации (*namõn* из **namón*) см. мои «Славяно-балтийские этюды» 144 сл.[12] Эта

[11] [Šai izdevumā II 249 sk.[147] — Red.]
[12] [Šai izdevumā II 295 sk. — Red.]

же форма *namõn* показывает, что окончанием средн. р. множ. ч. также в литовском было *-ā*, а не *-ai*.

А в-третьих, некоторые из противоречащих моему взгляду примеров могут быть относительно места ударения поздними литовскими новообразованиями; так, наприм., наконечное ударение в *takaĩ*, по всей вероятности, следует считать литовским новшеством, так как отглагольные существительные типа *tãkas*, по-видимому, имели первоначально ударение на первом слоге, как это находим еще и в славянском и др. Колебания в ударении ведь встречаем также внутри славянских языков; ср., наприм., формы род. п. русск. *нóда*, срб. шток. *нòда* (и лит. имен. п. *pãdai*) : малор. *подá*, срб. чак. *podà* (ср. гр. πέδον : скр. *padám*), или русск. *холмá* при *хóлма*, *мостá* при *мóста* и др., или имен. п. множ. ч. *вóлки* при диал. (в этим. слов. Преображенского) *волкú* и др. В литовском же такого рода новообразования могут произойти тем легче, что ударение слов типа *diẽvas* : *dievaĩ* и *kélmas* : *kelmaĩ* различается от ударения слов типа *põnas* : *põnai* и *tìltas* : *tìltai* теперь только в имен., род., дат., твор. и местн. п. множ. ч. и дат. и твор. п. двойств. ч. Иногда находим в литовском при новом ударении еще и старое; так, наприм., *tẽvai* «отцы» (= лa. *tę̃vi*) BB XXV 274[13] и KZ XLIV 51[14] при *tėvaĩ* у Куршата; *béržai* (= лa. *bę̃rzi*) «березы» в Перев. литовской грамм. Явниса 85[1] при *beržaĩ* у Куршата (последнее, быть может, под влиянием форм *kliavaĩ* «клены» и *ąžuolaĩ* (= лa. *uôzuoli*) «дубы»); *kalnaĩ* (= лa. // *kalni*) «горы» у Куршата при *kálnai* An. 1, 68 и др.; еще другие примеры в грамматике Явниса 67.

301 (7)

Доказать же, что еще в прабалтийском часть основ на *-o* имела наконечное ударение также в единственном числе, можно данными всех известных нам балтийских языков.

Относительно древнепрусского языка уже Фортунатов заметил BB XXII 167 слл. (ср. также Hirt IF X 36 сл.), что написания nom. s. *deiws*, gen. s. *deiwas*, acc. s. *deiwan*, voc. s. *deiwe*, acc. pl. *deiwans*[15] (а не **dēiws*, **dēiwas*, **dēiwan*, **dēiwe*, **dēiwans*), nom. s. *waix* (3×), acc. s. *waikan* (2×), nom. pl. *waikai* (2×), dat. pl. *waikammans* (вместо **wāix* и т. д.), acc. s. *wargan* «зло» (часто; вместо **wārgan*) и др. указывают на наконечное ударение этих основ, ср. лит. *diẽvas* (скр. *dēvá-ḥ*) : *dievaĩ*, *vaĩkas* : *vaikaĩ*, *vařgas* : *vargaĩ* (и срб.

[13] [Sai izdevumā I 132. — Red.]
[14] [Sai izdevumā II 383. — Red.]
[15] Формы этого слова встречаются весьма часто.

чак. gen. s. *vrāgà*), и высказал предположение, что эти слова в прабалтийском еще были oxytona.

В латышском языке прерывистая интонация дает указания на бывшее не наначальное ударение, так как она получалась при переносе ударения с конца или середины слова на такой начальный слог, который произносится с акутом, тогда как длительная интонация слога показывает, что этот слог искони имел на себе ударение. Но так как в парадигмах с бывшим подвижным ударением и с акутованным корнем впоследствии произошло обобщение прерывистой интонации, то существительные, употребительные в обоих числах, не могут в данном вопросе считаться доказательными: как, наприм., лит. *galvà* : *gálvą* теперь соответствует ла. *galva* : *galvu* (вместо **galvu*), так можно было бы допустить, что, наприм., ла. *uôds* «комар» возникло взамен **uõds* (= лит. *úodas*) под влиянием множ. ч. *uôdi* = лит. *uodaĩ*. Но зато singularia tantum с прерывистой интонацией безусловно должны считаться за старые oxytona. При этом *raûgs* «дрожжи, закваска» лучше оставить в стороне, так как на его интонацию могли оказать влияние родственные с ним глаголы *raûdzêt* «кислить» и *rûgt* «бродить»; но совершенно изолированными, а поэтому // и доказательными являются слова 302 (8)
ârs (лит. *óras*) «внешнее», *sę̂ks* (лит. *šẽkas*) «свеженакошенная трава для корма», *zuôds* (лит. *žándas*) «подбородок» (от этого слова множ. число, правда, возможно, но если оно вообще употребляется, то, во всяком случае, столь редко, что интонация его не могла повлиять на форму единств. числа), *sviêsts* (лит. *sviestas*[16]) «масло» и *miêrs*[17] «мир». Итак,

[16] Куршат включает *sviestas* в группу *tìltas* : *tìltai*, но множ. ч. от *sviestas* едва ли употребительно, а в единств. ч. парадигма *tiltas* ничем не отличается от парадигмы *kẽlmas* (*kelmaĩ*).

[17] Мнению К. К. Буги Изв. XVII 1, 16, будто ла. *miêrs* (и старолит. *mieras*) заимствовано из р. *мир*, противоречат и ударение (ла. *miêrs* — старое oxytonon, тогда как р. *мир*, род. п. *мúра*, — barytonon), и вокализм, так как р. *и* не передается через балт. *ie*. Что касается слова *krìevs* «русский», то его *-ie-* показывает, что знакомство латышей с кривичами восходит к эпохе, когда славяне вместо *кри-* (в *кривичи*) произносили еще или *krei-*, или же *krē-* с закрытым *ē* (переходной ступенью от *ei* к *ī*); к эпохе с *ē* из *ei*, вероятно, относятся и финские заимствования вроде *viehkuri* «вихорь» и *mielu* «мил» (в качестве переходной ступени между *ei* и *ī* находим *ē* также в латинском). Подобно этому литовско-латышское и финское *uo*, соответствующее в заимствованиях русск. *у* (из праслав. *ou* > *ū* и *ǫ*), восходит к эпохе, когда вместо *ū* еще произносилось закрытое *ō*, переходная ступень от *ou* или *ǫ* к *ū*. Финск. же и лит. *un* (в заимствованиях из русск. яз.) не предполагает обязательно прарусск. *ųn*, но могло получиться из закрытого *ǫn*.

наприм., ла. *ârs* ясно показывает, что еще в литовско-латышском праязыке имелись oxytona вроде **ārás* и что отсюда же получилось также — в виде новообразования — лит. *óras*.

Последнее заключение поддерживается также данными самого литовского языка. Уже К. Буга отметил Aistiški studijai I 40 сл., что иллативы на *-an* от старых oxytona имеют ударение на конце, тогда как те же формы от старых barytona имеют ударение на первом слоге, и привел примеры: *rãtan* (ср. nom. pl. *rãtai* и скр. *rátha-ḥ*), *keliañ* (ср. nom. pl. *keliaĩ*) и *šienañ*.

К этим примерам могу прибавить тут еще следующие: *irklañ* Лит. слов. Юшк. под *ìrklas* (ср. instr. pl. *irklaĩs* ibid.), *daržañ* Послесловие к слов. Юшк., стр. XXVI (ср. nom. pl. *daržaĩ*), *orañ* LChr. 375,20 и 23 (ср. ла. *ârs*), *galañ* l. c. 352,1 и 376,34 (ср. nom. pl. *galaĩ*), *veidañ* l. c. 352,32 (ср. nom. pl.
303 (9) *veidaĩ*), *urvañ* // l. c. 353,31 (ср. gen. pl. *urvų̃* l. c. 353,29), *kraštañ* l. c. 362,28 (ср. nom. pl. *kraštaĩ*), *grūdañ* l. c. 373,30 (ср. nom. pl. *grūdaĩ*), *kiemañ* l. c. 379,10 (ср. nom. pl. *kiemaĩ*), *vardañ* l. c. 353,28 (ср. nom. pl. *vardaĩ*), *vėderañ* l. c. 378,42 (ср. nom. pl. *vėderaĩ* и ла. *vẹ̃dẹrs* или *vẹ̃dars*), *klanañ* An. 335 (ср. nom. pl. *klanaĩ*), *miškañ* l. c. 20 (ср. nom. pl. *miškaĩ* l. c. 218 и 320, gen. pl. *miškū̃* 310, instr. pl. *miškaĩs* 315); *šónan* LChr. 370,6 и 383,1 (ср. nom. pl. *šónai* и ла. *sãni*), *miẽstan* l. c. 371,7 (ср. nom. pl. *miẽstai*), *dvãran* l. c. 377,33, 378,40, 399,4 (ср. nom. pl. *dvãrai*), *krúman* l. c. 388,25 (ср. nom. pl. *krúmai* = ла. *krūmi*), *tvártan* l. c. 377,34 и 378,41 (ср. nom. pl. *tvártai*). Итак, правило тут ясно обнаруживается (так как в единственном числе акцентуация старых oxytona и barytona теперь совершенно одинакова, то редкие исключения неудивительны; мною отмечены лишь следующие случаи: *laũkan* LChr. 376,30 при правильном *laukañ* l. c. 379,29 и 401,33, ср. nom. pl. *laukaĩ, raĩstan* l. c. 352,21, ср. gen. pl. *raistū̃* An. 217, но также *raĩstai* РФВ LXVI 238 и *medžiañ* An. 76, ср. gen. pl. *mẽdžių* l. c. 81). И если различие, наприм., между *kiemañ* и *dvãran*[18] можно было бы, пожалуй, объяснять влиянием форм множ. ч. (*kiemaĩ* и *dvãrai*), хотя такое объяснение было бы сомнительно, то уж во всяком случае *orañ* — от singulare tantum *óras* — понятно лишь как падежная форма старого **oràs* = ла. *ârs*.

Что касается ставшего наречием местн. пад. *namiẽ* (при

[18] Следует отметить, что это различие в акцентуации форм на *-an* сохранилось не везде: в Прусской Литве, где эти формы почти вышли из употребления, говорят (см. Kurschat Gr. § 1488) *vaĩdan* и *laũkan*.

namiẽpi, наприм. LChr. 391,36), то его ударение (ср. nom. pl. *namaĩ*) в данном вопросе не может считаться доказательным, так как адвербиально употребляемые падежные формы иногда отличаются особым ударением, ср., наприм., Brugmann Grdr. II² 2, 676. То же самое следует сказать о формах вроде *namópi* LChr. 389,21, *dievõp, galõp, velniõp, vakarõp* у Куршата Gr. § 1477: формы *Kristaũspi* (при *Krìstaus*) и *mūsum̃pi* (при *músų*) ibid. указывают на перенос ударения на слог, предшествующий постпозиции *-pi.* //

Считаю нелишним привлечь тут также акцентуацию литов- 304 (10)
ских прилагательных. Как в склонении существительных находим, наприм., nom. s. *diẽvas* при nom. pl. *dievaĩ,* так и в склонении прилагательных находим, наприм., nom. s. *gẽras, mìnkštas* при nom. pl. *gerì, minkštì,* а между тем *-ì* в *gerì, minkštì* никем не считается за окончание среднего рода, значит, также акцентуация типа *diẽvas* : *dievaĩ* ничего не говорит в пользу того, будто *-aĩ* в *dievaĩ* и др. — старое окончание среднего рода. — В литовском наречии, представленном грамматикой Куршата, теперь в склонении прилагательных совершенно утрачено старое различие между oxytona и barytona; но в говоре Даукши, по-видимому, еще сохранились значительные следы этого различия (см. KZ XLIV 52 слл.[19]), и на это же различие указывают и данные латышского языка, ср. *aûgsts* «высокий», *dzîvs* «живой» (скр. *jivá-ḥ*), *jaûns* «молодой, новый», *karsts* «горячий», *ciêts* «твердый», *mîksts* «мягкий», *nuôgs* «нагой», *plâns* «тонкий», *šķists* «жидкий», *salts* «холодный», *sîksts* «скупой» и др., с одной стороны, и *aũksts* «холодный», *baĩts* «белый», *bę̃rs* «гнедой», *ilgs* «долгий», *caũrs* «дырявый», *pilns* «полный», *sũrs* «горький» и др. — с другой стороны.

Итак, после всего предыдущего ясно, что следует ставить вопрос не о том, отчего, наприм., при nom. s. *diẽvas* имеется nom. pl. *dievaĩ* (как это делает Meillet), но отчего при nom. pl. *dievaĩ* находим nom. s. *diẽvas* (а не **dievàs*), как это делали столь отличные знатоки литовского языка, как покойные Ф. Ф. Фортунатов и К. Явнис. Из них первый, к сожалению, не успел — по крайней мере, публично — высказаться о замене **dievàs* через *diẽvas.* Да и Явнис (см. Būga Aistiški studijai 41) предложил лишь объяснение того факта, что, наприм., в велёнском говоре при формах типа *ràts* и *diẽvs* находят рядом также полные формы *rãtas* и *diẽvas*: по его мнению, еще в том наречии литовского праязыка, откуда

[19] [Sai izdevumā II 383 skk. — Red.]

ведет свое начало велёнский говор, имелись рядом
305 (11) формы типа *ràtas и *dievàs[20]; из // *ràtas потом получилось *ràts*, когда еще говорили *dievàs*, которое потом уже было заменено через *diẽvas*, а затем под влиянием *diẽvas* возникло рядом с *ràts* и *rãtas* и под влиянием *ràts* — рядом с *diẽvas* и *diẽvs*. — И я склонен думать, что была когда-то эпоха, когда имелись рядом формы типа *ràts* и *dievàs*. Под влиянием *ràts* могло, по-моему, уже рядом с *dievàs*, пожалуй, возникнуть и *diẽvs* (подобно этому, пожалуй, также instr. pl. *mergõms* — при *mergomìs* — под влиянием *rañkoms* с *-ms* из *-mis*, и под влиянием *mergomìs*, может быть, восстановлено и *rañkomis*); а как затем вместо *dievàs возникло *diẽvas*, едва ли возможно достоверно установить. Позволю себе тут высказать несколько догадок по этому вопросу. Если рядом с *ràts* произносилась еще и старая форма *ràtas > *rãtas*, то, пожалуй, *diẽvas* (вместо *dievàs) : *diẽvs* = *ràtas : *ràts*, или же *diẽvas* представляет собою контаминацию форм *diẽvs* и *dievàs* (в этом случае трехсложные формы типа *eřžilas > eřžils* вм. *eržilàs или *eržils* могли получиться лишь после возникновения двусложных форм типа *diẽvas;* nom. *eřžilas* : acc. *eřžilą* с пралитовским наначальным ударением = nom. *diẽvas* : acc. *diẽvą*). Распространению *diẽvas* на счет *dievàs* могло, пожалуй, содействовать также употребление формы на *-as* также в значении звательного падежа (зват. п. основ на *-o* теперь в литовском всегда имеет форму имен. п. в склонении прилагательных, а кое-где также в склонении существительных, ср. *põns kùnigs!* у Куршата Gr. § 500), так как в формах зват. пад. иногда находим перенос ударения на начальный слог слова (ср. voc. pl. *vaĩkai* при nom. pl. *vaikaĩ* у Шлейхера Handb. II 347, voc. s. *mérga* при nom. s. *mergà* l. c. I 178, *sũnait, sũnel, meřgaites* при nom. *sūnáitis, sūnēlis, mergáitės* у Буги Kalbos dalykai 9, *Mãriuk* при nom. *Mariukà* и др. у Лескина и Бругмана Lit. Volksl. u. März. 299); но само возникновение и полное обобщение типа *diẽvas* (взамен *dievàs*)
306 (12) не может быть объяснено // одним влиянием наначального

[20] В пользу этого Явнис (у Буги l. c. 40 сл.) приводит формы *kìtasaĩ* (при *kìtas*), *añtrasai* (ср. гот. *anþar*), с одной стороны, и формы *anasaĩ* (при *anàs*) и *gyvasaĩ* (ср. ла. *dzîvs*, скр. *jīvá-ḥ* «живóй»), с другой
305 (11) стороны. // Можно бы прибавить *báltasai* An. 68 (ср. *báltumas* KZ XLIV 52 [šai izdevumā II 383. — Red.] и ла. *balts*) и *jaunaseĩ* LChr. 390,16 (ср. ла. *jaũns*). Но есть и формы, кажется, противоречащие, *pirmasaĩ* LChr. 350,33, 367,31, 368,4 (ср. ла. диал. *pirmais*) и *šviñtasai* l. c. 374,15 (ср. KZ XLIV 55 [šai izdevumā II 387. — Red.] и р. *свято́й*).

ударения в зват. п., как показывают формы имен. п. (на *-a, -ė, -uo, -ai*) с сохранившимся наконечным ударением.

Но не противоречит ли мнению, что замена **dievàs* через *diẽvas* обусловлена возникновением сокращенной формы *diẽvs*, то обстоятельство, что в некоторых литовских говорах известны только формы на *-as* (наприм., *rãtas, diẽvas*, а не *ràts, diẽvs;* ср., наприм., Gauthiot Le parler du Buividze 34)? Оно, безусловно, противоречило бы, если бы в говорах, знающих теперь только полное окончание *-as*, и раньше никогда не существовало сокращенное окончание *-s*. Но полной уверенности в этом у меня нет. Ведь сокращенные формы вроде *dievs* встречаются уже в древнейших памятниках XVI века; и тоже формы вроде *ràts* и *dvárs* (при *rãtas* и *dvãras* с долгим *ã*), восходящие непосредственно к **ràtas* и **dvàras* из **dvàras* (ср. формы вроде *põns* из *põnas*!), показывают, что сокращение *-as* в *-s* произошло еще в то отдаленное время, когда *à* еще не изменилось в *ã*. А если, значит, формы типа *ràts* отличаются некоторой древностью, то уж a priori хотелось бы их считать общелитовскими. И как при колебании между *diẽvas* и *diẽvs* в части говоров обобщен тип *diẽvs*, так, пожалуй, в другой части говоров могло произойти обобщение типа *diẽvas*.

Но как бы ни смотреть на возникновение типа *diẽvas* взамен **dievàs*, ударение прилагательных вроде *geràsis* «хороший» (рядом с gen. s. *gẽrojo* и acc. s. *gẽrąjį*) дает некоторое основание думать, что из падежей единств. числа имен. п. сравнительно долго удерживал наконечное ударение (ср. Hirt Der indogerm. Akzent 97). Если бы различие в месте ударения между *gẽras* и *geràsis* было обусловлено присоединением к *gẽras* энклитического местоимения (ср. вышеупомянутое *mūsum̃pi* при *músų*), то ожидались бы тоже формы вроде gen. s. **gerõjo* (вм. *gẽrojo*) и acc. s. **gerą̃jį* (вм. *gẽrąjį*); а поэтому думаю, что возникновение типа *geràsis* относится к тому времени, когда еще имелись формы имен. п. единств. ч. прилагательных с ударением на *-as*. Если это верно, то первоначально имелись, должно быть, рядом формы вроде **báltasis* (ср. вышеупомянутое *báltasai* и ла. *baĩts*) и формы вроде *jaunàsis* // (ср. вышеупомянутое *jaunaseĩ* и ла. *jaũns*), а затем, 307 (13)
после замены типа **jaunàs* через *jáunas* и обобщения типа *báltas*, могло произойти обобщение типа *jaunàsis*. Приведенное Куршатом § 966 *mielasis* «милый», употребляемое по преимуществу в качестве зват. п., скорее имеет свойственное зват. падежу, чем старое (не перенесенное на второй слог)

наначальное ударение, хотя *mielas,* по-видимому, — старое barytonon, ср. KZ XLIV 54[21] и восточнола. (в Дагде и др.) *mìls* «мил», которое может восходить к **miēls.* — Что же касается краткости *a* в *geràsis, jaunàsis* и др., то возможно думать, что в эпоху возникновения *ã* из *à -is* еще не успело окончательно слиться с предшествующим ему прилагательным в одно слово (ср. gen. s. *paioprasta* «привычного» вм. *paprastojo* и др. в «Славяно-балтийских этюдах» 131[22]), в конечных же слогах *à* не изменяется в *ã* (ср. Leskien IFA XIII 97). В таком случае нет надобности возводить с Явнисом (Гуковский Поневежский уезд 111) *geràsis* к более древней форме с ударением на третьем с начала слоге; да и отчего бы только в nom. s. masc. g. ударение было перенесено с прилагательного на местоименную форму? — В жемайтском же наречии, кажется, произошло обобщение типа **báltasis;* вместо *geràsis* там находим *gẽrâsis* с главным ударением на первом и второстепенным ударением на втором слоге; *ẽ* тут = долговатое *e* с «сильноконечной» интонацией, а *â* = долгое *a* с «сильносрединной» интонацией (тогда как в форме неопределенной, наприм. в *mãžas, ã* = долговатое *a* с «сильносрединной» интонацией); см. указания Явниса l. c. 114 слл. Второстепенное ударение на втором слоге находим в жемайтском наречии также в род., дат. и вин. п. единств. ч. членных прилагательных, см. l. c. 101 сл. и грамм. Явниса стр. 113.

А раньше всего установилось наначальное ударение, вероятно, в вин. пад. единств. ч.: в литовском именном склонении, как известно, ударение теперь никогда не падает на окончание вин. п. единств. ч. По крайней мере, отчасти это же явление находим и в славянском, где, однако, можем судить только об акцентуации вин. п. единств. ч. основ на *-ā*; и вот, наприм., лит. nom. s. *barzdà* (gen. s. *barzdõs*) : acc. s. *bařzdą* = р. *борода́* : *бо́роду,* срб. *бра́да* : *бра̑ду* (ср. Мейе
308 (14) Введ.[2] // 287), но р. *жену́,* срб. *жѐну* и др. имеют наконечное ударение. Это отсутствие ударения на окончании винит. п. единств. ч., может быть, объясняется тем (ср. Hirt Der indog. Akzent стр. 211), что в балтийских (и славянских) языках окончание вин. п. единств. ч. основ на *-i* фонетически совпало с окончанием того же падежа основ на согласный, которые впоследствии по большей части изменились в основы на *-i*; а acc. s. односложных основ на согласный, как показывают

[21] [Sai izdevumā II 385 sk. — Red.]
[22] [Sai izdevumā II 284. — Red.]

санскрит и греческий язык, имел ударение всегда на корневом слоге[23]. После частичного преобразования основ на согласный в основы на *-i* эта особенность в акцентуации acc. s. могла быть перенесена и на основы на *-i*, а оттуда далее на основы на *-u* и на основы на *-i̯o* с acc. s. на *-i̯*, пока, наконец, этот процесс не кончился обобщением неударяемости окончания acc. s. — Когда-то, по-видимому, в балтийских языках отсутствовало ударение также на окончании вин. пад. множ. ч.: ср. лит. формы acc. pl. типа *kótus* (при nom. pl. *kotaĩ*), *žálčius* (при nom. pl. *žalčiaĩ*), *ãšakas* (при nom. s. *ašakà*), *giesmes* (при nom. s. *giesmė̃*), *šìrdis* (при nom. s. *širdìs*), *súnus* (при nom. s. *sūnùs*), *ãkmenis* (при gen. s. *akmeñs*), *mìnkštus* (при nom. pl. *mìnkštì*), *mìnkštas* (при nom. s. *mìnkštà*), показывающие, что лит. формы типа *kraštùs, butùs, gaidžiùs, mergàs, žodžiùs, rankàs, katès, šventès, vagìs, naktìs, dangùs, gerùs, geràs* получились, согласно известному правилу о переносе ударения, из соответствующих прабалтийских форм с ударением на первом слоге (ср. Bezzenberger BB XXI 294 сл. и Meillet MSL XIX 67 сл. и 72), и пр. *rānkans* «ру́ки» и *āusins* «уши». Отчасти находим то же явление и в славянском, ср., наприм., р. вин. п. множ. ч. *ру́ки, сте́ны, но́чи* и др. — Полезно и тут припомнить, что в греческом в acc. pl. односложных основ на согласный ударение всегда падает на корневой слог (ср. также Hirt Der indog. Akzent стр. 208) и что в балтийском (и славянском) окончание acc. pl. основ на согласный фонетически совпало с окончанием acc. pl. основ на *-i*. — Так как в санскрите и в гре-//ческом также в вин. п. 309 (15)
(служащем и в значении имен. п.) двойств. ч. в односложных основах на согласный ударение падает на корневой слог, то после всего вышесказанного неудивительно, что в литовском находим обобщение неударяемости окончания винит. п. также в двойств. ч. (где форма винит. п. употребляется также в значении имен. п.); ср. формы типа *kótu, žálčiu, žmóni* (при nom. s. *žmonà*), *giesmi, širdi, súnu, mìnkštu*[24], *mìnkšti*, пока-

[23] Как указал Мейе l. c. 282, лит. acc. s. *žą̃sį* : gen. pl. *žąsų̃* = гр. acc. s. χῆνα : gen. pl. χηνῶν. Ср. также Мейе l. c. 284.

[24] Членная форма *minkštúoju-du* (ср. Kurschat Gr. § 930) вм. **mìnkštuoju-du*, вероятно, под влиянием форм типа *gerúoju-du*. Подобно этому acc. pl. *minkštúosius* (Kurschat l. c. и Schleicher Gramm. стр. 209), тогда как l. c. § 960 Куршат дает *mìnkštuosius* и *mìnkštasias* (у Шлейхера же l. c. *minkštásias*); то же колебание и в instr. s. Акцентуация же нечленных форм *mìnkštu* (при *gerù*), *mìnkštus* (при *gerùs*), *mìnkštas* (при *geràs*) и др. поддерживалась акцентуацией существительных типа *kótu, kótus, žmónas* и др.

зывающие, что также формы типа *kraštù, butù, gaidžiù, žodžiù, mergì, rankì, katì, šventì, naktì, dangù* восходят к формам с ударением на первом слоге.

Некоторою древностью, вероятно, отличается также литовская неударяемость окончания дат. п. единств. ч., которую там находим в парадигмах всех основ; это же явление ведь известно отчасти и в славянском, ср., наприм., срб. шток. дат. пад. *глâви* при местн. пад. *глáви* (слово же это — старое oxytonon, как показывают парадигмы лит. *galvà*, ла. *galva* и пр. *gallū*) и р. диал. (у Чернышева Русское ударение 59 сл.) *к зи́ме* (что *зимá* — старое oxytonon, показывает парадигма лит. *žiemà*, gen. s. *žiemõs*). Возникло это явление, может быть, следующим образом. Данные славянских языков показывают, что окончание loc. s. основ на *-i, -u* и *-ā* произносилось с акутом (утверждение же Бругмана Grdr. II² 2, 180 сл., будто loc. s. основ на *-ā* оканчивался на *-āī*, следует считать совершенно беспочвенным, так как греческие формы вроде θεᾷ — такие же дат. падежи, как, наприм., θεῷ). Можно, значит, думать, что когда-то в литовском после обобщения неударяемости окончания acc. s. имелись рядом парадигмы типа loc. s. **rankáį* (из **rañkāį* в силу правила о переносе ударения с циркумфлектированного слога на следующий за ним акутиро-//ванный слог), acc. s. **rañkān* и dat. s. **rañkāį* (старое barytonon) и типа loc. s. **mergáį*, acc. s. **merǥān* и dat. s. **mergāį*[25] (старое oxytonon), после чего, пожалуй, ввиду одинаковой акцентуации в loc. и acc. s., могло возникнуть в дат. пад. **merǥāį* под влиянием **rañkāį*.

310 (16)

Сходное же явление могло иметь место также в склонении основ на *-i* и на *-u*. А из этих основ неударяемость окончания dat. s. могла затем проникнуть и в основы на *-o*[26].

Также в instr. s. неударяемость окончания (ср. *kótu, žálčiu, eřžilu, mìnkštu, žmóna, ãšaka, mìnkšta, gíesme*, показывающие, что и в *kraštù, butù, gaidžiù, žodžiù, gerù, mergà, rankà, gerà, katė, šventė* ударение когда-то падало на начальный слог) свойственна не только основам на *-o*, но и основам на *-ā* и *-ē*,

---

[25] Диал. dat. s. *gerái* (у Барановского Зам. 62 и Юшкевича под *istabùs*; ср. также *jái* и *tái* в Послесловии к Юшк. стр. LIII), может быть, под влиянием формы муж. р. *gerám*.

[26] Теперешнее различие в ударении loc. s. между *mergojè* и *rañkoje* не мешает предполагать loc. s. **rankój*, так как *rañkoje* (при *mergojè*) могло потом возникнуть (взамен **rankojè*) под влиянием loc. pl. *rañkose* (при *mergosè*) вм. **rañkosu*.

ср. Meillet MSL XIX 68 и 71. Может быть, и тут наначальное ударение древнее в формах основ на *-ā* и *-ē*, чем в формах основ на *-o*. Не возникло ли, наприм., **mìnkštą* (откуда instr. s. *mìnkšta*) взамен **minkštą̃* благодаря тому, что это же самое **minkštą̃* как acc. s. было изменено в **mìnkštą̃*? Впоследствии в балтийском и славянском старое *-án* в acc. s. (ср. гр. θεάν и др.) было заменено через *-ān*, должно быть, под влиянием циркумфлектированного исхода (*-añ, -eñ, -iñ, -uñ*) acc. s. прочих основ (в acc. pl. окончание всех основ одинаково произносилось с акутом).

В родительном же пад. ед. ч. неударяемость окончания является специально литовской (едва ли общебалтийской) особенностью основ на *-o*, возникновение которой для меня неясно. То же самое приходится сказать о литовском loc. s. основ на *-o*, если формы типа *kóte* не являются поздними новообразованиями, возникшими вместо **kotė* и др. под влиянием форм баритонного типа *tìlte* (иначе на основании *kóte* // следует думать, что и формы типа *kraštė* когда-то 311 (17)
имели ударение на первом слоге).

Что же касается звat. п. ед. ч., то формы типа *kóte* (при *butė*) как будто указывают на наначальное ударение с акутованным *-ē* в исходе (значит, наприм., *kraštė, butė* из **kràštē, *bùtē*); и некоторые ученые, действительно, так на это смотрят, ср., наприм., Мейе Введ.[2] 288. Я, однако, склонен считать такое заключение слишком поспешным. Следует тут вспомнить, во-первых, что Клейн в своей грамматике различал voc. s. *põne* от loc. s. *ponė* (см. Bezzenberger BGLS 123). Во-вторых, сам Куршат, согласно сообщению Бецценбергера Lit. Forsch. VIII[1], в своих проповедях произносил *põne, diẽve*. И BB XXI 294[2] говорит Бецценбергер, что из слов, имеющих по грамматике Куршата в звat. п. ударение на конце, действительно употребляются в звat. п. лишь весьма немногие, «und unter diesen wird man wohl nur *diẽvas,* und dieses auch nur bei emphatischem gebrauch, im vocativ mit endbetonung hören. Da ausserdem die betonung *póne* von Klein Grammat. lituan. s. 39 für den vocativ vorgeschrieben ist und zu den vocativen *kélme, eřžile* (die *kelmė, eržìlė* lauten könnten und würden, wenn *ponė* ursprünglich wäre) stimmt, so ist in Kurschats betonungstabellen § 536, 1 ~ ◡ für das vocativische ⏑ ◟ zu setzen». Далее Куршат Gr. § 515 сообщает, что от *vélnias* (plur. *velniaĩ*) voc. s. имеет форму *vélne* или также *velnė*. Затем и Шлейхер Gramm. стр. 175 и Куршат l. c. § 515 отмечают, что форма voc. s. малоупотре-

бительна, да и то, согласно Куршату l. c. § 499, «der Voc. Sing. der zweisylbigen Vornamen, so wie der öfter in der Anrede vorkommenden Substantiva hat zur Endung *-aĩ* statt *-e*». Ввиду всего этого я считаю более правдоподобным, что формы типа *dievè* (при nom. pl. *dievaĩ*) и *velnè* (при nom. pl. *velniaĩ*) — старые oxytona; формы же *diẽve* (при *dievè*) и *vélne* (при *velnè*) : nom. s. **dievàs* (ср. nom. pl. *dievaĩ*) и **velniàs* (ср. nom. pl. *velniaĩ*) = скр. voc. s. *déva* : nom. s. *dẽvá-ḥ* и гр. voc. s. ἄδελφε : nom. s. ἀδελφός.

Выше мною уже было указано, что и в других случаях в литовском встречаем в зват. п. наначальное ударение при
312 (18) наконечном // ударении соответствующего имен. п.; ср. еще voc. du. *gẽru põnu* (при nom. du. *gerù ponù*) у Шлейхера l. c. стр. 203 (из грамматики Mielcke). С другой стороны, правильными следует считать формы типа *põne* и *výre* (ср. nom. pl. *põnai* и *výrai*); а затем, под влиянием колебания между формами вроде *dievè* и *diẽve*, рядом с *põne* могло возникнуть и *ponè* (если действительно встречается форма с таким ударением), тем более что остальные падежи ед. ч. слов *põnas* и *diẽvas* теперь имеют совершенно одинаковую интонацию и так как форма voc. s. на *-e* вообще малоупотребительна (как раз от *põnas* Куршат l. c. § 500 приводит также *põns* в качестве зват. п.); все вышесказанное позволяет думать, что данное Куршатом правило об ударении voc. s. на *-e* не свободно от некоторой схематизации.

Скорее на индоевр. *-e*, чем на *-ĕ*, указывают также формы зват. п. с отпавшим *-e* вроде *põn* у Шлейхера l. c. стр. 175, *Dóvỳd* и др. у Куршата l. c. § 499.

Харьков.

RECENZIJAS

RAKSTU KRĀJUMS, RĪGAS LATV. BIEDRĪBAS ZINĪBU KOMISIJAS IZDOTS. XIV KRĀJUMS. RĪGĀ 1908. G.

[1908 Latvija Nr. 186]

Šo pēc ilga laika atkal iznākušo krājumu varētu vai par «Šmidta krājumu» saukt: gandrīz visi tur ievietotie raksti ir no prof. Šmidta, labi pazīstama senākiem Mēnešraksta[1] un Austruma lasītājiem.<...> 3

Minētā krājumā Šmidts vispirms sniedz piezīmes par Latvju dainu trešā sējuma pirmo un otro daļu; šīs piezīmes attiecas mazāk uz tekstu rediģējumu (par to jau ar ir savā laikā citur runāts) kâ uz dziesmu saturu, viņu nozīmi latviešu kultūras vēsturē, dziesmu vecumu, dažu atsevišķu vārdu nozīmi un teksta kritiku. Te piespraudīšu dažas piezīmes no sevis. Tautasdziesmās dažkārt ir runa par «zaļiem» zobeniem un «zaļu» vaŗu. Šmidts domā, ka tādos gadījumos ir runa par bronzu, jo ne tēraudu, ne vaŗu jau nevarētu saukt par «zaļu». Varētu jau būt; bet jāatgādina, ka leišu vārdam «žalas» (par lopiem runājot) ir nozīme «sarkans» jeb «brūns», tâ ka varbūt arī tautasdziesmu «zaļa» vaŗa zobeni ir tie paši «sarkana» (jeb «brūna») vaŗa zobeni.[2]

Par Burtnieku vārda nozīmi ierunādamies, Šmidts piemin, ka senāk nepareizi tulkojuši šo vārdu ar «rakstnieks», un rāda, ka tautasdziesmās šis vārds apzīmē burvi. Bet varbūt senāk šim vārdam ir vēl cita nozīme bijusi, jo vai tad nu ap Burtnieku ezeru būtu tik daudz burvju bijis, ka viņu dēļ ezers savu vārdu būtu dabūjis? Krievu valodā ir vārds *бортник* «dravnieks» (kas meža kokos savas bites kopj); ja latviešu valodā

[1] [Domāts Mājas Viesa Mēnešraksts (Rīgā 1895—1905). — Red.]

[2] [Sal.: «...par *zaļa vaŗa* nozīmi Šmidtam pilnīgi taisnība...» (rakstā «Atbilde P. Šmidta atbildei» «Latvijas» 1908. g. 293. numurā — šai izdevumā II 33). — Red.]

no tās pašas saknes būtu radīta līdzīga forma, tad tai vajadzētu skanēt *burtnieks*, un ap ezeru varēja būt drīzāk daudz dravnieku nekâ burvju (sal. vietu nosaukumus: *Auļi, Auļukalns,* no *aulis* = kr. *улей*).

Ka vārdi *bet* un *jo* nav īsti latviešu vārdi, bet patapinājumi, to es Šmidtam negribētu ticēt. Par tautasdziesmu vecumu Šmidts runā arī vēl sevišķā rakstā. Viņa domas par šo lietu, īsumā satvertas, ir šādas. Tautasdziesmas gandrīz nepazīstot ne Lutera ticības, ne jaunāko laiku kultūras augu, ne ūdens dzirnavu, ne jaunākās māju ietaises, ne latviešu grāmatu, nei kādu citu kultūras mantu, kas raksturo pēdējos 2—3 gadusimteņus. Citādi tas arī nevarējis būt, jo līdz ar luterānismu te nodibinājušies grūtie vergu[3] laiki un ar darbiem nomāktie strādnieki varot gan būt dziedātāji, bet ne dzejnieki. Pat veco dziesmu ritumu un dzejas likumu latvieši piemirsuši jau XVIII gadusimtenī. Lielum lielā daļa no mūsu tautasdziesmām atgādinot kultūras apstākļus, kādi bijuši katoļu laikmetā Baltijā, t. i., no XIII līdz XVI gadusimtenim, un šai laikmetā esot arī radies mūsu tautasdziesmu vairums. Arī mītoloģiskās dziesmas varot būt cēlušās vēl katoļu laikos, un par «vaŗa zobentiņiem» varējuši dziedāt arī vēl tad (pēc vecām atmiņām), kad vaŗa zobenu vietā lietoti jau tērauda zobeni. Beidzamās domas man šķiet pareizas, bet ka tiešām tautasdziesmu v a i r u m s radies jau katoļu laikmetā, to es vēl neuzskatu par pierādītu. Operēt dziesmu vecuma jautājumā ar tēlotiem un netēlotiem kultūras apstākļiem ir diezgan nedroša lieta. Tâ grieķu Iliadā un Odisejā tēlota ar nodomu ne viņu dzejnieku, bet (pēc episkās mākslas dzejas tradicijām) kāda senāka laikmeta kultūra; rakstīšanas mākslu, piem., Homēra varoņi nepazīst, un taču pierādīts, ka rakstu zīmes grieķi pazina jau tad, kad minētie epi radās savā tagadējā veidā. Tāpēc tad arī no tam vien, ka mūsu tautasdziesmas tikpat kâ nemaz nepazīst, piem., ūdens dzirnavu un grāmatu, vēl nevarēs droši teikt, ka viņu sacerētāju laikā nav vēl bijis Latvijā šo lietu. Bez tam vēl jāvaicā, cik tad vergu laikos bija tādu latviešu, kas prata lasīt? Tautasdziesmu dziedātāji un sacerētāji gan laikam to neprata. Un malšanai saimniekiem bija mājās savas rokām griežamas dzirnus; kāda loma latviešu vidū varēja tolaik būt ūdens sudmalām? Un kâ pats Šmidts
35 nedomā, ka dziesmas par «zaļiem zobentiņiem» būtu // cēlušās bronza laikmetā, tâ, pēc manām domām, varēja pēc atmiņām

[3] [Pirmpublicējumā šis vārds visur ir ar *ē*: *vērgu*. — Red.]

un turoties pie izkoptā un parastā dziesmu stila un dikcijas dziedāt par «lūšu kažociņiem» un «cauņu cepurītēm» arī vēl tad, kad dzīve pati vairs nepazina šādu apģērba gabalu («cauņu cepurītes» jau alliterācijas dēļ vien varēja turēties tautasdziesmās). Tādas dziesmas kâ «kas tie tādi, kas dziedāja» katrā ziņā ir cēlušās vergu laikmetā, ko neliegs laikam arī pats Šmidts, bet, ja tas tâ, kāpēc tad gan arī citas dziesmas (ne gaŗas episkas dziesmas, zināms, bet mūsu īsās četrrindu dziesmiņas) nevarēja celties tai pašā laikmetā? Pavisam pārdrošs Šmidta apgalvojums, ka jau XVIII gadusimtenī latvieši piemirsuši veco dziesmu ritumu; tais nomalēs (Inflantijā, Nīcā), kur tautas dzeja vēl dzīvo, dziesmu teicējām taču bieži vien gadās improvizēt, un tur labākās teicējas gan laikam vēl tagad pārvalda dziesmu techniku.

Seko raksts par Glüka bībeles valodu (gramatikas savādībām un vārdnīcas materiāliem, pie kam beidzamie vākti ne vien no Glüka bībeles, bet arī no citiem XVII gadusimteņa rakstiem). Šis raksts valodniekiem būs ļoti derīgs, bet vēl dērīgāks tas būtu bijis, ja tur būtu sniegts pilnīgs Glüka valodas apraksts. Tagad turpretim valodniekiem vienā vai otrā jautājumā būs arī turpmāk jāgriežas pie paša pirmavota. Tâ, piem., Šmidts piemin, ka XVII gadusimteņa rakstnieki (un arī vēl Glüks) daudzskaitļa ģenitīvā galotnes *-u* vietā lietojuši galotni -o, lai šis locījums atšķirtos no vienskaitļa akuzātīva, kam ar[ī] bieži galotne *-u*. Bet te nu jāievēro, ka šo galotni -o sastopam arī vienskaitļa akuzātīvā XVI gadusimteņa evaņģeliju tulkojumā (piem., weno = *vienu*, Logo = *logu*, maijo = *māju*), Rēhehūzena gramatikā un retumis arī Manceļa sprediķos (piem., Lähkſchano II 85 = *lēkšanu*, Speeſchano II 34 = *spiešanu*, Brehkſchano II 182 = *brēkšanu*). Vai Glüks nekad akuzātīvā nelieto galotni -o, par to Šmidts neko nesaka, tâ ka pētniekam vajadzības gadījumā pašam jāķeŗas pie Glüka. Galotne *-u* abos locījumos gan ir saīsināta no vecāka *-o*[4], bet tomēr Šmidtam laikam taisnība, ka vismaz XVII gadusimtenī pati tauta pazinusi[5] vairs tikai saīsināto galotni *-u* (kâ izsacījies arī prof. Becenbergers sava žurnāla XV sējumā). Tikai velti Šmidts šai jautājumā atsaucas uz tautasdziesmām: kad tagad tautas valoda pazīst vairs tikai galotni *-u*, tad, zināms, arī tautasdziesmās sastopama tikai šī saīsinātā galotne; kad tauta vēl lietoja pilno

[4] [= *-uo*. Šai recenzijā (kur autors runā arī par valodas praksi) divskanis *uo* viscaur apzīmēts ar *o* (pēc parastās praktiskās rakstības. — Red.]

[5] [Pirmpublicējumā: «pat*e* tauta pazinus*e*» u. c. tml. (avīžnieku uzmāktas) formas ar *-e*, pret ko autors šai pašā rakstā protestē! — Red.]

galotni -*o*[4], tad, zināms, arī viņas dziesmās bija šī galotne. Jo nav jādomā, ka tautasdziesmu pantiņu 4. un 8. zilbē no laika gala nav bijis gaŗš patskanis (senāk gaŗie patskaņi tagad saīsināti); bet gan šīm zilbēm arvienu vajadzēja sakrist ar vārda pēdējo zilbi, jeb, citiem vārdiem runājot, šais pauzes vietās vārdi nedrīkstēja zaudēt (piem., elīzijā) savu galotnes patskani. Cik es pats Glüku esmu lasījis (gan tikai daļu no visa), sieviešu kārtas daudzskaitļa datīvā viņš pēc *a* un *e* galotnē pastāvīgi raksta *h*, piem., Seewahm(s), Uppehm(s), bet pēc *i* es šo *h* nebiju atradis (kâ arī nevienu *u*-celmu datīvu). Šmidts nu savā rakstā piemin formu Kruhtihms, bet nesaka, vai pie Glüka ir sastopamas arī citas formas ar galotni -ihm(s) un -uhm(s). Ja minētā forma būtu vienīgā, tad būtu jādomā, ka tā ir tikai kļūda (kur *h* būtu izmetams) un ka Glüka izloksnē *i*- un *u*-celmu daudzskaitļa datīvā galotnes *i* un *u* vēl bijuši īsi (kâ vēl tagad dažās izloksnēs). Tâ Šmidts mūs te atkal atstāj neziņā. Tālāk Šmidts piemin, ka Glüks lieto tagadnes daudzskaitļa otrā personā galotnes -ajt, -eet, -at, -aht. Bet te nu bija jāpiemin, ka (ar samērā retiem izņēmumiem, kuŗus var par nejaušām kļūdām uzskatīt) galotnes -ajt (*ā*-celmos) un -eet (*a*-celmos) Glüks lieto pavēles izteiksmē, turpretim galotnes -at un -aht īstenības izteiksmē. Pāris piemēru: Un Wiſſu, ko juhs darrat (īsten. izt.), ar Wahrdeem, jeb ar Darbeem, darrajt (pav. izt.) wiſſu ... Kolos. III 17. Eſſeet (pav. izt.) it kà es, jo arridſan es eſmu itt kà juhs: Brahki, es luhdſu juhs: Juhs man neeſſat (īsten. izt.) pahri darrijuſchi Galat. IV 12. Nemmeet, ehdeet, ... to darrajt (pav. izt.) uſ mannu Peeminneſchanu ... to darrajt (pav. izt.), zeekſahrt juhs to dſerrat (īsten. izt.), uz mannu Peeminneſchanu. Jo zeekſahrt juhs no ſchahs Maiſes ehdat (īsten. izt.), un no ſchi Bikkera dſerrat (īsten. izt.), tad paſluddinajeet (pav. izt.) to Nahwi. I Korint. XI 24—26. Jādomā, ka Glüka izloksnē minētās galotnes vēl tâ šķīra pēc izteiksmēm (ko darīt esmu ieteicis arī savā gramatikā). Arī vārdnīcas materiālos izlaistas dažas interesantas formas, piem., siev. kārtas daudzskaitlis *vārtis* (dažās izloksnēs vēl tagad), piem., Mat. VII 14 = *vārti*; *abu* II Moz. XXII 10 = *vai, jeb*. Dažos sīkumos nevaru būt vienis prātis ar Šmidtu. Tâ, piem., nevaru atzīt par pareizām domas, ka Glüks blakus formai *prieks* pēc vācu valodas parauga radījis sieviešu kārtas formu *prieca*. No kurienes tad *k* vietā tur būtu nācis *c*? Bez tam Inflantijā vēl tagad pazīst formu *prìca* (= *prieca*), un vispāri pazīstamais darbības vārds *priecāties* var būt atvasināts vienīgi no *prieca* (kâ *bēdāt* no *bēda*, *maitāt* no *maita*,

mizot no *miza*), bet ne no *prieks* (no *prieks* varēja celties tikai *priekāties* kâ *jokāt* jeb *jokot* no *joks*). Formas *pirmis* (= *pirmāk*) un *labis* (= *labāk*) nav daudzskaitļa instrumentāļi, bet veci komparātīvi, kam līdzīgus atrodam prūšu valodā, kâ savā laikā citur[6] jau esmu aprādījis. Izrakstīdams no XVI un XVII gadusimteņa pieminekļiem tādas tagadnes trešās personas formas kâ notefe (= *notiek*), gluhna (= *glūn*), pahrwarra (= *pārvar*), Šmidts domā, ka tolaik tagadnes *a*-celmiem trešā personā vēl bijusi galotne *-a*. Bet XVI gadusimteņa tekstos sastopam arī, piem., nōmin. czelſche (= *ceļš*), tagadnes trešo personu nokouwe «nokau(j)»; un pie Manceļa un Glūka varēja tādas formas (kâ gluhna, trihſe) rasties pēc citu vairākzilbju verbu parauga (kâ, piem., *gādā, meklē*). Tâtad nav nekāda pamata domāt, ka tolaik tagadnes *a*-celmiem trešā personā vēl bijusi galotne *-a*. Pēc Šmidta domām vārds *lai* radies zem vācu valodas iespaida; bet vai tad arī krievu *пусть* (no *пустить*) // būs ģermānisms? Pie vārda *nogs* (ar tādu akcentu[7] 41
kâ vārdos *logs, kost*), kas sastopams (nozīmē «pliks, kails») XVI un XVII gadusimteņa rakstos, piezīmēšu, ka to vēl tagad lieto Ļaudonā un Lubānē ar nozīmi «nabadzīgs, bez mantas palicis»; mūsu dzejnieki varētu ar šo veco vārdu mūsu rakstu valodu kuplināt. No Glūka bībeles Šmidts izraksta arī vārdu *palāda*; šo vārdu (kas nozīmē «pūce») Glūks laikam ņēmis no savas Alūksnes izloksnes, kur vidus izloksnes platais *e* pārvēršas par *a*. Rakstu valodā tâtad tas vārds skanētu *pelēda* (kas peles ēd); arī lietojams vārds blakus «pūcei». Apstākļu vārds *pikši* «ātri, dūšīgi» pēc Šmidta domām cēlies no vācu *fix*; es domāju, ka *pikši* ir tāda pati augšzemnieku forma no *pikts* kâ *reši* no *rets, stalši* no *stalts*.

Seko raksti par Kurbadu jeb Lāčplēsi un par teiku par Krumines meitu Nāulu, kur autors analizē šīs teikas un atrod tur daudz viltojumu; tam pieslienamies tâpat kâ Šmidta senākiem rakstiem par viltojumiem mūsu tautas gara mantu krājumos. Beigās vēl no Šmidta raksts par veco latviešu puķu dārzu (atbilde A. Bandrevičam). Ieminēšos vēl par dažiem praktiskiem valodas jautājumiem sakarā ar Šmidta rakstiem. Šmidts (un daži citi) tulko kr. *зависит* ar «atkaŗas»; bet *kaŗas* taču nāk no *kārties*, kamēr no *atkarāties* tagadne ir tikai *atkarājos*, trešā personā: *atkarājas*. Citur viņš ierunājas par «Dāvis kungu»; kāpēc gan ne par «Dāvja kungu»? Vai tad

[6] [Rakstā «Lettische Komparativbildungen» — šai izdevumā I 243 skk. — Red.]

[7] [t. i., intonāciju. — Red.]

mums būs jāsaka arī «Šmidts kungs»? Šmidts neraksta *tuvu*, bet (izloksnes formu) *tūvu;* izlokšņu forma *tivu* (kur *i* cēlies no īsa *u*) rāda, ka pareizi jāraksta *tuvu*. Tālāk tas raksta: *cik pareizas arī šās domas nebūtu* (103. lpp.); *tīšs izdomājums, no kā tas arī nebūtu atstāstīts* (143. lpp.). Latviski šā «krievisma» vietā teiktu: *lai cik pareizas būtu šās domas; tīšs izdomājums, lai no kā tas būtu atstāstīts;* kâ pats autors pareizi raksta: *lai nu arī pirmās kāršu rozes būtu kādas būdamas* (148. lpp.), bet nevis: *kādas arī nebūtu* (= *каковы бы ни были*) *pirmās kāršu rozes*. Par beidzamiem jautājumiem, kâ jau teikts, ieminējos viņu praktiskās intereses dēļ. Un visas manas kritiskās piezīmes ne grib, ne var pārrunāto rakstu nozīmi kaut kâ mazināt; tās rāda tikai, ar kādu interesi es tos esmu lasījis. Pateicoties Šmidta rakstiem šis XIV krājums ir ne vien stingri zinātnisks, bet var būt pievilcīgs arī plašākai publikai, kas interesējas par latviešu folkloristiku. Bez tam vēl šai krājumā ievietots īss rakstiņš no manis par Ūsiņu[8] (atbilde māc. Auninga kgam), kur aizstāvu domas, ka *Ūsiņš* laikam cēlies no krievu *Овсень* jeb *Усень*, bet ka šiem abiem nevar nekāds sakars būt ar *austru* un indiešu *ušās*. Tikai jāsūdzas man te atklātībā, ka šis raksts iespiežot stipri sabojāts. Korektūru man pašam nav piesūtījuši, un Rīgā pieņemtais korektors, satura nesaprazdams, ir pielaidis tādas drukas kļūdas, kas
4₂ tekstu dažā vietā padara par aplamību. // Bet par to šis korektors ņēmies vismaz manu valodu labot. Auninga kgs lai nedomā, ka e s viņu pārkristījis par Auniņu. Bet solamen miseris! Pat lielajam Lessingam jāpacieš, ka daži latviešu patrioti viņu pārlatvisko par «Lesiņu». Ir jau ar[ī] saprotama šī korektoru manija citiem valodu labot. Nesen pa avīzēm zobojās (un dažs pat nepieklājīgā veidā), ka valsts domnieks Karlsbergs neprotot latviski rakstīt. Citādi es šo kungu neņemos aizstāvēt, bet šai lietā pret viņu izturas netaisni. Palūkosim, cik labi tad citi prot latviski! Teodors, uz kuŗu šai ziņā var paļauties, izteicis reiz Jansonam (Fauni vai klauni? 31. lpp.) «savu dziļāko ilgošanos, kaut jel kādreiz latviešu rakstnieki, kuŗu darbus tas uzņem savā Jaunā Ražā, varētu izmācīties c i k n e c i k pareizi lietot — ortografiju un interpunkciju». Varbūt šo «rakstnieku» ražojumi oriģinālā mazāk dīvaini par zināmo Karlsberga vēstuli. Un kāds s k o l o t ā j s man vēl nesen atzinās, ka, a m a t ā i e s t ā j i e s, tas vēl p a v i s a m n a v p r a t i s o r t o g r a f i s k i rakstīt. Un nav jau brīnums. Semi-

[8] [Šai izdevumā II 36—40. — Red.]

nāru[9] audzēkņi, cik man gadījies dzirdēt, latviešu valodas stundās gribot nodarboties ne ar gramatiku un ortogrāfiju, bet tik ar modernāko literātūru. Un kas tad tagad no latviešu valodas skolotājiem prasa kādu eksāmenu? Latviešu valoda jau ir tas mācības priekšmets, kuŗu var mācīt katrs, kam patīk. Tad nu ir saprotams, ka korektori paraduši labot ne vien drukas kļūdas, bet arī valodu, bet tad arī pie visiem! Pie tam viņiem ir savi zināmi likumiņi. Tâ daži iedomājušies, ka no *vākt* tagadne ir *vāķu* (tā ir tikai Leišmales forma!); un tâ arī es reiz, uzrakstījis manuskriptā pareizi *vācu* (kâ *braucu* no *braukt*), atradu iespiestu ar «pārlabojumu» — *vāķu*. Jeb atkal dažās avīzēs korektori iedomājušies, ka vienīgi pareizi ir rakstīt *pate, nākuse, braukuse,* un tad bez žēlastības izskauž vecās un pareizās formas *pati, nākusi* utt. Pie tam īstas kļūdas bieži tiek atstātas nelabotas. Vienīgi pret «dzejnieku» ražojumiem (arī prōzā) tie izturas ar svētu bijību, lai tie rakstītu kâ rakstīdami. Tâ līdz šim mēs visi domājām, ka no *brienu* (jeb *briedu*) nenoteicamā izteiksme ir *brist,* bet nesen kāds dzejnieks sācis atvasināt no *brienu* — nenoteicamo izteiksmi *briet* (!), kâ no *sienu* — *siet,* un šo *«briet»* (pat prōzā!) korektors, zināms, ar respektu atstāj nelabotu!

---

[9] [Pirmpublicējumā: zemināru. — Red.]

ЛАТЫШСКАЯ ГРАММАТИКА ЛЕТГАЛЬСКОГО НАРЕЧИЯ. СОСТАВИЛ А. Д. СКРИНДА

LATWĪŠU WOLUDAS GRAMATIKA. SARAKSTĒJA UN IZDEWE ONTONS SKRINDA. PITERBURGĀ. 1908. G.

[1908 Latvija Nr. 183]

2_1 Ka Vitebskas latviešu (jeb inflantiešu) patrioti, gādādami par viņu izglītību, tiem pirmā laikā raksta grāmatas viņu pašu izloksnē, pret to nekas nav ko iebilst; jo vispirms jau tie jāpieradina pie lasīšanas, un, vispāri kļuvuši par grāmatu un laikrakstu lasītājiem, tie vēlāk varēs vieglāk saprast arī mūsu rakstu valodu. Bet arī inflantieši nerunā vis vienādi, un tāpēc radās jautājums, kādai būt inflantiešu rakstu valodai. Bija jau nu gan arī agrāk dažas garīgas grāmatas un pat gramatikas un vārdnīcas inflantiešu izloksnē; bet šo grāmatu bija maz, un tās bija rakstītas no sveštautiešiem, tâ ka nav ko brīnīties, ka izglītotiem inflantiešiem, kad tie grib savu rakstniecību radīt, vispirms jāspriež par savas rakstu valodas formu. Kâ redzams no paša autora vārdiem (piem., 27. lpp.), šis valodas jautājums ir no inflantiešu literātiem apspriests kādā sapulcē 1907. g. Cik varu noprast, tad projektētā inflantiešu rakstu valoda pilnīgi nebūs vienāda ne ar vienu inflantiešu izloksni, bet ir raudzīts viņu tuvināt mūsu rakstu valodai. Tâ, piem., mūsu piedēklis *-iba (gudriba)* ar gaŗu *i* likumīgi pārvēršas inflantiešu izloksnēs (kur mūsu gaŗais *i* kārtīgi pārvēršas par *ei*) par *-eiba (gudreiba)*, bet tomēr nosprieduši rakstīt *-iba (gudriba)*, varbūt ievērojot to, ka dažas izloksnes saīsina gaŗo *i* šai piedēklī. Jeb mūsu pamazināmās galotnes *-iņš (kalniņš)* vietā inflantieši lieto galotni *-eņš (kalneņš)*, bet tomēr Skrinda māca inflantiešus, ka arī viņiem labāk rakstīt *-iņš* (ar naivo pamatojumu, ka ar *i* jau rakstot arī citas galotnes, piem., *-its, -iba, -igs*!). To nu gan māca Skrinda pret sapulces majoritātes spriedumu; gluži kâ pie mums, kad kādas sapulces ir radījušas kādus spriedumus par ortografiju, pēc tam arvien
2_2 avīzēs pret to pace| savu balsi lielie gari, kas nevar pa-//doties

majoritātes spriedumiem. Skrinda, kas tâ uzņēmies noteikt (dažkārt pat viens pats) normu inflantiešu rakstu valodai, gan nav valodnieks, bet (ja nemaldos) mediķis (kâ mums pirmo gramatiku sarakstījis jurists Stērste). Un pie tam viņš sniedz ne vien paradigmas, bet arī teorētiskus izskaidrojumus. Ko gan viņš teiktu, ja kāds filologs sāktu, piem., par deguna un ausu kaitēm rakstīt? Ja pie tam vēl šīs gramatikas autors zinātnisko literātūru, pat mūsu «Latviešu gramatiku»[1] ir pilnīgi ignorējis, tad viegli iedomāties, ka autora teorijas ir viscauri nepareizas un ka tas kâ kādu jaunu gudrību māca (pie tam neveiklā formā) lietas, kas valodniekiem jau sen pazīstamas (piem., 9 § par «asimilāciju»). Priekšvārdos gan autors lasītājus lūdz aizrādīt viņam visus grāmatas trūkumus, lai tos turpmāk varētu izlabot, bet neticu, ka tur var ko līdzēt. Vienkārt, diletanti grūti pārliecināmi, ka viņu pašu izdomātās teorijas ir nepareizas, un tad, ja jau Skrinda tiešām būtu gribējis ko no citiem mācīties, viņš būtu varējis izstudēt Mūlenbacha un manu Latviešu gramatiku. Bez tam «Latvijas» lasītājiem pietrūktu pacietības, ja es gribētu visus grāmatas trūkumus pārrunāt; tāpēc minēšu te tikai dažus. Kâ jau mūsu gramatikā pieminēts, inflantieši pazīst tikai divējādu gaŗumu: krītošu un lauztu, bet Skrinda māca, ka viņiem esot trejāds gaŗums: stiepts (= krītošs), grūsts, lauzts.[2] Izrādās, ka viņš trešo gaŗumu atrod lokātīva galotnē (!), lai gan pats turpat piemin, ka lokātīva galotni (piem., *upê, upês*) izrunā ar to pašu lauzto akcentu[3], ar kuŗu, piem., vārdā *dēls* (bet šai vārdā viņš šo pašu akcentu sauc citādi, proti, par «grūstu»). Tālāk Skrinda vairākkārt nepareizi apgalvo, ka inflantiešiem uzglabājusies vecāka skaņu sistēma nekâ mūsu rakstu valodā, kuŗas skaņas esot grozījušās zem kaimiņu valodu iespaida; kâ tagad inflantieši izšķiŗ, piem., *kolns* un *kaļņeņš, bārns* un *bērņeņš* jeb runā, piem., *gūds* (= *guods*), *ļīpa* (= *liepa*), *eists* (= *īsts*), līdzīgi esot senāk arī visi Baltijas latvieši runājuši. Valodniecība māca, ka mūsu rakstu valodā skaņu sistēma ir vecāka nekâ // inflantiešu izloksnē. Kâ mēs, baltieši, cenšamies savās 2₃
ortografijas reformās tuvoties inflantiešiem, tâ arī inflantiešiem

---

[1] [Latviešu gramatika. J. Endzelīna un K. Mūlenbacha sarakstīta. Rīgā 1907. — Red.]

[2] [Kā paskaidroja A. Breidaks, A. Skrinda nav šķīris trīs garumus runā, bet tikai grafiski, pēc tradicijas lokatīva galotnē rakstot lauztās intonācijas zīmi. — Red.]

[3] [t. i., intonāciju. — Red.]

vajadzētu to pašu darīt, bet Skrinda pa daļai vēl vairāk atsvešina mums inflantiešu ortografiju. Runāju te par līdzskaņu mīkstināšanu, kas pie Skrindas (pēc poļu ortografijas parauga) ir pavisam nezinātniska un nepilnīga un mums sveša. Mīkstināšanu tas apzīmē ar *i*, kad seko patskaņi *a, o, u* (piem., *niurdēt, liaut*; bet tad tādus vārdus kâ *Niagara, biografija* var lasīt arī: *Ņagara, bjografija*), ar apostrofu vārda beigās dažos gadījumos, piem., *atpakaĺ* (bet, piem., *del* = *dēļ* tas raksta bez apostrofa, tāpēc ka iepriekšējais patskanis *e* jau rādot *ļ* mīkstinājumu), vai arī nemaz (piem., infinītīvā un *i*-celmos). Pavisam dīvaina tad iznāk rakstība vīriešu kārtas vārdos ar galotni *-is* (piem., *brālis, briedis*); šie vārdi inflantiešu izloksnē zaudē savu *i*. Bet Skrinda māca rakstīt, piem., *brȍlis, sunis* ar *i* (lai gan beidzamā vārdā, kâ mūsu gramatikā teikts, nekad nekāds *i* nav bijis), jo *brȍls, suns* varētu izrunāt ar cietu *-ls, -ns* (kamēr inflantiešiem šie galotnes līdzskaņi te ir mīkstināti), turpretim, piem., *mels, brȉds* (= *melis, briedis*) — bez *i*, jo te iepriekšējie patskaņi *e* un *i* rādot galotnes līdzskaņu mīkstinājumu; bet tad jau *brȉds* (= *briedis*) ar mīkstu *-ds* nekâ neizšķiras rakstībā no *zȉds* (= *zieds*) ar cietu *-ds*. Tâtad šī mīkstināšanas apzīmēšana neiztur nekādu kritiku un aplam atsvešina inflantiešus no baltiešiem. Aplam māca arī Skrinda, ka latviešu valodā vairs neesot instrumentāļa; lai tas taču palasās mūsu gramatikas 302. §. Pavisam nezinātniska ir arī Skrindas deklinācijas iedalīšana: vārdus *sirds* un *brālis*, piem., tas aptver vienā deklinācijā, tāpēc ka abi vārdi lokātīvā beidzoties ar *-î*. Bez kādas vajadzības tas atsvešinās no baltiešiem, rakstīdams īpašības vārdu noteicamo galotni ne *-ais* (kâ mēs), bet *-ajs;* to neprasa ne zinātne, ne izruna. Atgriezeniskos lietu vārdus kâ, piem., *skatitājies, steidzējies* Skrinda aplam dēvē par tagadnes divdabjiem. Aplam māca arī Skrinda, ka jārakstot, piem., ne *līšana* (no *līst, liedu, līdu*), bet *līššana;*
2₄ te iz-//runā dzird tikai *-š-* (nevis *-šš-*), un vārda sakne jau ir *līd-* (nevis *līs-*). Tâpat, uz izrunu pamatojoties, nav nekāda iemesla atmest rakstību *laušana, raušana* (no *raust*), *nešana* un tai vietā ar Skrindu rakstīt *lauzšana, rauššana, nešana.* Beigās vēl pieminēšu, ka autors inflantiešus[4] nepareizi sauc par latgaliešiem: senā Latgale neaptvēra tikai tagadējo Inflantiju, bet arī lielu daļu no Vidzemes, un inflantiešu izloksne jau ar[ī] daudz neatšķiras no Augškurzemes, Lubānes un Gulbenes izloksnēm. Tâtad var gan izšķirt inflantiešus (bet ne latga-

[4] [Šis vārds neieviesās. — Red.]

liešus) un baltiešus, bet arī tikai politiskā (ne dialektoloģiskā) nozīmē.

Valodniekiem noder Skrindas grāmatā tikai (diemžēl) īsās un retās piezīmes par dažām inflantiešu izlokšņu savādībām. Kaut taču kāds inflantietis pamatīgi aprakstītu (bez visiem teorētiskiem izskaidrojumiem) kādu Inflantijas izloksni. Zin. komisijas Rakstu krājums ar prieku uzņemtu tādu aprakstu.

В. А. БОГОРОДИЦКИЙ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОРДИНАРНЫЙ ПРОФ. ИМПЕРАТОРСКОГО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ОЧЕРКИ ПО ЯЗЫКОВЕДЕНИЮ И РУССКОМУ ЯЗЫКУ. ИЗДАНИЕ 2-Е, ИСПРАВЛЕННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

КАЗАНЬ, 1909 Г. VI + 460. ЦЕНА 2 Р. 50 К.

[1909 ЖМНПр., новая серия XXIII, сентябрь, 2, 194—206 un atsevišķā novilkumā]

194 Очерки эти следующие: 1) семейства и типы языков и их характеристика; 2) обозрение «арио-европейских» языков; 3) к вопросу о смешанных языках; 4) об изучении русской речи; 5) краткая физиология звуков применительно к русскому языку; 6) классификация звуков с точки зрения анатомо-физиологической и слуховой; 7) наблюдения посредством мышечного чувства над произношением звуков русского языка; 8) физико-акустическая сторона произношения; 9) очерк физиологии произношения языков французского, английского и немецкого сравнительно с русским; 10) о русском правописании; 11) изучение малограмотных написаний; 12) о влиянии на ударяемые гласные твердости и мягкости соседних согласных в общерусском языке; 13) гласные без ударения в русском языке; 14) русский текст в научно-фонетической транскрипции; 15) наблюдения над изменением высоты тона в отдельных словах и в предложении; 16) этюд по психологии речи; 17) введение в морфологию, 18) об основных факторах морфологического развития языка; 19) о частях речи; 20) психология поэтического творчества в соотношении с научным; 21) важнейшие данные сравнительной фонетики «арио-европейских» языков; 22) несколько страниц из истории звукового развития русского языка; 23) обзор падежных окончаний именного склонения в «арио-европейских» языках; 24) обзор личных окончаний глагола в «арио-европейских» языках; 25) о началь-

ном преподавании русской грамматики. Одно это оглавление уже свидетельствует о разнообразии предметов, изучаемых автором, и до известной степени может заменить собою более подробный пересказ содержания. Ввиду популярности изложения можно эту книгу рекомендовать всем интересующимся наукою о языке, в особенности же преподавателям языков и словес-//ности; 195
также лица, которые сами работают в области языковедения, могут ее прочитать не без пользы для себя, так как мы тут имеем дело не только с передачею общеизвестных (среди лингвистов) фактов, но также с новыми вкладами в науку, в особенности в исследованиях по физиологии звуков (по преимуществу русского языка). Подробная рецензия на 1-е издание этих Очерков, помещенная в ЖМНПр. за 1903 год (апр. 279—334 и май 1—39) профессором Бодуэном де Куртенэ, избавляет меня от необходимости дать обстоятельную оценку и подробный разбор этого 2-го издания, которое автор по справедливости называет исправленным, так как указания рецензента в большинстве случаев приняты им во внимание. Но все-таки осталось еще несколько ошибок и неточностей, на которые я здесь укажу ввиду того, что автор намерен приступить еще к новому изданию, как узнаём из предисловия к этому второму изданию.

На стр. 22 говорится: «Литовская семья подразделяется на две группы: 1) группа литовская в тесном смысле[1] и 2) группа латышская. К группе литовской в тесном смысле принадлежал язык древнепрусский». А между тем всякому, кто хоть сколько-нибудь занимался балтийскими языками, известно, что балтийские языки распадаются на группы литовско-латышскую и древнепрусскую. Не совсем точно также сообщение (на той же стр.), что прусский язык сохранился только в памятниках от XVI века, так как Эльбингский немецко-прусский словарик относится к более раннему времени. — «Незначительная» часть Витебской губернии, занимаемая латышами (на той же стр.), представляет собою целых три уезда.

На стр. 275 аттические формы вин. п. множ. ч. πόλεις, γλυκεῖς, εὐγενεῖς объясняются «графической» аналогией к имен. п. множ. ч. «вследствие наступившей одинаковости произношения ει и η». Эта одинаковость наступила, однако,

---

[1] [Pirmpublicējumā šie u. c. uzsvērtie vārdi iespiesti kursīvā, šai izdevumā — retināti. — Red.]

в аттическом наречии, как известно, не раньше конца второго века после Р. Хр., когда и *ē*, обозначаемое через η, перешло в *ī*, между тем как ει, какого бы происхождения оно ни было, в аттическом, как тоже общеизвестно, стало произноситься как *ī* уже в третьем столетии до Р. Хр., так что предлагаемое проф. Богородицким объяснение, очевидно, невозможно. То же самое следует сказать об объяснении, данном там же для формы γένη в значении им. и вин. п. двойств. ч.

Там же и на стр. 411 так называемый «дательный само-
196 стоя-//тельный» в славянском объясняется как первоначальный locativus absolutus; а между тем, как известно, dativus absolutus имеется также в литовско-латышском, где его никак нельзя выводить из местного падежа, а славянский dativus absolutus, вероятно, стоит в связи с литовско-латышским.

На стр. 277 и 395 утверждается, что окончание *-ius* вместо *-is* (sic!) в «мягком втором» склонении «классической латыни» возникло по аналогии к соответствующему «твердому» склонению, и объясняются «древнелатинские» *alis* (= *alius*), *Cornelis* из **-al-ies* (откуда, однако, *e* вместо *o*?) > *-iis* > *-is*, **Cornelies* (sic!) > *-iis* > *-is*, так что читатель может прийти к неправильному заключению, будто бы окончание *-ius* возникло только в классической латыни на месте древнелатинского *-is* (откуда, впрочем, г. Богородицкий знает, что в *alis, Cornelis* было долгое *i*?). А между тем по памятникам, как известно, окончание *-ius* древнее окончания *-is* (имеются даже надписи, где вместо *u* в *-ius* читается еще древнее *o*); что касается формы *alis*, то Плавт и Теренций ее вовсе не знают, и средний род *alid* (с кратким *i*) встречается впервые у Лукреция, между тем как достоверно засвидетельствованные формы мужского рода *alis* впервые встречаются немножко позднее Лукреция, и притом главным образом в сочетании *alis alium*, так что весьма правдоподобна гипотеза Зоммера, по которой это *alis* первоначально и возникло в сочетании *alius alium* (ср. Sommer Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre 365 слл. и IF XXIV 18 слл.).

В выноске той же стр. 277 читаем, что, быть может, славянский суффикс *-vo* (в род. п. ед. ч. местоименного склонения) находится в сродстве с греческим суффиксом *-ϝο* (того же падежа), встречающимся в одной коркирской надписи; окончание *-αϝο* мы знаем теперь также из одной гельской надписи, но ϝ в нем, вероятно, представляет собою просто переходный звук от α к ο; ср. Brugmann Griechische Grammatik³ 224.

На стр. 336[1] говорится, что в готском имеется слово *wagan* «currus». Слово это не готское, но древневерхненемецкое; в готском же оно имело бы форму **vagns*.

На стр. 337 в числе форм с индоевропейским кратким *a* дается также «древнелатинское» *acrus* (= *acer*); формы по второму склонению мне известны не из древней латыни, но из более позднего времени, причем краткость начального *a* нигде не засвидетельствована, между тем как обычное *acer*, как известно, имеет долгое *a*. //

В выноске на стр. 337 сл. утверждает автор, что в славян- 197
ском не только *ŏ* сохранилось в виде *o*, но и *ă* изменилось в *o* и что это изменение произошло еще в эпоху «литво-славянскую», причем еще для «основно-литовского» необходимо предположить совпадение *ŏ* и *ă* в виде *ŏ*, а это будто бы подтверждается тем, что при «некоторых фонетических условиях» (каких?) вместо обычного *a* имеется *u*, наприм. *ugnìs* «огонь», предполагающее более раннюю ступень не *a*, но *o*; самое же убедительное доказательство автор находит в жемайтском наречии, где вместо тавтосиллабического *an* видим *on*. Это «убедительное» доказательство было бы еще более внушительно, если бы тут было упомянуто, что и латышское *uo* (= лит. *an*) предполагает более древнее *on* (не *an*), к которому восходит также восточнолитовское *un*, но пренебрегать данными латышского языка принято считать позволительным. Если мы, однако, вспомним, что и в других языках гласные перед носовыми становятся более закрытыми (так, наприм., в провансальском, в армянском и также в языке авесты, где *a* перед носовыми при невыясненных еще условиях перешло в *ə*; относительно же характера этого звука ср. то обстоятельство, что *ə* является часто взамен *o*, и Bartholomae Zum altiranischen Wörterbuch 54) и что рядом с *on*, *un* (на месте первоначального *an*) в литовских говорах имеются *en* (с закрытым *e*), *in* (на месте первоначального *en* с открытым *e*), то доказательство, представленное г. Богородицким, по-видимому, придется считать менее убедительным. Что же до лит. *ugnìs*, ла. *uguns* «огонь» (возникновение этого *uguns* и восточнолатышского *guns* объясняется, может быть, влиянием русского *огóнь*) и лит. *ùpė́*, ла. *upe* (рядом с прусск. *ape*!) «река», то их начальное *u* (вместо ожидаемого *a*) в данном случае не может иметь никакой доказательной силы, пока г. Богородицкому не удастся выяснить, почему предполагаемое им *o* перешло в *u* только в этих двух словах, а не также в прочих формах. Принимая, наконец, во внимание, что

также в соседнем индо-иранском (в правильности своего учения о переходе на индо-иранской почве праязыкового *o* в открытых слогах в *ā* теперь меньше уверен и сам Бругман, как показывают его новейшие труды, и, в самом деле, после опровержения гипотезы о двух различных индоевропейских *o* нельзя отстоять и правило о переходе *o* в *ā*), албанском и (по крайней мере, в корневых слогах) германском *o* перешло в *a*, я подобно другим языковедам полагаю, что в связи //
198 с этим также в славяно-балтийском первоначальное *o* перешло в *a*, а затем на славянской почве вместе с первоначальным *a* — в *o*, ср. Сборник статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову 557[2], Mahlow AEO 2, Meillet Introduction (2de éd.) 380, Kretschmer AfslPh. XXVII 228 слл., van Wijk PBrB XXVIII 250[1], Charpentier AfslPh. XXIX 1.

На стр. 339 говорится, что в «арио-европейском» праязыке предполагается (вернее было бы: предполагалось) еще существование особого *ŏ* (также *ō*), не чередовавшегося с *ĕ*, и что для определения этого *o* особенно важны указания армянского языка, в котором оно отражается в виде *a*, между тем как рефлексом для другого *o* служит *o*; наприм., греческим словам πόσις, ὅσσε соответствуют в армянском *hai* (sic!), *ačkh* (sic!). После статьи Педерсена KZ XXXVI 86 слл., однако, проф. Богородицкий мог бы подобно Бругману предать забвению эту несчастную идею де Соссюра и Бартоломэ о двух различных *o*.

На стр. 330 приводится греческ. εἴδομαι в значении «вижу»; мне же, и, вероятно, и самому автору, оно известно только в значении «показываюсь, уподобляюсь».

На стр. 341 приводится латинское *it* (с долгим *i*) «идет». Следовало, однако, упомянуть, что в классической латыни *i* тут (перед *-t*) сокращено, так как читатели, занимавшиеся латинским языком только в гимназии (где Плавта и Энния не читают), иначе могут быть в недоумении. Опасность эта, правда, невелика, так как в наших гимназиях (и отчасти даже университетах), насколько мне известно, мало обращают внимания на количество гласных в латинском языке.

В выноске на стр. 342 автор говорит относительно славянского *-и* рядом с *-ѣ* (из *-oi*; наприм., црксл. им. п. множ. ч. *влъци* рядом с местн. п. ед. ч. *влъцѣ*): «Эту вариацию в славянском отражении конечного ае. **-oi* современная лингвистика старается связать с различием характера первоначального ударения, основывая такое предположение между

[2] [Sai izdevumā I 230 sk. — Red.]

прочим на том, что в греч. в соответствующих формах наблюдается именно неодинаковость ударения, ср. οἴκοι (loc. sing.) // οἶκοι (nom. pl.)». Читатель после этого должен прийти к заключению, что при нисходящей интонации (циркумфлексе; ср. греч. Ἰσθμοῖ рядом с οἴκοι) окончания *-oi* оно в славянском дает *-ѣ (влъцѣ)*, при восходящей же интонации (акуте; ср. καλοὶ рядом с οἶκοι) — *-и (влъци)*, между тем как те лингвисты, которых тут // г. Богородицкий, 199
по-видимому, имел в виду, держатся как раз противоположного мнения.

На стр. 344, где идет речь об отражении индоевропейского дифтонга *eu*, в числе форм, представляющих рефлекс этого дифтонга, приводятся лит. *baudžiù* «наказываю», *raugiù* (sic! Откуда это ударение? Куршат в своем словаре дает это слово без ударения; корень же его имеет нисходящую интонацию, так что ожидается ударение тут на корневом слоге, ср. *riáugiu* в грамматике Шлейхера 245) или *riaugmi* «отрыгаю» и даже *liúbiu* «имею привычку» (почему в первом случае *eu* отражается в виде *au*, во втором — в виде *ʹau* и в третьем — в виде *ʹū*, — об этом и речи нет), хотя Бодуэн де Куртенэ в своей рецензии уже напомнил автору, что лит. *liúbiu*, вероятно, заимствовано из славянских языков (если же оно не заимствовано, то его *ú* восходит, разумеется, не к индоевропейскому *eu*, но к *ū*). И дело мало изменяется к лучшему, если в выноске к этому месту говорится: «Некоторое отступление представляет отражение дифтонга **ĕu* на почве литовского и славянского. Там **ĕ* обычно отражается в виде *e*, между тем как в дифтонге **ĕu* в положении перед согласными мы встречаем изменение *ĕ* в *i* и затем в *j*, под влиянием которого смягчается предшествующий согласный... Однако некоторые исследователи считают нормальным отражением ае. **ĕu* перед согласными в литов. в виде *au* или *iau*..., т. е. принимают изменение **ĕu* → *ou* (лит. *au*)..., причем стадия *ou* относится в эпоху литво-славянскую; особенность же рефлекса в лит. *liúbiu* они объясняют тем, что признают это слово заимствованным». Если бы действительно праязыковое *eu* изменилось на славяно-балтийской почве в предполагаемом г. Богородицким направлении, то ведь (после перехода *e* через *i* в *j*) получилось бы в праславянском *ь* (из более древнего *ъ* после *j*), а в балтийском — краткое *u* с смягчением предшествующего согласного (откуда же в таком случае долгота *u* в лит. *liúbiu*?). И поэтому не только «некоторые» исследователи,

как выражается автор, но все, которые мало-мальски изучали историю балтийских языков, убеждены в том, что рефлекс праязыкового *eu* еще в славяно-балтийскую эпоху совпал с рефлексом праязыковых *au* и *ou*, не соглашаясь пока друг с другом только в вопросе, считать ли смягчение согласного, предшествующего славянскому *y*, балтийскому *au* (на месте первоначального *eu*), обязательным или нет, причем теперь
200 все более и более распро-//страняется мнение, по которому это смягчение следует считать нормальным.

На стр. 345 лат. *fio* «делаюсь» возводится к **fēi̯o* (sic!). Объяснение это, вероятно, оригинально (ожидалось бы, впрочем, значение «делаю»), но, пока г. Богородицкий нам не объяснит, отчего в словах *fleo* (из **bhlēi̯ō*) «плачу», *neo* (из **nēi̯ō*) «пряду» и др. мы имеем в корне не *i*, но *e*, я буду предпочитать обычную этимологию слова *fio*.

На той же странице греч. ἵημι «бросаю» производится от корня *sē-* «сеять». Эта этимология когда-то прежде пользовалась большою популярностью, но теперь настолько оспаривается (ввиду сходства греч. ἧκα с лат. *jēcī*), что не следовало повторить ее без всякой оговорки, особенно в книге, назначенной для более широкой публики. Там же приводится лит. *sėmuõ* «семя», между тем как Куршату известна только форма множ. числа *sėmenys* или *sėmens*, Нессельману же — *sėmuo*.

На стр. 346 дается лит. *broterėlis*, между тем как следовало писать *broterēlis*.

На стр. 352 сл. автор говорит, что для праязыка принимают (также перед гласными) долгие слогообразующие плавные и носовые (причем в качестве примеров даются скр. *puri-* «город» : гр. πόλις ; скр. *guru-* «тяжелый» : гр. βαρύς : лат. *gravis;* скр. *giri-* «гора» : лит. *gìria* «лес» : слав. *гора;* греч. θανεῖν), но что он лично не склонен предполагать долгих слогообразующих плавных и носовых в положении перед гласными. Личное мнение автора в данном случае является до такой степени господствующим в лингвистике, что автору, вероятно, было бы довольно трудно указать, кто теперь еще усматривает в приведенных формах рефлексы долгих носовых и плавных сонантов.

В первой выноске на стр. 354 говорится, что в индоиранском гласный *i* (там, где он соответствует европейскому *a*) «выработался уже после эпохи смягчения заднеязычных согласных в шипящие, так как перед ним этого смягчения не наблюдается, ср. скт. *gáyati* «поет» // *gīyátē* (стр.), *gītáḥ*

(прич.)». Иногда, правда, полагают, что краткое *i* в таких случаях вытеснено долгим *ī*. Так, наприм., Бругман (KVG 512) считает скр. *-nīmas* в I л. множ. ч., наприм. *jānīmas* «знаем», новообразованием вместо **-nimas,* ссылаясь на то, что в родственных языках нет никакого *i* тут после *n*; а между тем ср. ла. *zinim* «знаем» // (при *zinu* «знаю» и *zinât* «знать») и прусск. *-sinnimai* (при *-sinna* и инфин. *-sinnat*), причем ла. *zinim* : скр. *jānīmas* (из **janīmas*) = ла. *sêdim* (диал.), лит. *sėdime* «сидим» : цркслав. *сѣдимъ*. Что же до приведенных г. Богородицким форм, то общеизвестно, что *ī* в них восходит к индоевропейскому *i*, ср. лит. *pragýsti* «запеть», *giedóti* «петь» (причем *g* в санскритских формах перед *ī* перенесено из *gāyati* и др.), и поэтому следовало скорее сослаться на примеры вроде скр. *tigita-* «острый» (рядом с которым, впрочем, стоит *tigma-*), причем в таком случае приходится, однако, выводить скр. *duhitar-* «дочь» из **dughitar-*. Для меня лично этот вопрос не имеет никакого значения, так как я, подобно Педерсену KZ XXXVI 75 слл., не признаю для праязыка рядом с *a* еще особого *ə* (произношение которого мы не можем даже приблизительно себе представить; предложение Бругмана Griech. Gramm.[3] 24[1] произносить это *ə* как *ä*, звук средний между *a* и *e*, — конечно, чистый произвол). К вопросу об индо-иранском *i* (вместо ожидаемого *a*) я еще намерен вернуться, как только мне это позволят мои ближайшие задачи. 201

На стр. 359 говорится, что в готском из первоначальных взрывных глухих при ударении и «звонком соседстве» внутри слов получаются звонкие взрывные *g, d, b,* причем в качестве примера дается гот. *fadár*. А между тем известно, что тут получаются не звонкие взрывные, но звонкие спиранты, которые потом далее при известных условиях переходят в звонкие взрывные; в гот. же *fadar* буква *d* обозначает звонкий спирант (писать это слово с ударением не следовало, так как несведущий читатель может считать это ударение в готском засвидетельствованным, тогда как гот. *fadar,* вероятно, уже имело ударение на первом слоге).

На той же стр. говорится, что в кельтском согласный *p* между гласными перешел в спиранты *f*, *θ* (sic!), хотя известно, что *p* исчезло между гласными так же, как и в начале слов.

На стр. 358 говорится, что тот согласный индоевропейского праязыка, к которому восходит, наприм., *c* в р. *десять,*

«обычно» обозначается посредством K^1; вернее было бы сказать: обычно обозначался лет 20—30 тому назад.

На стр. 359 литовскому *laũkas*[3] приписывается значение «бледный»; это, вероятно, неправильно понятое нем. «mit einer Blässe» (у Куршата), т. е. лысый (по отношению к лошадям и рогатому скоту).

На той же стр. цркcл. коуѣ сближается без всякой
202 оговорки с // греч. καίω, что слишком сомнительно ввиду несходного значения; относительно славянского слова ср., наприм., этимологический словарь Walde под *cūdo*.

В третьей выноске на стр. 360 дается несуществующее латышское *pušu* «дую»; следовало писать: *pūšu* или (с обозначением нисходящей интонации) *pùšu*.

Если там же далее говорится, что нижнелитовское наречие представляет смягчение сочетаний *tj, dj* пока только в «непереходном» виде, т. е. как *t'* и *d'*, то это слишком неточно даже по отношению к одной лишь части нижнелитовских говоров, так как ни в одном нижнелитовском говоре не известны формы вроде *diáuti* (вместо *džiáuti* или *dziáuti*), ср. указания Явниса в Описании Россиенского уезда 25 сл.

Во второй выноске на стр. 363 говорится, что «вероятно, *j* в санскрите, отражая собою g^1 и g^2 (смягч.), произносилось неодинаково в этих двух случаях». Что уже в ведаическом санскрите *j* произносилось во всех словах одинаково, видно из того, что уже в ведах иногда возникают формы с *g (k)* рядом с тем *j*, которому соответствует авест. *z*, по аналогии отношения *g (k)* к тому *j*, которому и в авесте соответствует *j*, ср., наприм., Wackernagel Altind. Grammatik 161.

Во второй выноске на стр. 366 говорится: «*dh* дало в лат. внутри слова *b* при следующем *r (rubro-)*, иначе было бы *d*». Как известно, *b* получается из *dh* также перед *l (stabulum)* и после *r (verbum)* и *u (ūber)*.

В третьей выноске на стр. 366 говорится: «По исследованию акад. Ф. Ф. Фортунатова оказывается, что сочетание *R* + dentalis удерживается в санскрите, тогда как *L* + dentalis отражается в виде соответствующего церебрального согласного с утратою предшествующего *L*». Это не совсем точно, так как, по мнению Фортунатова, предполагающего для индоевропейского праязыка три плавных звука *(r, λ, l)*, удерживается в санскрите не только первоначальное *r*, но (в виде *r*) также первоначальное λ, между тем как утрате подвергается только первоначальное *l*.

[3] [= *laũkas*. — Red.]

На стр. 367 говорится, что в греческом «спиранты *j, v, s*» в начале слов, перед гласными, обратились в густое придыхание. Нормальным рефлексом первоначального *u̯ (w)* в таком положении, однако, считается не spiritus asper, но spiritus lenis.

На стр. 368 сообщается, что праязыковые сонанты *n̥, m̥* в кельт-//ском (в ирландской его ветви) обратились в *in, im.* 203
Как показывает, однако, Педерсен Vergl. Grammatik der kelt. Sprachen 45 сл., ирландскими рефлексами *n̥, m̥* следует, вероятно, считать, не *in, im,* но *en, em.*

К стр. 371 сл. По мнению проф. Богородицкого, такие случаи, как скр. *tr̥dhá-* «раздробленный», показывают, что *r̥* в санскрите не получал заменительного удлинения. А между тем, как известно, размер нам показывает, что *tr̥dhá-, dr̥dhá-* «крепкий» и др. в Ригведе имели еще долгое *r̥*.

На стр. 372 автор, ссылаясь на то, что в славянском подверглось изменению в *x* только то *s,* которое восходит к индоевропейскому *s,* заключает, что для начала праславянской эпохи нужно принять, что тогда еще различались потомки индоевропейского *s* и того звука, к которому восходит *c,* например, в *десять.* Это заключение я считаю слишком поспешным, так как аналогичному изменению в *š* (откуда и слав. *x*) при сходных фонетических условиях подверглось праязыковое *s* также в соседнем индо-иранском и отчасти также в литовском (если прусский и латышский языки более не знают этого изменения *s* в *š,* то надо иметь в виду, что вообще литовским *s* и *š* в прусском и латышском теперь соответствует одно *s*), так что изменение *s* в *š,* вероятно, восходит по крайней мере в эпоху славяно-балтийскую. А если это так, то оба вида *s* в начале праславянской эпохи могли уже произноситься одинаково, и отстаивать можно мнение автора только указанием на то, что еще в литовском различаются *s* и *š.*

На стр. 394 сл. автор, говоря о причинах различия окончаний *-(e)r* и *-(e)rus* в nom. s. второго латинского склонения, заявляет, что, по его мнению, «основная причина различия этих образований заключается в разном происхождении *r*». Что *-(e)rus* сохраняется, если оно восходит к *-(e)sos,* это известно, но известно также сохранение *-rus* (также с первоначальным *r*) в положении после долгого гласного и в двусложных словах (за исключением *vir*) также непосредственно после краткого гласного (наприм., *ferus*).

На стр. 403 греческое окончание -ου для gen. s. II склонения возводится к праязыковому *-oio*. Следовало, по крайней мере, упомянуть о возможности возводить окончание -ου к *-oso*, в пользу чего говорят данные германских и славянских языков.

На той же стр. автор предлагает читателю старое объяснение фессалийских форм gen. s. II склонения на -οι, по
204 которому это // окончание перенесено сюда из местного падежа. Ср., однако, Brugmann Grdr. II 2^2, 162 и указанную там литературу.

На стр. 404 говорится, что «в греческом с утратой беспредложного местного падежа древний оборот locat. absol. заменился через genitivus absolutus». А между тем, как известно, genitivus absolutus встречается уже у Гомера, который еще употребляет местный падеж без предлога; и такой же genit. absolutus (рядом с locat. absolutus) известен в санскрите и в авесте, так что вообще нет никакого основания считать locat. absolutus, который нам известен только из индо-иранских языков, чем-то более древним.

На стр. 404 и 405 говорится, что в праязыке genit. и locat. du. имели одну и ту же форму. Этому противоречат данные иранских и балтийских языков, ср. Brugmann Grdr. II 2^2, 207.

Там же автор еще отстаивает старое объяснение окончания *-ī* для gen. s. II латинского склонения, по которому это, собственно, окончание местного падежа. А между тем известно, что в древнелатинских надписях, которые еще различают звуки *ei* и *ī*, gen. s. II склонения всегда оканчивается на *-ī* (т. е. *-ī*) и что это же окончание *-ī* имел gen. s. основ на *-o* в кельтском.

На стр. 406 говорится об окончании *-is* для gen. s. III латинского склонения, что оно «могло распространиться от основ на *-i*, где оно получилось из дифтонга *-ei*». Но ведь из этого дифтонга, как известно, получилось бы окончание с долгим *ī* (а перед *-s* долгота не сокращалась), между тем как в окончании *-is* — краткое *i*, которое, как известно, восходит к древнему *e*, как и в окончании *-is* II л. ед. ч. наст. вр. III спряжения.

На стр. 407 автор без достаточного основания считает окончание *-ae* для dat. s. I латинского склонения образованием по аналогии (к loc. s.), а не отражением первоначального окончания *-āi*, ср. Sommer Handbuch der lat. Laut- und Formenlehre § 193.

На стр. 415 проф. Богородицкий цитирует из сравнительной грамматики Боппа (после появления трудов Бартоломэ!) авест. форму *yahmya* в роли местн. пад. женск. р. и вместе с тем творит. пад., между тем как теперь за этой формой признается только значение loc. s. муж. и средн. р., употребляющегося изредка также в значении наречия «где».

На стр. 422 говорится: «Быть может, и греч. -ῶν первого скло-//нения произошло из -ασων». В этом до сих пор никто не сомневался ввиду эол. -ᾱων, ион. -εων, дор. -ᾶν. 205

Там же далее говорится об окончании -ъ для gen. pl. в славянском, что «Бругман возводит это окончание к **-om,* первоначально будто бы свойственному согласному склонению». А между тем теперь Бругман возводит это окончание к *-ōm,* ср., наприм., Grdr. II 2^2, 238.

Там же говорится, что в dat.-abl. pl. санскритское окончание *-bhyah* можно сопоставить с латинским *-bus,* предполагая, что *-bus* произошло из **-bos* (звездочка тут является лишнею, так как в древнелатинских надписях еще встречается окончание *-bos*) < **bi̯os* (что современною лингвистикою не признается возможным). Там же далее приводятся латинские формы (dat.-abl. pl.) *deābus deōbus* (sic!). Форма *deābus* известна, и в надписях встречается также *dibus* (от *deus*), но откуда взял проф. Богородицкий форму *deōbus?*

На стр. 423 автор говорит, что, просматривая грамматику Monro, он мог убедиться, что у Гомера (и до известной степени даже еще у Тиртея) «еще существует семасиологическая разница между окончаниями -οισι и -οις, причем окончание -οισι, часто с предлогом местного значения, служит для выражения loc. pl., тогда как окончание -οις, одно или с соответствующим предлогом, — для instr. pl.». Стоит прочитать лишь несколько страниц самого Гомера, чтобы убедиться в сомнительности этого открытия; окончание -οις у Гомера встречается сравнительно редко, если не считать случаев, где оно дается перед гласными.

На стр. 429 сл. автор оспаривает господствующее мнение, по которому санскритское окончание *-āmi* для I л. ед. ч. наст. врем. — новообразование вместо первоначального *-ā* (= европ. *-ō;* следовало, однако, при этом упомянуть, что и в авесте еще встречается окончание *-ā* для I л. ед. ч. наст. вр. изъявительного наклонения), между тем как на стр. 280 он без всякой оговорки возводит скр. *bhárāmi* к **bhárā* (= греч. φέρω).

Затем еще укажу, что отдельные очерки снабжены полезными библиографическими указаниями, причем труды русских ученых, особенно же «казанцев», приводятся (что вполне естественно и до известной степени и желательно) почти все, не исключая статейки о «случае афазии» в журнале «Врач» (в конце очерка «О частях речи»). В подборе
206 же трудов других языковедов заметна изве-//стная случайность; так, наприм., в библиографии после обзора личных окончаний глагола не указаны важные труды Видемана (в области спряжения славяно-балтийских языков), тогда как там же почему-то приводятся даже мои «Латышские предлоги»[4], хотя в них и речи нет о спряжении и личных окончаниях, но только о видовом значении сложных глаголов.

Так как эта книга, очевидно, назначена для более широкой публики, то желательно, чтобы в новом издании все примеры из других языков (наприм., санскритского и литовского) были снабжены переводом.

В заключение могу сказать, что чтение интересных «Очерков» проф. Богородицкого доставило мне большое удовольствие и удовлетворение.

---

[4] [Sai izdevumā I 307—655. — Red.]

BŪGA KASIMIR. AISTIŠKI STUDIJAI. TYRINĖJIMAI LYGINTINJO PRŪSŲ, LATVJŲ IR LIETUVJŲ KALBOMOKSLJO SRITYJĘ. I-OJI DALIS

AISTISCHE STUDIEN. BEITRÄGE ZUR VERGLEICHENDEN GRAMMATIK DER PREUSSISCHEN, LETTISCHEN UND LITAUISCHEN SPRACHE. I-ER TEIL. ST. PETERSBURG, 1908. (ŠV. KAZIMIERO DRAUGIJOS IŠLEIDIMAS. N:o 45)

[1909 Anzeiger der FUF IX 1, 28—32 un atsevišķā novilkumā]

Aus dem Inhalt[1] dieses — litauisch geschriebenen — Buches 28
will ich hier nur das berühren, was für die Leser dieser Zeitschrift von Interesse sein kann, und, da die finnischen Sprachen mir fremd sind, weniger kritisieren als referieren. Der Autor, ein Schüler des unlängst verstorbenen Prof. K. Jaunis, der ein ausgezeichneter Kenner seiner litauischen Muttersprache war, setzt in diesem Buche die Theorien seines Lehrers auseinander, wobei öfters die Geschichte der baltischen Sprachen mit Hilfe der finnischen Entlehnungen erörtet wird. Wie schon der Titel zeigt, werden die baltischen Sprachen hier «aistisch» genannt, da auch der Autor // in den «aestii» 29
des Tacitus die Vorfahren der preussisch-litauisch-lettischen Stämme sieht. Es wird da auch eine neue, aber sehr zweifelhafte Etymologie für diesen Namen vorgeschlagen: er sei von einem vorauszusetzenden **aist(a)vā* «Meeresküste» abzuleiten; dieses aber, aus einer Wurzelform *ōis(t)-*, sei verwandt z. B. mit lat. *ōra* aus **ōsā*. Die danebenstehende Wurzelform *ōus(t)-*, z. B. durch alb. *anɛ* (aus **ausnā*) «Saum, Ufer» bezeugt, verhalte sich zu *ōis(t)-* etwa wie die Wurzelform *pōu-* (bezeugt vielleicht durch preuss. *poutwei* «trinken» und ai. *agrē-pū-* «zuerst trinkend», vgl. Berneker AfslPh. XXV 476) zur Wurzelform *pōi-* (bezeugt durch gr. πίνω, woneben das Perfektum πέ-πω-κα). Ein solcher Ablaut ist nicht ganz unmöglich, bleibt aber höchst zweifelhaft (trotz der Ὄστιαῖοι des Pytheas und der *Osti* bei Alfred I, auf die sich Jaunis—

[1] [Pirmpublicējumā visi vācu lietvārdi rakstīti ar mazo burtu. — Red.]

Būga beruft), solange wir die Wurzelbedeutung des Aistennamens nicht kennen und solange weder im Baltischen selbst noch in den verwandten Sprachen die Wurzelform *ōis(t)*- sicher zu belegen ist. Die in den historischen Quellen vorkommenden Formen dieses Völkernamens (*Eisten* in der Reimchronik und *Est-mere* bei Vulfstan) erklärt Jaunis—Būga aus vermeintlichen Lautgesetzen des Baltischen, die ich aber für falsch halte, worauf jedoch hier nicht weiter einzugehen ist; natürlicher scheint es mir anzunehmen, dass die Aisten in germanischem Munde zu *Eisten* und weiter zu *Esten* geworden sind. Höchst zweifelhaft sind auch die vom Autor angeführten Belege des Aistennamens in baltischen Ortsnamen: *Astijerwe* (der jetzige Burtneek-See in Livland), angeblich aus **Aistijerwe* durch Dissimilation oder durch Anlehnung an fi. *astia* «Gefäss»; *Esestua* (ein Gebietsname in Kurland aus dem XIII. Jahrhundert), angeblich (zu lit. *ežė,* le. *eža* «Feldrain») = «Grenz-iestuva», und lit. *Aismarės* (= *Estmere* bei Vulfstan) «das Frische Haff» (Kurschat erklärt jedoch, dass er ein solches Wort nicht kenne, so dass es wohl als zweifelhaft gelten muss). Wichtiger ist jedoch der Hinweis auf le. *glīsis* «Bernstein» (bisher nur aus Mag. XX 3, 120 bekannt), das im bekannten Ablautsverhältnis zu *glaesum* steht, wie nach Tacitus die aestii den Bernstein genannt haben. Wenn le. *glīsis* wirklich belegt und nicht entlehnt ist, so ist es eine starke Stütze für die Annahme, dass die aestii des Tacitus die Vorfahren der nachherigen «baltischen» Stämme sind, ausserdem beruft sich der Autor noch auf lit. *gluosà* «die gelbe Farbe des Bernsteins» (bei Akielewicz), doch // ist die Verwandtschaft dieses Wortes mit *glaesum* der Vokalverhältnisse wegen weniger sicher, wenn auch nicht unmöglich. — Weiterhin berührt der Autor auch die baltischen Lehnwörter im Finnischen. Nachdem er erwähnt hat, dass nach Thomsens Ansicht keins von diesen Lehnwörtern Spuren speziell lettischen Ursprunges aufweise, führt er mehrere finnische Wörter an, die seiner Meinung nach nur aus dem Lettischen entlehnt sein könnten, und auf diese will ich hier eingehen. Während balt. *uo*[2] sonst durch fi. *uo* od. *ou* ersetzt werde, zeige sich in einigen Wörtern ein *ū*: fi. *luuta,* est. *lūd* «Besen», fi. *juutas,* est. *jūdas* «Teufel», fi. *kuuja* «Süsswasserlachs» und *kuujas* «Forelle» (: lit. *kuojà* «Plötze»; im Lettischen nicht nachgewiesen). Dieses *ū* könne nur aus dem Hochlettischen

[2] [Pirmpublicējumā latviešu un lietuvju divskanis *uo* iespiests pēc tā laika tradīcijas ar *u,* kam augšā aplītis. — Red.]

stammen, wo bekanntlich niederlettisches *uo* durch *ū* ersetzt wird. Dazu muss ich aber bemerken, dass ja *ū* (aus *uo*) sich auch im žemaitischen Dialekt des Litauischen findet. Hochlettischen Ursprungs sei auch das *o* (für *a*) in fi. *porsas* «Ferkel» (: lit. *paršas;* im Lettischen nicht erhalten), da niederlett. *a* im Hochlettischen zu *o* wird (?). Im Lettischen sind ferner bekanntlich *en, in, an* in tautosyllabischer Stellung zu *ie, ī, uo* geworden, und diese *ie, ī, uo* will Jaunis—Būga in den Lehnwörtern nachweisen: fi. *sietää* «dulden, leiden», angeblich aus le. *ciete* (= lit. *kentė*) «er litt» (?); fi. *miete* «Gedanke», angeblich aus le. **miete* (im Ablautsverhältnis zu lit. *mintìs*); fi. *puusniekka* «im Hause seiner Frau wohnender Ehemann einer Witwe oder der bei seinen Schwiegereltern wohnende Eidam», angeblich aus le. **pūsnieks* (: lit. *pùsininkas* «Halbhüfner»); fi. *liikuttaa* «wiegen», angeblich aus le. *liguot* (= lit. *linguoti*) «sich wiegen»; fi. *luokka,* est. *lõk* «Krummholz», angeblich aus le. *luoks* (= lit. *lankas*); fi. *suovero* «die Stelle der Vereinigung des Schneeschuhstabes und der an demselben befestigten Rolle», angeblich aus einem le. **suovera* (aus **sanverā*). Im Lettischen (mundartlich übrigens auch im Litauischen, vgl. IFA XIII 91) ist ferner urbaltisches geschlossenes *ē* vor breiten Vokalen der folgenden Silbe zu offenem *ē* geworden, und deshalb leitet Jaunis—Būga fi. *jäärä,* est. *jär* «Widder» speziell aus le. *jērs* «Lamm» (mit *ę* bezeichne ich offenes *e*) ab; sonst werde baltisches *ē* finnisch zu *ie,* z. B. fi. *siemen* «Same» : lit. *sėmenys*; fi. *vietra* «starker Wind» : lit. *vėtra;* fi. *lieno* «träge» : le. *lēns* «langsam». Für lit.-le. *ie* habe das Finnische bald *ie* (z. B. fi. *mielu* «lieb» aus le. **mielus,* fi. *viekua* «winseln» aus le. *zviegt* «wiehern», fi. // *sielu* 31
«Seele» aus le. **siela* = lit. *siela* «animus»), bald *ei* (z. B. fi. *heinä,* est. *hein* «Heu» aus lit. *šienas*); ohne jegliche Angabe von Gründen leitet der Autor die Formen mit *ie* aus dem Lettischen, die Formen mit *ei* aus dem Litauischen ab, wobei die Annahme Thomsens, Wiklunds und Setäläs, dass fi. *ei* hier auf *ai* zurückgehe, wegen fi. *paimen* «Hirt» bestritten wird. Desgleichen (ebenfalls ohne jede Begründung) werde le. *uo* im Finnischen zu *uo*, lit. *uo* dagegen zu *ou*; z. B. fi. I. P. Sing. Präs. *nuolaisen* «lecke in Eile», vermutlich aus le. *nuo-laizu* «lecke ab» (schon vom Autor selbst mit einem Fragezeichen versehen), fi. *luoma* «Schicksal» aus le. *luoma*[3] «Bestimmung,

[3] [*luõma* 1) «der Fang, Fischzug», 2) «der Fang, die Mast; ein Stück Wald», 3) «die Schicht, Reihe», 4) «das Mal, die Zeit», 5) «gute Gelegenheit», 6) «die Rolle» ME II 526. — Red.]

Rolle», fi. *nuode* «Schwager» aus le. *znuots* (aus dem Vok. Sing. **znuote*), fi. *juotikki* «ein Kuhname» aus le. **juodiķe*; dagegen fi. *routa* «gefrorener Kot» aus lit. *gruodas* «gefrorener Strassenschmutz», fi. *roukko* «Haufe» aus lit. *ruogus* «Grabhügel», fi. *loukas* «Falle» aus lit. *sluogas* «was zum Niederdrücken gebraucht wird». Ferner hätte urbaltisches *dj, tj* im Finnischen eine doppelte Vertretung, und zwar seien die Formen mit *s-* (im Anlaut) und *-ts-* (im Inlaut) aus dem Lettischen entlehnt, wo *dj, tj* über *dž, č* zu *ž, š* geworden sind, z. B. fi. *suojus* (aus **suogjus*) «Zaun aus Tannenzweigen», angeblich aus le. *žuogs* «aus Strauchwerk geflochtener Zaun»; fi. *metsä,* est. *mets* «Wald» aus le. *mežs* «Wald»; dagegen seien die Formen mit *-tj-* aus dem Urlitauischen entlehnt, das *dj* und *tj* noch bewahrt hatte, z. B. fi. *rutju* «feucht, nass» aus žem. *srùčius;* fi. *patja* «Polsterkissen» aus lit. *padžia-* «Untergestell». Nach einer langen Silbe würde *-tj-* im Finnischen weiter zu *-ti-*, z. B. fi. *rautio* «fuchsrotes Pferd» aus lit. *raũdis* (mit der gleichen Bedeutung); fi. *valtio* «Staat» aus lit. *valdžià.* Auch hier ist die Erklärung der doppelten Vertretung nicht überzeugend, denn sie kann ja auch einen chronologischen Grund haben. — Einige Formen hätte das Finnische schon aus dem Urbaltischen entlehnt. Nach Jaunis—Būgas Ansicht wären die idg. mediae aspiratae zu Verbindungen von mediae mit γ (= tönender gutturaler spirans) geworden (?), und so sei fi. *kekäle* «Feuerbrand» aus einem urbalt. **dγeg[γ]alé* (vgl. lit. *dẽgalas* «Feuerbrand») entlehnt (?). Und die idg. palatalen *ḱ, ĝ* hätten im Urbaltischen *ć, dź* ergeben (woraus lit. *š, ž,* lett. *s, z*), und dieses urbalt. *ć, dź* wäre im Urfinnischen zu *ć* geworden (worauf fi. *s*, lapp. *č*), während lit. *š, ž* fi. *h,* lapp. *s* ergäbe (z. B. *heimo* «Familie» aus lit. *šeimà*); so z. B. fi. *salko*
32 «lange Stange», lapp. *čuolgo* «pertica», angeblich // aus urbalt. **dźalgā* (woraus lit. *žalgà* «lange Pflanze»); fi. *suka,* lapp. *čokko* «pecten» aus urbalt. **čukā* (> le. *suka* «Bürste»); fi. *kousa* «Schöpfgelte»[4], lapp. *kauča* «patella» aus urbalt. **kaućas* (> lit. *kaušas*). Ferner will Jaunis—Būga in den baltischen Lehnwörtern des Finnischen sogar Spuren der baltischen Intonationen gefunden haben. Indem er auf die doppelte Vertretung der baltischen mutae (*p, t, k* oder *pp, tt, kk*) hinweist, meint er, dass fi. *pp, tt, kk* aus balt. *p(b), t(d), k(g)* nach einer betonten Kürze od. einer zirkumflektierten (geschleiften) Länge entstehen; z. B. fi. *pakkula*

[4] [Laikam «Schöpfkelle». — Red.]

«Zunder» aus lit. *pãkulos* «Zunder, Hede»; fi. *laukki* «Tier mit einer Blässe» aus lit. *laũkis;* fi. *takkiainen* «Klette» aus lit. *dãgis;* fi. *luokka* «Krummholz» aus le. *lùoks;* fi. *mänttä*[5] «Quirl» aus lit. *meñtė.* Dagegen ergebe balt. *p(b), t(d), k(g)* in vortoniger Silbe oder nach einer akutierten (gestossenen) Silbe im Finnischen *p, t, k;* z. B. fi. *malka* «Dachlatte» aus lit. *málka* «Holz»; fi. *vako* «Furche» aus lit. *vagà;* fi. *hako* «der abgehauene grüne Zweig des Nadelbaums» aus lit. *šakà* «Zweig»; fi. *rako* «Riss, Spalt» aus lit. *spragà;* fi. *luuta* «Besen» aus hochle. *slûta;* fi. *routa* «gefrorener Kot» aus lit. *grúodas;* fi. *silta* «Brücke» aus lit. *tìltas;* fi. *vuota* «Fell ohne Haar» aus lit. *óda* (le. *âda*). Urbalt. *ti (di)* dagegen in vortoniger Silbe oder nach einer akutierten Silbe werde finnisch zu *si,* z. B. fi. *niisi* «Weberschaft» aus lit. *nýtis;* nach einer betonten Kürze oder zirkumflektierten Länge dagegen zu *tti,* z. B. fi. *mettiäinen* «Waldtaube» zu lit. *mẽdis,* fi. *pirtti* «Badestube» aus lett. *pìrts* (vgl. den lit. Akk. Sing. *pir̃tį*). Ausserdem findet man noch über das ganze Buch verstreute Einzelbemerkungen zur Frage der finnischen Entlehnungen, die aber zum Teil noch unsicherer sind als manches aus dem, das hier mitgeteilt ist. Die baltischen Formen zitiere ich in meiner Orthographie und nicht in der ganz absonderlichen Orthographie des Autors.

P. S. Es sei erwähnt, dass der Verf. nunmehr, nachdem er sein Buch einer nüchternen Selbstkritik unterzogen, in einer hektographierten Schrift das Meiste von den Lehren des Buches zurückgezogen hat, wobei er zugibt, dass er nicht die nötige Kompetenz hat, sich über die finnischen Lehnwörter zu äussern. Die obige Anzeige, die schon früher geschrieben war, wird jedoch hier veröffentlicht, um den finnisch-ugrischen Forschern Gelegenheit zu bieten, seine Ausführungen kennen zu lernen und sie zu beurteilen.

Chafkov.

---

[5] Faktisch: *mäntä.*

ERICH BERNEKER. SLAVISCHES ETYMOLOGISCHES WÖRTERBUCH

LIEFERUNG 1—4. HEIDELBERG 1908—1909

[1910 ЖМНПр., новая серия XXVIII, июль, 2, 190—203 un atsevišķā novilkumā]

190 Составленный Миклошичем этимологический словарь славянских языков уже значительно устарел и, насколько мне известно, распродан; появление нового труда, посвященного тому же предмету, было поэтому в высшей степени желательно.

В словаре проф. Бернекера даются этимологии слов, входящих в состав «языков» древнецерковнославянского, великорусского, малорусского, болгарского, сербохорватского, словинского, чешского, польского, верхнелужицкого, нижнелужицкого и полабского. Кроме того, приводятся такие белорусские, словацкие и кашубские слова, которые или отсутствуют в великорусском, чешском и польском языках, или же отличаются от соответствующих слов этих языков своею формою или своим значением. — Формы церковнославянские, малорусские (и белорусские), болгарские и сербские даются в латинской транскрипции, между тем как великорусские формы, главным образом ввиду глубокой пропасти между графикой и произношением, сохраняют у Бернекера свой русский шрифт. Относительно белорусских (и малорусских) слов говорится на 4 странице, что они даются в фонетической[1] транскрипции, но в действительности эта «фонетическая» транскрипция заключается почти только в том, что русская буква заменяется соответствующим знаком латинского алфавита, ср., например, белорусское *bołván, bołona, bubnić, doróbka, dżerháć.* Автор сам наверно согласится, что такая транскрипция не может считаться фонетическою (и *bubnić,* вероятно, — даже простая

[1] [Pirmpublicējumā šis u. c. uzsvērtie vārdi iespiesti kursīvā, šai izdevumā — retināti. — Red.]

опечатка или описка вместо *bubńíč*, ср., например, белор. *hadańína*); но лица, не знающие особенностей русских акающих говоров, этим вводятся в заблуждение. — Что касается графики праславянских форм, то повод к недоразумениям в некоторых случаях дает передача таких слов, которые в древнецерковнославянских текстах имели бы *ръ (рь)* или *лъ (ль)* между согласными. Ср. *bьltati* (р. *болтать*, слов. *bôtt*, п. *bettać*), *dьlbǫ* (р. *долбить*, болг. *дълб*, серб. *дȕбēм*, слов. *dótbem*, чеш. *dlubu*, п. *dłubię*), *dьlgъ* (црксл. *длъгъ*, р. *долгий*, болг. *дълг*, серб. *дȕг*, слов. *dôłg*, чеш. *dlouhý*, п. *długi*, врхлуж. *dołhi*), *dьrdati* (чеш. *drdati*), *dьrdoriti* (болг. *дърдóрил*, серб. *дрдљати*, слов. *drdráti*), *dьrľati* (серб. *дрљати*), *dьrmati* (серб. *дрмати*, слов. *dŕmati*, чеш. *drmlati*), *dьrměti* (серб. *дрмūм*), *dьrpati* (болг. *дърпам*, серб. *дрпāм*, слов. *drpam*), *dьrskati* (слов. *drskati*). Слависты, конечно, знают, что с таким же правом // можно приписывать славянскому праязыку формы *bъltati, dъlbǫ, dъlgъ, dъrdati, dъrdariti, dъrťati, dъrmati, dъrměti, dъrpati, dъrskati;* но ведь словарем Бернекера будут пользоваться не один слависты, и поэтому во всех сомнительных случаях этого рода желательна такая оговорка, какую находим, например, под *dьlgъ*. — Формы других индоевропейских языков автор в общем дает в транскрипции Бругмана, уклоняясь от нее только в мелочах. Так, например, в древнеирландских формах Бернекер заменяет, следуя предложению Гирта, акут рукописей обычным знаком долготы, даже в дифтонгах, например *dōini* стр. 182, *gūal* стр. 293. Я предпочел бы сохранение акута. Ведь есть такие случаи, в которых употребление акута в значении знака долготы по крайней мере сомнительно, ср., например, *dliged* «долг» в Вюрцбургских глоссах 10 d 16 вместо обычного *dliged* (вместо чего Бернекер почему-то дает *dligid*, т. е. форму род. п. ед. ч.) с *li* (с кратким *i*) из *l* или род. п. *nime* «неба» (к *nem* «небо») в Миланских глоссах 106 a 3 вместо обычного *nime*. Тогда как Thurneysen этим словам приписывает долговатое *i* (Handbuch des Alt-Irischen I 30), ср. также Pedersen Vergl. Gramm. d. kelt. Spr. I 300 сл., Vendryes не признает никакой долготы в таких случаях (Grammaire du vieil-irlandais 18 сл.). И что касается дифтонгов, то в рукописях, как известно, акут ставится безразлично то над первою, то над второю (наприм., *doini* «люди») составною частью двугласных; ср. также, например, *treúin* «сильные» (к им. п. ед. ч. *trén*) в Вюрцбургских глоссах 27 a 6 (неужели Бернекер писал бы: *treūin*?). Ввиду

191

этого Турнейзен в своем Handbuch в дифтонгах *ai, oi, ui* ставит акут над *i* (так, наприм., и в *doini*!), отличая таким способом эти дифтонги от *ai, ái, oi, ói, ui, úi* (т. е. от *ă, ŏ, ŭ,* за которыми следует переходный гласный *i*) и, по-видимому, не полагая, что *oi* (наприм., в *doini*) представляет собою *ōi* (т. е. дифтонгическое сочетание *ō* с *i*), как это выходит по транскрипции Бернекера (о значении акута над дифтонгами ср. грамматику Педерсена I 291 сл.). — По поводу той же древнеирландской графики укажу еще, что в поправке нуждается стр. 23, строка 1, где читаем: «air. *abhall, ubhal;* mir. *aball, uball*»; известно ведь, что в древнеирландском звонкий билабиальный спирант обозначается только буквой *b*, между тем как *bh* в этом смысле начинает употребляться в более позднюю эпоху, и поэтому следует читать: «air. *aball, uball*; mir. *abhall, ubhal*». — Латышские формы автор в общем
192 передает // в правописании Биленштейна (следуя примеру Бругмана), но при этом недостаточно серьезно относится к делу. Как известно, в латышском литературном языке и в большей части говоров гласные *a* и *e* перед *r*, за которым следует еще согласный, удлиняются при длительной и нисходящей интонациях, а остаются краткими (а *ā* и *ē* сокращаются) при прерывистой интонации, между тем как в западной Курляндии это удлинение происходит также при прерывистой интонации; и только в небольшой части курляндских говоров[2] *a* и *e* сохраняют свою краткость (а *ā* и *ē* сокращаются) в указанном положении при всякой интонации. Между тем, Биленштейн, не представляя себе ясно положения дела, дает в таких случаях то краткое, то долгое *a* или *e* без всякой последовательности (которая не соблюдается вполне также в словаре Ульмана, хотя в общем он в этом отношении гораздо правильнее грамматики Биленштейна); и эта путаница у Биленштейна побудила Лескина в Ablaut der Wurzelsilben и в Bildung der Nomina писать в таких случаях везде краткое *a* и *e*. Это, пожалуй, удобно для автора, но вряд ли соответствует требованиям научной точности. Нет ведь никакого основания приводить в качестве общелатышских форм такие формы, которые свойственны только сравнительно немногим говорам: нельзя тут ссылаться на большую древность краткости, так как в некоторых случаях (как, наприм., в *sẹrde* «сердцевина») краткость может восходить к индоевропейской долготе. Наконец, может

---

[2] [Zemgaliskajās izloksnēs. — Red.]

оказаться, что известное слово вовсе не встречается в таких говорах, которые повсюду имеют краткое *a* и *e* в указанном положении, но только в тех говорах, в которых эти гласные при указанных условиях удлиняются; а так как Лескин (и за ним часто и Бернекер) обыкновенно дает в таких случаях краткий гласный, то они рискуют приводить также несуществующие формы. Между тем как Лескин дает везде одну краткость, Бернекер почему-то иногда наряду с краткостью дает и долготу, ср., наприм., «le. *ba'rda,* dial. *bárda*[3]; ... abweichend ... le. *ba'rśda*» (стр. 73), «le. *ze'rms, ze'rme,* dial. *zérme*[4]» (стр. 169); а одну краткость встречаем, например, в *«ze'rpu*[4]*»* (стр. 170), *«ze'rtu*[4]*»* (стр. 172) и одну долготу, например, в *«schk'êrpele, schk'êrpis»* (стр. 147). Читая это, несведущее лицо должно подумать, что в одних словах все латышские говоры имеют *ēr* или *ār,* в других же все имеют *er* или *ar,* в третьих, наконец, рядом с *er* или *ar* диалектически имеется также *ēr* или *ār*; а такое заключение, // как 193
видно из вышесказанного, было бы ошибочно. Итак, ясное дело, что при передаче латышских слов с *er* или *ar* следует держаться произношения литературного языка и большинства говоров (и писать, значит, например, все приведенные мною слова только с долготою), причем можно — с известным риском — руководствоваться словарем Ульмана. Если обозначение количества оказалось довольно сбивчивым, то это еще более или менее сносно; но обозначение латышских интонаций представляет собою сплошное недоразумение. Бернекер различает, по примеру Биленштейна и Ульмана, только две интонации, между тем как для языковедов несравненно важнее знать все три интонации латышского языка. Но для этого приходилось бы прибегать к первоисточникам[5], а этого мы, пожалуй, не вправе требовать от автора славянского этимологического словаря; можно было бы мириться с обозначением лишь двух интонаций, если бы хотя эти две интонации обозначались с надлежащею точностью. С первого взгляда дело в этом отношении обстоит даже идеально: ведь Бернекер обозначает интонацию решительно во всех приводимых им латышских словах (в таких случаях, как в *balśins,* стр. 71, отсутствие всякого диакритического знака над первым слогом в графике Биленштейна,

[3] [Tagad rakstām: *bàrda.* — Red.]

[4] [Jālasa ar *c-*. — Red.]

[5] [Pirmpublicējumā: *первоначальникам,* ko autors savā eksemplārā izlabojis par *первоисточникам.* — Red.]

Ульмана и Бернекера придает этому слогу длительную интонацию[6])! В действительности же, как ни парадоксально это, эта мнимая исправность только умаляет доброкачественность труда Бернекера. Смею уверить автора, что ни один латыш не знает интонаций всех слов в словаре Ульмана (тем менее мог их знать немец Ульман): ведь там даются не только общеупотребительные, но и областные и устарелые, взятые из старых словарей слова! И так как Биленштейн и Ульман (а за ними и Бругман и Бернекер) обозначают длительную интонацию в дифтонгах (Ульман также в долгих гласных) отсутствием всякого диакритического знака, то у них такие слоги с длительною интонациею ничем не отличаются от слогов с неизвестною интонациею, а такая графика, конечно, не может считаться научной. Кроме того, отсутствие знака ударения у Ульмана во многих случаях может считаться простою опечаткою или опискою; наконец, Ульман мог кое-где в лично ему не известных словах принимать за длительную интонацию ту несколько похожую на нее восходящую интонацию, которая в части восточнолатышских говоров[7] соответствует прерывистой интонации[8]. И апостроф у Ульмана не всегда непременно указывает на прерывистую
194 интонацию: // с одной стороны, он может быть опечаткою (ведь читаем мы у Ульмана, наприм., даже *dìloht, dìlons, dìlums*!), а с другой — обозначать ту нисходящую интонацию[9], какая в восточнолатышском наречии заменяет длительную интонацию прочих говоров (доказательством тому могут служить Lettische Dialekt-Studien Бецценбергера, где на стр. 5[1] из восточнолатышского зесвегенского говора приведены, например, формы *ma'lna* и *jûres*: знак прерывистой интонации тут обозначает только нисходящую интонацию, правильно заменяющую собою в этом говоре длительную интонацию нижнелатышских говоров). А если это так, то для обозначения латышских интонаций словарем Ульмана (и отчасти и грамматикою Биленштейна), очевидно, можно пользоваться разве только наряду с другими, более надежными источниками (а такие ведь имеются!). Из многочисленных заблуждений относительно интонации, вызванных слишком легковерным отношением к словарю Ульмана, я тут укажу лишь несколько примеров: *dîkt* стр. 200 (= *dihkt*

[6] [Tagad stiepto intonāciju apzīmējam ar cirkumfleksu ~. — Red.]
[7] [Sēliskajās izloksnēs. — Red.]
[8] [Tagad lauzto intonāciju apzīmējam ar jumtiņu ^. — Red.]
[9] [Krītošo intonāciju tagad apzīmējam ar gravi `. — Red.]

у Ульмана) имеет в действительности, по П. Шмидту (Сборн. LXVII), нисходящую интонацию; *darwa* стр. 214 (= *darwa* у Ульмана и Биленштейна) известно как П. Шмидту, так и мне только с прерывистою интонациею, на которую указывает и краткость гласного *a*; *alnis* стр. 263 (= *alnis* у Ульмана) имеет, по П. Крумбергу (Mag. XVI 2, 62 слл.), прерывистую интонацию, как и *êschka* стр. 275 (= *ehschka* у Ульмана), по указанию того же П. Крумберга (опечаткою, должно быть, следует считать *dail'sch* стр. 194 ввиду *dâil'sch* у Биленштейна и Ульмана). Итак, для того, кто желает пользоваться только трудами Биленштейна и Ульмана и, вместе с тем, дорожит научною истиною, остается лишь один выход: вовсе не обозначать интонаций, но только количество, как это делает Лескин. А в таком случае вместо *i̯* и *ẽ*, *u̯* и *õ* безусловно нужен нейтральный знак (вроде *ë*, *u̯*[10]) для обозначения сложных звуков *ia* и *ua*[11] с неопределенною интонациею, тем более что *i̯* (у Бернекера весьма похожее на *i*) и *ẽ* в лингвистической литературе довольно часто искажаются в *i* и *ē* (средневековое: g r a e c a s u n t, n o n l e g u n t u r для некоторых языковедов заменено правилом: lettica sunt, negleguntur); *ee* же и *oh* Ульмана часто принимаются за *ē* и *ō* (так, например, в словаре Миклошича вместо *ee* Ульмана постоянно, кажется, пишется *ē*, и в таком *ē-* в *ēdzēris*, у Миклошича под *ja*, = *êedśêhris* у Ульмана, польский лингвист Розвадовский, Rocznik Slawistyczny II 102[5], усматри-//вает индоевропейский предлог *e*!). Пока же, к сожалению, без тщательной проверки нельзя пользоваться формами, приводимыми Бернекером. — Гораздо лучше обстоит дело с литовским языком, интонации которого обозначаются, как у Куршата. Досадно, однако, встречать при этом формы вроде *ápusze* стр. 32 (вместо *ãp-*) или *kamánė* стр. 167 (вместо *kamanė* Куршата); да и *dû'ti* стр. 178 и *dû'bti* стр. 238 я без увеличительного стекла не могу не прочесть как *dúti* и *dúbti*: настолько у Бернекера в них *û'* похоже на *ú* (там же следует читать *dubti* вместо *dubli*)! Формы прочих индоевропейских языков Бернекером приводятся в том порядке, в каком эти языки рассматриваются в сравнительной грамматике Бругмана: начиная с санскрита и кончая балтийскими формами. Ввиду близкого сродства славянских и балтийских языков скорее следовало начинать

195

[10] [= *ie, uo*. — Red.]

[11] [t. i., mūsdienu *ie, uo*. — Red.]

с форм балтийских языков, за исключением разве тех случаев, когда славянские формы стоят ближе к формам какого-нибудь другого языка, чем к формам балтийским. Досадно ведь читать, например, как слав. *gnida* сопоставляется прежде всего с арм. *anic,* гр. κονίς, алб. ϑενί (как Бернекер пишет вместо ϑενî), лат. *lens,* ирл. *sned* и др. и только в самом конце — с точно соответствующим ла. *gnīda.*

Нельзя не соглашаться с принципами Бернекера в подборе соответствующих слов: «Die idg. Entsprechungen der slavischen Wörter sind mit Auswahl gegeben, in dem Sinne, dass immer die genaueren Entsprechungen vor den entfernteren bevorzugt werden. Auch wird ein Wort nicht durch alle Glieder eines Sprachzweiges durchverfolgt, sondern im allgemeinen wird eine Sprache als der Vertreter eines Sprachzweiges genommen... Im... Baltischen war grössere Ausführlichkeit am Platze» (стр. 6). При близком сродстве славянских и балтийских языков такое отношение к балтийским языкам совершенно правильно, но на практике автор не обнаруживает никакой последовательности в этом отношении.

Укажу на некоторые лишь примеры (вместо многих): на стр. 23 даются тожественные лит. *obuolys*[12] (и *óbuolas*) и ла. *âbuolis* (имеется также *âbuols*), на стр. 25 — тожественные лит. *úoga* и ла. *uôga,* но, наприм., на стр. 77 почему-то приводится только лит. *bãsas,* хотя существует и ла. *bass.* Читатель же после предыдущих примеров может подумать, что из балтийских языков только литовский знает слово,
196 соответствующее слав. *bosъ.* Упомянуть о ла-//тышском *bass* следовало тем более, что некоторыми, наприм. Брюкнером, это балтийское слово считается заимствованным из славянских языков; а то обстоятельство, что оно известно не только в литовском, но и в латышском языке, не доказывает, правда, что оно унаследовано из индоевропейского праязыка, но все-таки (при наличности и других аргументов) говорит в пользу этого, тогда как в пользу того, что, наприм., лит. *dvaras* заимствовано из славянских языков, говорит между прочим и то обстоятельство, что прочие балтийские языки не знают этого слова. Вследствие того же близкого славяно-балтийского сродства часто приходится колебаться относительно балтийских слов, имеем ли мы дело с унаследованным из общего праязыка словом или же с заимствованием. А поэтому в славянском этимологическом словаре следует

[12] [Pirmpublicējumā lietuvju un latviešu *uo* vietā *ů*. — Red.]

приводить не только такие балтийские слова, которые могут быть заимствованы, но также такие, которые, по всей вероятности, славянского происхождения. Принципиально Бернекер, по-видимому, с этим согласен, так как он приводит часто даже такие балтийские слова, которые несомненно заимствованы, как наприм. лит. *balvõnas* на стр. 41 или ла. *bareniń*[13] (sic!) на стр. 43 (Ульман, правда, дает эту форму звательного падежа вместо единственно правильного именит. падежа *bareniņš*, но прискорбно читать это без всякой оговорки также в современном научном труде). Но на практике он часто умалчивает даже о таких балтийских словах, заимствование которых, положим, вероятно, но собственно не может быть доказано (так, наприм., под *do* на стр. 203 не указано на лит. и ла. *da-* и ла. *da*, о которых ср. мои Латышские предлоги I 71 сл.[14]; или под *bogatъ* на стр. 67 не указано на лит. *bagótas*, ла. *bagâts*) или которые, хотя и заимствованы, небезынтересны для истории славянской фонетики (так, наприм., под *dъchorь* на стр. 243 не указано на однозначащее ла. *dukurs*). Из многих такого рода примеров я опять тут привел лишь немногие. А там, где Бернекер говорит о балтийских заимствованиях из славянских языков, не всегда можно держаться его мнения. Вопрос этот, по вышеуказанной причине, довольно труден и в некоторых случаях даже не может быть решен достоверно; но все-таки мне кажется, что, меньше полагаясь в этом отношении на Брюкнера и относясь к этому вопросу с большею самостоятельностью, Бернекер кое-где приходил бы к более правильному выводу. Что латышск. *daba* заимствовано из белорусского (стр. 204), credat Iudaeus Apella, non // ego! 197
С одной стороны, на высокую древность этого слова в латышском языке указывают как соответствующие формы финских языков, заимствованные, по мнению Томсена, именно из балтийских языков (что весьма правдоподобно, так как ближе всего по форме и по значению стоят именно балтийские слова), так и производные формы вроде *labdabls*[15] (суффикс *-lo-* уже перестал быть производительным в латышском языке). С другой стороны, из всех славянских форм только белор. *доба* по своему значению более или менее (да и то не совсем) походит на латышск. *daba*; а так как в бело-

[13] [Bernekera vārdnīcā mīkstinātie līdzskaņi latviešu valodā apzīmēti ar akūtu virs attiecīgā burta. — Red.]

[14] [Šai izdevumā I 376 skk. — Red.]

[15] [Sal. arī *dabļš* «stark, üppig (gewachsen)» ME I 428. — Red.]

русском встречаются и другие заимствования из литовского языка (ср., наприм., белор. *гирса* из лит. *gìrsa* «Bromus secalinus» : ла. *dzirši*, лат. *hordeum* и др.), то скорее белор. *доба* заимствовано из литовского языка. А что же приводят Брюкнер и Бернекер в пользу того, что это балтийское слово заимствовано из белорусского? Ничего: sic volunt, sic iubent!

Столь же мало основания у нас для того, чтобы считать ла. *gadîties* «случаться» заимствованным (то же значение имеет и лит. *gadytis*, не приведенное Бернекером); по Брюкнеру, это так «wegen der einander all zu sehr deckenden Bedeutungen», но ведь великор. *годиться* по значению совершенно расходится с ла. *gadîties*, да и в белорусском это слово имеет и такое значение, которого нет в латышском, и ср. также ла. *gadîgs* «трезвый», *negadîgs* «беспорядочный», из которых первое успело уже устареть. Ввиду этого я, по крайней мере, столь категорически не выдавал бы ла. *gadîties* за заимствование, как это делает Бернекер. Не согласен я с ним и в том, что он вслед за Бецценбергером без всякой оговорки на стр. 294 выводит лит. *gainioti* и *guinióti*[16] и ла. *gaiņât* из славянских языков. Проф. Бецценбергер, правда, — весьма авторитетный знаток балтийских языков, но в данном случае все-таки он вряд ли прав. Возводя эти балтийские формы к р. *гонять*, Бецценбергер считает их *i* (перед *n*) эпентетическим, ссылаясь в подтверждение своей мысли на лит. *dainyčà*[17] и *kuinas*. Но первое из них, по-видимому, восходит (не к п. *donica*, но) к р. *дойни́ца*, а второе — (не к п. *kóń* или к р. *конь*, но) к форме *куинь* или *куэнь*, свойственной (по Соболевскому) северномалорусским и соседним с ними белорусским говорам. Итак, литовский язык не дает убедительных примеров для такой epenthesis, и нет также общелатышских примеров для нее. Она известна только в не-
198 большой части латышских говоров[18]; // да и там обыкновенно получается не настоящий дифтонг (как в греческом языке и в общелатышском *gaiņât*), но нечто, должно быть, похожее на соответствующее явление в Авесте и в древнеирландском языке (ср., наприм., Bezzenberger Lettische Dialekt-Studien 95 слл.). И никакой epenthesis нет, наприм.,

---

[16] [Pirmpublicējumā: *gaiñoti, guiñóti* u. c., tātad līdzskaņu mīkstinājums lietuvju vārdos apzīmēts nevis ar parasto *i*, bet gan ar akūtu virs attiecīgā burta vai ar apostrofu aiz *l* u. c. garajiem jeb divpakāpju burtiem. — Red.]

[17] [Pirmpublicējumā šai vārdā un vairākos citos lietuvju *y* (garās *i* skaņas) vietā — *ī*. — Red.]

[18] [Par epentezi skat. La. gr. 53. un 54. §. — Red.]

в заимствованных лит. *anialas, blùznyti, gunė, kaniušnė, kunyčė, punė, zvānyti, ženytis,* ла. *branît, zvanît.* Не в пользу заимствования говорит и ударение балтийских слов: ла. *gaiņât* (по П. Шмидту и Биленштейну) = лит. *gáinioti* (при р. *гоня́ть*! напрасно тут Бецценбергер ссылается, наприм., на ла. *právietis*[19] из н. *Prophét,* так как в латышском языке вообще господствует наначальное ударение), рядом с ла. (*gaînît* и) *gaiņât* (в говоре П. Крумберга; прерывистая же интонация в заимствованных словах — величайшая редкость) = лит. *gainióti.* Наконец, и по своему значению ла. *gaiņât* и *gainît(ies)* расходятся с р. *гонять.* А с другой стороны, нет решительно никаких мотивов для того, чтобы считать эти балтийские слова заимствованными. Никакого культурного понятия они не обозначают (и латышское слово даже отличается значением, которого нет у р. *гонять*); а по своему образованию это весьма прозрачные и обычные формы: это такие же формы многократного вида к глаголам *giñti, dzît* «гнать» и *gìnti* «отражать» (о ла. *dzît* ср. KZ XLIII 12[20]), каковы, наприм., лит. *páiniuoti* к *pìnti, lándžioti* к *lįsti, ráičioti* к *rìsti, bráidžioti* или *braidýti* к *brìsti* (*gainóti* же относится к *gainióti,* как, наприм., ла. *luõdât* к лит. *lándžioti*). Что же касается формы *guinióti* или *guinóti,* то она могла возникнуть контаминациею форм *gainióti (gainóti)* и *gùiti;* само же *gùiti* (praes. *gu(i)jù* или *guinù,* praet. *gu(i)jaũ*) заменило собою старое **gúti* (= ла. *gũt,* praes. *gũju* или *gũnu* или *gũstu,* praet. *guvu*; относительно значения ср. *gũstît* «haschen, jagen» у Биленштейна LSpr. I 433) под влиянием praes. *gujù* и praet. *gujaũ* (вместо **guvaũ* = ла. *guvu*[20]) под влиянием наст. времени, ср. *gũvùs* «хваткий»; после чего возникли под влиянием нового *gùiti* также формы *guijù* или *guinù* (вместо **gũnu* = ла. *gũnu*) и *guijaũ,* ср. ла. *kruities* при *krũties* (к *kŗaũt*) и *muities* при *mũties, mũjâties* (родственные формы можно найти у Walde под *moveo*). Нет также достаточного основания считать заимствованными лит. *genióti* (которое относится к *genù,* как, наприм., *nešióti* к *nešù*), *gùnyti* и пр. *guntwei.* — С другой стороны, есть случаи, где не оговорена возможность заимствования. Так, на стр. 191 выдается // за заимствование лит. *dėdas* (sic! по Юшкевичу и Lit. Mitt. II 127 следует писать: *diedas*), а лит. 199

[19] [Pirmpublicējumā šeit un citur *ie* vietā *ē.* Ar akūtu te apzīmēts uzsvars. — Red.]

[20] [Sai izdevumā II 101. — Red.]

dėdẽ «дядя» почему-то считается исконным литовским словом, что вряд ли правильно (унаследовано, вероятно, только *avýnas* в этом значении), между тем как на родственное латышск. *dẽdêt* «стареть, ветшать, выветриваться» не указано.

Насколько автором соблюдена филологическая точность в области славянских языков и насколько им достигнута полнота по этой части, об этом пусть судят представители славянской филологии. Я тут укажу лишь на то, что автор, по мере возможности, обозначает также ударение и интонацию в славянских (но не в праславянских) словах, чего мы не видим у Миклошича. Выгодно отличается этот новый словарь от своего предшественника также указаниями на литературу по этимологии отдельных слов и гораздо бóльшим использованием родственных языков.

Следуют заметки к некоторым отдельным словам.

Под слав. *berza* не упомянуты осет. *bärz(ä)* и ла. *bę̃rza* «береза» (Elvers Liber memorialis Letticus 102).

Что п. *bez* утратило смягчение начального *b-* в проклитическом положении, в пользу этого говорят также аналогичные явления в родственных языках: ла. *gar* из *gaŗ* «вдоль» и *dẽl* из *dẽļ* «ради» (ср. мои Латышские предлоги I 81 и 94[21]) и древнеирл. проклитическое *ad-* (под ударением: *aith-*) и *ar-* (под ударением: *air-*), ср. Pedersen Vergl. Gramm. d. kelt. Spr. § 175 и Rozwadowski Rocznik Slawistyczny II 81 слл.

Под *blizъ* следовало указать на лит. *blýžoti* «woran geschmiegt daliegen».

Под *blǫditi* не указано на ла. *blàndîties* «шляться», *blandis* «бродяга» (Ульман дает также однозначащие *bļuodîties, bļuodis,* где *ļ,* может быть, ошибочно вместо *l*), *blinda* «ein Unstäter, der nirgends Stich hält».

Если *brinъ* восходит к **b(h)reid(h)nos,* то оно скорее родственно с албан. *breð-* «Tanne», если его *e* получилось из *oi.*

Под *buchati* 2. не указано на ла. *būsis* «филин»[22].

Под *buza* 2. можно было указать еще на древнеирл. *bus* «губа», англ. *buss* «поцелуй»; скорее всего мы тут имеем дело с такими же звукоподражательными формами, каковы и болг. *бацам* «целую», итал. *bacciare* «целовать», лат. *bāsium* «поцелуй», санскр. *cumbati* «целует». //

---

[21] [Sai izdevumā I 386 un 397 sk. — Red.]

[22] [Sal. ME I 358: «der Uhu». Vgl. etwa gr. βύα «Uhu» oder arm. *bu* «Eule». — Red.]

Под *bъbati* не приведены ла. *bubinât* «тихо бормотать, ржать», лит. *bùbti* «ворчать» и др., нижненем. *pupen* «pedere», лат. *bubere.* 200

Под *bьčьvь* следовало упомянуть о ла. *buca* «бочка» и *bucis* «верша» (Etn. III 162).

Считать р. *бугор* заимствованным вряд ли позволительно ввиду тожественного с ним по форме (и, вероятно, по значению) латышского *baugurs,* которое мне известно из Etn. III 161; *bauga* (в Лезерне) = «. . . stāvs celiņš (= крутая тропинка)», *baugurs* «uzkalnis (= холм)». Ср. также *bugurains* «горбатый».

С р. *борщ* и др., может быть, родственно или даже тожественно ла. *burkšis* (или *burksnis; k* в них может считаться вставным) «Aegopodium podagraria» (растение того же семейства Umbelliferae, как и борщ; Klinge говорит о нем в своей Flora von Est-, Liv- und Curland 528: «Die Blätter können als Gemüse gegessen werden»); *burkšis* может восходить к **bur(k)šķis* (из **burstis,* gen. s. **buršķa;* ср., наприм., *îkstis,* gen. s. *îkšķa,* > *îkšķis* > *îkšis*).

Под *bъrtь* следовало упомянуть о лит. *bùrtas* или (псалтырь 1625 г., пс. 16, 6) *burta* «жребий», ла. *burtas kùoks* «бирка», ср. статью Потебни (Жив. Стар. 1891 г. III 119 сл.) и Микколы (Сборн. в честь Ягича 362).

Под *cěna* автор приводит лит. *kainė* и *pus-kainiu,* но прибавляет: «nach Brückner A. 29, 110 sind die lit. Wörter erfunden». Так неужели проф. Бернекер придает in Balticis такое значение всяческим догадкам этого польского слависта (того самого, который счел возможным легкомысленно обвинять Рамулта в подлоге кашубских форм, ср. Сборник статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову, 568[1 23], и который, насколько мне известно, никогда не занимался изучением литовских говоров и их лексики)? Как мне сообщает молодой литуанист Каз. Каз. Буга, существуют формы *kainà* «цена» (gen. s. *kainõs,* acc. s. *kainą*) в Ольсядах (в обороте: *menkà*[24] *kainà*) и *kainė* в рукописном словаре Д. Пашкевича I четверти XIX века, ср. Draugija II 60 сл.

Под *čьrpǫ* приводится в числе других форм также ла. *ķerpis* «einer, der gern zugreift, ein Dieb»; как по значению, так и по форме (с *ķ* и кратким *e*) это латышское слово скорее родственно с ла. *ķeŕt* «хватать». //

Лит. *pirm-vakaris* нисколько не доказывает (стр. 173), что 201

[23] [Šai izdevumā I 239[31]. — Red.]

[24] [Pirmpublicējumā: *menkà.* — Red.]

лит. *kirvarpa* (рядом с *kirm-varpa*) получилось не из *kirm-varpa,* но из **kirv-varpa,* так как значение слова требует сохранения *m* в *pirm-vakaris* (**pirvakaris* было бы непонятно).

Весьма правдоподобно, что р. *деревня* родственно с лит. *dirvà* «пашня»; но вместо того, чтобы сопоставлять эти слова с санскр. *dȗrvā* «просо», средненижненем. *terwe* «пшеница» и др., которые по своему значению слишком расходятся с славяно-балтийскими формами, я произвожу их от глагольного корня *der-,* откуда и р. *(роз)дерть* (ср. также однозначащее ла. *plêsums* от *plêst* «драть, рвать»).

Под *dǫga* не приведено единственное, кажется, соответствие: ла. *dandzis* «косяк (в колесе)».

Под *dročiti* можно было указать на лит. *išdrikùmas* («надменность»?) у Даукши Post. 47,5 (*be lapúmo ir iždrikùmo*[25]), *drākas* «хищный, задирчивый, задорливый, сварливый, буян», *drakùs* «ловко прыгающий», *drikti* «шалеть, беситься» (у Юшкевича), ла. *dracîties* или *dracâties*[26] «sich unbändig gebährden, toben», *dracât* «anspornen, antreiben», *drakâties* «toben, tanzen» (рядом с *drok-* стоит однозначащий корень *trok-* : *trek-*).

Под *(paz-)ducha* следовало указать на заметку Зеленина о р. *душка* (Изв. VIII 4, 258). Может быть, славянские формы этого слова объясняются следующим образом. Можно допустить, что существовали рядом однозначащие **pa-ducha* (ср. ла. *paduse*) и форма, соответствовавшая лит. *pažastis,* и что затем путем контаминации обеих форм возникло *pazucha* (как в восточнолатышских говорах *pāzuse* путем контаминации однозначащих форм *paduse* и заимствованного *pazuka*) и далее *pazducha* смешением форм *pazucha* и **paducha.* Что же касается гипотезы Педерсена (IF XXVI 292 сл.), по которой *-dd-* в славянском дает *-z-* и *pazucha* из **pad-ducha,* то она столько же смела, сколько и невероятна: примеры, представленные Педерсеном для перехода *-dd-* в *-z-,* не доказательны (к чему я намерен вернуться в другом месте[27]), и *-zd-* из *-dd-* мы имеем (на что мне указал проф. Ильинский) в р. *громоздить* (при *громада*).

Под *dvigati* говорится, что сопоставление его с древневерхненем. *zwigōn* «klemmen, zwicken» «wird durch die

---

[25] [Pirmpublicējumā ž vietā ż. — Red.]

[26] [Pirmpublicējumā *ie* vietā *e.* — Red.]

[27] [Grāmatā «Славяно-балтийские этюды» — šai izdevumā II 264 skk. — Red.]

Bed(eutung) nicht empfohlen». Но ближе по значению стоят средневерхненем. *zwic* «stoss» и древнеангл. *twiccian* «to twitch». //

Откуда автор взял лит. acc. pl. *dùris* «двери» (стр. 242) вместо единственно правильного *durìs*? 202

Под *dъbrь* можно указать на ла. *dubra* (ср. галльское название реки *Dubra*, п. *Dbra*) «лужа, топкое место» (Etn. III 1) и прилагательное (?) **dubrs* в gen. s. *dubras zemes* BW (= Latwju dainas) 14425, 4. var.

На стр. 265 (под *imati*) автор дает древнеирл. *air-ema* «suscipiat» и (без звездочки) *air-fo-emim* «sumo» (должно быть, по словарю Stokes'a, который почти вовсе не отличает форм только предполагаемых от засвидетельствованных); последняя из них не засвидетельствована, но, как показывает ее звуковой состав, только предполагается для ирландского праязыка ввиду, например, форм *ar-foim* «принимает», *ar-roit* «он принял», *·airema* «suscipiat» и др. (смягчение *r* в последней форме указывает на ударяемость начального *a-*, а это показывает, что эта форма не существует самостоятельно, но в сложении с каким-нибудь предшествующим словом, так что следует писать не *air-ema*, но *·airema*).

Статейка Vollmer'a в Glotta I 113 слл. только возбуждает сомнение в том, насколько учение древних грамматиков о долготе *e* в латинском *est* «ест» соответствовало действительности, но нисколько не доказывает краткости этого *e*, как это выходит по Бернекеру стр. 273. Тут же древнеирл. *·estar* в *ciniestar* «et si non edit» по словарю Stokes'a выдается за III л. ед. ч. сигматического будущего, между тем как теперь оно считается формой субъюнктива наст. времени, ср. Thurneysen Handbuch des Alt-Irischen II 50.

К родственным с *gadati* формам можно было прибавить санскр. *gadati* «говорить» (Trautmann Germ. Lautg. 23) и ла. *gādât* «думать» (BW 21620, 4. var.), «заботиться».

Под *glěmyždžь* можно было указать на лит. *gliemežys*[25] «musselfish, shellfish» в словаре Lalis'a; ср. также ла. *gliemêzis* «улитка» у П. Шмидта.

Ближе всего к *ględati, ględěti* стоит ла. *glendi* «оглядывай» BW 27409, 1. var. (из цирауского говора).

К Dentalerweiterungen und -ableitungen корня *glěi-* (под *glista*) автор прежде всего причисляет гр. γλιττόν (=γλοιόν) у Гесихия, возводя, по-видимому, γλιττόν к **glitjom*, что, однако, возможно лишь в том случае, если это форма беотийского или критского говора; а так как мы этого не знаем,

то естественнее (ввиду глагола // γλίχομαι) выводить γλιττόν из *γλιχjόν, так как ττ из χj шире распространено, чем ττ из τj.

Под *glumъ* следует исправить опечатку: le. ... *glûms;* известна только форма с кратким *u*.

Параллельно с *glus-* в *glъchnǫti* (ср. р. *глухая* ночь и п. *głuchy* «глухой, тихий») стоит ла. *klus-* в *kluss* «тихий».

Под *golěmъ* можно указать и на ла. *galdît* (интонация такова по Крумбергу) «ausbolstern» (что, вероятно, = auspolstern) и *galdîties* BW 23955 *(ka dzeivōju pi māmeņis, kai pupeņa gaľďējūs* «когда я жила у матушки, я словно бобина *gaľďējūs»*, что, вероятно, = толстела, откармливалась).

Этим я заканчиваю свою рецензию. Я указал на пробелы, неточности и погрешности в словаре Бернекера, которые, однако, при современном положении нашей науки почти неизбежны. Поэтому само собою разумеется, что эти недостатки не заставляют меня относиться к этому словарю только отрицательно. В похвалах же с моей стороны солидный труд проф. Бернекера не нуждается, особенно после лестных отзывов со стороны таких выдающихся представителей нашей науки, каковы Ягич и Meillet. Бесспорно то, что эта книга будет весьма полезна и в значительной степени будет способствовать дальнейшей разработке славянской этимологии; некоторое оживление в этой области уже заметно после появления этих первых выпусков. С величайшим интересом будем следить за продолжением этого труда.

Вышел уже пятый выпуск этого словаря.

К р. *бугор*. Также у П. Шмидта дается ла. *baũgurs* «возвышение, бугор».

За неимением буквы, посредством которой Биленштейн и Бернекер обозначают в латышских формах звонкий свистящий спирант (= русск. *з*), я при чтении корректуры должен был заменять ее в цитатах из словаря Бернекера буквою *ś*.

Не оказалось (в сербохорватских и словинских словах) также *r* с диакритическими знаками для передачи интонации и количества.

VĀCU-LATVIEŠU VĀRDNĪCA. SASTĀDĪJIS J. DRAVNIEKS

RĪGĀ, 1910. G. K. J. ZICHMAŅA IZDEVUMS. VII + 1352

[1910 Latvija Nr. 149]

Vajadzība pēc tādas vārdnīcas bija liela, jo Bražes darbs 2₂
jau sen pilnīgi novecojies. Rakstu valoda pa tām starpām bija stipri kuplināta gan jaundarinājumiem, gan izlokšņu vārdiem; un šī iemesla dēļ bija vajadzīga jauna vārdnīca sevišķi tiem vāciešiem, kas savās amata darīšanās nevar bez latviešu valodas iztikt. Bet varbūt vēl vairāk pašiem latviešiem. Jo vācu valodas prašana mūsu tautā ir stipri mazinājusies, kamēr skolās ievesta krievu mācības valoda. Mūsu jaunības vairums tagad piesavinās izglītību vienīgi krievu mācības iestādēs, un sekas no tam manāmas arī mūsu rakstu valodā. Senākajiem ģermānismiem tagad pievienojas lielā mērā rupji r u s i c i s m i. Senāk mēs runājām, piemēram, latviski *lai tas būtu kas būdams;* bet tagad daudzi krievu valodas garā runā un raksta *kas tas arī nebūtu* (= kr. *кто бы он ни был*). Bet tā trakākā padarīšana ir, ka tagad daži mums pārkristījuši, piemēram, vācu *Heini* un *Hēgeli* par *Geini* un *Gegeli* (dažkārt arī otrādi: piemēram, Romas ķeizaru *Galbu* par *Halbu*), un to dara dažkārt pat tādi dzejojoši studenti, kas citādi, savā uniformā tērpušies, ik vārda galā min Danti un Ģēti un ar nicināšanu skatās uz «tumšajiem» tautskolotājiem.

Dravnieka kga darbu var tāpēc ar prieku apsveikt: trūkums bija liels, un šis darbs vispāri ir labi izdevies. Grūtības bija autoram jāpārvar lielas, pie tam pašam vēl neesot valodniekam. Vācu valoda ir ļoti bagāta vārdiem, un latviešu valodā vēl trūkst vispāri atzītu nosaukumu daudz jēdzieniem, sevišķi zinātņu un mākslu laukā. Pašam izgudrot trūkstošos vārdus jau nebūtu tik grūti, bet autors pats par pareizu atzinis no tiem izvairīties, meklēdams vajadzīgos vārdus rakstniecībā un prasīdams padoma dažiem arodniekiem. Ievērojot šīs grūtības un autora lielo rūpību, kritikas uzdevums te nav pelt visu darbu dažu trūkumu dēļ, bet pārrunāt šos trūkumus, lai varētu tos novērst nākamos izdevumos. Dažu labu piezīmi ir jau devis

Kalniņa kgs Dzimtenes Vēstnesī. Un Mūlenbacha kgs ir lasījis korektūru šai vārdnīcai, tâ ka gluži rupju kļūdu tur nevar meklēt. Bet, zināms, otra darbu korektūrā lasot, to nepārdomājam tik rūpīgi kâ paši savu rakstīdami; un autors nav arī visur, piemēram, ortografijā, ievērojis valodnieka padomus. Ortografija tad nu ar[ī] ir šī darba vājākā puse. Vācu vārdos autors visur rūpīgi apzīmē akcentu un gaŗumu, kas latviešu publikai var būt tikai pa prātam. Tikai retos gadījumos pie tam notikusi kļūdīšanās. Tâ, piemēram, Dr. kgs raksta *Dak'tȳlus*[1] (*y* te ir tikai īss, un tikai zem akcenta, kâ adjektīvā *daktylisch,* vācu valodā to pagarina), *Paník* jeb *Pa'nik* (priekšzīmīga te ir tikai beidzamā izruna), *Pa'letot* (akcents, kâ jau franču vārdā, te uz beidzamās zilbes), *Heliográphie'* (*a* šai grieķu vārdā arī vācieši izrunā īsi un pagarina to tikai zem akcenta, piem., adjektīvā *heliográphisch*); un par vārdiem *dabei, dafür, dagegen, dahin* (un citiem salikteņiem ar *da-*) autors māca, ka, teikuma sākumā stāvot, tiem esot pirmā zilbe
2₃ uzsvērta, kas nav gluži pareizi: piem., // teikumā *ich kann doch dafür das Haus nicht verkaufen* var arī uzsvērt vārda *dafür* pirmo zilbi, lai gan tas neatrodas teikuma sākumā, un ir gadījumi, kad šiem salikteņiem arī teikuma sākumā uzsveŗ otru zilbi, piem., *dahin ist meine Hoffnung.* Turpretim latviešu vārdos izruna netiek tuvāki apzīmēta, bet tikai vecās ortografijas veidā, kas taču apzīmē izrunu ļoti nepilnīgi. Un pie tam vācu valodā sarakstītie priekšvārdi vedina uz domām, ka autors savu darbu nodomājis sevišķi vācu publikai; bet vāciešiem jo vairāk vajadzēja smalki apzīmēt latviešu vārdu izrunu. Bet arī pašu latviešu dēļ! Dravnieka kgs taču nebūs tāds vientiesītis un nedomās, ka katrs latvietis jau prot pareizo izrunu. Vislabākā gadījumā mēs protam katrs savu dzimtenes draudzes izloksni. Bet te nu jāievēro, ka ļoti daudz izloksnes saīsina neuzsvērtos piedēkļu un galotņu gaŗumus, kuŗus mūsu parastā rakstība nemaz neapzīmē. Tāmnieki, piemēram, ja nav to sevišķi mācījušies skolā, nezina nemaz, ka rakstu valodā, piem., piedēklim *-iba (labība, mīlestība)* ir gaŗš *ī;* tâ man gadījās dzirdēt, ka latviešu tautības mācītājs (no dzimuma tāmnieks) uz kanceles runā nevis, kâ nāktos, par *mīlestību* (ar gaŗu piedēkļa *ī*), bet par tāmnieku *mīlestibu* (ar īsu *i*!). Un tâ mūsu rakstība b o j ā mūsu valodu! Jeb vai maz tādu, kas nepareizi runā, piem., vārdus *māsīca, burtnīca, vārdnīca* ar ī s u *i* vienīgi tāpēc, ka nav tautas mutē šo piedēkļu dzirdē-

[1] [Dravnieks akūtu rakstījis aiz uzsvērtās zilbes. — Red.]

juši (kur tiem ir gaŗš *i*!) un mūsu rakstība piedēkļos gaŗuma neapzīmē! Kad nu tomēr Dr. kgs apzīmē izrunu vienīgi vācu, bet ne latviešu vārdos, tad tas izskaidrojams vispirms ar to, ka mums, latviešiem, vēl lielā mērā trūkst cienības pret savu valodu; mēs gan rūpējamies vāciski un krieviski pareizi runāt un rakstīt, bet pašu valodu neprast pie mums nav kauna lieta. Nesen vēl man gadījās dzirdēt, ka kādā Iekškrievijas pilsētā turienes latviešu biedrības jaunieceltais rakstvedis (bijis politechniķis) liedzās latviski rakstīt protokolus, tāpēc ka viņš neprotot latviski rakstīt! Un ka daudzi latvieši neprot latviski rakstīt, tur pa daļai ir vainīga mūsu dullā rakstība, kas vienu un to pašu gaŗumu vai nu apzīmē ar ķ (piem., baķŗgš) jeb ar «pusjumtiņu» (piem., baķŗgàm, bet mantam bez pusjumtiņa, lai gan galotne tā pati!), vai arī pavisam neapzīmē (piem., baķŗgaſš, otrā zilbē; viss «pareizrakstības» raibums kopā sarodas, piem., teicienā baķŗgaſàm mantam); un lokātīvā gaŗumam vēl izgudrota jauna zīme (jumtiņš)! Un cik viegla // varētu būt mūsu rakstība, ja vienādi apzīmētu gaŗumu visos 2₄
gadījumos! Tad tikai būtu jāprot pareizi runāt. Bet tad jau skolotājiem nebūtu ortografijas stundās ko mācīt bērnus, un tāpēc bija gŗūtības mākslīgi jārada un jāizgudro visādi tādi muļķīgi likumiņi. Otra lieta ir tā, ka latviešu valodas stundas ir gan daudz skolās ievestas, bet no latviešu valodas skolotājiem neviens neprasa nekāda eksāmena šai priekšmetā. Ja tu cilvēks gribi kur nomesties kauču par bārzddzini, tad tev ir diploms vajadzīgs, kas rāda, ka tu šo amatu proti; bet mācīt latviešu valodu ir katram tiesība, kas tikai pats grib. Rezultāts tad nu ir tas, ka latviešu valodas stundās bieži vien māca gan visādas pilnīgi liekas «tropas»[2] un «metaforas», «homonimus» un «sinonimus», bet tikai ne latviešu valodu. Lieta var te grozīties uz labo pusi tikai tad, ja iestādes, kuŗām tas klātos (piem., Skolotāju vai Rīgas Latviešu biedrība), pienācīgā vietā lūgtu («явочным порядком» jau tagad vairs to nevar izdarīt), lai personām, kas grib iegūt latviešu valodas skolotāja tiesības, būtu jānoliek eksāmens šai priekšmetā; un ja paši latvieši, pieņemdami vietās, dotu priekšroku tādiem, kas prot latviski rakstīt. — Ka Dr. sniedz latv. vārdus vecajā rakstībā, pret to vien nebūtu nekas ko iebilst, jo daudziem ir vajadzīgs zināt, kâ vienu vai otru vārdu raksta valdošajā ortografijā. Bet kâ vācu vārdiem autors, parastajā ortografijā tos sniegdams, tomēr apzīmē gaŗumu un akcentu, tâpat tas bija darāms arī ar

[2] [t. i., tropus. — Red.]

latv. vārdiem; varēja paturēt ķ un «pusjumtiņus», bet vecajā ortogrāfijā neapzīmētos garumus (tāpat kâ vācu vārdos) apzīmēt ar horizontālo[3] garuma zīmi. Tad lasītājs zinātu ir rakstību, ir izrunu. Un jāsaka vēl, ka autors atstājis garumu neapzīmētu ne vien tur, kur tâ jau parasts (kâ, piem., vārdos: Riga, bibele, parads; šim vārdam vidus izloksnēs *a* otrā zilbē ir garš un *pa-* laikam priedēklis, un tāpēc arī pēc vecās rakstības likumiem *a* garums te jāapzīmē un jāraksta: paraķds jeb *parāds*), bet arī tur, kur, mazākais, daudzi vēl pareizi apzīmē garumu (piem., vārdos: cereķnis, apstaķlis, pruſis, Pruſija; pareizi vienīgi ar garumu: cereķnis, apstaķlis — sakne te ir *rēd-, stā-* —, pruķſis, Pruķſija; *u* šai vārdā ir no laika gala garš, un, ja raksta bez garuma zīmes, tad sāks arī ar īsu *u* šo vārdu izrunāt, jo tagad ar šo vārdu iepazīstas vispirms no grāmatām un nevis no tautas mutes. Arī darbības vārdu pagātnes daudzskaitļa galotnē garuma zīme vēl nav pilnīgi izskausta, bet Dr. kgs raksta, piem., 81. lpp.: meķs nepaguwam, lai gan te galotnē garš *a* rakstu valodas izloksnēs), un dažkārt pat autors pirmais izmetis garuma zīmi, tâ vārdā: igwats «Aalkasten», ko viņš laikam būs jēmis no Ulmaņa; bet Ulmanis raksta: igwaķts. Ja jau nu Dr. kgam tā garuma zīme tâ nīdas, manis dēļ lai raksta bez tās, tikai lai neatstāj lasītāju neziņā par to, ka te runājams garš patskanis! Un derēja apzīmēt ne vien garumu, bet arī — cik tas autoram bija iespējams — dažādo akcentu[4], kas latv. izrunā ir svarīgs. Tâ, piem., vācu *Abenteuer* autors tulko pirmā vietā ar «dēka»; man šis vārds nav pazīstams no tautas mutes, un tāpēc nezinu, kâ viņu izrunāt — ar stieptu *ē* (kâ *ēka*) jeb ar krītošu (kâ *mēle*), jeb ar
2₅ lauztu (kâ *ēst*). Ja autors to zināja, tad // viņam taču vajadzēja lasītāju par to informēt, jeb Dr. kgam vienalga, kâ izrunā latv. vārdus? Jeb *zobus griezt* «knirschen»? Ar kādu akcentu te izrunājams *ie* (jo akcenta ziņā izšķiras *griezt* «wenden» no *griezt* «schneiden»)? Un tâ daudz līdzīgos gadījumos lasītājs paliek neziņā. Zināms, varēja būt gadījumi, kuŗos arī pats autors nezināja izrunu; tur tad izruna varēja palikt neapzīmēta, bet citur tā bija jāapzīmē. Ulmanis bija, mazākais, divus akcentus centies apzīmēt; Dr. kgs diemžēl šai ziņā pat dažus soļus atpakaļ spēris. Vēl daži izrunas un rakstības sīkumi. Kāpēc autors transkribē, piem., Chagrin ar ſchagrain, nekur nepaskaidrodams, ka tas *-ain* izrunājams savukārt kâ *-ēn*? Citādi pareizi atstādams *ch* (piem., *choreografija*), autors tai

[3] [Pirmpublicējumā: horizontalo. — Red.]
[4] [t. i., intonāciju. — Red.]

pašā saknē pārvērš *ch* par *k* vārdā *koriambs*, bez iemesla. — Ka daži latviešu *-iņi* pārkristījušies par *-ingiem*, tas taču nav pietiekošs iemesls rakstīt Helsingforsas vietā «Helsinforsu». Un Neu-Salis Vidzemē latviski sauc nevis Schweiceemu, bet Sweiceemu (tas ir, īsteni *Svētciemu*, jo turienes izloksnē lauztais *ē* priekš šaurajiem patskaņiem pārvēršas par *ei*). Ar līdzskaņu mīkstināšanu dažkārt misējies. Ja pēc *l, n* seko mīkstinājumi, tad *l, n* izrunā pārvēršas par *ļ, ņ*, piemēram, *baļķis, siļķe, eņģelis, apriņķis*, bet autors šādos gadījumos visur aplam raksta nemīkstinātu *l, n*. Turpretim: *cepjams (ābols)* ar mīkstinājumu, kur tas nevietā, jo leišu valoda un vidus izloksnes mums rāda, ka no *cept* tagadne ir *cepu* (ar platu *e*), bet nevis *cepju*. Vispāri autors pareizi mīkstina *r*, piem., *aṛams* (kâ lasu avīzēs, nupat Zin. komisijas vasaras sapulcēs skolas grāmatu referents tâ kâ p ā r m e t Abula kgam, ka tas pareizi mīkstina *r*! Nākamu gadu tas varbūt sāks pārmest arī lūpskaņu *b, p, m, v* mīkstināšanu, jo arī tā var bērniem «asaras izspiest»; tâtad nost ar visu pareizrakstību! Pikants pie tam ir tas apstāklis, ka to mīļo «bērniņu» dēļ — paši par sevi jau nerūpējas — gan grib ļaut nemīkstināt līdzskaņus, bet ar gaṛumu četrējādo apzīmēšanu jeb neapzīmēšanu tiešām lieliski sarežģī rakstību, un atkal, zināms, «pedagoģijas» prasījumu vārdā); bet dažkārt nevietā iezadzies arī nemīkstinātais *r*, piem., *nošķirams* «absonderbar», *noduramais* «Abstecheisen»; ja dažas avīzes raksta, piem., *gaṛš, kuṛš* (ar *ṛ*), bet *(es) dzeru, duru*, ģenit. *stūra, kora* u. c. (ar *r*, lai gan šos vārdos tāds pat *ṛ*), tad to var ar krievu saukt par «безграмотность». Un, ja pat tādai avīzei iesūta rakstu ar pareiziem *r* mīkstinājumiem, tad droši vien, piem., *dzeṛu* tiek «pārlabots» par *dzeru* no korektora, kas rupjas kļūdas bieži vien laiž cauri, bet par to sev iekalis galvā dažus mazus likumiņus; tâ, piem., dažs korektors nelaiž cauri nevienu divdabja galotni *-usi* (piem., *nākusi*), kas pareizāka, bet cieš visā avīzē tikai galotni *-use* un šķietas ļoti rūpējamies par latviešu valodas pareizību. Kâ jau minēju, gaṛuma zīmi Dr. kgs dažkārt nevietā izmet, bet par to raksta *bārgs, gārds* (blakus *garša*), *vērgs*, lai gan jau esmu vairākkārt teicis, ka te gaṛums ieviesies tikai no tāmnieku izloksnēm (kur runā arī *kārsts, vārde, papārde, ķērt* u. c.) un tāpēc rakstu valodā nav ciešams. Kalniņa kgam, kas to autoram pār-//met, tas atbild, pirmkārt, ka tâ jau rakstot. 5
Rakstīja ne tik sen visi arī Rihga, Peterburga gluži pareizi ar gaṛuma zīmi, un tagad kādā citādi prātīgā rakstā par latv. valodu Jaunajā Dienas Lapā kāda latv. studenta latv. valodas

neprašanu demonstrē ar to, ka tas rakstījis Peterburgā. Tâ grozās laiki un rakstība; kāpēc tad nu Dr. kgs domā, ka mūžam par normu paliks tā rakstība, kādu lietoja, viņam pie savas vārdnīcas stājoties? Dažas avīzes tagad jau sākušas pareizi rakstīt: *bargs, gards* (kâ *garša*), *vergs* bez gaŗuma zīmes; tâ ka ceru, ka šī pareizā rakstība izplatīsies. Otrkārt, Dr. kgs atsaka, ka v i ņ š Vidzemē un Kurzemē esot šos vārdos dzirdējis tikai gaŗu patskani. Gribu tam ticēt, bet ko tas nu nozīmē? Dr. kgs taču nav ceļojis pa Baltiju, valodu pētīdams, un satiksme tam taču būs bijusi vairāk ar jauno izglītoto paaudzi. Tā nu, zināms, jau sākusi runāt tâ, kâ raksta; bet vecā paaudze, kas vēl pati piedzīvojusi «vergu» laikus un runā neatkarīgi no grāmatu valodas, gan tiešām te pazīst tikai īso patskani pa vidus izlokšņu apgabalu. To es savukārt varu Dr. kgam apliecināt, jo esmu ceļodams vērību griezis arī uz šo speciālo jautājumu. — Piedēkli *-onis* (ģen. *-oņa*, akuz. *-oni*) un no vācu valodas patapināto *-manis* daži nominātīvā aplam sastrupina par *-ons, -mans* (un raksta aplam, piem.: *Hermans, Steikmans;* ģenitīvs te taču ir tikai: *Hermaņa, Steikmaņa,* un tāpēc arī nominātīvs var būt tikai: *Hermanis, Steikmanis*!); tâ arī Dr. kgam ieviesies *mežons* «Barbar», bet pareizāki tas pats raksta (zem *wild*): *mežonis* (jo ģenitīvs taču: *mežoņa*); jeb *ģermans* «Germane», blakus daudzsk. ģenitīvam *ģermāņu* (tâtad viensk. nōm. iznāk: *ģermānis*!). Autors tālāk raksta: *decembrs, novembrs, oktobrs* utt.; lokātīvā pazīstu tikai: *decembrī, novembrī* utt.; un tāpēc nominātīva formas var būt tikai: *decembris, novembris* utt. (kâ tiešām arī runājam un kâ runāja arī paši romnieki[5]). Velti dažkārt autors strupina arī vārdus ar piedēkli *-(i)nieks* un raksta, piem., *laucnieks* «Bauer»; Ulmanis pazīst tikai pilno formu *laucinieks,* un tâpat man no vidus izloksnēm ir pazīstama tikai šī forma ar pilnu galotni. Autors raksta: *dzeltens* «gelb»; valodas vēsture māca, ka pareizāka te vēl labi pazīstamā forma *dzeltāns* (ar gaŗu *a*). «Brahmaš» un «brahmina» vietā es labāk rakstītu: Brachma un brachminis, jo *h* te neapzīmē gaŗumu, bet izrunājams kâ *ch.* — No *atkarāties* tagadnes trešā persona var būt tikai *atkarājas,* nevis *atkaras* (151. lpp.), kas rodas (ar mīkstinātu *r*!) no *atkārties,* bet šim vārdam taču cita nozīme. //

5_2 Tulkojumos sastopami daži lieki ģermānismi un rusicismi. No tiem vārdnīcā minami tik tādi, kas jau ieviesušies pašas tautas valodā; bet to nevar teikt par *«izpalikt»* (!) «ausbleiben» (= *neatnākt, iztrūkt*), *«ko jūs arī nedarītu»* = *что бы вы ни*

[5] [t. i., romieši. — Red.]

дελαлu (latviski: *darait ko darīdami*), *«kādi jums arī nebūtu nolūki»* (latviski: *lai kādi (būtu) jūsu nolūki*). Latviski arī laikam nesaka: *ēst ārpus mājas* (= *ausser dem Hause essen*); tas nozīmētu «ēst ne iekšpus (bet ārpus) mājas». Tur nu mums trūkst sava izteiciena, bet teikuma sakarā varam dažādi izteikties. Citreiz, kad latviešiem vārda trūkst, autors sniedz ne tulkojumu, bet paskaidrojumu; tâ, piem., *ein Ausbund von Gelehrsamkeit* («smalki izglītots zinībnieks»; tas skan bez tās kōmiskās nokrāsas, kas piemīt vācu izteicienam), *die heilige Hermandad* («policija»). Tādos gadījumos vajadzēja ar kādu sevišķu zīmi rādīt, ka dots tiek ne tulkojums, bet tikai paskaidrojums. — *Abwesend* autors tulko: «atesošs, klāt neesošs, projām esošs»; beidzamais sakopojums nu gan neiespējams, jo taču nesaka: *es esmu, biju, būšu projām* (drīzāk varēja teikt: *iztrūkstošs*). — Ka *abherzen* latviski «apskaust», ir laikam tikai drukas kļūda («apskaut» vietā). — *Afterlehre* un *Afterprophet* es tulkotu nevis: «neīsta mācība, viltīgs pravietis» (tas būtu = *ein schlauer Prophet*), bet: «viltus mācība, viltus pravietis». — *Eibe* autors tulko: «taksus koks»; Ulmaņa vārdnīcā tai vietā atrodam: *īve*. — *Sveķu* «Harz» vietā es labāki teiktu *sveki* (ar nemīkstinātu *k*), kâ runā, piem., ap Valmieru. — Kâ jau teicu, autors pareizi dara, izvairīdamies no literātūrā svešiem vārdiem. Bet šai vietā ir atļauts griezt publikas vērību uz dažiem jaukiem vārdiem izloksnēs un vecos rakstos, ko der ievest rakstu valodā. Mēs lietojam no vācu valodas patapināto *smērēt* un «smērējam» gan ratus, gan maizi un matus, kas nav visai glīti; Vidzemes austrumu izloksnes tai nozīmē pazīst vecu latviešu vārdu *ziest* (ar tādu pašu akcentu kâ vārdā *zieds*), tagadne: *ziežu, tu zied(i), viņš zież;* pagātne: *ziedu;* tâ, piem., gulbenieši sev matus ne «iesmērē», bet «iezież». Lietojam patapinājumu *vērbaļķis,* bet Kurzemes rietumos tai vietā lieto pašu vārdu *dziedrs* (ar stieptu akcentu kâ, piem., vārdā *biete*). *Zobel* Dr. kgs tulko: «Sibirijas cauna» (bet caunu sugas tur ir dažādas); Rēhehūzena latv. gramatikā atrodam tai vietā vārdu *sabelis*. Vārdam *nüchtern* autors dod dažādus tulkojumus; varēja pieminēt vēl vārdu *gadīgs* (ar īsu *a*), ko lieto vecie raksti un Stenders. *blöken* autors tulko «bļaut»; tautā tai vietā (par aitām runājot) labi pazīstams vārds *blēt* (ar lauztu akcentu, kâ *ēst*). *Trunkenbold* tulkojumu starpā varēja minēt arī *dziruli* (pie Manceļa un Ulmaņa). *Jagdfalke* Dr. kga vārdnīcā trūkst un *Falke* tulkots: «dzeltenais vanags (ērglis)»; Konversācijas vārdnīca un Ulmanis mums sniedz vārdu

piekūns. Buche autors tulko: «vīksna», bet *vīksna* ir «Ulme, Rüster»; «Buche» aug Baltijā s a v ā v a ļ ā, cik man zināms, vienīgi Kurzemes dienvidu rietumos (Kalētu mežos), un tur to sauc *skābarzds*[6], akuz. *skābarzdu* (ar stieptu *ā*, kâ *māte*). *Zähmen* (par mājlopu padarīt) tulkots: «pieradināt» (bet tas
53 ir = *gewöhnen*); varbūt šai nozīmē // derētu lietot vārdu *jaucēt* (ar lauztu *au*, kâ *kaut*), ko lieto veci raksti un vēl tagad mūsu augšzemnieki; *zahm* tad varētu tulkot: *jaukls*, sal. leišu *jaukùs* «zahm».

Dr. kgs raksta, piem., *maksāt spēja* («Zahlungsfähigkeit»); pareizāki laikam būtu: *spēja maksāt*, jo sakām taču: *man ir spēks (spēja) strādāt*, nevis: *man ir strādāt spēks (spēja)*. Un raksta, piem., par zobu un lūpu b u r t i e m (Buchstaben); domātas te laikam ir zobu un lūpu s k a ņ a s.

Ar to šoreiz beigšu, jo būtu jāpilda vairāk numuri, ja gribētu visus sīkumus pārrunāt. Piebildīšu tikai vēl, ka šī vārdnīca vairāk izplatītos tautā, ja tā būtu plānāka un līdz ar to lētāka. Un iespējams tas bija. Kâ vācu, tâ latv. valodā no katra darbības vārda var atvasināt lietas vārdu, latv. valodā ar piedēkli *-šana*, vācu valodā ar artikulu *das*. Šādus lietu vārdus, ja tie apzīmē vienkārši to pašu darbību, varēja vārdnīcā neuzjemt; bet Dr. kgs to bieži dara, piem., pēc *auskernen* «izlobīt» seko *Auskernen* «izlobīšana», un tâ ļoti bieži. Varēja trūkt arī daudz salikteņu; zinot, piem., ka *aus* ir «iz» un *fischen* «zvejot», jeb ka *Eis* ir «ledus» un *Ente* «pīle», varēja gluži labi iztikt bez *ausfischen* «izzvejot» un *Eisente* «ledus pīle» u. c. Arī bez Kanadas, Volgas, Dantes un citiem tādiem zemju, upju un personu vārdiem, kas latv. un vācu valodā rakstāmi un izrunājami gluži vienādi. Dr. kgs uzņēmis arī lielu vairumu svešvārdu, bet svešvārdu grāmatu vietā (kādas mums jau bija) viņa vārdnīca tomēr nevar stāties, jo daudz vārdiem trūkst paskaidrojuma (piem., *Aberration* «aberrācija»), un svešvārdu grāmatās paskaidrojumi var būt pilnīgāki. Būtu arī pieticis priekšvārdos atgādināt, lai vārdus, kas trūkst zem *ph, c*, meklē zem *f, k, ʒ*; bet tagad daudz vārdi divi vietās minēti, piem., *Carcer* un *Karzer*. — Bet par to vajadzēja minēt latv. darbības vārdu tagadnes un pagātnes formas (piem., *pirkt, pērku, pirku*), kâ to autors dara ar vācu darbības vārdiem. Derīgs būs Vidzemes un Kurzemes vietu nosaukumu saraksts grāmatas beigās, īpaši avīžniekiem, kas, piem., *Pociemu* pārtaisījuši par *Pozendorfu* un *Liepupi* par *Perniģeli*.

---

[6] [*skābardis, skābards, skābarde, skābârzde, skabarde* ME III 878. — Red.]

DIE ALTPREUSSISCHEN SPRACHDENKMÄLER. EINLEITUNG, TEXTE, GRAMMATIK, WÖRTERBUCH VON DR. REINHOLD TRAUTMANN

GÖTTINGEN, VANDENHOECK UND RUPRECHT, 1910. XXXII + 470

[1910 AfslPh. XXXII 1/2, 281—296]

Habent sua fata libelli Prussici. Die erste moderne Bearbeitung der altpreußischen Sprachreste lieferte uns ein angehender Slavist, die zweite — ein junger Germanist. Die beste Vorbereitung dazu wäre freilich das Studium der beiden anderen baltischen Sprachen; aber für die gibt es keine Professuren, und so sind denn Baltica das Hauptfach nur für geborene Litauer und Letten, die es nun einmal nicht anders können. Und man kann nicht sagen, daß man diese an den Fingern aufzählen könnte, denn ihre Zahl reicht nicht einmal für alle Finger, was aber nicht zum Nachteil der Litauer und Letten gedeutet werden soll, da diese in der überwiegenden Mehrzahl auch jetzt noch einfache Bauern sind. 281

Daß aber gerade Anfänger sich an die Bearbeitung des Preußischen gemacht haben, erklärt sich durch den geringen Umfang der preußischen Sprachreste; in ähnlicher Weise liefern ja Klassikerfragmente das Thema zu den // zahlreichen 282
Doktordissertationen «de dialecto . . .». Allerdings steht neben dem geringen Umfang eine Menge von Schwierigkeiten, die durch die Beschaffenheit der preußischen Texte verursacht werden. In den ältesten Denkmälern des Lettischen (aus dem Ende des XVI. Jahrh.), die wir deutschen Pastoren verdanken, läßt sich in vielen Fällen der genaue Lautwert (namentlich der Endungen) nicht feststellen wegen der schauerlichen Schreibung (Orthographie kann man das nicht nennen), obwohl die Weiterentwicklung der Sprache nach dem XVI. Jahrh. recht unbedeutend gewesen ist und obwohl die Autoren das Lettische besser beherrscht haben (einen «Tolken» haben sie vermutlich nicht nötig gehabt), als Abel Will das Preußische. Die Schreibung der preußischen Texte ist allerdings rationeller,

aber doch weist sie viele Schwankungen auf. Und da zu ihrer Herstellung Tolken nötig gewesen sind und sie aus einer Zeit stammen, in der die Sprache schon ihrem Untergang nahe war, und das Preußische ziemlich bedeutend von den nächstverwandten Sprachen abweicht, so daß Kontrolle von dieser Seite nicht immer möglich ist, so ist es oft in zweifelhaften Fällen schwer zu entscheiden, wie es sich mit den betreffenden Fällen in Wirklichkeit verhalten hat. Es können Druck- und Schreibfehler vorliegen; der des Preußischen kaum kundige Setzer kann das Manuskript falsch gelesen haben. Der Tolke kann die ihm vorgelegten Fragen falsch aufgefaßt haben, und Abel Will kann sich zuweilen verhört haben. Endlich kann sich der Dialekt des Tolken (oder der Tolken) von demjenigen, der Will selbst mehr oder weniger geläufig war, einigermaßen unterschieden haben. Und wenn uns eine Form als ganz besonders «falsche Analogiebildung» vorkommt, so wissen wir nicht, ob Will selbst oder ob die aussterbende Sprache sie gebildet hat. Für mich sind daher ganz klar — abgesehen vom wurzelhaften Teil — nur verhältnismäßig wenige Formen, wie z. B. der nom. s. *deiw(a)s, mensà, dangus,* acc. s. *deiwan, naktin, sunun,* II p. s. *wedais* u. a. Der größere Teil der Formen läßt sich nicht sicher beurteilen; man mag sie ja erklären, nur vergesse man nicht, daß solche Erklärungen nur vage Vermutungen sein können, weil der genaue Lautwert einer Form oft unbekannt bleibt und weil wir oft nicht wissen, was fehlerhaft und was richtig ist. Für Trautmann allerdings scheint es keine großen Schwierigkeiten gegeben zu haben, oder wenn er welche gehabt hat, so glaubte er wohl am Schlusse seines Werkes die meisten glücklich gelöst zu haben: «vielleicht» und «wahrscheinlich» sind Wörter, die er selten anzuwenden scheint. Das kommt zum Teil davon, daß er bei Will «langjährige Beobachtung und feines Sprachverständnis» voraussetzt. Davon zeuge nämlich die Wiedergabe der (zweifachen) Betonung. «Man ... bedenke, daß ... ein so ausgezeichneter Mann wie Schleicher, dessen einziger Lebenszweck Erforschung der Sprachen war, ... der lit. Betonung gegenüber einfach versagte und den Unterschied zweier Intonationen nicht merkte, den Abel Will uns gut dargestellt hat!» Umgekehrt wäre es natürlich richtiger gewesen; den Unterschied der Intonationen konnte Schleicher bekanntlich nur bei langen Vokalen nicht heraushören, während man bei Will überhaupt keine Auffassung von zwei verschiedenen Intonationen voraussetzen darf (im Lettischen wurde ihr Vorhandensein erst im vorigen Jahr-

hundert festgestellt): er bezeichnete gelegentlich betonte Längen, // wo er sie heraushörte, und das ist schließlich kein 283
Kunststück. Man hat also keinen Grund, an «langjährige scharfe Beobachtung» zu glauben; und dagegen sprechen die von Trautmann selbst mitgeteilten Stellen aus Wills Brief, wonach Will ganz ratlos gewesen ist, als sein Tolke (ein einfacher Bauer also) zu Scharwerksdiensten aufgeboten war. Die Bedeutung dieses Geständnisses läßt sich nicht wegdisputieren.

Trautmanns Werk ist natürlich besser und auch vollständiger als dasjenige seines Vorgängers, denn nach dem Erscheinen der Grammatik Bernekers waren weitere Beiträge zur Aufhellung der preußischen Sprachreste veröffentlicht worden, und außerdem ist Trautmann ein Schüler von Prof. Bezzenberger, der unter allen deutschen Sprachforschern sich am eingehendsten nicht nur mit dem Litauischen, wie das die Regel ist, sondern auch mit dem Preußischen und Lettischen beschäftigt hat. Außerdem war Bernekers Grammatik eine Erstlingsarbeit, was bei Trautmann nicht so sehr der Fall ist. Die Einleitung orientiert über «Geschichte», Gebiet, Verwandtschaftsverhältnisse, Entlehnungen, Dialekte und Sprachdenkmäler des Preußischen. Ich hätte da gern auch eine kurze Geschichte der preußischen Grammatik und Wortforschung sowie auch ein Verzeichnis der speziell dem Preußischen gewidmeten Literatur gesehen, die man sich jetzt mühsam zusammensuchen muß. Der jetzigen Generation sind ja die wichtigsten Arbeiten von Trautmanns Vorgängern gegenwärtig, aber von jetzt an wird man sich Belehrung in Prussicis hauptsächlich aus Trautmanns Buch holen, so daß seine Vorgänger leicht in unverdiente Vergessenheit geraten können. Merkwürdigerweise findet man weder in der Einleitung noch unter den Texten die dürftigen Brocken, die Bezzenberger GGA 1874, S. 1239 und BB II 135 ff. als altpreußische Sprachreste behandelt hat. Sollten sie wirklich teilweise nicht preußisch, sondern jatwägisch sein (vgl. jetzt Bezzenberger BB XXIII 284[1]), so konnte man daraus Einiges für die Bestimmung der baltischen Verwandtschaftsverhältnisse verwerten: (*Vurschaites* BB II 136 und) voc. s. *schwante* 137 einerseits und *ains, kails,* voc. s. *moy panicke* und gen. pl. *naussen* 138 andrerseits scheinen darauf hinzudeuten, daß das Jatwägische das Bindeglied zwischen Preußisch und Litauisch war, dem ersteren jedoch näher stand. Jedenfalls aber liegt, soweit ich sehe, kein Grund vor, das von Bezzenberger l. c. 140 f. mitgeteilte Fragment eines Vaterunsers als

nicht preußisch anzusehen. Wenigstens in der Grammatik und im Wörterbuch sollten diese Fragmente ausgenutzt sein; ich finde sie aber nur S. 389 unter *panno* erwähnt, wo «jatwäg. *panicko*» (sic!) angeführt wird, während Bezzenberger, auf den sich Trautmann beruft, *paniko* und *Panicke* gibt. Unter *kailūstiskun* S. 350 z. B. hätte an erster Stelle das schon erwähnte *kails* angeführt werden sollen. — In der Lautlehre vermisse ich eine Darstellung der Auslautserscheinungen, was um so auffallender ist, da der Autor in der Literatur eine speziell dieser Frage gewidmete Monographie hätte finden können. Freilich scheint er russische Zeitschriften, die linguistische Beiträge bringen, nicht zu benutzen. Bequem mag das sein, aber zum Vorteil der Sache gereicht es kaum, wenn man in Balticis die russische, litauische und lettische Literatur ignoriert. Zuweilen zitiert Trautmann allerdings auch Rossica (nur nicht Zeitschriften), aber eingehend scheint er sich mit
284 ihnen // nicht befaßt zu haben. Die Literaturnachweise zu den einzelnen Kapiteln bieten nicht einmal alles, was man in den deutschen sprachwissenschaftlichen Zeitschriften finden kann. So waren z. B. bei der Besprechung von Formen wie *massais* und *tāl(i)s* S. 248 (und S. IX) die lettischen Komparativformen *labis* und *vaĩrs* BB XXVII 315 f.[1] zu erwähnen. Und S. 262 wird noch von le. ablativischen Genitiven auf *-u* gesprochen, obwohl Mühlenbach IF XIII 220 ff. nachgewiesen hat, daß es solche im Lettischen überhaupt nicht gibt. — Zur Charakterisierung der grammatischen Darstellung sollen gleich hier einige Beispiele hergesetzt werden. Unter *ē* S. 119 f. heißt es: «Im pomesanischen Dialekt ist in der Mehrzahl der Fälle *ē* erhalten ... Für *ē* begegnet dreimal die Schreibung *ea* ..., wohl zur Bezeichnung eines *ē*, hinter dem sich ein kurz nachschlagendes *a* vernehmbar machte (*ē*^{a}) ... Ähnlich werden die Schreibungen *ey* und *iey* den Klang eines *ē*^{i} darstellen sollen ... Aus diesen verschiedenen Bezeichnungen des *ē* geht hervor, daß es verschiedene Klangfarben hatte, die der Schreiber bald durch *e, ee,* bald durch *ea, ey, i* nachzuahmen suchte ... Da *ē* dem *ī* sehr nahe stand, so gibt *i* dreimal altes *ē* wieder; der pomesanische Dialekt zeigt also hierin die Neigung zur Verwandlung von *ē* in *i,* die im Samländischen später Gesetz geworden ist». Was hier als Erklärung gelten soll, ist ja nur eine Umschreibung des Tatbestandes. Es fragt sich eben, warum das *ē* verschiedene Klangfarben hatte. Wissen können

[1] [Sai izdevumā I 243 sk. — Red.]

wir ja das nicht, weil uns die Herkunft der einzelnen Vokabeln und die Art der Überlieferung unbekannt sind; aber wissenschaftlicher wäre es gewesen, die Schwierigkeiten hervorzuheben anstatt sie zu verschleiern. Außerdem sind die Belege für pomes. *ī* aus *ē* recht zweifelhaft: wenn *lisytyos* und *slidenikis* wirklich entlehnt sind, so fragt es sich, ob sie jemals auf preußischem Boden in der Wurzelsilbe *e* gehabt haben, und was *riclis* anbelangt, so steht in lit. *rėklas* (bei Kurschat in Klammern) und *rėti ė* offenbar für *ie* (jedenfalls muß das *ė* besser als durch Kurschat beglaubigt werden, und *ie* beglaubigt hier Būga Aistiški studijai I 91, 166, 214). Oder aber über das *e* wird gesagt § 7: «*e* entsteht in I—III und V häufig aus *a*: a) In III erscheint häufiges, durchaus nicht konsequentes *e* für *a* in folgenden Fällen: α) Wenn dem (unbetonten s. γ) *a* in der folgenden Silbe ein *ĭ* oder *i*-Diphthong folgt ... β) Wenn dem *a* ein *i, į* vorangeht, entsteht *e,* aber nicht regelmäßig ... Die Fälle mit *-ia* sind so selten, daß sie sicher aus *-ie-* durch Analogie wiederhergestellt sind. γ) In unbetonten Mittel- und Endsilben ... δ) Sonst begegnet *dengan* 1× : *dangon, dangan.* Herrschend ist *e* in den Ableitungen *dengenennis, dengnennis, dengenneniskans, dengniskas* «himmlisch» (vgl. li. dial. *dèngus* ...). b) In I: *kodesnimma* ... : li. *dažnas* ... und *steweydan* ... : *staweidan,* vgl. *stawidan* III mit *e* vor *ey* (aus *ī*). c) In II erscheint *a* häufig als *e* und *œ,* d. h. in diesem Dialekte ist *a* besonders hell ausgesprochen, fast als *ä* ... d) Ganz feste Regeln für das seltene Erscheinen von *e* sind in V nicht zu erfassen ...; es beruht auf dem § 1a (freilich auch aγ) angegebenen Grunde ...» Hier sind also als vollkommen gleichartig zwei ganz verschiedene Kategorien zusammengeworfen: Fälle, wo die Verfasser der preußischen Texte wirkliches *a* falsch als *e* mit ihrem Gehör auffaßten (analoge Beispiele dafür finden sich in Menge in den ältesten lettischen Drucksachen in unbetonten Silben), und Fälle, wo // wahrscheinlich wirklich *e* aus älterem *a* entstanden war 285
(wie z. B. in *kraugen* — aus älterem *krawian*). In praxi können wir ja leider nicht immer sicher bestimmen, zu welcher von beiden Kategorien ein bestimmter Fall von *e* für *a* gehört, aber theoretisch müssen sie streng auseinander gehalten werden. In einigen Fällen darunter kann *e* auch altes *e* fortsetzen, so z. B. in *weders* gegenüber li. *vėdaras* (die preußische Form braucht ja nicht mit der entsprechenden litauischen Form Kurschats genau übereinzustimmen, wie das Trautmann beständig annimmt, was Anlaß zu Fehlschlüssen gibt), vgl. bei Ulmann

le. *vę̂dęrs, vēderîgs, vę̂dęruot* (daneben in vielen Mundarten, z. B. in Wolmar und Neuenburg, *vę̂dars,* aber das Deminutiv dazu *vêderiņš* oder in Wolmar *vêderìc,* gen. s. *-ìna*; in diesen Mundarten wird *a* nicht umgelautet, so daß *e* hier alt sein muß) und li. *vẽderas* LChr. 377, 40; in *wesselingi* (neben *wessals*), vgl. le. *veselîgs, veselìba* (neben *vęsals,* z. B. in Wolmar; bei Ulmann auch *vęsęls*). Höchst zweifelhaft sind auch die Beispiele für *e* aus *a* durch *i*-Umlaut unter aα; wenn es wirklich einen solchen Umlaut gegeben hätte, so würde er eben als Regel und nicht als Ausnahme auftreten. Soweit nicht Ablaut (zu *kelsāi* vgl. ahd. *hëllan,* gr. κέλαδος; daß *a* vor *āi* zu *e* umlaute, ist überdies ganz unwahrscheinlich) oder Analogiebildung vorliegt (*-geminton* z. B. kann sein *e* aus *gemton, gemmons* bezogen haben), gehören die angeführten Fälle unter aγ.

Den Schluß bildet ein etymologisches Wörterbuch mit literarischen Nachweisen und anscheinend vollständiger Angabe der Belegstellen (also zugleich ein Thesaurus). Sehr dankenswert sind auch die Erläuterungen der deutschen Übersetzungen im Elbinger Vokabular, wobei des Verfassers Kenntnisse in der Germanistik zur Geltung kommen. Den preußischen Wortschatz ist es nicht leicht zu etymologisieren, sondern vielleicht verhältnismäßig schwieriger, als denjenigen des Litauischen oder Lettischen, weil man im Preußischen verhältnismäßig häufiger als im Litauischen und Lettischen die Bedeutung oder die Form nicht genau bestimmen kann. Dazu kommt, daß das Preußische unzweifelhaft viele Lehnwörter aufweist. Während nun im Litauischen und Lettischen in zweifelhaften Fällen die Verbreitung eines Wortes und seine genau bestimmte Form einige Anhaltspunkte ergeben, fehlen uns fürs Preußische diese Hilfsmittel. Wird daher ein preußisches Wort als entlehnt angesehen, so kann selbst ein Irrtum in dieser Hinsicht nicht immer unfehlbar widerlegt werden. Und so ging man in der Korrektur der Vorgänger, die zuweilen unzweifelhaft entlehnte Wörter als echt preußisch angesehen hatten, sehr weit; so weit, daß zu Lehnwörtern nicht nur solche Formen gestempelt wurden, die irgendeine, sei es auch nur entfernte Ähnlichkeit mit irgendwelchen westslavischen (namentlich polnischen) Wörtern hatten, sondern auch solche, für welche die angeblichen Originale erst frei konstruiert werden mußten, und preußische Wörter als altes Erbgut anzusehen, schien schon altmodisch zu werden. Trautmanns Buch nun bedeutet den Anfang einer gesunden Reaktion in dieser Hinsicht, aber auch

nur den Anfang. Denn so weit geht er nicht in der Annahme von Entlehnungen, wie Brückner und Mikkola. Aber pr. *tisties* «Schwiegervater» z. B. läßt auch Trautmann mit der größten Sicherheit aus urpoln. **tʹьstʹ* entlehnt sein. Widerlegen läßt sich ja das nicht; aber nicht alles ist nur deshalb richtig, weil es // nicht widerlegt werden kann. Und einen Grund zur 286
Annahme von Entlehnung des *tisties* kann ich wenigstens nicht finden, es sei denn den, daß Brückner es für ein Lehnwort ausgegeben hat (αὐτὸς ἔφα). Wenn nach Trautmann z. B. *genno* «Weib» (woraus man übrigens auch schon ein Lehnwort hat machen wollen) und *awis* «Oheim» (warum sollte auch dieses nicht entlehnt sein?) echt preußisch sind, so kann es ebensogut auch *tisties* sein, da ja auch die baltischen Sprachen eine reiche Nomenklatur für die Verwandtschaftsgrade besessen haben. Jedenfalls dürften unbegründete Vermutungen nicht mit einer solchen Bestimmtheit vorgetragen werden, als ob es unumstößliche Tatsachen wären. Kenner der baltischen Sprachen werden ja bloße Vermutungen von Tatsachen selbst unterscheiden, aber Trautmanns Buch werden doch auch Gelehrte benutzen, die, der Sache ferner stehend, weniger kritisch verfahren können. Noch ein Beispiel zur Illustration! Pr. *winis* «Wein» soll nach Trautmann aus dem Deutschen entlehnt sein, aber li. *vīnas*, le. *vīns* — aus dem Slavischen (wohlgemerkt: ohne jede Begründung, aber mit um so größerer Bestimmtheit; für le. *vīns* fehlt sogar Brückners Autorität, der es zufällig übersehen zu haben scheint). Trautmann mag ja recht haben; nur wissen können wir es leider nicht. Wenn le. *vīns* aus dem Slavischen stammt, so muß die Entlehnung schon vor der deutschen Invasion, also schon vor dem Jahre 1200, stattgefunden haben; denn sollten die Letten damals dies Wort noch nicht gekannt haben, so dürften sie es nachher wohl aus dem Deutschen und nicht aus dem Slavischen entlehnt haben, da nach der Ankunft der Deutschen die kulturellen Beziehungen zu den slavischen Nachbarn unterbrochen wurden. Älteres (und niederdeutsches) *ī* (für neuhochdeutsches *ei*) bewahrt ja das Lettische sehr häufig in deutschen Lehnwörtern. Und die meisten Lehnwörter aus dem Deutschen zeigen den Dehnton (den auch *vīns* hat), während in den älteren Lehnwörtern aus dem Russischen die fallende Intonation häufiger zu sein scheint (vgl. z. B. *grę̀ks, svę̀ts, bę̀da, strà̀dât, gànît, kà̀puosti, krìevs, pà̀taga, zà̀baks, pà̀vs, pìrāgs, sùoģis*[2], *sùolît;* aber auch

[2] [Pirmpublicējumā līdzskaņu mīkstinājums apzīmēts ar akūta zīmi. — Red.]

grãmata, žīds, žę̄l, pũka, kũma, kur̃ts, kal̃ps). Wenn ich schon also raten müßte, so würde ich mich eher für eine Entlehnung des le. *vīns* aus dem Deutschen entscheiden. Und bei pr. *winis* ist sein männliches Geschlecht nicht entscheidend, weil neben *winis* auch *piwis*[3] steht. — Die etymologischen Angaben hätten vollständiger sein können; so fehlt z. B. unter *kelan* und S. XIII das am nächsten verwandte le. *-cele(s)* in *duceles* oder *ducele* (das ich in Neuenburg gehört habe) oder *dicele* BB XXVII 325[4] und unter *pelwo* — das nächstverwandte le. *pęlvas* KZ XLII 378[5]. — Betreffs der literarischen Nachweise muß bemerkt werden, daß ein Autor, auf den Trautmann verweist, nicht immer Trautmanns Ansicht vertritt. So hat er z. B. unter *unsey* li. *už*, le. *uz*, slav. *vъz-* einerseits und li. *ažuo-*, le. *az-*, slav. *za* andrerseits zusammengeworfen und verweist zum Schluß auf meine Латышские предлоги, wo aber die beiden Präpositionen voneinander getrennt werden[6].

Die Qualität einer Arbeit über das Preußische hängt zum Teil davon ab, wie gut ihr Autor die beiden anderen baltischen Sprachen beherrscht. In Lituanicis scheint Trautmann sich einigermaßen orientiert zu haben; sein Verhältnis zum Lettischen dagegen ist durch seine Ansicht überall dasselbe //
287 bedingt, die man S. VIII findet: «das Le. scheint im ganzen nur ein Li. im Munde von Finnen zu sein (Hirt Idg. 125)». Diese Meinung Hirts und Trautmanns kann man ruhig auf sich beruhen lassen, denn so groß dürfte ihre Autorität in Letticis nicht sein, daß sogar ihre nicht hinreichend begründeten Ansichten über das Lettische Beachtung beanspruchen könnten. Schlimm aber wäre es um unsere Wissenschaft bestellt, wenn man alle unbegründeten Behauptungen widerlegen wollte. Daher will ich mich hier mit der Bemerkung begnügen, daß Völkermischung zwar manches erklärt, aber nicht als ein Universalmittel anzuwenden ist; jeder einzelne Fall, den man darauf zurückführen will, bedarf der sorgfältigsten Prüfung. Auch dürften ja Hirt und Trautmann selbst zu einer anderen Ansicht gelangen, wenn sie sich mit dem Lettischen näher befassen wollten. Vorläufig aber hätte Trautmann besser getan, nicht blindlings Hirt hierin zu folgen, sondern darüber seinen Lehrer Prof. Bezzenberger zu befragen. So aber ist das Lettische für Trautmann ein finnisiertes

---

[3] [«alus» J. E. Spr. v. 227. — Red.]
[4] [Šai izdevumā I 258. — Red.]
[5] [Šai izdevumā II 87. — Red.]
[6] [Šai izdevumā I 409—425, 575—580 un 319—330, 541—548. — Red.]

Litauisch, mit dem man nicht viel Umstände zu machen braucht; er verfährt denn auch damit so eigenmächtig wie die meisten Regierungen mit den ihnen untergebenen «Fremdvölkern». Trautmann pflegt in der Regel die lettischen Formen in Bielensteins Orthographie zu geben (daß auch Bielensteins Akzentuation beibehalten wird, erinnert an die Zeiten, wo man in der litauischen Akzentuation sich nicht an Kurschat, sondern an Schleicher hielt), nur daß er meist gleich Ulmann keine Doppelkonsonanten schreibt (die sich noch jetzt manche Sprachforscher leisten, obwohl Bielenstein selbst in der Vorrede zu Ulmanns Wörterbuch die Beseitigung der Konsonantenverdoppelung als einen «wissenschaftlichen Fortschritt» bezeichnet hat). Dazwischen schreibt er aber auch nach der alten Weise z. B. *mettami* S. 274 und *wessels* unter *wessals* einerseits und mit Ulmann *wila* (unter *wilnis*) andrerseits, obwohl er aus der eben erwähnten Vorrede Bielensteins (VII*) hätte ersehen können, daß Schreibungen wie *wila* (für *willa*) nur eine orthographische Unart Ulmanns sind; denn ein *wila,* das etwa auf *šķila* (mit kurzem *l*, das die zweite Silbe beginnt) reimen soll, gibt es nicht, sondern nur *vīlla* (mit langem gedehnt betontem *l,* innerhalb dessen die Silbengrenze liegt) aus *vīlna.* Während Bielenstein für *uo* immer (je nach der Intonation) *õ* und *û* und für *ie* immer *ẽ* und *î* schreibt, gestattet sich Trautmann dazwischen auch zur Abwechselung — *o* (*zetortáis* S. 97, das dazu nur eine Dialektform für älteres und schriftlettisches *cęturtais* ist; *kaṛote* unter *birgakarkis; wàldons*[7] *unter waldūns*) und *ɔ* (*kɔ, schɔ, tɔ* S. 262) und *ë* (*ësnas* S. 108 neben *ēsnas* S. 145, während mir und P. Schmidt dieses Wort nur mit der fallenden Intonation bekannt ist); Ulmanns *ee* aber beweist nichts für den Dehnton, denn abgesehen von der Möglichkeit eines Druckfehlers schreibt Ulmann *ee* auch für solches *ie* oder *ë*, dessen Intonation ihm, wie z. B. in veralteten oder dialektischen Formen, nicht bekannt sein konnte (so wahrscheinlich auch in *reeschu,* woraus *rēschu* bei Trautmann S. 140), was mutatis mutandis auch für die übrigen Diphthonge und langen Vokale gilt, weshalb man endlich einmal aufhören sollte, lettische Intonationen nach Ulmann zu geben (*wëſt* S. 140, *grëſt* unter *grēnsings, schķēts* unter *staydy*). Und die Zeichen *õ* und *ẽ* werden zuweilen von ihm auch für nicht gedehnt betontes *uo* und *ie* gebraucht: *rõka* S. XI (neben *rûka* unter *rancko*), *õds* // S. XI (bei Ulmann *òhds* = 288

[7] [Apostrofs virs patskaņiem apzīmē intonāciju. — Red.]

uôds), *dʃēdât* und *lētus* S. XIII (bei Ulmann *dʃèedaht* und *lèetus* = *dziêdât* und *liêtus*). Auch sonst wird oft falsch der Dehnton gegeben infolge der Annahme, daß ein Diphthong oder langer Vokal ohne Akzentzeichen bei Ulmann immer gedehnt betont sei, z. B. *sēksts, sēksta* unter *saxsto* (P. Schmidt und Krumberg haben dafür den Stoßton), *tûls, tûms* unter *tawischas* (fallend betont, vgl. BB XXVII 320[8]; so auch nach P. Schmidt, während Krumberg *tūls* mit dem Stoßton gibt, vielleicht unter dem Einfluß des gegensätzlichen Begriffes *tâls* «weit, fern»). Intonationen erhalten bei Trautmann zuweilen sogar kurze Silben: gen. s. *sùņa* unter *sunis* und *àrajs* unter *artoys* (zu lesen *arājs*, wie Trautmann aus Bielensteins LSpr. I 263 hätte ersehen können). Bei Ulmann kommen ja so sinnlose Schreibungen vor (*zèlis* aber S. XIII bietet nicht einmal Ulmann), aber Ulmann war ja auch kein Sprachforscher; vom Verfasser einer modernen preußischen Grammatik kann man aber verlangen, daß er kurzen Silben im Lettischen keinerlei Intonationen zuschreibe (was Beckers Schreibung gen. s. *súņa* BB XXVIII 269 anbelangt, auf die außer Ulmann Trautmann verweist, so scheint, wenn der Akut nicht bloß den Wortakzent bezeichnet, *u* nach litauischer Art gelängt zu sein, vgl. bei ihm *dūris* «Tür» S. 260 und *wīsta* «Huhn» S. 259). Weiter schreibt Trautmann z. B. *leiju* unter *pralieiton*, obwohl er aus BB XXV 260[9] hätte entnehmen können, daß Bielensteins Schreibung *léiju* (für wirkliches *leju*) der Aussprache nicht entspricht. Seine Bezeichnung der Quantität des *a* und *e* vor tautosyllabischem *r* ist womöglich noch weniger befriedigend trotz BB XXV 272 f.[10] als bei Bielenstein; vgl. z. B. *pérku* dicht neben *zèrtu* S. 275 (beide Formen verhalten sich ganz gleich betreffs der Quantität und Intonation: in der Mehrzahl der Mundarten und im Schriftlettischen haben sie langes, in einigen Mundarten kurzes *a*), *fàrds, fârde* unter *sando* (für *zārds, zārde*), *wèrsis* S. 169 (für *vèrsis*), *par-* unter *per-* (für *pār-*), *perkaunts* S. 135 und *peŕkaunts* S. 395 mit Verweis auf Mühlenbach IF XVII 428, der aber dort natürlich nur Formen mit langem Vokal anführt: *pę̄rkaunts, pārkaunts* (wo der Zirkumflex die fallende Intonation bezeichnet). Und S. 448 unter *teisīngi* schreibt Trautmann *tîsigs*, obgleich er bei Bielenstein

[8] [Sai izdevumā I 253. — Red.]

[9] [Sai izdevumā I 118[4]. — Red.]

[10] [Sai izdevumā I 130 sk. — Red.]

hätte finden können, daß dieses Suffix langes *-i-* hat (bei Ulmann wird die Quantität der Suffixe häufig nicht bezeichnet). Die Erweichung von Konsonanten wird gleichfalls öfters unbezeichnet gelassen: *fakis* und *zèlsch* S. XIII, *fâlsch* S. 103, 170, 417, *dubli* unter *padaubis, kaschkis* unter *kexti, zîmìnsch* unter *kaimīnan, kalût* und *kalada* S. 352 (für *kaļût* und *kaļada,* das außerdem wahrscheinlich nicht genuin, sondern, wie sich aus der bei Ulmann angegebenen Bedeutung ergibt, aus r. *коляда* entlehnt ist). Und umgekehrt: S. 116 wird *sùņs* für wirkliches *suns* geschrieben. Nur zum Teil können die angeführten Fälle Druckfehler sein, und daß sie unkorrigiert geblieben sind, ist zu bedauern. Schlimmer schon ist es, daß in seinem Buche auch frei konstruierte lettische Formen vorkommen: *prî* «neben» S. 140 (gibt's nicht), *mes* S. 270 (für *mēs*), *ragis* (unter *ragis*) für *rags, ķeisars* S. 141 und *keīsars* S. 193 (für *ķeīzars*; Ulmann kennt nur diese Form, während Bielensteins *ķeisars* ein Druckfehler zu sein scheint), *dſile* S. 178 (wird aus Bernekers Grammatik 247 genommen sein, während nur *zìle* oder *zīle* bekannt ist. Woher stammt *apsa* S. 229 und 295?). Und da Trautmann weiß, daß // litauischem 289
Schleifton fallende Intonation im Lettischen entspricht, so schreibt er für Bielensteins oder Ulmanns *jáukt* «gewöhnen», *ît* «gehen», *ìss* «kurz» — *jaùkt* S. 149 (das aber «mischen» bedeutet, während *jaukt* «gewöhnen» Stoßton haben dürfte, vgl. bei Krumberg *jaûcêt* dass. und *jûkt* «gewohnt werden») und *èt* und *ìss* S. 193 (für wirkliches *iêt* und *îss*)! — Die Gerechtigkeit erfordert es, nach dieser Blütenlese zu sagen, daß Trautmann zwar vielleicht mehr als andere (jedoch kaum mehr als sein Vorgänger, vgl. Bezzenberger BB XXIII 294) dergleichen begangen hat, da er als Autor eines preußischen Handbuchs, der Not gehorchend, nicht dem eignen Triebe, in erhöhtem Maße sich mit dem Lettischen befassen mußte, aber durchaus nicht vereinzelt in dieser Hinsicht dasteht. Dieses «finnisierte Litauisch» ist ja so sehr das Aschenbrödel im Kreise der hohen Verwandten, daß unter allen Indogermanisten nur Bezzenberger, Fortunatov und Zubatý sich eingehend damit beschäftigt haben. — Dem Litauischen gegenüber hat sich Trautmann ein so freies Verfahren natürlich nicht erlaubt, doch viel sorgfältiger hätte er auch da sein können, vgl. *gēr* S. 244 (für *gér*) oder *ápuszė, ápuszis* neben *ēpuszė* unter *abse* (ohne Quellenangabe wäre es doch angebrachter gewesen, *ãpuszė, ãpuszis* zu schreiben). Und aus Būgas Aistiški studijai I 62 hätte er entnehmen können, daß das von ihm unter *steege*

und sonst zitierte li. *stẽgti* bisher gar nicht belegt ist (sondern nur *stiegti*); vgl. falsches *preĩkalas, priẽkalas* S. 410 u. a.

Bemerken will ich auch, daß Trautmann arische Nomina meist in der Stammform gibt (jedoch ohne den die Stammformen kennzeichnenden Strich am Ende, z. B. skr. *mitrá* «Freund», av. *masah* «Größe»), dazwischen aber auch in der Nominativform (z. B. skr. *parāvṛ́k* «Verstoßener» S. 177 und *pā́t* «Fuß» S. 162 oder av. *āfš* unter *ape* oder *aogarə* unter *auginnons*), was zu ärgerlichen Konfusionen Anlaß geben kann. — Aus der sprachwissenschaftlichen Literatur sollte endlich «air.» *abhall* (unter *woble*) verschwinden, da es im Altirischen eine solche Form nicht gibt und nicht geben kann (sondern *aball* Sg. 61 b 5, Glosse zu lat. *malus*).

Trautmanns Buch wird für alle diejenigen, die es mit der nötigen Kritik benutzen werden (und welches Handbuch bedarf nicht einer Kritik?), sehr brauchbar sein. Es weist zwar einige Mängel auf, aber dafür ist es schneller erschienen, was für die Mitforscher nicht ohne Wert ist. Meine Bemerkungen hätten ihren Zweck erreicht, wenn sie den Autor bewegen würden, in seinen künftigen Arbeiten (die gewiß nicht ausbleiben werden, da er über eine große Arbeitskraft zu verfügen scheint) etwas mehr deutsche Akribie und etwas mehr Skepsis zu zeigen, nicht am wenigsten natürlich meinen Ausführungen gegenüber, die ja ohnehin dadurch an Bedeutung einbüßen, daß sie einigermaßen pro domo sua geschrieben sind.

Es folgen noch Bemerkungen zu einzelnen Stellen, wobei ich, um Wiederholungen zu vermeiden, nach Möglichkeit alles weglasse, was ich an einem andern Orte gesagt habe oder noch sagen werde, und auch sonst die Geduld der Leser nicht allzusehr beanspruchen will.

Lebendiger Ablaut bei den Verbalstämmen auf *-āi-* ist keineswegs bloß dem Preußischen (S. IX und § 243), sondern
290 auch dem Lettischen eigen ge-//wesen, worauf ich schon in meiner Rezension der Очерки des Bogorodickij[11] hingewiesen habe und schon früher Bezzenberger ΓΕΡΑΣ 199.

Zu S. X: auch das Lettische kennt ein *pliens* «Stahl» BW (= Latwju dainas) 21318, 9; dem pr. *pentis,* li. *pẽntis* entspricht le. *piêtis* (bei P. Schmidt) oder *piets, -s (piete)* «Rückseite des Beiles» bei Ulmann (dasselbe Wort, vgl. r. *обух,* ist le. *pietis* «Starrkopf»).

Zu S. XI: neben li. *kuisis* «Mücke» steht le. *kuislis* «Staubmücke» (Ulmann).

[11] [Sai izdevumā II 618—630. — Red.]

Zu S. XIII. Daß das Lettische vom Preußischen ohne lit. Vermittlung hätte Wörter übernehmen können, kann nicht als bewiesen gelten. Solange neben le. *karuogs* aus den Mundarten, die *r̥* bewahren, kein **kar̥uogs* nachgewiesen ist, kann es nur auf **karangas* (und nicht auf **kar̥angas*) zurückgeführt werden, und le. *uo* findet sich auch sonst in slavischen Lehnwörtern für urslav. *ǫ* (vgl. z. B. *sùoģis* «Richter»); und daß le. *bruņas* «Panzer» ohne lit. Vermittlung aus dem Preußischen entnommen sei, ist eine völlig in der Luft schwebende Annahme, da es auch direkt aus dem Germanischen oder Slavischen entlehnt sein kann.

Was S. XXI als Dialektunterschied bezeichnet wird, kann zum Teil, da das Elbinger Vokabular viel älter ist, als die samländischen Texte, bloß zeitlicher Unterschied sein: so pomes. *ē, ī, ū* gegenüber saml. *ī, ei, ou,* desgleichen daß im Vokabular die Neutra, der nom. pl. auf *-ās, -ēs* (von *ā-* und *ē*-Stämmen) und konsonantische Stämme besser erhalten sind. Besonders zweifelhaft sind die dort angeführten lexikalischen Unterschiede: wenn ein Wort auch nicht belegt ist, so kann es gleichwohl existiert haben.

Allzu zweifelhaft ist die in § 4 gegebene Regel («*ie* aus *e* erscheint nur in betonten diphthongischen Verbindungen auf Liquida und Nasal vor Konsonant, die litauischen diphthongischen Verbindungen auf Liquida und Nasal mit geschleifter Betonung entsprechen»): einerseits ist akutierte Betonung in solchen Verbindungen mit einiger Wahrscheinlichkeit nur für *brend-* anzunehmen, das aber nur zweimal belegt ist (*brendekermnen* und *pobrendints;* für *mensà* dagegen ist wegen le. *mìesa* akutierte Wurzelbetonung nicht gerade wahrscheinlich: wenn das Fehlen des Längezeichens in Formen, wo Anfangsbetonung nicht sicher, aber einigermaßen wahrscheinlich ist, nicht zufällig ist, so können diese Formen die Kürze aus den endbetonten Formen bezogen haben, wobei die Intonation selbst vielleicht fallend geblieben ist, vgl. dazu *deinan* und *deiws*), und auch beim Zirkumflex ist *e* für *ie,* wie Trautmann selbst bemerkt, sehr häufig (vielleicht häufiger als *ie*), und andrerseits stets dieses *ie,* wie Trautmann selbst in § 39 bemerkt, in Zusammenhang mit *iei* für *ei* (auch beim Akut!), so daß Abhängigkeit dieses *ie* von der Intonation nicht erwiesen und sogar unwahrscheinlich ist. Auch ist es ja nicht so sicher, daß *epkieckan* «Laster» in *epkeickan* zu ändern ist, da der Bedeutung nach li. *kēkšė* «Hure» näher steht als li. *kéikti* «fluchen». Und daß dieses *ie* einen Diphthong und nicht

Erweichung des vorhergehenden Konsonanten bedeute, ist unwahrscheinlich (namentlich wegen der Schreibung *iei*) und nicht erweisbar; vgl. dazu analoges (und ebenso unregelmäßiges) *ie* für *e* in litauischen Drucken.

Daß für den lit. Schleif- und Stoßton die verwandten
291 Sprachen ganz // anders beschaffene Intonationen haben, ist jetzt bekannt; dennoch fährt man fort, von Schleif- und Stoßton zu sprechen, nicht nur wenn von der indoeuropäischen Ursprache und vom Arischen und Germanischen die Rede ist (als ob die Urindoeuropäer oder die Arier gerade litauisch gesprochen hätten), sondern auch wenn man von Sprachen handelt, die notorisch den lit. Schleif- und Stoßton nicht kennen. Das wäre schließlich nicht so schlimm, wenn man sich mit der (ungenauen und unberechtigten) Nomenklatur begnügen würde. Aber da man sich naturgemäß unter «Schleif- und Stoßton» ganz bestimmte (hinsichtlich der Aussprache) Intonationen vorstellt, und gedacht wird dabei natürlich an die litauischen Intonationen, so benutzt man diese Terminologie auch zu Schlüssen, und das ist schon unwissenschaftlich und schädlich. So beliebt man z. B. noch immer die metrische Zerdehnung im Arischen durch den («zweigipfeligen») Schleifton zu erklären (ist etwa auch für die ähnliche Erscheinung in der altirischen Poesie der litauische Schleifton verantwortlich?), obwohl nicht nachgewiesen werden kann, daß nur zirkumflektierte Silben so behandelt werden und daß es überhaupt im Arischen einen Schleifton gegeben hat. Es ist ja nicht einmal so sicher, daß die Ursprache (und das Arische) überhaupt zwei verschiedene Intonationen unterschieden hat, da die Intonationen des Griechischen und Slavisch-Baltischen auf verschiedene Quantitäten der Ursprache zurückgehen können, zumal ja bekanntlich die Intonationen ursprünglich an bestimmte Quantitäten gebunden gewesen zu sein scheinen. Es wäre daher angebracht, jene Termine nur in der litauischen Grammatik zu gebrauchen. Man hat dafür auch die Ausdrücke «Akzent I und II» vorgeschlagen, bei denen man aber, ohne nachzuschlagen, leicht vergißt, was I und was II ist; und Fortunatovs sehr bestimmt geprägten Termine (прерывистая и длительная долгота) erwecken leicht den Anschein, als ob man die Ursprache ebensogut kennt als etwa das moderne Litauisch. Akut und Zirkumflex dagegen sind gemeinverständlich und wecken keine falschen Vorstellungen. — Auch Trautmann nun, um auf sein Buch zurückzukommen, spricht öfters von den Wirkungen des «Schleiftones» im Preußischen, obwohl

dem lit. Schleifton bekanntlich im Preußischen eine fallende Intonation zu entsprechen scheint; so § 5, nach dem *ea* für *e* im Vokabular eine Folge des «Schleiftons» sei (und das auf Grund von zwei Beispielen, denn für *mealde* «Blitz» läßt sich Zirkumflektierung der Wurzelsilbe nicht nachweisen, und die Betonung von *werstian, kersle, gertis, kerpetis, klente, pelkis* ist unbekannt), oder § 16, wo für das vereinzelte *oa* (für *a*) das Gleiche und ebenso unerwiesen behauptet wird. Und § 53 wird der fallende Stoßton des Litauischen ohne jede Begründung für das Baltische verallgemeinert; und «Stoßton» wird die pr. steigende Intonation an vielen Stellen genannt.

Unter den angeblichen Fällen von *e* für *i* (S. 102) können Fälle von Ablaut vorliegen, so vielleicht in *menisnan* (vgl. li. *menù*), *meltan, skerptus; pepelis* kann *e*-Reduplikation haben, und zu *warene* «Messingkessel» vgl. le. *slaũcene* «Melkeimer».

Daß das *i* in pr. *tickars,* li. *tìkras,* le. *tikls* auf ide. «schwa» zurückgehe (S. 111), läßt sich weder beweisen noch auch (wegen pr. *teikũt* und li. *teĩkti*) // glaublich machen (als ob 292
nicht schon in der Ursprache ähnlich lautende Wurzeln nebeneinander hätten bestehen können).

Li. *ar̃ms*[12] S. 113 und 347 «Vorderarm am Wagen» (nebst dem pl. *armaĩ*) sieht doch zu sehr nach einem deutschen Lehnwort aus.

Ulmanns *krups* «Kröte» S. 115 scheint fehlerhaft zu sein oder aus Mundarten entnommen, wo *krupis* (nur diese Form ist mir bekannt) lautgesetzlich zu *krups* wird.

Daß pr. *melne* in der Wurzel langes *e* hat (S. 119), ist nicht sicher: selbst wenn es ursprünglich lang gewesen sein sollte, kann es vor tautosyllabischem *l* verkürzt worden sein.

Daß *e* in Kat. I (für *ē*) nicht direkt, sondern durch die Zwischenstufe von *ī* auf *ē* zurückgehe, ist an und für sich unwahrscheinlich und beruht nur auf der Annahme, daß dort auch altes *ī* zu *ē* geworden sei, was wegen *deyg, leiginwey, geiwans, steweydan* ebenfalls nicht glaublich ist; *bela, belats* brauchen im Vokalismus nicht mit li. *bìlóti*[13] identisch zu sein, sondern (mit *ĕ* aus *ĭ*) mit *byla, bilats* II, *billa, billãts* III; *betten* und *rekian* können Fehler für **beiten* und *reikian* sein; *stenuns* aber scheint altes *ē* zu haben, woraus *ī* in II *(styienuns)* und III *(stīnons)* und mit Übertragung vielleicht auch in *stinsennien;* das *ē* kann sich zu *e* in li. *stenù* u. a.

[12] [Laikam *ar̃mas.* — Red.]

[13] [Šai un citos lietuvju piemēros *ì* lietots parastās rakstības *y* (kas apzīmē gaŗo *i*) vietā. — Red.]

verhalten, wie etwa li. *vẽmau* zu *vemiù*[14], gr. ἐρέω u. a.), wie auch *palletan* (und mit *ī* aus *ē*: *praliten* II, *isliuns* = le. *izlêjis* und li. dial. *išlėjęs* bei Būga l. c. 82, vgl. die transitive Bedeutung; daneben *ei* = li., le. *ie* in *pralieiton, prol(i)eiton*), was ich schon in meinem Artikel über li., le. *ie* (in den Известия der Petersburger Akademie) bemerkt und begründet habe[15] und was jetzt durch li. dial. *lėtas* (= *lietas*) bei Būga l. c. 82 geradezu sichergestellt wird.

Wenn es heißt (S. 122), daß in I und II in einem Falle (nämlich in *preiken*) *ī* aus *ē* (man beachte, daß in I *ē* bleibt!) mit altem *ī* zusammengefallen und wie dies zu *ei* diphthongiert worden sei, so glaubt man sich in die vorlautgesetzliche Epoche zurückversetzt; *preiken* kann Kontamination sein von *prīki(n)* (in III) und einer Form (vgl. *prēisiks*), die li. *prieš* entsprochen hat.

Ob pr. *rāms* im Vokalismus dem li. *romas* oder *romùs* entspricht (S. 123), ist fraglich, da es hinsichtlich der Länge auch wie *tāns* beurteilt und zu li. *ramùs* gestellt werden kann.

Weshalb slav. *čaša* gerade auf **kjēsjā* S. 124 oder auf **kjāsjā* S. 358 zurückgeführt wird, ist nicht abzusehen, da ja auch ein **kjōsjā* und, wenn pr. *kiosi* doch entlehnt wäre, **kēsjā* möglich sind (oder auch **kēksē*).

Auch daß *ū* in Kat. I zu *ō* wurde (S. 130), wird kaum richtig sein; daneben gibt es ja viel häufiger *ū* und *ou* (*ow* in *taykowuns* wird Diphthongierung von *ū* sein, *o* in *gobuns* für *ou* stehen).

Wenn man erwägt, daß zirkumflektierte lange Vokale in der Wurzelsilbe selten sind und wie häufig akutierte *ī* und *ū* erhalten sind, so wird die Regel, daß nur akutierte *ī* und *ū* diphthongiert werden, höchst zweifelhaft erscheinen. Direkt scheint dagegen *reykeis* zu sprechen, wo in beiden Silben *ei* aus zirkumflektiertem *ī* entstanden zu sein scheint, vgl. le. *rìkuot(ies)* «anordnen, schalten und walten» und die lit. Nominativendung *-is*[13]; und was *schlūs-* anbelangt, so ist Zirkumflektierung nicht sicher, und die Diphthongierung kann hier //
293 wegen später Entlehnung unterblieben sein. Was *ī, ū* neben *ei, ou* betrifft, so gibt es auch lettische Mundarten, wo die Diphthongierung so schwach ist, daß man zuweilen noch reines *ī, ū* zu hören glaubt.

---

[14] [Ar akūtu virs *m* apzīmēts mīkstinājums, ko lietuvju parastajā rakstībā apzīmē ar *i*: *vėmiau, vemiù*. — Red.]

[15] [Sai izdevumā II 24. — Red.]

S. 139 wird (wegen *kylo, lipe*) von einem «engen» *ei* gesprochen; wenn man erwägt, daß *e* im Preußischen offen gewesen ist, so dürfte es (wie im Litauischen) auch in *ei* dieselbe Aussprache gehabt haben, vgl. die vereinzelten Schreibungen mit *ai* (für *ei*); *lipe* wird am ehesten sein *i* slavischem Einfluß verdanken, und *kylo* kann altes *i* oder *ī* haben.

Die Existenz eines le. *aukts* «hoch» (S. 151 und 307) ist sehr zweifelhaft, vgl. meine Лат. предл. I 202[16].

Einen Übergang *-ms-* > *-ns-* (S. 161) gibt es nicht im Baltischen, wie ich in einem nächstens erscheinenden Aufsatz[17] zeigen wil.

Daß *b* in pr. *wirbe* aus *v* entstanden sei (S. 164), ist unwahrscheinlich wegen le. *virbe* BW 1861.

Erhaltung von *-dl-* (in *addle*) neben *-kl-* (aus *-tl-*) im Pomesanischen ist nicht wahrscheinlich, in *addle* (wie in *lipe*) kann sich polnischer Einfluß geltend gemacht haben.

Daß *sch* in *tawischas* aus *skj* entstanden ist (S. 172), scheint richtig zu sein; nur wird dabei *k* zwischen *s* und *j* vordem ausgefallen sein, vgl. le. *aũšâties* «sich albern» (: *auśćoti* «schwatzen») aus **aus[t]jā-; *austjā-* hätte **auškā-* ergeben, doch könnte auch das Komparativsuff. *-is-* vorliegen.

Man sollte doch endlich aufhören, das *k* in li. *klausìti* durch den Einfluß des *u* zu erklären (S. 175) — ein Nachhall aus der Zeit der «sporadischen Lautgesetze» —, da doch dieses *k* nicht nur in der Nachbarschaft von *u* auftritt und andrerseits auch in der Nachbarschaft von *u* das *ķ* meist regelrecht vertreten wird.

Trautmann wagt es nicht (S. 180), das *h* in pr. *th(o)u* (neben *t(o)u*) und in *bhe, bha* (neben *beggi, ba*) als orthographische Schrulle anzusehen. Ja, was soll es denn sonst sein? Man vergleiche dazu air. *h-* vor Formen, die sonst allzu kurz wären, wie z. B. *(h)i* «in», *(h)ó* «von» u. a. (Thurneysen Handb. des Altir. § 23), wodurch sich *beggi* neben *bhe* gut erklärt. Auch in den älteren lettischen Drucken ist ein solches *h* nach Konsonanten beliebt.

S. 185 erklärt Trautmann, daß er in der Untersuchung der preußischen Betonung das Lettische zunächst beiseite lassen werde, und glaubt wohl damit zugleich eine Rechtfertigung

---

[16] [Šai izdevumā I 501. — Red.]

[17] [Rakstā «О судьбе носовых звуков в латышском языке» — šai izdevumā II 147 sk. — Red.]

seines Verfahrens gegeben zu haben. Zum Vorteil für die Sache ist es nicht gewesen. Aus dem Lettischen hätte er z. B. ersehen können, daß *au* in pr. *laucks* nicht so auffallend ist (vgl. le. *laũks*), was schon Berneker bemerkt hat. Und daß pr. *sālin* wegen li. *žõlę* zirkumflektiertes *ā* gehabt hat, ist unsicher wegen le. *zâle* (und li. *žélti*). — Daß li. dat. pl. *tíems* auf *tiẽmus* zurückgeht (S. 187, mit Verweis auf Kurschat Gr. § 170, wo aber Kurschat vielmehr *tíemus* gibt), ist wegen le. *tiẽm* unwahrscheinlich und nicht nachweisbar (Kurschats *geriẽmus* muß freie Konstruktion nach *gerãmui* sein, da er selbst bemerkt, daß die Formen auf *-mus* «längst verloren gegangen» sind, so daß die Intonation des *ie* ihm nicht bekannt sein konnte). — Und S. 191 wird das Lettische nur zu einem Fehlschluß herangezogen: le. *íss* (= *îss*) hat nicht fallende, sondern gestoßene Intonation (wie li. *įsas* «kurz» in Tvereč
294 nach // Herrn Būgas Mitteilung), stimmt also nicht zu pr. *īnsan*. Wohl aber stimmt zu pr. *unds* (wofür Tr. **ūnds* erwartet) in der Intonation le. *ûdens* (die Intonation von žem. *undin-* LChr. 193, 36 ist mir unbekannt, wird aber wohl zu *vánden-* stimmen).

S. 187 heißt es: «Unter dem Akzent II stehendes *-ā* konnte das Pr. nicht verkürzen, weil es steigend und nicht, wie im Li., fallend betont war». Das heißt nun die Bedingung mit der Ursache verwechseln; es gab ja auch im Preußischen fallend betonte (zirkumflektierte) Endvokale; mußten denn nun diese durchaus verkürzt werden? Trautmann hat sich darüber, soviel ich sehe, nicht ausgesprochen.

Daß pr.-lit. *ì, ù* aus *ī, ū* verkürzt sei (S. 195), läßt sich nicht plausibel machen; daß die Akzentübertragung z. B. in *lipù, sukù ī, ū* in der Wurzelsilbe voraussetze, ist ja nur eine unbewiesene Hypothese.

Etwas unangenehm berührt der Ausfall gegen Mikkola S. 214, der uns «auf das sprachwissenschaftliche Niveau von Nesselmann heruntergedrückt» hätte, weil er pr. Neutra auf *-an* angezweifelt hat. Mikkolas Gründe brauchen nicht stichhaltig zu sein, aber der Zweifel an und für sich ist hier nicht unwissenschaftlich (wohl aber fürchte ich bei Trautmann selbst unwissenschaftliches und antiquiertes Verfahren nachgewiesen zu haben).

Woher weiß denn Trautmann (S. 218), daß ide. *-oi* im Litauisch-Lettischen nur *-ie* ergeben kann?

Lett. *ſuose* S. 230 (nach Bielenstein; Ulmann ist nur *zùoss* bekannt) wird wohl nur in Mundarten vorkommen, die über-

haupt alle oder doch die meisten *i*-Stämme durch *ē*-Stämme ersetzt haben, und beweist daher nichts für pr. *sansy*.

Daß *-is* z. B. in li. nom. pl. *ākīs*[13] rein phonetisch aus *-eịes* entwickelt sei (S. 238), ist unerwiesen und unglaublich.

Dehnung von Kürzen unter dem Akzent läßt sich für das Preußische nicht glaublich machen (S. 196); die dat. s. *maiāsmu, twaiāsmu, swaiāsmu* dürften Analogiebildungen sein (vgl. den. dat. s. *tennēismu, steismu*), wobei das Nähere unklar bleibt, da wir nur einen Ausschnitt aus dem Preußischen kennen; *nādewisin* und *prābutskas* erinnern an andere Längen in Präpositionen, und *schkūdan* hat eine Länge gleich le. *skāde; tlāku* aber ist ganz unklar.

Das *-i* in le. I p. pl. *mętami* S. 274 (für wirkliches *mętam*) ist ja nur ein Flickvokal des Volksliedes (wie Zubatý und Pogodin gezeigt haben), der nicht ohne weiteres zu sprachgeschichtlichen Folgerungen benutzt werden darf, ebensowenig wie das *-u* nach *s* im I p. pl. (das auch nicht «dialektisch» ist, wie Brugmann Grdr. II 2^2, 248^2 annimmt, sondern bloßer Flickvokal, der nur im Volkslied vorkommt) u. a., vgl. dazu auch Mühlenbach IF XIII 261.

Ein le. *cirtu* «haue» S. 275 (für *cę̀rtu*) gibt es kaum; Bielenstein wird es (wie auch *sedžu* LSpr. I 365) aus Volksliedern entnommen haben, wo Präteritalformen oft so gebraucht werden, daß man sie als präsentisch auffassen kann (das gilt auch vom angeblichen Imperativ *cirt* l. c. I 347; vgl. dazu die ähnlich gebrauchte Form *vir(i)* BW 2966 von *vìrt* «kochen»).

Daß die ganze Klasse der Stämme auf *-iịa-* im Baltischen erst durchs // Slavische veranlaßt sei (S. 276), ist eine An- 295
nahme, die besser begründet werden müßte.

Daß Trautmann Brugmanns Hypothese, le. *laî* (= r. *пусть*) gehe auf **u̯loit* zurück, wiederholt (S. 285 f.), macht sie nicht glaubwürdiger. Die ältesten Drucke haben bekanntlich dafür noch *laid,* so daß Zugehörigkeit des *laî* (man beachte auch den Stoßton!) zu *laîst* «lassen» (als Imperativ dazu; vgl. r. *пусть, пускай*) sonnenklar ist. Das nordlit. *lai* scheint aus dem Lettischen entlehnt zu sein. Mit diesem *lai* haben die preußischen Optativendungen II p. s. *-laisi,* III p. s. *-lai* (mit dem gleichen Auslaut wie in *bousai, dāsai*), I p. pl. *-limai,* II p. pl. *-laiti* nichts zu schaffen, wohl aber scheinen sie in Zusammenhang zu stehen mit ostlettischen Konditionalformen wie I p. s. *byutuļu* «ich wäre» BW 27153, 2, *ītuļu* «ich würde gehen» 22608, 1 var. u. a., II p. s. *raudōtuļi* «du würdest

weinen» 23057, *zynōtuļi* «du würdest wissen» 23057 var., I p. pl. *ženietulam* Zbiór wiadomości XVIII 352, II p. pl. *dziejtulaŧ* ibid. 435, vgl. auch Lit. Mitt. V 121.

Le. *iesiem* «laßt uns gehen» ist denn doch zu vereinzelt und nicht einmal ganz sicher beglaubigt, so daß man schwerlich darin den Optativ eines *-s*-Aoristes suchen darf (S. 286). Wenn es wirklich vorkommt, wird es am ehesten eine junge Neubildung zur Neubildung *iesiet* «ihr werdet gehen» sein (auch die gewöhnliche Futurbildung *iesim* kann ja im Sinne von lat. *eamus* gebraucht werden).

Warum sollen denn Formen wie *ēisei* «gehst» u. a. (S. 290) futurisch und nicht präsentisch (vgl. II p. s. praes. *essei, dāse*) sein?

Paulis Vermutung, daß pr. *aytegenis* zu le. *àita* «Schaf» gehört (S. 297), ist unhaltbar, da le. *àita* offenbar eine junge Neubildung ist, und zwar auf Grund des Deminutivs *a[w]itiņa* (vgl. dazu *zu[w]itiņa* BB XXVII 326[18]) von *avs* «Schaf», wie auch *zuje, guoje, *aje* (l. c. 327[19]) wahrscheinlich auf Grund der Deminutiva **zu[w]iņa, *guo[w]iņa, *a[w]iņa* entstanden sind.

Pr. *deicktas* wird neben li. *dáiktas* zu *díegti* gestellt, als ob *k* vor *t* aus *g* entstanden wäre; vgl. aber le. *daiki* «Sachen».

Zu pr. *dongo* «Refe»[20] vgl. le. *dandzis* «Radfelge».

Weshalb für le. *dzęļtàns* unter *gelatynan* nur die Dialektform mit (zwischen *n* und *s*) eingeschaltetem *t* gegeben ist, ist nicht abzusehen.

Daß balt. *gluma-* «hornlos» auf **gumla-* zurückgeführt wird (unter *glumbe*), nur um es mit poln. *gomoły* vergleichen zu können, ist ganz unglaublich, da es für diesen Begriff im Baltischen sehr verschiedene Wörter gibt und eine derartige Metathese kaum zu belegen ist.

Ein südlit. *kiẽvė* (unter *kaywe*) läßt sich nicht belegen, wohl aber nach Herrn Būgas Mitteilung *kẽvė* «schlechtes Pferd» in Tvereč, wo *ė* nur urbaltisches *ē* vertreten kann.

Unter *cugis* war auch le. *kūja* «Stock» zu erwähnen.

Über le. *lēz(n)s* «flach» (unter *lise*) s. vielmehr Walde unter *lectus*.

Ob *sando* «Balke» wirklich in *sardo* zu ändern ist? vgl. le. *ziedi* «Querbalken».

Pr. *noseilis* «Geist» ist doch von li. *síela* «anima, animus, conscientia, vita» (Būga Aist. St. I 82) nicht zu trennen. //

[18] [Sai izdevumā I 259. — Red.]
[19] [Sai izdevumā I 260. — Red.]
[20] [Vai «Reif»? — Red.]

Pr. *scrundos* «Schere» erinnert an den le. Ortsnamen *Skruñda* in Kurland an der Windau, in die dort ein Nebenfluß mündet. 296

Le. *suminât* «bewillkommnen» (und pr. *smūnin* «Ehre») ist schwerlich ein slav. Lehnwort, schon weil die benachbarten slav. Sprachen nichts ähnliches haben; *suminât* dürfte abgeleitet sein von *sumis* «ein Nachbar, ein guter Freund; Gastfreund?», vgl. li. *vaišìnti* «bewirten» : le. *viesi* «Gäste».

Zu slav. *drozgъ* (unter *tresde*) vgl. vielmehr Berneker unter *drozdъ; -zd-* wechselt öfters mit *-zg-*.

Chaŕkov.

RAKSTU KRĀJUMS, RĪGAS LATVIEŠU BIEDRĪBAS ZINĪBU KOMISIJAS IZDUOTS. XV KRĀJUMS. RĪGĀ 1911

[1911 Latvija Nr. 150]

3₂ Patlaban iznākušais krājums satur vispirms trīs prof. P. Šmidta rakstus, kas, pat tālajā Vladivostokā dzīvojot, negurst, savas tautas pagātni pētīdams, kamēr daudziem tautiešiem Baltijā darbs tautas druvā izliekas gluži kâ «ein überwundener Standpunkt». Krājuma ievadam nolemts raksts «jaunās pareizrakstības lietā», kas atstāsta un motīvē Zinību komisijas beidzamos spriedumus par mūsu ortografiju. Jākon-
3₃ statē tikai, ka praksē // līdz šim vēl arvienu ļoti maz darīts jaunās reformas labā. Seko raksts par «aizņemtiem vārdiem». Runāts te tomēr ne tikai par vārdiem, bet arī par dažiem mitoloģijas un kultūras vēstures jautājumiem: par Jāņa dienu, Vastalāvi, Teni, Ūsiņu[1], istabu, pirti, sveci, kaņepēm, griķiem, burkānu, bajāru (var interesēt mūsu pašdarinātos «aristokratus»), karogu, tāsi, brandvīnu, katlu, skrīni[2], artavu[3], dzīpariem u. c. Šo populāri un pievilcīgi sarakstīto apcerējumu, kâ arī rakstu par Latvju dainām var pat plašākas aprindas lasīt ar interesi. Tikai dažos sīkumos neesmu gluži vienis prātis ar cien. autoru. Par vaiņagu teikts (12. lpp.), ka paraša ar vaiņagiem pušķoties sākusies vecajā Ēģiptē un ka baltu ciltis to līdz ar vaiņaga vārdu laikam patapinājušas no krieviem. Pats autors te pareizi piebilst, ka tas varēja notikt tikai tos senos laikos, kad slavi savu ѣ vēl izrunāja kâ *ai*. Ka tas neiespējams, to negribu un nevaru teikt; arī pats domāju, ka starp kr. *вѣнокъ, вѣнецъ* un la. *vaiņags* (arī *vaiņaks, vaiņuks*) un lei.

[1] No kam prof. P. Šmidta kgs zina, ka šim vārdam lauztais akcents [t. i., intonācija. — Red.]?

[2] [*skrìne*[2] I, *skrinis* 1) «ein Kasten, Kleiderkasten», 2) «ein roher Bretterkasten am Erdboden zum Kalkbereiten», 3) «getretener Lehm» ME III 895. — Red.]

[3] [*artava* II «ein zu pflügendes (aber noch nicht gepflügtes) Feld» EH I 130. — Red.]

vainikas ir ģenētisks sakars. Neņemos tikai noteikt, kāds ir šis sakars. Par slavu un baltu tautu kultūru tai laikā, kad slaviem bija vēl diftongs *ai (oi)*, mums trūkst ziņu; un tāpēc nav pietiekoša iemesla domāt, ka slavi bija tolaik baltiem kultūras nesēji. Varētu arī būt, ka *vaiņaga* vārds radies slavu un baltu kopdzīves laikmetā; kas tos laikus bija devēji, kas ņēmēji, kâ lai to tagad nosaka? — 16. lpp. P. Šm. kgs uzskata kādu Cesvainē uzrakstītu Ūsiņa dziesmu par viltojumu starp citu tāpēc, ka tur lasām «guni» *uguns* vietā, lai gan Cesvainē runājot *uguns*. Man no Mūlenbacha kga ir zināms, ka Cesvainē pazīst ne *uguni*, bet *guni*. Rīmju chronikas[4] «unser vrowen vane» gan laikam ir «mūsu kundzes (t. i., Marijas) karogs», bet ne «mūsu sievu karogs», kâ tulko P. Šm. kgs 43. lpp. (pati Rīmju chronika man pašulaik nav klāt, tâ ka nevaru šo jautājumu te gluži droši izšķirt). — Ka lamu vārds *ręzgalis* caur vācu starpniecību cēlies no angļu vārda *rascal*, nevaru iedomāties, iekāms šis vārds nav konstatēts vācu valodā; man šķiet, ka *ręzgalis* radies no vecāka **ręsngalvja* (sal. *stūrgalvis*), pie kam *v* varēja izkrist zem vārda **ręs(n)galis* (= koka resnais gals) iespaida.

Tālāk šai krājumā sastopam valodniekiem ļoti interesantu un svarīgu J. Cīruļa rakstu «par drustēniešu izloksni». Papriekšu te autors sniedz savas izloksnes aprakstu, kuŗā sevišķi pamatīgas ir ziņas par *e* un *a* izrunu. Tikai viena lieta man te neskaidra: 59. lpp. sacīts, ka *a* pārvēršas par *o* arī tad, ja seko *r*, kas cēlies no senāka *ŗ*, tâ īpašības vārdā *gorš, gora, gorām*. Bet 62. lpp. lasām, ka Drustos saka gan *korš, vorš*, bet citi locījumi patur *a*: *kara, vara, karam, varam*. Kâ tas nu saskan? Varbūt autors varētu te dot kādu paskaidrojumu. Citādi apraksts varēja būt drusku pilnīgāks. Man pašam ir gadījies kādu stundu noklausīties Drustu izloksnē, un savās piezīmēs atrodu šo to, kas Cīruļa aprakstā trūkst: formas bez *j* pēc *p, b, m, v*, piem., *slapums* (= slapjums); veco *u* vārdā *zuve* (= zivs); atsevišķu *s* izrunu pēc *š* vārda beigās, piem., *sveš-s* (vidus izloksnēs te dzird beigās tikai *š*, bet Drustos un arī citās austrumu izloksnēs arī *s* pēc *š* tiek izrunāts); priedēkli *da-*, piem., *do-skriet;* nākotnes III p. *celsas* (= celsies), pavēles izteiksmi *skatois* (= skaties); datīvu *tau* (= tev; labprāt vēlētos zināt, vai arī Cīruļa kgm jeb citiem drustēniešiem ir pazīstama forma *tau*); pagātnes formu *bēga* ar platu *ę̄* (citur ar šauru *ē* jeb *bēdza*); tagadnes formas *pirku, briedu, liedu*, kuŗu

[4] [Pirmpublicējumā: kronikas. — Red.]

vietā Cīrulis sniedz *pę̄rku, brienu, lienu.* Pieminu te šos sīkumus, gribēdams rādīt, uz cik dažādām lietām jāgriež vērība izlokšņu aprakstītājiem. Pagātnes formu galotnes *-ēm, -ēt* esmu Drustos dzirdējis tikai tādos vienzilbes darbības vārdos, kuŗu saknē patskanis *e (ē),* piem., *vedēm, dzēsēm,* bet *braucām;* un, kâ liekas, to apstiprina arī Cīruļa kga raksts. Bet gluži skaidri tas tur nav izteikts, un tāpēc būtu vēlams, ka autors par to vēl izteiktos. Visai derīgi ir arī piespraustie izloksnes tekstu paraugi un Drustu izloksnei īpatnēju vārdu saraksts. Beidzot ļoti svarīgas ir ziņas par Drustu trejādo akcentu[5] un vārdu saraksts ar akcenta apzīmējumiem. Par šo sarakstu te šis tas jāpiezīmē. Arī rūpīgi korektūru lasot, tomēr mēdz palikt drukas kļūdas, sevišķi tik gŗūti drukājamos rakstos kâ izlokšņu aprakstos. Un tâ arī šai vārdu sarakstā ir palikušas dažas drukas kļūdas neizlabotas, lai gan autors rūpīgi ir lasījis korektūru. Tâ, piem., ir palikuši bez akcenta apzīmējuma vārdi: *alkt, balsts, dzilna, milna, vieta;* un vārdam *velt* dots stieptais akcents, bet formas *vę̂ļu* un *vę̨lts* (ar lauzto akc.) liecina, ka arī *velt* ir jālasa ar lauzto akcentu.[6] Bet kur blakus nav radniecīgu formu, kas kļūdu izlabo, lasītājs paliek neziņā. Tāpēc turpmāk tādus sarakstus labāk tâ sastādīt, ka visus vārdus sakopo grupās: vienā grupā (alfabētiskā kārtībā) vārdus ar stiepto akcentu, otrā — vārdus ar lauzto akcentu un trešā — vārdus ar krītošo akcentu. Caur to būtu novērstas drukas kļūdas akcenta ziņā, un pats akcents sakņu zilbēs varētu palikt neapzīmēts, tâ ka druka tad ar[ī] iznāktu lētāka. Būtu labi, ka nākamā Rakstu krājumā Cīruļa kgs izlabotu pamanītās drukas kļūdas. — Tad autors ir ievietojis savā sarakstā arī tādus vārdus, kas viņam var būt pazīstami ne no tautas mutes (Drustu izloksnes), bet vienīgi no rakstu valodas (grāmatām), tā, piem., *vēstule, vēsture, burvis, cirvis, durvis* (Drustos saka: *buris, ciris, duris*). Nav jau nu bez nozīmes //
34 zināt šo rakstu valodas formu izrunu Cīruļa kga mutē, bet tikai vajadzēja kaut kâ apzīmēt visus tos vārdus, kas autoram bija pazīstami tikai no rakstu valodas, kâ to darījis prof. Šmidta kgs savā Akadēmijas izdevumos nodrukātā sarakstā. Bet tâ tagad nezinām, vai, piem., vārdi *diet, dieveris, svainis, daiļš, cēls* Cīruļa kgm ir pazīstami no savas dzimtenes izloksnes jeb tikai no rakstu valodas, un tāpēc valodnieki nevar savos apcerējumos izlietot akcentu, kādu autors šiem vārdiem devis,

[5] [t. i., intonāciju. — Red.]

[6] Vai drukas kļūda nav arī *lielceļš* (83. lpp.) ar krītošo akcentu pirmā zilbē?

iekāms pats autors par to nebūs devis paskaidrojumus (vienu vārdu sastopam pat 3 formās: *dzintars, dzîtars, zîters;* vienā izloksnē taču laikam nebūs lietojamas visas šīs formas?). Dažiem svešākiem vārdiem vajadzēja piespraust nozīmes paskaidrojumu; ko, piem., nozīmē *dzile* un *lâva* (blakus *lāvai* ar stiepto akc.[5])? Tādi vārdu saraksti ar akcentiem ir vajadzīgi arī no citām draudzēm: vienkārt, Cīruļa kga saraksts jau tāpēc vien nevarēja būt pilnīgs, ka viņa izloksnē nav pazīstami visi la. valodas vārdi; un tad ir daži vārdi, kuŗu akcents nav visur vienāds. Tāpēc vajadzētu labi daudz tādu sarakstu, bet tādēļ tad arī jācenšas pēc tam, lai tādi saraksti neaizņemtu velti daudz telpu. Turpmākos sarakstos tāpēc vajaga izmest visus p a t a p i n ā t o s vārdus, kuŗu akcents jau ir pietiekoši pazīstams (kâ *lampa, ķēde* u. c.), un no atvasinātiem vārdiem sniegt tikai tādus, kas ar savu akcentu izšķiŗas no pamata vārda (kâ, piem., *zìema* : *ziēmelis*[7]); bet ievietot, kâ darījis Cīruļa kgs, piem., blakus *ruokai* arī vēl *ruociņu* un *ruocibu* jeb blakus *muļķim* arī vēl vārdus *muļķigs* un *muļķiba* — nozīmē veltīgi telpas aizņemt; kāds akcents dažādām galotnēm, tas nosakāms savrup ievadā (kâ pa daļai arī Cīruļa kgs darījis). Izmetami arī tādi vārdi (kâ, piem., *sils*), kuŗiem zināms akcents ir tikai nōminātīvā, kur sastopas plūstošais līdzskanis ar galotnes *-s* (citi locījumi, kâ *sila, silam, silu* u. c., te ir bez kādas intonācijas). Sevišķi interesanti valodniekiem būtu akcentēti vārdu saraksti no tām Kurzemes draudzēm (Jaunpils, Blīdenes, Lutriņu u. c.), kuŗās vēl izšķiŗ trejādo akcentu (lauzto, krītošo un stiepto),[8] un ziņas par akcentu Liepājas apkārtnē (kâ Nīcā, Mazgramzdē un Krūtā; sevišķi raksturīga ir stieptā akcenta izruna Mazgramzdē), Ikšķilē, Suntažos, Tīnūžos, Rembatē, Lielvārdē (šai apgabalā stiepto akcentu bieži izrunā krītoši; bet man pašam nav vēl izdevies noteikt un izdibināt šīs akcenta maiņas likumus, kāpēc ļoti vēlamas sīkas ziņas no turienes), tad Vecpiebalgā un Vietalvas Odzienā, kuŗu akcents arī visai interesants. Mums, diviem latv. valodniekiem, pašiem vien nav iespējams pamatīgi izpētīt v i s a s latv. valodas izloksnes: katram pagastam ir savas izloksnes īpatnības, un pagastu pa visu Latviju ir simti. Katras izloksnes pamatīgai izpētīšanai vajadzīgas mazākais dažas dienas, un mēs, valodnieki, sava amata darbu aizņemti, varam šim nolūkam atlicināt tikai daļu no vasaras atpūtas laika. Bet, ka mūsu valoda tiktu

[7] [Pirmpublicējumā: *ziemēlis.* — Red.]

[8] [Vēlāk Lutriņos J. Endzelīns konstatējis tikai 2 intonācijas. Skat. Lv. II 96. — Red.]

pamatīgi izpētīta, tā nav mūsu valodnieku privātlieta, bet par to vajadzētu interesēties un rūpēties visai tautai. Cīruļa kgs ir devis jauku paraugu, lai seko tam citi! Bez skolotājiem taču mums ir tagad tik daudz ģimnazistu un studentu, kas pa vasaras brīvlaiku ļoti labi varētu aprakstīt savas dzimtenes izloksnes. Senākos Zin. kom. Rakstu krājumos atrodam pa starpām arī studentu rakstus, bet beidzamos gados tādu trūkst. <...> Beidzamais laiks tagad sākt aprakstīt[9] mūsu valodas jau zūdošās izloksnes. Šis darbs tagad arī nepaliks gluži neatalgots, jo turpmāk Zin. komisija laikam maksās honorāru par izlokšņu aprakstiem un vārdu krājumiem un bez tam tagad ik gadus piespriedīs Velmes prēmiju labākiem darbiem valodniecībā. <...> — Beigās vēl pieminēšu šai lietā, ka ievāktie materiāli jāiesniedz bez jeb kādiem «pārlabojumiem». Tā, piem., atrodam Cīruļa kga sarakstā vārdu *iesukāt* (= utis meklēt), un, nopircis saviem bērniem Der. gr. nodaļas ilustrētos pasaku krājumus, arī tur (III burtnīcā) lasu to pašu *iesukāt*! Bet patiesībā pati tautas valoda pazīst minētā nozīmē tikai vārdu *ieskāt* (= leišu *ieškóti*, kr. *искать*), kur nekad nekāds *u* nav bijis! Un 70. lpp. lasām: «*sliktīna (salikt, soliktīna = sliktīna)* = guba»; vai tiešām pastāv vārds *soliktīna*, jeb Cīruļa kgs pats to konstruējis? sal. vārdu *slita* 136. lpp.

Beidzot šai krājumā vēl atrodam Brenča kga sakrātus apvidus vārdus no Alūksnes. Arī tas ir krietns darbs (cerēsim, ka nākamā krājumā Br. kgs mums sniegs pilnīgu Alūksnes izloksnes aprakstu!). Jānožēlo tikai, ka šai rakstā palikušas neizlabotas diezgan daudz drukas kļūdas. Pārcēlumi rakstu valodā nav arvienu pareizi: Alūksnes *kroveši* (119. lpp.) rakstu valodā var skanēt tikai *kruveši* (un tāds vārds arī labi pazīstams!), bet ne *kraveši* (tāda forma skanētu tāpat arī Alūksnē!), sal. al[ūksniešu] *sovans* (113. lpp.) = *suvęns, sivęns*. Arī Alūksnes *krova* (119. lpp.) // ir laikam *kruva*, ne *krava*, sal. vārdu *krūties*[10]. Dažkārt lasītājs paliek neziņā, vai tam ir darīšana ar Alūksnes jeb ar rakstu valodas formu; tā, piem., 105. lpp. atrodami vārdi *amulis* un *āpulis*: ja tās ir rakstu valodas formas, tad tās Alūksnē laikam skanētu: *omuls, uopuls*; bet, ja tās ir Alūksnes formas, tad rakstu valodā tās skanētu: *ęmulis, ępulis*. Formas *amuls* un *āpuls* atrodam gan arī Br. kga citētos piemēros, kas vispāri pasniegti Alūksnes

[9] Interesenti var dabūt tuvākus aizrādījumus no Mūlenbacha kga Rīgā, Ģertrūdes ielā Nr. 39.

[10] [*krūtiês virsū* «sich aufdrängen» ME II 293. — Red.]

izloksnē; bet šur tur atrodam viņos arī rakstu valodas formas (*dabūsi* 107, *atpļāvības* 106 u. c.), tâ ka teksta kritika mums te nepalīdz, un tādi vārdi tad pagaidām valodniekiem ir nederīgi. Tāpēc vairāk uzmanības konsekvences[11] tādās lietās! Br. kga sarakstā atrodam arī interesanto formu *atļāve* (= atļauja). Nesen avīzēs bija atstāstītas domas, ka vārdi *kauja, pļauja, atļauja* ir aplam darināti un atmetami un to vietā lietojamas formas *kāve, pļāve, atļāve.* Bet, ievērojot līdzīgi darinātos vecos vārdus *sauja* un krievu *струя,* par gluži aplamiem gan nevarēsim minētos vārdus saukt; izlietot varētu abējas formas, varbūt dažādā nozīmē.

Zin. komisijas vasaras sapulču interese beidzamā laikā zūd, bet viņas beidzamie rakstu krājumi ir daudz saturīgāki par senākajiem. Izdodama š ā d u s krājumus, tā var ar pilnu tiesību saukties par z i n ī b u komisiju: vācu Draugu biedrībai beidzamā laikā tik zinātnisku rakstu krājumu vairs nav!

Tad vēl vienu piemirstu piezīmi izlokšņu lietā: nav jādomā, ka apraksti par tām izloksnēm, kuŗas mēs, valodnieki, jau esam pētījuši, būtu lieki. Mēs atsevišķām izloksnēm varam tikai īsu laiciņu veltīt un tāpēc nevaram ar viņām visām pamatīgi iepazīties! Drustos, piem., es esmu bijis, un tomēr Cīruļa kga raksts man sniedza daudz jauna materiāla. Un aprakstiem der ne vien malienu izloksnes, bet kaut kuŗas draudzes izloksne: zinātnei visas ir interesantas!

Šis rakstu krājums ir iespiests jaunajā ortografijā, pie kam Šmidta un Cīruļa kgu rakstos arī akcents viscauri (arī galotnēs!) apzīmēts. Bet Zinību komisijai vajadzēja arī *Rīgu* pareizi ar gaŗuma zīmi rakstīt.

---

[11] [Pirmpublicējumā: konzekvences. — Red.]

J. A. DUBURA LATWEESCHU FORETJKAS AHWEZE[1]

[1912 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 102]

5 Rakstītā valodā tagad nodibinājusies diezgan liela vienība, bet izrunā palaikam arī izglītoti latvieši patur dažas izlokšņu īpatnības. Citur tas arī nav par lielu piedauzību; bet nav vairs ciešams, kad uz skatuves, piem., vienas familijas piederīgie runā katrs savu izloksni. Tâtad visai saprotams, ka drāmatisko kursu direktors Duburs sācis rūpēties par vienību arī izrunā. Arī minētā grāmata kalpo šim nolūkam, un, ievērojot lietas svarīgumu, der viņu te apspriest.

Šai «rokas grāmatā valodas skolotājiem» nav aprakstīta latviešu valodas skaņu izruna, kâ varētu domāt, spriežot pēc viņas virsraksta. Tur tiek ieteiktas dažas reformas mūsu ortografijā, tâ ka būtu bijis pareizāki dot grāmatai virsrakstu «Ortografijas reformu vajadzība». Vispirms, te proponēts šķirt
6 plato *e* no šaurā arī rakstībā un apzīmēt // plato *e* ar *a* un *e* burtu savienojumu *æ*; otrkārt, ieteikts šķirt patskani *o* patapinātos vārdos (piem., *politika*) no īsti latviskā divskaņa *ua*, ko līdz šim parastā rakstībā apzīmē ar *o*, un rakstīt, piem., *uala* (*olas* vietā). Mēs, valodnieki, esam jau arvienu šķīruši minētās skaņas tādos rakstos, kas nolemti vienīgi valodniekiem; Dubura kgs būtu varējis par to pārliecināties, pašķirstīdams Zin. kom. XIII un XV Rakstu krājumu. Bet neticam, ka būs iespējams ievest šo starpību arī praktiskajā ortografijā, un tāpēc to neesam proponējuši, jo negribam būt saucēja balss tuksnesī un nevēlējāmies kompromitēt iespējamas un vajadzīgākas reformas, tām piejaukdami praksē grūti izvedamus priekšlikumus. Kur jārunā platais *e*, kur šaurais, — to māca mūsu gramatikas[2] 5. §; par *e* pareizo izrunu tâtad esam rūpējušies. Ja Dubura kgm izdotos reālizēt praksē savus priekšlikumus par *e* un *o*[3], mēs, valodnieki, to apsveiktum ar prieku.

---

[1] Jelgavā 1912.

[2] [Latviešu gramatika. J. Endzelīna un K. Mūlenbacha sarakstīta. Rīgā 1907. — Red.]

[3] [Pirmpublicējumā *o* vietā *a*. — Red.]

Mēs paši rakstām *uo* un *ie* (*o* un *ee* vietā[4]), gribēdami šai ziņā sasniegt vienību ar leišu rakstību.

Treškārt, Dubura kgs ieteic apzīmēt rakstībā arī dažādus akcentus[5] un pie tam man pārmet, ka mūsu gramatika par šo jautājumu neieminoties «ne vārda», pieminot tikai «gaŗus» un «īsus» patskaņus, bet visus «grūstos» patskaņus «sabeŗot» «gaŗo» patskaņu apcirknī utt. (13. lpp.). Tamlīdzīgi pārmetumi man ne pirmo reizi izteikti, bet, tâ kâ man bija gluži vienalga, kādās domās par mani un mūsu gramatiku viņu izteicēji, kas pie tam bija lietojuši puslīdz nepieklājīgu izteiksmi, tad esmu līdz šim tos vienkārši ignorējis, jo varu savu laiku derīgāki izlietot, nekâ ar kuŗu katru polemizējot, un lietpratēji varēja arī bez manas atbildes paši pareizi novērtēt tādas «kritikas». Citādi ir ar Dubura kgu, kas gan arī nav lietpratējs valodniecībā, pat ne fonētikā, to rādīs īsa beigu piezīme šai recenzijā, bet par to kâ skatuves mākslinieks ir atzīstams un ir izteicies pieklājīgāki. Ar viņu tāpēc gribu te šo jautājumu pārrunāt.

Bieži vien uzskatām kādu lietu par vienkāršu, iekāms neesam ar to pamatīgi iepazinušies; un tâ ir nogadījies arī Dubura kgam akcentu jautājumā, kad tas proponē rakstībā šķirt «grūstās» skaņas no «stieptajām». Mēs, valodnieki, jau sen šķiŗam (ne tikai divus, bet) trīs akcentus (jeb «intonācijas») stingri zinātniskos rakstos: stieptu (piem., vārdos: *māte, trauks, uola, tilts, manta*), krītošu (piem., vārdos: *kāzas, šķēle, draugs, kuoks, silts, trenkt*), lauztu jeb grūstu (piem., vārdos: *kāds, raugs, uoga, cilts, celt, darbs*). Tâ, piem., Mūlenbacha kga vārdnīcā un manā zinātniskajā gramatikā, kuŗu tagad rakstu vācu valodā[6], visas šīs trīs intonācijas būs viscauri šķirtas, kur vien vārda izruna mums būs pazīstama. Un esmu arī mūsu «Latviešu gramatikas» 11. § visu plašākām aprindām vajadzīgo teicis par minētām trim intonācijām; bet Dubura kgs saka, ka es «ne vārda» neieminoties par to. Bet, ja mani jautā, kāpēc neesmu arī tekstā viscauri apzīmējis intonācijas, tad esmu tâ rīkojies tāpēc, ka neuzskatu par iespējamu lietu parastajā ortografijā viscauri apzīmēt arī dažādās intonācijas. Lai taču atminas, cik sīvu pretestību sacēla Zin.

---

[4] [Pirmpublicējumā *o* un *ee* rakstīti arī piemēru vārdos, kur tie šai izdevumā aizstāti ar *uo, ie*. — Red.]

[5] [t. i., intonācijas. — Red.]

[6] [Domāta Lettische Grammatik. Riga, 1922. XII + 862 lpp. Papildināts tulkojums latviešu valodā: Latviešu valodas gramatika. Rīgā 1951. 4+ 1100 lpp. — Red.]

komisijas spriedums apzīmēt gaŗumu ne vien saknēs, bet arī piedēkļos! Bet viscauri un pareizi apzīmēt visas trīs intonācijas ir vēl daudz grūtāki nekâ apzīmēt vienkāršu gaŗumu. Lieta ir tāda, ka trīs intonācijas, kuŗas senāk ir izšķīruši, kâ esmu citur[7] pierādījis, v i s i latvieši, tagad vairs izšķiŗ tikai Vidzemes latviešu daļas vidienē (ap Burtniekiem, Ēveli, Valku, Smilteni, Raunu, Valmieru, Cēsīm, Nītauri, Skujeni, Dzērbeni) un mazā Kurzemes daļā (ap Blīdieni, Jaunpili, Lutriņiem[8]). Citur visur tagad atlikušās vairs tikai divi intonācijas: visi augšzemnieki (Vidzemes austrumu daļā, Vitebskas gub. un Augškurzemē) tagad izrunā vārdus ar stiepto intonāciju (piem., *māte, trauks* u. c.) ar tādu pašu krītošu intonāciju kâ, piem., vārdos: *kāzas, draugs* u. c.; bet Vidzemes rietumu daļā un Kurzemes rietumos un vidienē (izņemot minēto apgabalu ap Blīdieni, Jaunpili, Lutriņiem) tagad vārdus ar krītošo intonāciju (piem., *kāzas, draugs* u. c.) izrunā tâpat kâ vārdus ar lauzto intonāciju (piem., *kāds, raugs* u. c.). Ka, piem., ap Jelgavu un Vidzemes rietumos senāk izšķirta krītošā intonācija no lauztās, to vēl gaiši pierāda savienojumu *ar* un *er* liktenis turienes izloksnēs. Vienos vārdos tur atrodam gaŗu patskani (piem., *dārzs, tārps, mērkt, cērpu*), citos — īsu (piem., *darbs, karsts, sargs, ķert, verdu*), bez kāda likuma. Lieta kļūst saprotama, kad piegriežamies tām izloksnēm, kas vēl izšķir visas trīs intonācijas; tur redzam, ka gaŗš patskanis ir tādos savienojumos *ar* un *er*, kas izrunājami ar krītošu (un stieptu) intonāciju (piem., *dārzs*), turpretim — īss patskanis, kad *ar* un *er* izrunā ar lauztu intonāciju, piem., *darbs* (izņemami ir vienīgi patapināti vārdi, kâ *tarba, marka* u. c., kas vairs nav padoti minētam likumam). Tâtad, ja ap Jelgavu tagad izrunā *dārzs* un *darbs* ar vienādu (lauztu) intonāciju, tad starpība patskaņa gaŗumā tomēr vēl rāda, ka *dārzs* senāk arī ap Jelgavu runāts ar krītošu intonāciju.

Triju intonāciju sistēma tâtad ir vecāka par divu intonāciju sistēmu un valodniecībai daudz vērtīgāka. Bet tomēr nekādā reizā nevar prasīt, lai nu visi latvieši rakstībā apzīmē visas šīs trīs intonācijas; jo viņas tagad pazīstamas vairs tikai mazākai daļai (labi, ja ceturtai daļai) visu latviešu. Visi citi varētu tās pareizi apzīmēt tikai tad, kad tiem pastāvīgi būtu rokā Mülenbacha kga vārdnīca, kas pie tam vēl nav iznākusi. Bet te nu Dubura kgs varbūt atbildēs, ka viņš ieteic apzīmēt nevis trīs,

[7] [Piemēram, rakstā «Baltica» — šai izdevumā II 379 skk. — Red.]

[8] [Vēlāk Lutriņos J. Endzelīns konstatējis tikai 2 intonācijas. Skat. Lv. II 96. — Red.]

bet tikai divi intonācijas (stiepto un grūsto; krītošā intonācija viņa izloksnē sakritusi ar grūsto jeb lauzto). Lieta tâ // kļūst drusku vieglāka, bet tomēr paliek visai grūta. Triju intonāciju runātāji viegli varētu apzīmēt krītošo intonāciju tâpat kâ lauzto, bet grūtības rada augšzemnieki (apm. treša daļa visu latviešu, ja ne vairāk). Kâ jau minēju, augšzemnieki vārdus ar stiepto intonāciju (piem., *māte*) izrunā tâpat kâ vārdus ar krītošo intonāciju (piem., *kāzas*), un tāpēc viņi varētu apzīmēt intonācijas tâ, kâ prasa Dubura kgs, tikai ar gaidāmo Mūlenbacha kga vārdnīcu rokā. Skaidra lieta, ka praksē tas nav izdarāms. 6₂

Bet vēl neesmu minējis visas grūtības. Arī apgabalos ar vienādu intonāciju sistēmu sīkumos atrodam daudz starpību. Kurzemes un Vidzemes rietumu izlokšņu vairumā runā, piem., *iet* un *ņemt* (jeb *jemt*) ar stieptu intonāciju, vidienē turpretim — ar lauztu; *duot* daudz Kurzemes rietumu izloksnēs ar stieptu intonāciju, citur — ar lauztu. Saknes zilbi vārdos: *gaidīt, griezt* «kehren», *klausīt, laizīt, raibīt, raudzīt, skaitīt, slaucīt, taisīt, traipīt, bīdīt, mirt, grimt, gulties, ģībt, kurkt, līgt, nīkt, kampt, rimt, sirgt, skurbt, vārgt, bērt, dilt, irt, svilt, peļņa, uotrs, laipns* u. c. vienas izloksnes izrunā ar krītošu, citas — ar stieptu intonāciju. Būtu tâtad daudz gadījumos vēl papriekšu jāvienojas, kuŗu izrunu atzīt par «pareizo», un tad rakstot (kam nav brīnišķīgas atmiņas) tomēr rokā jātur arvienu gaidāmā Mūlenbacha kga vārdnīca. Bet vēl lielāka starpība pastāv piedēkļu intonācijās. Jaunauces izloksnē, piem. (kuŗa par pamatu Bīlenšteina gramatikai), visos piedēkļos atrodam tikai lauzto (grūsto) intonāciju, un tâ arī citās Kurzemes dienvidu-rietumu izloksnēs. Bet citās izloksnēs pareizi šķiŗ piedēkļos lauztu un stieptu intonāciju, bet ne visur vienādi: vienās izloksnēs, piem., lokātīva vienskaitļa galotne ir lauzta, citās — stiepta; dažās izloksnēs vārdā *kamuols uo* ir lauzts, citās — stiepts utt. Varbūt Dubura kgs teiks, ka nesaskaņas gadījumos jāturas pie rakstu valodas apgabala izrunas. Bet, pirmkārt, arī tur izruna nav visur vienāda: tâ, piem., piedēkli *-ība* Dobelē u. c. izrunā ar stiepto *ī*, bet Bīlenšteins (Jaunaucē) un Duburs (kuŗa dzimtene pēc Konv. vārdnīcas ir Kroņa Vircava) — ar lauztu *ī*. Par ko tad nu Kroņa Vircavas izruna ir «pareizāka» par Dobeles izrunu? Abās draudzēs runā puslīdz tīru rakstu valodu! Un pat ja vienotos atzīt, piem., Kroņa Vircavas izrunu par «priekšzīmīgu», kâ lai piesavinās to visi tie latvieši, kas nav ne dzimuši Kroņa Vircavā, ne apmeklējuši tagadējos Dubura kga drāmatiskos kursus? Visu teikto ievērodami, esam savā

«Latviešu gramatikā» tikai pieminējuši, kādos piedēkļos gaŗš patskanis, kādos — īss. Apzīmēt arī intonācijas nevarējām bez lielas patvarības, jo mēs, valodnieki, nerīkojamies tikai pēc pašu izrunas, bet pazīstam un atzīstam arī citu izloksnes. Bez tam nevaru atzīt, ka, apzīmēdami parastajā rakstībā arī intonācijas, jau nu tūliņ iemācītu visus lasītājus pareizi runāt. Zīme vien vēl nemāca pareizi runāt; pareiza izruna jāpiesavinās ar dzirdi. Vietalvieši, kalsnavieši, cesvainieši, lazdonieši, dignājieši u. c., kuŗu izloksnēs nemaz nav lauztās intonācijas (bet tās vietā «kāpjoša» intonācija), arī pamatīgi izlasījuši Dubura kga «Latv. fonetikas ābeci», tomēr nepratīs runāt ar lauzto intonāciju, jo tā no grāmatām vien nav piesavināma.

Bet ko lai nu dara tie, kam rūp izrunas vienība mazākais uz skatuves? Lai nesapņo, «kad atnāks latviešiem tie laiki», kad tiem būs tāda fonētiska vārdnīca, kāda ir, piem., vāciešiem, bet lai arī paši ķeŗas pie darba, ņemas par paraugu Cīruļa kga XV Rakstu krājumā iespiesto rakstu par drustēniešu izloksni un tamlīdzīgi apraksta arī savas dzimtenes izloksni. Tad valodniekiem būs pietiekoši daudz materiāla, lai varētu vārdnīcā un gramatikā noteikt, kuŗai katra vārda izrunai dodama priekšroka. Paši valodnieki vien, un ja tie dzīvotu pat saules mūžu, nemūžam nevar izdibināt, kâ visus latviešu valodas vārdus izrunā katrā pagastā; un tāpēc te jānāk arī citiem talkā, kam vien šī lieta rūp.

Bet Dubura kgs kâ drāmatisku kursu direktors nevar gaidīt, kamēr iznāks tāda fonētiska vārdnīca, jo viņam jāmāca pareiza izruna jau tagad. Ja tas šai lietā pie manis grieztos, es dotu padomu atstāt mierā visus triju intonāciju runātājus un nemācīt tos, lai tie, piem., vārdu *draugs* runā ar tādu pašu *au* kâ *raugs*. Starpība starp krītošo un lauzto intonāciju palaikam nemēdz būt visai liela, tâ ka tikai smalka auss to var sadzirdēt, un tāpēc šī starpība uz skatuves nevar būt par piedauzību. Jāmāca vienīgi augšzemnieki, lai tie tādus vārdus kâ *māte* u. c. nerunā ar krītošu, bet ar stieptu intonāciju; bet augšzemnieki no Tirzas, Liezēres, Cesvaines, Lubānes, Lazdonas, Ļaudonas, Kalsnavas, Bērzaunes, Vestienas, Ērgļiem, Liepkalnes, Meņģeles, Vietalvas, Kokneses, Aizkraukles, Seces, Sērpils, Zalves, Neretas, Saukas, Biržiem, Dignājas, Sunākstes, Lašiem u. c. jāmāca, lai tie, piem., vārdus *kāds, raugs, uoga* nerunā ar kāpjošu intonāciju (kas līdzinās apmēram rakstu valodas stieptajai intonācijai), bet ar lauztu. Turienes «kāpjošā» intonācija ir gan pati par sevi skaistāka nekâ lauztā, bet beidzamā valda rakstu valodā. Bet nesaskaņas gadījumos (kâ minētos

piemēros: *iet, gaidit, // -iba*) Dubura kgam pagaidām pašam 63
būs jālūko novērot, kāda izruna vairāk izplatīta. No Kroņa Vircavas vien viss glābiņš nenāk.

Atliekas vēl tikai iebilst par dažiem sīkumiem šai «fonetikas ābecē». Neesot lāgi saprotams, kâ es varējis sarakstīt fōnētikas nodaļu gramatikā, «pirmā kārtā neatbalstoties uz skaņu īpatnībām». Bet uz ko citu tad es esmu pirmā kārtā atbalstījies? Vokāļu skaņu īpatnības esot iztirzātas «nepietiekoši». Dubura kga grāmatā neesmu par tām nekādas jaunas gudrības varējis piemācīties. Ka mūsu rakstu valodai ir tikai gaŗi un īsi patskaņi, tādas domas man arī tagad ir. Dubura kgs domā, ka blakus īsiem un gaŗiem vokāļiem ir vēl «grūsti». Bet ka blakus, piem., vārdam *put* ar īsu *u*, piem., vārdos *būt* (ar lauztu int.) un *pūt* (ar stieptu int.) ir v i e n ā d a g a ŗ u m a *ū* (starpība tikai intonācijā!), to atradis arī amerikāniešu pētnieks Šmidts-Vartenbergs[9], kas priekš dažiem gadiem Baltijā ar sevišķa kimografa palīdzību pētīja latviešu izrunu, skat. IF X 125.[10] Viņa gala spriedums skan: «Wir können unbedenklich die Quantitäten der dreifach akzentuierten langen Vokale als gleich ansetzen». Bet Dubura kgs pēc tam tomēr vēl apgalvo, ka es «sabēris» visus grūstos vokāļus gaŗo vokāļu apcirknī! Tālāk es neesot šķīris «grūstos» diftongus no «slaidajiem» (= stieptajiem). Rakstībā to nedarīju aiz augšā minētiem iemesliem, bet 11. § otrā daļā esmu teicis visu vajadzīgo ne vien par stieptiem un grūstiem, bet arī par krītošiem divskaņiem. Kāda katram atsevišķam vārdam intonācija, nav meklējams gramatikā, bet vārdnīcā. — Beigās Dubura kgs proponē jaunas zīmes intonāciju apzīmēšanai. Mēs, valodnieki, jau sen lietojam citas zīmes tam nolūkam un pie tām arī paliksim, jo nevaru atrast, ka Dubura kga ieteiktās zīmes būtu derīgākas, taisni otrādi: stiepto intonāciju tas apzīmē pie gaŗiem patskaņiem ar parasto gaŗuma zīmi (piem., *trūkt*), pie diftongiem — ar zīmes trūkumu (piem., *daudz*); bet tad būs lasāmi ar to pašu stiepto intonāciju arī ne retie vārdi ar gaŗu patskani vai diftongu, kuŗu intonācija rakstītājam nav zināma.

Pašā beidzamajā paragrafā atrodam elementāru kļūdu. Tur teikts, ka «nazālais» *n* sastopams vienīgi *g* un *k* priekšā (piem., *kungs, kunkulis*). Vārdos *manta, bende* u. c. *n* arī ir «nazāls»

---

[9] [Pirmpublicējumā: Smits-Vartenbergs. — Red.]

[10] [Čikāgas universitātes profesora Hansa Šmidta-Vartenberga 1899. g. publicētajā rakstā «Phonetische Untersuchungen zum lettischen Akzent» starp izmantotajiem 10 diktoriem minēts students J. Endzelīns no Valmieras. — Red.]

(t. i., elpa pie tam plūst caur degunu); starpība starp *n,* piem., vārdā *bende* un *n,* piem., vārdā *kungs* ir tikai tā, ka, pirmā vārda *n* izrunājot, mēles gals pret virszobiem jeb drusku augstāk aizsprosto muti, turpretim otrā vārdā mēles pakaļējā daļa piekļaujas mīkstai aukslējai[11].

Ar to nobeidzu savu pārspriedumu. Dubura kgs, kâ redzams, ļoti rūpējas par pareizu izrunu; par to varam tikai priecāties, un, ievērodams grāmatiņas teicamo mērķi, esmu to tik plaši pārrunājis. Ja Dubura kgam kādi izteicieni te nepatiktu, lūdzu to neaizmirst, ka biju spiests aizstāvēties pret pārmetumiem.

---

[11] [Pirmpublicējumā: augšlejai. — Red.]

Э. А. ВОЛЬТЕР. СЛЕДЫ ДРЕВНИХ ПРУССОВ И ИХ ЯЗЫКА В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

С.-ПЕТЕРБУРГ, 1912. 8°. 10.

(Novilkums no Krievu Zinātņu akadēmijas laikraksta «Известия Отдел. русск. яз. и словесн.» XVI 4)

[1912 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 151]

Krievu un vācu chronikas[1] stāsta, ka 1276. g. viena daļa 2₃
prūšu, bēgdama no vācu bruņinieku ordeņa slepkavībām, atradusi patvērumu Lietavā, kur tos uzņēmis leišu kunigaikstis Troidenis un nometinājis tagadējā Grodņas guberņā (pašā Grodņā un Slonimā). Ap pašu Grodņu tagad vairs nav ne prūšu, ne leišu, bet Slonimas apriņķa seno prūšu nometnēs tagad runā leitiski (daudz, ja daži tūkstoši). Šo Slonimas leišu izloksni jau senāk bija pētījis privātdocents E. Volters un aprakstījis laikrakstā «Mitteilungen der Litauischen litter. Gesellsch.» IV 166—173, atgādinādams pie tam minēto chroniku ziņu par prūšu nometinājumu Slonimā. Uz Voltera pasniegtā materiāla dibinādamies, vispirms es savos «Славяно-балтийские этюды» (1911. g.) norādīju, ka Slonimas leišu izloksnē ir atrodamas prūšu valodas pēdas.[2] Prūšu un latviešu (un arī kuršu) valodā ir tur *z* un *s*, kur leišiem *ž* un *š*. Ja nu Slonimas leišu izloksnē atrodam ne īsto leišu formu *žąsis* (senāk: *žansis*), bet *ząsis* (= latv. *zuoss*), tad šī vārda *z*- (*ž*- vietā) ir uzskatāms par prūšu valodas atlieku. Savā tagadējā rakstā Volters min arī citus Slonimas leišu vārdus ar *z* (*ž* vietā) un ar *s* (leišu *š* vietā). Slonimā no-//metinātie prūši, 2₄
ar laiku piesavinādamies leišu valodu, novēroja, ka dažos vārdos prūšu *s* vietā leiši runā *š* (piem., pr. un latv. *is* = lei. *iš*). Un tā nu šie prūši, cenzdamies pareizi leitiski runāt, sāka sava *s* vietā dažkārt lietot *š* arī tādos vārdos, kur arī leiši runā *s*, piem., *šveikas* «sveiks» (leitiski: *sveikas*); tamlīdzīgi latviešu zemnieks, zinādams, ka, piem., «plintes» vietā

[1] [Pirmpublicējumā: kronikas. — Red.]
[2] [Skat. šai izdevumā II 254. — Red.]

smalkāki runā «flinte», dažkārt lieto, gribēdams smalkāki izteikties, *f* arī nevietā un saka, piem., «farks» pareizā «parks» vietā (tāpat arī «gafele»!). Volters turpretim nav sapratis Slonimas *š* tādos vārdos kâ *šveikas,* uzskatīdams to par fonētisku.

Bez tam biju minējis vēl otru prūšu valodas pazīmi Slonimas izloksnē. Latviešu valodā dažkārt atrodam *iv* senāka *uv* vietā, tâ vārdos: *divi, zivs, sivęns, tivi* (senāk: *duvi, zuvs, suvęns, tuvi* jeb *tuvu;* beidzamā forma vēl tagad lietojama rakstu valodā, un *zuvs* un *suvęns* ir izloksnēs). Un kâ esmu norādījis savā augšā minētā grāmatā, ir iemesls domāt, ka arī prūšu valodā *uv* dažkārt ir pārvērties par *iv.* Turpretim leišu valodā sastopam tādu *iv* veca *uv* vietā tikai Slonimas izloksnē, piem., *živis* «zivs» (leitiski: *žuvis*); un tāpēc Slonimas *iv* (*uv* vietā) ir laikam arī prūšu valodas atlieka. Volters savā tagadējā rakstā gan piemin šo *iv* kâ Slonimas izloksnes īpatnību, bet nerāda, kāds sakars tam ar prūšu valodu.

Slonimas izloksnē pierodas *v-* tādiem vārdiem, kas sākas
2₅ ar *uo-, u-,* piem., *vuoga* «oga» (leitiski: *uoga*); un šo // pašu parādību sastopam arī prūšu valodā. Volters tāpēc spriež, ka šis liekais *v-* Slonimā arī ir prūšu valodas atlieka. Var būt, ka tâ ir, bet droša tā lieta nav, jo tādu lieku *v-* atrodam arī citās leišu izloksnēs, kam ar prūšu valodu nav nekāda sakara (skat. Šleichera Donaleiša izd. 338), un arī latviešu izloksnēs, piem., *vuorā* «ārā» Ludzē, *vuts* «uts» BW[3] 8998, 2 var.

Jānožēlo, ka līdz šim zinātnei nav vēl nekas zināms par Slonimas izloksnes akcentu; akcenta sistēmā arī var būt paglābušās prūšu valodas atliekas.

Kâ redzams no mana atstāstījuma, šo prūšu valodas atlieku Slonimas izloksnē ir visai maz, bet vairāk ar[ī] nevarēja gaidīt, ievērojot leišu valodas iespaidu. Brīnums pat, ka ir leišu valoda Slonimā nav vēl izzudusi, jo līdz 1885. gadam, kâ stāsta Volters, tur bijis pat a i z l i e g t s leitiski runāt (valsts[4] valdē karājies sludinājums: «По-литовски говорить запрещается»). Jādomā, ka savā māju dzīvē Slonimas leiši ir tomēr lietojuši vienmēr savu valodu, jo citādi tie to būtu aizmirsuši.

Mag. E. Voltera kga nopelns ir, ka tas ir vairākkārt (beidzamā laikā ar fonografa palīdzību) pētījis Slonimas izloksni un griezis vērību uz chroniku ziņām, ka tur nometināti prūši.

---

[3] BW = Barona un Visendorfa Latvju dainas. *vūdze* «odze» BW 30796, 8 var.

[4] [Laikam pagasta. — Red.]

P. ŠMIDTS. ETNOGRAFISKU RAKSTU KRĀJUMS. I

RĪGĀ, 1912. 8°. 142

[1912 Druva XI 1421—1423]

Krājumā atrodam šādus rakstus: 1) Auseklis kâ dzejnieks 1421₂
tautasdziesmu garā; 2) Induļa teika; 3) Mežs mūsu tautas-
dziesmās; 4) Daži jautājumi par tautasdziesmām; 5) Ko vēsture
māca par tautu savstarpīgām cīņām; 6) Par seno latviešu kul-
tūru; 7) Par austruma Sibirijas tautām; 8) Kāda nozīme ir
mūsu tautasdziesmām? 9) O. Bökeļa tautas dzejas psiholoģija
un latviešu tautas dziesmas; 10) Vai latvieši zinātnēs ir pastrā-
dājuši ko ievērojamu? 11) Latviešu tautas dziesmas kâ vēs-
tures avoti; 12) Par daiņu; 13) Par trūkumiem mūsu rakst-
niecībā; 14) Kāds vārds par ienaida politiku pie latviešiem;
15) Kâ cēlies vārds *vācietis*? 16) «Stāvu koku nami»; 17) Ko
valodniecība māca par latviešu, leišu un prūšu senatni?
18) Mūsu tautasdziesmu bāri. Šis virsrakstu saraksts, ko te
pasniedzu satura atstāstījuma vietā, liecina par satura bagā-
tību un daudzpusību. Visi šie raksti ir jau bijuši // senāk 1422₁
iespiesti dažādos laikrakstos un avīzēs; bet, tâ kâ tur tos nav
tik viegli sameklēt, un lasīt der tos ne tikai vienu reizi, tad
varam tikai nopriecāties, ka tie turpmāk būs dabūjami vienā
kopā. Cerēsim, ka iznāks arī šā rakstu krājuma turpinājumi.
Sekodams jaunākiem pētījumiem, autors izlabojis ne vien
drukas kļūdas savos rakstos, bet pārgrozījis, kur bija vajadzīgs,
arī dažus sīkumus formas un satura ziņā. Jānožēlo tikai, ka
pie tam nepamanīts palicis latviešu valodai svešais slavisms
cik augstu mēs arī turētu . . ., tomēr nevaram (5. lpp.); līdzīgus
izteicienus tagadējā sveša gara apmāktā rakstniecībā bieži
sastopam, bet latviski tai vietā teiktu: *lai cik augstu mēs
turētu . . ., tomēr nevaram.* Pieminu to, lai gan zinu, ka nav
vairs mums modē minēt kritikās arī valodas kļūdas; bet atteik-
kušies ir no tam ne tāpēc, ka vairs nav valodas kļūdu, bet
tāpēc, ka vairs tâ nerūpējas par valodas tīrību un varbūt
nojauš, ka paši neraksta labāk. Prof. P. Šmidta kga rakstu
labās īpašības ir jau labi pazīstamas latviešu publikai, un

manas uzslavas tiem nevajaga; pieminēšu tāpēc tikai, ka tie virzī uz priekšu arī zinātni ar saviem jauniem materiāliem un pētījumiem. Un, tâ kâ zinātnes progress rūp vienādi mums abiem, tad te pārrunāšu dažus sīkumus, kuŗus nevarēju atzīt par pareiziem. Biju izteicies, ka ceturtās zilbes īsums mūsu tautasdziesmās cēlies pats no sevis, gaŗajām galotnēm saīsinoties. Pret to autors 57. lpp. saka: šīs īsās zilbes esot tik dabīgas dziesmu pantmērā, ka bez viņām nevarot nemaz runāt par tagadējo dziesmu pantmēru; tâtad tanīs laikos, kad vēl pastāvējušas gaŗās galotnes, nevarējis būt tagadējo dziesmu. Nevarēja gan būt dziesmu ar īsu patskani katrā ceturtā un astotā zilbē, bet trochaju vai spondeju rituma dziesmas varēja būt arī tad. Tautasdziesmu «lāpāmie» patskaņi varēja celties tikai no tam, ka senākos laikos, kad radās vecākās dziesmas, latviešu valodā vēl nebija zuduši pirmatnējie īsie patskaņi gala zilbēs, — t. i., kad vēl runāja, piem., *dievas* (= *dievs*), *teka* (= *tek*) u. c. Bet ja tagad veco *dievas, teka* vietā lietojam formas *dievs, tek* blakus formām *dieva, gaida,* tad tas rāda, ka tad, kad vēl runāja *dievas, teka,* formās *dieva, gaida* gala
1422₂ zilbes *a* bija vēl gaŗš, jo // citādi arī te tas būtu vēlāk zudis. Tâtad, piem., rindiņa *Laime mana gauži raud* senāk ir skanējusi: *Laimē manā gaužai raudi,* t. i., ar gaŗu patskani arī ceturtā zilbē; toreiz tikai cezūra bija obligatoriska pēc ceturtās zilbes.

Ir gan izteiktas domas, ka krievu *немец* cēlies no cilts vārda *nemetes* (101. lpp.), bet tās tik maz saskan ar fonētiku un vēsturi, ka valodnieku vairums tām nepieslienas. Nevaru būt vienis prātis ar autoru arī par *vācu* vārda celšanos no ģermāņu cilts vārda *chauci* (turpat). No *ch* nevarēja rasties baltu *v* (formas ar *chv-* nav atrodamas), un ne no *au,* ne arī no vēlāka *ō* nevarēja rasties latv. *ā vācu* vārdā, jo vecos patapinājumos no ģermāņu valodām *ō* vietā atrodam tikai *uo,* piem., *bomis* (= *buomis*) no platvācu[1] *bōm* (= *Baum*). Bez tam šie *chauci,* kâ pats autors piemin, nemaz nebija baltu kaimiņi. Vēl jāievēro, ka tautas valodā sastopama tikai daudzskaitļa ģenitīva forma *vācu,* bet neviens cits šā vārda locījums; tas rāda, ka forma *vācu* ir abstrahēta no vārda *Vāczeme,* tulkojot to par *vācu zemi.* Kâ jau citur[2] esmu pieminējis, *Vāczeme* ir saīsinājums no *Vācas zeme* un *Vāca* ir = *Vācija.* Bet, kâ radies vārds *Vāca* (= leišu *Vōķa*[3]), pagaidām

[1] [t. i., viduslejsvācu. — Red.]
[2] [Rakstā «Valodas sīkumi» — šai izdevumā II 360. — Red.]
[3] [= *Vokia* lietuvju rakstībā. — Red.]

paliek nezināms. Formas ziņā *Vāca* atgādina vārdu *Kursa* (= *Kurzeme*, tautasdziesmās) un senleišu *Prūsa* (= *Prūsija*). Prūšu vārds *sasins* «zaķis» nav rada ar latv. *zaķi* (105. lpp.), bet ar vācu *Hase* u. c. Vecais jūras vārds, ko atrodam, piem., formās: kr. *море*, latīņu *mare*, leišu *marės*[4] u. c. (105. un 109. lpp.), ir bijis pazīstams laikam arī kuršiem; sal. ezera vārdu *Tuosmare* (pie Liepājas).

Prof. Becenbergers ir tagad atteicies no domām, ka baltu tautas ne mazāk kâ 5000 gadu dzīvojušas pie Baltijas jūras Lietavā (111. lpp.), sal. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung XLIV 288; turpat tas izteic interesantas domas par baltu tautu senāko dzīves vietu. — Grieķu vārdam *madza*[5] «miežu maize» nevar būt nekāda sakara ar latv. *mieži* (112. lpp.); *madza* ir cēlies no verba saknes *mag̑-*[6] «mīcīt». *kurta* vārdu baltu tautas laikam nav tapinājušas no ģermāņiem (114. lpp.), jo to valodās tāda vārda neatrodam, bet no slaviem (senkrievu *хъртъ*). — Gŗūti gan būs tagad sameklēt filologus, kas domā, «it kâ visas valodnie-//cības parādības būtu izskaidrojamas uz indoeiropiešu valodu pamata» (49. lpp.). Vēl viena valodas druska: 47. lpp. lasām par *cobeli*, un arī citi rakstnieki retumis lieto šo tautai svešo vācu vārdu; tai vietā labāk lietot veco formu *sabelis* (*соболь*), ko atrodam XVII gadsimtenī Rēhehūzena gramatikā (Mag. XX 2, 38). Sal. arī BW 30516 var.: *sunits mans s a b u l ī t s.* — Prof. P. Šmidta kga grāmatu der iegādāt mazākais visām bibliotēkām. Bet arī mūsu publicistiem ieteicams ar to pamatīgi iepazīties, jo mūsu laikrakstos nereti sastopam greizus uzskatus par latviešu senatni. Tâ, piem., Rīgas pilsētas bibliotēkārs Bušs, kas nav ne baltu, ne ķeltu valodu pratējs, tomēr, kādu akadēmiķa Šachmatova rakstu par slavu un ķeltu sakariem[7] izlasījis, — exempla trahunt —, sācis arī Baltijā meklēt ķeltu valodu pēdas un — diletantiem tas jau viegli iespējams — domājas arī atradis daudz ķeltu valodu pēdu Baltijā. Par to tas runājis šovasar Rēvelē vēsturnieku sapulcē, un Rigasche Rundschau (Nr. 141) beidza savu referātu par to ar vārdiem: «Die gediegenen, bedeutungsvollen Ausführungen des Redners verfehlten eines nachhaltigen Eindrucks nicht». Tas ir gluži saprotams, jo

1423

---

[4] [Pirmpublicējumā: *marēs*. — Red.]

[5] [= μάζα. — Red.]

[6] [t. i., *magi-*. — Red.]

[7] [Šajā A. Šachmatova rakstā izteiktā hipotēze par ķeltiem Baltijā kritizēta J. Endzelīna rakstā «Vai Baltijā ir dzīvojuši ķelti?» — šai izdevumā II 371—374. — Red.]

Baltijas vāciešiem patlaban trūkst lietpratēju valodniecībā. Bet arī dažas latviešu avīzes atstāstīja kâ svētu patiesību šo aplamībām pilno Buša kga apcerējumu, kas cienīgs blakus stāties nesenajam «Draugu biedrības» pačalojumam par *vācu* vārda celšanos. Lieta ir tāda, ka daži latviešu avīžnieki gatavi ticēt vai visu, ko vācieši raksta par zinātnes jautājumiem; bet, ja kāds latviešu zinātnes vīrs raksta par sava aroda jautājumiem arī l a t v i e š u laikrakstos, tad visi diletanti to uzskata par sev līdzīgu un spējīgi to nokritizēt uz nebēdu; kaut ko bīties pie tam nav tiem iemesla, jo nopietns zinātņu vīrs labprāt nemēdz polemizēt ar diletantiem.

RAKSTU KRĀJUMS, RĪGAS LATVIEŠU BIEDRĪBAS ZINĪBU KOMISIJAS IZDUOTS. XVI KRĀJUMS. RĪGĀ 1912

[1913 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 51]

Krājums sākas ar prof. P. Šmidta rakstiem. Pirmais no tiem pārrunā Bīlenšteina grāmatu Die Holzbauten der Letten I. Tiek minētas dažas kļūdas Bīlenšteina grāmatā un izteiktas jaunas kombinācijas uz jaunu materiālu pamata. Tām te piespraudīšu dažas piezīmes no savas puses. Arī es esmu pārliecināts, ka *istabas* vārdu latvieši patapinājuši no krieviem, bet ne vāciešiem (kā domā Bernekers savā Slavisches etymologisches Wörterbuch 437); jo no vācu *Stube* nekâ nevarēja izcelties latv. *istaba* ar *i-*, bet tikai no senkrievu *истъба*. *Istabas* vārda forma rāda arī, ka latvieši šo vārdu patapinājuši jau, iekāms vācieši iekaŗojuši Baltiju, jo vēlāk krievu *истъба* izvēršas par *изба*[1]. 4_2

Nevaru piebiedroties prof. P. Šmidta domām, ka *Raunas* vārds cēlies no igauņu *raun* «Steinhaufen». *Raunas* upē ietek *Raunaisis* un *Raunis* (skat. Konversācijas vārdnīcu 3371); tâtad jādomā, ka par *Raunu* vispirms saukta *Raunas* upe, bet ne *Raunas* pils jeb novads. Bet upi gan laikam nesauktu par «akmeņu kaudzi». Bez tam, ja ap *Raunu* kādreiz ir dzīvojuši igauņi, tad — tik senos laikos, kad viņiem varbūt vēl nebija nemaz vārda *raun;* jo šo vārdu uzskata par patapinājumu no ģermāņu valodām, skat. Thomsen Beröringer 275 (bet tas varētu arī būt patapināts no baltu valodām, sal. latv. *krauna* «Steinhaufe»; no *kr-* igauņu valodā varēja atlikties tikai *r-*), un patapinājumi no ģermāņu valodām somu valodās ir jaunāki par patapinājumiem no baltu valodām. Tāpēc vispirms jārauga izskaidrot *Raunas* vārdu ar latviešu valodas palīdzību, un tas ir iespējams. Ulmaņa vārdnīcā atrodam vārdu *raunas laiks* «Brunstzeit der Katzen». Dažam lasītājam varbūt izliksies, ka tad jau labāk domāt par «akmeņu kaudzi». Bet tâ nu gluži nav.

[1] [Pirmpublicējumā: *исба*. — Red.]

No tās pašas saknes radies vārds *rūte* «Laufzeit der Hunde»;
43 tâtad abi šie vārdi cēlušies no saknes *rau-* // «skriet, tecēt». Persons (Beiträge zur indogermanischen Wortforschung 771) ar tiem gluži pareizi salīdzina latīņu *ruere* «stürzen, eilen», īru *ruathar* «Ansturm» un poļu *runąć* «mit Geräusch hinstürzen, fliessen, fluten» (attiecoties uz nozīmi, Persons vēl atgādina sakaru starp vācu *rennen* «skriet» un zviedru *ränna* «laufen, brünstig sein»); un leišu valodnieks Būga (РФВ LXV 321) atgādina, ka arī krievu valodā ir radniecīgs vārds (*сельдь и язь ходят руном* Даль III³ 1743). Tâtad *Rauna* īsteni apzīmē strauji tekošu upi (vācu «Sturzbach») un ir vecs latviešu vārds, kas liecina, ka latvieši jau sen dzīvo ap *Raunu.*

Seko prof. P. Šmidta vārdu «izvilkumi» no Elversa un Langes vārdnīcām, kas valodniekiem ir ļoti derīgi. Jo minētās vārdnīcas tagad katram vairs nav pieejamas, un bez tam tādi svešāku vārdu saraksti aiztaupa valodniekiem laiku, jo tiem nu vairs nebūs minētās vārdnīcas daudz jāšķirsta. Bez tam autors piemin arī, kādus vārdus sastop arī pie Manceļa un vēl tagad Raunā. Jāpiezīmē, ka Langes *zābagi* (22. lpp.) ir droši vien vecāki kâ *zābaki,* sal. senkr. *сабогъ* (Соболевский РФВ LXV 414) un *запогъ.* — Interesanti ir vārdi *viekšts* «Wasserkolk; Ort, der nicht zufrieret» (tas laikam meklējams arī *Aiviekstes* upes vārdā, kas ziemu reti aizsalstot, mazākais augšgalā) un *vāciene,* «so nennen die Dünafahrer das Liefländische Ufer der Düna» 54. lpp. (šis vārds laikam stāv sakarā ar *vācu* vārdu, bet kâ?). — Bez tam autors sakopojis Langes vārdnīcā atrodamās etnografiskas ziņas, parunas un tautasdziesmas.

Krājuma lielāko daļu ieņem K. Pētersona etnografiskais apraksts par «latviešu kāzām», kas pamatots sevišķi uz paša autora pētījumiem un novērojumiem Lejaskurzemē. Parašu aprakstam pievienots arī liels vairums tautasdziesmu. Tās nu gan nav viscauri izlokšņu formās uzrakstītas, bet tomēr valodniekiem sniedz daudz jauna un interesanta materiāla. Tâ jāatzīmē ar atzinību, ka autors svešākos vārdos apzīmējis arī intonāciju un garumu un (skat. 67. lpp.) kaut ko pārgrozīt «sargājies kâ no grēka». Interesantas ir Rucavas formas *atdeju* 93. lpp., no **atdevju = atdevu,* un *stāju* 94. lpp., no **stāvju = stāvu;* vai nevarētu kāds Rucavas izloksnes pazinējs paziņot, kâ Rucavā saka rakstu valodas *(viņš) atdeva* un *(tu) stāvi* vietā?

Stingri zinātnisku raksturu piešķir K. Pētersona rakstam tas apstāklis, ka tas pilnīgi atturējies no nedrošiem izskaid-

rojumiem un prātojumiem. Sevišķi patīkami to atzīmēt, kad ievērojam, ka mums ir daži tādi diletanti, kas nekautrējas spriedelēt par lietām, par kuŗām tie neko nejēdz.

Nesaprotams tikai, kāpēc autors raksta 63., 66., 69. lpp. u. c. *Nice,* jo paši nīcenieki taču laikam pazīst tikai *Nicu.*

Bez mana raksta par senlatviešu «labiešiem»[2] šai krājumā vēl ievietoti J. Cīruļa papildinājumi pie raksta par «drustēniešu izloksni», kas atkal sniedz kaut ko jaunu.

---

[2] [Šai izdevumā II 355 skk. — Red.]

MAGAZIN, HERAUSGEGEBEN VON DER LETTISCH-LITERÄRISCHEN GESELLSCHAFT. ZWANZIGSTEN BANDES VIERTES STÜCK. MITAU 1913

[1913 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 79]

2₃ Krājums sākas ar māc. T. Döbnera sarakstītu īsu pārskatu par nelaiķa A. Bīlenšteina dzīvi un darbiem un māc. V. Bīlenšteina sastādītu A. Bīlenšteina drukāto darbu sarakstu; abiem šiem rakstiem ir nozīme tikai kâ pietātes izteiksmei. Seko māc. R. Auninga (tagad jau trešais) raksts par Ūsiņu, kas mēģina aizstāvēt Ūsiņa latvietību (t. i., ka šis dieviņš nav patapināts no kaimiņiem) un satur ziņas, kâ savākti autora materiāli par viņu. Šim ziņām ir sava nozīme. Bet, attiecoties uz Ūsiņa latvietību, autors mani nepārliecina par sava uzskata pareizību; ja tas 17. lpp. atsakās spriest par dieviņa vārda etimoloģiju un atzīst, ka tā ir valodnieku darīšana, tad tam vajadzēja palikt konsekventam[1], lieki nerunāt (tai pašā lapp.) par valodas likumu izņēmumiem un nebeigt savu rakstu ar agrāko domu atkārtojumu, ka Ūsiņa vārds esot rada ar kr. *Усень*, leišu *aušrà* utt.

Pēc tam māc. H. Bīlenšteins raksta, kâ cēlusies un radusies māc. G. Brašes[2] vācu-latviešu vārdnīca, un diezgan plaši (28.—47. lpp.), atstāstīdams Brašes vēstules nelaiķa A. Bīlenšteinam. Izrādās, ka šis Braše tik nepieklājīgi lādējies (lpp. 31.), ka nevaru to te atstāstīt. Bet pietiekoša iemesla par visu to rakstīt es neatrodu. Autors gan vairāk vietās dēvē
2₄ G. Braši par «Gelehrter» un «Sprachfor-//scher», bet viņa paša vēstules jau liecina, ka tam pašam par sevi nav bijis tādu domu. Latviešu prese jau 1880. g. pareizi spriedusi par Brašes vārdnīcu, ka, atskaitot tur uzņemtos jaunlaiku vārdus, tā esot tāda, kāda varējusi iznākt jau gadus 50 agrāk (t. i., ap 1830. g.). Zinātniskas nozīmes tai nav nekādas, un tāpēc arī raksts par šīs vārdnīcas rašanos ir gluži lieks.

---

[1] [Pirmpublicējumā: konzekventam. — Red.]

[2] [= Bražes. — Red.]

Māc. P. Bārents sniedz materiālus no Vidzemes baznīcu archīviem, kas var noderēt Baltijas kultūras vēsturniekiem.

R. Klaustiņš savā rakstā «par latviešu cīņām vecos laikos», kas īsteni ir vienīgais patstāvīgais pētījums visā krājumā, ar archīvu dokumentiem paskaidro tautasdziesmas, kuŗās runa par «tēvu zemes» sargātājiem, kas labāk atdod savu galvu nekâ tēvu zemi. Izrādās, ka te nav runa par citu tautu uzbrukumiem, bet par gluži prozaiskām cīņām, kas radās radu un kaimiņu starpā, zemi dalot. Jāpiemin, ka T. D. kgs tautasdziesmas ne visur pareizi tulkojis. *Sirsniņ mana, paciešam, redz' brāliti nuokaujam* nevar skanēt vāciski «Mein Herz voll Leid sieht den Bruder töten». Dziedātāja te uzrunā savu sirdi (kâ Odisejs Odisejas 20. dziedājuma 18. pantā) un saka: «paciešam! (= pacietīsim!), redzu, ka manu brāli nuokauj.» *Pirmuo birzi* nav «die erste Strecke» (56. lpp.), bet «den ersten Birkenhain». *Satieku kaŗu kaŗuojam* nevar tulkot «treffe den Krieg bereits begonnen»; *kaŗš* te nozīmē: «kaŗaspēks, kaŗavīri», gluži kâ Latvju Dainu Nr. 16217 (*nebisties, liel' ciem', ka šeitan kaŗš atjās: tie nebij kaŗavīr'* utt.) u. c., un arī leišu *kārias* apzīmē arī kaŗaspēku.

Māc. T. Döbners iepazīstina ar Zinību komisijas rakstu krājumu saturu; tāds referāts var būt noderīgs citu tautu pētniekiem, kas šos krājumus ļoti maz pazīst.

Otrā rakstā tas pats autors atstāsta līdzšinējos prātojumus par *liguo* vārda pirmatnējo nozīmi. Visiem tiem prātojumiem maza nozīme, jo minētā refrēna īsto nozīmi vairs nav iespējams izdibināt. Var tikai konstatēt, ka šis refrēns eksistējis jau latviešu un leišu kopdzīves laikmetā, jo arī leišu tautas dziesmās sastopam šo pašu refrēnu viņa vecākajā formā *linguo* (latv. *līg-* ir cēlies no *ling-*), piem., Niemi un Sabaļauska izdotajās «Lietuvių dainos ir giesmės» Nr. 71 u. c. *Līgavas* vārdam tâtad nav nekāda sakara ar *līguot* (ar *līg-* no *ling-*), bet tikai ar *līgt* (kur *ī* nav cēlies no *in*, bet ir vecs, kâ // rāda leišu *lygti* «gleich werden»; un tāpēc *līgt* nav rada ar *līguot*), sal. vārda *precēt* nozīmi (no *prece*!); *līgavas* un *precību* vārds vēl liecina par seniem laikiem, kad sievas tika pirktas. Nepareizi ir tāpēc autora prātojumi par šiem vārdiem 94. lp.; derīgs ir turpretim viņa pārskats par «līgot» vārda lietošanu tautasdziesmās.

Neko jaunu nesniedz un gluži lieks ir māc. H. Grünera raksts «Kirchliche Terminologie in etymologischer Beleuchtung»; pie tam tur ir runa par dažādu valodu garīgo terminoloģiju un par latviešu vārdiem ļoti maz. Autors izlietojis dažādas grāmatas un visai dīvainā savienojumā: blakus tas

piemin, piem., jau sen novecojušos Vaničeka latīņu valodas etimoloģisko vārdnīcu, kuŗai tagad vairs nav nekādas nozīmes (tās vietu ieņem tagad Valdes vārdnīca, kuŗu autors nemaz nemin), un nesen iznākušo Möllera grāmatu «Semitisch und Indogermanisch»; pie tam tas alojas, domādams, ka Möllera uzskati par indoeiropiešu un semītu valodu savstarpējo radniecību ir «eklatant nachgewiesen». Tik tāļu zinātne nav vēl nokļuvusi. Kad redzam, ka vīrs ar akadēmisku izglītību, bet ne valodniecību studējis, tomēr domā, ka tas var spriest par valodas jautājumiem, tad ar[ī] nav daudz ko brīnīties par tiem mūsu izbijušiem «rakstniekiem», kas spriedelē par valodas jautājumiem; nezin ko Grünera mācītājs teiktu, ja mēs, valodnieki, sāktum spriest, piem., par dogmatikas jautājumiem. Visas autora nodarītās kļūdas te minēt nav vajadzības; pieminēšu tikai, ka *draudze* īsteni nav «Sammlung der draugi (Freunde) um den dwehselu draugs», bet «Genossenschaft, Gemeinschaft», no kam «Gemeinde», sal. leišu *draugē* «товарищество, общество, круг».

Tāds ir šī krājuma saturs; kad ievērojam, ka tas iznācis pēc astoņu gadu starpbrīža, tad nevaram to par bagātu saukt. Un nekas cits arī nebija gaidāms. «Latviešu draugu» biedrībai patlaban trūkst vīru, kas gribētu un varētu zinātniski strādāt. Un 1907. g. biedrības priekšniecība jau apspriedusi jautājumu, vai neslēgt biedrību, bet — pa daļai zem nelaiķa Bīlenšteina iespaida — atteikusies no tam. Bet, ja nenotiks radikālas pārmaiņas biedru sastāvā un uzskatos, tad gan laikam šī biedrība ilgi vairs nepastāvēs.

RAKSTU KRĀJUMS, RĪGAS LATVIEŠU BIEDRĪBAS ZINĪBU KOMISIJAS IZDUOTS. XVII KRĀJUMS. RĪGĀ 1914. 150 LPP.

[1914 Dzimtenes Vēstnesis Nr. 151]

Jaunais krājums sākas ar prof. P. Šmidta rakstu «Mūsu 3₄
pasakas par burvju gredzenu, kas tuop nuozagts un nuo pateicīgiem kustuoņiem atkal atpakaļ dabūts». Autors te sakopojis un salīdzinājis šo pasaku dažādos variantus Lercha-Puškaiša krājumā un atgādina līdzīgas krievu, burjatu, mongoļu, kalmiku[1], indiešu, persiešu[2], arabu[3], suomu u. c. pasakas. Šo pasaku pirmavots laikam esot meklējams tālajos austrumos (Indijā); tās «ceļuojušas nuo tautas uz tautu gan pa rakstiem, gan arī ar mutes vārdiem». Apcerējums visai ieteicams ir mācītiem folkloristiem, ir visiem tiem latviešiem, kas interesējas par tau-//tas dzeju. Tas pats autors tālāk raksta par jautājumu, 3₅
«kas ir *ģeņģi*[4] un *triki*[5] mūsu tautas dziesmās?» Dažādus dziesmu variantus salīdzinot, autors sprież, ka minētie vārdi ir tautas mutē izdarīti svešu valodu vārdu sakropļojumi.

Pēc tam seko mūsu labi pazīstamā etnografa K. Pētersona raksti: 1) Par miežvilkiem, 2) Ģērbs, 3) Rija, kulšana, apkūlas, 4) Ratu, arklu un ratiņa daļas. Tur atrodam daudz etnografiska materiāla, uz kuŗu var droši paļauties; tīri prieks redzēt, ar kādu īsti zinātnisku sajūtu autors atturas no liekas un aplamas spriedelēšanas, kurpretim mūsu dažādo diletantu rakstos tā ir galvenā lieta. Par autora un citu lietoto *Žvārdes* vārdu jāpiemin, ka šā vārda īstā latviešu forma skan *Zvārde* (ko vēl tagad dažkārt dzird no vecās paaudzes; *ž* te ir radies laikam no leišu valodas).

Krājuma pārējā daļa ir veltīta valodniecībai. J. Heniņš

---

[1] [Pirmpublicējumā: kalmuku. — Red.]
[2] [Pirmpublicējumā: perziešu. — Red.]
[3] [Pirmpublicējumā: arabiešu. — Red.]
[4] [*ģeņģis* «einer, der beim Gehen wankt; ein unartiger Junge; ein ungewandter Mensch» ME I 696. — Red.]
[5] [ME IV 235 nav rodama skaidra nozīme. — Red.]

sniedz Ulmaņa vārdnīcā trūkstošu vārdu krājumu, sevišķi no Aizupes, Dundagas un Sasmakas. To starpā nu gan ir daudz tādu vārdu (īpaši salikteņu un atvasinājumu), kas varbūt pazīstami visā Latvijā, kâ, piem., *mudinātājs, nespēks, nuorasuot, patikšana* u. c. Mülenbacha kga vārdnīcai tie tomēr var noderēt, mazākais izlaidumu novēršanai. Bet ir arī daži interesanti, citur līdz šim nepazīstami vārdi tur minēti, tâ, piem., *vicele* (Dundagā) «ein zweirädriger Wagen»; šis vārds laikam ir cēlies lībiešu mutē no senāka **dvicele* (lībiešu valoda divus līdzskaņus vārda sākumā necieta): *dvi-* nozīmē «div-» (= leišu *dvi* un latīņu *bi-*), un *-cele* ir no tās pašas saknes kâ, piem., kr. *колесо* (Rietumkurzemē esmu dzirdējis arī formas: *ducele* un *dicele*). No seno kuršu valodas laikam cēlušās formas (ar nelatvisko *n* līdzskaņu priekšā): *tvanks* «Gestank», *tvinkt* «sāpēt» u. c. Ar atzinību jāpiemin, ka autors apzīmē arī gaŗo zilbju intonācijas un sniedz vārdus veselos teikumos. Jānožēlo tikai, ka šie teikumi un vārdi ir uzrakstīti ne turienes izloksnē, bet rakstu valodā; ir tikai ļoti reti izņēmumi šai ziņā, kâ, piem., *satromles* «uztūcis» (kâ te, tâ arī vēl citos tāmnieku vārdos sastopam nelatvisku *o*, kas laikam pieder lībiešiem) 51. lpp. Atrodam ir tādas formas, kas nav iespējamas ne vietējā izloksnē, ne rakstu valodā, bet paša autora tâ veidotas, piem.: *nazgeties* 40. lpp., *nuôplogejs* 42. lpp., *plodznêties* 47. lpp. (visas no Dundagas). Dundagas izloksnē tās laikam skan: *nāzgtes, nuoploges* un (?) *plodzantes,* bet rakstu valodā skanētu: *nazguoties*[6] (jeb *nazgāties*?), *nuoplogājis*[7] jeb *nuoploguojis* un (?) *plodzināties*[8]. Jau šie paši piemēri rāda, ka ne ikreiz var gluži droši kādu izloksnes formu pārcelt rakstu valodā, un tāpēc izlokšņu formu un vārdu krājējiem vajaga viscauri vispirms uzrakstīt pašas izloksnes formas. Liekas, ka korektūra nav lasīta ar pietiekošu rūpību un ka tāpēc atstātas drukas kļūdas. Tâ, piem., 64. lpp. lasāms vārds *virkšisķis* (laikam sabojāts) «Erbsenstroh», bet teikumā tam skan datīva forma: *virkšķiem*; tai pašā lapas pusē lasām: *zęmâjs* «ein einfacher Mann» (no Sasmakas), bet teikumā atrodam tikai parasto adjektīva formu *zęmiem,* kas ir datīvs no *zęms.* Kâ tad nu šie vārdi īsti skan? Heniņa kgam derētu vēl rūpīgi izskatīt savu krājumu un nākamā Rakstu krājumā izlabot pamanītās drukas kļūdas. Vai vārdā *saldūka* (Talsos, kāds

[6] [*nazguôtiês* «sich verknoten» ME II 697. — Red.]

[7] [*nuoplogât* «sich mit einem dünnen Häutchen beziehen, bedecken» ME II 832. — Red.]

[8] [*plodzinâtiês* «die Flügel schlagen; flattern» ME III 352. — Red.]

sēnes vārds) ir tiešām gaŗš un stiepts *u* (tâpat Dundagas vārdā *vaidūkas*[9])? — Arī tiem mūsu rakstniekiem, kas cenšas rakstīt īpatnējā latviešu valodā, ļoti der iepazities ar tamlīdzīgiem vārdu krājumiem, jo tur sastopam nereti ļoti īpatnējus un zīmīgus izteicienus (un vārdus), kâ, piem., *atstāt lietas vēja vaļā* (Aizupē) 62. lpp., t. i., bez uzraudzības.

Par Heniņa kga krājumu teiktais pa daļai attiecas arī uz J. Kalniņa kga vārdu krājumu no Palsmanes, Tirzas un Druvienas (pats autors raksta: Druviene; pareizi?). Arī te atrodam frazeoloģiju, bet diemžēl arī te drukas kļūdas, kas turpmāk būtu jāizlabo. Tâ 73. lpp. minēts vārds *plìesēt* (no Druvienas) «pārmērīgi dzert»; bet piederīgajā teikumā šā verba divdabis lasāms formā *pleizējis*. Jeb 77. lpp. lasām vārdu *skràpsna* (no Druvienas) «kruveši», bet teikumā šai formai trūkst gaŗuma zīmes. Un 84. lpp. ir forma *ulans*[10] (teikuma sākumā rakstīts ar lielo *U*), bet nākošā rindiņā tam pašam vārdam jau ir forma *ūlans*; var būt, ka te no lielā *U* gaŗuma zīme ir atkritusi. Tāpēc tādos valodnieciskos rakstos der visas citējamās valodas formas arī teikuma sākumā rakstīt ar mazo burtu; nākamos Rakstu krājumos to vajadzētu ievērot. 85. lpp. lasām formu *vèjsuons* «viesulis», kas, tâ rakstīta, būtu vecajā ortografijā tâ pārceļama: wehjsons; bet, ievērojot, ka autors 77. lpp. raksta arī «skrèjs» (daudzskaitlis: *skreji*; tâtad vienskaitļa forma jāraksta bez kādas akcenta zīmes: *skrejs*[11]), nav ko šaubīties, ka minētā forma īsteni rakstāma *vèisuons* (ar divskani *ei*, bet ne ar *èj* = ehj). — Izloksnes formas te atrodam biežāki kâ Heniņa krājumā, bet tomēr ne konsekventi, tâ ka dažkārt ceļas šaubas par vārda īsto formu. Tâ, piem., 69. lpp. minēts rakstu valodas formā vārds *negals* no Druvienas; te *e* laikam rakstīts turienes *a* vietā, bet, piem., 81. lpp. atrodam īstās Druvienas formas *škatra* un *škatrs*, kas rakstu valodā skanētu *šķętra*[12] un *šķętrs;* un tâ laikam arī *tatarvāns* 83. lpp. būtu laikam rakstu valodā *tętęrvęns*[13]. Neskaidrību atrodam 77. lpp., kur sākumā atrodams vārds *skràdāt* (no Palsmanes),

---

[9] [*vaidūkas* «das Jammergeschrei, die Wehklage» ME IV 435. — Red.]

[10] [*ulans* (< *ulęns*) «apmulsis; kas sevī visu domā un gudro, citiem nekā neteikdams» EH II 712. — Red.]

[11] [*skrejs* (s. v. *skrejš* II) «undicht und nicht hoch aufgeschossen (von Getreide und Gras)» ME III 890. — Red.]

[12] [1) «eine Weidenart»; 2) «eine dünne Stange; eine Rute mit Zweigen und Blättern; eine Strohdachrute»; 3) «eine lange, hagere Frau» Druvienā ME IV 31. — Red.]

[13] [«Biestmilch, die erste Milch der Kuh; gebackene Biestmilch» ME IV 169. — Red.]

bet beigās pielikta forma «skrēdāt»[14] (pārcēlums rakstu valodā?). Tâtad arī te atkārtoju, ka vajadzīgs tādos rakstos
4_1 viscauri atstāt izlok-//snes formas negrozītas, lai novērstu pārpratumus un neskaidrības; rakstu valodas formu varētu iekavās pielikt. — Jānožēlo, ka autors nav apzīmējis intonācijas (akcentu) arī piedēkļu zilbēs. Sakņu zilbēs intonācija apzīmēta, bet tâ, ka lasītāji var tikt maldināti. Lieta ir tāda, ka autors tagad dzīvo Palsmanē, bet ir cēlies no Druvienas vai Tirzas, kur pavisam cita intonācijas sistēma kâ Palsmanē; lasītāji, kas to nezina paši, varētu pēc Kalniņa kga raksta nodomāt, ka palsmaniešiem tas pats akcents kâ Tirzā. Bet Tirzā un Druvienā ir tikai divas intonācijas: 1) kāpjošā (līdzīga apmēram rakstu valodas stieptai intonācijai, piem., vārdā *māte*), kas tur (un visā Vidzemes latviešu daļas dienvidu-austrumu stūrī un Augškurzemes kaimiņu izloksnēs) viscauri atrodama rakstu valodas lauztās intonācijas vietā, piem., vārdos *dęls, meîta, bût* u. c., un 2) krītošā intonācija, ar kuŗu tur savienojusies rietumu izlokšņu stieptā intonācija. Kāpjošo intonāciju der pārpratumu novēršanai apzīmēt ar to pašu akcenta zīmi, ar kuŗu mēs, valodnieki, apzīmējam lauzto intonāciju. Bet
4_2 Palsmanē ir visas trīs intonācijas: stieptā, krītošā un lauz-//tā, un tāpēc Kalniņa kga piezīme, ka «lauztā gaŗuma augšminētuos apviduos nelietuo», ir maldīga, cik tālu tā attiecas uz Palsmani. Lai taču Kalniņa kgs ieklausās, kâ palsmanieši izrunā vārdus: *dęls, meîta, bût, celt, kaût, sâkt* u. c. Viņa paša krājumā 87. lpp. atrodam vārdu *žulnît*[15] (no Palsmanes) ar lauztā akcenta zīmi saknes zilbē (drukas kļūda?). Palsmanes lauzto akcentu autors dažkārt laikam ir samaisījis ar krītošo; tâ, piem., vārds *miekšis* «slapjš laiks» 68. lpp. gan laikam izrunājams ne ar krītošo, bet ar lauzto intonāciju, jo no Valmieras izloksnes man pazīstams radniecīgs verbs *miekšēt*[16] ar lauztu saknes zilbi. Un, rakstīdams 68. lpp. Palsmanes verbu *mīņāt* ar krītošā akcenta zīmi, autors laikam ir bijis zem savas dzimtās (Tirzas vai Druvienas) izloksnes iespaida, jo Palsmanē gan laikam *mīņāt* izrunā tâpat ar stieptu saknes zilbi kâ Valmierā. Tāpēc uz intonācijas apzīmējumiem Palsmanes vārdos nevar droši paļauties.

---

[14] [*skrędât* 1) «platzen», 2) «dröhnen, knattern» ME III 891. — Red.]

[15] [*žulnît* 1) «mit einem stumpfen Messer schneiden»; 2) «kauen, gleichsam ohne Zähne essen, im Munde hin und her wälzen»; 3) «etwas Feuchtes, Weiches lange, ungeschickt drücken, kneten, knutschen»; 4) «lange, unnütz waschen, liederlich waschen» u. c. ME IV 831. — Red.]

[16] [*miekšêt* 1) «weich machen»; 2) «drücken»; 3) «schlagen»; 4) «umrühren» ME II 652. — Red.]

Runāju te par šiem trūkumiem, zināms, ne aiz ļaunprātības, bet gribēdams autoram palīdzēt turpmākos rakstos novērst tādus trūkumus. Viņa raksts arī tagad mums, valodniekiem, ir ļoti derīgs, jo satur daudz līdz šim nepazīstamu vārdu un izloksnes formu. Cerēsim turpmāk no viņa sagaidīt arī turienes izlokšņu aprakstu.

Apsīšu Jēkabs, kas savā dzejā devis nemirstību dažiem dzimtenes tipiem[17], tagad šai Rakstu krājumā iepazīstina zinātni ar savu dzimto Lizuma izloksni, dodams tās aprakstu un pie tam — kas ļoti labi darīts — pašā lizumiešu izloksnē. Lielo paldies[18] par to! un cerēsim nākamā Krājumā dabūt šā apraksta beigu daļu! Piespraudīšu te dažas piezīmes un jautājumus. 91. lpp. teikts, ka vārdi *stabi* un *abi* Lizumā patur savu *a*, t. i., neskan *stobi, obi*; *abi* tādā gadījumā laikam no senāka *abji,* kâ Kurzemē šur un tur vēl // runā, bet kâ no *stabi* 4_3
Lizumā skan vienskaitļa akuzātīvs un lokātīvs? — Lokātīva formas *virsuo* un *viduo* ir vecākas par rakstu valodas formām *virsū* un *vidū*. — Vai tiešām Lizumā ir galotne *-e* arī pagātnes formām *cirte, site* (96. lpp.), un, ja tâ, kâ skan šo verbu tagadnes forma?

Beidzamais raksts ir E. Brenča «Nuovēruojumi nuo alūksniešu izluoksnes», kam beigās vēl piesprausti drukas kļūdu izlabojumi. Šis raksts atkal sniedz daudz jauna un visai interesanta materiāla valodniecībai, tâ, piem., par turienes interesanto intonāciju sistēmu; ir arī pievienoti daži izloksnes paraugi. Sa-//stopami arī visai pareizi spriedumi un paskaidro- 4_4
jumi. Kas attiecas uz *ī* pāreju divskanī *ei,* tad piedēkļos Alūksnes izloksnē šādas pārejas laikam nav (neuzsvērtie piedēkļu vokāļi, kļūdami drusku īsāki par sakņu zilbju gaŗiem patskaņiem, vairs tur nav izvērtušies par diftongiem); un tāpēc Alūksnes formās: *darît, darîšu, ticîba, ticîgs, baznîca, bruolîts* u. c. laikam ir tas pats *ī* kâ rakstu valodā. Jaungulbenē Mūlenbacha kgs gan ir dzirdējis tādas formas kâ *ticieba, ticiegs* u. c., bet Gulbenē īsteni *ie* bija pārvērties par *ī*, un, kad nu gulbenieši zem rakstu valodas iespaida sāka sava *ī* vietā runāt *ie,* tie lieto dažkārt šo *ie* arī nevietā. — Alūksnes *lierceļš* laikam no *lirceļš* (caur disimilāciju no *lilceļš*), un no *lierceļš*[19] Alūksnē varēja rasties izlabots *lielceļš*; beidzamo formu gŗūti nākas par patapinājumu skaitīt. Viss šis Alūksnes izloksnes apraksts liecina par autora nenoliedzamo valodnieka talantu,

[17] [Pirmpublicējumā: tīpiem. — Red.]
[18] [Pirmpublicējumā: paldievs. — Red.]
[19] [Sal. *liērêt* 1) «spazieren», 2) «wandern, reisen» ME II 504. — Red.]

un tāpēc Zinību komisijas pienākums ir palīdzēt jaunajam darbiniekam iegūt augstskolas izglītību. <...>

Tâtad arī beidzamais Rakstu krājums ir ļoti vērtīgs izdevums. Lai tam seko drīz cits tikpat labs! Materiāla rakstiem netrūktu: vēl daudz izloksnes gandrīz pavisam nepazīstamas; tâ piemēra dēļ minēšu te visai interesantās tāmnieku un Vidzemes latviešu daļas ziemeļu-rietumu (starp Limbažiem un Lielsalaci), tad inflantiešu[20] un Augškurzemes (Neretas, Saukas, Sunākstes, Valles u. c.), Skrīveru u. c. izloksnes. Personas, kas negribētu dot pilnīgus izlokšņu aprakstus, varētu iesniegt izlokšņu formā uzrakstītas tautas dziesmas vai pasakas kâ izloksnes paraugus.

---

[20] [t. i., Latgales latviešu. — Red.]

J. LECA ĀRIEŠI-LATVIEŠI. JELGAVĀ 1914. 14 LPP.

[1914 Latvija Nr. 151]

Tērbatā man bija pazīstams students, kas savus biedrus, kad galvas jau drusku bija iereibušas, mēdza uzjautrināt ar nostāstu par seno latviešu ceļojumu pa Krieviju, kuŗa piemiņas esot atlikušās vēl dažos vietu nosaukumos (piem., *Kaukazs = kau(j) kazu, Maskava = maz kava* u. c.). Tas nu man nāk tagad prātā, kad ieskatos J. Leca kga rakstā par «āriešiem-latviešiem» (saturs «Latvijā» jau senāk ir atstāstīts). Starpība tikai tā, ka minētais studenta nostāsts bija pilns humora un nodomāts klausītāju smīdināšanai, bet J. Leca kga raksts briesmīgi nopietns un grib skaitīties par zinātnisku pētījumu. Es nezinu, kas ir J. Leca kgs, bet no viņa raksta skaidri redzams, ka tas pārrunājamā jautājumā nav speciālists (dažas zinātniskas grāmatas citējot, vēl neviens nekļūst par speciālistu). Tas, piem., vācu «Zend-Awesta» latviski raksta aplam (nevis *Zend-Av.*, bet) *Cend-Avesta.* Un viņa spriedumos neatrodu ne mazākās metodikas. Minēšu tikai dažus piemērus. Autors grib pierādīt, ka ind(ieš)i senāk dzīvojuši Latvijā, ar aizrādījumu uz māju vārdiem *Indāni, Induļi* u. c. Bet nu lieta ir tāda, ka i n d (i e š) u vārds ir cēlies tikai Āzijā. Senindiešu valodā ir vārds *sindhu* «upe»; par *sindhu* nu viņi nosauca tagadējo Indus upi, kas bija lielākā upe viņu pirmatnējā dzīves vietā. Bet viņu kaimiņu un radu — seno irāniešu (tagadējo persu u. c.) valodā *s-* vārda sākumā vokāļa priekšā pārvērties viscauri par *h-*, tâ ka arī minēto upi tie sauca nevis par *sindhu,* bet par *hindu,* un no beidzamās formas radās grieķu vārds *Indos,* no kam *Indija, indieši* utt. Tâtad nekādus *Indānus* nedrīkstam vest sakarā ar *ind(ieš)u* vārdu: senindiešu *sindh-* latviešu valodā skanētu tikai *sid-* (*ind* latviski pārvērties viscauri par *id*). — Jeb Britanijas īru tauta esot īsteni no Baltijas izceļojuši ī r ē j i[1]! Par to nopietni runāt ir gan grūti, bet tomēr pieminēšu, ka vispirms bija jāizdibina paša *īru* vārda senākā 7₁

[1] [*īrējs* «der Ruderer» ME I 837. — Red.]

forma (kuŗā nemaz nav sākumā *i*-vokāļa!), iekāms to salīdzināja ar kādu latviešu vārdu. Ar to pietiks. Pašu autoru neceru pārliecināt, arī vairāku piemēru aplamību rādīdams, jo tā jau ir tā nelaime, ka zinātniski argumenti īsti saprotami ir tikai tam, kas zināmā priekšmetā ir jau zinātniski iedziļinājies. Drīzāk varbūt palīdzēs aizrādījums, ka, tikpat nemetodiski rīkojoties, var jau jebkuŗā pasaules zemē viegli sameklēt vārdus, kas pieskan latviešu valodai vai Baltijas vietu nosaukumiem. Tâ, piem., autors kādu indiešu vārdu *Sudā* ved sakarā ar baltu cilts *«sudiņu»* vārdu; tad jau varētu, piem., spriest, ka šie «sudiņi» nokļuvuši arī Afrikā, jo tur atrodam *Sudanas* zemi utt. — Būtu taču laiks reiz saprast, ka zinātniski pētījumi valodniecībā vai vēsturē bez zinātniskas speciālizglītības ir tikpat neiespējami kâ, piem., mašīnu būve bez vajadzīgām aroda zināšanām. Un tāpēc Zinību komisijai turpmāk derētu savās sapulcēs pielaist referātus par aroda jautājumiem tikai no zināmā aroda lietpratējiem. Jo tādā garā sarakstīts referāts par «āriešiem-latviešiem» tikai kaitē Zinību komisijas labai slavai un atbaida nopietnākus referātus. Biju jau iepriekš
7₂ informējis Zinību ko-//misijas priekšniecību par pārrunājamā raksta īsto dabu, un, lai gan paša autora nebija klāt un viņa raksts jau bija drukāts un sapulču dalībniekiem izdalīts, tomēr priekšniecība lika to nolasīt! Žēl ir ar[ī] tās naudas, kas izdota šā raksta nodrukāšanai! Izdevusi to kāda līdz šim pavisam nedzirdēta «latviešu etnografiskā biedrība». Ja jau ir personas, kas grib ar naudu pabalstīt zinātniskus mērķus, tie labāki darītu, savu naudu veltīdami Zinību komisijas Rakstu krājumu izdošanai, jo pašai Zinību komisijai atliekot maz naudas šo Krājumu izdošanai. Un taču šie Krājumi beidzamos gados satur daudz vērtīgu pētījumu un materiālu.

ОТЗЫВ О МЕДАЛЬНОМ СОЧИНЕНИИ НА ТЕМУ: «ОЧЕРК ИСТОРИИ ПЛАВНЫХ И НОСОВЫХ СОГЛАСНЫХ В САНСКРИТЕ, ГРЕЧЕСКОМ, ЛАТИНСКОМ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ», ПОД ДЕВИЗОМ: «PER ANGUSTA AD AUGUSTA»[1]

[1914 Записки имп. Харьковского университета I 7—10]

Работа, поданная под девизом «Per angusta ad augusta», заключает в себе 312 страниц в четвертку, довольно разгонистого письма. Вкратце определив условия произношения для плавных и носовых согласных, автор приступает к обзору носовых согласных, начиная при этом с индоевропейского праязыка, а потом, во второй части, подобным же образом рассматривает судьбу плавных согласных. Явления, которые совершенно выяснены или относительно которых выработался известный «consensus gentium», автор излагает по новейшим и лучшим грамматикам, а в спорных вопросах прибегает, разумеется, также к журнальным статьям и монографиям. В области носовых звуков таким спорным вопросом является главным образом судьба праиндоевр. сочетаний *ĭn/m* и *ŭn/m* перед согласными в праславянском. Подробно излагая этот вопрос, автор останавливается на взглядах Бругмана, Лоренца, Микколы, Педерсена и Вондрака и отдает преимущество теории Лоренца, хотя и признает, что пока она еще сопряжена с некоторыми затруднениями. Следовало подробнее изучать также вопросы об отношении греческого, германского и славяно-балтийского *-n* к арийскому и италийскому *-m*, о числе носовых согласных в индоевропейском праязыке и о судьбе сочетания *ln* в греческом. Но так как относительно этих вопросов господствующее мнение, представленное сравнительной грамматикой Бругмана, оспаривалось лишь весьма немногими учеными, то автор, вероятно, считал эти вопросы уже совершенно выясненными. Кроме того, надо 7

[1] [Autors — vēlākais ievērojamais gruzīnu valodnieks G. Achvlediani. — Red.]

отметить, что книга французского лингвиста R. Gauthiot (La fin de mot en indo-européen), в которой вопросу об отношении *-n* к *-m* посвящена почти целая глава, вышла только в 1913 году и поэтому не могла еще быть известна нашему автору. — В области плавных согласных подробнее излагается прежде всего вопрос о числе плавных согласных в индоевропейском праязыке и связанный с ним вопрос
8 о судьбе сочетания *l* с зубным согласным в санскрите; // тут разбираются взгляды Фортунатова, Бехтеля, Иог. Шмидта, Бартоломэ и Вакернагеля, причем автор склонен примкнуть скорее всего к теории Фортунатова. Вторым крупным вопросом тут является судьба сочетаний гласного с плавным перед согласными в славянских языках. Критически рассматривая мнения Лавровского, Колосова, Потебни, Гейтлера, Иог. Шмидта, Миклошича, Ягича, Фортунатова, Шахматова, Торбиернссона, Зубатого, Микколы, Вондрака, Педерсена, Сольмсена, Кульбакина и дающего этот отзыв, автор и тут ближе всего примыкает к учению Фортунатова. — Литературой предмета автор в общем пользовался в достаточной мере. Есть, правда, в этом отношении некоторые пробелы. Из общих пособий автором упущены из виду: Leskien Grammatik der altbulgarischen Sprache и Lindsay Die lateinische Sprache; при разборе вопроса о судьбе *-mn-* опущены J. Schmidt Kritik 87 слл. и Bezzenberger GGA за 1896 г., стр. 963 слл., далее, относительно вопроса о *-ml-* в латинском Persson Beitr. I 5, относительно вопроса о слав. *-ǫ, -ę* Brückner KZ XLIII 369 ff., относительно вопроса о трояком *l* в латинском Seelmann Die Aussprache des Lateinischen и Herbig Glotta V 249 сл. и, наконец, относительно вопроса о судьбе сочетания гласного с плавным перед согласным — v. d. Osten-Sacken AfslPh. XXXIII 1 слл. и Rozwadowski RSl. V 37 слл. Следует, однако, заметить, что только что упомянутые книги отчасти или не имеются в университетской библиотеке, или же вышли лишь недавно, так что автор и не мог их знать; а если это вычесть, то пробелы, остающиеся у нашего автора, нисколько не больше тех, какие встречаются иногда даже в трудах ученых языковедов. — Передаются чужие мысли по большей части точно и ясно, но изредка попадаются и неточности и погрешности. Так, во-первых, кое-где встречаются глухие ссылки: указан лишь том журнала без обозначения страницы. Далее, на стр. 90 ошибочно приписывается Лоренцу мнение, будто *iñ, uñ* в славянском изменились в *i, u*, тогда как в действительности Лоренц держится как раз противоположного

мнения, которое и приводится потом самим автором на стр. 97, а на стр. 198 и 199 говорится, будто в латинском палатальное *l* произносилось «перед» *ll*, вместо того чтобы сказать, что *ll* произносилось палатально. Или на стр. 223 читаем неточное выражение, будто «*l* epentheticum» теперь отсутствует в западнославянском и в новоболгарском (подобно этому и на стр. 77). А выражение «плавный перед гласным в *fort*» (стр. 277) — уже простой lapsus calami; и также и неправильное выражение «восходящая краткость» по отношению к срб. *гӯ'ба*[2] — вероятно, // продукт смешения 9
понятий «восходящая долгота (в праславянском)» и «нисходящая краткость (в сербском)». Неправилен также термин «восходящая интонация» как перевод нем. «Schleifton» по отношению к индоевропейскому праязыку. — Изложение обыкновенно отличается ясностью, и примером совершенно неясной мысли является, пожалуй, только совсем неудачная попытка объяснить (на стр. 160) сохранение *l* в скр. *galdā*.

К своим источникам автор в общем старается относиться критически, и студенту не буду ставить в упрек, что он без всякой оговорки присоединяется (на стр. 74) к учению Педерсена, будто *-rm-* в славянском изменилось в *-rv-* в положении перед или за слогом с начальным носовым согласным (на стр. 293 сл.), к учению Шахматова, будто р. *мóлодость* — новообразование вместо **молдость* или будто *горн-* в р. *горностай* — из общеслав. *gorn*, — далее (на стр. 266), к распространенному, но неосновательному мнению, будто долгие гласные в положении перед тавтосиллабическими плавными и носовыми сократились еще в славяно-балтийскую эпоху, к мнению Вондрака (на стр. 303), будто полаб. *-tort-* — из *-torot-* (на стр. 192), к гипотезе, будто гр. диал. τῆνθον получилось первоначально путем диссимиляции после префиксов, заключающих в себе ϱ (на стр. 172 сл.), к гипотезе, по которой скр. *aṭavī-* «лес», лат. *saltus* и нем. *Wald* — слова одного и того же корня, или (на стр. 82) что старое *-om* в славянском под ударением изменилось в *-o*, а после ударения — в *-ъ*, или (на стр. 83) что старое *-ān* в славянском перешло в *-ъ*; то же самое следует сказать о сопоставлении (на стр. 24) скр. *Indras* с греч. ἀνήρ и о предположении, будто в праслав. **orǫ* из **orjǫ* нет переста-

---

[2] [Burts *ӯ* šai vārdā apzīmē serbu fonētiskās rakstības *y* ar diviem gravjiem, t. i., īsu, uzsvērtu, krītoši intonētu *y*. — Red.]

новки *or-* вследствие того, что говорили не *or-jǫ*, но *o-rjǫ* (на стр. 234). Сюда же я отношу также написания вроде лит. *pìlnas* (на стр. 117) при лит. *kùlti* (стр. 153) (следовало писать в обоих случаях или ˋ, или же ´); тому подобные явления встречаются нередко также в трудах ученых языковедов.

К своей задаче автор в общем отнесся весьма добросовестно, и, помимо уже вышеупомянутого, могу еще указать лишь на следующие погрешности: на стр. 202 неправильно говорится, что *ŗ, ļ* в латинском дали *ro, lo* (вм. *or, ol*); приводятся несуществующие формы δαγκάνω (вм. δάκνω) на стр. 22 и πλεύω (sic!) вм. πλέω на стр. 217, далее попадаются — и это обычное явление среди наших студентов — греческие формы без знаков ударения, но зато с точкой над ι.

Но очень возможно, что такого рода погрешности допущены не самим автором, но переписчиком рукописи. В ней именно встречаем // два почерка, — по-видимому, почерк автора, который находим в поправках и дополнениях, и почерк переписчика, которому принадлежит вся главная часть. Поэтому не знаю также, можно ли самого автора обвинять в неправильном правописании слов[3]: мн*е*ніе стр. 32, сожал*е*ніе стр. 266, нем. etimol(ogisch) стр. 114. Что действительно некоторые погрешности падают на ответственность переписчика, показывает нам ошибочное «Виндит» (стр. 154) вм. «Виндиш» (Windisch). Ради полноты своего отзыва отмечу еще неправильные выражения: «допущение Фортунатова трех плавных» (стр. 141) и «слова*кс*кий» (стр. 228) вм. «словацкий».

Вот и все недостатки работы, которые я нашел. При оценке их надо считаться с намеком автора (стр. 1) на «исключительно неблагоприятные условия», мешавшие ему успешно работать. Тем не менее автор внимательно и добросовестно изучил почти всю литературу предмета, вполне удовлетворительно передает чужие взгляды и по большей части — насколько это возможно студенту — критически относится к чужим мнениям. Таким образом, он во всяком случае доказал свою способность работать на научном поприще, и ввиду всего этого я решаюсь ходатайствовать пред историко-филологическим факультетом о присуждении нашему автору золотой медали.

---

[3] [t. i., pēc tā laika pareizrakstības prasībām. — Red.]

INDOGERMANISCHES JAHRBUCH. IM AUFTRAG DER INDOG. GESELLSCHAFT HERAUSGEGEBEN VON ALBERT THUMB UND WILHELM STREITBERG. I. BAND, JAHRGANG 1913

STRASSBURG, KARL J. TRÜBNER, 1914. GR. 8°, 260

[1914 РФВ II 590—591 un atsevišķā novilkumā]

Как видно из заглавия, этот новый ежегодник издается 590
«Индогерманским обществом», учрежденным в прошлом году. К концу первого отчетного года это общество насчитывало в своем составе уже 234 членов, включая сюда и библиотеки: дело в том, что ежегодник общества в продажу не поступает, но рассылается только членам общества, каковыми могут быть также ученые корпорации и библиотеки. С сожалением приходится отметить, что в составе членов не находим таких выдающихся лингвистов, каковы А. Бецценбергер, А. Фик, В. Шульце и Ф. Бехтель; едва ли это объясняется отсутствием интереса к задачам общества со стороны этих ученых. Характерно и то, что в правлении общества, состоящем из 33 членов, Россия представлена лишь одним лицом (Ф. Ф. Фортунатовым).

Деятельность общества выражается пока в издании ежегодника. В недавно вышедшем I томе находим прежде всего интересно составленные рефераты А. Мейе о тохарском и Г. Рейхельта — о «северноарийском» языке, далее индоевропейскую библиографию за 1912 г., затем написанное В. Штрейтбергом приветствие А. Лескину по поводу предстоящего в 1914 г. юбилея его (в связи с этим помещен и портрет юбиляра в начале книги), некролог недавно умершего эллиниста Р. Мейстера, отчет о занятиях индоевропейской секции на съезде немецких филологов в Марбурге в 1913 г. и, наконец, отчет за первый год общества со списком членов.

Главною частью содержания является библиография. В прежние годы индоевропейская библиография давалась в приложении к журналу Indogermanische Forschungen. А там эта библиография была доведена лишь до 1908 г. и затем уже прекратилась. Для некоторых (классических, германских и славянских) языков имеются особые журналы с библиографией, и поэтому относящуюся к этим языкам литературу предшествующих четырех лет можно было спокойно обойти в новом ежегоднике; для остальных же языков следовало поместить литературу также за промежуток времени с 1908 г. по 1912 г.: ведь научные труды по армянскому, албанскому, кельтским и балтийским языкам часто помещены в малодоступных изданиях, и так как количество их невелико, то библиографический отчет о них не обременил бы нового ежегодника. А между тем из этих
591 языков, оказывается, почему-то // лишь албанский язык удостоен полной библиографии, тогда как, с другой стороны, для греческого и — в меньшей мере — также для германских языков приводится отчасти также литература, появившаяся до 1912 г.

Далее, было бы правильно передать содержание малодоступных научных трудов подробнее, чем содержание работ, помещенных в общедоступных журналах вроде Indogermanische Forschungen. В новом ежегоднике, однако, часто поступали наоборот, в чем легко убедиться, если сопоставить, например, подробные рефераты по германистике и латинской и индо-иранской филологии со скудной, за немногими исключениями, библиографией для армянского, албанского, славянских и балтийских языков.

Особенно небрежно составлен отдел славяно-балтийской библиографии. Во-первых, в ней находим значительные пробелы. О неполноте славянской части легко составить себе представление, если сопоставить ее с той библиографией, которую дает польский Rocznik Slawistyczny. Поэтому отмечу тут пробелы лишь по балтийским языкам за 1912 г.: 1) латышский Rakstu krājums, т. XVI; 2) словарные материалы в латышском журнале Druva I 391 слл. и 909 сл.; 3) P. Šmidts Etnografisku rakstu krājums I; 4) Plāķis. О латышских интонациях, в журнале Domas 1148 и слл.; 5) К. Буга Литовско-русский словарчик (с ценным материалом). Кроме того, следует упомянуть, что в других отделах приводятся также отдельные этимологии из статей и книг, посвященных не специально языку данного отдела, тогда как в славяно-бал-

тийском отделе этого вовсе не сделали. А во-вторых, библиография этого отдела не свободна от опечаток, недосмотров и неточностей. Так, на стр. 187 приводится несуществующая рецензия Ст. М. Кульбакина в (не вышедшем еще!) XXXVII томе AfslPh. на второе издание церковнославянской грамматики Вондрака; а на стр. 191 «Курская губерния» переводится «Gouv. Kurland» (= Курляндия).

Остается надеяться, что впредь в Индогерманском ежегоднике будут относиться ко всем языкам одинаково внимательно.

Еще одно пожелание: было бы желательно прибавить объяснение сокращений. Нельзя ведь требовать, чтобы каждый читатель знал значение какого-нибудь JAOS, тем менее, что не все сокращения всеми употребляются одинаково: так, например, JA в Индогерманском ежегоднике обозначает Journal Asiatique, тогда как Rocznik Slawistyczny под этим же сокращением разумеет Archiv für slavische Philologie.

М. ФАСМЕР. ИССЛЕДОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ

VIII + 171. МОСКВА. 1914

[1915 ЖМНПр., новая серия LIX, октябрь, 413—422]

413 Настоящая книга является для коллег автора некоторым, и притом — по крайней мере, для рецензента — приятным, сюрпризом: тогда как прежние труды М. Р. Фасмера посвящены главным образом изучению словарных заимствований в области балканских и соприкасающихся с ними языков, теперь он нам показал, что столь же успешно может работать также в области исторической грамматики индоевропейских языков.

В предисловии автор заявляет, что претендует не на оригинальность метода, но только на его последовательность, и продолжает (подобно этому также на стр. 6): «Такой последовательности недоставало до сих пор, вследствие чего результаты, добытые по изучаемому здесь вопросу индоевропейской сравнительной грамматикой, невозможно было согласовать с результатами исторической грамматики греческого языка». В чем, однако, заключались противоречия по данному вопросу между результатами индоевропейской сравнительной грамматики, с одной стороны, и результатами исторической грамматики греческого языка, с другой стороны, сам автор потом, кажется, нигде не указывает, да и я не могу о них догадаться. А результаты, добытые автором по изученному им вопросу (о происхождении и произношении древнегреческого ζ), за исключением некоторых деталей, совершенно совпадают с результатами, добытыми уже некоторыми из его предшественников, ср. хотя бы K. Brugmann—A. Thumb Griechische Grammatik[4] 42 сл. и 127; а ведь там находим сочетание результатов, добытых и индоевропейской сравнительной грамматикой, и исторической грамматикой греческого языка.

В том же предисловии автор «не мог не упомянуть» о влиянии на него «высоконаучных курсов и личных бесед»

академика А. А. Шахматова (которому и посвящена сама книга), находя «особенно уместным» упомянуть о нем после своей полемики с этим ученым в RSl. VI 172—214, «превратно истолкованной некоторыми лицами». Неужели после чисто научной полемики необходимо делать подобные заявления?

Введение можно прочесть с интересом, но оно пригодно также для любого другого исследования по фонетике, а следующее тут за этим введением исследование совершенно понятно и без этого введения. Дело в том, что автор в этом введении излагает со-//ображения, заставляющие его в дальнейшем изложении говорить об изменениях не «фонем», но «звуков», а при этом рассматривает также некоторые другие вопросы общей фонетики, полемизируя с (не названным, однако, им) Л. В. Щербой («Русские гласные», стр. 9 и 15). 414

В 1-й главе рассматриваются прагреческие сочетания звуков, имеющие общегреческий рефлекс ζ. Что *di̯* и *gi̯* изменились в ζ, уже давно выяснено. Следует признать также, что ζ может восходить также к *zd*. Но между тем как одни (наприм., Бругман) полагают, что всякое *zd* должно было дать ζ, по мнению других (см., наприм., Solmsen IF XIII 137 сл.), к которым примыкает и наш автор, *zd* только после к р а т к о г о гласного является потом в виде ζ, тогда как после д и ф т о н г а или д о л г о г о гласного *zd* будто изменилось в δ. Последнее, однако, мне кажется сомнительным. Не знаю, правда, ни одного примера с ζ из *zd* в положении после дифтонга или долгого гласного; но это обстоятельство большого значения не имеет, так как и примеров, приводимых в пользу δ из *zd*, слишком мало. Приведенным на стр. 13 сл. трем примерам автор, правда, предпосылает слово «например», обыкновенно позволяющее думать, что есть еще и другие примеры. Но так как один из трех приведенных примеров автор сам считает сомнительным, — приводятся же обыкновенно наиболее убедительные примеры, — то имеем некоторое право полагать, что в данном случае имеем дело только с двумя примерами. Да и их я не могу признать безусловно доказательными. Это — слова αἴδομαι «стыжусь, благоговею» : гот. *aistan* «уважать» и ῥῶδιξ (у Гесихия), φλόξ («пламя»), φλυκτίς («нарыв, прыщ, пузырь»; ср. σῥῶδιξ[1] «синяк, желвак») : древневерхнен. *masar* «knorriger Auswuchs (кап) an Bäumen» (ближе по значению подходило бы

[1] О греческом же μώλωψ «синяк», которое автором тоже относится сюда, см. Persson Beitr. 674.

средневерхнен. *masel* «кровавая опухоль»). Но в корневой форме *mas-* (вместо чего автор на стр. 14 странным образом пишет *maz-*!), откуда *masar* и *masel*, *s* может считаться «детерминативом», см. Fick Vergl. Wrtb. III[4] 318 и Walde Lat. etym. Wrtb.[2] под *macula* (с литературой), а относительно гр. (σ)μῶδιξ также Prellwitz Etym. Wrtb.[2] под σμῆν и Berneker Wb. под *madežь;* такое же колебание между детерминативами
415 *-s-* и *-d-* находим, наприм., также в родственных // между собою формах лит. *mosúoti* «махать» и ла. *mādities* или *māžuoties* «шалить, коверкаться, кривляться, скоморошить», см. Berneker l. c. под *majǫ, majati* 1. Итак, μῶδιξ не может доказать изменения *zd* в *d*, так как оно может быть произведено также от корневой формы *mōd-*. Остается, значит, одно αἴδομαι. Пример этот сам по себе, конечно, убедителен, даже если считаться с тем, что *aist-* в гот. *aistan* может восходить не только к *aizd-*, но и к *aist-;* но едва ли правдоподобно правило, в пользу которого можно привести в сущности лишь один солидный пример, особенно если этот же пример допускает и иное толкование. Ведь *ais-* (общий корень как для гот. *aistan*, так и для древневерхнен. *ēra* «честь» и др.) может относиться к *aid-* (в αἴδομαι) так же, как, наприм., *ghlis-* (в древнеангл. *glisian*, средневерхнен. *glistern* и др.) к *ghlid-* (в древнеисл. *glit* «блеск» и др., см. Fick Vergl. Wrtb. III[4] 148 сл. и Persson Beitr. 794), *bhreus-* к *-bhreud-* (см. Persson l. c. 783), т. е. и тут можем иметь дело с расширением одного и того же корня посредством детерминативов *-s-* и *-d-*. Ср. также *-aus-* : *aut-* : *audh-* у Перссона l. c. 11, *bhlōs(t)-* : *bhlōt-* l. c. 800, *ghais-* : *ghait-* у Walde Lat. etym. Wrtb.[2] под *gaesum*, лит. *barzdà* : цркисл. *брада*, польск. *gizd*, чешск. *hyzd* : малор. *гид* и др.; что касается двух последних примеров, то, вероятно, прав Брюкнер, отрицающий KZ XLV 53, что *-zd-* в них восходит к *-d(h)d(h)-*: рядом, вероятно, имелись *bhars-*[2] и *bhardh-*, *gūs-* и *gūd(h)*, вследствие чего путем контаминации могли возникнуть *bharzdh-* и *gūzd(h)*. В связи с этим укажу, что автор на стр. 12 едва ли правильно возводит гр. ῥέζεα (при ῥέδεα) к *med-des-a* (где еще имеется такой суффикс *-des-*?); скорее ῥέζεα (если *-ζ-* тут из *-zd-*) возникло путем контаминации ῥέδεα с каким-нибудь другим словом. — И если бы αἴδομαι и заменило собою старое **aizdomai*, то утрата *z* может быть обусловлена не предшествующей долготой, но тем обстоя-

[2] Ср. ирл. *barr* «Schopf», древнеисл. *barr* «Büschel von Tannennadeln» и др.

тельством, что во многих формах, произведенных от этого корня, за гласным второго слога следовало *s* (так во II л. всех чисел, в инфинитиве, в αἰδέομαι, где -έομαι из **-esi̯omai,* во всех падежах существительного αἰδώς и т. д.); под влиянием форм вроде αἴδεσθαι или **αἰδέσ̯ομαι, которые могли утратить *z* перед δ путем диссимиляции, могли потом возникнуть и новообразования вроде αἴδομαι вместо **αἴσδομαι > **αἴζομαι, если дей-//ствительно греч. αἰδ- из *aizd-*. — А кроме того, было бы трудно объяснить переход *-zd-* в *-d-* только после долготы, тогда как после кратких гласных *-zd-* сохраняется; в санскрите и в латинском ведь *-zd-* после всякого гласного изменилось в *d*. Есть, правда, языковеды (наприм., Sievers PBrB XVIII 409, Weyhe ibid. XXX 56, van Helten IF XXIII 99[1], Trautmann Germ. Lautg. 33 сл., Janko IF XX 255, Fick Wrtb. III[4] 322), полагающие, что и в западногерманских языках находим утрату *z* перед рефлексом старого *dh* только после долгот (иначе на это смотрят Sarrazin BB XV 278 слл., Streitberg Urgerm. Grammatik 65, Kluge Urgermanisch[3] 122, Feist PBrB XXXII 502). Если это действительно так, то различие в судьбе *z,* наприм., в древнеангл. *meord* и *méd* «награда» обусловлено, может быть, различием в разложении слов на слоги (может быть: прагерм. **miz-dō* при **mēi̯-zdō*); в начале слова в германских языках не встречаем сочетания *zd(h)*. В греческом же встречаем *z* также в начале слова перед звонкими взрывными, так в приведенном у автора на стр. 23 ζείνυρεν· σβέννυρεν Hesych., а поэтому, кажется, оно сохранялось бы также внутри слова после долгот. 416

Во второй главе рассматривается известный факт, что звуку *i̯* или *j* других индоевропейских языков в начале слова в греческом языке соответствует то густое придыхание, то ζ, ввиду чего многие языковеды предполагают для индоевропейского праязыка кроме *i̯* еще и спирант *j* (или какой-нибудь другой звук). Об этом автор говорит на стр. 16, что «с полным правом такой прием многим ученым в новое время кажется рискованным», и в этом я с ним согласен. Также схожусь с ним (и некоторыми другими коллегами) в отрицательном отношении к попытке Зоммера (Griechische Lautstudien) объяснить, каким путем ζ- могло получиться из того же *i̯-*, откуда и густое придыхание. А затем уже автор, не видя возможности возвести и ζ-, и густое придыхание к одному и тому же *i̯-*, заключает, что ζ- получилось, между прочим, «из особого индоевропейского звука, может быть *j*,

который был отличен от индоевропейского *i̯*», и поддерживает мнение Г. Мейера и др., будто также албанский язык еще различает рефлексы старых *i̯* и *j*. Но это едва ли правильно. В албанском находим *ǵ-* в нескольких словах на месте *j-*, как в словах, унаследованных из общего праязыка (в известных нам двух примерах соответствующие формы греческого языка
417 представляют ζ), так и в // заимствованиях. А этому *ǵ-* противополагают *j-* как рефлекс праиндоевропейского *i̯-* в *ju* «вы» (других примеров не знаем!); но восходит ли ὑ- в греч. ὑμεῖς «вы» к праиндоевр. *i̯u-* или же *u-*, этого мы, в сущности, наверное не знаем, см. Brugmann Grdr. II² 2, 385. Алб. же *ju* во всяком случае не может (вопреки Г. Мейеру Etym. Wrtb. 163) считаться тожественным с лит. *jūs* и др., так как праиндоевр. *ū(s)* в албанском обыкновенно отражается в виде *-i*; оставалось бы сближать алб. *ju* относительно количества гласного с скр. *yušmán* «вас» и др. Но если принять во внимание, во-первых, что на месте *j-* в албанском во всех остальных случаях находим *ǵ-*, во-вторых, что иногда *j* в албанском вставляется между гласными, и, в-третьих, что также алб. *na* «мы» по происхождению тожественно с дат. и вин. пад. *na* из **nos* (= скр. *naḥ* «нам, нас»), то, на мой взгляд, следует признать, по крайней мере, вполне возможным отвергнутое автором мнение Педерсена KZ XXXVI 103, что алб. *ju* «вы» (тожественно по происхождению с дат. и вин. пад. *ju* и) получилось в положении после гласного из более древнего *u*; также *u* еще сохранилось в значении дат. и вин. пад. (ср. также *jap* при *ap* «даю» и Jokl Studien zur alban. Etymol. und Wortbildung 32). Сам Педерсен об этом выражается следующим образом: «*ju* ist aus *u* = ai. *vas* entstanden». Автор же на стр. 22 приписывает ему предположение, будто «алб. **u* «вы» восходит к индоевр. **us-*», и считает это «совершенно неубедительным, раз ни в одном индоевр. языке пока не засвидетельствована форма **us* для местоимения «вы», а всюду имеется форма *jus*».

Выражение Педерсена, правда, не совсем ясно или, по крайней мере, не совсем точно. Но никакого указания на происхождение *u* от индоевр. **us* в нем не усматриваю. Правильнее, кажется, понял его Brugmann Grdr. II² 2, 385, выражаясь: «alb. *ju* (mit hiatustilgendem *j-*) aus *u* = ai. *vaḥ* (Pedersen KZ XXXVI 103)»; а на стр. 408: «alb. *na, u* aus **nŏs, *u̯ŏs*». Значит, Бругман (и, вероятно, и Педерсен) полагает, что алб. *u* возникло на албанской почве (в неударяемом положении) из **va* = индоевр. **u̯os*, скр. *vaḥ;* ср. служащее

для образования известных форм страдательного залога возвратное местоимение *u-* из индоевр. **su̯o* (или **su̯e?*), см. G. Meyer Etym. Wrtb. 468, и также *uškėń* «питаю» (у Г. Мейера l. c. 459) из лат. *vesco* и *unǵit*[3] «евангелие» l. c. 457 из лат. *evangelium*. Итак, на мой взгляд, алб. *ju* «вы» в данном вопросе // ничего не доказывает. — Теперь же, 418
возвращаясь к греческому языку, и я должен признать, что не вижу никакой возможности установить, каким путем и густое придыхание, и ζ- могли бы возникнуть из одного и того же звука. Автор считал бы возможным возникновение, наприм., слова ζυγόν из **i̯ugóm* в положении после *-d* (наприм., **tod i̯ugóm*) и отказывается от мнения о происхождении ζ- из *i̯-* в sandhi после *-d* только ввиду немногочисленности прагреческих случаев с конечным *-d*. Я на эту возможность смотрю более скептически. По-моему, *di̯* могло возникать взамен старого *i̯-* только в тесных и постоянных сочетаниях с формами на *-d*, т. е. после члена и предлогов, а из предлогов на *-d* в греческом встречаем, пожалуй, только кипр. ὸ, а что касается члена, то ведь у Гомера употребление члена еще необязательно, а во время возникновения **di̯ugóm* (= лат. *jugum*) оно, вероятно, было еще совсем неизвестно[4]. — Если бы мы встречали греч. ζ в соответствие звуку *i̯* или *j* родственных языков также внутри слова, то можно было бы считать появление ζ наряду с густым придыханием обусловленным или различием в положении ударения, или положением после известных звуков. Так, автор на стр. 26 указывает, что в мадьярском *j* после *r* и между гласными изменилось в *gy*; а к этому можно прибавить, что в одном (соседнем с мадьярским) словинском говоре *j* изменилось в *ď* после звонких согласных и перед ударяемыми гласными (напр., *bìjä* «он бьет» при *piďė* «он пьет»), см. Asbóth RSl. III 202 сл. и 328. Но по отношению к гр. ζ нам эти параллели ничего не выясняют, так как сейчас знаем это ζ в соответствие родственному *i̯* или *j* только в начале слова. Итак, приходится признать возможным (но не бесспорным[5], как заключает автор), что ζ-, соответствующее звуку

---

[3] [Pirmpublicējumā: *unǵti*; labots pēc autora eksemplāra. — Red.]

[4] По аналогичной причине я считаю невероятной также мысль автора на стр. 21, будто скр. *áśru* «слеза» возникло в sandhi взамен **dáśru* (= гр. δάκρυ), ср. лит. *ašarà* «слеза». Тому подобные случаи, по-моему, скорее всего объясняются контаминацией двух различных корней, см., наприм., Walde Lat. etymol. Wrtb.[2] под *lacrima*.

[5] [Pirmpublicējumā iespiests kursīvā. — Red.]

i̯ или *j* родственных языков, восходит к особому звуку, отличному от *i̯*, давшего в греческом языке густое придыхание. В таком случае все-таки несколько странно то обстоятельство, что тот особый звук (откуда гр. ζ- = лат., балт. и т. д. *j*) встречался только в начале слова или же внутри слова также
419 в греческом // языке совпал с рефлексом старого *i̯*[6]. В связи с этим не мешает тут указать, что также в балтийских языках изредка вместо старого *j* встречаем *ǵ* (по неизвестной причине), так в ла. диал. *ǵę̨ls* BB XXIX 189[7] (с другими примерами и литературой), лит. *gẽlas* (в словаре Юшкевича 702) при ла. *ję̨ls*[8].

В третьей главе рассматривается «вопрос о ζ в общегреческом языке». Тут автор — подобно Бругману и другим — заключает, что в древнейшую эпоху ζ произносилось как *zd*, а затем уже разбирает вопрос, каким путем *di̯*, *gi̯* и *j* могли измениться в *zd*, предполагая, что эти звуки и сочетания звуков сначала совпали в *di̯*, откуда *ď*>*dź*>*źź*>*źdź*>*źď*>*zd* (вместо свистящего автор считает возможным предположить тут также соответствующий шипящий спирант).

В дальнейшем автор изучает развитие сочетания *zd* в отдельных древнегреческих говорах, причем «ионийски-аттическим говорам» посвящена 4-я глава. В них, согласно выводам автора, общегреческое *zd* под конец V века до Р. Хр. изменилось в *z*. А что в эпоху Геродота и раньше ζ еще не произносилось как *z* (или *ž*), это автор доказывает указанием на то, что в то время чужое *z* или *ž* греками «всегда»[9] передается через σ (а не ζ). Из примеров, по-моему, следовало совершенно исключить иранское имя ὀρυσάγγαι, так как предложенную для него этимологию («равняется иранск. *huvarʒanha*») считаю слишком сомнительной. Сам автор уже сообщает (см. также стр. 167), что «К. Г. Залеман (устно) сомневается в правильности этой этимологии . . ., так как, по его мнению, нельзя доказать столь значительную

---

[6] Автору, обыкновенно разбирающему также не одобряемые им гипотезы, следовало бы подвергнуть критическому разбору также мнение покойных Ф. Е. Корша и Ф. Ф. Фортунатова (см. BB XXII 181[1]), будто в греческом также внутри слова сохранилось различие между рефлексами *i̯* и *j*.

[7] [Sai izdevumā I 300 sk. — Red.]

[8] [Autora eksemplārā: Ср. также др.-испанск. *yaz* «jacet», *yogo* «jacuit», *yugo* «jugum» и др. при *joven* «juvenis», *jurar* «jurare» и др. и *yunta* при *junta* «Vereinigung».]

[9] Противоречащие этому примеры автор объясняет иначе, см. стр. 41, 46, 52 и др.

древность носового и древность гласного *∂* в иранском слове». Andreas же (см. GGN за 1911 г., стр. 3) полагает даже, что в самом языке (авесты) *h* никогда не изменялось в *ŋh*[10], считая появление носового перед *h* чисто графическим недоразумением. Кроме того, ὀροσάγγαι (= εὐεργέται или σωρατοφύλακες персидского царя) — скорее // древнеперсидское (а не авестийское) слово, а уж в древнеперсидском, во всяком случае, индоевр. *s* никогда не изменялось в *ŋh*[10]. — По поводу σίδηρος «железо», которое автор на стр. 32 считает возможным возводить к удск. *zido,* он затем говорит, что «следует только найти суффикс *-r-* для точного объяснения греческого слова»; если источником гр. σίδηρος действительно является удск. *zido* (а не наоборот), то -ρος в σίδηρος могло, пожалуй, возникнуть под влиянием ἄργυρος «серебро». 420

Далее автор на основании трех примеров (Καμβύσης, Αὐτοβοισάκης, Σίρακες) на стр. 42 считает «доказанной» подстановку греческого σ на место иранск. ǰ (= *dž*) для эпохи до Ксенофонта. Но он сам допускает возможность, что Σίρακες соответствует, пожалуй, чужому *širak* и что персидские буквы, передаваемые в латинской транскрипции обычно через *ǰa* и *ǰi* (=*dža, dži*), пожалуй, имели также звуковое значение *ža* и *ži*; как же после этого можно говорить о «доказанности» подстановки греч. σ на место иранск. *dž*? Кроме того, автору, на мой взгляд, более следовало считаться с тем обстоятельством, что греки с тем или другим иранским именем ознакомились, может быть, не непосредственно, но через посредство какого-нибудь другого языка, уже, может быть, несколько изменившего звуковую форму данного имени (с этим автор считается, поскольку вижу, лишь тогда, когда греческая передача какого-нибудь имени не соответствует предположениям автора, так на стр. 39 относительно Σίρακες). Так, наприм., имя царя *Kambujiya*[11] в эламской передаче является (в транскрипции Вейссбаха) в виде *kanbuṣiia*[12], в вавилонской же — в виде *kambuziia.* Значит, гр. Καμβύσης, может быть, не отражает непосредст-

[10] Буквою *n* я тут вынужден заменить отсутствующий в типографии знак, которым обозначается велярное *n* [šai izdevumā tas apzīmēts ar *ŋ*. — Red.].

[11] Автор подобно Bartholomae — кажется, только на основании долгого υ в гр. Καμβύσης — пишет тут долгое *u* после *b*. Я же считаю такую передачу персидского подлинника ($k^a b^a u ǰ^i iy^a$) не совсем правильной, так как она возбуждает представление, будто уж в подлиннике обозначено количество гласного *u*.

[12] Ср. Weissbach Die Keilinschr. der Achämeniden, стр. XLI.

венно персидского имени. — На стр. 43 слл. автор доказывает звуковое значение *zd* для ζ греческой транскрипцией чужих слов с сочетанием *zd, žd,* на месте которого находим букву ζ. А то, что еще и после V века, когда ζ в греческих словах уже обозначало *z*, Ксенофонт и позднейшие писатели употребляют ζ
421 для передачи // как чужого *z*, так и чужого *zd*[13], автор на стр. 57 объясняет влиянием орфографической традиции. Но встречались ли все имена, где ζ передает чужое *zd,* уже у авторов эпохи, когда ζ еще имело звуковое значение *zd*? На стр. же 63 автор это же явление объясняет, — и это, кажется, уже правильнее, — школьной традицией, «благодаря которой произношение ζ = *zd*... сохранялось в школе после того, как живой язык уже давно изменил *zd* в *z*».

5-я глава посвящена ζ в «ахейских» говорах, т. е. в говорах аркадском, кипрском, лесбосском, фессалийском и памфилийском. На стр. 76 слл. автор оспаривает распространенное в науке мнение, что в кипрском говоре находим ζα, между прочим, на месте старого γα, и полагает, что тот знак кипрского силлабара, который до сих пор передавался через ζα, следует передавать через γα. Вопрос этот крайне труден, и решить его удастся, пожалуй, только после открытия нового материала. — Относительно лесбосского говора автор на стр. 100 сл. приходит к заключению, что в нем общегреческое *zd* сохранилось дольше, чем в ионийском и аттическом наречиях. «Писалось это *zd* сначала через ζ (еще в IV в. до Р. Хр.), а потом через σδ. Лесбосское δ + ι + vocalis изменилось в *dz* + vocalis, что стало писаться через ζ после того, как для общегреч. *zd* на Лесбосе установилось письменное обозначение σδ. Книжным путем слова с ζα- из δια- проникли, через посредство Гомера, в неэолийскую поэзию и стали там произноситься, под влиянием написания через ζ, как *zda-*». Но как же объяснить в таком случае то обстоятельство, что в гомеровских текстах буква ζ служит и для обозначения общегреческого *zd* (наприм., в Ζεύς), и для обозначения специально эолийского «*dz*» в «*dza-*» (согласно выводам автора) из δια- (наприм., в ζατρεφής)? А ведь гомеровские формы вроде δάσκιος (вероятно, из *ζδάσκιος) предполагают произношение ζδατρεφής уже для гомеровской эпохи. И как согласовать это с положением автора, будто эол. «*dz*» стало писаться через ζ лишь после того, как для

[13] Впоследствии *zd* передается также через σδ или ζδ, см. стр. 59 сл.

общегреч. *zd* на Лесбосе установилось правописание σδ, т. е. (согласно положению автора) начиная с IV в.?

В 6-й главе, посвященной дорическим говорам, автор приходит к заключению, что общегреч. *zd* в общедорическое время изменилось в долгое *d*, сократившееся потом в начале слова. //

В 7-й главе рассматриваются «указания алфавита по вопросу о фонетическом значении ζ», в 8-й главе — «новогреческие отражения ζ» и в 9-й главе — «латинские данные по вопросу о ζ». Содержание же 10-й (последней) главы («явления sandhi в позднейшем греческом языке») не имеет ничего общего с содержанием предшествующих глав, и поэтому лучше следовало его опубликовать в каком-нибудь другом издании; тогда можно было бы дать всей книге более точное заглавие («о древнегреческом ζ»). 422

Моим кратким рефератом далеко не исчерпано богатое содержание книги. Можно кое-где и не соглашаться с выводами автора, но тем не менее, хотя бы благодаря обилию привлеченного им фактического материала (из надписей и др.), труд его следует признать весьма полезным, — значит, и ценным.

Вполне удовлетворительна, в общем, также формальная сторона работы. Можно отметить тут следующие погрешности и опечатки: др.-северн. *þröst* на стр. 13 (следует читать: *þrǫstr*; автор тут, вероятно, доверился Prellwitz'y Etym. Wrtb.[2] 438, где под στρουθός находим ту же ошибку); οἶκον ποτε на стр. 30 (вместо οἰκόν ποτε); под осетинск. предлогом *aer* (на стр. 40) следует разуметь префикс *ær-*. — Нежелательным считаю написание (дат. падежа): Sext'y Empiric'y (на стр. 64); не назывался ведь писатель, который тут имеется в виду, Sext Empiric!

KR. BARONS UND H. WISSENDORFFS. LATWJU DAINAS

[ХР. БАРОН И Г. ВИССЕНДОРФ. ЛАТЫШСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ]

Т. I, LIV + 970, Митава, 1894; т. II, 1162, Петроград, 1903; т. III_1, 638, Петроград, 1904; т. III_2, 784, Петроград, 1906; т. III_3, 1008, Петроград, 1909; т. IV, 646, Петроград, 1910; т. V, 812, Петроград, 1915; т. VI, 192, Петроград, 1915

[1916 Изв. XXI 2, 313—319 un atsevišķā novilkumā 1—7; latviskā tulkojumā 1935 Ceļi VI 46—51]

313 (1) Не могу не обратить внимания своих русских коллег на недавно законченное издание латышских народных песен. История его изложена на латышском языке в предисловии, а на немецком языке — в конце V тома. Суть ее вкратце такова. Тогда как раньше латышские народные песни собирались и издавались некоторыми немецкими пасторами, в начале 60-х годов латышский публицист Хр. Вальдемар[1] указал, что латышам уже самим следует собирать памятники своей народной поэзии и ознакомить с ними также русскую публику. Последнему пожеланию соответствовали изданные затем сборники И. Спрогиса[2] (1868 г.) и Фр. Трейланда[3] (1873 г.), снабженные русским переводом латышских песен. Из них Фр. Трейланд также впоследствии лично и письменно побуждал своих земляков записывать народные песни, и благодаря этому с течением времени накопилось громадное количество записанных песен. За подготовку и редакцию печатного издания их безвозмездно взялся Хр. Барон (математик по образованию). Обеспечено же было издание их Г. Виссендорфом, снарядившим также экспедиции с целью собирать народные песни и собравшим таким путем 28 406 песен; I том был издан на средства самого Г. Виссен-

[1] [Krišjānis Valdemārs. — Red.]

[2] [Jānis Sproģis. — Red.]

[3] [Fricis Brīvzemnieks, īstā vārdā: Fricis Treilands. — Red.]

дорфа, остальные же томы по его ходатайству — Императорской Академией наук после соответствующего доклада академика К. Залемана. — Портреты Фр. Трейланда, Хр. Барона и Г. Виссендорфа помещены в начале V тома. //

Оказывается, что в распоряжении Хр. Барона было всего около 218 000 песен (в том числе около 18 000 раньше уже другими напечатанных); по выделении вариантов осталось еще 35 789 номеров. Варианты не опущены в издании: наиболее самостоятельные из них напечатаны (петитом) целиком, из остальных же вариантов помещены лишь те формы и обороты, которыми они отличаются от главного текста (при этом за каждым текстом условные цифры и буквы, поясненные в особом приложении к каждому тому, указывают, где и кем записана данная песня). Эти варианты представляют собою критический аппарат и ценный комментарий к основным текстам. 314 (2)

Наиболее трудным для редактора был вопрос, в каком порядке печатать отдельные песни или на какие группы разделить их. Если при этом обращать внимание только на содержание песни, то она нередко может быть отнесена к нескольким группам. Поэтому редактор решил при группировке песен руководствоваться также обстановкой, при которой пелись отдельные песни, или назначением их. При этом получились следующие главные группы: 1) о песнях и пении; 2) течение жизни человека; семейный быт и отношение родственников друг к другу (a) детский возраст, b) члены семьи и их взаимные отношения, c) сироты, d) юношеский возраст, e) брак, f) отношения замужней дочери к отцовскому дому, родителям, братьям и сестрам, g) супружество, h) старость, i) болезнь, смерть, похороны); 3) хозяйственная и промышленная деятельность человека и разные ремесла; 4) общественное положение, звание и сословие; 5) международное положение; защита родины и государства от внешних врагов (это заглавие, однако, обещает больше, чем в действительности затем дает этот отдел); 6) годовые праздники; 7) мифические песни; 8) обычаи и суеверия; 9) смесь. Кроме самих песен, в соответствующих местах помещены еще ценные сведения из различных мест о самом пении, об обычаях и обрядах при родах, на крестинах и при уходе за детьми, при сватании, на свадьбах и на похоронах, о праздновании Иванова дня, об играх и хороводах. — В VI же томе, в продажу не поступающем, помещены «facetiae et erotica».

Принцип группировки песен в зависимости от обстановки и времени их пения считаю в данном случае весьма правильным, так как при такой группировке уже само место, где помещена та или другая песня, до некоторой степени поясняет смысл и значение ее. В частностях, конечно, можно, пожалуй, кое-где и не соглашаться с редактором относительно помещения той или другой песни, и остались песни, объединенные только заглавием «смесь»; и иногда нелегко //
315 (3) найти в огромном издании ту или другую нам знакомую песню. Но все это было, пожалуй, неизбежно, какова бы ни была группировка песен. Исследователи латышской диалектологии, правда, предпочли бы группировку песен по говорам. Но такая группировка слишком увеличила бы размеры издания, и затем лишь сравнительно немного песен (главным образом из инфлянтских[4] и восточнолифляндских местностей) представляют собою чисто диалектические тексты; по большей части диалектические особенности или целиком, или частично устранены лицами, записывавшими эти песни. Кроме того, издание назначено ведь не для одних диалектологов.

В конце V тома помещена карта Латышского края с обозначением местностей, где записаны народные песни. Оказывается, что количество записанных в отдельных местах песен весьма неравномерно, и это едва ли обусловлено только неодинаковым для всех мест числом и усердием записывавших песни лиц. Особенно много песен записано в окрестностях р. Двины (в Ленневардене 6126, в Штокмансгофе 2487, в Сеццене 2772, в Зельбурге 3389, в Крейцбурге 4945) и немножко к северу от Двины в Лифляндии (в Берзоне 3081, в Эрлаа 4010, в Лубане 6039, в Зесвегене 3318). Значит, в одном Ленневарденском приходе записано больше песен (6126), чем в целом Вольмарском уезде (5439), и этому соотношению соответствует то обстоятельство, что во время диалектологических экскурсий я в Ленневардене даже не успел записать всех песен сказительниц, тогда как в приморских местах Вольмарского уезда мне лишь с трудом удалось записать немного песен. Из остальных мест следует еще отметить Нитау с 2532 п., Либьен с 2429 п., Лезерн с 2995 п., Тирзен с 2978 п., Альшванген с 2891 п., Цирау с 3228 п., Донданген с 2901 п., Кабиллен с 3836 п. и Жукст с 2006 п.

---

[4] [t. i., Latgales. — Red.]

Следует иметь в виду, что в издание «Latwju dainas» не вошли свадебные песни, записанные К. Петерсоном в западной Курляндии и изданные им в рижском «Rakstu krājums» XVI (1912 г.), зельзауские песни, изданные И. Каулинем BB XVI 323 слл., песни, помещенные Бецценбергером в его Lettische Dialekt-Studien 7 слл., песни, записанные К. Мюленбахом и мною во время диалектологических экскурсий, которые собираемся издать впоследствии в монографии о латышских говорах[5], и мариенбургские песни, помещенные Э. Бренцем в рижском Rakstu krājums XVII 103 слл.

Главная масса латышских народных песен представляет собою четверостишия (о распространении формы четверостишия среди других // народов см. G. Meyer Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde, стр. 292 слл., 332 слл. и 365 слл.). Каждый стих латышского четверостишия первоначально состоял из четырех хореев с главными ударениями на 1-м и 5-м слогах и с обязательной цезурой после второй стопы; вследствие утраты в латышском языке старых кратких гласных конечного слога теперь нередко вторая и четвертая стопы состоят только из одного слога (за которым утрачен первоначальный конечный гласный). Ср. подобный размер в финской народной поэзии. Сравнительно редко стихи состоят из своеобразных сочетаний дактилей и хореев; подробности о латышской метрике см. у Л. Берзиня Mag. XIX 4, 288 слл. — Рифма в латышской народной поэзии неупотребительна (редкие примеры у П. Шмидта Etnogr. rakstu kr. I 56), зато есть случаи аллитерации, см. Zubatý O alliteraci v písních lot. a lit. (Böhm. Sitzungsber. 1894 г., III и П. Шмидт l. c. 55 сл.). — В первой половине четверостишия часто находим в виде параллели картину из природы, как и в народной поэзии других наций, см. G. Meyer l. c. 377 слл. — Вместо четверостиший иногда находим и шестистишия и только изредка (наприм., № 4731) также восьмистишия. Все эти четверостишия и шестистишия, вместе взятые, представляют собою грандиозную лирическую эпопею крестьянского быта прошлых столетий. — Попадаются и более объемистые песни эпического (но не исторического) характера; это романсы, по содержанию (но не по форме) отчасти напоминающие литовские народные песни (параллельные относи-

316 (4)

[5] [Laikam J. Endzelīns Lettisches Lesebuch. Heidelberg 1922. Sai izdevumā III sējumā. — Red.]

тельно содержания литовские и латышские песенные тексты сопоставлены Я. Лаутенбахом: Очерки из истории литовско-латышского народного творчества, стр. 14 слл.).

Что касается древности латышских песен, то частичное сходство содержания между некоторыми литовскими и латышскими романсами, разумеется, само по себе ничего не доказывает в пользу большой древности таких песен, так как песенные мотивы подобно словам странствовали от одного народа к другому. Судить о приблизительном времени происхождения латышских народных песен можно только на основании тех воззрений и реалий, какие отражаются и встречаются в этих песнях, и отчасти также на основании их языка. Рассмотрев песни с этой точки зрения, проф. П. Шмидт пришел к заключению, что главная масса латышских песен возникла в эпоху католицизма в Прибалтийском крае, т. е. в течение XIII—XVI столетий, см. рижский Rakstu krājums XIV 101 слл. и также его Etnografisku rakstu krājums I 18 слл., 27 слл. и 128 слл. Есть, однако, также песни, возникшие несомненно позже, так, наприм., те
317 (5) (№ 31919 и др.), где // речь идет о (русском) «императоре». И содержание (и язык) весьма многих песен не дает никакого указания на время их происхождения.

Научное значение этого издания латышских песен весьма велико. Во-первых, оно важно для языковедов. В этих песнях находим немало слов, которых нет в имеющихся у нас латышских словарях. Затем, они являются обильным и наиболее надежным источником для латышского синтаксиса. При записывании сказок крайне трудно или даже невозможно поспевать за сказителем; повторяя же раньше сказанное, он часто меняет первоначальную форму предложений, а если заставить его рассказывать медленно, то вместо стройного рассказа по большей части получаются лишь отрывистые фразы. А вследствие этого записанные сказки не всегда являются верным отражением живой народной речи. Записывать же песни гораздо легче, так как их стихотворная форма мешает искажению. Благодаря требованиям размера в народных песнях нередко сохраняются такие особенности синтаксиса, которые в разговорном языке более не употребляются. Много, но значительно меньше (чем для синтаксиса) латышские народные песни дают для морфологии и фонетики, и тут ими следует пользоваться с осторожностью. Во-первых, надо отличать настоящие окончания от вставочных гласных, которые, однако, до сих пор некоторыми языко-

ведами принимались за действительные окончания. Дело в том, что в песнях, благодаря требованиям размера, краткие конечные гласные сохранялись дольше, чем в разговорном языке. Когда же в последнем окончательно исчезли старые конечные гласные, то уже, появляясь еще в песнях, они должны были казаться лишь возникшими благодаря требованиям размера вставочными гласными, а вследствие этого такие гласные потом стали употребляться безразлично, причем одни сказительницы предпочитают один вставочный гласный, другие — другой. Так, наприм., вместо обычной формы *dìevs* «бог» (из **dievas* = лит. *diẽvas*) в песнях благодаря требованиям размера часто появляется двусложная форма, чаще всего *dievis* (под влиянием имен на *-is* типа *brãlis* «брат»), но в разговорном языке формы вроде *dievis* нигде не встречаются и, вероятно, никогда и не встречались; а поэтому такое *dievis* показывает языковеду лишь то, что *dìevs* восходит к более древней двусложной форме, но ничего не говорит о качестве утраченного между *v* и *s* гласного. Ср. об этих вставочных гласных Zubatý Über die sogenannten Flickvokale des lettischen Volkslieds (Böhm. Sitzungsber. 1895 г. № XIX), Погодин ЖМНПр. CCCLII 95 слл. и Мюленбах Изв. IX 3, 239 и IF XIII 261. //

Затем, правописание издания — не по вине редактора — весьма неудовлетворительно. Более или менее последовательно обозначены количество и интонации только в песнях (напечатанных латинским шрифтом) из Витебской губернии и некоторых приходов восточной Лифляндии. Остальные же песни (напечатанные обычным в латышской письменности готическим шрифтом) были записаны без обозначения интонаций и с обозначением (да и то непоследовательным!) количества или только в окончаниях, или же только в корневом слоге. А что редактор в этом отношении не «исправлял» текстов, это совершенно правильно, так как в противном случае тексты стали бы менее надежными. Итак, теперь языковеды, пользуясь этим изданием, постоянно должны считаться с тем, что количество гласных — особенно в суффиксальных и конечных слогах — не обозначено последовательно; так, наприм., вместо *tumu* в № 10888 следует читать *tūmu* «близко», вместо *necertat* в № 12176 — *necẽrtat* «не рубите» (еще другие примеры приведены мною в рецензии на II том этого издания в журнале Austrums XX 556[6]). 318 (6)

[6] [Sai izdevumā I 675 sk. — Red.]

Далее, как указано уже выше, диалектические особенности записывавшими песни лицами устранены или целиком, или частично. А такое частичное устранение диалектических форм иногда может языковедов ввести в заблуждение. Так, наприм., в четвертом варианте песни под № 7570 var. (из восточнолатышской Леттинской волости, где старое *ie* изменилось в *i*, старое же *i* — в *ei*), в остальных случаях представляющем формы литературного языка, находим вместо обычного *dieveris* «деверь» форму *diveris*. Казалось бы, что тут имеем дело с чередованием гласных корневого слога (*ie* : *i*), а между тем едва ли подлежит сомнению, что в *diveris i* — из старого *ie* (записавшее эту песню лицо, вероятно, не знало литературной формы *dieveris* и поэтому оставило диалектическое *i* незамененным через *ie*). Еще другие такого рода примеры приведены мною в вышеупомянутой рецензии стр. 554[7]. — В других случаях находим и неправильную транскрипцию в литературный язык. Так, наприм., смягченное *ŗ* утрачено в большей части говоров, и вследствие этого находим часто *r* вместо ожидаемого *ŗ* или (реже) *ŗ* вместо правильного *r*; наприм., в вариантах под № 9809, 1 var. (из Виценгофа) и под № 10577 var. (из Гаррозена) находим форму gen. s. *puŗa* «болота»: в действительности в виценгофском и гаррозенском говорах *ŗ* утрачено и заменено через *r*, а в говорах, сохранивших *ŗ*, насколько мне известно, форма gen. s. *puŗa* неизвестна, так что следовало писать *pura* (из *purva*), как и произносят в Виценгофе и Гаррозене. //

319 (7) Опечатки исправлены (в конце отдельных томов) не все; ср. несколько примеров, указанных в моей рецензии l. c. 555[8].

В сомнительных случаях на правильное чтение часто указывают многочисленные варианты.

Важным источником Latwju dainas могут служить также для историков, этнографов и мифологов. Так, наприм., только из народных песен узнаем, что когда-то и у латышей имелись свои *«labieši»* (= «добрые» или «лучшие люди» древней Руси), ср. об этом мою статью в рижском Rakstu krājums XVI 267 слл.[9] О значении песен для историков см. также статью П. Шмидта в его Etnogr. rakstu krāj. I 73 слл. —

---

[7] [Sai izdevumā I 672 sk. — Red.]

[8] [Šai izdevumā I 674. — Red.]

[9] [Šai izdevumā II 355 skk. — Red.]

Ученым, не владеющим латышским языком, пользование этим изданием значительно облегчает подробное оглавление на русском и немецком языках, помещенное в конце V тома.

Спасибо Императорской Академии наук за издание, а Хр. Барону за самоотверженный и огромный труд редактирования этих песен!

СРПСКА КРАЉЕВСКА АКАДЕМИЈА. ПОСЕБНА ИЗДАЊА, КЊИГА XLII. ФИЛОСОФСКИ И ФИЛОЛОШКИ СПИСИ, КЊИГА 11. АКЦЕНАТСКЕ СТУДИЈЕ, КНЬ. I. Д-Р А. БЕЛИЧЬ

У БЕОГРАДУ, 1914. ЦЕНА 2 ДИНАРА. 8°. VIII + 210

[1916 РФВ LXXV 296—303 un atsevišķā novilkumā 1—8]

296 (1) Отзыв о новом труде известного сербского слависта, собственно, следовало бы дать представителям славянской филологии; но так как до сих пор в русской научной литературе, насколько мне известно, еще не отзывались о вышеупомянутой книге, а книга эта безусловно заслуживает нашего внимания, то я решился, не будучи специалистом по славянским языкам, главным образом не критиковать, но вкратце изложить содержание и главные результаты I книги «Акценатских студија».

В этой книге автор подробнее развивает и обосновывает свои мысли об акцентуации славянских прилагательных, вкратце изложенные им уже в Jужносл. фил. I 38 слл. Между тем как в литовском языке в определенных формах прилагательных находим старую акцентуацию прилагательных, в праславянском, как доказано автором, присоединение местоименной формы к прилагательному (при образовании определенных или членных прилагательных) вызвало мену или старого места ударения, или старой интонации прилагательного. Установленные автором правила этой мены таковы: если в неопределенном прилагательном ударение падало на долгий слог, то в соответствующей определенной форме находим мену интонации; если же ударение падало на краткий слог, то в соответствующей определенной форме ударение перенесено на другой слог. Мену интонации («метатонию») находим, наприм., в таких случаях, как срб. чак. *mlâdo* «молодо» : *mládō* «молодое» или р. *го́лоден* : *голо́дный, мо́лод* : (диал.) *моло́дый* и др., где праславянская нисходящая интонация неопределенного прилагательного в определенной форме заменена восходящей интонацией,

которая, однако, чем-то отличалась от старой восходящей интонации, так как при новой восходящей интонации долготы в сербском не // сократились (как при старом 297 (2)
акуте), но сохраняются (причем в штокавском наречии — по крайней мере, в части говоров — эта новая восходящая интонация впоследствии изменилась в нисходящую интонацию); и в таких случаях, как срб. чак. и шток. *stȁro* (с *ȁ* из праслав. *á*) «старо» : *stârō* «старое», словинск. *stáro* : *stârọ*, чешск. *stáro* : *staré* (с *a* из долгого циркумфлектированного *a*), каш. *mā̂lo* (= срб. *мȁло*) «мало» : *môlī* (= срб. *мâлū*) «малый» и др., где праславянская восходящая интонация неопределенного прилагательного изменилась в соответствующей определенной форме в нисходящую интонацию, причем эта новая нисходящая интонация в сербском сохраняется не только начальным слогом (как старый циркумфлекс), но и другими слогами слова.

Изменение же места ударения находим в таких случаях, как, наприм., срб. чак. *bēlő*[1] : *bélō* (> шток. *bêlō*) = р. *бело́* : *бе́лое* и др., срб. чак. *bő so* : *bosô* = р. *бо́со* : *босо́е*[2] и др., срб. чак. *dobrő* > шток. *dòbro* : шток. *dőbrō* = р. *добро́* : *до́брое* и др., срб. чак. *visokő* (> шток. *visòko*) : *visőkō* (> шток. *vìsokō*) = р. *высоко́* : *высо́кое* и др., срб. чак. *vësēl*, шток. *vëseo* : чак. *vesëlī* > шток. *vèselī* = р. *ве́сел* : *весе́лый* и др.

Итак, правильно заключает автор, только славянские неопределенные формы следует сопоставлять относительно ударения с формами родственных языков.

Есть, однако, ряд форм, которые как будто противоречат вышеизложенному. В чакавском наречии находим правильное соотношение, например, в *svêt* (= лит. *šveñtas*) : *svétī* (> шток. *свêтū*), но в штокавском рядом с *свêтū* имеется также *свѐтū* = р. *свято́й* и каш. *sv̀ątē* (с удар. на *-ē* и смягч. *v*); подобно этому находим, наприм., рядом с срб. *žîv* (при лит. *gývas*) не только срб. чак. *žívī*, но также р. *живо́й* и каш. *žëvē* (с ударением на конце). Поэтому автор полагает, что еще в славянском праязыке, наприм., при *žîvъ* имелось как *žívъjь*, так и *živъjь* с ударением на *-ъ-*. Историю этого типа прилагательных автор представляет себе следующим

[1] [Šeit un turpmāk šai rakstā *o* ar diviem akūtiem apzīmē serbu fonētiskās rakstības *o* ar diviem gravjiem, t. i., īsu, uzsvērtu, kritoši intonētu *o*. — Red.]

[2] Лит. *bãsas* (и ла. *bass*) автор на стр. 150 вслед за Брюкнером без всякого основания считает заимствованным.

образом. Праслав. *žîvъ* ввиду лит. *gývas* (из **gyvàs*) и скр. *jīvàs,* по его мнению, восходит к более древнему **žīvъ* с наконечным ударением и акутированным корнем. Это заключение я считаю безусловно правильным, хотя аргумен-
298 (3) тация // неправильна. Но сейчас не желая увлечься в сторону, я к этой аргументации вернусь несколько ниже. И вот, по мнению автора, форма *žīvъjь* с ударением на *-ъ-* возникла еще в то время, когда старое **žīvъ* с наконечным ударением еще не изменилось в *žîvъ*, и еще до переноса ударения при изменении состава слова, и потом не исчезала также после возникновения новообразования *žîvъ*. А после возникновения этого *žîvъ* уже стал действовать вышеизложенный закон об изменении интонации или места ударения при изменении состава слова, так что рядом с неопределенным *žîvъ* возникла новая определенная форма *žîvъjь,* не вытеснившая, однако, старого *žīvъjь* с ударением на *-ъ-*. Это объяснение, однако, затрудняюсь признать правдоподобным. Если старое *žīvъjь* с ударением на *-ъ-* сохранялось еще рядом с новым *žîvъ,* то это, на мой взгляд, было бы понятно лишь при том условии, если в *žīvъjь* местоимение *jь* уже успело слиться с *žîvъ* в одно нераздельное слово, а в таком случае в определенных формах прилагательных уже не могло быть никакого изменения состава слова еще после изменения старого *žīvъ* с наконечным ударением в *žîvъ*. А изменение интонации или места ударения, казалось бы, происходило именно при изменении состава слова[3] (т. е. когда к прилагательному присоединялась местоименная форма), а не в готовом, давно уже сложившемся слове. Так не будет ли естественнее считать формы типа *žīvъjь* с ударением на *-ъ-* диалектическими новообразованиями славянского праязыка, возникшими под влиянием форм типа *bősъ* : *bosъjь* (с ударением на *-ъ-*), т. е. предположить, что в *žîvъ* при образовании определенной формы диалектически под влиянием форм типа *bősъ* изменилось место ударения, а не интонация? В пользу того, что также прилагательные с праславянской восходящей интонацией корневого слога диалектически подвергались влиянию со стороны прилагательных типа *bősъ,* можно бы в таком случае привести указанные автором белор. *стары́й, малы́й* (на стр. 138), малор. *стари́й, мали́й* (на стр. 141) или каш. *сёхē* «тихий», *slabē* (с ударением на *-ē*) и др.

---

[3] [Pirmpublicējumā iespiests kursīvā. — Red.]

Возникновение же праслав. *žîvъ* вместо **žīvъ* (с наконечным ударением и акутом в корневом слоге) автор на стр. 153 объясняет[4] следующим образом (ср. также Meillet MSL XI 349). Вместо старого acc. s. fem. g. **žívǫ* (= лит. *gývą*) при // nom. s. **žīvà* возникло новообразование *žîvǫ* под влиянием соотношения, наприм., между acc. s. *krîvǫ* (= лит. *kreĩvą*) и nom. s. **krīvà* и др., ср. подобное новообразование срб. *глâву* = р. *го́лову* при лит. *gálvą*[5] (о чем см. Meillet в Сборн. Форт., стр. 195) и др.; а из форм женского рода циркумфлекс затем был перенесен также в формы мужского и среднего рода. Считаю это возможным, но мне кажется, что подобным же путем циркумфлекс мог возникнуть также в формах мужского рода. Когда-то в славянских и балтийских языках, по-видимому, имелись также прилагательные с подвижным ударением при циркумфлектированном корне (относительно балтийских форм см. мою статью KZ XLIV 51 слл.[6]). Таково, наприм., лит. *šveñtas* «святой», см. KZ XLIV 54 сл.[7], между тем как автор на стр. 149 сл. на основании срб. *свêт* и лит. *šveñtas* неправильно заключает, что это прилагательное — старое paroxytonon, хотя ему известно, что теперь уже в литовском именном склонении в nom. s. *-as* всегда лишено ударения, так что теперешнее лит. *šveñtas* нисколько не доказывает, будто эта форма искони имеет ударение на первом слоге. По той же причине автор на стр. 149, доказывая, что срб. *pûn, dûg*[8] и др. — старые paroxytona, совершенно напрасно ссылается на лит. *pìlnas* «полный», *ìlgas* «долгий» и др., т. е. на формы, показывающие только, что корень их акутирован, и больше ничего[9]. Следовало же сослаться на соответствующие латышские

299 (4)

---

[4] На стр. 154 автор считается еще и с другими, но ничем не обоснованными объяснениями.

[5] Странным образом автор, приводя лит. *gálvą* «голову» на стр. 153[1], при этом ссылается именно на Гирта (Der indogerm. Akzent), а не на Мазинга (Hauptf. d. serb.-chorw. Acc. 11 слл.), как будто у Гирта можно где-нибудь найти новый материал по балтийским языкам.

[6] [Šai izdevumā II 383 skk. — Red.]

[7] [Šai izdevumā II 387. — Red.]

[8] [Šie serbu vārdi tehnisku iemeslu dēļ šeit salikti latīņu burtiem oriģināla slavu burtu vietā. — Red.]

[9] Там же автор, доказывая, что в праслав. **čьrnъ* ударение падало на второй слог, ссылается на лит. *Kirsnà*. Но acc. s. *Kĩršną* (см. мои Слблт. эт. 31[2] [šai izdevumā II 196[53]. — Red.]) показывает, что корень этого слова циркумфлектирован, а ведь в таком случае, как известно, ударение nom. s. *Kirsnà* само по себе нисколько не доказывает старого наконечного ударения.

формы *pìlns* и *ìlgs*, длительная интонация которых ясно показывает, что это старые paroxytona. — Итак, есть основание думать, что когда-то в праславянском имелись прилагательные с подвижным ударением как при акутированном, так и при циркумфлектированном корневом слоге. Значит, могло, пожалуй, возникнуть также новообразование acc. s. masc. g. *žîvъ* (вм. *žívъ* = лит. *gývą*) под влиянием, наприм., acc. s. *svętъ* и др. ввиду того, что в некоторых падежах прилагательных *žîvъ* и *svętъ* ударение одинаково падало на окон-
300 (5) чание; ср. слав. acc. s. // *sŷnъ* при лит. *súnų* (см. об этом у автора стр. 152 сл.). Что также в праславянском в acc. s. основ мужского рода на *-o-*, по крайней мере в парадигмах с подвижным ударением, окончание всегда было лишено ударения, этого я, правда, не могу доказать, но так как в литовском именном склонении окончание acc. s. всегда лишено ударения, то считаю, по крайней мере, возможным, что сходное явление, хотя бы частично, имело место также в праславянском (так, во всяком случае, в основах на *-i* и *-u*, см. Meillet Сборн. Форт., стр. 196). Подобно этому и автор сам на стр. 153, если я его правильно понимаю, представляет себе соотношение между лит. *véidas* вм. **veidàs* (ср. nom. pl. *veidaĩ* и сохранение дифтонга *ei*) и срб. *vîd* (род. п. *vîda*; тогда как в чакавском имеем *vìd* с род. п. *vìda*); иначе на формы типа *vîd* смотрит Meillet l. c. 197 сл. Там же автор сопоставляет еще и лит. *máišas* (sic!) и *bĕgas* (sic!) с срб. *мӣjex* (род. п. *мӣjexa*) и *бӣjег* (род. п. *бӣjега*), но вместо *máišas* (как пишет еще и Бернекер Slav. etymol. Wörterb. II 47) следует писать *maĩšas* (см. мои Слблт. эт. 53[10]) = лa. *màiss* и срб. *мӣjex*, а интонация лит. *bėgas* мне (и, вероятно, и автору) неизвестна[11]; если предположить для *bėgas* акут, то относительно срб. *бӣjег*, пожалуй, не исключена также возможность, что тут имеем дело с такой метатонией, какую находим, наприм., в лит., *lõpas* при *lópyti* (см. IF XXXIII 108[12]), тогда как лит. **bĕgas* (если интонация такова) могло получить акут под влиянием глагола *bĕgu*.

Праслав. *žîvъ*, как уже указано, возникло взамен старого **žîvъ* с наконечным ударением. Существование последней формы, однако, автором (на стр. 151 сл.) неправильно доказывается ссылкой на скр. *jîvás* и лит. *gývas*. Ведь в санскрите

---

[10] [Sai izdevumā II 215. — Red.]
[11] [*bėgas* bez intonācijas zīmes arī Lkž. I² 715. — Red.]
[12] [Sai izdevumā II 516. — Red.]

находим также *pūrṇás* и *dirghás* с наконечным ударением, тогда как срб. *pȕn, dȕg*[8] и ла. *pilns, ilgs* являются старыми paroxytona, а в таком случае скр. *jivás,* конечно, не доказывает, что в праслав. **živъ* ударение первоначально падало на окончание. А лит. *gývas* дает нам указания только относительно интонации, а не места ударения, да и рядом с этим *gývas* диалектически встречается *gȳvas* (у Буги Aistiški studijai I 40). Только соответствующая латышская форма *dzîvs* своей прерывистой интонацией ясно указывает на прабалт. **gìvàs* с акутированным корнем, и на нее и следовало автору сослаться. Нельзя, правда, требовать, чтобы автор, обнаруживающий столь основательное знакомство со славянскими языками, столь же интенсивно // изучал также 301 (6)
балтийские языки (на это может не хватать времени); но зато автор должен был сознавать свое недостаточное знакомство с балтийскими языками, а не выводить без всяких оговорок заключения о балтийском ударении только на основании литовской грамматики Куршата и известной (совершенно устарелой) книги Гирта об индоевропейском ударении.

В балтийском теперь не находим при образовании определенных прилагательных ни мены интонации, ни мены места ударения, ср., наприм., лит. acc. s. *gývą* : *gývąjį* или ла. acc. s. *dzîvu* : *dzîvuo.* Что же касается лит. nom. s. *gývas* : *gyvàsis,* то уже давно указано, что в определенной форме *gyvàsis* сохранилось старое ударение, тогда как *gývas* заменило собою старую форму **gyvàs,* и под влиянием форм типа *gývas* : *gyvàsis* затем, наприм., рядом с *pìlnas* (= ла. *pîlns* и срб. *pȕn*[8]) могло возникнуть новое *pilnàsis* вместо **pìlnasis.* Было бы, правда, соблазнительно объяснять литовские дублеты вроде *gývas* : *gȳvas* (см. выше), *sìlpnas* : *sīlpnas* (у Буги I. c. 171) или acc. s. *gárdų* : *garďų* (в словаре Юшкевича 413) предположением, что когда-то рядом с неопределенными, наприм., acc. s. *gývą, sìlpną, gárdų* имелись определенные формы *gȳvąjį, sīlpnąjį, garďųjį,* подобно тому как автор на стр. 88 объясняет чешские дублеты вроде *skup* : *skoup* и др. Но такие дублеты находим также среди литовских существительных, ср., наприм., *žìrgas* «конь» : *žīrgas* (в словаре Юшкевича 438); и такие дублеты можно объяснить подвижностью ударения (наприм., nom. s. *žīrgas* вместо *žìrgas* рядом с nom. pl. *žirgaĩ* под влиянием форм вроде nom. s. *vīlkas* рядом с nom. pl. *vilkaĩ*). Но в других случаях находим также в балтийских

языках мену интонации при изменении состава слова, ср., наприм., лит. *nuõ* : *núogi, namiẽ* : *namíepi* и др. IF XXXIII 115[13], и, может быть (?), также мену места ударения в таких случаях, как gen. s. *gãlo* «конца» : *galõp(i)* «к концу» (в грамматике Куршата § 1477), но тут следует считаться с тем, что *gãlas* «конец» — старое oxytonon (ср. nom. pl. *galaĩ*), так что в *galõp,* может быть, сохранилось старое место ударения. Сюда же, вероятно, относятся славянские формы вроде *градо́-сь* (у Соболевского Лекции[4] 275, из Чудовского Нового завета), *небо́же* при *не́бо* (из старосербской рукописи у Agrell'я Zur slav. Lautlehre 5), р. *давно́* : *неда́вно, туда́* : *отту́да* и, может быть, также *у Николаевского мо́ста* (см. Agrell Intonation und Auslaut im Slavischen 99) : *у моста́* и др.

302 (7) На стр. 157 слл. автор отмечает такую же мену интонации // или места ударения также в формах gen. pl. (наприм., срб. чак. nom. s. *krȁva, brȁt, vlâs, kosȁc, ôbrūč* и др. : gen. pl. *krâv, brât, vlás, kȍsāc, obrúč* и др., словинск. nom. s. *jáma, lâs* и др. : gen. pl. *jâm, lás* и др., чешск. nom. s. *síla* и др. : gen. pl. *sil* и др., р. *во́лос* : *воло́с* и др.), в формах nom. pl. основ на *-(j)o* средн. рода (наприм., срб. чак. nom. s. *jâje, selȏ, krīlȏ, jĕlīto* и др. : nom. pl. *jája, sĕla, krīla, jelīta* и др., р. *село́* : *сёла, о́зеро* : *озёра, по́ле* : *поля́* и др., словинск. *kopíto* : *kopîta* и др.), в формах наст. времени (наприм., срб. чак. инфин. *gīnūt, pīsȁt, nosīt* и др. : II л. ед. ч. наст. вр. *gīneš, pīšeš, nȍsiš* и др.) и в таких случаях, как срб. чак. *sûh* : *súša* или *līst* : *līstje,* и заключает, что и здесь эта мена обусловлена той же причиной, т. е. изменением состава слова. Может быть, автор и прав; только для меня это уже не совсем убедительно. Если прибавление к основе другого падежного или личного окончания уже является «изменением состава слова», то, казалось бы, уже не остается никакого постоянного состава слова; а как же можно говорить об изменении состава слова только относительно gen. pl. основ муж. рода на *-o,* когда nom. s. этих основ точно так же оканчивался на *-ъ*?[14] Надеюсь, что автору в дальнейших исследованиях удастся рассеять эти мои недоумения.

Все эти мены интонации автор на стр. 165 считает специально праславянскими (а не балтийско-славянскими);

---

[13] [Sai izdevumā II 523 sk. — Red.]

[14] Об интонации род. п. множ. ч. см. теперь статью Ван-Вейка Изв. XX 3, 37 слл.

а между тем в балтийских производных именных основах на *-jā* находим такую же мену интонации, как в указанном у автора чак. *súša* при *sûh* (или р. *моло́жа* : *мо́лод* и др.), см. примеры IF XXXIII 109[15].

На стр. 66—86 рассматриваются образование и акцентуация славянских форм наст. времени, причем на стр. 86 автор приходит к любопытному выводу, что, наприм., срб. чак. инфин. *kopȁti* : III л. ед. ч. *kopā* = *žinóti* : *žìno*, т. е. что, наприм., срб. чак. *kopā* не восходит к **kopāje(t)*, но представляет собою такую же основу на *-ā*, как и лит. *žìno* «знает». — По поводу все еще высказываемого взгляда (на стр. 72), будто еще в праславянском сократилась акутированная долгота начального слога трехсложных форм (вроде **jágoda*), напомню, что этому явно противоречат старые заимствования из славянских языков, см. IF XXXIII 118[16]. //

На стр. 167 слл. автор вкратце оценивает работы своих предшественников (Педерсена, Шахматова и Кульбакина) по изучению мены славянских интонаций, а в заключение разбирает сербскую акцентуацию в склонении прилагательных. 303 (8)

Книга богата свежим материалом и новыми взглядами; в лучшей похвале она и не нуждается.

---

[15] [Sai izdevumā II 517 sk. — Red.]
[16] [Sai izdevumā II 527. — Red.]

SAĪSINĀJUMI LITERATŪRAS CITĒJUMOS

A. — skat. AfslPh.

Adolphi (Adolfijs) = Heinrich Adolphi. Erster Versuch einer kurtz verfasseten Anleitung zur lettischen Sprache. Mitau, 1685.

Afanasjevs jeb Афанасьев = A. H. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, III. M., 1869.

AfslPh. = Archiv für slavische Philologie. Herausgegeben von V. Jagić. Berlin, 1876 skk.

Agrell (Intonation und Auslaut im Slavischen) = P. S. Agrell. Intonation und Auslaut im Slavischen. Uppsala, 1913.

Agrell Zur slav. Lautlehre = S. Agrell. Zur slavischen Lautlehre. Lund, 1915.

Akielewicz = M. Akielewicz. Głosownia litewska. Poznań, 1890.

An. = Anykszczū szilėlys. Citēts pēc: Ostlitauische Texte. Mit Einleitung und Anmerkungen herausgegeben von Anton Baranowski und Hugo Weber, H. I. Weimar, 1882.

Anzeiger — skat. IFA.

Anzeiger der FUF = Finnisch-ugrische Forschungen. Anzeiger. Helsingfors, 1901 skk.

Apsīšu Jēkabs = Apsīšu Jēkabs. Lizuma izloksnes apraksts. — RKr. XVII, 1914.

Apskats = Apskats. Zinisks, literārisks, kritisks, politisks žurnāls. Rīgā 1902—1905.

Arch. = AfslPh. ?

Ārona Matīsa tdz. izd. = Āronu Matīss. Mūsu tautas dziesmas. Rīgā 1888.

māc. R. Aunings = mācītāja R. Auninga raksts par Ūsiņu Mag. XX 4. Mitau, 1913.

Austr(ums) = Austrums. Zinības un rakstniecības mēnešraksts. 1885—1906.

B. = A. Bezzenberger (BB un KZ publicējumos).

B. — skat. Bielenstein LSpr.

B. = K. Būga un arī J. Endzelīnam K. Būgas dotie materiāli.

Baltija = Baltija. Politiska dienas avīze. Pēterpilī 1916—1917.

Baranowski (Барановский) (Anykščių šilelis) = Ostlitauische Texte. Mit Einleitung und Anmerkungen herausgegeben von A. Baranowski und H. Weber, H. I. Weimar, 1882. Skat. arī An. un Vēbers.

Барановский (Бар.) Зам. = А. Барановский. Заметки о литовском языке и словаре. СПб., 1898. (= Сборн. LXV, № 9).

Bartholomae (Бартоломэ) Altiran. Wrtb. = Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.

Bartholomae (Бартоломэ) Gr(un)dr. d. iran. Phil. — skat. Gr(un)dr. d. iran. Phil.

Bartholomae (Бартоломэ) Stud. (z. idg. Sprachgesch.) = Chr. Bartholomae. Studien zur indogermanischen Sprachgeschichte, I, II. Halle, 1890, 1891.

Bartholomae (Бартоломэ) Zum altir(anischen) Wrtb. = Chr. Bartholomae. Zum altiranischen Wörterbuch. Strassburg, 1906. (= Beiheft zu IF XIX).

Бартош = Bartoš. Dialektický slovník moravský. Prag, 1906.

Dr. Basanovič = Jonas Basanavičius. [Publicējis lietuvju tautas pasakas un dainas:] Oškabalion dainos, surinktos ir išduotuos per Jonan Basanavitiun. Tylžėje, 1884; Ožkabalių dainos, I, II. Shenandoah, 1902; J. Basanaviczius. Lietuviškos pasakos, I, II. Shenandoah, 1898, 1902; J. Basanaviczius. Lietuviškos pasakos yvairios, I—IV. Chicago, 1903—1905.

BB = Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Herausgegeben von Dr. Adalbert Bezzenberger (und Dr. W. Prellwitz). Göttingen, 1877—1906.

BB XIV [latviešu valodas piemēri] — skat. Kauliņš.

Becenbergera žurnāls — skat. BB.

Becenbergers — skat. Bezzenberger.

Behagel (Gesch. d. deutschen Sprache)[3] = O. Behaghel. Geschichte der deutschen Sprache[3]. (4. izd. Strassburg, 1916).

Beiträge — skat. Bezzenberger BGLS.

Bernekers Grammatik jeb грамматика Бернекера — skat. Berneker Pr. Spr.

Berneker Pr. Spr. = Erich Berneker. Die preussische Sprache. Strassburg, 1896.

Berneker (Бернекер) W(rt)b. jeb словарь Бернекера = Erich Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913.

Bezzenberger (Becenbergers, Бецценберг) BGLS (Beitr.) = A. Bezzenberger. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache auf Grund litauischer Texte des XVI. und des XVII. Jahrhunderts. Göttingen, 1877.

Bezzenberger (Becenbergers, Бецценберг) Lett. Di.-St. (Lettische Dialekt-Studien) = A. Bezzenberger. Lettische Dialekt-Studien. Göttingen, 1885. (= Mag. XVII 2, 1—180).

Bezzenberger (Becenbergers, Бецценберг) Lit. Forsch. = A. Bezzenberger. Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntnis der Sprache und des Volkstumes der Litauer. Göttingen, 1882.

Bezzenberger (Becenbergers, Бецценберг, BzprL) Spr. d. pr. L. = A. Bezzenberger. Über die Sprache der preussischen Letten. Göttingen, 1888. (= Mag. XVIII 1—170).

BGLS — skat. Bezzenberger BGLS.

BGr. — skat. Bielenstein Grenzen.

Bielenstein (Biel., Bīl., Bīlenšteins, Биленштейн) (Die) Gr(enzen) (d(es) lett(ischen) Volksstammes) = A. Bielenstein. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert... St. Petersburg, 1892.

Bielenstein Handb. (грамматика Биленштейна) = A. Bielenstein. Handbuch der lettischen Sprache, I. Grammatik. Mitau, 1863.

Bielenstein (Bīl.) Holzb(auten) = A. Bielenstein. Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten, I, II. St. Petersburg (Petrograd), 1907, 1918.

Bielenstein (Bīlenšteins, Биленштейн, B.) LSpr. = A. Bielenstein. Die lettische Sprache, nach ihren Lauten und Formen erklärend und vergleichend dargestellt, I, II. Berlin, 1863, 1864.

грамматика Биленштейна — skat. Bielenstein Handb.

Bielenstein [vārdnīcas materiāli] = ? Bielenstein LSpr. vai Bielenstein Handb. vai vārdi, ko Bīlenšteins ierakstījis savā Ulmaņa vārdnīcas eksemplārā.

M. Bielski Polnische Chronik jeb M. Bjeļska poļu chronika = Marcin Bielski. Kronika Polska... Kraków, 1597.

BLSpr. — skat. Bielenstein LSpr.

Blt. W = Baltijas Vēstnesis (Wehstnesis). Politisks, sabiedrisks un literārisks laikraksts. Rīgā 1869—1906.

Богородицкий (Bogorodickij) Очерки = В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. 2-е изд. Казань, 1909.

Böhm. Sitzungsber. = Sitzungsberichte der königlich-böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Klasse für Philosophie, Geschichte und Philologie. Prag.

Böhtlingk und Roth (vārdnīca) = O. v. Böhtlingk und R. Roth. Sanskrit-Wörterbuch, IV. St. Petersburg, 1865.

Boisacq'a словарь = E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grêcque. Heidelberg, 1907 skk.

Bökeļa tautas dzejas psiholoģija = O. Böckel. Psychologie der deutschen Volksdichtung. 1906.

сравнит. грамматика Боппа (Francis Bops) = Fr. Bopp. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen, I—III. Berlin, 1833—1852.

Br. = Ed. Brencis.

Br. = ? K. Brugmann, A. Brückner, A. Bezzenberger.

Бр. = K. Brugmann (К. Бругман).

M. Brandiss [chronika] = M. Brandis. Chronik oder älteste Livländische Geschichte. Riga—Leipzig, 1840.

Bražes vārdn. = G. Brasche. Deutsch-lettisches Wörterbuch. Riga und Leipzig, 1880.

E. Brenča novērojumi = Ed. Brencis. Nuovēruojumi nuo alūksniešu izluoksnes. — RKr. XV, 1911; XVII, 1914.

Bretkunas = Biblia tatai eſti Wiſsas Schwentas Raſchtas Lietuwiſchkai perguldītas per Jaņa Bretkuņa Lietuwos Pleboņa. Karaliaucziuie, [1579—1590]. Skat. arī Bezzenberger BGLS.

Bretkunas Postilla = Postilla Tatai esti Trumpas ir Prastas Ischguldimas Euangeliu ... Per Jana Bretkuna ... Karaliaucziuie, 1591. Skat. arī Bezzenberger BGLS.

Bridel Gloss. = Bridel. Glossaire du patois de la Suisse romane. Lausanne, 1866.

Brockelmann Grundr. d. vergl. Gramm. d. semit. Spr. = K. Brockelmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, I, II. Berlin, 1908, 1913.

Brückner (Брюкнер) jeb Brückner Litu-slav. Stud. I = A. Brückner. Litu-slavische Studien, I. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877.

Brugmann (Бругман) Grdr. = K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. I². Strassburg, 1897; Bd. II² 1. Strassburg, 1906; Bd. II 2. Strassburg, 1892; Bd. II² 2. Strassburg, 1909—1911; Bd. II² 3. Strassburg, 1913—1916.

Brugmann (Бругман) Griech. Gramm.³ = K. Brugmann. Griechische Grammatik. 3. Aufl. München, 1900. (= I. v. Müllers Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft. Bd. II, 1. Abt.) 4. izd. skat. K. Brugmann — A. Thumb Griechische Grammatik.

Brugmann (Бругман) KVG = K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1902—1904.

сравнительная грамматика Бругмана — skat. Brugmann KVG.

Brugmann — Delbrück Grdr. = Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen von K. Brugmann und B. Delbrück, Bd. III—V. Strassburg, 1893—1900.

K. Brugmann — A. Thumb Griechische Grammatik⁴ = K. Brugmann und A. Thumb. Griechische Grammatik. München, 1913.

БСЭ² = Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 1—51. М., 1949—1958.

Buga I — skat. Būga Aist. St.

Būga (Buga, Буга, [K.] Jaunis—Būga) Aist. St. = Kasimir Būga. Aistiški studijai. Tyrinėjimai lygintinjo prūsų, latvjų ir lietuvjų kalbômoksljo srityję. I-oji dalis. Aistische Studien. Beiträge zur vergleichenden Grammatik der preussischen, litauischen und lettischen Sprache. I-er Teil. St. Petersburg, 1908.

Būga Kalbos dalykai = K. Būga. Kalbos dalykai (Quaestiones grammaticae). Kaunas, (1909) 1910.

Буга Литовско-русский словарчик = Литовско-русский словарчик к первым 20-ти литовским сказкам в издании «Lietuvių pasakos» (Vilnius, 1905), составленный К. К. Бугою, при участии И. А. Бодуэнаде-Куртенэ. Пособие для практических занятий по языкознанию и по сравнительной грамматике и для самообучения. СПб., 1912.

Būga Rinkt. r. = K. Būga. Rinktiniai raštai, I—III. Vilnius, 1958—1959.

Bull. d(e) la Soc. de ling. = Bulletin de la Société de linguistique de Paris. Paris, 1869 skk.

Bullet. d. Petersb. Akad. = Записки имп. Академии наук. СПб., 1862—1895.

Bureus [chronika] = A. Bureus. Orbis Arctoi imprimisque regni Sveciae nova et accurata descriptio. Wittenberg, 1631.

Bystrońs Neuausgabe des Katechismus v. J. 1605 (Быстронем вновь изданный катехизис 1605 г.) = Katechizm Ledesmy w przekładzie wschodniolitewskim z wydania wileńskiego z r. 1605, wydał i gramatycznym wstępem i słownikiem opatrzył dr. Jan Bystroń... Kraków, 1890.

Bütners = G. F. Bütners. Latviešu ļaužu dziesmas un ziņģes. — Mag. VIII, 1844.

BW = Kr. Baron(s) und H. Wissendorff(s). Latvju dainas. I. Jelgavā 1894; II. Pēterburgā 1903; III_1. Pēterburgā 1904; III_2. Pēterburgā 1906; III_3. Pēterburgā 1909; IV. Pēterburgā 1910; V. Petrogradā 1915; VI. Petrogradā 1915.

BzprL — skat. Bezzenberger Spr. d. pr. L.

C. (Cīrulis) = J. Cīrulis. Par drustēniešu izloksni. — RKr. XV 51—103.

Cimzes Dziesmu rota = Jānis Cimze. Dziesmu rota, 1—8. Rīgā 1872—1884 (jaunā kopotā izdevumā J. Sermūkšļa red. jauktiem koriem 1908, 1914, vīru koriem 1914).

Cīrulis — skat. C. (Cīrulis).

Compendium = K. Sapūnas. Compendium Grammaticae Lithvanicae Theophili Schultzen. Königsberg, 1673.

Чернышев Русское ударение = В. И. Чернышев. Русское ударение. Пособие по его изучению и употреблению. СПб., 1912.

Časopis Musea česk. = Časopis Musea Království Českého. Praha, 1855—1922.

D. — skat. Daukša.

Даль (Dal') = Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. М., 1863—1866. Изд. 3-е под ред. И. Бодуэна де Куртенэ. СПб., 1903 слл.

Daukantas — skat. Dowkont.

Daukša (Даукша, D.) Кат. (катехизис) = Литовский катихизис Н. Даукши. По изданию 1595 года вновь перепечатанный и снабженный объяснениями Э. Вольтером. Приложение к LIII-му тому Записок имп. Академии наук № 3. СПб. 1886. — Jeb arī: Kathechismas arba Mokslas kiekwienam krikszczionii priwalus. Paraszitas per D. Jakuba Ledesma Theologa Societatis Jesu. Iżgulditas iż Liężuwio Ląnkiszko ing Lietuwiszka per Kuniga Mikołoiu Daugsza Kánonika Zemaicziu. Iżspáustas Vilniuie, Metůsę 1595.

Daukša (Даукша) Post(ille) jeb Postilla cathol. = 1) Postilla Catholica. Tái esti Iżguldimas Evangeliu kiekwienos Nedelos ir szwentes per wissús metús. Par Kunigą Mikoloiu Dauksząs Kanonîką Médnikų, isz ięnkiszko perguldita. Su walá ir daláidimu wîreusiuių. Wilniui Drukârnioi Akadêmios Societatis Jesu, A. D. 1599; 2) «Postilla Catholica» Якуба Вуйка в литовском переводе Николая Даукши, 1599, перепечатанном под наблюдением Ф. Ф. Фортунатова Э. А. Вольтером, вып. I, II. СПб., 1904, 1909.

«Daži jautājumi» — skat. Mülenbachs.

Delbrück (Дельбрюк) — skat. Brugmann—Delbrück Grdr.

DI = Jānis Endzelīns. Darbu izlase, I. Rīgā 1971.

Dictionarium trium linguarum — skat. Szyrwid (Dict.).

Dienas Lapa = Dienas Lapa. Politiska, sabiedriska, literāriska un tautsaimnieciska dienas avīze. Rīgā 1886—1905.

Disp. jeb Disp(ositio) Imperfecti = Dispositio imperfecti ad optimum seu rudimenta grammatices lotavicae, ab imperfecto authore... cum adjuncta catechesi... suppeditata... Anno... 1732. Vilnae. Herausgegeben von Ad. Bezzenberger in: Königsberger Studien I 181—212.

DLZ = Deutsche Literaturzeitung, herausgegeben von P. Hinneberg. Berlin (Leipzig), 1879 skk.

Domas = Domas. Žurnāls literatūrai, zinātnei un sadzīvei. Rīgā 1912—1915.

Donaleitis = Christian Donalitius. Litauische Dichtungen... herausgegeben von G. H. F. Nesselmann. Königsberg, 1869.

Donaleitis (Šleichera izdevumā) jeb Schleicher Donal. = Christian Donaleitis. Litauische Dichtungen. Erste vollständige Ausgabe mit Glossar von Aug. Schleicher. St. Petersburg, 1865.

Doritsch Beiträge = Alexander Doritsch. Beiträge zur litauischen Dialektologie. Tilsit, 1911. (= Lit. Mitt. H. 31).

Dowkont Búdas Sénowięs = S. Daukantas. Budą Senowęs — Lëtuwiû Kalnienû ir Žamajtiû iszraszę. Pagal Senowęs Rasztú Jokub's Łaukys. Petropilie, 1845. (= Lit. Mitt. 1866, 238—249).

Dowkonts (Dowkont, Довконт) žem. Volkslieder = S. Daukantas. Dajnes Žiamajtiû pagal Žodiû Dajnininkû iszraszytas. Pirmasis Pédelis. Petropilie, 1846. (= Schleichers Lesebuch 28).

Довконт рукописные сочинения = 1) Lenkiškai-lietuviškas Daukanto žodynas. Mokslo draugijos rankraštis (Vilniuje); 2) Darbay senuju Lituwiu yr Žemaycziu. Daukanto rankraštis, kurio keturioliktajame puslapyje pasakyta «Raszita metuse 1822»; 3) Daukanto pasakų rinkinys. Mokslo draugijos rankraštis (Vilniuje).

из Довконта в Litauische Studien Гейтлера — skat. Geitler Lit. St(ud).

Dr. — skat. Dravnieks.

Draugija = Draugija. Literatūros, mokslo ir politikos mėnesinis laikraštis. Kaunas, 1907—1914.

«Draugu biedrības» magazīnas — skat. Mag.

Dravnieks (Dr.) = Vācu-latviešu vārdnīca. Sastādījis J. Dravnieks. Rīgā 1910.

Druva = Druva. Daiļrakstniecības, zinības un mākslas mēnešraksts. Rīgā 1912—1914.

Duburs = J. A. Dubura Latweeſchu fonetikas aſhbeze. Jelgavā 1912.

Dz. — skat. Dzismies swatas.

Dziesmu rota — skat. Cimzes Dziesmu rota.

Dzimt. Vēstnesis = Dzimtenes Vēstnesis. Politiska un literāriska avīze. Rīgā 1907—1917.

Dzismies swatas jeb Dz. = Dzismies swatas uz guda Diwa Kunga. (Infl. geistliche Lieder). Wilna, 1836.

E. = J. Endzelīns.

EH = J. Endzelīns un E. Hauzenberga. Papildinājumi un labo-

jumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai, I, II. Rīgā 1934—1938, 1946.

E I = J. Endzelīns. Latvijas vietu vārdi, I daļa. Vidzemes vārdi. Rīgā 1922.

E II = J. Endzelīns. Latvijas vietu vārdi, II daļa. Kurzemes un Latgales vārdi. Rīgā 1925.

Einhorn (Einhorns) = Paul Einhorn. Historia Lettica, Das ist Beschreibung der Lettischen Nation... Dorpt in Liefland, 1649.

Elbinger Vokabular (Эльбингский словар(ч)ик) — skat. Voc(abular).

Elger jeb Elgers Dictionarium (Elģeŗa Poļu-latīņu-latviešu vārdnīca, словарь Эльгера) = G. Elger. Dictionarium Polono-Latino-Lottavicum. Vilnae, 1683.

Elvers Liber memorialis Letticus jeb Elversa vārdnīca = Caspar Elvers. Liber memorialis letticus oder Lettisches Wörterbuch... Riga, 1748.

Enchir. (III) = Enchiridion jeb Katechismus III. [Ābela Villa tulkots 1561. g.] Königsperg, 1586. Skat. arī V šī saraksta beigās.

Энц(икл). слав. фил(ол). = Энциклопедия славянской филологии. Издание Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Под редакцией В. Ягича. СПб., 1908 skk.

Endselin (J. E.) Lett(isches) Lesebuch = J. Endselin. Lettisches Lesebuch. Grammatische und metrische Vorbemerkungen, Texte und Glossar. Heidelberg, 1922.

Эндзелин (Я. Э.) Лат(ышские) предл(оги) = И. Эндзелин. Латышские предлоги, I, II. Юрьев, 1905, 1906.

Эндзелин (J. E., Endselin) Слблт. эт. (Славяно-балт. эт.) = И. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911.

Endzelīns (J. E.) Spr. v. (Senprūšu val.) = J. Endzelīns. Senprūšu valoda. Rīgā 1943.

Etn. jeb Etnograf. ziņas par latv. = Etnografiskas ziņas par latviešiem. Dienas Lapas pielikums, I—IV. Rīgā 1891—1894.

Этногр(афическое) Обозр(ение) = Этнографическое обозрение, т. 1—112. М., 1889—1918.

Etym. Parerga — skat. Osthoff Etym. Par(erga).

Ev. = Evangelia und Episteln aus dem Deutschen in Undeutsche Sprache gebracht... Königsperg, 1587.

Евангелие 1615 г. = ?

Фаминцын (Famincyns) Божества древних славян = А. С. Фаминцын. Божества древних славян. СПб., 1884.

Фасмер = 1) М. Фасмер. Греко-славянские этюды. СПб., 1909. (= Сборн. LXXXVI); 2) М. Фасмер. Исследование в области древнегреческой фонетики. М., 1914.

FBB — skat. Thomsen Ber(öringer).

FBR = Filologu biedrības raksti, I—XX. Rīgā 1921—1940.

Festgruss (an O. v.) Böhtlingk = Festgruss an Otto von Boehtlingk zum Doktor-Jubiläum 3. Febr. 1888 von seinen Freunden. Stuttgart, 1888.

Fick (Фик) (Wrtb.) jeb Vergl. Wörterb. = A. Fick. Wörterbuch der indogermanischen Grundsprache, I—IV. Göttingen, 1874—1876.

4. Auflage: Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, I—III. Göttingen, 1890—1909.

Филол. Зап. = Филологические записки. Воронеж, 1860 skk.

Finck Ueb. d. verh. d. balt.-slav. nominalacc. zum urindogerm. = F. N. Finck. Ueber das Verhältnis des balto-slavischen Nominalaccents zum Urindogermanischen. Marburg, 1895.

Finnisch-ugrische Forschungen (FUF) = Finnisch-ugrische Forschungen, herausgegeben von E. N. Setälä und K. Krohn. Helsingfors, 1901 skk.

Флоринский Лекции = Т. Д. Флоринский. Лекции по славянскому языкознанию, I, II. Киев, 1895, 1897.

Фортунатов (Fortunatov, Fortunatovs) par baltu val. akcentu un leišu gramatiku = ? 1) F. Fortunatov. Zur vergleichenden Betonungslehre der litoslavischen Sprachen. — AfslPh. IV, 1880; 2) Ф. Ф. Фортунатов. Об ударении и долготе в балтийских языках. — РФВ XXXIII, 1895.

Фортунатов (Fortunatov) (Критический) Разбор = Ф. Ф. Фортунатов. Критический разбор сочинения профессора имп. Варшавского университета Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», I, II (Варшава, 1891—1895). СПб., 1897.

Fortunatov (Фортунатов) Отчет... = Ф. Ф. Фортунатов. — Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук за 1911 год. СПб., 1912.

Фортунатов Состав Остром(ирова) Евангелия = Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова евангелия. — Сборн. Лам. II.

Frommann Deutsche Mundarten = Die deutschen Mundarten. Zeitschrift. Herausgegeben von J. A. Pangkofer und G. K. Frommann (1854—1859, 1877).

FUF — skat. Finnisch-ugrische Forschungen.

Füreccerus jeb Fürekers (Fuerecker) manuskripts = Chr. Fuerecker [1) Fürekera vārdnīcas manuskripts (kādreiz bijis Latviešu draugu biedrības bibliotēkā); 2) Manuele Lettico-germanicum (kādreiz bijis Jelgavas muzejā)].

Gaigalat (Postilla 1573) = Wilhelm Gaigalat (Gaigalaitis). Die Wolfenbütteler litauische Postillenhandschrift aus dem Jahre 1573, I—III. — Lit. Mitt. V 25—27/28, 1911.

Galat. = Sv. apustuļa Pāvila grāmata Galatiešiem rakstīta (Jaunajā derībā).

Gauthiot (Gotio, Готио) La fin de mot = R. Gauthiot. La fin de mot en indo-européen. Paris, 1913.

Gauthiot (Gotio, Готио) Le parler de Buividze = R. Gauthiot. Le parler de Buividze. Paris, 1903.

Geitler (Гейтлер) Beitr. = Leopold Geitler. Beiträge zur litauischen Dialektologie. Wien, 1885 (atsevišķs novilkums no Wiener SB CVIII).

Geitler (Гейтлер) Lit. St(ud). = Leopold Geitler. Litauische Studien. Auswahl aus den ältesten Denkmälern, dialektische Beispiele, lexikalische und sprachwissenschaftliche Beiträge. Prag, 1875.

ΓΕΡΑΣ = ΓΕΡΑΣ. Abhandlungen zur indogermanischen Sprachgeschichte, August Fick zum siebenzigsten Geburtstage gewidmet von Freunden und Schülern. Göttingen, 1903.

Гесихий — skat. Hesych(ios).

GGA = Göttingische Gelehrte Anzeigen. Göttingen (Berlin), 1739 skk.

GGN = Nachrichten von der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse.

Гильфердинг (Gilferdinga tautas dziesmu krājums) = А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, I—III. СПб., 1873.

Гирт — skat. Hirt.

Glotta = Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache, herausgegeben von P. Kretschmer und F. Skutsch. Göttingen, 1907 skk.

Glücks Bibelübersetzung jeb библия Глюка = 1685.—1689. g. Rīgā iespiestais E. Glück a latviskais bībeles tulkojums.

Гом. = Ὅμηρος, Homerus, Гомер.

Gotio, Готио = skat. Gauthiot.

Gr. — skat. Bielenstein (Die) Gr(enzen).

Gr. — skat. Grunau.

Grammatik Adolphis — skat. Adolphi.

грамматика Бернекера — skat. Berneker Pr. Spr.

грамматика Биленштейна — skat. Bielenstein Handb.

грамматика Куршата — skat. Kursch(at) (Куршат) Gr(amm).

грамматика Регегузена — skat. Rēhehūzena gramatika.

грамматика Шлейхера — skat. Schleicher Gramm.

Grdr. — skat. Brugmann Grdr.

Grunau (Грунау, Gr.) = Sīmaņa Grūnaua vokābulārs. Mūks S. Grūnaus sniedzis apmēram 1517.—1526. g. rakstītā Prūsijas chronikā (Preussische Chronik) arī 100 prūšu vārdu. Publicēti: R. Trautmann. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910. Skat. Trautmann Apr. Spr., tāpat arī II šī saraksta beigās.

Gr(un)dr. d. iran. Phil. = Grundriss der iranischen Philologie, herausgegeben von W. Geiger und E. Kuhn, Bd. I (1. u. 2. Abt.), II. Strassburg, 1895, 1901, 1905.

Гуер — skat. Hujer.

Гуковский — skat. Явнис (Jaunis).

Handb. — skat. Wiedemann Handb.

ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ = Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша (Χαριστήρια). М., 1896.

Hehn (Hēns) (Kulturpflanzen...) = Victor Hehn. Die Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland und Italien, sowie in das übrige Europa. Historisch-linguistische Skizzen. 6. Aufl., neu herausgegeben von O. Schrader. Berlin, 1894; 7. Aufl., neu herausgegeben von O. Schrader mit botanischen Beiträgen von A. Engler. Berlin, 1902.

Heinrichs Chronik ([Latviešu] Indriķa chronika) = Henrici Chronicon Lyvoniae (par laiku apm. no 1180. līdz 1227. g.). Izdota: J. D. Gruber, Origines Livoniae sacrae et civilis, 1740 (1747. g.

Arnta vācu tulkojumā; 1853. g. A. Hanzena izdevumā krājumā Scriptores rerum Livonicarum I; 1883. g. M. Siliņa latviešu tulkojumā).

Heniņa krājums = J. Heniņš. Ulmaņa vārdnīcā trūkstošo vārdu krājums. — RKr. XVII, 1914.

Hermann Über d. Entwicklung d. lit. Konjunktionalsätze = E. Hermann. Über die Entwicklung der litauischen Konjunktionalsätze. Jena, 1912.

Hes. = Ἡσίοδος, Hesiodus.

Hesselberg Lett. Sprachl. = Lettische Sprachlehre, verfaßt von Heinrich Hesselberg. Mitau, 1841.

Hesych(ios) (Гесихий) = Hesychius Alexandrinus. Lexikon, herausgegeben von M. Schmidt. Bd. I—V. Jena, 1857—1868.

Hirt (Гирт) Abl. = H. Hirt. Der indogermanische Ablaut, vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung. Strassburg, 1900.

Hirt (Гирт) Der indog(erm). Akzent = H. Hirt. Der indogermanische Akzent. Strassburg, 1895.

Hirt (Гирт) (Die) Indogermanen jeb Idg. = H. Hirt. Die Indogermanen, ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur, I, II. Strassburg, 1905, 1907.

Historia von der Zerstörung der Stadt Jerusalem = Historia von der Zerstörung der Stadt Jerusalem im lettischen «Vade mecum» [skat. Manzel(ius)] v. J. 1644 — iespiests E. Voltera Литовская хрестоматия.

Хрестоматия Шлейхера — skat. Schleicher Leseb(uch).

Hübschmann Persische Studien = H. Hübschmann. Persische Studien. Strassburg, 1895.

Hujer (Гуер) Slov. dekl. jm. = O. Húje r. Slovanská deklinace jmenná. V Praze, 1910.

И. Эндзелин = Я. Эндзелин.

IF = Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde, herausgegeben von Karl Brugmann und Wilhelm Streitberg. Strassburg, 1892 skk.

IFA = Anzeiger für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Beiblatt zu den Indogermanischen Forschungen, herausgegeben von Wilhelm Streitberg. Strassburg, 1892 skk.

Ильинский (Iljinskij) = ? Г. А. Ильинский. О некоторых архаизмах в новообразованиях праславянского языка. Прага, 1902.

Ильинский Грамоты болгарских царей = Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей?

Indogerm. Jahrbuch = Indogermanisches Jahrbuch. Berlin (Strassburg), 1913 skk.

Indriķa chronika — skat. Heinrichs Chronik.

Infl. = ein inflantisches Gebetbuch etwa aus der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts [J. Endzelīna eksemplārs bez titullapas].

Izglītība = Izglītība. Literārisks, zinātnisks un pedagoģisks mēnešraksts. Rīgā 1909—1911.

Изв. jeb Izv. = Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1896 skk.

Известия старые = Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852—1861.

Jablonskis gramatika = Ryg i š k i ų Jonas [Jonas J a b l o n s k i s]. Lietuvių kalbos sintaksė, I. Seinai, 1911.

Яблонский (Jablonski) Послесловие = И. Я б л о н с к и й. Послесловие. — In: Литовский словарь А. Юшкевича с толкованием слов на русском и польском языках, вып. II. СПб., 1904.

Jagić-Festschrift, Сборник в честь Ягича = Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908.

Jahresverhandl. d. kurl. Ges. f. Litt. u. Kunst = Jahresverhandlungen der Kurländischen Gesellschaft für Litteratur und Kunst. Mitau, 1819—1822.

Jansons Fauni vai klauni = Janis J a n s o n s - B r a u n s. Fauni vai klauni? Pēterburgā 1908.

Jaunā Dienas Lapa = Jaunā Dienas Lapa. Politiska, literāriska un tautsaimnieciska avīze. Rīgā 1905—1918.

jaunā Dziesmu rota — skat. Cimzes Dziesmu rota.

Jauna Raža = Jauna raža. Literāriska gada grāmata, I—XII. Cēsīs un Rīgā 1898—1910.

Jaunis (Jaunys) Gr(am). = K. J a u n i u s. Lietuvių kalbos gramatika. Peterburgas, 1911.

Явнис (Jaunis) Понев. гов. jeb Понев(ежский) у(езд) = К. Я в н и с. Поневежские говоры литовского языка. Часть I — grām.: К. Гуковский. Поневежский уезд. Ковна, 1898 (стр. 87—141); часть II. Ковна, 1899. — Jeb arī: часть I — grām.: Памятная книжка Ковенской губернии на 1898 г. Ковна, 1897 (стр. 178—228); часть II — grām.: Памятная книжка Ковенской губернии на 1899 г. Ковна, 1898 (стр. 1—31).

Явнис (Jaunis) Росс. у. jeb Опис(ание) Росс(иенского) у(езда) = К. Я в н и с. Диалектологические особенности литовского языка в Россиенском уезде. — Grām.: К. Гуковский. Описание Россиенского уезда. Ковна, 1893, стр. 20—55.

Jaunis par leišu akcentu = К. Я в н и с. Интонация гласных звуков литовского языка. Ковна, 1900.

J. E. = Jānis Endzelīns.

[J. E.] gramatika — skat. J. E. un K. M. Latv(iešu) gr(amatika).

Я. Э. Лат. предл. — skat. Эндзелин Лат(ышские) предл(оги).

J. E. Lv. I — skat. E I.

J. E. Lv. II — skat. E II.

[J. E.] zinātniskā gramatika = Lettische Grammatik von Dr. J. E n d z e l i n. Riga, 1922.

J. E. un K. M. Latv(iešu) gr(amatika) = Latviešu gramatika. J. E n d z e l ī n a un K. M ū l e n b a c h a sarakstīta. Rīgā 1907.

Język polski i jego historya = Język polski i jego historya. — In: Encyklopedja polska. Kraków, 1915.

Jokl Studien zur alban. Etymol. und Wortbildung = N. Jokl. Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung. Wien, 1911.

Jurksch. (Юркшат) Lit. Märch. ((Лит.) сказки) = Litauische Märchen und Erzählungen... mitgeteilt von C. Jurkschat. Heidelberg, 1898.

Ю., Юшк(евич), Jušk(evičs) = Antanas Juškevičius.

Juškevič, (A.) Юшкевич LD jeb Liet(uviškos) dainos (Liėt. dájnos) = Liėtùviškos dajnos užrašytos par Ąntaną Juškevičę iš žodžiu lietuviu dainininku ir dajninįnkiu, 1—3. Kazanius, 1880—1882.

Jušk(evič) jeb Юшк(евич) Литовский словарь (I) = Литовский словарь А. Юшкевича с толкованием слов на русском и польском языках, вып. I (A—J). СПб., 1897.

Jušk(evič) jeb Юшк(евич) (II) = Литовский словарь А. Юшкевича с толкованием слов на русском и польском языках, вып. II. Под редакцией И. Яблонского. СПб., 1904. Skat. arī И. Яблонский Послесловие.

Jušk(evič) SvD jeb (Lietuviškos) Svotbinės dájnos = Lietuviškos svotbinės dajnos, užrašytos par Ąntaną Juškevičę ir išspausdintos par Joną Juškevičę. Petropylė, 1883.

Juškeviča pārskats par leišu izloksnēm ar tekstu paraugiem = ?

Јужносл. фил. = Јужнословенски филолог. Београд, 1913 skk.

K. = Fr. Kemps.

K. = F(r). Kurschat.

Kalbos dalykai — skat. Būga Kalbos dalykai.

Kappus (Der idg. Ablativ) = Kappus. Der indogermanische Ablativ ?

Kat. I = [I senprūšu katechisms]. Königsperg, 1545 [autora vārds nav zināms]. Skat. arī III šī saraksta beigās.

Kat. II = [II senprūšu katechisms]. Königsperg, 1545 [autora vārds nav zināms]. Skat. arī IV šī saraksta beigās.

Kat. (катехизис) III jeb Enchir. — skat. Enchir., kā arī skat. V šī saraksta beigās.

Katech(ismus) v. J. 1586 = Enchiridion. Der kleine Katechismus. Königsperg, 1586. Iespiests arī LLD II.

Катехизис 1598 г. = M. Petkiewicz (Petkevičius). Polski z litewskim katechism albo Krotkie w iedno mieysce zebranie wiary y prowinności krześćiańskiey... teraz nowo z pilnością wydany. Wilna, 1598.

Katechismus (катех.) v. J. 1605 — skat. Bystrońs Neuausgabe des Katechismus v. J. 1605.

Kauliņš = J. Kauliņ. Über die Mundart von Saussen und Fehteln. — BB XII 214—239; XIV 116—151.

Kažoku Dāvja raksts par muižu nosaukumiem = Kažoku Dāvis. Nepareizi muižu nosaukumi Vidzemē. — Dzimtenes Vēstnesis, 1911, Nr. 239—243; Piezīmes pie mana raksta «Nepareizi muižu nosaukumi Vidzemē». — Turpat, Nr. 268.

Kl. = J. Kauliņa paskaidrojumi vēstulē J. Endzelīnam par Sausnējas un Vietalvas izloksni.

Klaip(ėd)(iškių) dainos, Klaip. = Klaipėdiškių dainos. Surinko Jons Pakalniškis. Išleido A. Bruožis. Vilnius, 1908.

Kleins Litauische Grammatik jeb Grammat. lituan. jeb Клейн грамматика (1653) = Grammatica Litvanica ... à M. Daniele Klein... Karaliaučius, 1653.

Klinge Flora von Est-, Liv- und Curland = J. Klinge. Flora von Est-, Liv- und Curland. Reval, 1882.

Kluge Urgermanisch[3] = F. Kluge. Urgermanisch. 3. Aufl. Strassburg, 1913.

K. M. = Kārlis Mīlenbachs.

Kolos. = Sv. Pāvila grāmata Kolosiešiem (Jaunajā derībā).

Königsberger Studien = Königsberger Studien, H. I. Königsberg, 1887. Skat. arī Disp.

Konv. = Latviešu konversācijas vārdnīca. Rīgā 1927 skk.

Konv(ersācijas) vārdnīca = Konverſazijaš Waŗdniža. Rīgas Latviešu biedrības izdevums. Rīgā 1903—1921.

I Korint. = Sv. Pāvila 1. grāmata Korintiešiem (Jaunajā derībā).

Kossowski Gram. jeb Kosovskis Inflantiešu gramatika = Grammatyka inflantsko-łotewska dla uczących się języka łotewskiego ułożona przez Tomasza Kossowskiego. Ryga, 1853.

Krček Grupy = Krček. Grupy dźwiękowe polskie *tart* i *cir(z)ć*, jako odpowiedniki starobułgarskiej *trъt*, oraz ich doniosłość dla odbudowy wokalizmu prasłowiańskiego i praindoeuropejskiego. Lemberg, 1907.

Kretschmer (Кречмер) Einl(eitung) in die Gesch(ichte) d(er) griech. Spr(ache) = P. Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.

Kriaušaitis Liet. kalbos gram. = Petras Kriaušaitis. Lietuviškos kalbos gramatika. Rašytojams ir skaitytojams vadovėlis. Tilžėje, 1901.

Kronwald = A. Kronvalds jeb Kronvaldu Atis.

Krumberg(s), Крумберг = P. Krumberga alfabētiskais [Odzienas ?] vārdu saraksts ar intonācijām. — Mag. XVI 2, 62—86.

KSB = Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, keltischen und slavischen Sprachen, herausgegeben von A. Kuhn und A. Schleicher, I—VIII. Berlin, 1858—1876.

Кульбакин Древнецерк.-слав. яз(ык) = Ст. М. Кульбакин. Древнецерковнославянский язык. Харьков, 1911.

Kurschat Beiträge = F. Kurschat. Beiträge zur Kunde der littauischen Sprache. H. I. Deutsch-littauische Phraseologie der Präpositionen. Königsberg, 1848; H. II. Laut- und Tonlehre der littauischen Sprache. Königsberg, 1849.

Kursch(at) (Куршат) Gr(amm). jeb Kurschats Gramm. (грамматика Куршата) = F. Kurschat. Grammatik der litauischen Sprache. Halle a. S., 1876.

(Fr.) Kuršata monografija par leišu akcentu (int.) — skat. Kurschat Beiträge, H. II.

Fr. Kuršats lei.-vācu vārdnīca jeb Kurschat Wrtb. jeb Куршат лит(овско)-нем(ецкий) словарь = Fr. Kurschat. Littauisch-deutsches Wörterbuch. Halle a. S., 1883.

Куршат нем(ецко)-лит(овский) словарь = Fr. Kurschat. Deutsch-littauisches Wörterbuch, I, II. Halle a. S., 1868, 1874.

KVG — skat. K. Brugmann KVG.

KZ = Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn, Bd. I—XL. (Berlin), Gütersloh, 1852—1907; Bd. XLI ff. herausgegeben von A. Bezzenberger, E. Kuhn und W. Schulze. Göttingen, 1907 skk.

La. gr. = J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīgā 1951.

Lalis('a) Wrtb. jeb словарь Лалиса = A. Lalis. Lietuviškos ir angliškos kalbų žodynas. Chicago, 1910 (pirma dalis: lietuviškai-angliška. Chicago, 1903).

Lange jeb Langes vārdnīca (словарь Ланге) = Vollständiges deutsch-lettisches und lettischdeutsches Lexycon, nach den Hauptdialecten in Lief- und Curland ausgefertigt von Jacob Lange. Oberpahlen und Mitau, 1772—1777.

G. de Lannoy (Lanuà) = Oeuvres de Chillebert de Lannoy, publiés par Ch. Potvin. Louvain, 1878.

La Parole = ?

Лат(ышские) предл(оги) — skat. Эндзелин Лат(ышские) предл(оги).

Latv(iešu) gr(am)(atika) jeb Латышская грамматика — skat. J. E. un K. M. Latv(iešu) gr(amatika).

Latviešu tautas teikas un pasakas (LP) = Ansis Lerchis-Puškaitis. Latviešu tautas pasakas, I—IV. Jelgavā 1891—1893; Latviešu tautas teikas un pasakas, V—VII. Jelgavā 1894—1903.

Latvija = Latvija. Politiska un literāriska avīze. Rīgā 1906—1915.

Latvju dainas — skat. BW.

Я. Лаутенбах Очерки из истории литовско-латышского народного творчества = Я. Лаутенбах. Очерки из истории литовско-латышского народного творчества. Опыт сравнительного изучения. Юрьев, 1915.

LChr. (Лит. хрест.) = E. Volteris. Lietuviška chrestomatija. Э. Вольтер. Литовская хрестоматия. СПб., 1901—1904 (kn. 1 — 1901; kn. 1, laida 2 — 1903; kn. 2, laida 2 — 1904).

(J.)Lecs = J. Lecs. Ārieši-latvieši. Jelgavā 1914.

Les dialectes — skat. Meillet.

Leskien (Лескин) Abl. = A. Leskien. Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen. Leipzig, 1884. (= Abhandlungen der philol.-histor. Klasse d. königl.-sächs. Gesellschaft d. Wiss., Bd. IX, Nr. IV).

Lesk(ien)—Brugm(ann) (Lit. Volksl. u. Märch.) = Litauische Volkslieder und Märchen aus dem Preussischen und dem Russischen Litauen, gesammelt von A. Leskien und K. Brugmann. Strassburg, 1882.

Leskien (Лескин) Decl. = A. Leskien. Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen. Leipzig, 1876.

Leskien (Лескин) Gramm. d. altb(ulg). Spr. = A. Leskien. Grammatik der altbulgarischen Sprache. Heidelberg, 1909.

Leskien (Лескин) Nom. = A. Leskien. Die Bildung der Nomina im

Litauischen. Leipzig, 1891. (= Abhandlungen der philol.-histor. Klasse d. königl.-sächs. Gesellschaft d. Wiss., Bd. XII, Nr. III).

Lett. Di.-St. — skat. Bezzenberger Lett. Di.-St.

Lettus — skat. Manzel Lettus.

Lidén Arm. = E. Lidén. Armenische Studien. Göteborg, 1906.

Lidén Ein baltisch-slavisches Anlautsgesetz = E. Lidén. Ein baltisch-slavisches Anlautsgesetz. Göteborg, 1899.

Lidén'a Stud. = E. Lidén. Studien zur altindischen und vergleichenden Sprachgeschichte. Uppsala, 1897.

Lietuviška chrestomatija — skat. LChr.

Liet(uvių) tauta (LtT) = Lietuvių Tauta. Lietuvių Mokslo draugijos raštai. Vilnius, 1907 skk.

Lieventhals Reuterübersetzung = Fr. Reiters. Apsasīvūšana. No H. Lieventhal. Jelgavā 1875.

LF = Listy filologické. Praha, 1874 skk.

Lindsay Die lat(einische) Sprache = Die lateinische Sprache von W. M. Lindsay. Übersetzt von H. Nohl. Leipzig, 1897.

Liqmet. — skat. Torbiörnsson Liqmet.

Liter. Zentralblatt = Literarisches Centralblatt. Leipzig, 1850 skk.

Lit. Forsch. — skat. Bezzenberger Lit. Forsch.

Lit. Mitt. = Mitteilungen der Litauischen Literarischen Gesellschaft. Heidelberg, 1883 skk.

Лит. нар. п. = Ф. Фортунатов и Всев. Миллер. Литовские народные песни. — Московские университетские известия 1872, № 1, приложение стр. 125—165; № 2, приложение стр. 324—400; № 4, приложение стр. 430—531.

Литовская хрестоматия — skat. LChr.

Lkž I^2 = Lietuvių kalbos žodynas, t. I. Antras leidimas. Vilnius, 1968.

Lkž III = Lietuvių kalbos žodynas, t. III. Vilnius, 1956.

LLD = Litauische und lettische Drucke des XVI. Jahrhunderts, herausgegeben von A. Bezzenberger, I—IV. Göttingen, 1874—1884.

Lommel Studien über indogerm. Femininbildungen = Lommel. Studien über indogermanische Femininbildungen ?

Lorentz = F. Lorentz. Slowinzische Grammatik. St. Petersburg, 1903.

Lotavica Grammatica vom J. 1737 = Lotavica Grammatica ... Vilnae, 1737.

LP — skat. Latviešu tautas teikas un pasakas.

LSpr. — skat. Bielenstein LSpr.

Ltd. = Latviešu tautas dziesmas. Sameklētas ... Latviešu draugu biedrības, I, II. Leipcigā, 1874, 1875.

LtT — skat. Lietuvių tauta.

Lucret. = Lucretius.

Lvv. = J. Endzelīns. Latvijas PSR vietvārdi, I_1, I_2. Rīgā 1956, 1961.

Ляпунов Формы склонения = Б. Ляпунов. Формы склонения в старославянском языке. Одесса, 1905.

M. = Manzelius, Mancelis, Манцелий, Mancelius.

Mag. = Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literärischen Gesellschaft. Mitau, 1828 skk.

Mag. (XIV 2) = Inflantische Volkslieder aus Kraslaw.

Mahlow (Малов) AEO = G. Mahlow. Die langen Vokale A E O in den europäischen Sprachen. Berlin, 1879; 2. Auflage. Berlin, 1888.

Mājas Viesa Mēnešraksts = Mājas Viesa Mēnešraksts priekš literatūras, mākslas un zinātnes. Ilustrēts literārisks un zinātnisks laikraksts. Rīgā 1895—1905.

Mancelja spredikji jeb Mancelja Postilla — skat. Manzel(s) Post(ill(e)).

Manzel Lettus = G. Mancelius. Lettus, Das ist Wortbuch... Riga, 1638.

Manzels (Манцелий) Phraseol(ogia) (Lettica) = G. Mancelius. Phraseologia Lettica, Das ist: Täglicher Gebrauch der Lettischen Sprache. [Lettus..., Ander Theil]. Riga, 1638.

Manzel(s) Post(ill(e)) jeb Mancelja spredikji jeb Постилла Манцелия jeb MP = G. Mancelius. Lang-gewünschte Lettische Postill. Riga, 1654.

(Manzelius) «Vade mecum» jeb M. LChr. = G. Mancelius. «Vade mecum» v. J. 1644. Iespiests E. Voltera LChr.

Маретичь = T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnoga jezika. Agram, 1899.

Mat. = Tas evaņģēliums, uzrakstīts no sv. Matteus (Jaunajā derībā).

Mat. jeb Мат(ериалы для этнографии латышского племени Витебской губернии) = Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии, ч. I. Праздники и семейные песни латышей. Собрал и снабдил разъяснениями Э. А. Вольтер. СПб., 1890.

Mater. i prace = Materyały i Prace Komisji Językowej Akademii Umiejętności w Krakowie. Kraków, 1904—1918.

Мазинг Hauptformen des serb.-chorw. Acc. = L. Masing. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. St. Petersburg, 1876.

ME = K. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papildinājis, nobeidzis J. Endzelīns, I—IV. Rīgā 1923—1932.

Мейе Введ.[2] = А. Мелье. Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков. Перевод проф. Д. Кудрявского. Юрьев, 1911; 2-е изд. Юрьев, 1914.

Мейер Etym. Wrtb. — skat. Meyer Etym. Wrtb.

Meillet De quelques innovations de la déclin. lat. = A. Meillet. De quelques innovations de la déclinaison latine. Paris, 1906.

Meillet Esquisse d'une gramm. comp. de l'arménien = A. Meillet. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. Vienne, 1903.

Meillet (Мелье) Ét(udes) (sur l'étymologie) = A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I, II. Paris, 1902, 1904.

Meillet (Мелье) Introduction[2] = A. Meillet. Introduction a l'étude comparative des langues indo-européennes[2]. Paris, 1908.

Meillet (Мелье) Les dialectes = A. Meillet. Les dialectes indo-européens. Paris, 1908.

Meillet Recherches = A. Meillet. Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave. Paris, 1897.

Мелье — skat. Meйe un Meillet.

Mēnešraksts = Mājas Viesa Mēnešraksts.

(G.) Meyer Essays = G. Meyer. Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde, I, II. Strassburg, 1885, 1893.

Meyer (Мейер) Etym. Wrtb. = G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.

Meyer (Мейер) Griech. Gramm. = G. Meyer. Griechische Grammatik. 2. Aufl. Leipzig, 1886; 3. Aufl. Leipzig, 1896.

Межинис — skat. Miež(inis).

Мичатек Slovensko-ruský slovnik = L. A. Mičatek. Slovensko-ruský slovnik ?

Mielcke грамматика = Anfangs-Gründe einer Littauischen Sprach-Lehre, worin zwar die von dem jungen Ruhig ehemals herausgegebene Grammatik zum Grunde gelegt, aber mit starken Zusätzen und neuen Ausarbeitungen verbessert un vermehrt worden von Christian Gottlieb Mielcke. Königsberg, 1800.

Miež(inis) jeb Межинис (Wrtb.) jeb Wörterbuch von Miežinis jeb словарь Межиниса = M. Mieži n i s. Lietuviszkai-latviszkai-lenkiszkai-rusiszkas žodynas. Tilžėje, 1894.

Mikkola (Миккола) Balt(isches) u(nd) slav(isches) = J. J. Mikkola. Baltisches und Slavisches. Helsingfors, 1903 (atsevišķs novilkums no Finska vetenskapssocietetens förhandlingar XLV, Nr. 4).

Mikkola (Миккола) Betonung und Quantität (in den westslav. Sprachen) = J. J. Mikkola. Betonung und Quantität in den westslavischen Sprachen ?

Miklosich (Миклошич) Etymol. Wrtb. (этимологический словарь) = Fr. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Миланские глоссы = ?

Mitt. d. lit. liter. Ges. — skat. Lit. Mitt.

Младенов Старитѣ германски элементи = С. Младенов. Старитѣ германски элементи в славянскитѣ езици. София, 1908.

M. LChr. — skat. (Manzelius) «Vade mecum».

Möller Semitisch und Indogermanisch = H. Möller. Semitisch und Indogermanisch, I. Kopenhagen, 1906.

Monro грамматика = D. B. Monro. A grammar of the Homeric dialect. Oxford, 1891.

II Moz. = Otra Mozus grāmata (Vecajā derībā).

MP — skat. Manzel(s) Post(ill(e)).

M. Phraseologia — skat. Manzels Phraseol(ogia).

MSL = Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Paris, 1868 skk.

MU = Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen von H. Osthoff und K. Brugmann, I—V. Leipzig, 1878—1890.

Mucke Laut- und Formenlehre der niedersorb. Spr. = K. E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891.

Mūlenbacha apcerējums par valodas dabu = K. Mūlenbachs. Par valodas dabu un sākumu. Jelgavā 1891.

Mūlenbacha vārdnīca — skat. ME.

Mūlenbachs Daži jautājumi (par latviešu valodu) = Daži jautājumi par latviešu valodu, K. Mūlenbacha izskaidroti. I, II burtn. Jelgavā 1891, 1893; III, IV burtn. Rīgā 1902, 1909.

Mūlenbachs Teikums = K. Mūlenbachs. Teikums. Rīgā 1898.

Müllers Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft — skat. Brugmann Griech. Gramm. un K. Brugmann — A. Thumb Griechische Grammatik.

mūsu Latviešu gramatika — skat. J. E. un K. M. Latv(iešu) gr(amatika).

Мюленбах = K. Mühlenbach.

MWM = Mahjas Weesa Mehneschraksts — skat. Mājas Viesa Mēnešraksts.

N. = Nīrangastan (Avestā).

наша Latweeschu gramatika — skat. J. E. un K. M. Latv(iešu) gr(amatika).

Naujas Testam(entas) (1909) = ? Naujas Testamentas Wieszpaties musu Jezaus Kristaus, Pirmą kartą ant Swieto Lietuwiszkoj kalboj, Ant Isákimo Maloningiausio Karalaus Prussu... Su didžiu dabojimu pérgulditas... Lietuwos žmonėms ant iszganitingos naudôs Iszspáustas. Karaliaučiuj', 1701. Jauns izdevums 1909.

Neposübersetzung = Givatas didiujų karvaidų senovės surašė lotiniškay Kornelius Nepos. Išguldę iš lotiniškos i lietuvišką kalbą jaunomenės naudon J. Dewinakis [S. Daukantas]. Peterburgas, 1846. (= LChr. I 180—188).

Nesselmann (Thes(aurus)) jeb NTh. = G. H. F. Nesselmann. Thesaurus linguae Prussicae. Berlin, 1873.

Nestora chronika = Повесть временных лет (XII gs. sākumā), par kuras sastādītāju uzskata Kijevas Pečoru klostera mūku Nestoru; publicēta izdevumā Полное собрание русских летописей, I, II (СПб., 1846, 1845).

Niedermann (Нидерман) E und I im Lateinischen = M. Niedermann. E und I im Lateinischen. Ein Beitrag zur Geschichte des lateinischen Vocalismus. Darmstadt, 1897.

Niemi ir Sabaliauskas Liet(uvių) dainos = A. R. Niemi ir A. Sabaliauskas. Lietuvių dainos ir giesmės, šiaur-rytinėje Lietuvoje surinktos. Helsingfors, 1911.

Nom. — skat. Leskien Nom.

NTh. — skat. Nesselmann (Thes(aurus)).

Очерки — skat. Богородицкий Очерки.

Опис. Росс. у. — skat. Явнис (Jaunis) Росс. у.

Основы — skat. Ульянов Основы.

Остгофф — skat. Osthoff.

Osthoff (Остгофф) Etym. Par(erga) = H. Osthoff. Etymologische Parerga, Bd. I. Leipzig, 1901.

Osthoff MU — skat. MU.

Osthoff Perf. = H. Osthoff. Zur Geschichte des Perfekts im Indogermanischen. Strassburg, 1884.

Ostlettische Evangelienproben vom J. 1753 — publicējums LChr.

Отчет... — skat. Fortunatov Отчет...

Ožkab(alių) dain(os) — skat. Basanovič.

Pamokslaj iszminties (ir tejsibes) = Pamokslaj iszminties ir tejsybes iszguldineti paliginimais galwocziu wisu amžiu del Lietuwos wajkielu. Suwalkuose, 1851.

Pass(io) = Passio... aus deutscher Sprache in undeutsche gebracht durch Gothard Reymers. Königsberg, 1587.

(Д.) Пашкевича рукописный словарь I = D. Poškos (Paszkiewicz) XIX amžiaus pradžios lenkiškai-lietuviškos žodynas. Rokrakstā.

Pauli [par prūšu valodu] = ? 1) J. A. Pauli. Kurtzer Entwurf einer weitläufftigen Ausführung, einiger Sätze, von der alten preussischen Sprache. — Acta Borussica, Bd. III. Königsberg—Leipzig, 1732; 2) J. A. Pauli. Die Ursachen der von der deutschen verdrungenen alten preussischen Sprache. — Schriften der Deutschen Gesellschaft in Königsberg, Bd. I, 1754.

PBrB = Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Herausgegeben von H. Paul, W. Braune u. E. Sievers. Halle, 1874 skk.

Pedersen (Педерсен) Vergl. Gramm. d. kelt. Spr., Педерсена грамматика = H. Pedersen. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, I, II. Göttingen, 1909, 1913.

Pekmezi Gramm. d. alban. Spr. jeb Albanesische Grammatik = G. Pekmezi. Grammatik der albanesischen Sprache. Wien, 1908.

Persson Beitr. = P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, I, II. Uppsala 1912.

Persson Studien zur Lehre v. d. Wurzelerweiterung = Per Persson. Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation. Upsala, 1891.

Песнь песней = Zālamana augsta dziesma (Vecajā derībā).

Pētersona raksti = etnografa K. Pētersona raksti RKr. XVII, 1914.

Petersson = ? 1) H. Petersson. Vermischte Beiträge zur Wortforschung. Lund, 1915; 2) H. Petersson. Zur slavischen und vergleichenden Wortforschung. Lund, 1915.

Phraseologia — skat. Manzels Phraseol(ogia).

Pl. = Juris Plāķis.

Плетершник = ? Slovensko-nemški slovar. Uredit M. Pleteršnik, I, II. Laibach, 1894, 1895.

Погодин = А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

Погодин Следы (корней-основ в славянских языках) = А. Л. Погодин. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903.

Полн. собр. русск. лет(оп). = Полное собрание русских летописей. СПб., 1845 skk.

Понев(ежск). у(езд) = К. Гуковский. Поневежский уезд. Ковна, 1898. Skat. arī Явнис (Jaunis) Понев. гов.

Поржезинский Введение = В. К. Поржезинский. Введение в языковедение. М., 1910.

Поржезинский К истор(ии форм спряж). = В. К. Поржезинский. К истории форм спряжения в балтийских языках... М., 1901.

Поржезинский Возвратн. форма глаг. = Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках. Исследование В. К. Поржезинского. М., 1903.

Постилла 1573 г. — skat. Wolfenbütteler Postillenhandschrift.

Постилла 1599 г. = Postilla Catholica. Skat. Daukša (Даукша) Post(ille).

Постилла 1600 г. = Mikolajus Rejus. Postilla Lietuwiszka, tatay est Iżguldimas prastas evangeliu ąnt kożnos nedelios ir szventes per visus metus... Iš lenkų k. vertė... Nu isz nauia su didžiu perweizdeghimu est iżduota... Per Jokuba Morkuną (?) ... Wilniuy, 1600.

Prät. — skat. Wiedemann Prät.

Prätorius = ? M. Praetorius. Orbis Gothicus... Liber I—IV. Olivae, 1688.

Prellwitz (Прельвиц) Etym. Wrtb.[2] jeb (этимологический) словарь Прельвица = W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. 2. Aufl. Göttingen, 1905.

Преобр. = А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 1—14: *а — сулея*. М., 1910—1918.

Pretorius — skat. Prätorius.

«Psalmen» v. J. 1615 = Psalmen und geistliche Lieder oder Gesänge, welche... in Liefländischer Pawrsprache gesungen werden. Riga, 1615.

Psalmai Dovido 1910 г. = Psalmai Dovido. Berlinas, 1910.

Псалтырь 1625 г. = Psalteras Dovido jng lietuviškus žodžius pirmiausei išguldītas per k. Jona Bretkuna... Per k. Jona Rehsa... atnaugintas... Karaliaučius, 1625.

P. Šmidts, P. Schmidt, П. Шмидт — skat. (П.) Шмидт un (P.) Šmidts.

Рамулт = St. Ramuit. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893.

Recherches — skat. Meillet Recherches.

Rēhehūzena gramatika jeb Rehehusen Mag. jeb Rehehusens Manuductio jeb грамматика Реregузена = J. G. Rehehusen. Manuductio ad Linguam Letticam facilis et certa jeb Manuductio ad Lingvam Lettonicam facilis et certa, monstrata à Joanne George Rehehusen. (= Mag. XX 2).

Rehehusen Mag. — skat. Rēhehūzena gramatika.

Rehehusens Manuductio — skat. Rēhehūzena gramatika.

Reichelt (Рейхельт) Awest. Elementarb. = H. Reichelt. Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909.

Reimchronik (Rīmju chronika) = Ditleb's von Alnpeke [Aeltere] Livländische Reimchronik, enthaltend Der Ritterlichen Meister vnd Bruder zu

Nieflant geschicht. — Scriptores rerum Livonicarum, I. Riga—Leipzig, 1853 (Riga, 1857).

РФВ = Русский филологический вестник. Варшава, 1879—1914 (т. I—LXXII); М., 1915—1916 (т. LXXIII—LXXVI); Петроград, 1917 (т. LXXVII); Казань, 1918 (т. LXXVIII).

Rhein. Mus. = Rheinisches Museum für Philologie. Bonn u. Frankfurt a. Main, 1833 skk.

Rigasche Rundschau = Rigasche Rundschau. Zeitung. Riga, 1894 skk.

Rig. Zeitung = Rigasche Zeitung. Riga, 1907—1914.

Rimbert Vita Ansgarii = Vita Anskarii auctore Rimberto, accedit vita Rimberti. Iespiests: Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Edidit G. Waitz, 1884.

Rīmju chronika — skat. Reimchronik.

рижский Rakstu krājums — skat. RKr.

RKr. (jeb рижский Rakstu krājums) = Rakstu krājums, Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisijas izdots, I—XXIII. Rīgā 1876—1940.

RLB = Rīgas Latviešu biedrība.

Roczn(ik) Slaw(istyczny) jeb RSl. = Rocznik Slawistyczny. Kraków, 1908 skk.

Росс(иенск). у. = К. Гуковский. Описание Россиенского уезда. Ковна, 1893. Skat. arī Явнис (Jaunis) Росс. у.

Roth und Böhtlingk — skat. Böhtlingk und Roth (vārdnīca).

Rozprawy i sprawozdania = Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, t. I—XV. Kraków, 1874 skk.; sākot ar t. XVI (= serya II, t. I skk.): Rozprawy Akademii Umiejętności, wydział filologiczny. Kraków, 1890 skk.

Rozwadowski Język polski i jego historya — skat. Język polski i jego historya.

Rozwadowski Quaestionum gram. atque etym. ser. II = J. Rozwadowski. Quaestiones grammaticae et etymologiae, I, II. Kraków, 1897, 1900. (= Rozprawy Akademii Umiejętności, wydział filologiczny, serya II, t. X, XIII, XXV, XXVIII).

RSl. — skat. Roczn(ik) Slaw(istyczny).

Rusova chronika = Balthasar Rüssow. Chronica der Prouintz Lyfflandt... Rostock, 1578; Bart, 1584.

Rybņikova tdz. krājums = Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1—4. М., 1861.

Rygiškių Jonas = J. Jablonskis.

Rygiškių Jono Lietuvių kalbos sintaksė — skat. Jablonskis gramatika.

S. = (P.) Schmidt (П. Шмидт) Троякая долгота, kur alfabētisks vārdu saraksts ar intonācijām.

Sächs. Ber. = Berichte über die Verhandlungen der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Philol.-histor. Klasse.

(F. de) Saussure Mémoire sur le système prim. des voyelles = F. de Saussure. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. Leipzig, 1879. 2-me éd. Paris, 1887.

Сборн. = Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1867 skk.

Sborn. fil. = Sbornik filologický. V Praze, 1912 skk..

Сборн. Форт. = Сборник статей, посвященных учениками и почитателями Филиппу Федоровичу Фортунатову. Варшава, 1902—1903. (= РФВ XLVIII—XLIX).

Сборн. Лам. = Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности, I, II. СПб., 1907, 1908.

Сборн(ик) в честь Ягича — skat. Jagić-Festschrift.

Schleicher Donal. — skat. Donaleitis (Šleichera izdevumā).

Schleicher Gramm. jeb Lit. Gramm. = A. Schleicher. Handbuch der litauischen Sprache, I. Litauische Grammatik. Prag, 1856.

Schleicher (Шлейхер) Leseb(uch) jeb Lit. Lesebuch jeb Хрестоматия Шлейхера = A. Schleicher. Handbuch der litauischen Sprache, II. Litauisches Lesebuch und Glossar. Prag, 1857.

(J.) Schmidt (Шмидт) Kritik = J. Schmidt. Kritik der Sonantentheorie. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung. Weimar, 1895.

(J.) Schmidt Neutra = J. Schmidt. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.

(P.) Schmidt = Pēteris Šmidts (vēlāk Šmits).

Schmidt Троякая долгота — skat. Шмидт Троякая долгота.

Schrader Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde = O. Schrader. Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901.

Schrader Sprachvergleichung und Urgeschichte = O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena, 1907.

Schulze = W. Schulze. Quaestiones epicae. Göttingen, 1894.

(J.) Scott (Skots) [chronika] = J. Scott. Historia de Livonia... Dorpati, 1639.

Seelmann Die Aussprache des Lateinischen = E. Seelmann. Die Aussprache des Latein nach physiologisch-historischen Grundsätzen. Heilbronn, 1885.

Scr. rer. Pruss. = Scriptores rerum Prussicarum, I—V. Leipzig, 1861—1874.

Серб. изв. = ? [Известия Сербской академии наук в Белграде].

Сетэлэ (par somu un baltu valodu attieksmēm) = ? E. Setälä. Yhteissuomalainen äänehistoria. Helsinki, 1890.

Sg. = ?

Симон Грунау — skat. Grunau.

Sievers Grundzüge der Phonetik[5] = E. Sievers. Grundzüge der Phonetik. 5. Aufl. Leipzig, 1901.

Син. пс. = Синайская псалтырь.

Sjögren's Livische Grammatik — skat. Wiedemann Sjögren's Livische Grammatik.

Skots — skat. Scott.

Skrinda — gramatika = Latvìšu woludas gramatika. Sarakstèja un izdewe Ontons Skrinda. Piterburgâ 1908.

Слблт. эт. — skat. Эндзелин Слблт. эт.

словарь Эльгера — skat. Elger.

словарь Межениса — skat. Mież(inis).

словарь Нессельмана = G. H. F. Neselmann. Wörterbuch der litauischen Sprache. Königsberg, 1851.

словарь Stokes'a — skat. Stokes('a) Urkelt. Sprachschatz.

словарь Ширвида — skat. Szyrwid (Dict.).

словарь Ульмана — skat. U (jeb Ulmann).

(этимологический) словарь Прельвица — skat. Prellwitz Etym. Wrtb.

(этимологический) словарь Вальде — skat. Walde Lat. etym. Wrtb.

Smelters jeb Sml. = Tautas dziśmu, posoku, meik|u un parunu woceleite. Sakrojis P. Smelters. Rīgā 1899.

Sml. — skat. Smelters.

Sņegiŗevs Русские простонародные праздники II = И. М. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, II. М., 1839.

Соболевский Древний црк.-слав. яз. = Древнецерковнославянский язык. Фонетика. Из лекций А. И. Соболевского. М., 1891.

Соболевский Лекции (по истории р. яз.[4]) = А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.

Solmsen (Сольмсен) Beiträge z. griech. Wortforschung I = F. Solmsen. Beiträge zur griechischen Wortforschung, I. Strassburg, 1909.

Solmsen Stud. z. lat. Lautgesch. = F. Solmsen. Studien zur lateinischen Lautgeschichte. Strassburg, 1894.

Sommer (Зоммер) Die indogermanischen *iā*- und *io*-Stämme im Baltischen = F. Sommer. Die indogermanischen *iā*- und *io*-Stämme im Baltischen. Leipzig, 1914.

Sommer (Зоммер) Griechische Lautstudien = F. Sommer. Griechische Lautstudien. Strassburg, 1905.

Sommer (Зоммер) Handb(uch) (d(er) lat(ein). Laut- u(nd) Formenl(ehre)) = F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1902.

Sommer (Зоммер) Kritische Erläuterungen zur lateinischen Laut- und Formenlehre = F. Sommer. Kritische Erläuterungen zur lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1914.

(F. de) Sosirs — skat. (F. de) Saussure.

Sprogis jeb Sproģis Геогр(афический) словарь = Географический словарь древней жомойтской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам Россиенского земского суда... Виленского Центр. архива древних актов книг губ. Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской Иваном Яков. Спрогисом. Вильна, 1888.

Sprogis Памятники латышского народного творчества = Памятники латышского народного творчества. Собраны и изданы Иваном Спрогисом. Вильна, 1868.

St. = G. F. Stenders.

старые Известия — skat. Известия старые.

Stendera gramatika jeb Stender Lettische Grammatik = G. F. Stender. Neue vollständigere Lettische Grammatik. Braunschweig, 1761; Mitau, 1783.

Stender jeb Stendera vārdnīca jeb Stender Lettisches Lexikon = Lettisches Lexikon. In zween Theilen abgefasset und den Liebhabern der lettischen Litteratur gewidmet von Gotthard Friedrich Stender. Mitau, 1789.

Stērste gramatika jeb Стерсте грамматика = A. Stērste. Latviešu valodas mācība, I, II. Rīgā — Tērbatā 1879, 1880.

Stokes('a) Urkelt. Sprachschatz jeb словарь Stokes'a = Urkeltischer Sprachschatz von W. Stokes. Übersetzt, überarbeitet und herausgegeben v. A. Bezzenberger. Göttingen, 1894. (= A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, II. Teil. 4. Aufl.)

Streitberg Gotisches Elementarbuch = W. Streitberg. Gotisches Elementarbuch. Heidelberg, 1896.

Streitberg (Штрейтберг) Urgerm. Gr. = W. Streitberg. Urgermanische Grammatik. Heidelberg, 1900.

Sweet A history of english sounds = H. Sweet. A History of English Sounds?

svešvārdu grāmatas = J. Drawneeks. Sweschu wahrdu grahmata. Jelgawâ 1886[1], 1903[2], 1904[3], 1906[4], 1914[5].

Szyrwid (jeb Ширвид jeb Širvida austrumleišu vārdnīca jeb словарь Ширвида) (Dict.) = Dictionarium trium linguarum in usum studiosae iuventutis Auctore R. P. Constantino Szyrwid e Societate Jesu. Wilnae, 1629[1], 1631[2], 1642[3], 1713[5].

Szyrwid PS (jeb Širvida sprediķu krājums) = Punkty Kazań (Punktay Saki(mų)) od Adwentu áż do Postu, Litewskim ięzykiem, z wytłumaczeniem ná Polskie przez kśiędzá Konstantego Szyrwida... z dozwoleniem Starszych wydane. W Wilnie, 1629. (= LLD IV, 1884).

(A.) Š. = A. Шахматов jeb A. Šachmatovs.

Щерба Русские гласные = Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.

Ширвид — skat. Szyrwid.

Шлейхер — skat. Schleicher.

Šleichera Donaleiša izd. — skat. Donaleitis (Šleichera izdevumā).

(Иог.) Шмидт — skat. (J.) Schmidt.

(П.) Шмидт (Schmidt) Троякая долгота = П. Шмидт. Троякая долгота в латышском языке. — Сборн. LXVII № 3 un atsevišķā novilkumā.

(P.) Šmidts (П. Шмидт) Etnogr. rakstu kr. = Pēteris Šmidts (Šmits). Etnografisku rakstu krājums, I—III. Rīgā 1912—1923.

Šrāders (Reallexikon) — skat. Schrader Reallexikon.

Штрейтберг — skat. Streitberg.

T. D. = T. Döbners.

Teikums — skat. K. Mūlenbachs Teikums.

Teodors = Teodors Zeiferts.

Thes. [senīru] = ?

Thesaurus — skat. Nesselmann (Thes(aurus)).

Thomsen (Томсен) (Ber(öringer)) jeb FBB = V. Thomsen. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. København 1890. (= Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskabs Skrifter, 6. Raekke, historisk og filosofisk Afdeling I 1. København, 1905).

Thumb = A. Thumb. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1909.

Thurneysen (Турнейзен) Handb(uch) = R. Thurneysen. Handbuch des Alt-Irischen. Grammatik, Texte und Wörterbuch. Heidelberg, 1909.

tic. loc. = ticības loceklis.

Томсен — skat. Thomsen (Beröringer).

Томсон = А. Томсон. Общее языковедение, вып. 2. Одесса, 1910.

Torbiörnsson Liqmet. = T. Torbiörnsson. Die gemeinslavische Liquida-Metathese, I, II. Upsala, 1901, 1903. (= Upsala Universitetets Årsskrift 1902. Filosofi, språkvetenskap och historiska vetenskaper 1; Upsala Universitetets Årsskrift 1904. Filosofi... 1).

Tr. = R. Trautmann.

Trak(iečių) dzūkų dainos = Trakiečių dzūkų dainos, užrašytos J. Šimtakojo Merkinės parapijoje. Shenandoah, 1899.

Trasuns Skolas Dorzs = Skolas dorzs. Losoma gromota tautas skolom un satom. Sast. Draugs un F. Trasuns. SPb., 1909.

Trautmann (Траутман) Apr. Spr. (грамматика Траутмана) = R. Trautmann. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910

Trautmann Germ. Lautg. = R. Trautmann. Germanische Lautgesetze in ihrem sprachgeschichtlichen Verhältnis. Königsberg, 1906.

Траутмана грамматика — skat. Trautmann Apr. Spr.

Трейланд Мат(ериалы) = Материалы по этнографии латышского племени. Под редакцией Ф. Я. Трейланд (Бривземниакс). М., 1881. (= Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XL. Труды Этнографического отдела, кн. VI).

Трейланд Мат., дополн., послов. — skat. Трейланд Мат.

Трейланд Материалы, пословицы — skat. Трейланд Мат.

Трейланд Мат., нагов. — skat. Трейланд Мат.

Трейланд Мат., загад. — skat. Трейланд Мат.

Трейланд нар. п. = Fr. Brīvzemnieka (Treilanda) publicētās latviešu tautasdziesmas rakstu krājumā «Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей прилежащих, издаваемый В. А. Дашковым», кн. II. М., 1873. (= Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XII).

Турнейзен Handbuch — skat. Thurneysen Handb.

U (jeb Ulmann) = Lettisch-deutsches Wörterbuch von Bischof Dr. Carl Christian Ulmann. Riga, 1872.

Uhlenbeck (Etym. Wrtb. d. altind. Spr. jeb этимол. словарь санскр. яз.) = C. C. Uhlenbeck. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899.

Uhlenbeck Etym. Wrtb. d. got. Spr. = C. C. Uhlenbeck. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache[2]. Amsterdam, 1900.

Ulmaņa (Ulmann) vārdnīca, словарь Ульмана — skat. U (jeb Ulmann).

Ульянов (Uļjanov jeb Uļjanovs) Основы = Г. Ульянов. Основы настоящего времени в старославянском и литовском языках. Варшава, 1888 (atsevišķs novilkums no РФВ XX 1 skk.).

Ульянов (Uļjanov) Знач. = Г. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, I, II. Варшава, 1891, 1895 (atsevišķs novilkums no РФВ).

Und(eudsche) Ps(almen) = Undeudsche Psalmen und geistliche Lieder oder Gesenge... neu herausgegeben von Prof. Dr. A. Bezzenberger und Dr. A. Bielenstein. Mitau—Hamburg, 1886.

Univ(ersitas) (linguarum Lituaniae) = Universitas lingvarum Litvaniae in principali ducatus eiusdem dialecto grammaticis legibus circumscripta... anno a descriptione universi orbis 1737. Vilnae... Denuo edidit indicem verborum adiecit Joannes Rozwadowski. Cracoviae, 1896.

Urgerm. Gr. — skat. Streitberg Urgerm. Gr.

V. = Vidēvdat (Avestā).

Wackernagel (Вакернагель) Altind. Gr. = J. Wackernagel. Altindische Grammatik, I, II 1. Göttingen, 1896, 1905.

Wackernagel Verm. Beiträge z. griech. Sprachkunde = J. Wackernagel. Vermischte Beiträge zur griechischen Sprachkunde. Basel, 1897.

Vade mecum — skat. (Manzelius) «Vade mecum».

Vaničeka latiņu valodas etimoloģiskā vārdnīca = ? A. Vaniček. Etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache.

Walde (Вальде) Lat. etym. Wrtb.[2] (jeb Valdes vārdnīca jeb этимологический словарь Вальде) = A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1906; 2. Aufl. 1910.

Varpas = Varpas. Literatūros, politikos ir mokslo mėnesinis laikraštis. Tilžė, 1889—1905.

Варш. Унив. Изв. = Варшавские университетские известия. Сборник. Варшава, 1870—1914; Ростов-на-Дону, 1915, 1917; Харьков, 1916.

V. D. = Vallija Dambe.

(H.) Vēbers = Ostlitauische Texte. Mit Einleitung und Anmerkungen herausgegeben von Anton Baranowski und Hugo Weber, H. I. Weimar, 1882. Skat. arī Барановский (Anykščių šilelis).

Wechssler Gibt es Laut-Gesetze = E. Wechssler. Gibt es Laut-Gesetze? Halle, 1900.

Weissbach (Вейссбах) Die Keilinschr. der Achämeniden = F. H. Weissbach. Die Keilinschriften der Achämeniden. Leipzig, 1911.

Vendryes Gramm. = J. Vendryès. Grammaire du vieil-irlandais. Paris, 1908.

Веселовский (Veselovskijs) Разыскания в области русского духовного стиха = А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха (русских духовных стихов), вып. I skk. СПб., 1879 (1880), 1891 u. c.

Видеман, Vīdemanis — skat. (O.) Wiedemann.

Wiedemann (Видеман) Handb. = O. Wiedemann. Handbuch der litauischen Sprache. Grammatik, Texte, Wörterbuch. Strassburg, 1897.

Wiedemann (Видеман jeb Vīdemanis) Prät(eritum) = O. Wiedemann. Das litauische Präteritum. Ein Beitrag zur Verbalflexion der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1891.

Wiedemann (Vīdemanis) Sjögren's Livische Grammatik = Joh. Andreas Sjögren's Livische Grammatik nebst Sprachproben. Im Auftrage der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften bearbeitet und mit einer historisch-ethnographischen Einleitung versehen von F. J. Wiedemann. St. Petersburg, 1861.

Wiener SB = Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse.

van Wijk Balties-slaviese problemen = N. van Wijk. Balties-slaviese problemen ?

Willents Euangelias bei Epistolas v. J. 1579 = Euangelias bei Epistolas ... pilnai ir viernai pergulditas ant lietuwischka szodzia per Baltramieju Willenta ... Karaliauczuis, 1579.

(Ābels) Vills (Вилль) — skat. Enchir. (III).

Viltis = Viltis. Visuomenės, literatūros ir politikos laikraštis. Vilnius, 1907—1915.

Vita Ansgarii — skat. Rimbert Vita Ansgarii.

Voc(abular), Elbinger Vokabular (Эльбингский словар(ч)ик) = Das Elbinger deutsch-preussische Vokabular. [Rakstīts ap 1400. g., atradies Elbingas pilsētas bibliotēkā]. Skat. arī I šī saraksta beigās.

Woschenschr. f. class. Phil. = Wochenschrift für classische Philologie. Berlin.

Voelkel'я учебник = M. J. A. Voelkel. Lithauisches Elementarbuch. Heidelberg, 1879; 2. neu bearbeitete und vermehrte Auflage, 3. Ausgabe. Heidelberg, 1913.

Wolfenbütteler Postillenhandschr. v. J. 1573 jeb Die Wolfenbütteler litauische Postillenhandschrift aus dem Jahre 1573, Постилла 1573 г. = Ischgvldimas Evangeliv Per Wisvs Mettvs, Svrinktas Dalimis Isch Davgia Postillv. Tai Est Isch Postillas Nicvlai Hemingy, Antony Corvini, Ioannis Spangenbergi, Martini Lvtheri, Philippi Melanthonis, Ioannis Brenty ... Ir Isch Kittv. 1573. [Apraksti par to Lit. Mitt.]

Вольтер Литовская хрестоматия (Wolters Lit. Chrest.) — skat. LChr.

Вольтер (E. Volter) Лит. катех. Даукши — skat. Daukša Кат.

Вольтер (Wolter) Мат. = Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии. Собрал ... Э. А. Вольтер. СПб., 1890.

(= Записки имп. Русского географического общества по Отделению этнографии, т. XV, вып. 1).

Vondrák (Vondraks) Altkirchenslavische Grammatik², Вондрака церковнославянская грамматика² = W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. 2. Aufl. Berlin, 1912.

Vondrák (Вондрак, Vondraks) Vergl. slav. Gramm. = W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, I, II. Göttingen, 1906, 1908.

Wörter und Sachen = Wörter und Sachen. Kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung. Heidelberg, 1909 skk.

Vr. = Visprat (Avestā).

Врач = ? Врач. Еженедельная газета. СПб., 1880 skk.

Wörterbuch Miežinis — skat. Miež(inis) (Wrtb.).

Vulfstans = Wulfstan's Reisebericht über Preussen. — Scr. rer. Pruss., I. Leipzig, 1861.

Вюрцбургские глоссы = ?

Y. = Yasna (Avestā).

Yt. = Yašt (Avestā).

Записки имп. Харьковского университета = Записки имп. Харьковского университета. Сборник. Харьков, 1893—1917.

Zb. XVIII = Zbiór wiadomości do antropologii krajowej wydawany staraniem komisyi antropologiczney Akademii Umiejętności w Krakowie, t. XVIII [inflantiešu pasaku krājums]. W Krakowie, 1895.

Zbornik (u slavu) Jagića — skat. Jagić-Festschrift.

Zemkopis = Zemkopis. Lauksaimniecības, biškopības, dārzniecības, tirdzniecības, rūpniecības utt. nedēļasraksts. Jelgavā 1893—1915.

(Rīgas Latviešu biedrības) Zinību komisijas Rakstu krājums — skat. RKr.

Знач. — skat. Ульянов Знач.

Зоммер — skat. Sommer.

Zubatý (Зубатый, (J.) Z(ubatijs)) Über die sogenannten Flickvokale des lett. Volkslieds = J. Zubatý. Über die sogenannten Flickvokale des lettischen Volkslieds. — Böhm. Sitzungsber. 1895, Nr. XIX.

Zupitza Germ. Gutt. = E. Zupitza. Die germanischen Gutturale. Berlin, 1896.

Жив. Стар. = Живая старина. Издание Отделения этнографии Русского географического общества, т. I—XXV. СПб., 1891—1916.

ЖМНПр. = Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1867—1917.

I—V = (sen)prūšu valodas pieminekļi vecuma secībā:

I = Elbingas vāciski-prūsisks vokābulārs. Skat. Voc(abular).

II = Sīmaņa Grūnaua vokābulārs. Skat. Grunau.

III = I katechisms. Skat. Kat. I.

IV = II katechisms. Skat. Kat. II.

V = Enchiridijs jeb III katechisms. Skat. Enchir. (III).

CITI SAĪSINĀJUMI

abl. = ablativus
abs(ol). = absolutus
Abt. = Abteilung
acc. = accusativus
Acc. = Accusativ
accus. = accusatif
acorn. = altcornisch
act. = activum
adv. = adverbum
Adv. = Adverb
ae. = ариоевропейский
аффрик. = аффрикат(ивный)
ags. = angelsächsisch
ahd. = althochdeutsch
ахейск. = ахейский
ai(nd). = altindisch
air. = altirisch
aisl. = altisländisch
akad. = akadēmija
акад. = академия
Akad. = Akademie
akc. = akcents jeb intonācija
Akk. = Akkusativ
aksl. = altkirchenslavisch
Akt. = Aktiv
акут. = акутованный
akuz. = akuzātīvs
alat. = altlateinisch
alb(an). = albanesisch
алб(ан). = албанский
alett. = altlettisch
alit. = altlitauisch
altb. = altbulgarisch
altind. = altindisch
altiran. = altiranisch
altkur. = altkurisch
altlit. = altlitauisch
altruss. = altrussisch
an. = alt(west)nordisch
анат. = анатомический
англ. = английский
англосакс. = англосаксонский
Anm. = Anmerkung
äol. = äolisch
aor. = aoristus
Aor. = Aorist
apers. = altpersisch
apm. = apmēram
apr. = apriņķis
апр. = апрель
apr(euss). = altpreussisch
ar. = altrussisch
ар. = арийский
араб. = арабский
арийск. = арийский
арк. = аркадский
arm. = armenisch
арм. = армянский
aruss. = altrussisch
as. = altsächsisch, angelsächsisch
asl. = altslavisch
att. = attisch
атт(ич). = аттический
Aufl. = Auflage
aug. = augusts
augšzemn. = augšzemnieku
av. = avestas
aw. = awestisch
avd. = avdelning
ав(ест). = авестийский, Авеста
balt. = baltes, baltisch
балт. = балтийский, балтский
баск. = баскский
bd., Bd. = band, Band
Bed. = Bedeutung
Beitr. = Beitrag
белор(усск). = белорусский
беот. = беотийский
bezw. = beziehungsweise
bij. = izbijis
болг. = болгарский
böot. = böotisch
bret. = bretonisch
брет. = бретонский

брит. = британский
буд. вр. = будущее время
bulg. = bulgarisch
цак. = цаконский
cap. = caput
cathol. = catholicus
cf(.) = confer
chorw. = chorwatisch, kroatisch
cien. = cienījamais
class. = klassisch
compar. = comparativus
cond(it). = conditionalis
corn. = cornisch
црксл., црк.-слав. = (древне)церковнославянский
cymr. = cymrisch
ч. = часть
ч. = чешский
ч. = число
чак. = чакавский
čech. = čechiski, čechisch, tschechisch
чеш(ск). = чешский
чит. = читай
d. = der, die, das (dažādos locījumos)
d. = deutsch
D. = Dativ
dän. = dänisch
dass. = dasselbe
dat. = dativus, datīvs
дат. (пад.) = дательный падеж
daudzsk. = daudzskaitlis
dec. = decembris
decl. = declinatio
действ(ит). зал. = действительный залог
дельф. = дельфский, дельфийский
delph. = delphisch
Der. gr. nod(a|a) = Derīgu grāmatu noda|a
dgl. = dergleichen
d. h. = das heisst
dial. = dialectus, dialektisch
Dial. = Dialekt
диал. = диалектная форма
divsk. = divskaitlis
длит. инт. = длительная интонация
дополн. = дополнения
dor. = dorisch
дор. = дорический, дорийский
др. = другие
Dr. = Doctor
древнеангл. = древнеанглийский
древнеассир. = древнеассирийский
древнебрет. = древнебретонский
древнецерк.-сл(ав). = древнецерковнославянский
древнефр. = древнефранцузский
древнеирл(андск)., др.-ирл., дрирл. = древнеирландский
древнеисл., др.-исл. = древнеисландский
древнеиспанск. = древнеиспанский
древнелат. = древнелатинский
древнелит. = древнелитовский
древненижнен(ем). = древненижненемецкий
древнеперс. = древнеперсидский
древнепр. = древнепрусский
древнер. = древнерусский
др(евне)сакс. = древнесаксонский
древнесеверн. = древнесеверный (= *vācu* altnordisch)
древневерхн(ем)., древневерхнен. = древневерхненемецкий
друг. = другие
др.-в(е)рх(.-)н., дрверхн(ем). = древневерхненемецкий
du. = dualis
Du. = Dual(is)
дв(ойств). ч. = двойственное число
dz. = dzimšana, dziesma
ед(инств). ч. = единственное число
eig. = eigentlich
Einl. = Einleitung
эол. = эолийский
Erzähl. = Erzählung
est(n). = estnisch
эст(он). = эстонский
этим(ол). = этимологический
etnograf. = etnografisks
etr. = etruskisch
etw. = etwas
etym(ol). = etymologisch
eur(op). = europäisch
евр. = еврейский
евр(оп). = европейский
f. = und folgende (Seite)
f. = finnisch
f. = für
F. = Femininum
ф. = финский
фал. = фалисский
fem. = femininum
Fem. = Femininum
фесс(ал). = фессалийский
ff. = und folgende (Seiten)

филол. = филологический
f(inn). = finnisch
ф(инск). = финский
Fln. = Flussname
Forsch. = Forschung, Forscher
фр(анц). = французский
freqn. = frequentativ
fut. = futurum
Fut. = Futur
g. = gads, gadā
g. = genus
г. = год, господин
gads. = gadsimts
гал(льск). = галльский
гасконск. = гасконский
gemeinl(ett). = gemeinlettisch
gen. = genitivus
gén. = génitif
Gen. = Genitiv
g(en). = genus
географ. = географический
germ. = germanisch
герм. = германский
gerund. = gerundium, gerundivum
Gesch. = Geschichte
geschr. = geschrieben
gespr. = gesprochen
gew(öhnl). = gewöhnlich
гг. = годы
гл. = глава
глаг. = глагол, глагольный
голландск. = голландский
гом. = гомеровский
gort. = Gortyniensis, gortynisch
горт. = гортинский
got. = gotisch
гот(ск). = готский
Gouv(ern). = Gouvernement
гов. = говор
gr. = grāmata
Gr. = Grösse
гр. = (древне)греческий
gram. = gramatika, grammatica
Grām. = Grāmatā
грамм. = грамматика
греч(еск). = (древне)греческий
gr(iech). = griechisch
g. r. l. = gada revizijas liste
grr. = grossrussisch
gs. = gadu simtenis, gadsimts
gub. = guberņa
губ. = губерния
ģen(it). = ģenitīvs
H. = Heft
handschr. = handschriftlich
Hauptf. = Hauptform
herausgeg. = herausgegeben
hochlett. = hochlettisch
hochlit. = hochlitauisch
hom(er). = homerisch
хорв. = хорватский
ibid. = ibidem
ide. = indoeuropäisch
иде. = индоевропейский
i(d)g. = indogermanisch
и др(уг). = и другие
им. = имени
им(ен)(ит). п(ад). = именительный падеж
imp. = imperatorisch
имп. = императив
imp(er). = imperativus
имп(ер). = императорский
ind(ic). = indicativus
indoeurop. = indoeuropäisch
индоевр. = индоевропейский
indog(erm). = indogermanisch
индоиранск. = индо-иранский
inf. = infinitivus
inf(in). = infinitīvs
In(fin). = Infinitiv
инфин. = инфинитив
infl. = infläntisch
inflant. = inflantiešu
инфл(янтск). = инфлянтский
Instr. = Instrumentalis
instr(um). = instrumentalis
инт. = интонация
int(on). = intonācija
intrans. = intransitiv
ион. = ионийский
и пр. = и прочее
iran. = iranisch
иранск. = иранский
ир(ланд). = ирландский
исп. = испанский
īsten. izt. = īstenības izteiksme
истор. = история, исторический
ital. = italiski
ital. = italisch, italienisch
итал. = италийский
итальян(ск). = итальянский
и т. д. = и так далее
и т. п. = и тому подобное
izd. = izdevums
изд. = издание

изъяв(ит). наклонение = изъявительное наклонение
izloksn. = izloksnes forma
izt. = izteiksme
изв. = извод
J. = Jahr
Jahrh. = Jahrhundert
jatv. = jatvingisch
jatwäg. = jatwägisch
яз. = язык
языковед. = языковедение
юго-вел.-р. = юговеликорусский
южнослав. = южнославянский
каш. = кашубский
kelt. = keltisch
кельт. = кельтский
kgs = kungs
кимр. = кимрский
кипр. = кипрский
kl(ein)r(uss). = kleinrussisch, t. i., ukraiņu
km = kilometrs
kn. = knyga
кн., кнь. = книга, кньига
K.-N., Korr.-Note = Korrekturnote
kom. = komisija
Komp. = Komparativ
Komparativsuff. = Komparativsuffix
Kond. = Konditional
königl.-sächs. = königlich-sächsische
Kons. = Konsonant
коркирск. = коркирский
корн. = корнский
kr. = krievu
krīt. int. = krītošā intonācija
ksl. = kirchenslavisch
kur. = kurisch
kurd. = kurdisch
kurl. = kurländisch
куронск. = куронский
l. = lasi
л. = лицо
la. = latviešu
ла. = латышский
ладинск. = ладинский
lak. = lakonisch
lapp. = lappisch
lapp. = lappuse
lat. = latīņu, lateinisch, latin
лат. = латинский
латышск. = латышский
latv. = latviešu
l. c. = loco citato
lei. = leišu, lietuvju
lesb. = lesbisch
лесб. = лесбосский
летоп. = летопись
le(tt). = lettisch
Lett. = Lettisch
liet. = lietuvju, lietuviešu
li(t). = litauisch, Litevci
Lit. = Litauisch
личн. = личный
liter. = literarisch
лит.-ла. = литовско-латышский
lit.-lett. = litauisch-lettisch
лит(овск). = литовский
лит.-слав. = литовско-славянский
Litt. = Literatur
liv. = livisch
лив. = ливский
livländ.-liv. = livländisch-livisch
(tic.) loc. = ticības loceklis
loc. = locativus
locat. absol. = locativus absolutus
Lok. = Lokativ
lokāt. = lokātīvs
lot. = Lotyši
lpp. = lappuse
M. = Maskulinum
м. = мужской
māc. = mācītājs
мадьярск. = мадьярский
mag. = magister
Mag. = Magister
малор(ус). = малорусский, t. i., ukraiņu
masc. = masculinum
m. E. = meines Erachtens
местн. п(ад). = местный падеж
местоим. = местоимение
mhd. = mittelhochdeutsch
mir. = mittelirisch
Mitt. = Mitteilungen
мн(ож). ч. = множественное число
mu = muiža
муж. р. = мужской род
m. W. = meines Wissens
н. = наука
N = die Mundart von Neuenburg
нагов. = наговоры
накл. = наклонение
напр(им). = например
нар. = наречие, народный
наст. = настоящий
наст. вр. = настоящее время

н(ем). = немецкий
неопр. накл. = неопределенное наклонение
неудар. = неударяемый
neutr. = neutrum
neutr. gen. = neutrum genus
нидерл. = нидерландский
niederlett. = niederlettisch
niedersorb. = niedersorbisch
нисход. инт. = нисходящая интонация
нисход. удар. = нисходящее ударение
нижнела. = нижнелатышский
нижнелит. = нижнелитовский
нижнелуж. = нижнелужицкий
нижнен(ем). = нижненемецкий
nom. = nominativus, nōminātīvs
nom.-acc. = nominativus-accusativus
nōm(in). = nōminātīvs
Nom(in). = Nominativ
nordlit. = nordlitauisch
nordwestžem. = nordwestžemaitisch
norw. = norwegisch
норв. = норвежский
nov. = novembris
новоч(ешск). = новочешский
новогреч. = новогреческий
новоирл. = новоирландский
новокимр. = новокимрский
новоперс. = новоперсидский
Nr. = numurs, Nummer
ntr. = neutrum
Ntr. = Neutrum
num. = numurs
o. = oben
ö. = öfters
обыкн. = обыкновенно, обыкновенный
общебалт. = общебалтийский
общедор. = общедорийский
общегреч. = общегреческий
общела. = общелатышский
общелит. = общелитовский
общеслав. = общеславянский
общевосточнола. = общевосточнолатышский
od. = oder
oft. = oftmals
окт. = октябрь
олон. = олонецкий
On. = Ortsname
осет. = осетинский
osk. = oskisch
оск. = оскский
осн. = основа
ostlett. = ostlettisch
ostlit. = ostlitauisch
откр. = открытый
p. = pagina
p. = pēc
p. = persona
p. = polnisch
п. = песня
п. = польский
P. = Person
п(ад). = падеж
pag. = pagātne
pag. = pagina
pag. = pagasts
памфил. = памфилийский
part. = participium
Part. = Partizip
Partic. = Participium
pass. = passivum
Pass. = Passiv
pav. izt. = pavēles izteiksme
перев. = перевод
perf. = perfectum
Perf. = Perfekt
p(ers). = persona
перс. = персидский
phil. = philologia
Phil. = Philologie
philol.-hist. = philologisch-historische
philos.-hist. = philosophisch-historische
piem. = piemēram
pies. = piesūtījuši
pl(ur). = pluralis
Pl(ur). = Plural
pļ = pļava
Pn. = Personenname
pol. = poliski
полаб. = полабский
poln. = polnisch
полн. = полный
положит. = положительный
польск. = польский
pomes(an). = pomesanisch
послов. = пословицы
повел(ит). накл. = повелительное наклонение
pr. = priekš
pr., Pr. = (alt)preussisch
пр. = прочие
пр. = (древне)прусский

прабалт. = прабалтийский
praes. = praesens
praet(er). = praeteritum
Praeter. = Präteritum
прагерм. = прагерманский
праинд., праиндоевр(оп). = праиндоевропейский
праитал. = праиталийский
пракр. = пракритский
прала. = пралатышский
пралит. = пралитовский
präп. = pränestisch
прарусск. = прарусский
Präs. = Präsens
прасл(ав). = праславянский
Prät(er). = Präteritum
правосточнола. = правосточнолатышский
предл. = предлог
пренест. = пренестский
прер(ыв). инт. = прерывистая интонация
preuss. = (alt)preussisch
prf. = perfectum
прич. = причастие
прилагат. = имя прилагательное
прим. = пример
притяжат. = притяжательный
prof. = profesors
проф. = профессор
Prof. = Professor
прош. вр. = прошедшее время
prs. = persona
Prs. = Person
прусск. = (древне)прусский
пруссколит. = пруссколитовский
пс. = псалом
P. S. = post scriptum
pūv. = pūvod (*čech.* cilme)
r. = russisch
р. = река
р. = род
р. = русский
Р. = рождество
red. = redakcija
Red. = Izlases sagatavotāju un rediģētāju piezīmes
refl. = reflexiv
resp. = respektīvi, respectivement
RLB = Rīgas Latviešu biedrība
род(ит). п(ад). = родительный падеж
russ. = russisch
русск. = русский
ryt. = rytietiškai
s. = sächsisch
s. = siehe
s. = singularis
S. = Seite
S. = Singular
sal. = salīdzini
salzburg. = salzburgisch
saml. = samländisch
sanskr. = sanskrits
санскр. = санскритский
сард. = сардинский
sast. = sastādījis
Schr. = Schrift
schriftl(ett). = schriftlettisch
schriftlit(auisch) = schriftlitauisch
scil. = scilicet
semit. = semitisch
семитск. = семитский
senbulg. = senbulgaru
senkr. = senkrievu
senla(tv). = senlatviešu
senlei. = senleišu
ser. = series
serb. = serbisch
serb.-chorw. = serbokroatisch
сербохорв. = сербохорватский
серб(ск). = сербский
сербскхорв. = сербохорватский
северноар. = северноарийский
севернолит. = севернолитовский
северно-вел.-р. = северновеликорусский
sg. = singularis
сицил. = сицилийский
siev. = sieviešu
s(ing). = singularis
S(in)g. = Singular
sk. = un sekojošais
skat. = skaties
skk. = un sekojošie
skr. = sanskrit
скр. = санскрит, санскритский
скт. = санскрит
sl. = slave
сл. = и следующий
sl(av). = slavisch
Slav. = Slavisch
слав. = славянский
слав(яно)-балт. = славяно-балтийский
слл. = и следующие

слов. = словесность
слов(ацк). = словацкий
slov(en). = slovenisch, t. i., slovaku (?)
словен(ск). = словенский, t. i., slovaku (?)
слов(инск). = словинский, t. i., slovēņu
см. = смотри
смягч. = смягченный
собр. = собрание
spez. = speziell
Spr. = Sprache
спряж. = спряжение
ср. = сравни
сравн(ит). степ. = сравнительная степень
срб. = сербский
среднеирл. = среднеирландский
среднеисл. = среднеисландский
средненижнен(ем)., ср.-нижнен., ср.-н.-нем. = средненижненемецкий
среднев(е)рхн(ен)(ем)., ср.-врх.-н. = средневерхненемецкий
средн. р. = средний род
срв. = сравни
St. = Stamm
староч(еш). = старочешский
старокельтск. = старокельтский
старола. = старолатышский
старолат(инск). = старолатинский
старолит. = старолитовский
староп. = старопольский
старор. = старорусский
стол. = столетие
стр. = страдательный залог
стр. = страница
stud. phil. = studiosus philologiae
Subst. = Substantiv
südlit. = südlitauisch
Suff. = Suffix
sup. = supīns, supinum
Sup. = Supinum
s. v. = sub voce
sv. = svētais
шток. = штокавский
шведск. = шведский
t. = tomas, tomus
т. = том
tag. = tagadne
tdz. = tautasdziesma
т. е. = то есть
t. i. = tas ir
tic. loc. = ticības loceklis
trans. = transitiv
тюрк. = тюркский
тур. = турецкий
твор(ит). пад. = творительный падеж
т. ж. с. = то же самое
u = upe
u. = und
у. = уезд
u. a. = und andere
u. c. = un citi
удар. = ударение
u. dgl. = und dergleichen
удск. = удинский
ueb. = über
уез. = уезд
umbr. = umbrisch
умбр. = умбрский
Unters. = Untersuchung
u. ö. = und öfters
urbalt. = urbaltisch
Urbaltischslav. = Urbaltisch-slavisch
urgr. = urgriechisch
urindogerm. = urindogermanisch
urkelt. = urkeltisch
urpoln. = urpolnisch
urruss. = urrussisch
ursl(av). = urslavisch
urspr. = ursprünglich
ursprachl. = ursprachlich
usw., u. s. w. = und so weiter
utt. = un tā tālāk
v. = vārds
v. = von
W = die Mundart von Wolmar
в. = век
vāc. = vāciski, vācu
val. = valoda
var. = variants
вар. = вариант
Var. = Variant
вавил. = вавилонский
v. d. = von der, dem, den
вед. = ведийский
weissruss. = weissrussisch
великор. = великорусский, t. i., krievu
Verf. = Verfasser
верхнела. = верхнелатышский
вернелит. = верхнелитовский
в(е)рх(не)луж., верх.-луж. = верхнелужицкий

verm. = vermischt
westkurl. = westkurländisch
westslav. = westslavisch
vgl. = vergleiche, vergleichend
viensk. = vienskaitlis
вин. п(ад). = винительный падеж
вып. = выпуск
v. J. = vom Jahre
Wiss. = Wissenschaften
Wk. = die Mundart von Walk
вм. = вместо
voc. = vocativus
Voc(at). = Vokativ
восточнола. = восточнолатышский
восточнолит. = восточнолитовский
возвр(атн). = возвратный
wr. = weissrussisch
вр(ем). = время
wruss. = weissrussisch
Wz. = Wurzel
z = zemniekmāja
z. = zu, zur, zum
Z. = Zeile
ZA = Zinātņu akadēmija
загад. = загадки
западнолит. = западнолитовский
z. b., z. B. = zum Beispiel
zin. = zinības
Zin. kom. = Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisija
zit. = zitiert
зват. пад. = звательный падеж
žem. = žemaitisch, žemaiši
Žem. = Žemaitisch
ж(енск). р. = женский род
< = no, из, aus
× = reiz, раз, Mal

VIETU VĀRDU TULKOJUMI RESP. PASKAIDROJUMI

Aaгоф, Aahof = Lejasciems, Ādaži
aагофск(ий) = Lejasciema, Ādažu
Abau, Абау = Abava
Abgunst, Абгунст = Abgunste (Zaļeniekos)
Absenau, Абзенау = Ozoli jeb Ozolmuiža (Lauberē)
Adiamünde = Skulte
Adlehn, Адленен = Aduliena
Adsel, Адзель = Gaujiena
Adsel-Schwarzhof, Адзель-Шварцгоф = Zvārtava
Adze, Адзе = Adze (Gudeniekos)
Адзель = Gaujiena
Адзель-Шварцгоф = Zvārtava
Alswig, Альсвиг = Alsviķi(s)
Alschwangen, Альшванген = Alsunga
Alšvanga = Alsunga
Alt-Autz = Vecauce
Altenwoga, Альтенвога = Meņģele
Alton = Altene (Secē)
Alt-Pebalg, Альт-Пебальг = Vecpiebalga
Alt-Schwanenburg, Альт-Шваненбург = Vecgulbene
Alt-Schwarden, Альт-Шварден = Veczvārde
Alt-Seeksahten = Vecsieksāte
Amboten, Амботен = Embūte
Amt-Goldingen = Kalnamuiža (pie Kuldīgas)
андреевск(ий) = Endriejavas (liet. Endriejavas)
Андрепен, Андрепно = Andrupene jeb Andrupine
андрепенск(ий) = Andrupenes jeb Andrupines
Angermünde = Rinda (Ancē)
Анцен, Anzen = Ance
Anīkšči = liet. Anykščiai
Appreten jeb Appricken, Апприкен = Apriķi
Appule, Apulia, Apūlija, Apoule = liet. Apuolė
Армунова = Armanava (bij. Purvmales pag.)
Arras, Appac = Arakste jeb Araksti
Ascheraden, Ашераден = Aizkraukle
Astijerwe, Burtneek-See = Burtnieku ezers
Aszen = Oži, liet. Ožiai (kādreiz Prūšu Lietuvā)
Ašmenas jeb Ašmenu apr. = Ošmjanu (liet. Ašmėna) apriņķis (Baltkrievijā)
Augškurzeme = Kurzemes guberņas centrālā un austrumu daļa (Zemgale)
Autz = Auce
Avižiai = (?) Avižļi, liet. Avižliai
Баденгоф, Badenhof = Dreiliņi (Pālē)
Bahten, Батен = Bāta jeb Bāte (Vaiņodē)
Baldohn, Бальдон = Baldone
Ballanden = Balande (Alsungā)
baltieši = vidus un lībisko izlokšņu runātāji
Bandowe = novads XIII gs. Kursas ziemeļdaļā
Bārtava = Bārta
Батен, Bahten = Bāta jeb Bāte (Vaiņodē)
Bauske = Bauska
Behnen, Бенен = Bēne
Bershof, Берсгоф = Bērsmuiža jeb Bērze
Bersohn, Берзон = Bērzaune
Bihavelanc = novads XIII gs. Kursas ziemeļdaļā
Бикстен, Bixten = Biksti

Bilsteinshof = Bilstiņi (Koknesē)
Birsgaln = Birzgale
бирженск(ий) = Biržu
Биржи, Birži = Birži (vairāku muižu vārds), Lietuvā — liet. Biržai
Bixten = Biksti
Blendene = Blendiena (Kazdangā)
Блендзянка = (?) (kādreiz Lietuvā)
Блиден, Blieden = Blīdiene jeb Blīdene
блиденск(ий) = Blīdienes jeb Blīdenes
Blintene — bij. muiža Alsungā pie Gudenieku robežas
blintenieces — Blintenes muižas vai tās apvidus sievietes
Borchhof, Борхов = Barkava
Brucken = Brukna
Буцковски, Butzkowsky = Bučauska (Virānē)
Buividze, Buividži = Buividži, liet. Buivydžiai
Burtneck, Буртнек = Burtnieki
Burtneek-See = Burtnieku ezers
Бушгоф = (?) Birži (Jēkabpils rajonā)
Ceclis = novads XIII gs. Kursas dienvidda|ā
Цемпен, Zempen = Cempi (Jaunvālē)
Cerende = Cerenda (Basos)
Cersangere = (?) XIII gs. Kursas zieme|austrumos
Churland = Kurzeme
Cierkale = Cirkale (Zlēkās)
Cilde = Cildi (Kazdangā)
Цирау, Цирава, Zierau, Zirau = Cīrava
цирауск(ий) = Cīravas
Цискаты = 1) Ciskads jeb Ciskada jeb Ciskadi (Ružinā); 2) Ciskads jeb Tiskadi jeb Tiskati (Sakstagalā)
Cori, Corres = kurši (viduslaiku rakstos)
Cunce (Ārlavā)
Curetes, Curones = kurši (viduslaiku rakstos)
Cursicule = («kuršu ciems») Kursīši Krimuldas apvidū
Dewen, Девен = Devēna (Vestienā)
Dižlietava jeb Krievu jeb Krievijas Lietava = Lietuvas lielākā da|a (bij. Vil|as un Kau|as guber|as), kas pēc 1795. g. ietilpa Krievijā
Добейская волость = Dobeiķu (liet. Dobeikiai) pag.
Doblen, Доблен = Dobele
Doblensch, добленск(ий) = Dobeles
Dondangen, Донданген = Dundaga jeb Dundanga
донданген(ий) = Dundagas
Drostenhof, Дростенгоф = Drusti
drustēnieši = Drustu iedzīvotāji
Druweenen, Друвенен, Druviene = Druviena
Ds. = Dusetas, liet. Dusetos
Дубена, Dubena = Dignāja
Dubenalken, Дубеналькен = Dunalka
Duhren, Дурен = Dūre (Alūksnes raj.)
Duhren, Дурен = Dūras (Vārmē) vai Dūru muiža (Blīdenē)
Dünamündung = (Dünamünde) Daugavgrīva
Dundanga = Dundaga
Durben, Дурбен = Durbe
Дурен, Duhren = Dūre (Alūksnes raj.)
Дурен, Duhren = Dūras (Vārmē) vai Dūru muiža (Blīdenē)
Dursuppen = Dursupe (Zentenē)
Dus., Dusetos, Дусяты = Dusetas, liet. Dusetos
Duvzare = novads XIII gs. Kursas dienvidda|ā
Двина = Daugava
Двинск = Daugavpils
Dzelde = Dzelda (Nīkrācē)
Dzintere = Dzintare (Apriķos)
Dzintere = (?) Dzintarvalks (Skrundas apvidū, ietek Ventā)
Dzire jeb Zire = Dzi|a jeb Zi|a
Eckendorf, Экендорф = Ozolmuiža (Smārdē)
Edwahlen, Эдвален = Ēdole
Edze = Edzes (Ivandē)
Ekau, Экау jeb Экава = Iecava
Ekengraf, Экенграф = Viesīte
Elley, Элей = Eleja jeb Elēja
Erlaa, Эрлаа = Ērgļi
Erwahlen, Эрвален = Ārlava
Essenhof, Эссенгоф = Lielā muiža (Madlienā)
Essern = Ezere
Ewangen = Ievanga (Ziemupē)

Fehteln, Фетельн = Vietalva
Felixberg, Феликсберг = Pilsberģi (Jūrkalnē)
Festen, Фестен = Vestiena
Фетельн = Vietalva
Firckshof = Jaunvirka (Ķuldīgas pag.) vai Firksi (Matkulē)
Fistehlen, Фистелен = Aderkaši (Taurupē)
Fockenhof, Фокенгоф = Bukaiši
Fossenberg, Фоссенберг = Ķēči
Frauenburg, Фрауэнбург = Saldus
Friedrichshof, Фридрихсгоф = Baižkalns (?)
Galbrasten = Galbraščі, liet. Galbraščiai (tagad Kaļiņingradas apgabalā)
Garkalns — apdzīvotā vieta Ādažos (?)
Garrosen, Гарозен = Garoze
гарозенск(ий) = Garozes
Gaujene = Gaujiena
Gaveyssen, Gaweesen, Gawesen, Гавезен = Gavieze
Газау = Užava
Газенпот = Aizpute
Gegrėnai = Gegrēni (Lietuvā)
Гейденфельд = (?) Gaidži, liet. Gaidžiai (tagad Kaļiņingradas apgabalā)
годлевск(ий) = Garļavas (liet. Garliava)
Гофцумберг = Kalnamuiža (Tērvetē)
Гохрозен = Augstroze
Goldingen, Гольдинген = Kuldīga
Goldingensch = Kuldīgas
Golgowsky, Голговски = Galgauska
Гольмгоф = Ābeļi
Городище = Gorodišče (bij. Purvmales pag.)
Gotthardsberg, Готгардсберг = Gatarta
Gramsden, Грамзден = Gramzda
Granteln = Grantele (Zālītē)
Grauduppen = Graudupe (Rendā)
Grendze (Sventē)
Грезен = Grieze (Nīgrandē)
Гриккен = Griķi
Grobin, Гробин = Grobiņa
Grobinscher Kreis = Grobiņas apriņķis
Grodņa = Гродно (Baltkrievijā)
гродненск(ий) = Grodņas
Grösen = Grieze (Nīgrandē)
Gross-Buschhof, Гросс-Бушгоф = Birži (Jēkabpils rajonā)
Gross-Ekau, Гросс-Экау jeb Гросс-Экава = Lieliecava
Gross-Essern, Гросс-Эзерн = Lielezere
Gross-Iwanden, Гросс-Иванден = Ivande
Gross-Kruten, Гросс-Крутен = (Liel)krūte (Bārtā)
Grücken = Griķi
Grundsahl, Грундзаль = Grundzāle
Grühnhof, Грюнгоф = Zaļmuiža jeb Zaļenieki
Gulbern, Гульберн = Gulbēris jeb Gulbēre (Mēdzūlā)
Ģertrūdes iela (Rīgā) = Kārļa Marksa iela
Hasau, Газау = Užava
Hasenpot, Газенпот = Aizpute
Hasenpotscher Kreis = Aizputes apriņķis
Kreis Heidekrug = Šilutes (liet. Šilutė) apriņķis
Kreis Heiligenbeil = Heiligenbeiles (liet. Heiligenbeilis, Heiligenbeilė, Ilgabylė, Šventa Bylė, Šventamiestis, Šventapilė, Šventkirvis, tagad Mamonova Kaļiņingradas apgabalā) apriņķis
Hochrosen, Гохрозен = Augstroze
Hofzumberg, Гофцумберг = Kalnamuiža (Tērvetē)
Hohenbergen = Kalnamuiža (Matkulē)
Holmhof, Гольмгоф = Ābeļi
Hoppenhof = Ape
Хвейданы = Kvēdarna, liet. Kvėdarna
хвейданск(ий) = Kvēdarnas
Idsel, Идзель = Igate (Vidrižos)
Ievanga (Ziemupē)
Иллукст, Illuxt = Ilūkste
Ilsen, Ильзен = Ilzene
Inflantija = Latgale (Vitebskas guberņas latviešu apdzīvotā teritorija)
inflantisch, инфлянтск(ий) = Inflantijas, inflantiešu, t. i., Vitebskas guberņas latviešu = latgaliešu

Иозефов = Jezupova jeb Jezupinova (Vārkavā)
J(.) = Jaun-
Jamaiķi, Jamaiten = Jāmaiķi (Klosterē)
Янишки = Jonišķi, liet. Joniškis
янишск(ий) = Jonišķu
Яунушаны = Jaunušāni (Līksnā)
Jonišķis = Jonišķi, liet. Joniškis
ионишск(ий) = Jonišķu
Jurata (Ternejā)
Jürgensburg, Юргенсбург = Zaube
Юрьев = Tērbata jeb Tartu
Kabillen, Кабиллен = Kabile
Кацданген = Kazdanga
Kaipen, Кайпен = Ķeipene
Kakschen = Kakši, liet. Kakšiai (kādreiz Prūšu Lietuvā)
Kalleten, Каллетен = Kalēti
Кальценау jeb Кальценава = Kalsnava
Kalten = Kaltene (ciems Nogalē, muiža Vandzenē)
Kaltenbrunn = Kaldabruņa
Kalzenau, Кальценау jeb Кальценава = Kalsnava
Кальварийский уезд = Kalvarijas apriņķis (Lietuvā)
Kandau, Кандау jeb Кандава = Kandava
Kandeln = Kandeļi (Rudbāržos)
Karaļauči = Kaļiņingrada (bij. Kēnigsberga)
Karkelbeck = Karkle, liet. Karklė
Карпово = Karpova (bij. Purvmales pag.)
Kastran, Кастран = Kastrāne
Katzdangen, Кацданген = Kazdanga
Kaugershof, Каугерсгоф = Kauguri (pie Valmieras)
Kaugerzeem = Kaugurciems (pie Slokas)
Kaukazi = Kaukazs
Каунат jeb Кавнат = Kaunata
Kirchholm, Кирхгольм = Salaspils
Klein- = Maz-
Klein-Gramsden, Клейн-Грамзден = Mazgramzda
Klein-Laitzen, Клейн-Лайцен = Jaunroze
Klingenberg, Клингенберг = Akanstaka (Morē)
Klooschen-Bartel = Kliši, liet. Klišiai
Кокенгузен, Kokenhusen = Koknese
Кольцен, Koltzen = Bīriņi
Königsberg = Karaļauči, tagad Kaļiņingrada
korsi, kuorsi, корсь = kurši
Kortenhof, Кортенгоф = Beļava
Kotljary = Kotlēri, liet. Kotlėriai (Utenas rajonā un Anīkščų rajonā)
Ковенская губерния = Kauņas guberņa
Kownat, Каунат jeb Кавнат = Kaunata
Kowno = Kauna jeb Kauņa
Kownosch = Kauņas
Kraslau, Kraslaw, Краслау, Краслав = Krāslava
Крейцбург, Kreuzburg = Krustpils
крейцбургск(ий) = Krustpils
Kremon, Кремон = Krimulda
Kreslaw, Kreslawka, Креславка = Krāslava
креславск(ий) = Krāslavas
Kreuzburg, Крейцбург = Krustpils
Krievijas jeb Krievu Lietava — skat. Dižlietava
Krīzburga = Krustpils
Krons-Misshof, Кронс-Миссгоф = Misa
Krons-Würzau, Кронс-Вюрцау = Kroņa Vircava (Vircavā)
Кроппенгоф, Kroppenhof = Krape vai Krapa (Galgauskā)
Kruhten, Krūta, Крутен = Krūte (Bārtā)
Kukschen = Kukšas (Zemītē?)
Kupiški, Купишки = Kupišķis, liet. Kupiškis
Kuren, kūri, kuri = kurši
Kurenland = Kuršu zeme, Kurzeme
kurisch = kuršu
Kurische Nehrung = Kuršu kāpas
Kurl(and), Курляндия = Kurzeme
Курляндская губерния = Kurzemes guberņa
Kur-mā = Kurzeme (lībiešu izrunā)
Kuronen = kurši
Kuronija = Kurzeme
куронск(ий) = Kurzemes, kuršu
Kursa, Kurse = Kurzeme
Kurschen = Kurši, liet. Kuršiai
kursi (kurss), kuorsi = kurši
Kursiten = Kursīši

Kuršė = Kursa jeb Kurzeme
kuršiai (liet.) = kurši (Kuršu kāpu apdzīvotāji)
kuršis, kuršiai (liet.) = kurši (Kurzemes apdzīvotāji)
Kūru kāpas = Kuršu kāpas
Кузнецово = Kuzņecova (Baltinavā)
Kv., Kved. = Kvēdarna jeb Kvēdaina, liet. Kvėdarna jeb Kvėdaina
Lahnen, Ланен = Lāņi (Vecpilī)
Lanckorona, Landskorona = Šķaune
Landsen, Landze = Landze (Zūrās)
Lanksēži (Lažā)
Lassen, Лассен = Laši
лассенск(ий) = Lašu
Laudohn, Лаудон = Ļaudona
Lauzica = *vācu* Lausitz, Lužica (novads VDR)
Лаздон, Lazdone = Lazdona
Leitīšnieki (Nīcā)
Lejaskurzeme = Kurzemes guberņas rietumu daļa (Kurzeme)
Lemburg, Лембург = Mālpils
Lemmenen = Ungurmuiža jeb Medņi
Lennewarden, Ленневарден = Lielvārde
ленневарденск(ий) = Lielvārdes
Lesten, Лестен = Lestene
Lettgallen = Latgale vai (chronikās) latgaļu (letgaļu) zeme
Лѣтьгола = latgaļu zeme; latgaļi jeb letgaļi
Lettin, Леттин = Litene
Lēzern, Lösern = Liezēris jeb Liezēre
Libau, Либау jeb Либава = Liepāja
Либьен = Biksēris jeb Biksēre (Patkulē)
Liefland — skat. Livland
Lielezere = (senāk) Ezere kopā ar Pampāļiem, tagad Ezere
Lielsalace = Salacgrīva vai Salaca
Lielsesava = Sesava jeb Seseve
Lietava = Lietuva
Lieven-Bersen, Ливенберзен = Līvbērze
Liewenhof = Līvāni
Лифляндия = Vidzeme
Лифляндская губ. = Vidzemes guberņa
лифляндск(ий) = Vidzemes
Ligutten, Лигуттен = Līguti (Durbē)
Liksna, Ликсна = Līksna
Linden, Линден, Линден (в Курляндии) = Linde (Birzgalē)
Линден (в Лифляндии) = Liepkalne
Lindenberg, Линденберг = Tīnūži (Ikšķilē)
Lippaiken, Липпайкен, Lippayten = Lipaiķi (Turlavā)
Lipskaln, Липскальн = Lipšukalns (Trikātā)
Липстгузен, Lipsthusen = Lībagi
Lissenhof, Лиссенгоф = Lisa (Raunā)
Liven = (?) Līvi (bij. Cēsu pag.)
Ливенберзен, Lieven-Bersen = Līvbērze
Livland = Vidzeme
Лизон, Lisohn = Lizums
Lösern, Лёзерн = Liezēris jeb Liezēre
Lubahn, Лубан, Lubāne = Lubāna
лубанск(ий) = Lubānas
Lubei, Lubey, Лубей = Lubeja
Луде, Luhde = Lugaži
Ludsen, Ludze, Люцин = Ludza
Ляндскорона = Landskorona (Šķaunē)
Люцин = Ludza
M. = Москва
Магнусгоф, Magnushof = Mangaļi
Maliena = Latgale, Augšzemgale un Vidzemes dienvidaustrumu daļa
Мало-Грамзден = Mazgramzda
Marzen, Марцен = Mārciena
Marcinkancy = Marcinkoņi, liet. Marcinkonys
Marienburg, Мариенбург = Alūksne
мариенбургск(ий) = Alūksnes
Машново = Mašnova jeb Mašnovo (ciems austrumos no Viļakas)
Matkuln, Маткульн = Matkule
Matzutkehmen = (?) Mažutkiemiai (kādreiz Prūšu Lietuvā)
Mazgramzde = Mazgramzda
Mazlietava jeb Prūšu Lietava = kādreizējā Austrumprūsijā iekļautās senās lietuviešu apdzīvotās teritorijas
Megowe = novads XIII gs. Kursas dienviddaļā
Mehrhof, Мергоф = Mēris
Meiran, Мейран = Meirāni
Meķe (jeb Perniģele) (Liepupē)
Memel, Мемель = Klaipēda, liet. Klaipėda

Memel, Мемель = Mēmele (upe)
мемельск(ий) = Klaipēdas
Мегроф, Mehrhof = Mēris
Mescheneeken = Mežnieki (Asītē vai Grobiņā)
Meselau, Мезелау = Mēdzūla
Mesoten, Мезотен = Mežotne
Mīlgrāvis — Rīgas priekšpilsēta
Миссгоф, Misshof = (Dzimt)misa
Mittel-Kurland = Kurzemes guberņas vidiene (Rietumzemgale)
Mittel-Livland = Vidzemes vidiene
Morizberg = (?) Morkalni (Tirzā)
Mūrmuiža (pie Valmieras)
Narova = Narvas upe
Наудите, Nauditen = Naudīte
наудитенск(ий) = Naudītes
Naukschen, Наукшен = Naukšēni
Nedinga = liet. Nedingė
Nehrung = Kuršu joma
нейенбургск(ий) = Jaunpils vai Zaubes
Нейгалль = Mīlīte (Bauņos)
Нейгут = Vecmuiža jeb Vecumnieki
Ней-Лайцен = Jaunlaicene
Ней-Пебальг = Jaunpiebalga
Ней-Розен = Jaunroze
Ней-Шваненбург = Jaungulbene
Ней-Залис = Svētciems jeb Sveiciems
Nerft, Нерфт = Nereta
Neu-Autz, Ней-Аутц = Jaunauce
Neuenburg, Нейенбург = Jaunpils 1) Vidzemē (vēlāk Zaube), 2) Zemgalē
Neufeld, Нейфельд = Neifelda (kādreiz Skaistkalnē)
Neugut, Нейгут = Vecmuiža jeb Vecumnieki
Neuhall, Нейгалль = Mīlīte (Bauņos)
Neuhof im Goldingenschen Kreis = Jaunāmuiža (Gudeniekos)
Neu-Laitzen, Ней-Лайцен = Jaunlaicene
Neu-Pebalg, Ней-Пебальг = Jaunpiebalga
Neu-Rosen, Ней-Розен = Jaunroze
Neu-Salis, Ней-Залис jeb Ново-Залис = Svētciems jeb Sveiciems
Neu-Schwanenburg, Ней-Шваненбург jeb Ново-Шваненбург = Jaungulbene
Neuwacken = Jaunpagasts
Nīce = Nīca
Nidaen, Нидден = Nida (Kuršu kāpās)
Nieder-Bartau, Нидер-Бартау = Nīca
Nigranden, Нигранден = Nīgranda jeb Nīgrande
Nitau, Нитау = Nītaure
Nogallen, Ноголлен = Nogale
nordwestkurisch = ziemeļrietumu kuršu
Nordwestkurland = ziemeļrietumu Kurzeme
Новоалександр(овский) уезд = Zarasu (liet. Zarasai) apriņķis
Ново-Аутц = Jaunauce
Ново-Пебальг = Jaunpiebalga
Ново-Шваненбург = Jaungulbene
Ново-Залис, Neu-Salis = Svētciems jeb Sveiciems
Нурмгузен, Nurmhusen = Nurmuiža (Laucienē)
Nurmis, Нурмис = Nurmiži (Vildogā)
Ober-Bartau jeb Oberbartau, Обер-Бартау = Bārta
Odensee, Одензе = Odziena
Odjen, Одзен = Mētriena
Ogershof, Огерсгоф = Ogresmuiža jeb Vecogre
Ohscheneeken, Ошенекен = 1) Ošnieki (Grobiņā), 2) Ošenieki (Lutriņos)
Ohseln = Ozoli (Kalētos)
Ohselshof bei Linden = Ozoli (Liepkalnē)
Olai, Олай = Olaine
олайск(ий) = Olaines
Ольсяды = Alsėdži, liet. Alsėdžiai
ольсядск(ий) = Alsėdžu
Оникшты = Anīkšči, liet. Anykščiai
Oniškis = Onušķe, liet. Onuškis (Roķišķu rajonā un Traku rajonā)
Oppekaln, Оппекальн = Apukalns
оппекальнск(ий) = Apukalna
Oseln bei Rönnen = Ozoli, Ozolmuiža (Rendā)
Ost-Livland jeb Ostlivland = austrumu Vidzeme
Ошенекен, Ohscheneeken = 1) Ošnieki (Grobiņā), 2) Ošenieki (Lutriņos)

Ошмянский уезд = Ašmėnas (liet. Ašmėna), Ošmjanu apriņķis (Baltkrievijā)
Pabbasch, Паббаш = Pabaži
Paddern, Паддерн = Padure
Paliepių sodžius = Paliepji
Palzmar, Пальцмар = Palsmane
Paltemal, Пальтемаль = Paltmale
Паньково = Pankova (bij. Purvmales pag., austrumos no Viļakas)
Pastenden, Пастенден = Pastende
Pebalg, Пебальг = Piebalga
Pernigel, Пернигель = 1) Meķe jeb Perniģele (Liepupē), 2) Liepupe
Petersb. = Petersburg, Pēterburga jeb Pēterpils, tagad Ļeņingrada
Peterskapelle, Петерскапелла = Pēterupe (Bīriņos)
Пикстерн, Pixtern = Pikstere (Sunākstē)
Pilkallen = Pilkalne, liet. Pilkalnis jeb Pilkainis, tagad Dobrovoļska (Kaļiņingradas apgabalā)
Pilsaten = novads XIII gs. Kursas dienviddaļā
Pilten, Пильтен = Piltene
Piterburga = Pēterburga
Pliskava = Pleskava (Псков)
Подлипье = Podlipje (bij. Purvmales pag.)
Поярково = Pojarkova (bij. Purvmales pag., austrumos no Viļakas)
Polangen = 1) Palanga (Lietuvā), 2) Palangas (Valtaiķos)
Polnisch-Livland = Poļu Vidzeme
Poļu Vidzeme = Inflantija resp. Latgale
помпянский = Pumpėnu (liet. Pumpėnai)
Поневеж = Panevėža, liet. Panevėžys
понев(ежский) = Panevėžas
Popen, Попен = Pope
Pormsahten, Пормсатен = Purmsāti
Posendorf, Позендорф, Pozendorfa = Pociems
Preekuln, Прекульн = Priekule
Preili, Прейли = Preiļi
Прейсиш-Кроттинген = *vācu* Deutsch-Crottingen, Kretingale, liet. Kretingalė
Прекульн = Priekule
прекульнск(ий) = Priekules
Preussen = Prūsija
preussische Letten = kurši (Klaipēdas novadā)
Preussisch-Litauen = Prūšu Lietuva jeb Mazlietuva
Prökuls = Priekule, liet. Priekulė
Prūsija = Senprūsija, vēlākā Austrumprūsija
Prūsijas Lietava — skat. Prūšu Lietava un Mazlietava
Прусская Литва = Prūšu Lietava
Prūšu Lietava — skat. Mazlietava
Puhren, Пурен = Pūre
Pundere = Punderi (kādreiz Slampē)
Purvmale = bij. pagasts austrumos no Viļakas (tagad daļēji KPFSR Pleskavas apgabalā)
Pussen, Пуссен = Puze
R. = Rīga
Ragnit = Ragaine, liet. Ragainė, tagad Ņemana (Kaļiņingradas apgabalā)
Raibi = Raibi jeb Reibji (Dricēnos)
Raipol, Райполь = Raipole (Nirzā)
Ramkau, Рамкау, Рамкава = Ranka
Рамслов = Ramslova (Zvirgzdenē pie Ludzas)
Ranken, Ранкен = Raņķi
Rastenburg = Rastenburga, tagad Kentšina, pol. Kętrzyn (Polijā)
Rawen, Равен = Rāva
Разсеки = Razsieki (bij. Purvmales pag.)
Ремерсгоф, Römershof = Skrīveri
Remten, Ремтен = Remte
Renzen, Ренцен = Rencēni
Ретов = Rietava, liet. Rietavas
Rēvele = Tallina
Режица, Rositten = Rēzekne
Rig., Rigaer, Rigasch = Rīgas
Rinde = Rinda (Popē)
Rindseln = Rindzele (Zentenē)
Ringen, Ринген = Reņģe (Rubā)
Рингмундсгоф, Ringmundshof = Rembate
Ряжский уезд = Rjažskas apriņķis
Роговка = Nautrēni jeb Rogovka
Römershof, Ремерсгоф = Skrīveri
Ronneburg, Роннебург = Rauna
Rönnen = Renda
Rositten = Rēzekne

Rosittenscher Kreis = Rēzeknes apriņķis
Росс(иенский) у(езд) = Raseiņu (liet. Raseiniai) apriņķis
Rossitten = Rasīte, liet. Rasytė, tagad Ribačija (Kaļiņingradas apgabalā)
Ротгоф, Rothof = Sarkanmuiža jeb Venta
Rudbahren, Рудбарен = Rudbārži
Руцау jeb Руцава = Rucava
Rudden, Рудден = Rude (Valtaiķos)
Rujen, Руен = Rūjiena
Rundany, Рунданы = Rundēni
Rund-George = Bendiki, liet. Bendikai
Russisch-Litauen = Krievu jeb Krievijas Lietuva
Rutzau, Руцау jeb Руцава = Rucava
Sackenhausen, Сакенгаузен = Saka
Sahrzen, Сарцен = Sārcene (Laidzē)
Сакенгаузен = Saka
Salanty = Salanti, liet. Salantai
Salisburg, Салисбург, Залисбург = Mazsalaca jeb Mazsalace
Saločiai = Saloči (Lietuvā)
Samiten, Самитен = Zemīte
Samland = Sambija (pussala Kaļiņingradas apgabalā)
Sarkau, Заркау = Sarkava (Kuršu kāpās, tagad Kaļiņingradas apgabalā)
Sarnaten, Сарнатен = Sārnate
Sasmaka, Sasmacken, Сасмакен = Sasmaka, tagad Valdemārpils
сасмакенск(ий) = Sasmakas
Sauken, Саукен = Sauka
Saussen, Сауссен = Sausnēja
сауссенск(ий) = Sausnējas
Sawensee, Савензе = Sāviena
Савинцы = Savinci jeb Savinči (bij. Purvmales pag.)
Schlampen = Slampe
Schlehk, Schleck, Шлек = Zlēkas
Schlock, Шлок = Sloka
Schlossberg = Pilskalne
Schoden = Skoda, liet. Skuodas
Schrunden, Scrunden, Шрунден = Skrunda
Сеццен, Сецен, Setzen = Sece
сецценский = Seces
Segewold, Зегевольд = Sigulda
Selburg, Зельбург = Sēlpils
Selsau, Зельзау = Dzelzava
Semgallen, Semigallien = Zemgale
Sentatze = Sentace, liet. Sentakė (Klaipėdas novadā)
Сепкуль = Pāle
Serben, Зербен = Dzērbene
Serbenten = (?) Serbenti (tagad Kaļiņingradas apgabalā)
Serbigal, Зербигал = Cirgaļi jeb Aumeisteri(s)
Sessau, Сессау, Сессава = Sesava jeb Seseve
Setzen, Сеццен, Сецен = Sece
Sidobre = Sidrabene (XIII gs. Zemgales dienvidos)
Siggund, Сиггунд = Sidgunda
Sinohlen, Синолен = Sinole
Siuxt, Жукст = Džūkste
Skoda = liet. Skuodas
Слоним, Slonima = Slonima (Baltkrievijā)
Словики = Slaviki, liet. Slavikai
Smilten, Смильтен = Smiltene
Soloki = Salaki, liet. Salakas
Соннакст = Sunākste
СПб., SPb. = Санкт-Петербург
Stakaldanga = Stakeldanga jeb Stakeldanga (Lažā)
Stalgen = Staļģene (Jaunsvirlaukā)
Старо-Аутц = Vecauce
Старо-Кальценау jeb Старо-Кальценава = Veckalsnava
Старо-Пебальг = Vecpiebalga
Stenden, Стенден = Stende
Строкен = Stroķi (Vecpilī)
Strutte = (?) Stroķi (Vecpilī)
Strutteln, Струттельн = Strutele
Stukmaņi = Pļaviņas
Стульпино = Stulpina (bij. Purvmales pag.)
Суббат = Subate
Sudauen = Sūduva jeb Sūdava jeb Jātva (seno jātvingu zeme)
Südwest-Kurland = dienvidrietumu Kurzeme
Suhrs, Зурс = Zūras
Сунцельн, Sunzel = Suntaži
Suvalki, Сувалки = Suvalki, liet. Suvalkai, tagad Suwałki (Polijā)
Сувалкская губерния = Suvalku guberņa
Svėdasai = Svēdasi (Lietuvā)
Sventāja = liet. Šventoji (upe)

Шав., Шавли = Šauļi, liet. Šiauliai
ширвинтский = Širvintu (liet. Širvintos)
Шлек, Schlehk = Zlēkas
Шлок, Schlock = Sloka
Шмарден = Smārde
Шнепельн = Snēpele
Шрунден, Schrunden = Skrunda
Штокмансгоф = Pļaviņas
Šv. = Šventoja, liet. Šventoji (Kretingas rajonā)
Шваненбург = Gulbene
Tals(s)en, Тальсен = Talsi
Talsenscher Kreis = Talsu apriņķis
Targeln, Таргельн = Tārgale (Venta)
Taunagi, Тавнаги = Taunaga (Dricēnos)
Tauroggen = Taurag̊e, liet. Tauragė
Taurup, Таурун = Taurupe
Tāši, *vācu* Telssen (Liepājas rajonā)
Тавнаги = Taunaga (Dricēnos)
Telse, Telssen = Tāši (Liepājas rajonā)
Telš., Telsz, Тельши = Telši, liet. Telšiai
Telszscher Kreis, Kreis Telsz, Тельшевский уезд = Telšu apriņķis
Terneja (Valmieras rajonā)
Tirsen, Тирзен = Tirza
Todayten = Tadaiķi
Trāškūnu = Troškūnu (liet. Troškūnai)
Treiden, Трейден = Turaida
Treppenhof, Треппенгоф = Trepe (Vīpē)
Трибуки = Triboki jeb Tribuki (Pildā)
Trikaten, Трикатен = Trikāta
Tuckum, Тукум = Tukums
Tuckumscher Kreis = Tukuma apriņķis
Turlau, Турлау jeb Турлава = Turlava
Tuteņi = Tutini (Zvirgzdenē)
Тверец, Твереч = Tverečus jeb Tvereča, liet. Tverečius
тверечск(ий) = Tverečus jeb Tverečas
Udsen, Удзен = Udze (Bērzē)
Ugahlen, Угален = Ugāle
угаленск(ий) = Ugāles
Unseten, Usaiķi = Ūsaiķi (Bunkā vai Priekulē)
Uordanga = Urdanga (Bunkā)
Usaiķi = Ūsaiķi (Bunkā vai Priekulē)
Uszawa = Užava
Ušpol' = Ušpaļi, liet. Ušpaliai
Vāczeme = Vācija
Wahnen, Ванен = Vāne
Вайноден, Wainoden = Vaiņode
Waldegahlen, Вальдегален = Val(de)gāle jeb Val(de)gale (Laidzē)
Walgalen, Вальгален = Valgāle jeb Valgale (pie Sabiles)
Walk, Валк = Valka
Wallhof, Валльгоф = Valle
Walteyten = (?) Valtaiķi
Ванен, Wahnen = Vāne
Warkland, Варкланд jeb Варклянд = Varakļāni
Ватран, Wattram = Vatrāne
Vaukluse = Sikšņi (Gaujienā)
Vec-Sieksāti jeb Vec-Sieksāte (Skrundas apvidū)
Weinschenken, Вейншенкен = Vīšiņķi (Remtē)
Weissensee, Вейссензе = Plātere vai Baltmuiža (Lašos)
велёнск(ий) = Veļonas (liet. Veliuona)
Wenden, Венден = Cēsis
kurische Wenden = vendi (XIII gs. Cēsu novadā)
Venzava = Vendzava (Ziņā)
West-Kurland, Westkurland = Rietumkurzeme
West-Livland = Rietumvidzeme
Вибинген, Wibingen = Vībiņi (Embūtē)
Wiezemhof, Виценгоф = Vijciems
виценгофск(ий) = Vijciema
Vietalvas Odziena = Odziena
Вилкомир. = Вилкомирский уезд, Ukmerg̊es jeb Vilkmerg̊es (liet. Ukmergė jeb Vilkmergė) apriņķis
Vilnius = Viļņa
Wilnoscher = Viļņas
Wilsenhof = Vilzēni
Виляны = Viļāni
Winda = novads XIII gs. Kursas zieme|da|ā

Windau = 1) Venta (upe), 2) Ventspils, 3) Elšķene (Sarkanmuižā jeb Ventā)
Winden = ? (vai kļūda vārdā Windau?)
Wirben, Вирбен = Virbi
Wirgen, Вирген = Virga
Wirginahlen, Виргинален = Vērgale
Virķēni (Rūjienā)
Wisborienen = Visbari, liet. Visbarai (tagad Kaļiņingradas apgabalā)
Витебская губ(ерния) = Vitebskas guberņa
Владиславов = Kudirkas Naumieste, liet. Kudirkos Naumiestis
Владиславовский уезд = Kudirkas Naumiestes apriņķis
вобольнинск(ий) = Vabalninkas (liet. Vabalninkas)
Водакли = Vadokļi, liet. Vadokliai
Водакты = Vadakti, liet. Vadaktai
Wolmar, Вольмар = Valmiera
Вольмарсгоф, Wolmarshof = Valmiermuiža
Вольмарский уезд = Valmieras apriņķis
вольмарск(ий) = Valmiermuižas, Valmieras
Vorkova, Воркова = Vārkava
Wormen, Вормен = Vārme jeb Vārma
Ворни = Varņi, liet. Varniai
Восточная Пруссия = bij. Austrumprūsija
Vredecuronia = novads XIII gs. Kursas ziemeļdaļā
Würzau, Вюрцава = Vircava
Залисбург = Mazsalaca jeb Mazsalace
Зальвен = Zalve jeb Zalva
Замитен = Zemīte
Зельбург = Sēlpils
Зельтингсгоф = Zeltiņi
Зельзау = Dzelzava
зельзауск(ий) = Dzelzavas
Zemgalija = Zemgale
Zempen, Zempenhof, Цемпен = Cempi (Jaunvālē)
Зербен = Dzērbene
Зербигал = Cirgaļi jeb Aumeisteri(s)
Зесвеген = Cesvaine
зесвегенск(ий) = Cesvaines
Zierau, Zirau, Цирау = Cīrava
Зимигола = zemgaļi
Zire jeb Dzire = Ziŗa jeb Dziŗa
Зирген = Ziŗa jeb Dziŗa
Zlēka = Zlēkas
Зурс = Zūras
Звирдзен = Zvirgzdine jeb Zvirgzdene
Zýtela = liet. Zietala, Dzjatlova (Baltkrievijā)
Жагары = Žagare, liet. Žagarė
Žardė = Žarde (Lietuvā)
Žeime, Žeimelis = Žeimelis jeb Žeime, liet. Žeimelis jeb Žeimis
Жукст = Džūkste
Жварден = Zvārde

SATURA RĀDĪTĀJS
[СОДЕРЖАНИЕ. INHALTSVERZEICHNIS]

1907

О происхождении литовско-латышского *ie* [Par leišu un latviešu *ie* cilmi. Über den Ursprung des litauisch-lettischen *ie*] . . 9

1908

Atbilde P. Šmidta atbildei Latvijas 19. nov. numurā [Ответ на ответ П. Шмидта, опубликованный в номере газеты «Latvija» от 19 ноября. Antwort auf die Antwort P. Schmidts in der «Latvija» vom 19. November] 31

Arī drusku par ortografiju [Также немного об орфографии. Auch einiges zur Orthographie] 34

Vēlreiz par Ūsiņu [Еще раз об Усине. Nochmals über Ūsiņš] . . 36

О родственных отношениях латышских говоров к литовским [Par latviešu un leišu izlokšņu radnieciskajām attieksmēm. Über die Verwandschaftsverhältnisse der lettischen Mundarten zu den litauischen] 41

1. Сходство восточнолатышского наречия с литовским языком вообще 42
   A) В области фонетики 42
   B) В области морфологии 44
   C) В области семасиологии и лексикона 46

2. Сходство восточнолатышского наречия с жемайтским наречием 47
   A) В области фонетики 47
   B) В области морфологии 48
   C) В области семасиологии и лексикона 51

3. Сходство жемайтского наречия с латышским языком вообще 51
   A) В области фонетики 51
   B) В области морфологии 52
   C) В области семасиологии и лексикона 53

К вопросу о видовом значении латышских сложных глаголов [Latviešu salikto verbu darbības veidu nozīmes jautājumā. Zur Frage der Aktionsartbedeutung der lettischen zusammengesetzten Verba] 57

Еще о латышском дебитиве [Vēl par latviešu dēbitīvu. Weiteres über den lettischen Debitiv] 64
Несколько этимологий [Dažas etimoloģijas. Einige Etymologien] [ла. *piere*, скр. *gāhatē*, лит. *aukauti*, скр. *garjati*, ла. *priēde*, ла. *lišķis*, ла. *kukt*, ла. *sudmalas*, ла. *đunêt*, av. *naēza-*, ла. *nasks*, ла. *birde*] 70

1909

Фонетические изменения и их причины [Fonētiskās pārmaiņas un to cēloņi. Phonetische Veränderungen und deren Ursachen] 74
Lettische Miszellen [Latviešu valodas sīkumi. Мелочи латышского языка] 84
1. Zur Wirkung der proklitischen Stellung 84
2. Zur Vokaldehnung vor *r* 85
3. Zur spontanen Konsonantenerweichung 85
4. Lexikalisch-etymologische Beiträge [*māteres, iz-tilt, zvildzu, pęlvas, *miels, krievs, sirna, greṁtiês, kauss, nuogs, uose, seime* jeb *saims, smirds*] 87
Zum lettischen Präteritum [Par pagātni latviešu valodā. К вопросу о прошедшем времени в латышском языке] 90
I. Zu den Personalendungen 90
II. Zur Verteilung des *ā* und *ē* im Stammesauslaut . . . 95
III. Zur Wurzelform 126

1910

Ievadījums valodniecībā [Введение в языкознание. Einleitung in die Sprachwissenschaft] 131
О судьбе носовых звуков в латышском языке [Par nāseņu likteni latviešu valodā. Über das Schicksal der Nasallaute im Lettischen] 144
Этимологические мелочи [Etimoloģiski sīkumi. Etymologische Miszellen] [ла. *-dabls*, лит. *-gu* : греч. *-χυ*, ла. *āvîties*, старолит. *-pie?*, лит. *jękti*, ла. *skapstît*, лит. *vagà* un ла. *vaga*, ла. *ūpis*, ла. *ciba*, лит. *glúosnis*, ла. *siẽkalas*, скр. *kacchū-*] 160
Zviedru valodnieks Torbiörnsons . . . [Шведский языковед Торбиёрнссон . . . Der schwedische Sprachwissenschaftler Torbiörnsson . . .] 166

1911

Славяно-балтийские этюды [Slavu un baltu valodu studijas. Slavisch-baltische Studien] 167
Предисловие 167
К вопросу о славяно-балтийском праязыке 170

A. Из области фонетики 172

Отношение прабалт. *ur, ul, um, un* и праслав. *ъr, ъl, ъm, ъn* к прабалт. *ir, il, im, in* и праслав. *ьr, ьl, ьm, ьn* 172

Упрощение «двойных» согласных 190

Совпадение звонких и звонких придыхательных взрывных; переход *-m* в *-n*; отпадение *-d* и *-t*; выпадение *d* перед *m* и *v* 193

Судьба иде. *s* после *r, k, i, u* (в литовском 194—222 [после *r* 194—198; после *k* 198—203; *ks-* : *sk-* 203—213; *š* после *i, u* ? 213—221; *š* из *s* между *i* и *k* 216—219]; в прусском 222—229 [пр. формы творит. пад. ? 223[106]; судьба сочетания *sj* 226—229]; в славянском 229—234 [*x* из *s* не после *r, k, i, u* 230—232]; *z* из *s* 234—238) 194

jau из *eu* 238

au̯ из *eu̯* не перед *e, i* (балт. *a* из *e* перед *ra, la, na* 247—251; *va-* из *ve-* перед *a* 249[147]; удлинение гласных под побочным ударением 256 слл.[161]) 243

Утрата *u̯-* перед *r* и *l* 261

Совпадение в переносе ударения 261

Совпадение иде. *a* и *o* 262

Судьба иде. *-dd(h)-* в славянском (лит. *zd* из *žd* 265—270) 264

Слав. *x* из иде. *kh* 270

B. Из области морфологии 281

Общие явления словообразования 281

Из именной флексии 285

a) Из склонения основ на *-(i)o* (gen. s. 285—290; nom. pl. 290—303 [балт. утрата формы III л. множ. ч. 291—292; судьба акутованных конечных слогов в литовском 294—298; праслав. *-i* вместо *-ě* 298—303]; dat. pl. 303—308 [праслав. *-ъ* из иде. *-os*? 305—308]; dat. s. 308—311; instr. pl. в славянском 311—314 [авест. instr. pl. на *-uš*? 311—313]; лит. voc. s. 314; instr. s. 314; лит. loc. s. 315—316 [формы loc. s. на *-ie* и *-i* 315; пр. и лит. наречия на *-ai* 315[280]]; acc. pl. 316—319 [лит. *ái* из акутованного *ą*? 319[293]]) 285

b) Из склонения основ на *-ā* 319

c) Из склонения основ на *-i* и на *-u* (nom., gen. pl. 320—325 [слав. *ьj* из *ej*? 320—323; балт. nom. pl. 323—325; лат. gen. s. 323 сл.[304]; иде. *-es* в литовском 323—324; лит. nom. pl. на *-ies* 324[305]; выпадение гласных в латышском после *j* и *v* 324—325]; loc. s. основ на *-i* в литовско-латышском 325—327; loc. s. основ на *-u* в литовско-латышском 326—327) 320

d) Из склонения основ на согласные 327

Из местоименной флексии 327
a) Личные местоимения (gen., dat. s. 327—328 [*mun-* 328]; acc. s. [пр. *mien, tien, sien*] 328—331; nom. pl. 331; косвенные падежи множ. ч. 331—332; [притяжательные местоимения 331—332]) . . . 327
b) Указательные и вопросительные местоимения (gen. s. 332—335 [пр. dat. s. *maiāsmu, twai(ā)smu, swaiāsmu* 335]; dat., loc. s. 335—336) 332
Из глагольной флексии 336
C. Из области синтаксиса 336
D. Сходство словарного состава 338
Глаголы 339
Имена 340
Наречия, предлоги и частицы 344
Заключение 346
Дополнения и поправки 348
Указатель слов 351
Valodas sīkumi [Языковые мелочи. Sprachliche Miszellen] . . . 355
1. *Dažs «labs»* un senlatv. *«labieši»* 355
2. Ventas vārds un kūru tautība 357
3. Vāczeme 359
Valodas sīkumi [Языковые мелочи. Sprachliche Miszellen] . . . 361
Par piedēkli *-ava* 361
Pārskats par leišu valodniecību [Обзор литовского языкознания. Übersicht über die litauische Sprachwissenschaft] 363
Vai Baltijā ir dzīvojuši ķelti? [Жили ли в Прибалтике кельты? Haben Kelten im Baltikum gelebt?] 371
Piemetinājumi rakstam par ķeltiem Baltijā [Дополнения к статье о кельтах в Прибалтике. Ergänzungen zum Aufsatz über die Kelten im Baltikum] 375
Piezīmes par muižu vārdiem un vietu nosaukumiem vispāri [Замечания о названиях имений и топонимических названиях вообще. Bemerkungen über Güternamen und Ortsnamen im Allgemeinen] 376
Baltica 378
1. Eine baltische Parallele zum Gebrauch des air. *ro* . . . 378
2. Zu den lettischen Intonationen 379
3. Zum litauischen Akzent Daukšas 381
4. Etymologien [air. *trén*, air. *gair*, lett. *sipsna*, lett. *pētît*, lett. *dzirši*, lat. *sonus* und *sonare*, griech. δοῦπος, lett. *ēcis*, alban. *uĺk*, alban. *preǵim*, lett. *luõps*, lett. *miesluoties*, apr. *wipis*, lett. *vędga*, lett. *pušķis*, lett. *kãmêt*, lett. *kaparuoties*, alit. *austis*, an. *pûki*, lett. *svaipît*, lett. *grima*, lett. *viepe*, lett. dial. *akrims*, lett. *dradži*, russ. *вóдополь* und *половóдье*, lett. *struôstît*, lett. *(iz)muôzêt*, lett. *màlks* oder *màlka*, lett. *zalba*, sloven. *šutec*, lett. *audaļa*, lit. *gùtba*, lit. *nartint*, lit. *kainas*, gr. οἴφειν, lit. *prisimuolėti*, lit. *aps(i)taũsė*, lit. *táukas*, lett. *gūrâties*] 389

1912

Latviešu valodnieki un inflantiešu izloksnes [Латышские языковеды и инфлянтские говоры. Lettische Sprachwissenschaftler und die infläntischen Mundarten] 402

Programma izlokšņu aprakstiem [Программа описаний говоров. Programm für das Beschreiben von Mundarten] 404

Отчет о летней командировке 1911 г. в Курляндскую, Лифляндскую и Витебскую губернии для изучения латышских говоров [Ziņojums par komandējumu 1911. g. vasarā uz Kurzemes, Vidzemes un Vitebskas guberņu latviešu izlokšņu pētīšanai. Bericht über die Studienreise im Sommer 1911 in die Gouvernements Kurland, Livland und Witebsk zur Erforschung der lettischen Mundarten] 416

О «вставочных» *k* и *g* в балтийских языках [Par «iespraustiem» *k* un *g* baltu valodās. Über die «eingeschobenen» *k* und *g* in den baltischen Sprachen] 420

«Подвижное» *s-* в латышском языке [«Mobilais» *s-* latviešu valodā. Das *s-* «mobile» im Lettischen] 434

Über die Nationalität und Sprache der Kuren [Par kuršu tautību un valodu. О национальности и языке куршей] 440

Par seno kursu (jeb kuršu) tautību un valodu [О национальности и языке древних курсов (или куршей). Über die Nationalität und Sprache der alten Kuren] 454

О происхождении праславянских инфинитивов на *-nǫti* [Par senslavu infinītīvu ar *-nǫti* cilmi. Über den Ursprung der urslavischen Infinitive auf *-nǫti*] 466

Varia 469

1. Zu gr. συ für τυ 469
2. Zu etr. ἄριμος «Affe» 471
3. Zu lat. *crātis* 472

1913

Vai nevalodnieki spēj talkā nākt valodniekiem? [Могут ли неязыковеды оказать помощь языковедам? Können Nicht-Sprachwissenschaftler Sprachforschern behilflich sein?] 473

Par Bērzaunes vārdu [О названии *Bērzaune*. Über den Namen *Bērzaune*] 476

Latvieši un latgalieši [Латыши и латгальцы. Letten und Lettgaller] 477

Отчет о летней командировке 1912 г. в Курляндскую, Лифляндскую и Витебскую губернии для изучения латышских говоров [Ziņojums par komandējumu 1912. g. vasarā uz Kurzemes, Vidzemes un Vitebskas guberņu latviešu izlokšņu pētīšanai. Bericht über die Studienreise im Sommer 1912 in die Gouvernements Kurland, Livland und Witebsk zur Erforschung der lettischen Mundarten] 480

Лингвистические мелочи [Lingvistiski sīkumi. Linguistische Miszellen] 484

1. О происхождении древнерусского и западнославянского *-ě*, соответствующего южнославянскому *ę* . . . 484
2. Болг. *пендесет* и *девендесет* и *nd* из *dd* 487
Litauisch-lettische Miszellen [Leišu un latviešu valodas sīkumi. Литовско-латышские лингвистические мелочи] 488
1. Zum lit.-lett. *ie (ē)* 488
2. Aus dem «Compendium Gramaticae Lithvanicae Theophili Schultzen» v. J. 1673 498
3. Beiträge zur litauischen Dialektologie von Dr. Alexander Doritsch 500
Zu den kurischen Bestandteilen des Lettischen [Par kursismiem latviešu valodā. О куршских элементах в латышском языке] 504
Weiteres zu den lettischen Intonationen [Vēl par latviešu intonācijām. Еще о латышских интонациях] 513
1. Die Negation *nê* «nein» 513
2. Intonationen der Suffixsilben 514
3. Wechsel der Intonationen (Metatonie) 516
4. Die Intonationen in Lehnwörtern aus dem Russischen . . 524
Miszellen [Sīkumi. Лингвистические мелочи] 528
1. Zur Betonung der litauischen Verbalsubstantiva auf *-imas* 528
2. Über lit.-lett. *ui*, Kürzung der Langdiphthonge und den Akk. und Instr. Plur. der *o*-Stämme 529
3. Die litauischen Dualformen auf *-e* 533
4. Litauische Verbalformen der 3. P. Plur. Präs. 534
5. Lit. *tiẽ*, lett. *tiẽ*, apr. *stai* 534
6. Etymologisches [lett. *žaut*, lett. *vāluôdze*, lett. *buzga*, lit. *ulbeli* und *ulbinu*, lett. *vàrsmis*, lett. *smudži*, lett. *vàlîtes*, lett. *depsis*] 535
Nachschrift 536

1914

Piezīmes [Заметки. Bemerkungen] 538
Par vārdiem *moderniecība* **un** *pienotava* [О словах *moderniecība* и *pienotava*. Über die Wörter *moderniecība* und *pienotava*] 541
Par *latviešu* **vārdu** [О слове *latvieši* «латыши». Über den Namen *latvieši* «Letten»] 542
Reibinoši **vai** *reibināmi* **dzērieni?** [*Reibinoši* или *reibināmi* «хмельные» напитки? *Reibinoši* oder *reibināmi* «berauschende» Getränke?] 543
Kâ vācieši rauga pierādīt, ka Baltija sena vācu zeme [Как немцы тщатся доказать, что Прибалтика — древняя немецкая земля. Wie die Deutschen zu beweisen versuchen, daß das Baltikum altes deutsches Land ist] 545
Vecā Stendera Latviešu gramatika un vārdnīca [Латышская грамматика и словарь Старого Стендера. Die Lettische Grammatik und das Wörterbuch des Alten Stenders] . . . 548

Латышская параллель к польск. *bóg* : *bok* **и др.** [Latviešu paralēle ar poļu *bóg* : *bok* u. c. Eine lettische Parallele zu poln. *bóg* : *bok* u. a.] 554

1916

Kārļa Mīlenbacha darbi valodniecībā [Работы Карлиса Мюленбаха в области языкознания. Die sprachwissenschaftlichen Werke Karl Mühlenbachs] 556

Par inflantiešiem un viņu izloksni [Об инфлянтцах и их говоре. Über die Inflantier und ihre Mundart] 561

Par Gaujas vārdu [О названии *Gauja*. Über den Namen *Gauja*] 565

Заметки о балтийских именных основах на *-(j)ē* **и** *-jo* [Piezīmes par baltu nominālajiem *-(j)ē-* un *-jo*-celmiem. Bemerkungen zu den baltischen Nominalstämmen auf *-(j)ē* und *-jo*] . . 567

К литовской акцентуации и именит. пад. множ. ч. основ на *-o* [Par leišu akcentu un *o*-celmu daudzsk. nominatīvu. Zur litauischen Akzentuation und zum Nom. Pl. der *o*-Stämme] 591

Recenzijas [Рецензии. Besprechungen] 607

1908

Rakstu krājums, Rīgas Latv. biedrības Zinību komisijas izdots. XIV krājums. Rīgā 1908. g. 607

Латышская грамматика летгальского наречия. Составил А. Д. Скринда (1908.) 614

1909

В. А. Богородицкий, заслуженный ординарный проф. императорского Казанского университета. Очерки по языковедению и русскому языку. Издание 2-е, исправленное и значительно дополненное (1909.) 618

Būga Kasimir. Aistiški studijai. Tyrinėjimai lygintinjo prūsų, latvjų ir lietuvjų kalbômoksljo srityję. I-oji dalis (1908.) . . . 631

1910

Erich Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch (1908.—1909.) 636

Vācu-latviešu vārdnīca. Sastādījis J. Dravnieks (1910.) 651

Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Einleitung, Texte, Grammatik, Wörterbuch von Dr. Reinhold Trautmann (1910.) 659

1911

Rakstu krājums, Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisijas izduots. XV krājums. Rīgā 1911 680

1912

J. A. Dubura Latweeschu fonetikas aḫbeze (1912.) 686
Э. А. Вольтер. Следы древних пруссов и их языка в Гродненской губернии (1912.) 693
P. Šmidts. Etnografisku rakstu krājums. I (1912.) 695

1913

Rakstu krājums, Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisijas izduots. XVI krājums. Rīgā 1912 699
Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literärischen Gesellschaft. Zwanzigsten Bandes viertes Stück. Mitau 1913 702

1914

Rakstu krājums, Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisijas izduots. XVII krājums. Rīgā 1914 705
J. Leca Ārieši-latvieši. Jelgavā 1914 711
Отзыв о медальном сочинении [Г. Ахвледиани] на тему: «Очерк истории плавных и носовых согласных в санскрите, греческом, латинском и славянских языках», под девизом: «Per angusta ad augusta» 713
Indogermanisches Jahrbuch. Im Auftrag der Indog. Gesellschaft herausgegeben von Albert Thumb und Wilhelm Streitberg. I. Band, Jahrgang 1913 717

1915

М. Фасмер. Исследование в области древнегреческой фонетики (1914.) 720

1916

Kr. Barons und H. Wissendorffs. Latwju dainas. I—VI (1894.—1915.) 730
Српска краљевска академија. Посебна изданьа, књига XLII. Философски и филолошки списи, књига 11. Акценатске студије, књ. I. Д-р А. Белић (1914.) 738

Saīsinājumi literatūras citējumos 746
Citi saīsinājumi 774
Vietu vārdu tulkojumi resp. paskaidrojumi 782

Kļūdu labojums

Lpp.	Rinda	Iespiests	Jābūt
188	13. no apakšas	Budde	Bugge
220	18. no apakšas	Budde	Bugge
505	7. no augšas	Burtneek	Burtneck
508	5. no apakšas	*btąkać*	*btąkać*
542	1. no apakšas	II 374.	II 374 sk.

JĀNIS ENDZELĪNS

DARBU IZLASE, II

S. Eleres mākslinieciskais noformējums.

Redaktors *S. Levi.*

Māksl. redaktors *G. Krutojs.*

Tehn. redaktore *M. Andersone.*

Korektores *E. Akišina, I. Kalniņa.*

Nodota salikšanai 1973. g. 25. septembrī. Parakstīta iespiešanai 1974. g. 18. oktobrī. Tipogrāfijas papīrs Nr. 1, formāts 60×90¹/₁₆. 50 fiz. iespiedl.; 50 uzsk. iespiedl.; 48,30 izdevn. l. Metiens 1500 eks. JT 02147. Maksā 3 rbļ. 47 kap. Izdevniecība «Zinātne» Rīgā, Turgeņeva ielā 19. Iespiesta Latvijas PSR Ministru Padomes Valsts izdevniecību, poligrāfijas un grāmatu tirdzniecības lietu komitejas Ogres tipogrāfijā Ogrē, Revolūcijas ielā 31. Pasūt. Nr. 4346.

LATVIJAS NACIONĀLĀ BIBLIOTĒKA
0305031674

Cena Rbļ. 3,47

JĀNIS
ENDZELĪNS

DARBU IZLASE

II